

ISSN 1810-1909

Вестник

ЧУВАШСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 4 2011

Гуманитарные науки

Научный журнал

Основан в марте 1995 г.

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»

Главный редактор

В.Г. Агаков, кандидат физико-математических наук, профессор

Заместитель главного редактора

В.В. Афанасьев, доктор технических наук, профессор

Члены редакционной коллегии

А.Ю. Егоров, доктор экономических наук, профессор

А. Каппелер, доктор истории, университетский профессор

Г.Е. Корнилов, доктор филологических наук, профессор

Л.П. Кураков, доктор экономических наук, профессор

Е.К. Минеева, доктор исторических наук, доцент

Е.Л. Николаев, доктор медицинских наук, профессор

В.Г. Родионов, доктор филологических наук, профессор

Ответственный секретарь

Н.И. Завгородняя

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Адрес редакции: 428015, Чебоксары, Московский пр., 15,
тел. (8352) 45-20-96, 58-33-63 (доб. 2030)
e-mail: vestnik@chuvsu.ru
<http://www.chuvsu.ru/university/vestnik.htm>

УДК 93/99(470.343)

А.Г. АКШИКОВ

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ БЫТА ЗЕМСКИХ ИНТЕЛЛИГЕНТОВ МАРИЙСКОГО КРАЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Ключевые слова: земская интеллигенция, быт земской интеллигенции, земство.

Реконструированы и проанализированы такие черты быта земских интеллигентов Марийского края второй половины XIX в., как условия проживания, семейное положение. Наиболее тяжелыми были бытовые условия земских учителей, живших в большинстве своем в жилищах, не приспособленных для проживания. Попытки земств улучшить положение учителей не привели к существенным результатам. Некоторая часть учителей для обеспечения себя сельхозпродуктами вела приусадебное хозяйство. Около 50% земских интеллигентов состояли в браке. Однако большая часть учительниц были незамужними, так как в случае замужества им грозило увольнение.

A.G. AKSHIKOV

SOME FEATURES OF ZEMSTVO'S INTELLECTUALS MARI LAND LIFE IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

Key words: Zemstvo's intellectuals, zemstvo's intellectuals life, zemstvo.

In this article we are reconstructed and analyzed such features of everyday life, zemstvo's intellectuals of Mari land in the second half of the XIX century. As a condition of residence, marital status. The most difficult were the living conditions of zemstvo's teachers, who lived mostly in homes, not adapted for living. Zemstvo's attempts improve the situation of teachers have not led to significant results. Some of the teachers to ensure that agricultural products were a pomestead aarm. About 50% of zemstvo's intellectuals were married. However, most teachers were unmarried, as in the case of marriage, they were threatened with dismissal.

Быт земских интеллигентов (преподавателей, медицинских и ветеринарных работников и др.) Марийского края (нынешняя территория Республики Марий Эл) никогда не изучался. В данной работе мы обратимся к анализу некоторых элементов их быта.

Наиболее подробно в источниках выявляются жилищные условия земских преподавателей. У других профессиональных групп этот элемент быта выражен слабо – в разной степени подробностей.

Жилищные условия учителей, как правило, оставляли желать лучшего. Учителя жили либо в квартирах при училищах, либо в квартирах, которые они снимали у крестьян. Поначалу учителя платили за наемные квартиры из своих средств, но со временем земства стали платить ряду учителей квартирные деньги. Однако не все их получали, в частности – помощники учителей. Не полагались им также квартиры при училищах. Например, в Царевококшайском уезде в 1899 г. насчитывалось 79 преподавателей, из них лишь 20 учителей получали квартирные деньги по 24 руб. в год каждый [8. С. 28].

В марийской части Козьмодемьянского уезда (т.е. та часть уезда, которая располагается ныне на территории Республики Марий Эл) в 1888 г. насчитывалось 20 земских школ. Из них в 10 (50%) были предусмотрены квартиры для учителей, а учителя других 10 (50%) школ снимали квартиры [6]. В 1899 г. в волостях марийской части Козьмодемьянского уезда насчитывалось уже 26 земских школ. Следует отметить, что данные об обеспеченности училищ квартирами имеются только по 22 школам. Так, в 13 (59,1%) из них были квартиры для учителей, а в остальных 9 (40,9%) квартир не было. Количество училищ с квартирами для учителей возросло. Очевидно, что Козьмодемьянское земство стремилось удовлетворить потребности учителей в жилье. Однако

данные о площади некоторых пришкольных квартир позволяют усомниться в том, что они вполне подходили для проживания.

Отметим, что для квартир при училищах были характерны в большинстве случаев темнота, сырость, плохое освещение. Если учесть, что учителя-мужчины, как правило, были женаты, у них были дети, а часть учителей содержали на свои средства старых родителей, малолетних братьев и сестер, то их бытовые условия были крайне тяжелыми. Положение с квартирами при школах наглядно представлено в письмах земских учителей Царевококшайского уезда. Приведем выдержки из двух из них.

Учитель Кокшайского земского училища П. Модин писал в 1885 г. в Царевококшайскую уездную земскую управу: «Помещение под классом хорошее, но при нем нет квартиры для учителя, кроме одной миниатюрной комнатки, вообще удобства квартиры не безызвестны управе, ныне я был вынужден нанять для себя квартиру отдельно, ибо жить там семейному человеку совершенно невозможно» [4. Д. 277. Л. 191, 191 об.].

Учитель Мушераанского земского училища в 1886 г. сообщал управе следующее: «Квартира учителя, состоящая из небольших кухни и зальца, крайне тесна для семейного учителя, [неудобство] заключается еще и в том, что ученики Мушераанского училища, состоя преимущественно из окружных деревень, без отлучки находятся и ночуют в училище, постоянно беспокоя, а в отношении опрятности, почти невозможно соблюсти надлежащей чистоты, а потому необходимо бы было квартиру учителя совершенно отделить от помещения училища и построить чердак, <...> а настоящая квартира учителя: зал может отойти под помещение учеников с устройством в нем спальных нар и служить складом их провизии» [4. Д. 305. Л. 98-99].

Инспектор народных училищ В.Ф. Люстрицкий знакомый с ситуацией с пришкольными квартирами, предлагал Царевококшайскому земству ассигновать необходимую сумму для выдачи квартирных денег учителям. Он писал в 1885 г.: «Учителя и учительницы земских начальных училищ Царевококшайского уезда со стороны обеспечений квартирами поставлены в крайне неодинаковое положение: одни из них в училищах, имеющих собственные – нарочито построенные здания, живут в школьных зданиях и занимают более или менее удобные помещения, хотя и без хозяйственных, необходимых служб. Но так обставлено меньшинство преподавателей. Большая же часть их занимает чуланы, или небольшие комнаты, отделенные от классных комнат легкой досчатой переборкой, отчего квадратная площадь классов уменьшается, и преподаватели в течение суток обречены дышать испорченным школьным воздухом.

Наконец третья часть учителей и учительниц за неимением чуланов в училищных квартирах вынуждены бывают снимать на свой счет квартиру, часто вдали от училища.

Так как благоустроенный быт преподавателей служит залогом процветания школьного дела, а различное обеспечение преподавателей со стороны квартир служит весьма часто поводом к переводу учителей и учительниц из одного училища в другое, что в педагогическом отношении может иметь неблагоприятное влияние, то имею честь просить земскую управу ходатайствовать пред земским собранием об ассигновании суммы на наем квартир учителям и учительницам, на что, по-моему, необходимо будет 800 рублей в год» [4. Д. 277. Л. 201, 201 об.].

Предложение инспектора не возымело желаемого результата. Квартиры, продолжали оставаться в основном пришкольными, в редких случаях удобными для проживания. Такая ситуация с учительским жильем была характерна для всех земств Марийского края. Попытки земства как-то улучшить жилищные условия преподавателей картину заметно не меняли.

Фельдшера, фельдшерицы-акушерки, аптекарские помощники и аптекарские ученики во время службы, как и учителя, проживали либо в наемных квартирах, либо при больницах, фельдшерских пунктах, аптеках, если при них имелись квартиры. Врачи, ветеринары, провизоры Марийского края в большинстве снимали жилье. Характерно, что ни врачи, ни ветеринары, ни провизоры, как правило, не покупали в собственность жилье. Например, согласно составленному в 1895 г. Царевококшайской уездной земской управой списку лиц, служащих в Царевококшайском земстве, «с коих на основании ст. 40 Положения о государственном квартирном налоге, налог сей удерживается при выдаче содержания», можно узнать, что в городе Царевококшайске 2 врача, ветеринар, провизор и его помощник проживали в наемных квартирах. Из среднего медицинского персонала и младшего аптекарского (2 фельдшеров, фельдшерицы-акушерки, ветеринарного фельдшера, 2 аптекарских учеников), проживавших в городе, 3 жили в наемных квартирах, 1 – при аптеке и 2 – в домах родителей [4. Д. 485. Л. 30-32 об.].

То, что земские специалисты предпочитали жить при школах, больницах, аптеках, в наемных квартирах объясняется, по нашему мнению, следующим факторами. Во-первых, у ряда земских специалистов (учителей, фельдшеров, ветеринарных фельдшеров, фельдшериц-акушеров, аптекарских помощников) оклады не позволяли приобрести недвижимость и, в частности, жилье. Во-вторых, довольно высокой была текучесть кадров, т.е. земских специалистов не всегда устраивали условия труда, предлагаемые земством, и они покидали службу, перемещаясь в иное место жительства. В-третьих, не способствовала оседлости интеллигенции и частые перемещения с одного места службы в другое.

Перемещения инициировались земскими управами и училищными советами. Иногда перемещения носили массовый характер. Корреспондент газеты «Волжский вестник» из г. Царевококшайска в 1885 г. затронул тему перемещений в своей заметке о школьном деле в уезде. Он писал: «Наш училищный совет, вместе с земской управой, открыл наступающий учебный год походом против учительниц. Как где-то у Щедрина, медведь слопал чижику, так и у нас училищный совет показал свою власть на учительницах. Учительницы перемещались как шашки шахматной доски, только с иными основаниями, чем это делается у шахматистов. Около десятка перемещений произошло только против воли учительниц; всего более перетасовкам подвергались те, которые на прошлом земском собрании получили похвальные отзывы от членов училищного совета и денежные награды от земства. Чем они не угодили ныне училищному совету и управцам, неизвестно, только во всех этих перемещениях нельзя не заметить какой-то странной в деле просвещения – злобной нотки. Живших в городе и около города и находившихся в самых многочисленных русских школах учительниц разослали в глухие черемисские школы, некоторых даже в школы грамотности. Не хотелось бы думать, что все это произошло из каких-то частных побуждений, мести, личных счетов, но некоторые совпадения, быть может и случайные, невольно наводят на неприятные для членов училищного совета предположения» [2].

Имеются данные о том, что часть учителей при школах содержала скот, некоторые вели приусадебные хозяйства, чтобы обеспечить себя и своих близких продуктами питания. Это было нелишне, учитывая скромные оклады земских преподавателей. Широкому распространению этого явления препятствовала, прежде всего, практика земства по перемещению педагогов из одного училища в другое, исходя из своих соображений. С другой стороны, сами учителя по различным причинам не желали заниматься приусадебным хозяйством. Приведем, например, в каком положении оказался земский учитель Большешигаковского училища Царевококшайского уезда В. Воскресенский весной 1886 г., неожиданно узнавший о своем перемещении в другую школу. Он писал: «...Не откладывая времени, так

как и время было учебное и погода стояла ненастная – рассчитывать на лучший путь в будущем было немыслимо я должен был естественно позаботиться о скорейшем переезде, да на беду, не имея денег, должен был продать последнюю корову (а заготовленное в зиму сено оставил и оно пропало даром), нанять подводы, уложить то, что мог взять с собою из моего имущества, остальное оставить. Все, что было сделано в течение одних и тех же суток, делалось торопливо...» [4. Д. 305 а. Л. 221 об.]. Очевидно, что перемещения из одного училища в другое было для учителя подобно стихийному бедствию.

Интересные сведения об обеспечении учителей сельхозпродуктами и продуктами животноводства, их быте сообщает земский учитель Уржумского уезда И. Сильвестров в своем проекте о наделении школ приусадебными участками, адресованном Уржумскому уездному земскому собранию XXXV очередной сессии (1891 г.). Он писал: «...От садов и огородов должно увеличиться и благосостояние учителя. Можно полагать, что вознаграждение учащихся не вполне достаточно... Но вознаграждение учителя несколько пополнится, если при школах будут заведены сад и огороды. Каждый вилок капусты, каждый пуд картофеля, каждую луковицу учитель должен купить, но купить не по ценам городским, а вдвое и более дороже. Если не покупать, то приходится арендовать в 2-3 огородах по 1-2 грядки за неимоверно высокую цену, ибо крестьянин отдаст скорее душевой надел, нежели продаст хоть часть огорода. Сельскому учителю трудно иметь не только корову, но и курицу, ибо при редком училище имеются огороженные дворы и хлевы.

По окончании экзаменов преподавателей народных училищ ничто не держит в месте своего служения и каждый стремится перебраться к родным, знакомым или город. Школа пустеет до будущего года. С ранней весны и до поздней осени учащиеся не видят учителя, который бы дал или переменял им книжечку и с кем провел свободный часок в полезной беседе. Будь при школах сад и огород, едва ли какой преподаватель согласится бросить на произвол вверенное ему дело садоводство и огородничества, ибо в экономическом отношении он сам заинтересован не менее земства» [3. Л. 20, 20 об.]. Следует отметить, что пришкольных участков на территории Марийского края во второй половине XIX в. было мало.

Тяжелый быт земских учителей сказывался на их здоровье – физическом и духовном – негативным образом. Например, в начале 1885 г. газета «Волжский вестник» сообщила, что в Уржумском уезде в прошлом году от чахотки скончались 4 земских учителя, а учительница Ашланской земской школы Рослякова покончила жизнь самоубийством, утопившись в проруби. Из найденных писем покойной было установлено, что Рослякова жаловалась на «разочарование в жизни и на то, что она некому ненужный человек, так как никакой пользы она приносить не может» [1].

Перейдем к рассмотрению семейного положения земских интеллигентов. Данные за вторую половину XIX в. по этому вопросу скудны. Так, по сведениям о медицинском персонале Царевококшайского уезда в 1890 г. из 2 врачей был женат лишь один и имел 3 детей. Из 9 фельдшеров лишь 2 (22%) были холостыми. Из 7 женатых фельдшеров у 2 из них детей не было. У одного из фельдшеров было 4 детей, у двоих – 2 и у пятерых по одному ребенку [7. Л. 16-17].

Более подробную картину о семейном положении земской интеллигенции дают сведения начала века. Приведем данные по Козьмодемьянскому уезду за 1904 г. [5. Л. 3 об.-19 об.]. В это время на земской службе состояли 85 человек: 5 врачей, 1 ветеринарный врач, 11 фельдшеров, 3 фельдшерицы-акушерки, 3 ветеринарных фельдшера, 1 провизор, 1 помощник провизора, 1 аптекарский ученик, 59 преподавателей (23 мужчины и 36 женщин). Из 6 врачей (в том числе и ветеринарного врача) 5 женаты, из них у троих есть дети, от 1 до 4. Из 14 фельд-

шеров (в том числе и 3 ветеринарных) все женаты, из них у 11 есть дети, от 1 до 5. Из 3 фельдшер-акушеров 2 замужем, из них у одной 1 ребенок. Все аптечные работники холосты. Из 59 учащихся лишь 20 (33,9%) человек состояли в браке. Причем из 23 учителей 16 (52,2%) женаты, из них у 9 есть дети, от 1 до 5. Из 36 учительниц замужем всего 4 (11,1%), из них у 2 есть дети, от 2 до 3. Кроме того, в числе учительниц 2 (5,6%) вдовы, у одной из них есть ребенок. Таким образом, из 85 земских интеллигентов, относящихся к разным профессиональным группам, в браке состоял 41 (48,2%) человек. Из числа состоящих в браке имели детей 26 (63,4%) человек. Если говорить о количестве детей, имевшихся у того или иного земского служащего Козьмодемьянского уезда, отметим, что у 9 из них было по 1 ребенку, у 5 – по 2, у 5 – по 3, у 3 – по 4 и еще у 3 – по 5.

Из перечисленных сведений о семейном положении земских интеллигентов, бросается в глаза незначительный процент преподавателей состоящих в браке. Особенно это касается учительниц. Впрочем, по сравнению с фельдшерами процент женатых учителей гораздо меньше. Ситуация с незначительным количеством замужних женщин понятна – училищные советы выносили постановления, согласно которым вышедшая замуж учительница подлежала увольнению.

Из анализа некоторых черт быта земских интеллигентов можно сделать следующие выводы. Большая часть земских специалистов проживали либо в наемных квартирах, либо по месту работы – в квартирах при них. Из земских интеллигентов в наиболее тяжелых бытовых условиях проживали учителя. Их жилье в большинстве случаев плохо приспособлено для проживания. Для учительских квартир теснота, сырость, влажность, дымящие печи не были редкостью. Высокий уровень заболеваемости учителей во многом объяснялся неудовлетворительным состоянием их жилищ. Земства пытались переломить ситуацию с жильем, однако к концу XIX в. их старания не принесли заметных результатов. Некоторая часть учителей, чтобы обеспечить себя сельхозпродуктами, держала скот, арендовала участки земли под огороды. Рассматривая семейное положение земских интеллигентов, можно убедиться, что из них состояли в браке примерно 50%. Статистические показатели по доле состоящих в браке земских специалистов «портили» данные об учительницах, которые, исполняя учительскую должность, не должны были выходить замуж, иначе им грозило увольнение. По нашим данным, в семьях земских интеллигентов количество детей редко превышало 5.

Литература

1. Волжский вестник. 1885. № 17, 20 (1 февр.) янв.
2. Волжский вестник. 1885. № 239, 15 (27) окт.
3. Государственный архив Кировской области. Ф. 860. Оп. 1. Д. 27.
4. Государственный архив Республики Марий Эл (далее ГАРМЭ). Ф. 18. Оп. 1.
5. ГАРМЭ. Ф. 49. Оп. 1. Д. 1201.
6. Народные училища в Казанской губернии. Козьмодемьянский уезд. Материалы для истории народного образования. Казань, 1888.
7. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 2. Оп. 5. Д. 663.
8. Отчеты Царевококшайской уездной земской управы XXXVI очередному Царевококшайскому уездному земскому собранию о действиях с 1 июля 1899 года по 1 июля 1900 г. и денежные за 1899 год и за первую половину 1900 года. Казань, 1901. С. 28.

АКШИКОВ АЛЕКСАНДР ГЕННАДЬЕВИЧ – научный сотрудник отдела истории, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории имени В.М. Васильева, Россия, Йошкар-Ола (marnii@mari-el.ru).

AKSHIKOV ALEKSANDER GENNADYEVICH – scientific worker of History Department, Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V.M. Vasilyev, Russia, Yoshkar-Ola.

УДК 93/99(470.343)

А.Г. АКШИКОВ

СКЛАДЫВАНИЕ СИСТЕМЫ ОПЛАТЫ ТРУДА ЗЕМСКИХ УЧИТЕЛЕЙ УРЖУМСКОГО УЕЗДА ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Ключевые слова: земские преподаватели, земские учителя, помощники земских учителей, земская интеллигенция, земство.

Рассмотрена проблема формирования системы оплаты труда земских учителей Уржумского уезда Вятской губернии во второй половине XIX в. Отмечен рост заработной платы преподавателей в течение второй половины XIX в., что было обусловлено стремлением земства привлечь на службу наиболее подготовленных, опытных учителей. Для привлечения на земскую службу педагогов на длительный срок Уржумское земство внедрило систему оплаты труда, основанную на выслуге лет.

A.G. AKSHIKOV

FOLDING OF PAYMENT ZEMSTVO'S TEACHERS OF URZHUM COUNTY, VYATKA PROVINCE IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

Key words: zemstvo's lecturer, zemstvo's teachers, zemstvo's teacher assistant, zemstvo's intellectuals, zemstvo's intellectuals life, zemstvo.

In the article it is considered the problem of formation of the wage system of zemstvo teachers of Urzhum County of Vyatka Province in the second half of the 19th century. It has been marked increase in teachers' salaries during the second half of the 19th century that was motivated by the desire of zemstvo to attract to the service most qualified, experienced teachers. To attract to the zemstvo service teachers for a long time Urzhum district council introduced a system of pay based on years of service.

Систематического изучения системы оплаты труда земской интеллигенции не проводилось. Необходимо восполнить этот пробел, учитывая тот факт, что именно величина оплаты труда оказывала существенное влияние на качественный состав трудившихся в земствах интеллигентов. Складывавшаяся в том или ином земстве система оплаты труда становилась важным инструментом в земской кадровой политике. Отметим также, что не для всех профессиональных групп земской интеллигенции и не во всех земствах существовали одинаковые системы оплаты труда, что свидетельствует о разнообразных подходах к различным профессиональным группам со стороны тех или иных земств, их кадровой политике.

Мы попытаемся проследить, как изменялась величина заработной платы и система оплаты труда земских преподавателей Уржумского уезда Вятской губернии во второй половине XIX в., выяснить, что двигало земскими деятелями при принятии решений по этому вопросу.

В 1867 г., когда в Уржумском уезде было организовано земство, жалованье учителя в начальной школе уезда составляло 70 руб. в год. В то же время законоучитель получал 75 руб. Так как в большинстве случаев в школах преподавали священники, то они совмещали должности учителя и законоучителя. Оклад таких преподавателей составлял 100 руб. в год [2. С. 3].

Уже первый же съезд Уржумского уездного земского собрания 1867 г. обратил внимание на качество преподавательского состава сельских школ и ничтожную сумму оплаты труда учителей. Чтобы улучшить их материальное положение, было решено более взыскательно относиться к подбору учителей и увеличить их жалованье в полтора раза или выдавать им по 5 руб. премии за каждого хорошо подготовленного ученика. Так как новых назначений на учительские должности 1868 г. не произошло, а земство не ознакомилось достаточно хорошо со школами уезда, эти выплаты не производились. Уржумское уездное земство назначило с 1 января 1868 г. выплачивать преподавателям как земских, так и частных школ до 1,5 коп. в день за каждого ученика и сверх того от 1 до 1,5 коп. в день тоже за

каждого ученика за хороший метод преподавания и отличные успехи. Все наставники обязывались вести особые журналы о числе учеников. Эти журналы должны были проверять волостные правления и сельские старосты, и затем они представлялись в управу, которая, удостоверившись в действительности указанных в них данных, выдавала наставникам положенное им вознаграждение. Такой оригинальный способ оплаты труда просуществовал лишь один год. В следующем году наставникам было назначено определенное жалованье – в 200 руб., а помощникам – в 100 руб. [2. С. 4, 5]. К сожалению, неизвестно, почему земство отказалось от первоначальной системы вознаграждения

Стремление Уржумского уездного земства обеспечить земские училища квалифицированными педагогическими кадрами заставляло его увеличивать предлагаемую им заработную плату. Для того же чтобы привлечь учителей на службу на длительный срок, земство стало увязывать размер их жалованья с выслугой лет в уезде, т.е. чем дольше учитель трудился, тем больше он получал. В 1870 г. оклад учителей был увеличен до 250 руб., а тех, кто прослужил в земских школах уезда более года, – до 300 руб. В 1873 г. Уржумское уездное земское собрание постановило назначить учителям жалованье в 300 руб., а помощникам – в 200 руб. и, кроме того, ежегодно делать надбавку первым по 50 руб., а вторым по 25 руб. до тех пор, пока оклады их не возрастут до предельного размера – 400 и 250 руб. соответственно [2. С. 15, 16]. В 1874 г. оклады преподавателей земских школ Уржумского уезда были одними из самых высоких в Вятской губернии [1. С. 256, 257].

Со временем размер жалованья уржумских земских учителей стал зависеть и от полученного ими образования – лица со средним образованием получали больше, нежели учителя с начальным образованием. В докладе Уржумской уездной управы по народному образованию за 1882 г. земскому собранию 17-й очередной сессии об этой системе оплаты сообщалось следующее: «Содержание преподающим в земских народных школах назначено не одинаковое, а по степени полученного ими образования и по времени службы. С образованием средних учебных заведений получают:

Преподаватели: в 1-й год службы по 300 руб.; во 2-й – 350 руб.; в 3-й – 400 руб.

Помощники: в 1-й год службы по 200 руб.; во 2-й – 225 руб.; в 3-й – 250 руб.

Прочие учащие получают: в 1-й год по 150 руб.; во 2-й – 175 руб.; в 3-й – 200 руб.

Впрочем, помощникам и помощницам, наиболее усердным и исправным, жалованье через каждые 3 года может быть увеличиваемо по 25 руб. за год и, таким образом, доведено до высшего размера учительского содержания. Эта мера, помимо справедливого вознаграждения за тяжелый труд занятия с *первой* группой детей (помощники обыкновенно занимаются со вновь поступившими детьми), есть одна из лучших мер для возбуждения усердия и для поддержания энергии в занятиях с детьми» [3. С. 21].

В 1885 г. Уржумское земство пересмотрело систему оплаты труда преподавателям. Жалованье учителям было уменьшено до 300 руб. независимо от того, сколько они прослужили в уезде. В итоге в следующем году 14 учителей покинули уезд. Изменение отношения земства к финансированию образования и, в частности, к кадровой политике в отношении учителей связано, по-видимому, со сменой состава земского собрания, в которое, по выражению корреспондента «Волжского вестника», проникли «лесопромышленники и барденники, давшие известный тон и направление всему земскому делу в уезде» [8]. В 1889 г. оклад учителей был уменьшен до 250 руб., а должности помощниц были упразднены. Более 20 человек были уволены, среди них – помощница, прослу-

жившая земству более 20 лет, а теперь оставшаяся без средств к существованию. «Правда, земство оставило 9 помощнических вакансий, – писал корреспондент «Волжского вестника», – но на эти вакансии могут попасть только те из них, которые имеют кое-какие связи, за которых есть замолвить словечко перед земцами» [8]. Следует отметить, что оклад помощника учителя составлял в то время всего 150 руб.

Очевидно, что подобные оклады преподавателей были весьма незначительными. Уже в 1891 г. Уржумское уездное земское собрание постановило увеличить оклад помощников учителей до 180 руб. ввиду «дороговизны жизненных припасов» [4. С. 82], а в 1892 г. было принято решение установить жалованье учителям в 300 руб. [5. С. 26].

Инспектор народных училищ И. Кудрявцев в своем «Отчете о состоянии народных училищ Уржумского уезда за 1892/93 учебный год» Уржумскому уездному земскому собранию, состоявшемуся в 1893 г., говоря о тяжести учительского труда, прямо указал на несоответствие затрачиваемых учителями сил – физических, умственных и нравственных, с получаемыми ими окладами. В частности, он писал: «Первые годы своей деятельности сельские учитель или учительница, полные сил и богатые надеждами и упованиями, бодро и твердо несут на своих плечах вверенную им народную школу, не заглядывая далеко в свое личное будущее и почти вполне довольствуясь таким вознаграждением, как 300 или 180 руб. Но вот прошло 8-10 лет, и труженики-педагоги ощущают в себе большую перемену. Они все чаще и чаще задают себе вопрос, куда они идут и что ожидает их в будущем. Они начинают догадываться, как много сил и здоровья затратили на школу и как много перенесли лишений и невзгод ради нее, и начинают горько убеждаться в том, что сколько ни трудись, сколько ни жертвуй своими силами и здоровьем школе, никто не придет к ним на помощь, не избавит их от тех лишений, какие они испытывают. Прежде они как будто и не замечали этих лишений, а теперь уже тяжело им переносить их. Да оно и понятно: уставший организм требует больших удобств и имеет больше потребностей. <...> Но вот прослужил учитель 12-15 лет, и его положение сделалось еще тягостнее, еще безнадежнее... Он уже ясно, отчетливо видит свое будущее, и это будущее так безотраднo, так богато лишениями, болезнями, страданиями, что мысль о нем не оставляет его и угнетающим образом влияет на его душу. А тут еще в большинстве случаев увеличивается семья, увеличиваются потребности ее, и ко всему этому еще прибавляется трудный и тяжелый вопрос – как поднять на ноги своих детей. И чем больше трудится учитель, тем жизнь его делается все беспокойнее, тревожнее... Но не легче становится и школе: в ней уже нет той бодрости, какую прежде вселял в нее учитель, нет в жизни ее и той освежающей, приподнимающей высокий чувства струи, какую прежде вносил учитель своим идеализмом, своею светлою верой в будущее и глубокою любовью к школе. <...> Он постоянно живет в ожидании того, что его, как слабого, обессиленного, безжалостно удалят из школы, которой он отдал, всего себя, и свое здоровье и свою душу, и бросят как старую, ни на что негодную тряпку... Его ожидания, наконец, сбываются: его удаляют из школы – и он со своей семьей остается без куска хлеба. – Кто любит народную школу, тот нравственно обязан подумать о тяжелом положении сельских учителей и учительниц и помочь им, потому что интересы учителя тесно связаны с интересами школы. А народную школу нельзя не любить, потому что она колыбель будущей русской мысли, русского ума, русской мощи; она есть та дверь, которая ведет от невежества к образованию, от умственной косности к широкому и свободному полету мысли. Сельский же учитель есть та заботливая нянька, которая стоит у этой колыбели и, не доедая и не досыпая, не сводит полного любви участия взора с этой святой колыбели. Грешно забывать эту нежную няньку и еще грешнее – оставлять ее на ста-

рости лет без куска хлеба» [6. С. 379-382]. С целью облегчения материального положения преподавателей он предложил собранию выплачивать им жалованье в зависимости от выслуги лет по следующей системе. «Кто из учителей и учителей прослужит 10 лет, – писал И. Кудрявцев, – тот, по моему мнению, заслуживает прибавки в 40 руб. ежегодно; через 15 лет службы следует прибавить еще 40 и через 20 лет – еще 40 руб. Помощникам же прибавлять по 30 руб. Увеличивая вознаграждение преподающим за их продолжительную службу, земство, во-первых, сильнее привяжет их к народной школе, во-вторых, повлияет на улучшение положения их, давши им возможность добавить сбережения на черный день. Лиц, которые могут воспользоваться прибавкою жалованья, сравнительно не много, всего 8 учителей и 10 помощниц, 4 учителя служат свыше 10 лет (всем 160 руб. прибавки), три учителя свыше 15 лет (всем 240 руб. прибавки) и один свыше 20 лет (прибавки 120 руб.); 5 помощниц служат свыше 5 лет (всем 150 р. прибавки) и 5 помощниц свыше 15 лет (всем 300 руб. прибавки). Всего пришлось бы ассигновать на добавочное жалованье 970 руб.» [6. С. 382]. Уржумское уездное земское собрание согласилось с предложением инспектора народных училищ и постановило со следующего года перейти к разработанной им системе оплаты труда, которая действовала до конца XIX в. Максимальное содержание учителя теперь равнялось 420 руб., а помощника – 270 руб. Таким образом, по истечении 8 лет (считая с 1885 г.) Уржумское уездное земство вновь вернулось к системе оплаты труда, основанной на выслуге лет, хотя и несколько видоизмененной. Отметим, что в 1895 г. Уржумское уездное земское собрание постановило, «что прибавки и за выслугу следующих после 20 лет пятилетий должны делаться на общем основании» [7. С. 54]. То есть если учитель прослужил 25 лет, то он получал уже 460 руб. в год, а помощник, прослуживший этот промежуток времени, – 300 руб.

Завершая рассмотрение размеров жалованья и складывания системы оплаты труда земских преподавателей Уржумского уезда Вятской губернии второй половины XIX в., можно сделать следующие выводы. Несомненно, что оклады их в течение второй половины XIX в. постепенно росли. На увеличение жалованья влияли рост цен на «жизненные припасы», стремление земств нанять на службу наиболее образованных и опытных в своем деле специалистов.

По вышеуказанным причинам, а также для привлечения на земскую службу специалистов на длительный срок Уржумское уездное земство стало внедрять систему оплаты труда, основанную на выслуге лет, при которой чем дольше служил преподаватель, тем большую он получал заработную плату. При этой системе преподаватель имел стимул работать длительное время, зная, что со временем его жалованье будет увеличиваться. Очевидно, что такая система оплаты труда становилась важным условием для формирования штата опытных педагогических кадров, чей профессионализм поверялся временем и годами службы. Деятельность опытных специалистов оказывала благоприятное влияние на просвещение населения.

Литература

1. Блинов Н.Н. Народное образование в Вятской губернии за последние десять лет (1864-1874 г.). Вятка: Губернская тип., 1875. 348 с.
2. Доклад по народному образованию Уржумской уездной земской управы Уржумскому уездному земскому собранию X очередной сессии // Журналы Уржумского уездного земского собрания X очередной сессии 1876 года. Доклады уездной управы и денежный отчет за 1875 год, с приложениями журналов Уржумского собрания экстренной сессии 23-25 ноября 1876 г. Вятка: Тип. Куклина, 1877. 455 с.
3. Журналы Уржумского уездного земского собрания XVII очередной сессии и доклады Уржумской уездной земской управы за 1883 год. Т. 2. Вятка: Тип. Куклина, 1884. 226 с.
4. Журналы Уржумского уездного земского собрания XXV очередной сессии и доклады Уржумской уездной земской управы с приложениями за 1891 год. Казань: Тип. А.Ф. Гросс, 1892. 329 с.

5. Журналы (со всеми приложениями) Уржумского уездного земского собрания XXVI очередной сессии 1892 года, с 5-го по 13-е октября. Казань: Тип. А.Ф. Гросс, 1893. 470 с.

6. Журналы Уржумского уездного земского собрания XXVII очередной сессии 1893 года, с 9-го по 13-е сентября. Казань: Тип. А.Ф. Гросс, [без года изд.]. 584 с.

7. Журналы Уржумского уездного земского собрания XXIX очередной сессии 1895 года, 21-26 сентября, и экстренной сессии 18 мая 1895 года (с приложениями). Казань: Тип. А.Ф. Гросс, 1896. 505 с.

8. Уржум, Вятской губернии. (Печальное положение сельских учителей и помощниц) // Волжский вестник. 1890. № 18.

АКШИКОВ АЛЕКСАНДР ГЕННАДЬЕВИЧ. См. с. 7.

УДК 970/980

С.А. БОГОМОЛОВ

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ КАНАДЫ В БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

Ключевые слова: Британская империя, «новый империализм», Канада, метрополия, колония, эмиграция.

Статья посвящена концептуальным основам развития Канады (Британской Северной Америки) в последней трети XIX в. в концепции «нового империализма». Дж.Дж. Буринот рассматривает проблемы трансформации канадской политической системы от авторитарной коронной колонии к самоуправляющемуся доминиону. М. Дэйвitt, Ч. Дилк и У. Бэйли-Грохмэн анализируют процессы экономического и социального развития колонии. Эти авторы подчеркивают главную роль иммиграции в колонизации северо-западных провинций Канады.

S.A. BOGOMOLOV

THE CONCEPTUAL BASES OF DEVELOPMENT OF THE CANADA IN THE BRITISH EMPIRE IN LAST THIRD OF XIX CENTURY

Key words: British empire, «new imperialism», Canada, centre of empire, colony, emigration.

This article is devoting the conceptual bases of developing of the Canada (British North America) in the last third of XIX century. J.G. Bourinot considers the problems of transformation of Canadian political system from authoritarian crown colony to the self-government dominion. M. Davett, C.W. Dilke and W.A. Baillie-Grohman analyses the processes of economic and social development of this colony. This authors distinguishes the main role of the immigration and colonization of the north-west provinces of Canada.

В последней трети XIX в. Канада (Британская Северная Америка) превратилась в одну из основных «несущих конструкций» Британской империи в качестве динамично развивающейся переселенческой колонии. Во-первых, это обуславливалось ее экономическим потенциалом: при относительно небольшой численности населения она отличалась большими площадями, объемами сырьевых ресурсов и высокими темпами экономического роста. Канада стала для Великобритании одним из основных поставщиков продовольствия, сельскохозяйственного и минерального сырья. Во-вторых, Канада была зоной «белой колонизации», с пригодным для европейцев умеренным климатом. Большую часть ее населения составляли эмигранты как из Великобритании, так и из стран континентальной Европы. Это создавало естественные социальные предпосылки для трансплантации британской государственно-политической системы и формирования «белой демократии». В-третьих, Канада играла важнейшую геополитическую роль. Военно-морские базы на ее территории позволяли Лондону контролировать коммуникации в северной части Атлантического и Тихого океанов, обеспечивая безопасность имперской торговли, а при необходимости – быстро и эффективно осуществлять военно-полицейские операции.

29 марта 1867 г. палата общин британского парламента приняла Акт о Британской Северной Америке. После того как королева Виктория его подписала,

он вступил в силу с 1 июля 1867 г. В соответствии с ним Канада превращалась из коронной колонии в самоуправляющийся доминион. Юридически колония теперь являлась не «королевством», а «доминионом», получая статус «парламентской монархии». Во главе доминиона номинально оставалась королева, которая входила в состав канадского парламента и сохраняла право законодательной инициативы. Королева сохраняла право назначения генерал-губернатора, который по-прежнему возглавлял всю систему органов исполнительной власти нового доминиона.

В то же время правительство и парламент Канады получили значительные права внутреннего самоуправления. Так, они получили право решать вопросы формирования государственного долга и управления им, внешней обороны и поддержания внутреннего порядка, регулирования торговой и банковской деятельности, налогообложения и денежного обращения, функционирования транспорта и связи, системы мер и весов, иммиграции, статистики, а также имущественное, уголовное и патентное право. В ранге доминиона Канада объединила различные провинции Британской Северной Америки, но при этом оставалась частью Британской империи. Правительство и парламент доминиона не имели права изменять какие-либо статьи Акта о Британской Северной Америке. Британское правительство и корона сохраняли монопольное право внешней и военной политики, решения вопросов войны и мира. Канада не получила таких основополагающих атрибутов государственности, как флаг, гимн и гражданство [1. С. 44-47].

В октябре 1892 г. журнал «Контемпорари ревю» опубликовал статью клерка палаты общин канадского парламента Дж.Дж. Буринота «Английский характер канадских институтов», в которой он проанализировал механизм, направление и итоги развития институтов представительского правления в Канаде со времени принятия Акта 1867 г. Автор считал, что создание канадского федеративного союза оздоровило отношения метрополии и североамериканской колонии, создало условия для ее всестороннего интеллектуального и материального развития. Это, в свою очередь, сделало невозможным развитие канадского сепаратизма, положило конец разговорам о возможном выходе Канады из империи [3. Р. 590].

Дж.Дж. Бурилот считал, что успешное развитие Канады основывается на «английском характере» ее политических институтов, чему не может помешать значительный французский элемент населения (речь идет о Квебеке. — С.Б.). Автор констатировал переход от франко-английского антагонизма к «сотрудничеству двух рас в развитии благородного наследства», основанному на компромиссах и консультациях. В 1759 г. завершилась история Канады, как французской колонии, чье автократическое правительство препятствовало реализации энергии и интеллекта колонистов. Включение Французской Канады в Британскую империю обеспечило ликвидацию таких феодальных пережитков, как сеньориальное землевладение. По Акту 1793 г. началась постепенная эмансипация рабов. Это позволило успешнее решать социальные и политические проблемы на основе духа индивидуализма и самоутверждения.

Квебекский Акт о религиозной терпимости 1774 г. положил конец притеснению римско-католической конфессии. Суд, изолированный от политических конфликтов и конъюнктурных влияний, начал защищать гражданские права франко-канадцев на основании британского Habeas Corpus Act, что гарантировало сохранение их национальной культуры и языка. Канадские провинции получили права внутреннего законодательства и самоуправления, защищенного от вмешательства имперской бюрократии. Были сформированы представительские институты (легислатуры), основанные на принципах народного представительства и министерской ответственности, взявшие под контроль местные доходы и расходы. Французская Канада сохраняет язык и религию «вечного Рима», но ее политическое развитие стало основываться на английских принципах [3. Р. 592-595].

Создание федеративного союза канадских провинций Бурино́т считал результатом борьбы канадского народа за свои права и свободы в 1792-1867 гг. Автор доказывал оптимальность созданной системы управления, основанной на разделении властей, в которой королева являлась главой. Ей подчинялись правительства доминиона и провинций, генерал-губернаторы и лейтенант-губернаторы. В составе законодательной власти действовал имперский парламент в Лондоне и провинциальные легислатуры в административных центрах доминионов. Судебные органы в колониях подчинялись Юридическому комитету Тайного Совета в метрополии. Автор полагал, что Акт 1867 г. позволил распределить предметы ведения и полномочия доминиона Канады и провинций, определить компетенцию различных субъектов законодательства, финансовую базу провинций, права и полномочия органов, управляющих общественными делами. Этот Акт копировал конструкцию британской конституции как системы хартий, конвенций, статуты и обычаев. Эта «великая масса английских конвенций, толкований и прецедентов, которая управляет связями между короной и ее советниками, определяет позицию министров и их зависимость от легислатуры, регулирует условия системы английского парламентского правления» [З. Р. 593-594].

Принципы «силы и эластичности» являлись базовыми для британской конституции. Британское «общее право» в сочетании с «фундаментальным письменным законом» (Акт 1867 г. – С.Б.) обеспечивало верховенство закона, а не личного произвола. Министры подчинялись контролю палаты общин и независимого суда и, в свою очередь, руководили гражданской службой, т.е. профессиональной бюрократией, не зависящей от смены политических партий. В организации исполнительной власти в Канаде осуществлялся базовый принцип британской «вестминстерской демократии», в которой министры принимали стратегические политические решения, а чиновники их выполняли.

В конце XVIII в., руководствуясь печальным опытом борьбы за независимость, начавшейся, как известно, в городах Новой Англии, британское правительство начало препятствовать развитию муниципального самоуправления в Канаде. Но логика развития английской расы по образцу «родительского государства» сломала эти искусственные барьеры. Городское самоуправление в Канаде, как и в США, сознательно или бессознательно репродуцировало систему корпоративного управления ассамблеями раннесредневековых английских коммун. Рост численности населения, его богатства, развитие предпринимательства естественным образом требовали самоуправления. Характерно, что в Квебеке с его авторитарным управлением королевских чиновников подобный опыт отсутствовал, колонисты не понимали материальных выгод самостоятельности и первоначально даже сопротивлялись созданию муниципальных органов, так как это требовало ввода дополнительных местных налогов.

Дж.Дж. Бурино́т отметил, что округа (township) провинции Онтарио повторяют административную структуру средневекового английского Йорка, «старую английскую номенклатуру», сложившуюся вследствие норманнского завоевания. Он считал, что норманны ввели новые институты и термины в базовую английскую социально-политическую систему, но позже были ассимилированы английской расой и уже в Новое время были репродуцированы в британских колониях. В раннесредневековой Англии графства (английские «shire» или французские «county») изначально руководились народными собраниями (folk-moot), возглавляемые шерифами (sheriff). После норманнского завоевания они трансформировались в городские советы (council), возглавляемые мэрами (mayor). Олдермен (alderman), связывавший население и аристократию («номенклатуру». – С.Б.) в древней Англии, потерял в современной Британии и Канаде знатность, но сохранил полезность [З. Р. 602-607].

Демократизация системы управления Канадой позволила прекратить конфронтацию местной землевладельческой олигархии и рядовых колонистов. Ослабление внутренних социальных конфликтов и аграрная реформа позволили ускорить экономическое развитие Канады, активизировать колонизацию ее северо-западных провинций, стабилизировать и социальную, и политическую ситуацию. Эти процессы закономерно привели к росту сепаратистских настроений у колонистов и усилению напряженности в отношениях с метрополией. Ни в Канаде, ни в Великобритании никогда не забывали, что именно борьба североамериканских колоний за независимость привела в конце XVIII в. к их отделению и распаду I Британской империи. Вся история II Британской империи в XIX в. проходила под знаком роста колониального национализма и сепаратизма, что требовало от имперской бюрократии и интеллектуальной элиты постоянно искать новые модели взаимоотношений с учетом изменяющегося баланса сил и интересов метрополии и колоний.

Одним из первых изменение ситуации заметил лидер радикального крыла либеральной партии, сэр Ч. Дилк. В своей фундаментальной работе «Проблемы Более Великой Британии» (1890) он проанализировал положение во всех переселенческих колониях. Дилк видел основную ценность Канады в ее огромных площадях плодородных земель, пригодных для аграрной колонизации. Это позволяло переселить из Великобритании избыточное население, снизив тем самым уровень безработицы и социальных конфликтов. Эффективное использование ресурсного потенциала этой колонии было возможным при усовершенствовании механизма эмиграции. Канада намного ближе к Великобритании, чем Австралия, Южная Африка или Аргентина, что удешевляло переезд мигрантов. По своей иммиграционной емкости Канада превышала Южную Африку, в которой наиболее плодородные земли уже были заняты бурами и африканцами. В отличие от Южной Африки, в Канаде к концу XIX в. местное население было оттеснено в резервации и не представляло военной опасности для колонистов.

По мере того, как во второй половине XIX в. в Великобритании повышался уровень жизни, из нее прекращалась эмиграция высококвалифицированных и высокооплачиваемых кадров. Британские благотворительные общества продолжали финансировать эмиграцию детей-сирот и других представителей социальных низов, которые не представляли ценности для канадской экономики. Хаотичная миграция пауперов создавала кварталы нищеты, повышая уровень преступности в канадских городах. Британский политик полагал, что в Канаде необходимо заимствовать модель контроля иммиграции, созданную в США. Канадские таможенники должны проводить инспекцию всех прибывающих судов и за счет судовладельцев отправлять обратно калек, больных, пауперов, не имеющих денег или родственников в портах прибытия. Кроме того, необходимо запретить эмиграцию с октября до марта, когда зимние холода затрудняли акклиматизацию [5. Vol. 1. P. 121].

По мнению Дилка, в рамках Британской империи аграрная экономика Канады органично сочеталась с индустрией Великобритании. При этом требовалось обеспечить протекционистскую защиту канадского рынка от импорта промышленных товаров из США и стран континентальной Европы. Дилк отметил растущую экономическую экспансию США не только в Канаде, но и в Вест-Индии и Латинской Америке. Посредством экспансии США англосаксонское влияние распространяется на Южную Америку и на весь Азиатско-Тихоокеанский регион, на юге оно смыкается с австралийским влиянием и формирует единую геополитическую систему [5. Vol. 1. P. 178-180].

В то же время Дилк обратил внимание на слабую военную защищенность Канады на ее океанских побережьях. Королевская конная полиция была пред-

назначена для отражения угрозы США через сухопутную границу, которая в конце XIX в. становилась все менее вероятной, и для урегулирования конфликтов фермеров и золотоискателей друг с другом и с индейцами. Она никак не могла гарантировать безопасность военно-морских баз в Галифаксе и Ванкувере от атак с моря. К тому же оборона атлантического канадского побережья и охрана рыбных промыслов Ньюфаундленда от постоянных угроз Франции требовала серьезного усиления и обеспечения автономии британской эскадры в этом регионе [5. Vol. 1. P. 141-144].

На рубеже 80-90 гг. XIX в. британские авторы обратили внимание на проблему колонизации практически незаселенных северо-западных провинций Канады на ее Тихоокеанском побережье. В 1885 г. У. Бэйли-Грохмэн совершил путешествие в Британскую Колумбию – «малую и юную страну». Главной особенностью Британской Колумбии является ее удаленность от мировых центров цивилизации и коммерции. С одной стороны, это крайне затрудняет и удорожает снабжение колонии, с другой стороны, избавляет эту «прекрасную изолированную страну» и «независимую расу людей» от «армии богатых и ленивых туристов». В 1884 г. завершение строительства Северной Тихоокеанской дороги соединило Британскую Колумбию с США, а Канадская Тихоокеанская дорога – с Нижней Канадой и Великобританией. Перспективы развития Британской Колумбии во многом определяются перемещением центра мировой коммерции из Атлантического в Тихий океан. Эта провинция имеет все необходимое для развития портовых «терминальных городов» – удобные гавани-фиорды, запасы угля и леса. Путешественник подчеркивает сходство умеренного морского климата Британской Колумбии с климатом южной Англии. В отличие от континентального климата Манитобы и других провинций северо-западной Канады зимой на побережье практически не бывает снега. Богатейшие аллювиальные почвы по плодородности равны только калифорнийским. Проблема заключается в том, что все они покрыты лесом и его необходимо вырубать, прежде чем сеять пшеницу или что-то еще [2. P. 58-60].

Осенью 1891 г. М. Дэйвitt совершил путешествие по северо-западным провинциям Канады – Манитобе, Ассинитобе, Саскачевану, Британской Колумбии и провинции Альберта с целью получения «полной и достоверной информации о реальной протяженности, плодородии почв и несравненных выгодах этой необъятной и интересной части Империи». Он опроверг сложившийся в Великобритании стереотип этой terra incognita, как «земли снежных подножий и ледяных дворцов» с «очень плохой климатической репутацией» [4. P. 631-632]. По оценке Дэйвitta, климат канадской Манитобы лишь немного холоднее американской Небраски и вполне позволял британским колонистам даже зимой работать на открытом воздухе. Он не считал, что отправленные в эту «Британскую Сибирь» ирландские крестьяне неизбежно погибнут от арктического климата. Успех колонизации Северо-Западной Канады зависел от другого фактора – на эти удаленные земли должны приехать «малые капиталисты», т.е. фермеры, имеющие средства для покупки скота, инвентаря, строительства жилищ и хозяйственных построек. Автор подчеркивал контраст «деморализующих условий рабочей жизни в Великобритании», в перенаселенных городах и «ненаселенного региона с бодрящим воздухом и здоровой жизнью, с возможностями лучшего и блестящего социального существования» [4. P. 637].

М. Дэйвitt критически оценивал в качестве колонистов «английскую молодежь с деньгами, но маленькими мозгами и маленькой любовью к труду... в живописных ковбойских костюмах». Подобные «ковбои» приезжали в Калгари, быстро проигрывали деньги в местных салунах и возвращались в Англию, где жаловались на «ужасные условия зимы и лета с комарами в Манитобе», земли, при-

годной только «для индейцев и метисов». Значительно более лестно британский путешественник отзывался о колонистах, представлявших другие европейские национальности. «Каждая европейская национальность представлена в колонизации Манитобы и Ассинитобы – исландцы и итальянцы, русские и евреи, французы, немцы и т.д. ... Из иностранных поселенцев очень хорошо говорят об исландцах, которые прибыли в большом количестве, отличаются трудолюбием, трезвостью, умеренностью и предельной честностью. Они заключают контракты без долгов и сразу же расплачиваются за все покупки». Прекрасная репутация у немецких меннонитов и баварских католиков, которые в начале XIX в. эмигрировали от наполеоновских завоеваний в южную Россию, а в конце этого века оказались в Канаде, где «больше свободы и меньше налогов» и где они построили свои жилища «в русском стиле» [4. Р. 633].

Дэйвitt отметил, что англичане и ирландцы на Северо-Западе Канады малочисленны, в основном сосредоточены в городах, Калгари, Виннипеге и Ванкувере. Примечательно, что в городах Верхней (западной) Канады англичане и ирландцы жили дружно и их вражда вдали от родины стала «религиозно-политическим анахронизмом». Так, полностью провалились попытки распространить на северо-западные провинции деятельность Оранжевских лиг из Нижней (восточной) Канады [4. Р. 634-635].

Успех аграрной колонизации Северо-Запада Канады во многом зависел от ликвидации пережитков «абсентеизма лендлордов». Так, в Виннипеге правительство доминиона бесплатно предоставило местным метисам по 240 акров сельскохозяйственных земель на члена семьи. Они за бесценок продали эти земли спекулянтам и уехали в Нижнюю Канаду и Англию. Спекулянты, естественно, не стали обрабатывать эти земли, а стали ждать иммигрантов-покупателей. Чтобы предотвратить подобный «абсентеизм», Дэйвitt предложил ввести повышенное налогообложение пустующих сельскохозяйственных земель, вследствие чего «коммуны станут лендлордами». Развитие этого региона является «великой имперской целью» Великобритании, так как «Канада сама не может развивать этот обширный регион богатых почв. Она не имеет ни средств, ни населения для этого». Именно для этого с помощью метрополии через весь североамериканский континент была построена «одна из лучших в мире железнодорожных систем, обеспечивших прямую коммуникацию Северо-Запада с Атлантическим побережьем». По мнению Дэйвitta, они обеспечат такое увеличение производства и экспорта пшеницы в Великобританию, которое позволит ей отказаться от импорта пшеницы из США и значительно повысит уровень продовольственной безопасности [4. Р. 643-646].

Британские политики и эксперты были единодушны в положительной оценке перспектив развития Канады в составе Британской империи. Богатейшие природные ресурсы этой колонии можно было эффективно развивать при условии притока капиталов и трудовых ресурсов из метрополии. В то же время протяженные океанские границы Канады были весьма уязвимы для вражеского вторжения и нуждались в гарантиях безопасности, которые мог предоставить только британский флот. Поэтому теоретики «нового империализма» крайне негативно оценивали рост сепаратистских и националистических настроений в Канаде, которые угрожали империи дезинтеграцией, а колонии экономической депрессией и политической дестабилизацией.

Литература

1. Сороко-Цюпа О.С. История Канады. М.: Высш. шк., 1985. 304 с.
2. Baillie-Grohman W.A. British Columbia // The Fortnightly Review. 1886. January. P. 51-60.
3. Bourinot J.G. The English Character of Canadian Institutions // The Contemporary Review. 1892. October. P. 590-608.

4. Davett M. Impression of the Canadian North-West // The Nineteenth Century. 1892. April. P. 631-646.
5. Dilke C.W. Problems of Greater Britain. L.: Macmillan, 1890. Vol. 1. VII, 576 p. Vol. 2. 583 p.

БОГОМОЛОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Ульяновский государственный университет, Россия, Ульяновск (Bogomolov_SA@mail.ru).

BOGOMOLOV SERGEY ALEKSANDROVICH – candidate of historical sciences, associate professor of Theory and History of the State and Law Chair, Ulyanovsk State University, Russia, Ulyanovsk.

УДК 94 (470)

Е.А. БУРДИН

ПРОБЛЕМА ВЛИЯНИЯ ГИДРОСТРОИТЕЛЬСТВА НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКУЮ СФЕРУ ПОВОЛЖЬЯ*

Ключевые слова: гидростроительство, промышленный узел, сельское хозяйство, урбанизация, электрификация.

Проанализирована проблема воздействия глобального строительства гидротехнических объектов на социально-экономическую сферу Волжского бассейна. Установлено, что сооружение ГЭС рассматривалось с позиций комплексного освоения региона с безусловным приоритетом крупных промышленных предприятий. В результате существенно ускорилась урбанизация, а создание водохранилищ привело к потере благоприятных для проживания территорий и переселению людей.

E.A. BURDIN

PROBLEM OF INFLUENCE OF HYDROBUILDING ON SOCIAL AND ECONOMIC SPHERE OF THE VOLGA REGION

Key words: hydrobuilding, industrial knot, agriculture, urbanization, electrification.

The problem of influence of global building of hydraulic engineering objects on social and economic sphere of the Volga pool is analysed. It is established that the hydroelectric power stations construction was considered from positions of complex development of region with an unconditional priority of the large industrial enterprises. As a result the urbanization was essentially accelerated, and creation of water basins has led to loss of territories favorable for residing and resettlement of people.

В результате анализа политики советского руководства в области хозяйственного освоения водных ресурсов Волги выяснилось, что приоритетными задачами гидроузлов было производство большого количества электроэнергии, а также улучшение условий судоходства, орошение значительных площадей засушливых земель и водоснабжение промышленных предприятий и населения. Рассмотрев процесс гидростроительства, мы пришли к следующему выводу: влияние Волжского каскада ГЭС на народное хозяйство не сводилось только к выработке энергии, созданию единого глубоководного пути, ирригации и водоснабжению. Выявление и глубокий анализ его воздействия на социальную и экономическую сферы жизни Поволжья и страны в целом показали, что оно было многогранным, сложным и противоречивым.

В результате сооружения гидроузлов в регионах появлялись новые центры народнохозяйственного развития за счёт возведения новых жилых городов и посёлков с объектами коммунально-бытового обслуживания, подъездных железных и шоссейных дорог, линий связи, объектов индустрии, а также организации больших коллективов гидростроителей, которые возводили различные предприятия для других отраслей экономики. Особенно следует подчеркнуть роль волжских гидроузлов в создании крупных баз строительной и промышленной индустрии и значительного жилого фонда.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (грант № 11-11-73003 а/В).

Подобная практика начала складываться уже в процессе сооружения Верхневолжских гидроузлов в 1930-х гг. Управление Волгостроя разместилось в посёлке Переборы, в котором началось интенсивное жилищное строительство. Также в 1937-1950 гг. преимущественно силами заключённых Волжского ИТЛ производилось обслуживание механического завода № 1 Главпромстроя, деревообрабатывающего, металлообрабатывающего и швейного производства, возводились подъездные железнодорожные и шоссейные дороги и т.д. [16. С. 190, 234].

После ввода в эксплуатацию в 1950 г. Рыбинского гидроузла высвободился большой коллектив рабочих. Поэтому в Переборах был создан филиал одного из цехов Москабеля, на базе которого к концу 1950 г. построили кабельный завод [35. С. 154]. В этом же году вступил в строй расположенный рядом с плотиной Рыбинской ГЭС завод гидромеханизации, основной продукцией которого стали земснаряды и гидротехническое оборудование для электростанций, а также электро-технический завод [35. С. 155]. В этот период в Ярославской области интенсивно развивались машиностроение, энергетика и резинохимическое производство.

Не вызывает сомнения тот факт, что возведённые на территории Поволжья в 1950-1960-х гг. крупнейшие гидроузлы каскада – Куйбышевский, Сталинградский, а также Саратовский, оказали существенное воздействие на хозяйственное развитие региона. К концу 1950 – началу 1960-х гг. Поволжский экономический район был одним из наиболее освоенных и экономически развитых районов СССР. По совокупному объёму валовой продукции промышленности и сельского хозяйства он занимал 3-е место [31. С. 9]. В межрайонном разделении труда Поволжье выступало как главная нефтяная база страны, а также как важный район газовой промышленности, машиностроения и металлообработки. Сравнительно новой стимулирующей отраслью в 1960-1970-е гг. стала энергетика, которая в результате строительства волжских ГЭС и крупных ТЭЦ превратила Поволжье из дефицитного в этом отношении района в избыточный [31. С. 11].

Проанализировав источники, мы пришли к выводу, что быстрое хозяйственное развитие Поволжья в конце 1950-1960-х гг. и далее объяснялось сочетанием следующих факторов: 1) большие запасы нефти и газа; 2) сложившийся во время Великой Отечественной войны и в послевоенные годы мощный многоотраслевой военно-промышленный комплекс; 3) наличие резервов квалифицированной рабочей силы; 4) хорошая освоенность территории, обеспеченной водными ресурсами; 5) выгодное географическое и транспортное положение; 6) созданная энергетическая база [15. С. 22; 22. С. 301-303; 31. С. 24-26].

Таким образом, появившаяся в этот период в Поволжье избыточная гидроэнергетическая база – только один из факторов быстрого экономического развития, и без других его роль была бы незначительной.

Быстро развивающийся многоотраслевой промышленный комплекс в регионе создали до Великой Отечественной войны, когда здесь построили 143 крупных промышленных предприятия (из них 50 – в Горьковской области), а в военное время эвакуировали ещё более 200 [15. С. 22]. Но экономическое развитие республик и областей являлось неравномерным. Так, в Ульяновской области интенсивное промышленное развитие началось только во время Великой Отечественной войны после эвакуации заводского оборудования из западных и центральных районов СССР.

До 1958 г. все заводы и фабрики Поволжья имели собственные источники энергии – ТЭЦ [31. С. 44]. Например, в Куйбышевской области энергетическая мощность увеличивалась с помощью строительства небольших электростанций, в том числе Кузнецкой и Сызранской, реконструкции Куйбышевского энергокомбината [10. С. 119]. Поэтому рывок в экономическом развитии региона в 1950-1960-х гг. базировался на сложившемся фундаменте местной промышленности и энергетики.

Исторический опыт гидростроительства на Волге показал, что гидроэнергетика являлась мощным инструментом регионального развития, так как каждая введённая в эксплуатацию ГЭС большой мощности становилась точкой роста экономики прилегающей к ней территории, и вокруг неё на базе значительного количества электроэнергии возникали и развивались производства, создавались новые рабочие места. Наиболее ярким примером масштабного влияния на социально-экономическую сферу Поволжского экономического района является строительство Куйбышевского гидроузла в 1950-1958 гг.

Для его сооружения были созданы высокомеханизированные карьеры с камнедробильными заводами стоимостью 137 млн руб., производительностью до 5 млн куб. м камня и щебня в год [24. Л. 88]. Их функционирование позволило полностью обеспечивать не только строительные площадки гидроузла, но и другие объекты области, причём уже в 1957 г. 70% камня и щебня транспортировалось другим потребителям. Кроме того, были введены в эксплуатацию 4 ремонтно-механических завода стоимостью 105 млн руб., один из которых после использования для нужд Куйбышевского гидроузла передал Министерству речного флота для ремонта судов, второй стал производить починку строительных машин и делать металлоконструкции для других строек, а остальные занимались капитальным ремонтом автомобилей и тракторных двигателей [24. Л. 88].

Также были построены 3 деревообделочных комбината, 2 завода сборного железобетона и 1 завод товарного бетона и другие. Всего в процессе возведения гидроузла создали не менее 15 предприятий строительной индустрии общей стоимостью около 750 млн руб. [24. Л. 88]. Аналогичные примеры можно привести и по другим волжским гидроузлам. Освобождавшиеся после завершения сооружения ГЭС в Поволжье мощные строительные базы часто были решающим фактором в пользу формирования новых промышленных узлов. Наряду с положительной стороной этой тенденции экономисты отмечали и отрицательную, главными проявлениями которой являлись увеличение расстояний доставки сырья и вывоза продукции, ухудшение условий эксплуатации предприятий и условий проживания населения [31. С. 271].

В 1950-1960-х гг. в Куйбышевской области появился Тольяттинско-Жигулёвский промышленный узел. Его первым объединяющим элементом стала гидростроительная производственная база, а затем – электроэнергия ГЭС. Уже в процессе возведения Куйбышевского гидроузла и после его окончания началось сооружение новых заводов, которые значительно расширили и усложнили промышленный комплекс. Например, в 1956 г. в г. Ставрополе (ныне г. Тольятти. – *Е.Б.*) началось строительство крупного предприятия по выпуску цементного оборудования «Строммаш» (в дальнейшем – Волжский завод цементного машиностроения. – *Е.Б.*), причём в советское время он выпускал до 65% всего цементного оборудования, производимого в стране [18. С. 15]. Также машиностроение было представлено заводом ртутных выпрямителей для линий высоковольтных электропередач и электрифицируемых железных дорог, построенным в 1957-1959 гг. (с 1964 г. – электротехнический завод. – *Е.Б.*) [18. С. 15].

Подчеркнём, что за период с 1958 г. по 1965 г. Куйбышевгидрострой сдал в эксплуатацию 303 промышленных объекта [18. С. 16]. Большой опыт работы и мощная материально-техническая и кадровая база определили выбор подрядчика для сооружения Волжского автомобильного завода (ВАЗ) в г. Тольятти – одного из крупнейших промышленных комплексов России, определившего развитие отечественного автомобилестроения в последней трети XX в. Его возведение началось в январе 1967 г., а в апреле 1970 г. были собраны первые автомобили [7. С. 670-671]. Показательно, что с 1970 г. по 2005 г. всего ВАЗ выпустил 23 млн 264 тыс. легковых автомашин [7. С. 612].

Помимо Тольяттинско-Жигулёвского промышленного узла, в 1950-1980-х гг. на базе Волгоградгидростроя, Горьковгэсстроя, Саратовсгэсстроя и Чебоксаргэсстроя сформировались соответственно Волжский, Заволжский, Балаковский и Новочебоксарский производственно-территориальные комплексы, включавшие в себя предприятия машиностроения, химической и строительной индустрии. Самым крупным из них был Волжский промышленный узел, в который входили алюминиевый завод, химкомбинат, подшипниковый завод, завод абразивного инструмента и предприятия по производству стройматериалов [6. С. 70, 182].

Несомненно, гидростроительство существенно ускорило процесс урбанизации региона. Удельный вес городского населения Поволжья в период с 1959 г. по 1970 г. увеличился с 46 до 57%, причём наиболее высоким он был в индустриально развитых Куйбышевской, Волгоградской и Саратовской областях – соответственно, 72%, 66% и 65% [31. С. 42]. Уже в ходе подготовки Рыбинского и Угличского водохранилищ в 1936-1941 гг. часть сельского населения из зон затоплений переселялась в города для обеспечения рабочей силой промышленных предприятий. Иногда её количество достигало значительных величин. Например, в 1940 г. в г. Ярославль, Рыбинск и Тутаев переехало около 33% от общей численности семей переселенцев по Ярославской области, эвакуировавшихся в этом году [4. Л. 51 об.]. По авторским оценкам, по всем волжским водохранилищам в города планировало переехать в среднем 10% жителей затопляемых сельских поселений.

Данная тенденция проявилась и при сооружении других крупных гидроузлов Волжского каскада, особенно Куйбышевского и Сталинградского. Так, в районе первого возникли г. Ставрополь (перенесённый г. Ставрополь-на-Волге, ныне Тольятти. – *Е.Б.*), Жигулёвск и посёлок Комсомольск, общее количество населения в которых в начале 1960-х гг. достигло 80 тыс. человек, тогда как в г. Ставрополе-на-Волге в 1946 г. проживало 12 тыс. человек [18. С. 14; 20. С. 56]. Стремительный рост численности городских жителей здесь происходил и в дальнейшем. Если в 1959 г. население только г. Тольятти составляло 72 тыс. человек, то к 1968 г. оно выросло до 167 тыс., а к 2010 г. – до 721,8 тыс. человек, т.е. увеличилось в 10 раз [13. С. 62; 18. С. 16; 33]. В указанных городах проводилось интенсивное строительство. К началу 1960-х гг. в них была создана жилая площадь в 557 тыс. кв. м, а также построено 18 школ, 4 больницы, 59 магазинов, 36 столовых, 11 клубов и кинотеатров, 20 бань, 21 детское учреждение и т.д., на что израсходовали 614 млн руб. [24. Л. 88]. Росту Тольятти и Жигулёвска способствовали наличие электроэнергии, газа, сети железных и шоссейных дорог, водного транспорта, а также благоприятные природные условия.

В 1951 г. рядом со строительными площадками Сталинградского гидроузла началось возведение г. Волжский. В 1959 г. количество его жителей равнялось 67 тыс., в 1968 г. – уже 124 тыс., а в 2010 г. – 304,7 тыс. человек, или в 4,6 раза больше по сравнению с численностью в 1959 г. [8. С. 34; 13. С. 58; 33]. В 1961 г. жилая площадь нового города составляла около 300 тыс. кв. м, а кубатура общественных строений – 600 тыс. куб. м [19. С. 633]. В нём были построены Дворец культуры, 3 кинотеатра, 8 школ, 11 детских садов, гидротехнический техникум, больница, 2 поликлиники и другие здания общественного значения [19. С. 633].

Значительно выросли старые города и быстро увеличивались новые и в районах, прилегающих к другим волжским гидроузлам. Так, неподалёку от строящейся Горьковской ГЭС в 1948 г. появились первые сооружения будущего г. Заволжье, а в 1960 г. рядом с Чебоксарской ГЭС – г. Новочебоксарск. Население г. Заволжье увеличилось с 20 тыс. человек в 1959 г. до 41,5 тыс. в 2010 г., или в 2,1 раза, а в г. Новочебоксарске – с 33 тыс. человек в 1961 г. до 127,4 тыс. в 2010 г., т.е. в 3,9 раза [5. С. 143; 32. С. 493; 33]. В последнем в 1971-1985 гг. бы-

ли сооружены школа, 6 детских садов, поликлиника, роддом, 2 магазина и другие объекты общей стоимостью около 6 млн руб. [32. С. 491]. Город Балаково, около которого был построен Саратовский гидроузел, получил городской статус ещё в 1911 г. Однако ускорение его социально-экономического развития также следует связывать именно с ГЭС. Показательно, что из 5 вышеперечисленных городов 3, или 60%, возникли в связи с гидростроительством на Волге.

В 2000 г. в Волжском бассейне было сосредоточено 445 городов, или 40% от общего количества городов России, причём в них проживало 74% населения [12. С. 180]. За период с 1960 г. по 2000 г. численность горожан увеличилась в 2 раза.

Необходимость строительства сопутствующих населённых пунктов и производственной базы приводила к удорожанию общей стоимости гидроузлов и удлинению сроков их сооружения, поскольку этим занимались строительные организации, главной задачей которых было возведение основных объектов гидроузлов.

Крупным негативным следствием возведения волжских гидроузлов для социальной сферы регионов было вынужденное переселение жителей из зон затоплений водохранилищ. По авторским подсчётам, всего в 1930-1980-х гг. по этой причине сменили место жительства около 457,1 тыс. человек. Кроме того, ускорилось необратимое разрушение традиционного уклада жизни и сложившейся системы пойменного расселения и сельскохозяйственного производства. В проектах совершенно не затрагивались или были слабо проработаны вопросы участия регионов в распределении доходов от работы ГЭС, оценки ущерба от гидроэнергетики, становления системы рентных и компенсационных отношений.

В результате затопление пойменных земельных угодий в Поволжье принесло не поддающийся оценке экономический ущерб и привело к потере благоприятной в селитебном отношении долины Волги и переселению людей на возвышенные места, зачастую малопригодные для их проживания. Появились серьёзные проблемы с водоснабжением населения качественной водой, которые в некоторых населённых пунктах до сих пор решаются с трудом. С другой стороны, во многих новых укрупнённых посёлках, возведённых взамен снесённых небольших селений, повысился уровень благоустройства, постепенно складывался комплекс культурно-бытовых, просветительских и медицинских объектов [23. Л. 41]. Подобная практика наметилась в 1950-х гг. и в основном сложилась в 1960-1970-х гг.

Во многих случаях ухудшались условия жизни переселенцев. В частности, жители, имевшие до затопления каменные дома, не могли их перенести, так как получали за них денежную компенсацию, явно недостаточную для постройки такого же дома. Некоторые переселенцы, имевшие свою рабочую силу и возможность взять ссуду, строили на новых местах хорошие дома и в ряде случаев улучшали жилищные условия. Тем не менее, судя по архивным источникам и воспоминаниям старожилов, значительная часть переселенцев из-за нехватки денег, рабочей силы и стройматериалов долгое время жили на новом месте в землянках или неблагоустроенных домах [1; 3. Л. 4 об.; 9. С. 2; 17; 21. С. 2]. Многие источники отмечают скученность и нехватку или маленькую площадь земельных участков на новых местах поселений [1; 11. С. 1; 14].

Переселение жителей затопляемых населённых пунктов и серьёзные просчёты и провалы в процессе проведения этого масштабного процесса привели к большой социальной напряжённости, которая существует в некоторых местностях до сих пор. Так, объекты инженерной защиты в зоне влияния Чебоксарского водохранилища в итоге были выполнены лишь на 50%, причём их возведение после 1995 г. заморозили [12. С. 76]. В настоящее время именно этот факт является основной причиной негативного отношения населения региона к вопросу о повышении уровня водохранилища.

Главным отрицательным следствием гидростроительства на Волге стало затопление большого количества территорий. По авторским подсчётам, всего в 1930-1980-х гг. было затоплено 1696,8 тыс. га земельных угодий, в том числе 747,1 тыс. га сельскохозяйственного значения (44%). Особенно значительными были потери высокопродуктивных сенокосов и пастбищ – 33,2% от общего количества изъятых земель, а также лесов и кустарников – 27,4%. В некоторых регионах Поволжья сельское хозяйство испытывало недостаток в кормах для животноводства и до затопления пойменных угодий. В качестве примера можно привести колхозы, прилегавшие к территории будущего Саратовского водохранилища, компенсировавшие нехватку кормов выпасом скота на заливных сенокосах, в лесах и даже отгоном в степи Казахстана [25. Л. 32].

Проанализируем воздействие волжских гидроузлов на сельское хозяйство прилегающих к ним территорий. Совершенно очевидно, что больше всего пострадала кормовая база отечественной аграрной сферы. Биологи обратили внимание на этот факт ещё в 1950-е гг., но старались особо не афишировать его. Так, А.П. Шенников в 1954 г. отмечал: «Поучителен пример Рыбинского водохранилища. В 1941 г. им затоплено Молого-Шекснинское междуречье... Теперь, через 12 лет, потеря его всё еще не возмещена развитием кормопроизводства и семеноводства на берегах водохранилища, и прибрежные районы испытывают острый недостаток в кормах для животноводства...» [34. С. 52].

Значительное сокращение кормовой базы сельскохозяйственного производства пытались компенсировать введением в оборот новых площадей земельных угодий и трансформацией одного их вида в другой. По авторским оценкам, если площадь изымаемых из оборота пашенных и сенокосных земельных угодий к началу образования Рыбинского водохранилища была компенсирована всего лишь на 31%, то ко времени заполнения Чебоксарского – почти на 100%. Однако даже в последнем случае прежняя урожайность, а следовательно, и конечные объёмы продукции, не достигались. Об этом в конце 1950-х гг. писали учёные, изучавшие опыт создания Горьковского и других водохранилищ: «Особого внимания заслуживает качественная сторона вносимых созданием водохранилища изменений. В первую очередь выбывают... пойменные земли в верхнем и нижнем бьефе, наиболее ценные благодаря многолетнему накоплению илистых наносов, приносимых паводками, по урожайности превосходящие суходольные в 2-3 раза, а по запасам потенциального плодородия в 20-30 раз. Районы создания водохранилищ почти полностью теряют пойменные земли, т.е. наиболее плодородные участки своих земель, потеря которых не может быть возмещена даже в условиях восстановления той же площади сельскохозяйственных угодий на суходоле» [29. Л. 51].

Тем не менее выводы и прогнозы некоторых исследователей о потере в результате масштабного гидростроительства на Волге наиболее качественных земельных площадей, об ухудшении кормовой базы аграрного сектора и больших трудностях в её восполнении не стали достоянием не только научных кругов, но и широкой общественности. В итоге до сих пор сельское хозяйство многих регионов Волжского бассейна испытывает серьёзные трудности в качественных кормах.

С целью хотя бы частичной компенсации потерянной аграрной продукции, а также нейтрализации малярии в 1950-1960-х гг. предлагалось рисосеяние на обширных мелководьях волжских водохранилищ [26. Л. 23]. Однако эта мера не принесла желаемого эффекта.

Весьма показательным и типичным является воздействие Горьковского водохранилища, образованного в 1955-1957 гг., на сельское хозяйство прибрежных районов. Прежде всего отметим неравномерность влияния гидростроительства на прилегающие территории. Например, в Костромском районе Костромской области удельный вес затопленных и подтопленных земель составил

20,9% от общей площади района (174,9 тыс. га) – 36,6 тыс. га, в том числе 77,3% сенокосов и пастбищ, 17% лесов и кустарников и 5% пашни [27. Л. 216]. Аналогичные показатели в Красносельском районе той же области равнялись, соответственно, 3,5%, в том числе 15,8%, 2,8% и 0,6% [27. Л. 217].

После заполнения водохранилища в Горьковской области больше всего пострадали Городецкий и Чкаловский районы. Они лишились соответственно 11% и 10% земель от их общей площади, в сумме потеряв в среднем 57,3% сенокосов [28. Л. 9]. По специализации указанные районы были аграрными с животноводческо-льноводческим направлением, с промышленностью по переработке сельскохозяйственных продуктов, поэтому ликвидация значительной части кормовой базы животноводства поставила обеспечение его развития и роста в трудные условия. К тому же властные структуры стремились направить рабочую силу из сильно затрагиваемых затоплением приречных хозяйств в глубинные многоземельные районы, по большей части не имевшие желаемой экономической устойчивости [29. Л. 44]. В результате усилился отток сельского населения за пределы родных районов в другие колхозы или в лесную промышленность.

С целью восстановления земельных угодий в зоне влияния Горьковского водохранилища была осуществлена прирезка колхозных земель в размере 13,6 тыс. га, или 16,2% от их затопляемой площади, причём одна часть не подлежала сельскохозяйственному освоению, а 80% из оставшихся 3,8 тыс. га нужно было раскорчевывать [29. Л. 47]. Однако лесные земли являлись малопродуктивными. Также предусматривалось освоить 17 тыс. га новых земель в границах колхозных землепользований и трансформировать из одного вида угодий в другой около 40 тыс. га [29. Л. 47 об.]. В итоге к началу заполнения водохранилища в 1955 г. проекты освоения новых земель и мелиорации в прибрежных районах по колхозному сектору были выполнены в среднем лишь на 11,8% [29. Л. 49].

В результате анализа последствий создания Горьковского водохранилища для аграрного сектора региона мы пришли к выводу, что попытка восполнить недостающие площади путём трансформации одного вида угодий в другой привела к дополнительному уменьшению размеров пашни за счёт её перевода в сенокосы и пастбища. Трансформация и освоение новых территорий не сумели восполнить затопленные и подтопленные земли ни по площади, ни по плодородию [29. Л. 53 об.]. Следствием этой тенденции стало сокращение объёма продукции аграрного сектора экономики прибрежных районов. Так, по переустрояемым колхозам Ивановской области предусматривалось уменьшение объёма производства зерна на 20%, льна на 15%, картофеля на 8%, продукции крупного рогатого скота на 20%, свиноводства на 8%, овцеводства на 13% и птицеводства на 18% [29. Л. 54 об.].

Аналогичные тенденции прослеживались и в зонах влияний других волжских водохранилищ. Вместе с тем имелись и особенности. Восстановление продуктивности прибрежных колхозов Саратовского моря планировалось за счёт следующих методов более интенсивного применения земель: орошения, освоения под посевы залежей и паров, увеличения посевов высокоурожайных культур, повышения продуктивности кормовых угодий и закладки садов и ягодников [30. Л. 36 об.].

Значительный ущерб аграрному сектору экономики нанёс процесс подтопления прилегающих к берегам водохранилищ земельных угодий. Например, в зоне влияния Саратовского водохранилища из 27,03 тыс. га подтопленных территорий, 61% которых составляли земли колхозов, до 50% вследствие поднятия грунтовых вод и берегообрушения больше не могли использоваться в сельском хозяйстве, а остальные трансформировали в менее ценные угодья: пашни – в сенокосы, а сенокосы – в пастбища [30. Л. 34 об.].

Между тем возникновение новых и интенсивное расширение старых промышленных узлов и городов в районах гидростроительства привело к значительному увеличению потребности в продуктах питания и промышленном сырье. На основе повышения уровня механизации и электрификации началось форсированное создание хозяйств пригородного типа и развитие производства сельскохозяйственного сырья. Тем не менее вплоть до распада СССР население регионов испытывало трудности с обеспечением продовольствием.

Образование Горьковского и других водохранилищ Волжского каскада в наиболее плотно заселённой Европейской части СССР привело к затоплению всей поймы и части надпойменных земель бассейна, что было сопряжено с изъятием из хозяйственного оборота заливных лугов и самых ценных приречных участков пашни, заболачиванием прилегающих земель и другими трансформациями угодий. Подчеркнём, что выявленные нами тенденции были в значительной степени присущи всем волжским водохранилищам. По оценкам исследователей, только перенос кормодобыывания на новые пашни с затопленных пойменных волжских земель нанёс убытки в размере не менее 10 млрд руб. в год (в ценах 1988 г.) [2. С. 9]. По авторским расчётам, при средней урожайности около 35 ц/га с площади лугов и пастбищ, залитой водохранилищами Волжского каскада, можно было бы получать ежегодно, как минимум, 2 млн т ценного сена.

Итак, в процессе исследования мы установили, что строительство гидроузлов в Поволжье рассматривалось с позиций комплексного освоения региона с безусловным приоритетом крупных промышленных предприятий. Как правило, в районе сооружения гидроузла за счёт возведения новых населённых пунктов и укрупнения старых, транспортных коммуникаций, базы строительной индустрии, линий электропередач и связи, организации больших коллективов гидростроителей появлялись новые центры народнохозяйственного развития. Они способствовали интенсивному экономическому развитию и освоению природных ресурсов данного района. Вместе с тем гидроэнергетика была только одним из основных факторов социально-экономического развития Поволжья.

Показательно, что освобождавшиеся после завершения сооружения ГЭС мощные строительные базы часто были решающим фактором в пользу создания новых промышленных узлов. Таким образом в 1950-1980-х гг. на базе гидростроительных трестов сформировались Тольяттинско-Жигулёвский, Волжский, Заволжский и другие производственно-территориальные комплексы, включавшие в себя предприятия машиностроения, химической и строительной индустрии. Основными отрицательными проявлениями данной тенденции были увеличение расстояний доставки сырья и вывоза продукции, ухудшение условий эксплуатации предприятий и проживания населения.

Гидростроительство существенно ускорило процесс урбанизации региона. В районах сооружения гидроузлов образовывались быстро растущие новые города и ускорялось социально-экономическое развитие старых. Наиболее ярко выявленная тенденция проявилась на территории, прилегающей к Куйбышевской и Сталинградской ГЭС. Однако необходимость строительства сопутствующих населённых пунктов и производственной базы вызвала удорожание общей стоимости гидроузлов и удлинение сроков их сооружения.

Создание водохранилищ в Поволжье привело к потере благоприятных в селитебном отношении территорий и переселению людей на возвышенные места, зачастую малопригодные для проживания. Появились серьёзные проблемы с водоснабжением населения качественной водой. В ряде случаев ухудшались условия жизни переселенцев. С другой стороны, во многих новых крупных населённых пунктах повысился уровень благоустройства, постепенно складывался комплекс культурно-бытовых и других объектов.

Главными отрицательными последствиями крупномасштабного гидростроительства стало резкое увеличение антропогенной нагрузки на природную среду региона, а также затопление больших площадей ценных в сельскохозяйственном отношении земельных угодий, потерю которых в полной мере компенсировать не удалось.

Литература

1. Агафонов А.С. Воспоминания / записал Е.А. Бурдин 22 сент. 2004 г. в г. Ульяновск. 1 с.
2. Волга. Боль и беда России: фотоальбом / осн. текст В. Ильина; введ. ст. Ф.Я. Шипунова. М.: Планета, 1989. 301 с.
3. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. Р-3037. Оп. 2. Д. 3.
4. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. Р-2216. Оп. 1. Д. 20.
5. Города России: энциклопедия / гл. ред. Г.М. Лаппо. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. 559 с.
6. Долгополов К.В., Фёдорова Е.Ф. Поволжье. Экономико-географический очерк. М.: Просвещение, 1968. 208 с.
7. Журавлёв С.В., Зезина М.Р., Р.Г. Пихоя и др. АВТОВАЗ между прошлым и будущим: история Волжского автомобильного завода: 1966-2005. М.: Изд-во РАГС, 2006. 719 с.
8. История Гидропроекта. 1930-2000 / под ред. В.Д. Новоженкина. М.: ООО «Парк Принт», 2000. 544 с.
9. Корчагин А.А. Воспоминания / записал Е.А. Бурдин 04 сент. 2009 г. в с. Куралово (Спаский р-н Респ. Татарстан). 2 с.
10. Куйбышевская область: ист.-экон. очерк / сост. Л.В. Храмков, К.Я. Наякшин, Ф.Г. Попов и др. Куйбышев: Куйбышев. кн. изд-во, 1983. 351 с.
11. Меличихина С.И. Воспоминания / записал Е.А. Бурдин 12 авг. 2004 г. в г. Болгар (Спаский р-н Респ. Татарстан). 2 с.
12. Найдено В.В. Великая Волга на рубеже тысячелетий. От экологического кризиса к устойчивому развитию: в 2 т. Т. 1. Общ. характеристика бассейна р. Волга. Н. Новгород: Промграфика, 2003. 432 с.
13. Население России за 100 лет (1897-1997): стат. сб. / Госкомстат России. М.: ЗАО «Моск. изд. дом», 1998. 222 с.
14. Поселеннов М.О. Воспоминания / записал Е.А. Бурдин 19 июля 2004 г. в с. Крестово Городище (Ульяновская область). 1 с.
15. Розенберг Г.С., Краснощеков Г.П., Гелашвили Д.Б. Опыт достижения устойчивого развития на территории Волжского бассейна // Устойчивое развитие. Наука и практика. 2003. № 1. С. 19-31.
16. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР: 1923-1960: справочник / сост. М.Б. Смирнов; под ред. Н.Г. Охотина, А.Б. Рогинского. М.: Звенья, 1998. 600 с.
17. Сорокина Г.П. Воспоминания / записал Е.А. Бурдин 9 дек. 2006 г. в г. Ульяновск. 1 с.
18. Стратегический план развития городского округа Тольятти до 2020 года (приложение № 1 к решению Городской Думы № 335 от 07.07.2010 г.). Тольятти, 2010. 242 с.
19. Технический отчёт о проектировании и строительстве Волжской ГЭС имени XXII съезда КПСС, 1950-1961 гг.: в 2 т. Т. 1. Основные сооружения гидроузла / ред. А.В. Михайлов. М.; Л.: Энергия, 1965. 648 с.
20. Технический отчёт о проектировании и строительстве Волжской ГЭС имени В.И. Ленина, 1950-1958 гг.: в 2 т. Т. 1. Описание сооружений гидроузла / ред. Н.А. Малышев, Г.Л. Саруханов. М.; Л.: Госуд. энерг. изд-во, 1963. 512 с.
21. Трусова А.М. Воспоминания / записал Е.А. Бурдин 14 авг. 2004 г. в г. Казань. 2 с.
22. Ульяновская – Симбирская энциклопедия: в 2 т. Т. 2: Н-Я / ред.-сост. В.Н. Егоров. Ульяновск: Симбирская книга, 2004. 592 с.
23. Филиал Российского государственного архива научно-технической документации (Филиал РГАНТД). Ф. Р-109. Оп. 2-4. Д. 514.
24. Филиал РГАНТД. Ф. Р-109. Оп. 5-4. Д. 657.
25. Филиал РГАНТД. Ф. Р-109. Оп. 8-4. Д. 1139.
26. Филиал РГАНТД. Ф. Р-119. Оп. 1-4. Д. 425.
27. Филиал РГАНТД. Ф. Р-119. Оп. 6-4. Д. 115 а.
28. Филиал РГАНТД. Ф. Р-119. Оп. 6-4. Д. 116.
29. Филиал РГАНТД. Ф. Р-119. Оп. 6-4. Д. 240.
30. Филиал РГАНТД. Ф. Р-119. Оп. 8-4. Д. 1139.
31. Характеристика сдвигов в развитии и размещении производительных сил Поволжского экономического района за 1961-1970 гг. / под ред. В.Я. Любова, Н.А. Соловьева. М.: Мин-во культуры, 1972. 383 с.
32. Чебоксарская ГЭС на реке Волга. Технический отчёт о проектировании, строительстве и первом периоде эксплуатации: в 2 т. М.: Ин-т «Гидропроект», 1988. Т. 1. 504 с.

33. Численность населения Российской Федерации по городам, поселкам городского типа и районам на 1 января 2010 года [Электронный ресурс]. URL: [http:// www.gks.ru/bgd/regl/b10_109/Main.htm](http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_109/Main.htm) (дата обращения: 22.09.2010).

34. Шенников А.П. Пути увеличения кормовых ресурсов животноводства на берегах водохранилищ // Природа. 1954. № 5. С. 52-56.

35. Ярославская область за 50 лет: 1936-1986: очерки, документы, материалы / науч. ред. В.Т. Анисков. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1986. 256 с.

БУРДИН ЕВГЕНИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры музееведения, Ульяновский государственный педагогический университет, Россия, Ульяновск (burdin_e@mail.ru).

BURDIN EVGENIY ANATOLYEVICH – candidate of historical sciences, assistant professor of Museology Chair, Ulyanovsk State Pedagogical University, Russia, Ulyanovsk.

УДК 94(470.41)"19":343.979

А.С. БУШУЕВ

КРИМИНАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ МОЛОДЕЖИ г. НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ В 1985-2005 ГОДАХ

Ключевые слова: криминальная активность, преступность, молодежь.

На примере крупного города Закамского региона – Набережные Челны – показаны состояние и динамика молодежной криминальной активности в 1985-2005 гг. Уделено внимание не только общим проблемам молодежной преступности, но и специфическим характеристикам, способствовавшим росту криминальной активности в условиях монопромышленного города.

A.S. BUSHUEV

CRIMINAL ACTIVITY OF YOUTH IN NABEREZHNYE CHELNY IN 1985-2005

Key words: criminal activity, criminality, youth.

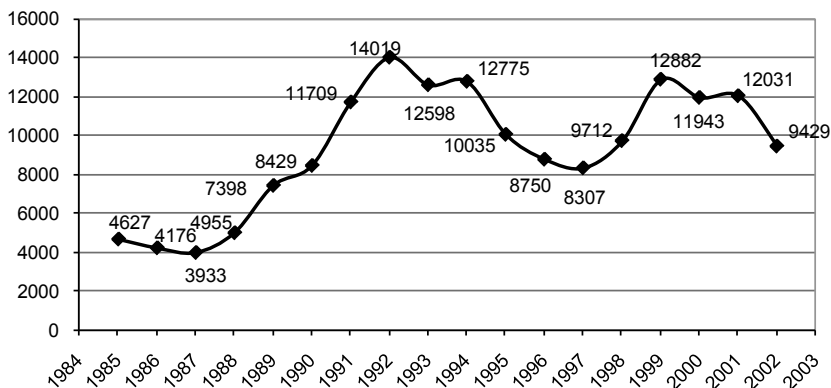
In paper on an example of a big city of Zakamsky region – Naberezhnye Chelny – the condition and dynamics of youth criminal activity in 1985-2005 are shown. The author has paid attention not only to shared problems of youth criminality, but also the specific characteristics promoting growth of criminal activity in the conditions of a monoindustrial city.

Изучение криминальной активности молодежи имеет большое значение не только с научной, но и с практической точки зрения. Сегодня в условиях выстраивания федеральной государственной молодежной политики и начатой реформы МВД особенно необходим исторический анализ негативных проявлений молодежной активности. Такой анализ позволит выявить причины развития этих процессов, учесть просчеты и ошибки, допущенные в работе с молодежью, и тем самым способствовать решению этой проблемы в будущем. При этом важно учесть опыт регионов, а иногда и отдельных городов.

Набережные Челны – молодой город. Хотя официальный статус города Челнами был получен еще в 1930 г., период активного формирования города пришелся на время строительства комплекса Камского автомобильного завода в конце 60-х – начале 70-х гг. XX в. [5. С. 232] Здесь была Всесоюзная ударная комсомольская стройка, собравшая молодых людей из разных уголков Советского Союза. В результате массовой миграции и последующего роста рождаемости в семьях молодых строителей и заводчан доля молодежи среди населения города оказалась выше, чем в среднем по республике. По данным Госкомстата РТ, на 2005 г. из 507,9 тыс. чел. населения Набережных Челнов молодежь в возрасте 16-29 лет составляла 26,8% [2. С. 23-24]. С учетом этого изучение молодежной криминальной активности на примере Челнов представляется особенно значимым и интересным.

Проблема молодежной криминальной активности стала очевидной в Татарской Республике в 1980-е гг., когда получил широкое распространение так называемый «казанский феномен». Подобные процессы наблюдались и в других

крупных городах Советского Союза. Постепенно в связи с предпринимаемыми общественностью и органами правопорядка усилиями к началу 1990-х гг. проблема криминальных молодежных группировок в Казани становится менее острой. Но одновременно происходит смещение этой проблемы из центра на периферию. Так эта проблема пришла во второй город республики – Набережные Челны. Город в соответствии с делением на микрорайоны и комплексы был разделен на сферы влияния криминальных групп. Влияние этих групп здесь, как и в Казани, было значительным. На рисунке хорошо заметен рост числа зарегистрированных преступлений в Набережных Челнах и прилегающем Тукаевском районе РТ в этот период.

Динамика общей преступности по г. Набережные Челны и Тукаевскому району в 1985-2002 гг. (число зарегистрированных преступлений)
(график построен на основе данных, представленных в [4. Л. 1])

Как видим, с конца 1980-х гг. наблюдается заметный рост преступности в городе. Всего за семь лет происходит трехкратное увеличение числа совершенных преступлений (с 4,6 в 1985 г. до 14,0 тыс. в 1992 г.), а к 2001 г. эта цифра устанавливается на уровне 12,0 тыс. преступлений.

Причин роста числа преступлений в городе в этот период было множество, среди них: разложение целостной социальной среды обитания молодежи и системный кризис, поразивший политико-правовую сферу советского государства в тот период [1. С. 158-159]. Существенное влияние на развитие этих процессов оказали и реальные условия жизни городской молодежи. Бурный рост городского населения, беспризорность и беззащитность детей, подрыв основ культуры, невнимание к молодежным проблемам и формализм в работе с молодежью – все это способствовало усилению криминогенного влияния.

Кроме того, развитию повышенной криминальной активности молодежи города способствовали некоторые особенности Набережных Челнов. Город Набережные Челны принадлежит к группе монопромышленных городов, вся его жизнь долгое время была подчинена единственному промышленному предприятию – Камскому автомобильному заводу (КамАЗ). Именно со строительством автопредприятия начал активно развиваться сам город, росла численность горожан. Во время строительства КамАЗа город не уделял большое внимание подрастающему поколению, здесь не хватало детских садов и учреждений культуры. Семьи камазовцев в основном выполняли функции воспроизводства работников для промышленного предприятия, лишь в немногих из них ставились задачи передачи культурных, нравственных норм воспитания и организации досуга.

К резкому росту численности молодого населения оказалась не готова инфраструктура города. В Челнах в условиях сокращения государственного финансирования так и не были возведены многие объекты культуры и досуга, заложенные в проекте (например, есть остановка «Театральная», вблизи которой нет действующего театра и т.п.). Это ограничило возможности разностороннего развития молодых людей, культурной организации досуга. Негативные последствия этого обнаружили себя годы спустя в различных проявлениях антисоциальной активности.

Кроме того, в годы строительства КамАЗа воспитанием детей, помимо родителей, занимались общественные организации (пионерская, комсомольская), кружки и студии при домах пионеров и дворцах культуры, специализированные школы (музыкальные, спортивные и др.), где либо бесплатно, либо за умеренную плату дети имели возможность провести свободное время, получив необходимые навыки. С распадом СССР и в связи с глубочайшим экономическим кризисом в стране их деятельность либо прекратилась, либо была поставлена на коммерческую основу. У большинства родителей не было средств не только для организации досуга детей, но и для элементарного существования. В то время, когда родители были заняты поисками дополнительных заработков, дети оказались предоставленными сами себе и улице. Это стало одной из причин наблюдаемого роста молодежных проблем, когда подросли дети, родители которых вводили в строй первую и вторую очереди КамАЗа, 1976 и 1981 гг. рождения (пики преступности приходятся на 1992 и 1999 гг.) [4].

Более детально остановимся на состоянии и тенденциях развития молодежной преступности в городе в 1996-2005 гг., когда в активном молодом возрасте уже находились «дети КамАЗа».

Общее число преступников в возрасте 16-29 лет в городе за период с 1996 по 2005 г. колебалось в пределах от 2385 до 4038 человек (см. таблицу). При этом абсолютная численность выявленных молодых преступников практически не выросла к концу рассматриваемого периода. Напротив, произошло даже ее снижение на 1,3%. Значительный рост числа молодых преступников произошел в 1998-1999 гг. и незначительный наблюдался в 2004-2005 гг. после спада 2000-2003 гг.

Динамика молодежной преступности в г. Набережные Челны в 1996-2005 гг.

	Годы									
	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Выявлено лиц, чел.	2591	2502	2674	4038	3979	3579	2590	2385	2460	2558
Темп роста, % к 1996 г.	100,0	96,6	103,2	155,8	153,6	138,1	100,0	92,0	94,9	98,7
Темп прироста, % к предыдущему году	—	-3,4	+6,9	+51,0	-1,5	-10,1	-27,6	-7,9	+3,1	+4,0
Коэффициент криминальной активности	—	—	—	34,1	32,9	28,7	19,6	18,2	18,3	18,8

Примечание. Таблица построена на основе данных, представленных в [3].

Ситуация середины 1990-х гг. явилась своеобразной реакцией на наступившие в это время радикальные перемены в жизни общества и государства. К этому времени накопились и все серьезнее заявляли о себе негативные и острые социальные проблемы: ослабление институтов государственной власти и кризис в экономике, обнищание значительного числа населения, перебои с выплатами заработной платы (а после пожара в 1993 г. на заводе двигателей КамАЗа еще и массовая явная и скрытая безработица) наряду со снижением противодействия криминалу со стороны государственных структур. Все эти и другие негативные явления отразились на самочувствии молодежи, ее криминальной активности.

В 1996-1997 гг. происходит, казалось бы, снижение уровня криминальной активности молодежи города. Однако это было временным явлением, связанным,

скорее, с изменением законодательства, чем с улучшением дел в молодежной среде. Введение в действие нового Уголовного кодекса РФ 1996 г., в котором значительная часть преступных деяний была полностью или частично декриминализована, сказалось на изменении показателей уголовной статистики.

Очередной (после 1992 г.) пик молодежной преступности в городе приходится на 1999 г. Число выявленных лиц только за год увеличилось вдвое, составив более 4 тыс. человек [3]. Рост динамики молодежной преступности наблюдался уже в 1998 г., но тогда еще не был столь резким (показатель вырос всего на 7%). Причем, если посмотреть состав видов преступлений, то видно, что этот всплеск вызван резким ростом преступлений, связанных с посягательством на собственность (кражи, разбои, грабежи). Таким образом, рост уровня криминальной активности молодежи в 1999 г. прежде всего связан с социально-экономическими проблемами общества. Дефолт августа 1998 г., задержки с выплатами заработной платы, бедность и нищета одних и богатство других при резком снижении социального контроля и социальной помощи, растущей безнадзорности и безнаказанности, алкоголизации и наркотизации населения обусловили эту негативную тенденцию.

Некоторое снижение показателей криминальной статистики в городе после 2000 г. объясняется очередными изменениями уголовного и административного законодательства (декриминализованы хулиганство, незаконный оборот наркотиков, неосторожные преступления средней тяжести). Также была усложнена процедура предварительного расследования, что привело к сокращению числа регистрируемых преступлений. При этом произошло увеличение преступных посягательств, о чем свидетельствует рост числа поступивших в милицию сообщений о происшествиях, а также преступлений корыстно-насильственного характера (краж, грабежей, разбоев), в том числе в общественных местах и на улицах.

Таким образом, мы видим, что процессы, развивающиеся в молодежной среде в этот период достаточно противоречивы. С одной стороны, происходит некоторая стабилизация криминогенной ситуации в городе, с другой – криминальные проявления антисоциальной активности в молодежной среде несколько смещаются в сторону преступлений, связанных с посягательством на чужую собственность. А молодежные группировки из дворовой шантрапы, сводящей счеты со всеми без разбора, кто оказался в чужом районе (комплексе), превращаются в организованные преступные сообщества, занимающиеся преступной деятельностью на другом уровне.

Литература и источники

1. Булатов Р.М. «Казанские моталки»: особенности их асоциальной субкультуры // Криминологи о неформальных молодежных объединениях: сб. М.: Юрид. лит., 1990.
2. Возрастно-половой состав населения РТ, городов с населением 100 тыс. чел. и более и внутригородских районов г. Казани на начало 2005 г. Экспресс-бюллетень. Казань, 2005.
3. Текущий архив Информационного центра МВД РТ. Отчеты МВД РТ за 1996-2005 гг. о лицах, совершивших преступления (на электронном носителе).
4. Текущий архив УВД г. Набережные Челны. Справка «О состоянии молодежной преступности в городе за период с 1985 по 2002 год» / сост. Р.Х. Фаизов.
5. Энциклопедия города Набережные Челны / гл. ред. Б.Л. Кузнецов, М.Ш. Бибишев. Казань, 2007.

БУШУЕВ АЛЕКСЕЙ СЕРГЕЕВИЧ – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой и новейшей истории, Институт истории имени Ш. Марджани, Академия наук Республики Татарстан, Россия, Казань (a_bushujev@mail.ru).

BUSHUEV ALEKSEY SERGEEVICH – candidate of historical sciences, senior scientific worker of New and Modern History Department, Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani (Shihab ad-Din al-Marjani), Tatarstan Academy of Sciences, Russia, Kazan.

УДК 316.34–057.75

Т.Н. ВЯЗОВСКАЯ

**СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ ПЕНСИОНЕРОВ
В УСЛОВИЯХ ПЕНСИОННОЙ РЕФОРМЫ 1990-2000-х ГОДОВ***

Ключевые слова: пенсии, пенсионная реформа, социально-экономические реформы, социальная защита населения.

Проведен анализ социального самочувствия пенсионеров в условиях системных реформ 1990-2000-х гг., обозначены проблемы данного периода.

T.N. VYAZOVSKAYA

**SOCIAL WELL-BEING OF PENSIONERS IN THE CONDITIONS
OF THE PENSION REFORM, 1990-2000s**

Key words: pension, pension reform, socio-economic reforms, social protection of the population.

The analysis of social well-being of pensioners in the conditions of systemic reforms of 1990-2000s, outlined the problems of this period.

К рубежу 1980-1990-х гг. глубокий кризис, охвативший различные сферы жизни советского общества, особенно ярко проявился в экономике. В данной ситуации попытка с 1992 г. форсировать рыночные реформы на основе «шоковой терапии» обернулась настоящей катастрофой. Только за 1992-1994 гг. спад в экономике превысил 50%, инвестиции упали в 4 раза. К 2001 г. доля России в мировой экономике снизилась в 7,5 раза по сравнению с аналогичным показателем за 1990 г. (с 6% до 0,8%) [6]. В стране стремительно нарастали процессы деиндустриализации. Утрата научных школ, технологий, беспрецедентное старение основного капитала и деградация высокотехнологичных отраслей лишили Россию возможности участвовать в мировой конкуренции.

Наряду с падением физических объемов валового национального продукта, происходило глубокое перерождение экономики, связанное с появлением в ней откровенно асоциальных и даже антигосударственных черт. В первую очередь это выразилось в росте теневой экономики, достигшей гипертрофированных масштабов. По различным данным, к 2000 г. ее удельный вес в ВВП составлял около 35-50%. В процессе «номенклатурной приватизации» и утраты контроля за экономическими процессами «в тень» стали смещаться и многие крупные компании, олигархические группы, фактически недоступные для закона, не платившие налоги. По данным Счетной палаты, общий ущерб государства в данной связи только в 1995-1997 гг. составил 65,8 трлн руб. [4].

В ситуации, когда «интересы страны были принесены в жертву интересам ближнего круга олигархов» [10. С. 210], советская номенклатура, трансформировавшись в квазибуржуазию, откровенно пренебрегала интересами общества. Если 85% населения с более низкими доходами выплачивали подоходный налог полностью, то 15% с наибольшими доходами уплатили лишь 10%. Только в 1996 г. казна не получила около 100 трлн руб. [7]. На данном фоне шло углубление кризиса общественной нравственности. Согласно опросам россиян на рубеже 1990-2000-х гг., 42% граждан считали нормой сокрытие доходов от налоговой инспекции, 47% – зарплату «в конвертах» [9]. Учитывая обнищание населения, сместившее за черту прожиточного минимума (1,6 долл. в день) в начале 2000 г. 64% россиян [8], это трудно однозначно осуждать.

Углублявшийся бюджетный кризис изменил отношение к самой социальной политике. Опросы чиновников показали, что ее целью 28% считали обеспечение интересов элиты, а еще 40% – поддержание социальной стабильно-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-11-21010а/В).

сти, что, по сути, тоже является обеспечением элиты, власти [3. С. 7-8]. Таким образом, на задний план отошли сам человек, его права и интересы.

Следствием кризиса стали ухудшение качества жизни населения, нарастающие социальные диспропорции. Все меньше трудоспособных, особенно наиболее продуктивных групп с высокой квалификацией, приходилось на увеличившийся слой пенсионеров (причем и по старости, и по инвалидности, и по потере кормильца). Снижение качества жизни вело к ухудшению здоровья людей. Постоянно росло количество работников, получавших профессиональные заболевания. Только в 1990-1995 гг. в 2 раза выросло число инвалидов (детей-инвалидов – в 3 раза). С 1993 г. среднестатистический российский мужчина лишился даже шанса дожить до пенсионного возраста. Согласно расчетам Центра демографии и экологии человека, в конце 1990-х гг. неблагоприятные тенденции достигли максимума [11].

Деградация населения прямо влияла на сферу социальной политики, поскольку группы, ориентированные на «выбивание» любой ценой бюджетных трансфертов, неуклонно росли. Однако, обращаясь к реальному положению социально незащищенных слоев населения, нужно признать, что их реакцию на политику властей (к примеру, в письмах инвалидов Б.Н. Ельцину) следует признать не просто оправданной, но еще и весьма сдержанной [1. Д. 436. Л. 24-26, 28-29; Д. 437. Л. 8-10, 21-22 и др.].

Общая ситуация в стране стала меняться с рубежа 1990-х гг. Однако, даже несмотря на экономический подъем 1999-2004 гг., Россия не смогла преодолеть последствия кризиса 90-х ни по одному из значимых социально-экономических показателей. Соответственно, ситуация в социальной сфере оставалась крайне сложной. Для пенсионеров основное значение при этом имели малообеспеченность и неудовлетворительное состояние здоровья. Это подтверждают как официальные аналитические документы [2], так и данные мониторингов, в которых медико-социальные и социально-психологические проблемы устойчиво находились на первом месте [5].

Социальное самочувствие пенсионеров, на которых у государства явно не хватало средств, дополнительно ухудшалось некорректным отношением к ним той экстрарадикальной части общества, которая представляла старшее поколение как безысходных ретроградов, «красно-коричневых».

Литература

1. ГАРФ. Ф. А-664. Оп. 1.
2. Государственный доклад о состоянии здоровья населения Российской Федерации в 2004 году // Здравоохранение РФ. 2006. № 4.
3. Мир России. 1998. № 1-2.
4. Новая газета. 1998. 16-22 марта.
5. Программа развития ООН в Российской Федерации «Возраст мудрости – возраст созидания». К международному году пожилых людей. М.: Изд-во фонда «Мир семьи», 1999.
6. Российский статистический ежегодник: стат. сб. М.: Росстат, 1992-2000.
7. Русский телеграф. 1997. 11 нояб.
8. Текущий архив Государственной Думы ФС РФ.
9. Труд. 2000. 24 мая.
10. Хлебников П. Крестный отец Кремля Борис Березовский, или История разграбления России. М.: Детектив-Пресс, 2001.
11. <http://www.demoscope.ru/center.html>.

ВЯЗОВСКАЯ ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА – доктор исторических наук, заведующая кафедрой частного права, Чебоксарский кооперативный институт, Россия, Чебоксары (g197412@yandex.ru).

VYAZOVSKAYA TATYANA NIKOLAEVNA – doctor of historical sciences, head of Private Law Chair, Cheboksary Cooperative Institute, Russia, Cheboksary.

УДК 342.56(470)"1864

А.Г. ГАЛКИН

**АЛЬТЕРНАТИВЫ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 ГОДА
В ОЦЕНКАХ «ОБРАЗОВАННОЙ ПУБЛИКИ» 1860-1900-х ГОДОВ**

Ключевые слова: судебная реформа, общественное движение, общественно-политическая борьба.

Дан анализ общественного обсуждения проблем разработки и реализации судебной реформы 1864 г. Автор обращается к основным дискуссионным вопросам, обсуждавшимся в периодической печати, выделяет широкий спектр мнений, систематизирует имеющиеся материалы консервативной и либеральной направленности, показывает сильные и слабые стороны новой российской судебной системы.

A.G. GALKIN

**AN ALTERNATIVE TO THE JUDICIAL REFORM OF 1864
IN THE ESTIMATES OF «THE EDUCATED» 1860-1900s**

Key words: judicial reform, public movement, socio-political struggle.

The article is devoted to the analysis of the public discussion of the problems of design and the implementation of the judicial reform of 1864. The author turns to the main discussion topics, discussed in the periodical press, allocates a wide range of opinions, to systematize the available materials conservative and liberal orientation, shows the strengths and weaknesses of the new Russian judicial system.

27 сентября 1862 г. Александр II утвердил план законопроектных работ, направленных на реформирование судостроительства и судопроизводства в Российской Империи. Новый суд, который должен был появиться в результате судебной реформы, по замыслу его создателей в полной мере обеспечивал гарантии прав личности, защищал ее от произвола властей. Именно таким образом реформа воспринималась в самых различных слоях образованного российского общества, подавляющее большинство которого испытывало настоящий восторг от открывавшихся перспектив развития судебной системы страны. Особые надежды возлагались на гласность, открытость, состязательность производства. Даже консервативные органы печати подчеркивали их непреходящее значение, превозносили: «Всеоживляющее, всевозбуждающее начало публичности, дающее всему свет и призывающее всех к сознательному участию в интересах своего Отечества» [11]. Обращает на себя внимание и то, что еще до начала практической реализации программы судебных преобразований, общественные ожидания отличались известной степенью иллюзорности: «Требования публики относительно реформы не ограничиваются одною буквою реформы, а идут куда-то далее...» [16. С. 77]. Это и стало исходной точкой бурных общественных дискуссий в последующем.

Как известно, фактическим началом практической реализации судебной реформы принято считать открытие окружных судов в Санкт-Петербурге и Москве в апреле 1866 г. Отметим, что с этого времени общественная эйфория от нового судопроизводства достигает своего пика. Как современники, так и исследователи обращают внимание на колоссальное воздействие публичных процессов на «образованную публику», для которой они составили особый род реализации «общественной» активности.

В то же время в правительственных кругах уже с 1866 г. все более утвердились принципиально иные настроения. Не успели еще открыться новые суды, как произошло одно немаловажное событие в жизни России: 4 апреля 1866 г. на Александра II было совершено покушение. Следствием этого, по сути, стал переход к контрреформам. В частности, уголовные дела о государственных преступлениях были изъяты из ведения суда присяжных и переданы в особое учреждение судебно-административного состава. В целом же, с 1864 г. по 1894 г. было принято более 700 дополнений, изменений, поправок в судебные уставы 1864 г. Их основной целью являлось нивелировка процессуального и материального законодательства.

Отражением новых реалий стали широкие общественные дискуссии по различным аспектам организации и деятельности судебной системы. Причем, в отличие от первой половины – середины 1860-х гг., в них все громче звучал голос консерваторов. В частности, в качестве примера можно указать на выходившую в 1863-1870 гг. газету «Весть» (редакция В.Д. Скарятин и Н.Н. Юматов), считавшуюся органом консервативного петербургского дворянства во главе с В.П. Орловым-Давыдовым, П.А. Шуваловым и др. и поддержанную МВД (Н.А. Валуев). Газета подвергала острой критике реформы 1860-х гг., особенно земскую, выступала за необходимость корректировки судебной реформы. Большое внимание ее редакцией уделялось конкретным судебным процессам [5]. На позиции критики реформы к концу 1860-х гг. перешел и ряд изданий, прежде поддерживавших ее («Московские ведомости» и пр.).

Передовая общественность, напротив, все более остро критиковала непоследовательность, ограниченность реформы, отступления от ее основ.

Так, по мнению видного юриста К.К. Арсеньева: «Истекшее десятилетие было для России не только эпохой преобразований, но и эпохой политических процессов. С самого 1861-го года они следовали один за другим почти непрерывно...». Первоначально секретные, постепенно они стали известны обществу. Однако принцип гласности выдерживался при этом все же с трудом. В частности, процесс 1866 г. над Каракозовым разбирался верховным уголовным судом по правилам судебных уставов 1864 г., но при закрытых дверях. В итоге, здесь был обнародован лишь приговор. Первый гласный политический процесс («нечаевский») состоялся лишь в 1871 г. Но и здесь пресса могла лишь перепечатывать официальные отчеты о судебных заседаниях из «Правительственного вестника». Констатируя в данной связи отсутствие в России должной гласности судопроизводства, либералы доказывали, что именно отсутствие свобод рождает различного рода тайные общества [3. С. 283].

Другим объектом их критики являлась все более заметная подмена судебного разбирательства административным преследованием. Тот же К.К. Арсеньев в данной связи отмечал: «недостаточно одного невмешательства администрации в дела, производимые судом; необходимо еще, чтобы круг действий судебной власти не был стеснен произвольными распределениями». В данной связи он критиковал «защитников административной расправы» [1. С. 357-358]. Либеральные деятели все чаще ставили вопрос об отказе от базовых положений реформы 1864 г. В частности, они справедливо акцентировали внимание на тревожной тенденции утверждения практики комплектования штата судебных следователей за счет «исполняющих обязанностей». Власти объясняли ее недостатком в обществе хорошо подготовленных специалистов. Однако прогрессивная общественность видела здесь серьезную угрозу. Констатируя, что институт судебных следователей «в три-четыре года разрушен», они отмечали: «При виде того, что сделалось в три-четыре года с институтом судебных следователей, невольно возникают опасения за будущее судебной реформы» [2. С. 785]. К тому же, никто не мог дать гарантии того, что вслед за этим не появятся «исполняющие обязанности» судей [17].

Активно защищая появившийся в стране институт суда присяжных, либеральные деятели, хотя и осторожно (дабы не играть на руку реакции), все же проводили мысль о необходимости его дальнейшего совершенствования. В частности, уже в 1860-е гг. стало ясно, что крайне негативную роль играла внешняя строгость законодателя, особенно в отношении имущественных преступлений (кражи и пр.), в силу которой многие дела были подсудны не мировому, а лишь окружному суду. В итоге нередко получалось, что до суда подсудимый сидел по 1-1,5 года в остроге, где пропитывался уголовным духом: «крестьянин, проживший год в этом воспитательном заведении, из живого, связанного к семейству и хозяйству человека делается настоящим, коренным арестантом». Маразм

такого положения крайне раздражал присяжных, которые, в свою очередь, даже в случае вполне установленного преступления, зачастую выносили оправдательный приговор. Критикуя подобное положение дел, один из современников прямо увязал с нею рост уголовной преступности («видно не пьянство в том виновато!»). При этом он заметил: «Можно себе представить, сколько Россия теперь уже приобрела опытных осторожных юристов» [12. С. 369-377].

В связи с отходом от ряда принципов реформы 1864 г., а также по мере нарастания очевидных проблем, с рубежа 1860-1870-х гг. отмечается нарастание известного равнодушия к проблеме. Современники, скептически констатировавшие, «что общество наше не только не продвинулось вперед, но сделало несколько шагов назад», фиксировали бессистемность реформ, их «отрывочность» (в том числе, отрыв крестьянской реформы от судебной), отмечали рост общественной апатия, равнодушия. В частности, по их мнению, в провинции: «В настоящее время ни земские, ни судебные учреждения никого не интересуют; но хуже всего то, что от них и не ожидают ничего особенного» [8. С. 779-780].

Дальнейший отход от основ судебной реформы в значительной степени был связан с политическими процессами 1870-х гг. Под их влиянием все более изменялся порядок судопроизводства по некоторым государственным преступлениям. Даже символ реакции «Гражданин» с сожалением заметил по этому поводу: «Это первое, необъясненное публике ... существенное изменение судебных уставов 20-го ноября 1864 года». Констатируя «прискорбное» развитие событий, журнал выражал надежду, что эти нормы не будут востребованы на практике «после отрезвления, несомненно внесенного в нашу общественную жизнь пресловутым, печальной памяти, нечаевским процессом» [7. С. 282-284].

На этом фоне все более ширились слухи «о предстоящей реакции». Причем «пессимистические слухи всего чаще касаются именно реформы судебной». В частности, в контексте нечаевского политического процесса, летом 1871 г. распространился слух, «что всех адвокатов вышлют административным порядком». В данной связи редакция «Вестника Европы» объясняла распространение данных слухов тем, что «из всех реформ эта одна создала у нас власть самостоятельную по отношению к администрации. Правда, перемещение судей на высшие должности и ходатайство о даровании им почетных наград зависят-таки от администрации. Но все же суды не то, что земские собрания, которые постановляют решения под контролем губернаторов, и не то, что печать, которая никаких решений не постановляет, и легко призывается к осторожности известным средством, которое так и называется предостережением». Исходя из этого, редакция признавала, что судебная реформа – «есть тот пробный камень, который покажет, что такое все наши реформы – серебро или посеребренная медь» [6. С. 833-835].

По мере нарастания реакции правыми под сомнение была поставлена сама целесообразность существования суда присяжных. Так, М.Н. Катков, в 1860-е гг. поддерживавший необходимость его введения, в 1870-е гг. разочаровывается в этом институте. В основе этого разочарования лежало убеждение в том, что суд присяжных в очень многих случаях выносил слишком мягкие вердикты, не соответствовавшие тяжести совершенных преступлений. В итоге, в 1870-х гг. М.Н. Катков перешел к критике основных принципов судебной реформы 1864 г., а в 1880-х гг. – уже к откровенным нападкам на судебные институты, особенно на суд присяжных. Эту точку зрения поддерживал и редактор журнала-газеты «Гражданин» В.П. Мещерский.

Со временем смыслом их деятельности стало стремление не только показать недостатки, но и указать на неготовность русского народа и общества в целом к суду присяжных, неразвитость правосознания среди российской общественности. Подобное направление, безусловно, соответствовало видам и целям правительства, которое было не склонно способствовать созданию общества

граждан с собственным мнением, правом голоса и готовностью бороться за свои социальные интересы. Террор народников во второй половине 1870-х гг. и оправдательный приговор по делу В. Засулич только подхлестнули наступление на суд присяжных. При этом, помимо откровенных нападок на этот институт, частью умеренных деятелей пропагандировалась идея полной завершенности судебной реформы. Так, профессор-правовед Н.В. Муравьев (министр юстиции с 1894 г.) в 1875 г. писал, что Судебные Уставы 1864 г. это, по сути, идеал: «Начала в ней проведенные, признаны всем человечеством; они так высоки и чисты, влияние и последствия их так благодетельны для русской жизни, что дальше их нам незачем и некуда идти» [15].

В данной связи А.Ф. Кони в реферате, прочитанном 25 октября 1880 г. в Санкт-Петербургском юридическом обществе, совершенно справедливо отмечал, что более всего судебной реформе вредят два типа людей, во-первых, готовые бесконечно «перекраивать» уставы 1864 г., во-вторых, ортодоксы, защищающие в них каждую букву.

В целом либералы стойко защищали новый суд. Так, московская газета «Земство» провозглашала принципиальную установку либеральных кругов: «Ответственность перед законом всех без изъятия, носителей власти, как правительственных, так и общественных, при возможности для каждого обиженного искать перед независимым судом восстановления своего нарушенного права – вот надежное средство для охранения свободы и правильного развития личности» [10]. Данное программное положение поддерживали и другие популярные издания [14. С. 36-37].

Однако после 1 марта 1881 г. в стране вновь произошел поворот к реакции. В этих условиях суд стал объектом новых реакционных нападок тех, кто не мог смириться с тем, что «суд отделен от государства (на наше горе успели сделать это и у нас в России), – и суд становится орудием господствующей партии или известных политических тенденций» (из письма К.П. Победоносцева Александру III от 11.03.1883 г.) [13. С. 364].

Неизбежные судебные ошибки, недостатки в работе судебных учреждений в условиях контрреформ давали консерваторам обильный материал для критики и текущего состояния дел в сфере судопроизводства, и возможных перспектив ее развития. При этом доминирующим в рамках периода являлось мнение об известной самодостаточности российского опыта и необходимости воздерживаться от излишнего подражания зарубежным образцам. Как отмечалось в данной связи Н.В. Муравьевым: «Уроки судебной истории предостерегают от увлечений в понимании того, каким быть русскому суду и в чем должны заключаться его улучшения» [9].

Впрочем, правительство избегало и излишне охранительных мер. В частности, это показала общественная дискуссия 1890-х гг. вокруг работы комиссии М.В. Красовского, работавшей над корректировкой Правил о присяжных поверенных. По мнению Н.А. Троицкого, с которым трудно не согласиться, в данном случае ввиду снижения политической активности адвокатуры правительство отказалось от проведения радикальных мер [18. С. 162].

В сложившейся ситуации либеральная общественность все чаще высказывала опасения относительно состояния дел в сфере правосудия. В частности, по мнению одного из современников: «за русский суд страшно, именно за суд вообще, а не только за суд присяжных» [4. С. 1]. Соответственно, все громче звучали голоса, требовавшие восстановления в полном объеме положений реформы 1864 г. На их фоне авторы и издания охранительного толка все более теряли свой авторитет. Неизбежным итогом подобного развития событий стало нарастание общественного брожения, в конечном счете нашедшего свое выражение в складывании революционной ситуации начала XX столетия.

Литература

1. Арсеньев К.К. Итоги судебной реформы // Вестник Европы. 1871. Т. 3. Кн. 5.
2. Арсеньев К.К. Итоги судебной реформы // Вестник Европы. 1871. Т. 3. Кн. 6.
3. Арсеньев К.К. Политический процесс. 1869-1971 г. // Вестник Европы. Т. VI. Кн. 11.
4. Бобрищев-Пушкин А.М. Эмпирические законы деятельности русского суда присяжных. (С атласом). М., 1896.
5. Весть. 1864. № 7, 13; 1867. № 6, 38; 1869. № 115, 140; и др.
6. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1871. Т. 6. Кн. 12.
7. Гражданин. 1872. Т. 1. Ч. 1. Кн. 1.
8. Десять лет реформ. 1860-1870 г. // Вестник Европы. 1871. Т. 1. Кн. 2.
9. Записка министра юстиции Н.В. Муравьева об итогах работы Комиссии по пересмотру судебного законодательства, представленная в Государственный Совет // РГИА. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 327.
10. Земство. 1880. № 1, 3 дек.
11. Московские ведомости. 1866. № 168.
12. Отечественные Записки. 1869. Т. V. Кн. 10.
13. Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени. М.: Русская книга, 1993.
14. Русская мысль. 1881. № 1.
15. Русский вестник. 1875. № 10.
16. Современник. 1863. № 7. С. 77.
17. Судебный вестник. 1870. № 78.
18. Троицкий Н.А. Адвокатура в России и политические процессы 1866-1904 гг. Тула: Автограф, 2000.

ГАЛКИН АЛЕКСАНДР ГЕОРГИЕВИЧ – кандидат юридических наук, доцент, Кубанский государственный аграрный университет, Россия, Краснодар (alex-amway@inbox.ru).

GALKIN ALEKSANDER GEORGIEVICH – candidate of juridical sciences, assistant professor, Kuban State Agrarian University, Russia, Krasnodar.

УДК 338.2:329(470.334)КПСС"1920/1929"

С.В. ГОНЧАРОВА

**ЧЛЕНЫ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ
НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ ЧУВАШИИ В 1920-е ГОДЫ**

Ключевые слова: коммунистическая партия, Чувашия, управление народным хозяйством, новая экономическая политика.

Рассмотрен процесс формирования слоя партийных кадров органов управления хозяйством Чувашии в годы новой экономической политики. Изучено влияние номенклатурного принципа управления на подбор кадрового, особенно руководящего, состава. Определено численное соотношение партийных и беспартийных сотрудников хозяйственных органов в условиях дефицита партийных кадров в этот период.

S.V. GONCHAROVA

**THE MEMBERS OF THE COMMUNIST PARTY
IN THE SYSTEM OF ECONOMIC MANAGEMENT OF CHUVASHIA IN 1920s**

Key words: communist party, Chuvashia, management of a national economy, new economic policy.

This article discusses the process of forming a layer of party cadres in the system of economic management of Chuvashia in the years of the New Economic Policy. The author analyzes the influence of the nomenclature principle of management on the selection of their personnel, especially, the leadership and defines the numerical ratio of party and nonparty members of economic organizations in the shortage of party cadres in this period.

В современных условиях, когда происходит постоянное совершенствование государственного аппарата, особую значимость приобретает изучение исторического опыта формирования кадров органов власти и управления центрального и регионального уровней в период трансформации политического и социально-экономического укладов общества. В этой связи весьма актуальным является исследование кадрового состава органов управления народным хозяйством Чувашии в 1920-е гг.

Задача обеспечения всех государственных органов кадрами в годы новой экономической политики являлась весьма трудной. Государственный аппарат разрастался и усложнялся. Интенсивно шло строительство автономных республик и областей, и они тоже нуждались в кадрах. Задачи обеспечения ими всех государственных структур решала правящая партия. Ее указания являлись директивными для всех государственных органов, центральных и местных [1].

Создание органов управления народным хозяйством Чувашской автономной области (ЧАО) осложнялось отсутствием достаточного количества сотрудников. Причинами такого положения были скудное финансирование государственных учреждений и кадровый «голод», возникший вследствие организации органов власти и управления области. Не хватало не только руководящих работников и квалифицированных специалистов, но и канцелярских служащих [4. Д. 20. Л. 1-2].

Формирование кадрового состава хозяйственных органов Чувашии в 1920-е гг. происходило с учетом основных требований, предъявляемых советской властью к управленцам. Одно из них – партийность руководящих работников. При выдвижении на ответственные должности члены РКП(б) имели неоспоримые преимущества. В январе 1923 г. областной комитет РКП(б) ЧАО констатировал, что «состав Областного исполкома исключительно партийный, в важнейших хозяйственных органах (Совнархозе, земельном управлении, финансовом отделе и др.) имеются партийные руководители» [2. Д. 9. Л. 6].

Серьезной кадровой проблемой, негативно влиявшей на ход работ органов управления народным хозяйством Чувашии, являлась частая смена руководящих работников. В 1920-1929 гг. земельный отдел и управление ЧАО, а затем Наркомат земледелия ЧАССР возглавляли видные государственные деятели автономии: Я.П. Ятманов, А.Я. Яковлев (дважды), А.Х. Харитонов (дважды), М.Ф. Спиридонов, Л.С. Спасов. Аналогичной была ситуация в органах управления промышленностью. В 1920-1929 гг. на руководящем посту друг друга последовательно сменяли К.А. Григорьев, В.Е. Ефремов, Д.С. Эльмень, Г.В. Герасимов, В.А. Алексеев, А.М. Михайлов, В.М. Элеш, Я.К. Янеев, М.В. Мокеев. В среднем руководители органов управления народным хозяйством задерживались на своем посту не более 1-1,5 года. «Кадровая чехарда» объясняется, прежде всего, перманентной борьбой внутри партийного актива Чувашии. В Чувашской партийной организации за короткое время (1920-1926 гг.) сменилось 9 ответственных секретарей обкома партии. Фактически ни один из них, кроме Д.С. Эльменя, не проработал в этой должности более года [7. С. 112]. В этих условиях лидеры противоборствующих группировок стремились к назначению своих сторонников на руководящие должности в органах власти и управления. Номенклатурный принцип – назначение и перемещение кадров партийно-государственного аппарата по воле партийных верхов – при формировании руководящего состава органов управления народным хозяйством Чувашии проявился в полной мере.

В начале 1920-х гг. в порядке выдвижения на ответственные должности как в областных, так и уездных органах власти допускались и беспартийные. Из-за нехватки квалифицированных кадров принимались меры к расширению круга государственных работников по хозяйственному строительству. В условиях непа требовалось не только умение командовать и выполнять приказы, но и компетентность, экономическая или хотя бы общеобразовательная подготовка сотрудников. Зарекомендовавшие себя честностью и хорошей работой низшие служащие назначались на ответственные посты в органах управления, «не считаясь с тем, беспартийный или партийный данный товарищ». Беспартийные работники преимущественно ставились для руководства и направления деятельностью отдельных отраслей хозяйства, а также выполнения административных функций. Контроль коммунистов над беспартийными выражался в проверке исполнения ими в срок заданий и путем фактического наблюдения за их работой [2. Д. 9. Л. 19, 39, 88].

В первой половине 1920-х гг. обком партии часто отмечал нехватку партийных кадров в Чувашии. В его отчетах упоминалось, что «важнейшие советские областные органы не имеют достаточно опытных партийных работников, которых обком не имеет возможности выдвинуть ввиду их отсутствия. Особенно остро нуждаются в работниках Совнархоз, земельное управление и др.» В связи с этим ЦК РКП(б) направлял в распоряжение обкома ЧАО работников-коммунистов. Так, в июне 1923 г. из Москвы прибыло 2 человека, один из которых был назначен заместителем заведующего Областного земельного управления. Кроме того, в 1922-1923 гг. обкомом партии из числа своих сотрудников было направлено на административную работу 24 члена РКП(б), на хозяйственную работу – 44 человек [2. Д. 15. Л. 6]. С 1925 г. дефицит партийных кадров в ЧАССР в связи с увеличением числа членов в партии стал менее острым, и на руководящие посты в органах управления народным хозяйством практически повсеместно назначались члены РКП(б).

Из-за отсутствия в достаточном количестве партийных кадров к работам в Совете народного хозяйства ЧАО в 1920-1924 гг. большей частью привлекались беспартийные работники. К примеру, в 1921 г. из 15 отделов Совнархоза во главе 10 отделов стояли беспартийные, в президиум совета также входил 1 беспартийный. Привлечение партийных кадров в органы управления народным хозяйством было подстегнуто резолюцией XII съезда партии РКП(б) по отчету ЦК, принятой в апреле 1923 г. Съезд подчеркнул необходимость усиления партийного руководства всей советской и хозяйственной работой: «Еще ближе к хозяйству, еще больше внимания, руководства, сил хозяйственным органам, – таков лозунг партии на ближайший период» [8. С. 406]. В 1924 г. 16% сотрудников Совнархоза являлись членами РКП(б) [6]. После объединения Совнархоза ЧАО и Областного коммунального отдела в Отдел местного хозяйства доля партийных кадров в созданном органе составила в 1925 г. 20% [3]. Между тем в отчете Наркомата рабоче-крестьянской инспекции ЧАССР в апреле 1925 г. отмечалось, что «часть работников Отдела местного хозяйства своему назначению не соответствует, как по своей подготовке, так и политическим воззрениям».

Партийные и комсомольские работники в штате Центрального совнархоза ЧАССР в 1926 г. составляли 19%, в штате сменившего его Наркомата промышленности и торговли ЧАССР в 1928 г. – 22% [4. Д. 28. Л. 416; 5. Д. 8. Л. 1-2]. При этом их число с 1926 г. по 1928 г. не изменилось, а увеличение процентной доли произошло за счет сокращения числа беспартийных сотрудников.

Постепенное увеличение числа партийных кадров наблюдалось и в органах управления сельским хозяйством Чувашии. В земельном отделе (управлении) ЧАО беспартийные работники в 1922 г. составляли абсолютное большинство – 93%. При этом численность партийных и комсомольских работников достаточно быстро росла: в 1924 г. уже 16% сотрудников земельного управления являлись членами РКП(б) и ВЛКСМ. Доля партийных сотрудников в Наркомате земледелия ЧАССР на момент его образования в 1925 г. равнялась 11%. В 1929 г. в штате наркомата коммунисты составляли 18% [5. Д. 8. Л. 1-2; Д. 608. Л. 24-26, 50-51, 55].

В 1920-е годы в кадровом составе органов управления народным хозяйством Чувашии происходили значительные качественные изменения, характерные для всего советского аппарата. Одной из основных тенденций в этом процессе являлся постепенный, но неуклонный рост числа партийных работников и их выдвижение на ответственные посты. В результате большинство руководящих должностей в органах хозяйственного управления ЧАССР к 1930 г. занимали чиновники-коммунисты. Большое влияние на формирование партийных кадров органов управления хозяйством в годы нэпа оказала борьба за власть между группировками внутри Чувашской партийной организации.

Литература и источники

1. Гимпельсон Е.Г. Руководящие советские кадры: 1917–1920-е годы // Отечественная история. 2004. № 6. С. 61–66.
2. Государственный архив современной истории Чувашской Республики. Ф. П-1. Оп. 4.
3. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 115. Л. 194–205.
4. ГИА ЧР. Ф. Р-196. Оп. 1.
5. ГИА ЧР. Ф. Р-197. Оп. 1.
6. ГИА ЧР. Ф. Р-354. Оп. 1. Д. 181. Л. 7, 11.
7. История Чувашии новейшего времени: в 2 кн. Чебоксары: ЧГИГН, 2001. Кн. 1. 1917–1945. 261 с.
8. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1970). Т. 2. 1917–1924. М.: Политиздат, 1970.

ГОНЧАРОВА СВЕТЛАНА ВАЛЕРЬЕВНА – аспирантка кафедры Отечественной истории имени А.В. Арсентьевой, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (svetlana-goncharova7@rambler.ru).

GONCHAROVA SVETLANA VALERYEVNA – post-graduate student of History Russia Chair named after A.V. Arsenyeva, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 614.2:368(470)

С.П. ЖУЛИН

ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМЫ СТРАХОВОЙ МЕДИЦИНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 1998–2004 ГОДАХ

Ключевые слова: *российское здравоохранение, государственная политика, страховая медицина.*

Исследован процесс развития российской системы страховой медицины в условиях преодоления кризисных явлений конца 1990-х гг., показаны альтернативы реконструкции сферы управления здравоохранением и реорганизации процесса финансирования, показано влияние на ее эволюцию российских внутриполитических реалий.

S.P. ZHULIN

THE EVOLUTION OF THE SYSTEM OF MEDICAL INSURANCE OF THE RUSSIAN FEDERATION IN 1998–2004

Key words: *russian public health, public policy, insurance medicine.*

In article consecrated the process of development of the Russian system of insurance medicine in the conditions of overcoming of the crisis phenomena of the late 1990s, shows an alternative to the reconstruction of the sphere of health care management and reorganization of the funding process, the influence on the evolution of the Russian internal political realities.

В условиях традиционных рыночных отношений страховая медицина является базовой составной частью системы здравоохранения, призванной устранять или смягчать влияние непредвиденных негативных изменений в жизни человека, отрицательно отражающихся на его здоровье. Основная задача медицинского страхования состоит при этом в гарантировании гражданам получения полноценной медицинской помощи при наступлении страхового случая за счет накопленных целевых средств особых страховых фондов. Переход Российской Федерации к рынку максимально актуализировал задачи формирования подобной системы и, прежде всего, обусловил всплеск интереса к анализу теории и практики рыночных моделей здравоохранения за рубежом. Стремление к радикальному обновлению существовавшей до этого времени модели медицинского обеспечения заставляло торопиться, зачастую принимать сиюминутные, слабо продуманные решения.

Так, уже в 1991 г. в результате мощного давления радикальных реформаторов и зарождавшегося страхового бизнеса, в России был принят Закон «О медицинском страховании», в итоге оказавшийся откровенно «сырым». Его предельно

размытая концептуальная база основывалась на смутных ожиданиях чуда спасительного рыночного саморегулирования. Предполагалось, что в условиях рынка страховщики станут конкурировать между собой, бороться за контингенты застрахованных, улучшение качества медицинской помощи, повышение эффективности использования страховых ресурсов. В свою очередь, они должны были придать соответствующий импульс деятельности медицинских организаций, вынужденных конкурировать за получение контролируемых страховщиками финансовых ресурсов.

Указанная размытая модель, открывшая период формирования системы разнообразных страховых медицинских организаций (СМО), была, в целом, закреплена в Основах законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан (1993 г.). В соответствие с нею медицинское страхование осуществлялось в России в двух видах – обязательном и добровольном. При этом участниками системы обязательного медицинского страхования являлись сами застрахованные граждане, страхователи – фонды обязательного медицинского страхования (ОМС) (федеральный и территориальные) и СМО, а также непосредственно медицинские учреждения.

В условиях перехода к страховой медицине наибольшую остроту приобрел вопрос о практической реализации государственной политики в области ОМС, которую обеспечивали федеральный и территориальные фонды обязательного медицинского страхования и страховые медицинские организации. При этом к концу 1990-х гг., компенсируя прорехи в действующем законодательстве, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования собственными усилиями создал целый комплекс подзаконных нормативных актов (порядка 100), определявших механизм регламентации и функционирования системы ОМС.

Нараставшее усиление государственного регулирования страховой сферы нашло свое продолжение в принципиальном изменении тенденции развития учреждений страхования, с преимущественного развития страховых медицинских организаций (численность в 1993-1996 гг. выросла с 164 до 538, т.е. в 3,3 раза) к росту структур государственных. Причины указанных процессов, на наш взгляд, коренились в нараставших трудностях формирования страховых сумм. По закону страхователи уплачивали в фонды ОМС взносы в размере 3,6% от фонда оплаты труда работающего населения и вносили платежи на неработающее население. Причем действовал двухуровневый механизм аккумуляции средств: 3,4% средств (за работающих) оседало в территориальных фондах и 0,2% перечислялось в Федеральный фонд. В свою очередь, за неработающее население органы исполнительной власти вносили платежи в соответствии с подушевыми нормативами в территориальные фонды ОМС. Как следствие, с одной стороны, в 1993-1996 гг. сборы в территориальные фонды возросли с 1 трлн до 21,2 трлн руб., с другой – чрезвычайную остроту приобрела проблема поступления страховых платежей на неработающее население из бюджетов субъектов Российской Федерации. Так, в 1996 г. эти платежи вносили только 67 территорий. Их доля в структуре доходов являлась крайне низкой (в 1996 г. – 26%, при доле неработающего населения – 40%) [7. С. 32]. Таким образом, расходы на оплату медицинской помощи неработающих покрывались, по сути, за счет страховых взносов с агонизирующего производственного и торгового сектора.

Между тем Российская Федерация в значительной степени унаследовала советские традиции гарантировать (хотя бы формально) всестороннее социальное обеспечение граждан. В данной связи, особенно в контексте острой внутриполитической борьбы, государство пошло по пути расширения формальных льгот и привилегий и в сфере здравоохранения. Лишь под влиянием нараставшего кризиса в 1998 г. оно пересмотрело свои обязательства по предоставлению медицинской помощи. В принятой Программе государственных гарантий обеспечения граждан России бесплатной медицинской помощью впервые была предпринята

попытка привести объемы оказывавшихся медицинских услуг в соответствие с их финансовым обеспечением. Программа определяла, сколько требуется средств, чтобы гарантировать населению бесплатную медицинскую помощь, из каких источников их можно получить и как распределять. В частности, примечательно, что эти расчеты были основаны на предположении, что доля стационарной помощи в стране будет сокращаться в пользу амбулаторной [5]. Однако попытки оптимизации порядка формирования и расходования средств на здравоохранение, на наш взгляд, были обречены на провал ввиду крайне тяжелой ситуации в экономике страны. С одной стороны, государство не имело сколько-нибудь достаточных средств на обеспечение медицинского обслуживания по программам государственных гарантий, с другой стороны, находившееся ниже прожиточного уровня большинство населения страны не могло воспользоваться нарождающимися частными медицинскими учреждениями и довольствовалось видимостью бесплатного медицинского обслуживания.

В ситуации, когда государство по-прежнему предоставляло гарантии бесплатного здравоохранения, но не обеспечивало их должным финансированием, власти осуществляли политику, носившую яркую популистскую окраску. В частности, в сфере медицинской защиты населения они взяли курс на осуществление частных, ограниченных программ. В данной связи, к примеру, укажем на принятые Государственной Думой РФ законы «О наркотических средствах и психотропных веществах» (от 08.01.1998 г.), «О лекарственных средствах» (от 22.06.1998 г.), «О физкультуре и спорте» (от 29.04.1999 г.), «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (от 30.03.1999 г.), «О качестве и безопасности пищевых продуктов» (от 02.01.2000 г.). Затрагивая по-настоящему значимые сферы жизни россиян, они, тем не менее, регулировали отношения лишь в некоторых частных областях, имеющих отношение к сфере здравоохранения. В то же время бюрократия и в этой тяжелой ситуации была во многом занята поиском доходного и легкого «чиновного бизнеса». В данной связи, в частности, укажем на Федеральный закон от 25.09.1998 г. «О лицензировании отдельных видов деятельности», а также на приказ Министерства здравоохранения от 29.04.1998 г. «О перечне видов медицинской деятельности, подлежащей лицензированию» [1].

Дальнейшее усиление государственного регулирования страховой медицины было связано с деятельностью новой президентской администрации. Наведение элементарного порядка в сфере расходования бюджетных средств, повышение уровня государственной дисциплины привели к тому, что в России началось неуклонное, причем значительное, уменьшение численности страховых медицинских организаций, зачастую паразитировавших на административном ресурсе своих учредителей. Так, уже в 2001 г. их число сократилось в 1,5 раза (до 361). При этом соотношение числа страховых медицинских организаций к числу филиалов территориальных фондов обязательного медицинского страхования уже в 2000 г. практически вернулось к уровню 1993 г. (соответственно, составляло 1 : 3,6 и 1 : 3,1). В то же время значительно выросшая численность филиалов территориальных фондов обязательного медицинского страхования, а также их страховая активность (выполняющих функцию страховщика – в 2000 г. 45,7% вместо 15,7% в 1993 г.) достигли того порога, с которого в 2001 г. началось сокращение сети филиалов ТФОМС [2. С. 11].

Таким образом, в стране развернулся процесс постепенного вытеснения из системы страховой медицины фальшивых коммерческих структур (страховых медицинских организаций) и постепенного, неуклонного замещения их государственными организациями, взявшими на себя функцию страховщика, – филиалами внебюджетных фондов обязательного медицинского страхования. Данный процесс получил существенное ускорение после введения с 2001 г. второй частью Налогового кодекса Российской Федерации единого социального налога.

В целом итоги развития системы страховой медицины в начале 2000-х гг. оказались весьма далеки от проектов радикальных реформаторов 1990-х гг. С одной стороны, в стране действовали частные страховщики (в системе ОМС – порядка 350–400 страховых медицинских организаций). В известном смысле они конкурировали между собой, однако эту конкуренцию трудно признать соответствующей интересам застрахованных. На деле, в системе ОМС так и не удалось закрепить реальный выбор страховщика самим застрахованным (хотя он был предусмотрен законодательством). В начале 2000-х гг. выбор страховщика по-прежнему определялся главным образом решениями страхователя, а не самого застрахованного. Соответственно, победу в «конкурентной борьбе» одерживали те страховые компании, которые обладали более значительным ресурсом привлечения страхователей (чаще всего административным). На этой почве процветали «карманные» компании, полностью зависимые от воли чиновников.

В свою очередь, не удалось отрегулировать отношения в системе «страховщик – медицинское учреждение». Стремясь любой ценой заключить договоры с максимальным числом лицензированных медицинских организаций, страховщики чаще всего попадали от них в зависимость. При этом они, в принципе, так и не научились планировать объемы медицинской помощи и управлять ими с целью обеспечения более эффективного использования страховых средств. Неспособность страховщиков выступать в качестве рациональных и информированных покупателей медицинской помощи, сведение их усилий преимущественно к оплате счетов ЛПУ, по сути, привело к доминированию в их работе функций «кассира» [8].

По мере все более очевидной несостоятельности реформы, инициатива в сфере регулирования сферы ОМС все в большей степени переходила к Федеральному фонду обязательного медицинского страхования граждан, который, в свою очередь, стремился переложить растущие тяготы страхования на работодателей [3]. Конечно, на этом этапе его руководством было сделано немало полезного. В частности, особо отметим принятие на основе Федерального закона от 16.07.1999 г. № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования» [4] «Типовых правил обязательного медицинского страхования граждан», установивших общие требования ОМС для всех регионов страны [6]. Тем не менее слабость государственной политики на данном этапе, несмотря на богатую «рыночную» риторику и постоянные восхваления «страхового принципа», не позволила создать реальную конкурентную модель страхового здравоохранения. В частности, это в полной мере подтвердил очередной законопроект «Об обязательном медицинском страховании» (2005 г.), который вновь обошел эту проблему, сохранив в неприкосновенности псевдоконкурентную модель ОМС.

Таким образом, следует признать, что предпринятые в России после кризиса 1998 г. попытки оптимизации системы страховой медицины в целом не привели к ожидаемым результатам. Слабость российской экономики, обуславливавшая крайне низкие доходы на душу населения, не позволяли в полной мере выполнять государственные обязательства в сфере здравоохранения. В данной ситуации простое использование регулирующего и контролирующего потенциала государственных и общественных институтов, влиявших на состояние охраны здоровья населения, могло принести лишь частичный, ограниченный результат.

Литература

1. Квернадзе Р.А. Некоторые аспекты становления и развития законодательства в области здравоохранения // Государство и право. 2001. № 8.
2. Меламед Л.А. Комаров Г.А. Обязательное медицинское страхование в условиях реформирования здравоохранения. М.: СПб.: Мед. пресса, 2004. 324 с.

3. Об оплате расходов на проведение обязательных предварительных и периодических медицинских осмотров. Письмо Федерального фонда обязательного медицинского страхования от 21 января 2003 г. № 207/30-3/и // ТА Министерства здравоохранения и социального развития РФ.
4. Собрание законодательства РФ. 1999. № 29. Ст. 3686.
5. ТА Министерства здравоохранения и социального развития РФ.
6. Типовые правила Обязательного медицинского страхования граждан. № 3856/30-3/и // ТА Министерства здравоохранения и социального развития РФ.
7. Финансовые инновации: Медицинское страхование / отв. ред. М.В. Лычагин, А.В. Решетников, В.И. Суслов. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001. 294 с.
8. Шейман И.М. Возможные стратегии реформирования системы государственных обязательств в здравоохранении // Экономика здравоохранения. 2000. № 5, 6.

ЖУЛИН СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ – преподаватель, Краснодарский муниципальный медицинский институт высшего сестринского образования, Россия, Краснодар (g197412@yandex.ru).

ZHULIN SERGEY PETROVICH – teacher, Krasnodar Municipal Medical Institute of Higher Nursing Education, Russia, Krasnodar.

УДК 902/904

Ю.А. ЗЕЛЕНЕЕВ, Е.Е. ФИЛИППОВА

**ГОНЧАРНЫЙ ГОРН ГОРОДА МОХШИ
(по результатам исследований 1989-1990 гг.)**

Ключевые слова: Золотая Орда, Мордовский улус, Мохши, гончарный горн.

Вводятся в научный оборот результаты археологических работ 1989-1990 гг. В центре современного с. Наровчат Пензенской обл. был исследован двухкамерный гончарный горн, сооруженный в материковой глине. По своей конструкции он имеет большое сходство с гончарными горнами средневекового Крыма и Волжской Болгарии, но отличается от них размерами и некоторыми конструктивными деталями. Горны такого типа использовались для производства неполивной красноглиняной посуды невысокого качества. Концентрация горнов для обжига керамики в этой части памятника говорит о возможном существовании здесь ремесленного квартала гончаров.

**Yu.A. ZELENEEV, E.E. FILIPPOVA
POTTER'S FORGE OF THE CITY OF MOHSHI
(ACCORDING TO FINDINGS OF 1989-1990)**

Key words: Golden Horde, Mordvin ulus, Mohshi, potter's forg.

The results of archaeological researches of 1989-1990 are put into circulation. In the center of modern Narovchat village in Penza region a double-chamber potter's forge which was built on land clay. Its construction is similar to potter's forges of medieval the Crimea and the Volga Bulgaria but at the same time its size and some constructive components are different. The furnaces of such kind were used for non-spray red-clay pottery production of a poor quality. The high number of furnaces for firing ceramics in this part of monument says about the possible existence of artisanal potter's district.

После выделения Улуса Джучи в самостоятельное государство в его состав вошел ряд оседлых областей со старыми центрами ремесла и культуры. Лесостепные земли по бассейну р. Мохши и Суры, заселенные мордвой, также были включены в состав золотоордынского государства. Они вошли в историю под названием «Улуса Мохши» или «Мордовского улуса». Центром улуса стал город Мохши (Нуриджан или Наручадь в русских летописях). В XIV в. город чеканит свою монету. На некоторых монетах к названию города присоединялся эпитет «махрусэ», т.е. «богохранимый», который обычно давался крупным городам [9. С. 2].

Остатки г. Мохши находятся на территории современного с. Наровчат Наровчатского района Пензенской области. Городище лежит на низком берегу поймы р. Мокша, примерно в 2 км от нее между р. Шелдаис и Лапыжовка.

До начала XX в. местонахождение города оставалось загадкой, поскольку о его существовании говорили лишь незначительные находки монет. Впервые монеты с чеканом «Мхси, Мехси, Меххси, Муххши» были опубликованы в 1832 г. академиком Х.Д. Френом [12. С. 46]. Спустя столетие были получены первые сведения о нахождении памятника. Во время Первой мировой войны (1916 г.) в с. Наровчат со своим полком был мобилизован один из сотрудников Саратовского археологического музея И.Ф. Садин. Он при проведении строительных окопных работ обратил внимание на квадратный кирпич, сооружение водопровода и богатый подъемный материал керамики и монет, которые связал с культурой Золотой Орды.

В 1925 г. на городище начинает работы саратовский археолог А.А. Кротков. Им на северо-западной окраине города, именуемой местными жителями, «Бугры», было вскрыто сооружение, своей конструкцией напоминающее гончарный горн. Кроме того, А.А. Кротковым были найдены керамический материал и ошлакованные изделия.

В 1957-1959 гг. археологические исследования были продолжены Мордовской археологической экспедицией под руководством А.Е. Алиховой. Данной экспедицией был исследован производственный комплекс, состоящий из двух горнов, выходящих в одну околотопочную яму, над которой была сооружена деревянная крыша. Горны представляли собой небольшие в диаметре вырубленные в материковой глине двухъярусные печи. Под и опорный столб одного из горнов были выложены кирпичом. Во втором горне следов кирпичной кладки не обнаружено. Анализ керамики и монет данного комплекса позволили датировать его XIV в. [1. С. 78-80].

В 1989-1990 гг. в с. Наровчат проводила работы археологическая экспедиция Марийского государственного университета. Исследования велись в центре села, вблизи вскрытого А.Е. Алиховой гончарного комплекса, в парке у церкви (рис. 1). Общая площадь раскопов составила 168 кв.м. К сожалению, часть площади была занята деревьями (около 30 кв. м), в связи с чем исследовать ее полностью не удалось (рис. 2).

В 1989 г. в северо-западной части раскопа было частично вскрыто сложное сооружение. С целью его доисследования в следующем (1990) году к раскопу была сделана прирезка. В результате проведенных работ выявлен производственный комплекс, состоящий из гончарного горна и предтопочной ямы (рис. 2).

Вскрытый горн имеет плохую сохранность. Он представляет собой двухкамерное вырезанное в материковой глине устройство, имеющее в сечении неправильно округлую форму. Диаметр горна 1,75-1,76 м. Сохранившаяся высота гончарного горна составляет 48 см (рис. 2).

Топочная камера горна устроена в материковой глине. С целью лучшей теплоизоляции она была заглублена в материк до отм. -168. Ее высота составляет 33-35 см. Внутри топочной камеры следов опорного столба не выявлено. Дно и стенки камеры сильно прокалены и имеют кирпично-красный цвет. В камеру ведут два устья шириной около 38 см, через которые осуществлялась загрузка топлива. Между устьями была оставлена перегородка из материковой глины (рис. 2).

Камеры горна отделены друг от друга перегородкой (подом) с теплопроводными каналами (продухами) для равномерной подачи и распределения раскаленных газов сооружалась. Под топочной камеры горна сделан из глины и сохранился фрагментарно. Горячий раскаленный воздух подавался в верхнюю обжигательную камеру из топочной через продухи, диаметром 5-6 см. В сохранившейся части пода их было выявлено четыре: три по краю и один в центре (рис. 2). Горны с подобным движением раскаленных газов в теплопроводных каналах относятся к классу горнов с вертикальным ходом горячих газов [2. С. 95-97].

Рис. 1. Расположение гончарного горна. Пензенская обл., с. Наровчат:
1 – раскоп 1989 г.; 2 – раскоп 1990 г.

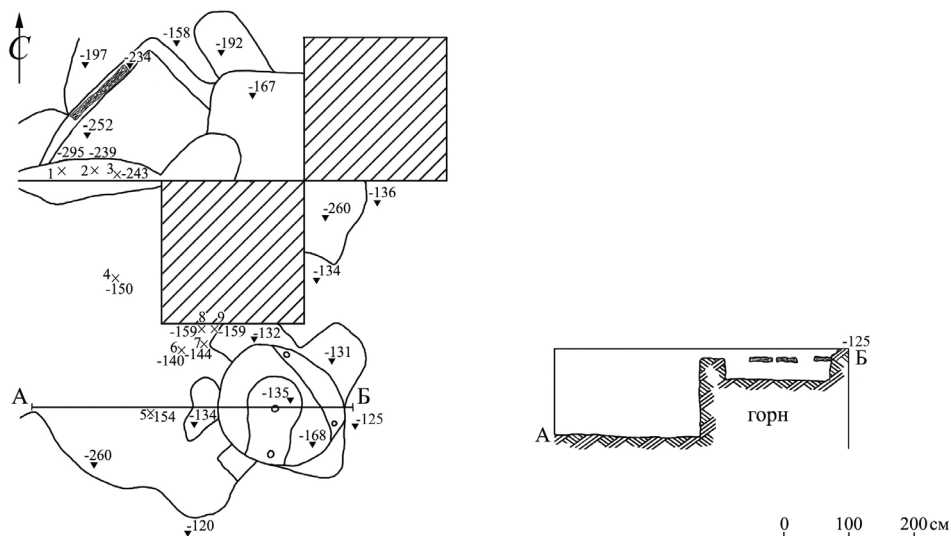

Рис. 2. План и профиль гончарной мастерской:
1 – железная подставка; 2 – известняковый жернов; 3, 6-7 – железный серп;
4-5 – железный нож; 8 – фрагмент известнякового жернова;
9 – фрагмент железной подставки

Обжигательная камера сооружена над уровнем материка. Высоту камеры восстановить не удалось. Сохранилась лишь часть ее высотой 10-15 см. Можно предположить, что обжигательная камера была сооружена традиционным способом: сложена из сырцового кирпича в виде округлого купола с верхним отверстием для загрузки и выгрузки обжигаемой продукции. Верхний способ загрузки керамики подтверждает обилие керамического материала золотоордынского времени, обнаруженного к югу от горна вне предтопочной ямы. При выгрузке изделий после обжига из горна бракованную керамику оставляли здесь. Это не единичный случай. Подобное мы встречаем в керамическом производстве Таврики [11. С. 43] и в материалах раскопанных гончарных мастерских на Селитренном городище.

К устьям горна подходит предтопочная яма. Она вытянута по линии северо-запад – юго-восток и углублена в материковую глину на 34-140 см. Стенки ямы либо отвесные, либо наклонены внутрь. С севера в сооружении наметился практически правильный прямой угол. В северо-западной и северо-восточной стенке сооружения в материковой глине была вырублена ступенька. На ступеньке северо-западной стенки обнаружена деревянная плашка размерами 110×6 см. С северной стороны к сооружению примыкала приступка длиной 88 см и шириной 66 см. В преддонной части приступки зафиксированы глинистые включения и кирпичный лом. У западной стенки над материком залегала прослойка глины толщиной до 5 см, уходящая под борт раскопа (рис. 2).

Поскольку исследованный комплекс частично уходит в стенки раскопа, считаем необходимым описать стратиграфическую ситуацию (рис. 3). В целом картина напластований выглядит следующим образом. Верхний слой дерна толщиной 2-6 см подстилает слой супеси с включениями извести. Ниже залегает слой серого гумуса с примесью песка извести и кирпичной крошки, под которой проходит прослойкой (2-7 см) черного гумуса с примесью извести и кирпичной крошки. Ее подстилает слой черного гумуса, а его, а свою очередь, – материковая глина желтого цвета. Более подробно рассмотрим профиля западных стенок кв. А1, А2, 3; южной стенки кв. 17, 4 и восточной стенки кв. Б1.

Профиль западной стенки кв. А1, А2 (рис. 3)

Вид с В. Дневная поверхность раскопа в этом участке понижается с отм. –24 до отм. –30. Стратиграфия профиля представлена пятью основными слоями: 1) дерн (2-6 см); 2) слой супеси с включениями извести (12-29 см) (этот слой содержит глиняную линзу толщиной 4-8 см); 3) слой серого гумуса с примесью песка извести и кирпичной крошки (35-65 см); 4) прослойкой черного гумуса с примесью извести и кирпичной крошки (2-7 см); 5) слой черного гумуса мощностью (27-160 см). Следует отметить, что в кв. А2 происходит падение слоя, где в стенку уходит сооружение горна. Дно сооружения по профилю было зафиксировано на отм. –260 ... –270, у северной границы кв. А1 оно поднимается до отм. –248.

Профиль южной стенки кв. 17, 4 (рис. 3)

Вид с С. Дневная поверхность южной стенки раскопа в квадратах колеблется в пределах отм. –30 ... –35. Стратиграфия профиля повторяет стратиграфию западной стенки кв. А1, А2 и представлена пятью основными слоями: 1) дерн (2-6 см); 2) слой супеси с включениями извести (12-25 см); 3) слой серого гумуса с примесью песка извести и кирпичной крошки (35-65 см); 4) прослойка черного гумуса с примесью извести и кирпичной крошки (2-7 см); 5) слой черного гумуса мощностью 120-180 см. На материковой поверхности зафиксирована глинистая линза толщиной от 7 до 40 см. Материк выявлен с отм. –248 ... –270.

Профиль западной стенки кв. 3 (рис. 3)

Вид с В. Дневная поверхность раскопа в этом квадрате понижается с отм. –33 до –42. Стратиграфия стенки повторяет общую картину напластований, но отсутствует слой супеси с включением извести: 1) дерн (6-10 см); 2) слой се-

рого гумуса с примесью песка извести и кирпичной крошки (26-37 см); 3) прослойкой черного гумуса с примесью извести и кирпичной крошки (2-7 см); 4) слой черного гумуса мощностью 70-75 см. Материк зафиксирован на отм. -158 ... -167. В центре квадрат со слоя дерна до материка прорублен поздней ямой. Дно ямы выявлено на отм. -186.

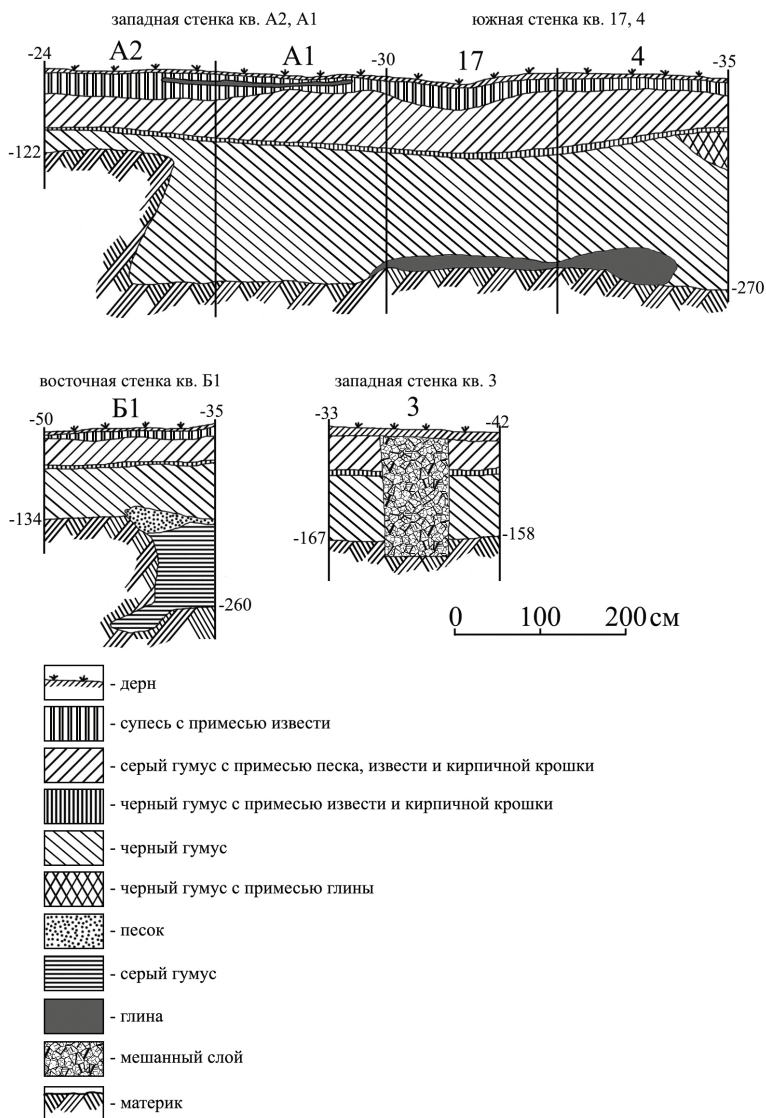

Рис. 3. Стратиграфия сооружения

Профиль восточной стенки кв. Б1 (рис. 3)

Вид с В. Дневная поверхность раскопа в этом квадрате понижается с отм. -35 до -50. Стратиграфия стенки повторяет общую картину напластований: 1) дерн (2-6 см); 2) слой супеси с включениями извести (2-10 см); 3) слой серого гумуса с примесью песка извести и кирпичной крошки (24-30 см); 4) прослойкой

черного гумуса с примесью извести и кирпичной крошки (2-7 см); 5) слой черного гумуса мощностью (50-62 см). В части квадрата материк зафиксирован на отм. –134. В стенку уходит яма, вероятно, относящаяся к исследуемому сооружению. Яма заполнена слоем серого гумуса и отделена от основного заполнения стенки слоем песка толщиной от 6 до 28 см. Дно ямы ровное с подбоем в стенке. Оно зафиксировано на отм. –260, к стенке понижается до отм. –290.

В северо-западной части конструкции, на границе кв. 17 и кв. А1, был обнаружен следующий комплекс вещей: известняковый диск (жернов), железная подставка и серп.

Диаметр диска составляет 32 см. В разрезе подтреугольной формы с наибольшей толщиной 9 см. В центре находится конусообразное отверстие, верхний диаметр которого 2,8 см, а нижний – 4 см (рис. 4/1).

Обнаруженная железная подставка представляла собой почти равно-сторонний треугольник с длиной стороны около 35 см. она опиралась на три ножки высотой 17 см, две из них были утеряны еще в древности (рис. 4/3).

Железный серп длиной около 45 см, наибольшая толщина лезвия 4,5 см (рис. 4/5).

В предтопочной яме, рядом с устьем горна в кв. Б2, найден второй комплекс инструментов (фрагмент жернова, железная подставка, железные серпы). По набору и формам предметов он повторяет первый. Но предметы из второго набора инструментов имеют плохую сохранность.

По обнаруженному фрагменту диска четко прослеживается сходство дисков из первого и второго набора инструментов. Второй диск был изготовлен из песчаника. В разрезе он также имеет подтреугольное сечение. Его восстанавливаемые размеры: диаметр – 40 см, наибольшая толщина – 6 см, диаметр отверстия – 5 см (рис. 4/2).

Железная подставка из второго набора инструментов, как и диск, аналогична первой подставке, но больше по размеру. Длина стороны треугольника составляет 48 см, а высота ножек 20 см. Две стороны подставки из трех были утеряны еще в древности. Сторона подставки имеет прямоугольное сечение 1,7×2,7 см (рис. 4/4).

В непосредственной близости от найденных предметов были обнаружены нож и 2 серпа (рис. 4/6,7,8). Серпы имеют в сечении треугольную форму. Один из них длиной 15 см, другой 13 см. Найденный нож в сечении имеет треугольную форму, его длина 18 см. Толщина лезвия в самом узком месте 8 мм, а в самом широком – 25 мм.

В заполнении предтопочной ямы было обнаружено большое количество фрагментов красноглиняной золотоордынской керамики с большой примесью песка в тесте, что характерно для гончарства Волжской Болгарии. Здесь представлены следующие формы: амфоровидные кувшины, кувшины-афтоба, пиалы, тарелки, крышки и некоторые другие формы. Вероятнее всего это обломки бракованных изделий. Кроме того, обнаружено много ошлакованной керамики. Основная масса керамики красноглиняная. Но встречается и лепная сероглиняная керамика с примесью шамота, которую можно связать с керамикой мордовского населения Мохши. Фрагменты поливной керамики в материалах раскопа единичны.

В заполнении сооружения кроме керамического материала были также найдены: наконечник стрелы длиной 7 см (рис. 4/10), фрагмент железного конусовидного наконечника копья, железное кольцо от удила, диаметром 3 см (рис. 4/11).

Вне сооружения часты находки кованых железных гвоздей. Также было найдено железное стремя кочевнического происхождения, датированное XIV в.

(рис. 4/9). В сечении стремя имеет треугольную форму, его диаметр 11,2 см. Недалеко от горна был обнаружен *камень каплевидной форм (терочник)* с выемкой для пальцев (рис. 4/12). В нижней части камень хорошо отшлифован. Максимальная ширина камня – 7,1 см.

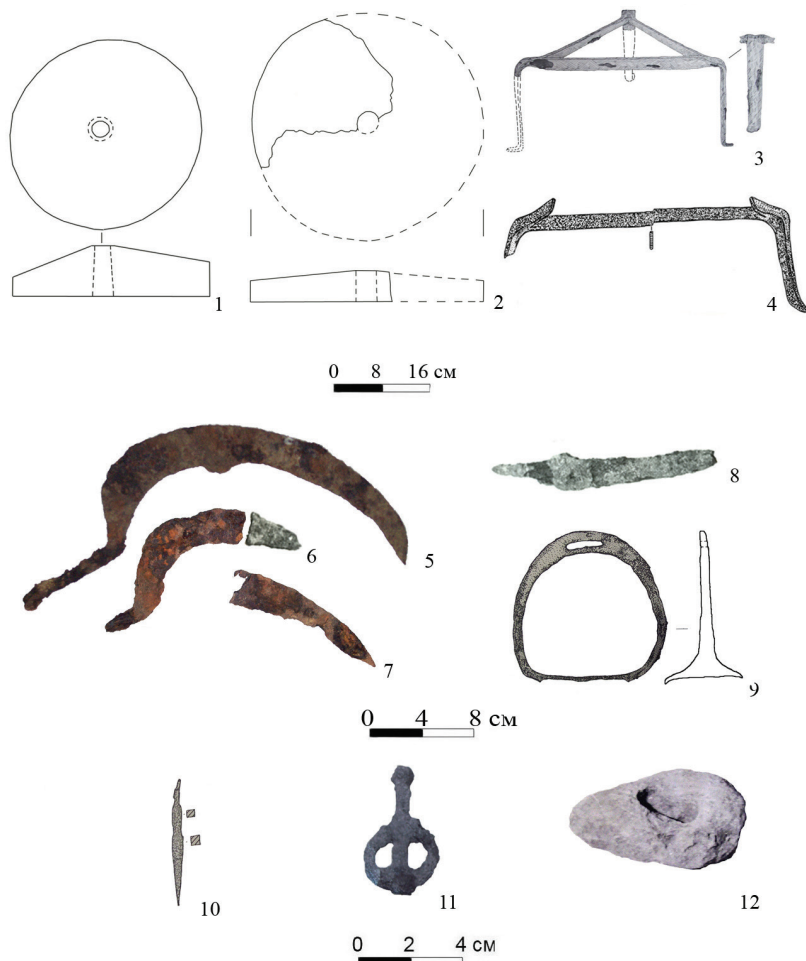

Рис. 4. Находки из заполнения горна: 1 – диск (известняк) (1989 г., кв. 17; отм. –239); 2 – фрагмент диска (песчаник) (1990 г., кв. Б2; отм. –159); 3 – подставка (железо) (1989 г., кв. 17; отм. –295); 4 – фрагмент подставки (железо) (1990 г., кв. Б2; отм. –159); 5 – серп (железо) (1989 г., кв. 17; отм. –243); 6 – серп (железо) (1990 г., кв. Б2; отм. –140); 7 – фрагмент серпа (железо) (1990 г., кв. Б2; отм. –144); 8 – нож (железо) (1990 г., кв. А2; отм. –154); 9 – стремя (железо) (1990 г., кв. Б2; отм. –110); 10 – наконечник стрелы (железо) (1990 г., кв. А3; отм. –154); 11 – удила (железо) (1990 г., кв. А2; отм. –150); 12 – терочный камень (камень) (1990 г., кв. В3; отм. –121)

Вскрытый горн относится к типу сельских горнов. Горны такого типа использовались для производства неполивной красноглиняной посуды невысокого качества, которая была ориентирована на рынок города и его ближайшей округи в радиусе до 30-40 км. Это небольших размеров двухъярусные печи без опорных устройств в топке с высотой топочной камеры 40-70 см, вы-

резанные в грунте и обмазанные глиной без использования кирпича. Горны подобной конструкций появились еще в домонгольский период и продолжали существовать в золотоордынское время. Однако в это время в больших городах они уступают место крупным горнам [3. С. 156].

Исследованный нами горн по своей конструкции имеет большое сходство с гончарными горнами средневекового Крыма, Волжской Болгарии, но отличается от них размерами и некоторыми конструктивными деталями. Печи средневекового Крыма также вырублены в материковой глине, но имеют несколько иную конструкцию топочной камеры. От центрального канала по обе стороны отходят узкие дополнительные отводные каналы [11. С. 43-44]. Гончарные горны Волжской Болгарии, исследованные О.С. Хованской на левом берегу р. Меленки [10. С. 350-352], Н.А. Кокориной на Билярском городище [5. С. 59] и К.А. Смирновым на поселении Ага-Базар [7. С. 90-91], по конструкции и размерам напоминают исследуемый нами горн, но сложены из обожженного кирпича. Горны же, исследованные А.Е. Алиховой на Наровчатском городище, несколько больше в размере и при сооружении пода и опорного столба в них использовался кирпич [1. С. 78-79]. Горны такого типа были изучены Л.Л. Галкиным в золотоордынском городе Азаке [4. С. 252-259].

Вопрос организации керамического производства в золотоордынских городах был решен Г.А. Федоровым-Давыдовым [8. С. 168]. Он предположил существование трех форм организации ремесла: индивидуальные мастерские с узкой специализацией и небольшим объемом производства; усадебные мастерские; большие мастерские со многими горнами и техническим разделением труда. Горн Наровчатского городища относится к первой форме ремесленного производства – индивидуальные мастерские с узкой специализацией и небольшим объемом производства. Подобные мастерские концентрировались в одном квартале по ремесленному принципу. Такой принцип был подтвержден в ходе археологических исследований гончарных горнов на Соборной площади с. Наровчат. В непосредственной близости друг о друга было раскопаны три гончарных горна, которые датируются одним временем (середина XIV в.).

Таким образом, исследованный гончарный горн можно отнести к типу сельских горнов. По своим конструктивным особенностям он несколько отличается от горнов исследованных в с. Наровчате А.Е. Алиховой. Горны подобной конструкции находят аналогии в керамическом производстве Крыма и Волжской Болгарии. Концентрация горнов в одном районе городища, вероятно, говорит о существовании в этом месте квартала гончаров, который обеспечивал город и ближайшую округу необходимой керамической посудой.

Литература

1. Алихова А.Е. Гончарные горны города Мохчи – Наручады // КСИА. 1969. Вып. 120. С. 78-80.
2. Бобринский А.А. Гончарные мастерские и горны Восточной Европы (по материалам II-V вв. н.э.). М.: Наука, 1991. 215 с.
3. Васильева И.Н. Гончарство Волжской Болгарии в X-XIV вв. Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993. 246 с.
4. Галкин Л.Л. Керамические горны золотоордынского города Азака // СА. 1975. № 1. С. 252-259.
5. Кокорина Н.А. Гончарные горны Билярского городища // Средневековые археологические памятники Татарии: сб. ст. Казань: Ин-т яз., лит. и истории, 1983. С. 50-69.
6. Кротков А.А. Наровчат и его окрестности в историко-археологическом отношении. 1939 // Рукописный архив ЦАЭИ МарГУ.
7. Смирнов К.А. Керамический горн на болгарском поселении Ага-Базар // МИА. 1962. № 111. С. 90-92.
8. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. 228 с.
9. Френ Х.М. Монеты ханов улуса Джучиева или Золотой Орды с монетами разных иных Мухаммеданских династий. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1832. 16, 80 с.

10. Хованская О.С. Гончарное дело города Болгара // МИА. 1954. № 42. С. 340-368.
11. Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1979. 236 с.

ЗЕЛЕНЕЕВ ЮРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент, Марийский государственный университет, Россия, Йошкар-Ола (zeleneev@marsu.ru).

ZELENEEV YURIY ANATOLYEVICH – candidate of historical sciences, assistant professor, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola.

ФИЛИПОВА ЕЛЕНА ЕВГЕНЬЕВНА – аспирантка, Марийский государственный университет, Россия, Йошкар-Ола (astra48@bk.ru).

FILIPPOVA ELENA EVGENYEVNA – post-graduate student, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola.

УДК 342.553 (09) (470.344)

А.В. КАПРАНОВ

ЧЕБОКСАРСКИЙ УЕЗДНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ В 1920-1927 ГОДАХ: ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ И СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ*

***Ключевые слова:** система местного управления, Чувашия, уездный исполнительный комитет (исполком, уисполком), Советы.*

Исследована деятельность Чебоксарского уездного исполнительного комитета в условиях национально-государственного строительства в Чувашии; проанализированы изменения в структуре и кадровом составе уездного органа власти.

A.V. KAPRANOV

EXECUTIVE COMMITTEE OF CHEBOKSARSKY UEZD IN 1920-1927: REGULARITIES OF DEVELOPMENT AND CHANGES IN THE STRUCTURE

***Key words:** local administration system, Chuvashia, Uezd executive committee, Councils.*

The activity of the Executive Committee of Cheboksarsky Uezd in the conditions of nation-building in Chuvashia is researched in the given work; changes in the structure and the staff of uezd body of administration are analysed.

В результате революции 1917 г. в России оформилась новая политическая система управления – власть Советов. В марте 1917 г., как часть этой системы, возник Чебоксарский исполнительный комитет уездного Совета. Он прошел сложный путь в своем развитии, просуществовав до 1927 г. Его деятельность можно разделить на 2 периода. Для первого (до 1920 г.) характерно становление исполкома как главного политического органа власти в уезде. Качественно новый этап в деятельности уисполкома связан с национально-государственным строительством – образованием Чувашской автономной области (ЧАО).

В отечественной историографии исследователи неоднократно обращались к изучению первого этапа [1, 3, 5]. Однако второй этап относится к малоизученным проблемам.

Постановлением ВЦИК и СНК от 24 июня 1920 г. была образована ЧАО как часть РСФСР с административным центром в г. Чебоксары. Для аппарата управления ЧАО был создан временный Революционный комитет (Ревком), который образовался на базе Чебоксарского уисполкома. Это крайне негативно отразилось на деятельности уездного учреждения. Его структура и функционирование были нарушены, так как многие ответственные работники и технические служащие перешли на работу в Ревком. Ревком также оставил за собой большую часть помещений, канцелярских принадлежностей, транспортных средств и другое имущество Чебоксарского уисполкома. В результате деятельность

* Исследование выполнено по госконтракту № 16.740.11.0408 ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг.

уездного органа власти была парализована. На некоторое время он вообще перестал собираться и потерял связь с местами. Многие его подотделы, как сообщал член исполкома тов. Григорьев: «...умерли, а другие обесцветили, лишившись своих руководителей» [2. Д. 61. Л. 39].

Ревком просуществовал около 5 месяцев и в ноябре 1920 г. завершил свою работу. В этих условиях было решено срочно провести новые выборы в уисполком, так как от прежнего состава мало что осталось. 4 ноября в уездный орган были выбраны 18 человек. В основном это были новые люди, так как прежние члены перешли на областную работу [2. Д. 61. Л. 35]. Избранный VIII съездом исполком решил, что исходя из создавшегося положения существование в Чебоксарах уездных учреждений наряду с областными органами невозможно. В этой ситуации «наиболее целесообразной мерой для выхода из сложившегося положения уисполком считает перевоз уездных учреждений и административно-го центра в Мариинский Посад» [2. Д. 61. Л. 11].

В этом была логика. Во-первых, город находился в центре уезда, в отличие от Чебоксар. Во-вторых, в результате переезда произошла бы разгрузка столицы, в которой не имелось достаточных помещений одновременно для областных и уездных органов власти. Поэтому VIII съезд постановил – к 1 января 1921 г. «перенести столицу уезда в Мариинский Посад» [2. Д. 61. Л. 35]. Для этого 30 ноября 1920 г. в город с комиссией был отправлен член исполкома тов. Самарин. В выводах его доклада по вопросу о переносе уездного центра из Чебоксар в Мариинский Посад указывались неразрешенные проблемы, мешавшие переносу столицы. Среди них отсутствие в городе достаточного количества муниципализированных домов. Их было только 8, а требовалось более 10 домов. Следующая сложность заключалась в том, что все эти здания уже были заняты под местные учреждения города. Поэтому занимать их под уездные органы приходилось бы путем выселения или слияния с уездными. Другая проблема – отсутствие нужного количества канцелярских работников, а также топлива. Заключение комиссии было следующим: «пока нужно воздержаться от переезда» [2. Д. 58 Л. 439]. Несмотря на такие выводы, уисполком решил не останавливаться. Он неоднократно поднимал вопрос о переезде перед ЦИК ЧАО. Но областной центр, понимая всю сложность момента, откладывал принятие решения. Только к марту 1921 г. вопрос о переносе уездного центра из Чебоксар в Мариинский Посад был решен [2. Д. 61. Л. 39].

Переезд оказался сложным. Кроме того, он не решил проблему «оживления исполкома», наоборот, создал новые трудности. По причине отсутствия в городе достаточного количества помещений часть членов уисполкома осталась в Чебоксарах из-за невозможности перевезти свои отделы и подотделы. Те же, кто прибыл в Мариинский Посад, долгое время не могли приступить к работе.

Таким образом, в течение нескольких месяцев аппарат исполкома был рассредоточен между двумя центрами. Примечательно в этих условиях то, что, несмотря на отсутствие помещений в Мариинском Посаде, отделы все же переезжали. Это приводило к тяжелым последствиям. Так, 30 мая 1921 г. заведующий отделом народного образования с отчаянием писал в президиум исполкома, что «всякие попытки найти помещение, где можно сложить материалы и вещи отдела, безуспешны. Со вчерашнего дня привезенные тюки из Чебоксар лежат на пристани Мариинского Посада, где могут свободно растащить часть имущества» [2. Д. 70. Л. 44].

В чем же причина такой спешки? Главную причину следует искать в постоянно возникавших спорных ситуациях из-за собственности между областью и уездом. В этих условиях Чебоксарский уисполком как орган, находившийся в подчинении ЦИК ЧАО, не мог открыто оспаривать свои права. Поэтому единственное, что он мог сделать – уйти на «новое место».

После того, как к лету большая часть структурных подразделений исполкома переехала в Мариинский Посад, серьезной проблемой по-прежнему продолжала оставаться нехватка специалистов. Так, например, с момента образования ЧАО почти все работники земельного отдела оказались взяты на работу в области. Это привело к тому, что «по Чебоксарскому уезду не было ни одного участкового агронома, а остались лишь помощники агронома» [2. Д. 61. Л. 57]. Оставить уезд без агронома в условиях, когда осуществлялся переучет земли, означало создание почвы для взрывоопасной ситуации. Неутешительные сведения поступали и из других отделов. Заведующий отделом народного образования тов. Сергеев сообщал, что общая канцелярия по штату должна была иметь секретаря, делопроизводителя, регистратора, журналиста, конторщика, 4 машинисток, курьера и рассыльного. Но в реальности в общей канцелярии имелись «только секретарь, малограмотный переписчик-мальчик, пишущая машинка в единственном числе (остальные три присвоены ЧАО) без машинистки. Все приходилось писать от руки мальчишкам переписчикам» [2. Д. 61. Л. 63]. Близкие по содержанию сведения присутствуют и в отчетах членов других отделов.

Еще одной проблемой в деятельности исполкома стало халатное и преступное отношение к своим обязанностям некоторых его работников. Она возникла из-за отсутствия должного контроля во время реорганизации, а затем и переезда исполкома на новое место, а также необходимостью как можно быстрее набрать недостающий штат сотрудников. Неоднократно шли жалобы на сотрудников, в которых указывалось на превышения их полномочий. Так, были отмечены случаи пьянства в продовольственных отрядах во время их поездок в сельскую местность по выполнению продразверстки, злоупотребления мельничных контролеров [2. Д. 61. Л. 18].

В условия провозглашения ЧАО произошло обострение и межнациональных взаимоотношений в исполкоме. Теперь в ситуации национального образования высказывались мнения о создании сугубо национального, т.е. чувашского исполкома. На съездах стали звучать требования, «чтобы будущий исполком был чувашским» [2. Д. 61. Л. 14]. Появились суждения о недопустимости мобилизации на фронт чувашей, занимавших должности в исполкоме [2. Д. 61. Л. 14].

Из-за национального вопроса долгое время не имел заведующего подотдел единой школы. Проблема состояла в том, что бывший заведующий, знавший чувашский язык, был отозван для работы в областной аппарат, а следующего заведующего, приглашенного уездным отделом народного образования, как не владевшего чувашским языком, не утверждали в должности областные структуры власти [2. Д. 61. Л. 63].

Серьезные проблемы, возникшие в работе исполкома в период образования ЧАО, привели к тому, что долгое время он не мог, хотя бы на прежнем уровне, проводить социально-экономическую политику в регионе, что привело к реальному ухудшению социального положения местных жителей.

С целью совершенствования механизма функционирования исполкома в период с 1921 г. по 1927 г. произошли многочисленные изменения в его структуре, которые, однако, не носили кардинального характера.

По-прежнему главной структурной единицей исполкома являлся президиум. Он избирался в начале работы каждого нового съезда Совета. Численность президиума в разные периоды составляла от 4 до 6 человек. Другой важной структурной единицей был пленум. В отличие от президиума он представлял собой собрание всех членов исполкома. В силу того, что организовывать собрание с участием всех членов часто было затруднительно, основные решения исполком принимал через президиум, только по особо важным делам созывался пленум. Так, в период с IX по X съезд Советов, т.е. с 10 июля 1921 г. по 6 ноября 1922 г. всего состоя-

лось 68 заседаний президиума и 28 пленумов. На заседаниях президиума было рассмотрено 869 вопросов, на пленумах 208 [2. Д. 61. Л. 100].

В составе президиума выделялся секретариат. В его обязанности входил прием дел и заявлений от населения. Именно через его работу осуществлялось взаимодействие исполкома с населением уезда. Общее число дел и заявлений, поступивших в президиум с IX по X съезд Советов, составило 3616, за тот же период число исходящих бумаг составило 2795 [2. Д. 61. Л. 100].

Кроме президиума, другими важными структурными единицами исполкома являлись отделы, комитеты, бюро и комиссии. Отделы, комитеты и бюро функционировали на постоянной основе, комиссии – на время решения конкретных задач. В период между IX и X съездами общее число комиссий, организованных по различным вопросам, составляло 14. Из них: 4 – по общественно-организационным вопросам, 5 – по земельным делам, 2 – по вопросам ревизии, 2 – переселению и 1 – по изъятию церковных ценностей [2. Д. 61. Л. 100].

Точное число отделов исполкома из-за постоянных изменений установить сложно. Только за период с IX по X съезд были организованы статистическое бюро, комиссия помощи голодающим, сельскохозяйственный комитет, приходно-расходная касса уездного финансового отдела. Одновременно были ликвидированы уездный СНХ, бюро юстиции, политическое бюро, рабоче-крестьянская инспекция [2. Д. 61. Л. 104].

Несмотря на частые изменения, были и такие отделы, которые просуществовали вплоть до 1927 г. К ним относятся отделы здравоохранения, народного образования, местного хозяйства, социального обеспечения, земельный и финансовый. Именно с их деятельностью наиболее часто встречаются материалы в архивном фонде. Каждый отдел делился на подотделы. Во главе структурных подразделений стояли заведующий со штатом делопроизводителей. В среднем на отдел приходилось по 5-7 подотделов. Так, отдел здравоохранения в 1922 г. состоял из 5 подотделов: лечебного, санитарно-эпидемического, охраны детства и материнства, хозяйственно-финансового, общего [2. Д. 61. Л. 105]. Коммунальный отдел состоял из 6 отделов: общего, пожарного, предприятий, снабжения, жилищно-земельного, бухгалтерии [2. Д. 61. Л. 119].

Многочисленные изменения в структуре исполкома были связаны с процессом его становления, а также с финансовыми возможностями уезда. В период 1920-1927 гг. бюджет исполкома составлялся с большим дефицитом (в среднем 50-70%). Так, на 1922 г. доходы уездного бюджета были определены в 59 425 руб., расходная же часть – 179 441 руб. [2. Д. 61. Л. 103]. Все это делало невозможным содержать большой аппарат. Поэтому исполкому пришлось проводить жесткую политику экономии средств, в рамках которой в 1922-1923 гг. происходили значительные изменения в структуре аппарата – сокращение и централизация. Так, например, число подотделов в отделе народного образования сократилось с 9 до 3 [2. Д. 61. Л. 16].

В 1923 г. путем объединения 4 отделов (местного хозяйства, народного образования, здравоохранения, социального развития) был организован общий отдел. После слияния их переименовали в отделения. Подобным образом были также созданы финансово-материальное отделение и общая канцелярия. Заведующий общим отделом руководил работой всех подразделений [2. Д. 61. Л. 34]. Однако такая форма централизации со временем негативно стала сказываться на деятельности отделений. Лишенные самостоятельности, они уже не могли в полной мере проявлять себя. Общий отдел стал не справляться со значительным количеством бумаг. Отрицательно на работу влияли частая сменяемость его заведующих (по 3-4 человека за год). Все это делало невозможным оперативное принятие решений по работе линии отделений. Поэтому через 3 года общий отдел был ликвидирован. С 1 октября 1926 г. вновь организовались отделы народ-

ного образования, здравоохранения, социального обеспечения и местного хозяйства как самостоятельные единицы [2. Д. 329. Л. 1].

Таким образом, из-за финансовых трудностей в структуре уисполкома в 1920-1927 гг. проявилась тенденция к централизации в виде укрупнения структурных единиц. Но новые органы часто становились слишком громоздкими и не могли охватить весь спектр вопросов. Возникла потребность в качественно новых изменениях.

Усложнение социально-экономических процессов в стране требовало проведения новой административной реформы – районирования. Вместо четырехуровневой – сельсовет, волость, уезд, центральные органы – вводилась трехуровневая система: сельсовет, район, центральные органы. В основу реформы было положено упразднение уездов и выделение района как целостной, экономически самостоятельной единицы. Теперь райисполкомы получили права уисполкомов. В результате районирования 1927 г. в Чувашской АССР вместо 5 уездов было образовано 17 районов. Конкретно из Чебоксарского уезда возникло 4 района: Татаркасинский, Чебоксарский, Марпосадский, Козловский [2. Д. 329. Л. 255]. 1 октября 1927 г. уездные и волостные комитеты официально были ликвидированы. Все дела передавались райисполкомам.

Помимо структурных изменений происходили значительные перемены в кадровом составе. Рассмотрение состояния и изменений в кадрах невозможно без анализа такого явления, как номенклатура должностей, для назначения на которые требовалось утверждение партийными структурами власти. С начала 1920-х гг. закладывалась следующая практика: выбирать президиум исполкома из предложенных областным комитетом партии кандидатов [2. Д. 61. Л. 1]. Партия большевиков начинала играть заметную роль в кадровой политике, но в первой половине 1920-х гг. государственный аппарат еще не был тождествен партии. Анализ партийности членов государственного аппарата уезда показывает, что большая его часть не состояла в партии. Однако, если рассматривать не количественные, а качественные показатели, то закономерность такова, что, чем выше была должность во властной структуре, тем чаще всего человек состоял в партии. Так, например, после XI съезда в исполкоме числилось 11 человек. Из них коммунистов 9 человек, т.е. абсолютное большинство. Среди 42 членов волисполкомов коммунистов насчитывалось 21 человек, т.е. уже половина. Рассмотрение партийного состава 894 членов сельсоветов показывает, что в партии состояло только 29 человек [2. Д. 187. Л. 16]. Таким образом, советский уездный аппарат в целом был беспартийным, но его руководители практически все состояли в партии. Поэтому в практику политической жизни советского государства постепенно закладывалось правило – обязательное вступление в партию как неперемнное условие для карьерного роста.

Другим условием, повлиявшим на кадровый состав Чебоксарского уисполкома, стали политика реализации чувашского языка (РЧЯ) и коренизации государственного аппарата. Цель этой политики заключалась в повышении удельного веса чувашей в государственном аппарате за счет представителей других этносов. Действовавшая на территории области комиссия по РЧЯ составила специальную инструкцию, обязательную для использования всеми исполкомами, учреждениями и предприятиями ЧАО. В ней настоятельно было рекомендовано официальные бумаги, исходившие как от государства, так и от частных лиц, оформлять на родном языке большинства национальности области [5. С. 406-407].

ЦИК ЧАО в категорической форме поставил перед всеми волисполкомами требование обязательного перехода на чувашское делопроизводство в сношениях с сельсоветами. Путем жесткого принуждения к 1927 г. удалось достигнуть 50-70% перевода на чувашский язык всего документооборота волисполкомов, после чего встал вопрос о переходе на чувашский язык уездного аппарата [2. Д. 323. Л. 99]. Однако здесь возникли серьезные трудности. Несмотря на политику коренизации,

доля чувашей в уездном аппарате управления не стала преобладающей. Процентное количество чувашей по отдельным учреждениям колебалось от 20 до 80% [2. Д. 323. Л. 99]. На 1927 г. в земельном управлении чувашей было 40%, в финансовом отделе – 28%, в отделе народного образования – 50% [2. Д. 323. Л. 99]. В этих условиях, когда половину аппарата исполкома составляли преимущественно русские, тяжело было проводить политику РЧЯ. Особенно высокий удельный уровень русских был в штате технических служащих (машинистки, делопроизводители, секретари), ответственных за делопроизводство. Только поэтому к 1927 г. уездный исполком так и не перешел на чувашский язык. Общее количество входящих и исходящих бумаг в уисполкоме на чувашском языке в зависимости от учреждения составляло в среднем 2-3%. Документация же на русском языке значительно преобладала – 95-100% [2. Д. 348. Л. 43].

Другим обстоятельством, оказавшим существенное влияние на кадровый состав особенно в начале 1920-х гг., стали финансовые трудности с выплатой зарплаты сотрудникам исполкома. Из-за этого многие, особенно квалифицированные работники, уходили из учреждения, устраиваясь на другое место. В 1923 г. общий отдел вообще пригрозил, «что в случае невыплаты зарплаты сложит с себя всякую ответственность за ход работ» [2. Д. 161. Л. 147]. Сложное финансовое положение вынудило уисполком пойти на структурные преобразования, в результате чего серьезно сократилась численность как ответственных, так и технических служащих. За счет сокращения сотрудников в несколько раз уисполкому удалось сэкономить средства, чтобы решить вопрос выплаты зарплаты. Но с середины 1920-х гг. по мере увеличения финансовых возможностей снова пошло увеличение численности сотрудников аппарата.

Финансовые трудности и невыплата заработной платы при общей ситуации нестабильности в уезде приводили к преступным действиям со стороны членов исполкома. Так, были отмечены случаи воровства, хищений и других преступлений. 18 декабря 1921 г. сбежал со своего поста заведующий земельным отделом А.Я. Яковлев, захватив с собой около 20 тыс. руб. [2. Д. 61. Л. 119]. Неоднократно поступали жалобы и взыскания на милицию [2. Д. 323. Л. 99]. Ревизия материально-финансового отделения общего отдела в 1926 г., анализируя работу учреждения, выявила серьезные нарушения. «Операции по кассе производились без выписки ордеров и, не проводя записи расхода по кассовой книге. Деньги выдавались авансами на такие расходы, которые не были предусмотрены сметой, авансы не всегда расходовались по прямому назначению. Общий отдел содержал сверх установленного штата сотрудников и деньги выдавались не по назначению. Выдавались суточные в большем, чем следовало, размере» [2. Д. 449. Л. 30]. Одновременно с преступной деятельностью в кадровом составе отмечены случаи непрофессионализма. В доставляемых волостными комитетами сведениях встречаются, например, такие случаи, когда цифры голодающих в волости превосходили цифры всего волостного населения [2. Д. 323. Л. 2].

Будет неверно, если мы представим исполком как место карьерного роста, взяточничества и других злоупотреблений. Исполком являлся учреждением, объединявшим разных людей. В нем было много честных, порядочных работников, на протяжении длительного времени ответственно выполнявших свои обязанности. В практике работы исполкома еще присутствовал порыв преданности революционному делу. Так, на XII съезде Советов делегаты за 3 часа заседания спели 11 раз интернационал [2. Д. 187. Л. 60]. Через каждые 15-20 минут в зале звучал торжественный гимн.

Следует отметить еще один очень важный фактор, повлиявший на кадровую политику, это – партийные чистки. В информационном отчете областного комитета ВКП(б) о своей деятельности за период с 1 января по 1 июня 1927 г. для ЦК

партии отмечалось широкое распространение «болезненных явлений» в партийных ячейках: пьянство, растраты и должностные преступления, «некоммунистические поступки», уголовщина и связь с «чуждыми элементами». По Чебоксарскому уезду в 1926 г. по этим нарушениям было рассмотрено дел на 208 партийных работников, а за первое полугодие 1927 г. — на 100 партийцев [6. С. 113].

В течение 1926 г. сменилось 4 председателя исполкома [2. Д. 320. Л. 61], 5 человек в должности заведующего отделом местного хозяйства [2. Д. 325. Л. 42]. За 1926/27 гг. произошло обновление состава волисполкомов на 58% [2. Д. 323. Д. 130]. Частая смена руководящих кадров присутствовала по всей Чувашии, в которой за 1920-1926 гг. сменилось 9 секретарей обкома партии [5. С. 405].

Сложно однозначно ответить на вопрос, в чем причина столь многочисленных перестановок, хотя то, что частые смены происходили в 1925-1927 гг., когда в высшем руководстве страны активизировалась политическая борьба, говорит о многом. Значительное количество членов партии было обвинено в троцкизме, правом уклоне и освобождено со своих постов. Под лозунгом борьбы с «некоммунистическими поступками» в партии просто уничтожались политические соперники. В 1927 г. из 19 членов уисполкома только 5 работали больше года. Все остальные были обновлены, пришли с волостного уровня [2. Д. 323. Л. 94].

Таким образом, для кадрового состава уисполкома характерна нестабильность. В 1920-1927 гг. в уездном аппарате наблюдалась высокая текучесть кадров. Ее определял комплекс факторов: политика коренизации, внутрипартийная борьба, структурные преобразования и финансовые возможности уисполкома.

Частые смены руководителей структурных подразделений негативно сказывались на работе всего аппарата в целом. Но главную опасность вызывал низкий уровень подготовки кадрового состава служащих, профессионализм и компетентность часто заменялись партийностью работников.

Таким образом, период 1920-1927 гг. представляет собой чрезвычайно сложный этап в деятельности Чебоксарского уисполкома. На его работе во многом отразились те же тенденции, которые были присущи и другим органам власти в стране — централизация, подчинение партии, классовый подход. Национально-государственное строительство в Чувашии привнесло новые специфические особенности, например практику коренизации кадрового состава и реализации чувашского языка.

Поэтому в современных условиях, когда история советского периода 1920-1930-х гг. вызывает большие дискуссии, анализ деятельности Чебоксарского уисполкома становится необходимым для того, чтобы разобраться и приблизиться к объективному пониманию социально-экономических и политических процессов в регионе.

Литература и источники

1. *Артемов С.А.* Советы рабочих и крестьянских депутатов в Чувашии в 1917-1918 годах. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1965. 194 с.
2. Государственный исторический архив ЧР (ГИА ЧР) Ф. Р-7. Оп.1. (Чебоксарский уездный исполком).
3. *Григорьев П.Г.* Чебоксарский Совет рабочих и солдатских депутатов в период подготовки и проведения Октябрьской революции // Установление Советской власти в Чувашии: сб. ст. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1958. С. 79-110.
4. *Изоркин А.В., Клементьев В.Н., Александров Г.А.* История Чувашии новейшего времени: в 2 кн. Чебоксары: ЧГИГН, 2001. Кн. 1. 262 с.
5. *Клементьев В.Н.* Формирование советской системы в Чувашии: начальный этап (ноябрь 1917 г. — первая половина 1920 г.) / Личность, общество, власть в истории Чувашии: XX век. Чебоксары: ЧГИГН, 2007. С. 70-127.
6. *Минеева Е.К.* Становление Марийской, Мордовской и чувашской АССР как национально-территориальных автономий (1920-1930 годы). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2009. С. 406-407.

КАПРАНОВ АЛЕКСАНДР ВЯЧЕСЛАВОВИЧ – аспирант кафедры Отечественной истории имени А.В. Арсентьевой, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (kapranov.2010@yandex.ru).

KAPRANOV ALEKSANDR VYACHESLAVOVICH – post-graduate of History Russia Chair named after A.V. Arsenyeva, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 338(09)(470.62)

П.И. КАПУСТИН

**К ВОПРОСУ О ПЕРВООЧЕРЕДНЫХ ЗАДАЧАХ
ВОССТАНОВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКИ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ
В 1943-1945 гг.**

Ключевые слова: Великая Отечественная война, советский тыл, восстановление экономики.

Дан анализ знаковых изменений в хозяйственно-экономической жизни Краснодарского края на начальном этапе восстановления народного хозяйства в 1943-1945 гг. Автором выясняются наиболее проблемные моменты развития.

P.I. KAPUSTIN

**TO THE QUESTION OF THE PRIORITY TASKS OF THE RESTORATION
OF THE ECONOMY OF KRASNODAR REGION IN 1943-1945**

Key words: Great Patriotic war, soviet rear, economic recovery.

The article is devoted to the analysis of the landmark changes in the economic life of the Krasnodar territory at the initial stage of restoration of the national economy in 1943-1945. The author uncovers the most problematic aspects of development.

Освобождение 12 февраля 1943 г. Краснодара от немецко-фашистских войск явилось началом длительной работы по восстановлению народного хозяйства края, ликвидации социально-экономических и политических последствий оккупации. С 9 октября 1943 г., когда от фашистов был освобожден Таманский полуостров, Краснодарский край, в полной мере смог перейти к решению задач созидания в относительно мирных условиях.

Реализация задач возрождения оказалась, однако же, связанной с преодолением колоссальных трудностей. Потери, нанесенные Краснодарскому краю оккупантами, были огромны. Прежде всего, невосполнимой утратой стала гибель более 61 тыс. жителей края. Еще 32 тыс. кубанцев были угнаны на работы в Германию [4. С. 85]. В полном смысле в развалины были превращены прифронтовые города. Была парализована работа промышленности. Разрушенной оказалась производственно-техническая база уникального сельскохозяйственного региона. Общий ущерб, нанесенный оккупантами Краснодарскому краю, составил более 15 млрд руб. [1]. На восстановление края СНК выделил 74,8 млн руб., для Майкопа еще 5,15 млн руб. [5. С. 414-416]. Из восточных районов в край осуществлялась эвакуация оборудования, техники, скота и пр. Особое значение при этом придавалось переброске сюда оборудования для нефтяной промышленности, а также для ремонта железных дорог.

Рассматривая начальную стадию восстановления хозяйства региона, необходимо отметить, что в аграрном Краснодарском крае особую актуальность приобрела охрана сельскохозяйственного имущества, значительно пострадавшего за период с начала военных действий. Так, к весне 1943 г. по краю были неисправны 52% тракторов, а живого тягла осталось 37% от дооккупационного времени [14]. В то же время значительная часть имущества бывших колхозов оказалась в частных руках. В данном случае сказалось естественное стремление населения обеспечить себя в условиях оккупации. В определенной степени это было обусловлено тем, что во время оккупации немецкими властями осу-

ществлялось перераспределение собственности, принадлежащей колхозам в пользу лиц, которые были настроены лояльно к оккупантам.

В любом случае, вне зависимости от отмеченных особенностей, возврат всего колхозного имущества был объявлен первоочередной задачей. Причем ее выполнению было придано ясно выраженное политическое звучание. В данной связи, к примеру, прокурор Пластуновского района Комягин, в своем выступлении на пленуме райкома 3 июня 1943 г. рассматривая ситуацию, когда крестьяне отказывались передавать в колхозы часть колхозного скота, перешедшего к ним в личное пользование в период оккупации, отмечал, что «немецкие оккупанты оставили свои следы и влияние на некоторую часть отсталых колхозников» [11].

Однако, в целом, отмеченная проблема была довольно оперативно снята. Первоначально, в условиях острого некомплекта сотрудников органов НКВД, решение данной задачи было поручено бойцам истребительных батальонов. Так, в период оккупации в Северском районе с фашистами активно боролись три партизанских отряда – «Овод», «Мститель», «Иль», проводившие дерзкие диверсионные операции в тылу врага. После изгнания фашистов они были преобразованы в Северский районный истребительный батальон численностью в 196 человек, который и провел по хуторам и селам учет трофеев, оставшегося колхозного имущества, параллельно восстановив и сами колхозы [10].

В последующем, по мере укрепления районных отделов НКВД, деятельность по мобилизации колхозного и государственного имущества планомерно проводилась уже их сотрудниками. В целом масштабы проведенной в отмеченном направлении работы и объем возвращенных ценностей оказались довольно значительными. Показательны в данном отношении цифры по Кореновскому району. По приблизительным данным к 1 сентября 1943 г. здесь было изъято «у изменников Родины расхищенного с ферм скота: крупного – 680 голов, мелкого – 405 голов, прочего – 215 голов» [9].

В рассматриваемый период и в последующем на данном направлении работы особенно заметно сказались изменения в уголовном законодательстве, предусматривавшие повышенную ответственность за хищения в данной сфере [6]. В частности, в рамках 1943 г. особое значение здесь имело специальное постановление ГКО от 22 января 1943 г. «Об усилении борьбы с хищениями и разбазариванием продовольственных и промышленных товаров». Постановление предписывало, помимо привлечения к уголовной ответственности, взыскивать с виновных стоимость похищенных или недостающих продовольственных товаров по рыночным ценам, а промышленных – по коммерческим, причем в пятикратном размере [8. С. 197]. В частности, его положения применялись при сборе запасов зерна, похищенного из элеваторов края. В дальнейшем, особенно востребованным оказалось постановление СНК СССР от 8 января 1944 г. «О материальной ответственности лиц, виновных в гибели или хищении скота, принадлежащего колхозам и совхозам».

В рассматриваемый период одним из важных направлений работы местных органов власти и управления стала также мобилизация трудоспособного населения. В частности, это было ощутимо в нефтяной промышленности, где к весне 1943 г. численность рабочих была в 10 раз меньше по сравнению с аналогичным показателем в 1941 г. В результате проведенных мобилизаций в распоряжение Краснодарского нефтекомбината только до конца 1943 г. было передано более 1500 работников. Любопытно, что при этом значительную часть вновь привлеченных работников составляли партизаны-нефтяники. Массовые мобилизации в основном сняли остроту проблемы. В феврале 1944 г. в нефтяной отрасли края работало около 6000 человек [13. Д. 2978. Л. 25; Д. 3002. Л. 32].

Впрочем, массовые мобилизации, проводимые в кратчайшие сроки, не могли в полной мере решить проблему кадров. В данной связи важное значе-

ние приобрели новые направления работы, в частности обеспечение необходимого уровня трудовой дисциплины. Отметим, что эта задача была также успешно выполнена. В частности, в 1944 г. в коллективных хозяйствах края «была самая высокая в стране выработка трудовой» [3. С. 92].

Следует также особо выделить одно из важнейших направлений служебно-оперативной деятельности органов НКВД-НКГБ Краснодарского края в восстановительный период, связанное с пресечением участвовавших хищений государственного имущества, а также производством дознания по делам, связанным с прогулами на предприятиях. На наш взгляд, оно имело большое значение. Так, в 1943 г. из 26 396 уголовных дел, рассмотренных в народных судах Краснодарского края, 39% составили дела по хищениям, 16% – дела по прогулам. Такое относительно большое количество осужденных за указанные преступления объяснялось тем, что «в строй вступают новые производства и предприятия, контингент рабочих и служащих увеличивается, а следовательно, и число прогульщиков становится больше» [2. Л. 1, 28].

Но, с другой стороны, было бы неправильно не видеть и иного аспекта. Лето 1943 г. было сопряжено с большими проблемами в сельском хозяйстве страны, следствием чего явилось резкое снижение жизненного уровня колхозников. Тем не менее еще 26 июля 1942 г. в письме ЦК ВКП(б) «Секретарям райкомов партии, начальникам политотделов МТС и совхозов и редакторам краевых, областных и районных газет об улучшении организации уборки урожая» указывалось на недопустимость потери хлеба и других сельхозпродуктов, «так как каждый пуд зерна, картофеля, овощей и технических культур нам необходим для обеспечения продовольственных нужд страны и Красной Армии и повышения натуральных доходов в колхозах» [7. С. 69-70].

В итоге получалось, что на деле решение задач по возрождению народного хозяйства на освобождаемой территории далеко не всегда учитывало человеческий фактор (имеется в виду положение, когда государство, «выжимая» максимум из работника, далеко не всегда обеспечивало ему и его семье возможности для нормального существования, и прежде всего это касается продуктов питания). В результате, имело место увеличение фактов хищения зерна в сельском хозяйстве, поскольку это было нередко единственной возможностью прокормиться. Виновные в совершении хищений привлекались к уголовной ответственности по закону от 7 августа 1932 г. Так, летом 1943 г. в колхозе имени Тельмана Тимашевского района Краснодарского края было осуждено 5 колхозниц, вынесшие в совокупности 15 кг 700 г зерна с колхозного тока. У всех пятерых мужья находились на фронте, 3 из них имели на иждивении малолетних детей, а еще одна – младших сестер и мать [12].

Заместитель начальника Управления Наркомюста по Краснодарскому краю С.А. Козин в отчете за сентябрь 1943 г. пояснял, что «сущность большинства этих дел составляет хищение зерна колхозниками... Осужденными являются жены военнослужащих, обремененные малолетними детьми, подростки несовершеннолетнего возраста, родители которых находятся в рядах РККА, или престарелые, дети которых так же находятся в армии [2. Л. 28].

В целом, рассматривая проблему восстановления народного хозяйства края в 1943-1945 гг., следует заметить, что оно было связано с решением очень широкого круга задач. При этом прямо и косвенно в их обеспечении участвовали не только сугубо хозяйственные, но и карательные структуры.

Литература

1. ГАКК. Ф. 4372. Оп. 1. Д. 12. Л. 176.
2. ГАКК. Ф. Р-1430. Оп. 1. Д. 166.

3. Криводед В.В. Кубанское крестьянство и казачество в годы Великой Отечественной войны // Историческая мысль Кубани на пороге третьего тысячелетия: сб. науч. ст. и юбилейн. материалов / Краснодар. гос. ун-т культуры и искусств. Краснодар, 2000.

4. Куценко Я.И., Чучмай Г.Т. Краснодар (исторический очерк). Краснодар: Краснодар. кн. изд-во, 1956.

5. Митрофанова А.В. Об основных этапах советской историографии Великой Отечественной войны // Историография советского тыла периода Великой Отечественной войны: сб. ст. М.: Ин-т истории СССР, 1976.

6. Плахутина В.Т., Незвижина Г.В. Развитие органов внутренних дел Казахской ССР в годы Великой Отечественной войны. Караганда: Караганд. ВШ МВД СССР, 1982. С. 65.

7. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сб. документов. М.: Политиздат, 1968. Т. 3.

8. Сальников В.П., Степашин С.В., Янгол Н.Г. Органы внутренних дел Северо-Запада России в годы Великой Отечественной войны / МВД России. С.-Петербург. ун-т. СПб., 1999.

9. ЦДНИКК. Ф. 1222. Оп. 1. Д. 346. Л. 5.

10. ЦДНИКК. Ф. 1364. Оп. 2. Д. 4. Л. 14.

11. ЦДНИКК. Ф. 1386. Оп. 2. Д. 3а. Л. 8.

12. ЦДНИКК. Ф. 162. Оп. 1. Д. 235. Л. 9.

13. ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 1.

14. ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 538. Л. 26.

КАПУСТИН ПЕТР ИВАНОВИЧ – преподаватель, Краснодарский муниципальный медицинский институт высшего сестринского образования, Россия, Краснодар (g197412@yandex.ru).

KAPUSTIN PETER IVANOVICH – teacher, Krasnodar Municipal Medical Institute of Higher Nursing Education, Russia, Krasnodar.

УДК 338.22

А.А. ЛЕБЕДЕВА

ПЕРЕСТРОЙКА И ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДПОСЫЛОК ДЛЯ ВОЗРОЖДЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

Ключевые слова: ускорение, перестройка, рыночные реформы, предпринимательство.

Рассмотрены основные предпосылки возрождения российского предпринимательства, сформировавшиеся в условиях перестройки и демонтажа советской экономической и общественно-политической модели в 1985-1990 гг.

A.A. LEBEDEVA

RESTRUCTURING AND FORMATION OF THE PREREQUISITES FOR THE REVIVAL OF ENTREPRENEURSHIP IN RUSSIA

Key words: acceleration, restructuring, market reform, entrepreneurship.

The article considers the basic prerequisites for the revival of the Russian enterprise, which has formed in the conditions of perestroika and the dismantling of the soviet economic and political model in 1985-1990.

На апрельском пленуме ЦК КПСС (1985 г.) в качестве стратегической цели развития советского общества новое руководство страны провозгласило курс на ускорение социально-экономического развития страны, перестройку всего хозяйственного механизма. Примечательно, что в качестве основных инструментов достижения данной цели виделся не только научно-технический прогресс, который оценивался в те дни едва ли не как единственное средство, способное обеспечить техническое перевооружение, поднять производительность труда, но и, что представляется особенно важным, активизация «человеческого фактора» [10. С. 32].

В рамках доминирующей советской традиции на решение этих задач были, прежде всего, направлены меры по наведению порядка в экономической сфере, по укреплению трудовой и технологической дисциплины. Нужно признать, что поначалу они принесли довольно ощутимые результаты. В частности, за 1985-1986 гг.

темпы прироста производительности труда в промышленности и строительстве превысили среднегодовые показатели 11-й пятилетки в 1,3 раза, а на железнодорожном транспорте (где перемены начались еще в 1983 г.) – втрое [12].

Рассматривая «человеческий фактор» в качестве ведущего, главного ресурса «перестройки», реформистская часть высшего политического руководства страны пришла к выводу, что ключ к решению экономических проблем следует искать в личном интересе производителя, в отношениях собственности. Соответственно, экономические преобразования, по ее мнению, должны были обеспечиваться за счет включения широких слоев общественности в управление производством, усиления контроля рабочих и служащих за деятельностью администрации. В условиях радикализации экономических реформ участие трудящихся в управлении производством было законодательно закреплено в законах СССР о трудовых коллективах и о государственном предприятии (объединении), которые предусматривали участие всего коллектива и его общественных организаций в выработке важнейших решений, контроле за их исполнением, а также выборность руководителей производства и т.п. Если раньше коллективы лишь обсуждали и одобряли договоры, то этим законом им были предоставлены права принимать по ним решения, что усилило обязательный характер их выполнения.

Однако введение отмеченных законов, сопровождавшееся массированной популистской пропагандистской кампанией, на наш взгляд, не привело к сколь-нибудь ощутимым позитивным последствиям. Предоставленные ими права использовались скорее формально, рекламно. Это осознавалось и самими инициаторами преобразований. Проводя все менее успешные реформы, лишь ухудшавшие экономическую ситуацию в стране, на определенном этапе они пришли к выводу о том, что задачи ускорения невозможно реализовать при сохранении основ существующего хозяйственного механизма. Соответственно, на передний план вышла идея необходимости переделки самого базиса традиционной экономической системы, что повлекло за собой бесконечные реформы, в конечном счете повлекшие за собой дезорганизацию механизмов управления экономикой. Это стало важнейшей причиной неэффективности начатых преобразований.

В свою очередь, не видя реальных результатов от своей деятельности, непосредственные производители – рабочие и труженики села – все более разочаровывались не только в инициативах власти по проведению экономических реформ, но и вообще в перспективах своей деятельности в рамках существующей системы. Это создало, в целом, благоприятный общественный фон для реформ, связанных с развитием индивидуальной трудовой активности населения. Началом реального становления предпринимательства и возрождения отечественных традиций в сфере предпринимательской деятельности стала экономическая трансформация в стране в связи с принятием законов «Об индивидуальной трудовой деятельности» и, особенно, «О кооперации в СССР» (1988 г.) [2]. На их основе был подготовлен и ряд других законодательных актов СССР и союзных республик Советского Союза по вопросам структурной перестройки экономики и развития инициативы непосредственного производителя.

Это положило начало созданию правовых основ для легальной трудовой деятельности в негосударственном секторе экономики в отличие от того варианта теневого бизнеса, который существовал в условиях советской плановой экономики. В частности, в соответствии с указанными законами было развернуто кооперативное движение. Так, в Москве первыми кооперативами стали «Кропоткинская 36», «Техник», «Факт». На кооперативные принципы организации работы перешел «Московский завод низковольтной аппаратуры» и др. [8].

Между тем по причине значительного повышения заработной платы всем категориям работников в 1987-1990 гг. на фоне нарастания трудностей экономического порядка, ухудшения снабжения населения, в том числе и элемен-

тарными продуктами питания, в стране появился дефицит товаров и услуг [13]. С 1990 г. даже в Москве было введено карточное снабжение населения продуктами питания (за исключением хлеба).

Как ни парадоксально, но на этом фоне получили чрезвычайно широкое распространение идеалистические представления о характере рыночных отношений. Благодаря агрессивной рекламе рынок стал восприниматься как панацея, как абсолютный регулятор экономических отношений [11]. В итоге под давлением критики существующего положения дел весной 1990 г. положения о рынке были впервые внесены в партийные документы, а летом 1990 г. – закреплены в решениях XXVIII съезда КПСС. При этом легализовалась частная собственность, многоукладность хозяйств и т.п. [1].

Важную роль в рыночной модернизации страны были призваны сыграть такие законы СССР и РСФСР, как «Основы законодательства СССР и союзных республик об аренде» (1989 г.) [3], «О собственности в СССР» (1990 г.), «О предприятиях в СССР» (1990 г.) [4], «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» (1990 г.) [5], законы РСФСР «О собственности в РСФСР» (1990 г.), «О предприятиях и предпринимательской деятельности» (1990 г.) [6].

Постоянные ссылки лидеров страны на особый путь к рынку, «социалистическую индивидуальную собственность» и др. серьезно проигрывали в сравнении с требованием решительной и недвусмысленной смены модели экономического развития, с которым выступали уже не только экономисты, но и депутаты Верховного Совета РСФСР во главе со своим новым Председателем Б.Н. Ельциным (с мая 1990 г.). Становление в результате политической реформы 1988-1989 гг. новой российской государственности привело фактически к формированию второго политического центра в стране, от которого, во многом, зависело, по какому пути пойдет не только РСФСР, но и вся страна.

Выяснить этот вопрос требовала все более ухудшавшаяся ситуация в экономике. В 1991 г. в стране имелось более 2 млн безработных. Резкое снижение жизненного уровня вызывало серьезные социальные выступления. В марте 1991 г. бастовало 542 предприятия. Только из-за забастовок шахтеров прямые и косвенные потери производства в расчете на месяц превысили 4 млрд руб. В условиях затягивания рыночных преобразований дотации государства нерентабельным предприятиям превышали к этому времени 120 млрд руб. [9. С. 17].

На этом фоне российские экономические реформы предполагали дальнейший отказ от политики государственного контроля. Рыночные преобразования, согласно указам президента Российской Федерации, должны были обеспечиваться либерализацией законодательства в сфере экономической деятельности. Президент тогда сообщал, что «мы отстаивали политическую свободу, теперь надо дать экономическую, снять все преграды на пути свободы предприятий, предпринимательства, дать людям возможность работать и получать столько, сколько они зарабатывают, сбросив бюрократический пресс» [15].

В этих условиях в октябре 1991 г. правительство России представило собственную программу радикальных реформ [14]. В декабре к ней добавилась программа приватизации части малых предприятий. Наконец, Законом РСФСР 5 декабря 1991 г. была исключена уголовная ответственность за частнопредпринимательскую деятельность и коммерческое посредничество, отменялась смертная казнь за нарушение правил о валютных операциях, хищение в особо крупных размерах и др. [7].

Отличительная особенность эпохи состояла в том, что в самый короткий срок представления граждан о законности и государственном контроле в сфере экономики были просто перевернуты. Например, в отношении знаковой для советского времени спекуляции. Еще 31 октября 1990 г. Закон РСФСР «Об усилении ответственности за спекуляцию, незаконную торговую деятельность и злоупотребления в

торговле» подчеркивал актуальность борьбы с данным экономическим преступлением. Однако уже 25 декабря 1990 г. был принят, по сути, прямо противоположный по смыслу Закон РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности», окончательно открывший простор для частной инициативы.

На данной основе с рубежа 1990-х гг. в стране определился ряд областей деятельности, ранее недосягаемых для частника, а теперь легально осваивавшихся отечественными предпринимателями.

Литература

1. XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стеногр. отчет. Т. I. М., 1990.
2. Ведомости Верховного Совета СССР. 1988. № 22.
3. Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1989. № 25.
4. Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 16.
5. Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 25.
6. Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 30.
7. Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 52. Ст. 1867.
8. Масленников В.П. Кооперация наших дней. Опыт, проблемы, перспективы. М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1992.
9. Материалы объединенного Пленума Центрального Комитета и Центральной Контрольной Комиссии КПСС, 24-25 апреля 1991 г. М., 1991.
10. Материалы Пленума ЦК КПСС, 23 апреля 1985 г. М., 1985. С. 32.
11. Попов Г.Х. Блеск и нищета Административной Системы. М.: ПИК, 1990.
12. РГАНИ. Ф. 89. Оп. 11. Д. 101. Л. 15.
13. РГАНИ. Ф. 89. Оп. 20. Д. 68. Л. 13.
14. Российская газета. 1991. 29 окт.
15. Советская Россия. 1991. 29 окт.

ЛЕБЕДЕВА АЛЛА АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат юридических наук, доцент кафедры частного права, Чебоксарский кооперативный институт, Россия, Чебоксары (lebedevarich@rambler.ru).

LEBEDEVA ALLA ALEKSANDROVNA – candidate of juridical sciences, associate professor of Private Law Chair, Cheboksary Cooperative Institute, Russia, Cheboksary.

УДК 338.43.02(470.62)“1918/1943”

Н.А. МАСЮКОВ

ПРИОРИТЕТЫ СОВЕТСКОЙ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК КУБАНСКОГО КАЗАЧЕСТВА И КРЕСТЬЯНСТВА (1918-1943 гг.)

Ключевые слова: кубанская станица, советская аграрная политика, сельское хозяйство.

Рассмотрены социокультурные последствия аграрной политики большевистского государства в традиционно развитом аграрном регионе России в межвоенный период, показаны противоречивые тенденции эволюции настроений казачьего и крестьянского населения Кубани.

N.A. MASIUKOV

THE PRIORITIES OF THE SOVIET AGRICULTURAL POLICIES AND THEIR IMPACT ON THE SOCIO-CULTURAL APPEARANCE OF THE KUBAN COSSACKS AND PEASANTS (1918-1943)

Key words: kuban village, soviet agricultural policy, agriculture.

The article considers the socio-cultural implications of the agrarian policy of the bolshevik state in the traditionally well-developed agricultural region of Russia in the interwar period, shows the contradictory tendencies of the evolution of the sentiment of the cossack and peasant population of the Kuban.

Анализируя социокультурное развитие российского крестьянства в условиях становления большевистской государственности, нельзя не признать, что опре-

деляющее влияние на него оказали доминирующие тенденции аграрной политики, в собственно экономическом плане определяемой, в основном, как политика национализации. Наряду с этим, на наш взгляд, следует особо выделить и такой ее аспект, как превращение крестьянина в некое подобие индустриального рабочего, в последующем получившее свое определение как политика раскрестьянивания.

Становление большевистской политики раскрестьянивания было растянуто во времени. Первые документы новой власти – «Декрет о земле», «Закон о социализации земли» – шли в русле эсеровских представлений. Однако получив поддержку крестьян в России, на Кубани они изначально вызвали настороженное отношение со стороны казачества, категорически не приемлющего притязаний на общинные земли со стороны иногородних. В итоге неустойчивость землепользования, чрезвычайные конфискационные меры большевиков в 1918 г. привели к переходу основной массы казаков под белые знамена. Как следствие, курс 1917-1918 гг. на их широкое привлечение к советскому строительству в 1919 г. сменился политикой геноцида.

К концу гражданской войны казаки рассматривались большевистской властью как крайне реакционная сила. Политика проведения жестких карательных и репрессивных мер по отношению к населению на территории Кубано-Черноморья оформилась с первых дней становления советской власти, о чем свидетельствуют, в частности, такие источники, как доклады ревкомов, политических отделов и военных комиссариатов. Так, на заседании Кубано-Черноморского областного комитета РКП(б) 14 июня 1920 г. заместитель председателя Ревсовета Кавказской трудовой армии Белобородов поставил вопрос о том, «что по имеющимся сведениям многие ЧК и Особые отделы становятся на путь политической мести к рядовому казачеству, которое хотя бы косвенно было причастно к контрреволюционной власти и активного участия не принимали, несмотря на постановление Центральной власти о категорическом запрещении всякой мести к казачеству» [19. Л. 48-г]. Как отмечалось в письме, отправленном 30 июля 1920 г. Я.В. Полуяну рядовым партийцем со станции Батраки Северо-Кавказской железной дороги, такие действия власти по отношению к населению вели к возврату ситуации начала гражданской войны. В письме отмечалось: «каждый казак и большинство иногороднего населения (собственники) и в сравнении с центральными губерниями РСФСР у нас на Кубани все кулаки да еще какие, вот тут то и нужна осторожность и осмотренность дабы не повторилось», как в 1918 г. [3. Л. 163 об.].

Однако эти реалии учтены не были. Так, на I Кубано-Черноморской конференции РКП(б) (31 октября 1920 г.) явно прослеживалась установка, отразившаяся в докладах и прениях – использовать Кубань с целью «изъять из этой окраины хлеб и другие предметы» для укрепления советской власти [18. Л. 3-8]. В итоге, из-за ряда таких непопулярных мер, как продразверстка, ликвидация частной собственности, национализация земли и т.д., росло и недовольство местного населения, вылившееся в скором времени в широкое вооруженное противостояние части населения и новой власти. Повстанческое движение 1920-1922 гг., получившее на Кубани чрезвычайно широкий размах, свидетельствовало о том, что в отношении власти было настроено весьма критично не только более традиционалистское казачество, но и крестьянство. Так, в «Воззвании крестьян Черноморской губернии» говорилось: «Мы, с оружием в руках, выгоняли и коммунистов, и добровольцев – и те и другие хотели загнать нас, крестьян, палками и плетками в рай, одни в коммунистический, другие в монархический» [1. Л. 32].

Положение в кубанской станице позволило стабилизировать лишь переход к последовательной реализации принципов нэпа. При этом отказ от крайностей антиказачьей политики стал реальностью только в контексте курса «Лицом к деревне», когда было решено активнее использовать кадры казаков-коммунистов, ускорить проведение землеустройства, широко привлекать казаков

к работе земельных комиссий и т.д. Однако он оказался ограниченным во времени. Уже октябрьский (1925 г.) пленум ЦК ВКП (б) снял лозунг поддержки крепких хозяйств. Ограничивались аренда земли, наем рабочей силы, стали расти налоги. Кстати, закрепление данного курса в общероссийском масштабе в немалой степени было связано именно с анализом в ЦК ВКП(б) и ВЦИКе кубанской практики 1925-1926 гг. [10. Л. 72, 164; 4. л. 2, 492 и др.].

Репрессивная политика достигла крайних форм в годы «форсирования» строительства социализма. Результаты борьбы с «кулачеством» оказались особенно трагичными для Кубани, где на основе «союза иногородней и казачьей бедноты» [6. С. 15] селян вначале «взяли» «мерами экономического порядка и на основе советской законности» [13. С. 311].

Уже выборы в Советы, проведенные в декабре 1926 г. – январе 1927 г., создали принципиально новую реальность. Характеризуя ее, один из делегатов IV Армавирской окружной конференции ВКП(б) (5-10.12.1926 г.) отмечал: «В прошлом году при перевыборах советов мы допустили некоторое ослабление по части выборов советов, и дали право голоса довольно широко. Со стороны бедноты шли крики «кулаки захватили всю власть» и т.д. теперь же при ярко классовой инструкции о перевыборах советов я боюсь как бы не получилось зажима некоторой части трудового казачества и крестьянства, тем более, что в наших Северо-Кавказских условиях крестьянин казак – воспитан на кругу, на сходах и т.д. Я боюсь, что это вызовет большие осложнения. Могут получиться такие моменты, что казак, для того, чтобы получить право гражданства, ликвидирует свое хозяйство, что, безусловно, нам экономически и политически невыгодно, а потому со стороны крайкома и мест необходимо сугубое внимание и осторожность при проведении этого дела» [14. Л. 17].

В итоге уже настроения начала 1927 г. характеризовало широкое неприятие новой политики большевиков. Так, в ст. Воронцово-Дашковской, один из середняков заявил: «Одних поощряют, а другим в рожу плюют, бедноте разрешают собираться на собрания, а другим нет, почему другому крестьянскому населению не разрешается, почему не разрешает государство создание Крестьянского союза». В другой станице в частном разговоре было заявлено: «Нам говорить не разрешают, за наши выступления нас арестовывают» – и, выругавшись матом – говорят пусть выбирают коммунисты бедноту и пусть она работает в советах» [16. Л. 2-3].

Эскалация политической борьбы крайне негативно сказалась на экономических процессах. К тому же в 1927 г. государство понизило розничные цены на сельскохозяйственную продукцию и увеличило цены на промтовары. Анализ архивных документов показывает, что, начиная с конца 1926 г. началось сокращение темпа заготовок сельскохозяйственной продукции. При этом, уже в декабре 1926 г. население, воздерживаясь от продажи хлеба, заявляло: «если продавать за существующую цену, то пусть хлеб лежит в амбарах, ведь он есть не просит, да и налог за него не придется платить, так что нечего торопиться с продажей» [9. С. 967-968]. Выход из кризиса хлебозаготовок власть нашла на пути наращивания репрессий. Повальные обыски, облавы, запрет местной торговли, конфискации внезапно вернули деревню к периоду 1920-1921 гг. [2. Л. 2, 3, 5, 7] Большинству крестьян был нанесен очень сильный психологический удар. Привыкнув к определенным советским гарантиям, они неожиданно обнаружили, что их больше не существует. Власти прямо запрещают земледельцам распоряжаться плодами своего труда.

Данная политика нашла свое логическое завершение в эпоху тотального обобществления и массового террора 1929-1933 гг., отмеченную ростом крестьянского сопротивления. Крестьянство не было безропотным сословием, умеющим лишь приспосабливаться к сложным коллизиям аграрной политики госу-

дарства. Беззакония властей рождали протест. В большинстве своем это были такие пассивные формы борьбы, как свертывание сельскохозяйственного производства, посылка ходоков в столицу с жалобами, утаивание хлеба, забой скота и т.п. С 1928-1929 гг. все более энергичное неприятие населения вызывали попытки создания коллективных хозяйств. К примеру, «в станице Афипской среди группы казаков и середняков имеются такие настроения и разговоры: ... лучше пропадем сами, но в колхоз не пойдем» [17. Л. 4].

В сложившейся ситуации власти вновь прибегли к чисто силовым методам. «Массовые выселения... в отдаленные северные районы СССР и конфискация имущества» [11. Л. 17] на Кубани приобрели характер репрессии в отношении целых станиц. К примеру, первый зампред ОГПУ Г. Ягода в письме М. Горькому от 29 октября 1932 г. писал: «Десять дней и ночей летал по степям и станицам кубанским. Казаки – народ крепкий, хитер уж больно – простачком прикидывается. Вот мы и поговорили с ним. Слов нет – умен. Хотел перехитрить, но не вышло» [12. С. 44].

Карательная политика власти ударила не только по казакам, зажиточным крестьянам. В конечном счете она изменила жизнь всего населения региона. Особо отметим, что одним из наиболее трагических последствий карательных мер стал голод 1933 г., демографические последствия которого сказывались в течение всего XX в. Лишь после этого масштабы террора были реально ограничены.

Отмеченная политика не только подорвала экономический потенциал Кубани, но, что особенно важно, закрепила индифферентность, пассивность сознания сельского населения и, в то же время, его нестабильность, конфликтность, укоренившиеся еще с гражданской войны. Это дало плоды уже в годы войны Отечественной, когда немцы весьма активно привлекали на свою сторону недовольных обещаниями «нового земельного порядка» [7]. К примеру, разведывательная опергруппа Управления НКВД по Краснодарскому краю, вернувшаяся в начале сентября 1942 г. из оккупированного фашистами Краснодара в донесении руководству сообщала: «На улицах развешены портреты Гитлера и плакаты, изображающие русского крестьянина со снопом и надписью: «Фюрер дал мне землю» [5. С. 65]. Профашистски настроенные главы административно-территориальных центров в своем стремлении привлечь на сторону фашистов казачество играли и на их национально-патриотическом духе [8].

Нельзя не признать, что в определенных слоях данная пропаганда нашла отклик. После освобождения от оккупации, только с 1 января по 1 июля 1943 г. в крае было задержано 2959 человек изменников и пособников фашистов [15. Л. 80]. Впрочем, важно видеть и то, что в деле их выявления огромную роль сыграла помощь широкой общественности.

В целом, изученные материалы показывают, что радикальная аграрная политика большевиков стала причиной развития ряда деструктивных социокультурных тенденций, серьезно трансформировавших ментальное поле сельского населения Кубани, усиливших социальную конфликтность, деформировавших общественную нравственность и правосознание.

Литература

1. ГАКК. Ф. 1542. Оп. 1. Д. 111.
2. ГАКК. Ф. 1594. Оп. 1. Д. 492.
3. ГАКК. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 867.
4. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 340. Л. 492.
5. Доронина Н.В. Нацистская пропаганда на оккупированных территориях Ставрополя и Кубани в 1942-1943 гг.: цели, особенности, крах: дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2005.
6. Известия Северо-Кавказского крайкома ВКП(б). 1927. № 19(29).
7. Кубань. 1942. 20 дек.
8. Майкопская жизнь. 1942. 7 окт.

9. Обзор политического состояния СССР за декабрь 1926 г. Приложение № 4. Хлебозаготовительная кампания // «Совершенно секретно»: Лубянка-Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.). М., 2001. Т. 4. Ч. 2.

10. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 72.

11. РГАЭ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1944.

12. Соколов Б.В. Наркомы страха. Ягода, Ежов, Берия, Абакумов. М.: АСТ-Пресс, 2001.

13. Сталин И.В. Сочинения. Т. 10.

14. ЦДНИКК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 57.

15. ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 1143.

16. ЦДНИКК. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 254.

17. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 578.

18. ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2.

19. ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7.

МАСЮКОВ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологических и педагогических наук, Институт международного права, экономики, гуманитарных наук и управления имени К.В. Россинского, Россия (g197412@yandex.ru).

MASIUKOV NIKOLAY ALEKSANDROVICH – candidate of pedagogical sciences, associate professor of Psychological and Pedagogical Sciences Chair, Institute of International Law, Economics, Humanities and Control named after K.V. Rossinsky.

УДК 902.26 (чув.)

Н.С. МЯСНИКОВ

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ I-VIII вв. н.э. В ЧУВАШСКОМ ПОВОЛЖЬЕ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ключевые слова: археология, археологические памятники, ранний железный век, раннее средневековье, Чувашское Поволжье.

Сделана попытка подвести итог изучению археологических памятников I-VIII вв. в Чувашском Поволжье за все время их исследования по литературным и архивным данным. Составлена археологическая карта данных памятников. Намечены наиболее актуальные научные проблемы в их дальнейшем изучении.

N.S. MYASNIKOV

CURRENT STATE OF STUDYING OF ARCHAEOLOGICAL SITES I-VIII CENTURIES AD IN THE CHUVASH VOLGA REGION: RESULTS AND PROSPECTS

Key words: archeology, archaeological sites, early Iron Age, early Middle Ages, Chuvash Volga region.

The paper is devoted to the study of archaeological sites I-VIII centuries AD in the Chuvash Volga region and based on literary and contemporary records. For descriptive reasons was made the archaeological map of the given sites. In the article have been formulated the most actual scientific problems in further studying of this sites.

Среди ученых-археологов Волго-Уральского региона сложилось мнение о том, что территория Чувашского Поволжья¹ является своеобразным ключом к решению многих проблем, касающихся этнокультурных взаимодействий, происходивших в Среднем Поволжье в I тыс. н.э., так как Чувашский край в рассматриваемый период был контактной зоной многих этнокультурных образований.

Целью данной статьи является попытка обобщить данные по историографии вопроса, особенно в свете появившихся в последние годы концепций развития археологических культур I-VIII вв. на сопредельных территориях, и наметить перспективы для дальнейшего исследования памятников Чувашского Поволжья пока без детального анализа конкретного археологического материала.

Период I-VIII вв. н.э. не случайно стал объектом нашего внимания. В научной литературе до сих пор преобладает мнение о том, что до прихода в Чувашский

¹ Под Чувашским Поволжьем в статье понимается территория современной Чувашской Республики. Понятия Чувашское Поволжье, Чувашия и Чувашский край мы считаем тождественными.

край булгар (самая ранняя дата – IX в.) данная территория была заселена носителями так называемой позднегородецкой культуры. Это мнение сформировалось еще в 1960-1970-е гг. благодаря работам А.П. Смирнова, Н.В. Трубниковой [21. С. 5], В.Ф. Каховского [8. С. 159] и др. Однако за последние четыре десятилетия концепция развития городецкой культуры претерпела значительные изменения. Мы солидарны с точкой зрения В.Г. Миронова, что к моменту появления ранних могильников волжских финнов (андреевский курган, могильники селиксенского типа и др.) перед нами уже не городецкий комплекс [12. С. 4]. Эта концепция впервые получила достаточное обоснование в работе В.И. Ледяйкина [9. С. 9]. Позже к нему присоединились В.Г. Миронов [12. С. 3], Г.И. Матвеева [11. С. 88], В.И. Вихляев [2. С. 61-62], В.В. Гришаков и С.Э. Зубов [5. С. 72-73]. Эти учёные справедливо отмечают, что основные признаки городецкой культуры – псевдороговая и текстильная керамика – исчезают к первым векам н.э. Ни в одном из ранних могильников, в том числе и в Андреевском кургане, нет находок данных категорий посуды [5. С. 30-31]. Таким образом, верхняя дата городецкой культуры сейчас ограничивается I-II в. н.э.

В Среднем Поволжье от устья Оки до Самарской Луки в период с I по VIII вв. появляются совершенно новые типы памятников и археологические культуры: памятники андреевско-писеральского типа, культура рязано-окских могильников, цининско-мокшанская культура (по В.И. Вихляеву), азелинская культура, именковская культура, происходит формирование древнемордовской и древнемарийской археологических культур (рис. 1). К концу периода этнокультурная ситуация меняется, происходят образование новых и прекращение существования прежних культурных образований. В этой ситуации факт существования городецкой (позднегородецкой) культуры на территории Чувашского Поволжья на протяжении всего I тыс. н.э. представляется устаревшим.

Первые сведения о местонахождении памятников данного периода (в первую очередь о городищах) появляются в конце XIX – начале XX вв. благодаря стараниям краеведов (В.К. Магницкий, Н.А. Архангельский, К.С. Степанов и др.) и археологов из Казани и Симбирска (П.И. Кротов, В.Н. Поливанов, М.М. Хомяков) [13. С. 51]. Данные сведения были уточнены в 1920-х – начале 1930-х гг. в ходе первых археологических экспедиций на территории Чувашии под руководством В.Ф. Смолина в 1921 г. [16. С. 12] и 1926 г. [22. С. 21-22], П.П. Ефименко в 1926-1927 гг. [6. С. 160-173], М.В. Воеводского в 1927 г. [13. С. 55] и П.Н. Третьякова в 1930 г. [29. Л. 268] В вопросах изучения памятников городецкой культуры, к которой в тот период относили и памятники первой половины I тыс. н.э., особенно большой вклад принадлежит Н.В. Трубниковой, которая проводила значительные разведывательные работы и крупномасштабные раскопки городецких и позднегородецких городищ и селищ на территории Чувашской АССР в 1955-1965 гг. [13. С. 56-58] Для выявления памятников I-VIII вв. в Чувашии также много сделали П.Д. Степанов в 1950 г. [25. Л. 12-30], 1952 г. [26. Л. 10-18], 1954 г. [27. Л. 18-39], 1956 г. [28. Л. 18-19], П.Н. Старостин в 1966 г. [24. Л. 1-29], Е.П. Михайлов с 1980-х гг. по настоящее время [14. С. 38-52; 15. С. 260-264, 270-275] и ряд других исследователей.

Благодаря их усилиям к современному дню в Чувашском Поволжье выявлен значительный массив (107 шт.) памятников (рис. 2), который исследователи в свое время связывали с городецкой либо «позднегородецкой» культурой (памятники I тыс. н.э. с лепной плоскодонной слабопрофилированной керамикой серого цвета с примесью шамота и дресвы) или, в связи с недостаточностью материала, условно относили к периоду раннего железного века – раннего средневековья (это относится к городищам данного периода, для которых характерны определенные типы укреплений и особенности расположения). В связи с разработками В.И. Ледяйкина, В.Г. Миронова, В.И. Вихляева и других сейчас появилась возможность

разделить памятники Чувашии, до сих пор относимые к городецкой культуре, на собственно городецкие (с рогожной и сетчатой керамикой), позднегородецкие, видимо принадлежащие к формирующимся древнемордовским и древнемарийским племенам (с комплексом керамики только вышеуказанного типа), и на памятники неопределенной культурной принадлежности².

Лишь на 15 из 107 памятников рассматриваемого периода на территории Чувашии были обнаружены фрагменты рогожной и текстильной керамики городецкой культуры (рис. 2). Только данные памятники можно относить к категории классических городецких древностей.

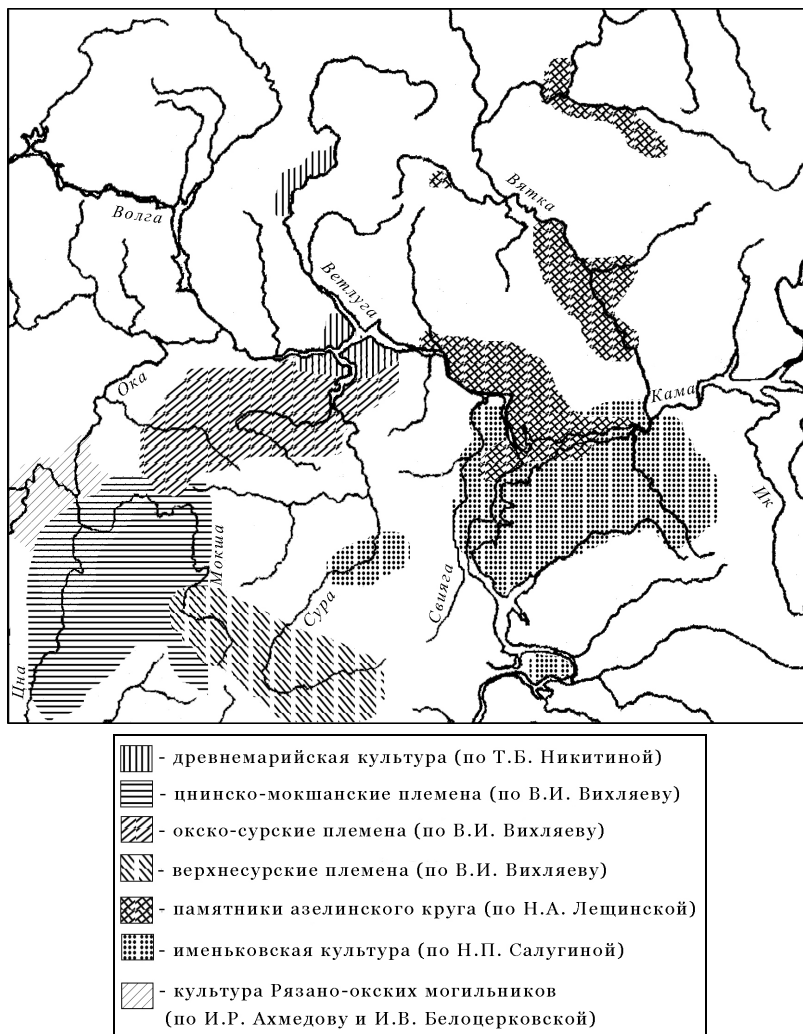
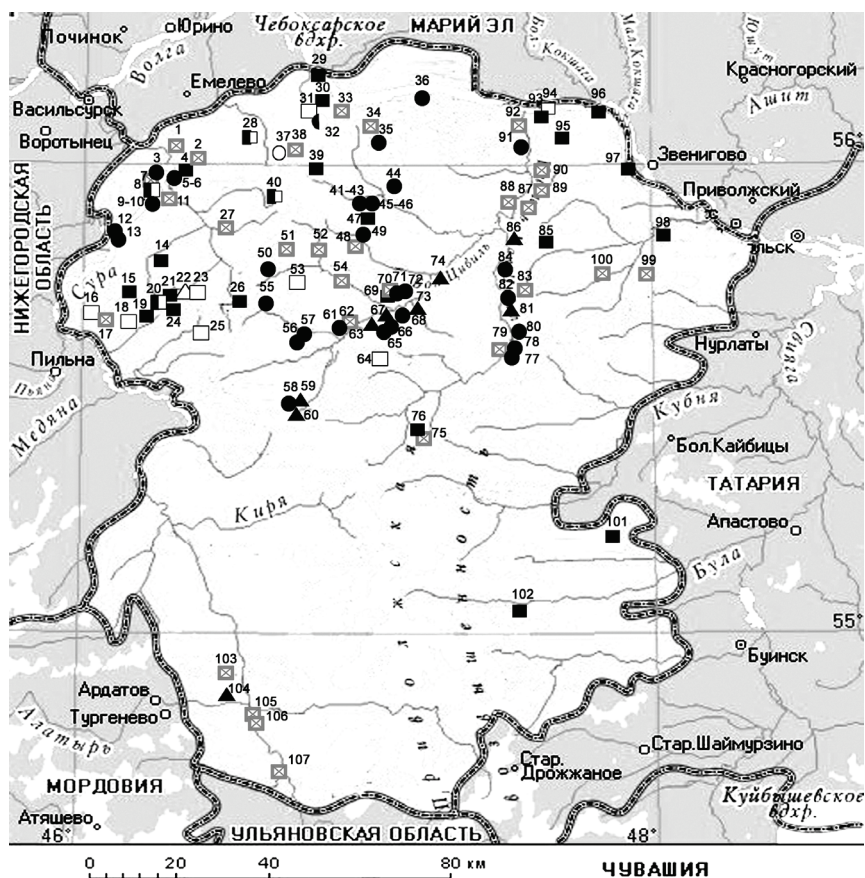

Рис. 1. Карта археологических культур Среднего Поволжья середины I тыс. н.э.

² Данное разделение памятников весьма условно, является первой попыткой предварительной дефиниции материала и требует серьезного уточнения на основании анализа керамических комплексов с учетом современных исследований по керамике поволжских финнов 1 тыс. н.э.

Условные обозначения:

- - городище
- - селище
- ▲ - местонахождение
- - памятники с городецкими комплексами
- - памятники с позднегородецкими комплексами
- ⊠ - памятники неопределенной культурной принадлежности

Рис. 2. Карта археологических памятников Чувашии I тыс. н.э.

Список археологических памятников Чувашии I тыс. н.э.

- 1 – городище Засурье;
- 2 – городище «Пахча сӑрчӑ», «Пиндер сырч» (Мурзакасинское);
- 3 – селище Долиновское;
- 4 – городище «Карсӑт виркӑс» (Чебаковское 1,2);
- 5 – селище Никитинское 1-е;
- 6 – селище Никитинское 3-е;
- 7 – городище Ядринское;
- 8 – городище «Ножа-Вар» (у д. Сареево);
- 9 – селище Сареевское 1-е;
- 10 – селище Сареевское 2-е;
- 11 – городище «Хыр карти» (Сареевское);
- 12 – селище 1-е у д. Выселок №1;
- 13 – селище у д. Выселок №2;
- 14 – городище и селище «Синдзӑ сӑт» (Верхнеачакское);
- 15 – городище Калугинское;
- 16 – городище «Хула сӑмзи» (у д. Пчелка);
- 17 – городище Дубовское;
- 18 – городище «Хула сӑч» (2-е Тоганашское);
- 19 – городище «сӑр сӑтӑн» (1-е Тоганашское);
- 20 – городище «Синби-Серт» (1-е Тиханкинское);
- 21 – городище Русскоатайское;
- 22 – местонахождение «Васок сӑч» (Николаевское);
- 23 – городище «Хула сӑч» Николаевское (Верхнеаккозинское);
- 24 – городище 2-е Тиханкинское;
- 25 – городище Пояндайкинское (Егоркинское);
- 26 – городище Шерашевское;
- 27 – городище «Йӑкӑр тӑмеси» (Ванькинское);
- 28 – городище и селище «Арату» (Ювановское);
- 29 – городище и селище «Малахай»;
- 30 – городище «Каршлых» (Каршлыхское 2-е);
- 31 – городище «Сартон» (Каршлыхское 1-е);
- 32 – селище Шокинское;
- 33 – городище «Хола ту сӑрчӑ» (Кадикасинское);
- 34 – городище «Мӑн сӑмса», «Мӑн сӑрт» (Шайгильдинское);
- 35 – селище Большеянгильдинское;
- 36 – Чебоксары;
- 37 – селище 2-е Юнгапоськое;
- 38 – городище и селище «Хула вар» (Юнгапоськое);
- 39 – городище и селище Адабай;
- 40 – городище «Пичке Сӑрчӑ» (Ягаткинское);
- 41 – селище Хыймалакасинское 1-е;
- 42 – селище Хыймалакасинское 2-е;
- 43 – селище Хыймалакасинское 3-е;
- 44 – селище Кивсерт-Маргинское;
- 45 – селище Большемамышское 1-е;
- 46 – селище Большемамышское 2-е;
- 47 – городище «Хула ту» (Эндимиркасинское);
- 48 – городище «Хола вырӑнӑ» (Большешатыминское);
- 49 – селище у д. Голов;
- 50 – селище Устьинское;
- 51 – городище Пизиповское;
- 52 – городище «Карман ту» (Верхнехоразанское);
- 53 – городище «Хула сӑч» (Изванкинское);
- 54 – городище «Ки сӑрт» (Пизенерское);
- 55 – селище у д. Таутово;
- 56 – селище Синьяльское I;
- 57 – селище Синьяльское II;
- 58 – селище Волонтерское;
- 59 – местонахождение Волонтерское I;
- 60 – местонахождение Волонтерское II;
- 61 – селище Альменевское;
- 62 – городище Альменевское (Пуканкасинское);
- 63 – местонахождение Сугут-Торбиковское;
- 64 – городище и селище «Укӑсӑ сӑт» (Малояушское);
- 65 – селище «Пӑлаху» у д. Кирегаси;
- 66 – селище у д. Синьял-Яуши (Челкасы);
- 67 – местонахождение Талхирское;
- 68 – селище Талхирское;
- 69 – городище и селище «Хула ту» (Досаевское);
- 70 – городище «Мӑн сӑрт» (Кюльхиринское);
- 71 – селище у д. Досаево;
- 72 – селище Новоигитьское;
- 73 – местонахождение Убеевское;
- 74 – местонахождение Хозакасинское;
- 75 – городище «Усрав» (Кюстюмерское 1-е);
- 76 – городище «Хула сирми» (Кюстюмерское 2-е);
- 77 – селище Матькасинское I;
- 78 – селище Матькасинское II;
- 79 – городище «Хула вырӑнӑ» (Шибылгинское);
- 80 – селище Высоковское;
- 81 – местонахождение Шигалинское I;
- 82 – селище Каткасинское;
- 83 – городище 3-е Вурманкасинское;
- 84 – селище Чимирчеевское I;
- 85 – городище «Хула ту» (Второтойзинское);
- 86 – местонахождение Тютнзырское;
- 87 – городище «Хола вырӑнӑ» (Вурмерское);
- 88 – городище «Хола ту» (Липсерское);
- 89 – городище «Хола вырӑн» (Ирхсирмыронгинское);
- 90 – городище «Хола ту» (Большекамаевское);
- 91 – селище Верхнемагаськое;
- 92 – городище «Киве хула вырӑнӑ» (Яндашевское);
- 93 – городище «Малое Новинское городище» (2-е Новинское);
- 94 – «Чертово городище» (1-е Новинское);
- 95 – городище «Хола сӑрт сӑрчӑ» (Ящеринское);
- 96 – городище Демӑшкинское;
- 97 – городище «Карман ту» (Карабашское, Звениговское);
- 98 – городище «Хула сӑч» (Катергинское);
- 99 – городище «Хола йоппи» (Чешламинское);
- 100 – городище «Хола ту» (Шималаховское);
- 101 – городище Большетаябинское;
- 102 – городище Тигашевское;
- 103 – городище «Шишка-Шелом» (Ичиксинское);
- 104 – местонахождение Чуварлеи I;
- 105 – городище «Каменная гора», Алатырское городище, «Красная горка»;
- 106 – городище «Алатырское»;
- 107 – городище «Иваньковская стрелка» (Иваньково-Ленинское).

Как показало картографирование находок с рогожной и текстильной керамикой, абсолютное большинство памятников с данным керамическим комплексом располагается в северо-западной Чувашии.

К позднегородецким мы отнесли 61 археологический памятник Чувашии. Картографирование памятников с комплексом позднегородецкой керамики показало, что основным районом их распространения является Сурско-Цивильское междуречье (рис. 2). В послегородецкое время появляется ряд новых памятников на Нижней Суре и ее притоках, а также в долинах рек Большой и Малый Цивиль на всем их протяжении.

Вопрос о существовании памятников «позднегородецкого типа» или «позднегородецкой культуры» относится к неразработанным проблемам в отечественной археологии. Собственно, такой культуры, если она и существовала, еще не выделено. Н.В. Трубникова и А.П. Смирнов относили подобные памятники ко второму этапу городецкой культуры [21. С. 24]. Следует упомянуть мнение Н.В. Трубниковой, которая предлагала выделить в междуречье Цны и Волги один из локальных вариантов поздней городецкой культуры (под названием кошибеевский, чувашский или цининско-сурский), в который наряду с позднегородецкими городищами северо-западной Чувашии предполагалось включить Кошибеевский, Польно-Ялтуновский и Сергачские могильники [31. С. 53]. В.И. Вихляев в своей докторской работе относит памятники Северо-Западной Чувашии (могильники Таутовский и Ивановский) к области распространения окско-сурских племен, древнемордовских в этническом отношении (рис. 1) [2. С. 187-207]. Он считает, что и керамика наиболее полно исследованных нижнесурских городищ имеет очевидное сходство с лепной посудой позднегородецкого населения Окско-Сурско-Цининского междуречья [2. С. 191-192]. В.В. Гришаков очерчивает в данном регионе территорию носителей нижнесурского варианта древнемордовской культуры [4. С. 99]. Особенно интересными представляются место и роль постгородецких памятников Чувашии в генезисе раннесредневекового марийского этноса. Т.Б. Никитина считает, что первый этап формирования мари проходил в V-VII вв. на территории «приволжской части Окско-Сурского междуречья и в Поветлужье на сходной с муромой основе» [18. С. 202-203] (рис. 1). Исследователь отмечает, что керамика с вышеуказанных памятников обнаруживает наибольшую близость с материалами, в том числе, и правобережья Волги и ставит вопрос о роли населения, оставившего городища I тыс. н.э. на правобережье Волги в этногенезе марийского народа [19. С. 74, 78].

Однако грань между собственно позднегородецкими селищами и городищами и древнемарийско-мордовскими выявить очень трудно. Одну и ту же керамику, один и тот же памятник один исследователь относит к позднегородецкой культуре первых веков н.э., а другой называет его типично древнемарийским. Примером такого противоречия может служить мнение Н.В. Трубниковой и В.С. Патрушева о верхних слоях Малахайского городища [33. Л. 169; 20. С. 23]. Без должных хроноиндикаторов, датирующих находок, определение точного времени существования памятника представляется невозможным. Нельзя также забывать и о возможных миграционных потоках, затронувших в первой половине I тыс. н.э. Среднее Поволжье. Н.В. Трубникова отмечала на городищах Чувашии первых веков н.э. чрезвычайную культурную пестроту материала – находки пьяноборского, сарматского, рязанско-окского, черняховского и иного происхождения [31. С. 55]. А.Х. Халиков говорил о существовании в северной части Чувашии комплекса находок первых веков н.э., относящихся к писеральско-андреевскому населению: находки из с. Кожары, Яндашево, Большая Тояба, бывшего Цивильского уезда, городище «Пичке Сăрчĕ» [35. С. 9]. В.И. Вихляев на основании этих данных говорит о существовании в Сурско-Волжско-Свияжском междуречье (т.е. именно в Чувашском Поволжье) в I-II вв. н.э. самостоятельной андреевской культуры, которая затем легла в основу фор-

мирования Цнинско-Мокшанских племен и сыграла значительную роль в формировании древней мордвы [2. С. 101-113]. Не исключено проникновение на территорию современной Чувашии после II в. н.э. постпьяноборского (азелинского) населения. На ближайшей территории Марийского Поволжья известен ряд азелинских памятников (Уржумкинский, Мари-Луговской и другие могильники) [18. С. 169; 10. С. 118]. Сейчас в археологии актуальна тема западного и юго-западного (пшеворская, западно-балтская, вельбаркская культуры, культура рязано-окских могильников) направления контактов культур Поволжья и Приуралья и возможности их прямых миграций на территорию Среднего Поволжья [10. С. 115; 1. С. 274-275]. То есть автоматически причислять все постгородецкие памятники Чувашского Поволжья к единому культурному образованию было бы не совсем корректно.

Итак, большинство из перечисленных нами памятников могут датироваться очень широко – в пределах I тысячелетия н.э., предположительно до прихода в край булгар (начиная с булгарского времени появляется гончарная посуда, для изготовления керамики применяется обжиговая печь), за исключением ряда городищ, раскопанных большими площадями Н.В. Трубниковой и датированных весьма точно по большому количеству яркого материала. Эти комплексы уверенно датируются периодом I-VIII вв. н.э. (городище «Пичке Сăрчĕ» – I-III вв. [34. С. 192], погребение № 3 Таутовского могильника III-IV вв. [35. С. 241], городище «Ножа Вар» II-III – начало VI вв. [30. С. 157] и Ивановский могильник конец IV – начало VIII вв. н.э. [3. С. 159-160]) и дают набор находок, близкий к нижнесурским древнемордовским памятникам. Надежных предбулгарских комплексов, которые бы дали время после VIII в. н.э. на территории Чувашии пока нет. Однако для более убедительных выводов необходимы дальнейшая разработка хронологии древностей Чувашского Поволжья I в. н.э. и новые раскопки.

Достаточно большое количество памятников раннего железного века – раннего средневековья Чувашского Поволжья (28 шт.) на данный момент не поддается точной культурной и хронологической идентификации. Как показывает современное состояние проблемы, без масштабных раскопок и анализа материала на современном научном уровне с точными стратиграфическими привязками разграничить эти памятники достаточно трудно.

Картографирование данных памятников показало, что и они в основном располагаются в междуречье рек Сура – Волга – Цивиль (рис. 2). Возможно, они также связаны с городецкой и позднегородецкой культурами. Отдельно стоит сказать о группе памятников в Алатырском Присурье, которые, по данным предварительных исследований, можно отнести к именковской культуре IV-VII вв. н.э. [17. С. 18-19] Это показали и работы на многослойном памятнике Утюж I, где впервые в Чувашии был зафиксирован небольшой именковский керамический комплекс [7. С. 54]. П.Н. Старостин считал, что локальные группы данной культуры (Нижнекамская, Самарская, Сурская, Романовская) не были территориально изолированными, и высказывал мысль, что межгрупповые территории также были заселены носителями именковской культуры [23. С. 90].

Таким образом, можно отметить наиболее актуальные проблемы в изучении памятников I-VIII вв. н.э. в Чувашском Поволжье:

- 1) соотношение городищ и селищ Чувашского Поволжья с древнемордовскими (III-VIII вв.) и древнемарийскими (V-VII вв.) памятниками Окско-Сурского междуречья;

- 2) наличие писеральско-андреевских, прикамских (азелинских), западных (рязано-окских) и юго-западных (пшеворских, вельбарских и др.) элементов в материальной культуре памятников Чувашии и характер их проникновения;

- 3) определение границ распространения носителей именковской культуры на территории Чувашского края;

- 4) разработка абсолютной и относительной хронологии памятников;
- 5) поиск надежных закрытых археологических комплексов, в частности могильников, и их целенаправленные исследования.

Литература и источники

1. Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В. Культура рязано-окских могильников // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. (Раннеславянский мир. Выпуск 9). М.: Институт археологии РАН, 2007. Гл. 3. С. 133-275.
2. Вихляев В.И. Происхождение древнемордовской культуры: дис. ... докт. ист. наук. Саранск, 2001. 250 с.
3. Воронина Р.Ф. Нижнесурская мордва IV-VIII вв. // Пензенский археологический сборник. Пенза: ГУМНИЦ, 2007. Вып. 1. С. 154-166.
4. Гришаков В.В. Условия и факторы формирования локальных традиций в древнемордовской культуре // Археология восточноевропейской лесостепи: сб. материалов II Междун. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения археолога, заслуженного работника культуры М.Р. Полесских (25-27 сентября 2008 г.). Пенза, 2008. Вып. 2. Т. 2. С. 99-105.
5. Гришаков В.В., Зубов С.Э. Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. 173 с.
6. Ефименко П.П. Средне-Волжская экспедиция 1926-1927 гг. // СГАИМК. Л.: ГАИМК, 1929. Т. 2. С. 160-173.
7. Исследование многослойного поселения Утюж I на Суре / А.В. Вискалин, Н.С. Березина, А.Ю. Березин и др. // Научно-педагогическое наследие В.Ф. Каховского и проблемы истории и археологии: материалы науч.-практ. конф. Чебоксары, 19-20 декабря 2006 г. Чебоксары: ЧГИГН, 2009. Кн. 2. С. 41-72.
8. Каховский В.Ф., Смирнов А.П. Памятники средневековья Чувашского Поволжья // Городище Хулаш и памятники средневековья Чувашского Поволжья. Чебоксары: ЧНИИ, 1972. С. 115-166.
9. Ледайкин В.И. Городецкая культура и древняя мордва: дис. ... канд. ист. наук. М., 1971. 283 с.
10. Лецинская Н.А. Заметки об азелинских древностях (в связи с исследованиями П.Н. Старостина) // Древняя и средневековая археология Волго-Камья. Сборник к 70-летию П.Н. Старостина. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. С. 111-121.
11. Матвеева Г.И. Памятники оседлых племен лесной зоны Самарского Поволжья (белогорская и городецкая культуры) // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: Ранний железный век и средневековье. М.: Наука, 2000. Гл. 2. С. 82-93.
12. Миронов В.Г. Памятники городецкой культуры и проблема её локальных вариантов: дис. ... канд. ист. наук. М., 1976. 226 с.
13. Михайлов Е.П. Из истории изучения памятников городецкой культуры на территории Чувашии // История исследования археологических памятников в Чувашском Поволжье и материалы по антропологии чувашей. Чебоксары: ЧГИГН, 1995. С. 51-64.
14. Михайлов Е.П. Разведочные археологические работы в Моргаушском районе Чувашской Республики в 1999 году // Новые археологические исследования в Поволжье. Чебоксары: ЧГИГН, 2003. С. 257-280.
15. Михайлов Е.П. Разведочные работы 1986-1988 гг. в районах Чувашии (Материалы к археологической карте ЧССР) // Вопросы археологии и антропологии Чувашии. Чебоксары: ЧГИГН, 1991. С. 38-52.
16. Михайлов Е.П. У истоков археологической науки Чувашии (Памяти В.Ф. Смолина) // Новые археологические исследования в Поволжье. Чебоксары: ЧГИГН, 2003. С. 8-15.
17. Мясников Н.С. Отчет о результатах археологической разведки на территории Алатырского и Поречского районов Чувашской Республики в 2009 г. НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2675. Инв. 9495. 43 с.
18. Никитина Т.Б. Мари // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века: коллективная монография. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 161-206.
19. Никитина Т.Б. Средневековые городища Волго-Вятского междуречья: проблемы и перспективы изучения // Проблемы средневековой археологии волжских финнов. АЭМК. Вып. 23. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1994. С. 67-87.
20. Патрушев В.С. Начало эпохи раннего железа в Марийском крае: учеб. пособие. Йошкар-Ола: МарГУ, 1986. 90 с.
21. Смирнов А.П., Трубникова Н.В. Городецкая культура. Свод археологических источников (САИ). Вып. Д-1-14. М.: Наука, 1965. 40 с.
22. Смолин В.Ф. Археологические разведки в Чувашской Республике в 1926 г. // ИОАИЭ. Т. 33. Вып. 4. Казань: Казан. гос. ун-т, 1927. С. 15-32.
23. Старостин П.Н. Именьковские могильники // Культуры Восточной Европы I тысячелетия н.э. Куйбышев, 1986. С. 90-104.
24. Старостин П.Н. Отчет о результатах археологической разведки на территории Чувашской АССР, проведенной летом 1966 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 3646. 29 л.
25. Степанов П.Д. Отчёт о работе разведочной археологической экспедиции Саратовского пединститута в пределах Чувашской АССР и Горьковской области летом 1950 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 454. 57 л.

26. Степанов П.Д. Отчёт о работе разведочной археологической экспедиции Саратовского педагогического института в пределах Чувашской АССР летом 1952 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 686. 47 л.
27. Степанов П.Д. Отчёт о работе разведочной археологической экспедиции Саратовского государственного педагогического института летом 1954 г. в пределах Чувашской АССР // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 990. 144 л.
28. Степанов П.Д. Отчёт о работе археологической разведочной экспедиции Саратовского государственного университета летом 1956 г. в Чувашской АССР // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 142. 43 л.
29. Третьяков П.Н. Предварительный Отчет о работах Средне-Волжской экспедиции ГИМК в Чувашской А.С.С. Республике в 1930 году. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 581. Инв. 7036. Л. 267-281.
30. Трубникова Н.В. Городище Ножа-Вар в Чувашии // Советская археология. 1965. № 4. С. 144-157.
31. Трубникова Н.В. Древние мордовские племена в начале I тысячелетия н.э. // Этногенез мордовского народа: материалы науч. сессии 8-10 декабря 1964 г. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1965. С. 53-61.
32. Трубникова Н.В. О работах 2-го отряда Чувашской археологической экспедиции 1956 года // Учен. зап. ЧНИИ. Вып. 16. Чебоксары, 1958. С. 227-262.
33. Трубникова Н.В. Отчет о работах 3-го отряда Чувашской археологической экспедиции в 1958 году // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 1691. Л. 161-252.
34. Трубникова Н.В. Раскопки городища Пичке Сорче в Чувашии // Археологические работы в Чувашской АССР в 1958-1961 годах. Учен. зап. ЧНИИ. Вып. 25. Чебоксары, 1964. С. 163-195.
35. Халиков А.Х. Памятники писеральско-андреевского типа в Волжском правобережье и их этнокультурная интерпретация // Древности Волго-Вятского междуречья. АЭМК. Вып. 12. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1987. С. 8-24.

МЯСНИКОВ НИКОЛАЙ СТАНИСЛАВОВИЧ – аспирант кафедры археологии, этнографии и региональной истории, Чувашский государственный университет; младший научный сотрудник отдела археологии, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Россия, Чебоксары (myasnikovn@rambler.ru).

MYASNIKOV NIKOLAY STANISLAVOVICH – post-graduate student of Archeology, Ethnography and Regional History Chair, Chuvash State University; junior scientific worker of Archeology Department, Chuvash State Humanities Institute, Russia, Cheboksary.

УДК 94 (470+571)

И.Г. НАПАЛКОВА

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ РЕФОРМЫ УПРАВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫМИ ОКРАИНАМИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.)*

Ключевые слова: Российская империя, имперский центр, национальная окраина, реформирование управления.

Проанализирована специфика управления окраинами Российской империи. Административные имперские реформы рассмотрены на примерах Царства Польского, Туркестана, Великого княжества Финляндского, Прибалтики.

I.G. NAPALKOVA

ADMINISTRATIVE MANAGEMENT REFORMS OF THE BORDERLANDS OF THE RUSSIAN EMPIRE (XIX – EARLY XX CENTURIES)

Key words: Russian Empire, imperial center, national borders, reform the management.

The article examines the specifics of managing the outskirts of the Russian Empire. Imperial administrative reforms are considered on examples of the Kingdom of Poland, Turkestan, the Grand Duchy of Finland, Baltic.

Управление национальными окраинами Российской империи в течение длительного времени определялось принципом сохранения местных особенностей и осуществлялось на основании самостоятельных Положений и законодательства.

* Исследование выполнено по проекту № 2.1.3/1134 АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы (2009-2011 годы)».

Общей чертой было наличие генерал-губернаторской власти или должностных лиц, чьи полномочия приравнивались или были несколько шире генерал-губернаторских. Административно-территориальное устройство каждой российской окраины в начале XIX в. было индивидуальным. Единая система управления окраинами отсутствовала. Значимым фактором, повлиявшим на формирование имперского курса в отношении национальной периферии, направленного на унификацию административного управления, стали национальные движения, которые в XIX в. охватили почти все этнические группы в Российской империи (Польское восстание 1830-1831 гг., Кавказская война 1817-1864 гг. и др.).

Одни из первых мер по упразднению административно-правовых различий «инородческих окраин» и имперского центра были предприняты Николаем II в отношении Царства Польского. Органическим статутom 1832 г. вводился новый порядок управления: упразднялись Сейм и Государственный совет, во главе администрации Царства Польского был поставлен Совет под председательством наместника, а в Государственном совете Российской империи создавался департамент дел Царства Польского для рассмотрения законодательных вопросов, затрагивавших польские губернии, а также для согласования местного законодательства с общеимперским [1. С. 320].

В 1839 г. польские воеводства были переименованы в губернии, воеводские комиссии – в губернские правления, а президенты – в губернаторов. Спустя еще два года вместо высшей палаты суда Государственного совета учреждается IX Департамент Правительствующего Сената как высшая инстанция для гражданских дел, а X Департамент – для уголовных [9]. Во второй половине XIX в. обстановка в крае стабилизировалась, и в 1874 г. была упразднена должность наместника. В польских губерниях устанавливается общеимперская система управления. Варшавский генерал-губернатор сохранял права не только гражданского, но и военного начальника на территории всех губерний Польши. Управление уездами находилось в ведении уездных начальников, возглавлявших уездные управления. В 1864 г. были созданы органы волостного и сельского самоуправления. В каждой гмине действовали выборные органы: гминный сход и войт, сельские сходы и солтысы, гминный суд (войт и лавники).

Подобные преобразования происходили в управлении Туркестанским генерал-губернаторством. Первоначально оно включало Ферганскую, Семиреченскую и Сыр-Дарьинскую области. Последующее расширение территории было оформлено положением от 12 июня 1886 г. о преобразовании Туркестанского генерал-губернаторства в Туркестанский край с сохранением существовавших в нем основных принципов управления. Соответственно, увеличилось и число входивших в него областей – к прежним (Семиреченская в 1882-1899 гг. входила в Степное генерал-губернаторство) прибавились Самаркандская и Закаспийская. В Туркестане была установлена военно-административная система управления, подчиненная Военному министерству. Генерал-губернатор являлся одновременно командующим войсками военного округа, а также обладал широкими полномочиями «принимать все меры, какие он признавал полезными и неотложно необходимыми по местным условиям» [3. С. 206]. При нем создавались совещательный совет из крупнейших чиновников и канцелярия. Области возглавлялись военными губернаторами, чьи полномочия также были весьма широкими, и делились на уезды во главе с уездными начальниками. Вспомогательную роль при административном аппарате играла так называемая «туземная администрация»: так, нерусским населением города заведовал назначаемый губернатором из местной знати старший аксакал, которому подчинялись аксакалы, избираемые местным населением; аналогичная система действовала в сельской местности [5. С. 248-249].

В 1886 г. было принято новое Положение об управлении Туркестаном, при его подготовке разработчики исходили из того, что военное завоевание Средней

Азии закончено, край достаточно обрусел и может управляться на основе общеимперского законодательства при сохранении для коренного населения отдельных традиционных учреждений. Считалось, что необходимость в максимально широких полномочиях для туркестанского генерал-губернатора отпала. В 1886 г. был создан новый орган – Совет туркестанского генерал-губернатора, которому было предоставлено право законодательной инициативы в вопросах, связанных с практикой управления краем. Кроме того, его ведению подлежали вопросы общедминистративного характера, поземельно-податного устройства несения земских повинностей.

В последующие годы Туркестанский край управлялся на основе этого Положения с введенными изменениями и дополнениями, в которых преследовалась цель «довести до минимума государственные затраченные средства в управление» в каждом административно-территориальном отделении [12].

Прибалтийские губернии (Лифляндия, Эстляндия и Курляндия) в первой половине XIX в. были объединены в Прибалтийское генерал-губернаторство (просуществовало до 1867 г.), при этом прежние органы сословного самоуправления там были сохранены [5. С. 133-134, 191, 247].

Изменения в управлении Финляндией во второй половине XIX в. были по своему содержанию прямо противоположны мерам на других окраинах, чему во многом способствовала стабильная внутриполитическая ситуация в княжестве, Автономные права Финляндии в указанный период расширялись. Так, в сентябре 1863 г. в Гельсингфорсе был созван финляндский Сейм, не собиравшийся с 1809 г., а 13 июня 1886 г. ему было предоставлено право законодательной инициативы. Это существенно подняло статус Сейма как представительного учреждения. В 1869 г. Общему собранию Сената было разрешено самостоятельно решать ряд дел, связанных с управлением княжеством [1. С. 322].

Таким образом, вплоть до 80-х гг. XIX в. при реформировании управления на окраинах правящие верхи во многом исходили из уровня стабильности политической ситуации в отдельных регионах. При этом для достижения политической стабильности нередко проводились прямо противоположные по своему содержанию преобразования. Например, на Кавказе и в Средней Азии это постепенный отказ от местных особенностей в управлении и приближение к общеимперскому образцу. А в Великом княжестве Финляндском полная лояльность населения российской власти обусловила расширение автономных прав.

К концу XIX в. существующий «отрыв» окраин от Российской империи, самостоятельность окраинных территорий в области административного управления осознается государственной властью как политическая проблема. К середине XIX в. во внутренней политике обозначилось стремление к постепенному «втягиванию» окраин в общероссийскую систему управления, достижению административно-территориального единства государства. В отношении западных окраин необходимость решения этого вопроса усугублялась стратегическими и внешнеполитическими соображениями [1. С. 323].

С конца XIX в. государственными деятелями активно разрабатываются различные проекты по укреплению империи и изменению положения окраин и «инородцев» путем создания прочной связи «национальной периферии» с «центром» [2, 8, 11].

С конца XIX в. предпринимаются попытки сузить компетенцию широких прав генерал-губернаторов в отдельных окраинных регионах и таким образом сделать управление периферией более централизованным. С середины XIX в. права и обязанности генерал-губернаторов на окраинах определялись «Инструкцией генерал-губернаторам» от 29 мая 1853 г., которая действовала до начала XX в., а также особыми Положениями, составленными применительно к местным географическим, политическим и этнографическим особенностям каж-

дой территории [7. С. 34]. Важной прерогативой генерал-губернаторов было то, что никакая новая мера в отношении подведомственной ему территории не могла быть принята без предварительного заключения генерал-губернатора. Эта норма давала генерал-губернаторам фактическую независимость в определении политического курса на управляемой территории.

С 1856 г. по 1881 г. было упразднено восемь генерал-губернаторств. С 1899 г. внешнеполитические вопросы в Туркестане были изъяты из ведения генерал-губернаторов и поставлены под контроль Министерства иностранных дел. Они перешли в ведение дипломатического чиновника, находившегося в двойном подчинении и непосредственно занимавшегося связями с сопредельными странами. Только за начальником Закаспийской области было оставлено право самостоятельно решать вопросы пограничных сношений с Ираном, а начальник Аму-Дарьинского отдела сохранил статус дипломатического представителя при хивинском хане [10]. С 1900 г. была учреждена должность помощника туркестанского генерал-губернатора, назначаемого царем. Помощник заменил генерал-губернатора на посту председателя совета. Одновременно свобода действий генерал-губернатора была существенно ограничена по ведомственной линии. В конце XIX – начале XX вв. он находился под жестким контролем Военного министерства. Осуществлявшая этот контроль Азиатская часть Главного штаба принимала непосредственное участие в окончательном решении всех более или менее важных вопросов управления Туркестаном.

Одновременно разрабатывались отдельные для каждой окраины административные преобразования. Например, для изменения управления в Великом княжестве Финляндском в начале XX в. были сперва сделаны шаги, направленные на сближение финского законодательства с общеимперским. Так, 3 февраля 1899 г. был издан высочайший манифест, который определял порядок общегосударственного законодательства для России и Финляндии [4]. Однако в нем не было четко определено понятие «общегосударственное законодательство» и отсутствовал список общегосударственных дел. Фактически на правительственном уровне не было четкого представления о том, где должна пролегать граница между законодательствами Великого княжества и Российской империи, что имело своим следствием чрезмерное расширение круга общегосударственных дел и усиление недовольства финнов.

На основании манифеста 1899 г. были внесены изменения в организацию управления в Великом княжестве Финляндском. В ведение МВД передавались почты на территории Финляндии. Затем 7 июня 1900 г. был опубликован манифест «О постепенном введении русского языка в делопроизводство», переход на который планировалось осуществить к осени 1905 г. Но уже 15 августа 1901 г. губернаторам было дано право перейти при их желании на русскоязычную переписку, не дожидаясь истечения срока. Предпринимались попытки изменить статус финских учреждений. 26 августа 1902 г. и 13 марта 1903 г. были подготовлены и утверждены новые уставы Сената и генерал-губернатора. Они определяли, что Сенат работает «под руководством генерал-губернатора» [1. С. 328]. Принятие Сенатом решений по важнейшим делам становилось возможным только с участием генерал-губернатора или его помощника. Спор о том, финским или русским должностным лицом должен быть генерал-губернатор, был решен указанием, что в будущем назначение на этот пост станет прерогативой Правительствующего Сената Российской империи. Новым уставом генерал-губернатору было дано право координировать деятельность всех учреждений Великого княжества. Губернские правления, городские магистраты и органы самоуправления коммун по всей Финляндии также подчинили генерал-губернатору. К его компетенции были отнесены выдача разрешений на проведение публичных собраний, сбор денег, проведение лотерей и т.п. Составление отчетов об управлении краем было изъ-

ято из сферы обязанностей Сената и передано генерал-губернатору. Таким образом, главой исполнительной власти в княжестве фактически становился генерал-губернатор.

Правительство проводило активную политику по «обрусению» Польши. На все важные посты в Польше назначались русские, русский язык вводился в школе и в делопроизводстве польских административных учреждений. Был предпринят ряд мер по дальнейшему интегрированию польской экономики в экономику России. Так, в 1885 г. Польский банк был преобразован в Варшавскую контору Петербургского банка [9].

В конце XIX в. царским правительством предпринимались попытки заменить немецкое влияние в Прибалтике русским, для чего были проведены административные реформы, направленные на ограничение привилегий остзейского дворянства. В 1888 г. в прибалтийских губерниях была проведена полицейская реформа и созданы органы полиции по общеимперскому образцу. В 1889 г. на прибалтийские губернии была распространена судебная реформа. Вместо ликвидированных судебных сословных органов – гофгерихтов, ландгерихтов, магистратов – были введены общеимперские судебные учреждения [1. С. 327]. Судебная палата как апелляционная инстанция окружных судов в Прибалтике учреждена не была. Ее функции выполняла Петербургская судебная палата. В 1885 г. делопроизводство во всех присутственных местах Остзейских губерний было переведено на русский язык. Губернаторы и все правительственные власти в Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерниях стали вести дела и переписку только на русском языке. Согласно Городовому положению 1892 г., в прибалтийских губерниях русский язык стал обязательным во внутреннем делопроизводстве и в суждениях городских дум [3. С. 208]. Но при этом разрешалось излагать постановления, публикуемые во всеобщее сведение, кроме русского на немецком, латышском, эстонском языках.

В то же время, как отмечает А. Каппелер, особый статус прибалтийских губерний хотя и был существенно поколеблен, полностью не был ликвидирован, так как сохранялись, пусть и с урезанной компетенцией, органы дворянского самоуправления с делопроизводством на немецком языке, а также достаточно прочные позиции лютеранской Церкви. Российская политика в отношении прибалтийских губерний была по сути своей противоречива. С одной стороны, в ней было заложено стремление к проведению реформ, направленных против консервативного немецко-балтийского дворянства, и она содействовала эмансипации эстонцев и латышей, с другой стороны, именно в период модернизации эта политика стремилась предотвратить социально-политическую дестабилизацию, а в Прибалтике это было достижимо только с помощью немецко-балтийской элиты [6. С. 191-192].

Однако события первой русской революции показали, что политика административно-правовой интеграции окраин конца XIX – начала XX вв. успешной не была. Более того, антиправительственные выступления на окраинах были во многих случаях прямым следствием этой политики. Так, представители немецкого дворянства в Прибалтике подчеркивали, что основной причиной нестабильного положения в крае и роста антиправительственных выступлений является наметившийся отказ российских властей поддерживать развитие национального самосознания, культуры и т.д. в крае. В результате российское правительство оказалось вновь перед необходимостью разработки политического курса в отношении окраин.

Литература

1. Административные реформы в России: история и современность / под общ. ред. Р.Н. Байгузина; Саратовский гос. социально-экономический ун-т, Ин-т общественной мысли. М.: РОССПЭН, 2006. 644 с.

2. Арапов Д. Законная государственная цель – полное объединение, слияние разных племен (Д.А. Милютин и его статья «О разноплеменности в населении государств») // Источник. 2003. № 1.
3. Бахлов И.В., Напалкова И.Г. Территориальная организация имперских систем и политические механизмы управления национальной периферией. Саранск: Изд. центр Историко-социологического ин-та МГУ им. Н.П. Огарева, 2009. 218 с.
4. Высочайший Манифест от 3 (15) Февраля 1899 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.tuad.nsk.ru/~history/Russia/Imperia/Nicolai_II/1895-1904/man3-2-1899.html.
5. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Высш. шк., 1983.
6. Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
7. Климов Л.В. Правоохранительные аспекты деятельности московских генерал-губернаторов во второй половине XIX века // Вестник МГОУ. 2008. № 3.
8. Кэмпбелл Е.И. «Единая и неделимая Россия» и «инородческий вопрос» в имперской идеологии самодержавия // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2001.
9. Польский вопрос во внутренней политике при Николае I и Александре II [Электронный ресурс] // Формирование российского многонационального государства: сб. ст. Режим доступа: <http://frg.ulver.com/8.html>.
10. Присоединение Финляндии к России. Особый статус Финляндии в Российском государстве [Электронный ресурс] // Формирование российского многонационального государства: сб. ст. Режим доступа: <http://frg.ulver.com/47.html>. Загл. с экрана.
11. Река времен: Книга истории и культуры: в 5 кн. Кн. 1. Государь. Государство. Государственная служба. М.: Эллис Лак; Товарищество «Река времен», 1995. 386 с.
12. Тиллабаев С. Особенности местных форм управления в колониальном Туркестане // Центр-Азия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1222324560>.

НАПАЛКОВА ИРИНА ГЕННАДЬЕВНА – кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры всеобщей истории и мирового политического процесса, Мордовский государственный университет, Россия, Саранск (zamisi@yandex.ru).

NAPALKOVA IRINA GENNADYEVNA – candidate of historical sciences, associate professor of Universal History and Global Political Process Chair, Mordovian State University, Russia, Saransk.

УДК 9(470.334)

А.П. ПЕТРЯНКИНА

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ УЧЕБНЫМИ ЗАВЕДЕНИЯМИ ЧУВАШСКОГО КРАЯ В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ РЕФОРМЫ 1864 ГОДА*

Ключевые слова: школьное образование, история школ Чувашского края, образовательные реформы 1864 г., управление учебными заведениями.

Статья посвящена малоизученному аспекту истории отечественного школьного образования. Показаны изменения, произошедшие в системе управления начальной и средней школой согласно реформе 1864 г.

A.P. PETRYANKINA

ADMINISTRATION SYSTEM BY EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE CHUVASH REGION UNDER THE CONDITIONS OF THE REALIZATION EDUCATIONAL REFORM OF 1864

Key words: school education, the history of the schools of the Chuvash edge, the educational reforms of 1864, management of the educational institutions.

Article it is dedicated to the insufficiently studied aspect the history of the domestic school formation. The changes are shown, occurred in the system management of initial and secondary school according to reform of 1864.

До середины XIX в. система административного управления учебными заведениями в Российской империи была основана на документах, разработанных

* Исследование выполнено по госконтракту № 16.740.11.0408 ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг.

ных и утвержденных во второй четверти столетия при императоре Николае I. Это: «Устав гимназий и училищ уездных и приходских» от 8 декабря 1828 г., «Положение об учебных округах» от 25 июня 1828 г. и «Общий устав императорских российских университетов» от 26 июня 1835 г. [9, 5, 3]. В соответствии с общим характером эпохи ее отличительной чертой было жесткое административное подчинение нижестоящих ступеней образования вышестоящим на основе принципа единоначалия.

На территории современной Чувашии к середине XIX в. существовали два типа начальной школы, которые находились в ведении Министерства народного просвещения. Это были приходские и уездные училища. Во главе первых стоял смотритель, вторых – штатный смотритель. Приходские училища находились в подчинении штатного смотрителя уездного училища, который был подотчетным по отношению к директору губернской гимназии. Средней школы (т.е. гимназии) в регионе не было.

Таким образом, до реформы 1864 г. высшей инстанцией в управлении учебными заведениями на территории современной Чувашии являлся штатный смотритель. В его полномочия входило решение хозяйственных и финансовых вопросов развития училища, контроль над работой учителей и учебой учеников, также он выполнял функцию надзора за всеми остальными учебными заведениями уезда. Для решения учебно-воспитательных вопросов по уставу 1828 г. в уездных училищах продолжали практиковаться ежемесячные собрания учителей (аналог современных педагогических советов в школах). Другой фигурой, которая присутствовала в управлении школой, был почетный смотритель. Это был представитель местного дворянства, который должен был оказывать материальную помощь учебному заведению, а также принимать участие в решении важнейших вопросов училища. Поскольку большинство почетных смотрителей не имели педагогического образования и плохо разбирались в особенностях школьного дела, их присутствие в обсуждении и решении учебно-воспитательных проблем было номинальным.

Содержание школьной реформы раскрывают два нормативных документа. Это утвержденные 18 июня 1863 г. «Общий устав императорских российских университетов» [7], 14 июля 1864 г. «Положение о начальных народных училищах» и 19 ноября 1864 г. «Устав гимназий и прогимназий» [7, 4, 8]. Их разработка шла достаточно долго, по мере обсуждения проектов реформы вносились изменения, иногда очень существенные.

Некоторые изменения, имеющие отношение к вопросам управления учебными заведениями, стали появляться еще во время подготовки реформы. Одним из таких примеров является организация съезда педагогов, которые могли объединять как учителей отдельных предметов, так и преподавателей разных учебных дисциплин, также директоров и инспекторов. На первый взгляд может показаться, что съезды не имеют отношения к управлению школой. Однако, как было отмечено министерством народного просвещения, «... на них, благодаря свободному обмену мнений, выясняются и устанавливаются правильные взгляды на способы преподавания, дисциплинарные и административные меры и другие вопросы школьной администрации, педагогики и дидактики. Окружное начальство, пользуясь съездом, имеет возможность оказать свое непосредственное влияние на преподавателей и директоров и разъяснить им необходимость тех или других мер и улучшений гораздо удобнее, чем с помощью циркуляров и предписаний» [6. С. 431]. Только таким назначением ценность съездов не ограничивается. Прежде всего, они были важны для учителей с точки зрения обмена опытом, помогали быть в курсе новых методик преподавания, знакомиться с учебной и научной литературой и т.д. Первый съезд состоялся в 1861 г. в Киеве, который собрал естествоиспытателей и учителей естественных наук [6. С. 431].

В соответствии с реформой в области школьного дела 60-х гг. XIX в. в Российской империи существовали три типа общеобразовательных учебных заведений: народные училища без указания срока обучения в них (на практике, как правило, училища имели трехгодичный срок обучения); прогимназии, имевшие курс первых четырех классов гимназии; гимназии с семилетним сроком обучения.

«Положение о начальных народных училищах» 1864 г. установило новую систему руководства начальным образованием, окончательно ликвидировав ту, которая была введена предыдущим уставом 1828 г. Теперь народная школа изымалась из ведения директоров гимназий и штатных смотрителей уездных училищ и передавалась под управление уездных и губернских училищных советов: «Для заведования начальными народными училищами учреждается в каждом уезде уездный и в каждой губернии губернский Училищные Советы» [4. Ст. 1230]. Об их деятельности речь пойдет ниже.

Новый школьный устав регламентировал деятельность учебных заведений различных типов, относящихся к ведомству Министерства народного просвещения, ведомства министерств государственных имуществ, внутренних дел, также удельного, горного и духовного ведомств. Народные училища по «Положению» 1864 г. могли открываться различными правительственными учреждениями, а также обществами и частными лицами. Принимая такое решение, правительство прежде всего учитывало вопросы их материального обеспечения. На развитие системы образования у государства денег не хватало, поэтому, официально признавая данное положение, министерство заявило: «Не располагая однако материальными способами к их учреждению и содержанию, Министерство просвещения имеет ныне в своем ближайшем и непосредственном ведении только городские приходские училища и весьма немногие школы, учрежденные в местечках и селениях. Все прочие элементарные школы учреждаются теми местами и лицами, которые находят к тому какие-либо денежные способы» [4. Ст. 1234]. Соответственно в полномочиях учредителей было решение вопросов о платности или бесплатности обучения; изменения программ и устройства этих училищ в зависимости от местных условий; также они входили в состав училищных советов.

Дадим краткую характеристику начальной и средней школе. «Положение», утвержденное 14 июля 1864 г., главную цель начальных народных училищ определило следующим образом: «утверждать в народе религиозные и нравственные понятия и распространять первоначальные полезные знания» [4. Ст. 1226]. Исходя из поставленной цели, учебный план включал в себя следующие предметы: «а) Закон Божий (краткий катехизис и священная история), б) чтение по книгам гражданской и церковной печати, в) письмо, г) первые четыре действия арифметики и д) церковное пение там, где преподавание его будет возможно» [4; Ст. 1227]. Анализ цели и перечня учебных предметов народных училищ позволяет утверждать, что назначением школы являлось прежде всего религиозно-нравственное воспитание молодежи, а обучение в ней ограничивалось элементарной грамотностью.

Вопрос о платности или бесплатности обучения в той или иной школе устав поручал решать тем ведомствам, которым они были непосредственно подчинены, или лицам и обществам, которые их учреждали. Право принимать решение об открытии начальных школ принадлежало уездному училищному совету. Функцию управления ими выполняли попечители, которые назначались учредителями школ.

По поводу языка, на котором должен осуществляться процесс обучения, документ говорит следующее: «... во всех тех областях, где употребляются местные Русские наречия, резко отличающиеся от Великороссийского языка, объяснение предметов в народных училищах начиналось на местном наречии, а затем уже делался постепенный переход к Русскому, т.е. Великороссийскому языку, на котором следует и продолжать ученье» [4. Ст. 1266], т.е. допускалось начи-

нать обучение на одном языке, и в то же время признавалась важность русского языка в начальном обучении.

В управлении и деятельности начальной школы особую роль должны были играть представители духовенства. Помимо основной функции – преподавания Закона Божьего – священники могли вести также и другие предметы, правда для этого они должны были иметь разрешения на этот счет от училищного совета. Его можно было получить, успешно сдав специальный экзамен на звание учителя начальной школы. Также лицам духовного звания было поручено «наблюдение за религиозно-нравственным направлением во всех начальных народных и воскресных училищах» [4. Ст. 1229], т.е. церковнослужителям поручалось следить над организацией и состоянием воспитательного процесса в школах.

Правительство стремилось не допускать проникновения в начальные училища неблагонадежных в политическом отношении учителей. В третьем разделе «Положения» рассматриваются требования, которым должен отвечать учитель. Здесь указывается, что преподавать в начальных училищах могли лица, которые получили разрешение «уездными училищными советами, лицам обоего пола, представившим надлежащее ручательство за добрую нравственность и благонамеренность». К лицам духовного звания это требование не предъявлялось, как было указано выше, при наличии разрешения они могли преподавать все предметы.

Определяя назначение средней школы, «Устав гимназий и прогимназий» 1864 г. устанавливал, что «гимназии имеют целью доставить воспитывающемуся в них юношеству общее образование, и вместе с тем служат приготовительными заведениями для поступления в Университет и другие высшие специальные училища» [8. Ст. 1301]. Таким образом, подчеркивалось, что главная цель гимназии – дать юношеству среднее общее образование. Устав учреждал два типа гимназий: классические и реальные. «В гимназии полагается семь классов с годичным курсом для каждого класса». Наряду с гимназиями данный документ оговаривал возможность открытия прогимназий, состоящих только из 4 низших классов гимназии и разделяющихся также на классические и реальные [8. Ст. 1302].

В штатной структуре гимназий «Устав гимназий и прогимназий» определяет следующие должности: директора, инспектора, преподавателей, воспитателей, врача и писмоводителя. «В прогимназии находятся те же должностные лица, кроме Директора, обязанности которого возлагаются на Инспектора». Все важные вопросы, касающиеся учебного, воспитательного процесса и хозяйственной части средней школы, решались педагогическим советом – коллегиальным органом учебного заведения. В отдельных случаях в гимназиях вводилась должность почетного попечителя: «При тех гимназиях и прогимназиях, которые получают содержание сами для себя, или для пансионов при них, от обществ, сословий или частных лиц, и которые управляются назначенными от правительства лицами, состоит сверх того особое лицо со званием Почетного Попечителя, избираемого обществом, сословием или частными лицами, дающими помянутое содержание» [8. Ст. 1303]. В его функции в основном входил контроль над финансами гимназии, поступающими в учебное заведение, и за расходами этих поступлений.

Главной обязанностью директора гимназии было осуществлять контроль над преподаванием и воспитанием юношества в стенах учебного заведения, он же возглавлял педагогический совет. Директор принимал на работу и увольнял, также представлял к наградам учителей и других служащих гимназии. Заместителем или помощником директора являлся инспектор.

В зависимости от типа гимназии (классическая или реальная) определялся учебный план. В курс изучаемых предметов классической гимназии входили Закон Божий, русский язык и словесность, латинский и греческий языки, немецкий и французский языки, история, география, математика, физика, естественная исто-

рия, чистописание, рисование и черчение. С преподаванием греческого языка имелись трудности вследствие того, что не хватало учителей, поэтому он должен был вводиться постепенно, по мере их подготовки. С учетом этого обстоятельства в первое время должны были существовать три типа гимназий: классическая гимназия с обоими древними языками, гимназия с латинским языком, реальная гимназия. В учебном плане реальной гимназии были: Закон Божий, русский язык и словесность, история, география, чистописание, математика, естественная история, химия, физика, немецкий и французский языки, рисование и черчение. Устав предусматривал в учебном плане классической и реальной гимназий одинаковое число уроков по Закону Божьему, русскому языку и словесности, истории, географии, чистописанию. В реальных гимназиях древние языки не преподавались совсем, но по сравнению с классическими гимназиями в них было увеличено число уроков по математике, физике, новым языкам, рисованию и черчению; в курсе естествознания преподавалась химия. Во всех гимназиях желающие могли обучаться пению и гимнастике. Кроме того, ученики старшего класса до выпуска изучали «понятие о нашем государственном устройстве, об основных законах Империи, касающихся верховной власти, о значении разных присутственных мест и о главных законах гражданских и уголовных» [8. Ст. 1309].

Каждая гимназия должна была иметь библиотеку, в фонде которой сохранились книги для учителей и учащихся, физический кабинет, пособия по естественной истории, географические карты, гимнастические снаряды и музыкальные ноты.

Устав разрешал обучаться в гимназиях и прогимназиях детям всех сословий, без различия звания и вероисповедания. Учеба в средней школе была платной, причем по этому поводу говорилось, что ученики «обязаны вносить плату за обучение». Правда, за хорошую успеваемость и поведение дети со сложным материальным положением по решению педагогического совета могли освобождаться от платы за учебу. По завершении курса обучения, выдержав испытание, ученики гимназии получали аттестат, за отличную учебу им вручалась золотая или серебряная медаль.

В уставе было предусмотрено значительное расширение прав педагогических советов, которые организуются в гимназиях и прогимназиях «для более верного и всестороннего обсуждения вопросов, относящихся преимущественно к учебной и воспитательной части». Педагогическим советам было предоставлено право утверждать программы преподавания по каждому предмету, решать вопросы перевода учащихся из одного класса в другой по результатам испытаний в конце учебного года, освобождать от платы за учебу детей из неимущих семей и т.д.

Документ вводил унификацию одежды учеников гимназии, которую составляли: «а) однобортный полукафтан темнозеленого сукна с черными пуговицами и отложным воротником, с петличками на нем из синего сукна; б) брюки темно-серого сукна; в) жилет темнозеленого сукна, однобортный, с черными пуговицами; г) галстук черный, суконный или шелковый; д) пальто темнозеленое суконное, по существующим образцам, с суконными петлицами синего цвета и с черными пуговицами; е) фуражка темнозеленого сукна, с суконным околышем синего цвета» [8. Ст. 1313].

В школьных уставах большое место уделялось методам обучения и воспитания. В объяснительной записке указывалось на необходимость учета возрастных особенностей учащихся при выборе методов обучения. В начальных школах и прогимназиях рекомендовалось применять «способ катехизический, заключающийся в беседе учителя с учеником», а в гимназиях – способ акроаматический, состоящий в «изложении предмета самим учителем; только изложение это должно заключать в себе условия, необходимые для возбуждения любви к

предмету и самостоятельности в учащихся» [8. Ст. 1313]. В начальных школах большое значение придавалось наглядности в обучении. В документе даже было сказано, что учение в народных училищах начинается с наглядного обучения, которое «должно служить переходом от естественного способа образования, которое начинается для ребенка с самого его рождения, к искусственному учению, начинающемуся в школе». Особое место было уделено методике преподавания русского языка, арифметики и других предметов.

Нормативные документы подчеркивают актуальность вопросов нравственного воспитания. Особо говорится о значении хорошего примера учителя, необходимости с его стороны гуманного обращения с воспитанниками, особо говорилось о вреде телесных наказаний: «наказание розгами составляет самое дурное и самое ненадежное средство для воспитания человека», применение которых согласно уставу запрещалось.

Между начальной и средней школой не существовало никакой связи и преемственности. Исключение составляли уездные училища, после окончания которых можно было поступить в первый класс гимназии или прогимназии. Однако и эта связь была чисто номинальной, так как уездное училище оканчивали в 14-летнем возрасте, а в первый класс гимназии принимали детей 10-11 лет.

Как было указано выше, для общего руководства школьным образованием в масштабе уезда и губернии было решено создать уездный и губернский училищные советы.

В уездные и губернские училищные советы кроме представителей разных правительственных ведомств (Министерства народного просвещения, Министерства внутренних дел и др.), а также духовенства, занимавших в советах господствующее положение, были допущены представители органов местного самоуправления: земств и городских дум. Согласно «Положению о начальных народных училищах» 14 июля 1864 г. в состав уездного училищного совета входили представители «... от Министерств: Народного Просвещения и Внутренних Дел, духовного ведомства православного исповедания, двух членов от уездного земского собрания и по одному от тех ведомств, которые содержат у себя начальные народные училища. В тех городах, где есть начальные народные училища, содержащиеся на счет городских сумм, в Училищном Совете находится член от городского общества. Попечители народных училищ, городских и сельских, могут быть также членами Уездных Советов, по назначению губернского Совета» [4. Ст. 1230].

Согласно предписанному положению в состав Цивильского уездного училищного совета в 1869 г. входили представители духовного ведомства протоиерей Иоанн Романовский, Цивильского земства степенный гражданин Петр Курбатов и министерства народного просвещения штатный смотритель Цивильского уездного училища Всеволод Мельников [2. Л. 1]. В документах училищного совета за 1868 г. председателем называется Романовский [1. Л. 18].

Состав губернского училищного совета определял «Устав гимназий и прогимназий» от 19 ноября 1864 г. Здесь также были представлены лица, состоящие как на гражданской, так и на духовной службе. Однако их статус по сравнению со статусом представителей уездного училищного совета должен был быть выше. Это должны были быть «епархиальный Архиерей, как первенствующий член, Начальник губернии, Директор училищ и два члена от губернского земского собрания. Попечитель Учебного Округа имеет право, в бытности своей в губернском городе, присутствовать в губернском училищном совете» [4. Ст. 1230]. Как видно из цитаты, при перечислении лиц, входящих в состав училищных советов, устав акцентировал внимание на том, что в губернском совете главным лицом являлся архиерей, т.е. главную роль в решении вопросов управления образованием документ отводил церковным служащим.

Училищные советы принимали решения об организации и закрытии народных училищ: «Для учреждения начальных народных училищ городскими и сельскими обществами и частными лицами требуется разрешение Уездного Училищного Совета. Училища сии могут быть закрываемы по распоряжению губернского Училищного Совета, в случае беспорядка и вредного направления учения» [4. Ст. 1228]. Как видим, данная функция советов распространялась только на те начальные школы, которые открывались городскими и сельскими обществами или частными лицами. Правительственные ведомства и духовное начальство могли учреждать и закрывать школы собственными распоряжениями. Правда, они также должны были об этих решениях сообщать уездным училищным советам.

Об открытии двух новых школ в начале 1868 г. Цивильским уездным училищным советом (в деревне Высоковка и селе Ковали) свидетельствуют материалы дела «Указания Казанского губернского училищного совета о своевременном представлении сведений о состоянии училищ. Рапорта учителей об освобождении их от работы, представление отпусков по состоянию здоровья и высылке книг для училищ» из фондов ГИА ЧР [1. Л. 18-19 об.].

В том случае, если местные общества иногда не выполняли свои финансовые обязательства по содержанию училищ, то учителя и наставники с жалобой на них обращались к училищным советам. О подобной ситуации говорит обращение священника А. Лебедева на имя Цивильского училищного совета: в 1867 г. Акзегитовское волостное правление не исполнило свои функции по выплате жалованья наставнику и сторожу, оплате за наем помещения, его отопления, за приобретение учебных принадлежностей. Таким образом, жалуюсь на тяжелое финансовое положение, А. Лебедев у совета спрашивает, как дальше училищу существовать. С подобным обращением выступает и священник села Хормалы Цивильского уезда С. Фортунатов [1. Л. 5, 17].

Училищные советы также занимались назначением и увольнением учителей, контролировали деятельность школ и т.п. Например, 27 января 1868 г. наставник приходского училища в селе Именево Цивильского уезда Арсений Вишневецкий обращался к местному училищному совету. Он пишет рапорт, в котором просит «Вследствие расстроенного моего здоровья... уволить меня, для лечения в городе Казани, назначив вместо меня, до лечения кого-либо» [1. Л. 2]. Далее прилагается свидетельство, выписанное земским врачом учителю Вишневецкому, согласно которому указывается, какой болезнью он страдает, и дается рекомендация лечиться в Казани. На это освободившееся место претендовал священник Архангельской церкви села Именева Иоанн Журавлев [1. Л. 3]. Также в 1868 г. в связи с переводом на новое место службы священник И. Добромыслов просит освободить его от должности наставника Можаровского сельского приходского училища [1. Л. 9].

За хорошую и добросовестную работу учителям училищные советы объявляли благодарность. Признания своих заслуг на уровне губернского совета (по представлению Цивильского училищного совета) в 1868 г. добился учитель начального класса Цивильска В. Корсаков [1. Л. 10].

Членами уездного училищного совета избирался председатель, постоянную организацию делопроизводства осуществлял штатный смотритель училищ.

Уездный училищный совет составлял список учебников и учебных пособий, необходимых для училищ своего уезда, и представлял его для утверждения в губернский совет. Следует отметить, что в реестрах наряду с традиционными учебниками (например, «Евангелие», «Букварь», «Молитвослов», «Начатки христианского учения», «Учение Господа нашего Иисуса Христа» и др.) встречается и художественная литература («Народная сказка о рыбаке и рыбке», «Труд человека кормит, а лень портит» и др.) [1. Л. 12-12 об., 13].

Хотя в «Положение о начальных народных училищах» 1864 г. не говорится о необходимости училищным советам заниматься анализом содержания учебников и учебных пособий, к решению подобных вопросов советы иногда обращались. В связи с реализацией системы Н.И. Ильминского в школах Чувашского края Н.И. Золотницким была издана «Чуваш-кнеге» на чувашском языке. В конце 1867 – начале 1868 гг. сначала на уровне Цивильского уездного училищного совета, затем по представлении документов в Казань губернским училищным советом обсуждались технические ошибки, которые были допущены в учебнике. С целью их исправления было принято решение издать отдельным приложением исправленный текст [1. Л. 1-1 об., 27-27 об.].

Рассуждая по поводу учреждения училищных советов, один из крупных революционных специалистов по истории школьного образования С.В. Рождественский пишет: «Прежде всего он [закон о начальной школе] должен был прекратить существовавший доселе антагонизм по делам учебным, как между отдельными правительственными ведомствами, так и между училищами правительственными и частными, и соединить разрозненную деятельность, в отношении народных училищ, разных ведомств, православного духовенства и земских учреждений. Для достижения этой цели учреждаются училищные советы из представителей от разных ведомств» [6. С. 447-448]. Как видим, правительство пытается деятельность разных типов начальной школы подвести под единую основу, подчинив их одному центру в масштабах уезда или губернии.

Итак, в соответствии с реформой 1864 г. на территории Чувашского края для управления школами региона были созданы Алатырский, Цивильский, Чебоксарский и Ядринский училищные советы. Они были учреждены в 1866 г. Об их деятельности свидетельствуют материалы фондов Государственного исторического архива Чувашской Республики (ГИА ЧР). Судя по содержанию хранящихся в них документов, уездные училищные советы края решали весь круг вопросов и задач, который был определен уставом. Это материалы, свидетельствующие об открытии и закрытии училищ. Чаще всего вопрос об учреждении новой школы решался в ходе продолжительной переписки. В документах уездных училищных советов содержится переписка с учителями, земской управой, волостными правлениями по учебно-методическим вопросам. Советы ведали назначением, перемещением и увольнением учителей, также утверждали каталоги книг, имеющихся в библиотеках училищ; списки учащихся школ и их выпускников. Наиболее часто встречающимся вопросом в деятельности советов была переписка с волостными правлениями о содержании школ, т.е. решение материальных и хозяйственных проблем.

Таким образом, в результате реформы школьного образования, проведенной в 1864 г. правительством Александра II, в стране утвердилась новая система административного управления учебными заведениями. Она соответствовала духу либеральных преобразований эпохи. Если до изменений, введенных в 60-е гг. XIX в., в образовательной сфере преобладало жесткое административное подчинение школ директорам и штатным смотрителям, то теперь управление школой переходило в руки коллегиального органа – училищных советов. Их состав был достаточно разнообразным, в него входили как представители министерств и ведомств, имеющих прямое отношение к открытию и дальнейшей работы школ, так и представители органов местного самоуправления. От позиции вторых очень часто зависело материальное благополучие конкретных школ, тем более, что они были заинтересованы в дальнейшем расширении школьного дела в регионе. Как свидетельствуют сохранившиеся документы ГИА ЧР, местные уездные училищные советы в полной мере получили те функции и полномочия, которые теоретически им были предопределены. Благодаря усилиям Алатырского, Цивильского, Чебоксарского и Ядринского уездных училищных

советов на территории современной Чувашии во второй половине XIX в. сложилась система начального образования. Однако данная система административного управления просуществовала недолго. Под влиянием тех преобразований, которые происходили во внутривластном курсе страны в 70-е гг. XIX в., изменения произошли и в управлении учебными заведениями.

Литература и источники

1. ГИА ЧР. Ф. 503. Оп. 1. Д. 6. Указания Казанского губернского училищного совета о своевременном представлении сведений о состоянии училищ. Рапорта учителей об освобождении их от работы, представление отпусков по состоянию здоровья и высылке книг для училищ.
2. ГИА ЧР. Ф. 503. Оп. 1. Д. 5. Цирюляры директора училищ Казанской губернии. Протоколы заседаний училищного совета. Рапорт Кошелевского волостного правления о закрытии школы в селе Кошелеи.
3. Общий устав императорских российских университетов от 26 июня 1835 г. [Электронный ресурс]. URL: http://museum.guru.ru/ustavy/ustav1835/glava_ii.phtml (дата обращения: 20.07.2010).
4. Положение о начальных народных училищах от 14 июля 1864 г. // Сборник постановлений по МНП. Т. III. 1855-1864. СПб., 1865. Ст. 1226-1281.
5. Положение об учебных округах от 25 июня 1828 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://museum.guru.ru/ustavy/ustav1835/glava_ii.phtml (дата обращения: 20.07.2010).
6. *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802-1902. СПб.: Издание Министерства народного просвещения, 1902. С. 431.
7. Университетский устав 1863 г. СПб.: Тип. Иосафата Огризко, 1863. 128 с.
8. Устав гимназий и прогимназий от 19 ноября 1864 г. // Сборник постановлений по МНП. Т. III. 1855-1864. СПб., 1865. Ст. 1301-1351.
9. Устав гимназий и училищ уездных и приходских от 8 декабря 1828 г. // ПСЗ. Собрание второе. Т. 3. СПб., 1830. С. 1099-1127.

ПЕТРЯНКИНА АЛЕВТИНА ПЕТРОВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры Отечественной истории имени А.В. Арсентьевой, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (alevtina-pet@mail.ru).

PETRYANKINA ALEVINA PETROVNA – candidate of pedagogical sciences, assistant professor of History Russia Chair named after A.V. Arsenyeva, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 339.16:94.47(470.343)

В.И. РЫБАЛКА

ГОСУДАРСТВЕННАЯ И КООПЕРАТИВНАЯ ТОРГОВЛЯ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ МАРИЙСКОЙ АССР В 40-70-е ГОДЫ XX ВЕКА

Ключевые слова: торговая сеть, спрос, товарооборот, строительство, структура и ассортимент товаров.

Рассмотрены вопросы расширения торговой сети в сельской местности республики, соотношения ассортимента приобретаемых продовольственных и непродовольственных товаров, увеличения сети предприятий розничной торговли. Особое внимание уделено государственным закупкам сельскохозяйственных продуктов, возрастанию покупательной способности колхозников, укреплению финансового положения организаций потребительской кооперации.

V.I. RYBALKA

STATE AND CO-OPERATIVE TRADE IN THE MARI ASSR RURAL AREA IN THE 1940-1970s

Key words: trading network, demand, turnover, building, structure and variety of goods.

Expansion of trading network in the rural area of the Republic, correlation of the bought foodstuffs and industrial goods assortment, extension of network of retail trade enterprises are considered. Particular attention is given to state purchase of agricultural products, collective farmers' purchasing power growth, strengthening of the consumers' cooperatives' financial state.

Основной торгующей организацией в деревне являлась потребительская кооперация, призванная удовлетворять не только личные запросы колхозников, механизаторов МТС и сельской интеллигенции, но и потребности колхозов в товарах производственного значения.

В послевоенный период была проведена подготовка к расширению торговой сети. Открывались закрытые в период войны магазины. Если в 1945 г. в республике было 479 магазинов розничной торговли, то к 1947 г. их насчитывалось уже 543. Розничный товароборот возрос за 1946-1947 гг. на 65,6% и достиг довоенной суммы в 113,2 млн руб. [2. С. 38].

К концу 1947 г. Марпотребсоюз в своей системе имел 79 оптово-розничных организаций, в том числе 13 райпотребсоюзов, 63 сельпо, 2 рабкоопы и 1 горпо. Хозяйство Марпотребсоюза состояло из 5 предприятий, работающих как самостоятельные организации: торговая база, заготовительная база, транспортная контора, промкомбинат и торгово-кооперативная школа. Годовой план товарооборота выполнили 19 организаций. Лучших показателей добились Параньгинский и Новоторъяльский райпотребсоюзы [2. С. 40].

Значительно возросли затраты на новое строительство. Только в 1953 г. было построено 2 районных и 4 сельских магазина, 18 лавок, 7 хлебопекарен, 6 чайных, 1 магазин хозяйственных товаров и другие служебные сооружения и склады [5]. В 1954 г. капиталовложения увеличились в 3,5 раза, что позволило открыть 22 магазина и лавки, 28 складов, 6 столовых, 9 хлебопекарен, 2 картофелесушильных завода и 16 картофелехранилищ.

Однако к середине 1950-х гг. объектов торговли в сельской местности еще было недостаточно. В некоторых районах республики колхозники жаловались на отсутствие в магазинах потребкооперации требуемого ассортимента товаров, на плохое обслуживание покупателей. Так, крайне плохо была организована торговля в Новоторъяльском районе. Здесь негде было купить даже черные нитки, лезвия для бритв, ученические ручки и чернильницы, керосиновые лампы и стекла для них. Почти во всех магазинах отсутствовала в продаже махорка. Были большие перебои в торговле керосином. При этом указанный товар имелся в достаточном количестве на базе Новоторъяльского райпотребсоюза и на базе Марпотребсоюза. Такое же положение сложилось и в Медведевском районе, хотя райпо находилось рядом с городом и Марпотребсоюзом. Перебои в торговле товарами повседневного спроса были и в Юринском районе. В ряде магазинов и лавок этого района не было в продаже соли, махорки, керосиновых ламп, лампового и оконного стекла, швейных игл, крючков, пуговиц, хозяйственного мыла и других предметов первой необходимости [4].

Большое значение для развития торговли имели государственные закупки сельскохозяйственных продуктов. Потребкооперация являлась основной заготовительной организацией. Она проводила заготовку и закуп более 50 видов продуктов и сырья. С начала 1956 г. на потребкооперацию республики повсеместно были возложены заготовка и закуп шерсти, кожевенного сырья, пушнины, мехового сырья. Организованная работа в этом направлении давала неплохие результаты. Однако в деятельности Марпотребсоюза были и серьезные недостатки. План государственных закупок мяса, молока, яиц и других сельскохозяйственных продуктов не всегда выполнялся. Тем не менее торговля этими продуктами питания через потребительскую кооперацию в рассматриваемый период значительно возросла. Так, продажа мяса за 10 лет увеличилась более чем в пять раз, молока – в 18 раз, а яиц – более, чем в 34 раза [3. С. 167].

В 1950-1960-е гг. объем товарооборота на селе увеличивался быстрее, чем в 1940-е гг., что характеризует динамику доходов сельского населения, в том числе и крестьян. И хотя показатели товарооборота на душу населения были значительно ниже, чем в городе, этот разрыв постепенно сокращался.

Одновременно менялось соотношение ассортимента приобретаемых продовольственных и непродовольственных товаров в сторону резкого увеличения последних. Все более повышался спрос на товары длительного пользования, что отражает подъем материального и культурного уровня жизни трудящихся.

В первые годы после войны спрос крестьян на промышленные изделия был весьма скромнен. Соль, керосин, спички, ситец, обувь, сахар – вот те товары, которыми в основном торговали на селе. Но по мере возрастания доходов колхозников увеличивались их запросы. Они стали покупать товары, которые прежде были нехарактерны для деревни: кожаную обувь, шерстяные и шелковые ткани и др. Со временем стал возрастать спрос на изделия фабричного пошива и изготовления – костюмы, пальто, платья, мебель; на продукты промышленного производства – колбасу, консервы, кондитерские изделия и т.д. В сельских магазинах ассортимент продаваемых товаров культурно-бытового назначения расширялся за счет велосипедов, легковых автомашин и других товаров, спрос на которые повышался нарастающими темпами, а на многие из них, кроме того, – со значительным опережением предложения.

В 1965 г. только потребительской кооперацией, обслуживающей в основном сельское население, продано шелковых тканей на 834 тыс. руб., шерстяных тканей на 961, швейных товаров на 5490, трикотажных изделий на 2160, кожаной обуви на 1949, резиновой обуви на 1707, галантерейных и парфюмерных товаров на 1528, книжных и других печатных изданий на 346, радиотоваров на 911, электротоваров на 717, мебели на 1135 тыс. руб. [3. С. 166]. Кроме того, было реализовано 14 844 часов, 900 швейных машин, 2247 радиоприемников и радиол, 2423 телевизора, 750 мотоциклов и мотороллеров, 394 холодильника, 1650 стиральных машин, 18 легковых автомашин [7. С. 24].

В 1965 г., по сравнению с 1950 г., сеть предприятий розничной торговли республики увеличилась в 1,57 раза, а общественного питания – в 12,6 раза. Укреплялось финансовое положение организаций потребкооперации. Источниками пополнения их оборотных средств являлись прибыль и паевые взносы, число пайщиков в 1965 г. достигло 171 тыс. человек с паевым фондом более 2 млн руб. [2. С. 45]. Рост благосостояния членов-пайщиков влиял на ассортимент кооперативных магазинов. Строительство Марпотребсоюзом на селе объектов торговли, общественного питания получило новый импульс. Предприятия, расположенные в ветхих, старых непригодных помещениях, сносились и заменялись новыми. За период с 1961 г. по 1965 г. было построено и введено в действие 172 торговых предприятия, при этом были построены большей частью крупные магазины. Если в 1959 г. на одно предприятие розничной сети приходилось в среднем 1,43 рабочих места и на одно предприятие общепита 26,0 посадочного места, то в 1966 г. стало, соответственно, 1,72 и 30,2 [1. Л. 37].

С ростом доходов возрастала покупательная способность колхозников. В Марийской АССР объем розничного товарооборота кооперативной торговли, обеспечивающей, как известно, главным образом потребности жителей села, достиг в 1980 г. 248,2 млн руб. против 31,3 млн руб. в 1950 г., т.е. увеличился в 7,9 раза. За это же время объем торговли в сельской местности республики увеличился в 4,6 раза [6. С. 142].

Подводя итоги, необходимо отметить, что в рассматриваемый период в торговом обслуживании сельского населения встречалось еще много серьезных недостатков. Требования к торговле значительно повышались в связи с бурным ростом покупательского спроса, вызванного значительным улучшением материального и культурного уровня жизни. Коллективы предприятий торговли и общественного питания много делали для того, чтобы значительно повысить культуру торгового обслуживания сельского населения.

Литература и источники

1. Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. Р-471. Оп. 2. Д. 189.
2. История Союза потребительских обществ и предпринимателей Республики Марий Эл. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1999. 81 с.

3. Марийская АССР в цифрах. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1967. 209 с.
4. Марийская правда. 1954. 13 июня.
5. Марийская правда. 1954. 22 июня.
6. Народное хозяйство Марийской АССР за 70 лет. Юбилейный стат. сб. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1987. 166 с.
7. Юшков В.И. Миграция сельского населения в Марийской АССР. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1971. 92 с.

РЫБАЛКА ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры журналистики, Марийский государственный университет, Россия, Йошкар-Ола (Anytik99999@rambler.ru).

RYBALKA VLADIMIR IVANOVICH – candidate of historical sciences, associate professor of Journalism Chair, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola.

УДК 394.2

Т.В. СЕМЕНОВА

СВЯТОЧНЫЕ ОБРЯДЫ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ ЧУВАШЕЙ В СОВРЕМЕННОМ БЫТУ

Ключевые слова: праздник, гадания, народная обрядность, ряженые.

Исследована специфика чувашского обрядового праздника зимнего цикла сурхури. Выполнение единого праздничного комплекса якобы обеспечивало благополучие семьи и хозяйственной деятельности в текущем году.

T.V. SEMENOVA

YULE RITUALS AND ENTERTAINMENT IN MODERN LIFE CHUVASH

Key words: holiday, divination, folk rituals, mummers.

The article is devoted to the celebration of the winter cycle Chuvash surhuri. Performing a single holiday complex provides welfare of the family and economic activity in the current year.

В современном быту чувашей функционируют праздники и обряды, возникшие в разное время. Одни появились недавно и только начинают входить в праздничный календарь чувашского народа, другие – имеют многовековую историю и существуют до настоящего времени, сохраняя национальные черты, следы материальной и духовной культуры предков.

Праздники издавна составляли одну из ярких сторон жизни народа. Обогащаясь различными ритуально-обрядовыми действиями и разнообразными формами народного творчества – игрой, музыкой, пением, плясками, они давали утешение и радость людям, скрашивали их нелегкую жизнь, давали повод для веселья и отдыха.

Наиболее полно традиционный комплекс святочных обрядов и развлечений представлен в празднике *сурхури*. Это старинный чувашский праздник зимнего цикла, который отмечался в период зимнего солнцестояния, когда день начинал прибывать. *Сурхури* праздновался в течение одной недели. После принятия христианства этот национальный праздник нового года совпал с христианским рождеством (*раштав*) и продолжался до крещения (*кашарни*). Исследователь А.К. Салмин относит *сурхури* к общесельскому зимнему празднику молодежи по случаю начала нового года [8. С. 128]. Известный чувашский этнограф В.К. Магницкий определял этот комплекс как детский праздник, совершаемый в благодарность Богу за урожай хлеба и приплод скота и для испрошения тех же благ в будущем году [4. С. 97]. Согласно литературоведу М.Я. Сироткину, *сурхури* – это обряды, связанные с подготовкой к пахоте и севу [10. С. 9].

С распространением христианства чуваше праздновали *сурхури* одновременно всей деревней, но уже не повсеместно. А.К. Салмин считает, что основные заимствованные ориентиры, из-за которых произошли перемещения *сурхури* во времени, это Рождество, Николин день (6/19 декабря), Крещение, Святки [8. С. 128].

Проведение *сурхури* у чувашей в XIX в. содержало много общих элементов со святочными и новогодними обрядами марийцев, мордвы, татар и русских. Цикл обрядов, примыкавших к празднованию *сурхури*, обыкновенно начинали за 1-2 дня до 25 декабря и заканчивали 5 января (по старому стилю), охватывая период от сочельника до крещения [5. С. 80]. Известный тюрколог Н.И. Ашмарин отмечал, что «прежде (по крайней мере, в северной части Чувашии) *сурхури* совершался в 3-ю пятницу после Николина дня (6 декабря по ст. ст.), а позднее – в одних местах *сурхури* стали называть ночь под рождество, в других – ночь под новый год, в третьих – ночь под крещение. Праздник этот по времени совпадал с русским рождеством и святками и с их гаданиями и уже представлял смешение чувашского и русского праздников. На этом основании русский христианский праздник рождество (*раштав*) в некоторых местах чуваша называли *сурхури*. Такое название праздника известно было в северной части Чувашии, а слово *раштав* в этом значении там неупотребительно. В южных районах, напротив, рождество почти исключительно обозначается словом *раштав*, а *сурхури* означает лишь гадание под новый год» [2. С. 197]. Это время было насыщено разнообразными развлечениями, гаданиями, ритуалами. Одним из наиболее распространенных способов гадания о женихе было схватывание за ногу овцы в темном хлеву; существует мнение, что этот обычай и дал название всему праздничному циклу (сурăх ури «овечья нога»). Согласно другой точке зрения, этимология названия *сурхури* исходит от сурăх ыри «овечий дух», в прошлом – дух-покровитель скота [10. С. 9]. На самом деле, по устному объяснению историка языка Г.Е. Корнилова, все это – результаты народной этимологии, переосмысления индо-иранского *сурх нури* «солнечное/красное сияние», «луч солнца», эквивалент современного чувашского *хёвел ури* «солнечный луч» из более древнего *хёвел нури*, языческий праздник Солнцеворота.

Основными элементами праздников и обрядов в дни зимнего солнцестояния/солнцеворота были: гадания; ряженье и традиционный обход деревни с песнями-пожеланиями хозяевам здоровья, благополучия, хорошего приплода скота и обильного урожая, который сопровождался ответным одариванием пышками *йăва* и деньгами; вечерние молодежные посиделки с угощением, играми и плясками.

В конце XIX в. у верховых (тури-вирьял) чувашей в проведении новогодних обрядов преобладали ряженье и колядование, как это имело место при праздновании марийских ритуалов *шорык йол*; у низовых (анатри-хирти) *сурхури* включало преимущественно гадания и пиры молодежи.

Основной контингент участников праздника составляла деревенская молодежь, парни и девушки 14-19 лет. Допускались и дети, которые выполняли роль обходчиков во время сбора продуктов.

Хозяева домов встречали ребят у распахнутых ворот, приглашали в избу и угощали специально приготовленными пирожками, гнездышками из теста (йăвача), сладостями, орехами и непременно – жареным горохом. Ребята пели песни с пожеланиями хозяевам благополучия, доброго урожая, обильного приплода скота. При этом детвора осыпала щедрых хозяев, а также молодняк домашнего скота жареным горохом, приговаривая;

Виçĕ тĕслĕ вильăхăр-чĕрлĕхĕр
Хутаçлă пăрçа пек хунавлă пултăр,
ШÛтернĕ пăрçа пек мăнтăр пултăр,
Ашаланă пăрçа пек пиçĕ пултăр.
Пĕр вĕçĕ шыв патенче пултăр,
Тепĕр вĕçĕ картара пултăр!

Да будут у вас три вида скота
Плодовитыми, как горошины в стручке,

Тучными, как моченые горошины,
Крепкими, как жареные горошины.
Один конец стада да будет у водопоя.
Другой конец да будет в хлеву!

Если хозяева были не очень щедрыми, то ребята пели сатирические куплеты, просили угощения, денег, иначе сулили всяческие напасти. Все это регламентировалось ритуалом, и никто не обижался. И ребята, и хозяева все вместе пели специальные песни, плясали под музыку, затем детвора уходила в соседний двор [3. С. 178]. Собрав разные продукты: крупу, масло, соль и т.п., ребята собирались в доме у одинокой старухи, где она им варила специальную кашу «сурхури пәтти». Отведав каши, мальчишки и девчонки начинала играть в игры, одной из любимых была игра *сёрёлле* «в колечко» [6].

Название праздника *сурхури*, исполняемые песни с пожеланием обильного урожая и благополучного приплода скота, гадания на овцах и лошадях – указывают на то, что значительное место отводилось обрядам, связанным со скотоводством.

Подбрасывание вверх гороха и орехов при обрядовом обходе деревни было направлено на усиление роста хлебов и вообще плодородия. Идентичное содержание имели произносимые при этом песни-заклинания: *Пәрса сўллә пултәр! Тырә лайәх пултәр!* – «Да будет горох высок! Да будут хлеба хороши!»; «*Сурәхсем ывәсри пәрса пек йышлә, шўтернә пәрса пек мәнтәр, әшаланә пәрса пек пиҫә пулччәр.*» – «Пусть овец будет много, как горошин в горсти, пусть они будут тучны, как разбухшие горошины, и выносливы, как каменный горох». «*Сурхури! Сурхури! Сурәхсем пўтек туччәр-и, арәмсем ача туччәр-и, хёрсем хёсёр пулччәр-и!*» – «*Сурхури! Сурхури!* Пусть же овцы ягнятся, пусть же жены рожают, пусть же девки девствуют» [4. С. 97].

Горох в ритуальном контексте часто являлся предметом угощения молодежи. Пришедшие в дом на колядование дети получают в первую очередь именно горошины. Желаящих получить горох бывало так много, что приготовленного впрок не всегда хватало. Хозяева победнее, которые не в состоянии были предоставить весь перечень угощений, горох заготавливали обязательно. Из гороха готовили такие блюда, которые имели бы семантику плодovitости, например кашу, пироги. Такие природные свойства гороха, как неисчислимость и множественность, способность разбухать при замачивании и быть крепкими при жарке, использовались в обрядах с установкой на воздействие продуцирующей магии. Гороховые зерна целыми горстями бросают вверх и разбрасывают по полу, сопровождая действия возгласами, плясками и пожеланиями. Если в доме присутствовала молодуха и девушка-гостья, то их обязательно осыпали полученными в качестве угощения гороховыми зернами, что являлось прямым пожеланием приумножения [9. С. 178-179].

Неотъемлемой частью святочных увеселений остается ряженье. Во время *сурхури* от рождества до крещения по вечерам ходили ряженные (*светке*) в масках, одетые в самодельные костюмы. Ряженные у чувашей, как у крещеных татар и марийцев, чаще всего изображали людей пожилого возраста. Описание их внешнего вида находим у Н.И. Ашмарина: «Старик с белой бородой, в мохнатой шапке, в шубе, вывороченной наизнанку, старуха – в каком-то странном костюме, с горбом на спине, сделанном из какого-то свертка... На голову она наvertsела платок, вокруг пояса навязала старые сара, в руках держала палку. Чтобы ее речь походила на речь беззубой, она что-то взяла себе в рот. Как только они вошли в избу, они стали плясать, причем выделявали разные странные фигуры...» [1. С. 94-95]. Хожение по деревне ряженных проводилось в ночное время, и они старались оставаться неузнанными. Для этого девушки переодевались в наряды мужчин и стариков, а юноши, наоборот, надевали девичьи наряды. Ря-

женные разыгрывали всевозможные юмористические сценки. Этот древний обычай во многих чувашских деревнях сохранился, а там, где был утрачен – начинается возрождаться вновь. Как и прежде, ряженые совершают обход домов, но заходят они не во все дома, в основном ходят по улице – пугают детей, валяют в снегу тех, кто им встретится на пути. В настоящее время их действиям не придается то серьезное религиозно-магическое значение, что было раньше. Ряженые воспринимаются как веселое развлечение.

Ближе к полуночи начинались гадания. Молодые люди стремились предугадать свое будущее, узнать, какие изменения ожидают их в новом году. Все участники в полночь шли в овчарню и в темноте хватали овец за задние ноги, чтобы по их цвету и возрасту узнать признаки будущего супруга или супруги. Если парню попадалась ярка, то это якобы сулило ему женитьбу в этом году. Точно так же попавшийся девушке барашек предсказывал скорое замужество. Животное белой шерсти предвещало блондина или блондинку, черной – брюнета (брюнетку). Молодая овца сулила молодую жену, а старая – девушку в годах. Иногда для смеха в овчарню запирали козла или собаку, которые должны предсказывать скверный характер супруга. Также ловили с насеста кур и петухов. Если парень поймал курицу, то ему в этом году предстояло жениться, а если девушка – петуха, то это предвещало, что она в скором времени выйдет замуж. Были случаи, что парень поймал петуха, а девушка – курицу, тогда под общий смех окружающих им сообщалось, что они в этом году не создадут свои семьи [7]. Еще чувашские девушки приносили в дом курицу. В доме на полу рассыпали зерна, деньги, уголь, ставили емкость с водой и пускали курицу. Считалось, что если курица вначале подойдет к зерну, суженый будет работающим и зажиточным, если к деньгам – из богатой семьи, к углю из бедной семьи, к воде – суженый будет пьяницей. Информант Ольга Гордеевна Петрова, 1932 г.р., рассказывала, что во время одного из таких гаданий, она поймала с насеста курицу, когда ее занесла домой, то хозяйка дома сообщила Ольге, что эта птица очень старая. Освоившись в доме, курица сразу подошла к деньгам. Через несколько лет О.Г. Петрова вышла замуж за состоятельного человека, который был старше ее на 18 лет [6].

Чтобы узнать, кто станет суженым, девушка ровно в полночь отправлялась в баню, ставила перед собой зеркальце, зажигала свечку, укрывалась покрывалом и вглядывалась в зеркало. При этом считалось, что ровно в полночь в зеркале появится образ жениха. Разумеется, оглядываться по сторонам было нельзя, недолго и пропустить жениха. Нередко парни заранее прятались в пустой бане, тихонько подкрадывались сзади и заглядывали в зеркало, чтобы их отображение было видно девушке.

Способов гадания было множество. Девушек интересовали вопросы замужества, грядущая судьба, материальное и экономическое положение будущего мужа, а пожилых – благосостояние своего хозяйства. Ближе к полуночи ходили на гумно, к стогам. Вставали спиной к стогу и, изгибаясь назад, зубами вытаскивали из снопов несколько стеблей с колосьями. Бережно приносили эти колосья домой. Дома шелушили и считали зерна, приговаривая: «Амбар... Сусек... Мешок... Пусто». Если последнее зернышко приходилось к слову «амбар», радовались, считая, что год будет урожайным; «сусек» предвещал средний урожай, «мешок» – плохой. Если же последнее зернышко вышло под слово «пусто», считалось, что год будет неурожайным, голодным [3. С. 179-180].

В советские времена традиционная святочная обрядность утратила свою целостность, оказалась забытой молодежью. Однако это не означало ее полное исчезновение. Старшее поколение помнило о празднике, в соответствии с традициями исполняло некоторые обычаи и обряды в семейном кругу, приобщая к ним молодых людей. Некоторые элементы святочных увеселений, например традиционное ряженое, гадания, игры, превратились в веселую забаву. А часть праздни-

ной обрядности, не найдя своего практического воплощения, закрепились в народной памяти в виде воспоминаний, рассказов о прошлой жизни.

Моления, гадания, игры и ряженья, магические действия, ритуальная еда составляли единый праздничный комплекс, должный обеспечить благополучие семьи, хозяйственной деятельности, увеличения урожая, размножение домашних животных.

Таким образом, несмотря на неблагоприятные условия для сохранения и развития святочных обрядов и обычаев, представления о них не исчезли бесследно. Но при этом была утеряна одна из основных функций народного праздника – объединение всех членов сельского коллектива, выражавшееся, прежде всего, в общественных действиях.

Литература и источники

1. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Чăваш сăмахĕсен кенеки. Казань: Красный Печатник, 1928. Вып. 1. 335 с.
2. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Чăваш сăмахĕсен кенеки. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1936. Вып. 11. 343 с.
3. Культура Чувашского края: учеб. пособие / В.П. Иванов, Г.Б. Матвеев, Н.И. Егоров и др.; сост. М.И. Скворцов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1994. Ч. I. 351 с.
4. Магницкий В.К. Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань: Тип. Императорского университета, 1881. 267 с.
5. Михайлов С.М. Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во. 1972. 423 с.
6. Полевые материалы автора 2011 (далее ПМА): Петрова О.Г., 1932 г.р.; д. Синьял-Яуши Вурнарского района ЧР.
7. ПМА 2009: Шомпулова Р.Н., 1937 г.р.; д. Карабай-Шемурша Шемуршинского района ЧР.
8. Салмин А.К. Система религии чувашей. СПб.: Наука, 2007. 654 с.
9. Салмин А.К. Традиционные обряды и верования чувашей. СПб.: Наука, 2010. 240 с.
10. Сироткин М.Я. Чувашский фольклор: очерк устно-поэтического народного творчества. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1965. 132 с.

СЕМЕНОВА ТАТЬЯНА ВИТАЛЬЕВНА – аспирантка кафедры археологии, этнографии и региональной истории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (tanya-010383@mail.ru).

SEMENOVA TATIANA VITALIEVNA – post-graduate student of Archaeology, Ethnography and Regional History Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 392.8

Е.В. СЕРГЕЕВА

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУХНИ НИЗОВЫХ ЧУВАШЕЙ (на материалах экспедиций 2008-2009 гг.)*

Ключевые слова: низовые чувашы, традиционные блюда, современная культура питания.

На основе изучения культуры питания чувашей в разных временных рамках прослежена эволюция чувашской кухни (по материалам экспедиции).

Ye.V. SERGEYEVA FEATURES OF NATIONAL FOOD OF LOCAL CHUVASHES (on materials of expeditions 2008-2009)

Key words: local Chuvashes, traditional dishes, modern culture of a food.

On the basis of studying of culture of a food of Chuvashes in different time frameworks evolution of the Chuvash kitchen on expedition materials is tracked.

Культура каждого народа складывается из материальной и духовной сфер, которые, в свою очередь, включают в себя ряд компонентов. Одной из таких

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-11-21601 е/В).

составляющих материальной культуры этноса является пища. Как и у других народов, у чувашей сложился свой набор пищевых продуктов, тесно связанных с окружающей природной средой и хозяйственно-экономической деятельностью. В их традиционной пище нашли отражение занятия охотой, рыболовством и пчеловодством (бортничеством). Разнообразие блюд и способы их обработки также тесно связаны с этническими традициями чувашей. Сегодня она, сохраняя наследуемые черты, обогащается новыми, в том числе заимствованными из кухни других народов, элементами. Ниже речь будет идти о культуре питания одной из этнографических групп чувашей, а именно, низовых, проживающих в Батыревском, Ибресинском, Комсомольском, Шемуршинском и Яльчикском районах Чувашской Республики. Цель исследования состоит в том, чтобы выявить характерные черты кухни низовых чувашей и комплекс связанных с ней традиций, показать присущие им в культуре питания специфические особенности. Работа написана на основе полевых материалов, собранных автором во время этнографических экспедиций в 2008-2009 гг. в указанные районы.

Основой питания низовых чувашей являлись зерновые и бобовые культуры, из которых получали муку и различные крупы. Способы приготовления мучных изделий во всех исследованных районах практически одинаковы, отличия отмечаются в терминах, иногда в ингредиентах. Не будем останавливаться на описании всех изделий из теста, приведем один пример: выпекание ватрушки *лүремечё*. Информанты приводят особые рецепты приготовления этого кушанья. Так, в Ибресинском р-не (с. Хормалы) был записан следующий рецепт. Сначала месили тесто, как и при выпечке хлеба, формовали в виде лепешки (0,5-1 см толщиной) и укладывали в сковороду, сверху клался слой картофельной или творожной массы. Как рассказывал информант, для ватрушки использовали картофель *ка́вак улма* «синий картофель», который считался сочнее, чем другие. Сначала картофелины отваривали, разминали в пюре, в него добавляли масло, молоко, яйцо, соль. Полученный *лүремечё* на сковороде ставили в печь до полной готовности [12]. Другой рецепт зафиксирован в Яльчикском районе. Информант объяснила, что конопляное семя мяли до получения однородной массы, добавляли мякоть хлеба, вареный картофель. Тщательно перемешав полученную массу выпекали ее в печи в виде лепешек. Это тоже называлось *лүремеш* (информант назвал именно так) [23]. В Шемуршинском районе процесс приготовления ватрушки был немного иной. Сначала пекли лепешку *капартма* (информанты называли именно так) на углях перед огнем, потом распределяли на ней слой картофельной или творожной массы. В печи держали до получения румяной корочки на поверхности ватрушки [21].

Своеобразным печением являлось *ка́стрәмпи* (встретилось только в Шемуршинском р-не), изделие типа ватрушки. Скорее всего, заимствовано у татар-мишарей под аналогичным названием – *кыстыбай*. Его готовили следующим образом: тонко раскатывали тесто, на одну сторону блина клали картофельное пюре и закрывали другой стороной, но края не защипывали, а оставляли в открытом виде, выпекали в печи [6].

К основным блюдам из крупы относятся *каши*, *кисели*, *толокно*. В рационе питания низовых чувашей присутствуют все виды круп: *гречневая*, *рисовая*, реже *пшеничная*, *пшениная* и *овсяная*. Для маленьких детей готовится манная каша на молоке. Сдабривают каши сливочным маслом либо варят на мясном бульоне. Раньше блюдо приправляли утиным [7] или гусиным [15] жиром, который собирался с бульона во время или после варки тушки гуся или утки. Собранный жир остужался и хранился в погребе. Таким жиром, к примеру, заправляли свадебную кашу [23]. Ныне данный способ приправы изжил себя.

В свою очередь, каша остается обрядовой пищей. Ее обязательно ставят на стол во время крестин ребенка (*ача пӑтти*), свадеб (когда провожают гостей *пошол пӑтти*), проводов в армию и др. Совсем вышли из рациона питания *толокно, мучные кисели*. Напротив, информанты из Батыревского р-на отметили, что *кӗсел* «кисель» готовят на поминки [22].

В наши дни хлеб уже не печется в таких масштабах, как раньше. Современное сельское жилище потеряло свою традиционность. В домах отсутствуют печи, поэтому выпечка различных мучных изделий приходит в упадок. Сейчас в основном пользуются газовыми плитами, рацион питания меняется – блюда заимствуются из других кухонь. Маленькие пирожки и пицца – самые распространенные печения. Блюда из крупы, особенно каша, остаются наиболее востребованными в питании низовых чувашей. Правда, из употребления вышли *толокно, кисели*. *Каши* остаются ритуальными блюдами (имянаречение, свадебная обрядность и т.д.). В рационе питания низовых чувашей кроме картофеля, свеклы, капусты, моркови, лука, помидоров и огурцов появились в последние десятилетия кабачки, баклажаны, «болгарский» перец, цветная капуста. В свою очередь, дикорастущие травы постепенно теряют свою значимость. В некоторых случаях суп еще готовят из молодой крапивы, но *пул(ӑ)-тран, серте* выходят из употребления.

Пища животного происхождения – это мясная, молочная пища, блюда из яиц и рыбы. По данным экспедиции, сельские жители в основном в пищу употребляют свинину и говядину. Птица выращивается для яиц, но для забоя откармливают покупных бройлеров, индеек. Есть, конечно же, гуси и утки, домашнего вывода, а иногда тоже бывают покупными.

Традиционные мясные блюда *шӑрттан, тултармӑш, ветчина* готовятся очень редко. Иногда готовят *рулет* (тоже по современному рецепту, с добавлением чернослива), *студень*. Рецепт приготовления ветчины рассказала нам информант из Яльчикского р-на: заднюю ногу (ляжку), массой 5-7 кг, держали в подсоленной воде (10 л воды : 1 кг соли), с добавлением чеснока и пряностей, перца, лаврового листа, от трех недель до одного месяца. Затем в подвешенном состоянии коптили в бане девять дней и более. Чтобы мясо хорошо прокоптилось, баню топили два раза в день осиновыми или дубовыми опилками. Затем два раза ставили в печь [1]. В чувашскую кухню внедряются современные способы приготовления различных блюд. Например, тушение мяса в печи, конечно же, бытовало и в старину – тушили целого гуся, ныне мясо укладывают в стеклянную трехлитровую банку, солят, перчат, ставят в печь с добавлением малого количества воды. Но и этот способ приготовления пришел в упадок, так как в деревнях и селах газификация привела к тому, что традиционные русские печи оказались ненужными, их теперь заменяют обычные газовые плиты [4]. К примеру, выработан современный рецепт приготовления *тултармӑш*. Для этого берут лошадиную кишку (она более крепкая), внутренность начиняют говядиной, которую вначале пропускают через мясорубку, обязательно добавляют пряности, лук, чеснок [10]. Сейчас *шӑрттан* готовят по легкому способу: сначала отваривают мясо, внутренности до полуготовности, иногда и до полной готовности, нарезают кубиками, забивают вымытый желудок, добавляют лавровый лист, перец горошком, соль по вкусу и зашивают. В духовку ставят на сковороде, держат при температуре 150-200° не более 3 ч [1].

Мясная похлебка *шӱрпе* – сейчас ежедневное первое горячее блюдо, оно остается традиционным. Кроме того, в рацион питания низовых чувашей вошли *пельмени*. Они бывают как покупными, так и самодельными. В рационе питания появились другие мясные блюда – *котлеты, голубцы, заливное*.

Молоко и молочные продукты были и остаются неотъемлемой частью питания низовых чувашей. Из молока готовили *варенец*, *простоквашу*, *сметану*, *творог*. В некоторых селениях их еще готовят по традиционной технологии: масло сбивают в пахтанницах, делают творог, варенец. Но в некоторых случаях молочная продукция является покупной. Такое состояние, наверное, возникло из-за того, что в магазинах, даже сельских, появилась в продаже кисломолочная продукция, а молоко в большинстве случаев сельским населением сдается государству или частным предпринимателям. Даже для знаменитого чувашского *турях* закваску делают из покупного варенца.

Редко готовят традиционное лакомство *тăвара*. Рецепты приготовления этого блюда отличаются по районам: в Батыревском, Комсомольском, Шемуршинском и Яльчикском районах нам рассказывали о трех способах приготовления: 1) смешивали творог, яйца, соль и сахар до однородной массы, затем формовали плоские и круглые лепешки 5-6 см в диаметре, запекали в печи, выкладывали в посуду и поливали топленным маслом [2, 20]; 2) приготовленный заранее домашний сыр *чăкăт* разминали, делили на куски, укладывали в чашку и заливали топленным маслом [1, 8, 11, 16, 18]; 3) творожную массу, замешенную с яйцом, солью и сахаром, закатывали в шарики, запекали в печи, затем обливали топленным маслом [3, 5, 13, 17, 19]. Во всех исследованных нами селениях Ибресинского района информанты в основном объясняли, что готовили данное блюдо в формах-обручах, укладывая в него слоями сыр *чăкăт* и топленое масло [12, 4].

Рецепт блюда, заимствованного у татар, рассказала нам информант из Шемуршинского района. Называется оно *кăрт*: молоко доводили до кипения, добавляли творог и варили до тех пор, пока молоко не выкипит, в готовый продукт добавляли либо сахар, либо сироп [14]. У татар-мишарей это *корт*. Правда, готовился он по-иному – путем сушки на солнце.

Яйцо являлось, да и теперь является, в основном ингредиентом к тесту, начинкой для пирогов, не считая омлета – *çăмартă хăпартни*, но употреблялось оно сваренным вкрутую или всмятку.

Рыба и рыбные блюда, видимо, редко потреблялись низовыми чувашами, поэтому о них рассказали мало. В основном в употребление шла речная рыба, и ели ее в супе *пулă шурпи*.

Напитки в рационе питания низовых чувашей, можно сказать, изменились в корне. Из молочных отметим *молоко* в чистом виде, *кефир*, *простоквашу*, *сливки*, *сметану*. Самым распространенным видом напитка являются *чай*, *кофе*, *какао*. Преобладает черный чай, пьют и зеленый или травяной. Иногда дома готовят квас, но не по традиционной технологии, а из покупного квасного солода. Из хмельных – *пиво*, *водка*, также покупные. *Самогон* еще гонят, но для праздничного стола покупают водку. Различные напитки из меда в основном вышли из употребления. Готовят и пьют их только те, кто занимается пчеловодством.

Подводя итоги изложенному, надо подчеркнуть, что полевая экспедиция дает нам возможность изучить и выявить те традиции, которых придерживались чуваше. Современное состояние культуры питания можем сравнить с прежним, проанализировать и выявить следы традиций и элементы нового в рационе питания чувашей.

Современная чувашской кухня сильно изменилась. Тот же традиционный суп современные хозяйки варят по своему рецепту. В рацион питания низовых чувашей проникли и блюда других народов. Например, *борщ* из украинской кухни, *солянки* и *рассольники* из русской, *харчо* и другие подобные супы из кавказской кухни. Так и со вторыми блюдами: *плов* (восточная кухня), *мака-*

роны по-флотски (русская) и т.д. В питании появились различные овощи, которые не употреблялись ранее: *перец, баклажаны, салаты* и др. Яйца употребляются в повседневном питании, особенно в летнее время. Их едят в жареном, вареном (вкрутую и всмятку) виде, но в основном они являются ингредиентом теста, начинкой к пирогам. Не последнее место занимает рыба – жареная, тушеная, соленая и копченая (не только речная рыба как *окунь, плотва*, но и морская – *сельдь, горбуша, сом* и др.). Мучные изделия, в основном хлеб, являлись покупными. *Пироги, блины* и т.д. пекутся редко и не всегда по традиционной технологии. Немало блюд вышли из употребления (например, *толокно*, присутствие в питании таких круп, как *полба пәри, просо вир, чечевица* и т.д.). То, что еще сохраняется в рационе питания сельского населения, также изменилось в связи с новыми способами приготовления, появлением некоторых современных ингредиентов.

Этнокультурные особенности питания данной этнической группы объясняются значительной приверженностью к традициям, иноэтническим влиянием – кухни русского, и в большей степени – татарского населения. Заимствования от татар отмечены в названиях и в приготовлении блюд. Ныне сельский повседневный и праздничный стол «ломится» от яств не только чувашской кулинарии, но и кулинарии других народов. Очень многое бывает покупным. Можно сожалеть, что традиционные кушанья не сохраняются в культуре питания чувашей.

Информаторы

1. *Аввина Ф.Н.*, 1932 г.р.; д. Полевые Буртасы Яльчикского района Чувашской Республики (далее ЧР).
2. *Андреева Ф.Н.*, 1920 г.р.; д. Верхнее Турмышево Батыревского района ЧР.
3. *Андрейкина П.Ф.*, 1922 г.р.; д. Старые Чукалы Шемуршинского района ЧР.
4. *Антонова З.А.*, 1936 г.р.; с. Новое Чурашево Ибресинского района ЧР.
5. *Борзова С.А.*, 1938 г.р.; д. Старые Чукалы Шемуршинского района ЧР.
6. *Воробьева А.Н.*, 1928 г.р.; с. Чепкас-Никольское Шемуршинского района ЧР.
7. *Дудкина А.П.*, 1949 г.р.; д. Уразмамметово Яльчикского района ЧР.
8. *Еремеева П.Д.*, 1935 г.р.; д. Верхнее Турмышево Батыревского района ЧР.
9. *Зиновьева О.И.*, 1936 г.р.; с. Чепкас-Никольское Шемуршинского района ЧР.
10. *Инголова А.Н.*, 1930 г.р.; д. Асаново Шемуршинского района ЧР.
11. *Кольцова А.Т.*, 1926 г.р.; д. Ивашкино Комсомольского района ЧР.
12. *Кузикова М.А.*, 1916 г.р.; с. Хормалы Ибресинского района ЧР.
13. *Мадюкова М.И.*, 1959 г.р.; д. Шаймурзино Батыревского района ЧР.
14. *Молуфеева М.С.*, 1926 г.р.; с. Бичурга-Баишево Шемуршинского района ЧР.
15. *Павлова О.А.*, 1929 г.р.; д. Уразмамметово Яльчикского района ЧР.
16. *Пасникова А.Н.*, 1952 г.р.; с. Новые Мураты Комсомольского района ЧР.
17. *Савельева М.А.*, 1929 г.р.; д. Старые Чукалы Шемуршинского района ЧР.
18. *Сакмарова К.Ф.*, 1937 г.р.; с. Балабаш-Баишево Батыревского района ЧР.
19. *Семенова Е.Т.*, 1930 г.р.; д. Шаймурзино Батыревского района ЧР.
20. *Сергеева А.И.*, 1924 г.р.; д. Верхнее Турмышево Батыревского района ЧР.
21. *Степанова В.М.*, 1931 г.р.; с. Чепкас-Никольское Шемуршинского района ЧР.
22. *Сузутская Л.С.*, 1924 г.р.; с. Тойси Батыревского района ЧР.
23. *Убасева Ф.Е.*, 1923 г.р.; д. Старое Янашево Яльчикского района ЧР.

СЕРГЕЕВА ЕВГЕНИЯ ВАЛЕРЬЕВНА – младший научный сотрудник отдела этнологии и антропологии, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Россия, Чебоксары (evgenijaserg@yandex.ru).

SERGEYEVA YEVGENIYA VALERYEVNA – junior scientific worker of Ethnology and Anthropology Department, Chuvash State Humanities Institute, Russia, Cheboksary.

УДК 94(73)''1980/

В.М. ТОПОРКОВ

К ИСТОКАМ АФГАНСКОЙ ПОЛИТИКИ США В ГОДЫ СОВЕТСКОГО ВОЕННОГО ПРИСУТСТВИЯ В АФГАНИСТАНЕ

Ключевые слова: Афганистан, США, СССР, противостояние, политика, цели, НАТО, базы, доктрины, холодная война, ядерная атака, планы, пропаганда, ЦРУ, афганская война, Центральная Азия, разрядка.

С окончанием Второй мировой войны целью внешней политики США стало установление мирового господства. Ослабление Великобритании и Франции в результате войны открыли для США перспективу взятия под контроль главных сырьевых регионов мира. Содержанием послевоенной политики США являлось противостояние с СССР в виде объявления «холодной войны», создания военных баз, участия в локальных военных конфликтах, организации тайных операций за рубежом и ведения масштабной информационной войны. Этой политикой США решали задачу экономического и идеологического ослабления СССР, разрушения Советского Союза и ликвидации социализма как системы.

V.M. TOPORKOV

TO THE SOURCE OF US POLICY TOWARDS AFGHANISTAN DURING USSR MILITARY PRESENTS IN THIS COUNTRY

Key words: Afghanistan, USA, USSR, confrontation, policy, purposes, plans, doctrines, cold war, NATO, bases, nuclear strike, propaganda, CIA, the war in Afghanistan, Central Asia, disengagement.

After the Second World War the main purpose of US foreign policy was the world domination. Weakness of Great Britain and France opened the way for US towards control under most significant regions of natural sources in the world. Post-war policy of the USA included following steps: the beginning of «cold war», creation of new military facilities, participation in local military conflicts, realization of secret operations abroad and information warfare. These measures were aimed at economic and ideological weakening of USSR, its devastation and total annihilation of socialism as a system.

В процессе исследования вопросов, связанных с периодом советского военного присутствия в Афганистане 1979-1989 гг., в ряду причин неудач СССР в этой стране со всей очевидностью усматривалась политика США. Причем не просто политика на афганском направлении, а политика США в целом, в рамках соперничества на мировой арене двух общественно-политических систем.

Изучая собранные материалы, автор ещё раз убедился в широте темы и невозможности рассмотреть её в полном объёме в рамках одной статьи. Однако тема крайне важна как одна из ступенек к пониманию советско-афганских отношений в самом трагичном для двух стран периоде. Не приняв во внимание политику и стратегические планы США на международной арене с момента окончания Второй мировой войны и до сегодняшнего дня, сложно проанализировать и уяснить процессы, происходившие в Афганистане и вокруг него как в период советского военного присутствия в этой стране, так и происходящие в условиях военного присутствия в Афганистане войск западной коалиции.

В этой связи автор счёл возможным показать основные, наиболее характерные явления политики и стратегии Соединенных Штатов в их послевоенной истории, опираясь на работы тех авторов, кто глубоко и основательно исследовал эти вопросы.

Истоки нелюбви США к Российской Империи и Советскому Союзу берут начало с выхода набиравшей силу заокеанской державы на мировые просторы. Не вдаваясь в историю американско-российских отношений, хотелось бы начать с более близкого и относительно понятного периода – с Гражданской войны в Советской России 1918-1921 гг. Известно, что США вместе с Великобританией и Францией приняли активное участие в поддержке белого движения не только вооружением и иной материальной помощью, но и высадками своих военных десантов с

кораблей во всех основных портах России. Нелюбовь к большевикам выразилась и в том, что США стали последней из западных держав, признавших СССР. Случилось это только в 1933 г., спустя пятнадцать лет после октябрьской революции. Окончательные решения начать глобальное противостояние с Советским Союзом с целью устранения его с мировой арены как конкурента США и Великобритании приняли сразу же после завершения разгрома фашистской Германии.

Первый сигнал для СССР, поданный с целью побудить (а по сути – запугать) его следовать англо-американским предложениям по послевоенному устройству мира, был дан атомными бомбардировками японских городов Хиросима и Нагасаки. Хорошо известно, что военной необходимости в этом не было никакой [5]. Однако давление США и Великобритании, оказанное на СССР в 1945–1946 гг. не дало результата – советское руководство расценило предложения недавних союзников как невыгодное не только для СССР, но и для большинства других государств мира [11].

Таким образом, фактически единственной страной, вставшей на пути стратегических планов США и Великобритании по установлению контроля над миром после разгрома Германии и Японии, оставался существенно ослабленный в экономическом отношении Советский Союз. Сегодня не является секретом то обстоятельство, что США сразу же начали разрабатывать планы военного нападения на СССР. Уже 4 сентября 1945 г. Объединенный разведывательный комитет США подготовил известный меморандум № 329. В нем говорилось о выборе 20 наиболее важных целей в СССР для их атомной бомбардировки. Осуществить задуманное не позволило только то, что у США в то время не было нужного количества ядерных боеприпасов. А в 1949 г. СССР получил свою атомную бомбу, что сделало невозможным безнаказанное военное нападение на Советский Союз [25. С. 297].

Принято считать, что «холодная война» берет начало с речи У. Черчилля, произнесенной 5 марта 1946 г. в г. Фултоне. Тогда бывший премьер-министр Великобритании и союзник СССР в войне с фашизмом призвал англоязычные нации объединиться для борьбы с тиранией и диктатурой [23]. Выражение «железный занавес», которое в течение десятков лет будет сопровождать политику западных стран в отношении СССР и его союзников, У. Черчилль, как утверждают некоторые авторы, взял из передовицы геббельсовской газеты «Дас Райх» от 25 февраля 1945 г. [22. С. 410]. 12 марта 1947 г. в США на вооружение принимается «доктрина президента Трумэна», официально положившая начало политике «холодной войны» [9].

По выражению известного английского историка, Соединенные Штаты возглавили «крестовый поход от имени Всемирной Капиталистической Демократии против Всемирной Коммунистической Тирании» [21. С. 371]. «Крестовый поход» бывших союзников начали события в оккупированной Германии, приведшие в марте 1948 г. к её расчленению на два государства. Немалая заслуга в этой драме немецкого народа принадлежит США и Великобритании [14. С. 57]. Что такое «крестовые походы» и чем они заканчиваются, видно на примере Византийской империи, когда христианский Запад двинул войска на христианский Восток и фактически уничтожил «второй Рим».

Практическая реализация политики «холодной войны» получила развитие в виде создания системы союзов и коалиций, которая опутывает весь мир. Европейские страны тесно связаны с США посредством Организации Североатлантического договора (НАТО). «Двусторонние политические и военные связи с Японией привязывают самую мощную азиатскую экономику к Соединенным Штатам, причем Япония... в сущности (является) американским протекторатом». США активно участвуют в Азиатско-Тихоокеанском форуме экономического сотрудничества (АПЕК). Вторжение в Ирак в 1991 г. «превратили этот экономически важный регион

в американскую военную заповедную зону». Для бывших республик СССР найдена формула сотрудничества с НАТО под наименованием «Партнерство во имя мира».

Целям внешней политики США служат созданные ими же Международный валютный фонд (МВФ) и Всемирный банк. «Большая часть этой системы возникла в период холодной войны как часть усилий Соединенных Штатов, направленных на сдерживание своего глобального соперника – Советского Союза» [1. С. 40-41].

Наиболее откровенно политика и стратегические планы США в отношении СССР и его союзников раскрыты в директиве 20/1 СНБ от 18 августа 1948 г., более известной как «План Аллена Даллеса». А. Даллес – глава Управления стратегической разведки США, позже ставшим широко известным как ЦРУ США. В нем, в частности, говорится: «Правительство вынуждено в интересах развернувшейся ныне политической войны наметить более определенные и воинственные цели в отношении России... чем было необходимо в отношении Германии и Японии еще до начала военных действий с ними... наша цель – свержение Советской власти... Нашей целью во время мира не является свержение Советского правительства... мы стремимся к созданию таких обстоятельств и обстановки, с которыми... советские лидеры не смогут смириться... Возможно, что, оказавшись в такой обстановке, они не смогут сохранить свою власть в России... мы должны создавать автоматические гарантии, обеспечивающие, чтобы даже некоммунистический и номинально дружественный к нам режим: а) не имел большой военной мощи; б) в экономическом отношении сильно зависел от внешнего мира; в) не имел серьезной власти над главными национальными меньшинствами; г) не установил ничего похожего на железный занавес. В случае если такой режим будет выражать враждебность к коммунистам и дружбу к нам, мы должны позаботиться, чтобы эти условия были навязаны не оскорбительным или унижительным образом. Но мы обязаны не мытьем, так катаньем навязать их для защиты наших интересов...» [15].

Доктрина «холодной войны» ставила конкретные цели уничтожения не только советского государства, но и значительно более широкие. Вероятное решение этой глобальной задачи американские стратеги увидели, несмотря на отказ от идеи «горячей войны», на двух путях: истощением советской экономики гонкой вооружений и идеологической обработкой населения СССР, его партийно-государственной номенклатуры. У. Фостер, министр в администрациях президента Трумена и президента Кеннеди, обосновывал удвоение военных расходов США тем, что это «лишит русский народ трети и так очень скудных товаров народного потребления, которыми он располагает». Автор доктрины холодной войны Дж. Кеннан отмечал в 1965 г., что цели НАТО не могли быть достигнуты «без абсолютного военного поражения Советского Союза или без фантастического, необъяснимого и невероятного переворота в политических установках его руководителей». Первую программу СССР нейтрализовал, вторая оказалась удачной и привела Запад к победе. В советской государственности были найдены уязвимые точки [12. С. 4].

В эти уязвимые точки Соединенные Штаты Америки нацелили всю мощь своих информационно-пропагандистских сил. В руководящих сферах США хорошо понимали значение этого средства в борьбе идеологий. В реализации политики и стратегических замыслов в отношении Советского Союза США уделили большое внимание именно пропаганде. Со временем этот термин претерпел изменения и стал более известен как «информационная борьба или война», «информационно-психологические операции». Как бы это ни называлось, содержанием пропаганды или информационных войн оставалось одно – посеять в стане противника сомнения в своих лидерах, их политике и в итоге создать в стране обстановку смуты. Как уже говорилось выше, второй путь мирного решения глобальной стратегии США по уничтожению Советского Союза представлял собой идеологическую обработку населения и партийно-государственной номенклатуры СССР. Советский народ был силен именно верой в светлое будущее, которое открывал со-

циализм при условии его реального построения. Именно сюда и наносился удар, когда советская экономика истощалась гонкой вооружений, население испытывало дискомфорт от дефицита бытовых товаров хорошего качества и некоторых продуктов питания.

Финансовые возможности США позволили им привлечь к службе в пропагандистских структурах высококвалифицированных специалистов в области психологических операций не только из числа граждан США, но и других стран. В «русских службах» Би-Би-Си, «Голос Америки», «Свободная Европа» и других радиостанций готовили программы и работали дикторами многие выходцы из СССР – талантливые писатели, журналисты, по разным причинам подвергнувшиеся гонениям на Родине. К разработкам информационных программ подключались специальные службы и их агентура в средствах массовых коммуникаций. «К середине 70-х годов XX в. (США) контролировали более 65 процентов... объема информации, распространявшейся по всему миру, и могли оперативно воздействовать на общественное мнение планеты. К ведению информационной войны были подключены... Юнайтед Пресс Интернэшнл, Ассошиэтед Пресс, Рейтер, Франс Пресс... громадное число газет и журналов, ... радио- и телевизионные станции, коммерческие книгоиздательства, благотворительные фонды, профсоюзные, церковные и другие организации, ... Корпус мира, научно-исследовательские центры, вроде Стэнфордского исследовательского института, Института Баттеля, Исследовательского центра Армора, Консультативной комиссии по информации Конгресса США и т.д. Только зарубежный аппарат правительственного Информационного агентства США (ЮСИА)... в середине 70-х гг. XX в. достигал 10 тыс. сотрудников, работавших более чем в 100 странах» [19. С. 138].

Полемика в западной прессе по вопросу противостояния с СССР интересна с точки зрения формирования возможных решений администрации США в этой области. Военно-теоретический журнал НАТО «Дженерал милитари ревью» писал: «Единственный способ выиграть третью мировую войну – это взорвать Советский Союз изнутри с помощью подрывных средств и разложения» [18. С. 293]. В США хорошо понимали силу советского общества – дружбу народов, любовь к Родине, высокие нравственные начала и веру в непреходящие человеческие ценности. Сюда и били, сея национальную и религиозную рознь: «Используйте прием натравливания... одной группы населения на другую... Это очень важно. Всегда стойте на стороне тех... кого вы можете лучше всего использовать для осуществления вашей цели... создавайте таких сами» [18. С. 296-297]. Речь, таким образом, шла о поиске в СССР «единомышленников, союзников и помощников», или, выражаясь языком профессиональных разведчиков – агентов влияния.

В 1975 г. Западу и Соединенным Штатам в рамках Заключительного акта Хельсинского совещания, где говорилось в числе прочего о незыблемости европейских границ, удалось провести оговорку о возможности таких изменений, но мирными средствами. Через четырнадцать лет СССР «мирно» потерял своего главного союзника в Европе – ГДР. Так называемая «третья корзина» договоренностей по вопросам гуманитарного сотрудничества, свободы передвижения людей, обмена идеями и информацией позволили пропагандистской системе Запада начать широкое идеологическое наступление на СССР и страны социалистического содружества. Образно говоря, в глубоко эшелонированной обороне Советского Союза этой корзиной была пробита брешь, используя которую США и их союзники обрушили на «законных основаниях» всю мощь информационных средств на критику политики советского руководства по отношению к выезду евреев, проблемы немцев Поволжья, крымских татар и т.д. Под этим давлением СССР стал постепенно делать одну уступку за другой, внося коррективы в законодательство и приводя его в соответствие с мировым в области гуманитарных прав.

Кроме опоры на мощное информационное сопровождение дипломатия и тайная деятельность Соединенных Штатов опирались и опираются на самые большие в мире армию и флот.

Вооруженные силы США выполняют роль мирового жандарма, охраняя зоны «жизненно важных интересов» Америки. Кроме баз НАТО в Западной Европе, Японии и других регионах, одна из наиболее крупных военных группировок (порядка 500 000 человек) размещена в странах Персидского залива. Её задача – обеспечить бесперебойное поступление нефти американским и западным потребителям. Например, в Саудовской Аравии расположен Центр управления аэрокосмическими операциями США на Ближнем Востоке – «Принц Султан». Базы военно-воздушных сил размещены в «Али Аль Салем» и «Ахмед Аль Джабер» (Кувейт), в «Шейх Иса» (Бахрейн), в «АльУдейд» (Катар), в «Сиб» и «Мазира» (Оман), в «Аль Дафра» и «Фуджара» (Объединенные Арабские Эмираты). Главная стоянка 5-го флота США находится в «Манама» (Бахрейн), база поддержки морской авиации США – в «Тумрат» (Оман). Всё это подкреплено постоянно находящимся рядом мощным американским флотом [20].

Вооруженные силы активно применялись за пределами страны на протяжении практически всей истории США. Особая роль армии и флоту во внешней политике США стала отводиться после Второй мировой войны. Распад старой колониальной системы открывал перед Соединенными Штатами перспективы установления нового мирового порядка по американским лекалам. Многие страны «третьего мира», искавшие собственные пути развития и увидевшие в социализме альтернативу капитализму, стали ориентироваться на развитие отношений с СССР. Армия и флот США явились одним из инструментов борьбы за влияние в бывших колониях государств Старого света. По данным американского института Брукинса, за 38 послевоенных лет США применяли свои вооруженные силы 215 раз, в 19 случаях – с угрозой использования ядерного оружия. По подсчетам журнала «ЮС ньюс энд Уорлд рипорт» – 262 раза.

Основным аргументом США в «диалоге» с СССР являлся блок НАТО. Государственный секретарь США с 1953 г. Д.Ф. Даллес (брат упоминавшегося А. Даллеса, директора ЦРУ. – Т.В.) изобрел ставшую расхожей в средствах массовой информации формулу: «Балансирование на грани войны» [8. С. 471]. Во многом благодаря его усилиям вокруг СССР создавались военные базы с размещением на них ядерных сил. В 1954-1958 гг. они появляются в Англии, Италии, ФРГ и Турции. В 1961 г. ядерное оружие устанавливается во Франции [13. С. 235]. Американское ядерное оружие негласно ввозится в Южную Корею. Как писал А.А. Громыко, эта страна была «нашпигована ядерным оружием» [8. С. 491]. В дополнение к ядерным силам США активно создают новые блоки – Багдадский пакт (СЕНТО), Манильский договор (СЕАТО), развертываются военные базы в Индийском, Атлантическом и Тихом океанах.

О масштабах гонки вооружений, действительно истощавшей советскую экономику, говорят следующие цифры: на начало 1960-х гг. в СССР имелось 50 межконтинентальных баллистических ракет, в США – 300; баллистических ракет на подводных лодках СССР – всего порядка 5, в США – более 300; тяжелых бомбардировщиков, способных нести ядерное оружие в СССР, – 190, в США – 600 [13. С. 236]. С учетом ядерных средств Франции и Великобритании соотношение в этих вооружениях блока НАТО и ОВД (Организации Варшавского Договора) было не в пользу стран социалистического лагеря. Причем многократно: в США имелось 5000 ядерных боеголовок, в СССР – 300 [13. С. 80]. Можно себе представить, какие расходы нес Советский Союз, пытаясь достичь военного паритета с Соединенными Штатами.

Проба на «крепость» Советского Союза осуществлялась американцами на протяжении двадцати лет – до поражения США во вьетнамской войне. Наиболее ост-

рое, фактически американо-советское, противостояние имело место в Корее, Вьетнаме, Камбодже, Кубе. Эти локальные конфликты привели США к выводу о бесперспективности решения своих внешнеполитических задач военным путем. Постепенно стратегия США претерпевает изменения и основным средством достижения целей американской политики на мировой арене становится экономическая экспансия с её главным инструментом – долларом [20], а также информационная война.

Власти США, строя планы и вырабатывая стратегические установки политики применения вооруженных сил, учитывают настроения в американском обществе. Особенно заметно это стало после поражения во Вьетнаме, унесшего жизни более пятидесяти тысяч граждан Америки. Тогда антивоенные демонстрации прокатились по всей стране. Вьетнамская война потрясла «американское общество и привела к крупным реформам. Послевоенный кризис продолжался больше 10 лет. Трудно сказать, чем бы он закончился, не подвернись под руку Афганский кризис» [28]. США были вынуждены внести в доктрину национальной безопасности существенные коррективы. Следуя стратегии поддержания существующих и инициированию новых зон конфликтов, по возможности ближе к границам СССР, Соединенные Штаты оказывали разностороннюю помощь оппозиционным силам Анголы, Кампучии, Никарагуа, Эфиопии. Они «содействовали усилению напряженности в отношениях Израиля с арабскими государствами, Ираном и Ираком, Индией и Пакистаном, Ливией и североафриканскими странами, Сомали и Эфиопией, Южной Кореей и КНДР, проамериканскими государствами Латинской Америки и Никарагуа, между ЮАР и Анголой. Подогревались территориальные претензии Японии и Китая к Советскому Союзу» [24]. Определенные меры безопасности интересам США предпринимались и на Среднем Востоке. После Второй мировой войны в Южной Азии началось создание блока СЕНТО. Угрозу советского влияния в этом регионе без вовлечения в него Афганистана снять было сложно и США попытались найти взаимопонимание с афганским руководством.

К концу 70-х гг. XX столетия завершился второй этап так называемой «разрядки» отношений между Востоком и Западом. Причинами этого западные политики называли поддержку Советским Союзом Анголы, Эфиопии, Вьетнама в увязке с кампучийской проблемой, рост антиамериканских настроений в мире, особенно в исламском. События 1974-1979 гг. в Афганистане, Иране, Мозамбике, Анголе, Гвинее-Бисау, Зимбабве, Никарагуа, Гренаде, на островах Сан-Томе и Принсипи, Зеленого Мыса, подвижки «влево» в Бенине, Гане, Мадагаскаре, Суринаме обеспокоили США, вызвав с их стороны соответствующие контрмеры в виде активизации внешнеполитической деятельности администрации, увеличения числа военных акций и тайных операций спецслужб за рубежом. Добиваясь увеличения расходов на эти цели, руководители соответствующих внешнеполитических ведомств, естественно, подавали эти изменения как звенья одной цепи, как результаты политики СССР, вызывающей якобы рост антикоммунистического сопротивления, перерастающего в «общее поле сражения» с коммунизмом [6].

Несмотря на то, что Запад фактически уничтожил коммунизм, способствовал возвращению большинства стран мира в «лоно капитализма», а Советский Союз как оплот коммунизма прекратил своё существование, политика в отношении его правопреемника практически не изменилась. Эта сегодняшняя политика США очень убедительно показывает, какие на самом деле цели преследовались американскими стратегами во все времена противостояния с СССР. Эта политика может облекаться в какую угодно, самую привлекательную «одежду», однако суть её останется одна – устранить с мировой арены одного из основных конкурентов в борьбе за источники сырья и рынки сбыта, получить контроль над одной из богатейших по природным запасам страны – Россией. И никаких иллюзий на этот счет быть не может. Соединенные Штаты Америки и их западные союзники заинтересованы получить более широкий доступ к сырьевым ресурсам российского Севера

и Дальнего Востока. В публичных речах некоторых западных политиков нередко звучат сетования на «несправедливое» право России владеть и распоряжаться несметными природными богатствами. По их мнению, это достояние всех народов мира. Свои замыслы Запад облекает в словесные формулировки о якобы заботе, проявляемой в отношении экономики России. Американцам и европейцам по душе идея «России, устроенной по принципу свободной конфедерации, в которую вошли бы Европейская часть... Сибирская республика и Дальневосточная республика, (ей было) бы легче развивать более тесные экономические связи с Европой, с новыми государствами Центральной Азии и с Востоком, что ... ускорило бы развитие самой России. Каждый из этих трех членов конфедерации имел бы более широкие возможности для использования местного творческого потенциала, на протяжении веков подавлявшегося тяжелой рукой московской бюрократии» [1. С. 240]. Если Россия осознает, что «ее единственный удел – не восстановление империи, заявляющей права на статус мировой державы, а осознание себя частью более тесно интегрированной Европы, что даст россиянам возможность стать истинно демократическим и современным обществом» [2].

Свою претензию на мировое господство США пытаются обосновать высокой целью «создать... готовое к сотрудничеству мировое сообщество в соответствии с долговременными тенденциями и фундаментальными интересами человечества». Но при этом, как считают американские политологи, «жизненно важно, чтобы на политической арене не возник соперник, ...бросающий вызов Америке» [1. С. 13]. Они считают, что «в мире, где не будет главенства Соединенных Штатов, будет больше насилия и беспорядка и меньше демократии и экономического роста... главенство Соединенных Штатов является самым важным для... будущего свободы, демократии, открытых экономик и международного порядка на земле» [26].

Важной целью политики и стратегических планов США на пути к мировому господству является взятие под контроль государств Центральной Азии. Им приходится проявлять чудеса «геостратегического мастерства, тщательно избранного и очень взвешенного размещения американских ресурсов на огромной евразийской шахматной доске» [1. С. 50]. В упомянутых «американских ресурсах» большое значение имеет тайная деятельность, тайная дипломатия, деятельность разведывательных структур США и его союзников.

Евразийский континент рассматривается США сегодня в качестве важнейшего объекта своей внешней политики и геостратегии. Именно здесь, в Евразии, подспудно формируются новые центры силы, способные составить реальную конкуренцию мировому господству Соединенных Штатов Америки, «может зародиться потенциальное соперничество с Америкой». Военные операции против Ирака и Афганистана, в этой связи, являются только промежуточными этапами усиления влияния США в Центральной Азии. По этой причине разрабатывается и реализуется политика, позволяющая правильно оценить театр действий и сформулировать стратегию с точки зрения «перспективного руководства геополитическими интересами США в Евразии». За этими сложными, на первый взгляд формулировками, скрыта простая мысль, заключающаяся в «предотвращении сговора между вассалами... сохранении покорности подчиненных и ... недопущении объединения варваров» [1. С. 53-54].

Сегодня, впрочем, как и ранее, З. Бжезинский подтверждает справедливость вывода российских аналитиков, что «Соединенные Штаты добиваются «реорганизации межгосударственных отношений во всей Евразии... чтобы в результате на континенте было не одно ведущее государство, а много средних, относительно стабильных и умеренно сильных... но обязательно более слабых по сравнению с Соединенными Штатами как по отдельности, так и вместе» [3].

Подобных оценок придерживаются и китайские исследователи: «стратегической целью США является стремление к господству во всем мире, и они

не могут смириться с появлением любой другой крупной державы на Европейском или Азиатском континенте, которое будет представлять собой угрозу их лидирующему положению» [27]. О том, что эта оценка отражает мнение руководства Китая, свидетельствует публикация в газете компартии Китая «Жэньминь жибао» от 29 апреля 1996 г. [10].

Влияние США в Центральной Азии однозначно будет возрастать, исходя из экономических интересов этой страны. Подтверждением давних замыслов США в Центральной Азии в целом является реализация их политики и стратегических планов в этом регионе в первом десятилетии XXI в. США и НАТО достигли договоренности с Россией, среднеазиатскими государствами об использовании их транспортной инфраструктуры под предлогом общих интересов в борьбе с исламским фундаментализмом, международным терроризмом и наркоугрозой. «С сентября 2009 г. страны НАТО могут осуществлять ... воздушные и наземные перевозки... Только над Россией американцы смогут совершать до 4300 полетов в год... Основной воздушный мост будет пролегать через американскую авиабазу Рамштайн (Германия), Абу-Даби (ОАЭ), Ростов и на аэродромы Афганистана (Кабул, Баграм, Мазари-Шариф, Шиндант, Кандагар, Джелалабад и др.)» [7].

Сущность современной политики США в центрально-азиатском регионе, по мнению кыргызского учёного У. Сайдалиева, – «достижение мирового господства. В этом плане Афганистан занимает особую стратегическую важность и геополитическую значимость... Превращение Афганистана в прибежище международного терроризма и религиозного экстремизма является следствием политики США по отношению к этому государству... Главная цель – усиление их влияния на дальнейшую внешнеполитическую стратегию государств региона» [17].

Агрессивная политика США вызывает критику не только во многих странах мира, но и в них самих. Другое дело, что такого рода публикации и заявления американские правящие круги стараются не замечать, подвергают их замалчиванию. Американский писатель Г. Видал пишет: «И хотя мы регулярно клеймим другие государства, называя их странами-изгоями, мы сами превратились в самую большую страну-изгоя. Мы не соблюдаем договоров. Мы пренебрегаем международными судами. По собственному желанию мы наносим удары туда, куда вздуваем. Мы отдаём приказы ООН, но не платим членских взносов. Мы жалуемся на терроризм, но наша империя стала сегодня самым дерзким террористом» [4].

Таким образом, если подвести итог вышеизложенному, можно ещё раз сказать, что после Второй мировой войны основной целью политики США на международной арене стало установление мирового господства. Ослабление СССР, Великобритании, Франции и других государств в результате понесенных в войне потерь открыли для США перспективу взятия под свой контроль важнейших сырьевых регионов мира и, прежде всего, нефтяных. Главным препятствием на пути к достижению основной цели внешней политики США был Советский Союз, расширивший в результате Второй мировой войны сферу своего влияния, укрепивший военно-политические позиции в части стран Восточной Европы, авторитет в государствах Азии, Африки и Латинской Америки.

Содержанием политики США в период после Второй мировой войны и до ввода советских войск в Афганистан в декабре 1979 г. являлось противостояние с СССР в виде объявления «холодной войны», увеличения числа военных баз, участия в локальных военных конфликтах, организации тайных операций по свержению правительств стран, ориентировавшихся на расширение связей с СССР, проведения масштабных операций информационной войны против стран социалистического лагеря.

Важное место в этой политике отводилось странам Ближнего и Среднего Востока, богатым энергетическими ресурсами, возможностью использования исламского фактора в своих геополитических интересах, частью которых являлось

окружение Советского Союза кольцом государств-союзников США в лице Турции, Ирана, Пакистана и других прилегающих к нему стран. Афганистан в политике противостояния с СССР рассматривался Соединенными Штатами как их возможный сателлит и участник военно-политических блоков. Сложнейший военно-политический конфликт последней четверти XX в., каким стала Афганская война, являлся не только событием советско-афганских отношений. Он вписывался в общую картину глобального советско-американского противостояния. Советское военное присутствие в Афганистане, таким образом, ни при каких условиях не могло остаться без реакции США. Это обстоятельство должно было быть принято во внимание советским военно-политическим руководством в процессе принятия решения на ввод советских войск в Афганистан. В итоге последующее участие США в поддержке афганской оппозиции стало одной из главных причин утраты Советским Союзом и Россией позитивного потенциала шестидесятилетних советско-афганских отношений.

Литература и источники

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). М.: Междунар. отношения, 1998.
2. Бжезинский З. Соединённые Штаты превыше всего. Международные последствия 1989 года // Независимая газета. 1999. 24 нояб.
3. Богатуров А., Кременюк В. Американцы сами никогда не остановятся // Независимая газета. 1996. 28 июня.
4. Видал Г. Почему нас ненавидят? Вечная война ради вечного мира. М.: АСТ, 2003.
5. Военные тайны II мировой: сайт. Режим доступа: http://voentaina.ru/vstuplenie_ssr_v_vojnu_protiv_japonii.
6. Вудвард Б. Пелена: секретные войны ЦРУ в 1981-1987 гг. Цит. по: Разведка США в действии. Шпионаж, тайные операции, саботаж: сб. материалов американской печати: пер. с англ. М.: Прогресс, 1988. С. 255, 256
7. Гареев М. Геополитическое место Афганистана и его обостренное значение сегодня [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.russianews.ru/press/29220>.
8. Громыко А.А. Памятное: в 2 кн. М.: Политиздат, 1990. Т. 1.
9. Доктрина Трумэна [Электронный ресурс] // Хронос. Всемирная история в Интернете: сайт. Режим доступа: http://www.hrono.ru/organ/ukazatel/trumen_doktrina.html.
10. Жэньминь жибао. 1996. 29 апр.
11. Интервью И.В. Сталина газете «Правда» о речи Черчилля в Фултоне 14 марта 1946 г. [Электронный ресурс] // Холодная война – великое противостояние сверхдержав: сайт. Режим доступа: http://www.coldwar.ru/stalin/about_churchill.php.
12. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. Т. 2. От Великой Победы до краха. М.: Алгоритм, 2001.
13. Корниенко Г.М. Холодная война: Свидетельство ее участника. М.: Политиздат, 1994.
14. Павлов Н.В. История современной Германии, 1945-2005. М.: Астрель, 2006.
15. План Даллеса (цели США в войне против России) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://anti-orange.com.ua/article/resident/65/1895>.
16. Правда. 1994. 11 марта.
17. Сайдалиев У. Международная антитеррористическая операция в Афганистане и её влияние на геополитику Центральной Азии: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Бишкек, 2009. 19 с.
18. Секреты секретных служб США. М.: Политиздат, 1973.
19. Слинкин М.Ф. Афганистан. Страницы истории (80-90-е гг. XX в.) // Культура народов Причерноморья. 2003. № 41.
20. Стариков Н.В. Шерше ля нефть. Почему наш Стабилизационный фонд находится ТАМ? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/173986/read>.
21. Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории: пер. с англ. М.: Прогресс-Культура, 1996.
22. Трухановский В.Г. Уинстон Черчилль. М.: Международные отношения, 1982.
23. Фултонская речь Черчилля [Электронный ресурс] // Холодная война – великое противостояние сверхдержав: сайт. Режим доступа: <http://www.coldwar.ru/churchill/fulton.php>.
24. Широнин В. Секретные пружины перестройки [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://makeyev.msk.ru/pub/NeProhodiMimo/shironin>.
25. Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Новые технологии борьбы с российской государственностью. М.: Эксмо, 2010.

26. Samuel P. Huntington. Who International Primacy Matters // International Security. Spring, 1993. Цит. по: Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). М.: Междунар. отношения, 1998. С. 43, 44.

27. Song Y. A Discussion of the Division and Grouping of Forces in the World After the End of the Cold War // International Studies. 1996. № 6-8. Цит по: Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). М.: Междунар. отношения, 1998. С. 203.

28. <http://coldwar.narod.ru/vietnamwar>.

ТОПОРКОВ ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ – кандидат юридических наук, доцент, советник, Посольство России в Иране (rusembiran@gmail.com).

TOPORKOV VLADIMIR MIKHAYLOVICH – candidate juridical sciences, assistant professor, Counselor, Embassy of Russia in Iran.

УДК 342.25 (470.344)

А.А. ЧУКСИНА

САМОУПРАВЛЕНИЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ В ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Ключевые слова: городское самоуправление, органы городского самоуправления, городская администрация, социальная политика, кадровая политика, бюджетная политика.

Данная статья посвящена теме городского самоуправления. В качестве объекта исследования выбрана администрация г. Чебоксары как основное стратегическое подразделение органов городского самоуправления. Рассмотрены структура и некоторые направления работы администрации, кадровая политика. Автор, систематизируя показатели за 2007-2011 гг., на основе материалов текущего архива администрации г. Чебоксары раскрывает основные проблемы в финансовой, социальной и кадровой деятельности администрации и предлагает рекомендации для их решения.

А.А. CHUKSINA

SELF-GOVERNMENT IN THE CHUVASH REPUBLIC ON A PRESENT STAGE

Key words: city self-management, the bodies of municipal self-government, city administration, social policy, personnel policy, fiscal policy.

The article focuses on the activity of municipal government. It describes the structure & activities of self-governing bodies in Cheboksary. Cheboksary administration, the main strategic unit of municipal government, has been chosen as the main objective of the research work. The article attempts to highlight some problems in the financial & social work of the administration. Special attention is paid to the personnel policy. The author classifies the figures of 2007-2011 concerning it & reveals some of its problems. The feature of the article is that the author's conclusions are based on the analyses of data about current activities of Cheboksary administration.

Самоуправление в России, несмотря на свою многовековую историю, остается одной из самых актуальных тем для исследований. Проблемы самоуправления требуют сегодня научного изучения и государственного подхода. Интерес к ним вызван политическими и экономическими процессами, происходящими в обществе, высокий смысл которых заключается в задаче сбережения народа. Еще в XVIII в. М.В. Ломоносов рассматривал его как первоочередной помысел государства. Национальную идею России в сбережении народа видел и А.И. Солженицын: «Сбережение народа – и в самой численности его, физическом и нравственном здоровье – высшая из всех наших государственных задач» [15. С. 1, 22]. Местное самоуправление – одно из условий сбережения народа, поскольку решение вопросов организации собственной жизни и повседневного быта позволяет ему самостоятельно обеспечивать достойный и качественный жизненный уровень.

В литературе имеются отдельные труды, касающиеся местного самоуправления в целом. Однако специальных работ, посвященных городскому самоуправлению, пока нет. Данная проблема по-прежнему остается малоизученной. С точки зрения традиций и исторических предпосылок городское самоуправление рассматривается в ряде исследований, например, в работах Л.Е. Лаптевой [13] Л.Ф. Писарьковой [14], С.А. Авакьяна [1], Г.В. Барабашева [2] и др. Вопросы ме-

стного самоуправления в Чувашии частично освещены в трудах А.П. Даниловой [7], В.А. Павлова, И.А. Димитриева [8] и некоторых других исследователей.

Местное самоуправление, начиная с первых государственных образований на территории Руси, играло системообразующую роль в формировании российской государственности. Однако действительно самостоятельным муниципальным управлением оно стало лишь в 1993 г. в связи с принятием Конституции Российской Федерации. Федеральный закон № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», принятый на ее основе в 2003 г., дает следующее определение: «Местное самоуправление в Российской Федерации – форма осуществления народом своей власти, обеспечивающая в пределах, установленных Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации, самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения, исходя из интересов населения, с учетом исторических и иных местных традиций» [18]. Это позволяет заключить: идея самоуправления народа сегодня находит отражение в государственных документах.

Эффективное функционирование системы местного самоуправления определяется уровнем развития ее правовой базы, которую составляют Конституция; общепризнанные принципы и нормы международного права; международные договоры Российской Федерации; федеральные конституционные законы; федеральные законы; а также конституции (уставы), законы и другие нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации; уставы муниципальных образований, решения, принятые на местных референдумах и сходах граждан. К нормативно-правовой базе местного самоуправления в Чувашской Республике относятся Конституция, Закон от 18 октября 2004 г. № 19 «Об организации местного самоуправления в Чувашской Республике»; другие законы и иные нормативно-правовые акты республиканского значения.

В соответствии с Уставом г. Чебоксары в структуру органов местного самоуправления входят глава города как председатель Чебоксарского городского Собрания депутатов, представительный орган – Чебоксарское городское Собрание депутатов (ЧГСД), контрольный орган – Контрольно-счетная палата, исполнительно-распорядительные органы – администрация г. Чебоксары, администрации районов г. Чебоксары и другие городские органы местного самоуправления, такие как Заволжское территориальное управление, Городской комитет по управлению имуществом, Управление архитектуры и градостроительства, Финансовое управление, Управление образования, Управление здравоохранения и социальной политики, Управление культуры, Управление физкультуры, спорта и туризма [17].

Одним из важнейших структурных компонентов городского самоуправления является администрация г. Чебоксары – постоянно действующий исполнительно-распорядительный орган, формируемый по профессиональному признаку для осуществления функций управления социально-экономическими процессами развития города. Работа администрации осуществляется в форме оперативной, исполнительной и распорядительной деятельности по реализации решений ЧГСД. По данным официального сайта администрации г. Чебоксары в ее состав входят 8 управлений, 1 комитет, 11 секторов и 18 отделов, а также территориальные подразделения [16]. В администрации работает 99 муниципальных служащих: глава администрации, 6 его заместителей, руководители структурных подразделений, старшие и младшие специалисты. В пределах своей компетенции городская администрация осуществляет разработку и реализацию единой политики в области финансов, бюджета и налогов на уровне города. Этой сферой руководит ее Финансовое управление. Решением экономических вопросов занимаются 2 управления: Управление по регулированию тарифов, экономики предприятий и инвестиций и Управление по развитию потребительского рынка и предпринимательства. Обслу-

живание населения в сфере жилищно-коммунального хозяйства, транспортных перевозок и услуг связи является главной задачей Управления ЖКХ, энергетики, транспорта и связи, состоящего из 4 подразделений: двух отделов и двух секторов. Муниципальной собственностью ведает специальное подразделение администрации – Чебоксарский городской комитет по управлению имуществом, являющийся юридическим лицом. Формирование имиджа города лежит на Управлении по связям со СМИ и молодежной политике. Социальную политику осуществляют Управление образования, Управление здравоохранения и социальной политики, Управление физкультуры, спорта и туризма, которые в 2010 г. в связи с расширением функций были выведены из состава администрации. Организацию и планирование деятельности администрации и всех ее подразделений ведет организационно-контрольное управление, состоящее из отдела делопроизводства, отдела по работе с обращениями граждан, отдела по взаимодействию с административными органами и общественными объединениями и протокольного сектора. Правовое обеспечение администрации города выполняет Правовое управление, включающее в себя Отдел правовой экспертизы, Сектор по претензионно-исковой работе и Сектор кадровой работы. Финансовую деятельность самой администрации осуществляет Управление финансово-производственного обеспечения и информатизации.

Таким образом, администрация города является главным стратегическим подразделением городского самоуправления, и ее функции охватывают все направления жизнеобеспечения населения. Эффективность этой многогранной деятельности зависит от грамотной работы ее кадров. Известно, что в условиях модернизации экономики и перераспределения полномочий профессионализму кадров уделяется первостепенное внимание. В соответствии со штатным расписанием на 1 февраля 2010 г. в администрации города работает 99 человек, из которых 92 – муниципальные служащие, 8 человек составляют технический персонал. Высшее образование имеют 81,8% работников, специалистов с базовым образованием «Государственное и муниципальное управление» – всего 9%. 74% служащих представляют женщины. По данным 2010 г., 50% состава администрации работает менее 5 лет, что говорит о высокой текучести кадров. Следовательно, кадровая политика является необходимым элементом в работе администрации. Однако указанное направление деятельности возникло совсем недавно: сектор кадровой работы был создан в 2008 г.

По данным официального сайта администрации, доходы бюджета г. Чебоксары в 2009 г. составили 5 291 349,6 тыс. руб. [5], что на 4,9% меньше по сравнению с аналогичным показателем за 2008 г. За 9 месяцев 2010 г. бюджет исполнен в сумме 3959,0 млн руб. [6]. По сравнению с показателем за 2009 г. его доходная часть возросла на 0,4%. Можно заметить увеличение предельного размера дефицита городского бюджета и сокращение его доходов. Если в 2007 г. дефицит составлял 195 013,8 тыс. руб. [3], то к 2009 г. он вырос до 310 727,3 тыс. руб. [5].

Наибольший удельный вес в доходах бюджета г. Чебоксары составляют безвозмездные поступления из бюджетов других уровней – 31,3%, налоги на прибыль, доходы – 22,5% [5]. Основным источником доходов бюджетов 2007, 2008, 2009 и 2010 гг. являются налоги. Вместе с тем их доля в доходной части бюджета 2010 г. на 20% меньше по сравнению с аналогичным показателем за предыдущие годы. В динамике показателей структуры собственных доходов за все 4 года наибольшую долю налоговых поступлений составляет налог на доходы физических лиц. Следует отметить, что подобная динамика также объясняется большим объемом финансовой помощи из вышестоящих бюджетов при одновременном отставании роста собственных доходов. Так, в 2007 г. в бюджет города из республиканского бюджета было выделено 733 705 000 руб. [3], 2008 г. – 1 812 100 000 руб. [4], 2009 г. – 1 915 211 400 руб. [5], а в 2010 г. – 1 347 406,6 руб. [6]. Анализируя вышесказанное, можно сделать вывод, что бюджет города имеет слабую самостоя-

тельную финансовую базу, с каждым годом он все больше зависит от вышестоящих бюджетов.

Приоритетным направлением расходов за последние 4 года является отрасль образования. Так, в 2009 г. их доля составила 45,2%, что на 13,7% больше по сравнению с показателем за предыдущие 2007 и 2008 гг. [5] В 2010 г. расходы на данную отрасль были увеличены на 46%. Важнейшей характеристикой муниципального образования, определяющей его конкурентоспособность и инвестиционную привлекательность, является образовательный уровень населения, для повышения которого в столице Чувашии действуют 18 высших учебных заведений, 18 колледжей и техникумов, 69 школ, 11 учреждений дополнительного образования, 4 начальных профессиональных учреждения. Большое внимание администрация уделяет и развитию здравоохранения. Так, если в 2007 г. из бюджета на эту отрасль было выделено 17,2% [3], то в 2009 г. – 20,3% [5].

Удовлетворение потребностей населения в услугах, обеспечивающих нормальные условия жизни и работы, осуществляет система ЖКХ, которая является актуальной страницей расходов. В 2010 г. на ее развитие направлено более 16% бюджетных средств (в 2009 г. – 11%) [5]. В настоящее время жилищно-коммунальные услуги населению по техническому обслуживанию жилых домов в г. Чебоксары оказывает ООО «Жилищная компания», которая во всех районах города имеет отдельные управляющие организации (27 подразделений). На 1 января 2010 г. жилищный фонд города представляет 8978,7 тыс. кв. м [12]. Данный показатель вырос в 1,9 раза по сравнению с таковым за 2008 г. В 227 домах создано ТСЖ, это более 10% от общего числа многоквартирных домов. Администрация уделяет внимание решению проблемы существования «ветхого» жилищного фонда. В 2009 г. на переселение граждан из такого жилья из бюджета города было выделено 26,8 млн руб. [11], в 2008 г. – 12,78 млн руб. [10], а в 2007 г. – 65,76 млн руб [9]. Рост расходов по отрасли объясняется тем, что с 2008 г. в соответствии с Федеральным законом от 21.07.2007 г. № 185-ФЗ «О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства» г. Чебоксары выделены средства на капитальный ремонт многоквартирных домов из федерального бюджета РФ, а также из бюджета Чувашской Республики.

Не последнее место в бюджете отводится развитию культуры, СМИ и спорта. В эту сферу в 2009 г. было вложено 2,3% денежных средств [5], а в 2008 г. – 1,8% [4], в 2007 г. – 1,6% [3]. На общегосударственные вопросы, включающие в себя обеспечение функционирования и деятельности органов местного самоуправления, в 2009 г. было израсходовано 4,6%, что на 1,1% выше по сравнению с аналогичным показателем за 2007 г. (3,5%).

Таким образом, основная задача управления городом состоит в обеспечении пропорционального развития всех сфер жизни местного населения. Комплексное решение вышеуказанных задач невозможно осуществлять без знания трудностей и проблем, которые стоят перед органами городского самоуправления.

Изучение деятельности администрации за 2007-2010 гг. показало, что одной из главных проблем является финансовая необеспеченность самоуправления. Изменения структуры доходов городского бюджета в последние годы свидетельствует о том, что муниципальное образование очень зависимо от вышестоящих бюджетов, причем указанная тенденция скорее усиливается, чем ослабевает. Это, в свою очередь, приводит к недостаточности финансирования важнейших направлений деятельности администрации (образования, здравоохранения, жилищно-коммунального хозяйства), что не позволяет модернизировать материально-техническую базу. Так, например, средний уровень износа инженерных коммуникаций в системе ЖКХ составляет порядка 60%.

Не менее важной проблемой является дефицит квалифицированных управленческих кадров. Не хватает профессиональных менеджеров, экономистов, юристов, социальных работников.

Имеются проблемы и в социальной политике. Так, например, увеличивается количество платных образовательных услуг во всех звеньях – от детских садов до университетов. Бесплатное образование становится менее доступным, снижается его качество, нарастает процесс его коммерциализации, усиливается неравенство граждан при его получении. Старые формы управления образованием утрачивают эффективность, а новые только создаются. В результате возникают бюрократизм, отсутствие четких требований, предъявляемых к служащим, неопределенность специфического содержания управления образованием, которое в современных условиях следует относить к сфере менеджмента, а не педагогики. Муниципальные органы управления образованием и образовательные учреждения практически не подчинены друг другу. Все это негативно влияет на систему образования в целом.

Имея многовековую историю развития, местное самоуправление в современных условиях сохраняет свои традиционные проблемы: финансовые и кадровые. Известно, что доходы муниципального образования непосредственно связаны с возможностями населения, проживающего на его территории. Поэтому необходимо совершенствовать социальную городскую политику. Поступления в бюджет зависят от его ресурсного обеспечения, налогообеспособности жителей города и умения муниципальных служб грамотно ими распоряжаться. Следует рассмотреть вопрос о закреплении на долгосрочной основе за городским бюджетом дополнительных налоговых источников.

Для улучшения деятельности комплекса ЖКХ администрация города ведет целенаправленную политику. Принимаются и реализуются городские целевые программы: муниципальная программа «Дворы» на 2005-2010 г.г., благоустройства и озеленения, реконструкции муниципального жилищного фонда на 2005-2010 г.г., экологическая программа на 2005-2007 г.г. и на период до 2010 г., программа энергосбережения и повышения энергоэффективности в г. Чебоксары на 2010-2015 г.г. и на период до 2020 г.

Проводимая реформа ЖКХ, которой в последнее время уделяется значительное внимание, идет по 3 направлениям. Первое касается организационно-технологических проблем, связанных с оказанием услуг населению, включая обновление жилого фонда. Второе направление связано с обеспечением населения минимальными жилищно-коммунальными услугами и, прежде всего, минимальной жилой площадью. И, наконец, третье направление, к которому, по существу, сводится реформа ЖКХ, – это 100%-ная оплата населением жилищно-коммунальных услуг. Одним из компонентов реформы является борьба с монополизмом в области жилищно-коммунального обслуживания на основе создания кондоминиумов и товариществ жильцов.

Реформа в такой концепции не может быть полностью реализованной. Во-первых, 100%-ная оплата услуг невозможна из-за низкого уровня зарплаты населения (не только минимальной, но и средней). Во-вторых, жилой фонд и коммунальные сети сегодня находятся в состоянии износа, который в среднем достигает 60%. Только после того, как будет осуществлена необходимая реконструкция ЖКХ, можно проводить реструктуризацию текущего финансирования предоставляемых населению услуг. Следует отметить и то, что кардинально изменить финансовое положение отрасли могло бы создание условий для притока частных инвестиций.

Задачи, стоящие перед системой местного самоуправления, решают их служащие. Поэтому в настоящее время актуальными являются вопросы дополнительного образования кадров, более тесного сотрудничества администрации с вузами и самообразования служащих. Возможно также внедрять механизмы мотивации труда, обеспечивать социальными гарантиями муниципальные кадры. Может быть внедрена поддержка служащих, работающих над диссертационными исследованиями прикладного характера. Необходимо совершенствовать систему оплаты труда специалистов с тем, чтобы они могли повышать свой заработок, не

только двигаясь «вверх» по служебной лестнице, но и по мере роста знаний, стажа, оставаясь на своем рабочем месте.

Именно от муниципальной власти города напрямую зависят и возможности инновационного развития его территории, и качество реализации национальных проектов, и эффективность оказания многих услуг городским жителям. Поэтому самоуправление города и муниципальный класс (люди, профессионально занятые в его осуществлении) нуждаются в самом серьезном внимании и поддержке со стороны республики и государства в целом, с тем, чтобы органам местного самоуправления хватало ресурсов на решение задач, от которых напрямую зависит качество жизни жителей города: ЖКХ, дошкольного и общего образования, первичного звена здравоохранения, городского благоустройства.

Литература

1. Авакьян С.А. Состояние, проблемы и перспективы местного самоуправления в России. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. 179 с.
2. Барабашев Г.В. Местное самоуправление. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. 352 с.
3. Бюджет города на 2007 г. [Электронный ресурс] // Администрация г. Чебоксары: сайт. URL: <http://gov.cap.ru/hierarchy.asp?page=/11848/30901/47349> (дата обращения: 10.12.2010).
4. Бюджет города на 2008 г. [Электронный ресурс] // Администрация г. Чебоксары: сайт. URL: http://gov.cap.ru/list4/law/rec.aspx?gov_id=132&pos=19&id=50149 (дата обращения: 10.12.2010).
5. Бюджет города на 2009 г. [Электронный ресурс] // Администрация г. Чебоксары. URL: <http://gov.cap.ru/hierarchy.asp?page=/11848/30901/47349/615727> (дата обращения: 10.12.2010).
6. Бюджет города на 2010 г. [Электронный ресурс] // Администрация г. Чебоксары: сайт. URL: <http://gov.cap.ru/hierarchy.asp?page=/11848/30901/47349/758260> (дата обращения: 10.12.2010).
7. Данилова А.П. История государственного управления в Чувашии. Чебоксары: Новое время, 2007. 246 с.
8. Димитриев И.А. Земское самоуправление на территории Чувашии в 1890-1914 гг. (на материалах уездных земств). Чебоксары: Новое время, 2007. 181 с.
9. Итоги экономического и социального развития, исполнения бюджета города Чебоксары за 2007 г. [Электронный ресурс] // Администрация г. Чебоксары: сайт. URL: <http://gov.cap.ru/hierarchy.asp?page=/11848/30901/47350/447501> (дата обращения: 10.12.2010).
10. Итоги экономического и социального развития города Чебоксары за 2008 г. [Электронный ресурс] // Администрация г. Чебоксары: сайт. URL: <http://gov.cap.ru/hierarchy.asp?page=/11848/30901/47350/610576aspx> (дата обращения: 10.12.2010).
11. Итоги экономического и социального развития города Чебоксары – 2009 г. [Электронный ресурс] // Администрация г. Чебоксары: сайт. URL: <http://gov.cap.ru/hierarchy.asp?page=/11848/30901/47350/667030> (дата обращения: 10.12.2010).
12. Итоги экономического и социального развития города Чебоксары – 2010 г. [Электронный ресурс] // Администрация г. Чебоксары: сайт. URL: <http://gov.cap.ru/hierarchy.asp?page=/11848/30901/47350/830780> (дата обращения: 10.12.2010).
13. Лаптева Л.Е. Земские учреждения в России. М.: Право, 1993. 133 с.
14. Писарькова Л.Ф. Городские реформы в России и Московская дума. М.: Новый Хронограф, 2010. 752 с.
15. Солженицын А.И. Сбережение народа – высшая из всех наших государственных задач // Московские новости. 2006. 28 апр.-4 мая. С. 1, 22.
16. Структура администрации города Чебоксары [Электронный ресурс] // Администрация города Чебоксары: сайт. URL: <http://gov.cap.ru/directory.asp?govid=81> (дата обращения: 10.12.2010).
17. Устав муниципального образования города Чебоксары (с изм., внесенными решениями Чебоксарского городского Собрания депутатов от 11.07.2006 г. № 257, 27.09.2007 г. № 766, 28.10.2008 г. № 1138, 23.12.2008 г. № 1207) [Электронный ресурс]. URL: <http://gov.cap.ru/home/132/ustav.doc> (дата обращения: 10.12.2010).
18. Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822.

ЧУКСИНА АЛЕНА АНДРЕЕВНА – аспирантка кафедры Отечественной истории имени А.В. Арсентьевой, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (alenska6891@rambler.ru).

CHUKSINA ALYONA ANDREEVNA – post-graduate student of History Russia Chair named after A.V. Arsenyeva, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 130.2:391(=511.152)

Т.А. ШИГУРОВА

ОДЕЖДА В РОДИЛЬНОМ РИТУАЛЕ МОРДВЫ

Ключевые слова: материальная и духовная культура, мордва, традиционный костюм, функционирование, родильные обряды.

Представлен опыт исследования ритуального костюма мордвы середины XIX – начала XX вв. как важнейшего компонента этнокультуры. Рассмотрены разные аспекты функционирования костюма в родильной обрядности.

T.A. SHIGUROVA

MATERNITY CLOTHES IN RITUALS MORDVINIANS

Key words: material and spiritual culture, Mordovians, of traditional costume, operation, delivery ceremonies.

Presents the experience of the study of ritual costume Mordovians Dina mid-nineteenth - early twentieth century. as an essential component of ethnic culture. We consider a different aspects of the suit in the delivery of ritualism.

Традиционный мордовский костюм – важнейший компонент материальной и духовной культуры этноса, сопровождавший человека в течение всей жизни, начиная с момента его рождения. Существовало представление о необходимом минимуме одежды для новорожденного, за подготовку которого отвечала будущая мать. Вместе с тем при создании каждой вещи в традиционной бытовой культуре непременно участвовали члены коллектива – семья, близкие родственники, иногда – односельчане. Речь идет не только о непосредственном участии, скажем, мужчин конкретной семьи в обработке пашни под посев конопли или льна, дарении родственникам новорожденному необходимых предметов одежды, но и об участии в совершаемом обряде специально приглашенных людей. Любая вещь в традиционно мыслящем обществе создавалась с обязательным использованием коллективного опыта, по выработанному веками образцу, при учете совета старших, с соблюдением необходимых правил, обычаев, запретов. Человек создавал не нечто новое, оригинальное, а то, что соответствовало традиции, было завещано предками. Несмотря на то, что главными героями в рассматриваемом обряде были мать и ребенок, активное участие в этом действе принимали и специально приглашаемые лица, равно как и ближайшие родственники.

Рождение человека было радостным и вместе с тем весьма опасным событием в жизни семьи. Чрезвычайная занятость женщины домашними делами, отсутствие медицинской помощи, бедность семьи приводили к высокой смертности матери и ребенка. Хорошо, если из 12 детей, родившихся у одной и той же женщины, выживали 4 или 5. В неурожайное или по какой-то причине трагическое для семьи время жизнь новорожденного оценивалась гораздо ниже, чем здоровье старшего ребенка или отца с матерью.

Одежда в родильных обрядах мордвы выполняла важные функции, которые заключались в обеспечении безопасности роженицы и нового члена семьи, пожелании благоприятной судьбы, приобщении к роду-племени, выражении богатой гаммы чувств в связи с его появлением.

Характеристике родильных обрядов мордвы посвящен ряд работ современных исследователей [7, 16, 17]. Однако в них не акцентируется внимание на использовании традиционной одежды в родильной обрядности. Отсутствуют и специальные исследования по данному вопросу. Вместе с тем актуальность проблемы функционирования вещи в этнокультуре, и, в частности, в родильных обычаях и обрядах мордвы середины XIX – начала XX вв., очевидна: ее решение позволит выявить некоторые общие закономерности, тенденции и специфику этнокультурного процесса в Среднем Поволжье. Рассматриваемая проблема теснейшим образом связана с более широкой сферой взаимопонимания между народами – носителями различной этнокультурной ориентации [6. С. 3].

В прошлом у мордвы считалось желательным иметь в семье много детей, что получило отражение в свадебной обрядности. Молодоженам, давая наказ на семейную жизнь, говорили, чтобы они имели 7 сыновей и 7 дочерей, обсыпали молодых зерном и хмелем, сажали на колени невесты мальчика. По народным представлениям, покровительница воды «Ведява» могла влиять на урожай и деторождение. Вплоть до начала XX в. в мокшанских и эрзянских селах на второй день свадьбы невеста особое почтение оказывала богине воды, уподобляясь большому количеству водных потоков. Обилие полотенец, свисающих с головы, предназначалось в дар «Ведяве» [7. С. 303].

Бесплодие, напротив, воспринималось как большое несчастье для семьи. Чтобы его избежать, женщины делали жертвоприношения, проводили магические обряды. В качестве даров богам использовали элементы национального костюма: холсты, платки, ни разу не надевавшиеся рубашки, головные уборы, пояса, считая, что вместе с одеждой с человека «снимется» и его болезнь [7. С. 355]. Использование одежды в качестве магического средства, способного повлиять на избавление от бесплодия, наблюдалось и у других финно-угорских народов. М.Т. Маркелов сообщал, что в этом случае марийская женщина давала мужу носить свои штаны [10. Л. 38].

Специальной одежды для будущей матери не шили. Крой и манера ношения традиционной рубахи мордвы с запахом скрывали особенности фигуры женщины, и беременность становилась явно видимой окружающим лишь на последнем сроке. Таким образом, одежда позволяла преодолеть первую, наиболее опасную половину беременности, защищая от нежелательного внимания посторонних и сглаза. В период беременности мордовские женщины придерживались предписанных обычаев, запретов в отношении определенных предметов и действий, чтобы роды прошли благополучно и ребенок родился здоровым. Во избежание выкидыша строжайше запрещалось ходить непоясанной. Кроме того, использовали специальные нити – «меки потав» (м.), «мекев потэтъ» (э.), букв. «идушие впопятную» (т.е. нити, которые не вместились в бердо), которыми перевязывали живот и носили до самых родов [15. Л. 295]. Существовала система примет, оберегов, способствовавшая приобретению еще не родившимся ребенком определенных качеств – физических, умственных, трудовых и определявшая пол будущего ребенка. Так, если беременной снились «женские» предметы, ждали девочку, если во сне она видела «мужские» вещи, верили в рождение мальчика.

Будущая мать должна больше работать, чтобы ребенок вырос трудолюбивым, поэтому она выполняла все свои повседневные обязанности по дому и в поле. Роды чаще всего происходили в бане, в помещении для складывания соломы, иногда – в избе, нередко – прямо в поле. Основным чином родильной обрядности у мордвы была бабка-повитуха «бабушка» (м., э.), «идень бабай» (м.). Она пользовалась при жизни большим уважением у мордовских женщин, а после смерти женщины приносили ленты, тесьму, кусочки цветной ткани для того, чтобы обвязать ее руки. Считалось, что на «том свете» все они превращаются в цветы [14. Л. 102, 161]. Наряду с методами народной медицины повитухи использовали якобы для облегчения родов и некоторые магические приемы, в частности расплетание кос роженицы, расстегивание ее одежды [12. С. 249].

У мордвы-мокши Лукояновского уезда Нижегородской губернии при первых родах муж и жена менялись штанами, причем муж обязан был лежать, особенно во время тяжелых родов. У мордвы-эрзи в этой же ситуации старуха-повитуха развязывала гашник лежащему рядом с родильницей мужу [10. Л. 38]. Очевидна древняя магическая основа этих обрядов (пережитка древнего обычая «кувады»), заключающаяся в вере магическим путем передать страдания жены будущему отцу. Кроме того, с целью облегчения родов повитуха развязывала все узлы на одежде роженицы, вынимала из ее ушей серьги, распускала волосы, что, по мнению Т.П. Фе-

дянович, подтверждает представления народа о магической силе узлов и их особой роли в ответственные моменты жизни (роды, свадьба, смерть) [17. С. 81].

Обрядовые действия повитухи были направлены на пожелание благополучия, здоровья, счастья новорожденному, а также на предопределение будущих занятий ребенка. Например, чтобы ребенок был привязан к матери, заботился о ней в будущем, пуповину перевязывали специальными нитями, свитыми вместе с материнскими волосами. От последа девочек отрезали небольшой кусочек и вместе с пуповиной забивали в прялку или на ткацкий станок, чтобы была хорошей ткачихой или пряхой, от мальчика – бросали в конюшню, чтобы у него водились кони и сам он вырос хорошим хозяином, вешали на соху, чтобы стал пахарем и всегда имел хлеб. Схожие действия были распространены у других народов Поволжья.

Опасениями за будущее потомство были вызваны и магические действия с плацентой «идь-куд» (м), «аванькс», «эйдень тодов» (э). Желая предотвратить следующую беременность надо было положить послед последнего ребенка женщины в изношенный лапоть «атя карь» и ночью забить осиновым колом в середину бо-лота [8. С. 143-144]. У мокши Самарской губернии плаценту прятали в старый лапоть «капас карь» и зарывали на чердаке над красным углом [12. С. 250]. У ряда других народов Поволжья в таких случаях также использовали лапти, которые закидывали на чердак бани или избы, иногда закапывали в таком месте, где не могли наступить ногами [11. С. 87].

В некоторых мордовских селах при рождении младенца на конек крыши вешали только что сплетенный лапоть. По поверью, ребенок будет жить до тех пор, пока не сгниет и не оборвется лыковая перевязка [9. С. 46]. Подобный пример можно рассматривать, с одной стороны, как средство магического воздействия на сверхъестественные силы, а с другой – как оповещение предков о важных событиях.

Кроме того, у мордвы совершались ритуальные действия «превращения» его в человека и «введения» в свой коллектив. Так, новорожденного нередко принимали в одежду человека, чье расположение, а иногда и черты характера, состояние здоровья хотели ему передать. С этой целью использовали рубаху отца, матери, старшего брата или сестры, порты деда. Новорожденного обмывали в бане, символически совершая действие, направленное «на созидание человека, его приобщение к сфере культуры» [3. С. 43]. Роженица одаривала повитуху платком или рубашкой, холстом, мылом. Близкие родственницы, навещая мать с младенцем, угощали ее кашей, лепешками, в качестве подарка новорожденному приносили холст или рубашку. Дед с материнской стороны готовил колыбель, а бабушка – одеяло, иногда – накидку на люльку «зиблин» (м.), «лавсь ланго» (э.). Бабушка по отцовской линии – матрац «пона ацам». В некоторых селах все вещи готовила сама женщина. Чтобы новорожденный был богат и долго жил, его клали в избе на шубу. «Сколько в шубе шерсти, столько лет жизни, столько богатства ребенка» просила бабушка-повитуха, обращаясь с молитвой к богу [4. С. 30].

Обряд крещения завершался обменом подарками: мать новорожденного «сперва дарит куму и кума, свекра и свекровь, деверьев и золовок разными дарами какому лицу какой давать заведено обыкновение» [2. Л. 12]. Через шесть недель после рождения кума навещала крестника и дарила либо колпак, либо пояс, а богатые – рубашку, которую подпоясывали со словами «Чтобы всегда живот был полный, не голодал» [13. Л. 8]. На масленицу кума дарила рубашку, а родители крестника в ответ дарили по рубашке куму и куме. Боясь сглаза, порчи младенцев, старались не показывать их посторонним, использовали различные обереги: в зыбку под подушку ребенку клали ножницы, нож, кочедык и др. Грудным детям от сглаза шили красные шапочки, к рубашке пришивали яркие ленты, бусины, раковины-каури, косточку от крылышка петуха, к шапочке – беличий хвост, на руку младенца надевали браслет из снизу бисера, бус или раковин.

В случае болезни детей использовали заговоры, совершали другие магические действия с использованием элементов традиционной одежды. В селах Наровчатского уезда больного ребенка протаскивали между двух деревьев, оставляя на этом месте одежду, выполняли ритуал «перераживания» [1. Л. 16]. В некоторых селах совершали обряд «продажи» ребенка за символическую плату.

Одежда грудных детей состояла из нескольких рубашек, шапочки-колпачка и пеленок. Детские вещи заранее не готовили, боясь, что это может повлечь за собой смерть младенца. В качестве пеленок «идь-нула» (м) использовался холст от старых рубаш, так как эта ткань была мягкой. Стремление завернуть ребенка в более мягкие пеленки имело здесь практический смысл. В традиционной культуре многих народов категория старого отождествлялась с понятием «обжитое, освоенное», старые вещи воплощали идею преемственности, передачи накопленных ценностей от одного поколения к другому, поэтому заворачивание в старую одежду было актом не только обретения первой одежды, но и установление связи между поколениями [3. С. 45]. К чисто утилитарному назначению старой одежды добавлялись и символические функции: желая в будущем рождения сына, новорожденного пеленали в старую мужскую рубашу, порты, а если девочки – в материнскую. Для заворачивания новорожденного в конце XIX в. шили специальные детские пеленки-покрывала из белого холста из 3 полотнищ, окаймленных с одной стороны красной полосой браного тканья и кумачом. Иногда пеленку украшали вышивкой, кружевом, вязанным крючком, нашивали мишуру, разноцветные ленты и тесьму.

Существовало поверье: чтобы уберечь дитя от смерти, нужно было в течение дня натянуть ниток, выткать из них холст и сшить младенцу рубашку [17. С. 84]. С этой же целью новорожденному мальчику прокалывали одно ушко, а девочке – оба ушка и продевали заговоренные шелковые ниточки или серьги; в народе про таких говорили: «От бога прощенные, от ворожей – купленные». В некоторых селах первую рубашку шили, как только ребенок начинал ходить, причем для девочки она была ниже колен. Первую рубашку кроили из одного куска материи, сотканного специально тоньше и мягче: ткань перегибали, а в середине сгиба делали вырез для головы. Вместо рукавов при сшивании оставляли отверстия. Встречался и распашной покрой: сшивали два полотна, а в середине делали прямой нагрудный разрез. Чтобы ребенок всегда оставался с родителями, первую его рубашку берегли до совершеннолетия. Особенно часто этот обычай соблюдали с первой рубашкой девочки: в этом случае она должна была в будущем выйти замуж в своем селе.

На голове мальчики и девочки носили шапочки – «колпак» (м., э.) домашнего изготовления круглой формы на холщовой подкладке из лоскутков или остатков холста. Праздничный колпак украшали небольшой вышивкой или полосками браного тканья, которые являлись также средством защиты от дурного глаза. В качестве оберега на колпак нашивали раковины-каури. После того как ребенок начинал ходить, ему надевали специальные штаны без ластовицы в промежности «каляват» (э), «калява-понкст» (э), «церкс понкст» (м). У девочек они были белого цвета, у мальчиков – в клеточку или синюю полосу. В некоторых селах первые штаны на ребенка надевали по истечении трех лет, и назывались они «потмаксфтома понкст» (без ширинок).

Специальной обуви для малышей не было. Лишь только растает снег, двух-, трехлетние ребятишки бегали по улице босиком, на холодное время для маленьких детей вязали шерстяные чулки до колен [5. С. 114]. Для зимы ребенку шили безрукавки или жилетки «бишмен» (м), «грутька» (э) из сукна или овчины. С 3-5 лет для девочки шили платье с оборками, в этом же возрасте ей прокалывали уши и надевали серьги.

Как показывают наблюдения, элементы традиционного костюма выполняли в родильных обрядах разнообразные функции, но прежде всего – практическую. Что касается эстетической функции, то она была представлена слабо; допуска-

лось использование старой одежды, даже – ветхой. Основное назначение костюма как необходимого атрибута его участников (наряду с пищей) заключалось в обеспечении безопасности роженицы и ребенка, пожелании благоприятной судьбы ребенку, совершении акта приобщения к родственникам, выражении радости, надежды с появлением нового члена семьи, воспитании трудолюбивого человека.

Очень важной для ритуального мордовского костюма следует признать магическую функцию. По народным представлениям, одежда обладала магической силой, способной защитить человека, отвести беду. Широко были распространены случаи использования мордовками одежды в качестве умиловительной жертвы, которая якобы способна отвести зло, болезнь и т.д. Очевидна древняя магическая основа мордовских родильных обрядов, где традиционными были ритуальные действия с костюмом и его атрибутами: расплетение кос, расстегивание одежды, развязывание узлов. Все перечисленные действия символизировали выход из природного состояния, а последующие действия (перевязывание, соединение и пр.) – стремление к соединению с культурой, сближение с семьей. Например, от последа девочек отрезали небольшой кусочек и вместе с пуповиной забивали в прялку или на ткацкий станок, чтобы была хорошей ткачихой или пряхой. Все делалось для того, чтобы дети выросли хорошими работниками.

Новорожденного нередко принимали в одежду того человека, чье расположение, а иногда и черты характера стремились ему передать. С этой целью использовали рубаху отца, стремясь тем самым как бы передать новорожденному его любовь; или одежду сестры, чтобы, как и она, ребенок рос спокойным и здоровым. Старые вещи воплощали идею преемственности, передачи накопленных ценностей от одного поколения к другому, поэтому заворачивание в старую одежду было не только актом обретения первой одежды, но и способом установления связи между несколькими поколениями семьи. Наиболее значимым в родильной обрядности был пояс. Он использовался в качестве атрибута родовой магии, а в первые месяцы жизни новорожденного выполнял важную практическую функцию. Пояс можно назвать основным элементом первой одежды человека, он скреплял распашные детали, формируя необходимое жизненное и культурное пространство новорожденного.

Литература

1. Архив русского географического общества. Р. 28. Оп. 1. Д. 17 – Рукописи трудов членов Русского географического общества и отдельные документы по Пензенской губернии. В. Рождественский. Описание быта жителей в Наровчатском уезде.
2. Архив русского географического общества. Р. 28. Оп. 1. Д. 23 – Рукописи трудов членов Русского географического общества и отдельные документы по Пензенской губернии. И. Боголюбов. Этнографические сведения по селу Адашеву Инсарского уезда. 1853 г. 47 с.
3. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 238 с.
4. Беляева Н.Ф. Влияние традиционно-бытовой культуры на социализацию детей (конец XIX – нач. XX вв.) // Этнические аспекты современных культурно-бытовых процессов в Мордовской АССР: труды Мордов. НИИЯЛИЭ. Вып. 89. Саранск, 1987. С. 25-42.
5. Беляева Н.Ф. Традиционное воспитание детей у мордвы. Саранск, 2000. 262 с.
6. Бромлей Ю.В. Этнография и взаимопонимание народов // Сов. этнография. 1986. № 1. С. 3-12.
7. Евсеев М.Е. Избранные труды: в 5 т. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1966. Т. 5. 553 с.
8. Евсеев М.Е. Эрзянь-рузонь валкс. Мордовско-русский словарь. М.: Центриздат, 1931. 227 с.
9. Маркелов М.Т. Саратовская мордва: (Этнографические материалы) // Саратовский этнографический сборник. Саратов, 1922. Вып. 1. С. 54-233.
10. Материалы МРОКМ (Мордовский республиканский объединенный краеведческий музей). ОФ. 3191. Личный архив М.Т. Маркелова.
11. Молотова Т.Л. Родильные обряды марийцев // Археология и этнография марийского края. Вып. 22. Полевые материалы Марийской этнографической экспедиции 80-х годов. Йошкар-Ола, 1993. С. 85-93.
12. Мордва: Историко-культурные очерки. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1995. 624 с.

13. РФ МНИИЯЛИЭ, И-1057.
14. РФ МНИИЯЛИЭ, Л-3.
15. РФ МНИИЯЛИЭ, Л-56.
16. *Федянович Т.П.* Традиционные семейные обряды мордвы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1974. 25 с.
17. *Федянович Т.П.* Мордовские народные обряды, связанные с рождением ребенка (конец XIX – 70-е г. XX в.) // Сов. этнография. 1979. № 2. С. 79-89.

ШИГУРОВА ТАТЬЯНА АЛЕКСЕЕВНА – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры культурологии, этнокультуры и театрального искусства, Мордовский государственный университет, Россия, Саранск (shigurova_tatyana@mail.ru).

SHIGUROVA TATYANA ALEKSEEVNA – candidate of historical sciences, senior scientific worker of Cultural, Ethnic Culture and Performing Arts Chair, Mordovian State University, Russia, Saransk.

УДК 94(47.13).084.6:35.077

Е.И. ШИРОКОВА

К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА ИСТОРИИ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА В ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ И ВЕДОМСТВАХ КОМИ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ (1930-е ГОДЫ)

Ключевые слова: документ, документооборот, делопроизводство, государственные учреждения, становление делопроизводства.

Статья посвящена истории становления делопроизводства в Коми автономной области в 1930-е годы на основе анализа впервые введенных в научный оборот архивных документов по документационному обеспечению управления.

E.I. SHIROKOVA

TOWARDS RAISING THE ISSUE OF WORKFLOW MANAGEMENT IN STATE INSTITUTIONS AND ESTABLISHMENTS OF KOMI AUTONOMOUS AREA (1930s)

Key words: document, workflow, records management, state institutions, record management establishment.

The article is devoted to basic moments of workflow history establishment in the Komi autonomous area in 1930s on the base of analysis of archive documents introduced to scientific use for the first time.

В связи с проведением административной реформы в РСФСР и образованием крупных экономических районов в 1929 г. Коми автономная область, несмотря на отчаянное сопротивление её руководства в течение всего периода 1920-х гг., была включена в состав Северного края с центром в Архангельске. Официальная трактовка этого решения высших органов власти РСФСР прозвучала на VII съезде Коми автономной области в марте 1929 г. [1. С. 118]. Основными причинами включения Коми автономной области в Северный край явились малочисленность населения, слабая экономика и невозможность самостоятельно своими силами осваивать и развивать природные богатства.

В период с 1 июня по 1 августа 1929 г. Коми областной аппарат претерпевал изменения штатов, которые приводились в соответствие с окружной системой управления. Освобождавшиеся средства от свёртывания губернского аппарата передавались краевым учреждениям.

Правовая основа взаимоотношений Коми автономной области с Северным краем строилась на Постановлении ВЦИК и СНК РСФСР «О взаимоотношениях между автономными областями, вошедшими в состав краевых (областных) объединений, и органами краевой (областной) власти» от 29.10.1928 г. и Постановлении ВЦИК «Об образовании на территории РСФСР административно-территориальных объединений краевого и областного значения» от 14.01.1929 г. [1. С. 124].

Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 29.10.1928 г. определяло круг прав краевого и областного исполкомов, порядок взаимоотношения их друг с другом

и центральной властью. Документ подчёркивал, что автономные области пользуются всеми правами, предоставленными им постановлениями ВЦИК об их образовании. Предполагалось, что автономная область будет независима от краевых органов в организационной и административной сферах, а также в вопросах народного образования, здравоохранения, социального обеспечения, юстиции, земельного управления, местного хозяйства, местного бюджета и архивного дела. В вопросах труда, финансов и налогов, торговли, статистики, работы органов Рабоче-крестьянской Инспекции и ГПУ облисполком должен был руководствоваться не только директивами Центра, но и решениями краевого исполкома.

В начале 1930-х гг. произошло жёсткое включение Коми автономной области в административно-хозяйственную систему советского централизованного государства. Этот процесс сопровождался принятием решений центральными органами власти по включению Коми автономии в новый административно-экономический район – Северный край, «ломкой» сложившихся стереотипов областного руководства по управлению народным хозяйством и заменой их на ориентиры планового социалистического хозяйства, массированным внедрением социалистической идеологии и решительной идейно-политической переориентацией руководства Коми автономной области в вопросе места и роли Коми автономии в Социально-экономической и политической структуре РСФСР.

Изменения, происшедшие в политико-правовом положении Коми автономной области, имели кардинальный характер. Об этом свидетельствует и тот факт, что выработка Положения о Коми автономной области проходила достаточно формально [1. С. 132].

«Положение о Коми автономной области, входящей в состав Северного края РСФСР» кроме вводной части содержало отдельные главы по административному делению области, о высших органах власти на территории области, об областном съезде Советов и облисполкоме, специальные разделы об отделах (управлениях) и других органах облисполкома, о представительстве области при Президиуме ВЦИК.

Вводная часть документа содержала запись, что свои задачи Советы Коми автономной области выполняют «неизменно и твёрдо проводя политику Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), её Центрального комитета, ленинскую большевистскую генеральную линию партии, политику центрального Советского Правительства, выявляя, изучая естественные природные богатства Коми области, на основе их перевода на индустриализацию, проводя коллективизацию сельского хозяйства и на базе её ликвидации кулачества как класса, развивая национальную по форме, пролетарскую по содержанию культуру трудящихся области...» [1. С. 143].

Таким образом, в результате реформы административного районирования изменялись роль и значение областного исполнительного комитета. В его составе появились новые отделы и управления.

В апреле 1932 г. был закрыт Институт техники управления. Сотрудники института были обвинены в некритическом заимствовании буржуазных теорий построения государственного аппарата. Все работы были прерваны, Общие правила не были доработаны и утверждены. Позже был ликвидирован и Наркомат рабоче-крестьянской инспекции. Движение за научную организацию труда было свёрнуто, прекратили свою работу ведомственные и вневедомственные органы рационализации, были закрыты все периодические издания, освещавшие вопросы управления и делопроизводства. В течение следующих 1930-1940-х гг. на общегосударственном уровне научные разработки проблем документирования и организации работы с документами не велись.

Отсутствие организационно-методического центра по руководству постановкой делопроизводства в стране, общих норм в области документирования,

подготовки квалифицированных кадров в области делопроизводства, ведомственная разобщенность – всё это отрицательно сказывалось на управлении и состоянии работы с документами.

Что касается деятельности архивов в Коми, то условия для их организации сложились лишь в 1928-1929-х гг. В это время были закончены мероприятия по районированию. 6 февраля 1930 г. утверждено «Положение о районных архивах Автономной области Коми», по которому районный архив должен был находиться при районном исполнительном комитете, подчиняться непосредственно ему и Президиуму, а также выполнять все директивы и распоряжения Областного архивного бюро по вопросам архивного дела. В райархивы должны были поступать законченные делопроизводством материалы районного исполнительного комитета, сельских советов района и государственных учреждений, кооперативных и других общественных организаций и предприятий, расположенных на территории района. Для хранения документов в районном архиве устанавливался срок в 10 лет с последующей передачей документов в Областной архив. Выполнение работ и задач, отнесенных к ведению районного архива, возлагалось на одного из штатных сотрудников канцелярии районного исполнительного комитета по совместительству [5. С. 33].

Несмотря на все старания, районные архивы так и не начали свою работу, тем самым архивные материалы из районов практически не поступали. Областное архивное бюро должно было контролировать и инструктировать архивы всех учреждений области, но не имело на это средств и квалифицированных сотрудников.

Сложности, связанные с организацией районных архивов, объяснялись тем, что Коми область занимала огромную территорию, с низкой плотностью населения, учреждений функционировало мало, делопроизводство было развито слабо, документов откладывалось немного. К тому же было мало каменных зданий, а создавать архивы в деревянных домах крайне опасно в пожарном отношении. Поэтому Областное архивное бюро не особенно настаивало на организации районных архивов.

В июне 1932 г. в архивной отрасли Коми автономной области была выделена новая структура – партийный архив. В короткие сроки райкомам надлежало собрать в райком ВКП(б) документы ячеек, партийных коллективов, фракций, районных организаций по 1930 г. включительно и не позднее июля 1932 г. отправить в Обком три описи, а также предоставить списки ячеек и коллективов с указанием года их организации. Ответственность за собрание, приведение в порядок и сдачу документов в Обком к сроку в районных была возложена на заведующих оргсекторами райкомов. За учёт, хранение текущего архивного материала должны были отвечать заведующие общим отделом райкомов [4. С. 35].

Создание в стране партийных архивов противоречило декрету о централизации архивного дела, так как партархивы были выведены из подчинения органам центрального государственного управления. Тем самым возникали условия для разобщения единой государственной системы архивов.

Ввиду того, что работа с архивами велась не должным образом, сохранившиеся документы органов власти находились в ужасном состоянии. Но, несмотря на это, в 1920-1930-х гг. происходила формализация документа, были изданы декреты, в которых отражались регламентация составления документов, правила оформления.

Необходимо отметить, что в 1932 г. проводились курсы секретарей партячеек, что, безусловно, положительно отразилось на оформлении документов. Необходимо подчеркнуть, что постановления секретариата ОК ВКП(б) оформлялись не на бланках. Текст состоял из разделов «Слушали», «Постановили». Постановления заверялись подписью секретаря. Реквизит «подпись» того периода значительно отличается от современного. В наименовании должности указывалась должность, в расшифровке подписи не было инициалов.

Помимо особенностей при оформлении документов в 1932 г. затрагивались и вопросы архивного хранения документов в партиях. Коми обком ВКП(б) отмечал,

что «недопустимо халатное отношение со стороны Райкомов и партячеек к хранению и посылке партийного архива в Райком и Обком» [4. Л. 46]. В 1932 г. было предложено передавать все архивы партячеек по актам и точным наименованиям принимаемых документов. Причем один экземпляр акта остается в партячейке. 21 марта 1932 г. обком партии Коми затронул и вопросы работы почтово-телеграфной конторы. Этот вопрос поднялся в связи с несвоевременной доставкой корреспонденции, и за это был объявлен выговор лицам, отвечавшим за доставку корреспонденции.

В 1935 г. стали часто проводиться проверки партийных документов по районам. Как правило, проверки выявляли все факты «сомнительности партдокументов». Решения проверок оформлялись протоколом. Протоколы того периода оформлялись по установленной форме. В верхнем поле документа указывались наименование вида документа, его номер и ниже наименование органа, в котором проводится заседание. Обязательным реквизитом являлась дата документа. В протоколе не указывались фамилии председателя и секретаря заседания, а просто перечислялись присутствующие. Отметим, что текст протокола делился на параграфы. Каждый параграф отвечал определенному вопросу. По окончании параграфа принималось решение по обсуждаемому вопросу.

К сожалению, протоколы обкома партии также не оформлялись на специальных бланках. Однако протоколы и выписки из протоколов Бюро Коми обкома ВКП(б) оформлялись на бланках, причем и на русском, и на коми языках.

В сентябре 1935 г. в партии поднимался вопрос о приведении в порядок партархива. В протоколе заседания обращалось внимание на особо важное значение партархива. Для приведения архивов в порядок предлагалось привлекать «коммунистов из областного актива». Обязательным условием было выделение специального помещения для хранения документов, которое предлагалось разместить в «каменной части» типографии. Документы было предложено передавать на хранение ежегодно, что обеспечило бы правильную организацию работы с документами. Руководителю архива рекомендовалось ежегодно проводить совещания по архивным вопросам.

В 1936 г. новый заведующий Областным архивом В.Н. Захаров сообщал в Центральное архивное управление, что «до настоящего времени по районам области не существовало райархивов». В.Н. Захаров отметил, что под архивы в районах не выделены помещения.

Таким образом, развитие архивного дела в Коми автономии шло довольно медленными темпами. Из-за нехватки квалифицированных специалистов, отсутствия необходимых средств, подходящих зданий, трудностей с дальностью расстояний ни один из районов Коми так и не смог создать сеть полноценных архивов. А созданные архивы находились в плачевном состоянии, так как располагались в неподходящих помещениях и не были должным образом оборудованы. Какая-либо попытка законодательно регламентировать работу архивов в республиках заканчивалась невыполнением поставленных задач, так как самой большой ошибкой органов, дававших поручения, было стремление решить проблемы в достаточно короткие сроки, что в работе с архивами недопустимо.

В 1938 г. на заседании бюро обкома ВКП(б) в очередной раз был поднят вопрос о состоянии партийного архива. Было отмечено, что партийный архив находится запущенном состоянии. Отсутствовали план работы областного партийного архива и опись хранящихся материалов. Документы, находящиеся в архиве и поступающие в него на хранение, были в нерассортированном виде без внутренних описей. В результате была произведена смена руководства партархивом, новому заведующему была поставлена задача в трехдневный срок укомплектовать аппарат партийного архива.

Таким образом, становление делопроизводства в государственных учреждениях Коми автономной области в 1930-е гг. характеризуется рядом особенностей. Во-первых, организация делопроизводства в Коми осуществлялась на основе законодательства РСФСР и СССР, что замедляло создание новых видов и форм документов и развитие документационного обеспечения управления в целом. Во-вторых, документы, направляемые за пределы республики, должны были писать на двух языках (русском и коми языке) или только на русском языке. Кроме того, делопроизводству в Коми автономной области были присущи черты, характерные для процессов документационного обеспечения управления в стране в целом, а именно: документы, создаваемые в деятельности органов власти Коми автономной области, были рукописными и машинописными; бланки документов изготавливали печатным, литографским или другим множительным способом; тексты документов, в которых обнаруживали ошибки, разрешалось исправлять от руки различными пишущими средствами (чернилами, карандашом и т.д.); при создании документов допускалось смешение различных видов документации.

Литература

1. Кузванова О.Ю., Попов А.А., Сметанин А.Ф. В начале пути: очерки истории становления и развития Коми автономии. Сыктывкар: Изд-во Коми научного центра, 1996. 198 с.
2. НА РК. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 203.
3. НА РК. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 210.
4. НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Ед. хр. 168.
5. Чупрова Э.Г. Архивы Коми АССР. Сыктывкар: Изд-во Коми научного центра, 2007. 203 с.

ШИРОКОВА ЕЛЕНА ИГОРЕВНА – преподаватель кафедры документоведения, архивоведения и прикладной лингвистики, Коми республиканская академия государственной службы и управления, Россия, Сыктывкар (elena-avramova@yandex.ru).

SHIROKOVA ELENA IGOREVNA – teacher of Record Management, Archival Science and Applied Linguistics Chair, Komi Republican Academy of State Service and Administration, Russia, Syktyvkar.

УДК 631-056.3(470.344)«1941-1945»(093)

М.А. ШИРОКОВА

АНАЛИЗ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ ТЕМЫ СЕЛЬСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ЧУВАШИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (по фондам государственного исторического архива ЧР)

Ключевые слова: *интеллигентоведение, сельская интеллигенция, Чувашская АССР, тыл в годы Великой Отечественной войны, источниковедение, Государственный исторический архив Чувашской Республики.*

Рассмотрен и проанализирован комплект документов Государственного исторического архива Чувашской Республики по истории сельской интеллигенции Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны.

М.А. SHIROKOVA

SOURCES ANALYSIS OF THE SUBJECT «THE RURAL INTELLIGENTSIA OF CHUVASHIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR» (based on the foundations of the Chuvash Republic state historical archives)

Key words: *studies of intelligentsia, the rural intelligentsia, the Chuvash ASSR, home front in the Great Patriotic War, source study, the State historical archives of the Chuvash Republic.*

The set of documents from the Chuvash Republic State historical archive on the subject of development of the rural intelligentsia of the Chuvash ASSR during the Great Patriotic War is under consideration and analysis.

В региональной науке одной из наименее изученных является тема сельской интеллигенции Чувашии в период Великой Отечественной войны. В связи с рас-

ширением возможности использования новых документов в постсоветский период наметились новые аспекты ее изучения и назрела необходимость комплексного исследования сельской интеллигенции с учетом накопленного историографического опыта, расширенной источниковой базы и с позиций современной науки.

При выборе темы в первую очередь исследователя интересуют возможности источниковой базы, поэтому основная цель данной статьи: определить и проанализировать основные группы источников, содержащих сведения о сельской интеллигенции Чувашской АССР в период Великой Отечественной войны. Необходимо отметить, что данная тема никогда ранее не становилась объектом специального научного исследования. Решение автора ограничиться фондами Государственного исторического архива ЧР (ГИА ЧР) обусловлено тем, что именно здесь хранится основной блок источников.

При изучении исторической проблемы со значительным социологическим компонентом особое значение имеют статистические источники. Следует особо выделить документы фонда Статистического управления ЧАССР [1], который располагает материалами за все годы войны. Управление делилось на отделы по различным отраслям общественной деятельности. В отделе населения, образования и культуры велся учет естественного и механического движения населения по республике в целом и по отдельным районам. Наибольший интерес представляют отчеты образовательных, детских, медицинских и культурно-просветительных учреждений, а также сводные отчеты по их сетям [1. Оп. 11. Д. 1435, 1437, 1439, 1439/а, 1632 и др.], где содержится информация по сотрудникам. Районные сводки контрольного учета газет и журналов и годовые отчеты кинотреста, театров, музеев и библиотек также дают сведения о работниках этих организаций [1. Оп. 11. Д. 888, 1026 и др.]. Изучение данных источников позволяет выявить численность, половой и возрастной состав, уровень образования, стаж работы разных групп интеллигенции. Статуправление также вело отдельный учет специалистов с высшим образованием [1. Оп. 16. Д. 13]. Достаточно информативным источником являются паспорта районов и райцентров. Сведения общего характера, содержащиеся в них, помогают представить историческую картину среды, в которой проходила жизнь сельской интеллигенции, через количественные характеристики школ, больниц, детских садов, изб-читален, газет, клубов и киноустановок того или иного района республики [1. Оп. 17а. Д. 3].

Следует отметить, что к началу 1940-х гг. статистическая наука в СССР находилась на достаточно высоком уровне. Проблемы достоверности и качества переписи населения в 1937 и 1939 гг. больше связаны с не оправдавшимися от их результатов политическими ожиданиями [11]. При изучении военного периода необходимо использовать материалы переписи населения СССР 1937 г., являющиеся с точки зрения современной науки более объективными по сравнению с результатами переписи 1939 г. Среди рассекреченных и опубликованных материалов переписи на данный момент нет статистических сведений регионального значения. В связи с этим большое значение для изучения темы имеют документы Статуправления ЧАССР. Достаточно сложно определить достоверность используемых источников, однако можно предположить, что в период войны правдивые статистические сведения местного значения были необходимы для адекватного определения положения и нужд населения ЧАССР. Кроме того, все тяготы жизни можно было объяснить военным положением, а не просчетами в политике существующего правительства. Также необходимо иметь в виду тот факт, что мы используем сведения о составе сельской интеллигенции, которые в отличие от, например, данных об эффективности колхозного хозяйства, не столь политизированы. Документы Статистического управления занимают существенное место в источниковой базе исследуемой темы, содержат уникальные данные и, с нашей точки зрения, вполне могут стать основой научного исследования.

Большое количество информации содержат документы фонда Президиума Верховного Совета ЧАССР [2]. Справки и докладные о положении на местах позволяют представить деятельность сельской интеллигенции через ее конкретных представителей. Списки награжденных Почетной грамотой Президиума ВС ЧАССР, медалями и орденами содержат фамилии, имена и место работы [2. Оп. 1. Д. 638, 679, 508, 637, 653, 774, 777 и др.]. Благодаря этому историческая картина тех дней получается более живой и олицетворенной. Сводные журналы со списками награжденных [2. Оп. 1. Д. 810] содержат статистику по районам, учреждениям и профессиям, что позволяет выявить количественные характеристики оценки деятельности сельской интеллигенции в период Великой Отечественной войны.

Важными аспектами обозначенной темы являются отношения сельской интеллигенции с властью. Наиболее полную информацию об этом дают документы Совета народных комиссаров Чувашской АССР [3], представляющие собой в основном постановления и переписку с районами на предмет тех или иных проблем на местах. Вопросы общего характера, связанные с положением сельской интеллигенции, также нашли в них отражение. Сведения, представленные здесь, весьма разрозненны, но можно найти информацию по всем годам войны. В фонде представлены интересующие нас документы такого характера, как докладные, отчеты и переписка о работе тех или иных учреждений и подготовке кадров [3. Оп. 19. Д. 444, 445, 555, 407, 406, 405 и др.], а также сведения о состоянии воспитательной работы, деятельности местных газет и рабселькоров. Служебные записки наркомов в вышестоящие инстанции содержат сведения о положении на местах, возникающих проблемах в сфере образования, воспитания, здравоохранения и культурного обслуживания населения, а также о необходимых мерах по их решению [3. Оп. 18. Д. 199]. Кроме того, фонд Совнаркома хранит документы не только о трудовой деятельности представителей сельской интеллигенции, но и о бытовых проблемах. В основном это обращения граждан с просьбами решения различных вопросов – отсутствие жилья, задержка заработной платы и снабжения продовольствием и т.д. – и решения вышестоящих органов. Подобные сведения дают возможность представить условия жизни представителей сельской интеллигенции. А материалы о должностных правонарушениях позволяют более объективно охарактеризовать моральный аспект темы.

Далее необходимо остановиться на фондах, содержащих источники об отдельных группах интеллигенции. Наиболее многочисленные представители сельской интеллигенции в советское время – это учителя. По данным отчетов Наркомпроса, в начале 1942 г. в 979 сельских школах ЧАССР работали 5642 учителя, в городских 46 школах – 721 [1. Оп. 11. Д. 1436. Л. 22]. В изучаемый период авторитет среди населения и престиж педагогической профессии были достаточно велики. Основой источниковой базы этого аспекта нашей темы являются документы фонда Министерства просвещения, или Наркомата просвещения, как он назывался в годы войны [4]. Помимо учителей различных школ и среднеспециальных учебных заведений, в большую группу педагогической интеллигенции входят воспитатели детских садов и детских домов. На 1 марта 1942 г. в республике действовали 8 детских домов, 4 из которых располагались в сельской местности (Ибресинский, Покровский, Порецкий и Убеевский). Сведения об их работе содержатся в докладных, записках и справках, материалах инспектирования [2. Оп. 1. Д. 612]. Здесь же можно найти информацию о воспитателях детских домов. Однако эти сведения представлены не по каждому детдому и отличаются по полноте содержания.

С учетом специфики темы необходимо обратиться также к небольшим фондам районных отделов народного образования и отдельных образовательных и воспитательных учреждений [5]. К сожалению, документы за военный период сохранились только в фондах Ибресинского, Ишлейского, Козлов-

ского, Красночетайского, Первомайского, Советского, Сундырского, Урмарского и Яльчикского районных отделов народного образования [6].

Следующей важной группой сельской интеллигенции является медицинская интеллигенция. Она в большинстве своем представлена не врачами, а средним медицинским персоналом. Именно они чаще всего обслуживали сельское население, так как врачей, имеющих высшее образование, в сельской местности всегда было недостаточно, а война еще больше усложнила эту ситуацию. По данным отчета Наркомздрава, в начале 1942 г. в сельской местности работали 132 врача, хотя число должностей было 192,5 [1. Оп. 11. Д. 1439]. Основными специальностями были терапевты и педиатры. Большое количество сведений о работе врачей содержат фонды Министерства здравоохранения [7] и районных отделов здравоохранения, в которых сохранились документы военного периода: Вурнарского, Козловского, Советского, Урмарского, Шемуршинского [8].

В советское время в сельской местности появилось новое средство массовой информации – кинотеатр. Возможности кино в деле пропаганды достаточны обширны. К началу войны в Чувашской АССР была налажена стабильная сеть стационарных и передвижных кинотеатров. В сельской местности действовали немые и звуковые кинопередвижки, деятельность которых уделялось большое внимание со стороны властей, особенно с началом войны. Патриотические фильмы на тему героического прошлого советского народа были призваны поддерживать боевой дух населения. Демонстрация фильмов была очень трудоемким процессом, поэтому даже в период войны киномеханиками передвижек работали в основном мужчины. В связи с нехваткой горючего им зачастую приходилось своими силами транспортировать тяжелую аппаратуру. Кроме того, по сведениям источников, киномеханики должны были читать населению лекции о положении на фронте и в тылу, давать пояснения к фильму. Работа с кинотехникой также требовала специальных знаний и образования. В связи с этим считаем вполне оправданным отнести работников кинопередвижек к сельской интеллигенции. Отчеты об их деятельности стекались в отдел культуры Статуправления ЧАССР. Здесь можно найти сведения о количестве разных видов киноустановок в сельской местности и их работников [1. Оп. 11. Д. 1437]. По материалам документов можно сделать вывод о большой нехватке кадров киноустановок. Например, в 1942 г. в сельской местности работали 17 киномехаников, а по плану их предполагалось 75 [1. Оп. 11. Д. 1437. Л. 30]. Сведения об их деятельности, заработной плате и т.д. содержатся также в документах фондов Совнаркома и Президиума Верховного Совета ЧАССР [2. Оп. 1. Д. 490 и др.].

Помимо кинопередвижек в сельской местности действовал передвижной колхозный театр. До начала войны в ЧАССР работало три подобных театра, но с июля 1941 г. продолжил работу лишь Второй колхозный театр в с. Комсомольское Комсомольского района. Он был рассчитан на 250 мест, давал представления на чувашском языке, а его штат состоял из 22 человек. По художественному направлению театр был драматическим, в основе репертуара – пьесы и спектакли. Сведения о Втором колхозном театре содержатся в уже обозначенных ранее отчетах театров, музеев и научно-исследовательских учреждений [1. Оп. 11. Д. 1437], а также в материалах фондов Управления по делам искусств при Совете министров ЧАССР и Чувашского республиканского передвижного театра [9].

Неотъемлемой частью социокультурной среды советского села являлась деятельность избы-читальни, библиотеки или клуба. В зависимости от масштаба поселения также могла издаваться местная газета. Работники всех этих учреждений имели тесную связь с сельским населением, были источником знаний и новостей, а также выполняли функцию связующей нити с властью. По отчетам Наркомпроса в 1942 г. в селах ЧАССР насчитывалось 464 библиотеки, большинство

из них – 351 – состояло при избах-читальнях [1. Оп. 11. Д. 1630. Л. 11]. Кроме того, работало 617 изб-читален с 561 платным работником, 19 районных домов культуры и районных клубов с 41 платным работником и 202 колхозных клуба с 90 платными работниками [1. Оп. 11. Д. 1630. Л. 12].

В изучении данной темы необходимо обратить внимание на особую группу населения – духовную или религиозную интеллигенцию. Религиозное сознание было свойственно большей части сельского населения, несмотря на официальную антирелигиозную политику. Можно говорить о возрождении церквей на территории Чувашской АССР с 1943-1944 гг. По сведениям источников о духовенстве по Чувашской АССР, на 1 апреля 1944 г. официально были зарегистрированы 10 священников, 2 дьякона и 9 псаломщиков [10. Оп. 1. Д. 15. Л. 6], а на 1 октября того же года – уже 17 священников, 1 дьякон и 15 псаломщиков [10. Оп. 1. Д. 16. Л. 20]. Фонд ГИА ЧР [10], содержащий документы Уполномоченного Совета по делам русской православной церкви при Совете министров СССР по Чувашской АССР, предоставляет исследователю источники о сложной и длительной борьбе верующих за открытие церквей и право открыто исповедовать православную веру, совершать религиозные обряды с участием священников. Наиболее интересны для нас сведения о деятельности религиозной интеллигенции по повышению морального духа сельского общества Чувашской АССР в годы войны, организации материальной помощи фронту. Косвенные данные, извлеченные из обращений граждан, позволяют судить о трудностях жизни священнослужителей и сложных отношениях с властью. Однако фонд Уполномоченного Совета по делам русской православной церкви при Совете министров СССР по Чувашской АССР содержит материалы с 1943 г., поэтому для создания более полной картины событий следует вновь обратиться к документам фонда Президиума Верховного Совета ЧР. В них отражен более ранний период закрытия церквей, продолжавшийся вплоть до начала войны [2. Оп. 1. Д. 531, 532, 533, 534 и др.].

Особенностью обозначенной темы можно отметить слабую представленность архивных документов некоторых учреждений за 1941-1945 гг. Прежде всего речь идет о небольших фондах, аккумулирующих, например, документы какой-либо школы или больницы. Лишь в немногих из них сохранились источники военного периода.

Необходимо отметить специфику документов изучаемого периода в целом. Большинству источников присущи идеологизированность, формализм и сухой стиль изложения. В первую очередь это касается отчетов, которые имели четкую структуру и стандартные формулировки. Только в документах со свободной формой изложения, например в докладных, обращениях граждан, проявляется объективная реальность жизни людей того периода.

Сложность изучения архивных источников иногда состоит в их неудовлетворительном физическом состоянии, так как срок их хранения составляет почти семь десятилетий. Восстановление сведений в данном случае возможно лишь сопоставлением нескольких документов. Кроме того, нужно иметь в виду региональную специфику темы. Большое количество интересующих нас документов составлялось на местах, по требованию властей на русском языке, но людьми, знающими его очень плохо. В итоге это приводило к орфографическим и стилистическим ошибкам, за которыми не всегда возможно понять смысл текста. Копий на чувашском языке, которые в данной ситуации были бы более уместны, не делали. В связи с этим от исследователя требуется понимание всех перечисленных особенностей источников для более эффективного их использования и создания объективной картины прошлого.

Таким образом, несмотря на некоторые трудности, анализ источниковой базы показывает, что ее масштаб и глубина позволяют проводить полноцен-

ное исследование по интересующей нас теме. Источники могут существенно отличаться по объему, охвату временных интервалов и отдельным аспектам, но, тем не менее, с привлечением их дополнительных групп можно воссоздать в целом всю многогранную картину деятельности сельской интеллигенции Чувашии в годы Великой Отечественной войны.

Литература

1. ГИА ЧР. Ф. 872.
2. ГИА ЧР. Ф. 1041.
3. ГИА ЧР. Ф. 203. Оп. 18-20.
4. ГИА ЧР. Ф. 221.
5. ГИА ЧР. Ф. 1387, 1642.
6. ГИА ЧР. Ф. 159, Ф. 2240, Ф. 2027, Ф. 2089, Ф. 2030, Ф. 2164, Ф. 645, Ф. 1902, Ф. 2161.
7. ГИА ЧР. Ф. 259.
8. ГИА ЧР. Ф. 2090, 2080, 2194, 1991, 2037.
9. ГИА ЧР. Ф. 1581, 1893.
10. ГИА ЧР. Ф. 1857.
11. Жиромская В.Б., И.Н. Киселев, Поляков Ю.А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. М.: Наука, 1996. 152 с.

ШИРОКОВА МАРИНА АЛЕКСАНДРОВНА – ассистент кафедры истории и культуры зарубежных стран, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (mlmaeva@mail.ru).

SHIROKOVA MARINA ALEKSANDROVNA – assistant, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 930:351.74(470)“1860/1879”

Д.А. ЯЛТАЕВ

ФИСКАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИЦИИ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В 60-70-х ГОДАХ XIX ВЕКА*

Ключевые слова: полиция, фискальная система, налоги, повинности, Казанская губерния.

На основе архивных материалов рассмотрен вопрос о сохранении фискальных и административных функций исполнительной уездной полиции, несмотря на реформы по преобразованию системы налогов и повинностей, проводившихся в России во второй половине XIX в.

D.A. YALTAEV

FISCAL FUNCTIONS OF THE POLICE IN KAZAN STATE IN RUSSIA DURING 1860-1870s

Key words: police, fiscal system, taxes, obligations, Kazan state.

Based on archive materials, the topic addresses a question of keeping fiscal and administrative functions of the state police intact, despite the tax and obligation reforms in Russia in the second part of 19th century.

В 2010-2011 гг. стартовали две реформы: увеличение налоговых сборов с работодателей при усилении персонификации учета социальных отчислений и преобразование милиции в полицию. В связи с этим, как и в конце XIX в., все большее внимание государство уделяет деятельности контрольно-ревизионных служб. В отличие от современности полиция дореволюционной России выполняла и фискальные функции, определяемые тем, что она являлась единственным органом центрального государственного подчинения на местном уровне. Однако, поскольку при описании ее деятельности внимание обычно уделялось

* Исследование выполнено по госконтракту № 16.740.11.0408 ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг.

охранительным функциям, детальное изучение вопросов контроля над сбором податей и выполнением повинностей ускользало от исследователей. Необходимо определить те изменения, которые происходили в структуре полицейских органов после начала реформ 60-70-х гг. и до формирования специальных налоговых органов в 80-х гг. XIX в.

Во второй половине XIX в., особенно в ходе проведения реформ 60-70-х гг., прежняя налоговая система, построенная на феодальных и общинных принципах, явно утратила свою функциональность. Натуральный и уравнилельный принципы уплаты налогов мешали развитию рыночных отношений как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Неоднократно создавались специальные комиссии, имевшие целью преобразование существовавшей налоговой системы податного типа. В 1859 г. комиссия по пересмотру податей и сборов пришла к выводу, что без отмены подушной податной схемы нельзя достигнуть совершенного улучшения в устройстве прямых податей. В 1868 г. комиссия составила проект подворного и поземельного налогов, которые должны были заменить подушную подать и все сборы, основанные на подушной системе. Но при широком его обсуждении земствами в 1870 г. данное предложение было отвергнуто, поскольку новые налоги менялись только формально, сохраняя за крестьянством бремя несения основных выплат. В 1872 г. особая комиссия под председательством П.А. Валуева рассмотрела отзывы земств и составила их отдельный свод, на основе которого другая, финансовая комиссия, составила проект о замене подушных сборов подворным и разрядным налогами. В 1876 г. этот проект обсуждался комиссией под председательством великого князя Константина Николаевича. 23 марта 1879 г. по инициативе министра финансов С.А. Грейга была образована комиссия «для обсуждения предположений об отмене сборов, взимаемых в пользу государственного казначейства по подушной системе, и взыскания для замены их другими источниками государственных доходов» [9. С. 127-128]. Однако подушная подать сохранялась до 1887 г. Таким образом, несмотря на резкие изменения в структуре населения, т.е. налогоплательщиков, и преобразования в общественно-политической системе, что отразилось в многочисленных проектах на протяжении 60-70-х гг. вплоть до преобразований второй половины 80-х гг. XIX в., связанных с созданием институтов податной инспекции и участковых земских начальников, схема взимания налогов и исполнения повинностей в целом оставалась прежней. В качестве единственного изменения следует назвать вмешательство в процесс выполнения повинностей и сбора выкупных платежей со стороны мировых посредников. Это значительно осложняло работу государственных контрольно-ревизионных органов, действовавших в рамках прежней системы, но уже в новых условиях.

После проведения реформы 1861 г. по освобождению крестьян от крепостной зависимости были введены новые налоги. В 1863 г. появился подомовой налог, которым облагались жилые дома, фабрики, заводы, театры, бани и строения с принадлежащими к ним постройками [8. С. 88]. С 1875 г. применялся государственный поземельный налог. Им обкладывались все земли, кроме казенных, налог носил раскладочный характер [3. С. 34]. В связи с возникновением земств вводились земские налоги и сборы. Указом от 1 января 1863 г. винные откупа заменяются акцизными сборами со спиртных напитков (винным акцизом). При этом сохранялась важная роль в системе государственных доходов следующих видов налогов – подушного, питейного и таможенного сборов, соляного (в 1862 г. вводится акциз на соль), акцизов на дрожжи (1866), керосин (1872), табак. Денежные земские повинности использовались на содержание местного административно-полицейского аппарата, школ, больниц, пожарной охраны и т.п. Натуральные земские повинности применялись при ремонте дорог, мостов и т.д. Они устанавливались либо государством (ремонтные работы, почтовая и пр.), либо самими земствами (на со-

держание школ, больниц и т.п.). Кроме земских повинностей, распределявшихся на все податное население, существовали и такие, которые падали только на крестьян (например, несение расходов по содержанию воинского и крестьянского управлений) [8. С. 88-90].

Порядок собирания податных окладов, который практиковался в России вплоть до 60-х гг. XIX в., установился еще со времени издания «Учреждения о губерниях» 1775 г. В городских обществах сбор податей производился старостами, с государственных крестьян – выбранными сборщиками податей, с помещичьих крестьян – помещиками или их приказчиками и управителями [9. С. 126]. За сбор налогов и исполнение повинностей отвечал губернатор. Основной контроль осуществляла губернская казенная палата, которая согласовывала свои действия с различными губернскими и уездными присутствиями. Деятельность по непосредственному взиманию как подушной подати, так и других подобных платежей, а также по побуждению крестьян к выполнению натуральных повинностей осуществлялась должностными лицами сельского и волостного самоуправления. Однако сельские власти, находившиеся в прямой зависимости от своих односельчан, часто не могли обеспечивать безнедоимочное взимание налогов и повинностей. Недоимки появились сразу после введения подушной подати в 1724 г. При вступлении на престол Елизаветы Петровны они составили 5 млн руб. и были прощены в 1752 г. Но уже к воцарению Екатерины II их сумма дошла до 8 млн. О систематичности недоимок говорит то, что только по подушной подати задолженности достигали таких сумм, которые уже невозможно было взыскать. Недоимки попросту прощались в 1787 г., 1814 г., 1825-1826 гг., 1855-1856 гг. и др. [9. С. 126-127]. Подобная ситуация складывалась и в отношении земских сборов. Как следствие, над волостными учреждениями и ответственными лицами постоянно создавались государственные контролирующие надстройки.

Уездная полиция, как государственно-исполнительный орган, отвечала за реализацию правительственных решений в отношении крестьян. Согласно ст. 85 «Правил нового устройства земских повинностей» от 13 июля 1851 г. объявления в общества и поместья рассылались губернским правлением через городскую и земскую полицию [5]. Губернские власти особо выделяли деятельность полиции по обеспечению поступления в казну податей, выкупных платежей и других сборов. Фискальные обязанности полиции были крайне трудоемкими. По своей сложности производство описей недвижимости имущества землевладельцев за неплатежи долгов казне приравнивали к действиям по прекращению лесных пожаров и дознаниям о смертоубийствах и грабежах [2. Д. 13. Л. 76]. С передачей государственных крестьян в ведение общих губернских и уездных по крестьянским делам учреждений в обязанность полиции перешло наблюдение за своевременным взносом крестьянами податей [4. Д. 210. Л. 11]. Исправники и становые приставы лично вели дела по взысканиям. Причем по делам наблюдения за поступлением налогов и производством взысканий кроме обширной переписки требовалась личная деятельность полицейских на местах. Им приходилось тратить много времени и труда, чтобы пополнить какую-либо недоимку [4. Д. 3517. Л. 119-121 об.]. При ревизии деятельности гражданского полицейского надзирателя в 1869 г. губернатор отмечал быструю работу по всем делам, кроме взыскания недоимок [2. Д. 39. Л. 308]. В списке неисполненных бумаг приставов Ядринского уезда за 1905-1909 гг. все неисполненные поручения касались дел по взысканию налогов, податей, денег с должников и т.п. (при этом делались ежегодные, иногда многократные, попытки взыскания) [2. Д. 28. Л. 210-220]. Становые приставы и исправники направляли в губернское правление сведения о недоимках губернского, мирового, страхового и прочих сборов, хотя официально сбором занимались волостные правления. Полиция отчасти дублировала деятельность этих органов [2. Д. 41. Л. 1-39]. Осенью 1874 г. по-

лиция временно получила полный контроль за поступлением платежей с крестьян. С передачей 27 июня 1874 г. функций мировых посредников уездным присутствиям по крестьянским делам до реформирования последних на полицию возложили обязанности по наблюдению за поступлением денежных сборов (кроме случаев, отнесенных к исключительной юрисдикции присутствий) [2. Д. 28. Л. 53-54; Д. 103. Л. 19-19 об.]. Отчасти такая практика сохранялась за полицией и позднее. Например, становые приставы фиксировали в специальных расчетных книгах начисление денежных сумм по земельным сборам с частных, общественных, городских и казенных земель [2. Д. 1. Л. 1-34]. Нередко исправникам приходилось составлять описи имущества неплательщиков на предмет его продажи для погашения взысканий [4. Д. 3517. Л. 120]. Аукционные продажи имущества должников часто были единственным выходом в деле взимания недоимок, хотя обычно это не помогало из-за полной материальной необеспеченности некоторых должников из крестьян. Становые приставы организовывали торги по продаже арестованного за недоимки имущества [2. Д. 3. Л. 202].

Иногда процесс взыскания недоимок принимал формы больших полицейских операций. Так, в 1885 г. урядник Цивильского уезда Герасимов совместно с волостными должностными лицами отлавливал татар Акзегитовской волости в соседних селениях и гумнах, которые приходилось окружать для поимки беглецов [2. Д. 414. Л. 2-2 об.]. За достижение безнедоимочных поступлений исправникам и становым приставам губернатором объявлялась благодарность, о чем сообщалось в «Казанских губернских ведомостях» [2. Д. 62. Л. 7].

Согласно ст. 546 Устава о податях (изд. 1876 г.) становым приставам и иным чиновникам уездной полиции запрещалось принимать, а тем более требовать от поселян деньги, следующие на подати и другие повинности. Эти средства поступали от крестьянских сборщиков или сельских старост в уездное казначейство [6. С. 265]. Поэтому полицейские чины обычно не занимались взиманием недоимок, перекладывая данную обязанность на волостные правления и оставляя за собой только функцию докладчика [2. Д. 21. Л. 194]. Тем не менее то, что книга о приходе и расходе взыскиваемых сумм становых и надзирателей не помещалась даже в один том (делилась на два полугодия), говорит об обширности этой работы [2. Д. 18. Л. 34]. Согласно правилам, если становой пристав допускал хоть какое-то послабление, то он подлежал увольнению и преданию суду по всей строгости закона [6. С. 265].

Полиция сотрудничала как с государственным казначейством, так и с другими органами, часто заменяя их. Уездные казначейства ежемесячно подавали уездным полицейским управлениям краткие реестры «о недоимках, числящихся и поступающих по сему Казначейству, зависящих взыскания» от полиции [2. Д. 21. Л. 21-25]. Согласно циркуляру МВД 12 июня 1867 г. № 4106, уездные казначейства обязаны были доставлять местной полиции подробные недоимочные реестры по истечении первой и второй половины года. Все распоряжения, сделанные по взысканию недоимок, полиция подробно отмечала в специальной ведомости, один экземпляр которой в течение трех месяцев (с назначенного срока начала взыскания) отправлялся в казначейство [6. С. 262-263]. Директор Департамента полиции МВД С. Белецкий свидетельствовал, что уездная полиция служила исполнительным органом всех ведомств и установлений не только правительственных, но и общественных. Взыскания разного рода налогов, сборов, переборов, залогов по подрядам, рассылка окладных и пенсионных листов, вручение и истребование разного рода отзывов, документов, объявлений и других бумаг, производство расследований о несостоятельности недоимщиков – все это входило в обязанности полиции, заполняя собою едва ли не большую часть ее служебной деятельности [1. С. 44].

Исходя из «Устава о земских повинностях» 1851 г. в некоторых случаях губернская казенная палата вместе с особым о земских повинностях присутствием могла проводить в уездных городах торги по земским повинностям. Ст. 108 указывала на производство торгов в общем присутствии под председательством уездного предводителя дворянства, где помимо других лиц обязан был находиться земский (уездный) исправник. Вызов к торгам производился губернским правлением через полицию и газетные объявления [5].

Постепенно фискальные функции полиции передавались другим ведомствам. Департамент торговли и мануфактур Министерства финансов циркуляром от 26 ноября 1864 г. № 8902 на основании высочайше утвержденного 26 октября 1864 г. мнения Госсовета, уведомил губернские власти о том, что местный надзор за правильным производством табачной промышленности с 1 января 1865 г. переходит в ведение питейно-акцизного управления, в связи с чем предписывалось освободить от специального надзора чиновников городских и уездных полиций [4. Д. 2021. Л. 82].

Дело сбора податей должно было исполняться самими сельскими обществами под контролем волостных властей. Обязанности по организации налоговых сборов осуществляли мировые посредники. Конечный контроль вело губернское казначейство. Уездная полиция, обязанная исполнять решения мирового посредника, подчинялась силе обстоятельств [4. Д. 1670. Л. 1 об.]. В деле сбора с крестьян податей и других денежных сборов мировые посредники иногда отсрочивали денежные платежи. В результате недоимки в селениях умножались, а уездная полиция получала незаслуженные нарекания за нераспорядительность. Жалобы полиции на волостное и сельское начальство мировой посредник принимал как бы лично в укор себе или за вмешательство в круг его действий, и тогда возникали полемическая переписка и нескончаемый ряд пререканий [4. Д. 2235. Л. 4 об., 28-28 об.].

Вскоре часть контрольных функций в плане своих налогов и повинностей взяли на себя только что созданные земства. Они делили с полицией некоторые обязанности, но иногда воспринимали это деление как полное переложение их на плечи последней. Так, согласно ст. 36 «Временных правил для земских учреждений», наблюдение за выполнением натуральных повинностей и меры исполнения, под общим заведованием уездной управы, возлагались на общественные власти и полицейские учреждения. Земства трактовали данное положение так, что именно полиция должна выполнять эти обязанности. На замечание казанского губернатора, что это дело исполнительных, а не карательных властей, не обращалось никакого внимания. Вместо предварительных настаиваний о взимании денежных сборов у волостных, сельских начальств и у мировых посредников, при содействии которых должно было начинаться взыскание денежных земских сборов и в распоряжении которых имелись гораздо большие и реальные средства побуждения неплательщиков, чем у полиции, земские управы привыкли обращаться напрямую в уездную полицию, обременяя ее обширной перепиской [4. Д. 2235. Л. 6].

Особо выделялась деятельность полиции по надзору за производством и продажей алкогольных напитков. 12 сентября 1867 г. Министерства финансов издало «Инструкцию полициям об обязанностях их по питейному сбору». К особым обязанностям полиции, согласно ст. 96 и 97 Устава о питейном сборе, принадлежали следующие меры: надзор в тех местах, где не существовало особой торговой полиции, за изготовлением и продажей алкогольных напитков по установленным патентам; предупреждение продажи из неустановленных в уставе мест; содействие акцизному управлению в деле надзора за исполнением заводчиками правил о порядке производства «питий»; производство дознания, расследования и разбирательства по ряду связанных с этой сферой дел [7. С. 131].

Уездная полиция настолько тесно была переплетена с системой администрации, что даже занималась продажей гербовых марок. В XIX в. для удобства обы-

вателей, обращавшихся в полицию за справками и удостоверениями, полицейские управления закупали их и продавали просителям [4. Д. 682. Л. 1, 36]. Тем самым деятельность некоторых полицейских управлений переплеталась с работой чисто финансового органа. Кроме этого, Казанская контрольная палата допускала передачу через станowych приставов депозитов для крестьян (от 1 до 3 руб.) [2. Д. 209. Л. 5].

Полицейские органы, вопреки ожиданиям, вызванным проведением судебной реформы 1864 г. и иных преобразований тех лет, направленным на отделение от них судебных и управленческих функций, сохраняли их за собой. Во многом это коснулось и фискальной системы, которая в основе своей сохранила ранее сложившиеся принципы. Следует заметить, что даже более позднее введение института податной инспекции не спасло ситуации. Податные инспектора, как и земские органы самоуправления, и казначейства, и губернская казенная палата, продолжали воздействовать на налогоплательщиков и волостные органы преимущественно посредством полиции, за которой, таким образом, продолжали сохраняться административные функции.

Литература и источники

1. Белецкий С., Руткевич П. Исторический очерк образования и развития полицейских учреждений России. Приложение 5-е к законопроекту. СПб.: Тип. МВД, 1913. 42 с.
2. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. 122. Оп. 1. Д. 39, 41, 62, 103, 414; Ф. 354. Оп. 1. Д. 13; Ф. 358. Оп. 1. Д. 18; Ф. 359. Оп. 1. Д. 3, 28; Ф. 373. Оп. 1. Д. 21, 209; Ф. 379. Оп. 1. Д. 1.
3. Ермасова Н.Б. Бюджетная система Российской Федерации: учебник. М.: Юрайт, 2010. 794 с.
4. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2021; Оп. 3. Д. 210, 1670, 2235, 3517; Оп. 4. Д. 682.
5. Правила нового устройства земских повинностей от 13 июля 1851 г. // ПСЗ. Собр. 2-е. Т. XXVI. Отд. 1. 1851. № 25398.
6. Сборник узаконений, постановлений и распоряжений, относящихся до обязанности исполнительных чинов полиции по своду законов изд. 1857 и 1876 г. и распоряжениям Правительства / сост. Н.И. Ефремов. Ст. Новониколаевская: Тип. Н.И. Ефремова, 1879. 480 с.
7. Справочная книга для полицейских урядников. СПб.: Книжный магазин юридической литературы, 1887. 170 с.
8. Толкушин А.В. История налогов в России. М.: Юрист, 2001. 430 с.
9. Энциклопедический словарь. Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон. Т. XXIV. СПб.: Тип.-Литография И.А. Ефрона, 1898. 497 с.

ЯЛТАЕВ ДМИТРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры Отечественной истории имени А.В. Арсентьевой, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (dmru@mail.ru).

YALTAEV DMITRIY ANATOLYEVICH – candidate of historical sciences, assistant professor of History Russia Chair named after A.V. Arsenteyeva, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 130.2:17

О.В. КИРСАНОВА

**СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ПРАВО
В ЭТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ И. КАНТА И Г.В.Ф. ГЕГЕЛЯ**

Ключевые слова: справедливость, право, взаимодействие, равенство, нравственность.

Рассмотрены этические взгляды И. Канта и Г. Гегеля на проблему права и справедливости. Особое внимание уделено анализу влияния справедливости на процесс формирования права.

O.V. KIRSANOVA

JUSTICE AND LAW IN THE ETHICAL VIEWS OF I. KANT AND G. GEGEL

Key words: justice, law, interaction, equality, morals.

The ethical views of I. Kant and G. Hegel on the problems of law and justice are considered in the article. The main attention is paid to analyze the influence of justice on the process of law.

Проблема справедливости, ее соотношения и взаимодействия с правом всегда была актуальной в этике и философии. Но особый интерес к ее изучению был проявлен представителями немецкой классической философии – И. Кантом и Г.В.Ф. Гегелем.

Нужно сказать, что отличительной чертой философии этого периода была реакция на авторитарные концепции права, поскольку духовная жизнь начала освобождаться из-под власти религиозно-церковных пастырей, а развитие европейских государств ориентировалось на науку и просвещение.

Во всех сферах жизни были подорваны многовековые традиционные устои. Общественные изменения оказались столь глубокими, что создали новую человеческую ситуацию, суть которой можно было бы охарактеризовать как появление свободной личности, переход от внешне-предзаданных форм поведения к индивидуально-ответственным [4. С. 5].

Все это требовало нового обоснования нравственности и необходимости разработки философии справедливости и прав человека, которая бы радикально отличалась от теорий любого предшествующего периода.

Важный шаг в этом направлении был сделан виднейшими представителями немецкой классической философии – И. Кантом и Г.В.Ф. Гегелем.

И. Кант осуществил глубокую философскую разработку проблемы справедливости. В «Метафизике нравов» он отмечал, что «если исчезнет справедливость, жизнь на земле уже не будет иметь никакой цены». Он также говорил о том, что ничто не возмущает нас больше, чем несправедливость; все другие виды зла, которые нам приходится терпеть, ничто по сравнению с ней.

Отличительной чертой взглядов Канта на справедливость в праве, как и всей его этики, был перевод практических потребностей развития общественных отношений на язык «чистых», полностью априорных определений и постулатов. Такие же основания, по мнению философа, присущи и подлинной справедливости. Никакой ученый правовед, говорил Кант, не сможет, опираясь на познание реальных общественных отношений, ответить на вопрос, справедливо ли требование закона.

Представления Канта о справедливости строились на основе использования другого понятия этики – свободы, центрального понятия всей его «практической философии». Свобода индивида является первейшей предпосылкой справедливости в отношениях между людьми. Это положение Канта в даль-

нейших учениях теоретиков справедливости явилось основой и предпосылкой либералистских концепций справедливости.

Рассуждая о социально справедливом государстве, его коренных особенностях, он говорил о том, что «справедливый» государственный строй – это «строй, основанный на наибольшей человеческой свободе согласно законам, благодаря которым свобода каждого совместима со свободой всех остальных».

Справедливость Кант рассматривал как меру морального достоинства принуждающей власти, как обязательное условие нравственного признания власти со стороны подданных, уважения и доверия к ней [6. С. 212].

Справедливость по Канту реализуется в двух основных формах: как карающая (назначение наказания, соразмерного причиненному злу) и как распределительная (определение «удела» или вознаграждения, соразмерного заслуге). Она должна быть высшим нормативным основанием для издаваемых властью законов, а также высшей добродетелью «человека власти» (т.е. того, кто приводит эти законы в жизнь).

И. Кант считал, что «справедливость есть безусловная норма индивида, поставленного (или угодившего) в положение судящей и принуждающей инстанции, – высшая моральная максима третейских решений» [6. С. 213].

Забота о соблюдении справедливости должна, по мнению И. Канта, безусловным образом ставиться на первый план во всех действиях принуждающей власти. Любые другие цели и задачи являются вторичными, подчиненными по отношению к ней. Власть может стремиться, например, к росту благосостояния, славы и могущества нации, однако ни одно из такого рода стремлений не должно ставиться ею выше справедливости и достигаться в противоречии с нею.

Соглашаясь с Монтескье, Беккариа и физиократами в том, что правовой порядок способствует экономическому росту, развитию предприимчивости и патриотической инициативы среди граждан, Кант в очерке «Идея всеобщей истории...» утверждает, что «справедливость в ее совершеннейшей форме» образует наилучшую базу для соперничества человеческих сил и способствует эффективному и динамичному развитию общественных отношений.

В то же время точка зрения И. Канта существенно отличалась от взглядов просветителей и физиократов. По его мнению, принуждающая власть имеет все основания надеяться, что соблюдение ею справедливости объективно послужит средством для осуществления экономического, социального и культурного прогресса, однако она никогда не должна рассматривать и практиковать справедливость лишь в качестве средства для достижения этих целей. Справедливость может содействовать прогрессу лишь только в том случае, когда она ставится выше любых устремлений власти и осуществляется ею как первейший моральный долг.

Рассматривая связь справедливости и права, И. Кант писал: «строжайшее право – это величайшая несправедливость» (*summum ius summa iniuria*); но на пути права этому злу ничем помочь нельзя, хотя оно и имеет отношение к правовому требованию, потому что справедливость относится только к суду *совести* (*forum poli*), а каждый правовой вопрос должен решаться на основании *гражданского права* (*forum soli*) [3. С. 289].

Строгое (*strikte*) право рассматривается И. Кантом «как возможность полного взаимного принуждения, согласующегося со свободой каждого, сообразной со всеобщими законами».

«Итак, если говорят: кредитор имеет право требовать от должника уплаты его долга, то это не означает, что он может внушить должнику, что его собст-

венный разум обязывает его к уплате; нет, принуждение, которое заставляет каждого делать это, вполне совместимо со свободой каждого, а следовательно, и с собственной свободой, сообразной со всеобщим внешним законом; таким образом, право и правомочие принуждать означают одно и то же» [З. С. 287].

Рассуждая о том, что такое право, И. Кант в «Метафизике нравов» резюмирует: «право – это совокупность условий, при которых произвол одного [лица] совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы» [З. С. 285].

С одной стороны, И. Кант разграничивает моральное и легальное поведение, право с объективной стороны и право с субъективной стороны. Моральным можно назвать такое поведение, которое продиктовано внутренним осознанием долга. Правовое же поведение основано на выполнении предписаний закона, независимо от внутренних мотивов субъекта.

Право с объективной стороны заключается в подчинении всех общему моральному закону, а право с субъективной стороны характеризуется тем, что каждый должен согласовывать свой произвол (свободу) со свободой (произволом) другого человека.

С другой стороны, Кант связывает нравственность и право, так как в основе права заложен нравственный принцип категорического императива; но мир права и мир морали нельзя отождествить, поскольку они автономны.

Относя справедливость всецело к «практическому разуму», морали, Кант тем самым существенно ограничивал возможности для ее правильного анализа. Хотя при этом нельзя сказать, что противопоставление им справедливости и права целиком лишено смысла. Не говоря уже о возможности правового оформления различных подходов к справедливости, государство – и это нередко бывает – ради грядущей справедливости узаконивает акты явной несправедливости, навязывает обществу, как говорил А. Камю, «империализм справедливости».

И. Кант делал акцент на различии этической и правовой справедливости. Он приводил такой пример. «Тот, кто, участвуя на равных паях в торговой компании, *сделал* больше других, но при этом из-за несчастных случаев *потерял* больше, чем другие члены компании, может *по справедливости* требовать от компании больше, чем равную часть. Однако по истинному (строгому) праву, поскольку – если представить себе в этом случае судью – судья не имеет точных данных (data), чтобы решить, сколько полагается этому лицу по контракту, ему бы отказали в удовлетворении его требования. Домашний слуга, которому набежавшее к концу года жалованье выплачивается в обесценившихся за это время деньгах, причем на них он не может приобрести то, что мог бы купить тогда, когда заключал контракт, не может при одинаковой номинальной стоимости, но разной стоимости денег ссылаться на свое право; он может лишь взывать к справедливости (немому божеству, голос которого нельзя слышать), так как в контракте на этот счет ничего не было сказано, а судья не может выносить решение при неопределенных условиях [договора]» [З. С. 288-289].

На основании различий этической и правовой сторон взаимоотношений людей И. Кант делает вывод о том, что «суд справедливости» содержит в себе противоречие и состоит как бы из двух судов – «суда совести», относящегося к этической справедливости, и «суда права», выражающего правовую справедливость.

Своеобразное представление И. Канта о понимании справедливости отмечено в эссе «О мнимом праве лгать из человеколюбия». Рассуждая о недо-

пустимости лжи, он рассматривает ситуацию, когда человек предоставляет убежище другу, преследуемому злоумышленником. Вскоре в дверь стучит злоумышленник и в категоричной форме спрашивает, не скрывается ли в доме интересующее его лицо. Как утверждает по этому поводу Кант, строжайшая обязанность человека состоит в том, чтобы сказать злоумышленнику всю правду без утайки.

По Канту, ради справедливости перед человечеством надо выдать на смерть и сына, и брата.

Рассуждая о законах, И. Кант говорит о том, что законы могут относиться к праву или к этике не только по содержанию, но и по побудительному основанию. Государь не требует, чтобы его подати платили охотно, но этого требует этика; оба, как тот, кто платит их охотно, так и тот, кто платит их под принуждением, суть равные подданные, ибо они оба платят. Государи не могут требовать настроения, потому что оно не познается, ибо является внутренним. А этика повелевает совершать действия по доброму настроению. Соблюдение божественных законов есть единственный случай, где право и этика согласуются, и оба они суть в отношении Бога принудительные законы: ибо Бог может принудить к этическим и юридическим действиям, но он требует действия не по принуждению, а по долгу [4. С. 62].

Развивая представления о так называемой теории наказания, Кант писал, что уголовное наказание – это справедливая кара за преступление, причинение государством определенного страдания преступнику за содеянное им зло. Наказание – это требование категорического императива, не нуждающееся в дополнительных утилитарных соображениях: преступник должен быть признан подлежащим наказанию до того, как возникнет мысль о том, что из этого наказания можно извлечь пользу для него самого или для его сограждан.

Кант отстаивает идею равенства между преступлением и наказанием. Убийство должно караться смертной казнью (исключение делается Кантом лишь для двух случаев – убийства матерью новорожденного внебрачного ребенка и убийства на дуэли). Даже в ситуации роспуска гражданского общества справедливость категорически требует смертной казни последнего убийцы – прямо по его излюбленному афоризму: «Fiat iustitia, pereat mundus» («Пусть свершится справедливость, если даже погибнет мир»).

По мнению В.С. Нерсисянца, нельзя согласиться с доводами Канта в пользу допустимости смертной казни и за иные (например, государственные) преступления.

Такое допущение явно нарушает принцип права, который требует равенства между преступлением как нарушением права и наказанием как восстановлением нарушенного права. Этот принцип в грубой форме представлен уже в древнем правиле талиона: «око за око, зуб за зуб, жизнь за жизнь». Тонким и точным символическим изображением правового равенства и выражаемой им справедливости стал образ Весов Правосудия – средства равного воздаяния за содеянное.

Цивилизация лишь видоизменила и смягчила грубые формы выражения талиона как принципа равного воздаяния, но сам этот принцип присущ любому праву. С точки зрения гуманизации наказания, по мнению В.С. Нерсисянца, речь должна идти о поисках более точных и возможно мягких форм выражения этого эквивалента – в соответствии с исторически достигнутым реальным уровнем развития общества и его правовой культуры, характером нравов и общественного сознания, состоянием и динамикой преступности [5. С. 627-628].

Проблема справедливости и ее соотношения с правом занимает большое место и в творчестве Г.В.Ф. Гегеля.

По его мнению, справедливость выступает как единая титаническая сила, принадлежащая старым богам. Но справедливость не есть слепая необходимость, фатум; она есть судьба, выступающая в сфере нравственного, познанная как истинная справедливость.

Гегель утверждал, что справедливость и несправедливость – понятия относительные и основаны на различии величин. И эти количественные изменения переходят в качественные, и справедливость может обернуться несправедливостью.

Он считал, что право, правовые обязанности должны соединяться «со стремлением поступать справедливо ради справедливости». Хорошие законы, как и свободная собственность, ведущие «к процветанию и блеску государства», служат, по его мнению, выражением справедливости, составляющей «нечто великое в гражданском обществе». И те правители, которые дали своему народу собрание законов, «совершили этим великий акт справедливости».

Гораздо резче, чем Кант и французские просветители, Гегель утверждал неразрывную связь свободы с частной собственностью. Именно в последней, по его мнению, реализует себя свобода индивида. Гегель подчеркивал неизбежность и справедливость неравенства собственности.

В «Философии права» он убедительно показал, что деление имущества на равные части (уравниловка) не ведет к равенству, для его установления нужны иные основания. «Когда утверждают, – рассуждал Гегель, – что собственность должна быть равной, то нелепость этого легко показать на последствиях такого равенства. Если все, что составляет имущество, правильно оценить и разделить на равные части, то уже через четверть часа все станет иным по той простой причине, что равные доли были предоставлены индивидуумам, особенным, различным по отношению друг к другу, не равным. Поэтому равное предоставляется неравным. И следствием того, что таким неравным дано равное, сразу же окажется, что внешне равное снова станет неравным» [2. С. 400].

Гегель рассматривал категории справедливости и несправедливости неотделимыми от права. Особенно ярко это выражено в «Философии духа», где на государство возлагается решение нравственных проблем. По мнению философа, нравственность есть конкретное тождество блага и субъективной воли, в котором выражаются одновременно право и мораль как внешнее и внутреннее бытие свободы. Все, что переходит из внутреннего чувствования в сферу нравственности, безусловно, подчинено авторитету государства.

Заслугой Г.В.Ф. Гегеля является признание диалектической взаимосвязи между правом и справедливостью. Однако эта правильная мысль, по мнению З.А. Бербешкиной, выражена у него в идеалистическом, искаженном виде, так как объективную основу данной взаимосвязи он искал не в реальных жизненных отношениях людей, а в абсолютной идее. Подчеркивая взаимосвязь права и справедливости, он недооценивал существенные различия между ними по роли и значению в развитии общества [1. С. 86-87].

Наказание рассматривается Гегелем как собственное право преступника: «Преступник почитается как разумное существо, и вынесенная судом санкция выражает тем самым уважение к преступнику как к личности, свободно выбравшей форму своего поведения в виде преступления. Эта честь не будет ему воздана, если понятие и мерило его наказания не будут взяты из самого его деяния; так же и в том случае, если рассматривать его как вредного зверя, которого следует обезвредить или стремиться запугать и исправить его. Что же касается, далее, способа существования справедливости, то форма, кото-

рую она имеет в государстве, а именно *наказание*, не единственная форма, и государство не есть предпосылка, обуславливающая собой справедливость» [2. С. 148].

Даже с обыденной точки зрения справедливость всегда требует поиска «равенства», эквивалента, выступает как этическое представление о соразмерности проступка и возмездия, услуги и награды. И уже только в силу этого справедливость нуждается в правовой защите. Более того, в жизни достичь справедливого равенства, добиться торжества справедливости можно лишь через право.

По мнению Гегеля, то, что есть право, есть также и обязанность, а что есть обязанность, то есть и право. Это означает, что тот, кто не имеет никаких прав, не имеет и никаких обязанностей, и наоборот. К примеру, говорит Гегель, права отца семейства над его членами в такой же мере и обязанности в отношении к ним, как и обязанность послушания детей есть их право стать благодаря воспитанию свободными людьми.

Карательное правосудие государства, его право на управление в то же время и его обязанность наказывать, равно как и то, что граждане данного государства исполняют в отношении податей, военной службы, являются их обязанностями и в то же время их правом на охрану их частной собственности.

Гегель также отмечал близость правовой и этической справедливости, наглядно выраженной в воспитании ребенка. Чтобы у детей не развивались нескромность и дерзость, нужны дисциплина и даже наказание. Однако последнее с необходимостью должно принять форму справедливости, органически связанную с «собственной субъективностью» (самосознанием ребенка).

В заключение хотелось бы отметить, что учения о справедливости И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля, сыгравшие огромную роль в этике и философии, сохраняют свою значимость и в наши дни. Их идеи о справедливости и нравственности приобретают особую актуальность в современных условиях интенсивного развития в направлении к повсеместному признанию и утверждению принципов свободы, равенства и самостоятельности человеческой личности.

Суждения Канта и Гегеля по данной проблеме и сегодня продолжают играть огромную роль в уяснении того, где мы находимся и куда должны двигаться в поиске верного пути к будущему [5. С. 633].

Литература

1. Бербешкина З.А. Справедливость как социально-философская категория. М.: Мысль, 1983. 203 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
3. Кант И. Критика практического разума. СПб.: Наука, 2005. 528 с.
4. Кант И. Лекции по этике. М.: Республика, 2005. 430 с.
5. Нерсисянц В.С. Философия права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2008. 835 с.
6. Соловьев Э.Ю. Категорический императив нравственности и права. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 416 с.

КИРСАНОВА ОЛЬГА ВИКТОРОВНА – аспирантка кафедры философии для гуманитарных специальностей, Мордовский государственный университет, Россия, Саранск (Okirsanova@e-mordovia.ru).

KIRSANOVA OLGA VIKTOROVNA – post-graduate student, Mordovian State University, Russia, Saransk.

УДК 159.9.016.3

З.Р. СЛЕСАРЕНКО

**ЭМПАТИЯ КАК УСЛОВИЕ
КУЛЬТУРОТВОРЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ ЧЕЛОВЕКА**

Ключевые слова: эмпатия, проекция, интроекция, идентификация, вчувствование, культуротворчество.

Выявлен процесс возникновения и становления феномена эмпатии. Автор разделяет культурную и природную эмпатию и исходит из того, что эмпатия представляет собой продуктивную эмоциональность, выступающую условием культуротворческой активности человека. Актуальность данной работы определяется тем, что на современном этапе развития отечественной гуманитарной науки проблемы эмпатии не получили полного критического освещения, что является существенным пробелом в философии и культурологии.

Z.R. SLESARENKO

EMPATHY AS A CONDITION OF CULTURAL CREATIVE ACTIVITY OF THE PERSON

Key words: empathy, a projection, an introjection, identification, art-culture.

In article process of occurrence and formation of a phenomenon of empathy comes to light. The author divides cultural and natural empathy and the empathy recognizes that represents the productive emotionality acting as a condition art-culture of activity of the person. The urgency of the given work is defined by that at the present stage of development of the domestic humanity of a problem of empathy haven't received full critical illumination that is an essential blank in philosophy and cultural science.

Обострение экологических, этнокультурных и образовательных проблем, утрата межличностной и коммуникативной способности человека в настоящее время обуславливают интерес к изучению эмоционально-чувственной стороны творчества. В современном обществе у человека утрачивается способность к сопереживанию во взаимоотношении между людьми, что ведет к обеднению культуротворческой способности и ее постепенному исчезновению. Тогда как благодаря творчеству человек достигает духовной гармонии и устремляется к высотам своего совершенства. В связи с этим последние два десятилетия эмпатия как способность быть другим, одновременно оставаясь самим собой, становится объектом внимания философов и культурологов.

Проблемой эмпатии интересовались специалисты по психологии, педагогике, философии, эстетике и социологии. Под эмпатией исследователи понимают: вчувствование (Т. Липпс, И. Фолькельт), понимание (В. Дильтей), сопереживание (К. Роджерс), симпатию, (А. Шопенгауэр, Т. Риббо), воображение, фантазию (Э.В. Ильенков, С.Г. Афанасьев, Е.Я. Басин), коммуникацию (Т.П. Гаврилова) и т.п.

Все известные определения эмпатии условно можно поделить на две группы: к первой группе относятся те, которые эмпатию подменяют другими компонентами эмоциональной структуры творческого субъекта (симпатия, подражание). Ко второй группе относятся определения, выделяющие эмпатию как самостоятельный феномен.

В данной работе мы будем опираться на концепцию Е.Я. Басина, утверждающего, что для эмпатии специфичным является механизм проекции-интроекции, а результативным выражением процессов – идентификация.

Мы согласны с Ильенковым и Басиным, которые считают, что эмпатия представляет собой деятельность человека, который в акте творчества преобразовывает [1. С. 12] (моделирует [4. С. 56]) свое «Я». Поэтому эмпатия присутствует и в художественном творчестве, и в художественном восприятии, поскольку механизмы (проекция, интроекция) эмпатии едины и в актах творчества, и в актах восприятия [1. С. 12].

Необходимость культурологического осмысления эмпатии подводит нас к дифференциации эмпатии в рамках одной из основных проблем культуроло-

гии – «природы и культуры». То есть эмпатия должна быть разделена на природную и культурную. Мы согласны с Ильенковым, что способность активно воспринимать окружающий мир в формах человечески развитой чувственности не есть (в отличие от физиологии) дар матушки-природы, а есть культурно-исторический продукт [7. С. 54].

В первом случае эмпатия как природный феномен наблюдается, например, у младенца, который своей улыбкой отвечает на улыбку матери. Культурная эмпатия, на наш взгляд, представляет собой продуктивную эмоциональность, выступающую условием культуротворческой активности человека.

К. Роджерс, С. Маркус, Э.В. Ильенков, Е.Я. Басин считают, что эмпатия является продуктивной культуротворческой способностью, и даже более, – способностью, основополагающей для творчества. В нашей работе мы будем исходить из данного понимания эмпатии.

В область зарождения и развития эмпатии попадают весьма обширные исторические эпохи Античности и Средневековья фактически вплоть до XX в. Здесь встает вопрос о феноменологических характеристиках присутствия эмпатии в исторической философской рефлексии.

Мы полагаем, что даже при максимально широком понимании эмпатии в случае отсутствия в исторической философской рефлексии минимальной ситуации присутствия проекции и интроекции нельзя утверждать, что перед нами искомая категория. Поэтому минимальная ситуация присутствия эмпатии заключается в наличие проекции и интроекции (будь то подражание, катарсис, воображение, понимание, и др.).

Проекция – это мысленное перенесение себя (своего реального «Я») в ситуацию того объекта, в образ которого вживаются, это создание для реального «Я» воображаемой ситуации, «предполагаемых обстоятельств». Проекция способствует идентификации «Я» с образом объекта. Скульптор, оперируя с глиной, одновременно мысленно переносится в воображаемую ситуацию модели, которую он лепит. Если при проекции субъект в другом видит себя, то при идентификации – в себе другого.

Одновременно с проекцией осуществляется обратный, диалектически с ней связанный процесс интроекции – перенесения воображаемого «Я» в реальную ситуацию творческого субъекта. Для воображаемого «Я» эта ситуация выступает не только как реальная, но и как условная, игровая, символическая, знаковая ситуация. Например, герой пьесы на сцене видит не просто веревку, а изображаемую с ее помощью змею [4. С. 61].

Эмпатия начинается с проекцией и интроекцией. Поэтому начало кристаллизации категории эмпатии, на наш взгляд, обнаруживается уже в философии Античности, в теории подражания (говоря о подражании, мы подразумеваем не ремесленное копирование, а процесс вживания художника в произведения других больших мастеров и идентификации себя с их художественной индивидуальностью без отказа при этом от своего Я). Для этого следует вспомнить Сократа, утверждавшего, что поэт, живописец или скульптор, подражая природе, в акте творчества воздействуют на эмоциональное состояние зрителя-слушателя и дают возможность прочувствовать созданные ими творения. Вслед за Сократом, опровергая рациональную природу творческого акта и разъясняя учение об одержимости как источнике и условии творчества, Платон доказывает необходимость сопереживания для художника-исполнителя, необходимость «соприсутствующей» фантазии, наделяющей образы вымысла реальностью. Он подчеркивает, что в момент творческого акта мастер способен «перевоплощаться» и «вчувствоваться» в изображаемый объект. Немаловажное значение имеет и учение о подражании Аристотеля, о «катарсисе», в состоянии которого человек способен мысленно переносить себя в ситуацию того объекта, в образ которого он вживается.

Итак, при рассмотрении этих примеров можно смело утверждать, что в работах представителей античной культуры и философии выделяется один из механизмов эмпатии – проекция как эмоционально-чувственная способность мысленно перевоплощаться в ситуацию объекта, в который вживается творец. В данном случае проекция способствует идентификации с объектом. Эмоционально-чувственное состояние эмпатии мы можем наблюдать только у художника, т.е. живого лица, способного проецировать свое Я в воображаемую ситуацию объекта. Природа как неодушевленная субстанция не способна к эмоционально-чувственному переживанию. Следовательно, понимания интроекции в творчестве представителей Античности нет, так как интроекция предполагает наличие противоположно направленного процесса – проекцию.

Как уже известно, в период культуры эпохи Средневековья, исходным принципом которого был личностный абсолютизм, теологи исходили из догмата творения человека по образу и подобию Бога. Душа человека раскрывается и очищается в молитве, устремленной к Богу. Такое самоуглубление приводит к развитию субъективизма, что, на наш взгляд, является основанием говорить о присутствии механизмов эмпатии, поскольку художник в момент творческого акта был способен вообразить ситуацию предполагаемого объекта и, вживаясь в этот объект, создавать искусство. И если в работах представителей Античности мы выявляем только проекцию эмпатии, то в творчестве авторов Средневековья мы можем наблюдать и проекцию, и интроекцию эмпатии.

Так, например, Августин Аврелий, используя метод исповедания, стремится мысленно представить себя в роли читателя и, наоборот, смотрит на реальные события глазами читателя, чтобы вызвать с его стороны понимание и сочувствие. Подобную же картину мы можем наблюдать и в работах П. Абеляра («История моих бедствий») и Боэция («Утешение философией»).

Таким образом, анализ философских учений эпохи Средневековья показывает, что в творчестве представителей этого периода присутствуют оба механизма эмпатии. Пристальный интерес к внутреннему миру человека, его душе, стремление понять другого и быть понятым другим осуществляется благодаря эмпатии.

При рассмотрении философских, культурологических исследований эпохи Ренессанса (Н. Кузанский, М. Фичино, Л.Б. Альберти, Леонардо да Винчи, Микеланджело) мы отметили, что механизмы эмпатии являются необходимыми условиями любого творчества. Мастер в процессе творческого акта способен мысленно перенести себя в реальную ситуацию того объекта, в которого вживается и смотреть на эту реальную ситуацию глазами субъекта-творца. Приведем одно интересное высказывание собственных личных переживаний Микеланджело: «Если правда, что художник, передавая в камне чей-нибудь образ, делает его похожим на себя, то и я свое произведение часто делаю таким же бледным и печальным, каким я сделан ею [природой. — З.С.]. И тогда кажется, что я все время беру моделью самого себя, в то время как я желал изобразить ее» [З. С. 230].

Начиная с XVII в. происходят сильные изменения в экономической, философской, социокультурной сфере человечества. В силу механистически-математического образа мышления, которая господствовала в Западной Европе, с XVII в. возникает дуализм рационального и субъективного. Во взаимоотношениях между человеком и природой вся активная творческая сила сосредоточивалась на стороне человека, природа как пассивная субстанция являлась объектом обработки, преобразования со стороны человека. Такой односторонний субъективизм (антропоцентризм) в работах западных представителей (Э. Берка, Д. Юма, Ж.Б. Дюбо, К.А. Гельвеция, Г.Ф. Лейбница, И. Винкельмана, И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля и др.) свидетельствует об отсутствии интроекции и присутствии проекции

эмпатии. Так, например, Гегель, характеризуя процесс создания художественного произведения, писал, что художник для того, чтобы предмет стал «в его душе чем-то живым», «в состоянии вдохновения весь поглощается предметом» [5. С. 239], всецело погружается в материал. Мастер становится «органом и живой деятельностью самого предмета», при этом условии мы наблюдаем «тождество субъективности художника и истиной объективности изображения» [5. С. 241]. Позднее описанный Гегелем творческий процесс «погружения в предмет» и отождествления с ним получит такие обозначения, как «вчувствование», «вживание», «идентификация», «перевоплощение», «эмпатия».

Первые упоминания о феномене понимания-эмпатии как о методе, позволяющем человеку понимать самого себя и другого человека, появляются в философских работах В. Дильтея. Мы выделяем проекцию в утверждении В. Дильтея о том, что в момент наблюдения какой-либо драмы на сцене, человек может быть целиком поглощен тем, что происходит на сцене. В результате чего в полной мере совершается процесс понимания и сопереживания так, как задумал осуществить в зрителе автор, т.е. интроекция. Постигание понимания осуществляется путем «перенесения-себя-на-место-другого» [6. С. 145] будь то человек или произведение искусства, т.е. проекции и интроекции.

В конце XIX – начала XX вв. в эстетике и психологии широко распространяется теория вчувствования Т. Липпса, влияние которой ощущалось вплоть до 40-х гг. XX в. Полное восприятие произведений искусства, по его мнению, осуществляется при наличии механизмов эмпатии. Например, проекция обнаруживается в словах Т. Липпса: «я созерцаю статую и, созерцая, в нее преображаюсь»; и интроекция – «она (статуя) является предикатом не моей личности или моего «Я» вообще, но того «Я», которое созерцает статую» [8. С. 379-380].

Термин «эмпатия» был введён в психологию А.Титченером для обозначения внутренней активности, результатом которой становится интуитивное понимание ситуации другого человека. Известно, что акт эмпатии осуществляется только тогда, когда возникает коммуникация, т.е. когда ваш собеседник осознаёт, что вы его понимаете. Такое заключение он может сделать по вашей мимике, позам, жестам, интонации, словам и поступкам [10. С. 50]. В. Дильтей, Э. Ильенков, Е. Басин интерпретируют эмпатию как одно из условий любой культурной творческой деятельности.

Попытки интерпретации феномена продуктивного сопереживания в европейской философии связаны с возникающим и затухающим интересом к личности человека-творца, её внутреннему миру и культуротворческой самореализации. Этот волнообразный процесс обусловлен масштабными социокультурными изменениями западного общества и находит отражение в интерпретации природы творчества, сущности искусства. В частности, первые попытки осмысления эмпатии обнаруживаются в античном учении о подражании. К. Ясперс обратил внимание на повторяющийся характер творческой активности на Западе. Пики этой активности носят антропологический характер и, в частности, совпадают с попытками объяснения феномена продуктивной эмоциональности.

Эмпатию в рамках психологии определяют как способность к сопереживанию. Значимость сопереживания как свойства человека, его существования весьма различна в структуре экзистенциальных ориентаций общества того или иного исторического периода и существенно изменяется при продвижении с Запада на Восток, что может быть обосновано, в частности, на основании сравнительного анализа мироощущения и мировоззрения [2. С. 104; 9. С. 115].

В заключение отметим, что какие-либо психические явления, способствующие творчеству, выступают в качестве культуротворческой способности. Эмпатия, на наш взгляд, относится к числу важнейших культуротворческих способностей. Следовательно, для стимулирования культуротворчества необходимо обу-

чать эмпатии, формировать и развивать эту способность, а также тренировать ее. Поэтому эмпатия на сегодняшний день является одной из наиболее перспективных проблем современной гуманитарной науки.

Литература

1. Афанасьев С.Г. Эмпатия и художественное восприятие // Вопросы культурологии. 2010. № 2. С. 11-15.
2. Байдачная Е.В., Загруднинова З.Р. О теоретической актуальности категории «эмпатия» // Управление качеством профессионального образования: от проблемы к системе: материалы Междунар. науч.-метод. конф. Казань: КГЭУ, 2007. С. 103-105.
3. Басин Е.Я. Искусство и эмпатия. М.: БФРГЗ «СЛОВО», 2010.
4. Басин Е.Я. Творчество и эмпатия // Вопросы философии. 1987. № 2. С. 54-66.
5. Гегель. Влияние музыки на человека // Гегель. Сочинения: в 14 т. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1957. Т. 14.
6. Дильтей В. Наброски к критике исторического разума // Вопросы философии. 1988. № 4. С. 135-152.
7. Ильенков Э. Об эстетической природе фантазии // Вопросы эстетики. Вып. 6. М.: Искусство, 1964. С. 46-92.
8. Липпс Т. Эстетика / Философия в систематическом изложении. М.: Территория будущего, С. 364-403.
9. Нугманов Р.Г., Слесаренко З.Р. Роль эмпатии в гуманитаризации высшего профессионального образования // Гуманитарная составляющая профессионального образования: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / под науч. ред. Г.В. Мухаметзяновой. Казань: ГУ «НЦ БЖД», 2010. Ч. II. С. 113-115.
10. Роджерс К.Р. Эмпатия // Психология эмоций. Тексты. М., 1984.

СЛЕСАРЕНКО ЗАРИНА РИНАТОВНА – старший преподаватель кафедры истории, культурологии, архивоведения, Казанский государственный энергетический университет, Россия, Казань (rzarina78@mail.ru).

SLESARENKO ZARINA RINATOVNA – senior teacher of History, Cultural Science and Archival Science Chair, Kazan State Power University, Russia, Kazan.

УДК 130.122

А.Г. СТЕПАНОВ

ПРОБЛЕМА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ВЫБОРА В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ: СОДЕРЖАНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Ключевые слова: познание, знание, социально-историческая эпистемология, субъект, объект, выбор, детерминация.

Исследована специфика субъектного выбора как фактора воздействия на систему формирования комплекса познавательных отношений в ракурсе социально-исторического познания. Выбор как имманентное подразделение системы исторической эпистемологии является субъективирующим фактором, имплицитно детерминирующим содержание знания о социально-исторической действительности.

A.G. STEPANOV

THE PROBLEM OF RESEARCH SELECTION IN THE SOCIO-HISTORICAL EPISTEMOLOGY: THE CONTENT AND RESULTS

Key words: cognition, knowledge, social and historical epistemology, subject, object, choice, determination.

The specificity of a subject choice is marked as the influence factor on system of forming of the complex of informative relations in the foreshortening of sociohistorical knowledge. Choice as immanent unit of the historical epistemology system is a subjectifying factor, which implicitly determines the contents of knowledge about the social historical reality.

Современная наука переживает период изменений, связанных с переосмыслением места и роли комплекса когнитивных и социально-организационных структур, обеспечивающих научно-познавательную деятельность в целом.

Меняется статус и местоположение науки в культуре, возрастает эпистемологический и практико-технологический авторитет социально-гуманитарных отраслей научного знания. Осмыслить комплекс этих изменений в его содержательной целостности и основных тенденциях невозможно без апелляции к более чем 2500-летнему опыту философского осмысления культуры, внутри которой наука возникла и существует и содержание которой задаёт общий ракурс видения и оценки происходящих в ней трансформаций. Система организации научного процесса представляет собой особый мир явлений, существующий и функционирующий по особым, специфически организованным законам развития, многое в содержании которых остается необъяснимым и непознанным. Данный факт вызвал к жизни необходимость формирования особых отраслей дисциплинарной организации знания, где в качестве объекта научного исследования выступают феномены и свойства когнитивного аспекта научной деятельности, которые ранее не рассматривались в качестве объектов научной рефлексии. Такое положение дел не могло не оказать своего влияния на развитие философии в целом и гносеологии в частности. Культурное единство философии и науки предполагает, с одной стороны, что частное, дисциплинарное научное знание не может развиваться, не апеллируя к достижениям философии, с другой стороны, философия как знание рационалистическое обречено опираться в своих выводах на результаты конкретных наук, соотносить свои заключения с фактами, установленными ими [8. С. 141].

С точки зрения рассмотрения философии как дисциплины, призванной рационально объяснить действительность, научное и философское мировоззрения представляют собой относительно самостоятельные приемы теоретического овладения реальностью, сущностные смыслы которых нельзя понять в отрыве друг от друга и всей практической деятельности человека в целом. В философских концепциях середины XIX – начала XXI вв. главные вопросы онтологии как базового основания целостного мировоззрения обоснованно рассматриваются через призму бытия человека. Теоретическое представление о действительности как определённой целостности неразрывно связывает эту проблему с человеком как определяющим её фактором, и в этом смысле реальный мир предстает как предназначенный для существования человека. Природа и культура – основные типы бытия человека, при этом первая трактуется как естественная среда обитания человека, вторая как часть природы, подвергнутая целенаправленному изменению в контексте ценностных приоритетов определённого типа. История, в предельно широком смысле, представляет собой отражение человеком процесса трансформации окружающей среды во времени и пространстве, поэтому «существует только одна история, история человека, и это история в самом широком смысле слова» [9. С. 19].

В действительности, историческое познание существует как познание деятельности человека по изменению собственной среды обитания. История «без исследования практической деятельности людей, без анализа общественных отношений, без выяснения смысла и цели человеческого общества не может претендовать на статус научной теории» [2. С. 27]. Философия познания, если она действительно стремится быть приложенной к реальному знанию, к «живой» познавательной деятельности, невозможна без актуализации проблемы истории как отрасли знания в рамках проблемы – «познание времени и время познания». В таком ракурсе история предстает как дисциплина, претендующая на адекватное отражение сегодня последовательности событий, характеризующих предшествующие состояния общественного развития. В теоретико-познавательном плане теория социально-исторического познания стремится к решению комплекса фундаментальных задач и, прежде всего, к установлению

природы и сущности исторического события в частности и социально-исторического процесса в целом. Данная проблема вызывает к жизни глобальный, в гносеологическом смысле, вопрос «...каким образом историки могут достигнуть успеха в составлении правдивого рассказа о прошлом? Исследователь спрашивает, как возможно знание о мире и какие требования должны быть выполнены для того, чтобы искомые утверждения были расценены как истинные?» [1. С. 6]. Именно это обстоятельство заставляет исследователя исторического процесса обратиться к особой разновидности социально-гуманитарного познания – исторической эпистемологии, объектом исследовательского интереса которой является не содержание полотна исторического развития, а комплекс научно-исследовательских операций, условий, методов и средств, используемых историком в процессе обретения знания о социальном прошлом общественного организма. «Предметом изучения исторической эпистемологии являются главным образом вопросы, связанные с раскрытием специфики исторического познания и знания...» [7. С. 55]. Функция этого типа рефлексии исторической науки состоит в том, чтобы определить когнитивные стандарты, обеспечивающие познавательный процесс, и, вместе с тем, раскрыть смысл культурных усилий, направленных на выполнение этих стандартов. Современная система исторической эпистемологии, таким образом, включает в сферу своего влияния анализ процедур по извлечению исторического знания, условия и принципы формирования информационного обеспечения исторического познания, критерии истинности знания о социально-историческом прошлом. Такая трактовка объектно-предметной ориентации исторической эпистемологии выводит её содержание за рамки узко дисциплинарной отрасли знания и придаёт ей статус не просто очередного раздела гносеологии, а позволяет определить её в качестве «равноправного и даже доминирующего компонента философии истории» [6. С. 152]. Она является частью общей философии науки, концентрирующей свой потенциал на исследовании механизма социально-исторического познания средствами рационально-философской рефлексии. Философия как учение о реальности необходимо включает в своё содержание и весь комплекс знаний об истории социального бытия, процессов его получения, хранения и воспроизводства. Собственно сама социально-историческая эпистемология имеет дело не с исторической реальностью, а с процессом её отражения в сознании исследователя, с теми исследовательскими ресурсами, которые были им задействованы, и результатами исследования, которые были им получены. «Непосредственным объектом исследования становятся вторичные исторические и историософские тексты, рассматриваемые в их отношении к действительности, а также с точки зрения методологических оснований и логики базисных исследовательских процедур» [6. С. 152].

Актуальность дисциплинарного выделения эпистемологии в качестве особого подразделения социально-гуманитарного анализа ещё в конце позапрошлого века отметил один из первых исследователей исторической эпистемологии в России Н.И. Кареев, который в своей работе «Основные вопросы философии истории» отмечал буквально следующее: «Особенно в наше время чувствуется необходимость в подобной дисциплине, когда история колеблется между грубым эмпиризмом и самыми произвольными субъективными толкованиями, когда в философских воззрениях господствует чистейшая анархия, а в истории – несистематическое философствование, когда с разных сторон предлагается столько всевозможных теорий для объяснения истории, теорий, одна другой противоречащих и одна другую исключаящих, когда, наконец, существует столько недоразумений, столько взаимного непонимания или даже прямого игнорирования между историками, психологами, социологами, филосо-

фами» [3. С. 45]. Им же был очерчен круг вопросов, которые составляют тематику эпистемологического исследования исторического познания, сущность которых заключается в поиске решения проблемы специфики субъективного компонента в системе формирования исторического знания.

Любой уровень и вид познавательной активности вообще и историческое познание в частности начинается с формулировки проблемы, что предполагает определённую интерпретацию качеств субъекта как доминирующего гносеологического ресурса. Идея субъекта как определяющего элемента в системе познания в том смысле, что предмет науки может быть познан лишь в его отношении к познающему субъекту, лежит в основе гносеологии И. Канта, а в начале XX в. она была применена неокантианцами В. Виндельбантом и Г. Риккертом к сфере социально-исторической действительности [3. С. 127]. Никакое исследование невозможно, в принципе, без экзистенциональной рефлексии исследователя, что делает проблему выбора объекта, метода и результата исследования базовым основанием познания исторического процесса. «Любой учёный, кем бы он ни был, всегда стоит перед проблемой выбора, да и сама история, в конечном счёте, есть не что иное, как выбор. Она является выбором хотя бы в силу случайности, которая уничтожает одни свидетельства и т.п. и сохраняет другие. Она есть выбор также в силу особенностей человеческого мышления: ... исследователь неизбежно начинает сокращать и упрощать имеющийся в его распоряжении материал, подчёркивать одно и сглаживать другое» [3. С. 108]. Мотивация выбора значения в каждом конкретном случае может осознаться зачастую лишь в определённой мере, нам важно, что она в принципе может осознаться, так как это позволяет превратить процедуру номинации исторического события в сознательное действие на основе смыслового основания или при определенных условиях выбора самого смыслового основания. Следовательно, выбор предстаёт как основа для выделения сущности любого исследования, и социально-гуманитарного прежде всего, что позволяет реализовать членение реальности на объект исследования и социально-исторический контекст, в котором данный объект существует, на существенные и несущественные элементы организации объекта, предмета, метода, субъекта исследования. Само по себе событие социальной жизни не является фактом исторической науки, это своего рода «вещь в себе», фактором исторического процесса это явление становится тогда, когда учёный вовлекает его в сферу собственных познавательных интересов, анализирует его, обобщает полученную информацию, акцентирует отдельные элементы его организации.

Процесс выделения из массы явлений объективной исторической реальности объектно-предметной сферы приложения субъектом исследовательской активности непосредственно обусловлен качеством определённых навыков, умений, предпочтений и знаний, которым располагает субъект, т.е. всем тем, что мы называем научно-исследовательским инструментарием, позволяющим исследователю удовлетворить интерес в получении необходимой информации. Субъект познания априори имеет дело не со всей совокупностью исторических фактов, а только с теми, которые связаны с кругом вопросов, позволяющих решить актуальную проблему. В свою очередь, актуализация содержания проблемы обуславливает выбор круга исследуемых источников и той концепции, в рамках которой они будут рассматриваться. Таким образом, историк «сам создает материалы для своей работы или, если угодно, воссоздает их» [9. С. 14]. Такая же точка зрения была высказана и А.И. Марру, согласно которому «... существование документов начинается с того момента, когда их обнаруживает и начинает исследовать учёный. Лишь в его лаборатории памят-

ник прошлого становится источником необходимой информации: тот материал, с которым он начинает работать, существенным образом отличается от памятника истории, каким он был до того, как его коснулась исследовательская мысль. Поэтому преобразуемый различными операциями историка исторический источник действительно выглядит его созданием» [3. С. 111].

Вместе с тем было бы наивно полагать, что исследователь конструирует историческое явление, руководствуясь только собственными желаниями, это не так. Он оперирует конкретным содержанием исторического материала в рамках тех научно-исследовательских и социокультурных концепций, которые стали основанием для формирования проблемного поля его исследования. Г. Фейгл писал: «Несмотря на глубокие различия между представителями философии науки ... они были согласны в том, что хорошо обоснованное научное знание с необходимостью предполагает ядро объективной фактуальности» [5. С. 175]. Познание имеет дело, прежде всего, с реальностью. Вместе с тем субъект вырезает из реальности именно то, что соотносимо с его жизнедеятельностью. Вовлекая событие социальной жизни в систему организации исторического знания, историк руководствуется логикой системы общественно значимых парадигм, определяющих комплекс его научного мировосприятия.

Можно выделить два противоположных по своей сути подхода выбора исторической информации. В первом, условно называемым эмпирическим, информация об историческом событии, содержащаяся в источнике, воспринимается как единственно возможная и вследствие отсутствия иной определяется как достоверная. Недостатком является отсутствие критического анализа содержания источника, история превращается в сумму разрозненных, субъективно окрашенных сообщений, вследствие чего исследуемое событие вырывается из контекста социально-исторического процесса и утрачивает свой истинный смысл. Второй подход, условно называемый теоретическим, базируется на попытке обнаружить в исторической информации, определяющей систему социального взаимодействия определенного периода, универсальную основу, характеризующую как конкретную историческую эпоху, так и исторический процесс в целом. Отдельные события предстают как проявления общей системы. Недостаток данного подхода заключен в том, что историк, стремясь универсализировать социально-исторический процесс, прибегает к различного рода огрублениям, упрощениям, во имя чего вносит в выбор исторического события собственные парадигмы, логику, стереотипы и установки.

Каждое общество содержит культурные комплексы, оказывающие специфическое влияние на механизмы формирования и разрешения гносеологической ситуации, к ним относятся системы материальных и духовных ценностей, язык, теоретико-методологический инструментарий, мировоззрение и т.д., которые в совокупности и образуют определённый парадигмальный фон познания. Реконструируя событие прошлого, историк неизбежно прибегает к тому познавательному инструментарию, который является атрибутом современного ему уровня развития науки, что с неизбежностью влечёт за собой перенос сложившейся в современной культуре концептуальной системы на объект познания, в процессе чего последний организуется, трансформируется и преобразуется в соответствии с требованием времени. В результате событиям прошедшего времени и их участникам приписывается то, о чём тогда вполне возможно не могло быть и речи или что понималось совершенно иначе, чем сегодня. Научно-исследовательская программа как совокупность исследовательских приемов по получению нового знания, критериев его оценки и выводов с неизбежностью обусловлена конкретными достижениями теории и практики, присущими уровню развития науч-

ной рефлексии. Попытки изменить подобную ситуацию, «предотвратить привнесение в изучаемую реальность культурных ценностей нашей системы, нашей логики и наших понятий о времени и пространстве, развитии, рациональности и т.п. в принципе невозможно» [3. С. 164]. История в любом случае есть продукт социального выбора, в процессе которого один аспект исторического процесса в силу оговоренных выше причин обусловленного выбора так или иначе актуализируется и позиционируется в качестве основного, другой же, напротив, не получает необходимого внимания и тем самым вытесняется из комплекса организации знания. Поэтому объект социально-исторического исследования это «не просто объект, т.е. нечто, лежащее вне сознания..., а деятельность мышления, которая может быть только в той мере, в которой познающий ум воспроизводит её в себе и осознаёт себя как поступающий таким образом» [4. С. 208].

Таким образом, выбор как имманентное подразделение системы исторической эпистемологии если и не делает невозможным получение достоверного знания о социально-исторической действительности абсолютно, то ставит на возможности его получения большой знак вопроса. Вся совокупность эпистемологической проблематики исторического познания, включая сферу объектно-предметного содержания, критерии существенного и несущественного в исторической информации, способы её получения, оценки, обобщения и выводы, – всё это неизбежно обусловлено совокупностью предпочтений, свойственных конкретной социально-исторической эпохе, в которой субъект познания реализует свой потенциал. Ограничить или вообще устранить систему предпочтений выбора и информационной трансформации, следующей за ним, не представляется возможным в принципе, что, в свою очередь, ставит под сомнение саму возможность получения реальной картины исторической действительности.

Литература

1. Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлёт и падение метафоры. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 496 с.
2. Гобзов И.А. Введение в философию истории. М.: ТЕИС, 1999. 363 с.
3. Гурьянова А.В. Ключевые парадигмы современной эпистемологии истории: классика, опыт неклассической рефлексии и ситуация «пост». Самара: Изд-во Самарск. гос. арх.-строит. ун-та, 2008. 344 с.
4. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. 486 с.
5. Пружинин Б.И. Ratio serviens? Контуры культурно-исторической эпистемологии. М.: РОССПЭН, 2009. С. 175.
6. Ракитов А.И. Историческое познание: Системно-гносеологический подход. М.: Политиздат, 1982. 303 с.
7. Русакова О.Ф. Историософия: структура предмета и дискурса // Вопросы философии. 2004. № 7. С. 49-57.
7. Степанов А.Г. Анализ перцептивной системы аналитического уровня познания // Вестник Чувашского университета. 2010. № 4. С. 141-146.
8. Фейер Л. Бои за историю. М.: Наука 1991. С. 19.

СТЕПАНОВ АЛЕКСЕЙ ГЕОРГИЕВИЧ – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и методологии науки, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (Stalex73@bk.ru).

STEPANOV ALEKSEY GEORGIEVICH – candidate of philosophical sciences, assistant professor of Philosophy and Methodology Science Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 17:32.019.5

Г.С. ФЕДОРОВ

МОРАЛЬНЫЙ УТИЛИТАРИЗМ И ПОЛИТИКА

Ключевые слова: моральный утилитаризм, моральная философия, эвдемонизм, этика, политические ценности, частная мораль, политическая реальность, нравственное окружение, политические и нравственные аргументы.

Рассмотрены понятие «моральный утилитаризм», его причины и характеристики. Предпринята попытка исследовать соотношение между политикой и моральными ценностями и описать политический утилитаризм как одну из составных частей политической деятельности в современной России. Приведены пять причин, определяющих специфику российского политического утилитаризма. Устранение морального утилитаризма из политической практики может способствовать восстановлению нравственного здоровья нации.

G.S. FYODOROV

MORAL UTILITARIANISM AND POLITICS

Key words: moral utilitarianism, moral philosophy, eudemonism, ethics, political values, individual values, political reality, moral environment, justice, political and moral arguments.

The notion of «moral utilitarianism», its reasons and characteristics are considered. An attempt to investigate the relation between politics and moral values is made, the description of political utilitarianism as one of the political activity component is considered. Five reasons of the political utilitarianism are given. Elimination of moral utilitarianism from political activity can help to restore the moral health of the nation.

Вопрос политического утилитаризма почти не обсуждается в отечественной философской и политологической мысли. Исключение составляют статьи И.А. Ерохова, Б.Г. Капустина, И.И. Кравченко, А.В. Прокофьева.

Особый интерес представляет статья Б.Г. Капустина «Критика политического морализма (мораль–политика–политическая мораль)» [2. С. 33-55]. В данной статье отмечаются неполнота разработки отечественного политического знания, отроческий возраст политологии, отсутствие внутренней дифференциации в политическом знании. Пока не обособились те отрасли политического знания, которые дают широкое видение политического. В то же время взаимосвязь предметно-методологических перспектив этих отраслей (прежде всего нормативной и научно-объективирующей) может стать источником наиболее фундаментальных теоретических дискуссий в сфере политического знания, в том числе и по вопросу о соотношении политики и морали. Эта проблема косвенно рассматривается в политологии, включаясь в политическую (или моральную) философию. Однако она нуждается в более глубоком и всестороннем анализе.

Актуальность этого анализа связана с духовно-политическим состоянием посткоммунистического общества, стремящегося выйти из советского пространства, в котором существовало противопоставление идеологической лжи и правды, социальной несвободы и возможной свободы. Но попытка найти правду жизни в развивающейся новой России столкнулась с различными негативными явлениями в сфере политики, экономики, прав и свобод граждан, моральных устоев политической жизни людей.

Нами предпринята попытка разобраться в соотношении политики и морали в современной России, дать анализ понятию «моральный утилитаризм» как составной части политики.

В «Философском энциклопедическом словаре» (2006 г.) утилитаризм определяется так: «*Утилитаризм* (от греч. *utilitas* – польза, выгода) – точка зрения пользы; этическое направление, считающее, что целью человеческих поступков должно быть стремление извлекать из всего материальную выгоду,

пользу, благополучие, независимо от того, идет ли речь об индивиде или обществе. Происхождение нравственных норм утилитаризм выводит, по крайней мере частично, из соображений пользы. Основателем утилитаризма как псевдоэтической системы, построенной на отождествлении добра и пользы, был Иеремия Бентам, который считал, что «возможно большее число людей должно стремиться к возможно большему счастью», что, способствуя благу общества, мы тем самым одновременно способствуем своему собственному. Основатель утилитаризма и другие более поздние его представители были преимущественно англичанами: Дж.С. Милль, Г. Зидвик и др.» [5. С. 470].

Утилитаризм названных авторов сближается по своему содержанию с эвдемонизмом. *Эвдемонизм* (от греч. *eudemonia* – блаженство) – этическое направление, рассматривающее блаженство и счастье как мотив и цель всех стремлений. Приверженцы эвдемонизма считали счастливым и в то же время добродетельным того человека, духовные и телесные способности которого могут беспрепятственно развиваться, который благодаря всестороннему развитию этих способностей доставляет удовольствие себе и другим, так что ему обеспечены уважение и славная память потомков.

Эвдемонизм получил также распространение как социальный эвдемонизм, который полагал возможным стремиться к наибольшему счастью наибольшего количества людей. Все добродетели отдельного индивида имеют смысл лишь постольку, поскольку они служат этой цели. Государство, все его институты, мероприятия и законы также являются средством для достижения высшей цели – счастья всех людей. Эвдемонизм, становящийся социальным, превращается в утилитаризм.

То есть можно сделать вывод о том, что *утилитаризм* – это такое социально-политическое явление, которое касается счастья большого количества людей, удовлетворения их потребностей материального и духовного характера. Здесь политика направлена на использование морали как выгодной позиции в решении жизненных проблем. Это – приложение этической теории к политике.

Можно сказать, что утилитаризм – это политическая этика («прикладная этика»), проецирование этической теории на политику. Политическая этика занимается моральными коллизиями в конкретной сфере общественной практики и, возможно, является составной частью философской этики – наряду с биоэтикой, этикой бизнеса, этикой науки, политической этикой и др. Утилитаризм – это этическая точка зрения на политику, это прикладная проекция «чистой» этики на политику [2. С. 34]. В утилитаризме оцениваются моральные качества политики и политиков, политических курсов и политических программ. Умелый политик ставит себе на службу мораль.

В русской религиозно-философской этике конца XIX–XX вв. утверждается моральная суверенность личности. Однако основания морали усматриваются в божественном абсолюте, а коллективность понимается как религиозно-духовная всечеловеческая соборность [1. С. 36–51].

Эта традиция моральной оценки политики и политической оценки морали берет своё начало в учении Сократа, у которого можно наблюдать отождествление структуры и устремлений души отдельного человека и государства по идее справедливости.

Так, нравственные ценности добродетельного человека должны соответствовать нравственным устоям идеального государства. Но, к сожалению, ни в одном государстве ни в прошлом, ни в настоящем политические принципы не совпадают с моральными ценностями. Но такие попытки в истории общества всегда предпринимались и будут предприниматься до тех пор, пока су-

ществуют политика и мораль. Ибо нельзя отделить политику от морали, как и нельзя отделить мораль от политики.

Нравственное благо не вписывается в политику, но эксплуатируется политиками для улучшения своего имиджа. Моральные законы политики также стремятся приспособить под свои (политические) принципы. Выгода очевидная: я – политик для народа, а не для себя; ваше благо – наше благо; ваша мораль – наша мораль, лишь бы вы нас, политиков, поддерживали.

Эту двусмысленную позицию политики верно подметил В.И. Ленин в работе «Три источника и три составных части марксизма»: «Люди всегда были и всегда будут ... жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать *интересы* тех или иных классов» [4. С. 47].

Б.Г. Капустин внимательно проанализировал морализм Хабермаса, его методику проецирования морали на политику и сделал вывод, что политические и моральные аргументы должны приближаться к одной цели – «рационально мотивированному согласию». В концепции «рационального согласия» критерии тождественны целям – «моральные существа» соглашаются по любому вопросу, ибо по своей сути они абсолютно идентичны.

В таком решении проблемы упраздняется мораль. В лингвистической модели «стремления к универсальному и неограниченному согласию» не остается места для индивидуального морального и политического выбора. В связи с этим этика становится лишь академическим упражнением, в котором устраняется вопрос: «Зачем быть моральным?». Проекция такой моральной теории на политику не дает «полезную модель для политической демократии». В этой моральной теории на практике действует только политическая мораль. Частная мораль всецело подчиняется политической морали.

Политическая мораль сильна тем, что она может освободиться от господства собственных чувств и способна в связи с этим использовать чувства других людей (представителей частной морали) для своих целей.

В моральном утилитаризме мораль используется как политическая сила. *Моральный утилитаризм* – это насилие со стороны политики с целью удерживать членов сообщества вместе за счет того, что «людей побуждают жертвовать своими удовольствиями».

Моральный утилитаризм сталкивается с некоторыми трудностями его понимания и реализации в жизни.

Так, может ли человек быть несогласным с требованиями полезности? Почему не все люди и не всегда могут соглашаться с «требованиями полезности»? Ведь сознание утилитаристского индивида может предполагать только «должное», а «недолжное» должно отвергаться. И ещё: утилитаристская моральная политическая теория не в состоянии объяснить системное изменение общества.

Политический морализм не может разобраться, как «работает мораль на политику». Такая теория ведет к компрометации самой морали: многие модели её применения к политике оказались не только пагубными для демократии, но и предвзятыми. Политический морализм оказывается несостоятельным и от него следует отказаться как в политике, так и в морали, ибо имеются существенные различия политической и частной морали. Моральное измерение политики как раз и заключается в соотношении политической и частной морали [2. С. 33-55].

Проецируя на Россию не только моральный утилитаризм, но и в целом проблемы преобразования этоса в соответствии с новыми социально-эконо-

мическими задачами, можно отметить причины российского кризиса и причины неудачного политического развития, а именно – недооценку нравственной проблемы. Россия традиционно считалась страной, в которой нравственные поиски имели огромное значение. Этими поисками занималась передовая часть интеллигенции. Моральные принципы всегда были на первом плане у простого народа.

В новой России произошли такие политические и социально-экономические потрясения, которые не послужили укреплению политической морали. Наоборот, именно в такой ситуации старые политико-этические связи оказались прочными, консервативными. Эти связи не смогли обеспечить плавный переход к рыночным отношениям и перестройку экономической и социальной структуры. Государственная власть столкнулась с коррумпированностью бюрократии. Экономическую сферу стал контролировать рэкет, поддерживаемый теневым капиталом. Вместо гражданского общества возникло сообщество людей, озабоченных собственным выживанием. Власть начала восстанавливать своё влияние авторитарными методами. В то же время процветала мафия, укрепляли свои позиции олигархизм, коррупция, номенклатурная приватизация, происходило сращивание теневых и государственных структур, возникла формация «новых русских», строились финансовые пирамиды, капитал утекал за рубеж. Широко распространялись заказные убийства, наблюдалось падение нравов, возрастал уровень гражданской конфликтности, преступности, наркомании, проституции. Все эти символы российских «реформ» носили аморальный характер [3. С. 41].

В основе негативных явлений российской действительности, по мнению К.Н. Костюка, лежат пять причин, определяющих специфику российской политической морали.

Первая причина связана с особенностями политической географии России. Россию можно рассматривать как арену глобальных культурных столкновений. С одной стороны, она тяготеет к западной культуре, с другой – к восточной. Вся культура, созданная в России, есть результат двойного влияния – Запада и Востока. Исключением может быть православное христианство.

Вторая причина восточных политических традиций России связана с оппозицией «власти и народа». Власть дистанцируется от народа, становится замкнутой политической системой, утверждает свою исключительную позицию, создает единый властный центр и систему социально-экономических зависимостей.

Третья причина структурных предпосылок размягчения политической морали – это исторические, характерные только для российской истории. Модернизация страны всегда проводилась властью присущими ей насильственными методами. Различные преобразования приводили к атрофии чувства исторической памяти, преемственности, уважения к традициям, т.е. вели к потере основных морально-политических ориентиров.

Четвертая причина специфики российской политической морали состоит в том, что модернизации подверглось православие. Россия сегодня – это самое секуляризованное государство Европы. Не сохранив церковь, народ в то же время сохранил верность религии. Религиозность из церковной перешла в бытовую, которую К.Н. Костюк называет «культурным православием». Католицизм и протестантизм играли значительную роль в становлении социально-этической концепции. Православие в силу многих причин не создало нечто, подобное этике. Однако оно определяло тип поведения своих народов и оказывало влияние на формирование православного сознания. В православии не был развит рациональный элемент богословия. Православие не наследовало

правовой римской культуры, оно транслировало восточную религиозную ментальность. Когда же начались различные социально-экономические преобразования, православие не сыграло роли стабилизатора политической морали.

Пятая причина. Вышеозначенные причины К.Н. Костюк относит к объективным факторам размягчения политической морали в России. Но имеются и субъективные факторы этого процесса; они касаются индивидуальной этики. Политическая мораль во многом представляет собой несколько иной, чем индивидуальная (частная) мораль, культурный феномен. У них различные сферы событий, иные нормы и критерии. Но они связаны между собой, взаимно обусловлены. Если в индивидуальной морали имеется недостаток нравственности, то и само общество с его политической моралью тоже будет безнравственным. И наоборот, если в политической морали имеется недостаток нравственности, то и в частной морали этот недостаток будет отражаться. Известно, что в российской этической жизни имеют место такие негативные явления, как хулиганство, сквернословие, воровство, пьянство, иждивенчество, нечистоплотность, недисциплинированность и др., которые не украшают ни политическую, ни частную мораль [3. С. 38].

Специфика российского нравственного ландшафта образует противоречия в политической и частной морали. На фоне этих нравственных диспропорций протекают российские реформы.

Если большинство социальных отношений не включено в сферу общественного и правового контроля, то это указывает на неадекватность социальной системы общественной практики. В умеренных формах эта неадекватность компенсируется политической моралью, в неумеренных – ведет к падению влияния политической морали и разрушению социальной системы.

Оборотной стороной морали в этом случае является применение физической силы для того, чтобы заставить партнера выполнять свои моральные обязательства, «держат слово». Такая морально-физическая санкция оказывается более эффективной в сравнении с правовыми санкциями. Сложившаяся практика показывает, что силовое решение проблем снижает уровень российской политической культуры, не дает полной возможности для формирования здоровой морали и здоровых правовых отношений.

По мнению К.Н. Костюка, в политике Россия опирается не на социальные институты, а на личности. Такой характер власти остается неподконтрольным общественным требованиям. Это положение особенно ярко проявлялось при «социализме». Господствующий институциональный тип управления в России воздействует и на низшую систему управления: «неформализованными остаются и государственная бюрократия, и экономический менеджмент, и, собственно, все социальные институты. Отсюда – необыкновенно высокий удельный вес «личных связей» и чиновничьего произвола, неспособность устанавливать институциональные отношения поверх личностных» [3. С. 41].

Таковы основные характеристики российской политической морали в настоящее время, которая вызывает разлад внешней и внутренней жизни народа, высокий удельный вес тайного по отношению к явному, предпочтение праву этики или силы, верховенство личности перед социальными институтами. Всё это ведет к глубоким структурным диспропорциям, мешает становлению этоса современного гражданского общества. Такая политика создает «виртуальное общество», в котором всё возможно в теории, но не в реальной жизни. Реальная жизнь протекает по другим законам: она отвергает теорию, на первый план выходит желание приблизиться к «виртуальному обществу».

Несоответствию между реальной и виртуальной жизнью народа, а также между политической и частной моралью можно найти такое название, как со-

циальная безнравственность: чиновники не исполняют свои должностные обязанности, не выполняются подписанные договоры, несвоевременно выплачиваются долги, скрывается истинное положение дел, нарушаются законы и др. Всё это – элементарные нарушения нравственного достоинства. Устранение разрыва между действительностью и надуманной жизнью, между политической и частной моралью, исключение морального утилитаризма из политической деятельности позволят восстановить нравственное здоровье нации и российского общества.

Литература

1. Гусейнов А.А. Этика // Вопросы философии. 1999. № 8. С. 81-91.
2. Капустин Б.Г. Критика политического морализма (мораль–политика–политическая мораль) // Вопросы философии. 2001. № 2. С. 33-55.
3. Костюк К.И. Политическая мораль и политическая этика в России // Вопросы философии. 2000. № 2. С. 32-42.
4. Ленин В.И. Три источника и три составных части марксизма // Полн. собр. соч. Т. 23.
5. Философский энциклопедический словарь / ред.-сост.: Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко. М.: ИНФРА-М, 2006.

ФЕДОРОВ ГЕННАДИЙ СЕМЕНОВИЧ – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и методологии науки, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (polprchuv@col.ru).

FYODOROV GENNADIY SEMENOVICH – candidate of philosophical sciences, assistant professor of Philosophy and Methodology Science Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 343.211

О.Н. ГОРОДНОВА

ПОНИМАНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА НЕОБХОДИМУЮ ОБОРОНУ

Ключевые слова: необходимая оборона, жертва нападения, ответственность, наказание, защита, право на ношение холодного оружия и его запрет.

Дан анализ проблем реализации права на необходимую оборону в уголовно-правовой практике, выявлены сложности привлечения лиц к ответственности за ношение оружия, а также за причинение вреда в пределах необходимой обороны в связи с отсутствием справедливого уголовного закона и наказания.

O.N. GORODNOVA

UNDERSTANDING AND IMPLEMENTING RIGHT TO NECESSARY DEFENSE

Key words: necessary defense, attack, responsibility, punishment, protection, right to carrying of a cold steel and its interdiction.

Proposed analysis of the problems of the right to self-defense in criminal law practice, revealed the complexity of bringing those responsible for carrying weapons, as well as for injury to a within-defense in the absence of a just law and punishment.

В России право на необходимую оборону – неотъемлемый атрибут правового статуса личности. Статья 45 Конституции РФ провозглашает право каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. В соответствии с ч. 1 ст. 24 ФЗ от 13.12.1996 г. «Об оружии» граждане РФ могут применять имеющееся у них на законных основаниях оружие в целях самообороны: для защиты жизни, здоровья, собственности, в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости. В общей части УК РФ необходимая оборона (ст. 37 УК РФ) и крайняя необходимость (ст. 39 УК РФ) являются обстоятельствами, исключающими преступность деяния. Применению оружия должно предшествовать четко выраженное предупреждение об этом лица, против которого применяется оружие, за исключением случаев, когда промедление в применении оружия создает непосредственную опасность для жизни людей [3. С. 8] или может повлечь иные тяжкие последствия. При этом применение оружия в состоянии необходимой обороны не должно причинить вред третьим лицам. Запрещается применять огнестрельное оружие в отношении женщин, лиц с явными признаками инвалидности, несовершеннолетних, за исключением случаев совершения указанными лицами вооруженного либо группового нападения. О каждом случае применения оружия, повлекшем причинение вреда здоровью человека, владелец оружия обязан незамедлительно, но не позднее суток сообщить в органы внутренних дел.

Несмотря на фундаментальность и традиционность положений о самообороне в уголовно-правовой практике проблем с возможностью применения холодного оружия в целях, не запрещенных законом, а также привлечения к ответственности в ходе необходимой обороны, множество. Отсутствует единообразная судебная практика, законодатель не вполне последователен. Если оборона осуществляется от посягательства, сопряженного с применением насилия, опасного для жизни, или с угрозой применения такого насилия, то допустимо причинение любого вреда нападающему (ст. 37 УК РФ). Критерием вопроса превышения пределов самообороны служит характер посягательства, но конкретного определения, какое насилие или угроза его применения являются опасными для жизни, нет. Не меньше нареканий вызывают вопросы правоприменения в случаях защиты гражданами частной собственности.

Для признания вреда, причиненного при самозащите, необходимо наличие условий. Первое – лицо, самостоятельно защищающее свое право, должно являться бесспорным его обладателем. Второе – необходимая оборона не должна выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения. Третье – избранный способ защиты должен быть соразмерен нарушению.

Не выработан единообразный подход к оценке подобных ситуаций. Закон не дает ответа на вопрос: какая по характеру угроза собственности является поводом для производства выстрела на поражение нападающего? По-прежнему кардинальным значением обладает факт посягательства на жизнь обороняющегося, а посягательство на собственность всерьез не рассматривается.

Проведем сравнительно-правовой анализ разноплановой практики судов по привлечению и освобождению от ответственности лиц, действовавших в состоянии необходимой обороны.

Для определения того, было или нет допущено превышение пределов обороны, необходимо учитывать и психическое состояние лица, осуществлявшего акт необходимой обороны. Так, А. осужден судом за покушение на убийство при превышении пределов необходимой обороны, совершенное при следующих обстоятельствах. А. находился в интимной связи с женой Б. – Ф. Об этом стало известно Б. и жене А. – Д. Однажды Д., узнав, что ее муж находится с Ф., сообщила об этом Б., предложила ему пойти с ней и проверить сведения. Придя к дому, где находились А. и Ф., они стали требовать открыть дверь и впустить их в дом. Получив отказ, Б. высказывая угрозы, взломал дверь и вошел в сени. Находясь в сенях, продолжал требовать открыть дверь и заявлял, что пришел разобраться. Чувствуя опасность, А. дверь не открыл. Тогда Б. сумел сорвать крючок с двери и вошел в дом. Боясь, что он сейчас расправится с ним, А. схватил двуствольное ружье и выстрелил из обоих стволов одновременно. Б. были причинены тяжкие телесные повреждения.

Верховный Суд РФ прекратил производство по делу за отсутствием состава преступления. При этом суд обратил внимание на установленный в ходе следствия факт, что Д., вошедшая с Б. в комнату, бросила в Ф. кирпич и полено. Эти обстоятельства свидетельствуют о том, что нападавшими применялись предметы, представлявшие опасность для жизни, здоровья защищавшихся, и что в момент применения в целях самозащиты А. ружья нападение не было окончено. Наоборот, оно являлось наиболее реальным, поскольку обе двери уже были взломаны нападавшими. Верховный Суд постановил, что суд неправомочно признал виновным А. в совершении преступления с превышением пределов необходимой обороны, ошибочно пришел к выводу о несоразмерности средств защиты и средств нападения, а также о несоразмерности интенсивности защиты и нападения. При этом суд не учел и естественный испуг, душевное волнение А. и Ф., вызванные нападением, не всегда позволяющие обороняющемуся точно взвесить характер опасности и избрать соразмерные средства защиты [5. С. 32-33].

Справка по делам об оправдании за самооборону газеты «Комсомольская правда» показала, что в 2003 г. в Гурьевске (Кузбасс) на чету Васенковых напали два грабителя. У одного из них во время драки с Васенковым выпал пистолет. Жена подхватила его и убила одного из нападавших. Суд оправдал женщину.

В Калининграде 26-летний мужчина с ножом требовал деньги у 72-летней бабушки. Бабушка защищалась полуторалитровой бутылкой с водой. После десяти ударов по голове парень погиб. Действия бабушки признали самообороной.

Самара. 1996 г. Двое хулиганов приставали к женщине. Один из них схватил женщину за волосы и принялся бить головой о мраморные плиты. Муж, защищая жену, вынул перочинный нож и перерезал обидчику горло. Суд счел его невиновным.

Из современной судебной практики хотелось бы привести резонансное дело, которое всколыхнуло в июне 2005 г. многие средства массовой информации. Молодая женщина, защищая свою честь, убила насильника. Таксист-частник Багдасарян, к которому Иванникова села поздно ночью, потребовал от женщины оказания интимных услуг. После этого она ударила водителя ножом в ногу (нож она носила с собой после того, как в 16 лет ее пытались изнасиловать). Через несколько минут владелец машины истек кровью и скончался. На такой исход Александра не рассчитывала – удар оказался фатальным из-за того, что лезвие попало в артерию.

Интересна и личность Багдасаряна: как мог так повести себя студент V курса юридического факультета, будущий правовец, призванный защищать закон? Родственники погибшего ищут справедливости, полагая, что «безвинно погибшего мальчика превращают в насильника, когда его убийца раздает интервью» [2], прослеживают при этом пропаганду против армянской нации, отмечая: «Если бы это была самооборона, убийца обязана была вызвать милицию, скорую, оказать первую помощь, но она удирала».

Вместе с тем закон «Об оружии» не упоминает об обязанности доврачебной помощи лицу, здоровью которого был причинен вред. Однако ст. 125 УК РФ гласит: заведомое оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни или здоровья состоянии и лишенного возможности принять меры к самосохранению, в случаях если виновный имел возможность оказать помощь этому лицу либо сам поставил его в опасное для жизни или здоровья состояние, является деянием, уголовно наказуемым. Кабинетные рекомендации трудно понять юристу в спокойной обстановке, применение оружия гражданами происходит в сложных психологических условиях конфликтной ситуации. Защищаемому сложно определить последствия – смерть или тяжкие телесные повреждения.

Люблинский районный суд г. Москвы вынес Иванниковой приговор: два года условно. Плюс обязали выплатить моральный и материальный ущерб отцу погибшего – более 200 тыс. руб. Это решение всколыхнуло общественность. Люди стали собирать деньги для Иванниковой. Но не для того, чтобы их отдали семье насильника, а чтобы та смогла бороться за отмену приговора. Любая женщина могла попасть в такую ситуацию. «Мы подали кассационное представление в Мосгорсуд на этот приговор, – заявил начальник отдела правового обеспечения Московской прокуратуры С. Марченко. – Наше мнение – закрыть это дело за отсутствием состава преступления» [1]. Приговор был отменен Московским городским судом. Дело было направлено на новое рассмотрение, Люблинский суд в новом составе оправдал Иванникову [4].

В художественной детективной литературе встречаются сюжеты, когда герой произведения оказывается в местах лишения свободы из-за того, что «заступился за девушку». К сожалению, в юридической практике нередки случаи, когда «жертва» нападения превращается в обвинителя, а ее защитник – в обвиняемого. Так, гр. М. возвращаясь вечером домой после работы увидел, как неизвестный мужчина избивает женщину. В целях обороны женщины, гр. М. подошел к неизвестному мужчине и нанес ему несколько ударов в область головы и лица приобретенным до этого в магазине набором автомобильных ключей, в результате чего неизвестный получил телесные повреждения средней степени тяжести. И все бы ничего, если бы женщина и неизвестный мужчина не были сожителями, у которых в тот вечер происходила ссора на почве внезапно возникших неприязненных отношений вследствие чрезмерного употребления спиртных напитков. Утром они помирились. С телесными повреждениями мужчина обратился в больницу, откуда поступил сигнал в отделение милиции. И вот уже вчерашний нападавший пишет в милицию заявление о том, что был подвергнут нападению со стороны неизвестного, в то время как он мирно гулял со своей со-

жительницей. Разумеется, сожительница подтвердила все показания своего друга. Не чувствуя за собой вины законопослушный гр. М. вызван в полицию как подозреваемый по уголовному делу по факту причинения телесных повреждений. Только своевременное вмешательство адвоката и ряд установленных обстоятельств позволили прекратить уголовное преследование в отношении гр. М. Именно поэтому желающих помочь под страхом быть наказанным становится все меньше.

Таким образом, при схожих обстоятельствах необходимой обороны наглядно прослеживается разноплановость выводов правоохранительных органов о виновности и невинности. Расплывчатость формулировок, отсутствие конкретных определений отдают решение о правомерности либо неправомерности применения оружия на откуп должностному лицу: следователю, дознавателю, судье, а это питательная среда коррупции и, как следствие, неуверенность, медлительность нерешительность. Вероятность стать подсудимым порождает боязнь правомерного применения оружия для целей самообороны. По факту применения оружия возбуждается уголовное дело, и оборонявшийся становится подозреваемым и доказывает свою невинность, а нападавший выглядит жертвой.

Кроме того, особого внимания заслуживает вопрос о возможности необходимой обороны против неправомерных действий должностных лиц. При этом каждый по-своему трактует «неправомерность действий». В связи с этим нередко обороняющийся привлекается к ответственности за противодействие правоохранительным органам. Для работников полиции право на необходимую оборону дополнительно закреплено в законе «О полиции» (ст. 23, 24) [4]. Так, для пресечения преступлений сотрудники полиции имеют право применять физическую силу, в том числе боевые приемы борьбы, специальные средства, имеющиеся на вооружении, огнестрельное оружие.

Вместе с тем в случае спора с правоохранительными органами судьи нередко забывают о презумпции невинности обвиняемого, помня о презумпции невинности сотрудника. Статья 317 УК РФ гласит, что «посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа... наказывается лишением свободы на срок от 12 до 20 лет либо пожизненным лишением свободы», заставляет задуматься, прежде чем оказывать сопротивление нападающему – сотруднику милиции.

В то же время под эгидой всеобщей борьбы с оборотнями в погонах многие стражи порядка сами должны защищаться от преступников. Так, камеры видеонаблюдения в петербургском метро сняли массовую драку – несколько молодых людей жестоко избили постового полицейского. Всех пятерых нападавших удалось задержать. Как выяснилось, молодые люди приехали из Дагестана и Чечни. По словам подозреваемых, они профессиональные спортсмены и прибыли в Петербург для участия в чемпионате по силовым единоборствам.

По словам оперативников, задержанные ни в чем не раскаиваются, утверждают, что сотрудник полиции якобы сам спровоцировал драку и не проявил к гостям города достаточного, на их взгляд, уважения.

Случаи нападения на сотрудников и нанесения им ножевых ранений стали нередкими. Мелкие бытовые конфликты между гражданами все чаще решаются при помощи холодного оружия, когда защита личности, чести превращается в нападение, несоизмеримое с угрозой. Это подтверждает немало примеров. В мае 2010 г. в центре г. Москвы, на Тверском бульваре, на глазах у многочисленных прохожих юноша вонзил в шею другого нож. Потерпевший скончался на месте, убийца скрылся. На месте преступления осталась девушка, которая стала главным свидетелем. Оказалось, что с молодыми людьми она познакомилась за полчаса до происшествия. По ее словам, ребята вели обычную беседу, шутили. Но в какой-то момент один из них обиделся на шутку и, не раздумывая, достал нож.

В определенном контексте стоит задуматься об изменении ситуации в лучшую сторону. «Ножы носят несколько категорий людей, – говорит «Известиям» психолог М. Виноградов. – В первую очередь – люди агрессивные, злобные и конфликтные. Для них нож – демонстрация преимущества, средство угрозы. Вторая категория – боязливые и тревожно-мнительные люди. Они отовсюду ждут опасности... Третья категория – это люди с диагнозом агрессивная психопатия возбудимого круга. Носят ножи и некоторые подростки. Для них это романтика. Ну, и кавказцы часто носят, это их национальная особенность» [7].

По нашему мнению, решая вопрос оптимизации практики оправдательных приговоров, вынесенных лицам, действующим в пределах необходимой обороны, следует устранить несовершенство законодательной базы, которая позволяет приобрести, а потом и использовать безнаказанно холодное оружие.

В соответствии со ст. 6 ФЗ «Об оружии» на территории Российской Федерации запрещается оборот в качестве гражданского и служебного оружия холодного клинкового оружия и ножей, клинки и лезвия которых либо автоматически извлекаются из рукоятки при нажатии на кнопку или рычаг и фиксируются ими, либо выдвигаются за счет силы тяжести или ускоренного движения и автоматически фиксируются, при длине клинка и лезвия более 90 мм. При этом ст. 6 закона не содержит запрет на ношение холодного оружия, наказуем только оборот оружия. Следовательно, если человека останавливают с ножом, даже подпадающим под определение холодного оружия, то его обвинить и привлечь к ответственности невозможно. Чтобы изъять нож, необходимы веские основания. Например, подозрения, что нож использовался при совершении преступления. В этом случае полицейский должен сразу направить его на экспертизу. Но если владельцу ножа не понравится, что полицейский изымает у него нож, то он в полном праве заявить, что нож – его собственность и приобрел он его в магазине.

В 2004 г. уголовный закон (ч. 4 ст. 222 УК РФ) неоправданно претерпел изменения в контексте наказания за незаконное приобретение, сбыт или ношение холодного оружия. В новой редакции уголовная ответственность наступает лишь за сбыт оружия. Уголовной ответственности за ношение холодного оружия УК РФ не содержит.

Вместе с тем административная ответственность незначительна. Согласно ст. 20.8 КоАП РФ, за ношение холодного оружия или ножей, длина лезвия которых больше 9 см, предусмотрен штраф от 2 до 5 тыс. руб. При этом, прежде чем наложить штраф, полицейский должен изъять нож и отправить его на экспертизу. Редкий полицейский будет заниматься этим ради административного наказания. Но самое трудное – доказать, что нож задержанный носил для самообороны, а не переносил с места на место. Для самообороны носить нож запрещено. Транспортировать – пожалуйста.

Впрочем, убийства зачастую совершаются и ножами с лезвием меньше 9 см. Уже после 2005 г. МВД РФ выступило с инициативой ужесточить наказание за ношение любых ножей. Но министерство не поддержало. Тогда территориальные подразделения попытались решить проблему самостоятельно. К примеру, в 2006 г. ГУВД Красноярского края самостоятельно издало запрет на ношение в крае любых ножей, в том числе и складных. «Любые ножи, обнаруженные у прохожих, даже самые дорогие, будут изыматься», – предупредила полиция население. Мера была революционной, суровой, но необходимой. Только она могла остановить распоясавшуюся поножовщину в Красноярске. И действительно остановила. Кривая убийств поползла вниз. «Этот запрет на ношение ножей существует у нас и по сей день», – сказала «Известиям» сотрудница пресс-службы ГУВД Красноярского края О. Посева [7].

Вместе с тем, на наш взгляд, ограничивать права граждан может закон. Акты министерств и ведомств не должны противоречить закону «Об оружии». Целе-

сообразно на федеральном законодательном уровне реанимировать уголовную ответственность за ношение холодного оружия. Иначе при отсутствии уголовной ответственности законодательный запрет на ношение оружия с длиной лезвия более 90 мм остается не более чем рекомендацией. Это подтверждает практика. Туристические ножи с длиной лезвия свыше 9 см продаются не только в оружейных магазинах, но и в сувенирных киосках. В Управлении организации лицензионно-разрешительной работы (УОЛРП) по Московской области пояснили, что запрет на оборот ножей в законе «Об оружии» есть, однако нет уголовной статьи, по которой можно привлечь продавца.

В США и практически в каждой европейской стране, кроме Финляндии, существует запрет на ношение ножей. Если полицейский остановит прохожего и найдет у него нож, то прохожий обязан указать причину на необходимость ношения такового – например, он идет в поход, на рыбалку или на охоту. Самозащита не основание.

В Люксембурге запрещено носить даже перочинные ножички, а в Бельгии – сувенирные, замаскированные под другие предметы. В Дании запрещено ношение всех ножей, в том числе и раскладных. Во Франции можно вынести из дома только кухонный нож, и то если направляешься на пикник. В Англии и Ирландии запрещено ношение не только ножей, но и любых предметов, которые можно применять как оружие.

Итак, необходимая оборона является, пожалуй, одним из самых неоднозначных и слабо урегулированных законодательством институтов, практика правоприменения которого в полной мере полагается на «субъективное восприятие» судьи либо иного должностного лица правоохранительных органов. На сегодняшнем этапе необходимо работать над совершенствованием юридической практики и законодательства. Целесообразно минимизировать проблемы самообороны не путем легализации оружия, так как любое зло порождает зло, а путем усиления государственного контроля, стабилизации преступности в обществе и введения запрета ношения и реализации холодного оружия. Необходимо пресекать незаконную рекламу и торговлю оружием, в том числе и в сети Интернет, запретить использовать в рекламе оружия образы людей и животных. Право на самооборону не должно стать самоцелью под воздействием страха выйти на улицу, оправданием насилия над личностью. В то же время жизнь человека должна находиться под защитой государства.

Литература

1. Дело Иванниковой [Электронный ресурс] // Традиция: русская энциклопедия: сайт. URL: <http://traditio.ru/wiki>.
2. Дело об убийстве С. Багдасаряна: форум [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.artsakh.info/forum/viewtopic.php?f=7&t=818.
3. Корецкий Д.А. Уголовно-правовой режим средств самообороны: спецкурс по кримин. армалогии. Ростов на/Д.: MapT, 2002. С. 33-34.
4. Отменен приговор москвичке, разрезавшей насильника [Электронный ресурс] // Комсомольская правда: электронная версия. 2005. 4 июля. Режим доступа: <http://kp.ru/daily/23538/41681>.
5. Сборник постановлений Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР. 1974-1979 гг. М., 1981. С. 32-33.
6. Федеральный закон от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (принят ГД ФС РФ 28.01.2011) // Правовой сайт Консультант плюс (дата обращения: 29.01.2011).
7. Ход ножом [Электронный ресурс] // Известия: электронная версия. 2010. 4 июня. Режим доступа: <http://www.izvestia.ru/obshestvo/article3142576>.

ГОРОДНОВА ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА – кандидат философских наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (gorodnova.olga@yandex.ru).

GORODNOVA OLGA NIKOLAEVNA – candidate of philosophical sciences, associate professor of Civil and Legal Disciplines Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 253

В.Г. ЛЕЩЕНКО

ДИАЛЕКТИКА РАЗВИТИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Ключевые слова: религиозное воздействие на осужденных, история тюремного пастырского служения, пенитенциарные капелланы, исправление осужденных духовно-нравственными средствами, деятельность церкви в местах лишения свободы.

Статья посвящена генезису и историческому пути религиозного воздействия на осужденных к лишению свободы со стороны представителей церкви в России. В ней показано развитие взаимоотношений между церковью и публичной властью в пенитенциарной сфере.

V.G. LESHENKO

DIALECTICS OF DEVELOPMENT OF RELIGIOUS INFLUENCE ON CONDEMNED TO IMPRISONMENT IN THE RUSSIAN STATE

Key words: religious influence on the condemned; history of prison vicarial service; penitentiary capellans; correction condemned by spiritually-moral means; church activity in imprisonment places.

Article is devoted genesis and a historical way of religious influence on condemned to imprisonment from representatives of church in Russia. In it development of mutual relations between church and the public power in penitentiary sphere is shown.

Проникновения религиозных верований в российскую уголовно-правовую доктрину и пенитенциарную практику были отмечены еще в период их зарождения и становления на раннефеодальном этапе развития общества, когда вся правовая сфера общественно-государственной жизни испытывала на себе сильное влияние со стороны народного сознания и духовного мирозерцания. Однако принятие Русью в 988 г. христианства с его светлыми, прогрессивными и человеколюбивыми идеями, «с его гуманной теорией милосердия» [10. С. 133] оказало неоценимое влияние на древнерусскую духовность и правовую культуру. Христианские принципы напоминали благочестивым русским князьям о спасительности служения людям и смягчали жестокость уголовной репрессии, именно поэтому великий князь Владимир I Креститель был готов полностью отменить смертную казнь в отношении преступников: на вопрос сановников «Се умножиши разбойници. Почто не казниши их?» он отвечал: «Боюся греха» [6. С. 433].

Христианская церковь предпринимала деятельные и эффективные меры по исправлению и увещанию преступников, предупреждению совершения ими дурных поступков и злодеяний, пользуясь поддержкой государственной власти, которая прослеживается как в законодательных сводах первых киевских князей, так и в более поздних правовых актах: Судебниках 1497 г. и 1550 г. и Соборном уложении 1649 г. Духовные лица проводили откровенные беседы с приговоренными к смерти, исповедовали и причащали их, в день казни в течение всего пути до места исполнения наказания они находились рядом с осужденными, укрепляли дух и утешали их.

После принятия Судебника 1550 г. число монастырских тюрем резко увеличилось, в частности, осужденных помещают в темницу при Иосифо-Волоколамском монастыре, знаменитую Соловецкую монастырскую тюрьму, крепостную тюрьму Спасо-Евфимиевского монастыря г. Суздаля. Так, например, в основанном в 1479 г. преподобным Иосифом Волоцким Иосифо-Волоколамском монастыре находились в заключении царь Василий Шуйский, князь Вассиан Патрикеев и опальный теолог Михаил Триволис. Ответственность за душеспасительную миссию, состояние здоровья, охрану и питание осужденных, находящихся в монастырях, возлагалась на монастырских архимандритов. В частности, тюремная инструкция Спасо-Евфи-

миевского монастыря от 1855 г., предусматривала, что в подчинении архимандриту находятся смотритель арестантского отделения, военная стража и служители.

Заключенных постоянно посещали представители священноначалия: настоятели и игумены, митрополиты и патриархи, например, митрополит Новгородский Никон, который, часто навещал колодников и «тюремных сидельцев» в черной палате, в разбойном и других приказах, наделяя их милостыней и пастырским утешением, святые юродивые, в частности, Василий Блаженный, регулярно посещавший башню в Китай-городе, где находилась известная московская тюрьма. Архиереи и другие представители православного клира составляли ходатайства и прошения об освобождении покаявшихся преступников, благими поступками доказавших свое вступление на путь праведной жизни.

Важным этапом в развитии системы духовного окормления и религиозного воздействия на осужденных к лишению свободы явилось создание в Российской империи, в которой православие было официально, юридически закреплено в качестве государственной религии, в 1819 г. Общества Попечительного о тюрьмах. Генеральными целями образования данного Общества были названы «нравственное исправление содержащихся преступников», «улучшение состояния заключенных за долги и по другим делам» и «наставление их в правилах христианского благочестия и доброй нравственности, на оном основанной» [2. С. 29-30].

Формирование Общества Попечительного о тюрьмах началось после контактов императора Александру I с членами Британского тюремного общества и представления ему английским филантропом и пропагандистом идей Английского тюремного общества (Лондонского общества улучшения мест заключения) У. Веннингом многостраничного доклада о состоянии российских тюрем и специальной записки о важности общеобразовательного обучения и религиозного воспитания заключенных. Правила для Общества Попечительного о тюрьмах содержали тематику бесед с заключенными, которые рекомендовалось проводить с искренним человеколюбием и состраданием к осужденным преступникам, соблюдая при этом христианскую любовь, простоту, снисхождение, остерегаясь оскорблений и унижения осужденных.

В 1821 г. указом императора был утвержден Устав Общества Попечительного о тюрьмах, эпиграфом которого стали библейские строки: «Я, Господь, призвал Тебя в правду, и буду держать Тебя за руку и хранить тебя, и поставлю Тебя в завет для народа, во свет для язычников. Чтобы открыть глаза слепых, чтобы узников вывести из заключения и сидящих во тьме – из темницы» (Исаия, 42:6-7). Общество представляло собой образование, которое имело разветвленную иерархичную структуру и было представлено в губернских городах – тюремными комитетами, в уездных городах – тюремными отделениями, а в местах лишения свободы – попечительскими советами. Во главе этих подразделений находились как чиновники, так и частные лица: дворяне, купцы, священнослужители и общественные деятели. В 1829 г. в структуре Общества был выделена автономная структура – Дамский Комитет, который занимался попечением заключенных женщин, и если покровителем Общества Попечительного о тюрьмах являлся император, то покровителем Дамского Комитета была императрица [1. С. 52].

Основными направлениями в деятельности Общества были организация посещения тюрем и общения с заключенными, а также проповедническая и катехизаторская деятельность в среде последних, что подчеркивалось в каждом из печатных отчетов о результатах осуществляемой Обществом миссии, составляемых ежегодно. Общество Попечительное о тюрьмах весьма успешно справлялось со своими функциями организации повсеместного духовного окормления осужденных, доставки и распределения адресованной им гуманитарной помощи, организации воскресных школ и массового обучения в местах лишения свободы.

В деятельности по проповедничеству христианских канонов и божественных заповедей оно опиралось на поддержку обучающихся в Санкт-Петербургской духовной академии и Московской духовной академии, в которой существовало пастырско-просветительское братство, одним из направлений служения и подвижничества которого было проповедничество, религиозное назидание, керигматическая работа и катехизация в местах лишения свободы. Основной задачей обучения в тюрьмах ставилось не транслирование осужденным набора сведений, а «назидание в благочестии и в привитии им религиозного чувства», так как в ст. 226 действовавшего в тот период Устава о содержащихся под стражей 1832 г. было закреплено, что «исправление нравственности заключенных есть один из главных предметов попечительства и занятий тюремных комитетов и отделений». Согласно тексту данного Устава, а также Инструкции смотрителю губернского тюремного замка от 26 мая 1831 г., содержащей главу «О церкви», священнослужители должны были как можно чаще проводить духовные занятия, службы и требы, увещавать и наставлять осужденных, обучать их церковному пению, готовить к таинствам исповеди.

Клирикам поручалось уделять особое внимание профессиональным (закоренным, убежденным) преступникам, отличавшимся строптивостью и жестокостью, с целью интенсивного исправительного воздействия на них, а также тяжело больным и умирающим заключенным, нуждающимся в добром человеческом участии, духовном утешении и христианском напутствии. Как в Уставе о содержащихся под стражей 1832 г., так и в Инструкции 1831 г., четко прослеживалось стремление государства объединить усилия тюремного руководства и представителей церкви в воспитательном воздействии на осужденных.

Следует отметить, что деятельность священнослужителей на каторге, в тюрьмах, казематах и острогах в тот период не была ограничена лишь духовно-нравственным воздействием на заключенных: они также заботились о детях и женах преступников, заточенных в темницах или же сосланных в Сибирь, они «поддерживали их семьи морально и, по возможности, – материально» [3. С. 63]. Всего за несколько лет своей деятельности Обществу Попечительному о тюрьмах в большинстве тюрем Российской империи удалось создать общеобразовательные школы, причем они создавались не только для заключенных, но и для детей тюремного персонала. Именно с религиозным образованием тогда ассоциировалась система нравственного воспитания, налаженная в тюрьмах, о чем писал еще И.Я. Фойницкий: «Нравственное образование в обширном смысле распадается на нравственное образование в тесном смысле и образование религиозное. Первое знакомит арестанта с общими началами социальной и индивидуальной нравственности, давая ему точные понятия о добре и зле. Второе примыкает нравственность к религиозным верованиям. Обыкновенно то и другое соединяются в тюрьмах в один вид, так что под образованием нравственным разумеется только религиозное» [7. С. 386].

В результате широкомасштабной религиозно-просветительской работы членов тюремных комитетов, пастырей и духовных наставников большое число заключенных – иноверцев и атеистов – приняли православие. Пример обращения в православную веру в орловском тюремном замке уроженца Подольской губернии нехристианского вероисповедания приводит на страницах своей работы М.Н. Гернет: «Он уверовал в Иисуса Христа и, по научению протоиереем Сахаровым догматам православной грекороссийской веры, принял крещение. Силы веры и действие благодати Божией явным образом ознаменовались в нем. Был отчаянно болен горячкою, и имел на себе во многих местах раны, отчаянно пожелал тем более погрузиться в таинственную воду крещения и, исшед из купели, в то же почти мгновение почувствовал облегчение и исцелел» [4. С. 101].

С 1836 г., благодаря особому ходатайству на имя императора князя В.С. Трубецкого, под эгидой Общества в местах лишения свободы повсеместно приступают к сооружению храмов, часовен и молитвенных комнат, проводятся богослужения и проповеди, духовное окормление начинает распространяться на все категории заключенных, включая военных арестантов в исправительных (арестантских) ротах. В столице Российской империи – Санкт-Петербурге – во второй четверти XIX в. во всех без исключения пенитенциарных заведениях были открыты храмы.

В середине XIX в. участники Общества Попечительного о тюрьмах добились полной отмены либо изменения нескольких десятков специальных циркуляров и инструкций, предписания и императивные положения которых значительно ухудшали повседневный быт заключенных. В частности, был отменен циркуляр, который предусматривал жестокие членовредительские наказания для осужденных, в 1825 г. была запрещена передача находящимся в условиях изоляции алкогольных напитков, а в 1865 г. благодаря активности членов Общества было отменено так называемое пешемаятниковое этапирование, приводившее к высокой смертности осужденных.

Действовавшие в тюрьмах попечительские комитеты обеспечивали равный доступ к осужденным представителям всех конфессий, представленных в Российской империи, в частности, правом миссионерской деятельности обладали католики и лютеране. Не испытывали притеснений и не подвергались ущемлениям свободы совести и права на выбор вероисповедания старообрядцы и представители сект, что нашло свое подтверждение в трудах многих исследователей XIX в., в частности, в трудах Н.М. Ядринцева [9. С. 253-269].

Крайне негативно отразилась на центральных направлениях деятельности Общества Попечительного о тюрьмах его этактизация, незамедлительно повлекшая за собой явления формализма и бюрократизма, сужающая спектр филантропической деятельности и затруднившая религиозно-воспитательную работу: в 1855 г. Общество было присоединено к министерству внутренних дел. Во время проведения реформы уголовно-исполнительной системы в 1879 г. в структуре министерства внутренних дел было учреждено Главное тюремное управление, которому Общество стало подчиняться напрямую, лишаясь большей части своих прежних полномочий, а также были созданы губернские тюремные инспекции, компетенция которых во многом совпадала с объемом полномочий тюремных комитетов.

В 1893 г. все тюремные комитеты были упразднены, а вместо них были созданы мужские и женские тюремные благотворительные комитеты, которые были низведены до роли обычных попечительских и патронатных органов с минимумом полномочий и функций. Они занимались вопросами продуктового снабжения и иного материального обеспечения мест лишения свободы. В ходе активного законотворческого процесса периода первых лет после социалистической революции духовная, благотворительная и попечительская деятельность церкви в пенитенциарных заведениях была приостановлена; так, уже в одном из первых декретов советской власти – Декрете СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января 1918 г. – были провозглашены секуляризация – отделение церкви от государства – и запрет религиозного обучения во всех государственных заведениях.

Церковные и религиозные организации не получили прав юридических лиц, деятельность религиозных обществ допускалась лишь после прохождения процедуры регистрации в соответствии с утвержденной Постановлением НКЮ РСФСР и НКВД РСФСР от 15 апреля 1923 г. Инструкцией о порядке регистрации религиозных обществ и выдачи разрешений на созыв съездов таковых, а принадлежавшие им земля и имущество, включая типографии, в кото-

рых печаталась духовная литература, вскоре были объявлены народным достоянием и подлежали изъятию. Церковные земли начали изыматься еще с марта 1917 г. образованными по постановлению Временного правительства земельными комитетами, которые не имели на это никаких соответствующих полномочий, а потому в данной связи нельзя не согласиться с исследователем И.А. Шершеневой-Цитульской в том, что «их действия по изъятию земли фактически являлись самоуправством» [8. С. 78].

В циркуляре Главного тюремного управления от 25 мая 1917 г. было закреплено, что целью изоляции осужденного от общества является его социальное перевоспитание, однако религиозный элемент из системы мер воспитательно-го воздействия на осужденных к лишению свободы был советским руководством полностью исключен. На основании Постановления Наркомпроса РСФСР «О передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение Комиссариата по Народному Просвещению» от 11 декабря 1917 г. и Постановления НКЮ РСФСР «О порядке проведения в жизнь “Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви”» от 24 августа 1918 г. церковь была лишена правомочий проводить образовательную и религиозно-воспитательную деятельность в исправительных учреждениях.

Несмотря на строгий запрет кариативной и проповеднической деятельности религиозных организаций в исправительных учреждениях миссионерская деятельность церкви, духовно-нравственное воспитание осужденных и пастырское служение не прекратились: они продолжали, как правило, негласно и скрытно, осуществляться в местах лишения свободы, так как большое число духовных лиц, не отступившихся от веры, своих идей и жизненных принципов, были заключены в тюрьмы и помещены в лагеря системы ГУЛАГ. Служители церкви, оказавшись в равном тяжелом положении с массой других осужденных, силой своей веры и каждодневным примером служения религиозному долгу укрепляли волю и дух советских заключенных, совершали божественные литургии, обряды причащения и другие таинства и службы.

Даже в атмосфере преследования, репрессий и воинствующего атеизма церковь стремилась выработать и предложить консенсусные, компромиссные формы взаимодействия и сосуществования с новой государственной системой. Так, Поместный Собор 2 декабря 1917 г. принял Определение, в котором содержалось положение о необходимости сохранения религиозного воспитания и образования. Видимость ответных шагов со стороны новой светской власти создавало принятое 8 апреля 1929 г. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях», которое де-юре декларативно разрешало в местах лишения свободы проведение в специальных изолированных помещениях религиозно-культовых обрядов по просьбе находящихся при смерти либо тяжело больных верующих осужденных, но на практике не реализовывалось.

Позитивные изменения в сфере взаимодействия пенитенциарной отрасли с церковью и религиозными объединениями начались лишь в конце 1980-х гг., в период начатой руководством страны «перестройки». Правовую почву для возобновления прежнего эффективного сотрудничества в деле воспитания и исправления осужденных к лишению свободы формировал Приказ МВД СССР от 10 октября 1989 г. № 250, в соответствии с которым вводились в действие «Рекомендации по взаимоотношениям исправительно-трудовых учреждений с религиозными организациями и служителями культов».

Важное институционально-правовое и программно-идеологическое значение в истории религиозного воздействия на осужденных к лишению свободы в отечественном государстве имели принятый 1 октября 1990 г. Закон СССР «О свободе совести и религиозных организациях» и Закон РСФСР «О свободе вероисповеда-

ний» от 25 октября 1990 г., а также внесенные в Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 12 июня 1992 г., знаменовавшие собой качественно новый виток в развитии отношений между государственной репрессивно-исправительной системой и институтом церкви, изменения и дополнения, в частности, нормы, помещенные в ст. 8.1 «Обеспечение свободы совести осужденных».

Однако не столько возобновление прерванной в первой четверти XX столетия совместной деятельности персонала пенитенциарных учреждений и церкви по исправлению изолированных от общества преступников, сколько не прекращавшееся даже в годы массовых репрессий и длившееся на протяжении всего периода существования советского государства социальное служение церкви в местах лишения свободы, объясняет тот факт, что, согласно данным статистики, которые были получены по результатам специальной переписи осужденных в 1999 г. на рубеже XX-XIX вв. 47% российских осужденных назвали себя верующими людьми [5. С. 42]. Эти статистические данные наглядно свидетельствуют о том, что, несмотря на то, что актами политической власти 1917 и 1918 гг. церковь была отделена от государства, она не оказалась отделенной от общества и других социальных институтов и продолжала непосредственно и активно участвовать в решении важных общественно-правовых проблем, связанных с нейтрализацией криминальной угрозы, профилактикой рецидивного поведения со стороны осужденных.

История религиозного воздействия на осужденных к лишению свободы в России демонстрирует, что российская социально-правовая действительность вплоть до первой четверти XX столетия сохраняла тысячелетние традиции своего применения религиозные формы воздействия на преступников в местах изоляции от общества, а также подтверждает тот факт, что церковь за многолетний период своей кариативной деятельности в пенитенциарных учреждениях аккумулировала большой опыт в области социальной работы и духовного окормления заключенных, наработала апробированные на практике эффективные технологии перевоспитания, ресоциализации, общественной адаптации и методики исправительно-преобразовательной активности.

Литература

1. Бабушкин А.В. История попечительства и посещений тюрем в России // Попечение мест лишения свободы: сб. материалов / под ред. С.М. Шимволоса. Н. Новгород: Правозащита, 1998. 152 с.
2. Бачинин В.А. Пенология и христианство (О праве осужденного на духовное возрождение) // Современное право. 2008. № 2. С. 28-31.
3. Бортникова О.Н. Православные тюремные церкви // Основы государства и права. 1999. № 5. С. 61-63.
4. Гернет М.Н. История царской тюрьмы: в 5 т. М.: Госюриздат, 1951. Т. 2. 316 с.
5. Михлин А.С., Яковлева Л.В. О некоторых итогах специальной переписи осужденных 1999 г. // Государство и право. 2002. № 3. С. 39-47.
6. Пресняков А.Е. Княжее право в Древней Руси. Лекции по русской истории. М.: Наука, 1993. 634 с.
7. Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. СПб.: Тип. Министерст-ва путей сообщения, 1889. 504 с.
8. Шершенева-Цитильская И.А. Гражданская правосубъектность Русской Православной Церкви накануне октября 1917 г. // Государство и право. 2008. № 11. С. 71-79.
9. Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке. СПб.: Тип. А. Моригеровского, 1872. 719 с.
10. Ядринцев Н.М. Условия прогресса в сфере наказания. СПб.: Дело, 1874. 133 с.

ЛЕЩЕНКО ВЕРА ГАВРИЛОВНА – доцент кафедры уголовного права, Уральская государственная юридическая академия, Россия, Екатеринбург (korsakovekb@yandex.ru).
LESHENKO VERA GAVRILOVNA – assistant professor of Criminal Law Chair, Ural State Law Academy, Russia, Ekaterinburg.

УДК 343.2

М.А. ПОДГРУШНЫЙ

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ДИСПОЗИЦИИ СТАТЬИ 291-1 УК РФ

Ключевые слова: уголовная ответственность, дача взятки, получение взятки, посредничество во взятке, умысел, борьба с коррупцией, предмет преступления, субъективное вменение, административная ответственность, физическое лицо, незаконное вознаграждение, изменение и дополнение уголовного закона.

Предложены меры по совершенствованию новой статьи 291-1 УК РФ в части изменений и дополнений ее содержания, которые могут способствовать более эффективному применению уголовного закона в борьбе со взяточничеством как наиболее опасным проявлением коррупции в Российской Федерации.

M.A. PODGRUSHNYY**ON THE NEED TO IMPROVE THE DISPOSITION OF CRIMINAL CODE
OF THE RUSSIAN FEDERATION ARTICLE 291-1**

Key words: criminal liability, bribes, taking bribes, intermediation in bribery, intent, combating corruption, the subject of crime, the subjective imputation, administrative responsibility, individual, illegal remuneration, changes and amendment of the criminal law.

This article proposes measures to improve the new article 291-1 of the Criminal Code in terms of changes and additions to its content. The proposed measures can contribute to more effective use of criminal law to combat bribery as the most dangerous manifestation of corruption in the Russian Federation.

Федеральный закон № 97-ФЗ от 04.05.2011 г. дополнил содержание текста действующего УК РФ новой ст. 291-1 УК РФ «Посредничество во взяточничестве» [26]. Эти изменения и дополнения перечня норм, направленных на борьбу со взяточничеством вносят существенные коррективы с точки зрения квалификации, назначения наказания, отграничения административно наказуемых правонарушений от уголовных. Вместе с тем в данном случае, вряд ли следует говорить о новелле отечественного уголовного закона, так как подобный состав имелся в прежнем УК РСФСР (ст. 174.1 «Посредничество во взяточничестве») [10]. Но, как справедливо отмечает О. Капинус, в прежнем УК РСФСР понятие посредничество не раскрывалось в том виде, как это мы видим в новой ст. 291-1 УК РФ [11].

Отметим, что отечественное уголовное законодательство в последнее десятилетие (и не только) претерпевает значительные изменения и дополнения. Такой процесс обусловлен различными факторами. По подсчетам М.А. Кауфмана, уже на период конца 2009 г. в УК РФ было внесено более 500 поправок, он пополнился 29 статьями (исключено всего 7 статей). Не приходится сомневаться, что процесс совершенствования уголовного законодательства будет продолжаться. Конечно, не все эти изменения имеют объективные основания и были социально обусловлены, некоторые из них можно рассматривать как исправление ранее допущенных законотворческих ошибок, другие объясняются изменениями условий жизни и динамикой общественно-экономических реалий. Очевидно, что в качестве одной из причин этих частых изменений в уголовном законодательстве следует рассматривать его недостаточную полноту и определённость, которые являются важным фактором функционирования любой отрасли законодательства [12. С. 3].

Подобная тенденция отмечается не только в отношении уголовного законодательства. Например, в действующий УПК внесено не меньше изменений и дополнений, в том числе с учетом Постановлений Конституционного Суда Российской Федерации. Это явно не способствует повышению эффективности борьбы с преступностью. Отметим, что проблема нестабильности законодательства Российской Федерации отмечается отечественными учеными все чаще [1, 3, 16, 17, 19, 25 и др.].

Статья 291-1 УК РФ содержит пять частей, в ч. 1 законодатель установил понятие «посредничество во взяточничестве», под которым понимается «непосредственная передача взятки по поручению взяткодателя или взяткополучателя либо иное содействие взяткодателя и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки в значительном размере...».

Термин «непосредственная передача взятки», как представляется, подразумевает передачу, вручение предмета взятки посредником взяткополучателю. По нашему мнению, совершенно очевидно – для того, чтобы что-то передать, вначале надо самому получить от кого-то что-то, в данном случае посреднику – получить от взяткодателя предмет взятки для его последующей передачи взяткополучателю.

Кроме того, в статье отсутствует точное указание на адресата получения взятки, сказано только «по поручению взяткодателя или взяткополучателя». Не совсем понятно, что понимается под «иным содействием... в достижении либо реализации соглашения...».

По нашему мнению, использование термина «по поручению...» нуждается в уточнении. На основании норм гражданского законодательства под договором поручения понимается состояние, при котором «одна сторона (поверенный) обязуется совершить от имени и за счет другой стороны (доверителя) определенные юридические действия. Права и обязанности по сделке, совершенной поверенным, возникают непосредственно у доверителя [6. Ст. 971]. А этимологически «поверенный» – это «лицо, официально уполномоченное действовать от» чьего-нибудь «имени» [21. С. 455].

Такое узкое определение передачи взяткодателям (взяткополучателям) полномочий посреднику по передаче предмета взятки взяткополучателю существенно ограничивает действия ст. 291-1 УК РФ на случаи из жизненной реальности. Так, например, взяткодатель может и не поручать посреднику передать взятку, а лишь согласиться на такую передачу или молчаливо кивнуть головой (многозначительно моргнуть глазами). В подобной ситуации нельзя в буквальном смысле слова привлечь «посредника» за передачу взятки, так как поручения, как такового, со стороны взяткодателя не было. Следовательно, необходимо изменить диспозицию ч. 1 ст. 291-1 УК РФ устранив узкое понятие «по поручению...» – на более широкое, например, «по поручению или с согласия».

Исходя из приведенных аргументов формулировка диспозиции ч. 1 ст. 291-1 УК РФ должна быть следующего содержания: «Посредничество во взяточничестве, т.е. непосредственное получение от взяткодателя и последующая передача взятки по поручению или с согласия взяткодателя и (или) взяткополучателя либо иное...» (далее по тексту).

Объективная сторона ст. 291-1 УК РФ выражается в активной форме поведения: деяние – в форме действия, которое может выражаться как:

- 1) непосредственная передача;
- 2) иное содействие *в достижении* соглашения о получении или даче взятки;
- 3) иное содействие *в реализации* соглашения о получении или даче взятки;
- 4) размер взятки должен быть в значительном размере.

Состав по конструкции – формальный, закон не требует наступления каких-либо общественно опасных последствий. Преступление окончено при совершении хотя бы одного из перечисленных в диспозиции действий.

В диспозиции статьи отмечается обязательность непосредственной передачи. Возникает вопрос: что значит «непосредственная» передача? По нашему мне-

нию, это означает обязанность посредника лично, т.е. непосредственно, осуществить передачу. Это вновь узкое понимание, так как передача предмета взятки может быть осуществлена через другого посредника или их цепочку.

Другой вопрос: передача? А если взятка, например, в виде денег (денежных средств) передается путем перечисления на отдельный банковский счет взятополучателя или другого посредника? Или передается только записка с номером обезличенного счета? Возможен способ передачи с сообщением номера ячейки в банке, где будет находиться предмет взятки, или имени и пароля для *on-line* управления конкретным банковским депозитом. Будет ли в этом случае непосредственная передача? Вряд ли.

Можно ли привлекать лицо к ответственности как посредника во взяточничестве, если он непосредственно не осуществлял передачу? Это не соответствует диспозиции ст. 291-1 УК РФ, в ч. 1 которой четко указано «непосредственная передача».

Что понимается под «иным способствованием»? Все, кроме непосредственной передачи, любые действия, которые направлены на достижение соглашения или его реализацию. Например, к таким действиям, по нашему мнению, следует отнести устные переговоры, телефонные напоминания сторонам (стороне) о сроках передачи, ее месте, времени, размерах.

В ч. 1 ст. 291-1 УК «иное способствование» следует отличать от «обещания или предложения во взяточничестве», за которые установлена специальная норма в ч. 5 ст. 291-1 УК РФ, следовательно, иное способствование не может включать такие действия, как «обещание или предложение посредничества во взяточничестве».

Часть 5 ст. 291-1 УК РФ отличается от ч. 1 ст. 291-1 УК РФ тем, что при обещании посредничества действия лица направлены на достижение соглашения на участие во взяточничестве со стороны взятодателя или взятополучателя. Это некая форма подстрекательства к даче или получению взятки. При непосредственном посредничестве, указанном в ч. 1 ст. 291-1 УК РФ, действия посредника направлены на передачу или достижение соглашения, но не на вовлечение их в преступную сделку.

Размер предмета взятки, в которой участвует посредник, имеет значение и непосредственно влияет на квалификацию: ч. 1 – значительный размер, в ч. 2 – крупный, в ч. 3 – особой крупный.

Размер взятки указан в примечании к ст. 290 УК РФ: «Значительным размером взятки в настоящей статье, статьях 291 и 291.1 настоящего Кодекса признаются сумма денег, стоимость ценных бумаг, иного имущества, услуг имущественного характера, иных имущественных прав, превышающие двадцать пять тысяч рублей, крупным размером взятки – превышающие сто пятьдесят тысяч рублей, особо крупным размером взятки – превышающие один миллион рублей».

При этом, если сумма предмета взятки не превышает 25 000 руб., отсутствует основание уголовной ответственности по ст. 291-1 УК РФ, так как она наступает в данном составе преступления в случае наличия значительного размера предмета взятки. Предполагается, что если сумма взятки менее 25 000 руб., посредник не может быть привлечен к уголовной ответственности. Целесообразно ввести в подобной ситуации административную ответственность.

Среди отечественных ученых имеются мнения об установлении административной ответственности физического лица за дачу или получение взятки [2, 18 и др.]. Так, например, Р.У. Рамазанов предлагает в КоАП РФ установить административную ответственность за взятку, установив максимальный размер суммы до 3 тыс. руб., разграничив понятие взятки как уголовного преступ-

ления и понятие взятки как административного правонарушения. Судебная практика нередко признает взятку малозначительным преступлением, если размер ее незначителен, и в этом случае взяткополучатель освобождается от уголовной ответственности, а к административной ответственности его привлечь невозможно, поскольку в КоАП РФ нет соответствующей статьи. Исключения возможности любого дарения государственным и муниципальным служащим в связи с исполнением последними своих должностных и служебных обязанностей придерживается Группа государств против коррупции (ГРЕКО), рекомендуя Российской Федерации искоренить в сфере государственного управления практику получения ценных подарков в любой форме.

Правом составления протоколов (постановлений) об административных правонарушениях наделить должностных лиц органов внутренних дел, а также работников органов прокуратуры РФ (в силу ст. 28.4 КоАП РФ). Правом рассматривать дела указанной категории наделить мировых судей [23].

Позволим себе не согласиться с указанным мнением. Диспозиция ст. 290 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за дачу взятки, не указывая критериев, позволяющих разграничить административно наказуемый проступок и преступление по признакам общественной опасности. А ведь именно этот признак преступления (общественная опасность) и является основным «водоразделом». Как указано в примечании к ст. 291 УК РФ «Посредничество во взяточничестве», уголовно наказуемым посредничеством является значительность деяния, т.е. предмет преступления, превышающий 25 тыс. руб. По аналогии, можно предположить, что уголовно наказуемая взятка должна превышать 25 тыс. руб.

Таким образом, законодатель установил свое отношение к посредничеству в незначительной взятке как не обладающему повышенной степенью общественной опасности. Содеянное следует квалифицировать не как уголовно наказуемое, а как административное правонарушение в случае установления со стороны законодателя конкретного вида такого правонарушения.

Квалифицированное посредничество установлено в ч. 2 ст. 291-1 УК РФ в виде оказания посредничества во взяточничестве за заведомо незаконные действия (бездействие). Термин «заведомость» предполагает наличие у посредника достоверной информации о незаконных действиях (бездействии) со стороны взяткополучателя, за которые он получает взятку. Если посредник не обладает подобной информацией, сведениями либо добросовестно заблуждается относительно законности действий взяткополучателя, действия посредника подлежат квалификации по ч. 1 ст. 291-1 УК РФ.

Квалификация по ч. 2 по признаку незаконности не может иметь место, если посредник не был вообще уведомлен о законности или незаконности последующих действий (бездействия) со стороны взяткополучателя. Часто такая ситуация возможна по причине непосещения посредника в подробности соглашения между взяткодателем и взяткополучателем. Нельзя также квалифицировать по ч. 2 ст. 291-1 УК РФ случаи посредничества во взяточничестве при наличии неопределенного или альтернативного умысла, так как такие формы умысла характерны для составов преступления с материальной конструкцией, но не формальных, к которым относится состав преступления посредничество во взяточничестве, впрочем, как дача и получение взятки.

Особо квалифицированные виды посредничества установлены в ч. 3 и 4 ст. 291-1 УК РФ, при этом в п. «а» ч. 2 ст. 291-1 УК РФ дополнительным признаком, усиливающим уголовную ответственность, выделено посредничество «группой лиц по предварительному сговору или организованной группой».

Под понятием «группа лиц по предварительному сговору» законодатель имеет в виду группу посредников. При этом важным является обязательная предва-

рительная договоренность о групповом посредничестве (без признаков организованной группы, так как это самостоятельноеотягчающее обстоятельство) о передаче предмета взятки. Может возникнуть проблема: группа лиц, совершающая преступление по предварительному сговору, является менее опасной формой соучастия по сравнению с организованной группой. Законодатель, почему-то, поместил оба отягчающих признака в одну часть (ч. 3 ст. 191-1 УК РФ), следовательно, с позиций законодателя обе формы соучастия представляют одинаковую общественную опасность, интенсивность посягательства. Но так ли это? Как нам представляется, целесообразно выделить по признаку большей степени общественной опасности отягчающее обстоятельство «организованная группа» в ч. 4 анализируемой статьи.

В этой связи, считаем необходимым внести следующие изменения в ч. 3 и 4 ст. 191-1 УК РФ.

1. Из п. «а» ч. 3 исключить слова «организованной группой», оставив следующую формулировку: «группой лиц по предварительному сговору;», п. «б» оставить в прежней редакции.

2. В ч. 4 ввести п. «а» со следующей формулировкой «посредничество во взяточничестве, совершенное организованной группой», ввести дополнительный п. «б» с формулировкой «совершенное в особо крупном размере».

Таким образом, система ст. 291-1 УК РФ станет более логичной: ч. 1 устанавливает уголовную ответственность за законные действия и наличие значительного размера предмета взятки; в ч. 2 – незаконные действия или использование служебного положения посредника; в ч. 3 – совершенное группой лиц по предварительному сговору или в крупном размере; в ч. 4 – организованной группой или в особо крупном размере; ч. 5 – обещание или предложение посредничества во взяточничестве.

По общему представлению, одна из целей организованной группы – посредничество во взяточничестве, но эта цель не имеет уголовно-правового значения, т.е. на квалификацию не влияет. При квалификации важно отметить доказанность осознанности членами организованной группы единого умысла на посредническую деятельность во взяточничестве. Кроме того, необходимым условием является установление всех обязательных признаков организованной группы [7, 13, 15, 24 и др.].

Квалифицирующий признак в п. «б» ч. 3 – крупный размер и ч. 4 – особо крупный размер.

Субъективная сторона посредничества во взяточничестве может быть выражена только в умышленной форме вины. При этом умысел может быть только прямым: субъект преступления отчетливо осознает, что осуществляет посредничество (непосредственную передачу взятки) по поручению взяткодателя или взяткополучателя либо оказывает этим лицам иное содействие как в достижении, так и в реализации между ними соглашения о получении и даче взятки и желает так действовать. Обязательным элементом субъективной стороны должно являться отчетливое осознание незаконности деяний взяткополучателя, значительность, крупный или особо крупный размер предмета взятки.

Запрет объективного вменения, установленный в ч. 2 ст. 5 УК РФ, обязывает доказывать осознанность размера взятки, в противном случае основа любой квалификации (субъективное вменение) будет нарушена.

Дополнительный элемент содержания субъективной стороны «заведомость» означает наличие достоверных сведений о незаконности действий, поскольку в ч. 2 ст. 291-1 УК РФ прямо и точно указана «заведомость незаконных действий (бездействия) взяткополучателя» [4, 5, 9, 22 и др.]. В подобной ситуации субъект преступления посредник отчетливо осознает участие в передаче взятки за дей-

ствия или бездействие получателя в пользу передающего лица. Осознанность должна быть в отношении именно незаконных деяний, т.е. противоречащих закону. При буквальном толковании термина «незаконных» можно прийти к выводу о том, что речь может идти только о противоречии, противопоставлении деяний получающего взятку лица тому или иному закону как нормативно-правовому акту, обладающему высшей юридической силой [8, 14, 20, 27 и др.].

Толкование «незаконности» позволяет сделать вывод и о том, что деяние может быть направлено и на нарушение какого-либо подзаконного акта, так как подзаконные нормативно-правовые акты не могут противоречить закону. При сопоставлении закона и подзаконного акта мы исходим из посыла о том, что закон – явление более общее, чем подзаконный акт.

На наш взгляд, более гарантированной была бы направленность диспозиции ст. 291-1 УК РФ в части использования термина не «незаконные», а «противоправные», так как соотношение терминов «закон» и «право» позволяет соотнести их как частное (закон) и общее (право), что, в свою очередь, позволит расширить действие нормы, распространяя ее не только на случаи незаконных деяний получающего взятку, но и противоправные, т.е. нарушающие не только закон, но и всю совокупность законов, деяния. По этим основаниям мы считаем целесообразным заменить термин «незаконных» на термин «противоправных» в диспозиции ст. 291-1 УК РФ.

Субъективное отношение специального субъекта (лицо, использующее свое служебное положение) должно включать осознание не только своих действий как посредника во взяточничестве, но и использование для таких посреднических действий своего служебного положения.

Субъект посредничества во взяточничестве общий – вменяемое физическое лицо, достигшее к моменту совершения данного преступления 16-летнего возраста, наличие дополнительных к общим специальных признаков субъекта установлено в ч. 2 – использование посредником своего служебного положения.

Анализируемым законом, кроме того, введена уголовная ответственность за обещание **или предложение посредничества во взяточничестве** (ч. 5 ст. 291-1 УК РФ). Ранее такие действия квалифицировались как приготовление к преступлению в форме подстрекательства. При этом не исключается возможность привлечения лица по ч. 5 ст. 291-1 УК РФ и при подстрекательстве к обещанию или предложению посредничества во взяточничестве (т.е. подстрекатель предлагает перспективному посреднику сделать такое обещание или предложение).

Конечно же, в одной статье невозможно отразить все недостатки конструкции уголовно-правовой нормы, однако мы надеемся, что наши аргументы позволят продолжить дискуссию о совершенстве уголовного закона. Предлагаемые изменения и дополнения содержания ст. 291-1 УК РФ, по нашему мнению, позволят более точно применять уголовно-правовые нормы как меры воздействия в конкретных случаях правоприменительной практики, а в целом – будут способствовать повышению эффективности борьбы со взяточничеством как наиболее опасным проявлением коррупции в Российской Федерации.

Литература

1. Анохин В.С. Эффективность правосудия в сфере экономики: состояние и перспективы улучшения // Российская юстиция. 2010. № 2. С. 32-37.
2. Архипова К.Ю. Совершенствование миграционного законодательства Российской Федерации в аспекте противодействия незаконной трудовой миграции // Юридический мир. 2010. № 9. С. 13-16.
3. Волков К.А. Значение судебного прецедента для преодоления недостатков уголовного закона // Российская юстиция. 2010. № 1. С. 57-58.

4. Голубов И.И. Вопросы квалификации дачи заведомо ложных показаний // Российский следователь. 2011. № 10. С. 11-14.
5. Гонтарь И.Я., Коваленко Т.С. Особенности вины в умышленном причинении вреда здоровью // Адвокат. 2011. № 4. С. 15-21.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 07.02.2011 г.) // Российская газета. 1996. № 23, 6 февр.; № 24, 7 февр.; № 25, 8 февр.; № 27, 10 февр.
7. Громыко О.В. Особенности возбуждения уголовных дел по факту вымогательств, совершенных организованными группами // Российский следователь. 2010. № 8. С. 10-12.
8. Денисов С.А. Источники реального государственного права // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 4. С. 2-9.
9. Дядюн К. Квалификация убийства женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности // Уголовное право. 2011. № 3. С. 21-25.
10. Закон РСФСР от 25.07.1962 г., в ред. Закона РФ от 18.02.1993 г. № 4510-1 // Ведомости ВС РСФСР. 1962. № 29. Ст. 449; Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1993. № 10. Ст. 360.
11. Капинус О. Изменения в законодательстве о должностных преступлениях: вопросы квалификации и освобождения взяткодателя от ответственности // Уголовное право. 2011. № 2. С. 21-26.
12. Кауфман М.А. Проблемы в уголовном праве и способы их преодоления: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2009. С. 3.
13. Козлов В.Ф., Фролкин Н.П. Сведения о личности преступника и членах организованной преступной группы, занимающихся организацией незаконной миграции, как элементы криминалистической характеристики // Российская юстиция. 2009. № 12. С. 61-65.
14. Колесников Е.В., Степанова Ю.В. Толкование конституционных норм Конституционным Судом Российской Федерации: некоторые вопросы теории и практики // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 11. С. 41-45.
15. Колесникова Т.В. Соотношение уголовно-правовых и криминалистических признаков организованной преступной группы и преступного сообщества // Право и политика. 2010. № 5. С. 944-952.
16. Кондрат Е.Н. Неэффективность законов и пробелы в законодательстве как угроза финансовой безопасности государства // Административное и муниципальное право. 2011. № 6. С. 71-78.
17. Кочкаров А.А. Причины и условия налоговых правонарушений // Финансовое право. 2011. № 6. С. 27-32.
18. Куракин А.В. Этапы становления и развития учения об административно-правовых средствах предупреждения и пресечения коррупции в системе государственной службы // Право и политика. 2007. № 11.
19. Курпас М.В. Причины и условия совершения судебных ошибок // Российский судья. 2011. № 5. С. 36-40.
20. Недилько Ю.В. Толкование правовых норм и его значение // История государства и права. 2011. № 1. С. 30-32.
21. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. 18-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1986. С. 455.
22. Пилюшин И. Ответственность за заведомо незаконное заключение под стражу // Уголовное право. 2010. № 5. С. 63-66.
23. Рамазанов Р.У. Административная ответственность за коррупционные правонарушения // Административное и муниципальное право. 2011. № 3. С. 70-73.
24. Сироткин И. Ответственность участников организованных групп и преступных организаций // Законность. 2007. № 10.
25. Татьяна Л.Г. Уголовно-процессуальные правоотношения прокурора и руководителя следственного органа: проблемы и пути их решения // Уголовное судопроизводство. 2010. № 1. С. 21-23.
26. Федеральный закон от 04.05.2011 г. № 97-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» // Российская газета. 2011. № 97, 6 мая.
27. Шафиров В.М. Законность в правовом государстве // Российская юстиция. 2011. № 4. С. 41-44.

ПОДГРУШНЫЙ МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ – соискатель учёной степени кандидата юридических наук, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (S900KM@mail.ru).
PODGRUSHNYY MIKHAIL ALEKSANDROVICH – a competitor of scientific degree of Juridical Sciences candidate, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 316.4

Р.В. КАРАМЕЛЬСКИЙ

ПРОБЛЕМЫ ИЗМЕРЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ

Ключевые слова: социальное самочувствие, исследование социального самочувствия, индикаторы социального самочувствия, параметры социального самочувствия.

В различных сферах общественной жизни существует объективная потребность исследования социального самочувствия для применения результатов на практике. Но социальное самочувствие является субъективной оценкой, плохо поддающейся фиксации, измерению и обобщению. С учетом того, что наряду с несомненными достижениями в разработке проблем социального самочувствия и поведения на сегодняшний день сохраняется немало сложных и нерешенных вопросов, в частности, существуют пробелы в методиках расчета индексов социального самочувствия, данная статья позволит узнать об общих научных подходах к исследованию социального самочувствия.

R.V. KARAMELSKIY

PROBLEMS OF MEASUREMENT OF SOCIAL STATE OF HEALTH

Key words: social state of health, research of social state of health, indicators of social state of health, parametres of social state of health.

In various spheres of public life there is an objective requirement of research of social state of health for application of results in practice. But the social state of health is the value judgment which is badly giving in to fixing, measurement and generalisation. Considering that along with doubtless achievements in working out of problems of social state of health and behaviour, for today remains a lot of difficult and unresolved questions, in particular, there are blanks in design procedures of indexes of the social state of health, given article will allow to learn about the general scientific approaches to research of social state of health.

Одним из наиболее актуальных аспектов социологического анализа современных тенденций общественного развития является изучение социального самочувствия людей как обобщенной эмоционально-оценочной реакции последних на социальные изменения и на свое положение в трансформирующемся обществе.

Социальное самочувствие является мощным мотивационным фактором поведения человека, имеет воздействие на выбор его жизненной стратегии и тактику ее реализации. Социальное самочувствие выступает в качестве некой основы, исходного структурного элемента для формирования социального настроения личности, ее направленности. Кроме того, социальное самочувствие само является показателем успешности процесса адаптации и интеграции в общество и поэтому очевидна необходимость всестороннего, комплексного изучения данного феномена.

Различные аспекты осмысления социального самочувствия, трактуемые с различных точек зрения, берут свое начало с концепций ученых XIX – начала XX вв.

Вместе с тем необходимо отметить, что наряду с несомненными достижениями в разработке проблем социального самочувствия сохраняется немало сложных и нерешенных вопросов. Так, в недостаточной мере изучена собственно структура социального самочувствия, региональные особенности социального самочувствия студентов, особенно в период нестабильности, связанной с последствиями глобального финансового кризиса, существуют пробелы в методиках расчета индексов социального самочувствия и т.д.

Понятие «социальное самочувствие» – сложное и неоднозначное, и этим объясняется тот факт, что до настоящего времени не найдено однозначного толкования понятия «социальное самочувствие», как нет и его однозначной операционализации через систему индикаторов и показателей.

Исследование социального самочувствия, как справедливо подчеркивают социологи, «тем более, в связи с социально-групповыми вариациями, предполагает изучение большого числа различных параметров, имеющих сложные взаимосвязи. Следовательно, основное требование, предъявляемое к инструментарию, – обеспечить получение показателей, описывающих социальное самочувствие и позволяющих проанализировать влияющие на него факторы» [4. С. 6].

В длительной истории формирования методологической базы для определения понятия «социального самочувствия» преобладал психологический подход. Но уже в его рамках был выделен ряд существенных смысловых блоков социального самочувствия: ассоциация самочувствия с восприятием человеком окружающей действительности, общественных явлений и процессов, с его переживаниями и эмоциями; его понимание как одной из чувственно-рациональных форм отражения социальной реальности, оценочного показателя, характеризующего социальное сознание индивида; ощущение психологической и физиологической комфортности внутреннего состояния личности, отражение субъективного отношения человека к самому себе и окружающему его миру, имеющего стабильную мотивационную значимость для субъекта деятельности.

Обращение социальных наук к феномену социального самочувствия приобретает особую значимость в силу чувственно-эмоционального характера этого феномена. Между тем, как отмечает А.В. Меренков, приобщение человека к культуре осуществляется «совокупностью одновременно действующих механизмов нормативного развития, саморазвития, самоорганизации человека и чувственно-эмоционального их обеспечения. Но именно механизм чувственно-эмоционального обеспечения развития и саморазвития личности сегодня изучен наименее всего» [3. С. 243].

Социальное самочувствие соотносится не просто с чувствами, а с социальными чувствами. Они всеобъемлющи (люди, начиная какие-либо действия, сверяются предварительно с ними, оправдывая свои поступки и мысли, бессознательно ориентируются на них), фундаментальны и важны (даже если способность учитывать интересы других у человека недостаточно развита, он прилагает усилия, чтобы казаться не хуже других). Степень развития социального чувства проявляется в действиях человека, социальных общностей и может использоваться в качестве измерителя, позволяющего на основе определенных критериев степени его развития судить о человеке, общности, оценивая и сравнивая их с другими. Поэтому, как подчеркивает Е.Н. Бочканова, «выделить эти критерии (а значит, оценить социальное чувство человека, той или иной общности) – сложная, но необходимая исследовательская задача» [1. С. 11].

В связи с этим встает задача адаптации критериев измерения социального самочувствия к тому или иному объекту исследования. В научной литературе предлагаются различные варианты набора таких критериев.

Так, например, Л.Е. Петрова выделяет следующие из них:

- уровень притязаний – жизненная ориентация: ценностные ориентации трудовой деятельности; ценности учебной деятельности; ценности семьи; ценности общения и досуговой деятельности;
- характеристики активности субъекта – субъективная оценка характеристик успеха: трудоспособность, адаптивная деятельность;
- конкретные шаги по реализации жизненной программы «Идентификационная стратегия»: характеристика референтной группы; характеристика воз-

возможностей в сравнении с представителями своей возрастной когорты; степень доверия социальным институтам; институт помощи;

– удовлетворенность реализацией жизненной стратегии: удовлетворенность работой; удовлетворенность семейной карьерой; удовлетворенность вещной средой;

– временные характеристики – отношения к изменениям: планирование важнейших событий; объективные детерминирующие факторы; среда выхода [5. С. 109].

Следует принять во внимание и позицию ученых, выделяющих более широкие и обобщенные характеристики, приближающие социальное самочувствие к перешедшим по наследству из советского прошлого «чертам образа жизни» и включающие лишь параметры хронологической (диахронной) оценки удовлетворения жизнью (ретроспективы сущего и перспективы). Согласно такой позиции для анализа социального самочувствия достаточен следующего набора параметров (М.Н. Руткевич): удовлетворенность своей жизнью в целом; оценка человеком своего сегодняшнего положения в новых условиях; представление личностью своего будущего [6. С.112]. Данная структуризация слабо применима к реалиям любой социальной группы и дает недостаточно оснований для операционализации.

Иные ученые, напротив, стремятся учесть все возможные варианты и флуктуации. Например, наиболее полный перечень индикаторов, отражающих содержание социального самочувствия, разработан Л.Е. Петровой [5. С. 50]:

– *уровень притязаний*: жизненная ориентация; ценностные ориентации трудовой деятельности; ценности учебной деятельности; ценности семьи; ценности общения и досуговой деятельности; субъективная оценка характеристик успеха;

– *характеристика активности субъекта*: трудоспособность; адаптивная деятельность; конкретные шаги по реализации жизненной программы;

– *идентификационная стратегия*: характеристики референтной группы; характеристика возможностей в сравнении с представителями своей возрастной когорты; степень доверия социальным институтам; институт помощи;

– *удовлетворенность реализацией жизненной стратегии*: удовлетворенность работой; удовлетворенность семейной карьерой; удовлетворенность вещной средой;

– *временные характеристики*: отношение к изменениям; планирование важнейших событий;

– *объективные детерминирующие факторы*: среда выхода; статус субъекта социального самочувствия. При применении такого членения параметров самочувствия, действительно, охватываются всевозможные ситуации, однако она чересчур загромождена подробностями и потому также трудно адаптируема к задачам конкретного социологического исследования.

Еще один, тоже весьма громоздкий, набор параметров для анализа социального самочувствия представлен Я.Н. Крупец:

1) уровень жизни – доход; материальное положение, обеспеченность (жилье, товары длительного пользования, первой необходимости); занятость и безработица (уровень заработной платы, сферы занятости, условия труда сообразно потенциалу и представлениям о будущем); гарантированность социальной защиты (пенсионное обеспечение, социальные услуги, льготы); свободное время, отдых; воспитание детей (отдых, здоровье, будущее образование, возможности самоопределения);

2) состояние здоровья – заболеваемость; возможность получения медицинских услуг, оздоровление; питание; экология; профилактика заболеваний; здоровый образ жизни;

3) эмоционально-психологическое состояние – радость, депрессии, оптимизм, причины всех эмоциональных состояний;

4) социальные самоощущения – идентификация, состояние комфортности, социальные ценности (какой направленности);

5) уровень беспокойства и надежды на помощь – проблемы, которые беспокоят, от кого зависит решение проблем, где находят поддержку, социальная ответственность;

6) уровень гражданской активности;

7) жизненные стратегии – выживание (подработки); развитие, самореализация (социальное образование, информированность, активность, карьера, планирование жизни); благополучие (дом, дача, свободное время); интеграция отношения к чужим (интерес к чужой культуре или отвержение, отношение к слабым); самооценка потенциала – профессионального, социального опыта, личностных качеств [2. С. 5].

Проблемами всех приведенных систематизаций параметров социального самочувствия являются отсутствие единых критериев выделения последних и слабая адаптивность к анализу конкретных социальных групп российского общества, прежде всего в силу сложностей с операционализацией таких параметров. Вместе с тем эти структуризации помогают определить основные сферы воплощения самочувствия, его соотношение с близкими понятиями.

Таким образом, теоретическое осмысление феномена социального самочувствия позволяет выделить сферы его проявления: материальное, экономическое положение; труд, занятость, профессия; социальная инфраструктура; культурно-досуговая сфера; межпоколенческие отношения; межнациональные отношения; семейные отношения; социально-психологический климат в коллективах предприятий, учреждений и организаций; экологическая ситуация; криминогенная ситуация.

Встречающееся в научной литературе смешение факторов, влияющих на социальное самочувствие, и его конституирующие компоненты усложняют социологическую интерпретацию социального самочувствия. В силу этого целесообразно развести названные компоненты и факторы, разделив последние в соответствии с порождающими их социетальными системами (или сферами общественной жизни) на *природные* (климатические, биологические, включая здоровье, темперамент, характер и т.п.), *социоэкономические* (от уровня жизни до степени занятости и распределения доходов), *социополитические* (как сугубо политико-институциональные, так и нормативные) и *духовные* (исторические, культурные, религиозные, этнические отношения), масштаб и вектор семейных связей, образовательные, возможности их социального возвышения в плане наличия каналов, ресурсов и в аспекте ориентации общества на формирование некоего набора ценностей, престижных символов, культурных паттернов и поведенческих образцов.

Что касается компонентов социального самочувствия, то к ним отнесем синхронную и диахронную оценку членами изучаемой группы своего экономического положения (прежде всего качества жизни как феномена включающего в себя и субъективную оценку людьми названного положения) и его перспектив, личные диспозиции (как притязания людей на определенный статус и ситуативную ориентацию на формирование у себя определенных волевых, нравственных и интеллектуальных качеств) и ценностную иерархию (ориентацию большинства членов группы на индивидуализм или коллективизм, на эгоизм или альтруизм, на патернализм или достижительные стратегии, мотивацию труда и учебы, социальный оптимизм и пессимизм, вектор и уровень интереса к культуре, политике и др.).

Литература

1. Бочканова Е.Н. Социальное самочувствие горожан как детерминанта содержания и направленности муниципальной политики: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2007. 25 с.
2. Крупец Я.Н. Социальное самочувствие как интегральный показатель адаптированности // Социологические исследования. 2003. № 4 С. 5-10.
3. Меренков А.В. Человек: взаимосвязь природного и социокультурного. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2007. 360 с.
4. Пак О.В., Глендиннинг Э., Попков Ю.В. Социальное самочувствие молодежи (международное исследование): Новосибирск и Новосибирская область. Новосибирск: Nonparel, 2004. 52 с.
5. Петрова Л.Е. Социальное самочувствие молодежи [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/12-2000/006.PETROVA.pdf>.
6. Руткевич М.Н. Социальная структура. М.: Альфа-М, 2004. 271 с.

КАРАМЕЛЬСКИЙ РУСЛАН ВАЛЕРЬЕВИЧ – аспирант кафедры социологии, политологии и менеджмента, Казанский государственный технический университет, Россия, Казань (karafel@yandex.ru).

KARAMELSKIY ROUSLAN VALERYEVICH – post-graduate student, Sociology, Political Science and Management Chair, Kazan State Technical University, Russia, Kazan.

УДК 316.4

Р.В. КАРАМЕЛЬСКИЙ

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ОБЪЕКТИВНЫХ И СУБЪЕКТИВНЫХ ФАКТОРОВ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ СТУДЕНЧЕСТВА

Ключевые слова: институциональный подход, функциональный подход, объективные и субъективные факторы, социальное самочувствие.

Анализ существующих теоретических и методологических подходов к изучению социального самочувствия дает возможность более детально выявить и рассмотреть объективные и субъективные факторы, определяющие социальное самочувствие студентов. Кроме того, в результате взаимодействия данных факторов выстраивается четкая картина социального самочувствия, которая играет важную роль в определении социального поведения студенчества.

R.V. KARAMELSKIY

INSTITUTIONAL AND FUNCTIONAL APPROACHES TO THE ANALYSIS OF OBJECTIVE AND SUBJECTIVE FACTORS OF SOCIAL STATE OF HEALTH OF STUDENTS

Key words: institutional approach, functional approach, objective and subjective factors, social state of health.

The analysis of existing theoretical and methodological approaches to studying of social state of health gives the chance to reveal and consider in more details the objective and subjective factors defining social state of health of students. Besides, as a result of interaction of the given factors the accurate picture of social state of health which plays the important role in definition of social behaviour of students is built.

Институциональный подход представлен в первую очередь творчеством Дж. Дьюи, который занимался изучением образования как социального института, взаимодействием его с другими социальными институтами. По его мнению, институты зависят от конкретно-исторических условий общества, все они взаимосвязаны друг с другом, изменения в одних из них неизбежно влекут за собой изменения в других. Все социальные институты развиваются в соответствии с потребностями общества. Одной из первых работ этого направления считается «Школа и общество» Дж. Дьюи, в которой он применил институциональный подход к институту образования и проанализировал взаимосвязь института образования с другими социальными институтами [1. С. 201]. Образование, по мнению Дьюи, – основное средство социального прогресса. А ос-

новой функцией системы образования является развитие практических навыков у учащихся. Система образования призвана приносить пользу для практической жизни – учащиеся должны научиться готовить еду, шить, стирать, владеть инструментами. Именно вокруг трудовой деятельности такого плана должно строиться обучение письму, чтению, математике и т.д. То есть образование, по мнению Дьюи, непосредственно зависит от института экономики и поэтому должно отвечать экономическим потребностям общества.

В своей работе «Демократия и образование» Дьюи анализирует взаимосвязь института образования с институтом политики [2. С. 200]. Он отмечает, что недостатки образования отражают недостатки общества, которые можно исправить, лишь борясь за демократизацию самого общества. Поэтому образование нельзя рассматривать отдельно от политики.

Наряду с институциональным подходом анализу социальных институтов уделяет большое внимание функциональный подход. Его последователи считают семью, церковь, образование главными социальными институтами, транслирующими культурные ценности. Ярким представителем этого направления является Э. Дюркгейм. В своих работах он определяет образование как одну из форм коллективного сознания, из поколения в поколение передающую культурные нормы. Дюркгейм рассматривал образование как отражение сущности общества и выделял ряд функций образования, считая основной из них – поддержание связей между личностью и социумом. Согласно Дюркгейму, образование – это социальный институт, который зависит от конкретно-исторических условий общественного развития. На институт образования оказывают влияние различные социальные факторы, в том числе, формы коллективного сознания, а также социально-экономические и социально-политические изменения в обществе, т.е. экономика и политика – основные институты, влияющие на образование. Также Дюркгейм считает, что изменения в типах образовательных организаций и в методах обучения зависят от типа общества. Так, например, при переходе от традиционного к индустриальному обществу происходит углубление индивидуализации и дифференциации в обучении. Интересна идея Дюркгейма о том, что целью образования как социального института является привитие учащимся таких моральных качеств, которые требуются в данном типе общества. Общество же должно заботиться о том, чтобы учителя являлись проводниками социальных ценностей с целью воспитания молодых людей как приемлемых членов общества [3. С. 155].

Показывая влияние социально-экономических условий на процесс образования, Дюркгейм отмечал, что если состояние социальной среды ориентирует общественное сознание на ценности аскетизма, физическое воспитание будет отброшено, неизбежно отойдет на второй план. Это, например, имело место в школах средневековья.

В соответствии с общественным сознанием одно и то же воспитание, полагал Дюркгейм, будет пониматься по-разному. В Спарте цель физического воспитания состояла главным образом в том, чтобы закалять организм; в Афинах оно было способом совершенствования тел, приятных для глаза; во времена рыцарства от него требовалось подготовить ловких и гибких воинов; в наши дни задача физического воспитания не более чем гигиеническая. Таким образом, даже те качества, которые на первый взгляд кажутся крайне желательными, индивид приобретает тогда, когда общество предлагает ему это сделать и таким способом, каким оно ему это предписывает. Дюркгейм отмечает, что в обществе конформизма проповедуются одни ценности, а в обществе индивидуализма – другие, и это непосредственно влияет на образование.

Цель образования, по мнению Дюркгейма – пробудить и развить в человеке физические, интеллектуальные и моральные качества, которые требует от него

как общество в целом, так и та специфическая среда, к которой индивид причастен. В работе «Социология образования» он отмечает, что преобразование обучения – непосредственная задача преподавателей, которые должны постоянно совершенствоваться [3]. Весь учебно-воспитательный процесс зависит от установок учителя и от отношений между учителями и учениками. Именно учитель может привить учащемуся высокие нравственные представления, без чего процесс обучения будет нежизнеспособным, поэтому каждое слово и каждый жест учителя должны быть продуманы до мелочей. Дюркгейм вводит понятие «школьная среда», подразумевая под ней влияние школы на социальное и гражданское воспитание учащегося, и предлагает найти середину между попустительством, с одной стороны, и злоупотреблением властью – с другой. Именно школьная среда уникальна в том смысле, что там ребенок может приобрести мировоззрение и соответствующие социальные качества. Именно здесь на ребенка оказывается влияние, которое ничто не заменит. Преподавателям же помогут труды социологов, так как преодолеть пережитки и рутину могут только опыт и приобретенные знания.

К представителям функционального подхода следует также отнести К. Манхейма и П. Сорокина. Развивая в ряде отношений учение Дюркгейма, Манхейм обосновывал влияние социальных институтов на образование. Он отмечал, что каждый учитель должен давать учащемуся знания о том обществе, в котором он живет. Поэтому идеальная модель обучения – это объяснение истории жизни данного индивида и анализ воздействующих на него социальных факторов. Такое обучение является интегральным. Во-первых, в силу интеграции школы с деятельностью других общественных институтов, во-вторых, в силу соответствия целостности личности [4. С. 64].

Манхейм определил свое представление о социологическом подходе к образованию. Он, по мнению Манхейма, состоит в следующем:

1. Образование формирует не человека вообще, а человека в данном обществе и для этого общества.

2. Наилучшей образовательной единицей является не индивид, а группа. Группы различаются по размерам, целям и функциям. В ходе обучения вырабатываются различные модели поведения, которым должны следовать индивиды в группах.

3. Цели образования в обществе не могут быть адекватно поняты, пока они отделены от конкретных ситуаций, в которые попадает каждая возрастная группа, и от социального строя, в котором они формируются.

4. Цели образования в их социальном контексте сообщаются новому поколению вместе с методами образования. Эти методы разрабатываются не изолированно, а являются частью общего развития «социальной технологии». Образование может быть правильно понято лишь тогда, когда оно будет рассматриваться как один из способов воздействия на человеческое поведение и как одно из средств социального контроля. Малейшее изменение в общей технологии и контроле будет оказывать воздействие на образование в стенах учебных заведений.

5. Чем больше мы будем рассматривать образование с точки зрения нашего недавнего опыта лишь как один из способов воздействия на поведение человека, тем очевиднее, что даже самые эффективные его методы обречены на провал, если они не согласуются с остальными формами социального контроля. Ни одна система образования не в состоянии поддерживать у нового поколения эмоциональную стабильность и духовную целостность, пока она не имеет общей направленности с социальными факторами вне образовательных учреждений. В наше время, лишь взаимодействуя с ними, можно кон-

тролировать социальные явления, которые в противном случае дезорганизуют жизнь общества [4. С. 65-72].

Наиболее существенными достижениями функционализма в целом являются следующие: анализ общества как системы, социальных функций и взаимосвязей различных элементов системы, функциональных зависимостей между элементами общественной системы. В этой связи представители данного направления рассматривают в рамках социологии образования различные функции образования в отношении общества как целого, в отношении индивида, подсистем внутри целостной системы образования. Функционалистам также принадлежит заслуга в выявлении явных (обучение) и скрытых (социальная селекция) функций института образования, что позволяет изучить возможность доступа к нему различных социальных групп.

Теперь остановимся на теории образования, разработанной французскими учеными С. Костером и Ф. Отиа в работе «Социология образования» [6. С. 45]. Система образования, считают они, не может создать независимого человека. Она всегда создает такую личность, которая может быть адаптирована к данной социальной системе для того, чтобы общество могло продолжить свое существование. В любом обществе индивиды имеют определенные роли, которые определяются их социальным и культурным статусом. Социальные системы, существующие в современном мире и оказывающие влияние на социализацию, имеют следующие черты: преемственность, трансформацию, воспроизводство. Преемственность и трансформация социальных систем связана с иерархией групп и классов, с одной стороны, и социальной мобильностью – с другой.

Как и многие другие социологи, Костер и Отиа считают, что первоначально образование является делом семьи. Именно через нее происходит передача обычаев, моральных и религиозных ценностей, создается возможность приспособления к окружающей среде. Получаемая таким образом информация дает возможность ребенку познать социально-экономические и культурные условия его окружения. Опираясь на поддержку семьи, система образования формирует новые понятия, способные изменить сформированное родителями сознание. Система образования также прививает учащемуся знание политической и гражданской идеологии и при этом выполняет функцию воспроизводства общества.

При этом следует учитывать общетеоретическое положение, что элементы каждой системы являются частью общей совокупности и имеют свое значение. Изменение одной части совокупности неизбежно вызывает изменение других ее частей. Так, например, усилия, направленные на придание светского характера образованию, осуществлявшиеся в Западной Европе после Великой французской революции, фактически касались не только образования, но и других компонентов общества. Или политика демократизации обучения, которую проводили в жизнь индустриальные страны, интегрировалась в более широкую политику.

Социальные институты оказывают непосредственное и опосредованное влияние на все происходящие в обществе социальные процессы, на функционирование социальных общностей, в том числе на все население в целом. На социальную общность студенчество, так же как и на другие общности, существенное влияние оказывают основные институты общества, такие, как экономика, политика, образование и семья. Происходящие в современном российском обществе социально-экономические и политические преобразования оказывают непосредственное влияние на студенчество, создавая как благоприятные, так и неблагоприятные условия существования этой социальной группы. Современная российское студенчество – это внутренне дифференцированная социальная группа, объединяющая людей, среди которых одни только начинают поиск своего профессионального пути, другие уже достигли определённых результатов в

учебной и трудовой деятельности, третьи пассивно следуют в русле происходящих трансформаций. Все эти процессы отражаются на социально-экономическом самочувствии студенчества. Под социальным самочувствием мы понимаем некое состояние или настроение, определяющее социальную активность, стратегии поведения и в конечном итоге качество жизни социальных субъектов. «Плохое» или «хорошее» социальное самочувствие студенчества вызвано нерешаемыми социальными проблемами. Можно предположить, что в связи с низким уровнем жизни большей части населения удовлетворенность материальным положением студенчества находится на низком уровне.

Применяя институциональный и функциональный подходы, можно выделить объективные и субъективные факторы, влияющие на социальное самочувствие студенчества. К объективным факторам, на наш взгляд, относятся:

1. Экономика как социальный институт, который объективно определяет материальное положение личности в обществе. Можно предположить, что на социальное самочувствие студенчества оказывает влияние как социально-экономические условия общества, так и материальный статус семьи, к которой принадлежит личность.

2. Политика как институт также оказывает решающее влияние на студенчество. Само по себе управление государством общественными процессами влияет на самочувствие граждан, в том числе и непосредственно касающаяся студентов образовательная политика отражается на их социальном самочувствии. На социальное самочувствие студенчества также большое влияние оказывает социальная поддержка и защита со стороны государства. И если студенты не чувствуют этой поддержки, предоставлены сами себе и попросту пытаются «выживать», то это, естественно, приводит к социальному пессимизму и неудовлетворенности жизнью.

3. Образование как институт оказывает самое непосредственное воздействие на самочувствие студенчества. Проводимые реформы образования в той или иной степени определяют социальное самочувствие студенчества.

4. Семья также оказывает влияние на самочувствие студенчества, так как именно она является концентрацией и микрокосмосом всех экономических, политических, идеологических, культурных ценностей, отражающих состояние данного общества. Именно семья выполняет важнейшие общественные функции формирования личности, оказывает непосредственное влияние на дальнейшую судьбу индивида, его образование, профессию, социальный статус, карьеру.

Если данные институты функционируют в стабильном обществе, то процессы формирования и образования личности, выбора профессий протекает более адаптивно. Если же общество и, соответственно, институты находятся в состоянии кризиса, то происходят процессы дезадаптации, дезинтеграции, девиации. Когда политическая ситуация спокойна, а экономика находится в равновесии, господствует подход, акцентирующий значение способностей и интересов личности в выборе ею профессии. Если же экономическая и политическая ситуация осложняется, то изменяется и политика профориентации, начинает преобладать тенденция, благодаря которой политики и руководители различных рангов склонны относиться к профессиональному самоопределению молодежи не как к проблеме согласования частных и общественных интересов, а как к простому перераспределению рабочей силы. Таким образом, окружающая индивида институциональная среда оказывает непосредственное влияние на его внутренний мир, переживания, психологическое состояние, ощущение счастья, удовлетворенности или разочарования, способствует формированию жизненной позиции и определяет в конечном итоге социальное поведение. Социальное самочувствие выпускников вузов выражается не только с точки зрения их матери-

ального положения и уровня дохода, но и через эмоциональную реакцию на условия своей жизни, через доминирующие чувства, настроения. Социальное самочувствие студентов можно оценить по двум основным аспектам: удовлетворенность условиями жизни (оценка удовлетворенности потребностей физического существования) и социально-психологический комфорт (оценка удовлетворенности потребностей социального существования). Помимо собственно оценки «удовлетворенности условиями жизни» и «социально-психологического комфорта» социальное самочувствие дает представление о степени социальной активности населения.

Таким образом, к субъективным факторам социального самочувствия студентов можно отнести следующие:

- 1) удовлетворенность студентов условиями общества, своего бытия, окружения, своим статусом, образованием, материальным положением;
- 2) настроения, ожидания, оценки происходящих и будущих событий;
- 3) отношение к государству, социальным институтам, обществу;
- 4) степень активности студенчества.

В результате взаимодействия объективных и субъективных факторов выстраивается в целом структура социального самочувствия, которая оказывает решающее влияние на социальное поведение студенчества. Оно может быть активным или пассивным, нормативным или девиантным, традиционным или инновационным, конформным или протестным в зависимости от взаимодействия всех названных факторов. Например, господствующие на протяжении долгого исторического времени в России плановая экономика и недемократический режим сформировали низкую социальную активность населения, в том числе и студенчества. А сложившаяся в нашем обществе традиционная (патерналистская) политическая культура также в целом формирует конформистский стиль поведения большинства населения, в том числе и студенчества.

Литература

1. Дьюи Дж. Школа и общество [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://makarenko-museum.narod.ru/Classics/Dewey/_02_Dewey_J_The_School_and_Society.htm.
2. Дьюи Дж. Демократия и образование: пер. с англ. М.: Педагогика-Пресс, 2000. 384 с.
3. Дюркгейм Э. Социология образования. М.: ИНТОР, 1999. 234 с.
4. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. 530 с.
5. Милакова В.В. Психологические особенности профессионального самоопределения будущих специалистов помогающих профессий социономического типа: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Астрахань, 2007. 25 с.
6. Hotyat F., Coster S. La sociologie de l'education. Bruxelles: Editions de l'Université de Bruxelles, 1977. 344 p.

УДК 159.922.1+159.923.2+316.614

Г.В. ВЕРЖИБОК, О.В. КИРИЛЛОВА

ГЕНДЕРНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ В СЕМЬЕ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И СВЯЗЬ ПОКОЛЕНИЙ

Ключевые слова: гендерная социализация, преемственность, гендерная идентификация, ценности, гендерная культура.

Статья посвящена трансформации гендерных ролей в современном обществе, выявлению роли семьи в передаче следующим поколениям социокультурного опыта и воспроизведении ценностно-смыслового пространства культуры, показано формирование культурного облика студенческой молодежи, ориентированность на ценность семьи и осознанное супружество на основе становления гендерной культуры.

G.V. VERJIBOK, O.V. KIRILLOVA

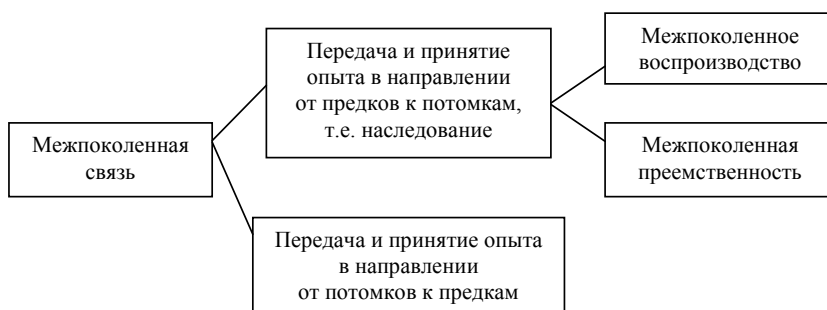
GENDER IDENTITY IN THE FAMILY: CONTINUITY AND CONNECTION BETWEEN GENERATIONS

Key words: gender socialization, continuity, gender identity, values, gender culture.

The article deals with the transformation of gender roles in modern society, revealing the family role in the passing socio-cultural experience and reproduction of cultural value and the semantic space to the next generations, shows the formation of the student's youth cultural image, focus on the value of family and conscious marriage based on the establishment of gender culture.

В условиях трансформации современного общества сфера семьи, как и все остальные сферы жизнедеятельности человека, подвержена изменениям, которые касаются и представлений о гендерных ролях мужчин и женщин, девочек и мальчиков. Традиционные ориентиры сегодня вступают в определенное противостояние с новыми ценностями, наблюдается распространение различных моделей гендерных отношений. Подвергаются изменению и «социализированный индивид», входящий в новые сектора объективного мира своего общества, и агенты социализации, стимулирующие воспроизводство или модификации гендерных норм и практик. Возникают противоречия между идеальным и реальным в плане их реализации на практике, между ценностями и брачно-семейными установками разных поколений [9]. Социокультурная среда межпоколенных отношений либо сокращает дистанцию между поколениями, либо приводит к тотальному дистанцированию и росту индивидуализма, ведущему к кризису, при этом деформируется «образ» каждого поколения [1, 6, 12]. Обострилась проблема единства культур – «молодежной» и «взрослой», у различных поколений появились отличия в ценностных ориентациях, способах коммуникации и образе жизни в целом, что затрудняет и осложняет общение.

Падение престижа материнства и отцовства, угасание родительской инициативы, кардинальное изменение демографического поведения нивелируют ценность семьи (О.В. Барсукова, А.Я. Варга, А.В. Верещагина, Л.Я. Гозман, О.А. Карбанова, Г.Г. Филиппова, Л.Б. Шнейдер и др.), приводят к асимметричной организации родительской заботы и контрастам между процессами женской и мужской идентификации. Как следствие, происходит разрыв социокультурных и межпоколенных связей, отражающий перерыв постепенности, разрыв исторического развития. Межпоколенная связь как процесс передачи опыта между поколениями необходима для нормального функционирования общества, его социально-психологической интеграции, однако это развитие невозможно без отказа или замены «старого» на «новое» [8], включения трансгенерационного компонента как семейной целостности на основе приобщения молодежи к социальному наследию и включения в единую общность (рисунок).

Дифференциация и соотношение межпоколенных связей

Осваивая новое пространство отношений, именно молодое поколение в условиях изменения традиционных стереотипов, критериев ролей, множественности и размытости способов и стилей поведения (в том числе, и полоролевого/гендерного) оказывается не всегда готовой принять личностную и социальную идентичность, что неизбежно влечет за собой проблематичность реакций в различных ситуациях, конфликтность и девиантность поведения, неподготовленность к социальному и семейному взаимодействию [11]. В условиях личностной свободы и множественного выбора создаются определенные «социализационные риски»: унификация духовной и материальной культуры, размывание и девальвация системы традиционных культурных ценностей [2, 3, 6, 12, 13], сложившегося механизма преемственности поколений.

Воспроизводство человеческого капитала, общественные потребности предполагают рефлексию обязанностей родителей, связанных с формированием социально компетентных, ответственных граждан, толерантных к отличающимся от их собственных взглядов и образцов поведения, с устойчивой системой нравственных норм [6]. Большое значение имеет, какие ценности и смыслы преобладают в общности, что привносит в эту общность взрослый. Например, утверждается, что для развития субъектности наиболее благоприятен подвижный баланс эмоциональных связей и рациональных отношений, характерный для событийной общности. Детско-взрослая общность учреждает систему жизненных установок, направляет процесс социокультурной идентификации и формирования жизненных ценностей и смыслов, выступая пространством для развития гуманистических ценностей [10]. Поэтому роль семьи в передаче следующим поколениям социокультурного опыта, воспроизведении ценностно-смыслового пространства культуры, формировании культурного облика человека, культуры родительства представляется исключительно важной и значимой.

Принятие существующих в данном обществе социальных норм и жизненных ценностей, определяющих семейные взаимодействия (существующие и предполагаемые в будущем), личностная и социальная идентификация [5, 7, 13, 14] как значимый многоуровневый конструкт выработки форм и стратегий поведения признаются существенным фактором (Г.М. Андреева, Н.В. Дмитриева, М.В. Зако-воротная, Н.Л. Иванова, Н.М. Лебедева, М.В. Попова, Т.Г. Стефаненко, В.А. Ядов и др.). Субъективное присвоение идентичности и социального мира – лишь различные аспекты процесса интернализации [2]. Идентичность как познание и принятие своей самости содействует углублению представлений о себе и мире, определяет рамки соотношения с Я-концепцией, способствует проявлениям многогранности и уникального своеобразия собственного «Я» относительно эталонных норм.

Значимым условием развития выступает процесс гендерной социализации, который предполагает усвоение знаний и представлений о содержании личностных качеств, полодифференцированных функциях, характерных для мужчин и жен-

щин, специфике их ролевого поведения. Каждый гендер, как утверждает И.И. Булычев, состоит из нескольких поколений, близких, но не тождественных по своему возрасту, а основным законом взаимосвязи между когортами (дети, взрослые и пожилые люди) является закон дополнения противоположностей [3]. Собственные жизненные опыты, чувственное взаимодействие с миром, наблюдения за другими существенно опосредуют влияние отношений с родителями на формирование гендерной идентичности, процессы привязанности и сепарации в период взросления вступают в активное взаимодействие друг с другом, во многих случаях влияние своей возрастной когорты перевешивает влияние других социальных групп.

Гендерная идентичность включает в себя не только ролевой и социальный аспекты, но и образ человека в целом, соотносится с половой дифференциацией и различиями полов, социокультурными параметрами, исследуется как сложный системный конструкт, как часть культуры и более широкой схемы развития.

Выявлено, что адекватное развитие полоролевой идентичности и время пересмотра содержания гендерных ролей у женщин соответствуют 40-45 годам, для мужчин характерны отвержение и смешение идентичности при пересмотре позиций в 33-39 лет. Эмоциональная окрашенность образа мужчины у обоих гендеров стабильна и не зависит от возраста, образ женщины претерпевает различные изменения. Роль семейных факторов в развитии полоролевой идентичности женщин проявляется в доминирующем влиянии паттернов гендерного поведения старших женщин семьи различной степени родства на выбор гендерной иерархии младших [7]. Субъектность человека в пожилом и старческом возрасте обусловлена степенью сохранности идентичности, уровнем самопринятия, выраженностью Я-образа, уровнем и типом локализации контроля. Нарушение идентичности в исследуемых возрастных группах имеет несимптоматический характер, для пожилых людей характерно сохранение идентичности (64,5%).

Важность изучения гендерной идентичности определяется положениями о том, что половой диморфизм относится к постоянным характеристикам отнотической эволюции (Б.Г. Ананьев), Я-концепция полотипизирована и многокомпонентна, дифференцирована и иерархична (В.А. Ядов, Р. Бернс, У. Джемс и др.), идентификационный опыт индивидов является одной из базовых структур самосознания субъекта (М.В. Заковоротная, В.С. Мухина и др.) и играет важнейшую роль в процессе его психосоциального развития (А.В. Микляева, П.В. Румянцева, М. Mead, Е. Erikson и др.), образуя внутренний мир человека как определенное взаимосоответствие тенденций и потенций (Б.Г. Ананьев), составляя в единстве гармонию индивидуальности (В.М. Бехтерев). Обретение гендерной идентичности предполагает интегрирование и вариации ролей (R.W. Connell, M. Schippers), создание целостного представления о себе как человеке того или другого пола в прошлом, настоящем и будущем временном пространстве [2, 5, 10, 12].

В основе анализа *гендерной ориентации* семейного окружения положена авторская *концепция гендерной культуры* как фактора модернизации всех видов общественных и личных отношений на основе включения паритетного начала как формы взаимодействий и принятия «инаковости» мнений других при осознании необходимости корректировки или перестройки сознания. *Модель гендерной культуры* (ГК) личности базируется на признании ценности себя (Я-образ) и ценностей социального мира (Я-окружение) в системе идентификационных признаков и совокупности личностных ориентиров (толерантность, автономность, ориентированность, ценностность) в пространственно-временном континууме на основе выбора и принятия индивидом паритетных позиций для согласования совместных взаимодействий. Интегративная структура ГК содержит следующие компоненты: *гендерная картина мира* (ГКМ) как система представлений человека о мире, о себе, других людях; *гендерная идентичность* (ГИ) как интегратор различных элементов Я-структуры; *гендерно-ролевая позиция* (ГРП) как готовность самостоятельно

принимать решения в ситуации выбора, при этом каждый элемент характеризуется своеобразием проявления. Ценностно-смысловое значение компонентов ГК выступает как процесс и результат активно-деятельностного осмысления факторов социальной среды в рефлексивно-оценочном преломлении индивида [4].

Основанием для реализации ГК является *гендерная идентичность* как компонент устойчивости индивидуальной и социальной системы [5], что позволяет утверждать целесообразность расширения рамок социально-психологических измерений репрезентативности современного социокультурного опыта при исследовании гендерного самоопределения молодежи под воздействием средового окружения, в частности, семейного.

В ходе работы использовался комплекс апробированных («Гендерные роли» С. Бем, «Кто Я?» М. Кун и Т. Макпартлэнд, «ВИКТИ» Г.Л. Бардиер) и авторских («Личностная и групповая идентификация», «Автономность», «Ориентированность», «Ценностность и ценностные ориентиры», «Удовлетворенность сферами жизнедеятельности») методик. Выборка составила 393 человека (245 чел. – женский пол, 148 – мужской пол, соответственно 62,3% и 37,7%) в возрастном диапазоне от 18 до 77 лет из полных (77,9%) и неполных (22,1%) семей при относительно равном распределении центрального (54,7%) и регионального (45,3%) места проживания (Минск, Бобруйск). Для детализации результатов, представленных далее в соответствии с ключом методик, выборка была разбита на 2 группы по половому составу (женщины и мужчины) и на 3 когортные межпоколенные группы: младшее поколение (17-35 лет), среднее – родители (36-53 года), старшее поколение (54-77 лет). Статистически данные были обработаны с использованием специального программного обеспечения (SPSS 11.0 for Windows). В связи с большим объемом данных представлены для анализа только гендерные признаки.

Характерным для *общей выборки* семейного окружения является отнесение практически всех изучаемых признаков к среднему уровню (2/3 опрошенных), однако выявляется и *половая спецификация* – количество значимых *различий* по изучаемым гендерным компонентам установлено у 1/5 от общего числа опрошенных. Для их определения применялся Т-тест для независимых выборок, данные представлены в средних величинах и величине стандартного отклонения при уровне установленной статистической значимости ($p \leq 0,001^{***}$; $p \leq 0,01^{**}$; $p \leq 0,05^{*}$; $p > 0,05$ – ns). Было установлено следующее:

- по «*гендерному Я*» (по всей выборке общее значение составляет величину: $12,80 \pm 3,95$; у женщин: $12,49 \pm 3,83$; у мужчин: $13,30 \pm 4,12$ при $S = 0,049^{*}$), где низкий уровень проявлений зафиксирован в меньшей степени у женского пола (13,1% против 20,3% у мужского);

- по «*гендерной толерантности*» (общее значение: $51,02 \pm 5,62$; у женщин: $50,62 \pm 5,58$; у мужчин: $51,68 \pm 5,73$ при $S = 0,074$), где высокий уровень превалирует у мужчин (12,2%) по сравнению с аналогичным показателем у женской выборки (11,4%);

- по «*гендерным ролям*» (общее значение: $7,46 \pm 2,27$; у женщин: $7,10 \pm 2,12$; у мужчин: $8,06 \pm 2,38$ при $S = 0,000^{***}$), где выявлено большее количество представителей андрогинной ориентации у женщин (75,8%) по сравнению с таковой у мужчин (70,9%) и инверсионный характер фемининности (14,9% у мужчин против 9,4% у женщин) при равном соотношении маскулинности;

- по характеру отношения к «*мужской группе*» (общее: $1,29 \pm 0,62$; у женщин: $1,25 \pm 0,62$; у мужчин: $1,35 \pm 0,61$ при $S = 0,131$) равноправная позиция более характерна для мужской выборки (42,6% против 35,5% у женщин) и, наоборот, для женской – при выборе доминантной (соответственно 54,3% и 50%) и подчинительной (10,2% у женщин при 7,4% у мужчин) форм взаимодействия;

- по характеру отношения к «*женской группе*» (общее значение: $1,17 \pm 0,66$; у женщин: $1,17 \pm 0,64$; у мужчин: $1,16 \pm 0,68$ при $S = 0,817$) равноправная позиция

практически не различается по половому признаку: (у мужчин – 32,4%, у женщин – 31%), однако у женщин доминирование превалирует (55,1% против 50,7%), а подчинение отмечается у мужчин (16,9% и 13,9%);

– по «гендерной центрации» (как признаку понимания гендерных групп на основе принятия гендерно-ролевой позиции) наблюдается: (общее значение: $1,43 \pm 0,75$; у женщин: $1,41 \pm 0,77$; у мужчин: $1,46 \pm 0,71$ при $S = 0,548$), одинаковое превалирование равноправной позиции (59,2% женщин и 58,8% мужчин) при большей выраженности доминирования у мужчин (28,4% против 22,9% у женщин) и подчинительной – у женщин (18% против 16,9% у мужчин).

Для сравнения трех групп по половозрастному признаку был использован метод Н-теста Крускала–Уоллиса, который является модификацией U-теста Манна и Уитни на случай для более двух независимых выборок и базируется на общей ранговой последовательности значений всех выборок. Выявлено практически равномерное распределение изучаемых компонентов *гендерной ориентации* семейного окружения в зависимости от возрастного контекста (таблица).

**Гендерная ориентация семейного окружения
(распределение по когортным группам)**

Гендерные признаки	Когортная группа								
	мужская выборка			женская выборка			общая выборка		
	1-я группа	2-я группа	3-я группа	1-я группа	2-я группа	3-я группа	1-я группа	2-я группа	3-я группа
Гендерное Я	73,78	72,20	84,80	116,41	126,63	121,24	191,87	197,60	210,30
Гендарная толерантность	78,79	70,17	78,10	121,49	126,33	105,00	201,33	195,85	189,27
Гендерные роли	79,08	70,56	75,88	116,19	121,54	151,81	197,34	190,11	228,12
Отношение к мужской группе	73,60	74,09	78,50	129,37	118,72	130,14	202,84	191,17	209,48
Отношение к женской группе	75,14	75,01	70,88	126,70	120,80	125,10	201,05	195,18	193,70
Гендерная генерация	76,39	70,35	84,13	131,39	118,72	122,79	207,19	188,60	209,28
Всего	56	72	20	76	148	21	132	220	41

Примечание. Когортные группы: 1-я – группа 17-35 лет, 2-я – группа 36-53 года, 3-я – группа 54-77 лет. Данные представлены по ранговым значениям.

По наблюдаемым значениям в разных возрастных группах отмечаются лишь незначительные колебания показателей. Для общей выборки характерна значимая выраженность гендерных признаков у 3-й когортной группы (прародители): гендерное самопринятие (210,30), фиксация на мужской группе (209,48), и, как следствие, гендерная центрация (209,28). Группа младшего поколения выбирает групповое взаимодействие как показатель социальной идентификации и терпимость (201,33) как существенное для личностного становления. Родительская диаспора в достаточно ровной степени отмечает все признаки.

В мужской выборке наиболее ярко выражены: превалирование у более половины опрошенных (59%) равноправной позиции в межличностных отношениях, у ¼ части – выбора доминантности; схожести в проявлениях гендерной терпимости и уважения в 1-й (78,79) и 3-й группах (78,10), в которой (старшая группа) отмечается принятие себя как представителя определенного пола ($r = 84,80$), гендерная центрированность ($r = 84,13$) и устойчивость отношения к мужским группам; однако в средней группе присутствует снижение значимости 2-й, 3-й и 6-й позиций. В женской выборке зафиксировано возрастающее внимание к гендерной центрации (131,29) в молодежной среде и отношение к мужской группе (130,14) у старших при снижении их внимания к построению толерантных связей (105,00).

При проведении корреляционного анализа (непараметрический метод анализа данных, Spearman) присутствуют следующие связи:

– «гендерное Я» опосредуется «социальным Я» в 1-й ($r = 0,261$ при $S = 0,002^{**}$) и 2-й ($r = 0,163$ при $S = 0,01^{**}$) группах, в 3-й группе – связано с саморефлексией ($r = 0,442$ при $S = 0,003^{**}$);

– «гендерная толерантность» имеет значимость с позитивностью к «другому поколению» (1-я группа: $r = 0,223$ при $S = 0,009^{**}$, 2-я группа: $r = 0,241$ при $S = 0,000^{***}$, 3-я группа: $r = 0,389$ при $S = 0,01^{*}$) и окружающим людям (1-я группа: $r = 0,288$ при $S = 0,000^{***}$, 2-я группа: $r = 0,465$ при $S = 0,000^{***}$, 3-я группа: $r = 0,576$ при $S = 0,000^{***}$), принятием «другой культуры» (1-я группа: $r = 0,235$ при $S = 0,006^{**}$, 2-я группа: $r = 0,328$ при $S = 0,000^{***}$, 3-я группа – ns) и этнической терпимостью (1-я группа: $r = 0,177$ при $S = 0,04^{***}$, 2-я группа: $r = 0,185$ при $S = 0,005^{**}$, 3-я группа: – ns);

– отношение к «мужской группе» связано с саморефлексией (1-я группа: $r = -0,208$ при $S = 0,01^{**}$, 3-я группа: $r = -0,334$ при $S = 0,03^{*}$), установлением доминантности женской группы (1-я группа: $r = 0,275$ при $S = 0,001^{***}$, 3-я группа: $r = 0,300$ при $S = 0,05^{*}$) при снижении контактности ($r = 0,213$ при $S = 0,01^{**}$) и «автономности» (1-я группа: $r = 0,234$ при $S = 0,006^{***}$, 3-я группа: $r = 0,311$ при $S = 0,04^{*}$), как и во 2-й группе ($r = 0,353$ при $S = 0,000^{***}$), где присутствует направленность на «будущее» ($r = 0,222$ при $S = 0,000^{***}$), а в 3-й группе – на «будущее» ($r = 0,405$ при $S = 0,008^{**}$) и «настоящее» ($r = 0,305$ при $S = 0,05^{*}$), в которой формируется устойчивая «временная перспектива» ($r = 0,347$ при $S = 0,02^{*}$);

– отношение к «женской группе» опосредуется снижением «статуса других» (1-я группа: $r = 0,228$ при $S = 0,008^{**}$) и «межличностной толерантности» (2-я группа: $r = 0,209$ при $S = 0,001^{***}$), в которой повышается значимость окружающих «близких» людей ($r = 0,268$ при $S = 0,000^{***}$) при направленности на «будущее» ($r = 0,204$ при $S = 0,002^{*}$), в 3-й группе установлена доминантность мужской группы ($r = 0,300$ при $S = 0,05^{*}$).

Вследствие предпринятых процедур и разбора данных можно утверждать, что по изучаемым признакам, входящим в состав гендерной культуры, характерно:

1) для общей выборки характерны проявление рефлексивных процессов и формирование качественных признаков при самоанализе отношения к гендерным моногруппам;

2) наблюдается дифференциация между мужским и женским составами семейного окружения, когда более высокие значения по показателям гендерного самопринятия присутствуют в мужской выборке, предпочтительна «мужская группа» при малом различии отношения к монополовым группам и традиционно-патриархатное распределение гендерно-ролевых позиций у представителей разного пола;

3) при характеристике распределения признаков в возрастных когортах (дети, родители, прародители) существенных различий на статистически достоверном уровне не установлено, однако по показателям младшая и старшая группа более близки к взаимопониманию и обмену информацией;

4) установлена преемственность и связь, в основном, между младшим и старшим поколением по передаче, принятию и пониманию процессов гендерной идентификации.

В настоящее время идет процесс освоения идеи индивидуальности как важнейшего социального достояния. Рефлексивно-интегративное осмысление феминного и маскулинного, по многим параметрам выполняющим различную функциональную роль, в социокультурном пространстве базируется на построении *гендерной культуры* индивида, которая определяет вариативность и мно-

говекторность проявлений в системе гендерных отношений. Важными моментами на пути решения проблемы *гендерного баланса* являются осмысление и преодоление дихотомического мышления, которое провоцирует воспроизводство традиционных полоролевых отношений, стереотипов маскулинности и фемининности, преодоление которых будет способствовать углублению социальной и личностной рефлексии, формированию осознанной политики, росту социальной, экономической и политической активности мужчин и женщин.

Изучение гендерной идентичности как базового основания гендерной культуры и существующей в социуме с определенным типом культурной среды дифференциации полоролевого поведения способствует выделению сензитивных и кризисных периодов, построению ценностных и мотивационно-смысловых конструкторов жизнедеятельности, основ гендерной культуры, становлению морально-нравственных и гражданских, социально и индивидуально значимых личностных качеств молодежи. Возобновление межпоколенных контактов могло бы стать стабилизирующим фактором в современном обществе.

Литература

1. Адлер А. Воспитание детей. Взаимодействие полов / пер. с англ. А.А. Валеева, Р.А. Валеевой. Ростов на/Д.: Феникс, 1998. 448 с.
2. Бергер П., Лукман Т. Идентичность // Психология самосознания: хрестоматия. Самара: ИД «БАХРАХ-М», 2000. С. 567-588.
3. Булычев И.И. Когорта детей в структуре гендерной реальности // Вестник ТГУ. 2007. Вып. 2 (46). С. 66-74.
4. Вержибок Г.В. Модельная форма организации гендерной культуры // Вестник РУДН. Сер. Психология и педагогика. 2010. № 2. С. 56-61.
5. Вержибок Г.В. Психологическая модель гендерной идентичности // Вестник МГЛУ. Сер. 2. Педагогика. Психология. Методика преподавания иностранных языков. 2009. № 2 (16). С. 31-39.
6. Гурко Т.А. Родительство: социологические аспекты. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. 164 с.
7. Ижванова Е.М. Возрастно-психологические особенности гендерных образов // Семейная психология и семейная терапия. 2004. № 1. С. 34-44.
8. Сапоровская М.В. Теория и практика исследования межпоколенной связи в семейном контексте [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2010. № 1 (9). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 27.04.2011).
9. Ткаченко И.В. Личностно развивающий ресурс семьи: онтология и феноменология. М.: Кредо, 2008. 278 с.
10. Шустова И.Ю. Детско-взрослая общность – значимое условие воспитания юношества // Сибирский педагогический журнал. 2008. № 11. С. 230-239.
11. Chodorow N. The reproduction of mothering: Psychoanalysis and the sociology of gender. Berkeley: University of California Press, 1978.
12. Erikson E.H. The Concept of Identity in Race Relations: Notes and Queries // Ethnic Identity in Society / Ed. by A. Dashefsky. Chicago: College Publishing Company, 1976. P. 59-72.
13. Marcia J.E. Development and validation of Ego-identity status // Journal of Personality and Social Psychology. 1966. Vol. 3. P. 551-558.
14. Tajfel H. Social categorization, social identity and social comparison / Ed. by H. Tajfel // Differentiation between social groups: Studies in the social psychology of intergroup relations. L.: Academic Press, 1978. P. 61-76.

ВЕРЖИБОК ГАЛИНА ВЛАДИСЛАВОВНА – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, Минский государственный лингвистический университет, Белоруссия, Минск (galina_minsk@mail.ru).

VERJIBOK GALINA VLADISLAVOVNA – candidate of psychological sciences, assistant professor of Psychology Chair, Minsk State Linguistic University, Belorussia, Minsk.

КИРИЛЛОВА ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (kirilovi@lenta.ru).

KIRILLOVA OLGA VASILYEVNA – doctor of pedagogical sciences, professor of Pedagogic and Psychology Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 378.183:69

И.А. ГАВРИЛОВА, С.Н. МИТИН

**МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ
СТУДЕНЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬНОГО ОТРЯДА**

Ключевые слова: организационная культура, разработка модели формирования, компонент модели, лидер.

Представлена модель целенаправленного формирования организационной культуры партисипативного типа в студенческом строительном отряде

I.A. GAVRILOVA, S.N. MITIN

**MODEL OF ORGANIZATIONAL CULTURE FORMATION
IN STUDENTS BUILDING GROUP**

Key words: organizational culture, model developing, formation, model component, leader.

The model of purposeful organizational culture formation of participative type in students building group is described.

Одним из видов мысленной модели является процессуальная модель, представляющая собой совокупность представлений о реальном и прогнозируемом состоянии объекта деятельности, а также о целях и способах реализации этой деятельности системе [2].

При разработке модели можно опираться на основы теории педагогических систем, сформулированные В.П. Беспалько, Ф.Ф. Королевым, Н.В. Кузьминой, В.П. Симоновым и др.

Модель формирования партисипативной организационной культуры студенческого строительного отряда понимается как взаимосвязанный и взаимообусловленный комплекс, объединяющий несколько компонентов: целевой, содержательный, процессуальный и контрольно-диагностический, обеспечивающих готовность студентов к позитивным взаимоотношениям внутри студенческого строительного отряда, базирующимся на фундаменте партисипативной организационной культуры.

Целевой компонент модели. Данный этап заключается в конкретизации и структурировании целей и задач формирования партисипативной организационной культуры студенческого строительного отряда.

Всякая цель – это мысленное предвосхищение человеком результата будущих действий. Такое предвосхищение может иметь различную психологическую форму: наглядного образа будущего результата, схематического его описания, определения требований, которым должен удовлетворять планируемый результат [3]. Однако во всех случаях идет речь о создании человеком «идеальных» представлений о результатах действий еще до их осуществления.

Данная цель конкретизируется через следующие блоки задач:

- изменение отношения к работе (формирование атмосферы, где все бойцы ССО следуют и разделяют общую цель, воспринимают ее как свою личную, имеют набор определенных задач для ее достижения и несут взаимную ответственность за достигнутые результаты);

- модификация поведения (формирование готовности к совместной деятельности бойцов отряда, по реализации цели и решению общих задач для ее достижения);

- стимулирование устойчивости к изменениям (формирование культуры командной работы, закреплённой в стандартах поведения).

Изменение организационной культуры студенческого строительного отряда в сторону формирования в нем партисипативной организационной культуры опирается на следующие принципы:

- ясность конечной цели. Когда планируются изменения в организации, нужно четко представлять, ради чего их проводят;

- разбиение на этапы. В случае, если руководитель уверен в необходимости изменений, процесс внедрения разбивается на этапы;
- предстартовое напряжение. На старте перед введением изменений необходимо создать некоторый уровень напряженности;
- распределение ответственности и перевод общей задачи в личную, специфическую;
- теоретическая база. Специально организованное обучение дает понимание обоснованности изменений.
- мотивация – это энергия изменений. Преодолевая сопротивление, необходимо задавать новые ориентиры, которые человек может воспринять как мотивирующие к новым действиям. Работа над изменениями в организации – это работа с мотивацией сотрудников. Новый подход должны сначала принять сами лидеры, чтобы влиять и мотивировать остальных. Они должны выражать единую точку зрения и подавать пример правильного поведения. На каждом уровне выявленные и подготовленные лидеры должны стать союзниками видения будущего компании, они должны быть снабжены инструментарием, необходимым для выполнения их миссии, и мотивированы на удачное завершение перемен [1].

Содержательный компонент модели. Говоря о содержательной стороне описываемой нами модели формирования партисипативной организационной культуры студенческого строительного отряда, нам необходимо затронуть характерологические особенности данного типа организационной культуры.

Организационная культура может формироваться как стихийно, так и целенаправленно. Данный процесс будет происходить целенаправленно, именно поэтому разбивается содержательная сторона формируемой организационной культуры на три блока:

1. Управленческий блок:
 - формирование готовности к установлению и поддержанию доброжелательной спокойной рабочей атмосферы в отряде, к созданию атмосферы доверия;
 - формирование готовности ценить идеи, выдвигаемые другими, вовлекать коллектив в активную работу, не замыкая все задачи на себе;
 - постоянное получение достаточных подтверждений того, что бойцы отряда правильно поняли задание и прониклись необходимой ответственностью его качественного выполнения в срок;
 - формирование у бойцов отряда стремления к самостоятельной работе в среде доброжелательного взаимодействия с другими и без постоянного обращения к командиру по вопросам, которые могут быть решены самостоятельно;
 - наличие разнообразия стилей и подходов к работе бойцов отряда, умение анализировать совместную деятельность;
 - организация профессионального роста бойцов отряда;
 - формирование у бойцов повышенной активности и ответственности при возникновении непредвиденных обстоятельств, грозящих срывом работ.
 - руководство основывается на содействии контактам и сотрудничеству и действует как катализатор группового взаимодействия и сотрудничества.
2. Производственный блок:
 - готовность к самостоятельному регулированию интенсификации труда: для бойцов отряда не существует нормированного рабочего дня; отряд самостоятельно нормирует свой рабочий день в зависимости от сроков достижения намеченной цели;
 - стремление к сокращению потерь рабочего времени путем достижения высокой степени организации труда внутри отряда: взаимозаменяемость, активная личная инициатива, конструктивная коммуникация, рациональное распределение ролей, работа на опережение;

– эффективность деятельности отряда определяется индивидуальной успешностью в сочетании с возможностью объединить личные цели бойцов со стратегическими целями отряда;

– наличие четкой цели, принятой и одобренной всеми бойцами отряда;

– согласованность взаимоприемлемых способов взаимодействия; согласованность миссии (ценностей и идеалов) совместной деятельности;

– готовность бойцов отряда к самоконтролю, самокоррекции и саморазвитию;

– высокая степень взаимовыручки и взаимоподдержки, готовность бойцов отряда к нестандартным проблемным ситуациям;

– открытость всех бойцов отряда к согласовательным процессам;

– открытость нововведениям;

– отсутствие формализации отношений в отряде;

– активное участие каждого бойца отряда в обсуждениях и дискуссиях;

– использование каждым бойцом отряда навыков активного слушания;

– умение правильно выражать несогласие для направления его в конструктивное русло;

– совместное принятие решений, которое подразумевает открытое обсуждение, а не формальное голосование;

– открытую коммуникацию, при которой каждый боец отряда свободно может выразить свое отношение к заданиям и работе в целом;

– четкое распределение ролей и обязанностей;

– разделенное лидерство, при котором функции лидера могут временно делегироваться другим бойцам отряда в зависимости от обстоятельств, потребностей отряда и навыков его бойцов.

3. Коммуникативный блок:

– формирование готовности к открытому обсуждению проблем, хорошая циркуляция информации;

– разработка приемлемых моделей и установок совместной деятельности партнеров по общению с учетом устойчивых качеств личности и их желания;

– формирование толерантных стратегий активного диалога позволяющих использовать универсальные схемы корректного убеждения и возражения;

– контроль и самоконтроль общения, в том числе через регулирование эмоциональных состояний;

– регулирование и коррекция своего поведения в общении в зависимости от понимания поведения партнера по общению путем получения информации о таких характеристиках общения, как перцепция и атрибуция, возможность увидеть, как функционируют они на практике в процессе коммуникативных процессов;

– преодоление индивидуально-личностных барьеров в общении благодаря получению информации о различных аспектах культуры общения: культура речи, эстетика одежды, культура ситуаций, что предоставляет возможность чувствовать себя уверенно в различных ситуациях как делового, так и межличностного общения.

Процессуальный компонент модели. Для того чтобы внедрять изменения и управлять ими, необходимо целостное и системное видение организации. В данном исследовании можно опираться на междисциплинарный подход, который точно отражает организацию в процессе изменений – «организационное развитие».

Организационное развитие – это мероприятия в области менеджмента, направленные на осуществление крупных изменений в организациях, т.е. в студенческом строительном отряде.

Организация (ССО) представляет собой открытую систему и подчиняется всем законам и принципам, характерным для других открытых систем.

Организация (ССО) – развивающаяся социальная система, и к ней применимы все законы и принципы групповой динамики.

В организации (ССО) всегда существуют и реализуются два вида активности: деятельность, направленная на решение базовой задачи, и активность по развитию отношений, возникающих между людьми.

Студенческий строительный отряд имеет некую локализацию в пространстве и времени, предполагает наличие определенных пространственно-временных границ. Все, что находится за пределами этих границ, предстает для него как среда существования. Но, являясь открытой системой, он находится в постоянном взаимодействии со средой. Каждая организация находится в постоянном процессе изменений: развитие есть атрибут любой организации. Среда существования организации также изменяется: меняются политическая и социальная ситуации, налоговая политика, законодательство, конъюнктура на рынке, времена года, погодные условия и т.д. Следовательно, организация может существовать и реализовывать стоящие перед ней цели, только если ее изменения адекватны изменениям и требованиям среды.

В данном исследовании под изменением организационной культуры студенческого строительного отряда понимается целенаправленная последовательность действий, нацеленных на перестройку и перевод отряда на новый, качественно более высокий уровень взаимодействия – партисипативный, с помощью оптимальных педагогических условий, способов, средств и действий.

Чтобы управлять процессом изменений, необходимо иметь ясные цели изменений, представлять себе этапы внедрения изменений, продумывать специальные «мотивирующие» мероприятия. Самая большая трудность фундаментальной трансформации заключается не в построении правильной концепции, не в реорганизации основных процессов и даже не в том, насколько глубоко постигли искусство управления командир отряда. Ключевая задача состоит в изменении навыков и поведения среди рядовых бойцов.

Контрольно-диагностический компонент модели предполагает описание пути диагностического контроля качественных изменений организационной культуры студенческого строительного отряда, а также компонентов развития отряда как малой группы, косвенно подтверждающих наличие или отсутствие элементов, характерных для партисипативной организационной культуры в целом.

Наличие или отсутствие элементов, характерных для партисипативной организационной культуры в целом, как и ее самой, будет свидетельствовать о эффективности или неэффективности организации экспериментальной деятельности по формированию партисипативной организационной культуры студенческого строительного отряда.

В данном исследовании в качестве диагностических показателей отслеживается динамика изменения:

- типа организационной культуры;
- уровня межгруппового взаимодействия;
- уровня групповой сплоченности (экспертная оценка);
- степени ценностно-ориентационного единства группы;
- стиля управления студенческим строительным отрядом.

Данные показатели имеют количественное выражение, а также различные уровни сформированности и развития, подразумевающие комплексную диагностику. Таким образом контрольно-диагностический компонент позволяет осуществлять как комплексный, так и позлементный контроль за процессом формирования партисипативной организационной культуры студенческого строительного отряда, что дает возможность коррекции и упорядочения процесса.

При проведении формирующего эксперимента в соответствии с разработанной моделью учитывается влияние человеческого фактора. Человек – саморегулирующаяся система, и его психологический настрой, в частности мотивация, как правило, вносит значительные коррективы в ход эксперимента,

что делает особенно важным создание благоприятного психологического климата в процессе формирования партисипативной организационной культуры студенческого строительного отряда.

Литература

1. *Иванова Е.В.* Тренинг управления изменениями в организации. СПб.: Речь, 2007, 292 с.
2. Российская педагогическая энциклопедия: в 2 т. М.: Большая российская энциклопедия, 1993-1999. Т. 2. С. 107.
3. *Шамова Т.И., Давыденко Т.М., Рогачева Н.А.* Управление адаптивной школой: проблемы и перспективы. Архангельск: Изд-во Поморского пед. ун-та, 1995. 162 с.

ГАВРИЛОВА ИОЛИТА АЛЕКСЕЕВНА – аспирант кафедры педагогики, Ульяновский государственный университет, Россия, Ульяновск (Buinc@mail.ru).

GAVRILOVA IOLITA ALEKSEYEVNA – post-graduate student of Pedagogy Chair, Ulyanovsk State University, Russia, Ulyanovsk.

МИТИН СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ – доктор педагогических наук, профессор, Ульяновский государственный университет, Россия, Ульяновск.

MITIN SERGEY NIKOLAEVICH – doctor of pedagogical sciences, professor, Ulyanovsk State University, Russia, Ulyanovsk.

УДК 378.14

В.И. ГОРБУНОВ

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ СТОРОН ВЫСШЕГО ТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ПРИ ПЕРЕХОДЕ НА НОВЫЕ СТАНДАРТЫ

Ключевые слова: новые образовательные стандарты, индивидуальные учебные планы студентов, самостоятельная и исследовательская работа, рейтинговая система организации учебного процесса, использование статистических норм распределения оценок по дисциплине, информационные технологии.

Рассмотрены вопросы психолого-педагогического сопровождения нововведений, обусловленных переходом на образовательные стандарты третьего поколения. Представлены результаты исследований, которые могут быть полезны при решении организационно-методических проблем совершенствования учебно-воспитательного процесса как на технических, так и на иных специальностях высших учебных заведений.

V.I. GORBUNOV

THE IMPROVEMENT OF PROCESSIONAL WAYS OF HIGHER TECHNICAL EDUCATION IN TRANSITION TO NEW STANDARDS

Key words: new educational standards, individual learning plans for students, independent research, a rating system for organization of the educational process, using of statistical standards of distribution estimates for the discipline, informatical technologies.

We consider the problems of psychological and pedagogical support of innovations, caused by transition to the educational standards of the third generation. The results of researches which can be useful in solving organizational and methodological problems of improving teaching and educational process both on the technical as well as on other colleges' specialities are presented.

Ключевыми элементами нововведений, обусловленных переходом на государственные образовательные стандарты третьего поколения (ГОС 3), являются индивидуализация обучения посредством увеличения доли дисциплин по выбору и использования зачетных единиц; повышение роли самостоятельной и исследовательской работы студентов и качества управления ею; максимальная «прозрачность» учебного процесса благодаря детальной проработке преподавателями методического сопровождения по дисциплинам и его открытости для всех заинтересованных лиц, балльно-рейтинговому оцениванию результатов учебной деятельности; использование информационно-компьютерных техноло-

гий для организационного и методического сопровождения образовательного процесса. Мы имеем опыт разработки и применения части перечисленных инноваций в образовательном процессе студентов технических специальностей.

Индивидуальные учебные планы студентов. В образовательной технологии, соответствующей ГОС 3, помимо рабочих учебных планов вводятся индивидуальные учебные планы студентов на семестр. На факультете радиотехники и электроники был проведён эксперимент по использованию таких индивидуальных планов. С 20 июня по 5 июля 2008 г. учебной группе было предложено выбрать элективные дисциплины и ведущих их преподавателей на 2008/2009 учебный год. Каждый студент получил памятку и бланк индивидуального плана (2 экземпляра), в котором содержалась часть рабочего плана направления 220200, относящаяся к четвертому курсу обучения. В колонке «Мой выбор» студент должен был указать одну из каждой пары элективных дисциплин. Заполненные (при консультации с куратором), подписанные студентами и утвержденные деканом индивидуальные учебные планы хранились у студентов, а вторые экземпляры деканат использовал для составления расписания занятий на следующий учебный год. Всё это позволило устранить организационную неопределенность в начале учебного года. Был сделан вывод о необходимости использования информационных технологий при массовом внедрении индивидуальных учебных планов студентов [6].

Самостоятельная и исследовательская работа студентов направлена на углубление и закрепление знаний, развитие творческого потенциала, на формирование профессионально значимых компетенций. По новым стандартам роль самостоятельной и исследовательской работы студентов повышается, поэтому здесь важно правильное методическое обеспечение.

При оценке степени самостоятельности учебной деятельности определяющим должен являться не факт наличия или отсутствия преподавателя, а соотношение между внешней и внутренней мотивациями студента. Вначале ведущим является внешнее управление со стороны преподавателя или компьютерных обучающих программ, которое постепенно замещается самоуправлением. Мы предлагаем следующую последовательность видов учебной деятельности студентов технических специальностей по степени повышения уровня самостоятельности: репродуктивные, алгоритмизированные задания; самостоятельная работа под контролем преподавателя; подготовка рефератов; работа над типовыми исследовательскими заданиями; учебно-исследовательская работа; научно-исследовательская работа [2. С. 122-126].

В основе творчества, обязательного при проведении исследовательской работы, лежит механизм нерerefлексированного создания гипотез на основе накопленного опыта. Из этих гипотез сознание отбирает лучшее по критерию практики. Гипотезы пропускаются к сознанию через «сито» – интуицию, руководствующуюся критерием красоты. Но интуиции нужны эталоны, накапливаемые в подсознании. Поэтому более продуктивному использованию неосознаваемой сферы психики способствуют прочное усвоение материала, насыщение подсознания навыками, в частности, благодаря имитационной деятельности, развитие эмоционально-чувственной сферы, способность целостно воспринимать новое посредством взаимосвязи логического и образного мышления. В исследовательской работе используются междисциплинарные связи, обобщение материала, развивается самостоятельность, поисковая активность. Это позволяет говорить об её интегрирующей (в содержательном аспекте) и воспитывающей (в аспекте организации) функциях.

В заданиях исследовательского типа управление заключается в оказании студенту помощи в самостоятельном выходе из проблемных ситуаций, формировании внутренней потребности в деятельности. Из психологии известно, что помощь

должна следовать за попытками самостоятельного решения. Однако важно, чтобы поиск осуществлялся не методом проб и ошибок, а более рационально, чтобы трудность заданий была на границе возможностей студента, критериями чего могут являться уровень напряженности и время обдумывания. С одной стороны, превышение границ этих возможностей подрывает уверенность студента в своих силах, подавляет чувство компетентности, что наносит ущерб результатам обучения, противоречит самой идее проблемного обучения, с другой стороны, неполное использование возможностей студента сводит проблемное обучение к репродуктивному.

Меры по активизации самостоятельности и творчества можно осуществлять с использованием педагогических принципов целеполагания, комбинированного управления учебной деятельностью, концентризма, доминантной деятельности, прочности знаний и др. [2. С. 160-168].

Использование статистических норм распределения оценок по дисциплине. В 2002 г. нами было предложено для повышения достоверности контроля учитывать средний балл по дисциплине не по принципу «чем выше, тем лучше», а с учетом его соответствия идее статистического контроля качества [3]. Полезную информацию о вариации оценок дает асимметрия их распределения (скос), характеризующая смещение оценок относительно усредненных параметров. В случае симметричного распределения оценок асимметрия равна нулю. Смещение в сторону более высоких оценок может свидетельствовать, например, об упрощении содержания учебного материала, снижении требовательности, договорных отношениях между преподавателем и студентами, а в сторону низких – о завышенных требованиях, не соответствующих условиям обучения и потенциалу студентов.

Предложение было проверено на факультете РТЭ по всем специальностям и курсам обучения. Оказалось, что оценки сбалансированы лишь по общетехническим предметам, по гуманитарным дисциплинам они завышены, а по специальным – излишне неоднородны в зависимости от выпускающей кафедры. Чётко прослеживается общая тенденция по каждой из трех выпускающих кафедр: от излишнего либерализма первой до определенной жёсткости третьей. Нашей задачей было не выяснение причин подобного явления, а демонстрация возможностей данного инструментария. Динамика накопления баллов в течение семестра и их соответствие критериям статистического контроля качества могли бы оцениваться деканатами и университетскими учебно-методическими службами.

Данный инструментарий мы использовали также для выявления влияния рейтинговой системы на средний балл по дисциплине в группе и его асимметрию. Оказалось, что использование рейтинговой системы несколько снизило средний балл по предмету. Асимметрия оценок выровнялась. При этом средний балл и асимметрия устойчиво находятся в приемлемом диапазоне, установленном неформально с помощью экспертов-преподавателей. Мы опубликовали детальную информацию по проведённому мониторингу [12].

Рейтинговая система организации учебного процесса основана на идее непрерывного количественного контроля, причём рейтинг выражается одним накапливаемым числом. Рейтинговая система стимулирует студентов и преподавателей к повышению деловых и нравственных качеств на принципах самоорганизации. Затрагивая престиж личности, она ставит студента перед необходимостью ритмичной работы, повышает интерес к учебе. С позиций теорий научения рейтинговая система может рассматриваться как своевременное «подкрепление» (а не отсроченное). И это работает. Если преподаватель ставит баллы за посещаемость лекций, студенты будут приходить на них. Но дальше, например, для проявления студентами активности на лекциях, нужны другие «подкрепления». Непрерывный контроль с накапливаемым результатом напрямую влечет повышение качества образования, так как при акценте на контроле в конце семестра преподаватель неизбежно вынужден снижать требования к уровню подготовки студентов.

Существует множество вариантов использования рейтинговых систем в учебном процессе. По зарубежным данным, одним из факторов мотивации студентов к занятиям в условиях рейтинговой системы являются льготы: бесплатный доступ к Интернету, финансовые стимулы, возможность трудоустройства. В большинстве американских университетов нет студенческих групп, сессий, устных экзаменов. Вместо отметок (в нашем понимании) – рейтинг [8. С. 42]. Следствие – высокая мотивация к общекультурному и интеллектуальному развитию как условию профессиональной подготовки.

В отечественном высшем образовании в одной из разновидностей рейтинговой системы семестр разбивается на два-три мини-семестра, в конце каждого из которых выделяется свободная от занятий неделя для проведения экзаменов (мини-сессия). Используется двадцатибалльная шкала оценок. Это позволяет более четко дифференцировать студентов по уровню подготовки. Кроме того, смягчается синдром неудовлетворительной оценки. В конце семестра по сумме баллов, полученных на мини-сессиях, автоматически формируется семестровая четырехбалльная оценка. Рейтинг объявляется публично или персонально. Постоянный контроль не позволяет «расслабляться» ни студенту, ни преподавателю. Учебная нагрузка преподавателя возрастает примерно на 10% [1. С. 5]. В другом варианте рейтинговой системы общий рейтинг по дисциплине определяется как среднее арифметическое текущего рейтинга и баллов, полученных за экзамен. Преподаватель работает в пределах времени, предусмотренного в учебной нагрузке на руководство индивидуальной работой студентов и проверку контрольных работ (0,25 часа на каждую зачетную единицу, умноженному на число студентов) [11. С. 73].

В Чувашском госуниверситете известен опыт медицинского факультета, где рейтингу отведены лишь рекомендательные функции, но даже в этом случае рейтинговая система даёт заметный эффект [7]. На экономическом факультете с 2005 г. используется следующий вариант рейтинговой системы [10]. Учебная дисциплина делится на модули по 16-17 лекционных часов. По завершении каждого модуля проводится контроль. Студент имеет возможность набрать в течение семестра 60 баллов и ещё 40 – на экзамене (если дисциплина завершается зачётом, то, соответственно, 80 и 20 баллов). По результатам работы в течение семестра можно автоматически получить «отлично», «хорошо» или «удовлетворительно». Рейтинговые баллы проставляются в журналах преподавателей.

На факультете РТЭ мы не менее 20 лет используем упрощенную форму накопления рейтинга. Суть её в том, что лабораторные работы защищаются на дифференцированную оценку («5», «4», «3»). В зависимости от суммарного результата, ритмичности работы, посещаемости лекций до 25% студентов автоматически получают «отлично» по дисциплине. Остальные сдают экзамен, оценка за который добавляется к полученным в течение семестра рейтинговым баллам.

Оценка успеваемости по отдельным дисциплинам с помощью рейтинга порой даёт эффект за счёт других предметов. В 2002 г. мы провели эксперимент по системному использованию идеи рейтинга (по всем дисциплинам учебного плана) [3. С. 84-90]. На IV и V курсах двух технических специальностей были выбраны случайным образом по четыре экспериментальных и контрольных группы. Для простоты был взят минимум элементов рейтинговой системы: пропорциональность максимального рейтинга по дисциплине плановому объёму учебных занятий по данной дисциплине; обязательность на всех видах занятий дифференцированного оценивания деятельности студентов, суммирование рейтинговых баллов в рейтинг студента по дисциплине и его итоговый рейтинг за семестр с обязательным использованием последнего как одного из показателей успешности обучения.

Эксперимент показал следующее. Результаты обучения по рейтинговой и традиционной системам статистически различимы, причём на убедительном 5%-ном

уровне значимости. Эффект от рейтинговой системы проявляется явно больше для сильных студентов (критерий – средний балл за предшествующее время обучения). Менее подготовленным студентам требуется индивидуальная помощь со стороны преподавателя и технических средств обучения. Студенты легко адаптируются к нововведениям. Преподаватели же склонны иногда относиться к ним формально. Например, в рабочих журналах они не всегда фиксируют текущие рейтинговые баллы, что ведёт к неточной дифференциации студентов. В таких случаях студенты выступают против использования рейтинга для принятия ответственных решений (например, при назначении стипендий).

В 2008/2009 учебном году на факультете РТЭ был проведён эксперимент по балльно-рейтинговому оцениванию знаний студентов с элементами системы зачётных единиц [9]. В каждом семестре были введены по две контрольных недели. При подсчёте рейтинга студента за семестр учитывалось число зачётных единиц по каждой дисциплине. Преподаватели пользовались своими правилами проставления рейтинговых баллов, по которым студенты набирали в течение семестра разное максимальное количество баллов (от нескольких десятков до нескольких сотен). Затем преподаватели приводили свой диапазон оценок к нормированному диапазону 0...100 баллов по правилу пропорции. Итоги контрольных недель своевременно доводились до сведения студентов в виде списков по группам, упорядоченным по текущим рейтинговым баллам. Итоговые рейтинги студентов по дисциплинам проставлялись вместе с обычными оценками в зачётных и экзаменационных ведомостях. Эксперимент показал необходимость автоматизации процедур, имеющих место при использовании рейтинговой системы, после чего нами был разработан вариант такой технологии [5].

С сентября 2011/2012 учебного года в Чувашском госуниверситете внедряется балльно-рейтинговая система (БРС) с применением информационных технологий. Рейтинг студента по дисциплине формируется по текущим результатам выполнения разных видов учебных работ и с учётом проявленных при этом личностных качеств (дисциплина, старательность, ответственность, инициатива и др.). Перечень видов учебной деятельности и правила начисления рейтинговых баллов устанавливаются самим преподавателем.

В начале семестра преподаватель должен установить максимальное число рейтинговых баллов PB^{max} , которое студент может получить по данному предмету. До 10% баллов от этого числа студент может получить за личностные качества.

На контрольной неделе (в семестре их две) отстающим студентам предоставляется возможность добирать рейтинговые баллы более интенсивно. В течение двух-трёх следующих дней преподаватель вводит информацию из своего рабочего журнала в кафедральный компьютер (вспомогательный персонал не используется). После этого ответственный на кафедре за БРС с помощью компьютерной системы сопровождения формирует по итогам контрольных недель:

- сводные (по всем предметам) ведомости успеваемости по академическим группам и пересылает их с сервера кафедры в деканат;
- списки студентов по академическим группам в порядке убывания рейтинговых баллов и доводит их до всех заинтересованных лиц.

Процент выполнения каждым студентом объёма работы по i -й дисциплине подсчитывается автоматически на основании рейтинговых баллов PB_i^{max} и набранных студентами реальных рейтинговых баллов.

Студенты, досрочно набравшие назначенную преподавателем сумму баллов, могут (по усмотрению преподавателя) автоматически получить оценку по дисциплине. Пересчет суммы рейтинговых баллов, набранных студентом в течение семестра и на экзамене, в итоговую оценку по дисциплине производится по правилам, соответствующим шкале ECTS: 86-100 рейтинговых баллов, нормированных в диапазоне от 0 до 100 (процент усвоения) соответствуют оценке «отлично», 71-85 – хорошо, 51-70 – удовлетворительно, менее 51 – неудовлетворительно.

Рейтинг студента за семестр R_c определяется как сумма рейтинговых баллов, набранных по всем учебным дисциплинам семестра, «взвешенных» с учётом объёма дисциплин в зачётных единицах:

$$R_c = \frac{1}{T_c} \sum_{i=1}^n R_i T_i,$$

где i – текущая дисциплина; n – число изучаемых дисциплин в семестре; R_i – рейтинговые баллы по текущей дисциплине; T_i – число зачётных единиц по текущей дисциплине; T_c – объём в зачётных единицах всех пройденных в семестре дисциплин.

Нововведения дают эффект при условии осознанной и творческой реализации преподавателями более широких возможностей по организации учебного процесса посредством усиления внимания методической и организационно-управленческой сторонам педагогической деятельности. Это требует от субъектов образовательного процесса работы над собой, поэтому неизбежно разнообразие реакций. Корректное сглаживание разногласий – важная задача администраторов образования в деле обеспечения единства обучения, воспитания и развития участников образовательного процесса. После получения устойчивых результатов по широкому использованию рейтинговой системы предстоит решение вопросов, связанных с распределением учебной нагрузки преподавателей, организацией деятельности академических консультантов, оцениванием с помощью рейтинговой системы каждой зачётной единицы и т.д.

Литература

1. Белов Ю.Я., Кытманов А.М., Лукин В.Н. Новые модели учебного процесса и управления качеством высшего профессионального образования и воспитания // Инновации в российском образовании. М.: Изд-во МГУП, 2000. Ч. 1. С. 3-6.
2. Горбунов В.И. Потребностно-информационный подход к гуманизации учебно-воспитательного процесса на стыке «гимназия – технический вуз». Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. 212 с.
3. Горбунов В.И. Потребностно-информационный подход к совершенствованию инженерного образования. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2002. 102 с.
4. Горбунов В.И. Рейтинговая система как средство самоорганизации инженерного образования // Интеграция образования. 2003. № 1. С. 54-61.
5. Горбунов В.И., Григорьев В.Г., Григорьева Н.В. Автоматизированная система балльно-рейтингового оценивания студентов. Математические методы в технике и технологиях – ММТТ-20: сб. трудов XXI Междунар. науч. конф.: в 10 т. Т. 9. Секции 7, 10 / под общ. ред. В.С. Балакирева. Саратов: Изд-во Сарат. гос. техн. ун-та, 2008. С. 185-187.
6. Горбунов В.И., Пряников В.С. Опыт использования в образовательном процессе информационно-коммуникационных технологий и элементов кредитной системы // Труды Академии электротехнических наук Чувашской Республики. 2010. № 2. С. 31-36.
7. Козлов В.А., Голенков А.В., Аникин Г.Д. Рейтинговая система оценки знаний: метод. указания. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2001. 24 с.
8. Мельникова Е. Россия – США: технологии формирования образовательного потенциала // Alma mater. 1998. № 6. С. 37-44.
9. Организация учебного процесса с использованием системы зачетных единиц / сост. В.И. Горбунов, В.А. Щедрин. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2007. 35 с.
10. Положение о рейтинговой системе оценки качества учебной работы студентов: метод. рекомендации к применению / сост. Л.П. Прокошенкова, А.В. Яковлева; Чуваш. ун-т. Чебоксары, 2005. 16 с.
11. Пятин В.А., Лунев А.П., Степкина Т.В. Внутривузовская система контроля знаний студентов // Инновации в российском образовании. М.: Изд-во МГУП, 2000. Ч. 1. С. 69-73.

ГОРБУНОВ ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ – кандидат педагогических наук, доцент кафедры управления и информатики в технических системах, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (vigor21@mail.ru).

GORBUNOV VLADIMIR IVANOVICH – candidate of pedagogical sciences, assistant professor of Management and Informatics in Technical Systems Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 796. 332+796.015.83

Г.Л. ДРАНДРОВ, Ю.И. КРАСНОВ, Р.В. ФАТТАХОВ

**ОБУЧЕНИЕ ЮНЫХ ФУТБОЛИСТОВ
ГРУППОВЫМ ТАКТИЧЕСКИМ ДЕЙСТВИЯМ
НА ОСНОВЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИХ ОБОБЩЕННОЙ
ОРИЕНТИРОВОЧНОЙ ОСНОВЫ**

Ключевые слова: юные футболисты, групповые тактические действия, обобщенная ориентировочная основа действия, игровая ситуация, общие элементы игровых ситуаций, классификация игровых ситуаций.

Выделена игровая ситуация «2 × 2», которая рассматривается в качестве исходной «клеточки» тактики футбола, на основе которой возникают и проявляются все многообразие игровых ситуаций. С учетом качественного своеобразия проявления двух элементов этой игровой ситуации – расположения игрока, владеющего мячом, и опекающего его защитника; игрока без мяча и противодействующего ему защитника, выделяются 7 возможных типовых вариантов игровой ситуации «2 × 2». Знание общих и частных элементов, объединяющих и различающих эти варианты, выступает обобщенной ориентировочной основой групповых тактических действий в нападении.

G.L. DRANDROV, Yu.I. KRASNOV, R.V. FATTAKHOV

**THE TEACHING OF YOUNG FOOTBALL PLAYERS TO GROUP TACTICAL ACTIONS
ON THE BASE OF FORMATION THEIR UNITED ORIENTED BASIS**

Key words: young football players, group tactical actions, united oriented base of action, playing situation, common elements of playing situations, classification of playing situations.

Singled out playing situation «2 × 2» which is considered as an initial «cell» of tactical football, on the base of which arise and appear all the varieties of playing situations. Taking into account these two elements of these playing situation – place of the player, possessing the ball and covering his defender, 7 possible typical variants of playing situation «2 × 2» and singled out/ Knowledge of common and private elements, uniting and differing these variants, acts as united base of group tactical acts in assault.

Технико-тактические действия каждого отдельного спортсмена в современном футболе осуществляются в условиях непосредственного контакта с активно противодействующим соперником, прилагающим все силы, чтобы добиться превосходства. Поэтому их эффективность зависит от быстроты и точности выполнения технических приемов. Другим не менее значимым фактором выступает быстрый и правильный выбор способа решения игровой задачи исходя из конкретных условий складывающейся тактической ситуации.

Быстрота и правильность определения и реализации технико-тактических действий решений футболистом затруднены высокой информационной неопределенностью игровых действий партнеров по команде и игроков команды соперника, с которыми он непосредственно вступает в отношения сотрудничества и соперничества.

Технико-тактические действия включают в свое содержание три взаимосвязанных элемента: восприятие игровой ситуации, умственное решение тактической задачи (определение правильного способа разрешения игровой ситуации) и практическую реализацию принятого решения.

Психические процессы, связанные с восприятием игровой ситуации и выбором правильного решения, составляют внутреннюю (тактическую) сторону технико-тактического действия. Внешней стороной выступает реализация с помощью технических приемов способа решения двигательной задачи.

Повышение эффективности технико-тактических действий футболистов связано с совершенствованием как их внутренней, так и внешней стороны, другими словами, с овладением тактикой и техникой игры. Неумение «видеть поле», воспринять значимые элементы игровой ситуации может привести к

неправильному решению. Ошибки в принятии решений, обусловленные неразвитостью тактического мышления (умственных действий анализа, сравнения, обобщения, классификации), с одной стороны, и недостаточностью тактических знаний – с другой, могут привести к тому, что их практическая реализация не обеспечит выигрыша игрового эпизода. Недостаточный уровень владения способами выполнения технических приемов может привести к тому, что тактически верные решения останутся нереализованными.

Поэтому в процессе технико-тактической подготовки юных футболистов обращается внимание на развитие и совершенствование как внутренней, так и внешней стороны игровых действий.

Успешность игровой деятельности в футболе в первую очередь зависит от адекватности отражения ситуации в сознании игрока и его способности выбрать и осуществить наиболее рациональное решение. В связи с этим особую роль здесь играет психическая сторона игровой деятельности. Сенсорные процессы, основанные на избирательном внимании к изменениям временных и пространственных параметров, определяющих взаимоотношения между партнерами, соперниками и предметом игры (мячом), являются результатом деятельности сразу нескольких анализаторов. Ведущую роль в этом комплексе играет зрение игрока.

Тактическое мышление позволяет: преодолеть избыточность информации, направляя внимание на восприятие лишь ограниченной ее части – значимых элементов игровой ситуации (афферентный анализ по П.К. Анохину); прогнозировать развитие игровой ситуации (афферентный синтез).

Благодаря тактическому мышлению, футболист, опираясь на знания способов решения тактических задач, осуществляет анализ и обобщение поступающей информации и определяет выбор наиболее эффективного способа действия в игровой ситуации.

Большинство технико-тактических действий в футболе, за исключением действий ведения, обводки, отбора мяча и ударов по воротам, носят групповой характер, проявляющийся во включенности в решение тактических задач группы из двух-трех футболистов. Специфика групповых технико-тактических действий заключается в том, что действия каждого члена группы должны быть согласованы с действиями своих партнеров.

Успешность согласования обусловлена одинаковым видением всеми членами группы сложившейся игровой ситуации: футболисты должны одинаково «распознать» конкретную игровую ситуацию, отнеся ее к определенному, типовому классу ситуаций. Это выступает необходимым условием определения и принятия всеми членами группы общей тактической цели группового действия, определения каждым членом группы своих частных тактических задач, решение которых обеспечивает достижение общей цели, согласование во времени и пространстве действий членов группы при практической реализации группового тактического действия.

В педагогической практике вооружению юных футболистов знаниями о содержании игровых ситуаций и соответствующими им алгоритмами игровых действий уделяется недостаточное внимание. Как правило, эта задача решается каждым тренером на эмпирическом уровне с ориентацией на имеющийся у него игровой опыт, а сам процесс формирования ориентировочной основы игровых действий носит стихийный характер. В обучении преобладает аналитический подход, при котором тренер обучает футболистов действиям в конкретных игровых ситуациях, не раскрывая, какие элементы являются общими для них, и те элементы, которыми они различаются. Это существенно снижает эффективность тактической подготовки, не обеспечивая готовность футболистов к быстрому и правильному принятию тактических решений.

В связи с этим одним из основных направлений совершенствования процесса обучения юных футболистов групповым тактическим действиям выступает формирование их обобщенной ориентировочной основы как совокупности знаний и представлений о существенных и необходимых элементах, являющихся общими для того или иного класса игровых ситуаций и отличающих эти классы друг от друга.

Анализ и обобщение научно-методической литературы показывают, что вопросы формирования обобщенной ориентировочной основы групповых тактических действий у юных футболистов остаются на сегодняшний день мало исследованными.

В связи с этим цель нашей работы заключалась в разработке обобщенной ориентировочной основы групповых тактических действий футболистов в нападении.

В соответствии с психолого-педагогической теорией управления усвоением знаний, умственных действий и понятий, разработанной П.Я. Гальпериным [4], каждое действие, в том числе и тактическое действие футболиста, начинается с ориентировочной части, выполняющей функцию его программирования. Основу содержания этой программы (на языке психологии – ориентировочной основы действия, или ООД) составляют знания цели тактического действия, условий (игровой ситуации), способа действия, критериев успешности продвижения к цели.

При осуществлении игровых действий ориентировочная деятельность футболиста сосредоточена преимущественно на внешних условиях (игровой ситуации), постоянное изменение которых требует оперативного анализа и обобщения непрерывно поступающей информации и внесения срочных коррекций в принятые тактические решения.

Поэтому основным направлением повышения эффективности тактической подготовки должно стать смещение акцентов от совершенствования исполнительной части тактического действия к формированию полных и точных знаний и представлений об его ориентировочной основе. Они выступают как ориентиры, на которые опирается человек при решении тактической задачи, и называются в психолого-педагогической литературе основными опорными точками (ООТ).

В концепции формировании ориентировочной основы действия П.Я. Гальперина [4] выделяются три типа ориентировки.

Ориентировочную основу первого типа составляют лишь образцы самого действия и его продукта. При этом не дается указаний, как выполнять действие, и человек ищет правильные способы выполнения методом проб и ошибок. В стихийном обучении и обучении по методу «проб и ошибок» обучаемый самостоятельно и в значительной мере случайно выделяет ООТ, составляющие содержание (ООД). При этом он может включать в формируемую ООД как истинные, так и ложные ООТ, как достаточное, так и недостаточное или избыточное их количество. При таком подходе, когда формирование ООД происходит вне педагогического управления, неизбежны ошибки при выполнении тактических действий, а сам процесс требует значительных усилий со стороны тренера и учеников и затягивается на долгое время, иногда – на годы.

При формировании ориентировочной основы второго типа тренер преподносит знания об ориентировочной основе тактических действий в готовом виде. От футболистов требуется только запомнить эти знания. Благодаря этому они узнают, чем похожи между собой те или иные игровые ситуации и соответствующие тактические действия и в чем заключается их отличия друг от друга. Эти знания обеспечивают высокое качество управления разучиваемыми тактическими действиями. Сроки формирования ООД сокращаются в

десяtkи раз и, соответственно, сокращаются сроки обучения при более высоком его качестве. Такой путь обеспечивает возможность переноса умения, если в составе нового задания имеется значительная доля старых элементов. Но он малопригоден в тех случаях, когда возникает задача самостоятельного определения ориентировочной основы новой по отношению к их игровому опыту тактической ситуации и тактического действия. В футболе тактические действия выполняются в чрезвычайно вариативных условиях, что превращает их выполнение в каждой игровой ситуации в относительно новую тактическую задачу, требующую творческого подхода к ее решению.

Третий путь формирования ориентировочной основы заключается в формировании готовности футболистов к самостоятельному открытию знаний о тактических действиях. В ориентировочной основе третьего типа на первое место выступает обучение не столько способу действия в конкретной ситуации, сколько анализу игровой ситуации и определению возможных способов тактических действий. Тактические умения, сформированные при опоре на этот тип ориентировки, обладают способностью к переносу.

Формирование ориентировочной основы третьего типа обуславливает широкий диапазон творческого применения тактических действий с учетом конкретных условий игровой ситуации.

При ее формировании внимание тренеров акцентируется на формировании у футболистов способности анализировать игровые ситуации, обнаруживая в их содержании общие и частные элементы и определяя на этой основе моменты качественного перехода их от одного вида к другому.

В настоящее время реализация философского принципа системного познания и преобразования действительности через интеграцию знаний выступает одним из перспективных направлений совершенствования образования.

Опираясь на это методологическое положение, выдающийся педагог и психолог В.В. Давыдов разработал концепцию содержательного обобщения в обучении. Автор определил обобщение как обнаружение взаимосвязи, взаимоотношения общего и единичного [5].

Обобщение рассматривается автором, с одной стороны, как характеристика познавательного процесса, проявляющаяся в движении от видения сущности первого порядка (свернутое описание) к более глубокой сути явления, от целого – к его составным частям, от абстрактного понятия к конкретным явлениям. С другой стороны, обобщение выступает результатом познавательного процесса: благодаря систематизации учебного материала в процессе обобщения у обучаемых формируется системное видение изучаемых явлений в их взаимосвязи между собой. Поэтому они могут не только описать и объяснить их природу, но и осуществить их творческое преобразование.

По мнению Дж. Брунера, «понять нечто как частный случай более общей закономерности – значит овладеть не только каким-то конкретным содержанием, но и способом понимания подобных явлений, которые потом могут встретиться» [2. С. 26]. Э.В. Ильенков пишет: «Понять явление – значит выяснить его место и роль внутри той конкретной системы взаимодействующих явлений, внутри которой оно с необходимостью осуществляется, и выяснить как раз те особенности, благодаря которым это явление и может играть такую роль в составе целого» [6. С. 44].

В целом обобщение способствует расширению возможностей самостоятельной ориентировки при изучении относительно нового учебного материала, что обеспечивается овладением умственными действиями анализа, сравнения и обобщения, обеспечивающими развитие способности к целостному системному видению предметной области изучаемой учебной дисциплины.

В работах Г.М. Гагаевой [3] и М.К. Хоутки [8] обращается внимание на значимость процесса классификации игровых ситуаций при решении футболистом тактических задач. По мнению Р.С. Абельской [1], игрок для того, чтобы правильно ответить на вопрос задачи, диктуемой игровой ситуацией, должен не только разобратся в непосредственных конкретных условиях, но и знать закономерности, которым эти условия подчиняются и которые определяют типовые моменты игры.

Приведенные выше теоретические положения были положены в основу разработки обобщенной ориентировочной основы групповых тактических действий в нападении.

«Исходной клеточкой» тактики футбола, на наш взгляд, является взаимодействие двух атакующих игроков против двух обороняющихся (игровая ситуация «2 × 2»). В любом игровом эпизоде на любом участке футбольного поля наблюдается одна и та же игровая ситуация: один игрок владеет мячом (только один игрок, поскольку играют одним мячом), другой игрок находится без мяча (в этой роли может быть любой игрок команды). Напротив каждого из этих игроков располагается по одному игроку противника. Поэтому общим признаком такой игровой ситуации является численное равенство атакующих и обороняющихся игроков. Все возможные игровые ситуации, характеризующиеся численным равенством, можно рассматривать как частные варианты игровой ситуации «2 × 2».

Общей целью действий атакующих игроков в игровой ситуации «2 × 2» также является создание численного преимущества, т.е. превращение ее в ситуацию «2 × 1». Достижение этой цели возможно двумя вариантами: с помощью индивидуального тактического действия – обводки; с помощью группового тактического действия – передачи мяча.

Наиболее общими элементами игровой ситуации «2 × 2», которые следует рассматривать в качестве ООТ для атакующих игроков, являются:

1) позиция защитника (А1) по отношению к игроку с мячом (Б1). Здесь возможны два варианта:

- а) защитник располагается ближе к бровке по отношению к линии, соединяющей мяч и центр своих ворот;
- б) защитник располагается ближе к центру поля;

2) позиция защитника (А2) по отношению к игроку без мяча (Б2). Здесь возможны два варианта:

- а) защитник располагается близко с атакующим игроком Б2;
- б) защитник располагается на расстоянии. Во втором случае он может занимать две позиции: ближе к бровке по отношению к линии, соединяющей атакующего игрока Б2 и центр своих ворот; ближе к центру от этой линии.

С учетом качественного своеобразия выделенных нами двух наиболее общих элементов игровой ситуации «2 × 2» выделяются 7 возможных типовых игровых ситуаций и соответствующих им групповых тактических действий, приводящих к созданию численного преимущества.

Ситуация 1. Защитник А1 располагается ближе к бровке от линии, соединяющей мяч и ворота, защитник А2 располагается близко с атакующим игроком Б2. В этом случае выполняется групповое тактическое действие «передача мяча за спину чужому защитнику».

Для того, чтобы препятствовать этому тактическому действию, защитник А2 располагается на расстоянии от атакующего игрока Б2. Этот признак является общим для всех других игровых ситуаций, которые, в свою очередь, также подразделяются на три группы.

В первом случае игрок Б2 может принять мяч в зоне перед опекающим его защитником А2 (игровые ситуации 2-5), во втором – в зоне за спиной чужого защитника А1 (ситуация 6), в третьем – освобождает зону для игрока Б1.

Игровые ситуации 2-5, связанные с приемом мяча атакующим игроком Б2 в зоне перед опекающим его защитником, можно разделить на две группы: ситуации, в которых есть возможность обратно передать мяч в одно касание игроку Б1 в свободную зону (ситуации 2-3); ситуации, в которых есть возможность игроку Б2 принять мяч с уходом в свободную зону (ситуации 4-5).

Рассмотрим существенные особенности этих игровых ситуаций.

Ситуация 2. Защитник А1 в момент передачи мяча игроком Б1 игроку Б2 располагается *ближе к центру* по отношению к линии, соединяющей игрока Б1 и центр своих ворот. Защитник А2 в момент приема мяча игроком Б2 располагается *ближе к центру* по отношению к линии, соединяющей игрока Б2 и центр своих ворот. В этом случае применяется групповое тактическое действие «стенка с уходом во фланг»: игрок Б1 передает мяч игроку Б2 и, делая рывок вдоль бровки, получает мяч, переданный обратно в одно касание игроком Б2 за спиной у своего защитника.

Ситуация 3. Эта ситуация отличается от предыдущей расположением обоих защитников: Защитник А1 в момент передачи мяча игроком Б1 игроку Б2 располагается *ближе к бровке* по отношению к линии, соединяющей игрока Б1 и центр своих ворот. Защитник А2 в момент приема мяча игроком Б2 располагается *ближе к бровке* по отношению к линии, соединяющей игрока Б2 и центр своих ворот. В этом случае применяется групповое тактическое действие «стенка с уходом в центр»: игрок Б1 передает мяч игроку Б2 и, делая рывок вдоль средней линии, получает мяч, переданный обратно в одно касание игроком Б2.

Ситуация 4. Эта ситуация отличается от предыдущей расположением обоих защитников: Защитник А1 в момент передачи мяча игроком Б1 игроку Б2 располагается *ближе к бровке* по отношению к линии, соединяющей игрока Б1 и центр своих ворот. Защитник А2 в момент приема мяча игроком Б2 располагается *ближе к центру* по отношению к линии, соединяющей игрока Б2 и центр своих ворот. В этом случае применяется групповое тактическое действие «передача – прием мяча с уходом во фланг»: игрок Б1 передает мяч игроку Б2 и открывается в центр поля вдоль средней линии, освобождая зону на фланге, игрок Б2 получает мяч с уходом в освободившуюся зону на фланге.

Ситуация 5. Эта ситуация отличается от предыдущей также расположением обоих защитников: Защитник А1 в момент передачи мяча игроком Б1 игроку Б2 располагается *ближе к центру* по отношению к линии, соединяющей игрока Б1 и центр своих ворот. Защитник А2 в момент приема мяча игроком Б2 располагается *ближе к бровке* по отношению к линии, соединяющей игрока Б2 и центр своих ворот. В этом случае применяется групповое тактическое действие «передача – прием мяча с уходом в центр»: игрок Б1 передает мяч игроку Б2 и открывается вдоль бровки по флангу, игрок Б2 получает мяч с уходом в центр.

Ситуация 6. Если игрок Б2 по каким-либо причинам не смог получить мяч от игрока Б1 в зоне перед опекаемым его защитником А2, то он продолжает движение, открываясь за спину защитнику А1. Защитник А1 располагается *ближе к центру* по отношению к линии, соединяющей игрока Б1 и центр своих ворот. В этом случае применяется групповое тактическое действие «передача мяча за спину своему защитнику»: игрок Б1 передает мяч игроку Б2 бровки по флангу.

Ситуация 7. Если, в отличие от предыдущей ситуации, защитник А1 располагается *ближе к бровке* по отношению к линии, соединяющей игрока Б1 и центр своих ворот, и передача мяча игроку Б2 вдоль бровки становится невозможной, применяется групповое тактическое действие «скрещивание».

Таким образом, нами выделены 7 возможных вариантов игровой ситуации «2 × 2», различающихся позициями атакующих и обороняющихся игроков по отношению друг к другу. В ходе игры игровая ситуация непрерывно изменяется, переходя из одного качественного состояния в другое.

Изменение игровых ситуаций осуществляется двумя способами: через перемещение мяча и передвижение всех 4 игроков. Первый способ более быстрый (поскольку мяч движется быстрее, чем игрок) и защитники не успевают занять правильные позиции в новой ситуации, обусловленной перемещением мяча. К примеру, простая поперечная передача мяча от игрока Б1 к игроку Б2 не создает численного преимущества, но зато существенно изменяет характер занимаемых защитниками позиций. Данный способ является и более экономичным, поскольку не требует для изменения игровой ситуации значительных передвижений от игроков.

Второй способ, который реализуется во взаимосвязи с перемещением мяча, заключается в направленном изменении атакующими игроками своих позиций по отношению к защитникам, приводящим к возникновению определенных игровых ситуаций. Реализация второго способа осуществляется преимущественно за счет открывания игрока без мяча, который стремится занять позицию по отношению к своему защитнику, необходимую для реализации определенного группового тактического действия, приводящего к созданию численного преимущества.

Т. Храйс [7] считает, что эффективность согласования действий партнеров в спортивных играх определяется тремя условиями: проводится в паре игроков, в паре выделяется ситуативный лидер, формируются и используются управляющие сигналы – признаки согласования. Согласование осуществляется в действиях двух игроков и носит встречный характер, что обеспечивает стабильность и успешность деятельности пары и команды в целом.

Мы полагаем, что роль ситуативного лидера принадлежит игроку без мяча, который своими передвижениями создает определенные игровые ситуации и предлагает тем самым реализовать определенные групповые тактические действия. Направление и скорость передвижений игрока без мяча, приводящие к изменению игровой ситуации, выступают в качестве информационных сигналов для игрока, владеющего мячом, позволяющих прогнозировать характер и момент создания определенной игровой ситуации и выполнить соответствующие действия с мячом.

Таким образом, знания общих и частных элементов 7 выделенных нами типичных игровых ситуаций «2 × 2» и соответствующих им вариантов групповых тактических действий, направленных на создание численного преимущества, мы рассматриваем как их обобщенную ориентировочную основу.

Ориентация на эти знания позволяет паре взаимодействующих футболистов быстро, точно и одинаково «распознавать» возникающие в процессе игры разнообразные игровые ситуации и принимать одинаковые решения о реализации адекватных им групповых тактических действий.

Быстрота обеспечивается игнорированием «избыточной информации» и сосредоточением внимания только на тех элементах игровых ситуаций, которые являются существенными для них, определяют их качественное своеобразие. Это значимо для футбола, игровые ситуации в котором меняются буквально в доли секунды.

Точность обеспечивается полнотой учета при «распознавании» игровых ситуаций всех элементов, которые отличают одну ситуацию от другой.

Согласованность в «распознавании» игровых ситуаций обусловлена ориентацией футболистов на одни и те же элементы, составляющие в совокупности ориентировочную основу групповых тактических действий.

Поэтому формирование обобщенной ориентировочной основы групповых тактических действий рассматривается нами как перспективное направление совершенствования тактической подготовки юных футболистов.

Литература

1. Абельская Р.С. Мышление теннисиста в процессе решения тактических задач // Вопросы психологии спорта. М.: Физкультура и спорт, 1965. С. 75-91.
2. Брунер Дж. Процесс обучения: пер. с англ. М.: АПН РСФСР, 1962. 385 с.
3. Гагаева Г.М. Психологические факторы, влияющие на активность и эффективность игровых действий с мячом футболистов // Психологические вопросы спортивной тренировки. М., 1967. С. 34-41.
4. Гальперин П.Я. Формирование знаний и умений на основе теории поэтапного усвоения. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968. 120 с.
5. Давыдов В.В. Виды обобщения в обучении (логико-психологические проблемы построения учебных предметов). М.: Педагогика, 1972. 327 с.
6. Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» К. Маркса. М.: АН СССР, 1960. 212 с.
7. Таер Х. Командные тактические действия волейболистов в нападении и методика их совершенствования: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1984. 24 с.
8. Хоутка М.К. Исследование теории и практики тактической подготовки юных футболистов: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1959. 19 с.

ДРАНДРОВ ГЕРОЛЬД ЛЕОНИДОВИЧ – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой спортивных дисциплин, Чувашский государственный педагогический университет, Россия, Чебоксары (gerold49@mail.ru).

DRANDROV GEROLD LEONIDOVICH – doctor of pedagogical sciences, professor, head of Sports Disciplines Chair, Chuvash State Pedagogical University, Russia, Cheboksary.

КРАСНОВ ЮРИЙ ИВАНОВИЧ – старший преподаватель кафедры физического воспитания, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары.

KRASNOV YURIY IVANOVICH – senior teacher of Physical Education Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

ФАТТАХОВ РАФАЭЛЬ ВАГИЗОВИЧ – старший преподаватель кафедры теории и методики спортивных игр, Камская государственная академия физической культуры, спорта и туризма, Россия, Набережные Челны.

FATTAKHOV RAFAEL VAGIZOVICH – senior teacher of Theory and Methodics of Sport Games Chair, Kama State Academy of Physical Culture, Sports and Tourism, Russia, Naberezhnye Chelny.

УДК 37.032

Э.Н. ИГОРЕВА, О.В. КИРИЛЛОВА

ПРОБЛЕМА ОСВОЕНИЯ В СВЕТСКОЙ ШКОЛЕ ЗНАНИЙ О РЕЛИГИИ

Ключевые слова: мировоззрение, поликультурный, светская школа.

Статья посвящена проблеме освоения в светской школе знаний о религии как особом типе мировоззрения, о религиозной культуре как части национальной культуры, а также формирования поликультурной личности, способной к межконфессиональному диалогу.

E.N. IGOREVA, O.V. KIRILLOVA

THE PROBLEM OF STUDYING IN THE SECULAR SCHOOL THE KNOWLEDGE OF RELIGION

Key words: ideology, multicultural, secular school.

The article is devoted to the problem of studying in the secular school the knowledge of religion as the specific type of worldview, about religion culture as a part of a national culture and also the forming of multicultural personality able to midconfessional dialogue.

В начале XXI в. человечество развивается по пути расширения взаимосвязи и взаимозависимости различных стран, народов и их культур. Многонациональность населения Земли, государств и регионов, интенсификация политических, экономических и духовных отношений народов протекает в полиэтнической и поликультурной среде, усиливая связи людей разных национальностей и конфессий. Значит, возникает потребность в организации целенаправленной работы по формированию поликультурной личности школьника,

сочетающей в себе системные знания в области национальной культуры, ориентацию на этнокультурные духовные ценности, толерантность и способность к межэтническому и межконфессиональному диалогу.

Значение религии в педагогике, в том числе необходимость знаний о религии в учебно-воспитательной деятельности светской школы, было предметом исследований классиков педагогической науки, а также религиозных деятелей (И.А. Ильин, Я.А. Коменский, М.В. Ломоносов, митр. Филарет Дроздов, И.Г. Песталоцци, С.А. Рачинский, Л.Н. Толстой, К.Д. Ушинский и др.).

На рубеже XX-XXI вв. в научной литературе проблема места и значения знаний о религии в содержании образования обсуждается и светскими учеными, и религиозными деятелями (Е.П. Белозерцев, В.П. Борисенков, Л.П. Буева, прот. Владимир Воробьев, митр. Кирилл Гундяев, Б.Т. Лихачев, М.П. Мчедлов, А.И. Осипов, И.Н. Яблоков и др.).

Вопросы освоения знаний о религии при реализации образовательных программ дошкольного, общего, профессионального, дополнительного образования с различных позиций рассматривались в работах В.А. Беляевой, В.И. Гараджи, И.А. Галицкой, архим. Зиновия Корзинкина, Т.И. Петраковой, А.И. Пискунова, И.В. Понкина, В.Ю. Троицкого, В.В. Шердакова, прот. Евгения Шестуна.

Разработаны методики освоения знаний о религии в преподавании основных учебных дисциплин, курсов по выбору, дополнительном образовании (Н.С. Гордиенко, С.Ф. Иванова, И.Н. Кондратенко, А.В. Мителягин, А.И. Николаева, Т.В. Скларов, В.Л. Ширяев и др.). Подготовлены и применяются в практике учебные программы и пособия, учебно-методические разработки, предусматривающие освоение школьниками знаний о религии в форме сравнительного религиоведения (Г.А. Елисеев, А.А. Радугин, Н.В. Шабуров, Я.Н. Щапов), изучения определенной религиозной культуры (А.В. Бородина, В.А. Гребеньков, С.С. Куломзина, Л.А. Харисова), в связи с решением задач общего социально-гуманитарного образования (А.И. Горшков, А.Г. Кравецкий, И.А. Кузьмин, А.А. Плетнева, Ю.С. Рябцев и др.).

В последние годы интерес к вопросам теории и практики освоения учащимися знаний о духовно-нравственных ценностях религии в учебно-воспитательной деятельности светской школы неуклонно возрастает, что находит выражение в появлении концептуальных научных работ. Это, в частности, исследование опыта изучения религии в светской школе на различных исторических этапах развития российской системы образования (М.Н. Костикова), процесса воспитания духовной культуры современных школьников (Н.М. Романенко), теории и опыта изучения религиозной культуры в содержании общего образования, исламской культуры в региональном компоненте общего образования (Л.А. Харисова).

В Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России, которая является методологической основой разработки и реализации федерального государственного образовательного стандарта общего образования, основным содержанием названы базовые национальные ценности, носителями которых являются различные социальные, профессиональные и этноконфессиональные группы, составляющие многонациональный народ Российской Федерации. Соответственно духовно-нравственное развитие гражданина России в рамках общего образования осуществляется в педагогически организованном процессе осознанного восприятия и принятия обучающимся ценностей: семейной жизни; культурно-регионального сообщества; культуры своего народа, компонентом которой является система ценностей, соответствующая традиционной российской религии; российской гражданской нации; мирового сообщества [1].

Общество меняется несравненно быстрее, нежели религия. Благодаря проникновению едва ли не во все сферы жизни, особой традиционности и инерционности она выступает консервативным, сохраняющим началом об-

щественной жизни и культуры. Объективный анализ роли религии в истории и культуре нашего общества приводит к выводу, что существенная часть национального исторического и культурного наследия русского и других народов России не может быть освоена молодым поколением с достаточной глубиной без определенного уровня знаний о религии, религиозной культуре. Следовательно, актуальным становится вопрос о расширении и обновлении содержания, форм и методов изучения религии в светской школе.

Еще раз подчеркнем, что речь идет о религии как части культуры, а не о вероучительной дисциплине. Взаимосвязь религии и культуры раскрывается содержанием самих слов «религия» и «культура»: «религия» (лат. *religare* – связывать) означает «благочестие, святыня, связывание» и является близким по смыслу слову «культура» (лат. *cultura* – почитание, возделывание, культивирование, воспитание). В «Декларации по политике в области культуры» (6 августа 1982 г.), принятой Всемирной конференцией ЮНЕСКО по политике в области культуры в Мехико, заметна эволюция понятия культуры — переход от традиционного понимания культуры как литературы и искусства к более широкому представлению, которое включает разнообразие образов жизни, системы ценностей, прав человека, патриархальных традиций и религиозного разнообразия. Такое понимание культуры и предопределило необходимость регулирования процессов культуры на международном уровне. В Декларации сказано, что «в самом широком смысле слова культура может рассматриваться как совокупность ярко выраженных черт, духовных и материальных, интеллектуальных и эмоциональных, характеризующих общество или социальную группу». Во «Всеобщей декларации о культурном разнообразии», принятой 31-й сессией Генеральной конференцией ЮНЕСКО, Париж, 2 ноября 2001 г., подтверждается, что «культура должна рассматриваться как совокупность присущих обществу или социальной группе отличительных признаков – духовных и материальных, интеллектуальных и эмоциональных – и что помимо искусства и литературы она охватывает образ жизни, «умение жить вместе», системы ценностей, традиции и верования».

Таким образом, мы пришли к выводу о том, что интеграция знаний о религии в учебно-воспитательную деятельность современной российской светской школы – это объективный социально-педагогический процесс восполнения целостности содержания образования в российских государственных и муниципальных учреждениях в отношении знаний о религии как типе мировоззрения и сфере национальной и мировой культуры. А ведущим педагогическим принципом отбора содержания образования должен быть, по нашему мнению, принцип культуросообразности образования, в том числе этнопедагогической целесообразности.

В развитии практики изучения в российской школе традиционной религиозной культуры народов России целесообразно обратиться к опыту зарубежных государств с близкой этноконфессиональной структурой населения и социокультурными характеристиками, развитыми структурами самоуправляемого гражданского общества. Изучение европейского опыта показывает, что отсутствует унифицированная европейская модель, единый подход в области правового регулирования и практической реализации религиозного образования в светской школе. Национальное сознание каждой страны по-своему распоряжается своим историческим достоянием и по-своему формирует отношение к духовному наследию, к культурной преемственности, в том числе в сфере национального образования.

Вместе с тем имеются и схожие черты: добровольность выбора, возможность выбора изучения религиозной культуры своей конфессии или курса нерелигиозной этики, требование согласования содержания религиозного образования с представителями соответствующей конфессии. Религиозное образование организуется и контролируется религиозными общинами, которые берут на себя подго-

товку и отбор преподавателей, определение программ и апробацию учебников (Австрия, Бельгия, Кипр, Испания, Греция, Мальта, Польша, Португалия, Чешская Республика). В некоторых странах (например, Венгрия, Италия, Латвия, Литва, Германия, Финляндия) государство и религиозные общины сотрудничают в различных вышеупомянутых задачах. В этом случае преподаватели религии нуждаются в сертификате пригодности, выдаваемом религиозными общинами (Австрия, Бельгия, Германия, Испания, Греция, Венгрия, Италия, Латвия, Литва, Люксембург, Мальта, Польша, Португалия, Чешская Республика, Словакия). Чаще всего это религиозное конфессиональное обучение факультативно или по выбору. Если оно обязательно, то от него в основном можно освободиться (Германия, Австрия, Кипр, Финляндия, Греция, Мальта, Словакия). Конфессиональное обучение религии с организационной и экономической точки зрения поддерживается государством (которое берет на себя оплату труда преподавателей, предоставление помещений и учебного времени, и т.д.). Следует отметить, что эта поддержка государства избирательна и что только некоторые религии могут преподаваться, поэтому существуют критерии отбора [8. Р. 36].

Условиями для организации группы конфессионального обучения в светской государственной школе являются [4. С. 351]:

- наличие у данной конфессии официального права на ведение образовательной деятельности (или конкордата с государством);
- наличие определенного минимума желающих обучаться.

Минимальное количество учащихся в группе обычно устанавливается в пределах 7-13 человек (в Польше – 7, Германии – 8-12, Австрии – 10, Болгарии – 13).

Условно можно выделить следующие представленные в европейских странах подходы в преподавании в государственных школах знаний о религии [5. С. 7-8].

1. В школах официально (конституционно, специальным законом, на основе положений заключенного между государством и конкретной религиозной организацией договора, распоряжением органа управления образованием) введен и реализуется самими школами учебный курс религиозного образования: от курса обучения религии (учебные предметы «Закон Божий», «Коран» или аналоги) до обязательного для всех учащихся религиозно-культурологического курса. Предоставляется возможность замены данного курса на альтернативный учебный курс иной конфессиональной направленности или этический курс нерелигиозной направленности. В качестве примеров можно привести Германию, Швейцарию, Финляндию, Великобританию, Бельгию, Грецию, Испанию, Италию, Ирландию, Румынию, Польшу, Эстонию. Религиозное образование финансируется государством и может осуществляться как штатными преподавателями, так и специалистами, которых светская администрация образовательного учреждения или органа управления образованием выбирает из списка кандидатов, представленных религиозной организацией (Испания, Италия).

2. Преподавание знаний о религиях осуществляется преимущественно в рамках обязательных гуманитарных курсов (исторические, литературоведческие, обществоведческие и языковедческие дисциплины, география, философия). Обучение религиозными организациями учащихся государственных школ религии («Закон Божий» и аналоги) разрешается в специально выделенный день вне рамок обязательной образовательной программы, утвержденной государством, иногда – и вне государственных школ. В качестве примера можно привести Францию (за исключением Эльзаса и Мозеля) и Венгрию. Но и в этих странах обсуждается возможность введения отдельного курса углубленного изучения культуры религии, не направленного на катехизацию или воцерковление (или иной аналогичный этому результат в нехристианских религиях), на вовлечение учащихся в религиозные объединения, т.е. по типу, указанному в п. 1.

В какой форме должно осуществляться преподавание знаний о религии в светской школе Российской Федерации? Заместитель директора департамента межнациональных отношений А.В. Журавский считает, что преподавание может быть трех типов:

а) преподавание знаний о религии как знаний об Истине (вероисповедный подход);

б) преподавание знаний о религии как культурной традиции, значимой наряду с другими религиозными традициями (культурологический подход);

в) философско-мировоззренческий подход, когда знания о религии преподаются как мировоззренческая и смысложизненная проблема, через вопросы аксиологического и экзистенциального характера. «Убежден, – говорит Журавский, – что с учетом регионального социокультурного многообразия страны, должно иметь место многообразие форм присутствия знаний о религии в светской школе» [2]. Действительно, учет разнообразия мировоззренческих подходов – это одно из требований к содержанию образования, установленных в Законе РФ «Об образовании» (ст. 2, 14).

Мировоззрение – система взглядов на мир и место человека, общества и человечества в нем, на отношение человека к миру и самому себе, а также соответствующие этим взглядам основные жизненные позиции людей, их идеалы, принципы деятельности, ценностные ориентации [6]. Типология мировоззрений может быть построена на разных основаниях, чаще выделяют религиозное и нерелигиозное. В табл. 1 представлены религиозные и нерелигиозные мировоззренческие типы и соответствующие им системообразующие представления о мире.

Таблица 1

Основные мировоззренческие типы

Мировоззренческие типы	Определяющие представления о мире
Православие	«... ни патриархи, ни Соборы никогда не могли ввести что-нибудь новое, потому что хранитель благочестия у нас есть самое тело Церкви, т.е. самый народ, который всегда желает сохранить веру свою неизменно и согласно с верою отцов его...». Окружное послание Восточных Патриархов, 6 мая 1848 г.
Католицизм	«Папа есть Божественный человек и человеческий Бог... имеет Божественную власть, и власть его неограниченна... Папа непогрешим как Бог, и может делать все, что Бог делает. Папа – свет веры и отражение истины. Папа есть все над всем и может все». Ватиканский собор 1870 г.
Иудаизм	«Весь еврейский мир живет ожиданием скорого прихода Мошиаха («Помазанника», или Мессии). С точки зрения еврейской традиции, это будет живой человек из плоти и крови, религиозный еврей, потомок царя Давида, который придет в наши дни и принесет людям долгожданный мир. Ему удастся объединить все человечество». Справочник «Религиозные объединения РФ».
Илам	Религиозная система влияет не только на поведение и обязанности мусульман, но и на правовую, финансовую, политическую, культурную жизнь многих стран и народов.
Буддизм	Ядро буддийского учения образуют так называемые четыре благородные истины – суждения о страдании, о причинах страдания, о прекращении страдания и о пути прекращения страдания.
Антропоцентризм	Человек – центр Вселенной и цель всех совершающихся в мире событий.

Таким образом, наша принципиальная позиция заключается в том, что приобщение учащихся к ценностям национальной и мировой культуры должно происходить с учетом разнообразия мировоззренческих подходов и ценностных ориентаций и предпочтений различных социальных групп, задействованных в интеграции светского и религиозного образования, а также с использованием принципа культуросообразности и без ограничений, обусловленных

идеологическими причинами – только тогда можно говорить о формировании поликультурной личности, способной к межконфессиональному диалогу.

В начале экспериментальной работы в целях выявления уровня готовности учителей использовать знания о религии в своей учебно-воспитательной деятельности было опрошено 30 учителей МОУ «СОШ № 2» г. Чебоксары, ответы оценивались респондентами по десятибалльной шкале. Результаты анкетирования показаны в табл. 2.

Таблица 2

**Готовность учителей светской школы к использованию знаний о религии
в своей учебно-воспитательной деятельности**

Вопрос	Средний балл
Оцените Ваш уровень готовности к формированию поликультурной личности ученика.	5,5
Можете ли Вы определить проблемы в развитии личности ребенка, помочь ему в их решении?	7,5
Как Вы оцениваете свое знание целей и задач формирования духовно-нравственной культуры учащихся?	8,0
Считаете ли Вы возможным использование знания о религии в светской школе?	9,0
Как Вы оцениваете знание основ этнопедагогики, этнопсихологии?	4,0
Существует ли необходимость методического обеспечения вариативных моделей изучения религий?	10
Используете ли Вы конфессионально-ориентированное образование в своей практике?	3,5
Готовы ли Вы сотрудничать в сфере духовного и нравственного воспитания детей и молодежи с Чебоксарско-Чувашской епархией?	10

Полученные данные свидетельствуют о том, что среди педагогов утверждается понимание права граждан давать своим детям образование на основе традиций, нравственных ценностей российских религий. В данный переходный период общеобразовательная школа ищет точки соприкосновения светской педагогики и конфессиональной, и прежде всего через культуру своего народа, однако возникает необходимость научно-педагогического обеспечения этих процессов, а стремление педагогических работников повышать свою профессиональную компетентность в области знаний о религии наталкивается на дефицит необходимой в этой области научной и педагогической литературы.

На основе полученных в ходе исследования данных мы выделили ряд препятствий, мешающих в достижении цели – формирование поликультурной личности ученика, имеющей целостное мировоззрение, представление о конфессиональной стороне культуры как о важнейшей составляющей российской и мировой культуры:

2) мировоззренческие стереотипы;

3) недостаточность нормативно-правового и научно-педагогического обеспечения процесса интеграции знаний о религии в учебно-воспитательную деятельность светских образовательных учреждений;

4) недостаточная базовая подготовка педагогических работников в области содержания и методов приобщения учащихся к духовным ценностям религии в светской школе.

Для решения проблемы включения знаний о религии в учебно-воспитательную деятельность светской школы мы предлагаем:

- разработать методические средства, ориентированные на конкретные аспекты обучения и воспитания в процессе освоения учащимися знаний о религии;
- развивать знания у учителей и учащихся об основных картинах мира и системах морали, в том числе конфессиональных;
- противодействовать в разработке модели освоения знаний о религии любым крайностям, противоречащим законным интересам и правам учащихся.

Литература

1. Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тишков В.А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. М.: Просвещение, 2009. 24 с.
2. Журавский А.В. Выступление на международном семинаре «Диалог, толерантность, образование: совместные действия Совета Европы и религиозных конфессий» 22-23 февраля 2006 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.minregion.ru/OpenFile.ashx/Zhuravskiy_22022006.doc?AttachID=244.
3. Кезина Л.П., Кондаков А.М. Федеральный государственный образовательный стандарт общего образования. Среднее (полное) общее образование. М.: Просвещение, 2011. 70 с.
4. Козырев Ф.Н. Религиозное образование в светской школе. Теория и международный опыт в отечественной перспективе. СПб.: Апостольский город, 2005. 636 с.
5. Понкин И.В. Преподавание знаний о религии в светской школе: европейский опыт правового регулирования // Стратегия России. 2007. № 9. С. 62-70.
6. Философия: энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. 1072 с.
7. Шахнович М.М. Религоведение: учеб. пособие. СПб.: Питер, 2009. 432 с.
8. Ferrari S. L'enseignement des religions en Europe: un aperçu juridique // Des maîtres et des dieux. Ecoles et religions en Europe / Sous la direction de Jean-Paul Willaime avec la collaboration de Severine Mathieu. Paris: Belin, 2005. 72 p.

ИГОРЕВА ЭЛЬВИРА НИКОЛАЕВНА – учитель русского языка и литературы, средняя общеобразовательная школа № 2, Россия, Чебоксары (igorewa.elya@yandex.ru).

IGOREVA ELVIRA NIKOLAEVNA – teacher of Russian Language and Literature, Comprehensive Secondary School № 2, Russia, Cheboksary.

КИРИЛЛОВА ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. См. с. 194.

УДК 371.016]:658.512.23:744.4

Э.В. МИХАЙЛОВА

**ПРОБЛЕМА ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ДИЗАЙНЕРСКОЙ ПОДГОТОВКИ
УЧАЩИХСЯ НА ВСЕХ СТУПЕНЯХ ОБУЧЕНИЯ
В СРЕДНЕЙ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ**

Ключевые слова: *преемственность, средняя образовательная школа, учащиеся, художественное образование, дизайнерское мышление.*

Проанализирована необходимость художественной подготовки учащихся на ступенях обучения в школе как одно из оптимальных условий осуществления преемственности дизайнерского образования на самом начальном его уровне подготовки на примере средней общеобразовательной школы г. Чебоксары.

E.V. MIKHAILOVA

**PROBLEM OF CONTINUITY DESIGN PREPARATIONS
OF PUPILS AT ALL STEPS OF TRAINING AT AVERAGE COMPREHENSIVE SCHOOL**

Key words: *succession, average educational school, pupils, art education, design thinking.*

The necessity of artistic preparation is analyzed pupils on the stages of educating at school as one of optimal terms of realization of succession of designer education at his most initial level of preparation on the example of high general school Cheboksary's.

Проблема вхождения личности в социальную среду в условиях глобальных изменений актуальна для всего мирового сообщества. Разработанная российским правительством Концепция модернизации образования рассматривает переход на многоуровневое обучение как основу для создания условий по включению личности в новые нормы межличностных взаимодействий и для самореализации личности во всех сферах и на всех этапах социализации.

В этой ситуации практические потребности общественного развития требуют осуществления подготовки специалистов, способных самостоятельно адаптироваться в новом пространстве и способных к саморазвитию. Ключевую роль в процессе социализации личности играет вся система социальных институтов.

Необходимо заметить, что в настоящее время в связи с вариативностью образования наблюдается значительный разрыв между различными социаль-

ными институтами в содержании образования, формах и методах работы, характере взаимодействия с обучающимися и технологиями реализации учебно-воспитательного процесса. Различные исследования показывают, что этот разрыв особенно заметен на стыке школьного и профессионального образования. Перед профессиональным образованием всегда стояла проблема несоответствия абитуриентов (выпускников школ) требованиям учебного процесса вуза. В современных условиях перехода высшего профессионального образования на многоуровневое особенно актуальной становится проблема преемственности сопряжения образовательных программ и технологий на всех уровнях в условиях системы непрерывного профессионального образования.

Эта проблема особенно актуальна для дизайнерского образования, где возникла острая необходимость создания единого образовательного пространства для плавного перехода из системы общеобразовательной школы к процессу подготовки специалистов на этапах среднего и высшего профессионального образования. В. Сааков, анализируя современное состояние дизайн-образования, отмечает, что «...до сих пор не выбрано направление изменений, по-прежнему идет перебор механизмов дизайнерского образования» [9]. Отсутствие преемственности в формах и методах работы при переходе из школы в колледж, а затем в вуз создает препятствия для формирования квалифицированного специалиста.

На наш взгляд, решение проблемы среднего школьного и профессионального образования дизайнеров должно основываться:

- на непрерывном творческом развитии личности ребенка, основанном на единой системе планирования педагогического процесса на всех ступенях образования;
- на интеграции педагогической деятельности педагогов всех уровней образовательных систем, направленной на изучение и учет в учебном процессе возрастных, индивидуальных особенностей учащихся;
- на расширении творческой образовательной среды в рамках «школа–колледж–вуз».

Современные условия развития общества увеличивают значимость довузовской подготовки в плане формирования готовности абитуриентов к обучению в начальных профессиональных и высших учебных заведениях.

В качестве основного компонента системы непрерывного профессионального образования можно рассматривать профильное обучение, включающее начальную, предпрофильную подготовку, профильное обучение с ориентацией обучающихся на продолжение образования в учреждениях среднего и высшего профессионального образования, формирование и реализацию индивидуальной образовательной траектории при выборе специальностей, востребованных региональным рынком труда.

В условиях введения нового поколения государственных образовательных стандартов, разработанных на «компетентностном подходе», профильное обучение является основой формирования у обучаемых общих и профессиональных компетенций, личностных качеств, особо значимых для адаптации на рынке труда, для конкурентоспособного специалиста.

Базовым звеном в системе многоуровневого образования считается общеобразовательная школа, основными целями которой являются формирование целостной системы универсальных знаний, умений и навыков, воспитание гражданской ответственности школьников, их правового самосознания, духовности и культуры, самостоятельности, способности к успешной социализации в обществе и активной адаптации на рынке образовательных услуг.

С учетом темы нашего исследования мы рассматриваем подготовку специалистов-дизайнеров во взаимосвязи «школа–колледж–вуз». Вопросам профессионального дизайнерского образования посвящены труды Л.Ю. Анцу-

кова, И.Ф. Волкова, Н.В. Воронова, М.С. Кагана, К.М. Кантора, Л.А. Кузмичева, Е.Н. Лазарева, В.Ф. Сидоренко и др.

Особенности современного дизайн-образования рассмотрены в работах Е.Н. Кавешниковой, В.П. Климова, Л.Б. Переверзева, Х.Г. Тхагапсоева и др. Сегодня обучение дизайну – это комплексная междисциплинарная проектно-художественная деятельность, интегрирующая естественнонаучные, технические, гуманитарные знания, инженерное и художественное мышление, направленная на формирование на промышленной основе предметно-пространственной среды во всех сферах жизнедеятельности человека. Все эти знания интегрируются в проектно-художественном моделировании предметного мира, которое опирается на образное, художественное мышление [2-3, 7].

Анализ исследований показал, что преимущество дизайнерского образования на этапе общеобразовательной школы должна обеспечиваться осуществлением следующих положений:

- воспитанием эстетического отношения к действительности, эмоциональной культуры, т.е. умения сопереживать, сочувствовать, ориентироваться на высокие нравственные идеалы;
- формированием эмоционально-ценностной и духовной культуры школьника за счет изучения различных видов искусства;
- развитием творческих способностей, воображения, мышления, фантазии, индивидуальности;
- целенаправленным развитием зрительного восприятия, чувства цвета, композиционных приемов, образного мышления, формированием основы дизайнерского мышления;
- обучением основам художественно-графической грамотности, проектной деятельности, практическим навыкам работы в различных областях деятельности;
- изучением наследия мирового и дизайнерского искусства;
- использованием национального подхода к выполнению проектов с целью приобщения к художественным народным традициям.

Дизайнерская подготовка на ступенях обучения в СОШ может рассматриваться в неразрывной связи с развитием дизайнерского мышления.

В силу жанрового многообразия дизайна (промышленный, архитектурный, графический, ландшафтный, арт-дизайн, средовой и др.) и его социокультурной природы специфика дизайнерского мышления очень сложна и многогранна. Развитие мышления выражается в последовательном возникновении форм и способов профессиональной мыслительной деятельности и изменении их по мере общего формирования личности в процессе обучения. Поэтому приоритетным направлением дизайн-образования является выявление и развитие элементов дизайнерского мышления в самом раннем возрасте. Полное сформированное дизайнерское мышление в своей целостности должно включать следующие компоненты: системное владение логическими операциями; наличие в продуктах деятельности новизны, оригинальности, стиливого чутья, способности к проектированию; понимание целесообразности и рациональности вещей; знание способов создания эстетически грамотной вещи и гармонической среды [5].

Формирование дизайнерского мышления основывается на развитии воображения, пространственно-образного мышления, творческих и художественно-графических способностях. Мы считаем, что на стадии школьного образования формирование дизайнерского мышления должно протекать в двух направлениях:

- формирование художественно-эстетических знаний и умений через воздействие природой, эстетикой быта, общественными и трудовыми отношениями;

– формирование конструктивно-технологических знаний и умений через получение знаний о свойствах материалов и элементарной технологии, обучение обращению с инструментами, анализ и планирование реализации поставленных задач.

Параллельно с процессом формирования профессионального мышления должно идти формирование профессионально важных качеств личности, рассматриваемых не только как совокупность личностных свойств, связанных с видом деятельности, но и как совокупность качеств личности, таких как ответственность, самоконтроль, самооценка, самосознание, оригинальность, находчивость, наблюдательность (способность подмечать даже незначительные мелочи и недостатки), коммуникабельность.

В исследованиях, посвященных проблемам дизайнерского образования, деятельность дизайнера рассматривается как творческий процесс, соотносящийся с творчеством художника, аккумулирующий предшествующий культурный и художественный опыт и использующий современные достижения в области науки, техники, новых технологий и современных материалов [1, 2, 6].

В процессе творческой деятельности ученик должен приходить к полноценному пониманию и осознанию своей принадлежности к определенному культурному слою с его художественно-эстетическими представлениями и вкусами. Именно на основе этого понимания будут складываться определённые приоритеты в собственном художественном творчестве, независимо от дальнейшего выбора профессии, художественной или технической направленностей.

Система художественного образования имеет два ведущих направления: художественное образование как часть общего образования и профессиональное художественное образование.

Художественное образование как часть общего образования является инструментом интеллектуального совершенствования личности через раскрытие его творческого потенциала. «Именно художественное образование, по сути своей, призвано формировать тонкую, гибкую систему ценностных ориентаций ребенка... На уроках искусства ребенок обретает опыт мудрости, служения идеалам нравственности, долга, ответственности, противостояния агрессии. Под руководством педагогов дети постигают не просто образцы художественного творчества, но важные элементы других культур, учатся тактично и уважительно относиться к явлениям непонятым, но важным для других наций. Никакие иные дисциплины образовательной сферы не направлены на воспитание толерантности столь последовательно и прямо, как циклы художественного образования» [10].

Известно, что процесс становления профессиональных качеств человека находится под влиянием присущих ему свойств личности. Особое значение это имеет для художественного образования, так как оно связано с системным накоплением тех специфических качеств, которые делают непрерывным процесс развития художественных способностей личности.

Системное накопление таких специфических качеств требует длительного времени, а результат его во многом зависит от наиболее раннего по возрасту начала занятий искусством. Именно поэтому принято считать, что специалист в области искусства начинает формироваться в детстве. В связи с этим отметим, что развитие профильного художественно-эстетического образования возможно, прежде всего, в тех школах, которые занимаются с детьми предметами в образовательной области искусства по углубленным программам с раннего возраста, где профильное обучение становится важным звеном непрерывного профессионального художественного образования в целом [8].

Все эти особенности наиболее полно отражены в деятельности профилирующего образовательного учреждения МОУ «СОШ № 61», имеющего художественную направленность.

Школа уже на своей базе осуществляет начальную профессиональную подготовку учащихся, которая представляет собой первую ступень в овладении будущей художественной профессией. Вся система художественного образования построена на принципе единого подхода к содержанию, организации и методике занятий по художественным дисциплинам, основанного на целостности и образности восприятия искусства. МОУ «СОШ № 61», целью которого является художественно-эстетическое образование детей, осуществляет следующие виды образовательных программ в системе непрерывного художественного образования в соответствии с уровнями программ дополнительного образования:

1-я программа – общеобразовательная (1-11 кл.) реализует общеобразовательные программы начального общего, основного общего и среднего (полного) общего образования;

2-я программа – эстетическое обучение (1-4 кл.) реализует программы раннего эстетического образования: классы эстетического образования и художественно-композиционное отделение;

3-я программа – специализированное обучение (5-11 кл.) реализует программы начального образования в области искусств: художественно-композиционное отделение;

4-я программа – профильное обучение (10-11 кл.) реализует программы профильного обучения дизайн-направления.

В 1997 г. на базе МОУ «СОШ № 61» была сформирована первая группа дизайн-класса из учеников 9 класса. Дети комплектовались в группу по желанию и имели базовое художественное образование, полученное в этой же школе с 1 по 8 класс.

На начальных ступенях учащиеся (1-4 кл.) приобретают необходимые умения и навыки учебной деятельности, овладевают основами знаний в области «Изобразительного искусства». По мере развития изобразительных способностей преподаватель обращает внимание на те или иные стороны творческих способностей ученика (творческое воображение, фантазия, образно-пространственное мышление и т.д.). На уроках особое внимание уделяется восприятию конкретных предметов и их мысленному представлению. Появляется большая устойчивость образов воображения, которые лучше сохраняются в памяти, становятся богаче и разнообразнее благодаря расширению кругозора, приобретаемым знаниям. Наиболее активно развитие пространственного мышления учащихся происходит на занятиях «бумагопластика» по программе Б.Г. Гагарина. Учебные предметы имеют характер интегрированных курсов: государственная программа для школ с углубленным изучением предметов художественно-эстетического цикла «Изобразительная деятельность и художественный труд» Б.М. Неменского, авторские разработки самих учителей и наши собственные.

В классах средней ступени (5-9 кл.) закладывается фундамент базовой общеобразовательной подготовки, необходимой учащимся для продолжения образования. В основной школе по результатам обученности комплектуются предпрофильные классы художественно-композиционного отделения. Комплектование классов проводится по желанию учащихся и их родителей. Заинтересованное отношение к изучению дисциплин, освоению ремесла, профессии положительно сказывается на психологическом состоянии школьников и способствует развитию мотивации учения.

Логическим продолжением курса «Изобразительная деятельность и художественный труд» становятся предметы художественно-эстетического блока: рисунок, живопись и композиция, история искусств и дизайна, проектирование, бумагопластика, проводимые по государственным программам для школ с углубленным изучением предметов художественно-эстетического цикла. Занятия

проводятся по рабочим программам, утвержденным ведущими профильными кафедрами ЧГУ имени И.Н. Ульянова и ЧГПУ имени И.Я. Яковлева.

При формировании предпрофильных классов учитываются уровень познавательной деятельности школьников переходного класса, их психологических особенностей и возможность коррекции трудностей адаптации детей. На этом этапе педагогами отмечаются легкость усвоения знаний, активное развитие ассоциативных видов мышления, объясняемое началом формирования ассоциативных отделов коры головного мозга в подростковый период. Сравнительный анализ показал, что студенты, не имевшие должного уровня художественной подготовки на базе средней школы, испытывают трудности при изучении аналогичного материала. Большое внимание уделяется усвоению специальных методов мыслительной и художественно-практической деятельности, позволяющей трансформировать определенные эстетически значимые смыслы в ценности художественно-композиционной культуры.

На старшей ступени (10-11 кл.) на базе художественно-композиционного отделения комплектуются дизайн-группы. На этом этапе завершается общеобразовательная подготовка учащихся на основе широкой и глубокой дифференциации и индивидуализации обучения, которая создает условия для более полного учета интересов и способностей учащихся. В соответствии с требованиями времени профильная подготовка дополняется изучением информационных и коммуникативных технологий. В курс подготовки введены дисциплины «Компьютерное проектирование», «Компьютерная графика», на которых студенты осваивают навыки работы в двух- и трехмерных проекциях по программам CorelDraw, Fotoshop, 3Dmax. На этом этапе кроме художественных данных формируются коммуникативные навыки и навыки коллективной работы, развиваются мышление и такие умения, как постановка проблемы, анализ ситуации, планирование и организация деятельности и способов действия через организацию проектной деятельности.

Школьники активно включаются в процесс создания и реализации проектов по ландшафтному дизайну, созданию новых интерьеров, и организации выставок своих работ в Музее учащихся художественно-композиционного отделения. Учебный процесс организован таким образом, чтобы школьники могли самостоятельно овладеть комплексом знаний и умений, научиться действовать творчески, находить способы самореализации, уметь самообучаться и самосовершенствоваться. Одновременно с учебной деятельностью происходит формирование ценностного самоопределения выпускника, обеспечивающей ориентацию ученика в мире ценностей профессии.

Профессиональное обучение по художественно-эстетическому направлению в названном общеобразовательном учреждении имеет ряд существенных особенностей.

Во-первых, оно связано с многопрофильностью данного направления. Преподавателями в школе являются педагоги предметов искусства, а также специалисты, чья профессиональная деятельность обладает непосредственной художественной спецификой (учителя музыки, изобразительного искусства, концертмейстер, хореограф, художник, дизайнер и т.д.). Ими обеспечивается качественное основное и дополнительное профильное художественно-эстетическое образование учащихся на всех ступенях обучения.

Во-вторых, образовательные программы системы художественно-эстетического образования построены на основе вариативности, т.е. предоставляется свободный выбор различных видов творческой деятельности. Педагогический опыт преподавателей показывает, что с раннего подросткового возраста обучение должно быть построено с учетом возможности реализации учащимися своих ин-

тересов, способностей и дальнейших жизненных планов. В этом плане разработанные программы и организация учебного процесса позволяют определить способности подростка к тому или иному виду деятельности, избежать потерь времени и экономических ресурсов, усилить профессиональную мотивацию, обогатить будущего специалиста базой профессиональных знаний, навыков в области художественной грамотности.

В-третьих, созданные условия художественного образовательного пространства определяют актуальность преемственности профильного обучения. В среднем обучение на всех уровнях СОШ охватывает 600-700 человек. Каждый ученик имеет представление о том, что им получено в результате предшествующих этапов профессиональной подготовки, а что ему еще необходимо получить для успешного перехода к последующему этапу. Это означает, что качественный переход от одного уровня на другой происходит целенаправленно с учетом всех программных требований ГОС дополнительного образования к ученику и с учетом интересов и потребностей самой личности, имеющей устойчивые мотивы получения профессиональных знаний и умений. При этом сам процесс преемственности между уровнями формирования личности в системе профильной подготовки будет управляемым.

В-четвертых, непрерывность художественного образования осуществляется в системном освоении программ раннего эстетического, начального художественного образования и профессиональной подготовки, профессиональной ориентации в течение всего обучения в СОШ. Результат процесса обучения предполагает достижение функциональной, эстетической грамотности человека в социуме, комфортную адаптацию школьников к жизни в обществе, обеспечивает им конкурентоспособность на рынке образовательных услуг.

В-пятых, для реализации профильной художественно-эстетической подготовки школьников преподавателями разработаны и систематизированы программно-методическое и дидактическое обеспечение данного процесса. Учителями художественного образования успешно реализуют авторские и государственные программы углубленного образования по предметам искусства, адаптированные к условиям общеобразовательного учреждения.

Таким образом, осуществление художественной подготовки учащихся на ступенях школы оказывается одним из оптимальных условий осуществления преемственности дизайнерского образования на самом начальном его уровне подготовки квалифицированных специалистов, способных к осмыслению новой реальности, построению успешной профессиональной карьеры и жизненного пути.

Литература

1. Волкова В.В. Дизайн рекламы. М.: Книжный дом «Университет», 1999. 144 с.
2. Герушинский Б.С. Стратегические приоритеты развития образования России // Педагогика. 1996. № 5. С. 46-54.
3. Герушинский Б.С. Философия образования для XXI века. (В поисках практико-ориентированных образовательных концепций). М.: Совершенство, 1998. 608 с.
4. Зимняя И.А. Общая культура и социально-профессиональная компетентность человека // Высшее образование сегодня. 2005. № 11. С. 14-20.
5. Калюткин Ю.Н. Изменяющийся мир и проблема развития творческого потенциала личности: ценностно-смысловой анализ. СПб.: СПбГУПМ, 2002. 83 с.
6. Мастера искусства об искусстве: избранные отрывки из писем, дневников, речей и трактатов: в 7 т. Т. 3. XVII-XVIII века / под общ. ред. А.А. Губера, В.Н. Гращенкова. М.: Искусство, 1967. 503 с.
7. Норман Д.А. Дизайн привычных вещей. The Design of Everyday Things. М.: Вильямс, 2006. С. 384.
8. Рудзик Е.Е. Непрерывное профильное художественно-эстетическое образование в школе с углубленным изучением предметов искусства [Электронный ресурс] // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2008. № 2. URL: <http://scientific-notes.ru/pdf/006-21.pdf> (дата обращения: 22.06.2011).

9. Сааков В. Дизайн: культурно-историческое предприятие [Электронный ресурс] // PRISS-Laboratory: сайт. URL: http://priss-laboratory.net.ru/T.E.X.T.S.-/design-cult-history-enterprice_1.htm (дата обращения: 02.05.2011).

10. Стукалова О.В. Детская школа искусств и полихудожественный подход к творческому образованию молодежи [Электронный ресурс] // Сборник трудов Восьмой общероссийской конференции. М., 2009. URL: <http://nai-inform.ru/konfer8.html#8> (дата обращения: 30.04.2011).

МИХАЙЛОВА ЭВЕЛИНА ВАЛЕРИАНОВНА – старший преподаватель кафедры дизайна, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (trademark@yandex.ru).

MIKHAILOVA EVELINA VALERIANOVNA – senior teacher of Design Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 378.037.1

О.Н. СЕРГЕЕВА

ФОРМИРОВАНИЕ ПСИХОФИЗИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ОРГАНИЗАЦИИ И БЕЗОПАСНОСТИ ДВИЖЕНИЯ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СРЕДСТВАМИ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА

***Ключевые слова:** психофизическая готовность, специалист, организация и безопасность движения, профессиональная деятельность, комплекс педагогических условий.*

Рассмотрен комплекс педагогических условий, который позволил бы повысить эффективность подготовки к профессиональной деятельности будущих специалистов в сфере организации и безопасности движения средствами физической культуры и спорта.

O.N. SERGEEVA

FORMATION OF PSYCHOPHYSICAL READINESS FUTURE EXPERTS IN ORGANIZATION AND SAFETY TO THE PROFESSION MEANS OF PHYSICAL CULTURE AND SPORTS

***Key words:** psychophysical readiness, expertise, and safety, professional activities, complex pedagogical conditions.*

The article deals with the complex pedagogical conditions that would improve training for professional work of future specialists in the field of organization and traffic safety by means of physical culture and sports.

В условиях коренных социально-экономических преобразований, становления рынка труда и рыночных отношений все более актуальными и общественно значимыми становятся проблемы, связанные с повышением качества профессиональной подготовки будущих специалистов. Одна из важнейших задач, поставленных сегодня обществом перед системой профессионального образования, в том числе и перед высшей школой, – подготовка конкурентоспособной и профессионально мобильной личности – предполагает поиск путей по совершенствованию психофизической подготовки будущих специалистов вообще, специалистов по организации и безопасности движения в частности. В последние десятилетия приоритетными направлениями социальной политики нашего государства являются сохранение и укрепление здоровья молодежи, что нашло подтверждение во многих инициативах Президента и Правительства РФ. И это не случайно, уже давно стало истиной, что здоровье молодого поколения, их физическое и психическое развитие определяют на многие годы вперед будущее нашей страны, ее социально-экономический, культурный и научный потенциал.

Вместе с тем многочисленные исследования ученых и данные Совета безопасности России показывают, что состояние здоровья, уровень психофизической подготовленности к трудовой деятельности студенческой молодежи в РФ

в последние годы имеют тенденцию к ухудшению и не соответствуют требованиям многих профессий и запросу общества. Наглядным подтверждением тому является негативная тенденция увеличения в вузах численности студентов, из которых по их психофизическому состоянию формируют специальную (медицинскую) группу. Исследования ученых и проведенное нами обследование студентов показали, что процент первокурсников, отнесенных по состоянию здоровья к специальной медицинской группе, уже достиг 20-25%, а предвыпускных курсов – 40%. В связи с этим становится очевидным, что проблема формирования у будущих специалистов психофизической готовности к будущей профессиональной деятельности является серьезной общегосударственной проблемой.

Ситуация усложняется и отсутствием в последние десятилетия заметных позитивных перемен в отношении людей к здоровью и спортивно-оздоровительной деятельности, недостаточно используется потенциал физической культуры и спорта, который в силу своей специфики имеет очень большой арсенал средств для формирования у молодежи потребности в здоровом образе жизни, физическом развитии и совершенствовании своих функциональных возможностей и работоспособности.

Вместе с тем потребности общества, связанные с переходом экономики на рыночные отношения, объективно требуют совершенствования системы профессионального образования. Ведущей тенденцией в этом процессе выступают гуманизация, переход к системному, компетентностному и личностно ориентированному обучению. В достижении этих целей определенная роль принадлежит физической культуре и спорту, являющимися важными факторами формирования и развития личности будущего специалиста, в том числе формирования и его психофизической готовности к профессиональной деятельности.

В контексте нашего исследования психофизическая готовность рассматривается как важный компонент общепрофессиональной готовности специалиста, под которой понимаем интегративное образование личности, характеризующееся достаточно высоким уровнем овладения студентами соответствующими знаниями, умениями и навыками, развития психофизических качеств, устойчивостью функциональных систем человеческого организма. Оно представляет собой сложный синтез тесно взаимосвязанных основных структурных компонентов (теоретическая подготовленность, физическая подготовленность, функциональная устойчивость организма и психическая подготовленность) и является важным направлением деятельности вуза в подготовке будущих специалистов.

В соответствии с Государственным стандартом высшего профессионального образования в Примерной учебной программе курса «Физическая культура» четко определено, что целью физического воспитания студентов является формирование физической культуры личности и способности направленного использования разнообразных средств физической культуры и спорта для сохранения и укрепления здоровья, психофизической подготовки и самоподготовки к будущей профессиональной деятельности.

Оптимальное использование педагогического потенциала физической культуры и спорта в процессе подготовки будущих специалистов к выполнению профессиональных функций объективно важно для всех специальностей и направлений профессиональной подготовки. Особенно актуально это для тех, чья деятельность сопряжена с большими физическими и психическими нагрузками: военных, летчиков, моряков, сотрудников правоохранительных органов, инженеров по организации и безопасности движения и др.

Исследования ученых и практика показали, что специалисты по организации и безопасности движения в силу специфики своей деятельности должны обладать такими качествами, как острота зрения, точность глазомера, хо-

рошие слух и память, ловкость, выносливость в разнообразной динамической работе, высокая координация и точность реакции на движущийся объект, хорошее пространственное воображение, умение распределять и концентрировать внимание, наглядно действенное мышление, терпеливость и настойчивость, устойчивость функциональных систем организма к изменениям в погоде, ритму работы, а также к условиям повышенного психического напряжения и др. Кроме того, важное значение для успешной производственной деятельности будущего специалиста по организации и безопасности движения имеет хорошее состояние его сердечно-сосудистой и центральной нервной систем, которые чаще всего «выходят из строя», что ведет к ряду заболеваний.

Учеными определены и требования профессии к личностным способностям и качествам специалиста такого профиля. Наиболее важными среди них являются: организованность, коммуникабельность, решительность, смелость, инициативность, самостоятельность, усидчивость, ответственность и др. Имеются и медицинские противопоказания: работа инженера по организации и безопасности движения не рекомендуется людям с нервно-психическими, сердечно-сосудистыми, заболеваниями опорно-двигательного аппарата, зрительного и слухового анализаторов и др.

Усилиями медиков, педагогов, социологов и психологов определены основные направления использования средств физической культуры и спорта в процессе подготовки будущих специалистов, а именно: гигиеническое, оздоровительно-рекреативное, общеподготовительное, спортивное, лечебное и профессионально-прикладное.

Конкретные направления и организационные формы использования физкультурно-оздоровительных и спортивно-массовых мероприятий в условиях вуза зависят от состояния здоровья, пола, возраста, наличия спортивной базы, традиций учебного заведения, специфики профессиональной подготовки и других условий.

Анализ научной литературы по теме исследования и изучение опыта работы высшей школы Чувашской Республики и других регионов Поволжья по организации физического воспитания и использования его потенциала для формирования личности будущих специалистов позволили определить, что для эффективного формирования психофизической готовности к профессиональной деятельности будущих специалистов по организации и безопасности движения средствами физической культуры и спорта очень важно создание комплекса педагогических условий. В качестве основных педагогических условий мы выделили:

- разработку и внедрение в педагогический процесс вуза модели системы формирования психофизической готовности к профессиональной деятельности будущих специалистов по организации и безопасности движения средствами физической культуры и спорта;
- реализацию аксиологического подхода в процесс формирования психофизической готовности к профессиональной деятельности будущих специалистов по организации и безопасности движения;
- субъективизацию процесса формирования психофизической готовности к профессиональной деятельности будущих специалистов по организации и безопасности движения;
- внедрение в учебный план факультета управления (специальность – «Организация и безопасность движения») спецкурса «Физическая культура и трудовая деятельность человека»;
- осуществление диагностики психофизической готовности к профессиональной деятельности будущих специалистов по организации и безопасности движения.

В ходе исследования был проведен эксперимент, общей целью которого являлась оптимизация процесса формирования психофизической готовности будущих специалистов по организации и безопасности движения. В нем приняли участие 128 студентов I-III курсов Волжского филиала МАДИ, обучающихся на факультете управления (специальность – «Организация и безопасность движения»), 7 преподавателей кафедры физического воспитания и военной подготовки. На констатирующем этапе был проведен анализ состояния работы вуза в этом направлении.

На формирующем этапе опытно-экспериментальной работы в учебный процесс вуза была внедрена модель и апробирован комплекс педагогических условий, наличие которых позволило бы совершенствовать работу вуза по совершенствованию формирования психофизической готовности будущих специалистов по организации и безопасности движения к профессиональной деятельности средствами физической культуры и спорта.

Мониторинг состояния психофизической готовности студентов осуществлялся с использованием адаптированных методик, имеющихся в научной литературе. Статистическая обработка данных проводилась с помощью критерия χ^2 , который позволяет сравнивать распределения частот вне зависимости от того, нормально распределены они или нет. Расчет критерия χ^2 производился по формуле: $\sum (\Theta - T)^2 / T$.

Обеспечить необходимую достоверность полученных данных при проведении эксперимента позволила однородность таких показателей, как возраст студентов, направление профессиональной подготовки, образование, полученное до поступления в вуз, социальное происхождение и др.

Результативность опытно-экспериментальной работы проверялась путем покомпонентного сопоставления исходного уровня сформированности у студентов психофизической готовности в экспериментальных группах с новым уровнем и сравнения полученных данных с аналогичными данными контрольных групп.

Анализ результатов изучения состояния формирования психофизической готовности к профессиональной деятельности будущих специалистов по организации и безопасности движения показал, что в экспериментальной группе динамика носит положительный характер, налицо статистически значимые изменения. При этом наиболее ощутимые результаты были получены после того, как в совокупности с основными организационными шагами по совершенствованию деятельности вуза в этом направлении была внедрена программа спецкурса «Физическая культура и трудовая деятельность человека», обеспечивающая реализацию предложенных нами педагогических условий. Что касается студентов контрольной группы, то статистически значимых изменений состояния сформированности психофизической готовности у них не произошло.

Рассмотрение проблемы формирования психофизической готовности к профессиональной деятельности будущих специалистов по организации и безопасности движения средствами физической культуры и спорта позволяет подвести некоторые итоги теоретического и экспериментального исследования и сделать ряд выводов.

Во-первых, выделение педагогических условий эффективного формирования психофизической готовности к профессиональной деятельности будущих специалистов по организации и безопасности движения средствами физической культуры и спорта в качестве предмета специального изучения обусловлено возросшими потребностями общества в совершенствовании системы подготовки будущих специалистов к профессиональной деятельности.

Несмотря на существующие исследования различных аспектов проблемы подготовки будущих специалистов с использованием педагогического потен-

циала физической культуры и спорта, в том числе и профессионально-прикладной физической культуры, в настоящее время одной из актуальных проблем педагогической науки является нахождение путей повышения уровня сформированности у будущих специалистов по организации и безопасности движения психофизической готовности к профессиональной деятельности. В связи с этим возникла необходимость смоделировать систему формирования психофизической готовности студентов факультета управления (специальность 190702 – «Организация и безопасность движения») и определить педагогические условия эффективного формирования психофизической готовности студентов к профессиональной деятельности средствами физической культуры и спорта.

Во-вторых, теоретический анализ материалов исследований ученых позволил заключить, что психофизическая готовность к профессиональной деятельности будущего специалиста – это интегративное образование личности, характеризующееся достаточно высоким уровнем овладения студентами соответствующими знаниями, умениями и навыками и развития психофизических качеств, устойчивостью функциональных систем человеческого организма.

Структура психофизической готовности специалиста к профессиональной деятельности включает в себя: теоретическую подготовленность, физическую подготовленность, функциональную устойчивость организма и психическую подготовленность.

В-третьих, обращение к научным трудам ученых и результаты нашего теоретического и экспериментального исследований позволили определить роль физической культуры и спорта в формировании психофизической готовности к профессиональной деятельности будущих специалистов по организации и безопасности движения, заключающуюся в организации совокупности развернутых во времени организационных форм, средств, методов и приемов взаимодействия студентов с физкультурно-спортивной средой вуза через их участие в различных видах физкультурно-спортивной деятельности, что ведет к закономерным изменениям показателей, характеризующих уровень становления будущих специалистов вообще, их психофизической готовности к профессиональной деятельности в частности.

В-четвертых, анализ научных трудов ученых, посвященных изучению сущности процесса формирования психофизической готовности к профессиональной деятельности будущего специалиста средствами физической культуры и спорта, позволил выделить основные противоречия, существующие между:

- потребностями студента в овладении на достаточно высоком уровне будущей профессией инженера по организации и безопасности движения и внешними обстоятельствами, связанными с недостаточно развитой физкультурно-спортивной средой вуза;

- возрастающими требованиями общества к выпускнику высшей школы и недостаточным вниманием педагогического коллектива вуза (и прежде всего преподавателей кафедры физического воспитания) к формированию психофизической готовности будущих специалистов к профессиональной деятельности с использованием потенциала физической культуры и спорта;

- необходимостью повышения уровня сформированности психофизической готовности выпускников факультета управления к профессиональной деятельности и отсутствием научно обоснованной системы работы вуза по ее формированию у будущих специалистов и др.

Теоретическое и экспериментальное исследования показали, что формирование психофизической готовности к профессиональной деятельности бу-

дущих специалистов по организации и безопасности движения необходимо рассматривать как процесс развития ее основных составляющих: физического развития (предполагает развитие таких качеств, как выносливость, быстрота, сила, равновесие, координация и др.); психофизического развития (хорошая устойчивость функциональных систем: сосудистой, нервной, дыхательной и т.д.; развитые зрительно-моторные и слухо-моторные реакции; острота зрения и глазомер); психического развития (хорошо развитые память, внимание, мышление, социально-психологические качества: эмоциональная устойчивость, исполнительность, выдержка, организаторские способности, коммуникабельность, надежность, добросовестность, порядочность, честность и др.).

Проведенный эксперимент позволяет судить о достаточно высокой эффективности предложенного нами комплекса педагогических условий, способствующих успешному формированию психофизической готовности к профессиональной деятельности будущих специалистов по организации и безопасности движения средствами физической культуры и спорта.

Исследование не претендует на исчерпывающее раскрытие всех теоретических основ формирования психофизической готовности к профессиональной деятельности будущих специалистов по организации и безопасности движения средствами физической культуры и спорта. Перспективными направлениями научных поисков могут стать изучение особенностей формирования психофизической готовности у студентов с учетом направления их профессиональной подготовки, разработка дидактических технологий ее формирования на занятиях по физической культуре и во внеаудиторной работе. Самостоятельным исследованием может быть и рассмотрение роли психологической службы вуза и содержания ее работы в этом направлении.

Литература

1. Бальсевич В.К. Физическая культура для всех и каждого. М.: ФиС, 1988. 234 с.
2. Виленский М.Я. Профессиональная направленность физического воспитания. М.: Высш. шк., 1989. 158 с.
3. Выдрин В.М., Зыков Б.К., Лотоненко А.В. Физическая культура студентов вузов: учеб. пособие. Воронеж: ВГУ, 1991. 128 с.
4. Голуб С.Б. Концептуальная модель активной профессиональной подготовки студентов. М.: Педагогика, 1989. 48 с.
5. Государственный образовательный стандарт ВПО (специальность 190702 – Организация и безопасность движения). М., 2000. 41 с.
6. Евсеев Ю.И. Физическая культура. Ростов н/Д.: Феникс, 2010. 445 с.
7. Ильинич В.И. Физическая культура студентов и жизнь: учебник. М.: Гардарики, 2005. 366 с.
8. Кашин Н.И. Содержание и методика профессионально-прикладной физической подготовки курсантов вузов силовых ведомств на начальном этапе обучения: дис. ... канд. пед. наук. СПб., 219 с.
9. Лубышева Л.И. Концепция формирования физической культуры человека. М.: ГЦОЛИФК, 1992. 123 с.

СЕРГЕЕВА ОКСАНА НИКОЛАЕВНА – старший преподаватель кафедры физического воспитания и военной подготовки, Волжский филиал Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (МАДИ), Россия, Чебоксары (um-11@yandex.ru).

SERGEeva OKSANA NIKOLAEVNA – senior teacher of Physical Education and Military Training Chair, Volga Branch of Moscow Automobile and Road Technical University (MADI), Russia, Cheboksary.

УДК 398.3: 37.033

О.П. ТЕРЕХОВА

НАРОДНЫЕ ПРАЗДНИКИ И ОБРЯДЫ И ИХ РОЛЬ В НАВРСТВЕННО-ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Ключевые слова: этническая культура, народные традиции, праздники, обряды земледелия, обряды молодежные, преемственность поколений.

Исследованы народные обряды и праздники, связанные с природой, сельскохозяйственным трудом, взаимоотношениями со старшими, сверстниками, верованием, устным народным творчеством. Изучены типологические черты народных праздников, обрядов, традиций и их влияние на формирование экологической культуры и этнокультурной личности подрастающего поколения. Выявлена необходимость экологического образования, воспитания экологического сознания и поведения молодежи, изучения элементов этнокультуры, их влияния на формирование мировоззрения личности.

O.P. TEREKHOVA NATIONAL HOLIDAYS AND CEREMONIES AND THEIR ROLE IN MORAL-ECOLOGICAL EDUCATION RISING GENERATION

Key words: ethnic culture, national traditions, holidays, agriculture ceremonies, ceremonies youth, continuity of generations.

National ceremonies and the holidays connected with the nature, agricultural work, mutual relations with seniors, contemporaries, belief, oral national creativity are investigated. Typological lines of national holidays, ceremonies, traditions and their influence on formation of ecological culture and the ethnocultural person of rising generation are studied. Necessity of ecological formation, education of ecological consciousness and behavior of youth, studying of elements of ethnoculture, their influence on formation of outlook of the person is revealed.

Выдающиеся философы, этнографы, психологи и педагоги издавна доказывали, что каждый народ имеет собственные, исторически сложившиеся формы и средства национального воспитания. «В трудовом народе, – утверждает Г.Н. Волков, – испокон веков выработались самобытный нравственный уклад, своя духовная культура. У всех народов было много обычаев и традиций, облагораживающих жизнь трудящихся. Они проявлялись и в отношении к природе, и в поэзии земледельческого труда, и в устном народном творчестве, и в удивительных народных ремеслах, и в добрых обычаях хорошего тона и правилах приличия» [2. С. 61].

Являясь глубоко национальным по своей сущности, содержанию и характеру, воспитание отражает многогранные традиции, духовность, историческую самобытность нации. Преемственность дает возможность новым поколениям вобрать в себя и развивать все лучшее, что было создано предшествующей историей его народа и всего человечества, обогатить в новых условиях многообразие духовных ценностей общества.

Психологи В.А. Крутецкий, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, Д.Б. Эльконин, К.К. Платонов, Л.В. Занков и другие отмечают, что нравственный облик ребенка формируется в процессе взаимоотношений с окружающими людьми. Он раскрывается в проявлении доброжелательности и дружелюбия, в готовности прийти на помощь другому человеку, в умении понять другого человека и уважении чужого мнения и поступка (толерантности). В среднем и старшем школьном возрасте, как доказывают исследователи, у подростков происходит усвоение общественных норм, осознанно проявляются такие нравственные качества, как чуткость, сочувствие, отзывчивость, милосердие, забота, дружба.

Перед современной школой стоит важная задача, чтобы с детства приучить учащихся чувство сопричастности к духовным ценностям, истории, культуре, традициям своего народа, приобщать их к культурно-историческому на-

следию других народов. Знакомясь с этнической культурой, школьники напрямую соприкасаются с культурным наследием предков.

Праздники, обычаи и обряды всегда играли положительную роль в воспитании юного поколения. Система праздников, обычаев и обрядов формировалась на ранних ступенях развития человеческого общества. В первобытном обществе главная ее функция заключалась в управлении, передаче социального опыта. По мере усложнения организации общества и с появлением государственной системы управления функции обрядов и обычаев постепенно изменялись. Ныне бытующие обряды и праздники являются частью современного образа жизни. Исследователь А.К. Салмин подчеркивает: «Изучение культурного феномена этноса особенно важно в переходный период духовной жизни общества и народа. Исследования и публикации первоисточников по отдельным аспектам культуры конкретного народа позволяют заполнить (хотя бы частично) имеющийся пробел в знании древних пластов, без чего невозможно дать подлинную картину этноса, нельзя строить исследования о современной народной культуре, а также планировать генеральную линию сохранения и развития этнических ценностей, что приобретает сегодня особую актуальность» [6. С. 221].

У чувашского народа в системе подготовки подрастающего поколения к жизни воспитание бережного отношения к природе занимает важное место, составляет ее основу. За десятки веков чувашский народ накопил богатый природоохранный опыт и связанные с природой традиции. Народ ощущал себя частицей природы, осознавал неразрывную связь с ней. Решающее значение в формировании личности имели мать и отец, бабушка и дедушка, близкие родственники и соседи, пользующиеся особым уважением среди населения. «Для чувашей связь с природой, разумное использование ее богатств, – как отмечает автор «Чувашской народной педагогики» Г.Н. Волков, – это образ их жизни. Мать в своей колыбельной песне, убаюкивая ребенка, сравнивает его с предметами природы, подчеркивает идею гармонии маленького человека с окружающим его миром. Поэтизация окружающей природы делает ребенка неразрывной частью родной природы» [2. С. 60]. В чувашских сказках, преданиях, пословицах, поговорках, песнях говорится о вечности природы. Природа для чувашей представлялась единым живым организмом, поэтому они считали, что нельзя вмешиваться в дела природы, нарушать существующие связи. Труд, природа, естественность, человечность оказывали положительное влияние на формирование духовной жизни народа, на воспитание подрастающего поколения [5. С. 12]. Как подчеркивает Т.Н. Петрова, через вечные духовные ценности мы знакомимся с прошлыми эпохами и поколениями, с образом жизни, традициями и обрядами наших предков.

По мнению А.К. Салмина, «Обряд – важнейший блок в системе культуры этноса. Он является цементирующим фактором, отличительной чертой отдельно взятого народа. В нем перекрещиваются и отражаются практически все основные стороны жизни. Обрядовые действия и моления позволяют пролить свет на сложную проблему этногенеза, отражают исторические связи и духовную общность с другими народами. В них получили отражение отдельные вопросы земледелия, жилища, народного знания, фольклора, мифологии, искусства, верований» [6. С. 321].

На основе всестороннего исследования обрядовых действий чувашского народа А.К. Салмин составил их классификацию (рисунок).

Как отмечает автор, в этой системе в качестве основных разделов он выделяет сельскую, домашнюю и индивидуальную обрядность. К числу сельской обрядности относит межсельские, общесельские обряды. В подгруппу общесельских обрядов включает 6 групп, в их числе группа «Обряды земледелия», куда входит *синсе*, *акатуй пӑтти* (дословно: каша после завершения весеннего сева), *кража земли*. Историки утверждают, что основой жизни чувашей с дав-

них времен было земледелие. Быт и культура их были связаны с сельскохозяйственным занятием. Для чувашей земля была всегда самой дорогой, необходимой, поэтому народ всегда бережно относился к ней: «Земля – наша мать, мать полей и хлеба; земля с запахом хлеба; простор для рыбы – вода, а для человека – земля; и болото – земля, и колючий куст – лес» [2. С. 92].

Морфология народной религиозно-обрядовой системы

Интересен чувашский сельскохозяйственный обряд *синсе*, *синче* или *уяв* – время покоя от хозяйственных работ, по утверждению историков, проводился по окончании весенней пахоты, после «зачатия земли» (*сие юлни*), что означает «земля в положении». Чуваша полагали, что земля «зачала», поэтому необходимо было соблюдать покой и тишину. В течение 12 дней запрещалось тревожить «беременную» землю: нельзя строить и перестраивать избы, копать землю, косить траву, красить нити, стирать белье, вбивать колья в землю, босыми ногами ступать на землю, по праздничным дням – пятницам – не следует топить печи и варить суп, нельзя вносить огонь в избу, днем петь песни и т.п. Нарушение этих запретов наказывалось, по представлениям чувашей, достаточно сурово: или хлеб на полях поубьет градом или кого-нибудь убьет молния [3. С. 122].

«Чуваша разработали, – отмечает Д.А. Хвольсон, – сельскохозяйственный календарь, в котором отразился опыт многих поколений в сроках обработки земли, времени сева и уборки урожая. Они вели тщательное наблюдение за погодой, умели по приметам предсказывать ее и в прошлом в этом отношении пользовались большим доверием и уважением среди народов края» [9. С. 8]. Эту же мысль подчеркивает А. Фукс, которая пишет, что чуваша новый год начинают с наступлением зимы и разделяют на 13 месяцев [8. С. 23].

В чувашском календаре названия многих месяцев обозначали циклы сельскохозяйственных работ: апрель – *ага* (пашня), июнь – *сёртме* (пар), июль – *утă* (сено), август – *сурла* (серб), сентябрь – *аван* (овин). Народный календарь – удивительный памятник духовной педагогической культуры. Он определял трудовые будни, праздники, включал религиозные воззрения, народные знания, приметы. По мнению Т.Н. Петровой, создание календаря было вызвано хозяйственно-производительной деятельностью людей для своевременного проведения работ: «Крестьянину необходимо было предугадать погоду, заглянуть в будущее с той целью, чтобы не припоздниться и не упустить сроки сельскохозяйственных работ в поле, на

лугу. Календарно-обрядовая культура – это, прежде всего, форма взаимоотношений человека и природы. Эти взаимоотношения призваны были обеспечить благосостояние людей и согласованность с жизнью природы» [5. С. 55].

Ежегодное повторение этих обрядов закрепляли необходимые знания, нормы поведения в сознании детей, обогащались положительным опытом старших поколений. Т.Н. Петрова считает, что «возрастная периодизация детей в чувашской педагогике более всего придерживается особого выделения трехлетних, шестилетних и двенадцатилетних. Трехлетний знает три лесных дерева, три кустарника, три съедобные травы. И три звезды, по названиям воспроизводящие быт: Пивной ковш (Большая Медведица), Решето (Стожары), Коромысло (Орион). Шестилетний знает в два раза больше. Двенадцатилетний имеет право высказать основную заповедь: «Будь человеком», расшифровываемую как семь благопожеланий: «Быть большим, здоровым, красивым, добрым, умным, трудолюбивым, счастливым». Девочка с трех лет – соучастница вышивания, с шести лет выполняет отдельные вышивальные узоры, начиная с простейших швов, представляющих собой детали отдельных орнаментов и элементы рунического письма» [5. С. 95].

Исследователи жизни и культуры чувашского этноса М.Я. Сироткин, Г.Н. Волков, Т.Н. Петрова, А.Е. Земляков, Н.И. Егоров, М.Р. Федотов и другие указывают, что народные традиции воспитания молодого поколения очень ценны, их надо изучать и распространять. В них содержатся основные задачи воспитания, обогащающие семейные традиции. Чувашские сказки и предания, обычаи и обряды, детские игры и традиции проведения праздников являются основным средством развития у детей правильных представлений о природе, воспитания трудолюбия, доброты, честности, уважения к старшим, справедливости, мужественности, совестливости, интереса к традициям своего народа. Использование нравственного потенциала народных праздников создает благоприятную атмосферу органичного восприятия гуманистических норм во взаимоотношениях со сверстниками, со старшими. Приобщение учащихся к традициям является своеобразной ступенькой в постижении народной культуры.

А.К. Салмин в книге «Народная обрядность чувашей» подчеркивает: «Как показало исследование, к сельским (как межсельским, так и общесельским) жертвоприношениям и ритуалам больше подходит термин “праздник”, нежели “обряд”» [6. С. 315].

Праздник, по мнению А.И. Мазаева, есть «свободная жизнедеятельность, протекающая в чувственно обозримых границах места и времени и посредством живого контакта людей, собравшихся добровольно. Территория этой жизнедеятельности располагается, как правило, вне сферы материальной пользы и соотносится не столько с миром средств, сколько с миром идеалов. Праздновать – значит свободно общаться и коллективно переживать идеальные устремления, которые на время как бы стали реальностью, а следовательно, ощущать полноту жизни – индивидуальной и коллективной, пребывающей в состоянии гармонии с собой и окружающим социальным и природным миром» [4. С. 11].

В жизни каждого народа праздники занимали и продолжают занимать важное место. Народные традиции сохранили свои воспитательные средства, к ним исследователи относят песни, сказки, загадки, пословицы и поговорки, народные игры и праздники, весенние хороводы молодежи, народные гуляния. О.Н. Самарина подчеркивает роль праздников, оценивает их праздничную атмосферу, рассматривает как историко-культурный феномен: праздник – это особая и вместе с тем естественная демонстрация народом радости жизни, здоровья, самореализации, комфортного ощущения себя в мире. Общее праздничное гуляние собирает в обязательном порядке всех жителей деревни, соседних сел. Все это сближает людей, поддерживает в них чувство кол-

лективизма. Праздник способствует укреплению родственных связей, так как обычно собирает всю родню. Кроме того, в прошлом он предоставлял молодежи, собиравшейся из окрестных деревень, широкую возможность выбрать себе пару. Праздник позволял людям сделать передышку в череде тяжелых крестьянских работ, отвлекая их от семейных проблем [7. С. 175-176].

В соответствии с классификацией обрядов А.К. Салмина, к «Обрядам молодежным» относятся улах (посиделки), хёр сәри (дословно: девичье пиво), сурхури (святки): вайя (хоровод), уяв (праздник). В частности, он пишет: «Улах – общесельский молодежный обряд. Современные информаторы дают разные сведения о времени проведения. Тем не менее, все они утверждают, что улах – это свободное от работы время, молодежь собирается только на ночь (сбор поздно вечером, а расходятся рано утром). Местом встречи выбирали избу одинокого домохозяина или одинокой старухи. Организаторами улаха являлись девушки. А парни приходили потом, когда участницы соберутся и успокоятся. Количество участников зависело от круга близких подруг девушки, несущей ответственность за аренду дома. Ею могла быть и дочь ушедших в гости с ночлегом (как правило, в другое село) домохозяев» [6. С. 64-65]. В своей книге «Народная обрядность чувашей» он приводит и другие высказывания про этот обряд: «Улах, как форма общения, предполагал приглашение девушками одной улицы девушек другой улицы. Приходящие должны были явиться в шапках, а устроители встречали их в девичьем головном уборе тухья.

Явно древний обряд дошел до нас в сильно трансформированной форме. Видимо, здесь имело место и моление с обращением к соответствующим духам» [6. С. 65].

Все исследователи отмечают, что девушки на улахе (посиделках) занимались рукоделием, в основном пряли, вязали, вышивали. А парни иногда плели лапти. На улахе играм уделялось основное время. Часто организовывали такие игры: прохождение сквозь четыре руки, образующих кольцо, отгадывание загадок, прятание колечка (если парень не сумел отгадать, у кого находится спрятанное кольцо, то хозяйка кольца и не сумевший отгадать парень выводились в сени. В перерыве между играми пели и плясали, а парни играли на гармонии. Обычно на посиделки девушки приносили еду, кто что может, а на месте готовили кашу из крупы, которую девушки приносили по очереди, кашу ели все вместе. Наигравшись, участники ложились спать.

Обычно участниками народных праздников были взрослые и дети. Самый распространенный и любимый праздник чувашей – акатуй – праздник весны, устраиваемый после завершения весенних полевых работ. На акатуй приезжали жители окрестных и дальних деревень. На празднике молодежь показывала свою готовность к трудовой деятельности, проводились разные состязания: скачки на конях, бег, перетягивание каната, лазание по гладкому столбу, на вершине которого было привязано полотенце, вышитое самой уважаемой девушкой деревни, водили хоровод, проводили многочисленные игры, танцы и т.п. Это был своеобразный смотр состояния трудовой и физической подготовки молодежи к жизни. Большое воспитательное значение имели молодежные игры, песни, весенний народный праздник уяв, вайя (хоровод), а также традиционные праздники учук, кёшерни, сямёк, хёр сәри, сёрен, в которых участвовали активно дети и молодежь. Молодежные праздники в разных деревнях могли называться по-разному, но отличительной чертой всех этих праздников были хороводы, танцы, песни, пляски, различные состязания в силе и ловкости, конные скачки и др. Значимость праздников невозможно переоценить, так как они часть духовного наследия народа, сфера разностороннего творческого сотрудничества детей между собой, детей и взрослых, «праздник – своеобразная форма духовного самовыражения и духовного обогащения ребенка» [10. С. 9].

Чувашский край богат водными ресурсами – это запасы поверхностных и подземных вод. В пределах республики полностью или частично протекает, по данным Комитета природных ресурсов по Чувашской Республике, 256 рек и ручьев общей протяженностью 8650 км.

Чуваши исстари бережно относились к водным источникам и приучали своих детей к такому обращению. В народе землю называли «матушкой», а воду – «батюшкой», родину называли «сёр-шыв» (земля-вода). Народ понимал, что в сохранении влаги большое значение имел лес: «Где лес, там вода, лес – мать воды, ее хранитель», крестьянам было известно, что истребление леса ведет к обмелению рек, озер, сокращению рыбных запасов. В особенности народ бережно относился к лесам, растущим по берегам рек и озер. Пословицы постоянно напоминали людям о том, что нужно бережно относиться к воде: «Лес – стража воды», «Лес – начало рек», «Леса дожди притягивают» и т.п.

Люди старшего поколения, когда оказывались у родника, чтобы напиться, поклонялись и молились богу воды. Чуваши всегда с любовью относились к родникам, они верили в чудодейственную силу чистой родниковой воды. Верили в целебную силу этой воды, что она может вылечить, смыть порчу, в надежде на это чудо умывали родниковой водой детей, делали примочки.

Ежегодно весной сельчане – и взрослые, и дети – выходили чистить и облагораживать родники, убирать мусор. Эта добрая традиция сохранилась в народе, и сейчас молодежь и дети с желанием участвуют в этом деле. Древние чувашки придерживались давно устоявшихся порядков, около водных источников: родников, речек, озер, колодцев – нельзя громко разговаривать, ругаться, спорить. В противном случае мать воды может обидеться, и тогда вода может уйти навсегда с этих мест. Шыв амăшĕ – мать духа воды, ей посвящался специальный обряд, который проводился около проруби. Чуваши воду считали живым организмом: шыв куĕ (глаза воды), шыв пырĕ (горло воды), шыв сăмси (нос воды), шыв утти (походка воды) и т.п.

Идея о необходимости содержания в чистоте озер и водоемов внушалась детям путем использования легенд, преданий, сказок, пословиц, поговорок. П.В. Денисов, В.Ф. Каховский, А.К. Салмин приводят в качестве примера предание, в котором говорится, что небо было близко к земле, встав на цыпочки, можно было достать его. Предание гласит, что женщина повесила выстиранные пеленки на небо, бог рассердился, впервые заставил греметь гром, сверкать молнию, и в этот момент поднял небо высоко.

Для земледельцев вода необходима для возделывания хлебных растений, для хозяйства. По мнению древних предков чувашей, облака – это огромный сосуд, вода из родников, озер, рек по радуге поднимается, чтобы наполнить его. Чуваши требовали чистить родники, открыто держать колодцы, чтобы облака беспрепятственно и легко могли брать воду из источников.

В народе сохранилось немало традиций и обрядов, отражающих почитание воды и огня. Например, на второй день свадьбы молодуха в сопровождении маленьких девочек направлялась к источнику воды. Прежде чем зачерпнуть воды, молодуха бросала хранительнице (матери) воды серебряные монеты и приговаривала: «Мать воды, если я утром или вечером приду к тебе за водой, не отказывай мне в воде!» Оставшиеся монеты или бисер, который использовался вместо монет, она раздавала девочкам. Затем молодуха три раза зачерпывала воду и выплескивала ее на три стороны света: восток, юг, запад. Четвертым ведром она обрызгивала всех присутствующих.

Традиции, обычаи сами по себе не могут быть основными средствами формирования личности ребенка, они оказывают нормативно-регулятивное воздействие, способствуют закреплению ценностных ориентиров, выступают важнейшим

средством личностного развития растущего человека [1. С. 486-487]. Приобщение детей к народным традициям является своеобразной ступенькой в постижении многогранной культуры народа. Участвуя во всевозможных праздниках и развлечениях, ребенок легко и незаметно усваивает образы и символику народной эстетики. Все это в конечном итоге способствует воспитанию уважения к этнической культуре, восстановлению связей между поколениями, пробуждает интерес к изучению культуры своего и соседних с последующим ознакомлением с культурой народов мира.

Таким образом, народные праздники и обряды были и остаются важной частью духовного наследия народа. Они обладают функцией сохранения культурных традиций и переноса их из прошлого в настоящее и будущее. Кроме того, праздники и обряды были и остаются одним из главных источников нравственного воспитания молодежи, побудителем развития экологической культуры. Праздники и обряды, в которых активно участвуют и взрослые, и дети, имеют воспитательную и развивающую направленность. Г.Н. Волков, Н.Г. Краснов, Т.Н. Петрова, А.Е. Земляков, П.В. Денисов, В.Д. Димитриев, Н.И. Егоров и других в своих трудах подчеркивают, что каждая нация, заботясь о своем духовном «воспроизводстве» из поколения в поколение, прилагает усилия для того, чтобы дети воспитывались на культурно-исторических традициях отцов, дедов, прадедов. По их мнению, народные праздники, обряды, традиции – неисчерпаемая сокровищница народной мудрости, воспитывающая молодое поколение в национальном и общечеловеческом духе. Они считают, что национальное и общечеловеческое – две стороны воспитания, в котором диалектически взаимосвязаны биологические, психологические и социальные факторы. Преемственность создает возможность подрастающим поколениям усвоить многовековой народный опыт воспитания, собрать и систематизировать всю народную мудрость по обучению и воспитанию молодежи, развивать и обогащать в новых условиях духовные ценности общества.

Литература

1. Ашихмина Л.П. Теоретические и прикладные идеи этнопедагогики народов России. М.: Роспедагентство, 1995. С. 486-487.
2. Волков Г.Н. Этнопедагогика чувашей. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1997. 341 с.
3. Денисов П.В. Религия и атеизм чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1972. С. 122.
4. Мазеев А.И. Праздник как социально-художественное явление. М.: Наука, 1978. С. 11.
5. Петрова Т.Н. Отставание национальной идеи: Историческая этнопедагогика. М.: Прометей, 2000. 225 с.
6. Салмин А.К. Народная обрядность чувашей. Чебоксары: ЧГИГН, 1994. 339 с.
7. Самарина О.Н. Народный праздник и его значение в воспитании младших школьников // Вестник Чувашского государственного педагогического университета. 2010. № 3(67). Т. 2. С. 173-178.
8. Фукс А. Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань, 1840. С. 23.
9. Хвольсон Д.А. Известия Ибн-Даста. СПб., 1869. С. 8.
10. Шмаков С.А. Нетрадиционные праздники в школе. М.: Новая школа, 1997. 336 с.

ТЕРЕХОВА ОЛЬГА ПАВЛОВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры материаловедения и экологии, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (top0707@mail.ru).

TEREKHOVA OLGA PAVLOVNA – candidate of pedagogical sciences, assistant professor of Materialogy and Ecology Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 81'37(=161.1+111)

И.А. ГЕВОРКЯН

**СОВРЕМЕННОЕ ФИЛОСОФСКО-КОГНИТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ
В ИССЛЕДОВАНИИ МЕТАФОРЫ**

Ключевые слова: метафора, философско-когнитивное исследование, субституциональный взгляд на метафору, сравнительный взгляд на метафору, интеракционистский взгляд на метафору, система общепринятых ассоциаций, буквальное значение, абсолютная ложность, концепт.

Представлены подходы современных учёных к исследованию метафоры с философско-когнитивной точки зрения. В противопоставление традиционному определению данного тропа описаны и проанализированы новейшие теории метафоры выдающихся философов, их отличительные особенности и значимость для современной науки. Каждый подход сопровождается оригинальными примерами рассматриваемого стилистического приёма из произведений современной английской литературы.

I.A. GEVORKYAN

CONTEMPORARY PHILOSOPHIC-COGNITIVE AREA IN METAPHOR RESEARCH

Key words: metaphor, philosophic-cognitive, substitution view of metaphor, comparison view of metaphor, interaction view of metaphor, the system of associated commonplaces, literal meaning, absolute falseness, concept.

The present article considers the approaches of the contemporary scientists to metaphor research from the philosophic-cognitive point of view. In contrast to the traditional definition of this trope, the latest metaphor theories by the outstanding philosophers, their distinctive features and significance for science are described and analyzed in this article. Each approach is accompanied with unique examples of the stylistic device in question taken from the works of modern English literature.

На протяжении многих веков метафора представляла огромный интерес для философов и лингвистов благодаря своему богатому смысловому содержанию и уникальному языковому потенциалу. Не удивительно, что в настоящее время существует множество взглядов и направлений в исследовании метафоры. Целью данной работы являются анализ современного философско-когнитивного направления в изучении метафоры и обзор работ некоторых наиболее ярких его представителей.

Однако, прежде всего, необходимо дать традиционное определение метафоры, изложенное в Лингвистическом энциклопедическом словаре, чтобы ясно понимать, на чем основываются подходы ученых-философов к исследованию этого понятия, а также в чём состоит их новаторство.

Метафора (от греч. *metaphora* – перенос) – троп или механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т.п., для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении. В расширительном смысле термин «Метафора» применяется к любым видам употребления слов в непрямом значении [7. С. 296].

Это довольно ёмкое определение, характеризующее природу метафоры, позволяет нам отчётливо увидеть структуру функционирования данного тропа. Тем не менее классическое определение метафоры выявляет нам лишь одну грань данного уникального языкового явления. Чтобы обнаружить его иные грани, мы рассмотрели современные теории метафоры с философско-когнитивной точки зрения.

Мы изучили, как американский логик и философ **Макс Блэк** рассматривал данную проблему. В своём классическом труде «Метафора» Блэк выделяет три

взгляда на метафору, каждый из которых включает и обобщает различные теории изучения метафоры. Первый он называет *субституциональным взглядом на метафору* (*a substitution view of metaphor*) [3. С. 158], согласно которому метафорическое выражение всегда употребляется вместо некоторого эквивалентного ему буквального выражения так же, как любое предложение, содержащее метафору, рассматривается как замещающее некоторый набор предложений с прямым значением.

Субституциональный подход подкрепляется несколькими доводами. Первый из них – это потребность языка в заполнении так называемых пробелов в словаре буквальных наименований, так как довольно часто мы сталкиваемся с отсутствием буквального эквивалента в языке или прибегаем к подходящему сокращенному названию. С этой точки зрения автор рассматривает метафору как разновидность катахрезы, где слово используется в новом для себя смысле с целью обозначения какого-либо нового явления или свойства. Второй довод – некая декоративная функция метафоры. Употребление метафоры вместо буквального выражения подстёгивает читателя на разгадку скрытого автором смысла, иными словами, бросает вызов думающему читателю. Это можно назвать развлечением или удовольствием для читателя, что немаловажно для художественного текста.

Наши исследования и анализ работ современных учёных в области метафорических концептов и теорий позволили сделать вывод, что Блэк несколько ограничил функции субституционального подхода к изучению метафоры.

Метафора (в особенности свежая и расширенная) довольно часто несёт эмоциональный подтекст и особую скрытую информацию. Автор при передаче какой-либо идеи зашифровывает её в метафоре, тем самым повышая её статус и ценность. Цель автора в данном случае и, соответственно, функция метафоры: воздействовать на эмоциональный мир читателя, вызвав у него сильный отклик на прочитанное. Ведь важно не только *что* сказать, но и *как* сказать. Любой хороший писатель стремится создать более объёмное видение предмета, какой-либо черты характера человека, эмоции, чувства и т.д. Метафора в данном случае, безусловно, служит и как украшение текста, и как удовольствие для читателя, однако она несёт ещё особую миссию: воздействовать на читателя, вызвать его интерес, даже увлечь его. И не всегда это бывает в целях развлечения. К примеру, в публицистике свежие и острые метафоры служат для более точной и глубокой передачи информации или новости.

Ещё одна функция метафоры, которую автор не упомянул при рассмотрении субституционального подхода – это эстетическое обогащение любого серьёзного художественного произведения. Как известно, писательский язык отличается от повседневного богатством стилей, насыщенностью описаний и сильными образами, создаваемыми при помощи языка. Любой писатель всегда стремится обогатить свой «язык», сделать его ярким и, фигурально выражаясь, «объёмным». Ведь в произведении важен не только сюжет, но и способ его подачи. В этом автору очень часто помогает метафора. И здесь мы в большинстве случаев говорим об авторской (свежей) метафоре, вне зависимости от того, простая она или расширенная.

В доказательство вышесказанному мы приведём следующий пример из произведения Й. Макьюэна «Суббота» (I. McEwan «Saturday»): «Becoming drunk is a journey that generally elates him in the early stages... But once the destination is met, once established up there on that unsunny plateau, a fully qualified drunk, the nastier muses, the goblins of aggression, paranoia, self-pity take control» [12. С. 140].

Обычное состояние опьянения автор описывает живой и красочной метафорой, создавая сказочные образы монстров, что, в свою очередь, позволяет читателю в полной мере ощутить всю неприглядность данного, увы, обыденного яв-

ния. Данный метод передачи образа, несомненно, действует на читателя гораздо сильнее и эффективнее, чем стандартный набор, уже известных нам эпитетов.

Далее Блэк представляет второй взгляд на метафору – *сравнительный (comparison view)* [3. С. 161], где утверждается, что в основе метафоры есть демонстрация сходства и аналогии. И в первом, и во втором подходах мы видим, что метафорическое выражение употребляется вместо некоторого буквального эквивалента. Однако, с точки зрения автора, метафора не может ограничиваться целью замещения формального сравнения или какого-либо буквального утверждения, так как метафора имеет свои особые признаки и задачи. Блэк чётко обосновал следующее положение: «В ряде случаев было бы более правильно говорить, что метафора именно создаёт, а не выражает сходство» [3. С. 162].

Следуя логике наших рассуждений, мы переходим к третьей точке зрения на метафору, выдвинутой М. Блэком, которую он назвал *интеракционистской точкой зрения на метафору (interaction view)* [3. С. 162]. Здесь мы сталкиваемся с концепцией взаимодействия объектов, а не идей. Сквозь призму одного объекта мы видим другой, в ином, новом свете. Следовательно, целесообразно здесь говорить о метафоре как о фильтре.

В соответствии с авторской теорией мы можем привести следующий пример. Обратимся к метафорическому концепту: *человек – это черепаха*. Здесь мы выделяем два субъекта: главный субъект – человек, соответственно, вспомогательный субъект – черепаха. В данном случае базовую роль играет *система общепринятых ассоциаций (The system of associated commonplaces)* [3. С. 164], с помощью которой мы понимаем значение метафоры. Черепаха ассоциируется у многих с очень медленным и нерасторопным существом, поэтому, называя человека черепахой, мы автоматически наделяем его данными качествами. Но, объективно говоря, мало кто знает, каков истинный природный характер черепахи, мы лишь знаем то, что привыкли знать с детства, получив свои представления из сказок и фильмов. В действительности черепахи, точнее сухопутные черепахи, могут передвигаться по земле довольно быстро и ловко. Этому есть многочисленные примеры. Однако данное заблуждение совсем не мешает нам понимать говорящего и создаваемую им метафору. Необходимо помнить, что система ассоциаций обязательно должна быть истинной, это может быть полуправдой или совершенной неправдой. Главную роль здесь играет, согласно Блэку, «быстрая активизируемость в сознании» [3. С. 164] наших представлений о том или ином предмете или явлении. Мы воспринимаем главный субъект через метафорическое выражение. В то же время мы ни в коем случае не должны забывать об обратной связи данной интеракции. Называя человека черепахой, мы видим его в особом свете, однако это позволяет нам также посмотреть другими глазами и на черепаху и увидеть в ней что-то от человека. Тем самым происходит настоящее взаимодействие двух объектов.

Необходимо отметить, что автор, по всей видимости, склонен придерживаться именно последнего подхода к изучению метафоры, считая его наиболее исчерпывающим и полным. Данный подход, действительно, позволяет выявлять и анализировать некоторые особенности метафоры, однако ограничиваться им в научных исследованиях не представляется целесообразным, в чём мы уже успели убедиться ранее. Тем не менее мы можем с уверенностью утверждать, что работа М. Блэка существенно повлияла на исследования многих учёных и позволила им взглянуть на данное языковое явление с новой, неожиданной для себя стороны.

Представитель прагматического направления философ **Джон Р. Серль** придерживается несколько иного подхода к изучению метафоры, который он представил в своем труде «Метафора».

Серль видит сущность метафоры во взаимодействии буквального значения предложения и значения высказывания говорящего. Чтобы правильно понять ме-

тафору, мы должны чётко различать значение предложения и смысл высказывания. Многие исследователи пытаются обнаружить метафорические элементы в самом предложении, стремятся разделить предложение на два типа: буквальное и метафорическое. Однако, по утверждению автора, слова и предложения имеют только тот смысл, которым они изначально наделены. Никакого дополнительного смысла в них искать не нужно. Метафора проявляется не в значении самих слов, но в контексте и условиях употребляемых нами слов. Это та мысль, что мы вкладываем в предложение или, точнее говоря, в наше высказывание. Не случайно автор заявляет следующее: «метафорическое значение это всегда значение высказывания говорящего» [8. С. 308]. Здесь мы также находим некое взаимодействие, но взаимодействие смыслов. Это своеобразное сплетение буквальных значений и переносных смыслов в одной фразе. Автор подчеркивает: «Соотношение между значением предложения и значением метафорического высказывания имеет регулярный, а не случайный или произвольный характер» [8. С. 308].

Рассмотрим употребления слова «poison» в произведении современной английской писательницы Дж. Харрис «Шоколад» (J. Harris, «Chocolat»). Первоначальное или буквальное значение слова *poison* (яд, отравы) широко известно. При анализе любого выражения с данным словом в нашем сознании всплывает именно это значение слова. Однако в зависимости от контекста и условий его применения в предложении слово приобретает дополнительный метафорический оттенок, иначе говоря, переносный смысл.

Своё прямое значение слово «poison» получает в следующем предложении: «I poison the rats which infest the sacristy and gnaw at the vestments there (in the church)» [10. С. 89].

Затем уже в других контекстах и условиях мы имеем возможность наблюдать примеры его метафорического употребления: «Polite contempt. The barbed and poisonous weapon of the righteous» [10. С. 53]; «I know he means me harm, but somehow his poison has been drawn» [10. С. 282].

Согласно мнению Дж. Серля, в вышеприведённых примерах метафоры со словом *poison* мы видим то же самое слово в новом свете благодаря новому контексту и условиям его употребления, однако мы неизменно опираемся на его буквальный смысл. Проще говоря, мы исходим из того, какие образы стремится создать писательница при помощи слова *poison*, используя его в различных смысловых ситуациях.

Несомненно, Дж. Серль расширил наше видение метафоры, позволил нам выйти за пределы значения слова и несколько изменить восприятие уже знакомого нам стилистического приёма, т.е. рассматривать метафору уже с точки зрения её окружения в предложении.

Далее мы обратимся к теории другого философа **Дональда Дэвидсона**. Особый интерес она представляет не только благодаря своей обширной научной доказательной базе, но и благодаря её противопоставленности многим известным подходам к изучению метафоры, так как его позиция, согласно самому Дэвидсону, «идёт в разрез с известными современными точками зрения» [5. С. 173].

В труде «Что означают метафоры» Дэвидсон выдвигает свою исключительную точку зрения на метафору, которая бросает вызов многим современным течениям в данной области. Прежде всего, исследователь открывает нам сущность метафоры в свете теории значения и теории истинности, утверждая, что «метафоры означают только то (или не более того), что означают входящие в них слова, взятые в своем буквальном значении» [5. С. 173]. На первый взгляд, учёный повторяет то, что было выдвинуто Дж. Серлем. Однако в продолжение своей мысли Дэвидсон делает резкое отклонение в сторону и следует по совершенно иному пути. По его мнению, произнося метафору, мы не сообщаем ничего кроме

изначального или буквального смысла слов/предложений в самом высказывании. Более того, контекст и условия произнесения метафоры не имеют никакого значения, так как вне зависимости от них буквальные значения и условия истинности неизменны. Следовательно, в понимании метафоры решающую роль играет именно первичный или буквальный смысл слов, а не дополнительно приписываемый им или скрытый смысл фразы. Правильное восприятие метафоры происходит благодаря неизменному взаимодействию вышеупомянутого буквального смысла слова с опытом реципиента. Это не образование дополнительных смыслов, это те ассоциации и образы, которые рождаются у нас в сознании благодаря комбинации уже известных нам значений слов.

Приведём следующий пример из произведения современного английского писателя Н. Хорнби «Hi-Fi» (Nick Hornby «High Fidelity»): «See, I've always been afraid of marriage because of, you know, ball and chain, I want my freedom, all that» [11. С. 241].

В данном случае мы рассматриваем супружескую жизнь (глазами героя) сквозь призму понятий неволи, тюрьмы, при помощи выражения *ball and chain*, а также через семантическое противопоставление ему в предложении со словом *freedom*. Благодаря созданной автором метафоре мы ясно представляем себе, как относился главный герой к семейной жизни. Исходя из вышеизложенной теории, писатель, делая буквальные утверждения, заставляет нас увидеть один объект как бы в свете другого, благодаря чему мы понимаем метафору.

Продолжая ход своих рассуждений, Дэвидсон также проводит параллель между сравнением и метафорой, где первое всегда истинно, тогда как второе почти всегда ложно. Далее мы представим пример художественного сравнения из произведения уже упомянутой выше Дж. Харрис «Шоколад»: «He is a little like a cat himself, I notice; cold, light eyes which never hold the gaze, a restless watchfulness, studied, aloof» [10. С. 21].

«Он был похож на кота», – и это вполне правдоподобно, так как в большинстве своём всё подобно всему. В то же время автор могла выразить свою мысль несколько иначе: «He is a cat himself, I notice; cold, light eyes which never hold the gaze, a restless watchfulness, studied, aloof».

В данном случае мы получили бы метафору, и хотя мысль в корне не изменилась бы, но высказывание само по себе стало бы ложным. Он похож на кота, но он не кот. Объективно говоря, высказывание не соответствует действительности. Однако здесь, мы, конечно, говорим не об «абсолютной ложности» [5. С. 185], а о том, что оно должно быть воспринято как ложное. Ведь метафора не искажает основную мысль высказывания, она лишь выражает её по-особому. Мы прекрасно понимаем всю абсурдность и противоречие метафорического выражения, что, в свою очередь, не позволяет нам воспринять его буквально, а видеть в нём именно метафору. В данном случае стоит заметить, что как только высказывание перестаёт быть ложным, оно, соответственно, перестаёт быть метафорой. Возможно, именно поэтому ложность большинства метафорических выражений очевидна, а все сравнения – тривиально истинны.

Всё, что нам нужно, по мнению учёного, это не искать чего-то невидимого, тайного, а видеть очевидное.

Безусловно, такую точку зрения несколько сложно принять, так как на первый взгляд она может показаться довольно ограниченной и в некотором смысле поверхностной, здесь отсутствует глубинный анализ значения слов и взаимодействия смыслов. Однако отказ от данного подхода означал бы существенную потерю в сфере теорий исследования метафоры, так как и здесь мы находим особое, уникальное видение метафоры, которое, без всякого сомне-

ния, открывает нам ещё одну грань этого языкового феномена и, безусловно, заслуживает нашего внимания.

Когнитивную теорию метафоры, новаторский и весьма смелый для своего времени подход в 80-е гг. XX в. представили знаменитые американские учёные **Джордж Лакофф** и **Марк Джонсон** в своём признанном и необычайно популярном среди широкого круга читателей труде «Метафоры, которыми мы живём».

Со времён античности считалось, что метафора – это продукт и прерогатива только художественной речи, но впервые в своей работе авторы основательно и твёрдо опровергают данную устоявшуюся точку зрения, говоря о том, что метафора буквально пронизывает нашу повседневную жизнь, что она присутствует в языке, мышлении и деятельности каждого человека. Концепция состоит в том, что «наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [6. С. 25]. Авторы выдвигают идею о том, что концептуальная система человека в значительной степени метафорична, так как то, как мы думаем, то, что узнаём из опыта, и то, что мы делаем каждый день, напрямую связаны с метафорой. Концепты, управляющие нашим мышлением, влияют на нашу повседневную деятельность, вплоть до самых мельчайших деталей. Эти же концепты включают в единую систему наши ощущения, поведение, отношение к другим людям. Однако авторы здесь не ограничиваются теоретическими рассуждениями и обогащают свою работу примерами различных концептуальных метафор, доказывая, что вся жизнь буквально состоит из них, и чаще всего мы этого просто не осознаём.

В соответствии с вышесказанным мы представим на суд читателей следующую концептуальную метафору: *Город – это Живой Организм*.

В различных языках мира мы можем встретить множество как стёртых, так и свежих метафор, построенных и структурированных на основе данного концепта.

В нашей работе мы обратимся к примерам мертвых (стёртых) и свежих метафор на английском и русском языках. Прежде всего, необходимо отметить, что в повседневной речи мы часто обращаемся к концепту *Город – это Живой Организм*, даже не задумываясь над этим. Можно рассмотреть следующие примеры стёртой метафоры:

- He has been swallowed by the city.
- The city has woken up.
- The city has finally fallen asleep.

Далее мы рассмотрим примеры свежей, авторской метафоры. Вышеупомянутый английский писатель *Й. Макьюэн* в своём произведении «Суббота» неоднократно обращается к концепту *Город – это Живой Организм*, так как город в его произведении является одним из главных героев; он у него как бы оживает.

1. «But a city of its nature cultivates insomniacs; it is itself a sleepless entity whose wires never stop singing...» [12. С. 17].

2. The city's appetite for Saturday work is robust. At six o'clock, the Euston Road is in full throat [12. С. 48].

3. The street is fine, and the city... is fine too, and robust. It won't easily allow itself to be destroyed. It's too good to let go [12. С. 77].

4. The foot, like some roughneck hick town, is a remote province of the brain, liberated by distance from responsibility [12. С. 93].

5. Sick buildings, in use for so long, that only demolition can cure [12. С. 122].

Авторы утверждают, что «суть метафоры – это понимание и переживание сущности одного вида в терминах сущности другого вида» [6. С. 27]. Нельзя забывать, что город и человеческий организм это совершенно разные сущности, которые принадлежат к различным классам понятий, тем не менее мы часто

понимаем и говорим про *город* в терминах, используемых для обозначения *организма человека*. И в данном случае способ описания города подразумевает использование метафоры, которую мы чаще всего не осознаём. Однако она неизменно присутствует как в нашей обыденной речи, так и при создании свежих, авторских метафор. Из этого следует, что, согласно мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, метафоричность процессов человеческого мышления очевидна.

Точка зрения Дж. Лакоффа и М. Джонсона на изучение метафоры представляется нам достаточно обоснованной и, без сомнения, логичной. Она даёт объёмное и исчерпывающее объяснение метафоры как языкового явления, её свойств и функций. Это её поэтапная систематизация, максимально приближенная к реальной жизни человека, которая позволяет нам так легко и быстро её понять и, что немаловажно, принять.

Многогранность метафоры воистину неисчерпаема. Процесс её изучения не имеет условностей и границ. Каждый подход раскрывает новую грань и уникальные особенности данного языкового явления. Следует отметить, что описанные выше теории выдающихся философов XX в. имеют под собой солидную доказательную базу, и, следовательно, полное право на существование. Каждая из них по-своему раскрывает сущность метафоры и в своём контексте объясняет её признаки и свойства. Однако данные теории не должны исключать друг друга, а, скорее, дополнять. Несомненно, та или иная точка зрения всегда будет нам ближе и понятнее. Однако ограничивать себя лишь одним методом исследования метафоры – это всё равно, что смотреть на мир через маленькое окошко и видеть лишь незначительную его часть, только малый отрезок горизонта, в этом случае очень многое может остаться за пределами нашего видения.

Литература

1. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. М.: Флинта; Наука, 2006. 384 с.
2. Барышников П.Н. Миф и метафора: Лингвофилософский подход. СПб.: Алетейя, 2010. 216 с.
3. Блэк М. Метафора // Теория метафоры: сборник / под ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. 512 с.
4. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка. М.: Высш. шк., 1971. 343 с.
5. Дэвидсон Д. Что означают метафоры // Теория метафоры: сборник / под ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. 512 с.
6. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём: пер. с англ. / под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. 2-е изд. М.: ЛКИ, 2008. 256 с.
7. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.
8. Серль Дж.Р. Метафора // Теория метафоры: сборник / под ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. 512 с.
9. Black M. Perplexities. Rational Choice, the prisoner's dilemma, metaphor, poetic ambiguity and other puzzles. Ithaca; L.: Cornell University Press, 1990. 201 с.
10. Harris J. Chocolate. L.: Black Swan, 2007. 320 с.
11. Hornby N. High Fidelity. L.: Penguin Books, 2000. 245 с.
12. McEwan I. Saturday. L.: Vintage, 2006. 279 с.

ГЕВОРКЯН ИРИНА АРЦРУНОВНА – соискатель ученой степени кандидата филологических наук, кафедра романо-германской филологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, Казань (Sonadora5@rambler.ru).

GEVORKYAN IRINA ARTSRUNOVNA – a competitor of scientific degree of philological sciences candidate, Romanic and Germanic Philology Chair, Kazan (Volga Region) Federal University, Russia, Kazan.

УДК 811.161.1'373/613:811.512.111

Т.Н. ЕРИНА

**ЧУВАШСКИЕ НАИМЕНОВАНИЯ
В РУССКОЙ ОЧЕРКОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ***

Ключевые слова: языковые контакты, чувашский язык, лексика, этнографизмы, художественный текст.

Рассмотрено употребление чувашских наименований в русской очерковой литературе, с помощью которых создается социально-исторический и национально-бытовой колорит чувашского народа.

T.N. ERINA

CHUVASH NAMES IN RUSSIAN ESSAY LITERATURE

Key words: language contacts, the Chuvash language, the Russian language, ethnographisms, art text.

The article treats the use of Chuvash names in Russian essay literature where the former help to create sociohistorical and national-household colour of the Chuvash people.

Проблема языковых контактов представляет собой совокупность ряда социальных, психологических и лингвистических вопросов. Явления языка в своей основе предопределяются социальными факторами. И.А. Бодуэн де Куртенэ отмечал: «Влияние смешения языков проявляется в двух направлениях: с одной стороны, оно вносит в данный язык из чужого свойственные ему элементы (запас слов, синтаксические обороты, формы, произношение); с другой же стороны, оно является виновником ослабления степени и силы различаемости, свойственной отдельным частям данного языка» [1. С. 23].

Самым подвижным и проницаемым уровнем языка является лексика. Вместе с тем это наиболее богатый материал для решения проблемы взаимовлияния языков. «В ней, как ни в одном другом источнике, четко и ярко отражается взаимодействие соседствующих народов, история которых насыщена непрерывным культурным обменом в самом широком смысле этого слова – ценностями, вместе с ними из одного языка в другой проникают новые слова» [5. С. 14].

Проблема исследования славяно-тюркских языковых контактов, отражающая исторический процесс взаимодействия народов, в большей степени разрабатывалась в плане изучения влияния славянских языков и прежде всего русского на тюркские [3]. Однако многовековые отношения не были односторонними. Результатом этого являются тюркские заимствования в славянских языках [6. С. 8-13].

Традиционно в развитии чувашско-русских языковых контактов приоритетная роль отводится русскому языку. Влияние русского языка на чувашский происходит прежде всего в обогащении чувашской лексики [2].

Однако русский язык, «приспосабливаясь к конкретным потребностям многонационального населения республики, перенимает известное количество слов..., приобретает некоторый "местный колорит"... Это связано... с особенностями быта, историей населения республики» [5. С. 23]. В данном процессе активная роль принадлежит художественной литературе. Если раньше нужно было прожить годы среди другого народа, понять специфику его быта и мышления, то теперь художественная литература – самый экономный во времени, самый быстрый и доступный источник информации о жизни другого народа. Благодаря языку художественных произведений читатель получает богатейшую информацию об образном мышлении народа, его морально-этических нормах, обычаях и традициях, тонкостях народной психологии. Таким материалом, на наш взгляд, являются опубликованные в книге «Русские писатели о чувашах» очерки русских авторов [4].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-14-21010 а/В).

Очерки представляют собой собрание свидетельств русских путешественников, писателей, ученых (историков, лингвистов, этнографов, литературоведов), публицистов о быте и нраве, культуре и искусстве, истории чувашей. Такая тематика произведений определяет выбор соответствующих языковых средств. Как показывает материал, раскрыть автору ту или иную интересующую его тему помогают этнографизмы. С их помощью описываются например, элементы национального костюма чувашских женщин: «Они украшают себя большими пряжками и нагрудниками, да и висящими от пояса на стороне пестро вышитыми лоскутьями с бахромою, что у них **сар** называется... чувашская женская кичка (**хушпу**)... часто унизана старинными серебряными копейками..., назади пришита к ней длинная лопасть, или затыльник (**ама**) с унизанными мелкими монетами или блестками... **Кичка**... на тесме вместе не сшита, но отверста так, что сошедшиеся концы той лопасти (**сурбан**), которую они... для прикрытия шеи, подкладывают от подбородка в верх под кичку... Когда они наряжаются, то употребляют такую же лопасть из чисто вышитого полотна, у которой края унизаны пронизками, а концы украшены внизу висящими бисерными нитками (**сурбанзени**)» (П.С. Паллас. С. 10-11)¹. А. Лукошкова описывает наряд невесты: «Сама невеста в полном смысле разряженная как блестящая куколка: красная шерстяная рубашка, обшитая цветной бахромой..., на голове блестящая **тухья** (девичий убор), прикрытая для свадебного туалета **сарпаном** (узкое полотенце, надеваемое женщинами под головной убор – **хошпа**)... наряд довершила красивая **теведь** – убор в виде перевязи через плечо, надеваемый только к венцу...» (А. Лукошкова. С. 80-81).

Интересует авторов очерков и домашняя обстановка народа: «Жилая изба становится всегда среди двора и бывает с крыльцом... Кругом стен поделаны широкие нары или **саганчи** вроде дивана; на них покоится вся семья, а под **саганчами** кладутся разный домашний скраб и припасы, которые надобно сохранять от мороза» (П.А. Аноров. С. 26). Автор упоминает, что чувашим имели во дворе специальные летние кухни (**лась**, **лачугу**). Или: «Расположение в избе, как у татар; кругом широкие лавки, называемые нарами... **Сигань**, или **сиганча** называется у печки сделанная, на манер очага, печурка, где всегда висит котел» (А.А. Фукс. С. 28). Или: «Случалось, что оглушив только волка дубиной, но не размозжив ему головы, чувашин привозил его домой и кидал на ночь на «**карду**» (загород для домашнего скота)...» (В.И. Лебедев. С. 44).

Благодаря очеркам читатель имеет возможность познакомиться и с некоторыми обрядами чувашского народа (свадьбой, похоронами). Вот, например, как описываются похороны: «Чувашане кладут своих покойников в гробы во всем одеянии... Сказывают, что еще и ныне кладут они мужчинам во гроб всякую мелочь, а наипаче лапти, кочедык, ножик, несколько лык и огниво. Общее кладбище, которое выбирают они в отдалении как от деревни, так и от всех больших дорог, называется у них **мазар**. Трижды отправляют они погребение своего сродника, и к тому ныне назначают среду на страстной неделе – **семик**, т.е. четверток перед пятидесятницею и осьмое число ноября, которое **Юбуих** они называют. В сей последний день не только приносят у могилы жертву, но и в голову у покойного ставят деревянные столбы» (П.С. Паллас. С. 13). Автор другого очерка А. Лукошкова рассказывает о свадьбе чувашского учителя, подробно описывает наряд невесты (А. Лукошкова. С. 79-82).

¹ Здесь и далее в скобках указываются фамилия и инициалы автора и соответствующие страницы его произведения из сборника «Русские писатели о чувашах». В иллюстративном материале сохраняются авторские пунктуация и орфография.

С помощью этнографизмов обозначаются понятия, восходящие к дохристианской религии чувашей. В первую очередь мы встречаемся здесь с названиями языческих богов (идолов), например: **Ирих**, или **Ерих**: «... наперед каждая семья, а особливо женский пол, который не бывает на жертвоприношении, отправляет обыкновенное моление перед своим **Ирихом**, или **Ерихом**, что они засвято почитают. Сей **Ерих** есть ничто иное, как только пук отборных лоз ракитового куста, которых берут 15 равной величины около четырех футов длиною, по середине связывают мочалом, и на сей перевязке вешают кусочек олова. Каждый дом имеет у себя такого **Ериха**; но обыкновенно ставят оной в переднем углу в чистом боковом покое... как никто не смеет к оному прикоснуться: а как уже осенью... срезывают толикое же число свежих лоз на месте онаго пуга, и старого **Ериха** с благочинанием бросают в текущую воду» (П.С. Паллас. С. 11, 12). Автор другого очерка О.И. Сенковский замечает, что **Ирих** у чувашей является также богом медицины: «у чувашей есть особенный бог медицины, который покровительствует врачам и которому молятся пациенты. Это – **Ирих**. Изображения его, вылитые из олова, имеют вид маленьких истуканов, величиною с вершок, с руками, ногами и глазами. **Ириху** приносят в жертву кисель и пресные лепешки и молятся ему, когда болят глаза, зубы, уши или когда бывают сыпь и веред» (О.И. Сенковский. С. 35). В том же очерке О.И. Сенковский, ссылаясь на «Записки» А.А. Фукс, первой русской писательницы, начавшей работать в области этнографии, замечает, что некрещенные чуваше, которые вовсе не идолопоклонники, признают два начала, доброе и злое: «доброе бога называют **Тора**; с ним легко ужиться, но этот почетный и кроткий хозяин вселенной имел несчастье «дурно жениться», а именно на **Керемети**, или иначе, зла, сварливой и бешеной богине, которая обманывает мужа, мучит его, богов и людей. **Торы** они вовсе не боятся: он такой добрый. Но с его проклятою хозяйкою не знают как управиться. Кроме двух главных есть множество второстепенных божеств» (О.И. Сенковский. С. 32) и далее: «Все болезни и все несчастья чуваше приписывают злему началу, или **Керемети**, у которой уже заведен такой порядок, что выздороветь никому не дозволяется, не дав ей в жертву жеребенка» (О.И. Сенковский. С. 33).

В очерках имеются интересные сведения о чертах характера чувашей. Мы встречаемся с разными характеристиками: **поян син** – богатый человек, что также значит человек умный, уважаемый (В.И. Лебедев. С. 40). В нескольких очерках в качестве наименования – характеристики использовано слово **коштан**, которое у разных авторов имеет разную эмоционально-экспрессивную окраску. Так, например, в записях А.А. Фукс оно обладает положительной оценкой: «**Коштаном** называется тот чувашин, который в деревне всех бойчее и знает русский язык. Они всегда посылают **коштана** хлопотать по делам деревенским и во всем с ним соглашаются» (А.А. Фукс. С. 30). В очерке В.И. Лебедева данное слово имеет ярко выраженную отрицательно-экспрессивную окраску: «Общественные дела их, – пишет Лебедев, – обделывают обыкновенно т.н. **коштань**, или как говорят в других местах – мироеды. У этих коштанов смелость часто доходит до дерзости, и они пользуются всеми средствами притворства, хитрости, лжи, обмана, клеветы, только бы выхлопотать дело...» (В.И. Лебедев. С. 40). Причину обозначения словом **коштан** таких противоположных характеристик находим у А. Лукошковой. Она отмечает следующее: «**Коштан**» – собственно чувашское слово; трудно передать его в переводе, не имея достаточных материалов. Сами чуваше не могут определить точно значения этого слова; оно выражает смысл недоброго, нехорошего эгоиста, а вместе с тем, в нем соединяется понятие о человеке передоумом, отделившемся от массы своего общества умственным развитием... В сущности, **коштан** есть сметливый человек, сумевший прибрать к рукам большинство своего околота...» (А. Лукошкова. С. 72).

Встречаются также наименования-характеристики, связанные с дохристианской религией чувашей: **иомся** (**иомза**, **иомса**) – колдун, жрец (О.И. Сенковский. С. 32-33); **вобур** – колдун, **тогатмыш** – заклинатель, намаливатель (В.А. Сбоев. С. 51, 53). Помимо этого в очерках нашли отражение названия чувашей по месту проживания: «*живущие по левую сторону Волги в степях чувашане всем на гористой стороне находящимся деревням придают название **верейял**, а сами себя **хирдиял** называют*» (П.С. Паллас. С. 13), «*Они вообще называют себя чувашами, **анатри** чувашаи – значит низовые*» (А.А. Фукс. С. 30). Среди других наименований-характеристик употребляются такие, как **тиек** – писарь, грамотный человек (А.А. Фукс. С. 29); **дос** – друг, приятель, **хопланна** – пострел, **ухмах** – дурак (В.А. Сбоев. С. 53).

Из очерков мы узнаем чувашские названия месяцев: «**Мон-Кирлач** – Генварь, **Кисинь-Кирлач** – Февраль, **Норс-ойх** – Март, **Пок-ойх** – Апрель, **Ака-ойх** – Май, **Сю-ойх** – Июнь, **Сеон-ойх** – Июль, **Сертна-ойх** – Август, **Вут-ойх** – Сентябрь, **Аон-ойх** – Октябрь, **Эба-ойх** – Ноябрь, **Чук-ойх** – Декабрь» и названия недельных дней: «**Тунды кон**, Понедельник; **Утлари-кон**, Вторник; **Шуман-кон**, Середа; **Ион-кон**, Четверг; **Кнарки-кон**, Пятница, **Ерна-кон**, Суббота; **Шумат-кон**, Воскресенье» (А.А. Фукс. С. 30).

Интересно, что некоторые названия месяцев и дней у других авторов звучат иначе и соотносятся с языческими повериями чувашей: «*Почти в сентябре месяце, который чувашане **Чугуих** называют, по окончанию жатвы, пред озимым севом, приносят обыкновенно общую большую жертву в знак благодарности*» (П.С. Паллас. С. 12).

Или: «*...зима и лето составляют их год, который начинается с нашим ноябрем месяцем и оный называют они **Чук-Унг**, т.е. жертвенный месяц... отпразднуемое ими в начале их года жертвоприношение и празднество называется **Чуклемя**, неделя же начинается у них с пятницы – **Эрнекон**, а среду называют кровавым днем – **Ионкон***» (К.С. Милькович. С. 17). Ср.: у А.А. Фукс (см. выше): среда – **Шуман-кон**, пятница – **Кнарки-кон**; сентябрь – **Вут-ойх**, ноябрь – **Эба-ойх**. По-видимому, это расхождение можно объяснить тем, что авторы очерков не всегда одинаково воспринимали, а потому не всегда одинаково записывали услышанное.

В очерках употребляются наименования некоторых чувашских кушаний: **яшка** – вареные в воде маленькие кусочки хлеба, **сявуркан** – сваренная в воде рыба (К.С. Милькович. С. 17); **нимер** – кисель; **орень** – кислое молоко (А.А. Фукс. С. 28, 30); **салма** – галушки с коровьим маслом, варенные в воде (П.С. Паллас. С. 13).

Содержание отдельных очерков свидетельствует о том, что их авторов, наряду с вышеописанным, интересовали также самобытное творчество и промыслы чувашского народа. Так, А.А. Фукс отмечает, что «*чувашаи имеют четыре музыкальных инструмента: **пузырь** – **шипра**; **гусли** – **гусли**; **гудок** – **кобись**; **дудка**, делается из кленового дерева – **шихлыч***» (А.А. Фукс. С. 29). Автор очерка «Зверинья ловля у симбирских чувашей» В.И. Лебедев в увлекательной форме рассказывает об охоте на волков, зайцев, медведя. Из этого очерка читатель узнает, как нужно делать специальный капкан для волков – **кляпцы**. **Кляпцы** – поддельная лапа с железными зубьями, которую кладут на след волчьей лапы; искусственная лапа. В.И. Лебедев пишет: «*Когда искусственная лапа сделана правильно в настоящий размер волчьего шага, то во всех поставленных **кляпцах** остается по волку – в противном же случае, стой **кляпцы** всю зиму, ни один волк не попадет в них*» (В.И. Лебедев. С. 43, 44).

Итак, большинство рассмотренных чувашских наименований, использованных в русской очерковой литературе, являются этнографизмами, и только некоторые (названия месяцев, дней недели) выступают как синонимы к соответствующим русским словам. Следует заметить, что авторы не перегружают повествова-

ние этнографизмами, употребляют их мастерски, ненавязчиво, уместно, что, в свою очередь, позволяет им не только передать увиденное и услышанное, но и создать социально-исторический и национально-бытовой колорит чувашского народа. В силу этого читатель (в первую очередь русскоязычный) получает богатейшую информацию об обычаях, традициях, быте и культуре чувашей, которые интересовали передовые умы общества еще со времен завоевания и покорения Казанского ханства. С другой стороны, такая лексика представляет определенный лингвистический интерес, так как она является результатом языкового взаимодействия соседствующих народов.

Литература и источники

1. Бодуэн де Куртэнз И.А. Избранные труды по общему языкознанию. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. Т. 1. С. 23.
2. Горшков А.Е. Роль русского языка в развитии и обогащении чувашской лексики. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1963.
3. Дешериев Ю.Д. Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе. М.: Наука, 1966. С. 124-175.
4. Русские писатели о чувашах: сб. произведений / сост. и авт. вступ. статьи Ф.Е. Уяр; авт. ком. Г.И. Федоров, авт. посл. В.Г. Родионов. 2-е изд., доп. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009.
5. Шеломенцева З.С. Взаимодействие русского и тюркских языков: учеб. пособие / Кубан. ун-т. Краснодар, 1980. С. 14.
6. Юналиева Л.А. Тюркизмы в системе заимствований русского языка // Советская тюркология. 1987. № 1. С. 8-13.

ЕРИНА ТАМАРА НИКОЛАЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (elpardo@list.ru).

ERINA TAMARA NIKOLAEVNA – candidate of philological sciences, assistant professor of Russian Language Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 81'42:821.161.1-1

Е.А. ЗАХАРОВА

СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА В ПОЭЗИИ РОБЕРТА РОЖДЕСТВЕНСКОГО

Ключевые слова: семанτικο-стилистика трансформация, семантическая деривация, коннотация, художественный образ, окказиональность.

Проанализированы приемы семанτικο-стилистика организации поэтического текста Р. Рождественского, освещены характерные пути семантической трансформации лексического значения слова, показана роль окказиональной (авторской) коннотации в создании художественного образа.

Е.А. ZAKHAROVA

THE SEMANTIC AND STYLISTIC FEATURES OF CREATION AN ARTISTIC IMAGE IN THE POETRY OF ROBERT ROZHDESTVENSKY

Key words: semantic and stylistic transformation, semantic derivation, connotation, artistic image, occasional.

The article analyzes the techniques of semantic and stylistic organization of the poetic text of R. Rozhdestvensky. It highlights specific ways of the semantic transformation of the lexical meaning of the words and shows the role of occasional (author) connotations in creating an artistic image.

Целью данного исследования является изучение языковых особенностей создания художественного образа в произведениях необыкновенно талантливого поэта второй половины XX в. Р. Рождественского. Анализ поэтических текстов был произведен с точки зрения семанτικο-стилистика возможности лексем становиться источником художественной выразительности произведения. Он выявляет характерные приемы работы поэта со словом.

Вопрос о сущности, процессах и результатах семантической деривации в научной лингвистической литературе остается дискуссионным до сих пор и, несмотря на достаточно большое количество исследований, продолжает привлекать к себе внимание ученых. Одни из них, разделяя традиционную точку зрения на существование многозначных слов, характеризуют семантическую деривацию как проявление полисемии (Л.Е. Антонинова, Е.В. Падучева и др.) или «регулярной многозначности», т.е. способности слова иметь несколько разных, но связанных друг с другом значений (Ю.Д. Апресян, М.Н. Янценецкая и др.). Иной взгляд на развитие семантических производных связан с их рассмотрением в качестве омонимов, т.е. равнозвучных производных лексем, в категориальном отношении подобных словам, образованным морфемным путем. Данная трактовка, представленная в работах ученых Казанской лингвистической школы (В.М. Марков, Э.А. Балалыкина, Г.Н. Николаев и др.), в качестве основы явления видит постепенное обогащение слова в различных условиях речи большим количеством ассоциаций, что в результате приводит «в целом ряде случаев к качественному «скачку» в виде акта рождения нового слова», в определенном отношении сближенного с исходным [3. С. 129]. Опираясь на данные положения, мы рассматриваем семантическую деривацию не только как один из основных и очень продуктивных способов русского словопроизводства, в котором изменение содержания знака происходит без изменения его формы, но и как видимое отражение сложных ментальных и ассоциативных процессов человеческого мышления, происходящих в процессе познания окружающего мира. Изучение этих процессов в сфере лингвистики в настоящее время представлено преимущественно теоретическими положениями, касающимися признания этого пути появления новых номинативных единиц, в то время как детальное исследование ее результатов на конкретном практическом материале пока достаточно далеко от полного завершения.

Семантическая деривация как средство создания художественной образности в поэзии Р. Рождественского до настоящего времени, по нашим сведениям, не являлась предметом специального лингвистического изучения, однако богатство, разнообразие и значимость этой стороны поэтической системы автора позволяют по-новому взглянуть на его творчество и раскрыть характерные пути семантической трансформации лексики русского языка конца XX в.

Прежде чем обратиться к анализу творчества поэта, уточним понимание некоторых терминов. Трансформация лексического значения в поэтическом тексте в силу его смысловой и композиционно-структурной многомерности особенно часто приводит к множественности возникающих смыслов, обусловленных добавочными коннотативными оттенками значений, возникающими в контексте. В данной работе под *коннотацией* понимается «макрокомпонент лексического (фразеологического) значения, содержащий субъективные аспекты вербализованного восприятия человеком окружающего мира»: оценочный, эмотивный, экспрессивный, образный и стилистически маркированный, которые (за исключением последнего) могут быть узуальными и окказиональными [2. С. 41]. Наше внимание преимущественно сосредоточено на индивидуально-авторском, окказиональном употреблении лексем и путях семантической трансформации значений.

Л. Аннинский, характеризуя художественный мир Р. Рождественского, отмечал особую телесность, осязаемость, измеримость и ограниченность сверкающего, звенящего, светлого и кристально-ясного мира поэта [1. С. 9]. Он же отметил и характерную для его творчества некую пространственную измеренность и концептуальную познаваемость всего сущего.

С нашей точки зрения, этот эффект предельности и яркости граней во многом происходит из идеи контраста и сопоставления, мировоззренчески пронизывающих художественное и языковое сознание поэта. Наиболее характерны

ми приемами, организующими семантическое пространство художественного целого, как правило, становятся следующие:

1. Постепенное наращение, обрастание лексемы контекстуальными ассоциациями в пределах одного стихотворения, что приводит к возникновению новообразования окказионального характера. Как правило, это происходит в ходе языковой игры с узуально закрепленными значениями данного слова, толкуемыми словарями как переносные. Данный прием очень характерен для творчества поэта вплоть до конца 70-х гг. и представлен в сфере новообразований субстантивного, адъективного и глагольного характера.

2. Прием контраста, реализующийся через антитезное противопоставление буквального и переносного значений лексем, узуально закрепленных в словарях и окказионально созданных в поэтическом произведении.

3. Прием «мерцания» значений (попеременная реализация прямого и переносного значений лексемы с их слиянием в конечном новообразовании), обуславливающий возникновение многогранности смыслов ключевых лексем стихотворения.

4. Прием сопоставления, особенно широко представленный в сравнениях разных типов (преобладают полные и развернутые сравнения), усиливающих не только изобразительно-выразительную сторону произведения, но и являющихся ярким средством выражения авторской оценки предмета описания.

5. Изменение сочетаемости лексемы, как правило, происходящее в процессе метафорического или метонимического переноса значений с объекта на объект в силу сходства или смежности общего признака. Для поэтического мира Р. Рождественского характерны метафоры антропоморфные, персонифицирующие, зооморфные и овеществляющие.

6. Прием иронии, насквозь пронизывающий все пространство художественного мира поэта. Его реализация в текстах чрезвычайно многогранна и охватывает не только область семантических новообразований окказионального характера, включая случаи возникновения эмоционально-оценочной энантиосемии, но и семантико-стилистические трансформации лексем, возникающие в процессе языковой игры.

7. Прием аналогии, особенно распространенный в случаях образования нового семантического деривата по заданному образцу. Особенно часто это проявляется в случаях перифрастического обновления семантического объема лексемы.

В стихотворных текстах эти приемы организуют разнообразные языковые и окказиональные значения лексем, наиболее важные из которых приобретают статус концептов. (Под *концептом* мы понимаем «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [5. С. 40]. Значение ценностной картины мира поэта Р. Рождественского представляется нам важным уже потому, что долгие годы он был голосом целого поколения советских людей и отразил определенную эпоху в развитии нашей культуры).

Ключевыми терминами, важными для миропонимания поэта, являются **время**, **память**, **жизнь**. Семантические новообразования, провоцируемые ассоциациями, стереотипами и другими культурными знаками этих лексем в поэзии Р. Рождественского и представляют объект исследования в данной работе.

Поэтическое воплощение этих образов в аспекте всего творчества поэта можно сравнить с системой концентрически расходящихся кругов, перекрывающих семантику друг друга и включающих в сферу своего влияния трансформирования слова с окказионально возникающими значениями.

В творчестве Р. Рождественского концепт **время** является одним из ключевых для понимания сущности мировосприятия поэта, и нам представляется это не случайным. Критики часто отмечали социальную, злободневную струю в творчестве Рождественского, порой почти обвиняя его в сиюминутности сти-

хотворных поводов, открытой оценочности и даже морализаторстве в разговоре с читателем [1. С. 6], однако подлинную глубину, лиризм и почти по-детски искреннюю и вместе с тем драматическую сущность его поэзии мы намного яснее видим сегодня, на расстоянии от поэта и его времени.

В мировоззренческом осознании времени поэтом можно выделить несколько ключевых моментов. Во-первых, это время, *настоящее* для поэта и его современников. Во-вторых, это *прошлое*, ключевыми точками в котором являются события его личной жизни (детство, любовь) и, безусловно, Великая Отечественная война, сквозь призму памяти и переживания которой осознается настоящее. *Будущее* для поэта – это особый мир, который реализуется в светлом грядущем в юности, но внезапно приобретает конечность в последнем сборнике стихов. Особое место в этом ряду занимает время *абсолютное*, о котором поэт размышляет очень часто и трактует его неоднозначно.

В словарях лексема *время* имеет порядка 6 значений, которые толкуются как лексико-семантические варианты одного слова [6. С. 227]. Нам представляется более уместным рассматривать их как семантические дериваты.

Лексема *время* в поэзии Рождественского подвергается разнообразным семантическим изменениям на протяжении всего периода творчества. Так, если в ранних стихотворениях она чаще реализуется как один из семантических дериватов общезыкового характера, например, как 1) часть суток в стихотворении «Утро» («Начинается день! Я люблю это время. Я жизнь люблю!»); 2) благоприятная пора, подходящий момент, удобный случай в стихотворении «В сорок четвертом» («Что я в атаке не струшу, что *время* мое пришло»); 3) период в жизни какого-либо народа («Мы живем в предвоенное время. Предразлучное. Предпоходное...») в одноименном стихотворении, то постепенно все чаще появляются новообразования, отражающие особенности поэтической работы автора с художественными образами.

Уже в сравнительно ранних произведениях образ *времени* у Рождественского начинает наполняться философским, бытийным содержанием и функционировать как некая сущность. Однако в отличие от языковой реализации данного значения, у Рождественского *время* почти всегда приобретает разнообразные коннотативные оттенки смысла, демонстрируя максимум языковых потенциалов, и его роли в жизни человека множатся:

1. Поток, находящийся как бы вне бытия человека, равнодушный к нему. Именно такое восприятие времени мы можем видеть в поэме «Реквием», когда автор создает яркие образы погибших солдат («И пора приходит снегу. И оранжевое солнце разливается по небу. *Время* движется над ними...»).

2. Непрерывное состояние, в котором пребывают все физические и природные явления. Это находит свое яркое воплощение в стихотворениях, подобных «Солнцу». Сложный метафорический образ светила, возникающий в произведении, ярко демонстрирует не только сильные стороны изобразительного таланта Рождественского, но и несет на себе отпечаток авторской убежденности в том, с чем соотносится жизнь человека («Солнце продолжает древнюю тихую игру – тянет сквозь окно из *времени* тонкую иглу»).

3. Достаточно часто образ *времени* персонифицируется и становится объектом выражения характерных человеческих качеств и эмоций. В стихотворении «Вслушайтесь! Вглядитесь!» в качестве объекта семантической деривации выступает выражение *убить время*, которое проходит сразу несколько ступеней авторской семантизации значения. Последовательная реализация прямого, буквально-го значения лексемы *убить* – лишить жизни («*Убивают время!* После – моют руки. Чтоб не оставалось крови на них...») и переносного разговорного – потратить зря, заполнить случайным занятием («Погоду ругают», «На площадках лестничных толкуются вдвоем»), постепенно создает необходимый контекст для трансфор-

мации второго компонента выражения – лексемы **время**, которая также сначала сужается в своем значении до *вечера* как некоторой части суток («Зазывают в гости... *вечерок*... *убьем*»), а потом расширяется до индивидуально-авторского обозначения всей протяженности человеческой *жизни* («Убивают собственное *время*», «И никто – ни разу! – не вручает похоронных»). Таким образом, трансформация данного выражения охватывает не только сферу стилистического применения (происходит нейтрализация разговорной окраски), но и создает яркий и многогранный образ времени, имеющий в творчестве поэта концептуальное значение.

4. Возможности лексемы **время** образовывать семантические дериваты на основе метонимического переноса разработаны поэтом особенно широко. В стихотворении «Ремонт часов» языковые потенции лексемы особенно актуализируются в ходе языковой игры, когда столкновение нескольких языковых значений порождает цепную реакцию семантических изменений: определенный, известный момент в последовательной смене часов → предмет, его показывающий (часы) («Гражданин часовщик, почините мне *время*. Что-то часики мои барахлят») → жизнь, жизненный путь человека («...вы уже довольно взрослый. И пора уже за собственное *время* отвечать...»), «А часы на руках будут тикать», «И отсчитывать *время*, предназначенное мне»).

5. Развитие семантического потенциала лексемы способно в контексте всего творчества поэта создать удивительный эффект. В стихотворении «Снег» лексема **время** подвергается двойному переносу, и новообразование со значением 'часы' продуцирует новое значение – устройство, подобное машине времени, способное перенести в прошлое и лишить человека памяти («*Время* встало. А потом пошло назад! Все часы на свете канули во тьму. И забыл я, что сказать. Зачем сказать»). В этом значении лексема **время** перекрывает семантику слова **память**, доказывая: понять время можно только через память о том, что в нем происходило («Позабыл я все слова, все имена. Позабыл я даже то, как ты нужна, – ты об этом мне напомнила сама»).

6. Необычная трансформация значения происходит с лексемой **время** в стихотворении «Та зима была, будто война, – лютой». Двуплановость окказиональной оппозиции *зима* – *война*, которая возникает в нем, порождает новообразование с иным типом значения, в котором из понятия *времени года* возникает образ *внутреннего времени* человека, заключенного в его **памяти** («...потому что остались на всем свете лишь *зима* и *война* – из *времен года*!», «Та *зима* была, будто *война*, – долгой. Вспоминаю и даже сейчас *мерзну*»).

7. Совершенно необычный взгляд на время появляется у поэта, когда речь идет о любимой женщине. В стихотворении «Полночь» понятие времени как некой протяженности событий, происходящих в пространстве, сжимается до единой точки существования здесь и сейчас, когда все вокруг, даже само существование мира, зависит от двух людей («Кто – до нас? Никого! После нас? Никого! Мир возник на секунду, чтоб мы в нем жили!»). Подобное сужение семантического объема лексемы очень характеризует философский взгляд поэта на сущность жизни как таковой. Любовь, по его мнению, составляет квинтэссенцию лучших человеческих проявлений.

8. Языковая игра как прием способна стать основой смысловых перевертышей, превращающих привычное сравнение (время мчится, как поезд) в философскую догадку – время неподвижно («Под снегом великим, над *временем* тысячеверстными безмолвные крики висят, зацепившись за звезды»), движется лишь сознание человека, его память («А поезд проносится мимо, проносится мимо, проносится мимо... А *память* проносится мимо, проносится мимо, проносится мимо...»).

9. Развитие этой идеи мы видим в размышлениях поэта над жизнью. Жизненный путь человека совершенно особым образом предстает перед нами в очень

глубоком, искреннем и лиричном стихотворении «Неправда, что время уходит». В нем философская идея о взаимосвязи времени и пространства нашла свою поэтическую реализацию, и лексемы **время** и **жизнь** столь тесно переплетаются в своих значениях, что обе приобретают значение физической, географической протяженности («Неправда, что **время** уходит. Это уходим мы. По неподвижному **времени**. По его протяжным долинам. Мимо забытых санок посреди сибирской зимы»). Этот импульс вызывает цепь семантических изменений, и лексема **время** приобретает сначала значение дороги с верстовыми столбами жизненных событий: детство, голод, война, одежда из синтетики, похороны... («Дорога – в виде спирали. Дорога – в виде кольца»), а затем трансформируется в новообразование с семантикой, близкой к значению жизненного цикла от рождения до смерти. Столь плавный переход в смысловой сегмент лексемы **жизнь** еще раз демонстрирует нам особую роль ключевых для понимания мировоззренческих взглядов поэта понятий **время, память, жизнь**. Однако пессимизм столь нетипичен для Рождественского, и его вера в человека и его возможности столь глубинна, что даже конец жизненного пути он рассматривает как собственное решение человека («Неправда, что мы стареем! Просто – мы устаем. И тихо отходим в сторону, когда кончаются силы»).

10. Совершенно особое значение приобретает лексема **время** в контексте стихотворения «Подступала поэма», в котором автор говорит об особенностях творческого процесса создания художественных произведений. Уникальность употребления семантического деривата, подготовленная всей сюжетной линией стихотворения, позволяет поэту создать окказиональное образование с множественным значением – это и вдохновение, и диктатор, и голос поэта («Подступала поэма. Она изводила меня... Кто идет?... – Время»).

В своем последнем сборнике «Последние стихи» поэт много говорит о времени, но оно уже стало конечным и осознается как миг, за которым – пустота. Жизнь есть только «здесь и сейчас», дальше – небытие.

У поэта вновь возникают образы времени, но это уже очень противоречивое раскрытие смысла. С одной стороны, поэт близок к пониманию **времени** как нелегкого жизненного пути, в котором у каждого человека – своя ноша («Я шагал по земле, было зябко в душе и окрест. Я тащил на усталой спине свой единственный крест»), с другой стороны, **время** теряет свою властную силу, персонифицируется и полностью наделяется человеческими качествами («...я видел **время** запутанное, **время** запуганное, **время** беспутное, которое то мчалось, то шло»). Время и люди оказались в одинаковых условиях и не способны что-либо изменить («Все мы – гарнир к основному блюду, которое жарится где-то Там»), «Наше **время** пока что не знает пути своего. Это **время** безумно, тревожно и слишком подробно...».

Таким образом, художественный образ времени присутствует в творчестве Р. Рождественского на всем протяжении его творчества. Он испытывает определенные изменения, связанные как с трансформацией представлений о нем у самого поэта, так и с поэтической языковой реализацией самой лексемы **время**. Характерна тесная взаимосвязь данного концепта с важными в мировоззренческой системе поэта представлениями о жизни и памяти: они тесно переплетаются и вбирают в себя семантический потенциал друг друга. Языковые потенции данных лексем в контексте всего творчества поэта необыкновенно богаты, преобладают семантические новообразования окказионального характера.

Литература

1. Аннинский Л. Не докричавшийся до ХХХ века. Приход и уход Роберта // Роберт Рождественский. Стихотворения. М.: Эксмо, 2008. С. 5-30.
2. Вострякова Н.А. Понятие коннотации в современной лингвистике // Разноуровневые характеристики лексических единиц. Смоленск: СГПУ, 2001. С. 35-42.

3. Марков В.М. О семантическом способе словообразования // Марков В.М. Избранные работы по русскому языку. Казань: ДАС, 2001. С. 117-135.
4. Рождественский Р. Стихотворения. М.: Эксмо, 2008. 480 с.
5. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.
6. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т русского языка; под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1985-1987.

ЗАХАРОВА ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА – старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (E-lena26@yandex.ru).
ZAKHAROVA ELENA ALEKSEEVNA – senior teacher of the Chair for Russian as a Foreign Language, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 811.161.1`371

И.В. ИЗОСИМОВА

К ПРОБЛЕМАМ ЭМОТИВНОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА

Ключевые слова: *эмотивность, эмотивное значение, логико-предметное значение, эмотивная семантика слова.*

Рассмотрена проблема определения эмотивного значения слова и его реализации в речи. Приведены доказательства наличия эмотивного значения у слова.

I.V. IZOSIMOVA

THE PROBLEM OF EMOTIVE MEANING OF THE WORD

Key words: *emotiveness, emotive meaning, logical-objective meaning, emotive semantic of the language.*

In the given article we touches upon the problem of emotive meaning of the word and its realization in speech. There given the evidence of its existence.

В настоящее время перед коммуникативной лингвистикой стоит ряд проблем, одной из которых является проблема определения эмотивного значения слова. С давних времён лингвисты спорили о том, какую роль играет в языке эмоциональный компонент (напр., М. Бреаль, К. Бюлер, Э. Сепир, ван Гиннекен, Г. Гийом, Ш. Балли и др.). Одни из них приоритетной считали когнитивную функцию языка и не признавали важность эмоционального компонента (К. Бюлер, Э. Сепир, Г. Гийом), другие (Ш. Балли, ван Гиннекен, М. Бреаль) рассматривали выражение эмоций как центральную функцию языка.

Дискуссии по поводу эмотивного значения слова до сих пор продолжаются, однако большинство лингвистов признают его наличие. Объектом многочисленных исследований является соотношение эмотивного значения слова с мышлением, соотношение эмотивного значения с денотативным аспектом слова, его коннотативность, разграничение эмотивного и экспрессивного значений слова, способы выражения эмотивного значения и так далее. В ходе споров российских и зарубежных лингвистов было признано, что эмотивное значение входит в семантическую структуру языковой единицы.

Для выражения эмоций человека мы используем языковые средства, которые представлены на всех уровнях языка. Существует много способов выражения эмотивности в языке. Однако принципы классификации эмотивов ещё не разработаны. Разграничение эмотивного значения осуществляется главным образом на основе функционального признака, способности слова выражать какую-либо эмоцию. Американские лингвисты К. Стивенсон и Б. Бриттон такую способность как раз и называют эмотивным значением. Однако парадокс заключается в том, что эмоциональный эффект может достигаться не только благодаря эмотивному значению, но и, к примеру, благодаря кинестетическим и просодическим средствам языка. Отсюда возникает трудность определения эмотивности слова. По

мнению К. Стивенсона, эмоциональное значение зависит от концептуального содержания, импликации слова, взаимоотношений говорящего и воспринимающего. Это говорит о том, что эмотивное значение не всегда можно выразить словами. Более того, одно и то же слово может выражать не только различные оттенки эмоций, но и прямо противоположные. Например, слово «красавица» может употребляться по отношению к красивой девушке как выражение восхищения и умиления, и в то же время – по отношению к девушке, не обладающей хорошими внешними данными, как выражение презрения и насмешки.

В доказательство наличия эмотивного значения у слова приводятся ряд доводов. Во-первых, слова с одинаковым логико-предметным значением могут различаться по наличию или отсутствию эмотивного компонента: *obstinate* – *ass*, *blockhead* – *stronghead*, *bad* – *terrific*. Синонимичные по логико-предметному значению слова могут выражать даже противоположные эмоции: *girl* – *bunny* – *bint*; *woman* – *duck* – *skirt*. Эти слова имеют первичное понятийное содержание, но различаются по характеру эмоций и по значению.

Во-вторых, эмотивное значение может развиваться отдельно от логико-предметного. Например, слово *imp* в значении «ребенок» в давние времена употреблялось как ласкательное, а сейчас оно содержит негативную окраску и переводится как «чёртёнок» – непослушный ребёнок. Аналогичный смысл имеет слово «ребёнок» в русском языке по отношению к взрослому человеку, выражая пренебрежительно-насмешливое отношение к нему.

В-третьих, «эмотивные значения слов осознаны, дискретны, идентифицируются и дифференцируются говорящими адекватно, имеют одни и те же референции, т.е. одинаково соотносятся говорящими с типизированными ситуациями и эмоциями, идентифицируются с языковыми единицами их выражения – носителями этих значений, и поэтому они коммуникативны» [1. С. 63].

В-четвёртых, «эмотивное значение может быть вычленено при измерении смысловой информации из контекстуального слова» [1. С. 64]. Рассмотрим пример: «No, – said the girl, – but it's dreadful to be hungry» (T. Dreiser). Слово «dreadful» в данном предложении явно несёт в себе оценочный компонент, поскольку девочка даёт некую оценку состоянию голода. При этом он передаёт и непосредственное состояние говорящего в момент высказывания – чувство ужаса и страха от возможности оказаться в подобной ситуации. Таким образом, слово «dreadful» содержит сему эмотивности: «feeling», «horror», «fear». Эта сема передаёт, в свою очередь, эмотивное значение – чувство страха и ужаса девочки с элементом оценки.

В-пятых, эмотивное значение реализуется быстрее, чем логико-предметное. При этом важную роль играет эмоциональное мышление. До осознания логико-предметного содержания слова, как показали эксперименты, человек осознаёт его эмоциональный смысл. Этот факт подтверждает существование так называемого эмоционального мышления.

Р. Браун приводит несколько примеров существования эмотивного значения как отдельной категории: больные афазией не могут вспомнить слово, обозначающее тот или иной предмет, однако могут выражать своё отношение к этому предмету, выражая свои эмоции. Например, больной афазией не может назвать слова, обозначающие кусок торта, протухший сыр, поскольку страдает проблемами памяти, но, показывая на торт, говорит: «Good!», а на сыр: «It stinks!» [2. С. 159].

Таким образом, можно утверждать, что существует эмотивное значение как один из компонентов семантики. Эмотивное значение слова наряду с эмотивной коннотацией составляет эмотивную семантику слова и осуществляет эмотивную функцию.

Литература

1. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М.: Либроком, 2009. 208 с.
2. Brown R.W. Language, Thought and Culture / Ed. by P. Henle; The Univ. of Michigan Press. Michigan, 1958. 350 p.

ИЗОСИМОВА ИННА ВАЛЕРЬЕВНА – соискатель учёной степени кандидата филологических наук, кафедра сопоставительной филологии и межкультурной коммуникации, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (inna_izosimova@mail.ru).

IZOSIMOVA INNA VALERYEVNA – a competitor of scientific degree of Philological Sciences candidate, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 811.512.111'373.21+811.511.151'373.21

Ю.Н. ИСАЕВ

**ЭТИМОЛОГИЯ И МИФОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА
УРТАШ «МОЖЖЕВЕЛЬНИК»
В ЧУВАШСКОМ И В НЕКОТОРЫХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ**

Ключевые слова: фонетические варианты слова, корневая морфема, этимология, значение.

Рассмотрены фонетическая структура, этимология и значение слова урташ «можжевельник» в чувашском и других тюркских языках.

Yu.N. ISAEV

**ETIMOLOGY AND THE MYTHOLOGICAL MEANING OF THE WORD JUNIPER
IN THE CHUVASH AND SOME TURKIC LANGUAGES**

Key words: phonetic structure, root morpheme, etymology, meaning.

This article deals with the phonetic structure, etymology and meaning of the word juniper «урташ» «можжевельник» in the chuvash and some other turkic languages.

Следует обратить внимание, в первую очередь, на обилие (более 20) фонетических вариантов слова **урташ** в чувашском языке: **урт**, **орт** (основное значение неизвестно), отсюда **орт-йывăс**, **урт-йывăсци** [1. Вып. 3. С. 289]; **урташ**, **урташ-йывăс**, **урташ-йывăсĕ**, **урташ-йывăсци**, **урттăш-йывăсци**; **орчăш-орчăс**, **урча**, **орча**, **орчча йывăсци**, **орччуш**, **орччă-йывăс** [1. Вып. 3. С. 290-291]; **уртмăш** – название дерева можжевельник, **оччă-йăвăсци** – можжевельник [1. Вып. 4. С. 401-402]; ср. ещё **ораш** «можжевельник» [7. Т. 2. С. 288].

Кроме того, данное слово зафиксировано в композитах в значении **урт-таш**, **урташ кайăкĕ** «павлин», **урттăш-кайăкĕ** «глухарь» (птица), **урташ-кайăк-йывăсци** – назв. дерева; ср. рус. *можжевельник* – большой, серый, пестрогрудый дрозд [2. Т. 2. С. 338].

В чувашском языке никакое другое название дерева (или кустарника) не имеет столь многочисленных фонетических вариантов. В русском языке, по данным словаря В.И. Даля, слово *можжевельник* фигурирует в нескольких вариантах: **можжель**, **можжельникъ**, **можжель**, **можжель**, **можеела**, **мужеела**, **можеелка**, **мужеелка**, **можжельник**, **можжуха**, **мужжуха**, **можжучник**, **можжужник**, **мужжужник** и т.д. В качестве синонимов приведены слова *арса*, *артышъ*, *арца*, *арха*, *ардышъ* (видимо, тюркизмы) [2. Т. 2. С. 338]. *Арса* с фонетическими вариантами: **арча**, **аршанъ**, **арца**, **ахра**, **артышъ** [2. Т. 1. С. 24].

Особый интерес вызывает смыслопереход *можжевельник* – человек в диалектах: *можжуха* – о худой измождённой женщине; *можжуха* – о капризной девочке; *можжера*, *можжора* – скупец, скряга.

На первый взгляд кажется, что тюркские **ардыч** (по чув. **урташ**) и **арча** (по чув. **урча/орча**) относятся к числу хорошо изученных слов и имеют бога-

тую этимологическую литературу [6. С. 173-174; 182-183]. Чувашские этимологи ограничились привлечением лексических параллелей из других языков: кирг. **арча**, узб. **караарча**, казах. **арша**, уйг. **арча**, **ардаш**, азерб. **ардыч**, тат., башк. **артыш**; ср. перс. *ārdāš* «можжевельник» [4. С. 276].

М.Р. Федотов расширил данные В.Г. Егорова с привлечением монг. **арц**, **арса** и тунг.-маньчж., эвенк. **арча**, нег. **атчимка** (**арчимка**) можжевельник, багульник, нан. **арча** – назв. хвойного кустарника; вид тальника; маньч. **арча бурга**, **арчилан бурга**, **аршан бурга** «ивняк» (использовался для поделок) [7. С. 288].

Как видно из данных этимологических словарей, область распространения растения весьма широка. Можжевельник – ряд вечнозелёных, хвойных деревьев и кустарников семейства кипарисовых. Существуют около 60 видов, главным образом в умеренном поясе; в России зафиксировано около 20 видов. Имеют почвозащитное и водоохранное значение; декоративные растения. Из побегов некоторых видов получают эфирное масло; настой из ягод можжевельника обычно применяют как мочегонное средство. 4 вида можжевельника зафиксированы в Красной книге.

Столь широкое распространение этого вида растения в алтайских языках под названием **ардыш**, **ардыч**, **урча**, **ачра** должно было настораживать этимологов от столь прямолинейного возведения **ардыч** и **арча** к протюркскому отглагольному имени **арым** – «чистить»; **ары** – «*быть чистым*». Естественно, можжевельник (**уртăш**) широко использовался чувашами в обрядах очищения. Но следует обратить внимание на то, что можжевельник (*Juniperus*) широко использовался в обрядах очищения у разных народов Евразии. У русских и финно-угров и разных тюркских народов окуривание можжевельником получило значение христианского религиозного обряда, соответствующего каждению ладаном. Если исходить из этого, то во всех языках Евразийских народов можжевельник должен был быть производным от глагола со значением «быть чистым» или от прилагательного «чистый». Но этого нет, значит, поиски этимологизации этого слова нужно вести по другому руслу. Следует обратить внимание на разнозначность слова **ардыч** – **арча** в разных языках; ср.: **ардыч** – **ардуч** «разновидность кипариса», азерб. диал. **ардыш** «ель, ёлка»; тур. диал. **ardi** «горное растение», «туя, кипарис»; зафиксированы также значения: «сосна, пихта, вереск, ива, тальник», «багульник» и т.д. Этот перечень названий настораживает и призывает искать другие пути этимологизации слова **уртăш/орăш/урча/орча/орчча**. На наш взгляд, в корне этого слова сохранился корень (**ор/ур**) со значением «дерево», как и в слове **орман** (*урман/вăрман*), на что указывал Э.В. Севортян (1974-1973). По нашим исследованиям чув. **урча** – **орча** и тюрк. **арча** «можжевельник» относят к «**р**» группе слов со значением «дерево» [5. С. 61]. Это значит, что первоначально оформились слова **арча/урча/орча**, а затем под воздействием народной этимологии появилось слово **ардыч/артыч**, чув. **уртăш**, где **д** (*m*) представлен как деривационный элемент под влиянием слова **ард** «разновидность кипариса» [6. С. 182] или под влиянием глагола **артыш** «очистить, чистить».

Теперь сравним башкирское **артыш** и чув. **уртăш** «можжевельник» с точки зрения мифологии: это – мифологизированное растение, способное охранять от болезней, отпугивать злых сил, обеспечивать плодovitость. Если в доме есть новорожденный, роженица, существовал обычай окуривания дома можжевельником [8. С. 33-34].

Артыш агас (*уртăш йывăçси*). 1) От послеродовой болезни окуривали можжевельником; 2) Дом, в который приходит невеста, сначала окуривают дымом можжевельника.

Артыш бишек (*уртăш сăпка*) – колыбель из можжевельника; мифологизированный предмет. Её делают для новорожденных с целью обеспечения

плодовитости. Колыбель из можжевельника оберегает новорожденных от злых духов, сил и болезней. Ср. чув. *уртăш-йывăçси пёкечи, хурама хуппи шăнăрши* [1. Вып. 3. С. 290]. «Дужка люльки из можжевельника, а сама зыбка из лубка вяза».

Артыш име (*уртăш им-юмё*) – заговаривание можжевельником. Магический способ изгнания духов болезней с помощью окуривания дымом можжевельника. От холеры применяют можжевельник. Обливание больного отваром из веток можжевельника называют лечением можжевельником.

Артыш отоу (*уртăшла ёнт* или *вёт*) – окуривание помещения дымом можжевельника для изгнания нечистой силы, болезней в родинном и похоронном обрядах; ср. рус.: *можжевельником посыпают путь при похоронах*.

Артыш таясы (*уртăш туя*) – посох из можжевельника. Чтобы в дом не вошла нечистая сила, чтобы детей не коснулись духи болезней, в дверь вставляли палку из можжевельника. В чувашском языке *уртăш туя* не проявляет чётко свои сверхъестественные возможности, но в фольклоре сохранился образ можжевельновой палки в качестве опоры и оберега.

Хура вăрман витёр тухнă чух, уртăш туям юлчё авăнса [1. Вып. 3. С. 290]. «Когда проходил через дремучий лес, посох из можжевельника остался согнутым». *Хура вăрман витёр тухнă чух, уртăш йывăçси çине уртăнтăм* [1. Вып. 3. С. 290]. «Проходя через дремучий лес, я опирался на посох можжевельниковый». В этих предложениях зафиксирована волшебная сила посоха можжевельникового.

Артыш тотэтеу (*уртăшла тётёрни*) – окуривание можжевельником. От нечистой силы, от духов болезней окуривают дымом можжевельника.

Артыш талсымы (*уртăш хăвачё*) – волшебная сила можжевельника. Во время родов, при переезде невесты в дом жениха обращаются к волшебной силе можжевельника. *Уртăш – усал-тёселтен кирлё япала* [1. Вып. 3. С. 290]. «Можжевельник – оберег от нечистой силы».

Артыш ыси (*уртăш ис-пăсё*) – дым можжевельника; в магической медицине средство от сглаза. *Күззэн артыш ысы килешэ. Куç ўкнинчен уртăш тётёмё пулăшать*. «От сглаза помогает дым можжевельника».

По свидетельству Д. Месароша, чуваша ритуальное окуривание проводили поддубовиком или же травой пикульником, но против сглаза применяли можжевельник [3. С. 22].

Таким образом, *уртăш йывăçси* «можжевельник» в народе пользовался «большим авторитетом» не только как материал, но и как целительная и волшебная сила.

Литература и источники

1. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Чăваш сăмахёсен кёнеки. Вып. 1-17. Казань; Чебоксары: Чувашгосиздат, 1928-1950.
2. Даль В.И. Толковый словарь великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1978-1979. Т. 1. А–З. 699 с.; Т. 2. И–О. 799 с.
3. Дмитриева Ю. Чувашские народные названия дикорастущих растений. Debrecen, 2001. 210 с.
4. Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. 355 с.
5. Исаев Ю.Н. Словообразовательный и семантический анализ флористической терминологии языков различных систем. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2010. 255 с.
6. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М.: Наука, 1974. 767 с.
7. Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитарных наук, 1996. Т. 1. А–Р. 470 с; Т. 2. С–Я. 509 с.
8. Хисамитдинова Ф.Г. Мифологический словарь башкирского языка. М.: Наука, 2010. 455 с.

ИСАЕВ ЮРИЙ НИКОЛАЕВИЧ – кандидат филологических наук, директор, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Россия, Чебоксары (human2000@yandex.ru).

ISAEV YURY NIKOLAEVICH – candidate of philological sciences, director, Chuvash State Institute of Humanities, Russia, Cheboksary.

УДК 811.512.111'373.21+811.511.151'373.21

Ю.Н. ИСАЕВ

МОРФЕМНАЯ СТРУКТУРА СЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ «ЛЕС» В УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

Ключевые слова: морфема, структура слова, лес, множественность, собирательность.

Представлены результаты структурного анализа корневых и аффиксальных морфем лексических единиц уральских языков со значением «лес», почерпнутых из наличных этимологических словарей.

Yu.N. ISAEV

MORPHEMIC STRUCTURE OF WORDS MEANING «FOREST» IN THE URALIC LANGUAGES

Key words: morpheme, structure of word, wood, plurality, collective.

In article results of the structural analysis of root and affixal morphemes of lexical units of the Ural languages with value «the wood», obtained from cash etymological dictionaries are presented.

Сравнительное изучение лексического материала, а также сравнительно-историческое исследование морфологии – корневых и аффиксальных морфем, является основной задачей при решении проблем родства и истории языков различных групп. Научная процедура определения морфемного состава слова представляет собой последовательное выделение, членение морфем «с конца», заканчивающееся вычленением корня, т.е. непроемной основы. В современных языках многие корни приобрели связанный вид, т.е. являются радиками или унирадиками. Степень членности слов со связанными корнями с диахронной и синхронной точек зрения различна, она зависит от характера их лексического значения и наличия параллелей в родственных языках. При обнаружении созвучных связанных корней в родственных языках требуется выявить сходные семы.

Для морфемного анализа нами выделены следующие лексемы:

удм. *арама* 'роща' (лиственная) < рус. диал. *рам(а)*;

вор ~ манс. *vor*, конд. *vuor*, (*war*, *wor* 'лес'); *yory* > *vör* 'лес'; *vir* > *vir* 'лес'

[12. С. 105]; *vor* 'возвышенность, поросшая лесом' *вөр*, *вор*, *вэр*, *вирв* 'лес' [8. С. 157]; чув. *вәрман* [2. С. 50];

хант. *моры* 'рощица';

карел. *шало* 'большой глухой лес';

ср. *шалга* [15. С. 398];

карел. *орго* 'глухой лес' [8. С. 34]; ср. марЛ. *шүргө* 'лес';

хант. диал. *wal*, *wäl* 'ивовый кустарник' [14. С. 508-511];

корпи ~ эст. *kõrv* ~ *корб* 'большой лес' [8. С. 73]; манс. верх.-лозьв. *хомр*

'крупный высокий лес (любой)', 'хвойный лес';

удм. *сик* 'лес'; **zik* обозначало группу однородных предметов, откуда удм.

'лес', коми 'ягодный куст', 'деревня' [6. С. 155];

эст. *mets* 'лес'; фин. *met* 'лес';

удм. *ер*, морд. *vir* 'лес'; ср. тунг.-маньчж. *ure* 'гора, тайга' [10. Т. I. С. 544];

венг. *erdő* 'лес, роща';

коми *сорд* 'разновидность леса' (роща?);

сорма 'роща', *сорнича* 'бор' [6. С. 261];

коми-зыр. *выр* 'лес' / ~ фин. *vuori* 'гора';

ст.-венг. *toragy* 'лес' [9. С. 223];

куш 'лес' (ср. коми *кушник* 'изба') [9. С. 223];

коми *мандач* 'болотный сосняк';

коми *парма* 'тайга';
 зап.-фин. *sa1o* 'лес' (глухой, безлюдный);
 мар. *черда* 'лес'; < **чедра* (метатеза);
 фин. *taival* 'густая чаща' [15. С. 11];
 манс. сев. *ванъу* 'лесная возвышенность';
 урал. **taj(б)а* 'лес' [3. С. 339, 1. С. 168];
 урал. *t(a)re* 'лес' [4. С. 45];
 нен. *подара* 'лес' ~ *питар* 'тж';
 коми *вбраин* 'лесистое место' – сложное слово, *вбр*, ср. *вор*.
 Структурный состав слов со значением 'лес' представлен в таблице.

Структурный состав слов со значением 'лес'
 в языках уральской группы [5. С. 114-115]

«Р» группа	«Л» группа	«Й» группа	«Н» группа	«Д, Т» группа	«К» группа	«Ш» группа
I. ар, ор, ур, ер, ыр, ир	II. ал, ал	III. ай, ой	IV. ан	V. ет, од, эд	VI	VII. куш
<i>ар</i> + -ама <i>вар</i> <i>har</i> + -aszt <i>пар</i> + -ма <i>мар</i> + -е <i>вирь</i> <i>ер</i> <i>выр</i> <i>ор</i> + -го <i>вбр</i> + -аин <i>сор</i> + -д <i>сор</i> + -нича <i>сор</i> + -ма <i>кор</i> + -би <i>хбр</i> + -п <i>кор</i> + -а <i>сур</i> + -д <i>чар</i> + -да	<i>шал</i> + -о <i>шал</i> + -о <i>sal</i> + -га <i>wal</i> <i>wäl</i> <i>нал</i> <i>ал</i> + -ан <i>ал</i> <i>ал</i> + -ан <i>шал</i> + -о <i>шал</i> + -га <i>sal</i> + -о <i>wal</i> <i>wäl</i>	<i>тай</i> + -вал <i>тай</i> + -бале <i>тай</i> + -пале <i>тай</i> + -пола <i>сой</i> + -им 'ельник на сухом месте' диал. <i>сойим</i> 'густой лес на болоте'	<i>ман</i> + -дач 'сосняк' (болотный) <i>ван</i> <i>ван</i> + -ь 'лесная воз- вышенность' <i>тай</i> 'лес' + - <i>вал</i> (бал, бол <i>пола</i>) 'лес'- сложные образования	<i>ет</i> + -са	<i>сик</i> 'лес'	ср. <i>кушал</i> 'лесная поляна'

Нами были проанализированы следующие аффиксы, имеющие, как пра-
 вило, значение собирательной множественности.

1) -а – показатель собирательной множественности [12. С. 90]: *кор-а*,
арам-а; *пэдар-а*, *тайпол-а*, *чодр-а*, *черд-а*; по аналогии мы склонны считать
 показателями собирательной множественности также гласные -и, -ы, -е, -о, -ö,
 встречающиеся в ауслауте: *кор-и*; *мор-ы*, **mare*, *шало*, *сало* и т.д.;

2) -да, -дö, -де – видимо, генетически родственны суффиксу множествен-
 ного числа -t [13. С. 16]; венг. *erdö*, мар. *черда*; возможно, сюда относится слово
ман-да-ч; ср. также *сурд*, *сord*; таким образом, можно допустить, что *d* < **-t*;

3) суффикс -м с уменьшительным значением [13. С. 20], соединяясь с
 суффиксом -а, приобретает значение собирательной множественности: *пар-*
ма, *ара-ма*, *сор-ма*;

4) если исходить из положения, что в протоуральском языке существова-
 ло по меньшей мере десять отдельных суффиксов (-а, -č, -l(j), -к, -l, -m, -п, -r,
 -s, -t), способных выражать собирательную множественность [11. С. 159], то в
 словах *met-s-a*, *шал-г-а*, *сой-и-м* следует выделить, видимо, такие «мертвые»
 суффиксы собирательной множественности, как -s, -r, -к, -г (*-к), -м;

5) -и (-l) – этот суффикс встречается в составе некоторых сложных суф-
 фиксов собирательной множественности, например -si (*из* -s + -i): *por-si* 'ив-

няк'; кроме того, суффикс *-i* выступает перед суффиксом *-kko* (*-kkö*) в финских собирательных названиях: *koivi-kko* 'березняк' при *koivi* 'береза'. Видимо, суффикс *-kko* вторично примкнул к собирательным именам с суффиксом *-i*: *koivi* 'березняк', *haari* 'осинник' при *haara* 'осина', *lerpi* 'ольховник' при *orpä* 'ольха' [11. С. 160]; возможно, суффикс *-u* входит в состав сложного суффикса *-uin*: *vörauin* 'лесистое место';

6) *-л*. В марийском языке встречается в составе суффикса *-ла*: вост.-мар. *кож-ла* 'лес' (первоначально 'ельник') от *кож* 'ель';

7) *-н*. Как показатель собирательной множественности в современных языках не обнаружен, он присутствует только в слове *vörauin* 'лесистое место' (т.е. место, изобилующее деревьями);

8) *-р*. Значение собирательной множественности суффикса *-р* представлено в марийском языке: *кож-ер* 'ельник' от *кож* 'ель', *ку-эр* 'березняк' от *куз* 'береза'. В уральских языках такой суффикс встречается редко, ср. нен. *лэда-ра* < *-*pidar* + *-*a?* ('лес' первоначально 'сосняк' ср. фин. *petäjä* 'сосна'). Интересно отметить, что в уральских языках значение 'ельник' передается посредством различных суффиксов при материальном тождестве основы *кож* 'ель': коми-перм. *коз-ја* 'ельник', вост.-мар. *кож-ла* 'лес' (первоначально 'ельник'), мар. *кож-ер* 'ельник'.

Итак, в составе коми слов со значением «лес» явно обнаруживаются деривационные аффиксы, выражающие собирательную множественность. Это было характерно и для других уральских языков. Как ни странно, показатели собирательной множественности *-к*, *-л*, *-м*, *-н*, *-р* в словах со значением «лес» и в названиях деревьев встречаются и в тюркских языках.

Литература

1. Дмитриева Л.В. Из этимологий названий растений в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках // Исследования в области этимологии алтайских языков. Л.: Наука, 1979. С. 135-191.
2. Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чувашиздат, 1964. 356 с.
3. Иллич-Свитыч В.М. Материалы к сравнительному словарю нестратических языков // Этимология 1965. М.: Наука, 1967. С. 321-373.
4. Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения нестратических языков. М.: Наука, 1976. Т. II. 156 с.
5. Исаев Ю.Н. Словообразовательный и семантический анализ флористической терминологии языков различных систем. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2010. 256 с.
6. Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. 431 с.
7. Матвеев А.К. Субстратная топонимика русского Севера // Вопросы языкознания. 1964. № 2. С. 64-84.
8. Мурзаев Э.М. Очерки топонимики. М.: Мысль, 1974. 382 с.
9. Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М.: Мысль, 1966. 509 с.
10. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. М.: Наука, 1974-1989. Т. I. 1974. 767 с.; Т. II. 1978. 349 с.; Т. III. 1980. 395 с.; Т. IV. 1989. 292 с.
11. Серебренников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М.: Наука, 1974. 352 с.
12. Серебренников Б.А. Историческая морфология пермских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 391 с.
12. Серебренников Б.А. Существовали ли в протоуральском языке именные классы? // Вопросы языкознания. 1969. № 3. С. 12-23.
13. Терешкин Н.И. Словарь восточно-хантыйских диалектов. Л.: Наука, 1981. 544 с.
14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс. Т. IV. 1987. 864 с.

УДК 81-115

Н.Н. КАНАШИНА

**КВАНТИТАТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ В СЕМАНТИКЕ ДИМИНУТИВОВ
В РУССКОМ, НЕМЕЦКОМ, МАРИЙСКОМ И ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКАХ**

Ключевые слова: диминутивность, диминутивный, неопределенно малое количество, семантическая категория, функционально-семантического поля.

Исследовано функционально-семантическое поле диминутивности в разносистемных языках, в частности раскрывается квантитативный компонент в семантике диминутивов. Дан анализ разноуровневых конститuentов поля диминутивности, передающих значение небольшой величины, небольшого количества, небольшой интенсивности и незрелости, в русском, немецком, марийском и чувашском языках. Исследование показывает наличие общих и различных компонентов поля в названных языках.

N.N. KANASHINA

**QUANTITATIVE COMPONENT IN THE MEANING OF THE DIMINUTIVES
IN RUSSIAN, GERMAN, MARI AND CHUVASH LANGUAGES**

Key words: diminutiveness, diminutive, small indefinite quantity, semantic category, functional-semantic field.

This article explores the functional-semantic field of diminutiveness in the languages of different systems, especially the quantitative component in the meaning of the diminutives. It contains the analysis of constituents of different levels, which denote the small size, small quantity, low intensity and immaturity, in Russian, German, Mari and Chuvash languages. The study shows the existence of common and distinct components of the field in the mentioned languages.

Признание языка как сложной структурированной системы обуславливает применение функционального подхода к его изучению, исходным пунктом которого является рассмотрение всех языковых явлений с точки зрения их функционирования. Функционально-семантические поля, в основе которых лежат определенные категории, не существуют в языке разрозненно, они могут накладываться друг на друга, образуя определенные общие зоны. «Логические категории, будучи отражением основных закономерностей объективной действительности, обнаруживают тесную взаимосвязь друг с другом, что является отражением взаимосвязи всех явлений объективной действительности. Степень взаимосвязанности этих категорий различна, в связи с чем логические категории группируются в гнезда. Такие гнезда, например, образуют категории: вещь – свойство – отношение; качество – количество – мера; пространство – время и др.» [5. С. 3].

В современных лингвистических исследованиях поле диминутивности, в основе которого лежит соответствующая семантическая категория, также рассматривается с позиции его пересечения с некоторыми другими функционально-семантическими полями. Диминутивы, указывая на небольшой размер, малый объем обозначаемых предметов, невзрослость живых существ, слабую интенсивность признаков и процессов, включают в себе, прежде всего, качественную характеристику. Однако качество и количество существуют в онтологии в неразрывном единстве. Согласно определению, данному в философской энциклопедии, количество – это объективная определенность качественно однородных явлений, или качество в его пространственно-временном аспекте, со стороны его бытия в пространстве и времени [9. С. 552]. Количество как логическая категория является экстралингвистическим понятием. Языковая количественность, являясь сложнейшим семантическим явлением, представляет собой языковую интерпретацию мыслительной категории количества. В 20-е гг. XX в. И.А. Бодуэн де Куртенэ, рассматривая количественную сторону языкового мышления, выделил четыре компонента языковой количественности: количественность размерная; количественность времени; количественность числовая (относящаяся одинаково как к пространству, так и ко времени); количественность интенсивности, степени [2. С. 313]. Я.Г. Биренбаум определяет в языковой количе-

ственности так называемую онтологическую триаду на основе категорий, выделяемых в сложной структуре бытия, – предметов, процессов и признаков, – предметоколичество, процессоколичество и признакоколичество. Онтологические виды количества получают преимущественное выражение в языке посредством категориальных значений речи, а также присущих им словообразовательных и формообразовательных средств. Предметоколичество выражается именами существительными, процессоколичество – глаголами, признакоколичество – именами прилагательными и наречиями [8. С. 123].

Несомненно, семантика диминутивных образований значительно шире, чем просто обозначение малой величины, и может содержать всю парадигму оценочных и эмоциональных коннотаций. Однако в данной статье мы остановимся на квантитативном (размерно-количественном) признаке диминутивов как основном компоненте их значения. Материалом для исследования послужили данные лексикографических источников русского, немецкого, марийского и чувашского языков [1, 3, 4, 6, 7, 10, 13]. На основе собранного нами материала можно выделить следующие аспекты выражаемой диминутивности: диминутивность по размеру (небольшая величина, высота, ширина, длина и др.); диминутивность по количеству (небольшое число, масса); диминутивность по возрасту (незрелость), диминутивность по времени (небольшая продолжительность), диминутивность по интенсивности (слабая степень проявления). Исходя из этого, мы можем сделать вывод, что диминутивность, как языковая и логическая категория, не ограничивается лишь сферой имен существительных и может репрезентироваться в языке различными частями речи: именем прилагательным, наречием и, в некоторой степени, глаголом. Функционально-семантическое поле диминутивности представлено в языке конститuentами, уравнивая принадлежность которых характеризуется определенной неравномерностью. В русском и немецком языках диминутивность находит большее выражение в области словообразования, в то время как в марийском и чувашском языках она представлена несколько уже, что объясняется их принадлежностью к агглютинативному типу.

Являясь языком синтетического типа, русский язык обладает богатыми возможностями для образования диминутивов путем аффиксации. Производный диминутив при этом имеет строгое структурное соответствие с исходной номинацией, т.е. называет логически меньший объект по отношению к производящей основе, воспринимаемой за норму. Так, в толково-словообразовательном словаре под ред. Т.Ф. Ефремовой содержится более двадцати суффиксов, маркированных как уменьшительные, уменьшительно-ласкательные и уменьшительно-пренебрежительные, однако число суффиксов, служащих для образования дериватов с выраженным уменьшительным признаком, несколько меньше, например: *-ат-(а)* (*дошколята, ребята*), *-етт-(а)* (*ариетта, симфониетта*), *-ец* (*морозец, сюжетец*), *-ец-(о)*, *-иц-(е)* (*письмецо, платице*), *-ечк-(о)* (*семечко, темечко*), *-ешек* (*краешек*), *-ик* (*дождик, ковшик, щипчики*), *-ик-(о)* (*колёсико, плечико*), *-инк-(а)* (*ворсинка, дождинка, соринка*), *-итёнок* (*негритеёнок*), *-иц-(а)* (*вещица, лужица, крупица*), *-к-(а)*, *-к-(и)* (*головка, горка, ножнички*), *-к-(о)* (*колечко, окошко*), *-ок*, *-ёк* (*грибок, листок*), *-онок*, *-ёнок* (*волчонок, мышонок, бесёнок, казачонок*), *-оныш-*, *-ёныш-* (*гусёныш, зверёныш, змеёныш*), *-очк-(а)* (*вазочка, звёздочка, лампочка*), *-чик-* (*костюмчик, рукавчик, стаканчик*), *-чонок* (*арাপчонок, барчонок*), *-ышек* (*клинышек, колышек*), *-ышк-(о)* (*гнёздышко, горлышко, донышко*), *-этк-(а)* (*статуетка*) [3].

Несмотря на то, что немецкий язык относится к языкам аналитического типа, во многом он сохранил свой флективный строй, поэтому суффиксальный способ образования диминутивов здесь также может быть назван основным. Наибольшей частотностью употребления характеризуются суффиксы *-chen* и *-lein* и их диалектные варианты; в северных, западных и центральных диалектах мы встречаем *-sken*, *-gen*, *-kin*, *-ke(e)n*, *-kes*, *-ike(n)*, *-che*, *-tje(n)*, *-tsje(n)*, *-ske*,

-sche, -ilchen (*Röllchen, Häschen, Ställchen, Dingelchen, Kindergeren, Stücksknen*), на юге более употребительны -(e)li, -(e)le, -erl(e), -lin, -len, -la, -li (*Bächlein, Ringlein, Rössel, Messerle, Raderl, Dirndl, Blättli*). Уменьшительное значение производному слову также придают суффиксы -ling, -i, -ette (*Lehrling, Mausl, Statuette*). Исключительно разговорной принадлежностью обладают уменьшительные суффиксы -sche (*Altsche*), -ing (*Puppling*), -s (*Zeugs, Dings*) [11. S. 459].

В чувашском языке для образования субстантивных диминутивов выделяют следующие уменьшительные суффиксы: -ак (-ек) (*варак, тѣпек*), -ӓк (-ӓк, -к) (*сӓвӓк, япалак*), -ска (-ске) (*пӓрнеске, тѣмеске*), -шка (-шке) (*сунашка*).

В сфере имен прилагательных уменьшительные словообразовательные форманты служат для выражения слабой интенсивности признака. Так, суффикс -еньк в русском языке образует имена прилагательные с уменьшительно-ласкательным или пренебрежительным значением, указывая при этом на меньшую, смягченную степень качества: *бледненький, глупенький, красненький, свеженький*. Суффиксы -оват и -ощав также передают ослабленную степень признака по отношению к мотивирующей основе: *черный – черноватый, красный – красноватый, слабый – слабоватый, сухой – сухощавый, худой – худощавый*. В немецком языке суффикс -lich может придавать прилагательному значение уменьшенной степени проявления признака, например: *gelblich, wärmlich, dümmlich, süßlich, ältlich, kränklich, bläulich*, аналогичным значением характеризуется полусуффикс -arm: *blutarm, fischarm, kinderarm, gedankenarm* и т.д. В марийском языке выделяется небольшая группа аналогичных имен прилагательных с суффиксом -алге(-ялге): *лудалге, нарынчалге, шӱртнялге, шиялге*; в чувашском языке: -ак (-ек) (*шывак*), -анка (-енке) (*хытанка, шуранка*).

Подобную функцию в классе наречий, а именно номинация ослабленной интенсивности качества, в русском языке выполняют следующие форманты: -енечко (*легонечко, тихонечко*), -ечко (*немножечко*), -ко (*немножко*), -овато, (-евато) (*бедновато, поздновато, плоховато, рановато, слабовато*), -у (*капельку, крошечку*).

Для репрезентации уменьшительности в области «процессоколичества» в немецком языке служит суффикс -el(n). Большинство из вербальных дериватов, образованных таким способом, имеют несколько ослабленное, уменьшенное значение по сравнению с мотивирующим глаголом: *hüsteln – husten, kränkeln – kränken, lächeln – lachen, lieben – lieben, spötteln – spotten, tänzeln – tanzen*. По мнению Г. Пауля, такие глаголы находятся в таком же структурном соотношении со своими основами, как уменьшительные существительные с именами, от которых они образованы [12. S. 136].

Еще одним способом актуализации количественного аспекта диминутивности является префиксация, но по сравнению с суффиксацией ей отводится незначительная роль. Общими уменьшительными префиксами немецкого и русского языка являются мини- (*mini-*) и микро- (*mikro-*), обладающие исключительно уменьшительно-размерным параметром: *мини-автомобиль, мини-вентилятор, мини-двигатель, мини-палатка, мини-юбка, Minikleid, Minikofer, Minifußball, и микромир, микроприбор, микросистема, микроструктура, Mikroaufnahme, Mikrolinguistik, Mikrofauna*. В разговорном языке префикс мини-находит все более широкое применение в отличие от микро-, который образует, как правило, дериваты, принадлежащие к пласту научной лексики.

Средством выражения уменьшительности в сфере действия в русском языке выступает, в некоторой степени, префикс недо-: *недосыпать, недоедать (мало есть), недолюбливать, недокармливать, недополучать* и др. Приставка при- наряду со множеством значений также обладает уменьшительно-количественным значением в таких глаголах, как *приоткрыть, прикрыть, припораживать, присаливать, приукрасить, пришепнуть* и т.д.

Наряду со словопроизводством словосложение также является продуктивным способом образования диминутивов в исследуемых языках. В качестве сочетающихся основ диминутивных композитов могут выступать имена прилагательные или существительные, реже глаголы. Наиболее употребительным компонентом сложносоставного диминутива в русском языке является компонент *мало-*, придающий оформленной лексической единице общее значение уменьшительности: *малозначительность, малоснежье, малоактивный, малообразованный, малотиражный, маловажно, малоубедительно* и др. Что касается образования субстантивных и адъективных диминутивов путем словосложения в немецком языке, то самой распространенной структурной моделью являются композиты, первым членом которых являются такие прилагательные, как *klein, kurz, dünn, eng, minimal, minder*, а также др.: *Kleinkind, Kleinstadt, Kurzwelle, Dünn-druckpapier, Minimalgewicht, kleinkörnig, dünnsschichtig, kurzsämmig, enghalsig, minderjährig*. В качестве первого субстантивного компонента могут служить *Teil-, Miniatur-*: *Teilstrecke, Miniaturausgabe*.

Согласно данным лексикографических источников, в чувашском и марийском языках большой распространенностью пользуется модель со вторым компонентом *сури, чёппи* (в чувашском языке) и *иге* (в марийском языке), служащая для обозначения детенышей животных и птенцов: *сысна сури, йытă сури, кушак сури, кашкăр сури, арлăн сури, арăслан сури, кăвакал чёппи, куккук чёппи, хур чёппи; маскайге, мераниге, кайыкиге, кишкиге, комбиге, лудиге, пириге, рывыжиге*.

Итак, русский и немецкий языки, в отличие от марийского и чувашского, обладают значительно большим количеством словообразовательных формантов с общим дескриптором уменьшительности. Однако кроме деривативных моделей названные языки располагают немалым объемом лексико-синтаксических и фразеологических единиц, обнаруживающих уменьшительно-размерный признак.

К наиболее частотным лексико-синтаксическим репрезентантам диминутивности в ее рациональном плане относятся атрибутивные сочетания с базовыми параметрическими прилагательными, в семантике которых имеется указание на малое количество и размер: *малый, маленький, небольшой, короткий, низкий, узкий, молодой, крохотный, мизерный* и т.д. (в русском языке); *klein, gering, eng, kurz, dünn, niedrig, schmal* и т.д. (в немецком языке); *вётĕ (вёт), начаркка, пёчĕк, çамрăк, шутлă, çинçe, çинçешике, пёчĕк, пысăк мар, пысăкăх маар, лутрамас, лотака, кĕçĕн* и т.д. (в чувашском языке); *изи, кучык, лап, анысыр, мызыри, кызыра, куакш, тыгыде, пырче-парче, тыгыде-тагыде* и т.д. (в марийском языке).

При этом следует сделать оговорку, что в русском языке употребление синтаксической конструкции: «*маленький*» + имя существительное без параметрического признака» не обладает такой употребительностью, как, например, в немецком языке. В русском языке чаще имеет место двойная репрезентация, т.е. модель «*маленький*» + существительное с размерно-оценочным суффиксом». Частотность употребления словосочетаний, типа *маленький домик, небольшой столик, узкая улочка* намного выше, нежели *маленький дом, небольшой стол, узкая улица*. Это объясняется особенностью восприятия уменьшительности в русском языке, в большинстве случаев сопряженной с ласкательностью, реже с уничижительностью. Двойная репрезентация уменьшительного значения встречается и в немецком языке, как, например: *ein kleines Häufchen, ein winziges Stübchen, ein schmales Bächlein*, но значительно реже.

Собственно количественный «слой» диминутивности образуют также наречия, передающие значение малого количества, слабой степени проявления признака или небольшой интенсивности действия: в русском языке – *мало, немного, недостаточно, чуть-чуть, совсем ничего* и др., в немецком языке – *wenig, ein wenig, ein bisschen, nicht viel, nicht genug, etwas* и др., в чувашском языке – *сахал,*

пёчккён, сителёксёр, кайш, кайштах, кайштан, кёлт, кёс-кёс и др., в марийском языке – *узиш, изин-изин, изишак, пычырик, шагал, шагалын, чўдын* и др.

Кроме того, размерно-количественный компонент может содержаться уже в структуре денотата отдельной лексемы. Так, следующие лексические единицы русского языка изначально обладают семой «малости»: *вершок, мизинец, наперсток, горсть, щепотка, глоток, понюшка, кроха, капля, крупица, зерно, остаток, мизер, малый, мизерный* и пр.; в немецком языке – *Kleinigkeit, Winzigkeit, Fingerhut, Fingerbreit, Prise, Bissen, Krümel, Nippe, Tropfen, Funken, klein, winzig, wenig, etwas* и пр.; в чувашском языке – *ача, вакланчăк, вак-тёвек, ванчăк, сыпкăм, татăк, тумлам, хунав, ывăс, хёлхем, сұра, тётренчĕк, чёлё (чёл), лăркăш, катăк, вёт-шак, йапалак* и пр.; в марийском языке – *аза, иге, казаварня, кайыкуге, ластык, ньога, нюго, пудырго, ўдыраш, чўчалтыш, чыки, паярка, шыжа, пырчык* и пр. При этом такие номинации, как *горсть, понюшка, щепотка, клок, капля, ложка* и т.п., передают значение небольшого количества, как, например, в словосочетаниях *капля жалости, клок бумагу, горсть муки, щепотка соли* и т.д.; аналогично в немецком языке – *ein Schluck Wasser, ein paar Handvoll Mehl*, в марийском языке – *кў комыля, рок комыля, пыл ластык, ўп чука, шудо чука*, в чувашском – *пёр сыпкăм шыв, сăкăр тётренчĕк*.

Неопределенно малое количество может выражаться в языке также числовыми и мерными обозначениями, как, например, в русском языке – *два (в два счета, в двух словах), два-три, три-четыре, грамм (ни на грамм), дюйм (ни на дюйм), йота (ни на йоту), пядь (ни на пядь)*; в немецком языке – *ein-zwei, zwei-drei, drei bis vier, ein paar, Gramm, Jota, Unze, Lot, Schritt, Spanne* и т.д.; в марийском языке – *ик-кок, ик-кок гана, ик чўчалтыш гына, ик чўчалтышат уке*; в чувашском языке – *пёр-ик*. Однако в данном случае числительные отдельно не могут быть отнесены к диминутивам, так как выражают количество в числовом виде, поэтому их следует рассматривать лишь сопряженно с существительными в едином сочетании.

Большое число конstituентов функционально-семантического поля диминутивности наблюдается и в сфере фразеологии. Такие фразеологизмы, как *от горшка два вершка, с гулькина нос, с ноготок, с мизинец, с наперсток* указывают на небольшой размер обозначаемого предмета; *совсем зеленый, молоко на губах не обсохло* – на малый возраст. В немецком языке небольшой размер предмета и невзрослость лица могут передаваться такими выражениями, как *kaum drei Käse hoch sein, noch sehr grün sein, noch feucht / grün / nicht trocken hinter den Ohren sein, noch die Eierschalen hinter den Ohren haben, noch ein halbes Kind sein*. В чувашском языке мы встречаем устойчивое словосочетание *кача пурне пысăкăш сес*. Для обозначения небольшого расстояния в русском языке служит фразеологизм *рукой подать*; в немецком языке – *wie ein Katzensprung*, в чувашском языке – *кут айёнче* (вульг.), в марийском языке – *кидым шуялтен шуаш*. Небольшой промежуток времени передается в русском языке следующими фразеологическими единицами: *не успеть оглянуться, не успеть глазом моргнуть, в один момент*; в немецком языке: *im Augenblick, im Nu, im Handumdrehen, ein kleines Weilchen, auf ein Stündchen*. Марийский и чувашский языки также обладают определенным лексическим инвентарем с аналогичной функцией, например, в марийском языке для указания на небольшой временной отрезок используется *икаша*; в чувашском языке – *авăк, кайшлăха, пёр авка*.

Как показывает анализ собранного языкового материала, квантитативный параметр диминутивности может передаваться единицами разных уровней языка. При этом исследуемые языки обладают сходными моделями репрезентации диминутивности. Однако необходимо отметить несколько большую общность конstituентов функционально-семантического поля диминутивности в русском и немецком языках и аналогично в марийском и чувашском языках. Все это свидетельствует, с одной стороны, об универсальности данного явления, с другой сто-

роны, обнаруживает определенные различия в зависимости от принадлежности языка к синтаксическому, аналитическому и агглютинативному типу.

Литература

1. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка: в 17 вып. Казань; Чебоксары, 1928-1950.
2. Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 1. 384 с.
3. Ефремова Т.Ф. Новый энциклопедический словарь русского языка: толково-словообразовательный: в 2 т. М.: Рус. яз., 2000.
4. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. 4-е изд., испр. и доп. М.: Русские словари, 2003. 795 с.
5. Панфилов В.З. Категории мышления и языка. Становление и развитие категории качества // Вопросы языкознания. 1976. № 6. С. 3-18.
6. Сергеев Л.П., Тихонов А.Н., Сергеева Т.Н., Кунгуров Р.К. Обратный словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1985. 160 с.
7. Словарь марийского языка: в 10 т. / гл. ред. И.С. Галкин. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1990-2005.
8. Тураева З.Я. Некоторые особенности категории количества // Вопросы языкознания. 1985. № 4. С. 122-131.
9. Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1983. 840 с.
10. Duden K. Deutsches Universalwörterbuch. Hrsg. und bearb. vom wissenschaftlichen Rat und den Mitarbeitern der Dudenredaktion. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1996. 1816 S.
11. Duden K. Die Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Mannheim; Wien; Zürich: Bibliographisches Institut, 1984. 800 S.
12. Paul H. Deutsche Grammatik. Band V: Wortbildungslehre. 4 Auflage. Halle(Saale): VEB Max Niemeyer Verlag, 1959. 142 S.
13. Reverse Dictionary of Mari (Cheremis) = Обратный словарь марийского языка / Comp. by: Jorma Luutonen et al. Helsinki: Societe Finno-Ougrienne, 2002. 446 p.

КАНАШИНА НАТАЛИЯ НИКОЛАЕВНА – аспирантка кафедры сопоставительной филологии и межкультурной коммуникации, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (mieze2007@yandex.ru).

KANASHINA NATALIA NIKOLAEVNA – post-graduate student of Comparative Linguistics and Intercultural Communication Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 811.161.1'373

О.Я. КАРПЕЕВА, О.А. ПЕТРОВА

ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПОСЛОВИЦАХ. АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (на материале русских пословиц)

Ключевые слова: причинно-следственные отношения, антропоцентрический аспект, русские пословицы.

Рассмотрен антропоцентрический аспект причинно-следственных отношений в русских пословицах. Проанализированы лексические средства и грамматические конструкции, используемые для выражения причинно-следственных отношений в русских пословицах. Изучен лингвистический аспект способов репрезентации и форм выражения причинно-следственных отношений в русских пословицах.

O.Ya. KARPEYEVA, O.A. PETROVA

CAUSE AND EFFECT RELATIONS. ANTHROPOTCENTRICAL ASPECT

Key words: cause and effect relations, anthropotcentral aspect, russian proverbs.

The Anthropotcentral aspect of cause and effect relations in Russian proverbs is considered. Some lexical means and grammatical constructions used to express cause and effect relations in Russian proverbs is analyzed. The linguistic aspect of the ways and forms to express cause and effect relations in Russian proverbs is examined.

Причинно-следственные отношения являются предметом исследования ученых разных областей научного знания (философов, историков, физиков, лингвистов), что объясняется универсальностью рассматриваемых отношений, так как

любые явления, существующее в реальной действительности, имеют определённые причины и порождают те или иные следствия. Установление причинно-следственных связей является результатом человеческого мышления, представляя собой логический вывод, умозаключение.

В современной лингвистической науке, имеющей тенденцию к приобретению междисциплинарного характера, внимание ученых концентрируется на том, как язык, объект познания, связан с его носителем – субъектом познания, т.е. с человеком. Подтверждается точка зрения В. фон Гумбольдта, полагавшего, что язык необходимо изучать в тесной связи с человеком. Такой взгляд на язык, связанный с обращением к антропоцентрической и дискурсивно-прагматической парадигмам, развивается в трудах многих отечественных и зарубежных лингвистов (Ю.С. Степанова, Е.С. Кубряковой, Н.Д. Арутюновой, Дж. Лакоффа, Ч. Филлмора и др.).

Отражение причинно-следственных отношений (или категории казуальности) в языке достигается с помощью лексических средств и грамматических конструкций, которые достаточно хорошо описаны на материале текстов научного стиля (Н.В. Баско, Н.А. Холонина), публицистического стиля (В.В. Лабутина), художественного стиля (А.В. Сташ), однако исследования, описывающего причинно-следственные отношения на материале русских пословиц, нет.

В связи с изложенным представляет большой интерес лингвистическое осмысление способов репрезентации причинно-следственных отношений в пословичных выражениях, так как именно пословицы являются воплощением народной мудрости, накопленной веками, и заключают в себе результаты познания действительности с учетом истории развития народов. Именно это определяет актуальность изучения причинно-следственных отношений, выраженных языковыми средствами в пословицах, представляющих собой обобщение народного опыта, обнаруженные народом закономерности в мире.

Во многом способы выражения причинно-следственных отношений определяют синтаксические особенности рассматриваемого фольклорного жанра. Так, синтаксис русских пословиц подробно описан в трудах П.П. Глаголевского и З.К. Тарланова. По мнению многих исследователей, изучавших пословицу как жанр, данные единицы представляют собой грамматически законченные (имеющие вид предложения) изречения с образной мотивировкой общего значения, т.е. требующие расширительного толкования (под крепкими ногами [дорожные] камни мягкие), в отличие, например, от поговорок, имеющих грамматически незаконченные (не составляющие предложения) изречения с образной мотивировкой общего значения.

Лаконизм, краткость, удобопроизносимость пословиц как единого целого в размере единого высказывания определяют их синтаксические особенности. Так, если длинная пословица и запоминается, то позже ее могут начать произносить, не договаривая до конца (в пословицах – повадился кувшин по воду ходить, там ему и голову сломить, не до жиру, быть бы живу – вторая часть нередко опускается). В пословицах разговорного характера часто опускаются союзы и соединительные слова: тонул – топор сулил, вытасил – топорил жал, или же соединительные слова занимают обычное в устной речи, но недопустимое в письменном языке место: которая служба нужнее, та и честнее. В пословицах, как и в живой разговорной речи, часто нет подлежащего и сказуемого: богатому – как хочется, бедному – как может, часто в структуру пословицы входит инфинитив: волков бояться – в лес не ходить. Все это подтверждает тот факт, что «...Пословица, несмотря на ограниченность традиционно закрепившихся за нею форм, чрезвычайно емка и охватывает широкий диапазон значений и их оттенков, и в этом отношении она не уступает лучшим литературным памятникам, располагающим гораздо большими возможностями в оформлении аналогичных значений. В пословичной формуле значительна не только каждая деталь, но и ее синтаксическая позиция, также являющаяся непременным элементом пословичной композиции.

Компактность, теснейшая связь между компонентами пословицы имеет следствием и то, что значимым оказывается не только перемещение какого-то из его компонентов, но и его пропуск...» [2. С. 327].

Многие исследователи отмечают двучленность пословичной структуры, зачастую являющуюся признаковой для структур, выражающих причинно-следственные отношения: не до жиру, быть бы живу; работал сто лет, а не заработал ста реп; берись дружно, не будет грузно; не нами ставилось, не нами и переставится; Бог терпел и нам велел. Одночастная же представляет собой скрепленное по правилам связи и согласования предложение, в котором причинно-следственные отношения выражаются лексическими средствами, и так как подобные конструкции обладают семантической и синтаксической полнотой, категория казуальности легко вычленима: всякая сосна своему бору шумит (шумит, потому что бор свой); пустая мельница без толку мелет (мельница без толку мелет, потому что она пустая); береженого Бог бережет (Бог бережет, потому что он береженный); старую собаку новым фокусам не научишь (собаку новым фокусам не научишь, потому что она старая). Причинно-следственные отношения часто бывают выражены и в форме антитезы, подчеркивающей следствие: барам косим, а себе хлеба просим; старое стареется, а молодое растет.

Кроме того, для русских пословиц типичны бессоюзные сложные предложения, выражающие одновременно условие и следствие (пошел на службу – терпи и нужду; правду говорить – друга не нажить; при дороге жить – всех не угостить; первый в совете – первый в ответе), а также бессоюзные предложения, выражающие следственные отношения (коза с волком тягались – рога да копыта остались; мельница мелет – мука будет; язык мелет – беда будет) и причинные отношения (мелко плаваешь – спина видна, тать не молчит – замки колотит).

Итак, в пословицах находят отражение самые разнообразные взаимосвязи явлений, связанных с жизнедеятельностью человека, которые нередко имеют глубокий философский смысл. При этом пословицы стремятся выразить их наиболее наглядно, как отношения между двумя конкретными предметами или явлениями, часто со значением причины и следствия, что объясняет наличие в большинстве пословиц совершенно отчетливо выступающих двух объектов суждения. Именно поэтому, на наш взгляд, двучленная форма в пословицах является самой естественной и самой употребительной. Однако заметим, что подобная форма обусловлена не только особенностями их двухобъектного содержания, но и спецификой их художественной формы, характеризующейся также их стремлением к определенной интонационно-ритмической организации речи.

Литература

1. *Глаголевский П.П.* Синтаксис языка русских пословиц. СПб., 1873.
2. *Тарланов З.К.* Русские пословицы: синтаксис и поэтика / Петрозавод. гос. ун-т. Петрозаводск, 1999.

КАРПЕЕВА ОЛЬГА ЯНОВНА – соискатель ученой степени кандидата филологических наук, кафедра иностранных языков № 1, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (interdeptoo@rambler.ru).

KARPEYEVA OLGA YANOVNA – a competitor of scientific degree of Philosophical Sciences candidate, Foreign Languages Chair № 1, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

ПЕТРОВА ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (zadumka@mail.ru).

PETROVA OLGA ALEKSANDROVNA – candidate of philological sciences, associate professor of the Chair of Russian as a Foreign Language, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 81'373.2

Г.Е. КОРНИЛОВ

ТОПОНИМИЯ РЕСПУБЛИК ПОВОЛЖЬЯ (БАШКОРТОСТАН, КОМИ, МАРИЙ ЭЛ, МОРДОВИЯ, ТАТАРСТАН, УДМУРТИЯ, ЧУВАШИЯ) – XXVI: А-АНЛАУТНЫЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ*

Ключевые слова: компаративистика, этимология, контактология, оноματοлогия, топонимика.

Статья продолжает инвентаризацию и интерпретацию топонимов и апеллятивов с компонентами «айпак», «айпас куп» в тюркских и финно-угорских языках Поволжья.

G.Ye. KORNILOV

**TOPONIMICS OF THE VOLGA REGION REPUBLICS
(THE BASHKIR, THE KOMI, THE MARI, THE MORDVA, THE TATAR, THE UDMURT, THE CHUVASH REPUBLICS) – 26-TH CENTURY: A-ANLAUT GEOGRAPHIC NAMES**

Key words: comparative linguistics, etymology, contactology, onomatology, toponymy.

The article continues the inventarization and interpretation of toponyms and appeals with the «айпак», «айпас куп» components in the Turkish and Finno-Ugric languages of the Volga region.

0.0.2.4.6. **АЙПАК** – согласно пересказанному М.Г. Атамановым [2. С.141а] тексту удмуртской народной сказки, это восходящий к антропониму лимним, название озера ... «на берегу извилистой реки *Валы*», вблизи д.д. *Жужгес* и *Пазял-Жикья*; соответствующие комонимы в справочниках административно-территориального деления Удмуртии не упоминаются, но в быв. Большеучинском с-те Можгинского р-на имеются удмуртские нас. пункты *Пазял*, *Пазял-Зюмья*, *Малый Пазял* (по логике вещей должный иметь место **Большой Пазял* отсутствует); поскольку центр быв. сельсовета – с. *Большая Уча* действительно находится в бас. реки *Вала* на так называемой *Можгинской возвышенности*, видимо, оз. *Айпак* следует искать в этой местности.

Этимологического осмысления, следовательно, требует мужское личное имя *Айпак*, представляющееся двусоставным: *Ай-* (ср. многочисленные имена с начальным компонентом *Ай-*, рассмотренные нами в предыдущих статьях) плюс *-пак*, последнее в принципе сопоставимо с *-бак* в составе *Айбак*, положенном в основу названия марийской деревни *Айбакнур* «Айбаково поле» быв. Нурьяльск. с-та Моркин. р-на Марий Эл, рассмотренное в словаре О.П. Воронцовой и И.С. Галкина [3. С. 26], о чем подробнее см. в статье 0.0.2.0.7. нашей данной серии публикаций [8. С. 125-132].

Аналогов колебания **-б/-п-** в инлауте в границах Удмуртии нам найти не удалось, но имеется один безупречный пример в топонимии Татарстана, где известно название татарского села *Иж-Бобья*, по-татарски *Иж-Буби*, быв. Иж-Бобьинского с-та Агрызск. р-на, содержащее во 2-й части *-Бобья/-Буби*, соответствующее удмуртскому воршудно-родовому имени *Побья*, упоминаемому у М.Г. Атаманова [2. С. 58б]. Ср. также комонимы: тат. *Ябынчы* ~ рус. *Епанчино* (тат. село быв. Коморгузин. с-та Тукаев. р-на Татарстана), тат. *Югары Урысбага* ~ рус. *Верхние Ураспуги* (тат. деревня быв. Нижне-Ураспугин. с-та Нурлат. р-на Татарстана), менее показательны – тат. *Әпсәләм* ~ рус. *Абсалямovo* (русско-тат. село быв. Урус-син. с-та Ютазин. р-на Татарстана).

Приведенных примеров достаточно, чтобы считать *Айбак* в составе марийск. *Айбакнур* и удм. *Айпак* вариантами одного имени личного тюркского происхождения, не привлекая для этимологизации *-пак*: *Ай~* собственно финно-угорские основы типа коми *бак* «плесень» [10. С. 36а], *пак* в составе *пак-кула* > *пакула* «березовый трутник» [10. С. 215а] и под.

* Работа выполнена при финансовом содействии Министерства образования и науки РФ (грант ГО 2-1.6-123).

0.0.2.4.7. **АЙПАС КУП** – согласно О.П. Воронцовой и И.С. Галкину, «болото в Звениговском р-не», образовано название «от собственного имени *Айбасы* [Черных, 1995: 42] ... татарского происхождения: *ай* «луна» + *баса* «после, следом» [3. С. 26].

Смущает читателя всё: и исключительная краткость «этимологии», и невнимание к субституциям **-б/-п-**, **-ы/-а**, и отсутствие хотя бы единичных аналогий на звукозамены и семантические составляющие (что значит «луна после», «луна следом»?).

Известно тат. *баса* «посконь», «мужская особь конопля» (соответствует чуваш. *поса/пуса кантӑр* то же), но имя, означающее «Лунная посконь», представляется маловероятным. Значение «после» в постпозиции по-татарски будет *соңыннан*, *соңрак* или *азактан*, а значение «следом», как известно, – *артыннан ук*, *шунда ук*, *калышмыйча*, *эзене басып*. В пермских говорах татарского языка фиксируется частица *баса*, в дрожжановском говоре (Буин. р-н Татарстана и в южных районах Чувашии) имеющая более полный вид – *лабаса* «же», «ведь» (из араб.) [6. С. 70, 288], что для объяснения имени *Айпас*, *Айбасы*, **Айбаса*, видимо, тоже непригодно.

Нам представляется, что убедительнее всего в *Айпас* видеть вариант тюрк. *Айбаш*, букв. «Начало месяца», так татары именовали / именуют ребенка, «родившегося в начале месяца» [11. С. 34], ср. комоним *Айбаш* – назв. тат. села быв. Айбашского с-та Дубьязск. р-на Татарстана, в источнике за 1897 г. в Казан. губ. значились: в Жедяев. вол. Спас. у. рус. д. *Айбаш* / *Загудаевка*; в Студено-Ключин. вол. Казан. у. тат. деревни: *Большой Айбаш*, *Нижний Айбаш*, *Айбаши*, в современных справочниках не упоминаемые [12. С. 14]. Г.Р. Галиуллина указывает на «продолжение во многих современных тюркских антропонимических системах» домовульманской традиции «использования в составе личных имен компонента *ай*» и приводит казахское имя личное *Айбас* [4. С. 72] из труда Г.И. Кульдеевой [9. С. 21]. Известно казах. с. *Айбас* быв. Туздыкудук. сельаулс-та Новобогатин. р-на Гурьев. обл. Казахстана. Авторы «Словаря топонимов Башкирской АССР» производят назв. рус. д. быв. Старобазанов. с-та Бирского р-на *Айбаш* / *Айбашево* «от назв. местности *Айбаш* (*ай* «луна; лунная», *баш* «вершина») ... другое назв. *Березовка*» [13. С.196], хотя притяжательность рус. варианта *Айбашево* склоняет читателя к мысли об антропонимном происхождении комонима.

Х.Ч. Алишина составила список случаев, когда «тюркские апеллятивы» употреблены «в начале или середине угорско-самодийских гидронимов», и в этом списке привела «*Айпажью* (р., 22 км., лв/пр. р. *Лыхн*, Бел.) с тюркским корнем «*баш*» > *лаж* «голова», «устье» (следовало: «голова; исток; вершина». – Г.К.) [1. С. 218]. Поскольку в ее книге нет положенного списка сокращений, мы ограничились поисками на карте реки *Лыхн*, которую нашли в виде левого притока реки *Казым*, впадающей справа в р. *Большая Обь* (Белояр. р-н Ханты-Манс. авт. округа) [7. С. 92, квадрат Б-12].

Марийский вариант *Айпас* можно объяснять по-разному. Во-первых, колебание **П-Б-**, **-П/-Б-** в границах марийской топонимии не редкость, ср. комонимы: *Пызьыргеуп* / *Бизюргеуп* в Волж. р-не Марий Эл [5. С. 37]; *Марий Пыламарий* / *Мари-Билямор*, *Кушко Пыламарий* / *Кушко-Билямор* в Мари-Турекск. р-не Марий Эл [5. С. 38, 97]; н.п. *Бет-Кукмора* / *Пет-Кукмора*, где *Бет* / *Пет* «Бетский / Петский» [5. С. 68]; н.п. *Упшер* / *Обишяры* в Волж. р-не Марий Эл [5. С. 89]; с. *Беренга* / *Параньга* / *Поранга* Порангин. р-на Марий Эл [5. С. 94]; д. *Ядыкбеляк* / *Ядыкплак* Новоторьяльск. р-на Марий Эл [5. С. 107]. Имеют место и субституции **с/-ш-**, **-с/-ш-**, **-с/-ш**, ср. назв. д. *Васташуй* / *Ваштаршуй* в Совет. р-не Марий Эл [5. С. 39]; р. *Кокса* / *Кокша* – прав. пр. *Уржумки* [5. С. 61]; д.д. *Маламас(ы)* // *Маламаш* [5. С. 77]; *Ашламаш* / *Асламас* [5. С. 78]; волость *Мушмарий* / *Мусмара* «в Казанском уезде по Галицкой дороге» [5. С. 83]; р.р. *Шунь* / *Сунь* [5. С. 115] и т.д.

И хотя все сказанное нами выше достаточно убедительно, мы не исключаем немарийское и нетатарское происхождение *Айпас*:- ~*Куп*, поскольку имеются

тюркские языки, в которых чуваш. *пош* / *пуш* «голова, глава; вершина, верховье; начало и т.д.», др.-тюрк., турец., азерб., туркм., башк., тат. и т.д. *баш* произносятся *пас*, как это представлено в определительной части рассматриваемого топонима (гелонима) *Айпас Куп* «Болото Айпаса», ср. в койбалском и сагайском диалектах хакасского языка и в литерат. хак. *пас* «голова; начало, исток; вершина; глава, вожак и т.д.» [15. С. 348б], при этом любопытно, что название левого притока *Волги*, текущего из Марий Эл и имеющего устье чуть выше г. *Чебоксары* – р. *Порат*, в числе других объяснений допускает возведение к хакасским апеллятивам: *порат* «сивый / серый конь» (-*ат*: *пор~* «конь», а *пор*:- ~*ат* – ротирующий вариант общетюрк. *боз* / *бооз* / *поз*, монг. *бора* [16. С. 82а]; чуваш. *пăвар от* / *пăвар ут*, то же что *Порат*) или хакасское же образное название рыбы – *язя* – *порат* [15. С. 382а], т.е. *Порат* можно понимать и как «Язёвая речка».

Тем не менее собственно марийское преобразование *Айбаш* в *Айпас* исключать нельзя, ср. подобное преобразование в мар. луговом *посна*, мар. горном *пасна* «кроме, без», «отдельный, отдельно», соответствующих тат. *башка*, чуваш. *пошне* / *пусне* / *пошна* на базе *баш*, *пош*, *пуш* «голова, глава и т.д.» [14. С. 452], при этом нами допускаются др.-чуваш. диалектные архетипы **пас* / *паш*, на базе которых имеем современные *пус-кил* / *пос кил(ё)* и *пуш-кил* «соседский (букв. иной дом)», «сосед; соседский» [14. С. 452].

(Продолжение следует)

Литература

1. Алишина Х.Ч. Ономастикон сибирских татар. Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та, 1999. Ч. 1. 240 с.
2. Атаманов М.Г. История Удмуртии в географических названиях. Ижевск: Удмуртия, 1997. 248 с.
3. Воронцова О.П., Галкин И.С. Топонимия Республики Марий Эл: Историко-этимологический анализ. Йошкар-Ола: Изд-во Мар. полиграфкомбината, 2002. 424 с.
4. Галиуллина Г.Р. Татарские личные имена в контексте лингвокультурных традиций. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2008. 352 с.
5. Галкин И.С. Кто и почему так назвал. Рассказы о географических названиях марийского края. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. 160 с.
6. Диалектологический словарь татарского языка / сост. Н.Б. Борханова, Л.Т. Махмутова, З.Р. Садыкова, Г.К. Якупова; под ред. Л.Т. Махмутовой; Ин-т языка, лит. и истории имени Г. Ибрагимова АН СССР. Казань: Тат. кн. изд-во, 1969. 644 с.
7. Иллюстрированный атлас России. М.: ИД «Ридерз Дайджест», 2005. 352 с.
8. Корнилов Г.Е. Топонимия республик Поволжья (Башкортостан, Коми, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртия, Чувашия) – XII: А-анлаутные географические названия // Вестник Чувашского университета. 2006. № 5. С. 125-132.
9. Кульдеева Г.И. Антропонимическая система современного казахского языка. Казань: ДАС, 2001. 239 с.
10. Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970. 386 с.
11. Мусульманские имена: словарь-справочник / сост. Ибн-Мирзакарим ал-Қарнақй. СПб.: ДИЛЯ, 2006. 448 с.
12. Прямой и инверсионный словари комонимов Казанской губернии / сост. С.В. Колесникова, Г.Е. Корнилов, А.А. Леонтьева; под ред. Л.П. Куракова. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. 708 с.
13. Словарь топонимов Башкирской АССР. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1980. 199 с.
14. Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка. Т. I. А-Р. 470 с.; Т. II. С-Я. 509 с. / Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук. Чебоксары, 1996.
15. Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сөзтік / Хакасский НИИ языка, литературы и истории. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.
16. Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkssprachen. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1969 [Lexica societatis Fenno-Ugricae XVII. 1]. 533 S.

КОРНИЛОВ ГЕННАДИЙ ЕМЕЛЬЯНОВИЧ – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего и сравнительно-исторического языкознания, декан филологического факультета, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (gennkorn@rambler.ru).

KORNILOV GENNADIY YEMEL'YANOVICH – doctor of Philology, professor, head of the General and Comparative-Historical Chair, dean of the Philology Faculty, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 81.37

Е.М. МАКЛАКОВА

**ОТРАЖЕНИЕ МНОГОГРАННОСТИ ВНЕШНОСТИ, ПОВЕДЕНИЯ
И ХАРАКТЕРА ЧЕЛОВЕКА В ЭНТОМОЛОГИЧЕСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ
АНГЛИЙСКОГО, ФРАНЦУЗСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ**

Ключевые слова: сопоставительный анализ, фразеологическая единица, энтомологическая лексика, насекомое, внешность, поведение, характер, разноструктурные языки.

В статье сделана попытка систематизации и выделения антропоцентрических характеристик на материале фразеологических единиц с названиями насекомых в трех разноструктурных языках.

Ye.M. MAKRAKOVA
**REFLECTION OF THE MULTIPLICITY OF HUMAN APPEARANCE,
BEHAVIOUR AND CHARACTER IN THE ENTOMOLOGICAL PHRASEOLOGY
OF THE ENGLISH, FRENCH AND RUSSIAN LANGUAGES**

Key words: comparative analysis, phraseological unit, entomological vocabulary, insect, appearance, behavior, character, languages of different structures.

This article presents an attempt to systematize and to reveal some anthropocentric characteristics on the material of phraseological units with the names of insects in three languages of different structures.

Каждый язык уникален, поскольку отражает свойственное его носителю восприятие окружающего мира, особенности менталитета данного народа. Особенно ярко эти особенности можно проследить в ходе сопоставительного анализа фразеологических единиц (ФЕ), под которыми в свете современного видения объема фразеологии понимаются устойчивые обороты, а также пословицы, поговорки, крылатые слова (Е.Ф. Арсентьева, Л.Р. Сакаева, Г.З. Дарзаманова, В.В. Катермина и др.). Работы исследователей исходят из широкого понимания фразеологии, предполагающего «изучение устойчивых фраз разных структурных типов, обладающих различными семиотическими функциями, так как именно при таком подходе существует возможность рассмотреть весь класс единиц, объединенных универсальными признаками устойчивости и воспроизводимости» [3. С. 77]. Яркой метафоричностью и культурным своеобразием отличаются ФЕ с зоонимным компонентом, т.е. обороты, в состав которых входят названия животных. Зооморфизмы являлись объектом исследования многих отечественных лингвистов: А.В. Кунина, В.В. Виноградова, А.И. Смирницкого, О.С. Ахмановой, В.А. Архангельского, В.Н. Телии, Д.О. Добровольского, Ю.П. Солодуб, Г.Г. Соколовой, Д.М. Мардановой, Ю.Г. Завалишиной, В.Н. Сергеева, Л.Р. Сакаевой и др. Однако ФЕ, в состав которых входит энтомологическая лексика (названия насекомых), ставшая объектом предлагаемого исследования, не подвергались специальному анализу, что подкрепляет актуальность изучения этого лексического материала. Отметим, что данный пласт лексики образует инсектологическую группу зоонимов (названий всех животных). Согласно Большому словарю иностранных слов, «инсектология – то же, что и энтомология», т.е. являются схожими понятиями, так как это разделы зоологии, изучающие насекомых [2. С. 206]. В рамках данной статьи рассмотрены такие антропоцентрические аспекты исследуемых ФЕ, которые характеризуют внешность человека, черты его характера и поведение.

Анализ 318 русских ФЕ с названиями насекомых, 202 французских и 102 английских, собранных с помощью сплошной выборки из фразеологических словарей, словарей пословиц и поговорок английского, французского и русского языков, показал, что каждый язык по-своему характеризует внешность человека, используя свойственные только ему единицы языка, в данном случае названия насекомых. Так, английская ФЕ с компонентом «клоп» *bug-eyed* (букв. с глазами как у

клопа) характеризует пучеглазого человека, т.е. с глазами навыкате. Низкий рост человека отражен в следующей ФЕ с компонентом «кузнечик» – *knee-high to a grasshopper* (букв. кузнечик по колено). Во французском языке компонент «кузнечик» также входит в состав ФЕ, характеризующую рост человека, но с дифференциальным признаком «худощавая, нескладная девушка или женщина»: *grande sauterelle* (букв. большой кузнечик). В русском языке особенность телосложения, а именно, худоба, передается в ФЕ с компонентом «комар»: *как в комаре сала*. Признаком «хилый, слабый, худой, болезненный человек» обладают следующие русские ФЕ: *его/и муха крылом перешибет; как в комаре сила; ударил, как муха крылом задела*. Строение тела «осы» нашло отражение во фразеологическом фонде всех анализируемых языков: *осиная талия* – *taille de guêpe* – *wasp-wasted*, характеризующих подчеркнутую талию девушек и женщин. Компонент «паук» во французских ФЕ характеризует строение пальцев человека: *doigts d'araignée* (букв. пальцы как у паука), *pattes d'araignée* (букв. лапки паука) с дифференциальным признаком «костлявые крючковые пальцы». Характеристика выражения лица, а именно «кислая, недовольная физиономия» передается русской ФЕ: *как/словно/точно муху проглотил*. Для характеристики особенностей внешнего вида человека компонент «вошь» в составе ФЕ является доминантным во французском языке. Данный компонент используется в ФЕ для описания бороды – *piège à poux* (букв. ловушка для вшей), *barbe à poux* (букв. вшивая борода) с дифференциальным признаком «густая кучерявая борода», волосяного покрова головы – *aérodrome/ patinoire à poux* (букв. аэродром/каток для вшей, т.е. лысая голова), *vélodrome à poux* (букв. велодром для вшей, т.е. лысина, плешь). В значении «лысая голова или голова с плешью» в русском языке также используется данный компонент: *лбом красится, а затылок вши едят; передом щипит, а затылок вши выел; у Тараса на плечи разыгрались три вши*. Кроме того, компонент «вошь» в составе французской ФЕ характеризует нечистоплотность человека – *sale comme un pou* (букв. грязный как вошь). Признак «непривлекательность, уродство» отражен во французских ФЕ с компонентами «вошь» и «гусеница»: *laid/moche comme un pou <retourné>* (букв. уродлив как вошь <перевернутая>), *laid comme une chenille* (букв. уродлив как гусеница).

Черты характера и поведения человека нашли разностороннее отражение во фразеологизмах с компонентом-насекомым в анализируемых языках. Данные единицы в анализируемых языках могут характеризовать такие свойства характера и поведения, как добродушие: *божья коровка; он и мухи/комара не обидит/не убьет, он и во сне комара не убьет; il ne ferait pas de mal à une mouche* – *he wouldn't hurt/harm a fly* (букв. он и мухе не навредит), жадность: *из блохи голенище кроут/кроуть, il écorcherait un pou pour avoir sa peau* (букв. он растерзает вошь ради ее кожи), *flay/skin a flea for the/its hide <and tallow>* (букв. терзать блоху ради кожи <и сала>), бахвальство: *<как> муха на возу – a fly on the coach – la mouche du coche*, хитрость: *хитрый(ая) как муха, fine mouche* (букв. хитрая муха), невнимательность: *ловить/считать мух, bayer aux mouches* (букв. глазеть на мух), трудолюбие: *трудолюбивый(ая)/хлопотливый(ая)/усердный(ая) как пчела/муравей, as brisk as a bee* (букв. живой/проворный как пчела), *муравьиный труд – travail de fourmi*, услужливый: *plat comme un punaise* (букв. раболепный как клоп), *служивый, что муха – была бы щель – везде пролезет*, ревность: *être jaloux comme un pou* (букв. быть ревнивым как вошь).

Такие аспекты поведения человека, как «чудаковатость», «мелочность», «назойливость» и «праздность» отражены в наибольшем количестве ФЕ с энтомологической лексикой в исследуемых языках. Так, странное поведение человека, о котором говорят, что он «не в себе», «тронутый, тронулся», «с придурью», «совсем рехнулся», «помешался», выражено в русских ФЕ с компонентами «муха», «таракан» с опорным глаголом «иметь», который может только подразумеваться:

с мухами в носу, мухи в голове, с тараканами, тараканы в голове. В английском языке такое поведение отражено в ФЕ с такими названиями насекомых, как «пчела» и «клоп»: *to have one's head full of bees* (букв. иметь полную пчел голову), *to be as a bedbug* (букв. быть как клоп), *to have a bee in one's bonnet/head* (букв. иметь пчелу в голове, в значение быть фантазером, чудачком, тронуться, помешаться на какой-либо идее, иметь навязчивую идею). Данное значение закреплено за такими представителями инсектологической группы, как «таракан» и «паук» в составе французских ФЕ: *avoir un cafard dans la tête/la tirelire* (букв. иметь таракана в голове/копилке), *avoir des papillons dans le compteur* (букв. иметь бабочек в счетчике, в значение быть не в себе), *avoir l'araignée dans le servreau/dans la coloquinte/au plafond/dans la tête* (букв. иметь паука в мозгу/голове, в значение быть тронутым). Отметим, что данные обороты могут выражать разнообразные внутренние состояния и настроения человека: глупость, сумасшествие, упрямство, легкомыслие, безрассудство, поглощенность настроениями, связанными с навязчивыми, дурными мыслями. Это связано с сохранившимися во многих языках суевериями, связанными с индоевропейской мифологией, согласно которой в мух и других насекомых мог оборачиваться дьявол, который через нос или рот проникал в голову человека и делал его странным, бесноватым и т.п. [1. С. 455–456].

Ассоциация насекомых с мелким, незначительным предметом ярко выражена в ФЕ с компонентами «муха», «блоха», «мошка», «комар», «вошь», которые в сочетании с опорными глаголами «содомить», «искать», «оцеживать» и «выплесывать» означают придирается к пустякам, мелочам, ненужным деталям, не видя главного. Французский оборот *enculer les mouches* (букв. содомить мух) в том или ином морфологическом облике – *enculeur de/des mouches* (букв. содомист мух), *enculage de mouche(s)* (букв. содомия мух) означает «мудрить, спорить по пустякам, придирается». Одной из первостепенных задач сопоставительного исследования является выявление специфики исследуемых явлений разноструктурных языков. Следующий ряд ФЕ: *искать блох* – *chercher des poux à qn* и *catch fleas for* (букв. искать, ловить блох), где опорным глаголом является «ловить, искать», а мотивирующим компонентом «блоха» выражают противоположные значения. Так, если процесс «поиска блох у кого-либо» для русских и французов является актом придирки и выискивания недостатков, что ведет к ссоре между людьми, то для англичан это означает, что люди находятся в близких отношениях между собой. Ситуация, когда человек ищет повод для ссор, обрисована в следующих вариантах французского языка с заменой опорного фрагмента: *chercher les puces* (букв. искать вшей), *chercher les/des poux à/dans/sur la tête de/à qn* (букв. искать блох у кого-либо в голове), *chercher des poux dans la crinière du lion* (букв. искать вшей в гриве льва). Другим примером несовпадения значения схожих по лексико-семантической структуре ФЕ могут служить следующие ФЕ с компонентом «блоха»: *блошинные укусы*, т.е. мелочные придирки, обиды, тогда как английский оборот *flea-bite* (букв. укус блохи) означает маленькую, неважную проблему, траты и расходы. Кроме того, метафоричное противопоставление «неважное»–«важное», «второстепенное»–«главное», «нестоящее»–«стоящее обсуждений» с иронией маркировано в противопоставлениях «комар»–«верблюд» в английской и русской ФЕ и «мошка»–«верблюд» – во французской: *strain at a gnat <and swallow a camel>* (букв. процеживать комара <и проглатывать верблюда>), *rejeter le moucheron et avaler le chateau* (букв. выплевывать мошку и проглатывать верблюда). Данные ФЕ характеризуют человека, проявляющего мелочную заботливость о ничтожных вещах, преимущественно при невнимании к важному. В русском языке данное значение отражено в обороте *оцеживать комара*, образованном от выражения «из Евангелия, из изречения Христа о людях совестливых в ничтожных делах, а в важных – бессовестных», т.е. о лицемерах, «оцеживающих комара, а верблюда поглощающих» [1. С. 327].

Группа ФЕ, характеризующая «назойливость, надоедливость человека», представлена в русских ФЕ с компонентом «муха»: *брюзжит, как муха в осень/как/что осенняя муха; докучлив, что ильинская муха; пристать как муха; стрекотать/жужжать как назойливая муха; назойливый/надоедливый/приставучий/неотвязчив как муха; пристаёт как муха на сон грядущий*. Во французском языке такая линия поведения заключена в ФЕ с компонентами «моль» и «клещ»: *tenir comme <une> teigne* (букв. пристать как моль), *être comme une tique après* (букв. быть как клещ), т.е. мучить, приставать, преследовать. В английском языке ФЕ с данным значением не обнаружены.

Аспект «праздность», представленный преимущественно в энтомологических ФЕ русского и французского языков, может подразумевать две группы со значениями «бездействие» и «занятие пустяками». К первой группе относятся ФЕ, означающие «спать, дрыхнуть»: *клопа давить, en écraser des punaises* (букв. клопов давить), *charmer ses/les puces* (букв. очаровывать своих блох). К данной группе относятся также ФЕ с компонентом «трутень», которому соответствуют такие характеристики, как «лентяй, лежебок, лодырь»: *трутням праздник и по будням, трутни горазды на плутни*. Вторую группу образуют ФЕ, характеризующие человека, который занимается бесполезными делами: *ловить/считать мух, bayer aux mouches* (букв. глазеть на мух), *gober/compter/attraper les/des mouches* (букв. глотать/считать/ловить), *courir/voler après les papillons* (букв. гоняться за бабочками), *attraper les hannetons* (букв. ловить майских жуков), *mesurer les sauts d'une puce* (букв. замерять прыжки блохи).

Таким образом, анализ показал, что ФЕ с опорным компонентом-насекомым могут отражать различные антропоцентрические аспекты в английском, французском и русском языках. Выбор того или иного компонента ФЕ определен культурными особенностями определенного менталитета. Внешность человека характеризуется в английских ФЕ такими мотивирующими элементами, как «клоп», «кузнечик», «оса»; во французском – «вошь», «паук», «оса», «гусеница»; в русском – «муха», «комар», «оса», «вошь». Особенности характера и поведения нашли многостороннее отражение во фразеологическом фонде трех сопоставляемых языков. Наиболее предпочтительными аспектами человеческого поведения и характера, отраженными в энтомологических ФЕ анализируемых языков, являются «странное поведение», «мелочность», «надоедливость» и «лень».

Литература

1. Бирих А.К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов / под ред. В.М. Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. М.: Астрель; АСТ; Хранитель, 2007. 926 с.
2. Большой словарь иностранных слов / сост. А.Ю. Москвин. 7-е изд., испр. и доп. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. 685 с.
3. Дарзаманова Г.З. Фразеологические единицы и паремии с антропонимами в русском, татарском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2002. 174 с.
4. Словарь символов и знаков / авт. и сост. В.В. Адамчик. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2006. 240 с.

МАКЛАКОВА ЕВГЕНИЯ МИХАЙЛОВНА – аспирантка кафедры германской филологии, Филиал Казанского (Приволжского) федерального университета в г. Набережные Челны; ассистент кафедры иностранных языков, Камская государственная инженерно-экономическая академия, Россия, Набережные Челны (maklakovaevgenya@mail.ru).

MAKLAKOVA YEVGENIYA MIKHAYLOVNA – post-graduate student of Germanic Philology Chair, Branch of Kazan (Volga Region) Federal University in Naberezhnye Chelny; assistant of Foreign Languages' Chair, Kama State Academy of Engineering and Economics, Russia, Naberezhnye Chelny.

УДК 811.161.1

О.В. ПРОКОПЬЕВА

СТРУКТУРА ПСЕВДОНИМОВ

Ключевые слова: ономастика, псевдонимика, псевдоним, структура.

Статья посвящена проблемам псевдонимии. Для исследования привлекаются материалы справочников и словарей, а также периодических изданий и Интернет-сайтов. Доказывается, что псевдонимы как вид онимов имеют свою специфику, особенности образования и собственную структуру. В русском и английском ономастике структуры псевдонимов имеют как общие, так и отличные черты.

O.V. PROKOPYEVA

THE STRUCTURE OF PSEUDONYMS

Key words: onomastics, pseudonymics, pseudonym, structure.

The present article considers the problems of pseudonymics. We use a number of resources for our research, such as reference books, dictionaries, magazines, newspapers and Internet sites. It is proved that pseudonyms have their specificity, peculiarities of forming and their own structure. In the Russian and English onomastics pseudonyms' structures have both similar and specific traits.

В русской традиции основная масса псевдонимов стоит ближе всего к фамилиям и употребляется параллельно с ними или вместо них, естественно, что многие псевдонимы напоминают фамилии и даже с трудом от них отличаются. Так, например, *Н. Рубцов* – псевдоним поэта Н.М. Жоголева (по прозвищу его деда – Рубец). При образовании вымышленного имени используется морфологическая модель русских фамилий. Элемент искусственности заключается лишь в переносе на данное лицо фамилии, ему в действительности не принадлежавшей.

Однако псевдонимы – это не только фамилии, и это позволяет им приобретать самые причудливые формы, включать необычные для данного языка сочетания гласных и согласных звуков. В псевдонимах допускаются нарушение общепринятого для данного языка слогового состава, нетипичные начальные и конечные элементы и т.д. Подобные псевдонимы смыкаются с такими элементами искусственного словотворчества, как товарные знаки, техническая и коммерческая номенклатура, сортовые обозначения, представляющие собой достаточно новую и весьма прихотливую часть словарного состава со своими особыми закономерностями [4. С. 140].

Простой способ сделать фамилию неузнаваемой – это написать ее наоборот. Так, приведенные ниже примеры псевдонимов, появившихся в конце XVIII в., построены на инверсии христианских имен: Иван Крылов – *Нави Волырк* (русский баснописец), Григорий Кушелев – *Йерогирз Велашук* (редактор «Всякой всячины» в 1796-70). В современном ономастике псевдонимы, образованные по данной модели, не получили распространения, так как в результате обычно получается некрасивое сочетание звуков.

Более распространены псевдонимы, образующие анаграмму имени носителя. Одним из старых псевдонимов, созданных по данному типу, является псевдоним русского писателя начала XVIII в., молдавского князя Антиоха Кантемира: *Харитон Макентин* [4. С. 112].

Превращение обычной фамилии Абрамов в довольно звучную *Агранов* достигается заменой двух букв. Реже встречается иной способ – опущение слога. Так, псевдоним *Ранович* скрывает еврейское происхождение настоящей фамилии публициста: Рабинович. Псевдоним *Ланн* также еврейского происхождения, он принадлежит писателю, настоящая фамилия которого Лозман.

Другой распространенный прием – отсечение части подлинной фамилии. Простой случай – псевдоним писателя *Грина*, который придал своей фамилии иностранный оттенок, пожертвовав ее второй половиной: Гриневский (образовалась от одной из уменьшительных форм имени Григорий – *Гринь*).

По данной модели были образованы и другие псевдонимы:
Анников – Штанников (автор произведения «Новый путеводитель. Четыре пути по Иматру»),

Злов – Козлов (поэт, философ),

Нивцев – Агнивцев (поэт),

Ратов – Муратов (драматург).

Иногда вымышленное имя образуется путем перевода иноязычной основы фамилии на русский язык: Фриденберг (Friedenberg) – *Мирногородов*, или с русского на иностранный. Встречаются случаи перевода основы фамилии исконного происхождения на другие языки:

Адамантов – Алмазов (алмаз), греч. Ἀδάμας, (поэт),

Сотерский – Спасский (Спас), греч. Σώτηρ, (церковный историк),

Тавридин – Крымов (Крым) греч. Τάυρις, (писатель).

Особый случай представляет семантическая замена, т.е. псевдоним базируется на слове, имеющем такое же или сходное значение, как у слова, от которого образована подлинная фамилия, например:

Жучков – Хрущев,

Кречетов – Соколов,

Курганов – Могильников,

Миртов – Лавров.

Нередко в качестве псевдонимов использовались патронимические имена на **-ич**. Поскольку в российском ономастиконе имеется большое количество подлинных фамилий этого типа, патронимические псевдонимы прекрасно вписываются в традиционную номенклатуру. Наглядными примерами являются псевдоним *Серафимович* писателя Александра Серафимовича Попова и псевдоним *П. Сергеевич*, принадлежащий адвокату и писателю Петру Сергеевичу Пороховщикову. В словаре Масанова зафиксировано 18 примеров имени *Александрович*, 25 – *Иванович* и ряд других настоящих отчеств, используемых в качестве псевдонимов [1. С. 38].

Не менее распространенной была и другая модель, когда в качестве псевдонима использовалась сокращенная от отчеств форма. Псевдонимы, образованные путем отсечения конечного **-ич**, также хорошо вписываются в модель русских фамилий:

Адамов – Артур Адамович Блок (журналист),

Авдеев – Анатолий Авдеевич Дивильновский (критик),

Владиславлев – Игнатий Владиславович Гульбинский (библиограф),

Трофимов – Александр Трофимович Иванов (драматург).

Особый случай представляет слияние крестильного имени с патронимическим. Этот случай иллюстрирует псевдоним *Асильсергеевич*, принадлежащий Василию Сергеевичу Карпову. Данный псевдоним образован путем отсечения начального **В**- и «разговорным, даже вульгарным произношением отчества» [5. С. 185].

Исследователь Б.О. Унбегаун в отдельную группу выделяет псевдонимы из двойных фамилий, сочетающих подлинную фамилию и псевдоним. Так, двойная фамилия историка и литературного критика Иванова-Разумника представляет собой сочетание подлинной фамилии и редкого крестильного имени, буквально означающего «разумный».

Ряд наиболее преуспевающих писателей и поэтов начинали свою творческую деятельность под псевдонимами, но позднее вернулись к своим настоящим фамилиям. В результате они известны под двойными фамилиями, когда собственная фамилия соединяется с псевдонимом, причем подлинная фамилия обычно пишется в начале:

Афанасьев-Чужбинский – Афанасьев (писатель, этнограф);

Бестужев-Марлинский – Бестужев (писатель, декабрист);

Гусев-Оренбургский – Гусев (писатель);
 Лебедев-Кумач – Лебедев (поэт, писатель);
 Лебедев-Полянский – Лебедев (литературовед, критик);
 Мамин-Сибиряк – Мамин (писатель);
 Мельников-Печерский – Мельников (писатель);
 Петров-Скиталец – Петров (поэт, прозаик);
 Салтыков-Щедрин – Салтыков (писатель);
 Чехихин-Ветринский – Чехихин (музыкальный критик, переводчик);
 Шеллер-Михайлов – Шеллер (прозаик, поэт, публицист);
 Якубович-Мельшин – Якубович (поэт, прозаик).
 Реже псевдоним ставится перед настоящей фамилией, например:
 Гарин-Михайловский – Михайловский (писатель);
 Львов-Рогачевский – Рогачев (критик, историк литературы);
 Степняк-Кравчинский – Кравчинский (публицист, народник, писатель).

Подобные явления наблюдаются и в английском ономастике. Замена могут подвергаться несколько букв настоящей фамилии: *Daryl Hall* – Daryl Franklin Hohl, *Eddie Cochran* – Edward Ray Cochrane, *Eric Clapton* – Erick Patrick Clapp.

Таким образом, структура псевдонимов в русском и английском ономастике имеет схожие черты.

Литература

1. Дмитриев В.Г. Придуманные имена. М.: Современник, 1986. 225 с.
2. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988. 192 с.
3. Подсваткин С.А. Энциклопедия псевдонимов. М.: Терра, 1999. 256 с.
4. Суперанская А.В., Суслова А.В. Современные русские фамилии. М.: Наука, 1984. 176 с.
5. Унбегаун Б.О. Русские фамилии. М.: Прогресс, 1989. 443 с.

ПРОКОПЬЕВА ОЛЕСЯ ВАЛЕРЬЕВНА – аспирантка кафедры русского языка, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, Санкт-Петербург (eurica@rambler.ru).

PROKOPYEVA OLESYA VALERYEVNA – post-graduate student of Russian Language Chair, St. Petersburg State University, Russia, St. Petersburg.

УДК 821.512.111(092)

Н.И. РЕЦ, А.Р. ГУБАНОВ

КАТЕГОРИИ «АРГУМЕНТАЦИЯ» И «ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЙ» В ЯЗЫКАХ РАЗНЫХ СТРУКТУР*

Ключевые слова: аргументация, тезис, категория «принятие решений», языки разных структур, картина мира.

Дан сопоставительный анализ ментальных структур категорий «аргументация» и «принятие решений», выделены их семантические и структурные особенности

N.I. RETZ, A.R. GUBANOV

CATEGORY OF «REASONING» AND «DECISIONS MAKING» IN THE LANGUAGES OF DIFFERENT STRUCTURES

Key words: argumentation, the thesis, the category of «decisions making», languages of different structures, the picture of the world.

Comparative analysis of mental structures and categories «argumentation» and «decisions making» are highlighted in their semantic and structural features.

Аргументацию можно считать распространенным способом формирования каузальных отношений в процессе принятия решений. Принятие решения – это ментальное событие, знаменующее собой «переход от одного «состояния мира»

* Исследование выполнено по госконтракту № 16.740.11.0119 ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг.

к другому, конъюнкцию двух (и более) последовательных «положений вещей» [5. С. 172], причем «состояние мира» здесь – это состояние ментального мира субъекта. Аргументативные процедуры приводят механизм принятия решений в действие. Когнитивная теория, в частности, рассматривает естественную языковую аргументацию как процесс, нацеленный на получение нового знания и являющийся способом его формирования. Аргументация как способ формирования нового знания характеризуется признаками сознательности и произвольности и состоит в последовательном преобразовании определенных структур знания субъекта аргументации, который в процессе коммуникации осуществляет целенаправленное и планомерное изменение соответствующих структур адресата аргументации [2, 4]. Такое преобразование мыслительных структур способствует не только целенаправленной передаче нового знания от одного участника коммуникации к другому, но и также необходимым изменениям модели мира адресата так, чтобы новое знание могло быть безболезненно в нее включено. В результате взаимодействия субъекта и адресата естественной языковой аргументации возникает последовательность речевых высказываний, образующих языковую основу аргументирования. Другими словами, непосредственным средством включения нового знания в модель мира адресата является совокупность речевых высказываний, обладающая свойствами, необходимыми для соответствующего изменения структур мышления адресата аргументации. Иными словами, для аргументативной ситуации характерен когнитивный диссонанс и четко выраженная прагматическая направленность на воздействие со стороны адресанта на адресата в выборе альтернатив в процессе принятия адресатом решения.

При логико-семантическом анализе аргументативных ситуаций можно использовать модель единичной аргументации С. Тулмина [7]. Как известно, для классификации частей аргументации С. Тулмин предлагает следующие термины: утверждение (claim), основания (grounds) и обоснование (warrant) составляют первичную триаду элементов; поддержка (обоснования) (backing), различные оговорки (reservations) и определители (qualifiers) суждений составляют вторичную триаду. В схемах аргументации основное утверждение аргументатора обозначено как *C*, обоснование – *W*, поддержка обоснования – *B*, различные аргументы основания обозначены цифрами 1.1., 1.2. и т.д. Следует отметить, что модель аргументативных функций С. Тулмина была создана как альтернатива дедуктивному способу анализа аргументации и как принятие индуктивного метода в качестве научной основы исследований проблем человеческого общения и языка. Для понимания модели С. Тулмина важно иметь в виду, что Тезис в аргументе является не истинной в конечной инстанции, а суждением, которое можно оспорить. Базовая (трёх-составная) модель С. Тулмина содержит 3 компонента: Тезис, Данные, Основание (Claim, Data, Warrant). В реальной аргументации наличие доводов не ограничивается тремя предложениями. В шестичленную модель аргументативных функций добавляются ещё три компонента: Свидетельство (Backing), Ограничитель (Qualifier) и Оговорка (Rebuttal).

Феномен аргументации в процессе принятия решений можно представить в виде фрейма с присоединенными процедурами, составляющими часть управляющих (или мета-) знаний (имена его слотов обозначают компоненты когнитивной ситуации-прототипа «принятие решения», значениями слотов будет содержание состояния текущей модели мира субъекта – фрагменты знаний, поэтапно актуализуемые в процессе принятия решения, присоединенные процедуры – это аргументативные операции, осуществляющие актуализацию слотов, поиск их значения и переход от одного слота к другому [6. С. 59]. Аргументация, таким образом, – это когнитивное событие, которое имеет своей целью каузиро-

вать у субъекта определенное ментальное состояние (фиксирующее решение) и состоит в актуализации тех или иных фрагментов знаний, способных выступить в роли компонентов ситуации принятия решения. Ср.: *И я не знаю, что любовь менее взыскательна, нежели дружба, – сказал он, – она даже часто слепа, любят не за заслуги – все так. Но для любви нужно что-то такое, иногда пустяки, чего ни определить, ни назвать нельзя и чего нет в моем несравненном, но неповоротливом Илье. Вот и я удивляюсь (Гончаров).* – Юрату туслăх пек мар, сахалтарăх ыйтнине пĕлместĕп элĕ, – терĕ вăл. – Юрату вăл суккăр. Анчах та юрату валли тем кирлĕ, хăш чух нима тăман япала. Мĕн кирлине калама та пĕлес сук. Анчах та çав япала Илюшра сук; *Послушайте, – продолжал он с живостью, – мы никогда не дойдем так до конца, не пойдем друг друга. Не стыдитесь подробностей, не пощадите себя на полчаса, расскажите мне все, а я скажу вам, что это такое было, и даже, может быть, что будет... Мне все кажется, что тут... не то... Ах, если б это была правда! – прибавил он с одушевлением. – Если б Обломова, а не другого! Обломова! Ведь это значит, что вы принадлежите не прошлому, не любви, что вы свободны... Расскажите, расскажите скорей! – спокойным, почти веселым голосом заключил он (Гончаров).* – Итлĕр-ха, кунашкал каласă лаарсан эпир пĕр-пĕрне ĕнланаймăр. Ан вăтанăр, хăвăра та ан хĕрхенĕр, мана пĕтĕмпех тĕплĕн каласа кăтартăр, элĕ вара сире мĕн пулни тата малашне мĕн пуласси çынчен каласа парăп. Ахаль мар пек туйăнат мана, сук, ахаль мар. Ах, енчен те çакă тĕрĕс пулсан! – хавхаланупа хушса хучĕ вăл. – Урăххине мар, Обломова! Обломова! Ку эсир ирĕклине пĕлтерет-сĕке. Часрах каласа парăр! – хаваслă сасăпа вĕçлерĕ вăл хăйĕн сăмахне.

Аргументация, представляемая на суд партнеров при коммуникации, основывается при анализе и совершается в аргументативном цикле – в виде последовательности аргументативных процедур. На ее основе реализуются различные аргументативные схемы, где под схемой понимается динамическое образование, представляющее собой последовательность операций. Операции в конкретном аргументативном цикле зависят от актуализованности/неактуализованности компонентов принятия решения в текущей модели мира адресата. В дискурсе аргументативные операции обретают статус иллокуций. Условия успешности иллокутивного акта определяются семантической структурой лежащего в его основе когнитивного действия, анализ иллокуций сводится к выявлению семантики когнитивных операций. Тем самым иллокуции не только отражают коммуникативные намерения, но и указывают, часто эксплицитно, в виде перформативных высказываний, на мыслительные действия с содержащимися в тексте суждениями, которые автор и адресат синхронно выполняют в процессе аргументации. Аргументация как макроречевой иллокутивный акт отражает семантическую структуру когнитивного события аргументации. В коммуникативном аргументативном речевом акте речевые акты связаны отношением иллокутивно независимым и иллокутивно зависимым. Связь между независимым и зависимым речевыми актами и особенностями ее проявления определяются разнообразными факторами. В соответствующих речевых актах посредством дискурсивных актов устанавливаются определенные дискурсивные функции компонентных речевых актов (их функции в структурировании речевого акта обусловливания в целом). В речевых актах обусловливания обычно речевой акт-тезис получает статус главного, а речевой акт-аргумент получает статус вспомогательного, вследствие которого они выступают как координированные речевые акты. Иллокутивная сила аргументативных речевых актов может быть представлена эксплицитно в виде перформативного глагола или прагматически релевантными элементами предложения (эксплицитно-перформативные высказывания) или же имплицитно: без так называемых индикаторов иллокутивной силы (имплицитно-перформативные высказывания). Экс-

плицитно-перформативным речевым актам обусловливания присущи такие признаки, как эквиакциональность, самоверифицируемость, автореферентность. В зависимости от морфологической природы иллокутивные единицы в данных высказываниях могут быть представлены глаголом и существительным: Например: *Приказываю, выходи сюда, чтобы все тебя видали (Шолохов).* – *Элĕ сана унта тухма хушатăп, пурте сана курчăр. Эсĕ чĕлхуне ытлашиши ирĕке ан яр, мĕншĕн тесен элĕ Таня Савандеевăна качча илетĕп: çапларах сĕнĕ (Краснов).* – *Мой тебе совет: язык свой слишком не распускай, потому что я женюсь на Тане Савандеевой.* Как показывает собранный нами фактографический материал, в русском и чувашском языках в основном совпадают канонические перформативы и обозначают ту же номенклатуру иллокутивных актов. Способность к перформативному употреблению индикаторов иллокутивной силы обусловлена их специализацией, уточнением характера иллокутивного акта. В качестве общего смысла перформативов сопоставляемых языков выступает компонент «говорить»: подтвердить – *çирĕплетсе* пар, *тĕрĕссине ёнентер*, *тĕрĕссине палăрт*; приказывать, требовать – *хуш*, *приказ* пар, *хисте*, *ыйт*; советовать, предлагать – *сĕн*, *канаш* пар и т.д.

Одним из важнейших аспектов проблемы принятия решения является то, что принятие решения — это решение задач для целей действия: *Мĕн-мĕн кăна илтместĕн тĕрлĕ тĕлтен тĕрлĕ сынсем пухăнă çĕрте! Йăвашав уллuchĕ Андрей Егорович Головинский, улпутсемпе хресченсене килĕштерсе пурăн-тарма тăрăшса, шкулсемпе пульницăсем усма шутлатă иккен, Куславкка улпутне Аргамакова воинский начальнике лартнă (Петĕррки).* – *Чего только не услышишь на людном месте! Барин Андрей Егорович Головинский, желая жить в согласии с крестьянами, решил построить школу и больницу. Козловский барин Аргамаков стал воинским начальником.*

Аргументация, как видно из примеров, содержит информацию и способы ее преобразования — процедуры, выполняемые в ходе формирования решения. А конечной целью принятия решения является решение о выборе потенциального действия.

Литература

1. Григорьева Т.П. Образы мира в культуре // Культура, человек и картина мира. М.: Наука, 1987. С. 262-299.
2. Демьянков В.З. Когнитивизм, когнициия, язык и лингвистическая теория // Язык и структура представления знаний. М.: ИНИОН РАН, 1992. С. 39-77.
3. Ивин А.А. Ценности и понимание // ВФ. 1987. № 8. С. 31-43.
4. Маслоу А.Г. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999. 478 с.
5. Шатуновский И.Б. Пропозициональные установки: мнение и воля // Мышление, когнитивные науки, искусственный интеллект. М.: Наука, 1988. С. 168-173.
6. Fillmore C.J. The Case for case Reopened/Syntax and Semantics. V.S. N.Y.: Academic Press, 1977. P. 59-81.
7. Toulmin S. The Uses of Argument. Cambridge: Cambridge University Press, MA, 1958.

РЕЦ НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА – докторант кафедры сопоставительной филологии и межкультурной коммуникации, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (AlexGubM@gmail.com).

RETZ NATALIA IVANOVNA – doctoral candidate of Comparative Linguistics and Intercultural Communication Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

ГУБАНОВ АЛЕКСЕЙ РАФАИЛОВИЧ – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой сопоставительной филологии и межкультурной коммуникации, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (alexgubm@gmail.ru).

GUBANOV ALEKSEY RAFILOVICH – doctor of philological sciences, professor, head of Comparative Linguistics and Intercultural Communication Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 808.2

Т.А. СИРОТКИНА

ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА ЭТНИЧЕСКОГО В РЕГИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЕ МИРА**Ключевые слова:** этнический образ, картина мира.

Статья посвящена описанию образа человека этнического в региональной картине мира. Автор рассматривает основные черты, на основании которых складываются этнические образы, а также делает вывод о том, что человек этнический – одна из важных ипостасей образа человека в языковой картине мира.

T.A. SIROTKINA

IMAGE OF HOMO ETHNICUS IN THE REGIONAL WORLD PICTURE**Key words:** ethnic image, world picture.

The article describes the image of Homo Ethnicus in the regional world picture. The author examines the main features, which form the basis of ethnic images, and concludes that homo ethnicus is one of the most important aspects of the human image in the language world image.

Одна из ипостасей образа человека в языковой картине мира – человек этнический. Основным способом актуализации данной ипостаси являются этнонимы – названия людей по этнической принадлежности. Наличие этнонима как у всего исторически возникшего сообщества людей, так и у какой-то его части (субэтнуса) служит проявлением самоидентификации людей и принадлежности их к конкретной общности.

Предмет настоящей статьи – образ человека этнического в региональной картине мира. Исследование осуществлялось на примере многонационального, и потому особенно интересного в этнокультурном отношении региона – Пермского края. Положение его на границе Европы и Азии, степи и тайги стало причиной того, что в разные исторические периоды территорию Прикамья осваивали разные народы. Поэтому в речи современных русских жителей региона функционируют разнообразные этнонимы. Это и названия народов, проживающих на данной территории столетиями (коми-пермяки, русские, татары, башкиры, отдельные группы марийцев, удмуртов), и названия народов, переселившихся сюда позднее, в XIX–XX вв. (поляки, армяне, евреи, украинцы и мн. др.). Все эти названия составляют этнонимикон.

Термин «этнический образ» используется представителями разных гуманитарных наук. Так, этнологи определяют его следующим образом: это форма краткого описания, «в котором выделяется какое-то одно типическое свойство в восприятии представителей других этносов. Этнический образ, акцентируя внимание на какой-либо специфической черте внешнего поведения индивида, формирует общее представление об облике представителей того или иного этноса в целом» [5. С. 216].

В языковой картине мира русских жителей Пермского края отражаются следующие черты этнических образов соседей:

1. Язык того или иного народа: «Были марийцы у нас. У них-то разговор свой» [3]. Именно особенности языка чаще всего отмечаются в различных приговорах и песенках: «Тру-та-та, тру-та-та, вышла кошка за кота. Ладила за барина, вышла за татарина. Стал татарин лопотать, стала кошка хохотать» [3].

Немногочисленный этнос *коми-язьвинцы*, населяющий север Прикамья, до настоящего времени сохранил свою культуру благодаря бережному отношению к своему языку. Противопоставляя свой язык близкому коми-пермяцкому, представители коми-язьвинцев без труда отличают «своих»: «Наш язык с коми-пермяками не сходится, слова есть разные. У них ударение другое, какое-то большое, нам его трудно понять»; «У нас заяц нимал, а у коми-пермяков кэч, у нас прялка коба, а у них печкан» [7. С. 113].

Неумение правильно говорить получает у носителей говоров отрицательную оценку: «Все да не все правильно говорим. Челдоны-то челдоны и есть – необразованные люди» [3].

По наблюдениям Л.А. Шкатовой, «своих», не научившихся пользоваться речью для достижения коммуникативных целей, русские называли дураками, дурными [8. С. 107].

2. Типичные черты характера и поведения: «Он придет, так ево не выго-нишь. Больно навяшшывые. Своя нация – цыганы»; «Шапку не снимат даже. Ты что, по-татарски?» [3].

3. Занятия представителей определенной национальности: «Приезжали раньше-то гадали цыганки»; «Манси раньше наезжали. Унты продавали, туф-ли теплые»; «Третное ткали только пермянки, – оне в шесть ниченков, а мы – в три-четыре» [3].

4. Манера одеваться: «Штаны как у татарки выпушшэны наверх» [3].

5. Особенности вероисповедания.

Опознание «своих» и «чужих» может происходить не только на основе язы-ковых различий, но и на основе различий религиозных. Старообрядцы в народном сознании – это отдельный народ, «как нации». Слово *кержаки*, как и многие этно-нимы, имеет переносное значение – «упрямый, замкнутый человек, а также скупой».

Отсутствие твердой христианской веры получает у русских отрицательную оценку. Недаром жителей д. Коми-Березовка, предки которых на рубеже XIX-XX вв. переселились из коми-зырянского с. Усть-Нем (бассейн Вычегды), соседнее рус-ское население называло *лопарями некрещеными* за то, что подобного населе-ния, к тому же и не посещавшего храмы, не было.

Все эти образы складываются в стереотипные представления о том или ином народе, с которым русское население проживает в тесном контакте.

Однако основой гетеростереотипов, по наблюдениям этнологов, является все же «антропостереотипичность, т.е. обусловленность стереотипа внешним об-ликом индивида» [5. С. 216]: «Личность такая мариец. Глаза узкие» [3].

Стереотипные представления о типичных чертах характера или поведения позволяют использовать этнические имена в качестве нарицательных обозначе-ний. Например, *тунгусом* в пермских говорах называют молчаливого человека: «Спросишь – он молчит. Тонгус называют. Он-де какой тонгус, нельзя-де слова докупиться». Шутливое и бранное значение слова *воть* (так в пермских говорах называли удмуртов), имеющее в Словаре русских народных говоров помету «перм-ское», – «дурак, разиня, болван» [6. С. 164]. Точно так же у представителей других народов слово *русский* может иметь отрицательную коннотацию: «Татары свое-нравных и причудливых людей зовут *русскими*... Урбсливый от уросить – каприз-ный, своенравный. Происходит от татарского урус – русский» [4. С. 151]; «Пермя-ки... очень нечистоплотны. Если попадется обиходная женщина в семью, боль-шаки ругают ее обиходкой, *русской*» [1. С. 18].

Особенно интересны для выявления деталей этнического фрагмента языковой картины мира диалектоносителей так называемые «мотивационные тексты», которые представляют обычно эпистемическую шкалу с дихотомией двух ее крайних точек – знание / незнание» [2].

В одном случае знание может быть основано на сведениях, полученных от родителей и прародителей на основе конкретной пропозиционной структуры. В этом случае в мотивационном тексте обычны отсылки к мнению предков: «А вот вогульё-то раньше, деды сказывали, дэк оне раньше ни соль не знали, ни чё. Мясо берут в зубы, ножом так его р-раз» [3]. В другом случае проявляется не-фактуальное (непропозиционное) знание: «Вотяки они тоже наверно зыряна, наверно, вотьяк – и те, и другие» [3]. Таким образом, в целом создается эписте-мическая градуальность, которая строится с помощью эпистемических показа-телей, эпистемических сигналов (*знаю, не знаю, говорят, на моей памяти, де-ды сказывали* и т.д.): «Не видал, не знаю ханты, манси»; «На моей памяти их всяко называли – шайтаныма, и самоедыма. А живут они где-ко на камню за Уралом. Если их не обидят – они хлебосольные» [3].

Таким образом, одним из главных средств создания образа человека этнического в языковой картине мира являются названия народов (этнонимы), которые используются как в прямом, так и в нарицательном значении. В языковой картине мира отражаются особенности языка того или иного народа, отличительные черты характера и поведения, типичные занятия, манера одеваться и т.д. Все эти образы складываются в стереотипные представления о тех этносах, с которыми русское население проживает в тесном контакте.

Литература

1. Камасинский Я. Пермьяки–инородцы // Камасинский Я. Около Камы. М., 1905.
2. Климкова Л.А. Оним в региональной языковой картине мира // Ономастика Поволжья: материалы X Междунар. конф. Уфа: Изд-во БГПУ, 2006.
3. Материалы экспедиций в д. Акчим Красновишерского района Пермской области из картотеки словарного кабинета Пермского государственного университета.
4. Мельников П.И. (А. Печерский). В лесах // Мельников П.И. Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1976. Т. 4.
5. Садохин А.П. Этнология: учебник для студентов вузов. М.: Академия, 2003. 320 с.
6. Словарь русских народных говоров. М.: Л.: Наука, 1978. Вып. 5.
7. Чагин Г.Н. Этносы и культуры на стыке Европы и Азии. Пермь: Изд-во ПГУ, ПСИ, ПСИ МОСУ, ПССГК, 2002.
8. Шкатова Л.А. Национально-культурные стереотипы поведения и их отражение в фольклоре // Динамика фольклорной традиции на современном Урале. Челябинск: Изд-во Челябинского гос. ун-та, 2000.

СИРОТКИНА ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологического образования и журналистики, Сургутский государственный педагогический университет, Россия, Сургут (sirotkina71@mail.ru).

SIROTKINA TATYANA ALEKSANDROVNA – candidate of philological sciences, associate professor of Philology and Journalism Education Chair, Surgut State Pedagogical University, Russia, Surgut.

УДК 811.161.1'37+811.512.111'36

И.В. СКВОРЦОВА, А.Р. ГУБАНОВ, Г.Ф. ГУБАНОВА

СИНКРЕТИЧНОСТЬ КАК ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫЙ ПРИЗНАК КОНСТРУКЦИЙ С ЗАВИСИМЫМ ТАКСИСОМ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКОВ)*

Ключевые слова: синкретичность, дифференциальный признак, зависимый таксис, русский и чувашские языки.

Проанализированы синкретичные конструкции, выраженные зависимым таксисом. Выявлены их особенности на материале русского и чувашского языков.

I.V. SKVORTSOVA, A.R. GUBANOV, G.F. GUBANOVA

SYNCRETIC AS DISTINCTIVE FEATURE STRUCTURES WITH DEPENDENT TAXIS (ON THE BASIS OF RUSSIAN AND CHUVASH LANGUAGE)

Key words: syncretis, a differential property, Russian and Chuvash languages.

This article analyzes the construction of syncretis expressed by dependent taxis. Their peculiarities are identified on the material characteristics of contemporary Russian and Chuvash languages.

Языковая картина мира (частноязыковая картина мира) формируется национальными (конкретными) языками, так как картина мира – это познавательный когнитивный феномен, который не складывается из значений или суммы значений отдельных слов. Картина мира может быть выражена по-разному в разных языках, однако независимо от этого она должна быть све-

* Исследование выполнено по госконтракту № 14.740.11.0661 ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг.

дена к единству способов существования предметов. В лингвистической литературе много примеров об особенностях дифференциальных и интегративных признаков языковых единиц, субстанциональном, процессуально-динамическом представлении картины мира, атрибутивных/обстоятельственных ее характеристиках.

«Принцип лингвистической дополнительности допускает дополнительное “видение” мира через “языковые представления”, которые возникают в силу специфических особенностей языков» [1. С. 81]. Восприятие, концептуализация мира отражаются в существовании таких универсальных понятийных категорий, как волеитативность, посессивность, темпоральность, обусловленность и т.п.

Анализ интерпликатных отношений в области обусловленности показывает, что в сопоставляемых языках отражаются взаимопереплетения соответствующих отношений, так как существует определенная зависимость, в частности, между причинным отношением, с одной стороны; условным и уступительным – с другой; следственные отношения противопоставляются причинным, условным и уступительным как выразители обратной, а не прямой обусловленности и т.д. Многослойные явления в области семантики обусловленности связаны с сосуществованием в пределах одной конструкции двух или нескольких значений, а также с соотношением семантики и формы ее выражения. В частности, близость причинного и целевого смыслов проявляется в следующих конструкциях: *Я глядел во все стороны, **надеясь увидеть хоть признак жилья или дороги*** (Пушкин). – *Пёр-пёр пұрт-сұрт курса пулмё-ши тесе, эпё пур еннелле те тинкерсе пәхкалатăп; Я, как матрос, **рожденный и выросший на палубе разбойничьего брига**: его дума слилась с бурями и битвами, и, **выброшенный на берег**, он скучает и томится* (Лермонтов). – *Эпё вара хурахсен бригё синче суралса ўснё пек: сав матросан чунё тавалпа сапăсăва йăлтах хăнăхса ситнё, ана типё сёр илёртмест; Кузьма Кузьмич, **преисполненный хороших намерений**, принес Грубскому свое заключение* (Ажаев). – *Кузьма Кузьмич, **лайăх шухăшсем тытнăскер, хайён хутне Грубскине кăтартнă***.

Синкретические конструкции с зависимым таксисом в русском и чувашском языках имеют свои особенности: в употреблении временных форм глагола-сказуемого в предложениях с зависимым таксисом отсутствуют какие-либо ограничения; причастие или деепричастие в оборотах всегда указывает на действие, подчеркнуто одновременное с действием сказуемого, какой бы временной формой оно ни было выражено [2. С. 6-7]. Два действия как бы «накладываются» одно на другое: одно (а именно действие оборота) будто протекает в форме другого – основного действия предложения. Данные обороты допускают два вида трансформаций: а) причинную: *Я глядел во все стороны, **потому что** хотел увидеть...*; б) целевую: *Я глядел во все стороны, **чтобы** увидеть.*

При причинно-временном совмещении значений в оборотах действие, выраженное обособленным оборотом, причастием, вызывает другое действие глагола-сказуемого и обуславливает его, устанавливая вместе с тем хронологические рамки его протекания: *И, **подумав немного**, он велел прийти мне вечером, когда все уедут* (Фадеев). Возможность двойной интерпретации рассматриваемых конструкций – как причинно-временных – подтверждается приложимостью к ним двух видов трансформаций – в причинные и временные придаточные предложения: *Он велел прийти, **когда подумал немного**. – Он велел прийти, **потому что** он немного подумал об этом.* Модели таких предложений, как показывает исследуемый материал, имеют следующие структурные

признаки: а) определенная позиция оборота в предложении; б) видовременная характеристика глагола-сказуемого и неличной глагольной формы оборота.

Как показывает практический материал, в соответствующих оборотах причастия и деепричастия могут обозначать как законченное, предшествующее главному, действие, так и действие незаконченное, одновременное с главным. Напротив, сказуемое в рассматриваемых конструкциях всегда выражено видовременными формами глагола, указывающими на действие единичное, законченное в прошлом. Такое ограничение на употребление видовременных форм глагола-сказуемого в исследуемых предложениях показывает наличие в них причинно-следственной связи. Употребление соответствующих видовременных форм глагола является необходимым грамматическим условием для проявления причинно-временного синкретизма значений в оборотах: в подавляющем большинстве случаев глагол-сказуемое в предложениях с обособленными членами указывает на действие, законченное в прошлом и выраженное формами прошедшего времени: *Тогда, помню, она, **рассердившись** на меня, сильно хлопнула дверью и уехала* (Тургенев). – *Вăл ун чухне ман сине **çилленсе** пурт алăкне хытăн шатлаттарса хупса тухса кайнăччĕ*.

Если определенное соотношение видовременных форм глаголов в оборотах и основного состава предложения является одной из структурных особенностей, то взаимоотношение, как видно из примеров, лексических значений этих глагольных форм рассматривается как их семантическая особенность. Определенное взаимоотношение семантики глагола-сказуемого и причастия/деепричастия признается основным фактором появления того или иного семантико-синтаксического значения в оборотах. Наличие в них значения причины предполагает довольно тесную связь семантики глагола-сказуемого с неличной глагольной формой оборота. В каждом конкретном случае семантика причастия/деепричастия при выражении ими значения причины накладывает ограничения на семантику глагола-сказуемого, так как действие последнего (хотя и главное с точки зрения грамматики), являясь следствием действия глагольной формы оборота, порождается им и зависит от него. Определенные ограничения наблюдаются и в семантике неличной глагольной формы. Как показывают примеры, причастия и деепричастия в причинном значении в большинстве случаев относятся к семантической сфере психической деятельности: *Умри сынсем сине харсăррăн пăхкаласа тăракан Илпеле Микхер, **хăйсем çентернипе савăнса**, шăппăн кулса илчĕç* (Элкер). – *Дерзко смотрящие на впереди стоящих людей Илья и Никифор, **радуясь своей победе**, ехидно улыбались*.

Для русского и чувашского языков характерны также случаи, когда зависимый таксис имеет каузально-атрибутивный смысл: *Я последовал его совету и, поужинав с большим аппетитом, заснул на голом полу, **утомленный душевно и физически*** (Пушкин). – *Вăл каланипе килĕшрĕм. Каçхи апат çирĕм те, **тăнă-пуçăмпа та, ўт-пĕвĕмпе те ывăнса халтан кайнăскер**, çара урайнех ыртса çывăртăм; **Пытка в старину так была укоренена в обычаях судопроизводства, что благодетельный указ, уничтоживший оную, долго оставался безо всякого действия** (Пушкин). – *Хёнесе тĕпчес йăла, суд ёсёнке мён ёлĕк-авалтанах пулнăскер, **ăна пётермелле указ тухнă пулсан та, тытăнса тăнă; Это сердце, пылающее страстно, не знает стыда-совести** (Иванов). – *Çак чĕре, **юратула хёмленсе сунаканн-скер**, намăс мённе те пĕлмест; Они, **предоставленные самим себе, целыми днями играли где-нибудь в саду** (Шолохов). – *Вёсем вара, **хăйсене асăрхаса тăракан сук пирки**, кун каçа аста та пулин выляса çўрерĕç*.***

Для анализа приведенных конструкций важно следующее: события, репрезентируемые атрибутивным оборотом и основной частью предложения, различаются возможными сочетаниями модально-временных планов – причастия настоящего времени/причастия прошедшего времени (подпункты первого случая), во втором и третьем пунктах доминирует причинный смысл: этому способствуют однородность членов и чувашские послелогии со значениями причинности. Приведенные примеры выражают такой атрибутивный признак, который выявляется одновременно с действием и называет причину этого действия. Дополнительный причинный признак появляется как благодаря семантике актуализаторов – второстепенных предложений, так и без них – на основе взаимоотношения семантики первичного и вторичного предикатов, т.е. причинное значение в обособленных оборотах обусловлено соотношением семантики пропозиции, репрезентируемой в атрибутивном обороте и в основной части предложения. Имплиcitный причинный смысл получает эксплицитное выражение путем трансформации данных предложений в сложное предложение с причинным релятивом: **Растерянные, они побрели по улицам. – Они побрели по улицам, потому что они растерялись.** Как следует из примеров, в конструкциях допускаются две трансформации – причинная и атрибутивная, что свидетельствует о наличии в них причинно-атрибутивного смысла.

В сопоставляемых языках зависимый таксис может иметь также оппозитивный смысл «причинность – образ действия»: *Полицейские шли угрюмо, быстро, стараясь ничего не видеть и будто не слыша восклицаний, которыми провожали их* (Горький). – *Полицейским салхуллән, хăвăрт, нимĕн те курасшăн мар пулса, хăйсене асатса кăшкăрнисене илтмĕше хывса утса кайрĕç; Они сидели неподвижно, стараясь не нарушать спокойное течение рассказа, боясь оборвать светлую нить, связывавшую их с миром* (Горький). – *Вĕсем, калавăн лăпкă юхăмне пăсасшăн мар пулса, хăйсене тĕнчеле сыхăнтарса тăракан çутă çипе татасран хăранă пек, ним хускалмасăр итлесе ларчĕç.*

В данных примерах действие оборота обуславливает действие, выраженное сказуемым, указывая вместе с тем на способ его совершения, т.е. сам способ, при помощи которого происходит действие, является одновременно и его причиной. Обороты, совмещающие значение причины и образа действия, могут употребляться во всех позициях. Наиболее характерной для них является постпозиция. Соотношение видо-временных характеристик глаголов в основном составе предложения и в обороте таково: глагол-сказуемое в подавляющем большинстве представлен формами прошедшего времени: указывает на действие, законченное в прошлом, и имеет ярко выраженное значение результативности. Значение результативности главного действия обусловлено не только употреблением сказуемого в форме прошедшего времени, но и видовой семантикой сказуемого: чаще всего оно выражено предельными глаголами, значение образа действия складывается при наличии довольно тесной связи семантики этих глагольных форм. Во многих случаях глаголы, указывающие на главное действие и способ его совершения, обнаруживают близость семантики, более того, относятся к одному понятийному полю: **Будто прочитав мысли хозяина, гость внезапно остановился, заговорил полушутливо, слегка подчеркивая свое превосходство** (Иванов-Паймен). – **Хуҫа шухăшне илтнĕ пекех вырăс ун умĕнче тăп чарăнса тăчĕ.** – **Ну, Павел Алексеевич, хальхи самана пирки мĕн шухăшлатăн, каласа пар, – терĕ вăл.**

При отсутствии тесной связи семантики глагола-сказуемого и причастия или деепричастия появление в обороте значения способа действия в большей степени зависит от контекста.

Семантическая диффузность, как видно из приведенных примеров, представляет конденсацию смыслов, является следствием совмещения двух (или более) однородных (разнородных) смысловых отношений. Семантические осложнения в конструкциях с зависимым таксисом имеют свои особенности: общие признаки синкретических конструкций в их лингвистической интерпретации связаны с тем, что в них наличествуют два события; совмещение отношений обусловленности и общекатегориальных отношений обусловлено их тесной взаимосвязью в объективной действительности.

Литература

1. Авоян Р.Г. Значения в языке. М.: Высш. шк., 1985. 165 с.
2. Высоцкая И.В. Синкретизм в системе частей речи современного русского языка. М.: МПГУ, 2006. С. 6-7.

СКВОРЦОВА ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА – аспирантка кафедры сопоставительного языкознания и межкультурной коммуникации, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (skworcowa21@mail.ru).

SKVORTSOVA IRINA VLADIMIROVNA – post-graduate student of Comparative Linguistics and Intercultural Communication Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

ГУБАНОВ АЛЕКСЕЙ РАФАИЛОВИЧ. См. с. 283.

ГУБАНОВА ГАЛИНА ФЕДОРОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры сопоставительного языкознания и межкультурной коммуникации, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары.

GUBANOVA GALINA FEDOROVNA – candidate of philological sciences, associate professor of Comparative Linguistics and Intercultural Communication Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 82 – 95

Н.С. БАРАНОВА

АНЕКДОТ КАК ФОРМА ИЗОБРАЖЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ И ПЕРСОНАЛИЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н.С. ЛЕСКОВА

Ключевые слова: исторический анекдот, наполеоновский миф, персоналии, николаевская эпоха.

Изучены произведения Н.С. Лескова в историко-культурном аспекте. Выявлены причины мифотворчества писателя, систематизированы и обобщены факты интеграции исторических событий в художественные тексты. Показано индивидуальное восприятие Лесковым исторических реалий и персоналий XIX в. Творчество писателя рассмотрено в контексте традиций русской литературы.

N.S. BARANOVA THE ANECDOTE AS A FORM OF IMAGES HISTORICAL EVENTS AND PERSONALITIES IN THE WORKS OF N.S. LESKOV

Key words: the historical anecdote, the myth of Napoleon, personalities, the era of Nicholas I.

The article is devoted to the study the works of NS Leskov in historical and cultural aspect. Identifies the causes of mythmaking writer, systematized and summarized the facts of integration of historical events in literary texts. Showing individual traits Leskov's vision of historical realities and personalities of the XIX century. The writer's work is considered in the context of the traditions of Russian literature.

Одной из основных характеристик русской литературы всегда был неподдельный интерес писателей к историческому прошлому своей страны, тесно связанному с судьбами человечества. История России дала обширный материал для создания русскими писателями многочисленных художественных произведений, включающих в себя как факты далекого прошлого, так и события недавней современности, уже ставшие частью истории.

Классическая русская литература XIX в. (А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, И.С. Тургенев, Ф.И. Тютчев, Н.А. Некрасов, М.Е. Салтыков-Щедрин, Л.Н. Толстой) и русские писатели XX в. многократно интерпретировали значимые факты истории России в своем творчестве. Исторические факты творчески воспринимались писателями, поэтому изучение художественной интерпретации исторических событий является актуальной задачей для исследователей. В лескововедении также есть ряд неосвоенных исследователями вопросов, например, недостаточно изучены художественные произведения Лескова в историческом аспекте с учетом принципов, приемов и способов изображения исторических событий, ситуаций и персонажей, выработанных самим писателем и характерных для его эпохи.

Формирование Лескова как писателя проходило в переломную для России эпоху 1860-х гг. – это было время всеобщего разочарования и философских поисков, эпоха «небывалого дотоле в истории России подъема освободительного движения <...> осознание неотложного обновления страны, только что потерпевшей поражение в Крымской войне [1. С. 12]. Поэтому для литературы был характерен повышенный интерес к проблеме государственности и исторической судьбе России. В своем творчестве Н.С. Лесков показал обширный временной промежуток истории России: от Древней Руси до правления Александра II. Для понимания современных нравственных и духовных коллизий писатель обращается к различным периодам русской истории, пытаясь понять и осмыслить ее, чтобы увидеть возможные пути дальнейшего развития страны.

Размышляя о значении истории, Н.С. Лесков отмечал, что ее функция состоит в том, чтобы «по бывшему разумеать бываемая и даже видеть в зеркале гадания грядущее» [3. С. 522]. Поэтому изучение исторического прошлого страны является одним из основных направлений творчества писателя, поэтому он как недостаток своей эпохи воспринимал отсутствие у современников интереса к изучению своего прошлого: «...особенно скорбим о недостатке в нашем обществе знакомства с историей человечества. История учит многому, она дает талисман, с которым можно узнать волка в одежде овечьей» [6. С. 1]. Прошлое и настоящее у писателя тесно взаимосвязаны: сравнивая две исторические эпохи – пореформенную и современную Россию – Лесков стремится обличить основные пороки, которые не исчезли после крестьянской реформы 1861 г. Именно она, по мнению писателя, разделила недалекое прошлое и современность.

Наибольший интерес Н.С. Лесков проявлял к историческому периоду 1812-1855 гг. Почти полувековой промежуток жизни русского общества наиболее ярко представляет изменения в умонастроениях людей: от подъема общественного самосознания в период Отечественной войны 1812 г. до разочарования после поражения в Крымской войне. Также на это время приходятся эпохи правления двух русских императоров: Александра I и Николая I.

Период с 1812 г. по 1855 г. является значимым не только в истории России, но и для русского литературного процесса, об этом говорил Н.С. Лесков, характеризуя первую половину XIX в. в истории литературы: «Период времени с 1825 г. до окончания Крымской войны принято считать наистесненнейшим периодом русской литературы. В самом деле, как говорит Тургенев в своих воспоминаниях о Белинском, мы теперь не можем даже себе представить, что это было за тягостное время для литературы, но литература держалась во все это время великолепно. Помимо того, что страницы журналов тогда украшались именами талантливейших людей, каковы Пушкин, Лермонтов, Гоголь и другие, общее настроение литературного духа и взаимное общение, в котором развивались и совершенствовались тогдашние литераторы, не имеют ничего похожего с тем, что мы видим ныне. То действовали люди александровского времени, народившиеся после великого двенадцатого года и воспитавшиеся при одних обстоятельствах, а теперь действуют иные люди, родившиеся в иное время и воспитанные при иных обстоятельствах, но по всему, – решительно по всему: по нравам, по вкусам и по обычаю, – родные и свойственные своему поколению» [4. С. 188].

1812 год ознаменован важным событием в русской истории – Отечественной войной и победой над французскими войсками во главе с Наполеоном Бонапартом. Образ Наполеона еще при жизни приобрел особые качества философско-психологический символа и национального мифа с широкими возможностями истолкования. Вслед за русскими писателями первой половины XIX в. наполеоновский миф нашел отражение и в творчестве Н.С. Лескова, в художественных («Воительница», «Загадочный человек», «Шерамур», «Зимний день», «Зверь» и др.) и публицистических («Пятьдесят лет назад», «Русское общество в Париже», «Герои Отечественной войны по гр. Л.Н. Толстому» «Война и мир» и т.д.) произведениях.

Реалии и персоналии русской истории живут в текстах Лескова как в образах главных действующих героев произведений, так и в форме упоминаний о конкретных известных современникам событиях и людях. Как правило, исторические персонажи формируют исторический фон, на котором происходят основные действия произведений, создающие впечатление правдоподобности повествования. Например, в рассказах «Человек на часах» (С.А. Кокошкин, Н.И. Миллер, Н.П. Свиньин, князь Михаил Павлович), «Кадетский монастырь» (А.П. Бобров, М.С. Зеленский, К.Ф. Рылеев, государь Николай Павлович и др.), историче-

ской хронике «Захудалый род» (М.М. Сперанский, О.А. Кипренский, императрица Мария Федоровна и др.) и т.д.

Время правления Николая I всегда привлекало писателя. Творчество Лескова приходится на 1860-е–1890-е гг., но время действия в произведениях – «Грабеж», «Тупейный художник», цикле очерков «Картинки прошлого», «Рассказы кстати» и др. – николаевская эпоха. По справедливому замечанию И.П. Видуэцкой, Н.С. Лесков «охотнее всего обращается в 30-м годам XIX в., «глухой поре», наступившей в русской истории после разгрома восстания декабристов. Это время кажется ему наименее освоенным русской литературой и наиболее рельефно отражающим язвы и пороки крепостнической эпохи» [2. С. 78].

Факты истории России, изменения во внутренней и внешней политике отражают исторические анекдоты, в основе которых лежат реальные факты, увиденные и услышанные истории, интегрированные Лесковым в художественные тексты. Это соответствует общим принципам поэтики Н.С. Лескова, всегда стремившегося к изображению «каких-нибудь неважных людей, которые, однако, самую свою жизнью до известной степени выражают историю своего времени» [5. С. 600]. Художественные произведения Н.С. Лескова по типу интеграции исторического анекдота в ткань повествования можно разделить на рассказы-анекдоты и тексты, где в исторический контекст органично интегрирован анекдот. К первому типу можно отнести рассказы: «Грабеж», «Пугало», «Тупейный художник», «Левша», «Человек на часах» и т.д., ко второму – «Алексей Петрович Ермолаев», «Захудалый род», «Старые годы в селе Плодомасово» и др.

В произведениях писателя можно выделить три основные группы исторических анекдотов: исторические анекдоты о выдающихся людях, героях Отечественной войны 1812 г. (эпоха Александра I); о правлении Николая I (1825–1855); о представителях русского православного духовенства.

Таким образом, в анекдотах Н.С. Лескова дается многоплановая характеристика различных сословных групп России XIX в.: ведущие политические и военные деятели (Александр I, Николай I), православное духовенство, а также широкий пласт истории жизни и быта народного. В творчестве Н.С. Лескова историческая тема нашла широкое отражение: прославление героизма русских солдат в Отечественной войне 1812 г., обращение к пореформенному периоду, крестьянская реформа 1861 г. Иллюзию реальности происходящих событий в произведениях Н.С. Лескова придают включенные в ткань повествования исторические анекдоты, выполняющие функцию исторического фона. Исторические анекдоты писателя дают наиболее полное представление об эпохе правления Николая I, особенно в бытовых и общественной жизни 1830-х–1840-х гг. XIX в.

Литература

1. Богданов В. Н.С. Лесков в русской литературе // В мире Лескова. М.: Сов. писатель, 1983.
2. Видуэцкая И.П. Прошлое и настоящее в художественном мире Лескова // Лесков и русская литература. М.: Наука, 1988.
3. Лесков Н.С. Полное собрание сочинений: в 30 т. М.: Терра, 1999. Т. 6.
4. Лесков Н.С. Полное собрание сочинений: в 30 т. М.: Терра, 1999. Т. 8.
5. Лесков Н.С. Полное собрание сочинений: в 30 т. М.: Терра, 1996. Т. 3.
6. Северная пчела. 1862. № 60. 3 марта.

БАРАНОВА НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА – аспирантка кафедры русской и зарубежной литературы, Марийский государственный университет, Россия, Йошкар-Ола (ns_baranova@mail.ru).

BARANOVA NATALIA SERGEEVNA – post-graduate student, Mary State University, Russia, Yoshkar-Ola.

УДК 894.521-2

Г.Н. БОЯРИНОВА

**ТИПОЛОГИЯ КОНФЛИКТА И ХАРАКТЕРА
В ДРАМАТУРГИИ К. КОРШУНОВА**

Ключевые слова: характер, конфликт, драма, действие, драматическая ситуация, персонаж, действующее лицо, творческая индивидуальность, типология.

Исследована типология конфликта и характера в драматургии марийского писателя Константина Коршунова. Выделены противоречия между характерами и обстоятельствами, между характерами и внутри характера, конфликт производственный, бытовой и социальный. Представлена такая типология характеров: многогранный, цельный, односторонний, противоречивый, социальный тип. По степени раскрытия характера выделены статичный и развивающийся. Выводы и обобщения в целом характеризуют художественно-эстетическое богатство и изобразительные возможности драматургии К. Коршунова, подчеркивают особенности конфликта и характера, индивидуальный художественный почерк писателя для сцены.

G.N. BOYARINOVA

TYPOLOGY OF CONFLICT AND CHARACTER IN THE PLAYS OF K. KORSHUNOV

Key words: Character, conflict, drama, action, dramatic situation, personage, dramatic personae, creative individual, typology.

Devoted to the research of typology of conflict and character in the plays of Mari writer K. Korshunov. The author draws the attention to conflicts between the character and circumstances, character and inner character, production and social conflicts. Multi-faceted, solid, unilateral, contradictory and social typological characters are presented in the work. Static and developing devices are used to open the characters of the work. On the whole conclusions and generalizations characterize artistic-aesthetic richness and artistic means of the plays of K. Korshunov, underline the peculiarities of conflict and character, individual writer's artistic style for the stage.

Конфликт в драматургии, отражая реальные жизненные противоречия, является важным средством раскрытия характеров. Возникновение, развитие и разрешение конфликта обусловлены характерами персонажей и одновременно способствуют обнаружению характеров, их сущности, скрытой в глубинах психологии героев.

Та или иная драматическая ситуация открывает возможность выявлению внутреннего содержания человеческой личности, которая представляет в драме наибольший интерес как для автора, так и для читателя (зрителя). Ибо внутренние противоречия являются источником самодвижения характера, его активности в действенном сюжете. Внутренние и внешние готовности характеров, таким образом, должны приобрести первостепенное значение в противовес тем специальным приемам, которые должны заострить противоборство для более углубленного раскрытия характеров в сюжете.

Мысль драматурга, без сомнения, полнее и художественнее всего раскрывается через характеры персонажей и их действия, в единстве своем образующие идейно-эстетический конфликт. А.М. Горький, говоря о специфике драмы, не раз отмечал, что если в драме имеются твердо очерченные характеры, их столкновения неизбежны. Отсюда следует мысль о том, что драматический конфликт порождается и разворачивается в форме индивидуальных воле и поступков героев, действующих «от себя», а не от автора. Проблема конфликта – это проблема характера драматического героя.

Драматический конфликт есть противоречие между жизненными представлениями персонажей, он служит источником развития сюжета. Через конфликтную ситуацию, как правило, выявляются нравственные позиции действующих лиц, так называемые жизненные ценности, принципы, «правды». Персонаж драматического произведения автором ставится в такие обстоятельства, которые вынуждают его сделать решающий шаг, через который проявляется его харак-

тер, или, вернее, характер вынуждает героя прийти к определенному выбору в силу экстраординарных обстоятельств. В ходе развития действия выясняется позиция персонажа, т.е. отношение его к сложившейся ситуации: он вынужден стать на сторону одной из существующих сил.

Значимость конфликта, его актуальность и жизненность во многом определяют успех драматического произведения. Умение подметить в жизни типичные, наиболее существенные конфликты и художественно убедительно их воплотить свидетельствует о высоком мастерстве художника. Пьеса не сможет вызвать читательского и зрительского успеха, если она основана на случайном, легкоустранимом препятствии, вставшем на пути героя. Подлинный конфликт нельзя просто разрешить как осложнение, устранить его или совсем не обратить на него внимание. Конфликт задевает самую сущность человека, и он должен быть разрешен. Власть среды, обстановки над поведением человека оказывается достаточно относительной, исход разворачивающейся на сцене борьбы в значительной степени предопределены: в герое уже заложено все то, что определит развязку действия. Столкновение чувства и долга, несоответствие внутренних душевных побуждений его эмоциональному состоянию и положению – вот что обуславливает природу и характер развития конфликта.

Творческая индивидуальность художника складывается в результате взаимодействия его природного дара и общественного бытия. Константин Коршунов (1929-2001) – один из талантливых марийских драматургов. Он работал только в жанре драмы. Авторский подход к человеку драматург не менял в течение всего творческого пути. Основные черты его концепции человека сформировались еще в 60-е гг. прошлого столетия. В драмах К. Коршунова характер является доминантой. Персонажи оцениваются, главным образом, особенностями характера, психики, моральными качествами. На этой основе возникают как столкновения между действующими лицами, так и внутренние конфликты, которые разрешаются в ситуациях, требующих нравственного выбора. Драматург подвергает испытанию моральную устойчивость героя. Коршуновские герои динамичны, но читатель видит лишь переломные моменты их внутреннего развития (Андрей Бобров, «Прерванная мелодия» (1964); Юлавий, Лаймыр, «Аксар и Юлавий» (1975); Вачук, «Грозное зарево» (1968); Миклай, Клавдия Васильевна, «Долг сердца» (1988); Евгений, Валентина, «Путник» (1985).

В драмах К. Коршунова внимание фокусируется на людях с идеалами и без идеалов. Писатель рассматривает человека как существо сложное, с противоречивой духовной жизнью. Он пытается, прежде всего, понять своих героев. Остроту нравственных конфликтов смягчает терпимое отношение автора к своим персонажам. Первое впечатление о героях зачастую обманчиво. Верная картина складывается лишь с течением действия. Многозначность персонажа является источником драматического напряжения.

Гуманистическое кредо К. Коршунова реализуется в основном в образе главного героя, который, будучи носителем основных человеческих ценностей, несколько приподнят над действительностью, романтизирован. Но в то же время он является обладателем реалистически многопланового и психологически убедительного характера. Художник всем своим творчеством воспекает человека и человечность. Трактовка человека в его драматургии базируется на твердой вере в гуманистические идеалы. К. Коршунов привносит в марийскую драматургию элементы глубинно-психологического подхода к человеку, его привлекает тонкий анализ человеческой психики.

В драмах на историческую тематику («Аксар и Юлавий» (1975), «Грозное зарево» (1968)) внешняя коллизия становится причиной раскрытия внутренних движений в душе главных персонажей. Здесь на фоне исторических событий К. Коршунов показывает внутреннее волнение в связи с проблемами личного

характера. Масштабная конфликтная ситуация позволяет высветить глубинные сдвиги, происходящие в душе человека в критические минуты. Перед нами вырастают психологически верно подхваченные характеры Аксара и Юлавий, Лаймыра («Аксар и Юлавий»), Орины, Вачука («Грозное зарево»). Интересно и то, что драматург не обделяет вниманием персонажей с отрицательной «начинкой» (Лаймыр). Драматургу они тоже интересны как личности. Писателю важно определить, в силу каких причин они сделали этот выбор, что подтолкнуло их к такому шагу. В этих драмах конфликт внешний и внутренний выстраиваются параллельно, разрешаются, правда, по-разному. Писателю, на наш взгляд, важнее все же человек, а обстоятельства, в том числе и исторически этапные, позволяют шире взглянуть внутрь персонажа.

Личную драму переживают Аксар и Юлавий. Любовь – великое чудо, это чувство придает силы бессильным, дарит крылья для полета возвышенным натурам. Любовь прозревает «незрячих», поднимает на ноги «ползающих», она – сила, великая, огромная, – утверждает своим произведением писатель. Сама драма – гимн любви, всепобеждающей, светлой и возвышенной. Единственное богатство Аксара – его чистое сердце, большая открытая душа, всеобъемлющая доброта. Да, ему трудно бороться с хозяином, имеющим полную над ним власть. И в этой трудности – сама притягательность. Герой борется за свою искреннюю любовь, борется за свою свободу, внешнюю и внутреннюю. По нему, люди не делятся на группы по толщине их кошельков. Он признает только один кодекс чести – человек должен быть Человеком. Быть чьей-то тенью он не собирается и смело вступает в бой за себя и за свою любимую Юлавий. Это противоборство строится на ряде столкновений, на внутренней борьбе, происходящей как в Юлавий, так и в Аксаре.

К. Коршунов в драме «Аксар и Юлавий» строго следует законам драматургии. В ней два плана действия идут в одном ключе, два конфликта объединяют в один круг буквально всех участников драмы. Идеи раскрываются через действие постепенно, а его ведут характеры главных героев. Второстепенные персонажи выполняют строго выверенные роли, главная их функция – полнее раскрыть характеры центральных героев. В ходе действия каждое эпизодическое лицо, выполняя служебную роль, показывает и индивидуальные свои особенности. Например, Лаймыр, слуга Курая, отец пятерых детей, на глазах у читателя (зрителя) катится в пропасть. Воля хозяина, слабость духа приводят его к убийству. Прежде чем совершить преступление, Лаймыр мучается, взвешивает все «за» и «против», доходит до умопомрачения. Совершив тяжкий грех, кается, пытается искупить вину убийством князя Курая, тем самым обрекая себя на полное одиночество, изоляцию от соплеменников.

Стройная композиция, высокое эмоциональное напряжение, которое достигается сочетанием поэтического языка с прозой, яркий образный язык героев, интересные многогранные характеры, их психологическая полнота, четкая линия конфликта, глубокий драматизм, возвышенный пафос, философичность содержания и образная выискательность формы возводят драму в ряд заметных достижений марийской драматургии.

В драмах на бытовую проблематику («Прерванная мелодия» (1964), «Долг сердца» (1988)) внимание драматурга К. Коршунова также фокусируется на противоречивой человеческой натуре. Здесь намечены конфликты как между характерами, так и внутри характера. Последний представляет для писателя больший интерес. Внутреннее противостояние (Бобров «Прерванная мелодия», Миклай – «Долг сердца») приводит в финале этих драм к поступкам, на которые они вряд бы решились в одночасье. Так, Миклай, долго скрывавший перед семьей всю правду, выполняет свой долг перед любимой женщиной Клавдией Васильевной, дочерью Аидой, солдатом, который в войну спас

ему жизнь, наконец, перед детьми, сыном и снохой. А композитор Андрей Бобров перестает смотреть на мир сквозь розовые очки, поняв ошибку, допущенную 18 лет назад. Он идет на разрыв с женой. Финал в данной пьесе драматург оставляет открытым.

Жизненная сфера, которая служит основой конфликтов в вышеназванных драмах, достаточно широка. Однако предлагаемые современностью или недавним прошлым коллизии интересуют драматургов преимущественно в плане нравственной проблематики: важно понять, объяснить причины, позволяющие человеку справляться с выпавшими на его долю нелегкими обязательствами или, наоборот, мешающими ему выполнить свой долг. При этом героическое и повседневное противопоставляются далеко не всегда. Так как слишком часто жизнь ставит человека в такие ситуации, где выполнение обычного, повседневного дела становится актом высокого героизма. Как это было, например, в драме «Шарнет, Элиса?» («Помнишь, Элиса?», 1986). Непокойное время испытывает героев на прочность, тревожная обстановка позволяет сорвать маски со всех. Вопрос жизни и смерти заставляет обнажить истинную суть каждого из героев: Арсения, Элису, Анук, Буркову.

Многообразна и богата представленная в пьесе галерея характеров, дающая отчетливое представление о том, что позволяет человеку вынести самые тяжелые испытания, выпадающие на его долю. У каждого из героев драмы – свой нрав, свои особенности, свои причины для тревог. Но они делают одно очень трудное, чрезвычайно нужное дело, которое позволяет высветить лучшее из того, что есть в каждом из них. Живут они по нравственному принципу, которые можно выразить словами «кто же, если не я». Это и есть источник силы духа, который позволяет человеку оставаться человеком в самых трудных условиях.

Итак, в драмах К. Коршунова выделяется следующая основная типология конфликта:

1) противоречие между характерами и обстоятельствами («На жизненном пути», «Аксар и Юлавий», «Помнишь, Элиса?», «Путник»);

2) противоречие между характерами («Аксар и Юлавий», «Прерванная мелодия»);

3) противоречие внутри характера, внутри одной личности («Долг сердца», «Грозное зарево»).

Если подойти к типологии конфликта с точки зрения противоречия внешнего плана, основанного на тематике произведений, можно выделить следующую группировку конфликтной ситуации:

1) производственный конфликт («Родная земля», «Путник»);

2) бытовой («Прерванная мелодия», «На жизненном пути», «Долг сердца»);

3) социальный («Грозное зарево», «Аксар и Юлавий»);

Следует подчеркнуть, что эта типология не точная, потому как в произведениях К. Коршунова можно найти переплетение разных конфликтных ситуаций. Ведь драматурга прежде всего интересует человеческий характер, а он раскрывается с разных позиций и сфер деятельности.

«Характер человека может обнаружиться и в самых ничтожных поступках: с точки зрения поэтической оценки самые великие дела те, которые проливают наиболее света на характер личности», – верно подметил исследователь Лессинг [1. С. 38-39]. В одном и том же герое драмы обнаруживаются разные стороны характера, поэтому с типологией не так все просто, она будет приблизительной.

Типологию характеров в драмах К. Коршунова можно обозначить таким образом:

1) многогранные, психологически выверенные характеры. Такими обычно являются главные герои драм. Они переживают внутренние противоречия, связанные в основном с проблемами личного характера. Таковы Аксар, Юлавий («Аксар и Юлавий»), Миклай («Долг сердца»), Валентина («Путник»);

2) односторонние характеры. Персонажи с такими характерами обычно противостоят главным героям. Галерея таких действующих лиц весьма многочисленна. Это Голованов, Микитан Кргори, («Грозное зарево»), Тамара, Виктор («Долг сердца») и др.;

3) социальные типы. Такие типы не обнаруживают индивидуальных свойств характера. Они прежде всего раскрываются не как личности, а как носители тех или иных убеждений, чаще всего это персонажи с идеологической «начинкой». Таковыми являются председатель колхоза Павел Вершинин («Родная земля»), механизатор Кирилл Петрович («Путник»), председатель колхоза Иван («Помнишь, Элиса?»). Таких персонажей у драматурга немного;

4) цельные характеры. Такие герои наделены твердой волей, хорошо понимают свою миссию в жизни, неотступно идут к намеченной цели. Таковы Ялантай («Аксар и Юлавий»), Светлицкий, Орина («Грозное зарево»), Буркова, Анук, Борис Поликарпов («Помнишь, Элиса?»);

5) противоречивые характеры. Такой характер у К. Коршунова до определенной поры находится в состоянии «покоя». С развитием действия наступает перелом, и герои неожиданно раскрываются новыми гранями. Такова, например, Василиса («Грозное зарево»). Причины взрыва зрели в ней очень долго, годами: двадцать лет назад отцом она была отдана замуж за обедневшего дворянина Голованова, чтобы тот приумножил его богатство. За эти года она устала быть управляющей и экономкой в собственном доме, устала быть собственной тенью. Она лишена возможности воспитывать свою дочь, так как муж считает, что Кате не место среди «грязных, траханных черемис», да и женой Василиса чувствует себя все меньше и меньше. Федор приезжает сюда осенью закупать весь хлеб да весной, чтобы забрать его для продажи. Умная, сильная по натуре Василиса приходит в отчаяние. Именно в такой момент мы и застаем героиню: тоску-печаль свою утоляет в вине, задето и ее национальное самолюбие. Каплей, переполнившей чашу терпения, стала попытка мужа завладеть невинностью Орины. Совершенно опустошенная, глубоко несчастная, она ищет утешение в молитве. И тут Голованов приказывает поехать по деревням искать подводы. А это ее в данный момент волнует меньше всего. Пружина напряжена до предела. Звон колокола для нее – призыв разом решить собственные проблемы. Яркий пример Орины, заслонившей своим телом любимого Элексана, принявшей на себя пулю, заставляет Вачук пойти на отчаянный шаг. Со словами: *«Это мой зверь, я должна его прикончить!.. Ну что, господин Голованов?!»* – она стреляет в него.

По степени раскрытия характера можно выделить две группы:

1) статичный характер. Статичны в основном второстепенные персонажи. Они «вступают» в действие с готовым характером. Отрицательные персонажи тоже часто таковы. У К. Коршунова такими действующими лицами являются Тамара, Виктор («Долг сердца»), Катя, Лиза, Яша («Прерванная мелодия») и др.;

2) развивающий характер. Многие герои писателя имеют такой характер. Задача драматурга в том и состоит, чтобы высветить человека изнутри. Неповторимое, индивидуальное сочетание психологических черт личности представляет собой характер. Слово «характер» греческого происхождения и в переводе означает «чеканка», «печать». Слагаемые характера двойственны: с одной стороны, характер представляет собой отпечаток воспитания и действительности, которые формируют человеческую личность, с другой стороны, личность сама способна формировать свой характер. Характер, по нашему мнению, – это проявление индивидуумом конкретной сущности, в нем отражается непосредственное отношение к миру. Человек при решении определенных задач, вопросов, при осуществлении жизненно необходимых целей проявляет свой характер. К. Коршунов большое внимание уделяет подрастающему поколению. Его волнует вопрос становле-

ние характера молодого человека. Эта проблема раскрывается в таких драмах: «Путник» (Валентина, Евгений), «Прерванная мелодия» (Яша, Ирина), Лева, Арсений, Элиса («Помнишь, Элиса?»), Аида («Долг сердца»).

Внимание к внутреннему миру героев, к противоречиям внутреннего плана, стремление к гармонии двух планов сюжетной линии, к идейно-философской насыщенности характерно для литературных полотен К. Коршунова. Драматург хорошо понимает, что для создания характера масштабного, объемного недостаточно изображать внешние проявления тех или иных его поступков. Необходимо проникнуть в духовный мир персонажей, художественно исследовать сложную, многогранную психологию личности. Уже по своей природе драма как род литературы призвана изображать человека в очень напряженном эмоционально-психологическом состоянии в органической связи с окружающей средой.

Литература

1. Лессинг Г.Э. Гамбургская драматургия. М.; Л.: Academia, 1936. 519 с.

БОЯРИНОВА ГАЛИНА НИКИТЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры финно-угорской литературы и фольклора, Марийский государственный университет, Россия, Йошкар-Ола (marlit@marsu.ru).

BOYARINOVA GALINA NIKITYEVNA – candidate of philological sciences, associate professor of Finno-Ugric Literature and Folklore Chair, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola.

УДК 070 (470.345)

К.В. ДЕМЕНТЬЕВА

ВОЗДЕЙСТВИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

Ключевые слова: воздействие на общественное мнение, стереотип, плюрализм мнений, региональная пресса.

Рассмотрены основные методы воздействия региональной прессы на общественное мнение. Автором выделены перевес однозначных мнений, опора на плюрализм мнений, формирование стереотипов, повторение информации. На основе анализа информации выявлены факторы, от которых зависит позиция региональной прессы.

K.V. DEMENTIEVA

IMPACT OF REGIONAL MEDIA ON PUBLIC OPINION

Key words: impact on public opinion, stereotype, pluralism of opinions, the regional press.

This paper considers the main methods to influence the regional press on public opinion. The author point out: the preponderance of single-valued opinions, support for pluralism, the formation of stereotypes, the repetition of information. Based on the analyzed information highlighted the factors which determine the position of the regional press.

Одной из наиболее острых проблем современного общества, вызывающей горячие споры среди представителей различных научных направлений, является проблема скрытого воздействия средств массовой информации на массовое сознание. Сегодня влияние на общественное мнение является той невидимой технологией управления общественной жизнью, которая пронизывает буквально все уровни социального взаимодействия, начиная от политико-правовых и заканчивая межличностными. По сути, человек современного общества формируется и функционирует в мегаинформационном пространстве, созданном медиа.

В практике СМИ сегодня широко используются методы влияния на общественное мнение, когда отношение общества к тем или иным явлениям окружающего мира формируется с помощью стереотипных представлений или инфор-

мации, поданной определенным образом. Рассмотрим некоторые методы воздействия на общественное мнение, которые наиболее часто используются в региональной прессе. Для их исследования в региональной прессе был проведен контент-анализ 3 печатных изданий: ежедневной общественно-политической газеты республики «Известия Мордовии» (тираж до 22 тыс. экземпляров), республиканского общественно-политического еженедельника Мордовии «Столица С», выделяющегося своим лозунгом «читают все!» и неизменно высокими тиражами (до 33 тыс. экземпляров) и газеты Ардатовского района «Маяк», являющейся одной из лучших «районки» республики. Выборка состояла из 4809 публикаций свыше 100 строк за период с 2008 по 2010 г.

1. Перевес однозначных мнений. Данный прием имеет своей основой факт, что некоторые люди или группы лиц полагают, что какую-то истину можно установить голосованием или простым большинством. Иногда это действительно так, иногда – нет. Тем не менее СМИ могут специально отбирать «нужные» суждения и отбрасывать «ложные», противоречащие первым. В результате чего аудитория получает однобокую и часто искаженную информацию, на основании которой становится невозможным выявить причину происходящих событий и сделать достоверные выводы.

В исследованных изданиях этот прием используется, но неравномерно. В еженедельной газете «Столица С» за 2008 г. выявлено 20% публикаций (всего проанализировано 682 материала), за 2009 г. – 22% (всего – 642), за 2010 г. – 23% (всего – 669). На страницах ежедневника «Известия Мордовии» за 2008 г. обнаружено 29% материалов (всего – 754), за 2009 г. – 30% (всего – 819), за 2010 г. – 31% (всего – 807). В газете «Маяк» прием перевеса мнений использовался следующим образом: в 2008 г. – 35% публикаций (всего исследовано 146 материалов), в 2009 г. – 38% (всего – 138), в 2010 г. – 38% (всего – 152). В большинстве случаев корреспондент для комментирования проблемы обращается только к одному специалисту, что приводит к одностороннему освещению затронутого вопроса. Особенно ярко применение данного метода можно проследить при более подробном рассмотрении еженедельной рубрики «Вопрос недели» в газете «Столица С». В целом издание старается привести самые различные мнения, выразить позиции представителей всех социальных слоев, политических партий, возрастных групп и т.д. Но в отдельных случаях, когда затронутый «вопрос недели» оказывается особенно спорным, издание прибегает к методу перевеса однозначных мнений. Например, в № 15 от 08.04.2008 г. газета проводила расследование о количестве мигрировавших из Мордовии и количестве затем вернувшихся [2. С. 5]. В «Вопросе недели» «Вы собираетесь уезжать из Мордовии?» количество ответов «нет» имело явный перевес (7 : 2).

2. Опора на плюрализм мнений. В отличие от предыдущего приема манипулирования, рассчитанного на доверчивость, незрелость, конформизм аудитории, ее безусловное принятие выводов, настоящий метод используется в целях обоснования достоверности оценки явления. Естественно, что этот способ воздействия на общественное мнение рассчитан на аудиторию, имеющую достаточно высокий уровень образования и жизненного опыта. Психологической основой опоры на плюрализм мнений является уверенность многих людей в том, что истина познается в сравнении. Аудитории предлагается «самостоятельно» сделать вывод, основанный на совокупности различных мнений, приведенных в материале.

Опора на плюрализм используется в республиканских газетах чуть реже предыдущего метода: 19% публикаций в газете «Столица С» за весь исследованный период, 24%, 25% и 24% в 2008, 2009 и 2010 г., соответственно, в ежедневнике «Известия Мордовии», 22% в 2008-2009 гг. и 24% в 2010 г. – в газете «Маяк».

Сюда можно отнести более профессиональные статьи, где поднятые проблемы требуют от журналиста обращения к разным источникам. Это могут быть чиновники, специалисты в каких-то областях, свидетели и участники событий и происшествий или даже случайные прохожие. Их мнения могут отличаться существенно или, наоборот, представлять собой совершенно противоположные суждения. Последнее можно наблюдать, в материале «Бармалей из подвала», опубликованном в газете «Столица С» от 20.04.2009 г. Корреспондент приводит два совершенно разных мнения людей из одной семьи: отца, который вынужден жить в подвале, из-за того, что в собственную квартиру его не пускают, и сына, который утверждает, что боится за жизнь своей семьи. «В разговоре с корр. «С» обе стороны утверждали, что согласны разменять квартиру. Но отец при этом заявляет, что Алексей категорически против, а тот, в свою очередь, говорит, что не соглашается Иван Тихонович. Замкнутый круг?» [3. С. 8-9.] В данном случае решать кто прав, а кто виноват, предлагается самому читателю.

Также статистику различных взглядов на актуальные вопросы действительности можно найти на сайте газеты «Известия Мордовии». Результаты опросов в процентном эквиваленте по завершении голосования публикуются в печатном варианте газеты. Случается, что в издании появляются и мнения людей, взятые с форума сайта.

Однако региональные СМИ, используя прием опоры на плюрализм мнений, иногда создают количественный перевес на стороне суждений, которые выгодны для заказчика. Для достижения поставленных целей могут использоваться инакомыслие и протесты, естественно, в разумных пределах (либо источник протеста представляется в единственном числе, либо он представляется массовой аудитории неадекватным и не владеющим рассматриваемым вопросом), для их подробного обсуждения и обыгрывания с целью создания у индивида, имеющего иное мнение, сформировать установку «белой вороны». Вполне естественно, что у аудитории, воспринимающей информацию, подаваемую подобным образом, возникает ложное чувство доверия к подобному «плюралистичному» источнику. Как следствие, на аудиторию оказывается незаметное давление большинства, которому может противостоять не каждый, особенно в случае если его мнение по данному поводу в достаточной мере не сформировано.

3. Формирование стереотипов. Привычки эффективно управляют всем процессом восприятия информации. Процесс восприятия – это всего-навсего механическая подгонка еще неизвестного явления под устойчивую общую формулу (стереотип). Поэтому пресса стандартизирует сообщение, т.е. особым образом «подводит» информацию под стереотип, всеобщее мнение. Человек должен воспринимать сообщение без усилий и безоговорочно, без внутренней борьбы и критического анализа [1. С. 53].

Данный способ формируются под воздействием двух факторов: бессознательной коллективной переработки и индивидуальной социокультурной среды, а также, безусловно, при целенаправленном идеологическом воздействии с помощью СМИ. Используя стереотипы, легко манипулировать сознанием человека. Они тесно связаны с жизнедеятельностью общества в целом и конкретных групп людей в частности, например, в сознании жителей нашей страны сохранились как определенное клише «философия надежды», ориентация на идеальные образцы. В настоящее время неким стереотипом становится человек, ориентированный на достижение, целеустремленный, рассчитывающий на свои собственные силы и любящий свою малую Родину («Виктор Бирюков установил флаг Мордовии на Южном полюсе», «В горящую избу вошла», «В Мордовии ветераны активно занимаются спортом и играют в спектаклях»).

В процессе исследования применение этого метода было зафиксировано: газета «Столица С» – 24% материалов в 2008 г., 26% в 2009 г., 27% в 2010 г., «Известия Мордовии» – 23%, 24%, 23% в 2008, 2009, 2010 г., соответственно, газета «Маяк» – 25% в 2008 г., 22% в 2009 г., 24% в 2010 г. СМИ приучают человека мыслить стандартами и снижают интеллектуальный уровень сообщений. Этому способствует главный метод закрепления нужных стереотипов в сознании – повторение.

4. Повторение информации. При манипулировании общественным сознанием современными медиа используется старое правило: повторение мать учения. Многократно предъявленное сообщение запоминается лучше, если оно подается как единственно правильное и будет увязываться со стимулами, вызывающими положительные эмоции. С помощью повторения увеличивается число людей, чье внимание будет привлечено к факту или событию. Таким образом, повторение благодаря феномену внимания становится способом превращения некоторой части потенциальной аудитории в реальную. Но это не единственная особенность повторения. Оно достаточно сильно влияет на процесс запоминания. В целях лучшего запоминания аудиторией нужной информации в печати практикуется повторение этой информации в различных модификациях. Повторение неизменно вызывает ассоциативное действие психики.

Региональные газеты пользуются этим приемом в тех случаях, когда нужно заострить внимание на определенной проблеме или сформировать устоявшееся мнение по какому-либо вопросу. В данном случае можно привести в пример периодически появляющиеся на страницах республиканских изданий материалы, явно или неявно агитирующие население вступить в ТСЖ («В Саранске ТСЖ поддержат за счет средств бюджета», «Страшилки про ТСЖ не имеют под собой оснований!», «Власти Саранска будут стимулировать жителей к созданию ТСЖ»). Как правило, в таких публикациях говорится о плюсах товариществ, но не затрагиваются отрицательные стороны. Также яркий пример привлечения общественного внимания с помощью метода повторения информации – материалы, посвященные боксеру Олегу Маскаеву. На протяжении долгого времени газеты «Известия Мордовии» и «Столица С» публиковали различную информацию: затрагивалась личная жизнь боксера, обсуждались его взгляды на различные вопросы, печатались репортажи после посещений вместе с ним родных мест и общения его с жителями Мордовии, давались подробные отчеты после каждого прошедшего боя, и наконец, давалась рекламная информация о бое в Саранске с дополнительной информацией о ценах и телефонами касс. Иногда публикации занимали целый газетный разворот или в одном номере помещалось 2-3 материала, посвященных Маскаеву.

На основе анализа газетных текстов можно сделать следующий вывод: позиция региональной прессы зависит от многих факторов. С одной стороны, использование манипулятивных приемов, имеющих в своей основе конкретные психологические механизмы, делает их эффективными, ведь «привязать» сообщение к источнику, предоставляемому собственно массмедиа и заявить о его достоверности также легко и экономично, как создать иллюзию непредвзятости. Используя любой из приведенных приемов, можно оправдать или навязать любое решение, мотивируя его интересами определенной группы людей, находящейся в меньшинстве, но имеющей на это право, так как они живут в правовом и демократическом государстве. К тому же любое решение или действие манипулятора может вообще не получить никакой огласки или быть сфабрикованным. С другой стороны, современные региональные газеты вынуждены существовать и функционировать в условиях жесткой конкуренции, что часто может служить поводом к использованию непроверенной и недостоверной информации, способной ввести аудиторию в заблуждение относительно какого-либо социально-политического объекта.

Литература

1. Зелинский С.А. Анализ массовых манипуляций в России. СПб.: Скифия, 2008. 280 с.
2. Разина И. Возвращенцы // Столица С. 2008. № 15, 8 апр.
3. Феоктистов Д. Бармалей из подвала // Столица С. 2009. № 16, 20 апр.

ДЕМЕНТЬЕВА КСЕНИЯ ВЛАДИМИРОВНА – аспирантка, преподаватель кафедры современной журналистики и общественного мнения, Мордовский государственный университет, Россия, Саранск (ksseniya@bk.ru).

DEMENTIEVA KSENIYA VLADIMIROVNA – post-graduate student, teacher of Modern Journalism and Public Opinion Chair, Mordovian State University, Russia, Saransk.

УДК 821.512.111 (092)

Г.А. ЕРМАКОВА

**ФУНКЦИИ БИНАРНЫХ ОППОЗИЦИЙ
В ПОЭМЕ П. ХУЗАНГАЯ «ПЕСНИ ТИЛЛИ»***

Ключевые слова: бинарные оппозиции, антагонистичность мира, лексические единицы, гармония, дисгармония, мгновение, вечность, мифологическое сознание.

Рассмотрены функции бинарных оппозиций в поэме П. Хузангая «Песни Тилли», выявлены и проанализированы такие оппозиции, как свет – тьма, земное – небесное, жизнь – смерть.

G.A. ERMAKOVA

**FUNCTIONS OF THE BINARY OPPOSITIONS IN THE POEM
OF P. HUZANGAY «SONGS OF TILLY»**

Key words: binary oppositions, dissension of the world, lexical items, harmony, disharmony, moment, eternity, mythological consciousness.

In this article considered functions of the binary oppositions in the poem of Peter Huzangay «Songs of Tilly», identified and analyzed oppositions such as light-dark, earth-heaven, life-death.

Принципы антитезы просматриваются в поэме во многом: во временных и пространственных реалиях (весна–зима, лето–осень, верх–низ, открытое–замкнутое пространство, календарное время–время сна, сакральные–профанные локусы). Пространственно-временные оппозиции соседствуют с другими константными оппозициями: свет–тьма, земное–небесное, симфония–какофония, жизнь–смерть. С их помощью П. Хузангай конструирует символическое полярное художественное пространство. Обращение к бинарным оппозициям – это признак использования мифологического сознания, ибо в мифах велико стремление понять антагонизм мира и гармонизировать жизнь, т.е. примирить противоположности.

Центральная антитеза «жизнь–смерть» использована автором, вероятно, для того, чтобы показать бесконечность бытия. Основная функция оппозиций – интегральная. С их помощью автор поэмы и его герой желают понять антагонистичность мира. Бинарные оппозиции, с точки зрения В.П. Руднева, являются «универсальным средством познания мира» [4. С. 162]. Система бинарных оппозиций зародилась в недрах «мифологического сознания» [3. Т. 2. С. 162]. Каждая вещь, с точки зрения К.Г. Юнга, чтобы существовать, «требует противоположности. Эго нуждается в самости и наоборот» [7. С. 49]. Антиномии используются автором поэмы для определения качественной структуры бытия: понимание–непонимание, любовь–нелюбовь, характеризуют пространственные, временные, цветовые, природно-естественные, культурно-социальные противопоставления. Мир человеческий и небесный не обособлены друг от друга. Связь

* Исследование выполнено по госконтракту № 16.740.11.01.19 ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг.

между ними автор поэмы представил через лексемы *сұтă* «свет», *вут*, *вут сұти* «огонь, свет огня» [5. С. 408], что видим в песне 3-й:

Вут сұтипе вылять пёр чўрече.

От света огня играет одно окно (перевод автора статьи).

На стеклах окон отсветы огня (перевод А. Казакова).

Свет огня «играет», т.е. живет в доме хозяина. В системе языческого мировоззрения дом – это центр мира, модель мира, малая вселенная. В свои шестнадцать лет главному герою ничего не надо, кроме тепла дома, где гармония, где отсутствует пустота. Пустое пространство в мифологии противопоставлено наполненному, как несчастное – счастливому. Пространство дома отца и матери, представленное в 3-й песне, наполнено любовью, взаимным вниманием, это счастливое пространство, поэтому лирический герой и произносит:

Мана тек ним те, ним те кирле мар....

Мне больше ничего, ничего не надо...

Через повторы лексических единиц *ним те* «ничего» автору поэмы удается сказать о счастливой поре детства *Тилли*. Он в свои шестнадцать лет еще не испытал «черной боли», глубоких страданий. Как видим, счастливое время противопоставлено времени «горькому». «Горькое время» изображено во многих песнях: особенно ярко в 24-й, 29-й, 50-й. В песне 50-й говорится о том, что грусть – постоянная спутница жизни *Тилли* в зрелые годы, но он может на часок развеять эту грусть, об этом просит и односельчан:

Ыр курăр, ял-йышсем, хам пур чухне,

Мансамăр пёр самант пурне-сукне.

Пока я жив, соседушки мои,

Забудьте-ка про бедушки свои.

Вмещенность макромира в микромир, бесконечности в просторы дома, вечности в пределы счастливой мгновения пробуждения выражены в песне 3-й во фразе, которую мы уже приводили:

Мана тек ним те, ним те кирле мар....

Мне больше ничего, ничего не надо...

Фразу поэт завершает многоточием, знаком, представляющим бесконечность: жизнь *Тилли* пока еще только начинается, он пока пребывает в состоянии счастья. Автор через знак многоточия говорит о том, что главного героя на пути жизни ожидают многие события: наполненные – счастливые, пустые – несчастные. В детстве, что видим в песне 3-й, рассветы окрашены в белый цвет:

Шурăмпуçсем килеççе шуралса.

Рассветы приходят, белея (дословный перевод автора статьи).

Белый цвет жизни мгновенно может превратиться в цвет черный. Так, в песне 12-й появляется черный цвет: первая боль *Тилли* изображена через фразу: *шур тутăрăм хуралчĕ-ске* «платок мой белый почернел». «Платок» здесь символ жизни; жизнь из цвета белого (следует понимать – счастливой) мгновенно превратилась в цвет черный (следует понимать – несчастливый). Причина появления черного цвета – символа боли, страдания – уход из жизни возлюбленной. Через лексические единицы *шурă-хура* «белый-черный», *пуян-чухăн* «богатый-бедный» представляется единство противоположностей бытия. В нем рядом идут счастье и несчастье, радость и горе. Через белый цвет автор поэмы представляет чистоту, радость; через черный – боль, беды. В конечном счете белый цвет является символом жизни, черный – символом смерти.

Поиски сакрального места рождают бинарную оппозицию «сакральное–профанное». Сакральное связано с гармонией. Центром сакрального пространства является дом. В тексте поэмы мы видим два дома – дом родителей и дом, построенный *Тилли*, – его собственный дом. Эти два дома наполнены

светом. Представление родительского дома в песне 3-й начинается с изображения линейного пространства – с востока идет свет:

Шурáмпуссем килессё шурапса.

Рассветы приходят, белея (перевод автора статьи).

С востоком связаны рассвет, приход нового дня, все позитивное движется в доме: треск дров, звук материнских шагов. В песне 7-й также представляется родительский дом. Песня 7-я, как и песня третья, начинается с изображения образа предутреннего света, для этого используется лексема *шурáмпус* «рассвет»:

Шурáмпуспа вáрантáм ыйхáран.

С рассветом проснулся от сна (перевод автора статьи).

Пока в доме торжествует гармония – мирно беседуют отец с матерью о том, кого отдать в солдаты. Но «симфония» начинает отходить, ее начинают замещать «какофония», дисгармония. Хаотические локусы постепенно начинают заполнять пространство дома: отец, оказывается, почему-то курит, родители прервали *áш ыйхá* «теплый сон». Хаотический локус постепенно начинает занимать пространство дома, от этого герою больно, он прячется под одеяло, светлое пространство для героя сменилось пространством темным, открытое – закрытым. Впервые автор вводит лексему *куссуль* «слезы»:

Вителёке пёркёнтём пуç синчен,

Куçсулеме тытса чарап аран.

Одеялом накрылся с головой,

Еле сдерживаю слезы.

Слезы из глаз еще не брызнули, герой их с трудом сдерживает. Если в песне 3-й герой испытывает полное счастье – ему ничего не надо, ибо в доме покой, забота, то песня 7-я завершается утверждением, что состояние счастья вечно продолжаться не может, поэтому герой не желает просыпаться – войти в пространство, куда тихо «просачивается» беда:

Нихсан та манáн шурáмпуспелен

Вáранас мар-мён тутла ыйхáран!

Никогда мне на рассвете

Не просыпаться бы от сладкого сна! (перевод автора статьи).

Чтобы выделить эту мысль, автор использует восклицательный знак. Причина – предстоящая служба в царской армии – незамедлительно вызвала следствие – беспокойство героя: он еле сдерживает слезы. Внешнее действие (*Тилли* спрятался под одеяло) поэт показывает через внутреннее действие – герой опечалился известием, которое услышал от отца и матери. Через фонетическое сочетание звуков *ни-áн-ен-на-ан* поэту удалось представить внутреннее состояние героя – боль души, сказать о том, что в пространство «симфонии» тихо входит пространство «какофонии». В песне 46-й представлена гармония – человек и природа есть одно целое, но в этой же песне имеются образы, изображающие дисгармонию. Гармония изображена через выражение *пер пёрне аван чухлатпáр* «друг друга хорошо понимаем». Человек и собака понимают друг друга. Образ собаки выступает здесь в качестве символа всей природы. Но со строфы восьмой подает голос дисгармония: в восьмой строфе – через сравнение жизни человека со следом от лыж, их мгновенно замечает ветер; в девятой строфе – через глагол *вáрхáнтараçсё* «мчат»; в десятой строфе появляется лексема *тáман* «метель», эта лексема в песне 46-й пояснена определением *кутсáр-пуçсáр* «без конца и без начала»; в одиннадцатой строфе появляется лексема *тáвáл-вилём* «смертельный буря», который все сметает на своем пути. Все уничтожает:

*Капланса хускалĕ. Килĕ,
Шăлса лартĕ пур йере..*

Крутоверть придет, накроет,
Заметет все следы (перевод Г.Е. Корнилова).

Дисгармония может восторжествовать. Об этом автор в песне 46-й говорит через лексему «вьюга-смерть». Представляют интерес глаголы будущего времени. Через них автор сообщает о том, что «крутоверть» ожидается в будущем, но ее дыхание чувствуется уже в настоящем времени, подобная семантика прочитывается через глагол *вăрхăнтараççĕ* «мчат». В двенадцатой строфе дисгармония изображена через лексическую единицу *сăлпăран* «несчастье», представленное через обрамление глаголом будущего времени *килĕ* «придет»:

*Таçта йĕрĕмĕр çухалĕ,
Таçтан килĕ сăлпăран.*

В тринадцатой строфе в песне 46-й дисгармония изображена через лексему *кĕрт* «сугроб». В четырнадцатой строфе появляется мотив смерти через глагол *вилсессĕн* «если умрешь»:

Эс манран малтан вилсессĕн.

Если раньше меня умрешь (перевод автора статьи).

В пятнадцатой строфе мотив смерти усиливается посредством лексемы *кăнас* «сдохнуть, протянуть ноги». Лексема *кăнас* объясняется в словаре под ред. М.И. Скворцова следующим образом: «*кăн* 1. выпрямляться – перевод зависит от свойства предмета: разгибаться, вытягиваться, раскручиваться, развиваться и т.д.; 2. деревенеть (о теле – от усталости); 3. разг. сдохнуть, протянуть ноги» [6. С. 160]. Мы считаем, что автор в данном случае использовал разговорную форму с целью усиления экспрессии, т.е. он употребил лексему *кăнас* в третьем из указанных значений. Подобное употребление усилило представление мотива дисгармонии. В шестнадцатой, завершающей строфе этот мотив являет себя через глагол *ула* «выть», «сильно плакать», но глагол будущего времени обрामлен лексической единицей *асăнса* «вспоминая». Сочетание лексем в песне 46-й *асăнса ула* «вспоминая, выть», таким образом, приобретает семантику мотива гармонии – это плач памяти. Память о друге сохранится через моление с жертвоприношением. Только не человека, а его друга – собаки:

*Юрт вара эс куян хыççăн,
Куян пуç кăшланă чух
Асăнса ула та хыттăн –
Çавă пултăр ман учук!*

Скачи тогда ты вслед за зайцем,
И когда зайца голову будешь грызть,
Вспомнив меня, сильно провой –

Да будет это моленьем по мне (перевод Г.Е. Корнилова).

Через подобную концовку автор, вероятно, пожелал сказать о единстве гармонии и дисгармонии в этом мире, о вечном законе мироздания – единстве и борьбе противоположных начал бытия. Природа (см. песню 29-ю) в изображении П. Хузангая исполнена как спокойствия (ручей тихо журчит), так и хаотических сил (но в этом же ручье имеется омут, водоворот) и равнодушия к человеку. Она может и посмеяться над человеком (песня 55-я). В формировании образа природы участвуют лексические единицы, содержащие в своей семантике компоненты как смысла радости, так и боли. Нам кажется, что все же основное место отведено лексическим единицам как лексико-derivационной группе «зима»: *кутсăр-пуçсăр тăман* «без конца и без начала», *тăвăл-вилем* «смертельный буран», *кĕрт* «сугроб», так и лексико-derivационной группе «весна»: *çеçке* «бутоны», *чечек папки* «цветочные почки» и другие. Через подобную структурную организацию поэт сообщает о единстве противоположных начал бытия, о вечном круговороте. Таким

образом, подобная структура способствует представлению вечного времени. Как мы заметили, в создании образов природы автор использует традиционные поэтические эпитеты: в песне 1-й *ка́вак уяр* «голубая ясность», *суна́тлă чу́н* «крылатая душа» [5. С. 406], *сýлĕ ту* «высокая гора» [5. С. 406], в песне 17-й *шурă Атăл* «чистая Волга» [5. С. 417], *савра сил* «смерч» [5. С. 417-418], в песне 19-й *ыта-райми сүт тĕнче* «любимый белый свет» [5. С. 419].

Для изображения дисгармонии в песне 46-й поэт воспользовался таким приемом, как градация. Силы хаоса почти восторжествовали, поэтическая лексика сменила коннотацию с позитивной на негативную в восьмой-шестнадцатой строфах, но в шестнадцатой строфе вновь восторжествовала позитивная лексика, через которую поэт представляет один из ведущих духовно-нравственных законов чувашского этноса – сохранения памяти, жизни в согласии. Идеино-значимый компонент поставлен в сильную позицию – он находится в конце 46-й песни:

*Асăнса ула та хыттăн –
Çавă пултăр ман учук!*

Интересна по структуре и песня 30-я. Природа в ней представлена как сосредоточение сил хаоса:

*Ай-хай вăрман кашлат, вăрман кашлат,
Тура́т сүмне тура́т хушас тет пуль.
Ай-хай лес шумит, лес шумит,*

К ветке ветку прибавить желает (перевод автора статьи).

Посредством лексических (*вăрман кашлат*), фонетических (*ту*) повторов, приема градации (*кашлат* «шумит», *хусăлат* «ломается»; *савра́нать* «кружится») автор представляет силы хаоса. Употребление имен существительных *чу́н* «душа», *куссу́ль* «слезы», *хурла́х* «беда», *сил* «ветер» позволяет говорить о художественном обобщении: путь человека в этом мире полон преград, он нередко сопровождается слезами, ветрами, бедами, т.е. ударами судьбы, но человек должен их, с точки зрения поэта, встречать достойно, как это удается *Тилли*.

Подобным образом формируются оппозиции земного и небесного. Небесное наполнено светом, земное – слезами. Эта оппозиция организует вертикальную плоскость – подобие мифологической мировой оси: верх и низ. В данной оппозиции, представленной в поэме, все же преобладает верх: солнце продолжает светить, ручей, несмотря на то, что в нем есть омут, мирно журчит. Горизонтальный пласт связан с образом воды. Лексема вода использована автором для связи вертикальных противоположностей – верха и низа, что видно в песне 29-й. Лексема «вода» в песнях 24-й, 29-й выступает и как символ вечного движения, и как символ мгновений и вечности. Данная лексема способствует объединению времени и пространства, организуя полярный, но цельный хронотоп. Земное время и вечность соединены благодаря таким лексемам, как вода, круг. Образ круга неоднократно встречается в поэме, особенно ярко он представлен в песне 16-й благодаря использованию лексемы *сĕнĕрен* «заново»:

*Пурăнар-ха пурнăса
Йĕм тĕп сĕре перничен!
Йĕм тĕп сĕре пĕренсен –
Тапрататпăр сĕнĕрен.*

Давайте жить.

Пока мотня не коснется земли!

Как коснется земли –

Начнем все заново (дословный перевод автора статьи).

Посредством восклицательного знака поэту удалось усилить представление мотива «вечного возвращения». В песне 10-й мотив круга изображен посредством лексемы *курка* «ковш»:

*Сак халăхне тайăлтăм,
Савăш курки эп ёсрём.*

Отдал я всем большой поклон,

Круговой пригубил я ковш (перевод Г.Е. Корнилова).

В песне 26-й образ круга также представлен через вышеуказанную лексему:

Тав куркине ёсрём эп тёппи.

Ковш круговой испил до дна я.

Противопоставление мгновения и вечности приобретает в нарративе П. Хузангая универсальный характер, представляя «оппозицию земного времени и вечности» [1. С. 126]. Это противопоставление на глубоком философском уровне представлено в песне 25-й через лексему *кăвар* «горящие угли». Горящие угли выступают здесь в качестве символа жизни. Огонь, трепещущий по краям еще пылающих жаром углей, имеет свои границы:

Хăй чиккине хёртсе кăвар сўнет.

Дойдя до границы, огонь гаснет, так и человек: горя, приближается к своей границе. Мотив мгновений в песне 25-й изображен и через лексемы *кун* «день», пение *автан* «петуха». Лексема *кун* «день» во второй строфе повторяется трижды, через трижды повторенную лексему автор, вероятно, желает сказать как о трех периодах в жизни человека – детстве, зрелости, старости, так и о быстротечности бытия:

Кун мар иртет – сын ёмёрё иртет.

Быстротечность жизни изображена и посредством лексем *килет* «придет», *иртет* «пройдет». Мысль о мгновенности бытия передана и через словосочетание *автан сасси* «глас петуха». Образ петуха здесь выступает как образ Природы. Значит, сама Природа говорит о быстротечности жизни земной.

Быстротечность жизни в этой песне изображена и посредством повторов лексемы *иртет* «пройдет». Во второй строфе в четвертой строке эта лексема повторена дважды:

Кун мар иртет – сын ёмёрё иртет.

Не день проходит – век людской проходит (перевод автора статьи).

Как видим, и в этой песне просматривается мотив «вечного возвращения» через лексемы *килет* «придет», *иртет* «пройдет». Древнейшим символом такого возвращения был круг, объединяющий, как и образ воды, время и пространство. В.В. Маковский по этому поводу заметил: «Круг считался символом вечности и одновременно символом Вселенной, он нередко уравнивался с понятием времени» [2. С. 91]. Время у П. Хузангая связано с человеком – в поэме с образами *Тилли*, его родителей, братьев, сестер, односельчан. Например, В.В. Маковский думает, что «слова со значением «время» могут соотноситься не только со значением «макрокосм», но и со значением «микрокосм» (человек)» [2. С. 92]. Дорога жизни *Тилли*, что видим в песне 25-й, начинается с *шурăмпұш* «предутренним светом». Утро для чувашского этноса – начало дня, домашних дел, пробуждение для жизни, в нем много тайн:

Тул сұтăлать, киле таврăнмала.

Предутренний свет появляется, пора возвращаться домой
(перевод автора статьи).

С рассветом пора возвращаться домой, ибо начинаются дела, у каждого члена семьи свое дело: доить корову, варить пиво, идти за водой, печь блины. Главный герой и все иные герои поэмы живут по природному – солнечному времени, они с природным циклом – одно целое, т.е. составляют единый круг – круг бытия. В поэме представляется циклическое время, в это время вкрапливается время линейное. Таким образом, мы увидели, что пространственно-временные оппозиции соседствуют с другими константными оппозициями: свет–тьма, зем–

ное–небесное, симфония–какофония, жизнь–смерть. С точки зрения П. Хузангая, мир полярен и един. Основная функция бинарных оппозиций – показать единство этих оппозиций. Целое состоит из полифонического единства разных мотивов, среди которых основными являются мотивы поиска смысла бытия, пути, истины, гармонии. Горести и радости, расставания и возвращения слагаются у поэта в дорогу жизни как Тилли, так и всего чувашского этноса, сумевшего сохранить духовно-нравственные ценности своих предков.

Литература

1. Ермакова Г.А. Эстетические основы художественного мира Г.Н. Айги. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. 380 с.
2. Маковский В.В. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. М.: Гуманитарный издательский центр, 1996. 416 с.
3. Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Рос. энциклопедия, 1997. Т. 1. 671 с.; Т. 2. 719 с.
4. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1998. 384 с.
5. Хузангай П.П. Песни Тилли // Хузангай П.П. Собр. соч.: в 4 т. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1997. Т. 1. С. 406-444.
6. Чувашско-русский словарь / И.А. Андреев, А.Е. Горшков, А.И. Иванов и др.; под ред. М.И. Скворцова. М.: Рус. яз., 1985. 712 с.
7. Юнг К.Г. Йога и Запад: сб.: пер. с нем. Львов: Инициатива; Киев: Airland, 1994. 230 с.

ЕРМАКОВА ГАЛИНА АЛЕКСЕЕВНА – доктор филологических наук, заведующая кафедрой методики преподавания чувашского языка и литературы, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (ermakil@yandex.ru).

ERMAKOVA GALINA ALEKSEYEVNA – doctor of philological sciences, head of Chuvash Language Teaching Methods and Literature Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 002.2(09)(470.344)

А.М. ИВАНОВА, Э.В. ФОМИН

О ПОЛЕВОЙ СТРУКТУРЕ СТАРОЧУВАШСКОЙ КНИГИ*

Ключевые слова: чувашская книга, полевая структура, дооктябрьский период, чувашский пласт, русский пласт, иностранный пласт.

Рассмотрена структура чувашской книги дооктябрьского периода. Авторы в ее составе выделяют собственно чувашский, русский и иностранный пласты. Настоящий подход призван организовать знания о чувашской книге в стройную систему.

A.M. IVANOVA, E.V. FOMIN

ABOUT THE COMPLEX STRUCTURE OF THE OLD SHUVASH BOOK

Key words: Chuvash book, complex structure, before-October period, Chuvash layer, Russian layer, foreign layer.

The article views the Chuvash book structure of the period before the October 1917. The authors point out the Chuvash, Russian and Foreign layers. This approach views to organize the knowledge about the Chuvash book in the harmonious (well-composed) system.

Чувашская книга дооктябрьского периода – явление многосложное. Умозрительно ее можно представить с помощью полевых структур, обусловленных различными факторами – тематическим, жанровым, генетическим, территориальным. Однако представляется, что объемлющей и адекватной сути чувашской книги будет лингвистически обусловленная полевая структура.

В узком толковании под чувашской подразумевается книга, созданная только на чувашском языке. Допущение в ее состав иноязычных изданий, русских и иностранных, значительно расширяет границы чувашской книги. Основное условие, которому должны удовлетворять иноязычные документы, – их

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-14-21002а/В).

чувашская тематика. И в настоящее время именно такой подход является доминирующим. В итоге складывается многослойная полевая структура чувашской книги с собственно чувашским, русским и иностранным пластами.

Вне этой схемы остается лишь одно издание: Башири, З. Чувашлар / Зариф Башири. Оренбург: Элетропаровая литотипография товарищества «Каримов, Хусаинов и К^о», 1909 (обложка 1911). 40 с. На татарском языке.

Но подобный документ в дооктябрьский период развития чувашской книги – исключение. В условиях угнетенного «инородческого» книгоиздания нерусская книга в России, прежде всего, служила миссионерским и утилитарным целям.

Справедливости ради следует заметить, что чувашская книга стремилась избежать обозначенных ограничений. В ее составе значатся издания на чувашском языке просветительского содержания, как, например, «Рассказы из русской истории» (Казань, 1879; 1888; 1909), «Чуваши в Константинополе» (Казань, 1903), «О Японии и японцах» (Казань, 1905), «Китай» (Казань, 1905), «Татары и чуваши» (Казань, 1906), «Беседа чувашина с татариним о вере» (Казань, 1910).

Чувашский пласт составляет центр полевой структуры, он генетически неоднороден: включает собственно чувашский и переводной слои. Притом переводной слой более объемный. Это объясняется тем, что становление новой чувашской письменности происходило путем заимствования приемов литературного употребления русского языка, а также на начальных этапах – татарского.

Пласт включает около 730 названий, что приближается к 60% всех чувашских книг того времени¹.

Русский пласт в составе чувашской книги выделен лишь в последнее время. Библиографический указатель «Чувашская книга до 1917 г.» (1950) за небольшим исключением содержит только описания книг на чувашском языке. Его второе издание (2001) уже включает обширную чувашскую библиографию также на русском.

Общий объем русского пласта – более 500 названий, или 40% от общего числа чувашских книг.

Между собственно чувашским и русским пластами имеется несколько книг – десять названий – с параллельными текстами на чувашском и русском языках:

1. Краткий катехизис, переведенный на чувашский язык с наблюдением российского и чувашского просторечия, для удобнейшего познания оного, восприимчивым святое крещение / [пер. Е.И. Рожанского]. СПб.: Синодальная типография, 1800.

2. Пичиксе катихизис, иугярна чуваш зам вали чуваш чильгибе, чибер биляс жин тюрө вырыс закон не и Тора килли юла на да. Хозанды школка замъ ра 1803 сиол да, аг'а оих ра = Сокращенный катехизис, переведенный в пользу чуваш на чувашский язык для удобнейшего им уразумения православного христианского закона, с присовокуплением некоторых молитв, символа веры и десятисловия. В Казанской академии 1803 года апреля месяца. М.: Синодальная типография, 1804. 44 л.

3. Пичиксе катихизис, иугярна чуваш зам вали чуваш чильгибе, чиберь биляс жин тюрө вырыс закон не и Тора килли юла на да. Хозанды школка замъ ра 1803 сиол да, аг'а оих ра = Сокращенный катехизис, переведенный в пользу чуваш на чувашский язык для удобнейшего им уразумения православного христианского закона, с присовокуплением некоторых молитв, символа веры и десятисловия. М.: Синодальная типография, 1807. 52 л.

4. Слово о христианском воспитании детей / пер. священника А. [М.] Алмазова. СПб.: Типография священного Синода, 1820. 9 л.

¹ Подсчеты проводились на основе обновленных данных ретроспективного библиографического каталога «Чувашская книга до 1917 года» [2].

5. Учение пред св[ятым] крещением. Казань, 1867.

6. [Золотницкий, Н.И.] Торра посьясмаллы-зиньчэн сумах = Поучение о поклонении богу. Казань: Типография университета, 1876. 11 с.; 16 см.

7. Ислентьев, В. Первая учебная книжка для совместного обучения чуваш и русских. Казань: Типолитогр. В.М. Ключникова, 1882. 130 с.

8. Смоленский, А.В. Чувашские приметы о погоде и влиянии ее на хозяйство. Казань: Типолитография университета, 1895. [2], IV, 71 с.; 25 см. Оттиск из тома 13 «Известий Общества археологии, истории и этнографии» за 1895 г.

9. Порядок следования св[ятых] икон с частицами св[ятых] мощей: а) в Кошлоушский Александринский чувашский женский монастырь Ядринского уезда, б) в Вержино-Сумский Введенский черемисский женский монастырь Козьмодемьянского уезда. Казань: Центральная типография, 1909. 8 с.

10. Устав Шихазановского общества трезвости. Казань, 1911. 8 с.

Эти названия – своего рода символический слой, доказывающий двуединство чувашского и русского пластов.

Иностранный пласт чувашской книги представлен небольшим числом названий, и, видимо, потому чувашская историческая библиография до последнего времени оставляла его незамеченной.

Практически исчерпывающий список иностранных чувашеведческих книг состоит из семи изданий:

1. Schott, G. De lingua Tschuwaschorum: dissertatio / scripsit Guilelmus Schott, professor Berolinensis, regiae scientiarum academiae socius. Berolini: Veith et Socii Sumptibus, [1841]. 32 p. Пер. заглавия: Чувашский язык.

2. Schott, W. La Langue des Tchouvaches / traduit du Latin par B.-B. Paris: E. Leroux, 1876. 24 p. Пер. заглавия: Чувашский язык.

3. A csuvas ősvallás emlékei című nagyobb tanulmányom bevezető része / gyűjtte és feldolgozta Mészáros Gyula. Budapest: [Franklin-Társulat Nyomdája], 1909. IV, 112 oldal; 24 cm. Пер. заглавия: Вступительная часть научного труда «Памятники древнечувашской веры».

4. Mészáros, G. Csuvas népköltési gyűjtemény: A csuvas ősvallás emlékei. Budapest, 1908. Kötet I. 471 oldal. Пер. заглавия: Сборник чувашского фольклора: Памятники старочувашской веры.

5. Mészáros, G. Csuvas népköltési gyűjtemény: közmondások, találósmondások, dalok, mesék. Budapest, 1912. Kötet II. 538 oldal. Пер. заглавия: Сборник чувашского фольклора: Пословицы, загадки, песни, сказки.

6. Wichmann, Y. Die tschuwaschischen Lehnwörter in den permischen Sprachen. Helsinki, 1903. XXVIII. 170 S. Пер. заглавия: Чувашские заимствования в пермских языках.

7. Paasonen, H. Csuvas szójegyzék. Nyelvtudományi közlemények 37, 38. Budapest, 1908. VII. 244 p. Пер. заглавия: Чувашский словарь.

Но незначительный в объемах пласт бесценен с исторической, культурологической и этнологической точек зрения. Это взгляд на чувашскую действительность со стороны, очень важный для формирования и развития национального сознания.

Впрочем, небольшое количество иностранных книг подкрепляется наличием большого числа публикаций в виде научных статей и очерков, датируемых периодом до 1917 г. [1]. Поэтому этот пласт субъективно воспринимается шире.

Иностранный пласт чувашской книги являет большое разнообразие по месту издания и языкам. Здесь представлены Германия (1), Франция (2), Венгрия (3 – 5, 7), Финляндия (6, 7) книгами на латинском (1), французском (2), венгерском (3 – 5, 7) и немецком (6) языках.

К настоящему времени данная литература частично переиздана: «Csuvas népköltési gyűjtemény» (Памятники старочувашской веры) Д. Месароша (Чебоксары).

ры, 2000), «Çuvaş sözlüğü» (Чувашский словарь) Х. Паасонена (Стамбул, 1950), «De lingua tschuwaschorum» (Чувашский язык) В. Шотта (Чебоксары, 2005).

Иноязычные чувашские книги априори двустатусны – они являют переходные состояния между инокультурной и чувашской реальностями: с одной стороны, по происхождению – это единицы русской, финской, венгерской, немецкой или французской книги, с другой, по тематике – чувашской. Их наличие формирует завершённую структуру чувашской книги, служит интернационализации книжного пространства.

Данная полевая структура чувашской книги исторична. Она призвана организовать знания о чувашской книге в стройную систему. Обращения к полевым структурам, созданным на других основаниях, носят вспомогательный характер, вместе с тем могут явиться существенным средством выявления тех или иных закономерностей функционирования книги в чувашском социуме на рубеже XIX-XX вв.

Литература

1. Исследователи Чувашского края: библиогр. указатель / сост. Э.Г. Николаева, Н.Д. Никитина. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2002. 256 с.

2. Чувашская книга до 1917 года = 1917 сӳлчченхи чӳваш кӑнеки: Ретроспект. библиогр. указатель лит. 2-е изд., испр., доп. / Гос. ком. Чуваш. Респ. по делам архивов; Гос. архив печати Чуваш. Респ. Чебоксары, 2001. 199 с.

ИВАНОВА АЛЕНА МИХАЙЛОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры чувашского языкознания и востоковедения имени М.Р. Федотова, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (amivano@rambler.ru).

IVANOVA ALENA MIKHAYLOVNA – candidate of philological sciences, assistant professor, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

ФОМИН ЭДУАРД ВАЛЕНТИНОВИЧ – кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Чувашский государственный институт культуры и искусств, Россия, Чебоксары (ed_fomin@rambler.ru).

FOMIN EDUARD VALENTINOVICH – candidate of philological sciences, assistant professor, Chuvash State Institute of Culture and Arts, Russia, Cheboksary.

УДК 82-31

О.В. МАКУШЕВА

ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ КУПЕЧЕСТВА В РОМАНАХ Д.И. СТАХЕЕВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Ключевые слова: роман, социальная психология купечества, классификация типов купцов, благотворительность, нравственные ценности.

Объектом научной статьи является социальная психология купечества в романах Д.И. Стахеева, писателя второй половины XIX в.

O.V. MAKUSHEVA THE REFLECTION OF THE SOCIAL PSYCHOLOGY OF MERCHANTS IN D.I. STACHEEV'S NOVELS OF THE SECOND HALF OF THE 19 CENTURY

Key words: novel, social psychology of merchants, classification of the types of merchants, charity, moral values.

The object of the scientific article is the social psychology of merchants in the novels of D.I. Stacheev, the writer of the second half of the 19 century.

Период второй половины XIX – начала XX вв. в истории культурной жизни России ознаменован подъемом купеческой благотворительной деятельности. «Третье сословие» стремилось служить делу милосердия и просвещения. Для многих предпринимателей благотворительность стала нормой жизни и способствовала возможности заслужить общественное признание. Народные нужды были «несравненно ближе и понятней» купцам, «чем давно оторвавшемуся от народ-

ных корней русскому дворянству. Эта генетическая связь объясняет то, что дело благотворительной помощи народу было для многих предпринимателей более естественным, чем для других привилегированных групп населения» [2. С. 90].

Кроме того, повышается культурный уровень купечества, на что указывает появление в числе его представителей людей, выходящих за рамки сословной принадлежности. Это деятели русской словесности И.А. Гончаров (1812-1891), Д.В. Аверкиев (1836-1905), Л.П. Радин (1860-1900), А.А. Луговой (1853-1914), Д.Т. Ленский (1805-1860), Н.А. Лейкин (1841-1906), И.И. Лажечников (1792-1869), Ф.А. Кони (1809-1879), художники А.К. Саврасов (1830-1897), И.И. Шишкин (1832-1898) и многие другие. К их числу принадлежит и Дмитрий Иванович Стахеев (1840-1918). Д.И. Стахеев – талантливый писатель, беллетрист, журналист, редактор журнала «Нива» с 1875 г. по 1877 г., получивший известность во второй половине XIX в. Его произведения печатались в популярных журналах «Вестник Европы», «Русский вестник» и др., в 1902-1903 гг. издается двенадцатитомное собрание его сочинений.

В романном творчестве Д.И. Стахеев отразил перемены во всех сферах жизни страны, обратил внимание на противоречия общества, представляя реалистичные картины быта, которые приближались иногда по силе своих художественных обобщений к лучшим образцам художественной интерпретации действительности, созданным классиками литературы конца XIX в.: И.А. Гончаровым, И.С. Тургеневым, Н.С. Лесковым, А.Н. Островским. Для его романов характерно наличие типизирующих обобщений социальной действительности. Биограф И. Гурвич пишет: «Быт и нравы нашей средней интеллигенции, чиновничества, купечества, духовенства, – вот та область, которой Стахеев служил своим пером. Знарок этих общественных слоев, их внешнего строя и внутреннего содержания или бессодержательности, он никогда не нуждался в сыром материале: такой он находил везде и всюду в близком ему мире. В творческой обработке Стахеева этот сырой материал превращался в действительную жизнь, на фоне которой появлялись живые люди, говорящие и действующие не только за себя, но и за десятки, сотни себе подобных» [1. С. 157]. На страницах романов широко и реалистично представлена купеческая среда. Автор подробно останавливается на описании совершающихся торговых сделок, внешнего и внутреннего убранства жилища и привычек его обитателей.

Д.И. Стахеев, не пытаясь идеализировать купечество, стремится показать, что человек не полностью исчерпывается своей социальной принадлежностью. Писатель создает несколько типов представителей купеческого сословия. К первому типу принадлежат люди, ясно и безоговорочно сознающие смысл существования в том, чтобы привести свою жизнь в возможно более полное соответствие с христианскими заповедями. Такой тип представлен в поздних романах: «Обновленный храм» (1891) и «Духа не угашайте» (1896). В этих произведениях купцы исполняют обязанности церковно-приходских старост. Чувствуется, что авторская симпатия на стороне представителей старого времени.

Второй тип – купцы-предприниматели новой формации, которые отличаются от своих отцов и дедов не только размахом торговых дел, но и европеизированным бытом. В романах Д.И. Стахеев помещает такой тип купца на второй план, исключением является «Домашний очаг» (1879). Своеобразный взгляд представителей этого типа купечества выражается в том, что деньгам они придают всевластное значение, цинично называя «входным билетом». Писатель сравнивает купцов с представителями других сословий, например, в основе сюжета романа «Горы золота» (1892) лежит история приобретения земельного участка. Предприимчивый чиновник опережает купцов, перехватывая намеченную ими сделку, чтобы впоследствии им же и продать землю втридорога. Д.И. Стахеев справедливо показывает, что всё общество, а не только купцы, проникнуто идеей лёгкой наживы.

Третий тип купца типологически приближается к купцам-самодурам А.Н. Островского и Н.С. Лескова, традиционно представлен с сатирическим оттенком.

В романе «Неугасающий свет» (1889) автор создает образ купца Поликарпа Подберезина. История его семьи строится на контрастном изображении двух поколений, где старшие представители династии относятся к первому типу купцов.

Предшественники Поликарпа по торговле, отец и дядя, жили в провинциальном городе лет сорок назад (т.е. в начале второй половины XIX в.). Писатель использует прием ретроспекции, что выражается в неспешных рассуждениях об ушедшем поколении; таким образом, выстраивается повествовательный сегмент о начале и развитии торгового дела, во главе которого стояли отец и дядя Поликарпа Подберезина. Эти купцы первых поколений, несмотря на нажитые капиталы, продолжали сохранять традиционный уклад жизни, покидая родной город только по торговым делам. Подберезины, приезжая в Москву, ночевали среди постоянного двора в тарантасе и в трактир ходили со своим чаем, платя только за кипяток. Д.И. Стахеев подчеркивает их непритязательность, аккуратность в делах, твердость в данном слове и беспримерную честность. Братья Подберезины – люди прочные, «самородки, твердые в своих правилах жизни, верные отеческим преданиям» [6. С. 104]. Эти ценные качества быстро растерял их наследник, перебравшись впоследствии жить в белокаменную. Автор отмечает: «Москва – город купцов, там на все другая мерка, капитал, торговля, завод, фабрика и т.п. В Москве первый вопрос: какими товарами торгуете и на какую сумму в год обороты» [4. С. 15].

Провинциальные купцы в размахе и основательности торгового дела не уступали московским. Тем не менее жизнь вели скромную и даже извозчика нанимали редко, лисьего меха шубы и бобровые шапки надевали только по праздникам: идя в церковь или за архиерейским благословлением. Простоте, благочестию и монашеской жизни архипастырей они придавали первостепенное значение, сознавая сердцем, в чем заключаются истинные задачи христианства. Постепенно дела братьев Подберезиных достигли миллионных оборотов, однако привычке жить скромно они не изменяли. Купцы из новых осуждали такое поведение и советовали идти «наравне с веком», «идти вперед». Те, в свою очередь, пылливо глядя, вопрошали: «...с каким веком и куда идти? Дорога здесь, на земле, одна – в вечность, в лоно Отца Небесного» [6. С. 102]. Старики упрямо не хотели заботиться о земном, ссылаясь на слова из святого писания: «...ищите прежде царствия Божия и правды его, и все временное приложится» [6. С. 103]. Писатель подчеркивает, что купцы – люди религиозные, поэтому наиболее верующие из них исправно платили десятину церкви – норму налогообложения, установленную ещё в Библии. Пытаясь искупить свои прегрешения, они вносили большие средства в строительство церквей и монастырей, школ и больниц, делали разнообразные пожертвования. Историк И.В. Маслова справедливо отмечает: «Низкий уровень образования большинства первых представителей купеческих династий в сочетании с их повышенной религиозностью породил своеобразный комплекс вины перед обществом. Стремление избежать душевного несоответствия между «неправдой денег», т.е. наличием их у одних людей за счет эксплуатации других, и понятием о справедливости, умение жить в согласии со своей совестью, было одной из главных причин, вызвавшей мощный взрыв благотворительности и меценатства в России во второй половине XIX – начале XX веков» [2. С. 89]. Старики Подберезины начали делать крупные благотворительные пожертвования, участвовать в общественной жизни. «...они строили церкви во всех тех городах, где имели торговые дела, поправляя те из них, которые нуждались в ремонте, поддерживали бедные монастыри, и слава о них, как о щедрых благотворителях (о которой они никогда, однако же, не заботились) тоже росла с каждым годом» [6. С. 104]. Писатель в нескольких романах подчеркивает благотворительную деятельность, присущую старшему поколению купечества XIX в. и почти утерянную их наследниками.

Свой взгляд имели братья Подберезины и на образование: «Ученые ученые рознь: от одного свет, а от другого – тьма» [6. С. 103]. В этом различии умудренные жизнью купцы видели одну из проблем общества: «Страх Божий забывают, любовь к труду презируют, высматривают, где бы полегче, на готовые бы хлеба, на казенное местечко. Не для просвещения ума учатся, нет, а только для того, чтобы в бары выскочить. По-нашему только то ученье хорошо, из которого работник выходит, труженик, полезный для своего отечества и твердый боец за Христову правду. Вот эта наука вечная и никакая ваша современность ее не обгонит» [6. С. 103]. Старые представители торгового дома сошли в могилу с сознанием, «...что во многом богатстве много забот, а счастья так же мало, как и в бедности» [6. С. 104]. Автору духовно близки купцы первых поколений, для которых характерны подчеркнутая умеренность, сдержанность и то, что деньги не имели для них абсолютной власти.

Близким по своему внутреннему миропониманию Подберезиным является герой другого романа «Духа не угашайте» (1896) – старик Дровяников, державший себя, семью и служащих в строгости. Его морально-этические установки перейдут по наследству сыну и внуку. Так же торгует и живет по-старому, как когда-то его отец и герой романа «Обновленный храм» (1891) – провинциальный купец Зайчиков.

Автор пылливо всматривается в своих современников – купцов-предпринимателей. Это братья Хохлаковы («На закате» 1881 г.), ведущие богатую торговую деятельность в крае и становящиеся законными владельцами дворянской усадьбы благодаря дальновидности и терпению; это братья Шерстобитовы («Горы золота» 1892 г.), имеющие фабрику и расширяющие свое производство; это купец Иванов («Домашний очаг» 1879 г.), всю жизнь находящийся на грани разорения. У каждого из них своя манера поведения, сфера интересов, масштаб деятельности, и все же наука стариков-отцов наложила на них общий отпечаток. Сочетание деловой хватки и религиозности становится характеристикой купеческого мира наряду с такими устойчивыми чертами, как преданность обычаям, экономность, обособленность. Все эти свойства создают самобытный мир, отличный от дворянского. Условный переход в чуждую среду осуществляется благодаря приобретению купцами особняков и поместий в результате экономического разорения господ. Таким образом, купцы желали приобщиться к дворянской культуре, войти в мир, не доступный им ранее.

Одним из символов дворянской культуры является господский дом: «По фасаду дома и в особенности его парадному подъезду, можно было безошибочно заключить, что дом этот, когда-то, во времена вечно достойной памяти Фамусовых, был барский и кто-нибудь из них давал в нем пиры...» [6. С. 98]. Младший представитель династии Поликарп Подберезин приобретает этот дом с аукциона и перестраивает по своему разумению. Особняк, сжатый с обеих сторон флигелями, приобретает вид тюремного замка. Построенный позже подъезд во флигеле, где располагалась контора, не имел поддерживающих навес кариагид, так как хозяин тратить деньги «на пустяки» не хотел. Старались экономить на уличном освещении, поэтому два фонаря зажигали только в торжественные дни, но обычно перед домом горел один фонарь «и по возможности светил настолько, что в темную осеннюю ночь до дверей подъезда все-таки можно было добраться без особых затруднений» [6. С. 98]. Дворянские усадьбы были очагом культуры, местом, где человек и природа гармонично сосуществуют. В романе «На закате» дворянская усадьба «Красные горки» вместе с мебелью и картинами была куплена купцом Филаретом Хохлаковым, который вблизи расположил уродливые здания, а ценный лес вырубил на продажу. Выходец из купеческой среды может занимать большой дом, но он там живет не по-дворянски, а согласно сложившимся привычкам. Марфа, купеческая дочь, вый-

дя замуж за помещика и попав в барский дом, первым делом «с середины комнаты передвинула стол к стене и кресла туда же убрала» [5. С. 160]. Муж недоволен перестановкой, а у жены свое представление о порядке в бытовой среде: «Я думала, стол на середине-то нехорошо и стульчики-то кружком тоже. Думала, как лучше» [5. С. 160]. Дворянство и купечество рассматриваются Д.И. Стахеевым как чуждые друг другу сословия. Поэтому заведенные порядки понятны лишь людям, принадлежащим к той или иной среде. Характерной приметой дворянского интерьера является библиотека с множеством книг, в купеческих же домах таковая отсутствует. Сильное собственническое чувство заставляет Поликарпа скупать все подряд, и хотя он имеет возможность приобщиться к мировой культуре, автор отмечает ограниченность мышления этого «хозяина жизни». «Даже книги, – уж что, казалось бы, для него в них интересного, – и те увлекли его!» [6. С. 107]. Купив сразу томов двести, заказывает роскошные переплеты и ставит на каждом томе свой штампель, не упуская лишний раз заявить право на свою собственность. Перехода в «дворянскую культуру» не происходит, книги не читаются, а складываются, как всякий товар, в один шкаф и запираются на ключ. Пользоваться ими никому не разрешается – переплеты дорогие. Так же он поступил с мраморной статуей работы знаменитого мастера: «...образцовое произведение попало в такое захолустье... поставлено при том в темный угол; именно только для того, чтобы занять в комнате пустое место» [6. С. 194]. Представитель купечества живет в барском доме, меняя его внешний и внутренний вид согласно своим представлениям.

Большие материальные средства позволяют купцам осуществлять все свои желания. Поликарп «воистину не знал покоя в погоне за новинками» [6. С. 106]. Д.И. Стахеев с иронией повествует о жизни героя, но за этой иронией скрываются серьезные мысли: «...за все он хватался жадными руками, воображая в этом найти что-то насыщающее душу и не замечая, при своей младенческой простоте, что хватается только за пустое место» [6. С. 106]. Поездки за границу для развлечения и отдыха стали доступны и купцам, так Поликарп бывал во Франции, в Германии, Италии, Австрии. В путешествиях он испытывал непреодолимое желание что-то купить: от ненужной корзинки с едой на станции до бесценных шедевров искусства. Проницательный автор видит тайные механизмы, приводящие в движение человеческую натуру: «Главное – только бы купить, в этом была для него вся прелесть – прелесть новизны» [6. С. 106]. Купцы стали бывать в опере и театре, иногда это увлечение принимало комические черты. Так Поликарп, вернувшись из буфета в ложу, заваливался на диван: «Под музыку очень хорошо спится. <...> Без дивана в опере пропасть человеку надо!...» [6. С. 137].

В два-три года самостоятельной деятельности Поликарп растерял доброе мнение о себе, нарушая купеческое слово и запятнав свою честь обманом. Автор акцентирует внимание на внешнем богатстве купца – бриллиантовое кольцо, статуя, фарфор, бронза, а вот в отношениях с людьми Поликарп оказался «...дешевым и легковесным». Он не смог устоять в вере своих отцов, не вынес испытания богатством, променяв вечные ценности на временные земные блага. Д.И. Стахеев упоминает о мастеровых, которых хозяин из самодурства обижал и обсчитывал при расчете из-за отсутствия «...чувства справедливости и душевной чистоты» [6. С. 120]. Потомок щедрых благотворителей только иногда мог безвозмездно оказать денежную помощь, проникнувшись минутной слабостью к нуждающемуся.

Д.И. Стахеев в романе «Неугасающий свет» изображает два поколения купцов Подберезиных. Старое поколение безраздельно предано патриархальному укладу, им неведомы колебания и сомнения. Писатель убежден, что главное содержание и оправдание человеческого существования заключается в стремлении к духовному совершенству. В его романном творчестве большин-

ство персонажей-купцов ближе к системе моральных ценностей стариков Подберезиных. Для купечества XIX в. была характерна повышенная религиозность, которая выражалась в желании обрести благодать в жизни вечной через добродетели жизни земной. В психологии, быте и привычках их наследников устоявшиеся традиции, вступая в противоречие с бурно развивающимся обществом, постепенно ослабевают. В романах Д.И. Стахеева второй половины XIX в. на первый план выходит нравственный конфликт, выходящий за пределы частной жизни, становящийся конфликтом общественным.

Литература

1. *Валеев Н.М.* Гармония культур. Избранные труды. Казань: Фэн, 2001. 328 с.
2. *Маслова И.В.* Купеческая династия Стахеевых. Елабуга: Изд-во ЕГПУ, 2007. 144 с.
3. *Никольский М.* Биография Д.И. Стахеева // Собр. соч.: в 12 т. СПб.; М.: Изд. тов-ва М.О. Вольфа, 1902. Т. 1. С. 1-14.
4. *Стахеев Д.И.* Горы золота // Собр. соч.: в 12. т. СПб.; М.: Изд. тов-ва М.О. Вольфа, 1903. Т. 7. 295 с.
5. *Стахеев Д.И.* На закате // Собр. соч.: в 12. т. СПб.; М.: Изд. тов-ва М.О. Вольфа, 1902. Т. 6. 258 с.
6. *Стахеев Д.И.* Неугасающий свет // Собр. соч.: в 12. т. СПб.; М.: Изд. тов-ва М.О. Вольфа, 1903. Т. 8. 305 с.

МАКУШЕВА ОКСАНА ВЛАДИМИРОВНА – аспирантка кафедры литературы, Елабужский государственный педагогический университет, Россия, Елабуга (makusheva_ok@mail.ru).
MAKUSHEVA OKSANA VLADIMIROVNA – post-graduate student of Literature Chair, Elabuga Teacher's Training University, Russia, Elabuga.

УДК 82.512.145-1:82.512.1459 (092) Миннуллин

Н.Ш. НАСИБУЛЛИНА

МОТИВЫ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ В ПОЭЗИИ РОБЕРТА МИННУЛЛИНА

Ключевые слова: мотивы гражданственности, поэт-гражданин, чувство долга перед Отечеством, борьба за независимость, дух гражданственности, гражданская лирика.

Рассмотрены основные особенности мотивов гражданственности поэзии Р. Миннуллина. Исторические эпохи, смена поколений, волнения и смута, моменты воодушевлений, рост сознания народа, душевные поиски отдельных личностей – все это выражается в творчестве поэта, превращаясь в вечное наследие.

N.Sh. NASIBULLINA
MOTIVES OF CITIZENSHIP IN THE POETRY OF ROBERT MINNULLIN

Key words: motives of citizenship, poet-citizen, sense of duty before mother country, struggle for independence, spirit of citizenship, civil lyric poetry.

In article considered main peculiarities motives citizenship of poetry R. Minnullina. History epochs, change generations, unrest and disturbance, moments of enthusiasms, increase of people consciousness, soul searches of separate persons – all this expressed in the work of poet transformed in eternal legacy.

Роберт Миннуллин – народный поэт, видный общественный и государственный деятель. Его знают по многочисленным поэтическим книгам для детей и взрослых: «Будьте счастливы» (1976), «Вечная дорога» (1983), «Колыбель» (1995) и многим другим. За свои стихи он удостоен высших литературных наград республики – Государственной премии имени Габдуллы Тукая и молодежной премии имени Муссы Джалиля. В числе немногих татарских поэтов он обладатель и престижных международных наград. За книгу «Самое большое яблоко» (1992) Роберт Миннуллин удостоен почетного диплома имени Г.-Х. Андерсена, а его книги внесены в список лучших произведений для детей писателей всего мира, рекомендованных для перевода на другие языки.

Творчество Р. Миннуллина занимает особое место в современной татарской литературе. В его творчестве отражаются морально-этические, социально-философские поиски, свойственные татарской интеллигенции второй половины прошлого века, взгляды-суждения о событиях того времени. О его творчестве высказывались известные литературоведы, признанные поэты и писатели. Среди тех, кто дал первым его произведениям высокую оценку, были такие классики татарской литературы, как С. Хаким, Ф. Хусни, Ш. Галиев, И. Юзеев, Н. Наджми, Р. Ахметзянов, которые своим благословением вывели его на большую дорогу поэзии. Отдельные статьи посвящены изучению его поэзии. В работах, в которых дается общий анализ литературы эпохи, большое место уделяется его творчеству.

«В татарской поэзии последних лет часть поэтических произведений объединяет боль за независимость татар, за их судьбу, будущее, прошлое...», – пишет Н. Юсупова [4. С. 420]. Эту тему не смог обойти и Р. Миннуллин. В его лирике есть стихотворения, отражающие историю татарского народа, представление его будущего. Одно из них – «Надежда татарина».

Татарский народ живет надеждой, надежда дает ему веру в будущее. Эта надежда существует испокон веков, поэтому татарин благополучно выходил из тяжелых и сложных ситуаций.

В этом стихотворении Р. Миннуллин вновь и вновь возвращается к теме прошлого татарского народа:

От рабства, ошибок, обмана
Обрывалась и срасталась,
Обрывалась и срасталась
Надежда татарина.

(«Надежда татарина». – перевод автора статьи).

Последние строфы пронизаны духом оптимизма, верой в светлое, свободное будущее:

Последняя надежда татарина
Не оборвется, не оборвана. Она
вечная надежда – Пока
не осознанная нами. Она спрятана
глубоко в наши души. Хранится она
для Главного дня татарина.
Нет, не без надежды татарин –
Надежды вспыхивают. Если
оборвется последняя надежда,
Остается лишь умереть.

(«Надежда татарина». – перевод автора статьи).

В этих строчках надежда понимается в значении независимости. Мы понимаем, что последний день – это и есть приход свободы. Поэт надеется, что татарин получит свободу и независимость, которые он ждал веками.

Таким образом, в основе стихотворения «Надежда татарина» лежат мотивы, связанные с независимостью татарского народа.

Политическая лирика Р. Миннуллина близка гражданской. Гражданская лирика отражает чувства и эмоции поэта, связанные с политическими событиями, происходящими в стране [3. С. 197].

В поэме-клике «Татары мои!..» автор, обращаясь к татарскому народу, напоминает о славном прошлом нации, говорит о сегодняшнем дне и будущем народа, призывает к национальному единению [2. С. 7].

Исторические эпохи, смена поколений, рост сознания народа, душевные поиски отдельных личностей – все это выражается словом поэта, превращаясь в вечное наследие. Поэма Р. Миннуллина – духовная и историческая ле-

топись нации. Обладая тонким чутьем, свойственным только поэтам, автор выступает хранителем традиций и быта татарского сообщества.

Одной из особенностей поэмы является то, что автору удалось понять и отразить в своем творчестве актуальные проблемы эпохи, дух времени. «Будь достойным веку, поэт!» – сказал А.С. Пушкин. Именно созвучность веку – основная миссия поэта. Все то, что сказано сегодня, завтра может стать неактуальным, а поэту необходимо чувствовать, предвидеть эти тонкости и своевременно донести до читателя.

В центре поэмы – активная поэтическая личность, обладающая чувством гражданственности, чутко воспринимающая и пропускающая через сердце каждое мгновение жизни, концентрирующая воедино голос времени. На передний план выходит личность поэта. События социальной жизни становятся поводом для размышлений, открывают возможности для философских обобщений. Переживания, воспоминания, раздумья, поэтическая мысль составляют сюжет поэмы. Пространственно-временные связи проходят через сознание, душу поэта. Связь судьбы личности с судьбой страны, народа, с эпохой и историей – еще одна особенность поэмы. Поэт раскрывает проблемы эпохи, ее скорбь-печаль пропускает через сердце. Они проявляются лирическими переживаниями, движением философской мысли. В поэме лирический герой не рассказывает продолжительные истории, лишь упоминает о них, но преподносит их так ярко, что мы представляем его эмоции, настроение, состояние души.

Открытый финал поэмы призывает читателя быть активным, показывает необходимость совместного решения жизненных проблем, о которых говорит сам поэт:

Давайте думать о будущем народа,
Не повторять ошибок истории!
Я свое слово сказал! Наша судьба
Зависит от нас самих, татары мои! (перевод автора статьи)

Этой поэмой поэт-гражданин Р. Миннуллин полностью оправдал доверие, оказанное ему старшими товарищами, благословившими его путь в поэзию. Человек, который не сочувствует горестям и не радуется успехам своего народа, никогда не может быть поэтом. Велика ответственность поэта перед эпохой. Его самые добрые стремления – служить своей Родине, своему народу, значит, и все творчество состоит из претворения их в жизнь.

Его стихи «Татары всего мира, объединяйтесь!» стали своеобразным гимном нации.

Широта и величие творчества, взаимоотношения поэта с народом определяются только одним – отражением в поэзии жизни народа. Главный источник творчества Р. Миннуллина – жизнь народа. Поэт в своих стихах часто обращается к событиям в обществе, политическим вопросам. Он отражает жизнь простого народа, полунищей интеллигенции, выражает свое отношение к войнам, политическим событиям, показывает факторы, уничтожающие нацию, человечество. Его стихи на эти темы звучат в драматическом, в иных случаях и трагическом духе. В них Р. Миннуллин часто обращается к сатире и юмору.

Одно из стихотворений, написанных в последние годы, Р. Миннуллин назвал «В России идет война». Эпиграфом к нему он взял строчки из известного стихотворения Е. Евтушенко «Хотят ли русские войны?». Война никому не может принести счастья, она приносит скорбь и горе. В стихотворении «В России идет война» он поднимает вопрос о необходимости мира, благополучия нациям и народам.

Поэта волнует то, что, в связи с политическими событиями в стране, народ теряет свои морально-этические качества. В нынешнем обществе теряются общечеловеческие ценности, основным мерилom становятся деньги, процветают

зависть, скупость, пьянство, с легкостью совершаются убийства, злодейства против близких и т.д. Эти явления терзают душу Р. Миннуллина. Например:

Намерение наше – не работая

Вкусно есть и как бы то ни было разбогатеть.

Самое большое желание – опохмелиться утром,

А основное занятие – воровство и обман.

Кумовство, мошенничество и

Воспевать приятелей – халтурщиков.

(«Мы сами в долгую зиму...». – перевод автора статьи).

В гражданской и политической лирике Р. Миннуллина основными мотивами являются: чувство долга перед Отечеством, готовность защищать и развивать его; судьба нации; проблемы нравственности в современном обществе.

Принципы его творчества основываются на гражданской позиции, убеждениях, ориентирах поэта. Высокогуманные цели придают его творчеству вдохновение и неиссякаемую силу. Верность своим творческим принципам обеспечивает развитие творчества Р. Миннуллина, дает ему возможность покорить все новые и новые литературно-эстетические вершины. Этого он достигает своим талантом, искренностью, чуткостью, глубоким психологизмом.

Литература

1. Миннуллин Р.М. Произведения: в 7 т. Казань: Тат. кн. изд-во, 2007.
2. Миннуллин Р.М. Татари мои! // Мадани жомга. 2010. № 30.
3. Словарь литературоведческих терминов и понятий / авт.-сост.: Д.Ф. Загидуллина, В.Р. Аминев, М.И. Ибрагимов и др. Казань: Магариф, 2007. 231 с.
4. Юсупова Н. Татарская поэзия последних лет // Современная татарская литература / сост.: Г.Р. Закирова, Л.А. Гиззатуллина. Казань: Магариф, 2008. 420 с.

НАСИБУЛЛИНА НУРИДА ШАЙДУЛЛОВНА – младший научный сотрудник отдела литературоведения, Институт языка, литературы и искусств имени Г. Ибрагимова, Академия наук Республики Татарстан, Россия, Казань (nasibullina.nur@yandex.ru).

NASIBULLINA NURIDA SHAYDULLOVNA – junior scientific worker of Literary Studies Department, Institute of Language, Literature and Arts named after G. Ibragimov, Academy of Science of the Republic Tatarstan, Russia, Kazan.

УДК 821.161.1Мельников-Печерский

Л.Н. САРБАШ

«ИНОНАЦИОНАЛЬНОЕ» В ТВОРЧЕСТВЕ П.И. МЕЛЬНИКОВА-ПЕЧЕРСКОГО

Ключевые слова: инонациональные явления, мифологические верования, языческая теогония, обряд.

Проанализированы картина жизни и религиозно-мифологические верования народов Поволжья в творчестве П.И. Мельникова-Печерского.

L.N. SARBASH

«OTHERNATIONAL» IN THE WORKS OF P.I. MELNIKOV-PECHORSKIY

Key words: life events of other nationalities, the mythological beliefs, theogony pagan, rite.

Analyzed the pattern of life, religious and mythological beliefs of the Volga Region peoples in the works of P.I. Melnikov-Pechorskiy.

Русская литература XIX в. активно обращалась к изображению инонациональных явлений большого русского мира жизни, самобытности нерусских народов, населяющих Российскую империю. Русские писатели проявляли явный интерес к «внутренним» неевропейским формам культуры, отмечали множественность и своеобразие национально-духовных форм бытия. Русская литература вводила в свой необъятный космос инонациональные пласты жизни как ре-

левантные явления огромного русского мира, создавая представление о «народах разноязычных», составляющих «Русскую землю» (В. Даль).

Одним из писателей XIX в., обратившихся к изображению жизни и религиозно-мифологических верований народов Поволжья, был П.И. Мельников-Печерский. Его служебная деятельность протекала в Нижнем Новгороде и в приволжских губерниях: он был чиновником особых поручений в Министерстве внутренних дел, где занимался главным образом расследованием дел о «расколе». Писатель хорошо изучил жизнь инородцев Поволжья – мордвы, вотяков (удмуртов), чувашей; он пишет, что в 1848 г. сам производил формальное следствие о языческом молении мордвы, был знаком со следственным делом мордовского Кузьки-бога; в 1852 г. Русское географическое общество и Министерство внутренних дел поручили П.И. Мельникову произвести обследование мордовского населения нескольких губерний: Нижегородской, Симбирской, Казанской, Пензенской, Самарской и Тамбовской. Результатом этого изучения явилась книга «Очерки мордвы» (1867 г.) – «первое монографическое плана исследование, посвященное этнографии мордовского народа» [11. С. 97].

Значительное место в творчестве Мельникова-Печерского занимают сочинения, посвященные мордве, интерес к которой у него зародился еще в 1940-е гг., о чем свидетельствуют следующие работы: «Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь (1839-1840 гг.)», «Исторические известия о Нижнем Новгороде» (1840 г.), «Нижегородская мордва», «Общественные моления эрзян», «Эрзянская свадьба», «Мокшанская свадьба» (1851 г.).

П.И. Мельников-Печерский пишет о мордве как древнем народе, имеющем свою историю и самобытную культуру. Писатель обращает внимание на уклад жизни мордовского народа: он придерживается своих древних, идущих от предков обычаев и обрядов, хранит родовые традиции. Мельников отмечает крепость брачных уз у мордвы, патриархальный характер семьи, во главе которой бывает только «один глава». Русского писателя восхищает патриархальное «многоглагольное» мордовское семейство, в котором он усматривает идеальное начало семейного уклада. Предметом особого этнографического рассмотрения является обрядовый календарь и мордовская свадьба как сложное полифоническое явление образно-мифологической культуры, выражающее народное мирозерцание. Писатель публикует и мордовские народные песни.

Для работ П.И. Мельникова характерно стремление раскрыть не только внешние этнографические черты, но и постичь душу народа, его национальный характер. В «Дорожных записках на пути из Тамбовской губернии в Сибирь» Мельников дает чрезвычайно высокую оценку нравственных свойств мордовского народа: «...добрый народ.... По характеру мордва весьма кротки, добродушны, гостеприимны и радушны; в хозяйственном отношении трудолюбивы, рачительны, живут большей частью безбедно и по домашней обиходности стоят выше одноплеменных с ними инородцев. Они вообще слывут за хороших работников и исправных домохозяев, не уступающих даже русским» [7. С. 61]. Писатель отмечает тесные связи мордвы с русскими, считает ее «самым образованным племенем» из всех финских народов, пишет о высоких нравственных качествах, делая замечание об отсутствии убийств у этого народа. В работе «Нижегородская мордва» выделяет такие национальные черты характера, как достоинство, независимость, сдержанность: «Посмотрите, с каким достоинством и как свободно мордвин с вами говорит, как непринужденно раскланивается, как легко протягивает вам руку, если вы достаточно с ним знакомы, не обращая внимания на разницу в общественном положении между им и вами. Все это невольно бросается в глаза, особенно при сравнении с местным русским крестьянством, на котором еще не успели изгладиться следы недавнего рабства, с его приниженностью, холопством, заискиванием перед высшим и тому подобными несимпатичными чертами» [9. С. 101].

«Очерки мордвы», опубликованные в «Русском вестнике» за 1867 г., давали обстоятельное рассмотрение мордвы: историческое развитие народа, его взаимоотношения с русскими, этнические особенности, древнюю мордовскую религию – языческую теогонию, верования и обычаи. Произведение П.И. Мельникова-Печерского состоит из шести разделов, первые два из которых посвящены истории народа – его расселению, присоединению к Русскому государству, крещению, а четыре последующих – религиозно-мифологическим верованиям и обрядам. Широко используя архивные материалы («неизданные документы»), писатель дает историю крещения мордвы, отмечая на этом пути значимые события; он даже замечает, что вступивший в управление русскою церковью патриарх Никон, ревностно заботившийся о крещении, был «мордовского происхождения» – сын обруселого мордвина Мины, крестьянина села Вельдеманова, благословивший, а может быть, и разрешивший «истреблять почитаемые мордвой за святые их заветные дубравы и кладбища» [10. С. 428]. Мельников-Печерский отмечает насильственную христианизацию как поволжских народов, так и мордвы: крещение сопровождалось «разрушением мечетей у магометан, кладбищ, кереметей, священных роц и т.п. у язычников» [10. С. 422].

Писатель дает подробнейшую языческую теогонию, излагая определенное иерархическое соотношение мордовских божеств. Он выделяет единого верховного бога: Чам-Паса у эрдзян и Шкая у мокшан, от которых и зависит весь видимый и невидимый мир. Приводит поэтическую легенду о сотворении мира Чам-Пасом и молитву, обращенную к нему. Чам-Пас сотворил богиню Анге-Патяй – мать-богиню, «источник жизни, чадородия и плодородия земли», которая, в свою очередь, народила четверых сыновей и четырех богинь. Автор «Очерков мордвы» характеризует всех мордовских богов и сферы их влияния в земной жизни. Первый сын Анге-Патяй, Нишки-Пас, – «бог неба, солнца, огня и света». Он же является главным покровителем пчел, в переводе с мордовского слово «нишки» обозначает «пчельник». Души умерших людей поселяются в «небесном пчельнике»: «Как пчелы выются вокруг матки, так души добрых людей выются вокруг Нишки-Паса». Второй сын Анге-Патяй, Свет-Верешки-Велен-Пас, – обладатель земли и устроитель человеческого общества; третий сын Назаром-Пас – бог «зимы, ночи, луны»; четвертый Волцы-Пас – высший бог всего живого в земном мире, кроме человека, покровительствует людям при охоте и рыболовстве. Описывает Мельников-Печерский и дочерей Анге-Патяй, родивших сыновей-богов.

Писатель отмечает у мордвы особое поклонение культу предков (атят): умершие люди, поселившиеся у Нишки-Паса, участвуют в земной жизни своих близких, заботятся о своем роде, помогают потомкам.

Автор «Очерков мордвы», излагая языческую мифологию и давая определенное иерархическое соотношение мордовских божеств, приводит народное мнение о разности вер и угодности их всех Богу: «Мордва говорит: как в лесу каждое дерево имеет свой особый лист и свой особый цвет, так и каждый народ имеет свою веру и свой язык. Веры все угодны Богу, потому что им самим даны, и потому переходить из одной веры в другую грешно. Всего на земле семьдесят семь вер и семьдесят семь языков» [10. С. 440]. Здесь содержится и необходимое народу обоснование держаться своей древней веры, не переменять ее, не переходить в христианство, так как отступничество от богов предков тоже определяется как грех. Эта традиция отразилась еще в «Хождении за три моря Афанасия Никитина», когда изменение веры приравнивалось к предательству.

Священник К.Прокопьев приводит аналогичное народное представление чувашей, давая высказывание «староверов» о необходимости держаться закона предков: «Бог произвел 77 языков, 77-ми языкам дал 77 вер: особую веру русским, особую веру татарам, особую веру чувашам, и каждому народу велел жить своей верой, или Бог велел расти в лесу и дубу, и березе, и липе, и осине,

точно также Бог велел быть на земле и русскому, и татарину, и чувашину, и каждому велел жить соей верой» [13. С. 125]. В «Былом и думах» А.И.Герцена приводится высказывание черемисов-язычников «бойкому священнику» Курбановскому: «В лесу есть белые березы, высокие сосны и ели, есть также и малая можуха. Бог всех их терпит и не велит можухе быть сосной. Так вот и мы меж собой, как лес. Будьте вы белыми березами, мы останемся можухой; мы вам не мешаем... а святыне своей изменить не хотим» [2. С. 266]. Разные народы, но по сути своей один «природный» аргумент в защиту своей древней языческой веры: жизненная мудрость о многообразии мира – «леса» и множестве вер.

Писатель, выступая в качестве этнографа, приходит к выводу о сходстве языческих верований мордвы и славян и говорит о необходимости изучения мордовских дохристианских представлений о мире, что важно и само по себе, и для прояснения язычества русских: «Вообще мордовская вера имела, кажется, большое сходство с языческою верою русских славян, если не была одна и та же. У русских, уже девятьсот лет принявших христианство, она совершенно забылась, но остатки ее сохранились в разных обрядах, из которых многие трудно или вовсе невозможно объяснить. Мордва крещена не так давно и еще помнит старинную свою веру. По сохранившимся у Мордвы религиозным обрядам и по преданиям об их религии можно объяснить многие русские обычаи и обряды» [10. С. 486].

Отмечает Мельников-Печерский и характерный для крещеных поволжских народов процесс, когда языческие божества отождествлялись с христианскими: «Как славяне, приняв христианство, приурочили своего громовержца Перуна к Илье пророку, а Волоса, скотьего бога, к св. Власию и т.д., так точно и Мордва приурочила свои божества к христианским святым...» [10. С. 444] Особо же почитаемым является «русский» святой Николай Чудотворец, называемый Никола-Пас «у эрзяков и терюхан» и «Николазарова» – у мокшан; писатель поясняет, что у последних он считается не богом, а богиней. П.И. Мельников пишет: «Известно, что православная церковь празднует память Николая Чудотворца 9-го мая и 6-го декабря. В эти самые дни и Мордва празднует Никола-Пасу, совершая особые жертвоприношения» [10. С. 442]. Приверженность инородцев к «Русскому Богу» отмечалась и другими русскими писателями – А.И. Герценом, Н.С. Лесковым, Н.Д. Телешовым, историком и литератором В.А. Сбоевым.

В разделе четвертом Мельников-Печерский описывает кереметь как место мольбища у мордвы, где совершались молитвы и приносились жертвы языческим богам. Писатель считает, что название, скорее всего, заимствовано от чувашей (это же предположение высказывал и В.А. Сбоев). Дается подробное описание керемети с необходимым для понимания историко-этнографическим комментарием, в главе пятой отмечает виды молян и подробно описывает велень-молян, общественное богослужение в честь «всех мордовских богов» по случаю каких-либо бедствий.

Работа П.И. Мельникова давала много достоверных и ценных наблюдений «по традиционным верованиям и обрядам мордвы, впервые введенным им в науку и имеющим важное значение для реконструкции всей сложной системы ее дохристианских воззрений и обычаев, формировавшихся и развившихся на протяжении многовековой истории» [11. С. 99]. В то же время писатель, излагая систему религиозных воззрений мордвы, допустил, как отмечает историк-этнограф Н.Ф. Мокшин, «определенный вымысел, подгоняя эту систему под библейский образец», в связи с чем появился миф о верховном боге Чам-Пасе как создателе всего видимого и невидимого мира, матери-богине Анге-Патяй [11. С. 99]. На определенную «вымышленность» Мельникова-Печерского в свое время указывал известный финно-угровед, профессор Казанского университета И.Н. Смирнов, который отмечал интерес к «схеме Мельникова» [17. С. 290]. Крупный знаток этнографии мордовского народа М.Е. Евсевьев тоже писал, что «Мельников при составлении своих очерков» поль-

зовался «описанием мордвы Мильковича... перечисленные у Мильковича моления принял за божества»: «Я уверен, что анге-патяй Мельникова (это выражение я больше нигде не встречал) получилось из выражения Мильковича: «ате-покш-тяй» – прадед, предок» [4. С. 478]. Следует отметить и иное мнение: В.И. Рученькин считает, что «эзрянские и мокшанские божества не выдуманы Мельниковым, а действительно представляют цельную и стройную систему рода, происшедшего от верховного божества Чам-Паса и богини Анге Патяй, и составляют своеобразный мордовский Олимп» [15. С. 11]. При подобном расхождении остается несомненным одно: сочинение русского писателя было той книгой, которая открывала мордву для широкого круга российских читателей. Академик А.А. Шахматов говорил, что интерес к мордовскому народу у него возник еще в детские годы после прочтения в «Русском вестнике» «Очерков мордвы» П.И. Мельникова-Печерского [1. С. 148].

Писатель отмечает в «Очерках мордвы» и чувашского языческого «идола» Ириха, которому дает краткое описание: это связанный лыком «пук шиповника с привешенным к нему кусочком олова». Этот бог стоит в углу, к нему нельзя прикасаться и приближаться, и молятся ему в пятницу – день, посвященный Ириху, который празднуется «язычниками-чуваши как воскресенье у христиан» [10. С. 446].

Беллетрист и этнограф Мельников при описании обрядового мордовского календаря не оставляет без внимания и женский национальный костюм – «шести-полосой узорчатой рубашки» как «самой щегольской одежды» мордовских девушек: «...подолы вышиваются узорами по белой холщовой рубашке шерстями разных цветов, преимущественно же красною, зеленою и синею; полосы эти идут вдоль рубашки от плеча до подола по три на стороне; подол и ворот также расширяется узорами. Двенадцать платков за поясом составляют верх щегольства мордвов. Обыкновенно они подпоясываются поясом (каркс-чамакс), к которому сзади пришито много бахромы из шерсти, иногда с раковинками, известными под названием «змеиных головок» или «ужовок», а у богатых и с серебряными деньгами; но когда мордовка в полном наряде, то за каркс-чамакс затыкает двенадцать платков из тонкого льняного холста, расшитых красной шерстью, а у богатых даже и крученым золотом. Платки эти называются «руцят» [10. С. 468-469]. Писатель приводит мордовские лирические песни, «величания девушек», сопровождая их русским переводом, в которых находит свое отображение национальный костюм мордовки: «Катя, Катерька (т.е. Катенька) матерька, щегольски одевается, ходит щегольски и важно! Ай, в саратовских чулках, в высокопятах башмаках, в шести-полосной узорчатой рубахе, с двенадцатью платками за поясом, как заря, горит она в штофном платье» [10. С. 438]. В.И. Рученькин справедливо замечает, что Мельников-Печерский «совершенно по-новому осветил бытовую и духовную жизнь мордовского народа, прослеживая его историческое развитие с глубокой древности и до своего времени» [14. С. 236].

В дилогии «В Лесах» (1859-1875 гг.) и «На Горах» (1875-1880 гг.) Мельников-Печерский дает широкую картину русской действительности, до него в литературе в таком ракурсе не представленную. Писатель изображает старообрядческое купечество, раскольничьи скиты, сектанство (хлыстовские секты), нравы и обычаи населения Заволжья и Нагорья. В этой широкой панораме жизни естественно возникает и описание народов Поволжья, соседствующих или «живущих с русскими «на Горах», местонахождение которых определяется географически точно: «От устья Оки до Саратова и дальше вниз правая сторона Волги «Горами» зовется. Начинаются горы еще над Окой, выше Муромы, тянутся до Нижнего, а потом вниз по Волге» [8. С. 31]. Дается автором и объяснение названия правой стороны Волги: «Места «на Горах» ни дать ни взять окаменелые волны бурного моря: горки, пригорки, бугры, холмы, изволоки грядками и кряжами тянутся во все стороны меж долов, логов, оврагов и суходолов; реки и речки колятся во все стороны, пробираясь меж угорий и на каждом изгибе встречая возвышенности» [8. С. 31].

П.И. Мельников отмечает ареалы расселения народов, в результате чего возникает своеобразное историко-этническое полотно Поволжья. «Горы» были крыты «лесами дремучими, сидели в них мордва, черемиса, булгары, бургасы и другие языки чужеродные». Русские пришлые люди селились в этих местах по рекам – Волге, Оке, Суре, «в даль не забирались», среди чужих племен держались «друг ко дружке поближе»; мордва находилась между Сурой и Окой; ниже Сурского устья по обеим сторонам Волги «сплошь чужеродцы» – «черемисы, чуваша, татары»; от Самарской луки вплоть до Астрахани живет «сплошь русский народ»; около Саратова, «на лучших землях пшеничного царства» поселились немцы. При описании народов, населяющих Поволжье, неизменно возникает ракурс соотношения нерусских с русскими. Мордва местами сохраняет «еще свою народность», но все больше русеет, по определению писателя, мордва «издавна обрусевшая»; такие «чужеродцы», как чуваша, черемисы, татары «не русеют»; немцы живут меж русскими «той жизнью, какой жила на далекой своей родине, на берегах Рейна и Эльбы» [8. С. 33-34]. Мельников-Печерский отмечает определенную этническую самоизоляцию поволжских немцев, о чем писали и И.С. Аксаков, А.А.Коринфский, В.И. Немирович-Данченко, а также другие писатели, повествующие о немецкой «Сарепте».

Касается П.И. Мельников-Печерский и языческих верований некоторых поволжских народов. Писатель отмечает, что мордва, черемисы и чуваша любят дремучие леса и без необходимости их не рубят, так как лес «по старинному их закону» является «жилищем богов»: «В старые годы на Горах росли леса кондовы, местами досель они уцелели, больше по тем местам, где чуваша, черемиса да мордва живут. Любят те племена леса дремучие да рощи темные, ни один из них без нужды деревца не тронет; ронить лес без пути, по-ихнему, грех великий... Лес истреблять – божество оскорблять, его дом разорять, кару на себя накликать. Так думает мордвин, так думают и черемис и чувашанин» [8. С. 34]. П.И. Мельников-Печерский не называет, но имеет в виду злого бога Кереметя, который обитал в лесу, где и приносились жертвы.

Следует отметить, что и другие русские писатели обращают внимание на такую характерную особенность поволжских народов, как близость к природе, любовь к лесу, о чем писала А.А. Фукс в «Записках о чувашах и черемисах Казанской губернии» [18] и В.А. Сбоев в «Заметках о чувашах» [16]. А.А. Потехин называет чувашей и черемисов «лесным народом», с чем связывает его характер, натуру: «В лесу, у себя, черемис, а особенно чуваш, хотя и молчалив..., но, по крайней мере, приветлив, смотрит ласково и доверчиво, держит себя спокойно и развязно; во всяком другом месте, вне своего лесного угла он безмолвен, тих, робок и подозрителен» [12. С. 165]. С.В. Максимов называет народ чувашский и черемисский «бродячими лесовиками», Волгу – «инородческой», где русские люди «сидят только на самых берегах многоводной реки» [6. С. 187]. А.А. Коринфский в книге «Народная Русь» отмечает, что лес был священным местом, храмом как у «древнеязыческой Руси», у славянских народов, так и у чувашей, о чем свидетельствовали «старые одинокие дубы», «заповедные деревья» – остатки «священных рощ» (по-чувашски – «кереметь»), которые свято охранялись населением» [5. С. 97].

В диалогии П. Мельников ограничивается только указанием на языческие верования народов Среднего Поволжья, избегая той конкретизации, которая присутствовала в его других сочинениях этнографического характера. Автор романа «На Горах» отмечает еще одну немаловажную причину бережного отношения «чужеродцев» к лесу: в старину, когда не было ни городов, ни крепостей, «в недоступных дебрях» они отстаивали свою волю и свободу, «сперва от татар, потом от русских людей». У славянского же племени иное отношение к лесу: русский, по определению писателя, «прирожденный враг леса»: «...свалить вековое дерево, чтобы вырубить из сука ось либо оглоблю... ему нипочем. Столетние дубы даже

ро́нит, обобрать бы только с них желуди свиньям на корм» [8. С. 34]. И этому тоже находится объяснение, Мельникову видится здесь привычка, идущая исстари: Русь, заселяя эти места, губила леса как «вражеские твердыни», поэтому там, где живут «коренные русские люди», леса не осталось, он сохранился в тех местах, где обитают инородцы. Писатель иронически замечает, что у людей «чистой славянской породы» все так безлесно, такая голь, что не из чего кнутовища вырезать, нечем парнишку посечь.

Повествуя о временах прошедших и настоящих, П.И. Мельников-Печерский прибегает к стилизации, ведет порой рассказ в былинно-летописном стиле, используя определенную лексику и ударение: перенес стол из Суздаля в Нижний Новгород назвал русских людей, земля святорусская, насельники, мать-кормилица; языки чужеродные родные сыны, пришлым из чужа и т.д. При этом явственны фольклорные стилистические элементы в виде закрепленных эпитетов (леса дремучие, стройный стан, мать-кормилица), народных слов (ярманка, Немечина, Липецкая, что значит Лейпцигская) и просторечного, встречающегося в народном быту произношения слов(ро́нить, ну́жда, случи́й). Писатель создает впечатление об огромной и необъятной земле русской, России, населенной разными народами. Прерывается повествование о поволжских народах, немцах, авторским лирическим отступлением: «Велика, обширна ты, матушка наша, земля святорусская!.. Вволю простора, вволю раздолья!.. Всех, матушка, кормишь, одеваешь, обувашь, всем, мать-кормилица, хлеба даешь – и своим, и чужим пасынкам. Любишь гостей угощать! Кто ни пришел, всякому: «Милости просим – честь да место к русскому хлебу да соли!» Ну ничего, нас не объедят! [8. С. 34].

Рассказывая о поволжских народах, Мельников-Печерский вводит в текст романа легенды, в частности мордовскую легенду о русском заселении Волги, которая приводилась и в «Очерках мордвы», где давалось объяснение появлению этого народного предания: его записал священник села Сивухи (Рождественское) и представил преосвященному нижегородскому Иакову, от которого оно и было получено автором романа «На Горах». Следует отметить, что легенды, русские и инонациональные – мордовские, чувашские, башкирские – используются русскими писателями при изображении инородческого бытия. Поэтические легенды – существенный элемент в описании «инонационального» и у Мельникова-Печерского. В одной из них выражается народное предание о далеких исторических событиях, о присоединении мордвы к Русскому государству, когда мордовские земли оказались в руках русского «мурзы». Московский царь видит, что на Дятловых горах «березняк мотается», к «земле матушке преклоняется», слуги объясняют, что это мордва в белых одеждах молится «своему богу» и совершает «свой» обряд:

«Стоят у них в кругу бадьи могучие,
С суслом сладким бадьи могучие,
В руках держат ковши заветные,
Заветные ковши, больши-набольшие,
Хлеб да соль на земле стоят,
Каша да яичница на рычагах висят,
Вода в чанах кипит,
В ней говядину янбед варит» [8. С. 32].

В этой легенде содержится поэтическое описание мордовских молян со всеми подробностями этнографического характера. П.И. Мельников-Печерский дает культурно-исторический комментарий, ссылается на летописи, упоминает «Книгу Большого Чертежа» – пояснительный текст к карте путей Московского государства, называвшейся «Большой Чертеж». В произведении присутствуют и разъяснения религиозно-мифологического, этнографического характера, связанные с языческими верованиями поволжских народов, в частности мордвы: «воззати» – мордовский жрец, «янбед» – его помощник, «моляне» – общественное языческое моление.

При описании Макарьевской ярмарки Мельников-Печерский изображает разнообразную «разноликую» толпу, среди которой возникают и представители поволжских народов, при этом писатель отмечает характерное в одежде, поведении, даже в манере двигаться и говорить. Кроме русских (разряженные в «пух и прах» губернские щеголихи, дородные купцы «с золотыми медалями на шее», «глубокомысленные земские деятели с толстыми супругами под руку») дается описание других национальностей, «разноязычного говора»; характеристика эта «умещается» у писателя буквально в одно предложение, каждый раздел которого начинается анафорически повторяющимся «вот». «Вот» казанские татары «в шелковых халатах, с золотыми тюбетейками на бритых головах» «важно похаживают» с женами, лица которых прикрыты белыми «флеровыми» чадрами. «Вот» евреи «с резко очертанными, своеобразными обличьями» в длиннополых засаленных сюртуках, а вот поволжские немцы, «гладко выбритые и широколицые», вот русские «молодицы» в московских ситцевых сарафанах. Евреи «как будто лениво и молча» похаживают, немцы «торжественно тихо» двигаются, сдержанные англичане «расхаживают», французы с наполеоновскими бородками «трещат» и громко хохочут [8. С. 88]. Эта толпа, говорящая «непонятно, не по-русски» буквально ошеломила героиню, Дуню Смолокурову, которая просит отца Марко Данилыча увезти ее с ярмарки домой.

Писатель и этнограф В.И. Даль в очерке «Небывалое в былом или Былое в небывалом» тоже описывает Нижегородскую ярмарку именно со стороны многообразия народов, принимающих в ней участие. Он отмечает русских из разных мест огромного Отечества: здесь суздалец, олончанин, сибиряки, городецкие крестьяне с «пудовыми пряниками», «вязниковцы с деревянной посудой», «лысковцы с сережками», «павловцы с ножами». Однако здесь и нерусские во всем их российском разнообразии: евреи, цыгане, касимовский татарин; писатель приводит связанные с ярмарочной жизнью высказывания на национальном языке, давая и русский эквивалент. Разноречивое национальное многообразие отличает ярмарку, придает ей особый колорит: «Мордва, хивинцы, итальянцы, чуваша, греки, черемисы, немцы, бухарцы, французы, калмыки – все шумит, кричит, жужжит – и весь говор этот сливается с говором русским и им покрывается» [3. С. 7].

П.И. Мельников-Печерский в своем творчестве обращается к изображению жизни и верований поволжских народов, проявляя живой интерес к инациональным традициям и разнообразным формам духовного бытия и утверждая тем самым разность и множественность культур большого российского мира жизни.

Литература

1. Астахова А.М. Шахматов как фольклорист и этнограф // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М.: Наука, 1963. Вып. 2. С. 132-155.
2. Герцен А.И. Былое и думы // Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 т. М.: АН СССР, 1956. Т. 8. 518 с.
3. Даль В.И. Небывалое в былом или Былое в небывалом // Даль В.И. Собр. соч.: в 10 т. М.: Изд. тов-ва М.О. Вольфа, 1897. Т. 2. С. 7.
4. Евсеев М.Е. Письма А.А. Шахматову // Евсеев М.Е. Избранные труды: в 5 т. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1966. Т. 5. 551 с.
5. Коринфский А.А. Народная Русь. Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. Смоленск: Русич, 1995. 651 с.
6. Максимов С.М. Куль хлеба и его происхождения. М.: Молодая гвардия, 1982. 238 с.
7. Мельников П. Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь // Отечественные записки, 1839. Т. 6. С. 55-75.
8. Мельников П.И. (Андрей Печерский). На Горах: в 2 кн. М.: ГИХЛ, 1956. Кн. 1. 644 с.
9. Мельников П. Нижегородская мордва // Симбирские губернские ведомости. 1851. № 26. С. 89-101.
10. Мельников П.И. (Андрей Печерский) Очерки мордвы // Мельников П.И. Полн. собр. соч. 2-е изд. СПб.: Изд. тов-ва А.Ф. Маркса, 1909. Т. 7. 590 с.
11. Мокишин Н.Ф. Мордва глазами зарубежных и российских путешественников. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1993. 239 с.
12. Потехин А. Сочинения. Очерки и рассказы. СПб.: Изд. К.Н. Плотникова, 1873. Т. 1. 180 с.

13. Прокопьев К. Религиозное состояние инородцев до распространения среди них просветительской системы Н.И. Ильминского... и в настоящее время // Чичерина С. У приволжских инородцев. Путевые заметки. СПб.: Тип. В.Я. Мильштейна, 1905. С. 113-136.

14. Рученькин В.И. Жизнь и быт мордовского народа в трудах П.И. Мельникова // Материалы по археологии и этнографии Мордовии: Труды МНИИЯЛИЭ. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1974. С. 234-246.

15. Рученькин В.И. П.И. Мельников (Андрей Печерский) и этнография мордвы: автореф. ... дис. канд. истор. наук. Л., 1977. 28 с.

16. Сбоев В.А. Заметки о чувашах. Исследования об инородцах Казанской губернии. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. 141 с.

17. Смирнов И.Н. Мордва. Историко-этнографический очерк. Казань, 1895. 291 с.

18. Фукс А.А. Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань: Тип. Императорского Казан. ун-та, 1840. 329 с.

САРБАШ ЛЮДМИЛА НИКОЛАЕВНА – доцент кафедры русской литературы, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (sarbash.lu@yandex.ru).

SARBASH LYUDMILA NIKOLAEVNA – associate professor of Russian literature Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 070:39 (470.343)

О.Н. ТИХОНОВ

ЭТНИЧЕСКАЯ ТЕМАТИКА НА СТРАНИЦАХ РОССИЙСКИХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ

Ключевые слова: СМИ, толерантность, межнациональные отношения, межэтнический, декларация, меньшинства, конвенция, этническая журналистика.

Рассмотрены роль и значение средств массовой информации в освещении межэтнических, межконфессиональных отношений российскими и региональными средствами массовой коммуникации. Выявлена специфика конкретных печатных, электронных публикаций, оказывающих определенное воздействие на функционирование современного российского общества.

O.N. TIKHONOV

ETHNIC TOPICS IN NATIONAL AND LOCAL MEDIA

Key words: mass media, tolerance, international relations, interethnic, declaration, minorities, convention, ethnic journalism.

The article deals with the role and importance of the media in covering the inter-ethnic, interfaith relations in national and local media. Specific features of print and electronic media, which have an impact on functioning contemporary Russian society, are shown.

Современная развитая система средств массовой информации обеспечивает полноценное взаимодействие журналиста и его аудитории – зрителей, слушателей, читателей.

Говоря об основных функциях СМИ, необходимо отметить, что они не только информируют аудиторию, но и пропагандируют, навязывают те или иные оценки, идеалы, представления, т.е. манипулируют общественным сознанием. При этом следует исходить из того, что, с одной стороны, средства массовой информации по своей природе являются важным политико-правовым институтом, отражающим интересы каких-либо политических сил (политическая партия или движение, финансово-промышленная структура и т.п.), далеко не всегда заинтересованных в сохранении и укреплении стабильности как в стране, так и в ее отдельных субъектах. С другой стороны, тенденция возрастания роли средств массовой информации в условиях процесса глобализации общества происходит на фоне обострения межнациональных и этнических отношений.

Распад СССР, обострение межэтнических противоречий на постсоветском пространстве, в том числе и в Российской Федерации, обусловили проблему беженцев и вынужденных переселенцев.

Сочетание двух названных выше факторов привело к резкому возрастанию роли и значения деятельности средств массовой информации, их ответственности за сохранение межнационального согласия в стране. Эта тема стала вновь актуальной после известных московских декабрьских событий 2010 г., когда к решению острой проблемы наряду с органами государственной власти, общественных организаций подключились и представители разных религиозных конфессий.

Этническая информация по-своему характеру, содержанию может быть позитивной, нейтральной или негативной. К позитивной или нейтральной относятся доброжелательные или нейтральные высказывания о представителях различных народов, особенностях образа жизни, материальной духовной культуры, национальных героях и современных руководителях. В настоящее время в этом направлении на федеральном уровне значительную работу ведет еженедельник «Аргументы недели». В рамках этого издания выпускается специальное приложение «Национальный акцент», в котором широко освещаются темы межэтнического взаимодействия народов России и их этнокультурного развития. В этом издании часто публикуются позитивные этнические материалы, которые способствуют улучшению межнациональных отношений, утверждению толерантности по отношению к другим народам, их сплочению. Так, в номере за 28 октября 2010 г. были опубликованы имена победителей Всероссийского конкурса средств массовой информации на лучшее освещение темы в этой области. Отрадно, что по многим номинациям победителями были признаны региональные средства массовой информации. Это телекомпания «Ладья» (г. Тюмень), ГТРК «Ямал» (г. Салехард), ГТРК «Карелия» (г. Петрозаводск), радиоккомпания «Радио СВ» (г. Петропавловск-Камчатский), журнал Ассамблеи народов Татарстана «Наш дом – Татарстан» (г. Казань), Интернет-портал «Финноугрия» (г. Сыктывкар), газета «Удмуртская правда» (г. Ижевск) и другие [2]. Данный конкурс проводится уже третий год. Выступая на этом мероприятии, председатель Гильдии межэтнической журналистики М. Лянге подчеркнула, что «три года назад, когда мы задумали курс, просто рассчитывали найти коллег одной с нами «группы крови»... Нам было приятно обнаружить единомышленников в Минрегионе ... Отрадно, что наша совместная работа сегодня получает столь высокую оценку» [2]. Церемония награждения победителей конкурса «СМИротворец-2010» была показана 4 ноября 2010 г. по телеканалу «Культура».

Несмотря на существующие ограничения, прежде всего сокращение объема эфирного времени, финансирования со стороны федеральных радиотелевизионных структур в регионах Российской Федерации, журналисты местных электронных СМИ стараются не упускать из виду эту актуальную тематику. Примером тому является объединенный радиожурнал семи республик Поволжья и Приуралья «Между Волгой и Уралом», тележурнал «Финно-угорский мир», межрегиональная финно-угорская газета. Так, объединенный радиожурнал семи республик до сих пор является единственным примером в стране межрегионального и межнационального радиосотрудничества. Удовлетворяя информационные, духовные, интеллектуальные потребности слушательской аудитории семи республик, данная передача до сих пор остается уникальным каналом электронных СМИ, «идея межнационального диалога ... заложенная полвека назад продолжает быть актуальной и в новом столетии» [3. С. 224].

Большая часть человечества, испытывая на себе множество кровавых межнациональных и межэтнических конфликтов, уже давно пришла к выводу, что толерантность – это лучший способ существования в многообразном мире, правильная форма сосуществования с людьми разных национальностей, рас и вероисповеданий. В уставе ООН государства учредители записали, что необходимо утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, в равенство прав больших и малых наций.

Идея толерантности, мирного сосуществования различных народов Земли пронизывает такие международные документы, как Всеобщая декларация прав человека, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, Международный пакт о гражданских и политических правах, Итоговые документы Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки, 1975 г.); Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным или языковым меньшинствам (1992 г.); Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств (1994 г.); Конвенция об обеспечении прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, которая подписана в 1994 г. государствами-участниками Содружества Независимых Государств и др.

В Конституции Российской Федерации также заложена идея толерантности. В ней гарантируется «равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности» [1].

Рассматривая этническую толерантность в связи с деятельностью журналистов, занимающихся освещением межнациональных отношений, необходимо отметить, что она должна быть направлена на борьбу против этнической и расовой дискриминации людей, против любого этнического насилия и несправедливости, против пренебрежения и равнодушия к представителям других национальностей.

Вместе с тем существует ряд объективных трудностей, препятствующих журналистам реализовать на практике идею толерантности. Во-первых, несмотря на обилие названных выше международных и российских документов о толерантности и равенстве национальностей, большинство из них носит декларативный характер, поскольку не обеспечено конкретными механизмами реализации в жизнь. Более того, Россия до сих пор не ратифицировала Европейскую Хартию о региональных языках и языковых меньшинствах. Во-вторых, в переходном российском обществе в настоящее время еще не сложились четкие нравственные ориентиры, связанные с новыми нормами межнационального общения, поскольку прежние советские ценности и идеалы канули в лету, а новые – демократические – еще не устоялись.

В реальной жизни действует, к сожалению, не только толерантная, гуманистическая, объединяющая людей журналистика, но и ее противоположность – негуманная, негативная этническая журналистика. СМИ могут и нередко создают в обществе стрессовые ситуации, провоцируют снижение толерантности и нарастание враждебности между этническими группами. Все это ведет к нарастанию межнациональной напряженности в обществе. Этноконфликтная деятельность СМИ вызывается различными причинами. Одна из них заключается в том, что этничность в большинстве случаев переходит из сферы материальной в сферу духовную, в сферу массовой психологии и политики. Соответственно, она шире стала использоваться в сфере манипуляции массовым сознанием населения. Примером тому может послужить передача Российского телевидения «Поединок» В. Соловьева от 20 января 2011 г., в которой принимали участие сопредседатель партии «Правое дело» Л.Я. Гозман и лидер ЛДПР В.В. Жириновский, где последний вновь повторил свой тезис о превосходстве русской нации над остальными, обвинил отдельных представителей народов Кавказа во всевозможных грехах. Реакция на это выступление не заставила долго ждать. Буквально через несколько дней в средствах массовой информации появились соответствующие жесткие оценки высказываниям В. Жириновского. Так, правительство Республики Чечни расценило это выступление как националистическое, а парламентарии назвали экстремистским, а саму передачу – провокационной. Глава Чеченской Республики

Р.А. Кадыров также резко осудил лидера либерал-демократов [4]. Еще более жесткая оценка была дана на выступление лидера ЛДПР в программе «Неделя с Марианной Максимовской» от 29 января текущего года Членом Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации А.А. Аслахановым. Он, в частности, сказал следующее: «После таких высказываний самому хочется стать сепаратистом. Это оскорбление народов. С великим удовольствием вызвал бы на любой вид дуэли. Но он не воин». В этой же передаче свои соответствующие оценки дал и глава республики Ингушетия Ю.-Б. Евкуров, который потребовал объяснить суть произнесенных В.В. Жириновским слов с телевизионного экрана по отношению к народам Северного Кавказа.

Таким образом, манипулирование массовым этническим сознанием с помощью СМИ, распространение конфликтогенной этничности является заметным и очень опасным явлением. Зачастую именно с помощью этнической журналистики происходит активная политизация национального самосознания людей, ведущая не к объединению этносов, а, наоборот, к их противопоставлению друг друга.

Следует сказать, что в последнее время проблемам межнациональных отношений на федеральном уровне практически не уделяют должного внимания. Напрашивается вопрос: как быть при такой ситуации? Естественно, самый оптимальный вариант – это создание специального ведомства на федеральном уровне (министерства, департамента и т.п.). Такой вариант был предложен на заседании Госсовета страны представителями фракции «Справедливая Россия». Но, к сожалению, политическим руководством страны такой вариант решения проблемы был отвергнут. На мой взгляд, заслуживающим внимания является предложение лидера Компартии Российской Федерации Г.А. Зюганова, прозвучавшее 22 января текущего года в программе «Вести в субботу» по Российскому телевидению. Он, в частности, высказал мысль о новом порядке формирования Совета Федерации из числа граждан, непосредственно имеющих отношение к тому или иному региону: «У нас сегодня нет органа, многонационального, который рассматривал бы национальные проблемы. В Советском Союзе был Совет Национальностей. Сегодня Совет Федерации это место ссылки для почетных кадров, когда интересы многих национальных территорий представляют люди, которые там никогда не жили, культуру, обычаев не знают, региональных специфик тоже. Они не в состоянии выражать их интересы».

Ведь не зря в своем обращении 14 декабря прошлого года в программе «Время» Патриарх Всея Руси Кирилл сказал: «Тема межнациональных отношений, межэтнических отношений – это очень сложная. Межэтнические отношения – это сообщающиеся сосуды, нельзя показывать пальцем на одну сторону сосуда, игнорируя другую сторону этого сосуда».

Преамбула Конституции Российской Федерации начинается со слов «Мы, многонациональный народ Российской Федерации...». Эта мысль закреплена в ст. 3, где сказано: «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ» [1].

Исходя из этого, мы считаем, что деятельность СМИ как российских, так и региональных, должна быть направлена на налаживание межэтнического и межконфессионального согласия, формирование у россиян чувства гражданской ответственности и патриотизма, укрепление демократических устоев в Российской Федерации.

Литература и источники

1. Конституция Российской Федерации [Электронные ресурсы]. Режим доступа: <http://www.constitution.ru> (дата обращения: 10.04.2011).

2. Лауреаты «СМИротворец – 2010» // Национальный акцент. 2010. № 42 (23), 28 окт. Приложение к еженедельнику Аргументы недели. 2010. № 33 (89), 28 окт.

3. Тихонов О.Н. История создания и развития радиожурнала «Между Волгой и Уралом» // Ученые Записки Казанского государственного университета. Т. 151. Сер. Гуманитарные науки. Казань, 2009. Кн. 5, ч. 2. С. 221-225.

4. <http://xn--80afehgguxe4n5a.xn--p1ai> (дата обращения: 12.05.2011).

ТИХОНОВ ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой журналистики, Марийский государственный университет, Россия, Йошкар-Ола (jur@marsu.ru).

TIKHONOV OLEG NIKOLAEVICH – candidate of historical sciences, assistant professor, head of Journalism Chair, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola.

УДК 721.0

Г.М. ХАННАНОВА

К ИСТОРИИ ПЕРЕВОДОВ ПОЭЗИИ ХАФИЗА ШИРАЗИ НА ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Ключевые слова: персидская литература, татарская литература, Хафиз Ширази.

Статья посвящена рассмотрению путей освоения творчества классика персидской литературы Хафиза Ширази в татарской литературной критике первой четверти XX в. Для освещения данного вопроса автором привлекаются данные татарской периодической печати, опубликованные переводы стихотворений Хафиза. Показана роль русских и европейских переводов Хафиза в ознакомлении татарских читателей с его произведениями.

G.M. KHANNANOVA

ABOUT HISTORY OF TRANSLATIONS HAFEZ SHIRAZI'S POETRY INTO TATAR LANGUAGE AT THE BEGINNING OF THE 20 CENTURY

Key words: Persian literature, Tatar literature, Hafez Shirazi.

The present article is about investigation of the ways of studying the classic of the Persian literature Hafez in Tatar literary critics at the beginning of the 20 century. To cover the field broadly author uses the data of the Tatar periodical press, published translations of the Hafez's poems. Also shown the role of Hafez's translations into Russian and European languages for Tatar readers of his works.

Роль персидской литературы в развитии татарской литературы Нового времени является малоизученной проблемой. Целью настоящей статьи является рассмотрение процесса ознакомления татарской общественности с произведениями Хафиза Ширази в первой четверти XX в.

Указанный период стал эпохой активного приобщения татарской читающей публики к мировому литературному наследию и его творческого освоения. В татарской периодической печати публикуется множество статей, знакомящих читателя с биографией, образцами и анализом творчества видных русских, немецких, французских, английских, турецких, арабских, персидских поэтов и писателей, критические отзывы на переводы. Отдельными книгами выходят переводы их произведений. Создаются специальные переводческие общества в Казани, Москве, Петербурге. Об одном из них, действовавшем под руководством известного татарского писателя Фатиха Амирхана, дается информация в газете «Реформа» («Эль-Ислах») [8].

С европейской литературой большей частью татарский читатель знакомился через посредство русской, иногда – турецкой литературы. Отдельные представители татарской интеллигенции, обучавшиеся в учебных заведениях Турции, Египта, Франции, Германии, знакомились с зарубежной литературой на языке оригинала.

В начале XX в. большой интерес татарских читателей вызвало в первую очередь творчество классиков арабской и персидской литератур (Аль-Маарри,

Ибн Сины, Хайяма, Саади Ширази, Мирзы Бидили и др.). Среди последних был и выдающийся ирано-таджикский поэт Хафиз Ширази.

Полное имя Хафиза – Шамс ад-Дин Мухаммад б. Баха ад-Дин (около 1325–1390). Достоверные сведения о биографии поэта очень скупы. Как видно из нисбы¹, он происходил из города Шираз. За знание Корана наизусть еще в юные годы Мухаммад получил прозвище «Хафиз». Несмотря на нелегкое детство, он получил весьма хорошее для своего времени образование. Вначале он преподает в медресе, позже испытывает себя на поприще теологии и каллиграфии [7. С. 4].

Творческое наследие Хафиза включает в себя газели, рубаи и две небольшие поэмы (касыды). Определяющую роль в его наследии играют газели. До сего дня в мировом литературоведении высказываются разные, порой противоположные мнения о поэзии Хафиза. Одни объявляют его поэтом-гедонистом, другие – поэтом-мистиком, использовавшим в своем творчестве суфийские образы и аллегории, третьи – бунтарем, выступавшим против современных ему социальных устоев и религии ислама. Действительно, поэзия Хафиза настолько многогранна и сложна, что в ней можно найти все вышеперечисленные признаки. В этом отношении его творчество напоминает поэзию своего великого предшественника – Омара Хайяма.

Первым татарскую общественность начала XX в. с творчеством Хафиза познакомил теолог, общественный деятель и публицист Муса Бигиев (1875-1949). В 1910 г. в Казани вышел его «Диван» – перевод сборника стихотворений, составленный почитателем таланта Хафиза Сеидом Касимом Анваром [2]. Как сказано М. Бигиевым в «Предисловии», перевод адресован прежде всего учащимся медресе. Автором перевода «были отобраны самые красивые, самые глубокомысленные стихи» (более конкретные критерии отбора М. Бигиев не называет) [2. С. 2]. В книгу вошли как газели, состоящие из нескольких бейтов, так и отдельные бейты (двустушия) и мисра' (полустушия). Стихи даны и на языке оригинала. Под каждым бейтом дан его подстрочный перевод в прозе. Часто Муса Бигиев дает свое толкование использованных Хафизом образов персидской поэзии и коранических сюжетов. При этом им были использованы толковые словари персидского языка «Семь морей» («Хафт Кульзум»), «Словарь Шах-наме» («Лугат-и Шах-наме»), отрывок из «Цветника тайн» («Гульшан-и раз») Саад ад-Дина Махмуда аш-Шабиастари, «Трактат о вознесении Пророка» («Рисала-и ми'раджийа») Абу Али ибн Сины, труды по мусульманской теологии и праву «Мекканские откровения» («Футухат ал-Маккийя») Мухьи ад-Дина ибн ал-Араби, «Джалалиева этика» («Ахлак-и Джалалийя») Джалал ад-Дина ад-Даввани и др.

Вот некоторые образцы его перевода:

ejlI Ome ` İÄ ÆB`İ • k É• Ä¿ ™ q jm

Onq İm jÈ¿ s `Ä OmiBİÄ ÉÄİm ` İ» k

(Слезы мои, коих было больше Ноева Потопа, не смогли смыть любовь к тебе со скрижали души).

Onİ» fqla µİj • ÄN°° ÆBÈU žjm !B°BŸ

Om t İa ÆAia fÄBÈU ¾ÄİYA É• Ôia fÄfÄ BM

(О, Хафиз! Отрешись от этого мира есть путь спокойствия. Не думай, что дела богатых хороши).

OnİÄ ÈİBa Ž Äm ka Á• É• Á»e ÆE ÆAjİŸ

(Дивлюсь тому сердцу, что [в жесткости] не уступит твердому камню).

¹ Нисба – в мусульманской литературе: прозвище по месту рождения или проживания.

Сборник, составленный Мусой Бигиевым, является первым опытом перевода классика персидской литературы Хафиза на татарский язык.

В 1914 г. в научно-просветительском и литературном журнале «Шура» была опубликована статья неизвестного автора, посвященная творчеству Хафиза. В публикации давались биографические сведения о поэте, характеризовалось его творчество. Автор статьи, следуя традициям иранского литературоведения, отрицает эпикурейский и гедонистический характер поэзии Хафиза, считает его одним из поэтов-суфиев, стремящихся к слиянию с Абсолютом (Богом).

В нескольких номерах журнала «Шура» за 1916-1917 гг. образцы переводов из поэзии Хафиза опубликовал Мухаммед-Саид Ахмед-Джалилов. Про этого автора известно лишь то, что он был преподавателем одного из медресе Петропавловска (тат. Кызылъяр) [1. С. 62]. Его переводы на страницах журнала выходили за подписями «Мухаммед-Саид Ахмед-Джалилов», «С.М.», «А.С.М.Дж.», «М.С.А.Дж.». Вот один из образцов перевода:

t BÄqBÄ jÇi“ ÄB“Ä jY Ome ka ÊE ÊE

fÄÄ, ç jlaJl ieBÄ Äi ÊjÊç ja ÄBçk jÇ

(Что за несправедливость менялы, не знающего [цены] самоцветов!

Хомут осла сравнивают с жемчужным ожерельем)*

Перу этого же автора принадлежат переводы нескольких отрывков «Гулистана» Саади Ширази на татарский язык. Автограф этого перевода ныне хранится в научном архиве Института языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова АН Республики Татарстан [3. С. 99].

Не оставил без внимания творчество персидских классиков и видный татарский писатель, литературовед и археограф Али Рахим (Габдрахимов Гали Мухамметшакирович (1892-1943)). В 1916 г. под редакцией А.Е. Крымского издается сборник «Персидские лирики». В него вошли переводы стихов Абу Саида ибн Абу-л-Хайра Хорасани, Ибн Сины, Омара Хайяма, Хакани Ширвани, Саади Ширази, Джалал ад-Дина Руми, Хафиза Ширази, Лотфуллы Нишапури, Абдуррахмана Джами. Используя переводы Ф.Е. Корша и И.П. Умова, А. Рахим в двух выпусках литературно-публицистического журнала «Анг» («Сознание») за 1917 г. опубликовал переводы стихов ряда названных авторов, в том числе Хафиза, на татарский язык [4, 5].

Позднее, в 1919 г., отдельной книгой издается сборник переводов А. Рахима «Поэты Востока» («Шзрекъ шагйрьлэре») [6]. Целью этого издания автор переводов обозначил ознакомление любителей литературы с «ароматом цветов... персидской литературы, которую мы давно должны были бы знать» [6. С. 9]. Часть переводов А. Рахим исполнил в стихах, другую часть – в прозе.

Хотя большая часть переводов Хафиза в этой книге выполнена с русских переводов Ф.Е. Корша, часть стихов для перевода заимствована А. Рахимом у А.А. Фета. Зная, что Фет, в свою очередь, использовал немецкий текст, А. Рахим оговаривается, что перевод на четвертый (татарский) язык «естественно, будет весьма далек от оригинала» [6. С. 9]. Однако заблуждение татарского публикатора заключалось в том, что Фет переводил не немецкий перевод Хафиза, а написанные в восточном стиле и духе Хафиза оригинальные стихи немецкого философа-идеалиста Г.Ф. Даумера (1800-1875).

Таким образом, татарское литературоведение начала XX в. не оставалось в стороне от процессов мировой литературы, активно творчески осваивало ее достижения. Под влиянием достижений европейской и русской литературоведческой науки начинается новый этап знакомства татарского читате-

* Буквально «с жемчугом».

ля с творчеством персидского классика Хафиза Ширази, приведшего в конечном счете к синтезу культурных достижений Востока и Запада. При этом татарскими публикаторами использовался не только персидский оригинал, но и переводы русских и европейских (через русские переводы) литераторов и ученых. Все это способствовало появлению такого уникального явления, как синтез художественных традиций Востока и Запада, легший в основу татарской возрожденческой литературы начала XX в.

Литература

1. Баруди Г. Кызылъяр сәяхәте. Казан: Иман, 2004. 62 б.
2. Бигиев М. «Диваны Хафиз» тәржемәсе. Казан: Үрнәк, 1910. 135 б.
3. Гилязутдинов С. Описание рукописей на персидском языке из хранилища ИЯЛИ имени Г. Ибрагимова АН РТ. Казань: Институт языка, лит-ры и искусства имени Г. Ибрагимова АН РТ, 2006. Вып. 2. С. 99.
4. Рәхим Г. Иран шагыйрьләреннән // Аң. 1917. № 8-9. Б. 105-111.
5. Рәхим Г. Иран шагыйрьләреннән // Аң. 1917. № 11-12. Б. 146-148.
6. Рәхим Г. Шәрәкь шагыйрьләре. Казан: Милләт, 1919. 64 б.
7. Хафиз. Сто семнадцать газелей / пер. Г. Плисецкого; сост., предисл. и коммент. Н. Кондыревой. М.: Наука, 1981. С. 4.
8. Әл-Ислах. 1908. № 41.

ХАННАНОВА ГУЛЬЧИРА МАХМУТОВНА – научный сотрудник отдела текстологии, Институт языка, литературы и искусств имени Г. Ибрагимова, Академия наук Республики Татарстан, Россия, Казань (ghan2003@mail.ru).

KHANNANOVA GULCHIRA MAKHMUTOVNA – scientific worker of Textology Department, Institute of Language, Literature and Arts named after G. Ibragimov, Academy of Science of the Republic Tatarstan, Russia, Kazan.

УДК 792.2

А.Р. МУЗАФАРОВА

АКТЕРСКОЕ ИСКУССТВО РИНАТА ТАЗЕТДИНОВА

Ключевые слова: Татарский государственный Академический театр имени Г. Камала, Высшее театральное училище имени М. Щепкина, актер Ринат Тазетдинов, спектакль, режиссер.

Предложены результаты исследования актерского искусства народного артиста России Рината Тазетдинова, актера Татарского государственного академического театра имени Галиасгара Камала. Он создал новую школу актерской игры в татарском театре. Это актер, обладающий широким диапазоном и яркой творческой индивидуальностью. В репертуаре сыгранных им ролей есть персонажи из татарской, русской и мировой драматургии. Творчество Рината Тазетдинова – явление не только в татарском, но и во Всероссийском театральном мире.

A.R. MUZAFAROVA

ACTOR'S ART OF RINAT TAZETDINOV

Key words: G. Kamal Tatar state Academic theatre, M. Schepkin Higher theatre school (Institute), actor Rinat Tazetdinov, performance, director.

Here results of research of actor's art of the national actor of Russia Rinat Tazetdinov are offered. Rinat Tazetdinov is actor of Galiasgar Kamal Tatar state Academic theatre. Its creativity has given birth to new school of actor's game at the tatar theatre. He is an actor who has a wide range and bright creative individuality. The repertoire of his roles has characters from the tatar, Russian and world dramatic art. Creativity of Rinat Tazetdinov is the phenomenon in a theatre world of Tatarstan and Russia.

Ринат Арифзянович Тазетдинов – выдающийся актер современного татарского театрального искусства, влиятельная личность в театральном мире Республики Татарстан, народный артист ТАССР и РСФСР (1973, 1982), лауреат Государственной премии ТАССР имени Г. Тукая (1967), лауреат Государственной премии СССР (1986), председатель Союза театральных деятелей РТ с 1988 г. по 2011 г. Родился 1 января 1938 г. в деревне Малая Цильна Дрожжановского района Республики Татарстан. Ровно 50 лет своей жизни он посвятил творческой деятельности. Список с сотни созданных им за это время образов разнообразен. В нем присутствуют произведения как зарубежной, русской, так татарской и башкирской драматургии. Р. Тазетдинов – своеобразный актер, умеющий воплощать на сцене комические, трагические, лирические образы одинаково успешно. Его творчество заслуживает особого внимания и пристального изучения. О нем много написано в периодической печати, издана документальная повесть [2]. Однако работы, исследующей его актерскую деятельность с учетом требований современной науки, не имеется. В книге И. Иляловой «Актерское искусство современного татарского театра» [6] есть глава (86-93 с.), посвященная его творчеству.

Р. Тазетдинов в Татарский государственный академический театр имени Г. Камала, где работает по сегодняшний день, пришел в 1961 г., окончив Высшее театральное училище имени М. Щепкина в Москве, вместе с остальными выпускниками (ныне – актеры А. Шакиров, Р. Шарафиев, Н. Ихсанова, писатели Т. Миннуллин, Р. Батулла, режиссер телевидения А. Зарипов и т.д.). Художественным руководителем этой татарской студии был режиссер Малого театра, доцент М.Н. Гладков, сыгравший большую роль в воспитании молодых актеров. Обучение у именитых деятелей театрального искусства (В.К. Смирнов, В.Б. Монахов, О.М. Головина) именно в столице страны очень многое дало студийцам в плане становления их как творческих личностей. Р. Тазетдинов впитывал в себя как губка дух времени и все положительное, что давала культурная жизнь столицы (музеи, выставки, театры, выступления гастролеров из зарубежья, ставшие возможными в

результате заметных перемен в стране). Это все непременно отразилось в поведении и самовыражении актера на начальном этапе творческой жизни в театре. Р. Тазетдинов не растворился среди больших талантов татарского театра, таких, как Х. Абжалилов, Г. Шамуков, Ф. Халитов, Г. Болгарская, Г. Ибрагимова, Р. Зиганшина, Г. Камалова. Наоборот, создав свой творческий почерк, дополнил и украсил этот прекрасный букет талантливой труппы театра.

Проанализировав актерскую деятельность Р. Тазетдинова, можно выявить несколько ключевых работ, определяющих развитие его актерского мастерства и дающих возможность четко разделить на периоды творческую биографию актера. К начальному периоду с 1961 г. по 1970 г. относятся те роли (Галиасгар Камал – «Тукай» А. Файзи, Хайрутдин – «Молодые сердца» Ф. Бурнаша, Миркай – «Миркай и Айсылу» Н. Исанбета, Егор Дмитриевич Глумов – «Бешеные деньги» А. Островского, великолепно исполненная роль Эзопа из одноименного спектакля Г. Фигейредо), в которых актер примеряется к данному виду деятельности, ищет себя в атмосфере искусства, находится в поиске новых методов работы над ролью. Игре актера в этом периоде свойственна «бурная, открытая эмоциональность» [7]. Здесь Р. Тазетдинов уже делает свои первые уверенные шаги, раскрывающие его индивидуальность, сыграв роли, принесшие ему успех и награду. Таковыми оказались роли Диваны и Ильяса. Несмотря на то, что зритель полюбил актера уже с первой его работы в театре над образом положительного героя Ханжара («Осенние ветры» А. Гилязова, день премьеры – 18.12.1961), резонанс в театральной среде дала роль Диваны из спектакля «В ночь лунного затмения» М. Карима (день премьеры – 26.04.1965). При работе над этой ролью актер получил простор для создания выразительных средств. Р. Тазетдинов выстраивал образ постепенно шаг за шагом, штрих за штрихом. А. Губайдуллина пишет, что на одной из репетиций актер «хватает на лету воображаемую муху и начинает внимательно рассматривать ее... А когда персонаж Дервиш касается его своим посохом, от щекотки заливается смехом» [3. С. 10]. Используя такие приемы, он постепенно полностью вживается в образ юродивого. «Сумасшедший Рината умен» [9], – пишет Т. Миннуллин. Здесь непроизвольно вспоминаются известные слова К.С. Станиславского: «Черная краска только тогда станет по-настоящему черной, когда для контраста хотя бы кое-где пущена белая... Когда ты будешь играть доброго, – ищи, где он злой, а в злом ищи, где он добрый...» [11. С. 177]. В этом и кроется успех роли Диваны. Р. Тазетдинов тонко уловил суть образа, проникся им. Он отыскал в образе то, что внутри сумасшедшего кроются мудрость и духовная свобода. Сумасшествие – в пьесе как инструмент воздействия на зрителя, это лишь внешняя оболочка, своеобразная защита от внешнего мира и в то же время возможность излагать свои мысли без страха, делать и говорить то, что другие себе не позволили бы. Поэтому автор слова, желаемые донести до зрителей, вкладывает в реплики этого персонажа, идею, положенную в основу произведения, излагает через его уста. «Артист, поняв философскую суть произведения, достигает создания высоко драматического образа» [5]. «Дивана – первая роль, в которой Тазетдинов стремился подняться до подлинного трагизма и обобщений. Но полный успех принесла ему роль Ильяса, ставшая значительным этапом в его творчестве» [6. С. 86], – пишет И. Илялова в своей книге. Помимо всеобщего восхищения роль Ильяса из спектакля «Тополек мой в красной косынке» по одноименной повести Ч. Айтматова, инсценированной А. Котельщиковым (день премьеры – 09.04.1966), принесла актеру и награду. Этот спектакль, поставленный народным артистом Узбекской ССР Т. Ходжаевым, оказался ярким явлением в татарской театральной жизни. Весь творческий коллектив, занятый в спектакле (режиссер, художник Э. Гельмс, исполнители главных ролей Н. Гараева, Р. Тазетдинов, Ш. Асфандиярова, Ш. Биктемиров), получил Государственную премию ТАССР имени Г. Тукая. Спектакль «Тополек мой в красной косынке» «явился неким диалектическим прыжком в новое

качество, приоткрыл завесу перед совершенно новой для татарских актеров методикой создания образа... новое, появившееся здесь, – это тщательность отбора выразительных средств, благородная сдержанность чувств, безупречная логика сценического поведения... Мятущегося, горячего Ильяса, страстно ищущего свою дорогу к счастью и трагически с найденной дороги сбивающегося, играет Р. Тазетдинов, актер большого темперамента, очень органичный в присущих, видимо, его артистической индивидуальности проявлениях колючей агрессивности» (И. Романович) [10. С. 20]. В этой роли еще ярче раскрывается талант актера. Ильяс-Р. Тазетдинов на протяжении спектакля предстает перед зрителями в совершенно разных ипостасях. Этот персонаж проживает на сцене три важных периода своей жизни. Сначала он – беззаботный, самоуверенный, задиристый юноша. Затем после случайной встречи с юной Асель, когда в сердце юноши зарождается новое, незнакомое для него высокое чувство, он превращается в совершенно иного – нежного, лиричного. Еще один переломный момент в жизни персонажа – авария грузовика – испытание его моральных качеств. Однако Ильяс не выдерживает это испытание, он не желает признать свою ошибку. Он становится раздражительным и грубым. В этот момент он предает свою любовь. Осознав всю серьезность произошедшего, Ильяс от безысходности, от того, что не может уже вновь собрать разрушенное своими же руками счастье, уходит в себя, становится «молчаливым и задумчивым» [6. С. 87].

Второй период активного творчества, вершины актерского мастерства приходится на 1971-1989 гг., где актеру режиссеры доверяют такие сложные роли, как основоположник татарской поэзии, писатель XIII в. Кул Гали («Кул Гали» Н. Фаттах), революционер Мулламур Вахитов («Мулламур Вахитов» Н. Исанбета), сложный образ жертвы коллективизации и раскулачивания Мирвали («Три аршина земли» А. Гилязова – этот спектакль получил высокую оценку авторитетного жюри (Г. Бирюков, О. Корнева, А. Иняхин, И. Мягова) Всероссийского театрального фестиваля, посвященного 70-летию Великого Октября), бог-бунтарь, бог-провидец Прометей («Не бросай огонь, Преметей!» М.Карима), инженер Чешков («Человек со стороны» И. Дворецкого), лицемер Тартюф («Тартюф» Ж.-Б. Мольера). Этот период особенно насыщен значительными, емкими ролями. На каждой из них можно остановиться подробнее, но мы дадим оценку лишь тем, которые ярче определяют данную ступень творчества.

Началом периода, подступом к нему является роль Надир-махдума из «Угасших звезд» К. Тинчурина. Это одна из любимых ролей актера, монолог персонажа, которого он помнит до сих пор, хотя день премьеры остался далеко в прошлом – 27 января 1971 г. «Вспоминая Р. Тазетдинова, у меня в памяти, прежде всего, возникает воплощенный им образ Махдума из «Угасших звезд». Я не знаю аналога в мире столь тяжелой ноше, как горб Махдума» [13], – пишет об этой роли Р. Харис. Через образ Надыра Р. Тазетдинов делится со зрителями о личных и одновременно общественных переживаниях, о неустроенности бытия. Актер много сил вложил на создание внутреннего мира этого образа, решил его по-новому. В результате помимо презрения и отвращения Надыр-Р. Тазетдинов рождает в сердцах зрителей сострадание и даже восхищение его способностью так искренне и яростно любить.

Истинной вершиной творчества логично назвать те роли, за которые Р. Тазетдинов удостоился высокой награды – Государственной премии СССР – это Муса Джалиль из спектакля «У совести вариантов нет», Ильфат Биккинин из «Здесь родились, здесь возмужали» Т. Миннуллина и Карандышев из «Бесприданницы» А. Островского.

С образом героя Советского Союза, великого татарского поэта Мусы Джалиля у актера «особые отношения». Я бы назвала этот образ сквозной темой творчества Р. Тазетдинова, знаковой ролью. К ней Р. Тазетдинов в театре обращался два раза: сначала в одноименной трагедии Н. Исанбета (день премьеры

ры – 14.02.1966), затем в решенной совершенно ином современном ключе публицистической драме «У совести вариантов нет» Т. Миннуллина (день премьеры – 23.02.1981). До работы в театре во время учебы в училище он читал стихотворения поэта на вечерах, где однажды присутствовавшая там Амина ханум (жена М. Джалиля) подметила поразительную внешнюю схожесть актера с поэтом [14]. Помимо внешней схожести Р. Тазетдинов мастерски перевоплощается и внутренне, что создает впечатление встречи в спектакле с самим поэтом-героем. Вторая встреча актера с образом оказалась намного успешней, здесь отразились накопленный опыт и отточенный профессионализм.

Из этого периода следует остановиться и на роли Юлия Капитоныча Карандышева из «Бесприданницы» А. Островского, классика русской драматургии, издавна полюбившегося татарскому зрителю (день премьеры – 20.05.1983). Актер дорожит опытом работы в этой постановке. Здесь он открыл для себя новые грани воплощения образа. Если раньше основой его работы над ролью являлась духовная составляющая, то тут он больше внимания уделяет внешним пластическим, механическим приемам. Этого требовал сам жанр пьесы и постановки. «Образ Карандышева-Р. Тазетдинова отличается своей точностью, заранее четко продуманностью каждого жеста и даже мимики. Во многих случаях такой подход к роли через мысленный расчет приводит к наигранности и холодной игре. У Р. Тазетдинова этого нет. Такое чувство, что артист сначала соорудил внешний каркас персонажа, а затем наполнил его своими быющими через край чувствами и чутким сердцем» [1], – пишет Г. Арсланов. Сущность роли, которую нащупал Р. Тазетдинов и воплотил на сцене, была настоящей находкой актера, новым словом в российском театральном мире в плане создания этого образа. «На первый план (несколько неожиданно) наряду с Ларисой выходит не Паратов, как это происходит в ряде театров, а Карандышев. И в силу режиссерского замысла, и в результате блистательной работы Р. Тазетдинова драматическая судьба Карандышева оказывается в центре внимания» (И. Илялова) [8]. Воплощение этой роли Р. Тазетдиновым признали новым веянием и московские критики.

Р. Тазетдинов – по сути своей ищущий, творчески беспокойный артист. Это его качество дает возможность родиться новым успешным произведениям искусства, несмотря на достигнутые высоты. Третий период творчества актера с 1990 г. по сегодняшний день – период зрелости. Здесь уже чувствуется огромный опыт за плечами исполнителя. Замечательные роли: Идегей («Идегей» Ю. Сафиуллина), Ханави («Ясновидец» З. Хакима) – за исполнение этой роли Р. Тазетдинов награждается в номинации «Лучшая мужская роль» на Международном театральном фестивале тюркских народов «Науруз» 1998 г., Минлеги («Голубая шаль» К. Тинчурина), Бессеменов Василий Васильевич («Мещане» М. Горького), Лоренцо («Ромео и Джульетта» В. Шекспира), Клотальдо («Жизнь есть сон» П. Кальдерона) составляют добротную картину образов данного периода. Плавное, без творческих кризисов переходит Р. Тазетдинов из одного периода к другому. Постепенно ему начинают поручать роли мужчин зрелого возраста. Особого внимания из числа таких ролей заслуживает роль старого, матерого вожака волчьей стаи Чобра из спектакля «Черная бурка» Г. Хугаева. Этот спектакль родился в переломный момент жизни татарского театра. 26 марта 2002 г. уходит из жизни главный режиссер театра народный артист СССР (1984) М. Салимжанов, находившийся на этом почетном посту 36 лет подряд. Новым главным режиссером становится его ученик Ф. Бикантаев. Сама пьеса и творческий состав для спектакля были выбраны М. Салимжановым, он страстно желал поставить это произведение, но не успел. Его дело закончил Ф. Бикантаев. «Фестивальный спектакль» [4] – так часто называют его в театральных кругах. Со дня своего рождения (день премьеры – 07.11.2002) по сегодняшний день этот спектакль успешно участвовал в пяти Международных, Всероссийских театральных фестивалях (в 2003, 2005, 2006, 2007,

2008 г.), завоевав Гран-При два раза и награды в разных номинациях. Спектакль «Черная бурка», поставленный в жанре мюзикла, несет большую смысловую нагрузку, это философская притча о человеческой жизни, показанная через судьбы животных. Главные герои спектакля: служивый пес Тузар (Иск. Хайруллин), Пастух (Р. Бариев), волк Чобр (Р. Тазетдинов) и с малых лет оставшаяся сиротой и воспитанная вожаком стаи в его логове молоденькая волчица Чобра (Л. Хамитова). В образе Чобра-Р. Тазетдинова сплелись коварство хитрого хищника, ум и сила хозяина зверей с беспомощностью перед своими собственными желаниями. Он рад бы поменять условия игры, перестав быть кормильцем-отцом, и стать возлюбленным своей воспитанницы. Его отеческие чувства давно переросли в страсть. Она у него не жгучая, не выплескивающаяся наружу, как у молодого полного сил, плещущего энергией «далекого сородича волков» пса Тузара, а сдержанная, бурлящая изнутри. Актер очень тонко, со вкусом и профессионально воплощает это состояние на сцене. Коварный план вожака заманить пса в логово при помощи обаяния свой подопечной, пообещав ей долгожданную свободу, и переманить его на свою сторону, чтобы без опаски напасть на стадо, терпит провал. Тузар в последний момент совершает выбор по совести и сохраняет верность своему хозяину. Оказавшись между преданностью человеку и страстной любовью к волчице, Тузар погибает от вынужденного выстрела своего хозяина. Неожиданный конец отношений верного пса и хозяина происходит на глазах у всех зверей. И здесь на выразительном лице Чобра-Р. Тазетдинова можно прочесть искреннюю жалость к Тузару и бессилие перед жестокостью человека.

Несомненно, как и в любом актерском репертуаре, у Р. Тазетдинова есть и не совсем успешные роли. Однако стоит отметить, что в каждой роли Р. Тазетдинов концентрирует на себе внимание зрителей. Он «обладает уникальным умением: играть не только естественно, но и «заметно». Он может просто молча стоять перед зрителями в компании своих коллег и, возможно, даже и не догадываться, что когда он на сцене, все внимание зала концентрируется на нем» [12], – пишет А. Султанова. Природный дар и феноменальная трудоспособность актера дали возможность родиться новым шедеврам театрального искусства, которые крепко вплелись в историческое полотно татарского театра яркими узорами. Р. Тазетдинов, достигнув широчайшего диапазона актерского мастерства, создал оригинальную, свойственную только ему школу актерской игры, которую перенимает у него сейчас молодое поколение.

Литература

1. Арсланов Г. Бирнәсез кыз // Социалистик Татарстан. 1983. 3 нояб.
2. Әһлия Ф. Ай тулган төндә: документаль повесть. Казан: Идел-Пресс, 2001. 62 б.
3. Гөбәйдуллина Ә. Ринат Тажетдинов // Азат хатын. 1966. № 10.
4. Гыймранова Д. Кара чикмән – мөгънәсез гомер // Татарстан яшьләре. 2003. 31 май.
5. Зәмирә С. Аның диванасы да акыллы // Татарстан яшьләре. 1966. 15 окт.
6. Илялова И.И. Актерское искусство современного татарского театра. Казань: ТКИ, 1978. 144 с.
7. Илялова И. Его двадцатый сезон // Вечерняя Казань. 1980. 14 окт.
8. Илялова И. Новая встреча с Островским // Вечерняя Казань. 1983. 10 нояб.
9. Миңнуллин Т. Безнең Ринат // Социалистик Татарстан. 1988. 16 янв.
10. Романович И. Вечное движение // Театр. 1970. № 11.
11. Станиславский К.С. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 1. Моя жизнь в искусстве. М.: Искусство, 1988. 622 с.
12. Султанова А. В Камаловском говорили о любви. К Тазетдинову // Вечерняя Казань. 2008. 5 февр.
13. Харис Р. Аның дөньясында рәхәт // Мәдәни жомга. 2007. 3 авг.
14. Хәсәнова А. Халыкка болай да авыр // Ватаным Татарстан. 2006. 25 окт.

МУЗАФАРОВА АИДА РАИЛЕВНА – аспирантка отдела театра и музыки, Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова, Академия наук Республики Татарстан, Россия, Казань (aidochka-muza@yandex.ru).

MUZAFAROVA AIDA RAILEVNA – post-graduate student of Theatre and Music Department, Institute of Language, Literature and Arts named after G. Ibragimov, Academy of Science of the Republic Tatarstan, Russia, Kazan.

УДК 001.89:[332.1:330.341.1

М.Ю. АЛЕКСЕЕВ

НИОКР И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ СТРАНЫ*

Ключевые слова: НИОКР, инновационное развитие, финансирование науки.

Исследовано финансирование НИОКР России в сравнении с развитыми странами. Выявлена роль государства и бизнеса в финансировании сектора НИОКР. Показана роль НИОКР в инновационном развитии страны.

M.Yu. ALEXEEV

R&D AND INNOVATION DEVELOPMENT OF THE COUNTRY

Key words: R&D, innovation development, science financing.

This paper is focused on the analysis of Russian R&D financing compared with developed countries. Identified the role of government and business in the financing of R&D. The article describes the role of R&D in innovation development.

Неравномерные темпы экономического роста, высокую конкуренцию на рынках наукоемкой продукции, ограниченные возможности финансирования НИОКР можно отнести к одной из причин подъема интереса к изучению вопросов, связанных с ролью науки в инновационном развитии стран.

Исторический опыт цивилизации говорит о том, что накопление и использование новых знаний положительно сказываются на успешном развитии общества. В зависимости от того, какой тип отношений науки и экономики выберет государство, зависят интенсивность и эффективность НИОКР и ее роль в инновационном развитии. Из трех типов взаимоотношений сферы НИОКР и экономики, приведенных на рис. 1, мы отдаем предпочтение первому типу, когда наука является составной частью экономической системы и экономика использует ее достижения, регулируя развитие (второй тип [б] – в некоторой степени наука автономна от экономики, третий тип [в] – наука самоценна сама по себе).

Инновационная экономика предполагает использование результатов научных исследований на всех стадиях инновационного цикла, в связи с чем в развитых странах мира из года в год развивают НИОКР на основе увеличения объемов финансирования [3]. С целью изучения роли НИОКР в инновационном развитии проведем сопоставительный анализ официальных данных по России и развитым странам.

Внутренние затраты на НИОКР в России в 2008 г. составили 23 402,5 млн долл., или доля затрат в ВВП составила 1,04% (в 1990 г. – 2,03%, в 1995 г. – до 0,85%, в 2003 – 1,28%). По этому показателю в 1990 г. Россия находилась на уровне с ведущими странами ОЭСР, в 2011 г. она опустилась даже ниже группы

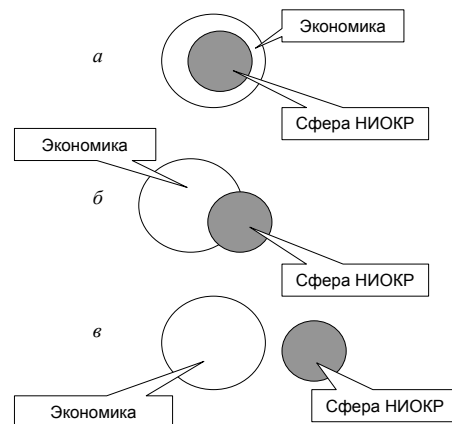

Рис. 1. Гипотетические схемы взаимоотношений экономики и сферы НИОКР [2]

* Исследование осуществлено при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2011 г.

стран с низким научным потенциалом (Португалия, Италия, Испания, Венгрия). По абсолютным затратам на науку Россия в 17 раз уступает США, в 6,4 раза – Японии, в 5,2 раза – Китаю, в 3,3 раза – Германии [12].

Расходы на НИОКР на душу населения в развитых странах мира (США, Японии, Швеции, Израиле и Финляндии) составляют примерно 31 тыс. руб. (из них 21 тыс. руб. – это частный капитал). В России такие расходы не превышают 4,5 тыс. руб., что в 8,1 раза меньше, чем в Швеции, в 7,6 раза – чем в США, в 7,2 раза – чем в Японии, в 3,4 раза – чем в странах ЕС [13].

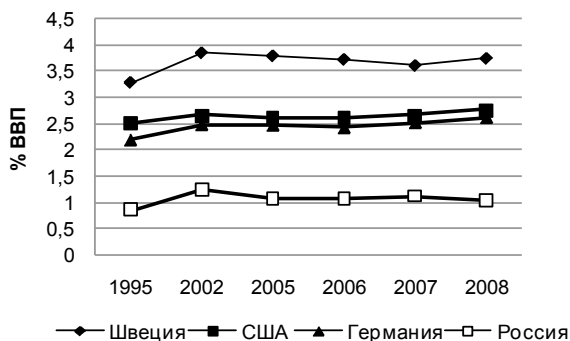

Рис. 2. Внутренние затраты на исследования и разработки в России и странах ОЭСР (% ВВП) (сост. по данным [8, 11, 13])

В 2008 г. по доле затрат на НИОКР в ВВП РФ уступала Швеции в 3,6 раза, США – в 2,5 раза, Германии – в 2,5 раза (рис. 2).

Если США и другие развитые страны из года в год наращивают объемы финансирования НИОКР, то в России рост объемов пока незначителен. По общим объемам финансирования НИОКР Россия уступала США в 1986-1990 гг. в 2 раза, а в 2001-2005 гг. – в 14,3 раза [8].

В развитых странах ОЭСР соотношение расходов государ-

ственного и частного сектора на НИОКР составляет 1:3 и 1:4. В России сложилось противоположное соотношение – 2,5:1. При этом у нас государство финансирует свыше половины НИОКР (56%), выполняемых частным сектором. Для стран ОЭСР этот показатель составляет всего 7%, для Китая – менее 5%.

Затраты российского бизнеса на НИОКР составляют около 0,3% ВВП (в 7-10 раз меньше, чем в развитых странах). Лишь 3 российские компании входят в число 1000 крупнейших компаний мира по размерам затрат на НИОКР (среди крупнейших компаний по расходам на НИОКР доля США составляет 38%, Европейского Союза – 26%, Японии – 22%). На заседании Комиссии по модернизации и технологическому развитию экономики России были приведены данные о мизерном уровне расходов крупнейших российских компаний на НИОКР – 2% всех инвестиционных расходов [9].

Таким образом, в таких странах, как Япония, Южная Корея, Швеция, Финляндия, Германия, Швейцария, доля финансирования бизнеса из года в год увеличивается, так как в развитой экономике лидерами становятся компании, предлагающие высокотехнологичные продукты на основе эксклюзивных разработок. Крупные компании в этих странах вкладывают в проекты большие суммы и привлекают специалистов высокого уровня. В России также необходимы существенные меры по привлечению бизнеса в НИОКР.

Следует отметить, что государство превращается в крупного инвестора именно на начальном этапе развития инновационной экономики, так как без огромных вложений в инновации, в том числе и в НИОКР, переход к высокотехнологичному обществу невозможен. Это характерно в какой-то мере и для современной экономики России. Однако стратегические и тактические ошибки, допускаемые в российской экономике, снижают эффективность этих вложений в инновационное развитие. В 1990-е гг. многие объекты отраслевой науки России были приватизированы, в результате чего количество институтов и конструкторских бюро сократилось в 2 с лишним раза, а проектных институтов – в 12 раз. В пери-

од с 2000 г. по 2008 г. численность персонала в НИОКР сократилась в 1,16 раза, за 18 лет (1990-2008 гг.) – в 2,5 раза [5, 11, 12]. По этим причинам были ликвидированы многие научные школы, сократилось количество российских исследователей и научных публикаций. Численность персонала, занятого в НИОКР, в 2008 г. по сравнению с 1995 г. сократилась на 137 485 человек, или на 14% (рис. 3). Из-за низкой заработной платы сотрудники НИОКР переквалифицировались на специальности коммерческого плана или выехали за границу.

Незначительный рост объема финансирования НИОКР в РФ происходит в основном за счет прикладных видов работ и разработок. В фундаментальные работы вклады незначительные [1]. А в США, наоборот, инвестиции в НИОКР нацелены на улучшение фундаментальных исследований, лежащих в основе всей инновации.

В инновационном развитии страны сегодня выделяют две модели инноваций: линейную и «модель множественных источников инноваций» [4]. Если первая модель зарекомендовала себя в XX в. и предполагала внедрение передовой техники и технологий на основе прикладных исследований, то вторая направлена на развитие инноваций не только в сфере прикладных исследований, но и во всех сферах экономической деятельности (фундаментальные исследования, маркетинг, менеджмент и т.д.).

Ученый-экономист В. Полтерович выделяет причины, объясняющие, почему в отсталой экономике невозможен инновационный прорыв [7]: технологии производятся с помощью ранее освоенных; отсутствие стимула инноваций в отличие от имитаций (дешевизна имитаций, меньше риска); утечка мозгов (различия в зарплате и инфраструктуре исследований); слабая защита прав на интеллектуальную собственность; слабость институтов поддержки нововведений.

Но следует отметить, что особенностью российской экономики является наличие большого объема человеческого капитала, который, к сожалению, в последние годы используется неэффективно или преобразовывается в отрицательный тип человеческого капитала, предполагающий неразвитость гражданского общества, инвестиции в неэффективные проекты с целью отмывания денег, наличие коррумпированного образовательного процесса и негативных сторон менталитета, а также низкой культуры населения (в частности, включающий этику труда и предпринимательства) и т.д. Положительное решение этих вопросов могло бы позволить в некоторых отраслях экономики применять инновации. Конечно же, есть альтернативная возможность – имитация зарубежных разработок, как это делает большинство развивающихся стран. Однако существует проблема упадка сектора НИОКР страны на ранней стадии ещё до того, как этот сектор станет востребованным, когда по причине развития нанотехнологии и биотехнологии преимущество экспорта сырья (энергоносителей) перестанет быть основой экономического роста страны. Тогда возникает вопрос о необходимости развивать отечественный сектор НИОКР. Поэтому мы считаем, что в условиях современного рынка России необходимо сочетание имитации и инновации на основе развития современного конкурентоспособного сектора НИОКР.

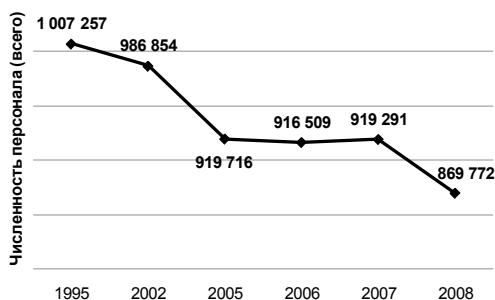

Рис. 3. Численность персонала, занятого исследованиями и разработками (чел.) (сост. по данным [10-12])

Говоря о механизме прямого (бюджетного) финансирования, необходимо отметить, что он является наиболее эффективным в решениях общегосударственных задач, таких, как финансирование науки, фундаментальных исследований, но для стимулирования увеличения доли затрат на НИОКР внутри хозяйствующих субъектов необходимо использование системы косвенного внебюджетного финансирования, например, предоставление налоговых льгот в виде снижения стоимости основного капитала, используемого для проведения исследований и разработок не только для компаний, являющихся резидентами технопарков или наукоградов, но и для предприятий, производящих новые товары.

Внебюджетные фонды, являясь связующим звеном между фирмами, занимающимися исследованиями и предпринимательским сектором, должны стать основой финансирования НИОКР России, однако их доля в структуре внутренних затрат уменьшается из-за несовершенства вопросов коммерциализации научно-технической продукции.

В России принят нормативный акт, позволяющий организациям получать кредит, если они занимаются НИОКР и инновационной деятельностью. При этом предоставляются налоговые льготы по оплате кредитов [3]. Однако опыт развивающихся стран показывает на необходимость выделения предприятиям и фирмам права списания собственных затрат на НИОКР и получения ими налогового кредита даже при отсутствии прибыли. Это особенно важно для малых предприятий России, которые имеют некоторые несущественные льготы, такие как возможность исключения прибыли, направленной на обновление основных производственных фондов, освоение новой техники и технологий, освобождение от НДС лизинговых платежей и т.д. Мы же считаем, что малым предприятиям в этой сфере необходимо предоставлять налоговые каникулы, безвозмездные субсидии, возможность списывания затрат, накопившихся за предшествующие годы. Например, в Японии, Франции, Великобритании, Италии, Швеции, Корее налоговое законодательство предусматривает возможность стопроцентного вычета из облагаемого налогом дохода сумм, идущих на финансирование текущих издержек по НИОКР и инвестиций на оборудование для НИОКР. В Австралии же 150% затрат на НИОКР могут вычитаться из облагаемого налогом дохода.

Таким образом, вышеперечисленные факты показывают, что в России факторами инновационного развития должны быть: решение проблем накопления положительного человеческого капитала; увеличение финансирования сферы НИОКР; повышение уровня реальной заработной платы работников вузов и науки; использование разных форм и методов стимулирования научных разработок; эффективное использование государственных расходов по прямому их назначению; интеграция бизнеса и НИОКР, установление соответствующих налоговых льгот; коммерциализация результатов НИОКР на основе защиты прав на интеллектуальную собственность.

Литература

1. *Беляков В.В., Белякова В.В.* Объемы финансирования НИОКР по видам выполненных работ по годам за период 2000-2009 гг. [Электронный ресурс] // Управление научно-исследовательской и инновационной работы (УНИИИР) НГТУ им. П.Е. Алексеева. Режим доступа: <http://www.nntu.sci-nnov.ru/RUS/niokid/otdel-niokr.htm>.
2. *Кульбаков А.В.* Роль сферы НИОКР в современной экономике [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kylbakov.ru/page110/page121/index.html>.
3. *Максимов С.В.* Роль научных разработок и трансфера технологий в инновационном развитии предприятия // Инновации. 2009. № 4. С. 32.
4. Методические аспекты инновационного развития России // Проектно-аналитическая записка по итогам работы клуба инновационного развития Института философии РАН. М., 2009.
5. *Миндели Л.Э., Пипия Л.К., Чистякова В.Е.* Тенденции развития кадрового потенциала российской науки. М.: ИПРАН РАН, 2008.
6. Наука России в цифрах. М.: ЦИСН, 2004.

7. Полтерович В.М. Проблема формирования национальной инновационной системы // Экономика и математические методы. 2009. № 2. С. 3-18.
8. Рахманов М. Электроника России: «Восстановить нельзя похоронить» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cnews.ru/reviews/index.shtml?2004/05/31/159471>.
9. Рогов С.М. Россия должна стать научной сверхдержавой [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.youngscience.ru/pages/main/analytics/3969/index.shtml>.
10. Российский статистический ежегодник. М.: Росстат, 2006.
11. Российский статистический ежегодник. М.: Росстат, 2009.
12. Россия и страны мира. М.: Росстат, 2010.
13. OECD in Figures 2009. OECD Countries, 2007 Gross Domestic Expenditure on R&D.

АЛЕКСЕЕВ МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ – аспирант кафедры экономической теории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (simvolika11@mail.ru).

ALEXEEV MIKHAIL YURYEVICH – post-graduate student of Economics Theory Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 338(574)

А.А. БЕЙСЕНБАЕВ

МЕХАНИЗМЫ ДОЛГОСРОЧНОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

***Ключевые слова:** механизм управления, модели механизмов развития, самоуправление, рыночные отношения.*

Исследованы и обоснованы методические положения формирования и использования механизмов обеспечения перспективного развития регионов.

A.A. BEYSENBAEV MECHANISMS OF LONG-TERM DEVELOPMENT OF REGIONS OF REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

***Key words:** mechanism of management, model of mechanisms of development, self-management, market relations.*

Methodical positions of formation and use of mechanisms of maintenance of perspective development of regions are investigated and proved.

Первая группа механизмов государственного управления развитием регионов Республики Казахстан включает, кроме функций прогнозирования, программирования и планирования, функции учета, контроля и регулирования пропорций между различными видами процессов на региональном уровне, разнообразными отраслями, объемами движения финансовых средств, как направляемых на национальном уровне управления в качестве разнообразных налогов, так и оставляемых на региональном уровне управления, а также в распоряжении хозяйствующего субъекта.

Вторая группа механизмов управления должна разрабатываться и реализовываться в **системе самоуправления**, которая также имеет право формировать свою финансовую составляющую в общей сумме бюджетных средств, выделяемых для решения задач местного самоуправления.

Третья группа – это **рыночные механизмы**, регулирующие развитие различных отраслей, видов деятельности, процессов в регионе на основе таких рыночных составляющих, как спрос, предложение, инвестиционная привлекательность, конъюнктура рынка, конкурентоспособность товара, уровень развития инфраструктуры, потенциал природных ресурсов, стоимость рабочей силы на региональных рынках труда, тип ценовой конкуренции, отражающий степень развития рыночных отношений на этапе перехода к развитому постиндустриальному обществу [1].

Кроме того, механизмы государственного управления можно разделить на два вида по своему целевому назначению. Так, к **первому виду** можно отнести все государственные механизмы, контролирующие, планирующие и активизи-

рующие деятельность всех хозяйствующих субъектов, осуществляющих деятельность на региональных рынках с целью развития социально-экономических процессов на территории всех регионов и каждого в отдельности. Поэтому такие механизмы можно назвать общими, подразделяемыми по уровню охвата территории на национальные и региональные. Это разделение на два вида отражает также уровень государственного управления.

Ко **второму виду** следует отнести механизмы государственного управления хозяйствующими субъектами, находящимися в государственной собственности. Несмотря на то, что такие хозяйствующие субъекты находятся на локальном уровне управления, их нельзя отнести к первому виду, поскольку для таких предприятий производится двойное воздействие со стороны государственных механизмов управления.

Во-первых, государственные хозяйствующие субъекты являются самостоятельным сегментом рынка производителей и потребителей товаров, что в соответствии с маркетинговой терминологией, представляет собой отдельный клиентурный рынок для остальных участников рынка – хозяйствующих субъектов с частной и иностранной формами собственности. А, во-вторых, государственные механизмы управления направлены на социально-экономическое развитие, повышение конкурентоспособности каждого отдельно взятого (относительно самостоятельного) хозяйствующего субъекта на региональном рынке производителей продукции и услуг.

Государственные механизмы управления можно объединить с механизмами системы общественного (муниципального) самоуправления по набору непосредственно создаваемых и реализуемых механизмов стратегического развития, к которым относятся нормативно-правовой, экономический и социально-психологический механизмы.

Так, **нормативно-правовой механизм государственного управления** формируется на общенациональном и региональном уровнях управления и представляет собой комплекс нормативно-законодательных актов, создающих нормативно-правовую базу для осуществления производственно-хозяйственной деятельности предприятиями и регулирующих уровень налогов и объемов финансовых средств, необходимых для реализации функций государственного управления как на национальном, так и на региональном уровне.

Перечень задач, решаемых национальным и региональными нормативно-правовыми механизмами, зависит от законодательно установленного распределения и делегирования полномочий на региональный уровень управления. Соотношение прав и обязанностей механизма того или иного уровня определяется степенью централизации/децентрализации функций государственного контроля, регулирования, программирования и планирования развития социально-экономических процессов в регионах, воздействия на рыночные отношения [2].

Система общественного самоуправления также имеет право формировать нормативно-правовой механизм на местном (муниципальном) уровне управления с целью создания источников привлечения средств в местный бюджет для выполнения задач и функций местного самоуправления, а также деятельности унитарных муниципальных хозяйствующих субъектов.

Отличие рыночных механизмов от остальных состоит в том, что в них отсутствуют нормативно-правовые элементы – методы формирования законодательной базы. Считают, что рыночные механизмы воздействуют на государственные посредством лоббирования интересов коллективно-долевого (частного) и иностранного предпринимательства, а также крупных корпораций в органах законодательной власти и местного самоуправления.

Однако механизмы государственного управления, самоуправления и рыночные обладают таким элементом в своих составах, как экономический, который может быть представлен соответствующими методами воздействия. И если в государственном и общественном экономических механизмах основу функционирования составляет нормативно-правовая база, отражающая необходимость создания и поддержания межрегиональных, межотраслевых и иных пропорций в социально-экономическом развитии, то экономический рыночный механизм складывается под влиянием спроса и предложения на конкретные виды продукции и услуги, конъюнктуры рынка и инвестиционной привлекательности. В этом случае основными показателями, регулируемыми инвестиционные вложения в различные регионы, отрасли и конкретные виды деятельности, являются уровень рентабельности капитальных вложений, сроки окупаемости инвестиций и размеры налогообложения.

Таким образом, рыночные механизмы не могут существовать отдельно от государственных и общественных, поскольку налоговая система – это экономический механизм, который действует как элемент государственного управления общественного самоуправления.

В этой связи следует отметить, что развитие рыночных отношений и активизация перехода к ним экономики требуют взаимного признания правил и условий, создаваемых государственными механизмами и механизмами общественного самоуправления в регионах, а также стихийно формируемых рыночных механизмов.

Начиная с определенного этапа развития рыночных отношений только государственные механизмы управления перспективным развитием регионов устанавливают правила и законы против мошенничества, картелей, а также определяют требования к качеству продукции и услуг, системы измерения, что в конечном итоге обеспечивает функционирование рынков. В рыночных отношениях предпринимательская инициатива принадлежит частным лицам, цены определяются под непосредственным влиянием объемов спроса и предложения на тот или иной вид товара, а результаты экономической деятельности практически не прогнозируются, тем более с высокой степенью вероятности и достоверности [3].

Однако представление рыночных процессов как простейших и примитивных, абсолютно непредсказуемых, по мнению специалистов, пропагандирующих развитие рыночных отношений в странах Европы, Азии, находящихся в транзитивном состоянии, свидетельствует о поверхностном понимании того, что составляет основу цивилизации промышленно развитых стран и обеспечивает прогресс.

В настоящее время существуют две основные наиболее распространенные модели механизмов социально-экономического развития. Первая модель – это **европейская экономическая и социальная (социально-экономическая) модель**. Вторая – **американская модель**, которую можно назвать англо-американской, поскольку кроме Соединенных Штатов Америки используется и на территории Великобритании.

Европейская социально-экономическая модель формирования и функционирования государственных механизмов регулирования рыночных отношений имеет две формы, или два варианта – французский и германский. Отличительными особенностями **французской модели** являются существенное вмешательство государства в экономику страны и высокий уровень государственного регулирования рыночных отношений в регионах. Однако результатом функционирования государственных механизмов служит довольно высокая эффективность французской экономики в период 1990-2006 гг.

Основным принципом перспективного развития в модели во французском варианте является статизм, под которым автор понимает стабилизацию социально-экономических процессов на каком-то определенном и неизменном в течение установленного периода уровне. С точки зрения стратегического планирования цели стабилизации не являются стратегическими, а следовательно, не могут считаться целями развития. Такая ситуация, по представлению автора, может привести к ухудшению социально-экономической ситуации.

Второй вариант европейской экономической модели формирования государственных механизмов – **германский** – базируется на принципе корпоратизма. Эту модель нельзя отождествлять с антикапиталистической, однако концепция капитализма по-немецки, которую называют рейнским капитализмом, предполагает ограничение конкуренции с помощью государственных механизмов, благосклонное отношение к картелям и высокий уровень государственного регулирования рыночных отношений. Такая модель также получила название социального рынка, стала основой для широкого проникновения государственных механизмов в социально-экономическую деятельность и обоснования осуществляемых высоких государственных расходов.

Основной отличительной характеристикой этого варианта модели является наличие прямо пропорциональной зависимости между степенью охвата государственными механизмами задач регулирования социально-экономического развития региона и объемами государственных расходов, которые, в свою очередь, являются результатами действия нормативно-правового и экономического механизма, в том числе и налогового.

Таким образом, применение модели социального рынка позволяет гражданам Федеративной Республики Германия получать более высокие социальные выплаты, превышающие уровень, который считается нормально приемлемым для так называемой «сетки безопасности». Под сеткой безопасности следует понимать систему социальных выплат, гарантий государства, направленную на защиту, поддержание и помощь малоимущим слоям и группам граждан. В Германии делаются попытки сокращения государственных расходов, но, в общем, продолжается сопротивление предпринимаемым мерам по ограничению расходов на социальные выплаты.

Как французский, так и германский варианты европейской экономико-социальной модели противостоят англо-американской модели, которую внедрила Америка и в значительной мере Великобритания после 1979 г.

Отличительной характеристикой англо-американской модели формирования государственных механизмов регулирования рыночных отношений и уровня социально-экономического развития регионов является, прежде всего, высокая степень дерегулирования рынков труда. Европейская же модель, наоборот, ориентирована на создание с помощью государственных механизмов рабочих мест в административно-территориальных образованиях.

Однако исследование результатов предпринимаемых Францией и Германией социально-экономических программ и стратегических планов повышения занятости населения на основе ограничения рабочего времени занятых в процессе производства продукции и услуг показало, что, несмотря на сокращение среднего числа отработанных часов, уровень безработицы в обеих странах практически не изменился и остается очень высоким, а в некоторых регионах он даже вырос.

Литература

1. Береснев В.Л., Лавлинский С.М., Суспицын С.А. Модели индикативного планирования развития ресурсных регионов // Регион: экономика и социология. 2008. № 4. С. 15-32.

2. Будагов А.С. Особенности рационализации элементного взаимодействия системы управления инновационными и инвестиционными процессами регионов: препринт. СПб.: Диалог, 2008.

3. Кенжегузин М.Б. Казахская модель устойчивого экономического развития: научные основы построения и реализации // Проблемы устойчивого экономического развития в условиях глобализации. Т. 1. Алматы: ИЭ МОН РК, 2003. С. 15-51.

БЕЙСЕНБАЕВ АСКАР АСАНОВИЧ – кандидат экономических наук, докторант, Институт проблем региональной экономики Российской академии наук, Россия, Санкт-Петербург (beisenbaev@parlam.kz).

BEYSENBAEV ASKAR ASANOVICH – candidate of economics sciences, doctoral candidate, Regional Economy Problems Institute of Russian Academy of Sciences, Russia, St. Petersburg.

УДК 338.2+338.24.01

Д.В. БОБИН, В.В. НИКИТИН

ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНОСТЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ*

Ключевые слова: энергоэффективность, социально-экономическая система, моделирование, системно-квалиметрический подход.

Предложена социально-экономическая трактовка понятия энергоэффективности. Моделирование региональной социально-экономической системы основано на рассмотрении ее как многопараметрической целенаправленной системы. Для оценки энергоэффективности региона был использован системно-квалиметрический подход.

D.V. BOBIN, V.V. NIKITIN

POWER EFFICIENCY OF THE REGIONAL SOCIAL AND ECONOMIC SYSTEMS

Key words: power efficiency, regional social and economic system, modeling, systemic and quail-metric approach.

Social and economic interpretation of the power efficiency concept is offered. Modeling of the regional social and economic system is founded on it's consideration as a multivariable goal-directed system. For estimation of the regional power efficiency was used the systemic and quail-metric approach.

Проблема повышения энергоэффективности и задача перевода экономики России на энергосберегающий путь развития входят в пятерку приоритетных направлений, обозначенных Президентом Д.А. Медведевым. Решение этой проблемы имеет важное значение для повышения конкурентоспособности и безопасности, а также для снижения энергоемкости национальной экономики, которая на сегодняшний день в несколько раз выше, чем в развитых странах.

Энергоэффективность следует рассматривать как особое комплексное свойство экономики, затрагивающее её производственную и непроизводственную сферы, характеризующее способность производить и реализовывать разнообразные конкурентоспособные ресурсы и эффективно их использовать. Повышение энергоэффективности является условием интенсивного развития экономики, тогда как рост ВВП за счет увеличения объемов потребления топливно-энергетических ресурсов является примером экстенсивного развития. В этом значении энергоэффективность называют пятым видом топлива. Её освоение может обойтись в несколько раз дешевле (по оценкам ЦЭНЭФ, в три раза [8. С. 6]) наращивания производства энергоресурсов. Реализовав потенциал повышения энергоэффективности, можно уменьшить объем используемых энергетических ресурсов примерно на 45% при сохранении соответствующего полезного эффекта от их использования. Высокая энергоэффектив-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 11-06-00066а).

ность – это сбережение ресурсов и труда, рост возможностей, сохранение конкурентоспособности промышленности, увеличение доходов от экспорта нефти и газа, улучшение экологической обстановки, в конечном счете – более рациональное удовлетворение потребностей общества.

С того момента, когда в российском научном сообществе начала обсуждаться данная проблема, понадобилось много усилий и времени для того, чтобы поставить этот вопрос в общенациональном масштабе и достичь некоторого взаимопонимания о самом понятии энергоэффективности. Этот этап можно считать пройденным, поскольку все же удалось «достучаться» до высшего руководства, и на сегодняшний день не только существует энергетическая стратегия до 2030 г., но и действует Федеральный закон № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности» [4, 5].

Если отталкиваться от определения, приводимого в федеральном законе, то *энергетическую эффективность* (а не энергоэффективность. – Авт.) можно понимать как характеристику, отражающую отношение полезного эффекта от использования энергетических ресурсов к их затратам. Такого рода трактовка предмета исследования связана с традиционным пониманием *эффективности*, предполагающим сведения ее к какому-то одному показателю и его измерению. Таким основным измерителем, используемым в настоящее время для оценки энергоэффективности, является удельная энергоемкость, хотя она далеко не полностью отражает содержание этого понятия [1]. Очевидным достоинством предложенной модели является простота в понимании и оценке энергоэффективности. Однако, чем проще модель, тем она менее адекватна. Кроме того, попытки дать определение энергоэффективности путем разбиения слова на составные части (энергоэффективность = энергетическая эффективность), изучения каждого из них отдельно, а затем – объединения (анализ и синтез) отражают механистический подход к изучению систем, вследствие чего синергетические связи внутри системы могут оставаться зашоренными, а фокус исследования при этом неизбежно сужается. Можно избежать этой ловушки, если придерживаться принципов системного подхода к изучению систем.

Для лучшего понимания смыслового содержания энергоэффективности рассмотрим общую картину ее формирования в блочном виде (рис. 1).

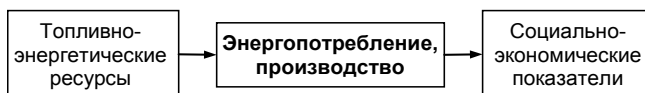

Рис. 1. Схема формирования энергоэффективности

Первый блок содержит характеристику топливно-энергетических ресурсов (ТЭР) регионов, информацию об объемах их потребления. Второй блок представляет собой управляемую систему – энергопотребление в ходе производства различных видов благ. В третьем блоке – результаты деятельности в виде социально-экономических показателей (ВВП, зарплата, доходы и т.д.).

Обозначенная проблема усугубляется еще тем обстоятельством, что отечественная экономика находится в сильной корреляции от потребления невозобновляемых природных ресурсов, что заставляет задуматься о будущих последствиях такого положения дел. Богатство России топливно-энергетическими ресурсами во многом предопределило нынешнее состояние в исследуемом вопросе. По оценкам различных институтов и отдельных специалистов, объемы непроизводительного расходования используемых энергоресурсов составляют 30-45%. (Цифры подтверждаются и нашими собственными оценками, проведенными в партнерстве с АСИНЭКС – ассоциацией инженерной экспертизы и сертификации). Это происходит вследствие применения мораль-

но и физически устаревших технологий, отсутствия системы учета и контроля, а также из-за устоявшейся низкой культуры потребления наших граждан. Широкомасштабного и повсеместного рационального потребления топливно-энергетических ресурсов можно достичь только на основе проведения активной энергосберегающей политики. Такая политика должна стимулировать также мероприятия по увеличению использования в качестве источников энергии вторичных энергетических ресурсов и возобновляемых источников энергии.

Из всего вышеизложенного следует, что для решения задачи повышения энергоэффективности требуется системный подход с программно-целевым методом в управлении энергосбережением. Препятствия методические подходы не в состоянии справиться с такой сложной задачей. Поэтому назрела необходимость в их модернизации и разработке новых методов. При этом, естественно, одним из критериев является способность нового подхода находить слабые места системы и вырабатывать практические рекомендации по их усилению.

В некотором смысле энергоэффективность тождественна понятию качества, т.е. энергоэффективность можно понимать как степень рационального потребления энергоресурсов, а в некоторых случаях энергоэффективность может даже является одним из частных показателей качества исследуемого объекта или процесса. Этот факт дает основание полагать, что и для решения задач, связанных с энергоэффективностью, могут не безуспешно применяться методы квалиметрии. А поскольку в процессе планирования и управления энергоресурсами для принятия обоснованных решений важную роль играет системный анализ, совершенно логично было обозначить разрабатываемый методический подход как системно-квалиметрический.

Выбор модели для исследования энергоэффективности зависит от сложности и специфики решаемой задачи. Прагматическая модель зависит также от информационной базы. Хотя часто бывает так, что при решении некоторых актуальных задач мы сталкиваемся с различными барьерами, и наиболее серьезным из них оказывается недоступность или же полное отсутствие систематизированной статистической информации. Отсутствие данных об объемах потребления первичных топливно-энергетических ресурсов, о потреблении конечной энергии в различных отраслях, разногласия по показателям в разных источниках информации являются еще одним подтверждением того, что в нашем обществе проблема энергоэффективности игнорировалась. Даже методика расчета значений целевых показателей в области энергосбережения и повышения энергетической эффективности, утвержденная приказом Министерства регионального развития РФ в июне 2010 г., пригодна только для «виртуальных» подсчетов. Это связано с тем, что государственные структуры оказались неготовыми к введению в действие закона «Об энергосбережении...» и не способны соблюдать сроки реализации поставленных в законе задач [6].

На рис. 2 приведен пример алгоритма формализации задачи оценки энергоэффективности, который был разработан и применялся для оценки социально-экономической составляющей энергоэффективности [2, 3].

Данная модель имеет следующие особенности:

1. Исходное множество показателей, характеризующих систему с разных сторон, не разбивается на несколько групп, а воспринимается как один входящий поток (модель без построения дерева свойств).

2. Модель с включением условного эталонного объекта, который обладает наилучшими характеристиками во всей системе (закрытая модель) или даже во внешней системе (открытая модель).

3. Нормировка (стандартизация) входящего потока информации, которая позволяет элиминировать различия объектов системы и приводит значения

разнородных единичных показателей к сопоставимому виду, осуществляется по формуле линейной зависимости.

4. Модель с включением коэффициентов важности (значимости), которые могут определяться либо экспертами, либо на основе какой-либо модели, в наибольшей степени соответствующей природе исследуемой системы.

5. Модель, учитывающая законы распределения реальных процессов оценивания параметров системы в соответствии с их социально-экономической природой.

6. Модель, агрегирующая оценки качества отдельных параметров системы в комплексные показатели качества по аддитивной форме, которая подходит для оценки «слабо» организованных систем.

Рис. 2. Алгоритм составления модели оценки энергоэффективности

Сравнительный анализ был проведен по регионам Приволжского Федерального округа (ПФО): 1 – Республика Башкортостан; 2 – Республика Марий Эл; 3 – Республика Мордовия; 4 – Республика Татарстан; 5 – Удмуртская Республика; 6 – Чувашская Республика; 7 – Пермский край; 8 – Кировская область; 9 – Нижегородская область; 10 – Оренбургская область; 11 – Пензенская область; 12 – Самарская область; 13 – Саратовская область; 14 – Ульяновская область.

Энергоэффективность должна представлять собой особое комплексное свойство экономики, затрагивающее её производственную и непроизводственную сферы. Поэтому каждый объект характеризовался следующими показателями, отражающими объёмы потребляемых энергоресурсов, экологические последствия их использования, а также экономические и социальные итоги деятельности: 1 – добыча полезных ископаемых на душу населения (д.н.), руб.; 2 – об-

рабатывающие производства на д.н., руб.; 3 – производство, передача и перераспределение электроэнергии на д.н., руб.; 4 – производство и распределение газообразного топлива на д.н., руб.; 5 – производство тепловой энергии на д.н., руб.; 6 – сбор, очистка и распределение воды на д.н., руб.; 7 – среднедушевые денежные доходы (в месяц), руб.; 8 – потребительские расходы в среднем на д.н. (в месяц), руб.; 9 – среднемесячная заработная плата работников организаций, руб.; 10 – основные фонды в экономике на д.н., тыс. руб.; 11 – продукция сельского хозяйства на д.н., руб.; 12 – ввод в действие общей площади жилых домов на 1000 чел., кв. м.; 13 – оборот розничной торговли на д.н., руб.; 14 – объем платных услуг на д.н., руб.; 15 – сальдированный финансовый результат деятельности организаций на д.н., руб.; 16 – инвестиции в основной капитал на д.н., руб.; 17 – выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников, т на 1000 чел.; 18 – сброс загрязненных вод в поверхностные водные объекты на д.н., куб. м. По данным показателям были использованы статистические данные за 2006-2009 гг. С результатами исследования можно ознакомиться в работах [2, 3].

Системно-квалиметрический подход позволяет получить интегральный показатель энергетической эффективности, в котором немаловажное значение мы отводим блоку «социально-экономические показатели». Предлагаемая методика позволяет провести факторный анализ, т.е. определить вклад исходных данных в частные показатели, а частных показателей – в обобщающую оценку энергоэффективности.

Была проведена сравнительная оценка прогнозных возможностей данной методики. По данным за 2006-2008 гг. приведена прогнозная оценка энергоэффективности регионов ПФО на 2009 г. Прогнозные и фактические значения представлены в табл. 1. Полученный результат показал хорошие прогнозные возможности методики. Это позволяет надеяться, что прогноз на 2010-2011 гг., основанный на данных 2006-2009 гг. также будет удовлетворительным.

Таблица 1

Энергоэффективность регионов ПФО в 2009 г. (max = 2)

Регионы Приволжского федерального округа	Факт			Прогноз			Отклонение прогнозных оценок от фактических
	ЭЭ _{2009, ф}	В%	место, занимаемое регионом в рейтинге	ЭЭ _{2009, п}	В%	место, занимаемое регионом в рейтинге	
Республика Башкортостан	1,612	80,6	3	1,615	80,8	4	0,2%
Республика Марий Эл	1,242	62,1	14	1,238	61,9	14	-0,3%
Республика Мордовия	1,260	63,0	13	1,276	63,8	13	1,3%
Республика Татарстан	1,771	88,6	1	1,750	87,5	1	-1,1%
Удмуртская Республика	1,445	72,3	7	1,438	71,9	7	-0,5%
Чувашская Республика	1,310	65,5	11	1,355	67,8	10	3,5%
Пермский край	1,649	82,5	2	1,638	81,9	3	-0,7%
Кировская область	1,276	63,8	12	1,329	66,5	12	4,2%
Нижегородская область	1,583	79,2	5	1,577	78,9	5	-0,3%
Оренбургская область	1,533	76,7	6	1,547	77,4	6	0,9%
Пензенская область	1,345	67,3	9	1,372	68,6	9	2,0%
Самарская область	1,603	80,2	4	1,662	83,1	2	3,7%
Саратовская область	1,388	69,4	8	1,415	70,8	8	2,0%
Ульяновская область	1,341	67,1	10	1,336	66,8	11	-0,3%
Средний регион	1,454	72,7		1,468	73,4		1,0%

Расчеты, представленные в табл. 1, показывают, что кластер высокоразвитых административно-территориальных единиц по принятому набору показателей в 2009 г. составляли Татарстан, Пермский край, Башкортостан, Самарская область. К слаборазвитым территориям относились Марий Эл, Мордовия, Ки-

ровская область, Чувашия. Остальные регионы входили в кластер среднего качества. В целом табл. 1 показывает, что регионы ПФО развиты весьма неравномерно. Очевидно, что для выравнивания уровней развития регионов повышенное внимание должно быть уделено развитию отстающих регионов. Как видно из табл. 1, средняя комплексная оценка составила 1,388 (из максимально возможной 2). При пересчете в процентах получается, что энергоэффективность региона со средним уровнем развития составляет 72,7%. Это говорит о том, что усилия и ресурсы, направляемые на развитие административно-территориальных единиц, в целом распределяются эффективно, но еще имеются существенные основания для повышения качества управления их развитием.

Об общем состоянии системы можно судить по средней величине. По табл. 2 можно проследить изменение среднего значения энергоэффективности за период 2006-2011 гг.

Таблица 2

Динамика средней энергоэффективности (max=2)

Годы	2006Ф	2007Ф	2008Ф	2009Ф	2010П	2011П
Средняя оценка	1,431	1,461	1,449	1,454	1,460	1,467

Примечание. Ф – фактическое, П – прогнозное.

Таким образом, энергоэффективность системы «регионы ПФО» повышалась и продолжает расти, что свидетельствует об эффективности мер энергосберегающей политики. С позиции системного подхода, снижение значения энергоэффективности в 2008 г. объясняется влиянием внешней среды – более крупной системы «Национальная экономика».

Литература

1. Беломестнов В.Г., Арасланов Р.Ф., Бальжинов А.В. Энергоэффективность социально-экономических систем регионов. Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2010. 168 с.
2. Данилов И.П., Никитин В.В., Бобин Д.В. Энергоэффективность региона: социально-экономическая оценка на основе системно-квалиметрического подхода // Качество и конкурентоспособность в XXI веке: материалы VIII Всерос. науч.-практ. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2009. С. 96-108.
3. Никитин В.В. Энергоэффективность: анализ и оценка составляющей конкурентоспособности региона. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2009. 104 с.
4. Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности: федеральный закон Российской Федерации от 23.11.2009 г. № 261-ФЗ // Российская газета. 2009. № 5050, 27 нояб. С. 19-21.
5. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010: стат. сб. / Росстат. М., 2010. 996 с.
6. Троицкий-Марков Т. Виртуальная эффективность // Российская газета. 2011. № 72, 6 апр. С. 14.
7. Энергетическая стратегия России на период до 2030 г. (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 13.11.2009 г. № 1715-р) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.energystrategy.ru/projects/es-2030.htm> (дата обращения: 01.09.2011).
8. Энергоэффективность в России: скрытый резерв (доклад Всемирного банка) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ifc.org/russia/energyefficiency> (дата обращения: 01.09.2011).

БОБИН ДМИТРИЙ ВИТАЛЬЕВИЧ – ассистент кафедры актуарной и финансовой математики, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (dimbobin@mail.ru).

BOBIN DMITRIY VITALYEVIICH – assistant of Insurance and Financial Mathematics Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

НИКИТИН ВИКТОР ВАСИЛЬЕВИЧ – кандидат физико-математических наук, профессор кафедры актуарной и финансовой математики, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (vvv22@yandex.ru).

NIKITIN VICTOR VASILYEVICH – candidate of physical and mathematical sciences, professor of Insurance and Financial Mathematics Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 378.014.543

С.В. БОРЗОВ

ФИНАНСИРОВАНИЕ КАК НАЧАЛЬНАЯ СТАДИЯ КРУГООБОРОТА РЕСУРСОВ, ДОХОДОВ И УСЛУГ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Ключевые слова: высшее образование, финансирование, государственный бюджет, частные инвестиции, благотворительный фонд, доход, грант, стоимость обучения.

Рассмотрены проблемы финансирования высшего образования, получения дополнительных денежных средств от собственной деятельности вузов, а также проанализированы структура доходов и стоимости обучения.

S.V. BORZOV

FINANCING AS AN INITIAL STAGE OF THE CIRCULATION OF RESOURCES, INCOMES AND SERVICES IN POST GRADUATE SCHOOL SYSTEMS

Key words: higher education, financing, state budget, private investments, charity fund, income, grant, cost of education.

The article deals with problems of getting additional money supply as a result of in-house activity of educational institutions, the structure of income and cost of education are also under analysis in this article.

Общемировая тенденция финансирования высшего образования, наметившаяся на рубеже XX-XXI столетий, заключается в сокращении государственных затрат и увеличении частных за счет средств студентов и их семей посредством роста оплаты обучения. В начале XXI в. эта тенденция прослеживалась и в США.

Объем ассигнований в значительной степени определяет уровень материально-технической базы вузов, доходы преподавателей, размер финансовой помощи студентам и качество учебных программ. Финансирование высшей школы США одно из самых высоких в мире (2,7% ВВП в 2005 г.) [3. С. 94]. При этом доходы высших учебных заведений складываются как из государственных и частных источников, так и из собственных средств студентов.

В первом десятилетии XXI в. американская высшая школа на 2/3 финансируется государственным бюджетом. Одновременно сохраняется тенденция снижения доли государственных затрат, обусловленная приоритетностью рыночного регулирования этой сферы. Это отражается на динамике доходов вузов, полученных из государственных источников. В то время как средства, выделяемые федеральным бюджетом, остались практически неизменными, затраты штатов на высшее образование при незначительном росте муниципальных средств заметно снизились. Тем не менее государственный бюджет по-прежнему остается самым крупным источником доходов американских вузов [4. Tab. 338, 339, 342, 344, 5 Tab. 208].

Доля частных затрат увеличилась, а в их структуре выросла доля доходов, получаемых в виде даров, грантов и контрактов, а также доля доходов, получаемых от оплаты обучения. Оплата обучения, являясь крупным источником дохода, составляла около четверти общего дохода американских вузов.

Что касается собственных доходов, которые формируются за счет продажи товаров и услуг и собственных вложений, то их доля также выросла в последние десять лет и составляла более 1/3 общего дохода. Этот рост был обеспечен поступлениями от инвестиционных вложений.

Структура доходов американских вузов зависит от их статуса и типа: исследовательские университеты, магистерские вузы, старшие колледжи и так далее. Возьмем в качестве примера «среднего американского университета» бюджет Иллинойского университета (это университет штата, т.е. «государственный»). Его объем размером в 1,3 млрд долл. складывается из следующих источников:

- 20-25% бюджета университета – это средства бюджета штата (статьи расходов на образование);

– 20-25% – плата студентов за образование (tuition – обучение; плата за обучение);

– 20-25% – исследовательские гранты из федерального бюджета, которые выигрывают университетские профессора по результатам открытых конкурсов научных проектов федеральных ведомств, а также подобные конкурсные гранты ведомств штата Иллинойс на исследования;

– 10-15% – конкурсные гранты и контракты с корпорациями;

– 10-15% – частные пожертвования, доходы от благотворительного фонда университета (эндаумент-фонд) и собственного побочного бизнеса [6].

Такая структура бюджета характерна для любого американского исследовательского университета независимо от того, является ли он государственным или частным.

Государственными приоритетами финансирования являются следующие: научные исследования; институциональная помощь вузам (развитие материально-технической базы); финансовая поддержка студентов (средства поступают в учебные заведения опосредованно в виде платы за обучение).

Исследования финансируются в основном из федерального бюджета, институциональная поддержка поступает из бюджетов штатов, а финансовая помощь студентам – из бюджетов всех уровней. Основная часть федеральных ассигнований, выделяемых на научные исследования, направляется в исследовательские университеты, являющиеся ядром системы высшего образования.

Практикуются следующие способы выдачи государственных средств на научные исследования. Во-первых, получение свободных грантов, которые могут быть использованы вузом на любые исследования по их выбору. Во-вторых, предоставление целевых грантов на конкурсной основе под конкретные исследования. Одним из огромных преимуществ конкурсной системы является то, что контроль над выделением финансов реально распределен между экспертами – рецензентами (в том числе зарубежными), между руководителями экспертных комиссий и между самими исполнителями, которые учитываются о расходовании финансовых ресурсов. Фактически само научное сообщество контролирует, как расходуются средства научного бюджета страны. В-третьих, заключение совместного договора между вузом, государством и корпорацией. Такая форма широко распространена при проведении исследований по заказам отдельных министерств и агентств. И, наконец, четвертым способом получения средств является заключение государственных контрактов. В отличие от предыдущего способа порядок заключения контрактов и контроль над их исполнением строго регламентированы. Перечисленные способы финансирования используются вузами при сотрудничестве с частным бизнесом.

Институциональная помощь предоставляется практически всем вузам, тем не менее её большая часть направляется в ведущие учебные заведения. Возможность ее получения оговаривается определенными условиями, которым отвечают, прежде всего, исследовательские университеты.

Финансовая помощь студентам является наиболее актуальным направлением государственного финансирования высшего образования США. Она предназначена в основном студентам государственных вузов. На ее получение могут рассчитывать и частные вузы. Все студенты аккредитованных вузов, факультетов и программ автоматически становятся участниками Программы федеральной финансовой помощи студентам. Часть этой помощи компенсирует учебным заведениям недостаток институциональной помощи и средств, направляемых на научные исследования.

Наиболее распространенными формами этой помощи являются гранты и займы. Используются также различные виды стипендий и налоговые льготы. На

уровне бакалавриата практикуется выдача грантов, а на уровне постбакалавриата – стипендии. Займы выдаются одинаково часто на обоих уровнях обучения. В последние десятилетия приоритетной тенденцией в государственной политике образования стала выдача кредитов на обучение. В условиях постоянного роста стоимости высшего образования при снижающейся доле государственных затрат на него это позволяет правительству экономить средства налогоплательщиков, не снижая возможности доступа к образовательным услугам.

Поскольку системы высшего образования находится под юрисдикцией властей штатов, наибольший объем ассигнований вузы получают из бюджетов штатов. Следующим по объему выделяемых средств является федеральный бюджет. Наименьший объем ассигнований поступает из местных бюджетов [5. Tab. 421, 422]. Отметим в этой связи, что «городские власти в Китае выделяют университетам крупные участки земли, софинансируют вместе с федеральным правительством капитальное строительство, создавая и культивируя тем самым точки драйва, оказывающие позитивное влияние на жизнь города в целом» [1. С. 4]. Таким образом, государственные ассигнования продолжают оставаться важнейшим источником дохода американских высших учебных заведений.

Основными источниками частных средств (пожертвований, грантов, контрактов) являются частные лица, благотворительные фонды и корпорации. Частные лица и фонды финансируют текущую и инвестиционную деятельность вузов, а также выделяют средства на выдачу стипендий. Корпорации финансируют вузы по тем же направлениям и заключают с ними контракты на научные исследования и развитие коммерческой деятельности. В этой области реальность такова. Доля частных компаний в финансировании научных исследований в 625 университетах США в среднем не превышает 6% (официальные данные Национального научного фонда США) [2].

В 2005/2006 учебном году доля пожертвований частных лиц составила 50,4%. При этом более половины всех затрат частных лиц приходилось на пожертвования бывших выпускников вузов [3. С. 106].

Отличительной чертой финансирования американского высшего образования является наличие благотворительных фондов. В настоящее время многие вузы имеют свои собственные фонды, средства которых направляются на поддержку профессорско-преподавательского состава и сотрудников кафедр университета, академических программ и непосредственно самих студентов.

Основной деятельности фондов является сбор пожертвований. Фонды получают доход в виде процентов, распределяя только его часть. Другая часть обязательно вкладывается обратно для поддержания соответствующего финансового положения. В 1990-х гг. обычный доход фондов составлял 15-20%. Однако многие вузы распределяли не более 3% дохода, но и эти суммы в абсолютном выражении были колоссальными [4. Tab. 349; 6. Tab. 208].

Значительная часть средств поступает в виде инвестиций от корпораций, которые включают финансирование совместной деятельности и корпоративных контрактов. Контракты вузов с корпорациями заключаются на выполнение, как правило, прикладных научных исследований для разработки и производства определенных товаров и услуг, технологий и так далее. Основная часть корпоративных средств концентрируется в ведущих университетах и колледжах страны. Разумеется, частные затраты на высшее образование включают в себя также расходы семей на оплату образовательных услуг.

Основную часть собственного дохода, более 2/3, составляют средства от продажи товаров и услуг. Оставшаяся часть представлена доходами от вложений, т.е. собственных инвестиций вузов.

Высшие учебные заведения занимаются деятельностью, приносящей дополнительный доход: продвижением своих разработок и технологий, участвуют в бизнесе, приобретая акции и доли других предприятий, получают доходы от предоставления прав на интеллектуальную собственность, т.е. получают плату за лицензии, патенты и так далее. Доля поступлений на исследовательские проекты университетов в США от их собственной патентной и лицензионной деятельности составляет в среднем 3% от исследовательских бюджетов [2]. Вузы предоставляют услуги по проживанию, питанию, медицинскому обслуживанию, пользованию библиотеками.

Учебные заведения получают также доход от прочей образовательной деятельности. Наиболее конкурентоспособные академические программы, включенные в учебные планы бизнес-школ, могут приносить существенные доходы. Образовательные услуги, связанные с деятельностью спортивных центров, также могут приносить некоторый доход.

Американские вузы делают также собственные финансовые вложения. Особенно высокие доходы от собственных инвестиций получают частные некоммерческие вузы. Государственные вузы также имеют собственные вложения, но доходы от них минимальны.

Оплата за обучение является важнейшим источником доходов американских высших учебных заведений, поскольку основной их бизнес – это высшее образование. Все университеты, в том числе и государственные, относятся к этому бизнесу очень ответственно, потому что они зависят от того, сколько им платят студенты за образовательные услуги. Последние свободны в выборе того или иного вуза. В то же время талантливые студенты более эффективно развивают науку, от уровня которой зависит привлечение средств на исследования в виде грантов, которые в сумме составляют примерно половину университетского бюджета [6].

Затраты семей на высшее образование в США намного больше, чем во многих других развитых странах. Высокая стоимость образования обусловлена рядом факторов. К ним относятся, во-первых, значительная доля частного сектора в системе высшего образования и его высокий престиж. Последний находится в большой зависимости от стоимости обучения. Во-вторых, высокие доходы американских семей в сочетании с развитой системой федеральной финансовой помощи студентам из малообеспеченных слоев населения поддерживают высокий платежеспособный спрос на образовательные услуги. В-третьих, в стоимость образования включаются разного рода необразовательные расходы: за занятия спортом, использование оборудования, библиотек и помещений для отдыха, транспортные расходы, регистрационные сборы и тому подобное.

Стоимость обучения в государственных вузах гораздо ниже, чем в частных. Она может зависеть не только от статуса и типа вуза, но и от места жительства. Так, например, в государственных вузах она связана с местом жительства. Дети налогоплательщиков и постоянных жителей штата, в котором находится вуз, платят за обучение вдвое меньше, чем приезжие, в том числе и иностранцы. При этом образовательная политика и стоимость обучения различаются по штатам. Согласно исследованиям, самое дорогое высшее образование в штате Мэриленд, а самое дешевое – в вузах юга и юго-запада США [3. С. 110].

Полная стоимость обучения в американском вузе включает три основных элемента: непосредственную плату за обучение, включающую дополнительные образовательные услуги; стоимость проживания; стоимость питания.

В 2006/2007 учебном году полная стоимость обучения на уровне бакалавриата по полным программам составляла в среднем 15 тыс. долл. в год. В структуре полной стоимости плата за обучение занимала более половины. В последние десятилетия ее доля постоянно возрастала за счет уменьшения

стоимости питания и проживания. Эта тенденция распространялась на все типы вузов как государственные, так и частные [3. С. 111].

Структура стоимости обучения различается по статусу, уровню и типу вуза. Так, в государственных вузах доля всех трех элементов стоимости обучения практически одинакова. В частных вузах плата за обучение составляет около 3/4 полной стоимости, а стоимость питания и проживания делят в равных пропорциях остаток.

Стоимость обучения различается по ступеням высшей школы. На уровне постбакалавриата она дороже, чем на уровне бакалавриата. Стоимость образования дифференцируется также в зависимости от специализации учебных программ. Стоимость наиболее востребованных научно-технических и профессиональных программ гораздо выше и при этом неуклонно растет.

Хотя источники доходов американских вузов достаточно диверсифицированы, при ухудшении макроэкономической ситуации и обострении проблемы бюджетного дефицита в середине 2011 г. ситуация с финансированием значительно осложняется. И это характерная черта для многих стран в современный период времени, включая и Россию.

Литература

1. Кузьминов Я., Юдкевич М. Уроки Младшего брата // Ведомости. 2009. 9 дек.
2. На гранты надейся, с бюджетом дружи [Электронный ресурс] // Российская газета. 2004. № 3654, 15 дек. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2004/12/15/a48417.html>.
3. Супян В.Б., Кочетков Г.В., Каверина Э.Ю. Исследовательские университеты США: механизм интеграции науки и образования. М.: Магистр, 2009. 399 с.
4. Digest of Education Statistics, Wash., NCES of US Dep. of Educ., 2007.
5. Statistical Abstract of the United States, Wash., Bureau, 2008.
6. <http://www.sibai.ru/content/view/372/485>.

БОРЗОВ СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – кандидат экономических наук, доцент кафедры политической экономики, Государственный университет управления, Россия, Москва (borzov.sv@gmail.com).

BORZOV SERGEY VASILYEVICH – candidate of economics sciences, associate professor of Political Economy Chair, State University of Management, Russia, Moscow.

УДК 338.24

Н.В. ВОСКРЕСЕНСКАЯ, М.В. ЛЬВОВА

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД В БУХГАЛТЕРСКОМ УЧЕТЕ*

Ключевые слова: бухгалтерский учет, институционализм, институциональная среда, нормативное регулирование бухгалтерского учета.

Предложено использование институционального подхода как одного из центральных направлений в экономической науке применительно к бухгалтерскому учету, рассматриваемому в тесной взаимосвязи с правовой, хозяйственной, налоговой, культурной и социальной средой.

N.V. VOSKRESENSKAYA, M.V. LVOVA THE INSTITUTIONAL APPROACH IN ACCOUNTING

Key words: accounting, institutionalism, institutional environment, standard regulation of accounting.

In article use of the institutional approach as one of the central directions in an economic science with reference to the accounting considered in close interrelation with the legal, economic, tax, cultural and social environment is described.

Управление государством как экономической системой включает в себя множество функций, среди которых одной из наиболее важных является учет, обес-

* Исследование выполнено по госконтракту № 16.740.11.0279 ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг.

печивающий систему необходимой информацией. Перспектива развития бухгалтерского учета заключается в приближении к принципам, закрепленным в Международных стандартах финансовой отчетности. Процессы реформирования учета в России в этой связи уже привели к некоторой трансформации системы бухгалтерского учета. Однако в настоящее время процесс реформирования бухгалтерского учета и отчетности в Российской Федерации на среднесрочную перспективу была рассчитана на период 2004-2010 гг., в течение которого продолжалась работа над проектами законов и новыми редакциями ПБУ. Однако данный период закончился, многие из положений Концепции еще не выполнены, а новых направлений развития Министерство финансов РФ в своем докладе о результатах и основных направлениях деятельности на 2011-2013 гг. не предложило.

Достигнутые результаты в области концептуальных исследований бухгалтерского учета, связанные с изучением зарубежного опыта, часто сочетаются с довольно непоследовательным применением принятых мировым бухгалтерским сообществом учетных принципов в российском бухгалтерском учете. По существу, анализ теоретических и методологических проблем бухгалтерского учета и направлений развития в период формирования и реализации российской концепции бухгалтерского учета в условиях становления рыночной экономики недостаточен.

Рядом ученых, в частности В.В. Панковым, В.И. Петровой, С.А. Поленовой, Л.А. Чайковской и др., предлагается для дальнейшего исследования теории и методологии бухгалтерского учета использовать институциональный подход, широко применяемый в экономических науках.

Возможность данного подхода мы связываем с тем, что учет не может рассматриваться как обособленная система, поскольку тесно связан с окружающей его средой – правовой, налоговой, хозяйственной, социальной, культурной. Кроме того, теория учета как дисциплина, представленная в образовательных программах, в настоящее время в противовес объективным изменениям окружающих институциональных условий не рассматривается в комплексе наук об управлении и во взаимосвязи с такими дисциплинами, как право, социология и т.д.

Институционализм – это учение, которое рассматривает значение различных институтов, а также их взаимодействие в области принятия определенных решений [3]. Он позволяет объяснить динамику учетного процесса, эволюцию его становления и развития, особенности трансформации.

Большая советская энциклопедия дает следующее определение института (от лат. *institutum* – установление, учреждение) – совокупность норм права, охватывающих определенный круг общественных установлений.

По мнению В.В. Панкова, под *институтами учета* следует понимать правила, нормы, формирующие как нормативную, так и реальную модель учета, обеспечивающую воздействие на учетных работников и через них на систему управления в целом [2].

Одним из основоположников новой институциональной теории Д. Норт в работе «Институты, институциональные изменения и функционирование экономики» все институты подразделяются на формальные, определенно и четко структурированные в соответствующих нормативно-правовых актах, и неформальные, которые выражают себя через собственные и принятые в данном обществе обычаи, традиции, модели поведения [1]. Формальные правила в бухгалтерском учете подразумевают его нормативное регулирование – законы и другие нормативные документы. Они обеспечивают хозяйствующему субъекту выбор форм и методов ведения бухгалтерского учета и вместе с тем определяют ответственность за последствия неприменения тех или иных правовых норм. Не-

формальные правила включают менталитет, отношение к бухгалтерскому учету, сложившиеся в данном обществе.

Взаимодействие между формальными и неформальными институтами является одним из важнейших и одновременно наиболее сложных факторов для анализа институциональной динамики бухгалтерского учета.

В основе институционального анализа лежит базовое положение о том, что учет неразрывно связан с окружающей его институциональной средой. О. Уильямсон трактует институциональную среду как правила игры, определяющие контекст, в котором осуществляется экономическая деятельность [4].

При всем многообразии институциональных условий в каждой конкретной стране институциональная среда доминирует как определенная модель, отражающая уровень развития экономики, социальные, культурные и исторические особенности. Она включает в себя внешнюю (макроуровень) и внутреннюю (микроуровень) составляющие. Макроуровень включает факторы, носящие глобальный характер, он универсален для каждого хозяйствующего субъекта, задает общие правила подготовки и формирования учетной информации и в связи с этим не поддается контролю со стороны организаций. К факторам макроуровня относятся нормативно-правовая база, политическая среда, обычаи и практика делового оборота, социальная и культурная среда, демографическая ситуация, система образования и подготовки специалистов, развитие научно-технической сферы, процессы информатизации, глобализации и интеграции и др. Факторы микроуровня включают в себя стратегические цели организации, ее организационную структуру, учетную политику, систему мотивации, деятельность сотрудников как результат социальных процессов внутри предприятия, уровень информатизации.

Регулирование любого вида деятельности предполагает формирование определенных институциональных структур, упорядочивающих и ограничивающих возникающие отношения; для этого могут использоваться различные по своей природе, но действующие в одном направлении и дополняющие друг друга механизмы регулирования.

Применительно к институту бухгалтерского учета представляется возможным выделить следующие институциональные способы регулирования:

- политические – как правило, носят неявный характер;
- правовые – представляют собой классический способ регулирования, основанный на совокупности формально закрепленных норм, положений и стандартов. Основной характерной чертой данного способа является императивный характер принятых норм;
- экономические – выстраиваются между равноправными контрагентами. В качестве наиболее распространенных инструментов регулирования здесь выступают возможные экономические санкции за несоблюдение законодательства или условий договоров;
- этические (социальные) – наименее эффективный, но получающий все большее распространение в современном обществе способ регулирования в условиях, когда на первое место выходит концепция социальной ответственности и прозрачности бизнеса.

Таким образом, в рамках рассматриваемой теории институт учета рассматривается не сам по себе, а в совокупности, включающей в себя право, социологию, экономику, культуру и другие смежные дисциплины. Институциональный подход позволяет не только рассмотреть пути возможного решения имеющихся в учетной теории проблем, но и поставить принципиально новые вопросы, в частности, о взаимном влиянии учета и других институтов, воздействии культурных феноменов, эволюционности и преемственности учетных концепций. В связи с

этим необходимо его дальнейшее изучение с целью определения институциональных особенностей бухгалтерского учета и прогрессивных концепций развития.

Литература

1. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.
2. Панков В.В. Институциональный подход и теория учета // Бухгалтерский учет. 2008. № 1.
3. Петрова В.И., Чайковская Л.А. Институционализм и реформирование бухгалтерского учета в России // Аудиторские ведомости. 2005. № 7.
4. Уильямсон О.И. Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация / науч. ред. и вступ. статья В.С. Катыкало. СПб.: Лениздат; CEV Press, 1996.

ВОСКРЕСЕНСКАЯ НАТАЛИЯ ВАЛЕРЬЕВНА – кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (nata_voskr@mail.ru).

VOSKRESENSKAYA NATALIA VALERYEVNA – candidate of economics sciences, assistant professor of Accounting Record, Analysis and Audit Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

ЛЬВОВА МАРИНА ВЯЧЕСЛАВОВНА – кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (lvova-marina@mail.ru).

LVOVA MARINA VYACHESLAVOVNA – candidate of economics sciences, assistant professor of Accounting Record, Analysis and Audit Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 336.148

Н.М. ГУСЕВА

СОВРЕМЕННЫЕ МИРОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ

Ключевые слова: государственный финансовый контроль, государственный долг, государственные средства, проблемы, система, стандарты, стратегия, тенденции, управление, цели, эффективность.

Проанализированы мировые тенденции развития государственного финансового контроля. В качестве конкретных примеров рассмотрены проблемы, находящиеся в поле зрения специалистов по государственному финансовому контролю развитых стран – крупнейших экономик мира, таких как США и Япония, а также проблемы стран, переживающих в настоящее время кризис системы государственных финансов, таких как Греция. Сформулированы выводы, выражающие основные тенденции развития государственного финансового контроля в передовых экономиках мира. Данные тенденции будут определять дальнейшее развитие систем государственного финансового контроля не только передовых стран, но и мировой практики этой сферы деятельности.

N.M. GUSEVA

MODERN WORLDWIDE TRENDS IN GOVERNMENTAL FINANCIAL CONTROL

Key words: government financial control, government debt, government funds, problems, system, standards, strategy, trends, administration, goals, effectiveness.

The worldwide trends in governmental financial control are analyzed. The problems considered of being important by government financial controllers and specialists of the most developed countries (e.g. the USA and Japan) are analyzed as examples. Also the problems of the states with government debt crises and their influence on shaping government financial control systems are analyzed. As a result the trends of government financial control development in the biggest economies of the world are formulated. These are the trends to determine scientific view on government financial control systems development not only in the biggest economies, but worldwide.

В настоящее время в рамках научного рассмотрения проблемы государственного финансового контроля наибольшую актуальность приобретают вопросы обеспечения интеграции контрольных процедур в процесс управления государ-

ственными финансами, повышения внимания к регламентации и контролю не только результатов деятельности, но и организационных процессов, формулирования сущности и критериев эффективности работы организации, а также проведения международных сопоставлений по процессу и организации государственного финансового контроля и сравнений достигнутых результатов для выявления сильных и слабых сторон соответствующих предметных областей.

Повышение значимости интегрированности государственного финансового контроля в систему государственного управления в целом и возрастание значимости контроля как функции управления обозначено в Ст. 1 «Лимской декларации»: «Организация контроля является обязательным элементом управления общественными финансовыми средствами, так как такое управление влечет за собой ответственность перед обществом. Контроль – не самоцель, а неотъемлемая часть системы регулирования...» [2].

Поэтому с точки зрения повышения роли финансового контроля в управлении государственными финансами следует вначале рассмотреть основные мировые тенденции в государственном управлении. Основной тенденцией является значительное повышение внимания правительств и парламентов западных стран не только к обеспечению целевого характера утвержденных бюджетных расходов, но и, прежде всего, к обоснованности этих расходов с точки зрения их эффективности. Генеральной тенденцией является необходимость интеграции контрольных процедур в процесс управления государственными финансами. Это подтверждается как рассуждениями теоретиков управления и контроля, так и современной практикой, схожей во многих странах Запада.

Один из западных теоретиков стратегического управления Р. Кох указывает на необходимость обеспечения единства процесса постановки целей и работы по их достижению. Для обеспечения мотивированности обязательно участие в постановке целей исполнителей мероприятий, запланированных для их достижения [1]. С точки зрения контроля этот принцип означает, что одним из важнейших видов контроля является контроль результативности в разрезе достижения ранее поставленных целей. Субъект контроля вправе выходить за рамки контроля указанного типа и предлагать собственные критерии результативности объекта контроля. Однако важно помнить, что в таком случае субъект контроля лишь выражает собственное мнение, которое может быть использовано в дальнейшем для повышения эффективности функционирования объекта контроля. При этом субъект контроля не должен подменять собой ответственных за планирование и текущую деятельность объекта контроля. Выводы по результатам контрольной деятельности, выходящие за рамки сравнения запланированных и фактически достигнутых объектом контроля результатов должны носить рекомендательный характер, направленный, прежде всего, на совершенствование других, отличных от контроля функций управления. В этом заключается возрастание экспертной роли государственного финансового контроля, осуществляемой с целью повышения эффективности расходования государственных средств.

При рассмотрении практики применения механизмов стратегического управления и контроля в органах государственной власти развитых стран Запада прослеживается ряд тенденций в государственном управлении, заключающихся в переключении фокуса с четкого выполнения текущих операций и управления финансами на управление результатами деятельности в долго- и среднесрочном периоде, усложнении методов управления госрасходами.

Следует более подробно остановиться на последствиях данных объективных тенденций для финансового контроля.

Переключение фокуса на управление результатами означает повышение значимости соответствующего контроля эффективности расходования государ-

ственных средств. При этом следует указать на наличие определенных проблем в мировой практике финансового контроля эффективности расходования средств. Важнейшей из них является разрыв в практике государственного планирования и контроля, заключающийся в нечетком формулировании результатов на стадии планирования, что в любом случае снижает качество собственно контроля. В данном случае речь идет о том, что, несмотря на наличие трех четких измерений эффективности использования средств, общепринятых в настоящее время в мировой практике, а именно: экономности, продуктивности и результативности расходов, государственные программы часто не формулируются в соответствии с данными измерениями. Рассматриваемые измерения предполагают выделение непосредственных и конечных результатов государственных программ, что делается на уровне планирования далеко не всегда.

Так, например, в Законе США 1993 г. «Об измерении результатов работы правительства» имеется требование ко всем органам федеральной исполнительной власти предоставлять стратегические планы развития, включающие, среди прочего, «установление показателей результативности, используемые для оценки или измерения соответствующих конечных результатов, параметров предоставляемых услуг и непосредственных результатов каждого программного мероприятия» [6].

Однако на практике данное требование выполняется далеко не всегда. Пример тому – стратегический план Агентства по социальному обеспечению США за 2008-2013 гг. (US SSA) и соответствующие ему годовые отчеты, например за 2010 г. [10]. Не рассматривая отдельно собственно обоснованность и важность тех или иных целевых установок деятельности Агентства, следует сказать, что в 2010 г. Агентство работало над достижением четырех стратегических целей. При этом в плановых и отчетных документах данные цели раскрываются посредством более чем 25 показателей. Все показатели – одного уровня, речь идет только о конечных результатах. Непосредственные результаты не рассматриваются, также невозможно выявить, сколько ресурсов ушло на достижение каждого из результатов. Данные обстоятельства снижают результативность контрольных процедур, затрудняют проведение аудита эффективности. Контроль в таком случае возможен в основном в качестве выражения мнения контроллера со всеми вытекающими последствиями, рассмотренными выше. По-видимому, в перспективе тщательность и степень регламентированности государственного планирования будут возрастать, а значит, повысится и качество государственного финансового контроля. Неразрывность такой связи обоснована приведенными выше рассуждениями.

Важной проблемой является определенное противоречие обеспечения достижения запланированных результатов и сбалансированности расходной и доходной частей бюджета. Положительной стороной бюджетной сбалансированности (бездефицитности или определенной установленной величины дефицита) является недопущение в средне- и долгосрочной перспективе избыточной долгой нагрузки на государственный бюджет. Отрицательной стороной является недофинансирование государственных программ, что может снизить их эффективность в средне- и долгосрочной перспективе из-за свертывания расходов по статьям, требующим продолжения финансирования для достижения результата. Подобные проблемы все больше нарастают в настоящее время в некоторых развитых странах Запада. Например, согласно прогнозу Генерального аудиторского офиса (GAO) (GAO) США, проблема покрытия государственного долга может выйти на первый план уже к 2020 г. В случае неизменности текущих тенденций государственный долг США составит в 2020 г. 109% ВВП, что представляет собой исторически максимальную величину, превысив максимальную на сегодня, которая была зафиксирована после окончания Второй мировой войны. Доля расходов на выплаты процентов по государственному долгу возрастет с 5% в

2010 г. до более чем 10% к 2020 г. К концу 2010 г. государственный долг США составлял 97,3% ВВП [9]. Аналогичная проблема присутствует во многих странах Евросоюза еще в больших масштабах. Наиболее «проблемной» в этом отношении является Греция. Уровень государственного долга Греции составлял на середину 2011 г. около 115% ВВП страны. Наибольший относительный размер государственного долга имеет Япония, на середину 2011 г. он составлял около 200% ВВП. Однако ситуация с государственным долгом в указанных странах на момент рассмотрения неодинакова. Так, цена государственных облигаций Греции сроком на один год составляла на май 2011 г. 59% и давала текущий доход до погашения 14,5% годовых. Цена же японских государственных облигаций составляла 100,04%, текущий доход до погашения всего 0,16% годовых. Учетная ставка Европейского Центрального банка составляет 1,25%, Банка Японии 0,065%. Кредитный рейтинг Греции составляет BBB, Японии – гораздо более высокий – AA (данные информагентства Bloomberg). Сопоставительные данные свидетельствуют о кризисном положении в Греции, недоверии инвесторов к покупке государственных обязательств этой страны, на что указывает значительная доходность, не свойственная государственным облигациям. В Японии же, имеющей почти в 2 раза большую долговую нагрузку к ВВП, судя по ценам и доходности государственных облигаций, кризиса государственного долга пока не наблюдается, однако он может начаться в перспективе.

Приведенные рассуждения имеют прямое отношение к проблематике государственного финансового контроля, так как означают необходимость совершенствования системы показателей, аналитики и прогнозирования проблем управления государственными финансами. Необходимый контроль бюджетной сбалансированности невозможно осуществлять по одному показателю (например, к ВВП). Так, в бюджете Японии за 2010 г. финансовый год около четверти всех расходов приходилось на покрытие государственного долга. Доходная часть бюджета Японии за 2011 г. более чем наполовину сформирована за счет заимствований. Однако, как уже говорилось выше, доходность по государственным облигациям Японии пока не дает поводов для рассмотрения ситуации в государственных финансах страны как кризисную. Это свидетельствует о том, что для каждой страны в каждой конкретной ситуации «критическая» величина государственного долга, а также параметров федерального бюджета, приводящих к масштабным кризисным явлениям, различна и во многом определяется развитием различных отраслей экономики, например «реального сектора». Развитие «реального сектора» в ряде случаев требует вливания государственных средств, что и порождает рассматриваемую проблему оптимального уровня дефицита бюджета. Соответственно, среди задач финансового контроля следует выделять не только контроль превышения параметрами бюджетной сбалансированности определенной установленной отметки, но и выражение экспертного мнения по поводу величины рассматриваемых параметров, исходя из анализа и прогноза социально-экономической ситуации и выделения ее основных проблем органами государственного финансового контроля. Очевидно, что органы государственного финансового контроля должны в этих условиях участвовать в выработке правил бюджетной сбалансированности (т.е. разработке системы показателей, наиболее адекватно отражающих вопросы бюджетной сбалансированности и определении их оптимальных значений). Данное требование вытекает из обязанности органов государственного финансового контроля выражать мнение по поводу эффективности использования государственных средств. Учитывая средне- и долгосрочный характер многих государственных программ, государственные средства, потраченные на целевые нужды эффективно с точки зрения первого года реализации программы, могут в итоге быть потрачены неэффективно с точки зрения достижения

программных целей в целом в случае закрытия программы из-за недостатка бюджетных средств. Таким образом, следует ожидать усиления роли органов государственного финансового контроля в определении методологии и осуществлении непосредственного контроля сбалансированности государственного бюджета.

В связи с фактическим и прогнозируемым увеличением государственных расходов возрастает важность экспертной функции финансового контроля. Так, исходя из Стратегического плана ГАО на 2010-2015 гг. планирование деятельности ГАО по финансовому контролю, в том числе выбор объектов контроля, осуществляется исходя из выявленных проблем и причин их возникновения [12]. Это отражает тенденцию повышения значимости государственного финансового контроля как функции управления общественными финансами, увеличения самостоятельности органов контроля в планировании собственной деятельности. Следует отметить, что, например, в США пока не предложен упорядоченный и научно обоснованный набор механизмов, направленных на устранения долгосрочных угроз для финансовой системы, что следует, например, из рассматриваемых материалов ГАО. Однако уже сам факт внимания контрольных органов к столь отдаленной перспективе (существуют прогнозы до 2080 г.) доказывает необходимость участия контрольных органов в выработке решений по данным проблемам как в качестве «поставщика» информации о текущем состоянии проблемных областей, так и в качестве эксперта по прогнозу долгосрочных тенденций и выработке вариантов решения проблем. В последнем случае, ключевая роль будет оставаться за политическими институтами, однако можно ожидать возрастания роли контроля соблюдения определенных контрольных нормативов бюджетной сбалансированности с определенным усложнением системы таких нормативов и критериев эффективного использования государственных средств.

Проблема эффективности расходования государственных средств будет обостряться даже в развитых странах, имеющих достаточно высокий уровень качества управления государственными финансами и высокий уровень жизни, таких, например, как Япония и США. Как уже говорилось выше, одним из признаков нарастающей проблемы эффективности расходования государственных средств является значительный темп роста государственного долга некоторых стран с наивысшим уровнем индустриального развития. Так, государственный долг Японии вырос с 60% до более чем 200% ВВП страны (при постоянном умеренном росте ВВП) всего за 20 лет. Согласно «Всемирному докладу конкурентоспособности», Япония сможет вернуться к уровню государственного долга в 60% только в 2084 г. [7].

Проблема государственного долга Японии обусловлена экономическим спадом в стране в начале 1990-х гг. Одной из основных причин был резкий спад строительной отрасли. Из-за высочайшего уровня развития экономики Японии необходимость в новых зданиях и сооружениях попросту отпала. Затем последовали обвал фондового рынка и существенное повышение уровня безработицы. В качестве решения проблем правительством Японии был выбран вариант финансирования значительного количества общественных работ. Однако, как свидетельствуют многие эксперты, в том числе действующий Президент США Б. Обама, государственные средства были потрачены неэффективно и привели к возрастанию государственного долга и временному снижению безработицы, но не к росту ВВП. Действующий глава Федерального казначейства США Т. Гейтнер отмечает, что опыт государственных расходов на выход из экономического кризиса выводит на первый план проблему эффективности расходования средств, т.е. важно не повторять ошибку правительства Японии, когда деньги вкладывались фактически без учета конечных результатов. В итоге, в частности, было построено множество бесполезных, особенно с учетом уровня развития и отно-

сительно малых размеров территории страны, инфраструктурных объектов (например, мосты или дороги) [5].

Данный пример иллюстрирует объективную тенденцию к повышению внимания государственного финансового контроля к вопросам эффективности расходования средств. Далее следует обсудить последствия данной тенденции для процесса осуществления государственного финансового контроля. Одним из основных последствий является переключение внимания органов государственного контроля с осуществления рутинных процедур, подобных аудиту финансовой отчетности, проверки целевого характера осуществленных расходов, на анализ непосредственных и конечных результатов государственных программ и выявление ключевых тенденций и проблем социально экономического развития. США уже организуют государственный финансовый контроль таким образом, что Генеральный аудиторский офис (ГАО) в качестве высшего органа государственного финансового контроля разрабатывает стандарты государственного финансового контроля, а аудит финансовой отчетности органов исполнительной власти США во многих случаях осуществляется силами внешних негосударственных аудиторских компаний [3].

Обязательный аудит финансовой отчетности органов исполнительной власти США законодательно установлен федеральным законом США 1990 г. «О высших финансовых управляющих» [8]. Обязанность проведения указанного вида аудиторской проверки вменена службе генерального инспектора конкретного ведомства. Генеральный инспектор вправе передать осуществление данной функции коммерческой аудиторской фирме в рамках государственного контракта. В некоторых случаях в рамках одного федерального органа исполнительной власти проведение обязательного ежегодного аудита финансовой отчетности осуществляется один год силами сторонней коммерческой организации, а на следующий год собственными силами соответствующей службы генерального инспектора. Так, например, было сделано в уже упоминавшемся нами Агентстве по социальному обеспечению США (US SSA) в 2008-2009 гг. [11].

Следует отметить, что такого рода передача ответственности за проведение рутинных процедур сторонним негосударственным организациям в США обусловлен не политическими факторами приверженности принципу, провозглашаемому многими либеральными экономистами, о том, что государственные организации по своей сути менее эффективны, чем частные. Не обсуждая этот, выходящий за рамки тематики исследования вопрос, отметим, что, по нашему мнению, его следует рассматривать применительно к конкретной ситуации и общего объективного ответа на него дать не представляется возможным, в том числе по причинам, приведенным выше в рассуждениях о возрастании экспертной роли государственного финансового контроля. В случае с США имеются определенные объективные основания подобной частичной передачи рутинных контрольных функций частным аудиторским фирмам. Во-первых, основным из них, по видимому, является желание отделить творческую составляющую деятельности по финансовому контролю от рутинной, что объективно следует из описанных выше тенденций возрастания сложности объекта контроля и усиления роли контрольных органов в оценке прогнозов и закономерностей, а также в постановке проблем социально-экономического развития государства. Во-вторых, существует характерная, особенно для США (например, по сравнению с условиями Российской Федерации), чисто экономическая причина – более высокий уровень оплаты труда в государственном секторе по сравнению с частным. Так, по данным американского Интернет-сайта, для выпускников колледжей средняя зарплата бухгалтеров и аудиторов в США в 2007 г. (т.е. до начала экономического кризиса) составляла 63 180 долл. США в год. Федеральные органы власти названы наиболее привлекательным с точки зрения оплаты труда местом работы для рас-

смастриваемых специальностей. Средний уровень оплаты труда специалистов в данной отрасли составляет 81 570 долл. США. Расходы на персонал федеральных органов исполнительной власти США существенно превышают аналогичный показатель для частных компаний не только по показателю величины заработной платы, но и по размерам социальных выплат (т.е. медицинское страхование, пенсии, социальное страхование, и т.п.). По данным Бюро экономического анализа США, средний размер годовых выплат по этим статьям в федеральных органах исполнительной власти США составлял в 2008 г. 40 875 долл. США, тогда как в частном секторе – всего около 10 000 долл. США в год [4]. Для квалифицированной работы, которой является работа бухгалтера или аудитора, разрыв не будет столь значителен, однако все равно не в пользу частного сектора. Несмотря на то, что приведены данные за прошедший период, по-видимому, соотношение не изменилось и после кризиса с учетом существенно возросшего после кризиса уровня безработицы в США на середину 2011 г. в 9% и в 5,8% в 2008 г. Данный фактор указывает на низкую вероятность роста зарплат в частном секторе за рассматриваемый период. Численность же федеральных служащих выросла с 2 770 тыс. человек в 2008 г. до более чем 2 850 тыс. человек в 2011 г, что подтверждает верность рассуждений о сохранении более высоких доходов бухгалтеров и аудиторов, работающих в федеральных органах исполнительной власти, по сравнению с аналогичным показателем у работающих в частном секторе (данные Бюро статистики труда США (BLS)).

Приведенные рассуждения демонстрируют некорректность подхода переноса рассмотренной выше практики передачи части функций государственного финансового контроля частым компаниям на основе не подкрепленных количественными оценками эмоциональных суждений о том, что организации частного сектора эффективней государственных. Этот тезис следует учитывать в текущих экономических условиях Российской Федерации, где функционирование рыночных институтов нельзя считать эффективным, в частности в связи с не продолжительным временным периодом их деятельности. Значения объективных показателей могут существенно отличаться от западной практики, как, например, в случае с соотношением уровней оплаты труда в частном и государственном секторах, не в пользу последнего в РФ.

Важным отличием институциональной среды государственного финансового контроля США от условий Российской Федерации, которое позволяет передать исполнение части функций государственного финансового контроля в частные руки, является также наличие развитых, разработанных высшим органом финансового контроля США (ГАО) стандартов осуществления процедур государственного финансового контроля. Данное условие является обязательным для делегирования части контрольных функций частным компаниям, так как четко устанавливает рамки их деятельности, указанные стандарты являются обязательными для всех организаций, осуществляющих аудит государственных средств, независимо от форм собственности. В рамках стандартизации государственного финансового контроля в США разработаны следующие основополагающие стандарты:

1. Стандарты государственного аудита (так называемая «Желтая книга») (Government auditing standards – «Yellow book»). Данные стандарты регламентируют деятельность по государственному аудиту, осуществляемому как государственными контрольными органами, так и коммерческими аудиторскими фирмами и являются обязательными для применения на всей территории США, для всех контрольно-аудиторских мероприятий, связанных с аудитом использования государственных средств.

2. Принципы формирования и утверждения заявок на получение государственных средств (формирования так называемых «Законов о выделении

финансирования» – федеральных законов, составляющих федеральный бюджет США) – так называемой «Красной книги» (Principles of Federal Appropriations Law – «Red Book»). Данные стандарты представляют собой практическое руководство процессом подачи и одобрения заявок органов исполнительной власти на получение государственных средств.

3. Стандарты внутреннего контроля, осуществляемого в федеральных органах исполнительной власти США (так называемая «Зеленая книга») (Standards for Internal Control in the Federal Government – «Green book»). Помимо стандартов внутреннего контроля финансовых операций в связи со все возрастающей сложностью функционирования федеральных органов исполнительной власти как объекта контроля рассматриваются стандарты внутреннего контроля над информационными системами и технологиями (ИТ), а также стандарты управления персоналом как важные факторы, определяющие целевой характер и эффективность расходования государственных средств.

4. Руководство по проведению государственного финансового аудита (GAO/PCIE Financial Audit Manual (FAM)). Конкретизируют положения «Желтой книги» и описывают непосредственные действия аудиторов в процессе проведения государственного аудита.

5. Руководство по оценке соответствия необходимых затрат запланированным результатам (GAO Cost Estimating and Assessment Guide). Данное руководство предназначено, прежде всего, для оценки Конгрессом США государственных программ с точки зрения соответствия заявленных в них результатов запрашиваемым ведомствами исполнительной власти объемам финансирования. Цель выпуска руководства – применение единой последовательной методологии управления стоимостью государственных программ. Это означает, что пользователями руководства являются также ведомства исполнительной власти, заинтересованные в применении единой с Конгрессом США методологии управления величиной затрат на собственные ведомственные программы. Это позволит ведомствам более аргументированно, а значит, успешно добиваться утверждения Конгрессом своих бюджетных заявок.

Одной из важнейших тенденций развития государственного финансового контроля в развитых странах является оформление его комплексного характера, что выражается в сочетании в практике контроля различных научных подходов и видов финансового контроля, а также постоянный поиск оптимального соотношения их применения.

Еще раз обратим внимание на усиление роли предварительного контроля, производимого непосредственно перед совершением операции на объекте контроля. Внутренний контроль на практике часто осуществляется не в чистом виде, а имеет черты внешнего контроля, так как во многих случаях осуществляется должностными лицами, непосредственно не подчиняющимися руководству организации-объекта контроля, но постоянно работающими непосредственно на объекте контроля и имеющими доступ ко всей финансовой документации. Примером является деятельность генеральных инспекторов США.

Исходя из приведенных рассуждений, можно выделить следующие основные тенденции развития государственного финансового контроля в передовых странах мира, которые будут определять развитие этой сферы деятельности в перспективе:

1. Все более тесная интеграция финансового контроля в систему государственного управления. Повышение значимости контроля как функции управления. Расширение задач контроля с собственно контроля целевого и законного характера использования государственных средств до контроля непосредственных и конечных результатов государственных программ и обоснованности выделения на их достижение государственных средств.

2. Необходимость участия органов государственного финансового контроля в выработке бюджетной политики, включая вопросы сбалансированности бюджетной системы, управлении эффективностью государственных программ, в том числе средне- и долгосрочных.

3. Формулирование и выражение высшими контрольными органами собственного видения и мнения по вопросам социально-экономического развития своих государств, повышение экспертной роли контрольных органов.

4. Повышение значимости творческой составляющей деятельности по финансовому контролю, большее внимание высших контрольных органов к эффективности расходования государственных средств, выражение экспертного мнения. Часто производится передача исполнения рутинных функций государственного финансового контроля коммерческим аудиторским компаниям. Такая передача оправдана в случаях, когда это снижает общие издержки на осуществление контроля в связи с меньшим уровнем оплаты труда в таких компаниях по сравнению с таковым в федеральных органах власти и их большей гибкостью, в связи с разнообразием портфеля заказов, а также с экономией времени сотрудников высших контрольных органов для повышения эффективности исполнения ими работ более творческого характера.

5. Все процедуры государственного финансового контроля осуществляются в рамках стандартов государственного финансового контроля, разрабатываемых высшим контрольным органом. Стандартами стараются охватить как можно больше проблемных областей контроля, причем помимо общих стандартов для их разъяснения высшим контрольным органом разрабатываются практические руководства по их применению должностными лицами в процессе осуществления возложенных на них контрольных функций.

6. Одной из важнейших тенденций развития государственного финансового контроля в развитых странах является оформление его комплексного характера, что выражается в сочетании в практике контроля различных научных подходов и видов финансового контроля, а также постоянный поиск оптимального соотношения их применения. Отдельные виды контроля часто применяются не в «чистом виде», как они выделены в рамках научных подходов. Они могут содержать элементы других видов контроля с целью повышения эффективности практической реализации функций государственного финансового контроля.

7. Выделяется одновременная тенденция к децентрализации осуществления контрольной функции, выполнению ее непосредственно на объекте контроля с рассмотренным выше усилением консолидированности и стандартизации контрольной деятельности; повышается внимание к предварительному контролю и оценке эффективности использования государственных средств, в том числе в форме выражения мнения органов финансового контроля не только по факту осуществления расходов, но и на стадии планирования.

Литература

1. Кох Р. Стратегия. Как создавать и использовать эффективную стратегию. 2-е изд. СПб.: Питер, 2003.
2. Лимская декларация руководящих принципов контроля. Принята IX Конгрессом Международной организации высших органов финансового контроля (ИНТОСАИ) в г. Лиме (Республика Перу) в 1977 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ach.gov.ru/r u/international/limskay>.
3. Audit of VA's Consolidated Financial Statements for Fiscal Year 2010. URL: <http://www.va.gov/oig/52/reports/2011/VAOIG-10-01406-20.pdf>.
4. Cauchon D. Federal pay ahead of private industry. URL: http://www.usatoday.com/news/nation/2010-03-04-federal-pay_N.htm.
5. Fackler M. Japan's big-works stimulus is lesson. URL: http://www.nytimes.com/2009/02/06/world/asia/06japan.html?_r=3&pagewanted=1.
6. Government performance and resulting act of 1993 (US GPRA). URL: <http://www.whitehouse.gov/omb/mgmt-gpra/gplaw2m>.

7. IMD-World-Competitiveness-Yearbook-2010. URL: <http://www.imd.org/news/IMD-World-Competitiveness-Yearbook-2010-Rankings.cfm>.
8. US Chief financial officers act of 1990. URL: <http://govinfo.library.unt.edu/npr/library/misc/cfo.html>.
9. US GAO 2010-2015 Strategic plan. URL: <http://www.gao.gov/cgi-bin/getrpt?GAO-10-559SP>.
10. US SSA 2008-2013 Strategic plan. URL: <http://www.ssa.gov/asp/plan-2008-2013.html>.
11. US SSA 2009 Independent auditor's report. URL: <http://www.ssa.gov/finance/2009/Full%20FY%202009%20PAR.pdf>.
12. http://en.wikipedia.org/wiki/United_States_public_debt.

ГУСЕВА НАТАЛИЯ МИХАЙЛОВНА – кандидат экономических наук, начальник Управления бухгалтерского учета, финансирования и администрирования доходов федерального бюджета, Федеральная служба финансово-бюджетного надзора (Росфиннадзор), Россия, Москва (Natalia_mg@mail.ru).

GUSEVA NATALIA MIKHAILOVNA – candidate of economics sciences, Head of Department for accounting, finance and federal budget revenues administrating, Federal service of financial and budget oversight (Rosfinnadzor), Russia, Moscow.

УДК 330.341.1

И.П. ДАНИЛОВ, В.И. ДЕНИСОВ, В.Т. ТАРАСОВ

ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ОСНОВНЫХ ФОНДОВ РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ*

Ключевые слова: экономический потенциал основных производственных фондов, срок службы основных фондов, оптимальный режим воспроизводства основных фондов.

Дано понятие экономического потенциала основных производственных фондов региона и предложены методы его формирования исходя из различных критериев оптимизации с иллюстрацией расчетов в разрезе 79 регионов России за период 2004-2009 гг. Приведена методика расчета возрастных характеристик основных фондов на основе детерминированных моделей.

I.P. DANILOV, V.I. DENISOV, V.T. TARASOV

SHAPING THE ECONOMIC POTENTIAL OF FIXED ASSETS IN THE REGION OF INNOVATION

Key words: economic potential of fixed assets, life of assets, optimal mode of fixed assets reproduction.

The concept of economic potential of the fixed assets of the region is given and methods of its formation according to different criteria of optimization are proposed. Calculations in the context of 79 regions of Russia for the period 2004-2009 are illustrated. Methods of calculating the age characteristics of fixed assets based on deterministic models are presented.

В условиях инновационного развития на передний план выступает задача повышения технического уровня основных производственных фондов (ОПФ) как предпосылки существенного роста их *экономического потенциала*. Под экономическим потенциалом ОПФ принято понимать потенциальную способность производить с их помощью продукцию определенного объема, состава и качества. На уровне региона экономический потенциал ОПФ можно представить в виде агрегата всех производственных мощностей территории, определенных в расчете на календарный фонд времени. При этом в отличие от производственных мощностей предприятий, которые, как правило, измеряются в натуральном выражении, экономический потенциал ОПФ может быть измерен только в качестве общей характеристики в стоимостном выражении как результат взвешивания мощностей по продукции в неизменных ценах.

Экономический потенциал ОПФ региона целесообразно анализировать в сопоставлении с их другой характеристикой – *физическим объемом*, определяя данное отношение в качестве *технического уровня* фондов. При этом техни-

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проекты № 10-06-00091а, № 10-06-00081) и РГНФ (проект № 10-02-00202а).

ческий уровень ОПФ региона рассматривается как экономическая категория¹. Данный подход означает, что с точки зрения инновационной экономики представляет интерес лишь такое научно-техническое новшество, которое способствует опережающему росту мощности по сравнению с физическим объемом ОПФ. Наряду с этим к фактору инновационного развития также относятся структурные сдвиги, в результате которых повышается доля ОПФ с более высоким техническим уровнем, чем в среднем по региону.

Понятие экономического потенциала ОПФ не следует смешивать с характеристикой уровня его использования, которая отражает *факторную производительность* фондов. Естественно, что эти два понятия между собой тесно связаны, так как именно экономический потенциал ОПФ формирует материальную основу их факторной производительности. В итоге он определяет и уровень, и динамику факторной производительности ОПФ, измеряемые в основном с помощью показателя фондоотдачи.

Некоторая сложность проблемы состоит в том, что физический объем основных фондов, сформированный в течение определенного периода времени в виде запаса, представляет собой агрегат, элементы которого различаются по видам, составу и возрасту. В силу этого агрегатная характеристика основных фондов региона отличается внутренней неоднородностью и сложностью сопоставления их физических объемов, относящихся к различным моментам времени. Она может быть выражена только с помощью экономических (стоимостных) показателей.

Режим формирования экономического потенциала ОПФ может быть подчинен различным критериям экономического роста, среди многообразия которых можно выделить два основных: во-первых, критерий максимального прироста экономического потенциала ОПФ ($\max K^{\Delta}$) и, во-вторых, критерий их максимального технического уровня ($\max T$). Эти два критерия выступают в виде объективных ограничений, между которыми складывается реальный процесс экономического роста. Еще один критерий, представленный в виде максимизации разности $\max (K^{\Delta} - K)$, смысл которого проясним далее, занимает промежуточное положение. Диалектика последних двух критериев обстоятельно исследована в [1. С. 156] на основе оригинальной модели

$$T = \frac{K^{\Delta}}{K} = \frac{K_0 + \int_0^t V_t^{\Delta} dt - \int_0^t W_t^{\Delta}}{K_0 + \int_0^t V_t - \int_0^t W_t} = \frac{K_0 + V_0 \int_0^t e^{(u+\delta)t} dt - V_0 \int_0^t e^{(u+\delta)(t-\tau)} dt}{K_0 + V_0 \int_0^t e^{ut} dt - V_0 \int_0^t e^{u(t-\tau)} dt},$$

или

$$T = \frac{K_0/V_0 + \int_0^t e^{(u+\delta)t} dt (1 - e^{-(u+\delta)\tau})}{K_0/V_0 + \int_0^t e^{ut} dt (1 - e^{-u\tau})}, \quad (1)$$

где T – технический уровень ОПФ; K^{Δ} , V^{Δ} , W^{Δ} – ОПФ, их ввод и выбытие, выраженные в показателях мощности, а K , V , W – в показателях физического объема; u и δ – среднегодовые темпы прироста ввода и технического уровня ОПФ в условиях равномерного экспоненциального роста; τ – срок службы ОПФ.

Данная модель представляет собой функциональную зависимость технического уровня ОПФ и основных воспроизводственных характеристик, с помощью которых возможно управление режимом воспроизводства ОПФ в

¹ Впервые понятие экономического потенциала ОПФ как экономической категории на макроэкономическом уровне ввел в научный оборот А.И. Анчишкин [1. С. 150-164].

целях формирования их экономического потенциала исходя из вышеуказанных критериев экономического роста.

Анализ модели показывает, что технический уровень ОПФ повышается в случае увеличения параметров ν , δ , t и уменьшения τ , что хорошо интерпретируется экономически. Так, ускоренный ввод технически более совершенных средств труда повышает их средний технический уровень, а сохранение данной тенденции на длительную перспективу способствует его дальнейшему повышению. Вместе с тем ускоренная выбраковка физически и морально износившихся средств труда путем сокращения их срока службы также содействует росту среднего технического уровня ОПФ.

Между параметрами ν , δ , τ и t в модели существуют определенные взаимосвязи, анализ которых позволяет эффективно воздействовать на ход процесса воспроизводства ОПФ. Например, в целях повышения их среднего технического уровня в случае ускорения δ становится выгодным наращивать ввод ОПФ. Наоборот, в случае снижения δ или его отрицательной величины необходимо временно уменьшить темпы прироста вводов, возможно, даже стабилизировать их. Между тем роль параметра τ при этом не столь очевидна. Как показано в [1. С. 161], критерию $\max T$ для фиксированных ν , δ и t соответствует некая оптимальная величина τ , которую можно рассчитать численными методами из уравнения $\partial T / \partial \tau = 0$.

Достижение максимального технического уровня, как уже отмечалось, не единственный критерий инновационной политики. Сокращая сроки службы и темпы наращивания производственного аппарата, мы тем самым проигрываем в общем приросте экономического потенциала ОПФ и, следовательно, вступаем в противоречие с критерием достижения максимально возможного в прогнозируемом периоде объема производства. Однако непосредственная максимизация общего роста экономического потенциала ОПФ ($\max K^3$) на основе данной модели невозможна, поскольку функционал

$$K^3 = K_0 + V_0 \int_0^t e^{(\nu+\delta)t} dt - V_0 \int_0^t e^{(\nu+\delta)(t-\tau)} dt = K_0 + \frac{V_0(e^{(\nu+\delta)t} - 1)(1 - e^{-(\nu+\delta)\tau})}{\nu + \delta}$$

не имеет максимума по τ . При $\tau \rightarrow \infty$ данный функционал стремится к асимптотическому пределу:

$$\lim_{\tau \rightarrow \infty} K^3 = K_0 + \frac{V_0(e^{(\nu+\delta)t} - 1)}{\nu + \delta}.$$

На основании этого можно сделать вывод, что критерию $\max K^3$ соответствуют максимально возможные в технико-экономическом смысле сроки службы ОПФ.

Кроме того, модель (1) позволяет определить воспроизводственные характеристики по критерию $\max (K^3 - K)$, который также не лишен смысла. Данный критерий может быть назван критерием максимизации прироста экономического потенциала ОПФ за счет повышения их технического уровня. Действительно, представим динамику технического уровня ОПФ в условиях равномерного экспоненциального роста в виде

$$T_0 e^{\lambda t} = \frac{K_0^3 e^{k_3 t}}{K_0 e^{kt}} = T_0 e^{(k_3 - k)t},$$

где λ , k_3 , k – среднегодовые темпы прироста соответствующих показателей.

После логарифмирования последнего выражения, деления на t и некоторой перегруппировки получим

$$k_3 = \lambda + k,$$

т.е. темп прироста экономического потенциала ОПФ представлен в виде суммы темпов прироста технического уровня ОПФ и их физического объема. Следовательно, общий прирост экономического потенциала ОПФ в анализируемом периоде можно условно разложить на две части, объясняемые влиянием интенсивных и экстенсивных факторов.

Итак, критерий $\max (K^{\ominus} - K)$, отражает стремление к максимизации прироста экономического потенциала ОПФ за счет интенсивных факторов, обусловленных повышением технического уровня ОПФ. Максимизируемый функционал представим в виде

$$\Delta K_{\lambda}^{\ominus} = K^{\ominus} - K = V_0 \int_0^t e^{(v+\delta)t} dt (1 - e^{-(v+\delta)\tau}) - V_0 \int_0^t e^{vt} dt (1 - e^{-v\tau}).$$

Если частную производную функционала по τ приравнять нулю, то из полученного выражения можно определить оптимальный срок службы ОПФ, соответствующий данному критерию:

$$\tau_{\text{opt}} = \frac{\ln(e^{(v+\delta)t} - 1) - \ln(e^{vt} - 1)}{\delta}.$$

В анализируемой модели особо важную, если не самую главную, роль играет параметр δ , который является внешним и задается экзогенно. Для его оценки необходимо проведение специальных исследований, суть которых сводится к измерению экономического потенциала ОПФ. Один из подходов к измерению экономического потенциала ОПФ состоит, как уже отмечалось, в агрегировании производственных мощностей путем соответствующего взвешивания. В принципе он мог бы быть реализован силами Росстата в обозримой перспективе. Другой подход основан на измерении динамики производственных мощностей с помощью энергетических показателей, например, установленной (марочной) мощности электрических двигателей или всего электрического привода (мощность электрических двигателей плюс мощность электроаппаратов) [5. С. 138]. Не отрицая оригинальности методологического подхода к измерению производственной мощности на основе энергетических показателей, заметим, что его правомерно было использовать в рамках так называемого четвертого технологического уклада, характеризовавшегося устойчивым опережающим развитием электроэнергетики, процессами концентрации производства, механизации и автоматизации. Однако возможности расширения данного технологического уклада в развитых странах были исчерпаны уже в середине 70-х гг. прошлого столетия [3. С. 95-111]. В условиях становления в экономике России пятого технологического уклада, темпы формирования которого, к сожалению, протекают медленнее, чем хотелось бы, данный подход к измерению производственных мощностей представляется неприемлемым. Дело в том, что внедрение и широкое распространение в развитых странах таких инновационных базовых элементов пятого технологического уклада, как электронные компоненты и устройства, ЭВМ, радио- и телекоммуникационное оборудование, гибкие автоматизированные производства и др., позволили существенно снизить электроемкость продукции [7]. Вследствие этого динамика электрического привода производственных систем в переходный период от четвертого технологического уклада к пятому, по нашему мнению, перестала корреспондировать с их производственной мощностью, за исключением, может быть, отдельных производств, функционирующих преимущественно на базе традиционных технологий.

На наш взгляд, параметр δ в рассматриваемой модели должен отражать комплексную, обобщенную характеристику инновационного развития производственных систем региона, представленную в виде динамики их инновационного потенциала. В ранее проведенном исследовании на основе выборки значитель-

ного количества показателей мы экспериментально рассчитали обобщенные индикаторы инновационного потенциала регионов страны, комплексно характеризующие его пространственные соотношения и динамику изменений за период 2000-2008 гг. [4]. Несмотря на всю условность расчета, он все же позволяет, может быть не столь точно, оценить параметр δ^2 .

Для экспериментальной проверки предлагаемых методов формирования экономического потенциала ОПФ региона была сформирована исходная информационная база, состоящая из показателей движения основных фондов (без субъектов малого предпринимательства) за период 2004-2009 гг.³. Региональные показатели движения основных фондов были пересчитаны в цены 2009 г. на основе дефляторов их ввода, выбытия и динамики в целом по стране⁴. Рассчитанные показатели представлены в Приложении 1.

Оптимальные сроки службы основных фондов, рассчитанные с точки зрения вышеописанных критериев, в сравнении с условно-фактическими параметрами сгруппированы в таблице. При этом условно-фактические показатели возрастных характеристик основных фондов определены с использованием разработанных авторами статьи методов оценки воспроизводственных параметров фондов на основе детерминированных моделей, краткое описание которых представлено в Приложении 2.

Возникает вопрос: насколько возрастные характеристики основных фондов, рассчитанные на основе детерминированных моделей, адекватно отражают фактические данные? Для ответа на этот вопрос воспользуемся данными выборочного обследования, проведенного Росстатом в разрезе различных видов деятельности в целом по стране (на конец 2008 г.) [8]. Взвесив возрастные характеристики выборочного обследования фондов различных видов деятельности по их стоимости, мы получили следующие значения в целом по стране: средний ожидаемый срок службы на конец 2008 г. оказался равным 45 годам, а средний возраст на момент обследования – 16 годам. Между тем значения аналогичных условно-фактических показателей, рассчитанных на основе моделей и приведенных в таблице, составили соответственно 48 и 19 лет, т.е. оказались близки фактическим.

Рассматривая понятие макроэкономического потенциала ОПФ, А.И. Анчишкин выделил три группы определяющих его факторов: 1) технический уровень фондов; 2) доля их активной части; 3) их качество, надежность и долговечность. При этом он особо отметил, что оценка экономического потенциала ОПФ с учетом влияния данных факторов — чрезвычайно сложная теоретическая и методическая проблема, на макроэкономическом уровне не только не решенная, но практически даже не поставленная [1. С. 151].

Решение данной проблемы на уровне регионов является не менее сложной, в том числе по причине отсутствия необходимой информации. К сожалению, региональная статистика движения основных фондов пока еще не в полной мере отвечает аналитическим запросам с точки зрения задач инновационного развития. Если для учета влияния факторов первой группы на уровень и динамику экономического потенциала ОПФ, по нашему мнению, тре-

² Вообще говоря, параметр δ является одним из выходных параметров научно-технического прогноза, и его значение в прогнозируемом периоде определяется характером и содержанием научно-технических программ.

³ В ЦСБД Росстата (<http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi>) в свободном доступе представлена информация о движении основных фондов в разрезе субъектов Федерации начиная с 2004 г.

⁴ Методика пересчета показателей основных фондов в сопоставимые цены в условиях переходной экономики представляет собой относительно самостоятельную задачу, возможности описания которой ограничены рамками настоящей статьи. О некоторых аспектах данной проблемы см. [2].

буется решение не только информационных, но и методических проблем⁵, то влияние факторов двух других групп, в принципе, может быть оценено при наличии необходимой информации.

**Оптимальные и фактические сроки службы
основных фондов регионов РФ, лет**

Регион	Сроки службы фондов			Средний возраст фондов	
	оптимальные	тах ($K^3 - K$)	условно-фактический	условно-фактический	нормированный, %
	тах T				
Белгородская область	8	24,4	36,9	12,8	34,6
Брянская область	20	38,2	63,3	26,7	42,1
Владимирская область	15	34,5	38,5	15,7	40,7
Воронежская область	16	35,7	55,6	20,4	36,7
Ивановская область	18	39,9	60,6	24,8	40,9
Калужская область	16	32,2	57,2	19,6	34,3
Костромская область	16	33,1	47,4	21,1	44,6
Курская область	15	31,3	50,1	19,6	39,1
Липецкая область	15	28,8	44,9	17,6	39,2
Московская область	14	27,6	33,3	13,7	41,1
Орловская область	3	20,8	19,6	4,13	33,7
Рязанская область	17	37,2	59,3	22,7	38,3
Смоленская область	16	37,2	40,6	17,8	43,9
Тамбовская область	17	36,8	52,7	21,6	40,9
Тверская область	16	34,3	46,5	19,7	42,4
Тульская область	15	31,0	42,6	16,7	39,2
Ярославская область	17	36,2	53,7	23,0	42,8
г. Москва	53	76,0	59,9	26,5	44,4
Республика Карелия	17	36,3	50,5	21,2	41,9
Республика Коми	16	31,9	51,0	20,7	40,7
Архангельская область	14	29,5	36,5	12,7	34,8
Вологодская область	15	32,7	36,1	14,0	38,8
Калининградская область	13	25,6	33,2	11,8	35,6
Ленинградская область	14	28,0	42,7	15,5	36,3
Мурманская область	19	42,9	71,3	28,7	40,3
Новгородская область	15	31,1	37,1	14,6	39,2
Псковская область	18	43,6	60,3	25,5	42,3
г. Санкт-Петербург	14	28,1	39,7	15,6	39,2
Республика Адыгея	14	32,9	34,0	14,5	42,5
Республика Дагестан	15	30,8	38,5	15,0	38,9
Республика Ингушетия	14	29,2	33,4	13,3	39,7
Кабардино-Балкарская Республика	14	29,8	35,5	14,6	41,3
Республика Калмыкия	18	38,3	51,9	23,9	46,0
Карачаево-Черкесская Республика	16	32,9	48,7	19,2	39,5
Республика Северная Осетия	16	34,8	53,6	20,0	37,4
Краснодарский край	15	30,8	34,0	13,8	40,6
Ставропольский край	16	32,3	46,7	19,3	41,4
Астраханская область	17	38,9	49,2	21,4	43,5
Волгоградская область	41	54,9	65,1	26,6	40,8
Ростовская область	16	35,2	46,4	16,6	35,7
Республика Башкортостан	14	28,2	38,3	15,0	39,3
Республика Марий Эл	17	36,6	56,0	23,9	42,7
Республика Мордовия	17	35,2	58,7	23,3	39,7
Республика Татарстан	14	29,0	37,1	16,2	43,6
Удмуртская Республика	17	38,0	49,0	20,0	40,8
Чувашская Республика	15	30,2	49,7	19,2	38,5
Пермский край	17	37,3	55,4	23,7	42,9
Кировская область	18	39,7	73,1	29,0	39,7

⁵ Один из возможных методических подходов решения этой проблемы реализован авторами данной статьи в [4].

Окончание табл.

Регион	Сроки службы фондов			Средний возраст фондов	
	оптимальные		условно-фактический	условно-фактический	нормированный, %
	max T	max ($K^3 - K$)			
Нижегородская область	16	35,9	48,9	19,0	38,9
Оренбургская область	14	28,8	43,2	16,9	39,1
Пензенская область	18	49,5	60,9	26,0	42,8
Самарская область	17	36,3	52,1	20,4	39,2
Саратовская область	17	34,5	51,5	20,8	40,4
Ульяновская область	16	34,1	64,0	22,9	35,8
Курганская область	29	44,9	88,7	34,4	38,7
Свердловская область	16	32,4	58,6	23,6	40,2
Тюменская область	16	31,8	52,2	20,3	38,9
Челябинская область	15	30,8	44,0	17,8	40,4
Республика Алтай	14	28,9	32,7	12,9	39,6
Республика Бурятия	18	40,7	65,0	26,6	40,8
Республика Тыва	16	40,5	39,9	17,9	44,7
Республика Хакасия	16	32,1	43,8	18,8	42,9
Алтайский край	17	38,2	54,7	22,2	40,5
Забайкальский край	18	40,6	58,6	24,1	41,2
Красноярский край	15	29,7	47,9	17,7	37,0
Иркутская область	14	28,7	50,2	14,9	29,8
Кемеровская область	14	26,6	36,6	14,4	39,2
Новосибирская область	15	30,7	45,2	17,7	39,2
Омская область	14	28,1	38,0	15,6	40,9
Томская область	15	30,8	43,3	17,0	39,3
Республика Саха (Якутия)	15	35,1	35,5	15,2	42,7
Камчатский край	18	43,3	63,7	26,7	41,9
Приморский край	17	38,7	55,6	20,7	37,1
Хабаровский край	17	35,0	54,3	20,9	38,5
Амурская область	16	32,8	57,0	22,1	38,8
Магаданская область	17	44,5	48,9	22,0	44,9
Сахалинская область	7	23,7	44,8	9,46	21,1
Еврейская автономная область	18	37,4	82,6	31,8	38,5
Чукотский автономный округ	7	24,9	24,4	8,75	35,9
Российская Федерация	16	33,1	47,7	19,1	39,9

В рамках настоящей статьи не представляется возможным детально проанализировать результаты проведенных расчетов, отметим лишь самые общие моменты. Во-первых, наблюдается значительный разброс регионов по значениям среднего срока службы основных фондов: от 20 и 24 лет соответственно в Орловской области и Чукотском автономном округе до 83 и 89 лет в Еврейской автономной и Курганской областях по сравнению с 48 годами в среднем по стране. При этом в 20 регионах срок службы фондов колеблется от 30 до 40 лет, в 22 регионах – от 40 до 50 лет (Чувашская Республика с показателем около 50 лет замыкает данную группу), в 24 регионах – от 50 до 60 лет, в 8 регионах – от 60 до 70 лет. В конце списка, за исключением двух вышеназванных регионов-аутсайдеров, замыкающих общий ряд, находятся Мурманская (71 год) и Кировская (73 года) области. Также велик разброс значений среднего возраста фондов: от 4 и 9 лет в Орловской области и Чукотском автономном округе до 32 и 34 лет в Еврейской автономной и Курганской областях.

Однако показатели среднего возраста фондов, рассчитанные применительно к разнородным совокупностям непосредственно в единицах времени, между собой не вполне сопоставимы, поскольку различные виды средств труда объективно имеют неодинаковые сроки службы. Более точное представление о физической изношенности основных фондов дают значения нормированных показателей, рассчитанные по отношению к продолжительности функционирования

фондов, т.е. их среднему сроку службы. Так, вариация нормированных значений среднего возраста фондов по регионам не столь велика, как в абсолютных показателях: от 21 и 30%, соответственно, в Сахалинской и Иркутской областях до 45-46% в Костромской, Магаданской областях и республиках Тыва и Калмыкия. В Чувашии нормированный средний возраст фондов составил 38,5%⁶.

Во-вторых, отметим регионы, для которых характерны наибольшие и наименьшие разрывы между фактическими и оптимальными сроками службы, рассчитанными по различным критериям. Разрыв показателей по критерию $\max T$ в целом по России составил 15 лет. При этом большая группа регионов (Еврейская, Курганская, Кировская, Мурманская и Ульяновская области, Республика Бурятия, Камчатский край, Брянская, Пензенская, Ивановская, Свердловская, Рязанская и Псковская области, Республика Мордовия, Калужская и Амурская области, Забайкальский край и Воронежская область) характеризуется наибольшим разрывом между указанными показателями (от 65 до 40 лет). Для Чувашской Республики условно-фактический срок службы основных фондов оказался больше оптимального на 35 лет. О чем же свидетельствует значительный разрыв в данных показателях?

Из логики расчетов оптимальных сроков службы (τ) по критерию $\max T$ в модели (1) следует, что ускоренный рост технического уровня ОПФ, обусловленный соответствующим масштабом формирования инновационного потенциала региона (δ), наряду с высокими темпами ввода ОПФ (k) при прочих фиксированных параметрах модели, понижает оптимальное значение показателя τ . Следовательно, разрыв между фактическими и оптимальными сроками службы ОПФ свидетельствует *о неиспользуемых региональных возможностях повышения их технического уровня при имеющихся предпосылках к этому*.

Но критерий $\max T$ является весьма «жестким» по отношению к увеличению производственных мощностей и существенно ограничивает цели расширения объема выпуска продукции. По нашему мнению, он может служить абсолютным ориентиром, например, в контексте радикального производственного реинжиниринга. С точки зрения современных задач инновационного развития регионов актуальным, на наш взгляд, является критерий $\max (K^3 - K)$, смысл которого, как было показано выше, состоит в максимизации прироста экономического потенциала ОПФ за счет повышения их технического уровня, т.е. за счет интенсивных факторов развития экономики. В этом случае большой разрыв между фактическим и оптимальным сроками службы ОПФ региона имеет тот же смысл, что и в предыдущем варианте, указывая на *резервы неиспользуемых возможностей инновационного развития регионов при наличии определенных предпосылок*. Данный критерий занимает промежуточное положение между объективными возможностями максимального повышения технического уровня ОПФ и максимально возможного прироста производственных мощностей.

В числе регионов, характеризующихся определенными резервами неиспользуемых возможностей инновационного развития по критерию $\max (K^3 - K)$, следует назвать Еврейскую автономную, Курганскую, Кировскую, Ульяновскую, Мурманскую, Свердловскую, Брянскую и Калужскую области (разрыв в показателях составляет от 45 до 25 лет). В целом по стране разрыв между фактическим и оптимальным сроками службы основных фондов по данному критерию составил 15 лет, для Чувашской Республики – 20 лет.

⁶ Заметим, что приведенные в таблице условно-фактические параметры фондов могут отличаться от действительных, так как первые рассчитаны исходя из условий воспроизводства фондов в 2004-2009 гг., т.е. в относительно небольшом (для их полного воспроизводственного цикла) периоде, по которому имелись статистические данные.

Разумеется, стратегия формирования экономического потенциала ОПФ регионов не исчерпывается расчетом только их воспроизводственных характеристик исходя из определенных критериев. Здесь нужен комплексный подход к обоснованию экономического роста в целом, включая разработку необходимых для его реализации управленческих, организационных и институциональных механизмов. Вместе с тем предложенные методы, на наш взгляд, в определенной мере расширяют методический арсенал формирования экономического потенциала ОПФ региона в условиях инновационного развития.

Приложение 1

**Среднегодовые показатели воспроизводства
основных фондов регионов РФ в 2004-2009 гг.**

Регион	Показатель, %			Регион	Показатель, %		
	k	w	δ		k	w	δ
Белгородская область	5,4	0,92	8,6	Ростовская область	3,8	0,83	1,0
Брянская область	1,6	0,9	5,7	Республика Башкортостан	3,5	1,26	7,0
Владимирская область	2,7	1,55	4,2	Республика Марий Эл	1,7	1,08	6,4
Воронежская область	2,6	0,93	4,2	Республика Мордовия	2,2	0,86	5,4
Ивановская область	1,8	0,91	4,2	Республика Татарстан	2,4	1,65	10
Калужская область	3,2	0,72	4,6	Удмуртская Республика	2,4	1,08	3,3
Костромская область	2,2	1,03	5,9	Чувашская Республика	2,9	0,90	6,5
Курская область	2,7	0,94	6,2	Пермский край	1,9	0,97	4,9
Липецкая область	3,4	0,87	6,0	Кировская область	1,6	0,74	5,2
Московская область	3,9	1,36	6,1	Нижегородская область	2,8	0,98	3,1
Орловская область	15,0	3,95	3,6	Оренбургская область	2,8	1,27	9,1
Рязанская область	2,3	0,83	3,9	Пензенская область	0,8	1,38	5,5
Смоленская область	2,3	1,4	3,6	Самарская область	2,8	0,79	2,5
Тамбовская область	1,9	1,15	5,5	Саратовская область	2,6	0,88	4,1
Тверская область	2,5	1,03	4,2	Ульяновская область	2,2	0,85	6,5
Тульская область	3,0	1,22	5,8	Курганская область	1,2	0,72	5,2
Ярославская область	2,1	0,91	4,6	Свердловская область	2,0	0,93	8,2
г. Москва	1,5	0,99	0,0	Тюменская область	2,9	0,79	5,0
Республика Карелия	2,5	0,88	3,2	Челябинская область	2,9	1,10	6,0
Республика Коми	2,5	0,91	6,1	Республика Алтай	3,9	1,56	5,0
Архангельская область	4,6	1,24	3,1	Республика Бурятия	1,5	0,97	5,4
Вологодская область	4,1	1,21	1,4	Республика Тыва	1,1	2,08	7,1
Калининградская область	5,7	1,01	4,4	Республика Хакасия	2,6	1,12	5,5
Ленинградская область	4,1	0,88	5,2	Алтайский край	1,9	1,09	4,8
Мурманская область	1,8	0,67	3,2	Забайкальский край	1,8	0,97	4,0
Новгородская область	3,9	1,17	2,7	Красноярский край	3,1	0,99	6,8
Псковская область	1,5	1,04	4,2	Иркутская область	4,2	0,89	6,0
г. Санкт-Петербург	3,4	1,19	7,3	Кемеровская область	4,0	1,15	7,4
Республика Адыгея	2,2	2,08	7,0	Новосибирская область	3,1	1,02	5,6
Республика Дагестан	3,2	1,44	5,5	Омская область	3,3	1,27	7,5
Республика Ингушетия	3,2	1,82	7,1	Томская область	3,3	1,02	4,7
Кабардино-Балкарская Республика	3,3	1,47	5,7	Республика Саха (Якутия)	2,6	1,71	3,9
Республика Калмыкия	1,8	0,99	4,4	Камчатский край	1,3	1,06	5,1
Карачаево-Черкесская Республика	2,5	1,09	5,7	Приморский край	2,0	1,17	4,7
Республика Северная Осетия – Алания	2,1	1,22	6,7	Хабаровский край	2,7	0,82	3,8
Краснодарский край	4	1,27	2,4	Амурская область	2,7	0,67	4,6
Ставропольский край	2,4	1,16	6,5	Магаданская область	0,6	1,85	8,3
Астраханская область	1,8	1,23	4,6	Сахалинская область	9,0	0,49	6,0
Волгоградская область	2	0,72	0,5	Еврейская автономная область	1,9	0,45	4,7
				Чукотский автономный округ	6,2	2,12	5,8
				Российская Федерация	2,7	1,03	4,9

Примечание. Показатели k и w рассчитаны по данным Росстата [8]; методы расчета параметра δ см. в работе авторов статьи [4].

Приложение 2

Методика расчета воспроизводственных характеристик основных фондов на основе детерминированных моделей

В данных моделях реализован подход, предполагающий, что все введенные в данном году фонды выбывают строго в один и тот же момент времени⁷.

Прирост основных фондов за период T (ΔK_T) представим в виде разности между суммарными объемами введенных $\sum_{t=1}^T V_t$ и выбывших $\sum_{t=1}^T W_t$ за тот же период фондов:

$$\Delta K_T = \sum_{t=1}^T V_t - \sum_{t=1}^T W_t,$$

откуда

$$\sum_{t=1}^T V_t = \Delta K_T + \sum_{t=1}^T W_t. \quad (1)$$

Долю фондов в возрасте до T ($d_V(T)$) в общем их итоге на данный момент (K_t) определим в виде отношения

$$d_V(T) = \frac{\sum_{t=1}^T V_t}{K_t} = \frac{\Delta K_T}{K_t} + \frac{\sum_{t=1}^T W_t}{K_t}. \quad (2)$$

В выражении (2) первое слагаемое представим как

$$\frac{\Delta K_T}{K_t} = \frac{\Delta K_T / K_0}{K_t / K_0} = \frac{e^{kT} - 1}{e^{kT}}, \quad (3)$$

где k – среднегодовой темп прироста основных фондов.

Второе слагаемое в выражении (2) выразим с помощью среднегодовой нормы выбытия (w) следующим образом:

$$\frac{\sum_{t=1}^T W_t}{K_t} = \frac{w K_0 \int_0^T e^{kt} dt}{K_0 e^{kT}} = \frac{w(e^{kT} - 1)}{k e^{kT}}. \quad (4)$$

Подставляя в (2) выражения его слагаемых (3) и (4), получаем формулу расчета возрастной структуры фондов:

$$d_V(T) = \frac{e^{kT} - 1}{e^{kT}} + \frac{w(e^{kT} - 1)}{k e^{kT}} = \frac{(e^{kT} - 1)(k + w)}{k e^{kT}}. \quad (5)$$

Из выражения (5) можно вывести формулу расчета среднего срока службы основных фондов (τ), имея в виду, что их доля в возрасте до τ , очевидно равна единице:

$$1 = \frac{(e^{k\tau} - 1)(k + w)}{k e^{k\tau}}. \quad (6)$$

После несложных преобразований выражения (6) средний срок службы основных фондов (τ) определится в виде

$$\tau = \frac{1}{k} \ln \left(1 + \frac{k}{w} \right). \quad (7)$$

Если рассчитана возрастная структура фондов, несложно определить их средний возраст. Для этого необходимо взвесить середины интервалов данных возрастных групп фондов по соответствующим этим группам удельным весам. Средний возраст фондов можно также определить по следующей формуле:

$$\phi = \tau - \int_0^{\tau} d_V(t) dt = \tau - \frac{(k + w)(k\tau + e^{-k\tau} - 1)}{k^2}. \quad (8)$$

К определению возрастной структуры фондов и их среднего срока службы можно подойти иначе. Представим объем фондов в возрасте до T в виде суммы последовательных их вводов, выраженных через средний за период коэффициент обновления (v_K):

$$\sum_{t=1}^T V_t = v_K F_1 + v_K F_2 + \dots + v_K F_T = v_K F_0 \int_0^T e^{kt} dt = v_K F_0 (e^{kT} - 1) / k, \quad (9)$$

где k – среднегодовой темп прироста фондов, а $v_K = \sum_{t=1}^T V_t / \sum_{t=1}^T K_t$.

Отсюда доля фондов в возрасте до T определится как

⁷ Среди работ, в которых используется данный подход, следует назвать [6, 9].

$$d_V(T) = \sum_{t=1}^T V_t / K_t = v_K (1 - 1/e^{kT}) / k. \quad (10)$$

Кроме того, данное выражение также позволяет рассчитать *средний срок службы фондов* (τ), если иметь в виду, что их доля в возрасте до τ равна единице:

$$d_V(T) = \sum_{t=1}^T V_t / K_t = v_K (e^{kT} - 1) / ke^{kT} = 1, \quad (11)$$

откуда

$$\tau = \frac{1}{k} \ln \frac{v_K}{v_K - k}. \quad (12)$$

Возможен еще один подход к определению среднего срока службы фондов на основе расчета их среднего коэффициента интенсивности обновления:

$$w_V = \sum_{t=1}^T W_t / \sum_{t=1}^T V_t. \quad (13)$$

Если учесть, что объем выбывающих фондов – это их объемы, введенные τ лет назад, то справедливо выражение

$$\sum_{t=1}^T W_t = e^{-v\tau} \sum_{t=1}^T V_t, \quad (14)$$

где v – среднегодовые темпы прироста ввода фондов.

Подставляя выражение (14) в (13), получим

$$w_V = e^{-v\tau}, \quad (15)$$

откуда

$$\tau = -\ln w_V / v. \quad (16)$$

Показатели возрастных характеристик фондов, рассчитанные с применением различных формул, по значению мало отличаются друг от друга. Их отличия тем меньше, чем устойчивее значения исходных показателей. Предпочтение, по-видимому, следует отдать той формуле, исходные показатели которой обладают наибольшей устойчивостью в анализируемом периоде.

Литература

1. Анчишкин А.И. Прогнозирование роста социалистической экономики. М.: Экономика, 1973. 156 с.
2. Бессонов В.А., Воскобойников В.Б. О динамике основных фондов и инвестиций в российской переходной экономике // Экономический журнал ВШЭ. 2006. № 2. С. 193-228.
3. Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: ВлаДар, 1993. 310 с.
4. Данилов И.П., Тарасов В.Т. Инновационный потенциал регионов России: методы анализа структуры и влияния на эффективность экономического роста // Вестник Чувашского университета. 2010. № 4. С. 343-354.
5. Кваша Я.Б. Резервные мощности. М.: Наука, 1971. 216 с.
6. Кваша Я.Б. Фактор времени в общественном производстве: Экономико-статистические очерки. М.: Статистика, 1979. 152 с.
7. Мельник А.Н. Управление энергетическими затратами как фактор повышения конкурентоспособности промышленных предприятий // Проблемы современной экономики. 2008. № 3 (27).
8. Центральная база статистических данных [Электронный ресурс] // Росстат: сайт. Режим доступа: <http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi>.
9. Domar E.D. Essays in the Theory of Economic Growth. N.Y.: Oxford University Press, 1957.

ДАНИЛОВ ИВАН ПЕТРОВИЧ – доктор экономических наук, профессор, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (dip41@yandex.ru).

DANILOV IVAN PETROVICH – doctor of economics sciences, professor, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

ДЕНИСОВ ВИКТОР ИВАНОВИЧ – доктор экономических наук, профессор, начальник отдела, Российский гуманитарный научный фонд, Россия, Москва.

DENISOV VIKTOR IVANOVICH – doctor of economics sciences, professor, Russian Humanitarian Scientific Foundation, Russia, Moscow.

ТАРАСОВ ВЛАДИМИР ТИМОФЕЕВИЧ – кандидат экономических наук, доцент, Чебоксарский филиал Российской академии народного хозяйства и госслужбы при Президенте Российской Федерации, Россия, Чебоксары (taranet@orionet.ru).

TARASOV VLADIMIR TIMOFEEVICH – candidate of economics sciences, Cheboksary Branch of Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation, Russia, Cheboksary.

УДК 332.1:03](470.4)

И.П. ДАНИЛОВ, В.В. НИКИТИН, А.Г. КРАСНОВ

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ И АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА*

Ключевые слова: социально-экономический потенциал региона, методика оценки и анализа регионального потенциала, региональное развитие.

Предложена методика оценки и анализа социально-экономического потенциала регионов РФ. На основе корреляционного, компонентного, многомерного кластерного анализа социально-экономических показателей осуществлена трехуровневая кластеризация регионов РФ по социально-экономическому потенциалу.

I.P. DANILOV, V.V. NIKITIN, A.G. KRASNOV
TECHNIQUE OF THE ESTIMATION AND THE ANALYSIS
OF SOCIAL AND ECONOMIC POTENTIAL OF REGION

Key words: social and economic potential of region, a technique of an estimation and the analysis of regional potential, regional development.

The technique of an estimation and the analysis of social and economic potential regions the Russian Federation is offered. On the basis of correlation, componental, multidimensional clusters the analysis of social and economic indexes it is carried out three-level кластеризация regions Russian Federations on socially-economy potential.

В современных условиях объективной потребностью выступает разработка новых подходов к методологии определения социально-экономического потенциала региона. Существуют различные подходы к трактовке категорий потенциал и социально-экономический потенциал, в том числе и на региональном уровне. Применительно к социально-экономическим процессам потенциал может определяться как возможность, способность, скрытые резервы региона, которые при определенных изменениях окружающей среды способны трансформироваться из возможностей в объективную реальность [7]. Экономический потенциал региона обуславливается природными ресурсами, средствами производства, трудовым и научно-техническим потенциалом, накопленным в регионе богатством [1].

В рамках расширительной трактовки регионального потенциала последний включает в себя не только совокупность материальных и нематериальных ресурсов, но и способности работников, коллективов предприятий, регионального сообщества в аспекте эффективного использования всех видов ресурсов [3]. При оценке социально-экономического потенциала региона предлагается анализировать его не только в статике, но и в динамике, выделяя его потенциал к саморазвитию, проявляющийся в экономическом росте и росте уровня жизни населения [5].

В модели «колеса Тихомирова» рекомендуется обращать внимание на человеческий потенциал региона, который формируется за счет численности населения, проживающего в регионе, его состава и культурно-образовательно-материального уровня. Дополнительно требуется учитывать уровень развития материально-технической базы региона и уровень информированности населения [2].

В качестве основных составляющих социально-экономического потенциала региона можно выделить следующие макроэкономические показатели: внутренний региональный продукт; внешнеторговый оборот; уровень капитальных вложений; объем промышленного производства на душу населения; уровень жизни населения; уровень безработицы; уровень потребительских цен; среднемесячную заработную плату населения; среднюю обеспеченность жильем населения региона.

Национальное рейтинговое агентство «Эксперт РА» выделяет следующие основные факторы для оценки регионального развития, которые состоят из де-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 10-06-00091а).

вяти частных потенциалов (до 2005 г. – из восьми). Каждый из них, в свою очередь, характеризуется целой группой показателей. При этом рассматриваются такие потенциалы, как природно-ресурсный (средневзвешенная обеспеченность балансовыми запасами основных видов природных ресурсов); трудовой (трудовые ресурсы и их образовательный уровень); производственный (совокупный результат хозяйственной деятельности населения в регионе); инновационный (уровень развития науки и внедрения достижений научно-технического прогресса в регионе); институциональный (степень развития ведущих институтов рыночной экономики); инфраструктурный (экономико-географическое положение региона и его инфраструктурная обеспеченность); финансовый (объем налоговой базы, прибыльность предприятий региона и доходы населения); потребительский (совокупная покупательная способность населения региона); туристический (наличие мест посещения туристами и отдыхающими, а также мест развлечения и размещения для них). К каждому из потенциалов приравнивает экспертные веса [8].

Недостаток существующих подходов к оценке социально-экономического потенциала региона заключается в неразработанности их методологии, т.е. в отсутствии принципов выбора показателей, формул и способов их расчета. Также представляет сложность интерпретации результатов, полученных в ходе исследования. Не всегда можно увидеть причинно-следственные связи и тенденции развития региональной экономики.

На наш взгляд, для оценки регионального социально-экономического потенциала целесообразно использовать подход, опирающийся на методы многомерного статистического анализа с использованием общедоступных официальных статистических данных [4].

На основе данного подхода можно предложить следующий алгоритм оценки регионального социально-экономического потенциала:

1. Определение показателей, характеризующих экономическое состояние региона.
2. Проверка выбранных данных на однородность (проверка гипотезы о распределении признаков по нормальному закону, проверка наличия выделяющихся данных по критериям Граббса, Титъена, Мура и др.).
3. Определение тесноты корреляционных связей между признаками, проверка значимости корреляционной матрицы, на основе чего из всех показателей с помощью корреляционного анализа выделяются наиболее индикативные.
4. На основе компонентного анализа определяются наиболее информативные главные компоненты.
5. Методами кластерного анализа на основе выделенных индикативных показателей проводится группировка регионов Российской Федерации, необходимая для получения представления об инвестиционном потенциале региона в сравнении с другими субъектами федерации.

Данный алгоритм позволяет варьировать данными, использовать научно обоснованные методы статистического анализа и более точно интерпретировать полученные результаты.

С целью оценки социально-экономического потенциала на региональном уровне предлагается использовать 9 частных потенциалов, каждый из которых состоит из социально-экономических показателей. В качестве информационной базы выступают данные Госкомстата РФ по состоянию на 2009 г. [6].

Структуру используемых данных можно представить следующим образом:

1. Трудовой потенциал: коэффициенты демографической нагрузки, коэффициенты миграционного прироста, уровень экономической активности населения, уровень безработицы, потребность в работниках, заявленная организациями в государственные учреждения службы занятости населения, численность студентов государственных и муниципальных образовательных учреждений

среднего профессионального образования на 10 000 человек населения, численность студентов образовательных учреждений высшего профессионального образования на 10 000 человек населения, численность врачей на 10 000 человек населения, заболеваемость на 1000 человек населения.

2. Инфраструктурный потенциал: объем работ, выполненных по виду экономической деятельности «строительство», число автобусов общего пользования на 100 000 человек населения, густота железнодорожных путей общего пользования, густота автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием, объем услуг связи, оказанных населению, в расчете на одного жителя, охват населения эфирного аналогового телевидения, охват населения радиовещанием «Радио России», число персональных компьютеров на 100 работников, распределение действующих кредитных организаций и филиалов.

3. Финансовый потенциал: среднедушевые денежные доходы населения, валовой региональный продукт, оборот розничной торговли на душу населения, сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток) деятельности организаций, инвестиции в основной капитал на душу населения, оборот организаций по видам экономической деятельности.

4. Производственный потенциал: общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя, объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по видам экономической деятельности «Обрабатывающие производства», объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по видам экономической деятельности «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды», производство хлеба и хлебобулочных изделий, производство электроэнергии.

5. Институциональный потенциал: охват детей дошкольными образовательными учреждениями, число персональных компьютеров, используемых в учебных целях, в государственных и муниципальных общеобразовательных учреждениях (без вечерних (сменных) общеобразовательных учреждений) на 1000 обучающихся, число образовательных учреждений высшего профессионального образования, число персональных компьютеров, используемых в учебных целях, в государственных и муниципальных образовательных учреждениях среднего и высшего профессионального образования на 100 студентов, число больничных коек на 10 000 человек населения, мощность амбулаторно-поликлинических учреждений на 10 000 человек населения, выпуск газет на 1000 человек населения.

6. Инновационный потенциал: число организаций, выполнявших научные исследования и разработки, численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, внутренние затраты на научные исследования и разработки, число используемых передовых производственных технологий, инновационная активность организаций, затраты на технологические инновации, объем инновационных товаров, работ, услуг.

7. Потребительский потенциал: потребительские расходы в среднем на душу населения, численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, число собственных легковых автомобилей на 1000 человек населения, потребление молока и молочных продуктов на душу населения, потребление мяса и мясопродуктов на душу населения, удельный вес расходов домашних хозяйств на оплату жилищно-коммунальных услуг, объем платных услуг на душу населения.

8. Природно-ресурсный потенциал: стоимость основных фондов, добыча полезных ископаемых, лесные ресурсы – общий запас древесины, стоимость основных фондов по виду сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, стоимость основных фондов по виду добыча полезных ископаемых, стоимость основных фондов по виду обрабатывающие производства, стоимость основных

фондов по виду производство и распределение электроэнергии, газа и воды, продукция сельского хозяйства, улов рыбы в пресноводных водоемах.

9. Туристический потенциал: численность зрителей театров на 1000 человек населения, число посещений музеев на 1000 человек населения, число спортивных сооружений, выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников, сброс загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты.

В процессе обработки экономической информации, как правило, считают, что экономические показатели подчиняются нормальному распределению. Однако практика показывает, что это не всегда соблюдается. Присутствие одного выделяющегося показателя может приводить к оценкам, которые совершенно не согласуются с выборочными данными. Такие показатели называются грубыми ошибками, или отклонениями, выбросами.

Проверка статистических данных на однородность показала, что показатели таких регионов, как г. Москва, Чукотский, Ямало-Ненецкий, Ненецкий автономные округа, Тюменская область, Чеченская Республика, Республика Ингушетия, Московская область, г. Санкт-Петербург, Сахалинская область, Республика Татарстан и др., отличаются от аналогичных показателей в остальных регионах.

На основе полученной матрицы трудового потенциала можно сделать вывод о том, что основные корреляции статистически значимы, т.е. надежны для характеристики степени взаимосвязи между переменными. Самая сильная корреляция отмечается между потребностью в работниках, заявленной организациями в государственные учреждения службы занятости населения, и численностью студентов образовательных учреждений высшего профессионального образования на 10 000 человек населения. Данная корреляция положительна, т.е. увеличение значений одной переменной приводит к росту значений другой. Кроме того, показатели трудового потенциала не сильно коррелируют между собой, т.е. заметно влияют на общий социально-экономический потенциал регионов. Поэтому их не следует исключать из группы рассматриваемых коэффициентов.

Опираясь на матрицу инфраструктурного потенциала, можно сделать вывод, что самая сильная корреляция имеется между объемом работ, выполненных по виду экономической деятельности «строительство», и распределением действующих кредитных организаций и филиалов. Это можно объяснить тем, что для строительства необходимо существенное финансирование, которое очень часто имеет кредитную основу. При этом сильно коррелирующих переменных больше нет.

Матрица финансового потенциала позволяет сделать вывод о том, что самая сильная корреляция отмечается между сальдированным финансовым результатом деятельности организаций и оборотом организаций по основным видам экономической деятельности, т.е. чем выше оборот организаций, тем выше финансовый результат их деятельности. Подобная же тесная корреляция наблюдается между оборотом розничной торговли на душу населения и оборотом организаций по основным видам экономической деятельности. Рассмотренные корреляции положительны, т.е. увеличение значений одной переменной влечет увеличение значений другой. При редукции числа переменных из анализа могут быть исключены такие переменные, как оборот розничной торговли на душу населения и оборот организаций по основным видам экономической деятельности, вследствие того, что они достаточно слабо влияют на общий финансовый потенциал регионов.

Из матрицы производственного потенциала следует, что самая сильная корреляция наблюдается между следующими переменными – объем отгруженных товаров собственного производства по виду «Обрабатывающие производства» и объем отгруженных товаров собственного производства по виду «Производство

и распределение электроэнергии, газа и воды». Такая же сильная корреляция отмечается с таким показателем, как производство хлеба и хлебобулочных изделий. Таким образом, при редукции числа переменных из анализа могут быть исключены такие переменные, как объем отгруженных товаров собственного производства по виду «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды» и производство хлеба и хлебобулочных изделий. Эти переменные достаточно слабо влияют на общий производственный потенциал регионов.

Опираясь на матрицу институционального потенциала, можно сделать вывод о наличии наиболее сильной корреляции между такими переменными, как число образовательных учреждений высшего профессионального образования и выпуск газет на 1000 человек населения. Следовательно, чем больше высших образовательных учреждений, тем выше уровень информированности студентов. Больше подобных сильно корреляционных взаимосвязей в данном разделе не отмечается.

По матрице инновационного потенциала можно наблюдать самую сильную корреляцию между такими показателями, как численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, и внутренние затраты на научные исследования и разработки. Также имеется очень сильная корреляция между такими показателями, как число организаций, выполнявших научные исследования и разработки и численность персонала, занятого научными исследованиями и разработкам. Таким образом, при редукции числа переменных из анализа могут быть исключены такие переменные, как число организаций, выполнявших научные исследования и разработки, и численность персонала, занятого научными исследованиями и разработкам. Это обусловлено тем, что чем больше научно-исследовательских организаций, тем больше требуется исследовательского обслуживающего персонала.

Исходя из матрицы потребительского потенциала, можно отметить, что самая сильная корреляция отмечается между такими показателями, как потребительские расходы в среднем на душу населения и объем платных услуг на душу населения. Действительно, чем больше платных услуг, тем больше расходов у населения. Других сильно коррелирующих переменных больше нет.

Матрица природно-ресурсного потенциала позволяет сделать вывод о том, что самая сильная корреляция фиксируется между такими показателями, как добыча полезных ископаемых и стоимость основных фондов по виду добыча полезных ископаемых. В реальности также соблюдается правило, что чем больше объем добычи полезных ископаемых, тем больше основные фонды региона.

На основе матрицы туристического потенциала можно констатировать, что большинство корреляций статистически значимы, т.е. надежны для характеристики степени взаимосвязи между переменными. При этом сильно коррелирующих переменных нет, т.е. показатели заметно влияют на общий социально-экономический потенциал регионов. Поэтому редукция числа переменных не обязательна.

Методы кластерного анализа позволяют разбить изучаемую совокупность объектов на группы однородных в некотором смысле объектов, называемых кластерами или классами. Методами кластерного анализа было определено оптимальное число кластеров, равное 3 для всех потенциалов. Кластеры были определены по дендрограмме, методом полных связей с евклидовым расстоянием. Распределение регионов по группам определяли через исходные признаки.

Кластерный анализ позволяет сделать следующие основные выводы. Во-первых, 87% всех регионов РФ имеют низкий, 12% – средний и 1% – высокий уровень трудового потенциала. К примеру, Москва имеет высокий уровень трудового потенциала, который постоянно возрастает благодаря притоку высококвалифицированных специалистов. Во-вторых, 89% российских регионов обладают низким инфраструктурным потенциалом, 7% средним и 4% – высоким уровнем данного вида потенциала. В-третьих, 90% регионов РФ имеют низкий финансо-

вый потенциал, 9% – средний и 1% – высокий уровень финансового потенциала. В-четвертых, 79% всех регионов РФ обладают низким уровнем, 17% – средним и 4% – высоким уровнем производственного потенциала. В-пятых, 69% регионов РФ имеют низкий институциональный потенциал, 28% средний и только 3% – высокий институциональный потенциал. В-шестых, 97% всех регионов РФ имеют низкий инновационный потенциал, 2% – средний и 1% – высокий инновационный потенциал. В-седьмых, 68% российских регионов обладают низким потребительским потенциалом, 25% – средним и 7% – высоким уровнем данного вида потенциала. В-восьмых, 90% регионов РФ имеют низкий природно-ресурсный потенциал, 8% – средний и 2% – высокий природно-ресурсный потенциал. В-девятых, 88% российских регионов обладают низким туристическим потенциалом, 11% – средним и 1% – высоким туристическим потенциалом. В общем и целом можно отметить, что социально-экономический потенциал более половины регионов РФ (84%) ниже среднего, а так называемых благополучных регионов только 3%.

Анализ регионов Приволжского ФО на основе первых двух главных компонент трудового потенциала: уровень доступности образования и уровень трудовой активности региона показал, что Пензенская область, Ульяновская область, Республика Марий Эл, Удмуртская Республика отличаются от средних показателей трудового потенциала. При этом следует отметить, что Республика Марий Эл выделяется как регион с высокими показателями по рассматриваемым факторам. Чувашская Республика находится примерно на среднем уровне по трудовой деятельности вместе с такими регионами, как Кировская и Самарская области.

Анализ на основе первых двух главных компонент инфраструктурного потенциала (уровень развития экономической системы региона и уровень обеспечения региона общественным транспортом) позволяет сделать вывод о том, что Нижегородская область и Республика Татарстан выделяются по уровню развития экономической системы как регионы с высокими показателями. Чувашскую Республику можно охарактеризовать как регион с высоким уровнем обеспечения общественным транспортом.

Республика Татарстан и Пермский край выделяются высокими показателями финансового потенциала. Не случайно данные регионы являются лидерами по темпу роста поступлений налогов в бюджет, как было опубликовано Министерством регионального развития РФ. Чувашская Республика находится на одном уровне с такими регионами, как Республика Марий Эл, Кировская область, Саратовская область и Республика Мордовия. Это связано с тем, что в Чувашской Республике низкие доходность и рентабельность производств, особенно сельскохозяйственных, приведшие к ухудшению финансового состояния региона.

Данные анализа на основе первых двух главных компонент производственного потенциала (уровня развития производства и уровня обеспеченности населения жильем) позволяют сделать вывод о том, что среди регионов Приволжского ФО Нижегородская область выделяется своими высокими показателями. Несмотря на кризисную ситуацию в стране, регион продолжал оказывать государственную поддержку наиболее значимым для региона проектам [8]. Саратовская область, Пензенская область и Республика Мордовия также демонстрируют высокий уровень обеспеченности населения жильем. При этом Чувашская Республика близка к таким регионам со средними показателями, как Ульяновская область, Кировская область и Республика Марий Эл.

Анализ на основе первых двух главных компонент институционального потенциала (уровня обеспеченности региона основными институтами и уровня информированности населения) показывает, что Чувашская Республика и Республика Марий Эл выделяются высокими показателями уровня обеспеченности региона основными институтами и уровнем информативности населения. К примеру, в Чувашской Республике развиваются множество институтов, что важно для

эффективного процесса развития общества. Здесь также более высоким уровнем поддержки характеризуются общественные организации ветеранов, инвалидов, пожилых людей, молодёжные организации.

Анализ на основе первых двух главных компонент инновационного потенциала (уровня инновационного развития региона и доступности инновационных товаров, работ, услуг) показал, что среди регионов Приволжского ФО лидерами по инновационной деятельности являются Нижегородская область, Республика Татарстан и Самарская область. Данный вывод подтверждается и комплексной оценкой рейтингового агентства «Эксперт РА», относящего данные регионы к группе с высоким уровнем инновационного потенциала [8]. Чувашская Республика по инновационной активности находится в группе вместе с такими регионами, как Оренбургская область и Республика Марий Эл.

Данные анализа на основе первых двух главных компонент потребительского потенциала (уровня потребительской возможности населения и уровня потребления основного вида питания) позволяют сделать вывод о том, что Республика Башкортостан и Республика Татарстан по обоим факторам демонстрируют высокий уровень. Как показывает практика, эти регионы имеют высокий рост уровня и качества жизни и комфортность проживания населения. В то же время следует отметить, что потребительский рынок данных регионов находится в непосредственной зависимости от других рынков и влияет на денежные доходы и платежеспособность населения, способствует развитию конкурентоспособности отечественных и региональных товаров и всего рыночного механизма. По данному виду потенциала Чувашская Республика имеет средние показатели и близка к Кировской области.

Анализ на основе первых двух главных компонент природно-ресурсного потенциала (уровня обеспеченности основными фондами и уровня обеспеченности природными ресурсами) показывает, что в Приволжском ФО Республика Татарстан выделяется по уровню обеспеченности основными фондами, Самарская область – по уровню обеспеченности природными ресурсами. Чувашская Республика находится в одной группе с Ульяновской областью и Пензенской областью. Основными ресурсами в Чувашской Республике являются выработка электричества и тепловой энергии и переработка биологических отходов животноводства (птицеводства).

Анализ на основе первых двух главных компонент туристического потенциала (уровня туристической привлекательности региона и уровня культуры населения) показал, что лидером по туристическому потенциалу является Чувашская Республика. Пензенскую область можно отметить как регион с низким уровнем культуры населения. Оренбургская область имеет низкий показатель по уровню туристической привлекательности.

Исходя из результатов, полученных в результате компонентного анализа, можно отметить, что наиболее развитыми регионами Приволжского ФО по социально-экономическому потенциалу являются такие субъекты, как Нижегородская область, Республика Татарстан, Республика Башкортостан, Самарская область и Чувашская Республика.

Далее проведем анализ регионов Приволжского ФО по динамике одного из показателей из каждого блока с наибольшим значением главных компонент, на основе которого можно сделать следующие основные выводы. Во-первых, Удмуртская Республика, Нижегородская область, Чувашская Республика, Пермский край, Республика Татарстан и Республика Башкортостан имеют устойчивое развитие экономической активности населения. Остальные регионы имеют нестабильный характер. Во-вторых, за период 2005-2009 г. практически по всем регионам отмечался незначительный спад численности кредитных организаций и филиалов. В-третьих, если до 2009 г. все регионы стабильно развивались в фи-

нансовой сфере, то кризис значительно повлиял в негативном аспекте во всех регионах Приволжского ФО. В-четвертых, Республика Татарстан, Пермский край, Самарская область, Саратовская область, Нижегородская область, Республика Башкортостан и Оренбургская область характеризуются высокими показателями по Приволжскому ФО. При этом стабильным и растущим регионом является Республика Татарстан с самыми высокими показателями производства и распределения электроэнергии, газа и воды. В-пятых, практически все регионы Приволжского ФО имеют стабильные показатели по числу высших профессиональных заведений, а лидирующие позиции занимают Республика Татарстан и Самарская область. В-шестых, самый высокий уровень инновационной активности организаций в Пермском крае, который, в то же время, с каждым годом уменьшается. При этом положительную динамику демонстрируют Нижегородская область, Оренбургская область, Республика Башкортостан. В-седьмых, с каждым годом увеличивается оказание платных услуг населению во всех регионах, но особенно выделяются в этом аспекте Республика Татарстан и Республика Башкортостан. В-восьмых, лидером по добыче полезных ископаемых является Республика Татарстан, которая стабильно увеличивает свои показатели. На втором месте располагается Оренбургская область. В-девятых, практически все регионы Приволжского ФО имеют устойчивое развитие культурных мероприятий по числу посещений музеев. В то же время отмечается тенденция к снижению данного показателя у таких регионов, как Оренбургская область и Саратовская область. Чувашская Республика демонстрирует стабильность ситуации в данной области.

На основе корреляционного, компонентного анализа, многомерного кластерного анализа социально-экономических показателей, из которых выделены наиболее индикативные, предложена трехуровневая кластеризация регионов РФ по социально-экономическому потенциалу в разрезе каждого блока.

Анализ регионов Приволжского федерального округа показал, что наиболее успешными регионами по социально-экономическому потенциалу являются такие субъекты федерации, как Нижегородская область, Республика Татарстан, Республика Башкортостан, Самарская область. Чувашскую Республику можно отнести к благоприятным регионам для развития институциональной и туристической деятельности.

На основе динамики развития регионов Приволжского ФО во временном интервале 2005-2009 гг. можно отметить, что все регионы имеют более или менее устойчивое развитие с небольшим снижением в 2009 г. Рассматривая развитие Чувашской Республики, можно отметить, что она ежегодно демонстрирует устойчивые темпы роста социально-экономического потенциала.

Литература

1. Безруков В., Глисин Ф. Макроэкономический мониторинг и меры по его совершенствованию // Экономист. 2005. № 11. С. 24-29.
2. Берзон Н.А. Формирование инвестиционного климата в экономике // Вопросы экономики. 2007. № 7.
3. Голуб А. Факторы роста российской экономики и перспективы технического обновления // Вопросы экономики. 2004. № 5. С. 44-58.
4. Коваленко А.В., Уртенев М.Х. Исследование кредитоспособности регионов методами многомерного статистического анализа // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2010. № 58.
5. Любимова М.В., Нестеров В.П., Дмитриева В.С. Проблемы оценки социально-экономического потенциала региона // Региональная экономика: теория и практика. 2007. № 4(43). С. 13-24.
6. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010: стат. сб. / Росстат. М., 2010.
7. Римащевская Н.М. Качество человеческого потенциала России как стратегическая цель // Народонаселение. 2004. № 3. С. 24.
8. Эксперт: национальное рейтинговое агентство: официальный сайт. URL: <http://www.raexpert.ru>.

НИКИТИН ВИКТОР ВАСИЛЬЕВИЧ. См. с. 354.

КРАСНОВ АНДРЕЙ ГЕОРГИЕВИЧ – кандидат экономических наук, доцент, Чебоксарский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, Чебоксары (k1axd1@yandex.ru).

KRASNOV ANDREY GEORGIEVICH – candidate of economics sciences, assistant professor, Cheboksary Branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of Russia, Russia, Cheboksary.

УДК 330.341.1(470+570)

С.Б. ЕГОРОВА

ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: инновации, инновационная модель развития, модернизация, конкуренция, конкурентные преимущества, нанотехнологии.

Рассмотрены трудности модернизации экономики и её перехода к инновационному пути развития. Обозначены проблемы, которые требуют первоочередного решения.

S.B. EGOROVA

PROBLEMS OF FORMATION OF DOMESTIC INNOVATIVE ECONOMY

Key words: innovations, innovative model of development, a competition, modernization, competitive advantages, nanotechnology.

Difficulties of modernization of economy and its transition to an innovative way of development are considered. Problems which demand the prime decision are designated.

На фоне положительной динамики многих макроэкономических показателей за 2000-2009 гг. появилась возможность обозначить эти годы периодом экономического роста. Наблюдался рост ВВП в среднем на 7% в год, росли внешнеторговый оборот и международные резервные активы, стабилизационный фонд составил 3851,8 млрд руб. уменьшился государственный внешний долг до 40,8 млрд долл. и сократился до 3,5% к ВВП.

Однако во многих научных публикациях достаточно аргументированно обозначено, что это – «рост без развития». Известно, что в ценовой структуре прироста ВВП преобладает фиктивная составляющая: конъюнктурный рост цен на нефтяном рынке и рынке других ресурсов, услуги финансового посредничества, финансовой деятельности, накрутки оптовой и розничной торговли, операции с недвижимостью и аренда. Вклад обрабатывающей промышленности в темп роста ВВП составил лишь 2,9% [7].

В России на фазе оживления и роста наблюдаются застой технологической базы и падение научно-технического и интеллектуального потенциала страны. Снижается производительность труда. Ухудшаются качество рабочей силы и эффективность ее использования. По мнению аналитиков, «глубочайший кризис поразил лучшие наукоемкие отрасли российской индустрии: машиностроение, ВПК, электронную, радиотехническую промышленность. На грани исчезновения самолетостроение, станкостроение» [5].

В сложном положении находится сельское хозяйство страны. Аналитики предсказывали, что поддержка, оказываемая государством аграрному сектору, недостаточна и ведет к упадку важнейшей жизнеобеспечивающей отрасли. «Стоимость недостающего продовольствия можно оценить, ориентируясь на цены мировых... бирж, в 31,5 млрд долл.» [4. С. 174]. Подчеркивается, что большая его часть импортируется. В то же время поддержка, оказываемая сельскому хозяйству страны, крайне скудна: 20 евро на 1 га против 750 евро в среднем в странах ЕС.

В последнее десятилетие наблюдается значительный приток импорта на российский рынок, который вытесняет с внутреннего рынка менее конкурентного

отечественного производителя. Из всех видов деятельности, обеспечивающих потребительский спрос, сократилось производство текстильной и швейной продукции, а также обуви, кожи, замедлилось производство продукции в сельском хозяйстве. В связи с этим увеличилась зависимость от импортного сырья и мировых цен на продовольствие и продовольственное сырье, что усиливает инфляционное давление на российский потребительский рынок.

В то же время страна находится в тисках сырьевого экспорта, который разрушает традиционную отраслевую структуру в угоду экспортноориентированных отраслей, усиливает неопределенность, связанную с колебаниями мировых цен, в конечном итоге уязвимость национальной экономики. Эти факты говорят о том, что рост показателей экономики не ведет к развитию, расширению и укреплению экономической мощи страны.

Благоприятная внешнеэкономическая конъюнктура, накопление золотовалютных резервов, нарастание профицита государственного бюджета начиная с 2001 г., формирование и рост стабилизационного фонда не решили проблему инновационного инвестирования реального сектора экономики. Очень серьезная причина этого – моральный и физический износ основных производственных фондов. Безнадежно устаревшая материально-техническая база не может привести к созданию конкурентоспособного продукта как на внутреннем, так и на внешнем рынке.

Выходом из экономического кризиса и создавшегося положения является массовое обновление основного капитала, поднимающее экономику на качественно новый уровень и более высокую производительность труда.

Как показывают расчеты ИЭ РАН и других научных учреждений, для ослабления кризисного состояния материально-технической базы инвестиции должны были возрастать ежегодно на 30-35%. Фактически они возрастали в 2,5 раза меньшими темпами (13,6%). В 2009 г. объем капитальных вложений в основные фонды составил лишь 50% к объему 1990 г. Существенное сокращение инвестиций в технические и технологические базы привело к отставанию России от развитых стран на 17-20 лет [1].

Даже сама нефтяная промышленность, зарабатывающая на экспорте огромные средства, бедствует от нехватки инвестиций, физически и морально стареет оборудование (в нефтепереработке износ основных фондов превысил 80%), изнашиваются трубопроводы. Природная рента, формирующаяся за счет экспорта энергоносителей и сырьевых товаров, ушла на погашение государственного внешнего долга, накопление стабилизационного фонда, размещаемого за рубежом, и другие формы вывоза капитала из страны. В связи с этим наблюдаются накопление государственных активов и сырьевой рост без качественного развития. Это не позволяет ни диверсифицировать производство, ни повышать качество рабочей силы, т.е. создать необходимые условия выхода на инновационный путь развития. Выход из этого депрессивного состояния, оживление производства и экономический рост без массового обновления основного капитала невозможны.

Очевидна необходимость преодоления неэффективности нынешней модели отечественной экономики, реформирования структуры экономики в пользу инновационного развития, внедрения новых наукоемких производств при усилении роли государства в контроле за инвестиционными процессами в экономике страны. Некоторая работа в этой сфере начата.

В ноябре 2008 г. Правительством Российской Федерации принята и утверждена Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., в которой определены пути и способы устойчивого повышения благосостояния российских граждан, национальной безопасности, динамичного развития экономики, укрепления позиций России в мировом

сообществе, а также цели, целевые индикаторы, приоритеты и основные задачи долгосрочной государственной политики в социальной сфере, в сфере науки и технологий, а также структурных преобразований в экономике; системные вызовы, отражающие как мировые тенденции, так и внутренние барьеры развития.

В апреле 2010 г. Правительством Российской Федерации принято и утверждено Положение о национальной нанотехнологической сети, в котором определяются цели, основные задачи и принципы функционирования, а также основные составляющие национальной нанотехнологической сети.

Однако научно-технологический комплекс России находится в состоянии глубокого кризиса. Серьезной проблемой успешного внедрения инновационной политики в России является отсутствие спроса на научные прикладные исследования – инновации. Невозможно заставить предпринимателей заниматься тем, на что нет спроса.

Об этом свидетельствуют следующие цифры, приводимые Е.Б. Ленчук: разработку и освоение инноваций ведут сегодня не более 10% промышленных предприятий России (для сравнения: в развитых экономиках нормой считается 60-80%) [2].

Показатель внутренних затрат на исследования и разработки по основным секторам экономики в 2009 г. при проведении международных сопоставлений научно-технического и инновационного развития ведущих мировых научных держав, включая Россию, представлены в таблице.

**Внутренние затраты на исследования и разработки
по основным секторам экономики в 2009 г.**

Страны и группа государств	Внутренние затраты по паритету покупательной способности валют, млн долл.	Внутренние затраты к ВВП, %	Затраты по секторам деятельности, %		
			предпринимательский сектор к ВВП	правительственный сектор к ВВП	сектор высшего образования к ВВП
Россия	20 154,9	1,08	0,71	0,29	0,07
Китай	86 758,2	1,42	1,01	0,28	0,13
США	343 747,5	2,62	1,84	0,29	0,37
Япония	138 782,1	3,39	2,62	0,28	0,43
Республика Корея	35 886	3,23	2,49	0,37	0,32
Германия	66 688,6	2,53	1,77	0,35	0,41
Великобритания	35 590,8	1,78	1,1	0,18	0,47
Франция	41 436,3	2,11	1,34	0,37	0,38
Канада	23 306	1,94	1,06	0,18	0,69
Италия	17 827	1,09	0,54	0,19	0,33
Европейский Союз (ЕС)	242 815,6	1,76	1,11	0,24	0,39
Организация экономического сотрудничества и развития	817 768,9	2,26	1,56	0,26	0,39

Источник. OECD, Main Science and Technology Indicators, April 2009 [8].

По масштабам внутренних затрат на исследования и разработки и их доле в валовом внутреннем продукте Россия уступает всем ведущим странам, кроме Италии. Безусловным лидером по внутренним затратам на исследования и разработки являются Соединенные Штаты Америки.

Доля российской промышленности на мировом рынке наукоемкой продукции составляет лишь 1% (США – 36%, Японии – 30%). Финансирование НИОКР осуществляется на уровне 1% ВВП против 3-4% в технологически развитых странах. Доля инновационной продукции в составе промышленного производства оценивается в 4-5% против 30-35% в указанных странах. В составе затрат на

НИОКР на долю корпораций приходится в России 33%, в США – 68%, Японии – 73%, ЕЭС – 56% [3].

По уровню развития высоких технологий страна отстала на 10-25 лет, а ее доля в мировом производстве высокотехнологичной продукции ничтожно мала и в настоящее время, по разным оценкам, не превышает 0,3-1% (США – 36%, Япония – 30%). Инновационный спрос создается лишь отдельными отраслями, но оптимальной можно считать только инновационную модель развития для всей экономики.

Государство сегодня объявило о поддержке таких стратегических отраслей, как нанотехнологии, атомная энергетика, космос и информационные технологии. Рост инновационного сектора, наряду с перечисленным выше, обеспечивают также технологии глубокой переработки сырья – нефти, газа, леса, металлов и прочих полезных ископаемых.

Актуальна проблема внедрения инноваций. Необходимо ускорить государственный механизм управления инновационной экономикой. Отечественная фундаментальная наука предлагает много интересных разработок, но они нередко остаются только на бумаге, не доводятся до промышленного внедрения. Для нормального функционирования механизма инновационного развития необходимо:

- аккумулировать научные разработки, инновационные проекты и структуры;
- создать производственную базу, позволяющую обеспечить выход на рынок инновационных проектов;
- государственная политика поддержки приоритетных технологий и инноваций;
- адекватная система бюджетных, валютных, кредитных и налоговых инструментов.

Характерно, что инновационные технологии отсутствуют даже в сфере управления, что тормозит развитие инновационных технологий в сфере производства. Отсутствие инновационных менеджеров – серьезный вопрос, сдерживающий активизацию научно-технического потенциала российской экономики. Проблема вывода продуктов на рынок и коммерциализации может быть решена с помощью использования зарубежного опыта.

Правы те ученые и эксперты, которые констатируют отсутствие в России национальной инновационной системы. Сегодня можно говорить только об отдельных сегментах, способных стать базой для её развития. Высокую конкурентоспособность на мировом рынке сохранили такие секторы экономики, как аэрокосмический, оборонный и атомный. Имеются качественно подготовленные инженерно-технические кадры.

Развитие российской инновационной системы сдерживается неразвитостью институциональной среды: интересы государства и бизнеса нередко вступают в противоречие, поэтому в ходе реализации инновационных проектов необходим эффективный механизм, обеспечивающий взаимодействие государственного и частного бизнеса. Формирование институциональной среды предполагает также создание пока отсутствующих предпосылок и стимулов для развития венчурного бизнеса.

В связи со сказанным становится очевидной необходимость комплексного подхода к развитию национальной инновационной системы и структурных реформ экономики, которые позволят устранить диспропорции, тормозящие инновационное развитие российской экономики. Также необходимо значительное усиление роли государства в выполнении им как традиционных, так и социальных функций, связанных с развитием интеллектуально-человеческого капитала – главного фактора экономического развития.

Литература

1. Глазьев С. Перспективы социально-экономического развития России // Экономист. 2009. № 1. С. 3-18.
2. Ленчук Е.Б. Инновационный процесс в переходной экономике (на примере стран Центрально-Восточной Европы и СНГ): автореф. дис. ... докт. экон. наук. М., 2007. 35 с.
3. Нешиной А. Необходимость роста на базе развития // Экономист. 2008. № 2. С. 15-20.
4. Тумаланов Н.В. Проект «Развитие АПК» и перспективы развития сельского хозяйства России // Реализация приоритетного проекта «Развитие АПК»: материалы Всерос. науч.-техн. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2007. С. 169-179.
5. Хубиев К. О содержании новой экономики // Экономист. 2008. № 5. С. 63-70.
6. Цветков В. Подкрепить инновационное развитие промышленной политикой // Экономист. 2008. № 3. С. 30-40.
7. Черковец В. Особенности нового этапа инновационного развития России // Экономист. 2008. № 12. С. 38-55.
8. OECD, Main Science and Technology Indicators, April 2009. URL: http://www.oecd.org/dokument/26/0,3343,en_2649_33703_1901082.html.

ЕГОРОВА СВЕТЛАНА БОРИСОВНА – старший преподаватель кафедры бухгалтерского учета и аудита, Филиал Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета в г. Чебоксары, Россия, Чебоксары (its@cbx.ru).

EGOROVA SVETLANA BORISOVNA – senior teacher of Accounting and Auditing Chair, Branch of Saint-Petersburg State University of Engineering and Economics in Cheboksary, Russia, Cheboksary.

УДК 334.7(470.344)

Л.Г. ЕФРЕМОВ, С.Г. ДЕНИСОВ, Г.Д. ПЕТРОВА

**РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА
И МЕХАНИЗМЫ УПРАВЛЕНИЯ МАЛЫМ БИЗНЕСОМ**

Ключевые слова: специфика, регион, малый бизнес, механизмы, управление.

Изучены место и роль, региональная специфика малого бизнеса, механизмы управления им. Рассмотрены вопросы формирования результативного взаимодействия предпринимательства с органами законодательной и исполнительной власти в регионах.

L.G. EFREMOV, S.G. DENISOV, G.D. PETROVA

REGIONAL SPECIFICITY AND MECHANISMS OF SMALL BUSINESS MANAGEMENT

Key words: specific, region, small business, mechanisms, management.

The article is devoted to regional specificities and mechanisms of small business management; the place and role of small business, creation of effective interaction of business methods with the legislative and executive authorities in the regions.

На современном этапе экономическая политика в регионах реализуется с учетом особенностей территориальных факторов, возникающих диспропорций и экономического потенциала муниципальных формирований. Низкая доходность отраслей, безработица, инфляция, снижение покупательской способности населения, рост преступности, потеря доверия населения к власти – это главные проблемы в регионах страны.

Первостепенная задача регионов состоит в создании правового и экономического климата, который бы позволил малому бизнесу не только выживать, но и успешно развивать другие сферы экономики.

Многочисленные исследования показывают, что в большинстве регионов России созданы специальные институциональные инфраструктуры: агентства, фонды, оказывающие поддержку малому предпринимательству. Прежде всего, они носят консультационный характер в правовой базе, так как происходят постоянные изменения в законодательстве. Тем не менее деятельность этих агентств и фондов по поддержке малого предпринимательства не всегда опирается на глубокое изучение опыта, эффективных механизмов развития малого бизнеса. Для реализации политики развития малого предприниматель-

ства региональный аспект имеет кардинальный смысл. Однако местные органы власти не учитывают экономические и политические особенности своих регионов с целью конкретного содействия интересам предпринимателей.

На федеральном уровне неэффективность экономической стратегии усиливает негативное воздействие на результативность регионального управления в сфере малого предпринимательства, особенно на уровне муниципальных органов.

Основная часть налогового потенциала муниципальных образований сосредоточивается на федеральном уровне, поэтому финансовая поддержка в виде субсидий и дотаций малому бизнесу оказывается в незначительном объеме.

До сих пор отсутствует целенаправленная государственная политика по поддержке и развитию малого бизнеса, и при формировании законодательной базы в бюджетном планировании вопросы и нужды малого бизнеса как приоритетные направления не рассматриваются. Противоречивость в законодательстве, наличие финансовой нестабильности, невыполнение взятых на себя обязательств органами регионального управления по отношению к малому предпринимательству, кадровая неразбериха вызывают у предпринимателей неуверенность в перспективе, в конечном счете ведут к свертыванию деловой предприимчивости.

К сожалению, в современных условиях конкуренцию в регионах за средства государственной поддержки выигрывает не тот, кто производит товары, а тот, кто управляет их потоками, вернее, тот, кто ближе к финансам, а не разработчики новых технологий и не квалифицированные кадры в здоровом бизнесе. Поэтому целью регионального развития становится увеличение капитализации региона – рост стоимости активов, находящихся на его территории и вовлекаемых в систему глобальных обменов.

В последнее время вошла в практику подготовка национальных региональных программ по социально-экономическому развитию регионов, в том числе в малом предпринимательстве. Тем не менее мы не обладаем достоверными данными ни по количеству малых предприятий, ни по количеству занятых в данной сфере экономики, ни по конкурентоспособности продукции, ни по перспективам их развития. Из-за несовершенства законодательно-нормативной базы представители малого и среднего бизнеса скрывают численность своих работников, ведут «двойную бухгалтерию», можно с уверенностью сказать, что при выявлении нарушений предприниматели, как правило, просто откупаются.

Значение малого бизнеса в развитии экономики регионов в связи с вступлением России во Всемирную торговую организацию (ВТО) возрастает. Ключевую проблему финансирования, поддержки и регулирования малого предпринимательства конкретного региона с учетом его особенностей может решить только местное самоуправление. Если малый бизнес рассматривать как основу развития цивилизованных рыночных отношений в экономике региона, то сегодня он представляет собой теневой или нелегальный бизнес, слившейся с коррумпированной властью всех уровней управления. Все это может привести к уничтожению малого предпринимательства, а в будущем – к социально-экономическому кризису. Здесь важно отметить, что именно малый бизнес заметно оживил экономику, заполнил потребительский рынок, организовал рабочие места, расширил торговые сети и пополнил бюджеты всех уровней. При этом предпринимательство развивалось при отсутствии необходимой поддержки со стороны местного самоуправления. Однако нельзя полностью отвергнуть участие муниципалитетов в малом бизнесе. Успехи в ряде регионов страны напрямую связаны с деятельностью муниципальных органов.

Стабильность социальной структуры любого общества в большинстве случаев определяется тем, как представлен в нем средний класс, к основным характеристикам которого относятся массовость, материальная обеспеченность, экономическая, политическая и предпринимательская предприимчивость. Историче-

ски средний класс в развитых странах сформировался за счет предпринимателей, мелких собственников и людей свободных специальностей, а также роста уровня доходов высококвалифицированных наемных работников, их тоже стали относить к среднему классу. Традиционно средний класс является «поставщиком» предпринимателей. Результативное развитие малого бизнеса, по мнению авторов, способствует решению многих региональных проблем. К ним относятся:

- содействие структурной перестройке экономики региона;
- формирование социального слоя собственников предприятий;
- освоение и использование местных источников сырья и отходов крупных производств;
- создание дополнительных рабочих мест;
- освобождение государства от низкорентабельных и убыточных производств путем продажи или передачи в аренду;
- привлечение личных средств населения для развития производства;
- насыщение местных рынков товарами, улучшение качества;
- создание вспомогательных и обслуживающих производств для крупных предприятий.

Решение указанных проблем, которые присущи почти всем регионам, невозможно без эффективного развития малых предприятий, что позволяет раскрыть дополнительные возможности региона.

Значение малого бизнеса в условиях хозяйственной самостоятельности регионов выходит на более высокий уровень. Малые предприятия должны во многих регионах нести основную бюджетную нагрузку, при этом создавать конкурентную среду в регионе, позволяющую производить товары и услуги в полном соответствии с запросами потребителей и требованиями рынка.

Таким образом, укрепление инновационной и экономической возможности государства должно начинаться с местных, локальных рынков, способствующих росту благосостояния населения и престижа страны в мировом сообществе. Изменение роли малого бизнеса на региональном уровне в сторону усиления его развития должно быть объективным, если даже со стороны государства и администраций регионов внимание к этому виду бизнеса явно недостаточно, как это происходит на данном этапе. Объективные рыночные законы заставят экономику регионов и в целом государства отдать малому бизнесу свою долю в ВВП.

По мнению авторов, место и роль малого бизнеса должны определяться соответствующими программами по регулированию малого бизнеса. В этой связи стимулирование и льготы необходимы малому бизнесу именно на не развитых в промышленном плане территориях (это сельская местность отдаленных районов).

В регионе общий фон предпринимательской деятельности должны определять экономическая обстановка, территориальная дифференциация социальной ситуации, восприимчивость населения к экономическим преобразованиям и способность региональных элит управлять общественно-экономическим состоянием региона.

Необходимо отметить, что чрезвычайно актуально поставлен вопрос о наполняемости и формировании муниципальных бюджетов.

Первостепенные меры, предпринимаемые руководством региона для решения проблем предпринимательства, заключаются в следующем:

- обеспечение взаимоувязки федеральной и областной программ поддержки предпринимательства;
- усовершенствование системы льготного налогообложения малого бизнеса;
- целевое финансирование малого бизнеса;
- дальнейшее развитие системы лизингового обслуживания малого бизнеса;
- развитие франчайзинга в малом бизнесе;
- разработка системы взаимного кредитования предпринимателей;

- создание технопарков, территориально-производственных зон для малого бизнеса в производственно-инновационной сфере на базе реорганизованных конверсионных предприятий;

- разработка общедоступной информационной системы для малого бизнеса;
- совершенствование инфраструктуры поддержки малого бизнеса.

Анализ состояния малого бизнеса за рубежом, в России и Чувашской Республики позволил сформулировать следующие выводы и направления исследования:

- в странах с развитой рыночной экономикой различными организациями и агентствами малый бизнес определяется разными способами. В качестве критериев отнесения к малым предприятиям в основном используются следующие показатели: среднее ежегодное число занятых работников на предприятии, величина (объем) активов предприятия, ежегодный оборот;

- малый бизнес обладает рядом конкурентных преимуществ перед крупными предприятиями, важнейшие из них – это гибкость и маневренность, без которых современный бизнес обречен на неудачу;

- малый бизнес играет очень важную роль в поддержании занятости, т.е. в процессах сбалансированности между спросом на рабочую силу и ее предложением;

- малый бизнес имеет огромное значение в инновационных процессах. В США и Западной Европе малый бизнес осуществил почти 50% крупнейших нововведений на мировом рынке;

- в области конкурентоспособности малый бизнес имеет не только сильные, но и слабые стороны. Его уязвимость выражается в том, что при нехватке финансовых средств малый бизнес вынужден более активно привлекать заемный капитал для реализации своей деятельности;

- малый бизнес в конкурентной борьбе не в состоянии диктовать цены в соответствующей области производства товаров и услуг, как это делают крупные предприятия, он может лишь следовать за их ценовой политикой;

- проблемами малого бизнеса являются высокие расходы на рекламу, сложность доступа к специализированной информации поиска клиентов, оплаты юридических и деловых услуг. Имеются проблемы личностного порядка, низкий уровень специализации и некомпетентность управленцев, единоличная ответственность предпринимателя за свой бизнес;

- по результатам мирового опыта можно сделать вывод, что государству необходимо поддерживать малый бизнес, в первую очередь для активного влияния на процесс демополизации производства, насыщения национального и внешнего рынков товарами, услугами и новыми технологиями, сглаживания колебаний экономической конъюнктуры;

- разностороннее изучение зарубежного опыта по поддержке малого бизнеса актуально для России, в то же время прямое копирование форм организации малого бизнеса не будет эффективным для нашей страны ввиду отсутствия мощных бюджетных средств, поэтому необходимо искать новые пути организации и функционирования малого предпринимательства;

- созрела необходимость переориентации системы финансовой поддержки малого бизнеса на эффективное использование минимально необходимого объема централизованных ресурсов. Постепенный переход от льготного кредитования отдельных инновационных проектов к преимущественному использованию инструментов косвенной поддержки позволит существенно расширить круг получателей финансовых средств;

- бесспорно, что в обстоятельствах отсутствия бюджетного финансирования необходимо активное привлечение и использование внебюджетных источников финансирования;

– созрела необходимость разработки более глубокой методологической базы для оценки и вероятных преобразований деятельности малого бизнеса.

Государственное регулирование и поддержка для предпринимательства заключаются в организации благоприятной экономической, правовой, социальной, политической среды и организационном обеспечении развития его цивилизованных форм.

Механизмы государственного регионального и муниципального управления по развитию малого бизнеса представляют собой результативную, взаимоотлаженную систему технологий, институтов государственного регулирования, ориентированных на удовлетворение потребностей населения регионов, в целом страны, при условии независимости предпринимательских предпочтений и экономической самостоятельности [1. С. 410].

Исторический ход развития рыночных отношений в России сформировал следующие первостепенные механизмы:

- механизм защиты прав и свобод человека;
- механизм административного барьера, взаимодействия малого бизнеса с банковской инфраструктурой;
- механизмы валютного регулирования, операции банкротства;
- механизм налогового потенциала;
- механизмы (информационного, правового, экономического, политического, экологического регулирования);
- механизмы (социального, кадровой системы обеспечения);
- механизмы контроля качества товаров.

Главный механизм, который объединяет всю систему – это механизм защиты прав и свобод человека, который регламентируется Конституцией РФ.

Итак, недостаточный интерес государства к вопросам поддержки и развития малого предпринимательства не позволяет обеспечить рост экономической эффективности и функционирования предприятий малого бизнеса. Результаты анализа [4] показывают, что именно этот сектор экономики, не требуя больших начальных инвестиций, гарантирует ускоренный оборот ресурсов, экономно и стремительно решает вопросы реструктуризации экономики, оперативно реагирует на изменение конъюнктуры рынка, придает экономике гибкость и устойчивость.

Литература

1. Кравченко Л.И. Анализ хозяйственной деятельности. М.: Новое знание, 2003. 412 с.
2. Малое предпринимательство в России: прошлое, настоящее, будущее / под ред. Е.С. Ясина, А.Ю. Чепуренко, В.В. Буева. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2003. 220 с.
3. Мишурова И.В. Малое предпринимательство в региональной экономике / Ростовская гос. экономическая академия. Ростов н/Д., 2000. С. 16.
4. Условия и факторы развития малого предпринимательства в регионах РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.opora-tmn.ru/news.htm?kalo&new.=578-45.

ЕФРЕМОВ ЛЕОНИД ГЕОРГИЕВИЧ – доктор экономических наук, профессор кафедры электроснабжения промышленных предприятий, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (efremov1@chuvsu.ru).

EFREMOV LEONID GEORGIEVICH – doctor of economics sciences, professor of Electric Power Industry Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

ДЕНИСОВ СТАНИСЛАВ ГРИГОРЬЕВИЧ – преподаватель кафедры финансов и кредитов, Филиал Российского социального государственного социального университета в г. Чебоксары, Россия, Чебоксары (denisovsg@yandex.ru).

DENISOV STANISLAV GRIGORIEVICH – lecturer of Finance and Credit Chair, Branch of Russian Social State University in Cheboksary, Russia, Cheboksary.

ПЕТРОВА ГАЛИНА ДМИТРИЕВНА – доктор философских наук, профессор кафедры философии и методологии науки, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (Alibipro@mail.ru).

PETROVA GALINA DMITRIEVNA – doctor of philological sciences, professor of Science Philosophy and Methodology Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 334.7(470.334)

Л.Г. ЕФРЕМОВ, С.Г. ДЕНИСОВ, Г.Д. ПЕТРОВА
РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ МАЛОГО БИЗНЕСА

Ключевые слова: регион, малый бизнес, рыночная экономика.

Рассмотрены региональные аспекты, роль и значение малого бизнеса в экономике региона.

L.G. EFREMOV, S.G. DENISOV, G.D. PETROVA
REGIONAL DIMENSION OF SMALL BUSINESS

Key words: region, small business, market economy.

Regional aspects, role and importance of small businesses in region economy is considered.

На современном этапе организация рыночных отношений приводит к процессу закономерного изменения состояния экономики региона, повышая роль малого бизнеса. В результате меняющихся направлений в развитии экономики возникают новые предпосылки для становления экономической стратегии, проводимые органами государственной и муниципальной власти регионов.

Экономическая политика в регионах реализуется с учетом особенностей территориальных факторов, возникающих диспропорций и экономического потенциала муниципальных формирований. Низкая доходность отраслей, безработица, инфляция, снижение покупательской способности населения, рост преступности, потеря доверия населения к власти – это главные проблемы в регионах страны. То состояние, в которой находится наша страна сегодня, показало, что решение данных проблем необходимо искать в процессе разработки научно обоснованных региональных программ. Эти программы должны быть направлены на повышение уровня социально-экономического развития, основанного на предпринимательском ресурсе как средстве развития современной рыночной экономики, которая построена на многообразии форм собственности. В конечном итоге это будет способствовать полной реализации потенциала региона и обеспечить его переход от дотационного к автономному самообеспечению.

Значение малых организаций во всем мире признана в стабильном экономическом и общественном развитии. Примерно 60% работающих в Европейском Союзе (ЕС) заняты на малых и средних предприятиях, на которые приходится без малого половина товарооборота в сфере частной экономики [3. С. 88]. В этих странах используются различные формы и средства государственного регулирования и поддержки бизнеса. В этой связи первостепенная задача состоит в создании правового и экономического климата, который позволил бы малому бизнесу не только выживать, но и успешно развивать другие сферы экономики. В странах ЕС разрабатывается особая политика по поддержке малого бизнеса, главными целями которой являются: формирование международной конкурентоспособности национальных предприятий; организация новых рабочих мест; количественный и качественный рост малых предприятий; привлечение иностранных инвестиций; развитие инноваций; передача технологий и т.д.

Определение национальной политики в большинстве стран-членов ЕС в отношении малого предпринимательства является прерогативой государства, где на уровне регионов реализуются конкретные мероприятия. Бесспорно, в этом случае политика центральных и региональных властей должна быть скорректированной и сбалансированной, чтобы не усиливать конкурентоспособность предприятий [2].

Анализ опыта многих развитых стран показывает, что в период экономического кризиса малый бизнес был определен как ориентир экономического роста [5]. На его реализацию были направлены основные ресурсы потенциала развития для обеспечения дальнейшего прогресса национального хозяйства. В отличие от России присутствие и функционирование различных инфраструктурных организаций в нужном количестве, отсутствие административных барьеров при регистрации предприятия способствуют решению многих проблем малого бизне-

са. Большое количество консультационных центров по созданию, становлению, получению кредитов, подбору поставщиков – немаловажные факторы доверия зарубежных предпринимателей к власти. Это является главным для существования свободной конкуренции.

Малый бизнес на этапе преобразования всей экономической системы является базой для создания рабочих мест, удовлетворения потребительского спроса. Данная сфера обеспечивает поступление налогов в бюджеты всех уровней, причем с минимальными временными и финансовыми затратами адаптирует экономику региона к внешним и внутренним факторам и развивается, достигая максимизации своей прибыли.

При взаимодействии экономического потенциала малого бизнеса с крупным бизнесом открываются большие возможности для последнего, и чем больше предпринимательский ресурс у малого бизнеса, тем мобильней крупный бизнес. Например, опыт развития Японии, Китая и других стран демонстрирует наибольший прирост внутреннего валового продукта.

Развитие рыночных отношений в России определило лидирующие и конкурирующие регионы как по экономическим показателям, так и по структуре предприятий. В создавшейся ситуации видно, чем глубже осуществляется процесс преобразования экономической системы, тем значительнее различие социально-экономических показателей по регионам.

Специфический характер депрессивности регионов указывает на рост нестабильности, как экономической, так и политической. Отличия в дотационном обеспечении способствовали формированию слабых и сильных регионов, что предопределило основную задачу государства – выравнивание уровня развития регионов через реализацию региональных программ на современном этапе развития рыночных отношений.

В стадии становления рыночных отношений отсутствие информированности, слабая готовность административного аппарата, а иногда расчет на саморегулирование рынка, не способствовали реализации экономических законов рыночной экономики. Это и повлияло на развитие рыночных реформ. Легитимированное малое предпринимательство в условиях отношений купли-продажи, обмена товаров (сфера материального обращения) стабилизировало социально-экономический кризис в регионах, обеспечив население ввозимыми товарами и продуктами первой необходимости.

Исходя из этого, можно предположить, что в сфере малого бизнеса шел процесс накопления спекулятивного капитала, что создало условия для дальнейшего развития нелегального производства товаров в регионах, а в ряде случаев – незаконного вида экономической деятельности.

Из чего следует, что совокупность организованных механизмов, форм, методов, инструментов и процессов, обеспечивающих общие условия эффективного функционирования рыночной экономики, особенно в малом бизнесе, не сформировалась.

Результативность экономических реформ, социально-экономическое положение большего числа регионов России, в частности, Чувашской Республики, зависят от наличия природных ресурсов. Регионы, богатые природными ресурсами, развиваются интенсивнее, чем другие. Обычно в «богатом регионе» достигнут сравнительно высокий рост малого и среднего бизнеса.

Именно малый и средний бизнес при эффективном способе организации управления и государственной поддержке мог бы обеспечить рост производства товаров и оказания услуг с минимальными затратами ресурсов.

Эффективность и динамичность реформ в экономике обеспечиваются путем координирования и наилучшего сочетания интересов всех групп и слоев населения, создавая заинтересованность у всех экономических субъектов в преоб-

разовании. При этом очень важно, чтобы цели и содержание действий, последовательность операций по изменению экономики не были оторваны от жизненных реалий большинства людей, чтобы они были понятными и выгодными для них. Способы и результаты перестройки не должны приводить к противоречиям и конфликтам в обществе, а, напротив, должны формировать толерантное отношение. Лишь в этом случае они будут иметь позитивный результат и приведут к устойчивым изменениям в социально-экономической структуре и поведении экономических субъектов [4. С. 51].

Коренная перестройка общественно-экономической системы страны, регионов с глубинными институциональными устоями не могла быть осуществлена без масштабных преобразований. Ход радикальных реорганизаций затрудняется усиливающимся социально-экономическим различием уровня развитости регионов с их характером и факторными особенностями [5. С. 16].

Формирование результативного устройства взаимодействия предпринимательства с органами законодательной и исполнительной власти является необходимым условием для развития и функционирования экономики региональных предприятий.

Результативное развитие малого бизнеса способствует решению многих региональных проблем, а именно:

- структурной перестройке экономики региона;
- формированию социального слоя собственников предприятий;
- освоению и использованию местных источников сырья и отходов крупных производств;
- созданию дополнительных рабочих мест;
- освобождению государства от низкорентабельных и убыточных производств путем продажи или передачи в аренду;
- привлечению личных средств населения для развития производства;
- насыщению местных рынков товарами, улучшению качества;
- созданию вспомогательных и обслуживающих производств для крупных предприятий.

Решение указанных проблем, которые присущи почти всем регионам, невозможно без эффективного развития малых предприятий, что позволяет раскрыть дополнительные возможности региона. Для получения таких результатов необходимо решить следующие вопросы:

- считать вопросы малого и среднего предпринимательства приоритетными на деле, а не формально;
- по программе Минэкономразвития создать в регионах бизнес-инкубаторы на 900-1100 малых предприятий на 9-11 тыс. рабочих мест;
- оказывать содействие в подтверждении соответствия товаров, работ и услуг международным стандартам с целью выхода на мировой рынок;
- развивать кредитование малого бизнеса;
- создать инфраструктуру поддержки малых инновационных предприятий;
- развивать венчурное финансирование малых предприятий.

Первостепенные меры, предпринимаемые руководством региона для решения проблем предпринимательства, заключаются в следующем:

- обеспечение взаимоувязки федеральной и областной программ поддержки предпринимательства;
- усовершенствование системы льготного налогообложения малого бизнеса;
- целевое финансирование малого бизнеса;
- дальнейшее развитие системы лизингового обслуживания малого бизнеса;
- создание технопарков, территориально-производственных зон для малого бизнеса в производственно-инновационной сфере на базе реорганизованных конверсионных предприятий;

- развитие франчайзинга в малом бизнесе;
- разработка системы взаимного кредитования предпринимателей;
- разработка общедоступной информационной системы для малого бизнеса;
- совершенствование инфраструктуры поддержки малого бизнеса.

Анализ сложившихся экономических отношений в организациях малого бизнеса, с одной стороны, и выработка предложений по совершенствованию их управления, создание научно обоснованных условий их функционирования под контролем государства и органов местного самоуправления – с другой, являются необходимыми условиями для развития всего воспроизводственного процесса.

Литература

1. Волков В. Не упустить момент // Эксперт. 2000. № 39. С. 88.
2. Всероссийский съезд представителей малых предприятий // Документы и материалы съезда. М.: ФОП, 1999. С. 51.
3. Гневко В.А. Государственное и муниципальное управление. Менеджмент территорий и отраслей. СПб.: Бизнес-центр, 2001. 350 с.
4. Данилова О.В. Сущность и функции социально-ответственного бизнеса в рыночной экономике // Финансы и кредит. 2005. № 25. С. 51-52.
5. Зарубежный опыт государственной поддержки деятельности малых предприятий [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.rusnauka.com/Econom/3/html.
6. Пащук А.А. Лизинговые компании переориентируются на массовый бизнес // Свой бизнес. 2005. № 8. 533 с.
7. Энциклопедический словарь. Современная рыночная экономика. Государственное регулирование экономических процессов / общ. ред. В.И. Кушлин, В.Г. Чичканов. М.: Изд-во РАГС, 2004. 744 с.

ЕФРЕМОВ ЛЕОНИД ГЕОРГИЕВИЧ. См. с. 398.

ДЕНИСОВ СТАНИСЛАВ ГРИГОРЬЕВИЧ. См. с. 398.

ПЕТРОВА ГАЛИНА ДМИТРИЕВНА. См. с. 398.

УДК 001.894.2

Е.В. ЖИЛЯКОВА, С.Н. ЛАРИН

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ МЕХАНИЗМОВ ФИНАНСИРОВАНИЯ ИНИЦИАТИВНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРОЕКТОВ*

Ключевые слова: перспективные научные исследования, результативность, государственные научные фонды, экспертные оценки, совершенствование механизмов финансовой поддержки.

На основе анализа современного состояния и результативности научных исследований в России предложен комплекс мероприятий, направленных на совершенствование механизмов финансовой поддержки инициативных научных исследований государственными научными фондами.

E.V. ZHILYAKOVA, S.N. LARIN NEW APPROACHES TO THE PRODUCTIVITY ESTIMATION SCIENTIFIC RESEARCHES AND TO PERFECTION MECHANISMS OF FINANCING OF THE INITIATIVE RESEARCH PROJECTS

Key words: perspective scientific researches, productivity, the state scientific funds, expert estimations, perfection of mechanisms of financial support.

On the basis of the analysis of a modern condition and productivity of scientific researches in Russia authors of article offer a complex of the actions directed on perfection of mechanisms of financial support of initiative scientific researches by the state scientific funds.

Состояние проводимых в современной России научных исследований можно охарактеризовать как крайне неоптимальное. Как правило, даже среди

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ (проект № 09-06-00041а).

исследовательских структур одного научно-исследовательского института (НИИ) сосуществуют как подразделения, уровень исследований которых сопоставим с мировым, так и подразделения, научная продукция которых неконкурентоспособна не только на мировом, но и на российском уровне. Эта неоптимальность еще более наглядно проявляется в разрезе отдельных научных направлений: если по некоторым из них российская наука находится на лидирующих позициях, то по большинству направлений современных исследований отечественные ученые находятся далеко не на первых ролях.

Естественно, что для преодоления этой неоптимальности на государственном уровне должны быть разработаны первоочередные меры, направленные на модернизацию российской науки и постепенный вывод ее на лидирующие позиции в мире. По нашему мнению, к наиболее значимым среди таких мер относятся: всестороннее совершенствование действующей системы экспертизы проектов инициативных научных исследований, создание благоприятных условий для подготовки нового поколения квалифицированных научных сотрудников, обеспечение дополнительной финансовой поддержки инициативных научных исследований и разработка новых и совершенно «прозрачных» механизмов финансирования инициативных научных исследований. В этой связи ключевыми задачами политики государства в области развития науки в настоящий момент являются разработка и внедрение адекватных современным условиям механизмов экспертной оценки результативности научной работы как отдельных НИИ и их структурных подразделений, так и проектов инициативных научных исследований, реализуемых небольшими группами наиболее творческих ученых-исследователей. Практическая реализация этих задач позволит, с одной стороны, выявить наиболее перспективных ученых и прогрессивные подразделения в рамках отдельных НИИ, а с другой – повысить научный потенциал отечественных исследователей и создать благоприятные условия для его роста.

В рамках данной статьи мы остановимся на современных проблемах экспертизы результатов научной деятельности и подходах к оценке эффективности труда ученых. Актуальность этих проблем в современных условиях существенно возрастает в связи с необходимостью более рационального использования средств, которые поступают от государства и частных инвесторов для развития российской науки.

Экспертная оценка результативности научной работы как отдельный вид деятельности в нашей стране еще только формируется. Она рассматривает результаты научной, научно-технической, изобретательской и патентной деятельности и заключается в организации, материальном и информационном обеспечении оценки качества и уровня соответствия мировым стандартам непосредственно проводимых в той или иной сфере профессиональных исследований, имеющих научно-техническое содержание.

К основным принципам экспертной оценки результативности научной деятельности отдельных НИИ и их структурных подразделений, а также проектов инициативных научных исследований относятся:

- ориентация на мировой уровень развития научных исследований, требования стандартов и международных соглашений в сфере научно-технической деятельности, нормы и правила технической и экологической безопасности;
- компетентность и высокий профессиональный уровень физических и юридических лиц, проводящих экспертную оценку результативности научной деятельности;
- независимость и правовая защита профессиональных экспертов;
- ответственность за обоснованность, полноту и достоверность экспертных оценок [5].

Экспертная оценка результативности научной деятельности может осуществляться профильными НИИ, высшими учебными заведениями, иными юридическими лицами независимо от форм собственности, специально формируемыми экспертными советами и комиссиями, а также физическими лицами, отвечающими установленным на законодательном уровне требованиям [1]. Для проведения экспертной оценки результативности научной деятельности необходимо привлекать специалистов, которые не только обладают соответствующей компетенцией, но и имеют юридическое право осуществлять экспертную деятельность в той или иной сфере, что предполагает четкую формализацию и изложение всех процедур экспертной оценки в соответствующих положениях и инструкциях. Вместе с тем экспертная оценка результативности научной деятельности характеризуется творческим подходом, а экспертное мышление не может ограничиваться рамками жестких схем. В экспертной оценке результативности научной деятельности всегда должна присутствовать определенная степень свободы, поскольку феномен творческой интуиции играет важную роль в проведении профессиональной экспертизы. На этом основании можно сделать вывод о том, что эффективность экспертной оценки результативности научной деятельности отдельных НИИ и проектов инициативных научных исследований во многом зависит от умения эксперта балансировать между свободой творчества и положениями нормативно-методических документов, регламентирующих проведение независимой экспертизы.

В нашей стране нормативно-правовая и законодательная база экспертной оценки результативности научной деятельности находится в стадии формирования. В отдельных сферах (например, строительстве) успешно функционируют специализированные экспертные системы, деятельность которых регламентируется соответствующими нормативно-правовыми актами, ведомственными положениями и инструкциями. Сфера научных исследований как одна из перспективных областей, формирующих основы прогрессивного научно-технического и социально-экономического развития российского общества, нуждается в разработке эффективных механизмов финансовой поддержки и экспертной оценки результативности научной деятельности.

В том случае, когда инициаторами (заказчиками) экспертной оценки результативности научной деятельности являются федеральные органы государственной власти и управления, органы государственной власти и управления субъектов Российской Федерации, местные органы самоуправления, она может иметь статус государственной. Обычно такую экспертизу проводят либо профильные НИИ, либо специально формируемые из числа наиболее известных ведущих специалистов экспертные комиссии. В качестве обязательного документа, принимаемого заказчиком к рассмотрению и учитываемого им при выработке решений, для обоснования которых проводилась экспертная оценка результативности научной деятельности, является заключение государственной научной и научно-технической экспертизы. Государственная экспертиза в сфере научных исследований и научно-технической деятельности была введена Постановлением Совета Министров РСФСР от 01.04.1991 г. № 182 «О введении государственной экспертизы в сфере науки» [3]. В качестве головной организации по проведению государственной экспертизы в сфере науки и научно-исследовательских работ был создан Республиканский исследовательский научно-консультационный центр экспертизы.

В сфере научных исследований и научно-технической деятельности может проводиться общественная и(или) специализированная экспертиза. Ее инициаторами выступают представители общественных объединений и собраний акционеров, а также отдельные граждане. Основанием для проведения такой экспертизы является соглашение или договор. Заключение такой экспертизы носят преимущественно рекомендательный характер, но они также

принимаются заказчиками во внимание, особенно при проведении конкурсов для отбора и финансирования инициативных исследовательских проектов в различных областях научной деятельности.

В качестве основного юридического документа, которым регламентируются отношения между участниками экспертной оценки результативности научной деятельности, выступает договор. Если экспертная оценка результативности научной деятельности организуется и выполняется по поручениям органов государственной власти и самоуправления, то договорные отношения между ее заказчиком, организатором и экспертами могут быть заменены отношениями ведомственной подчиненности. В этом случае бюджетные средства на проведение государственной научной и научно-технической экспертизы включаются в ассигнования на выполнение НИОКР [1]. Экспертная оценка результативности научной деятельности, которую проводит государственная бюджетная организация, финансируется за счет направляемых этой организации бюджетных средств. В соответствии с договором на организацию или проведение специализированной научной и научно-технической экспертизы ее финансирование может осуществляться за счет средств заказчика или других заинтересованных физических и юридических лиц.

В настоящее время критерии фундаментальной науки перестали быть востребованными для оценки практических результатов научной деятельности, а также различных прикладных разработок. В современных реалиях работает схема, когда акт о внедрении результатов научной деятельности с последующим списанием финансовых средств и материальных ресурсов подписывают представители аппарата управления, которые, как правило, весьма далеки от науки и не всегда компетентны в существе вопроса. Но при их непосредственном участии положительно решаются многие вопросы финансирования НИОКР, в том числе и в форме прямого лоббирования. Поэтому совсем не случайно вопросы повышения качества и открытости результатов экспертизы научной деятельности российских НИИ, а также проектов инициативных научных исследований, реализуемых небольшими группами отечественных ученых, стали предметом активной дискуссии в российском научном сообществе. По мнению многих ученых, оценка результатов научной деятельности по факту подписания акта об их внедрении и последующих финансовых поступлений не ставит никакого заслона от злоупотреблений. Сторонники этого принципа отдают приоритет важности прикладным разработкам и видят определенные выгоды в приобретении уже готовых современных технологий за рубежом и их последующем внедрении в России. Действительно, для проведения фундаментальных исследований нужны финансовые средства, объем которых существенно превышает затраты на закупку и сопровождение запатентованных технологий. Однако при этом нельзя забывать о том, что без развития фундаментальной науки в среде российских ученых скоро может не остаться специалистов, способных квалифицированно и качественно осуществить научную экспертизу действительно новых и прорывных исследований. Другим негативным последствием такого подхода может стать активное вытеснение российских ученых мирового уровня из экспертного сообщества с последующим развитием в нашей стране лженаучных явлений. Экспертиза результатов научной деятельности всегда была одной из важнейших функций Российской академии наук (РАН) и сегодня настало время настойчиво доказывать тот факт, что РАН является, прежде всего, сообществом экспертов, ответственных за качество проводимых в нашей стране исследований и их соответствие мировому уровню. Только так можно поставить эффективный заслон всем желающим заполучить выделяемые из федерального бюджета и поступающие от частных инвесторов средства, предназначенные для развития российской науки.

Распределение субсидий на проведение научных мероприятий и инициативных исследовательских проектов производится в соответствии с Приказом

Министерства образования и науки РФ от 18.03.2008 г. № 97 «Об утверждении Правил предоставления из федерального бюджета в 2009-2011 годах субсидий Министерством образования и науки Российской Федерации, Федеральным агентством по науке и инновациям, Федеральным агентством по образованию, Российским фондом фундаментальных исследований, Российским гуманитарным научным фондом» [4]. Поскольку Указом Президента РФ от 04.03.2010 г. № 271 Федеральное агентство по науке и инновациям и Федеральное агентство по образованию были ликвидированы, то их функции были переданы Министерству образования и науки [6]. В этой связи для своевременного получения бюджетных средств организации-адресаты финансирования должны заключать договора непосредственно с Министерством образования и науки.

В соответствии с указанным документом Минобрнауки осуществляет поддержку научной деятельности посредством:

- предоставления финансового обеспечения для грантов Президента РФ и грантов поддержки ведущих научных школ России;
- предоставления субсидий российским организациям, осуществляющим международное научно-техническое сотрудничество;
- предоставления субсидий организациям, выполняющим НИОКР по приоритетным направлениям научного развития, разработки и внедрения инновационных технологий, продуктов и услуг;

– финансового обеспечения деятельности по формированию, ведению и организации использования федеральных информационных фондов, баз и банков данных (финансирование осуществляется по договору с ФГУП «ВНИИЦ») [6].

Как видим, в России на самом высоком уровне предпринимаются усилия, направленные на формирование системы стимулирования результативности научной деятельности и обеспечение ее успешного функционирования. Сегодня она представлена президентскими и правительственными грантами, а также различными целевыми грантами субъектов Федерации и грантами, которые учреждаются научными фондами (Российским фондом фундаментальных исследований, Российским гуманитарным научным фондом и др.). Гранты Правительства РФ учреждены в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 09.04.2010 г. № 220 «О мерах по привлечению ведущих ученых в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования». В соответствии с этим документом государственная поддержка научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых в российских образовательных и научно-исследовательских учреждениях, осуществляется на конкурсной основе. При распределении правительственных грантов экспертные комиссии в числе наиболее значимых критериев учитывают степень вовлеченности научных коллективов в реализацию приоритетных направлений развития российской экономики, которые могут дать прорывной результат. Максимальный размер гранта на проведение научных исследований в 2010÷2012 гг. не может превышать 150 млн руб. ежегодно, но при наличии объективной необходимости возможно продление проведения научных исследований на срок от 1 года до 2 лет [2].

Выделение грантов осуществляется в форме субсидий, предоставляемых российским образовательным учреждениям высшего профессионального образования, на базе которых будут осуществляться научные исследования. К участию в конкурсах на получение грантов Правительства РФ могут привлекаться как российские, так и иностранные ведущие учёные, а также небольшие творческие коллективы, занимающие лидирующие позиции в конкретной области наук. Определение областей наук для государственной поддержки научных исследований, критериев отбора заявок, победителей конкурсов, рассмотрение отчетов о целевом использовании грантов осуществляет Совет по грантам Правительства РФ. Состав Совета утверждается Правительством РФ по представлению Ми-

нистерства образования науки РФ. При этом высшее учебное заведение вправе расходовать средства гранта Правительства РФ только с согласия ведущего ученого, осуществляющего руководство научным исследованием. Ведущий ученый имеет право участвовать в одном научном исследовании. Количество научных исследований, которые могут осуществляться на базе одного высшего учебного заведения, не ограничено. Ведущий ученый формирует научный коллектив, в состав которого должны входить не менее 2 кандидатов наук, не менее 3 аспирантов и 3 студентов, обучающихся в высшем учебном заведении, на базе которого осуществляется научное исследование. Общий размер вознаграждения ведущему ученому и членам научного коллектива не может превышать 60% от суммы гранта Правительства РФ. Ответственность за достижение результатов осуществления научного исследования, предусмотренного договором о выделении гранта, несет ведущий ученый [2].

Кроме того, существующая система экспертной оценки результативности научной деятельности включает собственные системы экспертизы заявок на проведение фундаментальных научных исследований Российского фонда фундаментальных исследований, Российского гуманитарного научного фонда, Фонда содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере. На Центры регионального научно-технического сотрудничества возложено проведение экспертизы по региональным и межрегиональным научно-техническим программам и проектам, финансируемым из средств бюджетов субъектов Федерации. Непосредственно в регионах различными региональными структурами осуществляется экспертиза инновационных проектов, предложенных для практической реализации. При этом успешное продвижение коммерческих проектов в инновационной сфере, а также инициативных исследовательских проектов в других социально значимых сферах жизнедеятельности общества во многом зависит от качества экспертных оценок. Поэтому на всех стадиях проведения проектных исследований от НИОКР и до продвижения нового продукта на рынок появляется необходимость обращаться к квалифицированным специалистам, обладающим наиболее передовыми знаниями и конкретным опытом.

Однако до настоящего времени существующая в нашей стране практика экспертной оценки результативности научной деятельности отличается крайней непрозрачностью, отсутствием конкуренции и наличием механизмов лоббирования интересов отдельных институтов и известных исследователей. Для решения этой проблемы в последние годы был предпринят ряд попыток и подходов к формализации показателей результативности научной деятельности. К сожалению ни одна из этих попыток не оказалась удачной. Существующие сегодня различные положения и правила проведения экспертной оценки результативности научной деятельности ориентированы, главным образом, на количественные показатели, но при этом в практике экспертной оценки отсутствуют механизмы, позволяющие определять научную значимость производимой научно-технической продукции (статей, отчетов, монографий, инновационных технологий и продуктов), уровень соответствия мировым стандартам и степень их востребованности обществом. Следствием такого подхода является увеличение объемов разного рода отчетности в системе экспертной оценки результативности научной деятельности, что создает серьезные препятствия для эффективной работы российских ученых, но никаким образом не препятствует нецелевому использованию бюджетных средств.

Другой проблемой существующей системы конкурсного отбора и последующей финансовой поддержки инициативных исследовательских проектов являются затянутые и неоптимальные сроки проведения конкурсов. Их результаты становятся известны для потенциальных грантополучателей в конце марта – начале апреля текущего года. Затем примерно 2-3 месяца уходят на оформле-

ние комплекта необходимых документов. Еще 1-2 месяца занимает перевод финансовых средств через казначейскую систему. Даже в самом лучшем случае реальное поступление средств исполнителям приходится на август-сентябрь, а уже в ноябре необходимо представить оформленный в соответствии с установленными требованиями отчет. Таким образом, на проведение непосредственно научных исследований остается не более 3-4 месяцев. Естественно, что за этот период невозможно получить значимые научные результаты. Более того, в ряде научных дисциплин для получения таких результатов объективно требуется достаточно длительный временной период – от 6-8 месяцев до 2-3 лет.

Очевидно, что попытки решения проблемы эффективного расходования средств в сфере научных исследований только за счет применения искусственных бюрократических подходов, ужесточения финансового регулирования и правил отчетности оказались несостоятельными. Более того, имеющийся в России опыт однозначно свидетельствует о том, что введение новых форм и показателей отчетности создает лишь новые препятствия для настоящих исследователей, заставляя их, по существу, тратить свое драгоценное время не на новые научные открытия, а на оформление все большего числа малозначимых документов. Такая практика подталкивает даже законопослушных ученых к использованию не совсем законных приемов для получения финансовой поддержки своих исследований. Условия получения финансовой поддержки из государственных фондов сегодня настолько забюрократизированы, что для получения незначительных по своим объемам финансовых ресурсов необходимо оформить массу документов (формы заявки, договор с организацией финансирования, договора и акты приемки работ со сторонними исполнителями, формы отчетности по проекту, в том числе и финансовой). Все это, естественно, отнимает достаточно много времени, особенно в части сбора подписей руководителей всех уровней и работников бухгалтерии. На этом основании можно сделать вывод о необходимости концептуальной трансформации механизмов государственной финансовой поддержки инициативных научных исследований.

Выходом из создавшегося положения может стать радикальное сокращение объемов и форм отчетности, а также сокращение числа критериев оценки результативности научной деятельности в рамках поддержанных грантов. В качестве определяющего критерия целевого использования средств можно использовать наличие публикаций результатов исследований в перечне научных изданий, рекомендованных ВАК, а также в общепризнанных международных научных журналах. В дальнейшем преимущество при выделении грантов должны получать ученые, создающие высокоцитируемые публикации.

В этой связи главной задачей модернизации системы экспертной оценки результативности научной деятельности является формирование эффективной системы оценки качества научных исследований и уровня их соответствия мировым стандартам. По нашему мнению, такая система позволит наиболее эффективно выявлять действительно перспективные направления научных исследований, дееспособные научные коллективы и отдельных выдающихся ученых для обеспечения их адресной поддержки путем оптимального распределения выделяемых из бюджета средств.

Всестороннее совершенствование системы независимой экспертной оценки результативности научной деятельности должно основываться на отказе от ужесточения бюрократического контроля, выводе системы экспертной оценки результативности научной деятельности из-под контроля государственных структур управления проведением научных исследований (Минобрнауки и РАН) и активном привлечении в качестве экспертов ведущих зарубежных ученых. Кстати, многие зарубежные научные фонды уже давно и активно привлекают наиболее известных отечественных ученых для проведения независимой экспертизы ини-

циативных исследовательских проектов. Сотрудничество с зарубежными учеными в сфере независимой экспертной оценки результативности научной деятельности должно осуществляться в целях эффективного решения сложных задач оценки уровня соответствия инициативных исследовательских проектов современным достижениям мировой науки, а также по иным вопросам, связанным с совершенствованием методологии независимой экспертной оценки, ее нормативно-методической базы и информационного обеспечения.

Для совершенствования механизмов экспертной оценки результативности научной деятельности и эффективного использования финансовых средств, выделяемых на развитие науки, необходимо реализовать ряд мероприятий. К числу наиболее значимых из них относятся следующие:

1) реформирование механизмов конкурсного отбора инициативных научных проектов путем:

- выведения финансирования фундаментальных научных исследований из-под действия Закона о госзакупках № 94-ФЗ [7], который абсолютно не пригоден для проведения конкурсов в сфере научных исследований;

- законодательного закрепления роли и функций независимой экспертной оценки результативности научной деятельности;

- выделения крупных научных грантов только по результатам независимой экспертной оценки результативности научной деятельности;

2) повышение прозрачности всех процедур конкурсного отбора инициативных исследовательских проектов за счет:

- оперативной публикации победивших заявок и в дальнейшем отчетов по ним (за исключением случаев, где подобная публикация нарушает права интеллектуальной собственности или способна подорвать обороноспособность страны);

- предоставления проигравшим участникам рецензий экспертов, объясняющих причины, по которым была отклонена заявка, и позволяющих судить о качестве проведенной экспертизы;

3) переориентация финансовой поддержки наиболее значимых фундаментальных исследований на «длинные» гранты, для чего необходимы:

- разработка и широкое применение новых правовых механизмов, позволяющих финансировать фундаментальные исследования на протяжении нескольких лет (оптимальной представляется схема трехлетнего финансирования с возможностью его пролонгации еще на 1-2 года);

- введение формата «крупных» грантов (в пределах 1-2 млн руб.) на срок не менее 2-3 лет;

- создание и внедрение правовых механизмов, позволяющих переносить остатки средств по грантам в текущем году на следующий финансовый год.

Применение такой схемы позволит не только сгладить неравномерное поступление финансовых средств, но и будет способствовать формированию устойчивых исследовательских коллективов и привлечению молодых ученых для участия в инициативных исследовательских проектах;

4) сохранение независимости и расширение деятельности государственных научных фондов (прежде всего, РФФИ и РГНФ), которые являются наиболее эффективным механизмом распределения финансирования фундаментальных и инициативных научных исследований;

Финансирование государственных научных фондов через Минобрнауки и лишение их статуса «главного распорядителя бюджетных средств» согласно новой редакции Бюджетного кодекса (с 1 января 2010 г.) повлечет за собой распространение на фонды негативного опыта проведения конкурсов и несвоевременной финансовой поддержки научных исследований. В этой связи представляется необходимым:

- сохранить действующий статус государственных научных фондов (РФФИ и РГНФ);

- внести в Бюджетный кодекс необходимые поправки, позволяющие государственным научным фондам осуществлять независимый конкурсный отбор инициативных научных проектов и их финансирование через научные организации, независимо от их ведомственной принадлежности;

- закрепить практику конкурсного распределения грантов на основе результатов независимой научной экспертизы инициативных исследовательских проектов;

- расширить практику финансовой поддержки широкого спектра инициативных исследовательских проектов, тематика которых не определена условиями конкурса, а направлена на решение конкретных социально-экономических проблем;

- создать условия для конкуренции научных фондов на основе сравнения достигнутых при их финансовой поддержке результатов;

- перейти на практике от сметного финансирования научных организаций к прямому финансированию руководителей грантов и повышению степени их ответственности за конечный результат, вплоть до возврата выделенных средств при выявлении их нецелевого использования или при отсутствии значимых научных результатов по окончании отчетного периода;

5) создание в рамках экспертных систем государственных научных фондов сети дееспособных экспертных советов по отдельным направлениям научных исследований, в состав которых по прозрачным и понятным принципам (наличие опубликованных работ в ведущих международных научных журналах с котируемым импакт-фактором за последние 3-5 лет) отбираются ведущие российские ученые;

Принятые такими советами решения не подлежат пересмотру и являются окончательными при распределении бюджетных средств, выделяемых для финансовой поддержки инициативных исследовательских проектов.

Кроме указанных мероприятий представляется целесообразным участие в экспертной оценке конкурсных научных проектов в системе независимой научной экспертизы не только «штатных экспертов», но и других независимых представителей научного сообщества. Это обеспечит, прежде всего, соблюдение принципа прозрачности критериев на этапе выбора экспертов, а также конкурсного отбора инициативных исследовательских проектов для финансирования. Кроме того, следует сделать обязательной открытую публикацию всех результатов проведенных конкурсов в печати и ее размещение на официальных сайтах государственных научных фондов в сети Интернет. Основой взаимодействия государственных научных фондов как с потенциальными «соискателями», так и с любыми другими гражданами должна стать возможность информирования каждого «соискателя» о причинах отказа в поддержке и предоставления ему мотивированного ответа.

Вместе с тем для обеспечения формальной независимости экспертизы и соблюдения ее жесткого регламента необходим правильно организованный бюрократический аппарат, который всегда стремится к расширению и требует все больших затрат на содержание самого себя. Частичное преодоление такой бюрократизации возможно на основе развития сетевых форм и технологий организации экспертной оценки результативности научной деятельности. Внедрение сетевых технологий в области неявного знания, к которым относятся экспертиза, создает дополнительные возможности для проведения качественной научной экспертизы. Совершенствование экспертных знаний посредством создания таких сетей в интересах как государства, так и представителей бизнеса и научного сообщества, нуждающихся в качественной информации для принятия решений. Развитие экспертных информационно-коммуникационных технологий в России

выступает важным фактором образования сообществ независимых профессиональных экспертов, которые организуются изнутри самого научного сообщества.

Литература

1. Андрияшин Ю.Н. Мировые тенденции, цели и задачи формирования независимой экспертизы национальных программ и проектов. Практика международного признания квалификации российских специалистов // Доклад на Третьей Всерос. науч.-практ. конф. «Научное, экспертно-аналитическое и информационное обеспечение стратегического управления, разработки и реализации приоритетных национальных проектов и программ». М.: ИНИОН РАН, 31 мая – 1 июня 2007 г.

2. Постановление Правительства РФ от 09.04.2010 г. № 220 «О мерах по привлечению ведущих ученых в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования». М., 2010.

3. Постановление Совета Министров РСФСР от 01.04.1991 г. № 182 «О введении государственной экспертизы в сфере науки». М., 1991.

4. Приказ Министерства образования и науки РФ от 18.03.2008 г. № 97 «Об утверждении Правил предоставления из федерального бюджета на 2008 и плановый период 2009 и 2010 годов субсидий Министерством образования и науки Российской Федерации, Федеральным агентством по науке и инновациям, Федеральным агентством по образованию, Российским фондом фундаментальных исследований, Российским гуманитарным научным фондом». Зарегистрировано в Минюсте РФ 26 марта 2008 г. Регистрационный № 11412.

5. Силина А.Ю. Оценка научной деятельности исследователей для информационной поддержки принятия управленческих решений: автореф. дис. ... канд. техн. наук. Волгоград, 2010. 20 с.

6. Указ Президента РФ от 04.03.2010 г. № 271 «Вопросы Министерства образования и науки Российской Федерации». М., 2010.

7. Федеральный Закон № 94-ФЗ от 21.07.2005 г. «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд». Принят Государственной Думой 08.07.2005 г. Одобрен Советом Федерации 13.07.2005 г. М., 2005.

ЖИЛЯКОВА ЕЛЕНА ВИКТОРОВНА – кандидат экономических наук, главный специалист отдела комплексного изучения человека, психологии и педагогики, Российский гуманитарный научный фонд, Россия, Москва (lenag@rnf.ru).

ZHILYAKOVA ELENA VIKTOROVNA – candidate of economics sciences, main expert of Russian Foundation of Humanities, Russia, Moscow.

ЛАРИН СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ – кандидат технических наук, старший научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт РАН, Россия, Москва (larinsn@cemi.rssi.ru).

LARIN SERGEY NIKOLAEVICH – candidate of technical sciences, senior scientific employee, CEMI RAS, Russia, Moscow.

УДК 338:005.21

И.В. ИВАНОВА

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАК ИНСТРУМЕНТАРИЙ ВЛИЯНИЯ НА ПЛАНИРУЕМЫЕ К ДОСТИЖЕНИЮ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ОТРАСЛЕВЫХ СОСТАВЛЯЮЩИХ

Ключевые слова: стратегический анализ, функциональное назначение, целевая ориентация, конкурентные преимущества, отраслевые составляющие.

Критически анализируется дефиниция понятия «стратегический анализ», определяются его роль и влияние на достижение планируемых экономических результатов деятельности отраслей промышленности.

I.V. IVANOVA

THE STRATEGIC ANALYSIS AS TOOLKIT OF INFLUENCE ON ECONOMIC RESULTS OF BRANCH COMPONENTS PLANNED TO ACHIEVEMENT

Key words: strategic analysis, functional purpose, the target orientation, competitive advantages, branch components.

Concept definitions «the strategic analysis» are critically analyzed, its role and influence on achievement of planned economic results of activity of industries is defined.

Сущностные представления о понятии «стратегический анализ» у ряда авторов в экономической литературе раскрываются как исследование влияния факторов неустойчивой и постоянно изменяющейся внешней среды и распола-

гаемого ресурсного потенциала на текущее функционирование и перспективное развитие предприятия, отраслевой составляющей (экономического вида деятельности) промышленного комплекса [3]. Можно согласиться с такого рода определением понятия «стратегический анализ» в той части, что данный анализ направлен не только на установление факторов влияния внешней среды на экономическое, финансовое и социальное развитие предприятий, отраслевых составляющих промышленного комплекса, но и на определение количественных, а также качественных изменений результатов и эффективности промышленного производства. В то же время в трактовке понятия «стратегический анализ» отсутствует факторное влияние внутренней среды на социально-экономическое развитие субъектов стратегического управления, замененное авторами на исследование располагаемого ресурсного потенциала.

На наш взгляд, понятие «стратегический анализ» в раскрытии своей сущности должно быть адекватно только его функциональному назначению и целевой направленности воздействия на экономические, финансовые и социальные результаты, эффективность локальных и отраслевых составляющих промышленного комплекса.

В том случае, если функциональное назначение и целевая направленность влияния понятия «стратегический анализ», сформулированное ведущими менеджерами и специалистами, в достаточной мере отвечают предъявляемым к ним требованиям, то и само понятие, исходя из данного методического подхода, «стратегический анализ» сможет иметь высокий уровень адекватности и значимости с его определением.

Действительно, каждый из видов анализа текущего функционирования и перспективного развития социально-экономической системы имеет свои особенности в методах и способах осуществления, но каждый из них, включая стратегический анализ, имеет общую основу выполнения – его функциональное назначение и целевую направленность.

Стратегический анализ используется в системах стратегического управления и планирования средне-, долгосрочного развития субъектов хозяйствования, экономических видов деятельности (отраслевых составляющих) промышленного комплекса как технологический элемент, взаимодействие которого с другими элементами систем стратегического управления и планирования обеспечивает единство и целостность достижения количественных и качественных характеристик стратегической цели, в свою очередь выступающей технологической составляющей систем стратегического управления, планирования.

Функциональное назначение технологического элемента «стратегический анализ» в системе стратегического планирования долгосрочного социально-экономического развития отраслевых составляющих промышленного комплекса, в соответствии с нашими представлениями, состоит в установлении изменений инновационного, экономического, инвестиционно-финансового, социального состояния внешней и внутренней сред в определенных интервалах или в неопределенном времени как факторов влияния на достижение субъектом стратегического планирования максимально возможных экономических, финансовых, социальных результатов.

Вместе с этим в процессе стратегического анализа сложившегося состояния внешней и внутренней сред экономических видов деятельности промышленного комплекса, установления количественных и качественных изменений сред, влияющих на текущие и предстоящие экономические и иные результаты, эффективность используемых ресурсов, менеджмент формирует состав мер, которые должны не только устранить последствия негативного влияния факторов макро-, микросред на социально-экономическое развитие промышленного производства, но и предусмотреть организационно-экономические, научно-инновационные и

финансово-инвестиционные меры по нейтрализации, нивелированию и локализации негативных влияний и содействию положительным факторам влияния внешней и внутренней сред в составе таких технологических элементов системы стратегического планирования, как стратегии развития, а также вне их.

В результате формулирование функционального назначения технологического элемента «стратегический анализ» системы стратегического планирования можно представить так: «Исследование и установление количественных и качественных изменений состояния внешней и внутренней сред в ретроспективном, текущем и средне-, долгосрочном периодах времени как информационной основы для принятия органами планирования субъектов хозяйствования, отраслевых составляющих промышленного комплекса организационно-экономических, научно-инновационных, финансово-инвестиционных, социальных мер противодействия негативным влияниям факторов макро-, микросред, содействия влиянию положительных факторов».

Целевая ориентация технологического элемента «стратегический анализ» в системе стратегического планирования локальных (субъектов хозяйствования) и отраслевых составляющих промышленного комплекса, на наш взгляд, состоит в индивидуальном и совокупном с другими технологическими элементами системы стратегического планирования влиянии на установленную критериально-целевую направленность объекта планирования достигать на определенных этапах развития промышленного производства максимально возможных экономических, финансовых и социальных результатов в условиях наступающих или ожидаемых изменений состояния внешней среды, сложившегося уровня использования ресурсного, организационного и конкурентного потенциалов субъектов хозяйствования, экономических видов деятельности промышленного комплекса.

Поэтому определение функционального назначения и участия технологического элемента «стратегический анализ» в целевой ориентации влияния на максимизацию экономических, финансовых и социальных результатов долгосрочного развития предприятий и экономических видов деятельности предоставляет возможность адекватно сформулировать понятие «стратегический анализ» следующим образом: «Стратегический анализ, выступая технологическим элементом системы стратегического планирования, представляет собой исследование количественных и качественных изменений состояния внешней среды инновационного, социального, экономического, финансового, политического характера, уровней результативности использования ресурсного, организационного и конкурентного потенциалов объектов стратегического планирования для последующего составления и реализации комплексных мер по устранению, противодействию, нивелированию и локализации негативных влияний факторов макро-, микросред, содействия их положительным влияниям в критериально-целевом процессе достижения максимальных экономических, финансовых и социальных результатов, эффективности производства в средне-, долгосрочном периодах развития локальных и отраслевых составляющих промышленного комплекса».

Существующие в экономической литературе другие представления авторов о сущности стратегического анализа не излагаются на основе его функционального назначения и участия в целевой ориентации данной технологической составляющей системы стратегического планирования на достижение максимально возможных экономических и иных результатов в перспективном периоде времени.

В состав основных результатов стратегического анализа влияния макросреды авторы [1] при этом включают установление комплексной оценки конкурентных преимуществ объекта стратегического планирования, закономерностей их образования и развития на основе исследования: организационно-экономических условий для появления новых составляющих конкурентных преимуществ; уровней потребности различных социальных слоев в том или ином товаре, услу-

ге; стратегии субъектов хозяйствования и экономических видов деятельности; конкурентных преимуществ отраслевых кластеров (групп концентраций).

В качестве основных методов оценки влияния внешней среды авторы используют следующие: изменение отраслевой емкости; создание и реализация новых и модернизированных видов продукции; создание и внедрение технологических, информационных, организационных и маркетинговых новшеств; изменения в предпочтениях потребителей продукции, услуг; изменение в нормативно-правовой регламентации деятельности; рост неопределенности во времени ожидания влияния негативных факторов внешней среды.

Следует отметить, что исследование конкурентных преимуществ субъекта хозяйствования или экономического вида деятельности (отраслевой составляющей) промышленного комплекса, в соответствии с методическими положениями оценки сложившегося уровня конкурентных преимуществ отраслевой составляющей, у авторов сопровождается влиянием как внешних, так и внутренних факторов.

Поэтому отнесение данного подхода к анализу влияния внешних факторов на конкурентные преимущества объекта стратегического планирования, на наш взгляд, требует дополнительной аргументации и обоснования данной позиции авторов. Если отраслевые факторы влияния на текущую деятельность и перспективное развитие субъекта хозяйствования являются ближними внешними факторами, то для экономического вида деятельности промышленного комплекса это уже внутренняя среда.

В результате предлагаемая форма стратегического анализа влияния внешней среды на конкурентоспособность предприятия может занимать определенное место в исследовании конкурентоспособности и конкурентного потенциала экономического вида деятельности промышленного комплекса и влиять на него.

В этой связи необходимо отметить, что конкурентные преимущества основных по объемам промышленного производства продукции, оказываемых услуг субъектов хозяйствования не могут в сумме соответствовать конкурентным преимуществам отраслевой составляющей промышленного комплекса. Но в то же время конкурентные преимущества по тем или иным направлениям развития (инновационное, финансово-инвестиционное, экономическое, структурно-организационное, маркетинговое) предприятий отражают характер конкурентного потенциала и конкурентоспособности экономического вида деятельности (отраслевых составляющих) промышленного комплекса.

Внешними факторами влияния на развитие отраслевых составляющих промышленного комплекса выступают конкурентное межотраслевое влияние поставщиков комплектующих, полуфабрикатов, сырья, конкурентная позиция покупателей продукции, услуг [2]. Кроме того, вхождение корпоративных субъектов хозяйствования в ту или иную исследуемую отраслевую составляющую промышленного комплекса способствует росту конкурентоспособности отраслевой составляющей и развитию в ней конкуренции.

Факторами влияния макросреды на социально-экономическое развитие экономического вида деятельности промышленного комплекса, анализ влияния которых на достижение количественных и качественных характеристик стратегической цели позволяет органам планирования развития предприятий, отраслевых составляющих промышленного комплекса принять соответствующие меры для снижения или полного устранения негативного воздействия, выступают такие их группы, как экономические, инновационные, нормативно-правовые, социокультурные, политические и финансовые.

Литература

1. Забелин П.В., Моисеева Н.К. Основы стратегического управления: учеб. пособие. М.: Информационно-внедренческий центр «Маркетинг», 1998.

2. Зуб А. Т. Стратегический менеджмент. М.: Проспект, 2008.
3. Стратегический менеджмент / под ред. А. Н. Петрова. СПб.: Питер, 2008.

ИВАНОВА ИРИНА ВЯЧЕСЛАВОВНА – кандидат экономических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Россия, Санкт-Петербург (ivirina.07@mail.ru).

IVANOVA IRINA VYACHESLAVOVNA – candidate of economics sciences, associate professor, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Russia, St. Petersburg.

УДК 338:005.21

И.В. ИВАНОВА, Э.Н. КРОЛИВЕЦКИЙ

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ СРЕД СУБЪЕКТОВ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

Ключевые слова: внешняя, внутренняя среда, стратегический анализ, негативные воздействия, стратегия противодействия.

Исследуется состояние внешней и внутренней сред, их факторы влияния на процесс достижения планируемых экономических результатов хозяйствующим субъектом.

I.V. IVANOVA, E.N. KROLIVETSKY

THE STRATEGIC ANALYSIS OF EXTERNAL AND INTERNAL CIRCLES OF SUBJECTS OF MANAGING

Key words: external, internal environment, the strategic analysis, negative influences, counteraction strategy.

The condition of external and internal environments, their factors of influence on process of achievement of planned economic results by the managing subject is investigated.

Выделяя основные группы внешних факторов, которые должны быть подвергнуты анализу их влияния на социально-экономическое развитие объектов стратегического планирования, некоторые авторы в исследованиях по технологии стратегического менеджмента [1] акцентируют внимание на необходимости включения в процесс стратегического анализа исследования неопределенности изменений состояния макросреды и на основе результатов установления наиболее вероятных изменений предлагают менеджменту использовать такие обобщающие стратегии по снижению неопределенности влияния негативных факторов макросреды, как изменение внутренних параметров количественного и качественного характера в производственно-хозяйственной деятельности, в использовании ресурсного, организационного и конкурентного потенциалов с целью адаптации принятия организационно-экономических, инновационных, финансовых мер по смягчению, нивелированию негативных влияний макросреды.

В качестве основных мер для адаптации с внешними воздействиями авторы предлагают: изменение видов деятельности; создание материально-технических запасов на случай негативных воздействий макросреды в неопределенном времени; пересмотр сложившихся норм и нормативов потребления материально-технических, трудовых ресурсов; повышение уровня интенсификации производства; приведение в состояние равновесности спроса на продукцию субъекта хозяйствования и ее предложения на рынке.

Принятие в процессе анализа состояния внешней среды управленческих решений о комплексных мерах в ожидании значительных изменений макросреды в неопределенном времени, на наш взгляд, возможно в составе таких частных стратегий, как: оперативное реагирование на наступившие или ожидаемые инновационные, финансовые, экономические изменения состояния внешней среды; инновационные изменения, в соответствии с которыми субъекты хозяйствования, отраслевые составляющие промышленного комплекса стремятся получать

существенные объемы прибыли за счет создания и внедрения технологических, информационных, организационных и маркетинговых новшеств.

Кроме того, приведение нормирования потребляемых ресурсов в соответствие с инновационными изменениями в процессе производства должно осуществляться на постоянной основе и выступать организационно-экономической мерой эффективности функционирования локальных и экономических видов деятельности промышленного комплекса в соответствии с целевой ориентацией на достижение максимально возможных экономических, финансовых и иных результатов в долгосрочном периоде.

Целенаправленное желание менеджмента считать данную меру как стратегию противодействия внешним негативным влияниям, по нашему мнению, малоосновательно, так как стратегический анализ внешней среды должен быть ориентирован на установление наиболее вероятных влияний экономических, инновационных, финансовых, социокультурных и политических факторов в конкретные периоды или в неопределенном времени.

В соответствии с нашими представлениями, на основании стратегического анализа внешней среды, предоставляющего своими результатами определить возможность расширения контингента покупателей продукции, услуг экономических видов деятельности промышленного комплекса, установить финансовое, экономическое и инновационное состояние макросреды, расширяющее или снижающее организационные и экономические устремления объектов стратегического планирования к достижению в перспективном периоде планируемых результатов экономического, финансового, социального характера, субъектом социально-экономического развития предприятия, отраслевой составляющей промышленного комплекса необходимо принять такую обобщающую стратегию, которая позволила бы достичь планируемых экономических результатов, эффективности производства на основе сбалансированности с располагаемым ресурсным потенциалом как при наличии экстраполяционных тенденций, так и в условиях существенных изменений экономического, финансового, инновационного изменения внешней среды.

Таковыми обобщающими стратегиями, принимаемыми на основе результата анализа внешней среды, могут быть стратегии экономического роста за счет использования организационных, ресурсных и инновационных внутренних потенциалов, интеграционных процессов с теми субъектами хозяйствования, которые в своей целевой ориентации нуждаются в соединении всех видов ресурсов с заинтересованным в интеграции субъектом хозяйствования. При этом стратегия целевой ориентации на достижение максимально возможных экономических, финансовых результатов, эффективности производства может быть реализована за счет соединения своих ресурсных возможностей и конкурентных преимуществ с внешними ресурсами.

Следует отметить, что принятие обобщающей стратегии долгосрочного развития за счет собственных или соединенных (интегрированных) с внешними ресурсами выступает фактором для предприятия, отраслевой составляющей сферы услуг, который положительно противодействует как внешнему, так и внутреннему воздействию на изменение экономических, финансовых результатов промышленного производства.

В экономической литературе существуют методические подходы к определению роли стратегического анализа в исследовании общей экономической, конкурентной ситуации в отраслевой составляющей промышленного производства (анализ внешней среды) и внутренней ситуации субъекта хозяйствования [3]. При этом авторы общеотраслевую ситуацию предлагают анализировать на основе: изменения ее экономических показателей (экономический анализ); установления факторов отраслевого влияния на текущую деятельность и средне-

долгосрочное развитие предприятия; определения причин, вызывающих изменение конкурентного потенциала отраслевой составляющей; исследования уровня экономической, инвестиционной привлекательности отрасли и влияния данного уровня на развитие субъектов хозяйствования – объектов стратегического планирования; выявления основных факторов, трансформируемых в ключевые факторы успеха социально-экономического развития.

В данном случае стратегический анализ внешней среды включает лишь исследование влияния состояния отраслевой составляющей на текущее функционирование и перспективное развитие предприятия [3]. Отсутствие широкого круга факторов влияния макросреды на экономические, финансовые результаты, эффективность производства, на наш взгляд, снижает уровень точности и значимости воздействия негативных факторов внешней среды. Кроме того, методические подходы к осуществлению стратегического анализа внешней среды ограничены исследованием использования ресурсного потенциала отрасли и установления влияния сложившегося конкурентного потенциала отрасли на экономические результаты отраслевых субъектов хозяйствования.

Исследование внутренней среды в рамках стратегического анализа предлагается посредством установления внутренних ресурсных возможностей субъекта хозяйствования, экономического вида деятельности создания материально-технических ценностей, оказываемых услуг на каждом из основных этапов разработки, производства, маркетинга и сбыта [2].

Конкретизацией выдвигаемых концептуальных положений у авторов выступают предложения по качественной и количественной оценке материально-технических, трудовых, финансовых и организационных (нематериальных активов) ресурсов; определению финансовых возможностей объекта стратегического планирования по обновлению и модернизации основного капитала, повышению квалификации и профессионального мастерства работников, участию на рынке ценных бумаг; осуществлению сравнительного анализа количественных и качественных параметров ресурсного потенциала и отраслевых нормативов его потребления, а также требований к рационализации его параметров.

Данный методический подход к стратегическому анализу внутренней среды объекта стратегического планирования через исследование сложившегося состояния с ресурсным потенциалом, на наш взгляд, нуждается в дополнении его использования с такими потенциалами, как конкурентный и организационный.

Расширение методического подхода к стратегическому анализу внутренней среды, выражаемое в установлении сложившихся и достигаемых в перспективном периоде времени количественных и качественных параметров используемого ресурсного потенциала совместно с конкурентным и организационным потенциалами, по нашему мнению, более точно отражает направленность стратегического анализа на объективизацию изменений экономических, финансовых показателей в текущем и перспективном периодах.

Стратегический анализ текущего функционирования и перспективного развития предприятия, отраслевой составляющей промышленного комплекса должен включать в себя анализ обобщающих и частных показателей экономических и финансовых результатов, эффективности потребляемых и используемых ресурсов ретроспективной деятельности, а также динамику перенесенных на среднесрочный, долгосрочный периоды экономических и финансовых показателей результативности и эффективности производства.

Корректировка показателей экономического и финансового развития объекта стратегического планирования, установленных на основе экстраполяционных изменений, придание им статуса планово-расчетных, по нашему мнению, возможны не только от приведения планируемых экономических и финансовых результатов в сбалансированное соответствие с ресурсным потенциалом, но и от

введения коэффициента экспертной оценки конкурентного и организационного потенциалов, корректирующего планируемые результаты, затраты на потребляемые и используемые ресурсы, эффективность производства.

Роль стратегического анализа внутренней среды предприятия, экономического вида деятельности в достижении планируемых ориентиров экономических, финансовых результатов, эффективности производства некоторые ученые-экономисты видят в оценке эффективности текущей обобщающей стратегии субъекта хозяйствования, ее конкурентоспособности и конкурентного потенциала, в установлении сильных и слабых сторон деятельности, в использовании потенциальных возможностей выгодных организационных, экономических и финансовых ситуаций для повышения экономических, финансовых и социальных результатов текущего функционирования и перспективного развития, в нейтрализации угроз для экономического роста, соблюдения динамики эффективности производства [4].

Выявление позитивных факторов влияния на экономический рост, поддержание его на максимально возможном уровне на соответствующих периодах стратегического планирования, анализ изменения в средне-, долгосрочном периодах времени структурной доли продукции, услуг на занимаемом сегменте рынка, динамики стоимостного объема производства, величины прибыли, затрат на потребляемые ресурсы также входит в предлагаемый методический подход к стратегическому анализу внутренней среды субъекта хозяйствования, экономического вида деятельности [4].

Данный методический подход к проведению стратегического анализа состояния внутренней среды объекта стратегического планирования, как нам представляется, имеет недостаток, состоящий в том, что получаемые в процессе анализа количественные и качественные изменения экономических и финансовых результатов, эффективности деятельности характеризуют лишь результаты и эффективность осуществляемой стратегии, но не субъекта хозяйствования, отраслевой составляющей производственной или социальной сферы во всем его многообразии направлений и видов производственно-хозяйственной деятельности и лишь отдельные элементы ССВУ-анализа (сила, слабость, возможности и угрозы) дают право на утверждение, что в некоторой степени затронута проблема оценки не функционирования обобщающей стратегии, а в целом сложившихся и возможных изменений внутренней среды субъекта хозяйствования в перспективном периоде.

Литература

1. Зуб А.Т. Стратегический менеджмент. М.: Проспект, 2008.
2. Кондратьева А.В. Концепция стратегии развития промышленного производства. СПб.: Издательский дом «Герда», 2009.
3. Томпсон А. Стратегический менеджмент: концепции и ситуации для анализа: учеб. пособие. М.: Вильямс, 2005.
4. Шлёнская Е.С. Стратегическое управление социально-экономическим развитием сферы услуг: теоретические и концептуальные положения. СПб.: Диалог, 2010.

ИВАНОВА ИРИНА ВЯЧЕСЛАВОВНА. См. с. 415.

КРОЛИВЕЦКИЙ ЭДУАРД НИКОЛАЕВИЧ – доктор экономических наук, профессор кафедры управления экономическими и социальными процессами, Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения, Россия, Санкт-Петербург (svetlana-krolive@mail.ru).

KROLIVETSKY EDWARD NIKOLAEVICH – doctor of economics sciences, professor of Management Economic and Social Process Chair, St. Petersburg State University of Cinema and Television, Russia, St. Petersburg.

УДК 336.645.3

М.А. ИСАЕВА

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕЛЕВОГО КАПИТАЛА НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ РОССИИ И США: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Ключевые слова: некоммерческие организации, целевой капитал, эндаумент, целевой фонд.

Дан сравнительный анализ основных положений законодательства России и США в области целевого капитала некоммерческих организаций. Рассмотрен порядок формирования целевого капитала, инвестирования и осуществления расходов за счет средств целевого капитала в двух странах.

M.A. ISAEVA

LEGAL CONDITIONS OF FORMING NONPROFIT ORGANIZATIONS' ENDOWMENT FUNDS IN RUSSIA AND UNITED STATES OF AMERICA: A COMPARATIVE ANALYSIS

Key words: nonprofit organizations, endowment, designated fund.

The article presents a comparative analysis of the main issues in legal regulation of nonprofit organizations' endowment funds in Russia and USA. Requirements for endowment forming, investment procedures and expenses realization in two countries are reviewed.

В развитых зарубежных странах некоммерческий сектор является полноценным участником экономического кругооборота, участвуя в распределении и перераспределении финансовых ресурсов наравне с коммерческим сектором, государством, домохозяйствами. В развивающихся странах в то же время очень остро стоит проблема финансирования деятельности некоммерческих организаций в силу различных причин. Как правило, этот сектор достаточно молод и не консолидирован, зачастую находится в постоянном поиске новых источников финансовых ресурсов для обеспечения своей жизнедеятельности.

Одним из известных механизмов, призванных обеспечить стабильность финансирования некоммерческого сектора, является механизм целевого капитала, известный также как эндаумент. Эндаумент представляет собой целевой фонд, который образуется за счет пожертвований имущества другими организациями или населением и находится в собственности некоммерческой организации. Средства эндаумента инвестируются с целью получения дохода либо могут расходоваться напрямую в соответствии с целями, указанными в уставе фонда. В любом случае доход направляется только в определенную организацию, для поддержки которой фонд был создан. Эндаумент-фонды призваны гарантировать стабильность финансов некоммерческой организации в долгосрочной перспективе, позволяя ей направлять основные усилия на реализацию уставных и целевых программ, а не на поиск финансирования. Кроме того, доход от фондов является удобным источником финансирования административных расходов.

Наиболее развит механизм финансирования некоммерческой деятельности с помощью целевого капитала в Соединенных Штатах Америки, где большинство университетов и колледжей имеют собственные эндаумент-фонды. Широкое использование целевого капитала не ограничивается образовательной системой, а применяется некоммерческими организациями, оперирующими в сферах социального обеспечения, борьбы с бедностью, здравоохранения, религии.

В России концепция целевого капитала некоммерческих организаций появилась в конце 2006 г. с принятием Федерального закона «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций» № 275-ФЗ [5]. С тех пор прошло 4,5 года, и сейчас на 222 тыс. некоммерческих организаций в нашей стране [3] приходится, по разным данным, от 30 до 40 фондов целевого капитала [1]. Сводная статистика по фондам на данный момент отсутствует. Большинство фондов создаются в области образования при крупных вузах (Фонд

развития МГИМО, Фонд ЕУСПБ и так далее). Примеры фондов целевого капитала в других отраслях – единичны, а их размер – незначителен. Таким образом, за прошедшее время не достигнуто каких-либо существенных результатов в области формирования фондов целевого капитала широким кругом некоммерческих организаций. К сожалению, законодательство не стимулирует развитие данного механизма, особенно по сравнению с его зарубежными аналогами.

Для анализа проблемы наибольший интерес представляет исследование законодательства в сфере целевого капитала страны с наиболее развитым некоммерческим сектором – США. Далее будут представлены основные, наиболее важные моменты, которые определяют объем и охват применения механизма финансирования за счет эндаумент-фондов.

Для начала рассмотрим понятие некоммерческих организаций в двух странах. Некоммерческой организацией (сокращенно НКО) российский законодатель признает организацию, не имеющую в качестве основной цели своей деятельности извлечение прибыли и не распределяющую прибыль между своими участниками. В ст. 2 Федерального закона «О некоммерческих организациях» № 7-ФЗ приводится открытый перечень возможных целей создания некоммерческих организаций: социальные, благотворительные, культурные, образовательные, научные и управленческие цели, охрана здоровья граждан, развитие физической культуры и спорта, удовлетворение нематериальных потребностей граждан, защита прав и законных интересов граждан и организаций, оказание юридической помощи [4]. Этот закон определяет организационно-правовые формы, в которых могут создаваться некоммерческие организации. Не все организационно-правовые формы позволяют некоммерческим организациям создавать целевой капитал. Подобное право закреплено в Федеральном законе «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций» за общественными и религиозными организациями, фондами и автономными некоммерческими организациями.

Все некоммерческие организации в США можно разделить на 3 группы: неформальные организации; инкорпорированные некоммерческие организации (корпорации); организации, освобожденные от налогообложения на основании налогового законодательства (Internal Revenue Code).

Неформальная некоммерческая организация строится на личных взаимоотношениях участников, а юридическое лицо при этом не образуется. Некоммерческие организации, образованные путем инкорпорирования и представляющие собой корпорации в гражданском обороте, выступают в качестве полноценного юридического лица. Корпорация обладает правом собственности на свое имущество, имеет свой банковский счет, может выступать заемщиком и продолжать свою деятельность даже в случае, если ее покинет учредитель. Корпорации могут быть классифицированы по различным признакам и включать в себя, к примеру, общественные корпорации, общественные благотворительные организации, образовательные фонды и так далее.

Некоммерческие корпорации не освобождаются от налогообложения автоматически. Для того, чтобы получить статус освобождения от налогообложения и перейти в третью группу, некоммерческие корпорации должны отдельно подавать заявку в Налоговую службу (Internal Revenue Service). Не все корпорации могут получить этот статус – для этого необходимо удовлетворять определенным критериям на момент подачи заявки, а также в дальнейшем в области ведения деятельности. Полный перечень организаций, которые могут признаваться освобожденными от налога на прибыль, приведен в ст. 557 сводного налогового законодательства США (IRS Publication 557) [6]. К примеру, на основании секции 501 подпункта (с) освобождаются от федерального налогообложения прибыли организации, осуществляющие свою деятельность в сферах образования, науки, религии,

благотворительности, общественной безопасности, грамотности, предотвращения жестокого обращения с животными или детьми, развития спорта и образования в форме корпорации или фонда (в том числе трастового или общественного).

Таким образом, налоговый статус напрямую привязан к цели деятельности организации, а дополнительные критерии, прописанные в налоговом законодательстве, являются определяющими для его получения. При этом отдельных, специальных организационно-правовых форм для некоммерческой деятельности не предусмотрено.

В Соединенных Штатах, которые характеризуются четким делением законодательства на федеральное и законодательство уровня штата, законодательство в области инвестирования средств институциональных фондов относится ко второму уровню. Существует два основных документа, разработанных на национальном уровне и принятых в большинстве штатов – UPIA (Uniform Prudent Investor Act – Унифицированный закон о благоразумном инвестировании) и UPMIFA (Uniform Prudent Management of Institutional Funds Act – Унифицированный закон о благоразумном управлении институциональными фондами). Первый регулирует инвестиционную деятельность трастовых фондов, среди которых могут быть и благотворительные; второй же относится к деятельности некоммерческих корпораций, был разработан позднее и во многом заимствует лексику и основные положения UPIA.

Перейдем теперь к особенностям формирования и инвестирования средств целевого капитала в рассматриваемых странах. Сравнение процесса формирования целевого капитала представлено в таблице.

Особенности формирования целевого капитала в России и США [5, 7, 8]

Критерий	Россия	США
Цели	Закрытый перечень: - использование в сфере образования, науки, здравоохранения, культуры, спорта, искусства, архивного дела, социальной помощи (поддержки)	Открытый перечень: - борьба с бедностью, совершенствование образования или религии, поддержка здоровья и государственных целей, а также прочие цели, достижение которых несет пользу обществу
Сроки, на которые создается целевой капитал и начальные суммы	Не менее 10 лет Не менее 3 млн руб. (в течение одного года с момента первого пожертвования). Только денежные средства	По умолчанию – вечные; могут быть ограничены указанием донора. Минимальных сроков нет. Нет ограничения по суммам
Жертвователи	Только физические или юридические лица на основе договора с прямым указанием на формирование целевого капитала. Возможен механизм публичного сбора пожертвований	Могут быть донорские средства, и собственные средства некоммерческой организации (по решению управляющего совета)
Собственник	Некоммерческие организации в форме фонда, автономной некоммерческой организации, общественной организации, общественного фонда, религиозной организации Может быть создана специализированная организация с целью управления целевым капиталом (в форме фонда).	Институты в значении: - лица, организованные и осуществляющие свою деятельность исключительно в благотворительных (общественных) целях; - правительство или его подразделения – в пределах сумм, которые предназначены исключительно для общественных целей; - трастовый фонд с исключительно благотворительными интересами
Выгодополучатель	НКО – собственник. В случае специализированной организации – иные НКО кроме политических партий, общественных движений и государственных корпораций	Как правило, некоммерческая организация – собственник. В случае с трастовыми фондами – множественные бенефициары

Окончание таблицы

Критерий	Россия	США
Управляющий	Только управляющая компания, имеющая лицензию на доверительное управление имуществом	Самостоятельно
Инструменты	Закрытый перечень, в который входят государственные ценные бумаги, корпоративные акции и облигации, иностранные государственные ценные бумаги, акции и облигации иностранных эмитентов, ипотечные ценные бумаги, паи инвестиционных фондов, недвижимость и банковские депозиты. Должны обращаться на организованном рынке ценных бумаг или быть предназначенными для размещения средств институциональных инвесторов. Производные финансовые инструменты при условии соблюдения требований по ограничению рисков	Любые собственность и тип инструментов, кроме тех, что напрямую запрещены законами штата. Запрет на инвестирование в определенные инструменты может содержаться в указаниях донора
Дополнительные условия	Компенсация расходов и вознаграждение управляющей компании. Требование вести раздельный учет по каждому целевому капиталу в управлении. Управляющая компания обязана осуществлять управление лично, и несет полную ответственность за действия поверенных	Законодательные требования к управляющему: 1. Обязанность заботиться 2. Минимизация издержек 3. Исследовать информацию при принятии инвестиционных решений 4. Принимать во внимание общее состояние экономики и налоговые последствия 5. Принимать решения на основе портфельного управления 6. Распределять риск и доходность по всем бумагам в портфеле 7. Учитывать потребности НКО в осуществлении расходов и одновременно сохранении капитала

В целом США характеризуются значительно большей свободой для принятия решений и выбора условий формирования целевого капитала для некоммерческих организаций. В отличие от российского законодательства сроки и суммы не являются определяющими факторами в этом процессе. По умолчанию, фонд создается на вечный срок, в то же время конкретный срок может быть установлен по договоренности с донором. Минимальной суммы нет, что позволяет даже небольшим организациям рассматривать вариант накопления долгосрочных финансовых ресурсов через инструмент целевого капитала.

Наиболее существенными и определяющими отличиями являются возможные источники средств и возможные собственники капитала. По российскому законодательству только внешние жертвователи могут передавать средства (причем, только денежные) на формирование целевого капитала, в то время как сами некоммерческие организации не могут его пополнять либо формировать за счет собственных средств – той же коммерческой деятельности или других источников. Это, несомненно, является сдерживающим фактором для множества некоммерческих организаций, зарабатывающих самостоятельно. С одной стороны, это можно объяснить желанием государства стимулировать расходы некоммерческих организаций на осуществление программ и проектов. В то же время некоммерческие организации, желающие инвестировать накопленные средства даже хотя бы с целью защиты от инфляции, не могут воспользоваться налоговыми льготами, предоставляемыми в случае использования механизма целевого капитала. Американский закон предполагает большую свободу в выборе источников формиро-

вания капитала – помимо донорских средств, некоммерческая организация может инвестировать и свои финансовые ресурсы по решению управляющего органа.

Кроме того, американский закон предполагает, что собственником целевого капитала может быть любой институт, и предлагает весьма широкую трактовку этого понятия. Фактически определяющим здесь является не организационно-правовая форма института, а цели, которые он преследует. Это позволяет использовать возможности целевого капитала очень широкому кругу организаций, в том числе государственных, для финансирования деятельности, которая очень часто характеризуется нехваткой финансовых ресурсов, особенно в период экономического спада.

Российский законодатель жестко ограничивает перечень организаций, которые допускаются к владению целевым капиталом. Перечень сформирован на основе законодательной организационно-правовой формы и включает в себя только фонды, автономные некоммерческие организации, религиозные и общественные организации. Другие НКО, не вошедшие в перечень, могут, тем не менее, являться выгодоприобретателем при реализации механизма специализированной организации, созданной исключительно с целью управления целевым капиталом в соответствии с Законом № 275-ФЗ.

Практики сходятся во мнении, что данный механизм реализовать проще и удобнее, чем включать целевой капитал в структуру активов некоммерческой организации даже тем организациям, у которых есть на это право [2. С. 32]. Это объясняется запутанностью законодательства, устанавливающего требования и ограничения по отношению к организации – собственнику целевого капитала. Среди сложностей – необходимость встраивать органы управления целевым капиталом в существующую структуру управления некоммерческой организацией, запрет на осуществление отдельных видов предпринимательской деятельности, которые не включены в перечень Правительства РФ [2. С. 88], усложнение ведения учета и отчетности, потеря права применения специальных налоговых режимов. Кроме того, деятельность в области образования, науки, здравоохранения, культуры, искусства и архивного дела, как правило, осуществляется учреждениями, которые не имеют права быть собственниками целевого капитала. Создание целевого капитала в структуре собственных активов тем самым сопряжено со значительными издержками, что свидетельствует о высокой степени недоработки законодательства.

Российский законодатель в стремлении обеспечить сохранность целевого капитала и в интересах донора запрещает некоммерческим организациям заниматься его размещением и управлением самостоятельно, обязывая передавать его в доверительное управление профессиональному участнику рынка ценных бумаг. Таким образом, управление целевым капиталом сопряжено с дополнительными издержками в виде компенсаций и премий управляющих компаний, тогда как в Штатах эти издержки не только являются необязательными, но и еще могут оказаться необоснованными, если управляющий орган некоммерческой организации не докажет иное.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что само по себе наличие Федерального закона «О формировании и использовании целевого капитала некоммерческих организаций» призвано обеспечить значительный шаг вперед в развитии некоммерческого сектора в нашей стране. До сих пор преимуществами, представляемыми этим законом, смогли воспользоваться в основном высшие учебные заведения, что в свете постоянного реформирования образования является положительной тенденцией. В то же время в настоящем виде закон не обеспечивает доступность механизма финансирования с помощью эндаумент-фондов широкому кругу некоммерческих организаций. Соответственно, говорить о том, что закон выполняет свою роль преждевременно. Некоммерческим организаци-

ям придется по-прежнему искать доноров и жертвователей под реализацию программ и зарабатывать финансовые средства самостоятельно.

Литература

1. Информационное агентство Cbonds.ru: сайт. URL: <http://pif.investfunds.ru/endowment> (дата обращения: 15.05.2011).
2. Практические рекомендации для общественных объединений по внедрению модели целевого капитала некоммерческих организаций / Комиссия Общественной палаты РФ по вопросам развития благотворительности, милосердия и волонтерства; Министерство экономического развития и торговли РФ; под ред. С.А. Рубашкиной. М., 2007. 102 с.
3. Россия в цифрах: стат. сборник [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. URL: www.gks.ru (дата обращения: 26.06.2011).
4. Федеральный закон № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» [принят 12.01.1996 г., с изм. и доп. от 04.06.2011 г.] // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3, ст. 145.
5. Федеральный закон № 275-ФЗ «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций» [принят 30.12.2006 г., с изм. и доп. от 25.11.2009 г.] // Собрание законодательства РФ. 2007. № 1 (1 ч.), ст. 38.
6. Internal Revenue Code [Electronic resource] / Internal Revenue Service. URL: http://www.irs.gov/pub/irs-tege/eo_code_provisions.pdf (date: 26.06.2011).
7. Uniform Prudent Investor Act [Electronic resource] / American Law Institute. Chicago, 1994. URL: <http://www.law.upenn.edu/bl/archives/ulc/fnact99/1990s/upia94.pdf> (date: 03.07.2011).
8. Uniform Prudent Management of Institutional Funds Act [Electronic resource] / National Conference of Commissioners on Uniform State Laws. South Carolina, 2006. URL: http://www.law.upenn.edu/bl/archives/ulc/umoifa/2006final_act.pdf (date: 03.07.2011).

ИСАЕВА МАРИЯ АЛЕКСЕЕВНА – аспирантка кафедры биржевого дела и ценных бумаг, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Россия, Москва (isaevamasha@gmail.com).

ISAEVA MARIA ALEXEEVNA – post-graduate student of Stock Exchange and Securities Chair, Plekhanov Russian University of Economics, Russia, Moscow.

УДК 338.312:332

А.А. КАБАНОВ

КРИТЕРИЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕГИОНАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Ключевые слова: критерий эффективности, минимальные затраты, максимальные результаты, региональное производство.

Проанализированы определения критерия эффективности как качественной и количественной характеристики эффективности использования ресурсов регионального производства.

A.A. KABANOV

CRITERION OF EFFICIENCY OF REGIONAL MANUFACTURE

Key words: criterion of efficiency, the minimum expenses, the maximum results, regional manufacture.

Definitions of criterion of efficiency as qualitative and quantitative characteristic of efficiency of use of resources of regional manufacture are analyzed.

Критерий, выступая отличительным признаком эффективности регионального производства, по своему функциональному назначению не может в точной количественной мере отражать эффективность использования ресурсов регионального производства. Хотя и в настоящее время доминирует устойчивая точка зрения ряда ученых-экономистов о том, что содержание критерия текущей деятельности и перспективного развития социально-экономической системы должно выражать уровень результативности производимых затрат и целевую ориентацию на достижение оптимальных величин экономических, финансовых результатов и затрат.

Действительно в таком определении критерия эффективности отражено в наибольшей степени его соответствие своему функциональному назначению – выступать в качестве основного логико-вербального мерила эффективности регионального производства. Однако данное определение критерия эффективно-

сти используемых ресурсов региональной экономической системы может быть в своей постановке более значимым и отражающим на достоверной основе оптимальность соотношений экономических, финансовых результатов и затрат регионального производства в текущем и планируемом периодах времени лишь в том случае, если максимизация результатов и минимизация производимых совокупных затрат отражают в своей измерительной функции эффективность использования ресурсов, влияние изменяющихся на инерционной динамической основе факторов внешней и внутренней сред.

Кроме того, наличие таких многообразных признаков, отражающих сущность критерия эффективности локального (предприятия), отраслевого или регионального производства, как качественный уровень ресурсного потенциала, расширенного состава конкурентных преимуществ, целенаправленность использования организационного и инновационного потенциалов, не позволяет экспертными или экономико-математическими методами конкретизировать наиболее приемлемое определение критерия эффективности как целевого ориентира достижения эффективности регионального производства в текущем, средне-, долгосрочном периодах.

В соответствии с нашими представлениями, сущность критерия эффективности регионального производства, выражаемая оптимальными экономическими, финансовыми результатами по отношению к затратам на ресурсопотребление, основывается на качественном уровне и объемах располагаемого ресурсного потенциала, организационных формах его использования в составе субъектов хозяйствования регионального производства коллективно-долевой или государственной форм собственности.

Поэтому, определяя комплекс разнообразных факторов влияния на достижение региональным производством максимально возможного размера экономического, финансового результата при минимальных затратах на использование ресурсного потенциала в планируемый интервал времени социально-экономического развития регионального хозяйства, разноуровневый менеджмент не должен прибегать к экономико-математической или экспертной формализации факторного влияния на критерий эффективности, так как логико-вербальная форма непосредственно самого критерия, сформулированная для установления его функционального назначения и целевой направленности, принадлежит ему и выступает основным определителем, мерилom целевой ориентации на оптимальное развитие регионального производства.

Кроме того, следует отметить, что многочисленные факторы влияния на критерий эффективности регионального производства могут быть учтены в следующей, идущей за критерием, стадии выражения в количественной форме эффективности регионального производства – обобщающем и частных показателях эффективности использования ресурсного потенциала региона.

Логико-вербальная форма в определенной мере выступает качественным признаком категории эффективности производства, но в то же время критерий эффективности в текущем функционировании и перспективном развитии локальных и отраслевых составляющих и в целом регионального хозяйства выступает качественной и количественной характеристикой производства в их взаимообусловленности и целевой ориентации на достижение наибольшего уровня эффективности использования располагаемого ресурсного потенциала в динамике развития регионального хозяйства.

Отношение экономического результата к производимым затратам на ресурсопотребление в процессе регионального производства, наряду с количественными параметрами, имеет и качественные признаки, выражаемые различными темпами динамики изменений экономических, финансовых результатов и затрат, пропорциями влияния факторов внешней и внутренней сред

на достижение планируемого уровня эффективности, стремлением менеджмента и занятых в экономике региона к достижению максимально возможных экономических, финансовых результатов и минимальных затрат на производство продукции, оказание услуг.

В экономической литературе существуют и другие предложения о выражении критерия эффективности производства социально-экономической системы, несколько конкретизирующие критерий эффективности развития предприятия, народнохозяйственного производства, представляемые в такой логико-вербальной форме, как «максимизация объемов производства продукции, оказания услуг при минимизации затрат на потребление материально-технических, финансовых, информационных и природных ресурсов». Количественная и качественная составляющие данного критерия определяются такой тенденцией планируемых изменений социально-экономического развития, которая уменьшение темпов роста затрат на производство продукции, оказание услуг связывает с повышением темпов экономического роста, а динамика изменений соотношений экономических, финансовых результатов и затрат должна соответствовать или выходить за пределы планируемой критериально-целевой направленности развития социально-экономической системы.

Такого рода научная позиция о количественных и качественных изменениях характеристик в логико-вербальной форме критерия эффективности производства, на наш взгляд, является малоубедительной, так как превышение темпов роста экономических результатов локальной, отраслевой или региональной экономической системы над темпами роста (или снижение) затрат на производство продукции, оказание услуг полностью соответствует функциональному назначению и целевой ориентации формулируемого критерия посредством оптимальных соотношений экономических, финансовых результатов и затрат.

В то же время в текущей деятельности и перспективном развитии регионального хозяйства следует учитывать то, что размеры затрат на потребляемые ресурсы не могут превышать возможностей используемого ресурсного потенциала. Поэтому, сохраняя в плановом критерии эффективности регионального производства ориентацию на минимизацию затрат, следует в средне-, долгосрочном развитии регионального хозяйства сохранять такие темпы роста экономических, финансовых результатов и затрат, которые бы соответствовали не только опережающим темпам роста результатов над затратами регионального производства, но и отвечали бы условию изменения динамики эффективности использования ресурсного потенциала, равной или превышающей среднерегиональную (среднестатистическую) величину эффективности производства. То есть в процессе планирования эффективности регионального производства в средне-, долгосрочном периоде его развития должен соблюдаться тот предел роста объемов производства, который соответствует допустимому уровню минимизации затрат, так как дальнейшее снижение затрат на ресурсопотребление повлечет за собой и уменьшение экономического, финансового результата.

Тем не менее следует отметить, что данные тенденции изменения минимизированных затрат и растущих объемов производства продукции, оказанных услуг в текущей деятельности и перспективном развитии предприятий, отраслевых составляющих регионального хозяйства могут войти в противоречие со сложившейся практикой планирования роста суммарных (общих) затрат на производство продукции, оказанных услуг, влекущих за собой и увеличение экономического результата и, соответственно, изменения планируемых оптимальных соотношений экономических, финансовых результатов и производимых затрат в критерии эффективности локальных и отраслевых составляющих и в целом регионального хозяйства.

Указанная выше практическая деятельность в планировании эффективности производства продукции, услуг, как нам представляется, обусловлена действием

закона экономии времени в тех случаях, когда целевая ориентация в планировании эффективности производства разноуровневым менеджментом регионального хозяйства сводится к снижению объемов затрат при доминировании факторов интенсивного использования ресурсов во времени, а также к повышению общих затрат производства с преобладанием экстенсивного направления в использовании ресурсов в производственном процессе. Поэтому в индикативном планировании объемы потребляемых ресурсов будут располагаться в пределах оптимальности соотношений результатов и затрат критерия эффективности регионального производства, соответствующих влиянию внутренних и внешних факторов.

Важно отметить и то, что в границах критериальных интервалов эффективности регионального производства уровни оптимальности экономических, финансовых результатов и затрат на потребляемые ресурсы могут изменяться в сторону снижения в тех случаях, когда целевая ориентация технологических элементов систем текущего, перспективного и стратегического планирования на достижение максимально возможных экономических и финансовых результатов не обеспечивается своевременным составлением и реализацией организационных, социальных и маркетинговых мер в составе технологических элементов.

Следует учитывать в процессе планирования ресурсного обеспечения критериально-целевой направленности развития регионального хозяйства то, что в средне-, долгосрочном планировании интервалы оптимальных соотношений экономических и финансовых результатов критерия эффективности могут быть обширными, вплоть до бесконечного увеличения ресурсных и организационных возможностей регионального производства.

Поэтому в устанавливаемые периоды долгосрочного планирования эффективности регионального производства существенное изменение объемов и уровня интенсивного использования ресурсного потенциала может выйти за рамки предварительного установления критериального интервала достижения оптимальных значений экономических и финансовых результатов, производимых затрат.

Рост ресурсного и организационного потенциалов в динамично развивающихся субъектах хозяйствования, отраслевых составляющих и в целом регионального хозяйства, на наш взгляд, соответствует реальному положению производства. Это связано с тем, что расширение состава конкурентных преимуществ и тесно коррелируемых с ними целевых ориентаций технологических элементов систем перспективного и стратегического планирования регионального производства на достижение максимально возможных экономических и финансовых результатов, производимых затрат на ресурсопотребление может быть обеспечено посредством значительных объемов инвестиций, направляемых на обновление и модернизацию основного капитала, создание (приобретение) и внедрение технологических, информационных, организационных и маркетинговых новшеств, повышение квалификации занятых в экономике региона, повышающих размеры и качество ресурсного потенциала и, соответственно, критериально-целевые возможности оптимизации эффективности регионального производства.

Литература

1. Будагов А.С. Формирование системы управления инновационно-инвестиционным развитием регионов: концептуальные и методические положения. СПб.: Изд-во ГУАП, 2010.
2. Карапетян В.В. Механизм рационализации элементного взаимодействия системы управления региональным хозяйством: препринт. СПб.: Диалог, 2010.
3. Кондратьева А.В. Стратегия долгосрочного развития экономических видов деятельности промышленного комплекса. СПб.: Герда, 2010.

КАБАНОВ АНДРЕЙ АРКАДЬЕВИЧ – старший преподаватель, Ленинградский областной институт развития образования, Россия, Санкт-Петербург (a2606497@yandex.ru).
KABANOV ANDREY ARKADYEVICH – senior teacher, Leningrad Regional Institute of a Development of Education, Russia, St. Petersburg.

УДК 330.341.1:63

Л.А. КАРЯГИН

К ВОПРОСУ О РОЛИ СЕЛА В ИННОВАЦИОННОМ РАЗВИТИИ РОССИИ

Ключевые слова: инновация в экономике, сельская местность, донорно-акцепторные связи, глобализация.

Рассмотрена социально-экономическая роль села в формировании инновационной структуры экономики. Предложены механизмы перехода на инновационные пути развития в сельском хозяйстве.

L.A. KARYAGIN

**A CONTRIBUTION TO THE ROLE OF THE VILLAGE
IN THE INNOVATIVE DEVELOPMENT OF RUSSIA**

Key words: innovation in the economy, the countryside, the donor-acceptor bonds, globalization.

The socio-economic role in the formation of an innovative rural economic structure. The mechanisms of the transition to innovative ways of development in agriculture.

В отечественной и зарубежной литературе рассматривается множество типов, моделей и систем развития сельских территорий, почти всегда рассматривающих перспективные направления развития села через оценку эффективности функционирования сельского хозяйства. Такие народнохозяйственные структуры, как отрасли, это не просто производственные единицы, размещенные на определенной территории, а целостные социально-экономические системы, приобретающие черты и функции региона размещения, и для определения эффективности функционирования отрасли требуется не только микроэкономический анализ, но и макроэкономическая оценка.

При разработке моделей развития территориально-отраслевых комплексов приоритетными являются методы, в основу которых положены социальные цели и задачи, определяющие выбор модели социально-экономических и организационно-производственных отношений, обеспечивающих функционирование механизмов инноваций.

Как известно, основными субъектами народного хозяйства являются города и сельские населенные пункты. Соблюдение баланса развития городов и сел определяется необходимостью рационального размещения трудовых ресурсов. В условиях прироста населения этот процесс происходит естественным образом и разрешается путем миграции части сельского населения в города. Но в условиях, когда происходит разрушение естественного хода воспроизводства населения, важнейшей из задач становится сохранение демографического потенциала села.

Цель экономического развития – повышение совокупного экономического потенциала национально-хозяйственной системы страны. В свою очередь, экономический потенциал определяет возможный экономический результат от использования всей массы ресурсов и в первую очередь предполагает взаимовыгодное сотрудничество между городом и деревней.

Дж. Кейнс проблему равновесия в национальной экономике предложил решать с позиции «эффективного спроса», выражающего равновесие между потребителем и производством, доходом и занятостью [1. С. 7]. Чем богаче общество, тем сильнее тенденция к увеличению разрыва между фактическим и потенциальным объемом производимой продукции. Более того, в богатом обществе перспективы дальнейших инвестиций менее благоприятны, и при этом механизм мультипликатора инвестиций, вызывающего расширение производства и занятости в народном хозяйстве, перестает работать [1. С. 36].

Этот разрыв тем значительней, чем больше различий в доходах между богатыми и бедными. При различиях в доходах по соотношению 10% самых богатых к 10% самых бедных (децильный коэффициент) 16,7 раза [2] в экономике России отсутствует механизм мультипликации ибо он ориентирован на мульти-

плицирование экономики других стран, таким образом, задачей инновационного развития является переориентация экономических механизмов на потребности страны, развитие внутреннего рынка.

В современном обществе проблема бедности выходит за рамки отдельной семьи и становится важнейшей государственной задачей. А тот факт, что большая часть бедных проживает в сельской местности, позволяет искать причинно-следственные связи между бедностью сельского населения и низкой эффективностью социально-экономического развития России.

В настоящее время очень важно на законодательном уровне признать личные подсобные хозяйства сельских жителей (ЛПХ) в качестве производственной единицы, а также реабилитировать кооперативную форму сельскохозяйственного производства. Номинальный доход земледельческого труда можно определить через обрабатываемую площадь земли, а в качестве предельного размера земельного участка, равного минимальному размеру оплаты труда, можно определить 0,5 га на одного человека в трудоспособном возрасте. В животноводческих зонах этот показатель можно определить через поголовье домашнего скота. Параллельно следует решить еще ряд задач по обеспечению эффективного социально-экономического развития села: определение денежного выражения работы по воспитанию детей в семьях; выделение беспроцентных ссуд на строительство жилья и развитие производства в сельской местности. Такая модель социально-экономических отношений могла бы значительно изменить условия функционирования российской деревни, повысить привлекательность условий жизни, заинтересованность в сельскохозяйственном труде, решить проблему занятости, придать динамизм социально-экономическим процессам.

В экономических отношениях между городом и деревней чрезвычайно важным является процесс ценообразования. В стоимостном выражении сельскохозяйственный труд, как минимум, составляет половину всех трудовых затрат в производстве продуктов питания, поэтому розничные цены на них не должны превышать закупочные цены на сельскохозяйственное сырье более 2 раз. Такая стоимостная увязка сельскохозяйственных товаров с продуктами их переработки по основным видам товаров (зерно, картофель, молоко, мясо) могла бы стимулировать их производство. Это, с одной стороны, создает «пол» цены для сельскохозяйственных товаров, с другой – «потолок» цен на готовую продукцию или же будет действовать как «коридор» цен. В целом же такая система может работать как автоматический регулятор ценообразования и механизма распределения доходов между товаропроизводителями.

Таким образом, применяя методологию Кейнса к воспроизводственному процессу, можно получить совершенно иную трактовку значения предельной склонности к потреблению как величине, равной трудовой мотивации, а эффективность экономического роста в целом можно представить как рост мультипликативных возможностей народного хозяйства.

Эффективная экономика способна вовлечь в свою орбиту все общество, а не только один социальный слой или население отдельных территорий. И в этом плане наиболее важным показателем устойчивости социально-экономического развития служит динамика категории людей, не работающих и не желающих работать. Главная ошибка переходной экономики состоит в том, что ценностные ориентиры акцепторной подсистемы часто не стыкуются с интересами донорной подсистемы. В то время как донорная часть общества решала вопросы выживания, в акцепторной части была потеряна одна очень важная вещь – мотивация к трудовой деятельности у слабой, неустойчивой части населения, а они, как минимум, составляют десятую часть трудоспособного населения страны. Попытки привития им рыночных ценностей привели к отрицательным результатам [3]. Отсюда разгул преступности, бродяжничество, беспризорность, коррупция, тер-

поризм, наркомания и прочие другие асоциальные явления. В последнее время даже в сельской местности стало очень много людей, не желающих работать.

Процесс обеспечения эффективного социально-экономического развития страны представляет собой комплексный, взаимосвязанный механизм, который подчиняется законам и принципам системологии. При этом причинами низкой эффективности социально-экономического развития являются научная несостоятельность принятых моделей социально-экономического развития страны, излишне ориентированных на рыночные методы хозяйствования, не предусматривающие развитие трудовой мотивационной базы для значительной части населения, и неопределенность положения села в структуре народного хозяйства и общественных отношений.

Важность решения задач, стоящих перед сельским хозяйством, заключается в многофункциональной природе села: производственной, социальной, демографической..., каждая из которых в равной степени определяет социально-экономическое развитие не только самого села, но и страны в целом. В настоящее время выработка социально-эффективной модели развития села представляется возможной только на основе объединения территориальных систем сельского хозяйства с механизмами донорно-акцепторных связей в экономике региона и страны.

В иерархии структуры хозяйства В.В. Смирнов выделяет три уровня обеспечения эффективного социально-экономического развития региона, состоящих из системы домашних хозяйств, предприятий и региона в целом, представленные донорными и акцепторными элементами [3].

В отличие от региона, представляющего географически целостную часть системы народного хозяйства в горизонтальном разрезе, сельская местность представляет собой низовой элемент этой системы в вертикальном разрезе, сохраняя в себе некоторые элементы и свойства региона (квазирегион). Такое положение сельской местности объясняется, во-первых, тем, что сельская местность является лишь частью региона. Во-вторых, сельская местность не имеет четко выраженных границ. В-третьих, она отличается подчиненным положением в системе народного хозяйства, обусловленным подчиненностью задач, стоящих перед селом, задачам промышленности (города). В этой системе село выполняет функцию донора, а город – акцептора.

Существующие концепции анализа структуры сельских территорий в качестве исходного элемента системы берут лишь отдельные компоненты системы. При этом из поля зрения исчезает единство географической оболочки и дополняющего его элемента – человека. В связи с тем, что человек в социально-экономическом плане наиболее полно реализуется в семье и в производительном труде, то исходным элементом глобальной системы являются формы его хозяйственной организации. В сельской местности это – подворья, фермы и кооперативы. Функционально каждая из этих форм организации представлена не отдельным элементом, а комплексом из двух активных компонентов, представляющих донорно-акцепторный механизм.

Первый уровень хозяйственного комплекса сельской местности представлен ЛПХ и фермерскими хозяйствами, состоящими из семьи и их хозяйственных структур, выполняющих очень важные общенародные задачи: эффективное управление затратами в социальной сфере, создание рабочих мест на селе, создание условий для развития семьи и гармонично развитой личности.

Базовый элемент первого уровня – семья, является производителем двух продуктов: сельскохозяйственных и трудовых ресурсов. На этом уровне происходит фокусирование как донорных (ЛПХ), так и акцепторных (семья) отношений.

В условиях трансформирующейся экономики Российской Федерации происходит переосмысление подхода к построению взаимоотношений личного под-

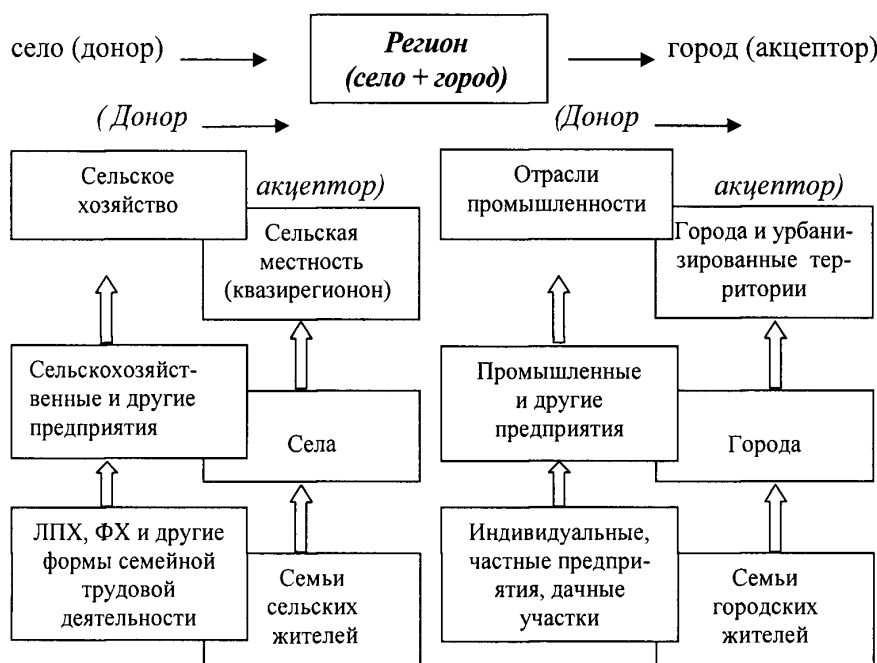
собного хозяйства и его социальной ниши – сельской семьи, их соответствия принципам системы и другим формам организации производства. ЛПХ являются важным источником доходов для значительной части сельского населения, а для некоторой ее части практически единственным источником существования. Факторов, определяющих параметры развития ЛПХ, достаточно много. Во многом их развитие определяется принятой правовой базой, законами землепользования, регулирующими порядок отвода земли и размерами приусадебных участков.

Второй уровень обеспечения эффективности социально-экономического развития региона формируется из структурированных по отраслевому признаку предприятий (доноров) и сельских поселений (акцепторов). Системообразующими предприятиями второго уровня являются перерабатывающие, вспомогательные производства и обслуживающие системы. Эти предприятия по мере возможности занимаются вопросами охраны природной среды и воспроизводства трудовых ресурсов на селе, а в масштабе страны способствуют минимизации внешних заимствований. На этом уровне формируется локальный процесс обеспечения эффективного социально-экономического развития микро-региона (село), но практика последних лет показывает, что социально-экономическая ниша, которую занимали колхозы, за два десятилетия практически осталась свободной, что свидетельствует о необходимости возрождения кооперативных форм собственности.

Только на основе учета реальных донорно-акцепторных отношений между предприятиями и населенным пунктом фирмы могут в полной мере реализовать свои конкурентные преимущества. Наиболее полно этим требованиям отвечают кооперативные формы организации сельскохозяйственных предприятий, которые могут взять на себя значительную социальную нагрузку. Еще в советское время ведущие колхозы свое богатство создавали на основе развития социальной инфраструктуры. На территории Чувашии такими хозяйствами были колхозы: «Гвардеец» и имени Ленина Батыревского района, «Победа» Яльчикского, имени Ленина и «Янгорчино» Вурнарского, «Ленинская искра» Ядринского, «Канаш» Канашского, имени Космонавта Николаева Мариинско-Посадского и «Знамя труда» Моргаушского района и ряд других. Однако в настоящее время большинство сельскохозяйственных предприятий, ссылаясь на низкую доходность, сторонится от выполнения социальных функций.

Донорная подсистема третьего уровня представляет собой определенную базу устойчивого инновационного регионального развития. Потребность общества к инновациям формирует развитие творческой инициативы в обществе, повышая уровень его образованности и культуры. Но жизнь на селе в условиях бездорожья, отсутствия выбора трудовой деятельности, социальной и ценовой дискриминации на продукцию сельской местности не может создавать систему мотиваций для жизни на селе. В итоге социально-экономическая модель российского общества остается несовершенной. С учетом исторического факта индустриализации в стране и нерешенных социальных задач в сельской местности России в качестве донора представляется возможным рассматривать именно сельскую местность, а в ней – сельские семьи. И далее, накладывая данный трафарет на алгоритм исследований В.В. Смирнова, можно получить следующую донорно-акцепторные связи (рисунок).

Инновационная модель не может быть основана на эксплуатации села городом. В принципе нет и такой необходимости, чтобы город был донором для сельского хозяйства, если бы существовал равноценный обмен. Инновационный потенциал страны, как фактор повышения ее конкурентоспособности, в предыдущие века достигался за счет людей, занятых в сельском хозяйстве. К сожалению, в условиях демографического кризиса постиндустриальные общественные отношения способны полностью уничтожить село и тем самым подорвать экономический потенциал страны.

Донорно-акцепторные связи в народном хозяйстве регионов

По большому счету постиндустриальные отношения представляют собой не что иное, как неокOLONIALISTСКИЕ механизмы, где функционируют донорно-акцепторные отношения во всемирном масштабе. Хозяйство России не может быть представлено без соответствующего уровня развития сельского хозяйства как базовой структуры не только экономики, но и общества в целом. Однако реальное положение дел свидетельствуют об отсутствии понимания места села в инновационных путях развития страны.

Будущее России лежит только на путях гармонизации отношений между городом и деревней в рамках единых территориально-производственных комплексов, где будут созданы реальные социально-экономические условия не только для существования односторонних урбанизационных процессов, но и механизмы обратной миграции части населения из города в деревню. С учетом того, что исторически село было поставщиком не только продовольственных товаров и сырья, но и трудовых ресурсов, необходимо принять практические меры по восстановлению демографического потенциала села, который во многом определяется развитием территориально-хозяйственных и организационно-правовых форм функционирования системы «ферма – подворье – кооператив».

Литература

1. Кейнс Д.М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Гелиос АРВ, 1999. 352 с.
2. Николаева Д. Экономический рост в пользу богатых // Коммерсант. 2008. № 22(3839), 12 февр.
3. Смирнов В.В. Эффективность социально-экономического развития региона в условиях трансформирующейся экономики. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2005. 263 с.

КАРЯГИН ЛЕОНИД АЛЕКСАНДРОВИЧ – старший преподаватель кафедры экономических дисциплин, Батыревский филиал Чувашского государственного университета, Россия, Чебоксары (leonidkar57@yandex.ru).

KARYAGIN LEONID ALEXANDROVICH – senior teacher, Branch of Chuvash State University in the village of Batyrev, Russia, Chuvash Republic, village Batyrev.

УДК 330.342.24

Э.Н. КРОЛИВЕЦКИЙ, Д.В. СЕЛИВАНОВ

**ОБОБЩАЮЩАЯ И ЧАСТНЫЕ СТРАТЕГИИ
ИННОВАЦИОННОГО И ИНВЕСТИЦИОННОГО РАЗВИТИЯ
ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА**

Ключевые слова: стратегии инновационного и инвестиционного развития, обобщающая стратегия, единая, частные стратегии, система стратегического управления.

Исследованы взаимосвязь обобщающей и частных стратегий инновационного и инвестиционного развития высокотехнологичного производства, их влияние на достижение планируемых экономических результатов.

**E.N. KROLIVETSKY, D.V. SELIVANOV
GENERALIZING AND PRIVATE STRATEGY OF INNOVATIVE
AND INVESTMENT DEVELOPMENT OF HI-TECH MANUFACTURE**

Key words: strategy of the innovative and investment development, generalizing strategy, uniform, private strategy, system of strategic management.

The interrelation generalizing and private strategy of innovative and investment development of hi-tech manufacture, their influence on achievement of planned economic results is investigated.

Направления инновационного и инвестиционного развития в системе стратегического управления должны быть выделены как доминирующие в обобщающей стратегии с определением их доли влияния на общие результаты и эффективность высокотехнологичного производства.

Формирование системы стратегического управления экономическим видом деятельности высокотехнологичного производства должно отражать влияние состава технологических и ресурсных элементов на поставленную к достижению цель с ее количественными и качественными параметрами. В данной системе стратегического управления для определения доли влияния стратегии и направлений инновационного и инвестиционного развития в рамках обобщающей стратегии необходимы экспертные оценки инвестирования в новшества и основной капитал.

Поэтому выделение и оценка влияния на общий экономический и иной результат долгосрочного развития высокотехнологичного производства стратегий инновационной и инвестиционной направленности должны производиться в системе стратегического управления.

Принятию и осуществлению стратегий инновационного и инвестиционного развития высокотехнологичного производства, так же как и созданию системы стратегического управления, разработке ее основного технологического элемента – обобщающей стратегии, должен предшествовать анализ ретроспективного и текущего положения с разработкой (приобретением, аутсорсингом) технологических, организационных, информационных и маркетинговых новшеств, с изменением динамики качественных и количественных характеристик, располагаемых трудовых и материально-технических ресурсов, объемов собственных и привлекаемых инвестиций.

Выполняемый анализ внутренней среды и изменений внешнего инновационного уровня своими результатами позволяет менеджменту установить степень соответствия имеющихся инновационного и инвестиционного потенциалов требованиям рыночной среды, контингента потребителей продукции, услуг высокотехнологичного производства.

Вместе с тем устранение несоответствия рыночных требований к уровню инновационности, обновлению и модернизации основного капитала экономического вида деятельности ставит перед менеджментом решение проблемы формирования и реализации проектов инвестирования в создание (приобретение) тех новшеств и обновление капитала, которые могут изменить инновационный и технический уровни высокотехнологичного производства до требуемого, расши-

рить инновационный состав конкурентных преимуществ, повысить качество ресурсного потенциала.

Этапность и последовательность разработки инновационной и инвестиционной стратегий в процессе стратегического управления высокотехнологическим производством позволяют обоснованно и сбалансированно с ресурсным потенциалом принимать решения о развитии инновационной и инвестиционной деятельности.

Этапом формирования инновационной и инвестиционной стратегий в системе стратегического управления высокотехнологическим производством выступает формулирование менеджментом предприятия, экономического вида деятельности концентрированного и в то же время обобщенного, системного представления не только о возможностях ресурсного обеспечения инновационной и инвестиционной деятельности субъектов высокотехнологичного производства, исходя из тенденций ретроспективного развития, но и о долгосрочном развитии производства в условиях ожидаемых или наступивших существенных изменений состояния внешней среды.

Системное представление инновационного и инвестиционного развития высокотехнологичного производства в средне-, долгосрочном периодах должно включать:

- обоснование ресурсных возможностей, формы их реализации в процессе создания и внедрения отдельных новшеств, обновления и модернизации элемента или совокупности наиболее активных основных фондов;
- разработку проектов и программ инвестирования в технологические, организационные, информационные, маркетинговые новшества, в основной капитал, обеспечивая нормативные требования к уровням физического износа и морального старения, соответствующие инновационным и инвестиционным элементам в составе конкурентных преимуществ высокотехнологичного производства;
- определение экономических, финансовых, социальных результатов, эффективности инвестирования в новшества и основных фонды;
- осуществление постоянного контроля за соответствием достигаемых экономических, финансовых и социальных результатов, эффективности инвестирования в создаваемые и внедряемые новшества, обновляемые, модернизируемые и эксплуатируемые основные фонды высокотехнологичного производства;
- корректировка комплексных мер и частных стратегий в процессе инновационной и инвестиционной деятельности субъекта и экономического вида деятельности высокотехнологичного производства.

В экономической литературе приведение в соответствие изменяющегося (растущего) уровня инновационности внешней среды с внутренним инновационным развитием рядом авторов предлагается посредством принятия и осуществления защитной и наступательной стратегий, создаваемых и включаемых в состав частных стратегий, исходя из функционального назначения стратегий и сложившихся условий социально-экономического и инновационного развития [3. С. 274]. При этом функциональное назначение защитной стратегии инновационного развития объекта стратегического управления состоит в устойчивом позиционировании на занимаемом сегменте продукции, услуг, в поддержании необходимых темпов роста экономических результатов на стадиях жизненного цикла посредством реализации комплекса мер, повышающих уровень конкурентоспособности продукции, услуг.

Использование наступательной стратегии инновационного развития социально-экономической системы в процессе стратегического управления ее развитием, по мнению авторов [3], должно подчиняться целевой ориентации стратегии на обеспечение роста или поддержания на сложившемся в средне-,

долгосрочном периодах времени экономических, финансовых результатов, проникновения на новые сегменты рынка или их расширение.

Разделение единой стратегии инновационного развития на частные стратегии выполнения функционального назначения защиты от влияния негативных факторов внешней и внутренней сред на сложившиеся экономические позиции занимаемого сегмента рынка и стратегий наступления в процессе обостряющейся конкуренции, роста уровня инновационности внешней среды, позволяющей повышать темпы экономического роста субъекта хозяйствования, отраслевой составляющей производственного комплекса, в соответствии с нашими представлениями, является условным фактором, подчеркивающим характер предпринимаемых инновационных и организационных мер для обеспечения тенденций роста экономических и финансовых результатов на уровне, соответствующем эффективному использованию ресурсного и организационного потенциалов, расширяющемуся составу конкурентных преимуществ за счет создания, приобретения и ауторсинга технологических, организационных, информационных, маркетинговых и иных новшеств, внедряемых в производство [2].

Следует отметить, что влияние единой инновационно-инвестиционной стратегии долгосрочного развития объекта стратегического управления в существенной степени зависит от разрабатываемого организационного механизма ее реализации, функциональное назначение которого состоит в принятии комплексных мер организационного и экономического характера, реализация которых позволит достичь экономических и финансовых результатов от внедрения стратегии инновационного развития предприятия, экономического вида деятельности производственного (высокотехнологичного) комплекса [1].

В качестве организационных мер в рамках механизма обеспечения достижения запланированных экономических и иных результатов от стратегии инновационного развития могут выступать:

- повышение квалификационного и профессионального уровня персонала, менеджеров, участвующих в инновационной деятельности;
- проведение пропагандистских и разъяснительных собраний, семинаров, бесед с отдельными группами персонала, линейных и функциональных подразделений субъекта хозяйствования с целью положительного восприятия и разделения принятого курса на инновационное развитие, направленного как на экономический рост объекта стратегического управления, так и на удовлетворение экономических интересов и расширение мотивированного участия работников в производстве;
- совершенствование организационной структуры предприятия, отраслевой составляющей производственного комплекса, содействующей организации инновационной, инвестиционной и в целом производственно-хозяйственной деятельности;
- организация и соблюдение непрерывности инновационных изменений в долгосрочном развитии предприятия, экономического вида деятельности производственного комплекса;
- формирование и соблюдение концептуальных положений об использовании технологии кластерного управления в высокотехнологичном производстве на основе создания квалифицированного состава менеджеров в своей целевой ориентации на повышение инновационного уровня производства, способных устранять сложившиеся или возникающие недостатки в процессе стратегического управления.

В рамках организационного механизма содействия и повышения уровня инновационности высокотехнологичного производства как экономически, так и организационно целесообразно использовать комплексные меры по совершенствованию методов и способов всех видов управления созданием, приобретени-

ем и внедрением новшеств технологического и организационного характера, позволяющих не только повысить экономические результаты от внедрения новшеств в производство, но и на основе модернизации новшества, его реализации другим субъектам хозяйствования с целью получения дополнительной прибыли от созданного или приобретенного технологического, организационного или информационного новшества.

Приведение в соответствие с изменениями технологических новшеств внешней среды, уровня использования технологических новшеств предприятия или экономического вида деятельности производственного комплекса ряд авторов предлагают посредством создания организационной внутренней структуры, осуществляющей стратегический технологический менеджмент, включающий стратегическое, тактическое и оперативное управление процессами создания и внедрения технологических новшеств [3]. Такого рода выделение интегрированного технологического менеджмента в стратегическом управлении инновационным развитием социально-экономической системы, на наш взгляд, не только существенно усложняет организационную структуру управления инновационным развитием субъекта хозяйствования, отраслевой составляющей производственного, тем более высокотехнологичного, комплекса, но и лишает установления взаимозависимости технологических новшеств в их общем составе в процессе создания и использования в производстве.

Исходя из аналогии предложений о выделении стратегического технологического менеджмента как отдельного направления инновационного развития у менеджмента, озабоченного развитием других новшеств, в этом случае появляется возможность создавать такие органы управления, как стратегический, организационный, информационный, маркетинговый менеджмент, определяющий долгосрочные направления развития организационных, информационных, маркетинговых и иных новшеств.

На наш взгляд, предпринимаемые комплексные меры по соблюдению соответствия уровня инновационности субъекта хозяйствования, экономического вида деятельности высокотехнологичного производства технологической, организационной, информационной, маркетинговой направленности с внешним уровнем инновационности в системе стратегического управления инновационным развитием должны осуществляться не на основе индивидуального выделения подсистем стратегического управления развитием инновационных направлений технологического, организационного, информационного и иного характера, а в рамках аналогичных направлений обобщающей стратегии инновационного развития в долгосрочном периоде.

Литература

1. Карапетян В.В. Механизм рационализации элементного взаимодействия системы управления региональным хозяйством: препринт. СПб.: Диалог, 2009.
2. Кроливецкий Э.Н. Оценка результативности научно-исследовательской деятельности хозяйствующих субъектов: препринт. СПб.: Диалог, 2009.
3. Стратегический менеджмент / под ред. А.Н. Петрова. СПб.: Питер, 2008.

КРОЛИВЕЦКИЙ ЭДУАРД НИКОЛАЕВИЧ. См. с. 418.

СЕЛИВАНОВ ДМИТРИЙ ВАДИМОВИЧ – соискатель ученой степени кандидата экономических наук, Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения; заместитель генерального директора, ЗАО «Ниеншанц», Россия, Санкт-Петербург (d.selivanov@nnz.ru).

SELIVANOV DMITRIY VADIMOVICH – a competitor of scientific degree of Economics Sciences candidate, St. Petersburg State University of Cinema and Television; assistant to the general director, Nienschanz CJSC, Russia, St. Petersburg.

УДК 338.24:338.45]:336

Э.Н. КРОЛИВЕЦКИЙ, Р.Э. ШИХАХМЕДОВ

**ВЛИЯНИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ
СИСТЕМЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ, ФИНАНСОВЫЙ РЕЗУЛЬТАТЫ
ОТРАСЛЕВЫХ СОСТАВЛЯЮЩИХ ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА**

Ключевые слова: технологические элементы системы управления, целевая ориентация стратегий, функциональное назначение.

Определяется понятие обобщающей стратегии, определяющей взаимодействие технологических элементов системы стратегического управления для достижения поставленной цели и в соответствии с их функциональных назначением.

**E.N. KROLIVETSKY, R.E. SHIHAMEDOV
INFLUENCE OF TECHNOLOGICAL ELEMENTS
OF SYSTEM OF STRATEGIC MANAGEMENT ON ECONOMIC, FINANCIAL RESULTS
OF BRANCH COMPONENTS OF THE INDUSTRIAL COMPLEX**

Key words: technological elements of a control system, target orientation of strategy, functional purpose.

The concept of the generalizing strategy defining interaction of technological elements of system of strategic management for achievement of an object in view and according to their functional appointment is defined.

Взаимодействие частных и обобщающей стратегий долгосрочного развития объекта системы стратегического управления промышленным производством не может быть представлено и определено комплексным содержательным понятием «стратегия». Данное понятие нередко идентифицируется со стратегическим управлением или планированием. Однако указанная идентификация взаимодействующих элементов не отражает многостороннего характера целевой ориентации на достижение установленной экономической, финансовой результативности, эффективности промышленного производства в системе стратегического управления. Стратегия является доминирующей частью системы управления, инструментом активного воздействия на результативность функционирования локальной, отраслевой социально-экономической системы промышленного комплекса.

В экономической литературе, тем не менее, понятию «стратегия» отводится рядом авторов роль основной (базовой) стратегии долгосрочного развития социально-экономической системы, осуществляемой в процессе стратегического управления, планирования. Обобщенность целенаправленности влияния стратегии локальной социально-экономической системы, по мнению авторов [4], состоит в соединении ею разноуровневых стратегий долгосрочного развития структурных составляющих субъекта хозяйствования в соответствии с принципом иерархичности построения стратегии соблюдения и повышения сложившихся темпов экономического роста.

Однако интегрирование (обобщение) разноуровневости (иерархичности) построения стратегии долгосрочного развития социально-экономической системы авторы предлагают осуществлять независимо от взаимосвязи с технологией стратегического управления или планирования. При этом авторы считают целенаправленность стратегии на достижение высоких экономических результатов итогом объединенной целевой ориентации всех структурных составляющих локальной социально-экономической системы.

Разноуровневости создаваемой обобщающей (интегральной, корпоративной) стратегии локальной, отраслевой и региональной социально-экономической системы придерживаются и другие авторы, формируя разноуровневую пирамиду корпоративной стратегии, а также виды стратегий в рамках их корпоративного интегранта [3].

Важно отметить, что у авторов корпоративная стратегия включает: деловую стратегию, разрабатываемую для отдельных видов деятельности социально-экономической системы; функциональные стратегии, формулируемые и осуществляемые в рамках каждого функционального направления соответствующего вида деятельности; операционные стратегии, составляемые для основных структурных составляющих объекта стратегического управления (например, стратегии предприятий, образованных для осуществления соответствующего функционального направления конкретного вида экономической деятельности).

Указанные методы разноуровневого создания стратегии предприятий, отраслевой социально-экономической системы нуждаются в трансформации, соответствующей изменениям, происходящим в состоянии макро-, мезо-, микросред, в совершенствовании, исключающем труднопреодолимые сложности обобщения разноуровневых стратегий социально-экономической системы.

Стремление менеджмента предприятий, отраслевой составляющей промышленного комплекса к обобщению стратегий иерархичных структурных составляющих объясняется требованиями приведения формируемых и реализуемых разноуровневых стратегий к такому соответствию целевых ориентаций, которое бы органично отражало индивидуальные структурные (деловые, функционально-направленные, операционные) стратегии в интегральном единстве обобщающей (базовой, корпоративной) стратегии.

В то же время предлагаемая иерархичность разработки стратегии субъекта хозяйствования, отраслевой социально-экономической системы не может быть реализована в адекватной степени с намеченными ориентирами к достижению экономических, финансовых результатов эффективности используемых ресурсов из-за различных экономических интересов объектов управления, для которых формулируются стратегии долгосрочного развития.

Кроме того, экономико-математический или экспертный метод интегрирования сформулированных разноуровневых стратегий в процессе их логико-вербального объединения могут столкнуться с невозможностью получения количественных и качественных характеристик, соответствующих поставленным к достижению экономическим результатам, эффективности производства в долгосрочном периоде.

На наш взгляд, формулируемые и реализуемые обобщающие и частные стратегии на уровне предприятия, отрасли, регионального хозяйства должны свои количественные и качественные составляющие экономической результативности, эффективности производства на пропорциональной основе с ресурсными возможностями разноуровневых объектов стратегического управления распределить между ними для достижения на различных временных этапах. В этом случае возможны существенные трудности в пропорциональном распределении экономического результата, эффективности производства между разноуровневыми объектами стратегического управления. Это объясняется тем, что их ресурсные возможности могут быть в существенной степени не использованы в силу различных организационных, экономических, финансовых, социальных и инновационных факторов влияния макросреды.

Тем не менее наличие сформулированной обобщающей (базовой, корпоративной) стратегии с её экономическими, финансовыми и социальными оценками результатов, эффективности производства позволяет менеджменту определить потенциальные возможности объектов разноуровневого стратегического управления влиять на достижение поставленных экономических и финансовых результатов.

В этой связи важно учитывать, что формулируемые и реализуемые обобщающая и частные стратегии экономических видов деятельности и хозяйствующих субъектов в их составе не должны полностью представлять технологиче-

скую целевую ориентацию объекта стратегического управления на достижение максимально возможного экономического, финансового результатов, эффективности производства. При этом обобщающая и частная стратегии, являясь одной из действенных технологических составляющих стратегического управления, находятся во взаимодействии с правилами и составом технологических элементов осуществления процесса стратегического управления [2].

Обобщающая стратегия долгосрочного развития промышленного производства выступает одним из альтернативных вариантов избираемого менеджментом направления развития экономического вида деятельности, предприятия промышленного комплекса, а также как организационная мера, предпринимаемая по результатам стратегического анализа.

Такой обобщающей стратегией может выступать управленческое решение об использовании на интенсивной основе своих внутренних ресурсов, применение которых в производственном процессе отвечает требованиям их сбалансированности с величинами достижения планируемых экономических и финансовых результатов, эффективности используемых ресурсов в долгосрочном периоде в условиях ожидаемых изменений состояния макросреды в неопределенном времени.

В качестве обобщающей стратегии экономических видов деятельности промышленного комплекса как альтернативного варианта может выступать организационный комплекс мер по обеспечению необходимых темпов экономического роста за счет внешних ресурсов из-за недостаточности собственных и реальной возможности получить синергические эффекты [1].

В качестве обобщающей стратегии долгосрочного социально-экономического развития отраслевой составляющей промышленного комплекса могут выступать и другие альтернативные варианты развития. Избрание менеджментом альтернативных вариантов зависит от ресурсных возможностей объекта стратегического управления и его целевой ориентации на достижение максимально возможных экономических и финансовых результатов.

Поэтому формулирование обобщающей стратегии развития промышленного производства может быть выражено такой его содержательной формой, как «предпринимаемый менеджментом комплекс организационных, экономических, финансовых и инновационных мер по обеспечению ресурсного соответствия достижению планируемых экономических, финансовых результатов, эффективности промышленного производства в условиях негативных влияний факторов внешней и внутренней сред».

Следует отметить, что обобщающая стратегия долгосрочного развития экономических видов деятельности промышленного комплекса в своей целевой ориентации соединяет такие направления влияния на достижение устанавливаемого в планируемом периоде экономического результата, эффективности промышленного производства, как экономическое, структурно-организационное, финансовое, маркетинговое, социальное и инновационное.

Соединение указанных выше направлений развития отраслевой составляющей промышленного комплекса в обобщающей стратегии осуществляется на основе учета направлений влияния частных стратегий на поддержание необходимых темпов экономического, финансового результата или их повышение.

Каждая из частных стратегий в своем воздействии на результаты и эффективность деятельности предприятия или отраслевого промышленного производства может выступать как доминирующая в одном из направлений долгосрочного развития. В то же время частные стратегии влияют на экономический, финансовый результаты и в других направлениях отраслевого или локального развития промышленного производства.

Литература

1. Виханский О.С. Стратегическое управление. М.: Гардарики, 2003.
2. Журавлёв В.П. Теория системного менеджмента. М.: Экзамен, 2006.
3. Ильинова А.А. Корпоративная стратегия: современное состояние и проблемы формирования. Новочеркасск: ЮРГТУ (НПИ), 2007.
4. Стратегический менеджмент / под ред. А.Н. Петрова. СПб.: Питер, 2008.

КРОЛИВЕЦКИЙ ЭДУАРД НИКОЛАЕВИЧ. См. с. 418.

ШИХАХМЕДОВ РУСТАМ ЭЛЬДЕРОВИЧ – аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов, Россия, Санкт-Петербург (rusdagtam@rambler.ru).

SHIHAKHMEDOV RUSTAM ELDEROVICH – post-graduate student, St. Petersburg State University of Economy and Finance, Russia, St. Petersburg.

УДК 4.338.439.021.1

Э.Г. КУЗНЕЦОВА

ИСТОЧНИКИ ПОПОЛНЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ РЕСУРСОВ СТРАНЫ

Ключевые слова: продовольственные ресурсы, продовольственная безопасность, садоводческие коллективы (товарищества), личные крестьянские подворья, потребительские кооперативы, снабженческо-сбытовые кооперативы, фермерские хозяйства.

Рассмотрены пути пополнения продовольственных ресурсов страны. Особое внимание уделено садоводческим коллективам (товариществам) и мощным крестьянским подворьям. Выявлены их роль в качестве источника продовольственных ресурсов и социальная значимость в качестве места отдыха и оздоровления, воспитания детей на принципах любви к труду, занятости населения и фактора сокращения безработицы. Подчеркнута необходимость государственного регулирования развития коллективного садоводства и личных крестьянских подворий, создания вокруг них инфраструктуры для решения жилищных проблем.

E. G. KUZNETSOVA

REPLENISHMENT SOURCES OF THE COUNTRY FOOD RESOURCES

Key words: food resources, food safety, gardening collectives (associations), personal country farmsteads, consumer cooperative societies, cooperative societies of supply and marketing, farms.

In article ways of replenishment of food resources of the country are considered. The special attention is given gardening collectives (associations) and powerful country farmsteads. Are revealed their role as source of food resources and the social importance as vacation spot and improvements, education of children on principles of love to work, employment of the population and as factor of reduction of unemployment. Necessity of state regulation of development of collective gardening and personal country farmsteads, creations round them an infrastructure for the decision of housing problems is underlined.

Формирование продовольственных ресурсов страны во многом связано с садоводческими коллективами (товариществами), личными подсобными хозяйствами (ЛПХ) и крестьянскими (фермерскими) хозяйствами (КФХ). В России всего 60 млн садоводов, а садоводческих товариществ – 80 тыс. Подсчитано, что 42% населения страны входят в садоводческие товарищества, в их пользовании находятся 1 млн га земли. Они выращивают 60% сельхозпродукции страны. 10-15 лет назад этот показатель составлял 6-10%.

В Чувашской Республике коллективные сады занимают 8,4 тыс. га, т.е. 4% сельхозугодий. По России это самый высокий показатель. В других регионах, за исключением Московской области, показатель этот составляет 1-2%.

Таким образом, садоводство является самым массовым общественным движением. Своими корнями оно уходит в далекое прошлое – более 100 лет назад в России было образовано Императорское общество садоводов в увеселительных целях.

Сегодня садоводство вышло далеко за рамки простого увлечения. Система садоводческих объединений в нашей стране выполняет много задач. Это обеспечение продовольственной безопасности, отдыха и оздоровления, воспитания детей на принципах любви к труду и бережного отношения к земле, т.е. коллективное садоводство – это большое подспорье для населения страны, оно выполняет социальную функцию в обществе. Через развитие коллективного садоводства решается проблема безработицы и адаптации людей старшего возраста после выхода на пенсию. Следовательно, коллективное садоводство должно стать одним из важнейших направлений государственной политики. Для этого необходимо совершенствовать законодательство. Впервые закон о садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан был принят в 1998 г. В 2006 г. приняты поправки в законодательство – так называемый закон о дачной амнистии. В 2009 г. его действие было продлено еще на пять лет. В том же году вступили в силу поправки в Трудовом кодексе и закон о розничных рынках, в соответствии с которыми управляющая рынком компания должна предусматривать торговые места для владельцев садоводческих, фермерских, личных подсобных хозяйств, занимающихся производством сельскохозяйственной продукции.

С момента вступления в силу закона о садоводческих и дачных объединениях были приняты земельный, лесной, водный и градостроительный кодексы, законодательные и нормативные акты, отменившие ряд положений закона о садоводческих объединениях. По сути, садоводство развивается не благодаря, а вопреки законодательству. Если раньше в данное законодательство были заложены принципы государственной поддержки садоводов и ряд налоговых льгот, то к сегодняшнему дню о таких вещах и речи нет, их отменили.

Причем совсем недавно в стране использовался каждый клочок земли. А сегодня, даже по официальным данным, заброшено в стране более 40 млн га, а в Чувашии – 31 576 га пашни.

В стране начался процесс обложения налогами владельцев садоводческих товариществ. В Чувашии уже с марта 2011 г. подняли данный налог на 12,7%. На наш взгляд, такие налоги обанкротят садоводческие товарищества. Ведь у них, в отличие от крестьян, нет никакой дотации из бюджета, поэтому желательно освободить их от налога. Введение данного налога повлечет за собой выведение из земельного оборота плодородных земельных участков и зарастание их сорняками. Так, только в Моргаушском районе Чувашии заброшено 42% садоводческих участков, а в Алатырском и Цивильском районах, соответственно, 72 и 50%.

При определенной государственной поддержке садоводческие объединения могут решить и жилищную проблему. По статистике, 10% жителей Москвы и области Поволжья и Западной Сибири, 15% жителей Уральского федерального округа хотя бы переехать из города в сельскую местность. Но трудность состоит в том, что законодательная норма ограничивает право граждан на регистрацию по месту жительства жилого строения, расположенного на садовом участке. В течение длительного периода на этих участках строились помещения для временного проживания. Но сейчас многие дачники возводят там капитальные дома, что предусмотрено законодательными актами. Однако на территории большинства садоводческих товариществ отсутствует необходимая инфраструктура. Именно этим объясняется нежелание строиться и жить на садоводческих участках. При этом проблемой становятся постоянный рост тарифов на электроэнергию, затраты на проезд к садовым участкам.

Все это требует государственного подхода к коллективному садоводству. На наш взгляд, необходимо вообще исключить из налоговой базы по земель-

ному налогу участки до 8-10 соток, снизить размер пошлины за государственную регистрацию права собственности в садоводческих объединениях граждан, отнести садовое некоммерческое объединение к сельским поселениям, что могло бы решить вопросы по инфраструктуре и пополнению продовольственных ресурсов страны.

Многие садоводы в сельской местности выступают владельцами подворий, кроме выращивания растениеводческой продукции параллельно занимаются производством мяса, молока и другой животноводческой продукции. Так, в 2008 г. доля продукции животноводства в валовой продукции сельского хозяйства страны составляла 47%. При этом только часть этой продукции реализуется на рынках самими производителями. Однако получить хорошую цену за свою продукцию они по большей части не могут. Скупщики мяса, молока и другой продукции перекрывают все каналы, чтобы не допустить сельчанина на рынок. Дело осложняется тем, что большинство жителей сельской местности не имеют постоянной работы и живут за счет своего хозяйства, где производятся картофель, овощи, плоды и ягоды, мясо, молоко и т.д. А продавать полученную своим трудом продукцию приходится очень дешево, почти за бесценок. Поэтому, пытаясь уйти от диктата перекупщиков, некоторые селяне самостоятельно стремятся везти свою продукцию на рынок, но это в силу субъективных причин почти невозможно. Чтобы пробиться к покупателю, владельцам подворий нужно объединиться, и реальный путь к этому – создание потребительского кооператива. Силами сельскохозяйственного потребительского кооператива можно будет осуществлять подворовый сбор продовольствия, транспортировку и реализацию его на рынках, а также закупать необходимый сельскохозяйственный инвентарь, удобрения, корма и т.д. для пайщиков кооператива. Сейчас во многих регионах России широкое распространение получают снабженческо-сбытовые кооперативы. Так, в Челябинской области работают и реализуют продукцию 17 снабженческо-сбытовых кооперативов, в их числе только два занимаются закупкой у населения мяса, остальные заготавливают молоко.

Кооперацией охвачены личные подворья и фермерские хозяйства в большинстве районов Чувашии и Татарстана. Министерство сельского хозяйства РФ направило в Правительство РФ Закон «О крестьянском фермерском хозяйстве», в котором предлагает приравнять высокотоварные личные подсобные хозяйства граждан к фермерским хозяйствам и распространить на них действующие в отношении фермеров господдержки. Этот закон будет способствовать выравниванию финансового положения во всех хозяйствующих субъектах, будь они малыми или крупными хозяйствами. А это дополнительный стимул для производителей сельскохозяйственной продукции в плане обеспечения продовольственной безопасности страны.

Литература

1. Коробейников М. Крестьянство и власть: ответственность и интересы // Вопросы экономики. 2010. № 2.
2. Кузнецова Э.Г. Необходимость государственного подхода к малым формам хозяйствования // Сборник научных статей по итогам Международной научно-практической конференции. Волгоград: Волгоградское науч. изд-во, 2011.
3. Хицков И. Крестьянские подворья // АПК: экономика, управление. 2000. № 4.

КУЗНЕЦОВА ЭЛЬВИРА ГЕОРГИЕВНА – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (polyakovalya@mail.ru).

KUZNETSOVA ELVIRA GEORGIEVNA – candidate of economics sciences, assistant professor of Economic Theory Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 330.322:331.101.262(470+571)

Е.В. МАКСЮТИНА

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИНВЕСТИЦИЙ
В ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

Ключевые слова: человеческий капитал, высшее образование, внутренняя норма отдачи, период окупаемости инвестиций, рынок труда.

Исследована экономическая эффективность инвестиций в человеческий капитал в России.

E.V. MAKSYUTINA

**THE ECONOMICAL EFFICIENCY OF INVESTMENTS IN HUMAN CAPITAL
IN MODERN CONDITIONS**

Key words: human capital, higher education, internal rate of return, payback period, labor market.

The article investigates the economical efficiency of investments in human capital of Russia.

В экономической литературе дореформенного периода идея анализа экономической отдачи от созидательных способностей человека не получила признания. Это было связано, с одной стороны, с тезисом о непроизводительном характере образования, здравоохранения и других отраслей социально-культурной сферы. С другой стороны, для каждого конкретного человека получение образования всех уровней, медицинское обслуживание, за небольшими исключениями, были бесплатными, в связи с этим у населения не возникало вопросов возвратности средств, вложенных на эти цели.

Однако теория человеческого капитала исходит из положения о том, что человеческий капитал – это некоторый накапливаемый запас благ, который при целесообразном использовании должен способствовать росту производительности и доходов. Следовательно, она предполагает определенную корреляцию, например, между уровнем образования и заработной платой работника.

В экономически развитых странах статистическими данными подтверждается достаточно устойчивая и тесная взаимосвязь уровня образования и квалификации с оплатой труда. Так, в США в последнее десятилетие средние издержки получения высшего образования в одном из 50 престижных вузов составляли около 100 тыс. долл. А плата за образование, необходимое для работы в высокотехнологичном производстве, в пять раз превосходила все прочие затраты – на питание, жилье, одежду и т.д., осуществляемые до достижения будущим работником совершеннолетия. Расходы на учебу даже превосходили среднюю стоимость производственных мощностей, на которых работнику предстоит трудиться (около 80 тыс. долл.) [2. С. 11, 98]. Однако и отдача от полученного образования превосходила все ожидания. Согласно американской статистике, работник с дипломом колледжа на протяжении своей карьеры зарабатывал на 600 тыс. долл. больше, чем имеющий лишь школьное образование, а разница ожидаемых доходов обладателя докторской степени по отношению к выпускнику колледжа в этот период достигала 1,6 млн долл.

За рубежом неоднократно рассчитывались частные и общественные нормы отдачи, измеряющие эффективность вложений в различные виды образования. По имеющимся оценкам, в экономически развитых странах для среднего образования нормы отдачи располагаются на уровне 15-20%, для высшего – 10-15%, а для ступеней, связанных с получением званий магистра или доктора, – на уровне 5% [4. С. 5, 12].

Результаты эмпирических исследований, проведенных П. Грейзером, П. Грегори и Дж. Колхэйз в конце 80-х гг. на основе опроса бывших советских граждан, эмигрировавших в США, показали, что в Советском Союзе заработная плата слабо коррелировала с уровнем образования и другими активами человеческого ка-

питала. По оценкам, опубликованным П. Грейзером, норма отдачи от инвестиций в образование варьировалась от 2,3% для общего среднего до 5% для высшего профессионального образования, при этом женщины имели более высокую норму отдачи от образования, чем мужчины [5. С. 13, 10, 12].

Рассмотрение расходов на получение образования, повышение квалификации, улучшение состояния здоровья и т.п. в качестве затрат инвестиционного типа заставляет по-новому взглянуть на проблему экономической эффективности инвестиций в человеческий капитал. Распространение платности образования, медицинских услуг для населения означает необходимость, во-первых, отвлекать значительные средства от текущего потребления, менять свои сберегательные приоритеты; во-вторых, принимать инвестиционные решения, учитывая как издержки, так и выгоды. В связи с этим возникает вопрос об индивидуальной экономической целесообразности этих затрат.

В пореформенной России эмпирических исследований эффективности инвестиций в человеческий капитал было немного. Одной из наиболее интересных является работа, выполненная в середине 90-х гг. Д. Нестеровой и К. Сабирьяновой. По данным Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (далее РМЭЗ) авторы анализировали факторы, влияющие на уровень и динамику заработной платы через оценку норм отдачи от инвестиций в человеческий капитал. Регрессионный анализ уравнения заработной платы Дж. Минцера, выполненный Нестеровой и Сабирьяновой на основе данных за 1994-1996 гг., показал, что частная норма отдачи от инвестиций в образование составляла в этот период 6-8% прироста заработной платы на каждый дополнительный год образования; норма отдачи от профессионального опыта на рынке труда была равна 1-3%; отдача от специального человеческого капитала, т.е. опыта, накопленного на данном рабочем месте, оказалась несущественна и статистически не значима [5. С. 11, 15].

Среди современных исследований значительный научный интерес, на наш взгляд, представляют работы ученых Государственного университета Высшей школы экономики (далее ГУ ВШЭ) [1, 3]. Так, Р.И. Капелюшников в соавторстве с А.Л. Лукьяновой в книге «Трансформация человеческого капитала в российском обществе» представили оценки норм отдачи, рассчитанные на основе «минцеровского» уравнения заработков. Авторы использовали данные 6-18 раундов (1994-2008 гг.) РМЭЗ. По оценкам авторов Р.И. Капелюшникова и А.Л. Лукьяновой, нормы отдачи от образования колебались в течение этих лет в диапазоне 5-7%. Другими словами, увеличение продолжения образования на один год обеспечивало прирост заработков примерно на 5-7%. У женщин нормы отдачи на образование были примерно в полтора раза выше, чем у мужчин: 7,5% против 5% [3. С. 74, 75].

Традиционно в научной литературе экономическая эффективность инвестиций в человеческий капитал (в том числе в образование) определяется с использованием показателей чистой текущей стоимости (NPV), внутренней нормы отдачи (IRR), индекса доходности (PI), периода окупаемости инвестиций (PBP). К сожалению, в работах российских ученых вычисление указанных выше показателей осуществлялось только с целью определения эффективности инвестиций в конкретные образовательные проекты либо сравнения различных инвестиционных проектов в образование и выбора лучшего из них. К работам подобного рода можно отнести расчет эффективности получения степени MBA (Master of Business Administration) в России как частный случай инвестиций в человеческий капитал.

Цель нашей работы состояла в расчете окупаемости частных затрат на получение высшего образования в современных условиях России с помощью показателей внутренней нормы отдачи и периода окупаемости инвестиций. Информационной базой нашего исследования стали статистические данные обследо-

вания заработной платы по профессиям (далее ОЗПП), проведенного Росстатом в 2009 г. Это обследование содержало необходимые сведения о среднемесячной заработной плате работников по уровню образования, в том числе в гендерном разрезе. Также были использованы опубликованные в сборнике Росстата «Социальное положение и уровень жизни населения» данные о средних потребительских ценах на отдельные виды услуг в системе образования [6. С. 382]. В целом, наше исследование опиралось на официальные статистические данные.

В классической модели оценки инвестиций в человеческий капитал выгоды от образования выражаются в более высоком уровне заработков после получения образования по сравнению с уровнем заработной платы лиц, не имеющих образования. Затраты на получение образования включают прямые расходы (плата за обучение, расходы на приобретение учебников и т.д.) и косвенные затраты в виде «потерянных» заработков за время обучения. «Потерянные заработки» – это те заработки, которые студенты могли бы получать, если бы не учились, а работали. Расчеты показывают, что именно эти затраты составляют главную долю совокупных расходов на человеческий капитал.

При определении экономической эффективности инвестиций в высшее образование мы сравнивали пожизненные заработки лиц с полным средним образованием и высшим профессиональным образованием при условии, что получение среднего образования было оплачено государством за счет бюджетных средств и формально оказалось для людей бесплатным, а высшее образование было получено на условиях полного возмещения затрат на обучение. Таким образом, стоимость потока выгод от высшего образования равна разнице в пожизненных заработках лиц с высшим образованием и людей, получивших только полное среднее образование. «Потерянные» заработки лиц, получающих высшее образование, были равны суммарным за годы обучения средним заработкам россиян, имеющим среднее образование. К стоимости прямых затрат на образование была отнесена средняя по стране стоимость обучения в вузе. Период предстоящей трудовой деятельности соответствовал периоду после окончания вуза вплоть до выхода на пенсию (т.е. 38 лет – с 22 до 59).

При определении внутренних норм отдачи мы учитывали карьерный рост заработной платы в течение предстоящей трудовой деятельности работника. Расчеты проводились для двух вариантов развития карьеры. Средний вариант развития карьеры предполагает, что за счет карьерного роста работник увеличит свою начальную заработную плату в 2 раза в течение предстоящей трудовой деятельности. В этом случае среднегодовой уровень карьерного роста будет равен 1,8%. У лиц, сделавших успешную карьеру, заработная плата увеличится в течение предстоящей трудовой деятельности в 3 раза при среднегодовом росте в 3%.

Внутренняя норма отдачи (IRR) представляет собой такую норму процента, при которой приведенная стоимость будущих выгод от образования равна приведенной стоимости его затрат. Чем выше IRR, тем прибыльнее инвестиции в человеческий капитал. Другими словами, внутренняя норма отдачи показывает, на сколько процентов увеличивается заработок человека при увеличении продолжительности образования на один год. Формула для определения частной нормы отдачи от инвестиций в высшее образование имеет вид:

$$\sum_{t=1}^T \frac{(B_t^1 - B_t^*)(1+j)^t 12}{(1+r)^t} = \sum_{t=1}^{t_1} \frac{B_t^*(1+j)^t 12}{(1+r)^t} + \sum_{t=1}^{t_1} \frac{C_t}{(1+r)^t},$$

где r – внутренняя норма отдачи от инвестиций в высшее образование; B_t^1 – среднемесячные заработки лиц с высшим образованием в году t , руб.; B_t^* – среднемесячные заработки лиц с полным средним образованием в году t , руб.; T – период предстоящей трудовой деятельности, лет; t_1 – время обучения в вузе,

лет; t – индекс времени; j – среднегодовой уровень карьерного роста, %; C_t – средняя по стране стоимость обучения за год в вузе, руб.

Периодом окупаемости (отдачи) инвестиций в высшее образование называется время, за которое сумма дополнительных выгод от высшего образования, рассчитываемая как разница между заработками лиц с высшим образованием и полным средним образованием, покрывает сумму издержек на получение образования.

Результаты нашего исследования эффективности частных инвестиций в человеческий капитал показали, что в современных условиях России вложения в образование (прежде всего высшее) чрезвычайно выгодны. Коэффициент окупаемости частных вложений в высшее образование (внутренняя норма отдачи) составляет от 17,2 до 18,7% в зависимости от варианта развития карьеры. Средний период окупаемости инвестиций в высшее образование составляет немногим более двух лет. С учетом величины «потерянных» заработков – почти 10 лет¹.

В качестве альтернативного показателя окупаемости вложений в человеческий капитал могут также использоваться так называемые образовательные премии. В этом случае оценивается не то, насколько возрастает заработная плата при увеличении образования на один дополнительный год, а насколько она увеличивается при переходе человека с более низкого на более высокий уровень образования, например, со среднего – на высшее. В таблице представлены оценки премий на различные уровни образования по сравнению с полным средним образованием. Источником информации является упоминавшееся ранее Обследование заработных плат по профессиям, проведенное Росстатом в 2009 г. Оказывается, что при прочих равных условиях лица с высшим образованием зарабатывают почти на 80% больше, чем лица со средним образованием, т.е. образовательная премия за высшее образование в России составляет порядка 80% (76,3%). Для выпускников ссузов премия за образование равна около 14%. Тем выпускникам, которые окончили ПТУ, это практически ничего не дает, т.е. выигрыш в заработной плате порядка 3%. И те, кто не получил даже среднего образования, проигрывают в заработной плате порядка 8%. Размеры образовательных премий последовательно увеличиваются при переходе от более низких к более высоким ступеням образовательной шкалы как для мужчин, так и для женщин.

«Премии» на различные уровни образования, 2009 г., %*

Уровни образования	Все работники	Мужчины	Женщины
Высшее профессиональное образование	76,3	63,6	91,9
Среднее профессиональное образование	14,2	8,2	21,8
Начальное профессиональное образование	3,3	1,9	4,3
Не имеют среднего (полного) общего образования	-8,3	-8,5	-8,4

* % превышения над заработками работников с полным средним образованием.

Высокая окупаемость высшего образования, а также стабильно высокий уровень премии за высшее образование в значительной мере объясняет причины непрерывно нарастающего спроса на него со стороны населения и резкое увеличение доли студентов в соответствующей возрастной когорте. Уже сейчас среди российских граждан в возрасте 25-35 лет доля населения с высшим образованием составляет 57%. Это один из самых высоких показателей в мире, на 15 процентных пунктов превышающий аналогичный показатель в США. 87-91% семей предпочитают высшее образование для детей, 66% граждан готовы за него платить. 75% выпускников школы планируют

¹ Следует отметить, что по сравнению с другими источниками данных (например, НОБУС и РМЭЗ) данные ОЗПП, на которых было основано наше исследование, фиксируют существенно более широкий разброс в заработках в зависимости от полученного образования и, как следствие, приводят к более высоким оценкам его отдачи.

сразу же поступать в вузы, более половины студентов колледжей и техникумов также собираются получать высшее образование².

Не удивительно, что рост спроса на вузовские дипломы стимулирует расширение предложения высшего образования, сопровождающееся снижением его предельного качества. При тех наблюдаемых экономических преимуществах, которые обещает наличие высшего образования его обладателям, трудно рассчитывать на то, что молодые люди добровольно изменят свои приоритеты в пользу начального или среднего профессионального образования, которые окупаются гораздо хуже. Эта тенденция – рост рыночной ценности продвинутого общего третичного образования по сравнению с узкоспециализированным профессиональным – характерна для всех развитых стран мира [1. С. 450]. И Россия в этом не исключение.

Другое дело, что резкий сдвиг в образовательном поведении россиян предъявляет новые требования к рынку труда. Работники нового поколения ищут креативную, интересную работу, связанную с коммуникациями. Они готовы к частой смене места работы. При этом важнейшей характеристикой выбора работы, как показывают исследования, является даже не заработная плата, а социальный статус работника. В то же время свободные рабочие места среди офисных работников, в торговых компаниях, в бюджетной сфере исчерпываются. «Мы столкнемся с серьезнейшим вызовом: люди не смогут найти работу сообразно своим уже серьезно адаптировавшимся требованиям, – предупреждает ректор ГУ ВШЭ Я. Кузьминов. – Уже сегодня от 20% до 30% людей с высшим образованием заявляют, что их профессиональные навыки очень серьезно недоиспользуются – фактически они занимаются работой, не требующей высшего образования». Предполагается, к 2020 г. доля таких «социально неудовлетворенных» составит 10% трудоспособного населения, а в крупных городах эта цифра будет в два раза больше. При сохранении сложившейся ситуации разрыв между ускоренным накоплением человеческого капитала и его неэффективным использованием, между высокими количественными и низкими качественными характеристиками получаемого образования будет не сокращаться, а увеличиваться. Результатом этого может стать размывание тех экономических преимуществ, которые пока дает накопление человеческого капитала, прежде всего в виде получения высшего профессионального образования.

Литература

1. Зарплата в России: эволюция и дифференциация / под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшников. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. 575 с.
2. Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы: учеб. пособие. М.: Логос, 2000. 432 с.
3. Капелюшников Р.И., Лукьянова А.Л. Трансформация человеческого капитала в российском обществе (на базе «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения»). М.: Фонд «Либеральная миссия», 2010. 196 с.
4. Курганский С.А. Человеческий капитал: методологический анализ формирования и оценки: автореф. дис. ... докт. экон. наук. СПб., 1999.
5. Нестерова Д., Сабирьянова К. Инвестиции в человеческий капитал в переходный период в России // EERC. 1998. № 99/04, дек.
6. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2010: стат. сб. / Росстат. М., 2010. 507 с.

МАКСЮТИНА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, Филиал Казанского (Приволжского) федерального университета в г. Набережные Челны, Россия, Набережные Челны (elbe@fromru.com).

MAKSUTINA ELENA VLADIMIROVNA – candidate of economics sciences, associate professor of Economics Chair, Branch of Kazan Federal University in Naberezhnye Chelny, Russia, Naberezhnye Chelny.

² Здесь приведены данные мониторинга экономики образования, регулярно проводимого ГУ ВШЭ.

УДК 316.334:304.3 (470.344)

М.М. МИТЮГИНА

**АНАЛИЗ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТ
КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ***

Ключевые слова: качество жизни, устойчивое развитие, экологические компоненты качества жизни.

Рассмотрено понятие экологических компонент качества жизни. Проведен анализ экологических компонент качества жизни Чувашской Республики, определены мероприятия по обеспечению экологического благополучия.

M.M. MITYUGINA

**ANALYSIS OF THE ENVIRONMENTAL COMPONENT
OF QUALITY OF LIFE OF THE POPULATION OF THE CHUVASH REPUBLIC**

Key words: quality of life, sustainable development, environmental components of quality of life.

The concept of ecological components of quality of life, the analysis of the environmental component of quality of life of the Chuvash Republic, identified measures to ensure the environmental well-being.

На сегодняшний день в российском обществе сформировалась определённая иерархия проблем и ценностей, в которых, несмотря на экономические и политические реалии нашего времени, вопросы и проблемы, связанные с экологической ситуацией, занимают одно из первостепенных мест в вопросах обеспечения качества жизни. Как сказано в экологической доктрине Российской Федерации, высокое качество жизни населения может быть обеспечено только при условии сохранения природных систем и поддержания соответствующего качества окружающей среды [8].

Впервые внимание к экологии и состоянию окружающей среды как элементу качества жизни было уделено в Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 01.04.1996 г. № 440. В данной концепции отмечено, что обеспечение качества жизни населения невозможно без сохранения целостности природной среды, что улучшение качества жизни должно обеспечиваться в пределах хозяйственной ёмкости биосферы, не разрушая при этом естественного биотического механизма регуляции окружающей среды и не приводя к её глобальным изменениям [3].

Таким образом, экологические компоненты являются неотъемлемыми составляющими качества жизни населения, а экологическое благополучие региона рассматривается в качестве незаменимой основы обеспечения качества жизни. Однако вопросы обеспечения экологического благополучия региона, несмотря на их фундаментальное значение, изучены недостаточно, отсутствует соответствующий инструментарий оценки экологических компонент качества жизни, не определены формы продуктивного улучшения конкретной экологической ситуации в регионе в контексте повышения качества жизни.

Следовательно, определение экологических компонент, характеризующих качество жизни населения, является одним из ключевых направлений оптимизации деятельности по управлению качеством жизни, поскольку мониторинг экологических компонент позволит обеспечить наиболее полное представление властных, природоохранных и политических структур о реальных проблемах состояния экологии и правильно расставить приоритеты экологической политики.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-12-21002а/В).

Как и другие составляющие качества жизни, экологическое благополучие в наши дни не обеспечивается само по себе – слишком велико влияние человека на окружающую среду, и оно уже не станет меньше. Но противодействовать негативным последствиям этого влияния можно и нужно. В соответствии с принципами концепции устойчивого развития и спецификой эколого-ресурсных компонентов окружающей природной среды и направлений природоохранной деятельности для обеспечения экологического благополучия региона необходимо создать такие условия, при которых большинство природных причин и последствий антропогенной деятельности (производственной, военной, коммуникационной, строительной, научной, информационной, развлекательной, медико-биологической и другой, включая действия по предупреждению последствий стихийных бедствий и чрезвычайных ситуаций) исключают или сводят к минимуму изменения, приводящие к деградации окружающей среды, и не влияют на гармоничное развитие экосистемы, которое возможно посредством обеспечения качества почвы, водного и воздушного бассейна, а также сохранения растительного и животного мира.

Таким образом, в качестве основных экологических компонент качества жизни можно выделить следующие: обеспечение качества атмосферного воздуха; обеспечение качества водного бассейна; обеспечение качества почвы; сохранение разнообразия растительного и животного мира [4].

Обеспечение качества воздушного пространства – одно из основных направлений гармоничного развития экосистемы. Качество воздуха в последнее время вызывает всеобщую озабоченность и тревогу. Рост загрязненности воздуха отмечен во многих городах, промышленных центрах, особенно там, где имеется черная металлургия, нефтеперерабатывающая промышленность, промышленность строительных материалов. Во многих городах загрязненность атмосферного воздуха в 10 и более раз превышает допустимые гигиенические нормы, что сказывается на состоянии здоровья людей [1. С. 97].

Проблема загрязнения атмосферного воздуха – одна из наиболее острых экологических проблем, стоящих перед обществом в настоящее время, хотя в Чувашской Республике данная проблема не стоит так остро. С 1995 г. по 2009 г. масса вредных веществ, выброшенных в атмосферу от стационарных источников, в Чувашской Республике сократилась на 21,31%. Если в 1995 г. на 1 кв. км территории Чувашской Республики приходилось в среднем 2,5 т выбросов в год, то в 2009 г. их количество сократилось до 0,53 т и стало составлять 1,97 т в год на 1 кв. км. Сравнивая положение Чувашской Республики по общему объёму выбросов загрязняющих веществ в атмосферу среди регионов Приволжского федерального округа (ПФО), необходимо отметить, что, по данным на 2009 г., Чувашская Республика занимала 4-е место среди регионов ПФО по минимальному количеству выбросов, отставая от Пензенской области, лидирующей по данному показателю, в которой количество выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух от стационарных источников составляло 22 тыс. против 36 тыс. т в год в Чувашской Республике [6, 7].

Однако необходимо отметить, что процесс снижения выбросов загрязняющих веществ в атмосферу в Чувашской Республике за рассматриваемый период обусловлен не столько повышением эффективности мер, принимаемых для охраны качества воздуха, сколько существенным сокращением мощностей промышленных предприятий республики за данный период, что, естественно, приводит к общему уменьшению выбросов загрязняющих веществ в атмосферу. Данное обстоятельство подтверждает и тот факт, что с 1995 г. по 2009 г. сократился процент уловленных и обезвреженных загрязняющих веществ в

общем объеме загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников. Если в 1995 г. в Чувашской Республике 51,5% всех загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников, улавливались и обезвреживались, то к 2009 г. этот показатель сократился на 36,5% и составил лишь 32,7% [6, 7].

Негативным моментом является и тот факт, что с 2001 г. по 2008 г. в Чувашской Республике существенно сократился объем инвестиций в охрану атмосферного воздуха. Если в 2001 г. их объем составлял 19 781 тыс. руб., то в 2007 г. он сократился в 2,45 раза по сравнению с объемом в 2001 г. и составил 8 083 тыс. руб. Однако в условиях мирового экономического кризиса в 2008 г. объем инвестиций на охрану атмосферного воздуха ещё сократился в 8,5 раза по сравнению с объемом в 2007 г. и составил лишь 951 тыс. руб. [6, 7].

Одной из серьезнейших экологических проблем в настоящее время является также ухудшение качества водного бассейна. Качество воды и её значимость для жизни человечества и основных биосферных процессов чрезвычайно высоки. Состояние большинства водных объектов не отвечает стандартам качества. На предприятиях постоянно возникают аварийные ситуации, приводящие к поступлению химически вредных веществ в водоёмы. Химические загрязнения накапливаются в донных отложениях, зоо- и фитопланктоне. В пресноводных рыбах выявлено повышенное содержание кадмия, свинца, хрома, стронция, кобальта и других тяжелых металлов [1. С. 96].

Особых масштабов в настоящее время достиг процесс антропогенной эвтрофикации – бурного разрастания некоторых видов водорослей под влиянием накапливающихся в поверхностных водах биогенных элементов (так называемое «цветение»). При этом токсины, образующиеся при цветении воды, а также дефицит растворённого в ней кислорода, поглощаемого бурно размножающимися аэробными бактериями, которые питаются омертвевшей органикой, ведут к массовой гибели придонных организмов.

Быстрые темпы развития антропогенной эвтрофикации в настоящее время обусловлены следующими факторами: смывом с полей азотных удобрений, сбросом в водоёмы сточных вод, богатых фосфорсодержащими соединениями, существенным снижением способности речной воды к самоочищению, вызванным получившим широкие масштабы водорегулированием. Особенно нагляден в этом смысле пример Волжского каскада, превратившего главную водную артерию России в цепь гигантских водохранилищ с резко замедленной скоростью течения и интенсивным развитием в них процессов эвтрофирования [2].

Анализируя качество водного бассейна в Чувашской Республике, необходимо отметить, что в период с 1995 г. по 2009 г. существенно увеличилась доля загрязнённых вод в общем объеме сточных вод, сброшенных в поверхностные водоёмы. Если в 1995 г. их объем составлял 76,7%, то к 2009 г. их количество увеличилось на 16,43%, и доля загрязненных вод стала составлять 89,3% в общем объеме сточных вод, сброшенных в поверхностные водоёмы. В связи с этим в период с 2000 г. по 2009 г. в Чувашской Республике произошло существенное ухудшение санитарного состояния водных объектов, используемых в качестве источников питьевого и хозяйственно-бытового водопользования населения. Так, удельный вес исследованных проб воды, не соответствующих гигиеническим нормативам по санитарно-химическим показателям, увеличился к 2009 г. на 124,11% по сравнению с аналогичным показателем в 2000 г. и составил 31,6% (в 2000 г. лишь 14,1% исследованных проб воды не соответствовали гигиеническим нормативам по санитарно-химическим показателям). Это привело к тому, что в 2009 г. 11,4% населения от общей численности населения Чувашской Республики снабжалось недоброкачественной питьевой водой [6, 7].

Негативная тенденция наблюдается и при оценке санитарного состояния водных объектов Чувашской Республики в местах рекреации (отдыха) населения. В период с 2000 г. по 2009 г. в Чувашской Республике удельный вес воды, не соответствующей гигиеническим нормативам по микробиологическим показателям, увеличился в 2,87 раза и составил 32,4%, тогда как в 2000 г. лишь 11,3% исследованных проб воды не соответствовали гигиеническим нормативам по микробиологическим показателям.

Самое лучшее санитарное состояние водных объектов в местах отдыха населения среди регионов ПФО наблюдается в Республике Марий Эл, в которой в 2009 г. лишь 2,3% исследованных проб воды не соответствовали гигиеническим нормативам по микробиологическим показателям [6, 7].

Положительным моментом является тот факт, что в Чувашской Республике до мирового финансового кризиса происходило ежегодное увеличение объема инвестиций на охрану и рациональное использование водных ресурсов. Если в 2000 г. объем инвестиций составил 24 762 тыс. руб., то в 2007 г. – уже 164 242 тыс. руб. Это позволило незначительно, но сократить за данный период объем загрязненных вод, сброшенных в поверхностные водоемы. Так, если в 2000 г. на 1 кв. км территории Чувашской Республики приходилось 7229,5 куб. м загрязненных сточных вод в год, сброшенных в поверхностные водоёмы, то в 2007 г. их объем сократился на 10,31% и составил 6469,4 куб. м в год. Однако в условиях мирового финансового кризиса объем инвестиций на охрану и рациональное использование водных ресурсов сократился в 3,02 раза по сравнению с таковым в 2007 г. и составил лишь 54 424 тыс. руб. [6, 7].

Следующая экологическая компонента качества жизни – обеспечение качества почвы. Особенность почвы как объекта экосистемы заключается в том, что она является начальным звеном всех сложных биологических цепей круговорота веществ в природе. Аккумулируя значительные количества загрязнений, почва на долгое время становится источником миграции химических веществ в смежные среды: грунтовые воды, атмосферный воздух, в растения – продукты питания. Наибольшую опасность представляет миграция токсинов в растения и грунтовые воды, так как установлено, что более 60% микроэлементов поступают в организм человека с пищей [1. С. 97].

Существенный ущерб качеству почвы наносит сельскохозяйственная обработка земли. Распашка и уплотнение почвы сельскохозяйственной техникой ведут к её постепенной деградации, а при отсутствии соответствующих агротехнических приёмов – и к полному разрушению. О том, какой невосполнимый урон могут нанести почвенному слою непродуманные сельскохозяйственные технологии, свидетельствует хотя бы пример освоения целинных земель Казахстана и Алтая, приведшего в 1950-х гг. к тяжелым экологическим последствиям – массовой деградации земель, водно-ветровой эрозии и пыльным бурями. На сегодняшний день вследствие эрозии в мире теряется около 6 млн га почвенного покрова в год [2].

При анализе качества почвы необходимо помнить, что почва – это важнейшее звено биогеохимического круговорота, она служит местом обитания огромного множества почвенных организмов-редуцентов – грибов, бактерий, беспозвоночных животных (в 30-сантиметровом почвенном слое площадью в 1 кв. м содержится более 1 трлн микроорганизмов и гифов грибов), обеспечивающих возврат в окружающую среду элементов омертвелой органики, т.е. биогенов, доступные запасы которых в природе ограничены. К сожалению, именно эти организмы первыми гибнут в результате сельскохозяйственной обработки земли, внесения в неё минеральных удобрений и пестицидов. Так, по данным эко-

логов, внесение в почву азота в дозах 3 г/м² в год снижает в ней численность данных видов организмов на 20-50% [2].

Анализируя качество почвы Чувашской Республики необходимо отметить, что сокращение производственных мощностей промышленных предприятий Чувашской Республики привело также к общему уменьшению токсичных отходов производства и потребления. С 1995 г. по 2009 г. количество токсичных отходов производства и потребления, приходящееся в среднем на 1 кв. км территории Чувашской Республики, сократилось на 72,3% и составило 17,48 т на 1 кв. км, против 63,1 т на 1 кв. км в 1995 г. [6, 7].

Сохранение растительного и животного мира – следующая экологическая компонента качества жизни, поскольку биологическое разнообразие есть функция организованности экосистемы.

Всю нашу планету, от приполярной тундры до раскалённых песков пустынь, покрывает сплошная плёнка жизни, не прерывающаяся ни на высокогорных плато, ни в кратерах потухших вулканов. Этот непрерывный живой покров – результат длительной эволюции, в процессе которой виды и их сообщества освоили всё геоклиматическое разнообразие земных условий за счёт высокой дифференциации жизненных форм и сообществ организмов. Однако с началом активной хозяйственной деятельности человека это бесценное эволюционное завоевание оказалось под угрозой.

Разрушение природных экосистем и техногенное преобразование ландшафта подрывает основы существования многих видов и их сообществ, часть которых уже исчезла с лица Земли, а другая находится на грани вымирания. Ситуация осложняется еще и тем, что многие виды исчезают, даже не будучи распознанными, что особенно характерно для великого множества насекомых и микроорганизмов, обитающих под пологом тропического леса. В подобных случаях учёным приходится руководствоваться лишь расчётными данными. Согласно этим расчётам, потери биоразнообразия составляют в настоящее время порядка 10 000 видов в год. А если ограничиться только позвоночными, то после 1600 г. с лица Земли исчезло 23 вида рыб, 2 – амфибий, 113 – птиц и 83 – млекопитающих [2].

Численность животных во многом зависит от проводимых мероприятий по охране, воспроизводству животных в охотхозяйствах. В период с 2005 г. по 2009 г. в Чувашской Республике площадь территорий, акваторий, предоставленных охотпользователям для осуществления пользования охотничьими животными, уменьшилась на 42 тыс. га и составила 1108 тыс. га. Однако при этом общая численность работников списочного состава, занятых в охотничьем хозяйстве в период с 2005 г. по 2009 г., в Чувашской Республике увеличилась в 1,4 раза и составила 90 человек против 64 человек в 2005 г. Положительным моментом является и тот факт, что за рассматриваемый период произошло увеличение общих затрат на ведение охотничьего хозяйства. Если в 2005 г. на ведение охотничьего хозяйства в Чувашской Республике было выделено 2,7 млн руб., то в 2009 г. данные затраты составили уже 11,2 млн руб., из которых 797,1 тыс. руб. – это затраты на биотехнические мероприятия по охране и воспроизводству охотничьих животных [7].

Таким образом, проанализировав экологические компоненты Чувашской Республики, можно сделать вывод, что мероприятия по обеспечению экологического благополучия должны предусматривать:

- снижение выбросов загрязняющих веществ в атмосферу;
- повышение уровня обезвреживания загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников;

- повышение уровня оборотного использования воды, забранной из природных источников;
- снижение сбросов загрязняющих веществ в поверхностные водоёмы и подземные горизонты;
- снижение потерь воды, забранной из природных источников для использования в производственно-хозяйственной деятельности;
- защиту природных водоисточников от загрязнений, сточных вод, промышленных стоков;
- создание безопасной и надёжной системы водных коммуникаций;
- снижение площадей земель под несанкционированными свалками;
- снижение загрязнённости земель химическими веществами;
- уменьшение площадей деградированных земель;
- сохранение разнообразия биомов, т.е. совокупности различных групп организмов и среды их обитания в определённых природных зонах и поясах;
- сохранение (увеличение) численности отдельных видов животных и растений, численность которых желательно поддерживать (увеличивать);
- поддержание и увеличение биоразнообразия;
- создание и поддержание природных комплексов путём создания охраняемых и заповедных территорий, предупреждения пожаров и стихийных бедствий, запрещения несанкционированных сплошных рубок, застройки или разработки месторождений на этих территориях;
- предупреждение любых видов браконьерства;
- проведение биотехнических мероприятий, предотвращающих гибель животных или растений.

Таким образом, обеспечение повышения качества жизни населения региона возможно только на основе формирования нового типа взаимоотношений человека и природы, исключающих возможность разрушения и деградации природной среды, предполагающих полный отказ от нынешнего стереотипа мышления, пренебрегающего ограниченными возможностями биосферы, порождающего безответственное отношение граждан и юридических лиц к окружающей среде и обеспечению экологической безопасности.

Литература

1. Бойцов Б.В., Крянев Ю.В., Кузнецов М.А. Качество жизни. М.: Изд-во МАИ, 2004. 268 с.
2. Данилов-Данильян В.И., Лосев К.С., Рейф И.Е. Перед главным вызовом цивилизации. Взгляд из России. М.: ИНФРА-М, 2005. 224 с.
3. Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию (утв. Указом Президента Российской Федерации от 01.04.1996 г. № 440) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://giod.consultant.ru/page.aspx?1;1149744>.
4. Митюгина М.М. Экологическая безопасность как основа обеспечения качества жизни населения // Вестник Чувашского университета. 2011. № 2.
5. Митюгина М.М. Бенчмаркинг как основа обеспечения результативности и эффективности системы управления качеством жизни // Вестник Чувашского университета. 2009. № 3.
6. Охрана окружающей среды в России: стат. сб. / Госкомстат России. М., 2001. 229 с.
7. Охрана окружающей среды в России. 2010: стат. сб. / Росстат. М., 2010. 303 с.
8. Экологическая доктрина Российской Федерации (одобрена распоряжением Правительства Российской Федерации от 31.08.2002 г. № 1225-р).

МИТЮГИНА МАРИНА МИХАЙЛОВНА – кандидат экономических наук, доцент кафедры управления качеством и конкурентоспособностью, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (mityuginamm@gmail.com).

MITYUGINA MARINA MIKHAYLOVNA – candidate of economics sciences, assistant professor of Management Quality and Competitiveness Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 332.8:620.91.001.76

И.Ю. МУХЛЫГИН

ИННОВАЦИОННЫЕ ЭНЕРГОСБЕРЕГАЮЩИЕ ТЕХНОЛОГИИ В СФЕРЕ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА

Ключевые слова: энергосбережение, жилищно-коммунальное хозяйство, технологии, инфракрасный, обогреватели, система лучистого отопления.

Использование инновационных энергосберегающих технологий в сфере жилищно-коммунального хозяйства является актуальной задачей в период роста цен на энергоносители и повышение тарифов. Потолочные инфракрасные обогреватели и система лучистого отопления отличаются высоким коэффициентом полезного действия (95-98%), простотой установки, надёжностью, безопасностью. Кроме того, что важно: исчезнет необходимость проведения мероприятий по подготовке к отопительному сезону. Данные системы отопления не требуют обслуживания и работают автономно.

I.Yu. MUKHLYGIN

INNOVATION ENERGY SAVING TECHNOLOGYS IN OF HOUSING AND COMMUNAL SERVICES

Key words: energy conservation, housing and utilities, technology, infrared, heaters, radiant heating system.

Using of innovative energy-saving technologies in housing-but-utility is urgent task in the period of rising energy costs and higher tariffs. Overhead infrared heaters and radiant heating system are characterized by high efficiency (95-98%), ease of installation, reliability, security, and most importantly, that will eliminate the need for measures to prepare for the winter season. These heating systems require no maintenance and operate autonomously.

В современных условиях роста цен на энергоносители и перехода к полной оплате потребителями фактически потребленных услуг энергосбережение становится одним из важнейших направлений в использовании инновационных технологий.

Модернизация устаревших технологий уменьшит дотации бюджетов разных уровней и в некоторой степени улучшит социально-бытовые условия. В настоящее время жилищно-коммунальное хозяйство (ЖКХ) является сферой с большими экономическими, энергетическими, материальными потерями. Практически отсутствует контроль за объемами поставок и расходованием энергоресурсов.

Энергосбережение – комплекс мероприятий, направленных на сохранение и рациональное использование электричества и тепла.

Задачами ЖКХ являются осуществление комплекса мер по рациональному использованию энергоресурсов и внедрение инновационных энергосберегающих технологий. Рассмотрим несколько из них.

Потолочные инфракрасные обогреватели (ИКО) – это длинноволновый обогреватель, который состоит из металлического корпуса, покрытого термостойкой порошковой краской, специальной алюминиевой анодированной пластины, низкотемпературного трубчатого электронагревателя, теплоизолятора и кронштейнов для крепления к потолку.

Тепловое излучение, которое выделяет ИКО, не поглощается воздухом и без потерь достигает предметов и людей в зоне его действия. ИКО нагревает именно их, а не воздух (менее 10% электроэнергии тратится на бесполезный нагрев воздуха) в отличие от стандартных систем отопления. А точнее, в первую очередь тепло от ИКО поглощают твердые предметы (мебель, стены, пол и т.п.), а от них уже – воздух. Чем ближе ИКО находится к предметам, тем плотнее поток тепла и выше температура предметов. Также особенностью ИКО является тот факт, что выделение тепла происходит в зоне прямого действия, т.е. обогрев носит локальный характер.

Приведем ряд особенностей ИКО, что делает их уникальными и весьма важными в потребительском плане.

Во-первых, когда применяется ИКО, теплый воздух практически не накапливается под потолком. Это крайне важно при поиске решений экономических задач обогрева помещений с высокими потолками, так как обогревать большой объем дорого и технически сложно. Особо стоит отметить возможность отопления определенных (рабочих) зон и создания конвективных потоков воздуха, что означает отсутствие в них пыли (важное требование для аллергиков).

Во-вторых, ИКО можно установить под потолком или встроить в него, при этом не возникает препятствий в размещении оборудования и мебели.

В-третьих, ИКО решает специфические задачи, которые другими способами решить крайне сложно. Например, защита от холода стекол большой площади, куполов, стеклянных витражей и аналогичных светопрозрачных конструкций, так как их теплозащитные свойства далеки от современных нормативов.

ИКО не только создает эффективный тепловой барьер для холода, но и решает проблему очистки конструкций от льда и снега. Снег и лед тают в результате нагрева ИКО конструкции. Таким же образом, без труда можно очистить от снега и льда ступенек дорожки, крыльца, выезда с подземной парковки, гаражей, расположенных ниже уровня земли [2. С. 70].

Перечислим технические характеристики: электрическая мощность от 600 до 4000 Вт; напряжение бытовое (до 2000 Вт) – 200 V, промышленные (от 3000 Вт) – 380 V; высота подвеса от 2,2 до 3,7 м (в зависимости от мощности); ИКО, температура поверхности которых менее 60°C; ИКО, температура поверхности которых от 60 до 100°C (излучается мягкое и комфортное тепло, а температура на поверхности каждого прибора не превышает 100°C); ИКО с температурой поверхности от 101 до 280°C; ИКО с температурой поверхности более 300°C (для открытых пространств и обогрева помещений, с высотой потолков от 4,5 до 20 м (склады, спортзалы, цеха)) [1]. А цена на инфракрасный обогреватель для квартиры или офиса варьируется от 1500 до 5000 руб.

Потолочные ИКО имеют широкий спектр применения в жилом секторе (квартиры, коттеджи, дачи, дома, душевые, балконы, зимние сады); в медицинских учреждениях (больницы, палаты); в учебных заведениях и детских садах; в административно-офисных помещениях (офисы, кабинеты, фойе, холлы, залы); в религиозно-культовых объектах (церкви); в заводских корпусах и промышленных (производственных) цехах (цех, ангар, производственный корпус, проходные); в торгово-выставочных павильонах (рынки, склады, павильоны, магазины).

Дополнительно из достоинств ИКО отметим их бесшумность и поддержание температуры, когда отопление отключено, за счет аккумуляции тепла в элементах конструкции помещения и предметах; мобильность ИКО позволяет быстро устанавливать, переносить, наращивать, демонтировать отопление. ИКО являются абсолютно безопасными, что подтверждено сертификатами. Благодаря качественным комплектующим и высококачественному производственному оборудованию срок службы инфракрасных обогревателей составляет более 20 лет.

Таким образом, использование инфракрасных обогревателей позволяет снизить потребление энергии и уменьшить затрат на обогрев помещений по сравнению с традиционными способами отопления.

Следующей инновационной технологией в области энергосбережения для использования в сфере жилищно-коммунального хозяйства является система лучистого отопления (СЛО). СЛО – принципиально новая система обогрева и отопления, она разработана в научно-техническом центре «АгроЭСБ» учеными и инженерами Челябинского агроинженерного университета. Это пленочный нагревательный элемент, предназначенный для экономичного, высококомфортного и эффективного отопления помещений. Система включает длинные ленты тончайшей, микронной толщины проводящей фольги из специального нержавеющей, экологичного металла с высокой теплоотдачей. Эти ленты монтируют в ва-

кууме между двумя тонкими листами особого гибкого пластика, добавляют лист обыкновенной алюминиевой фольги для направленности характеристик лучистого теплового излучения.

СЛО работает с высоким КПД: 95-98%. По сравнению с системой традиционного отопления, привязанной к газовой котельной, тепловая установка СЛО предельно экономична и по годовым затратам обходится в 7-8 раз дешевле, чем газовая котельная. А в системе отопления, где используется в качестве горючего каменный уголь, разница в реальных расходах еще больше – в 40 раз. Еще один важный факт, для функционирования СЛО необходимо только наличие электророзетки со стандартным напряжением. Таким образом, отпадает необходимость в многокилометровых теплотрассах и подготовке всей системы к отопительному сезону, исчезнут огромные затраты на металл, трубы, их монтаж, ремонт, опрессовку.

К тому же, СЛО абсолютно не занимает полезного пространства в доме и не нуждается в дополнительных технических помещениях в отличие от системы водяного отопления, для которой требуется устройство теплового узла (котельной).

В качестве примера использования СЛО приведем детский сад поселка Туктубаево, в котором была смонтирована данная система отопления. Необходимо было обеспечить теплом помещение площадью в тысячу квадратных метров. Детсад расположен на значительном расстоянии от теплотрассы.

Сейчас новая система отопления потребляет чуть более 4 тыс. кВт·ч электроэнергии в месяц, а старая система потребляла 36 тыс. кВт·ч. Наблюдается экономия средств при нулевых потерях. Перед приходом детей система разогревает помещение до 23°C, когда дети уходят домой, происходит понижение температуры до 14°C.

Сегодня многие школы, как и другие учебные заведения и здания, которые служат общественным нуждам, отапливаются при помощи котельной. Получается так, что практически непрерывно приходится подвозить уголь, огромное количество тепла теряется на теплотрассе, кочегары работают круглосуточно у печей, присутствует проблема шлака и едкого дыма, насыщенного двуокисью серы и много чем еще [4].

На системы водяного отопления в регионе, на снабжение их топливом, обслуживание и эксплуатацию всех теплотрасс, на гидроопрессовку в регионе тратятся миллиарды рублей ежегодно. Данная система способна решить все проблемы теплоснабжения в каждой отдельно взятой квартире, многоквартирном доме, садовом домике без значительных затрат. Гарантия СЛО – сто лет, все тепловые режимы обогрева помещения легко задаются по желанию жильцов с помощью автоматики [3].

Сроки эксплуатации газового и традиционного электрического отопления существенно ограничены (10-15 лет) и требуют периодического обслуживания, сопряженного со значительными затратами, а СЛО будет работать, не требуя техобслуживания в течение всего периода эксплуатации.

Энергосбережение в России активно развивается, появляются новые технологии энергосбережения, разработаны и выявлены основные направления энергосбережения. В сфере жилищно-коммунального хозяйства ведутся внедрение и установка нового энергосберегающего оборудования. Использование энергосберегающих технологий – это требование времени. Потолочные инфракрасные обогреватели и система лучистого отопления являются перспективными энергосберегающими системами отопления, способными существенно снизить расходы ЖКХ на энергоносители, более эффективно использовать ресурсы, как следствие, данные мероприятия положительно скажутся на расходах потребителей, они должны снизиться. И особый вклад в использовании инновационных технологий должно внести государство, ему необходимо постоянно поддерживать и стимулировать энергосбережение в России.

Литература

1. Березянская Ю. Электрический инфракрасные обогреватели [Электронный ресурс] // С.О.К.: электронная версия журнала. 2007. № 5. URL: <http://www.c-o-k.ru/showtext/?id=1667>.
2. Ковалев В. Домашнее солнце [Электронный ресурс] // Техника и оборудование. 2004. № 1. С. 69-72.
3. Чусонов А. Греет не только потолок [Электронный ресурс] // Южноуральская панорама: электронная версия журнала. 2010. № 139. URL: http://www.up74.ru/rubriccks/ehvrica_580/2010/ikun-10/greet-ne-tolko-potolok (дата обращения: 10.06.2010).
4. Чусонов А., Моргулес Д. Лучи, приносящие тепло! [Электронный ресурс] // Южноуральская панорама: электронная версия журнала. 2008. № 7. URL: http://www.up74.ru/specproekty/ehvrika/vypusk_7/luchi_prinosjashhie_teplo (дата обращения: 09.10.2008).

МУХЛЫГИН ИГОРЬ ЮРЬЕВИЧ – аспирант кафедры экономической кибернетики, Марийский государственный университет, Россия, Йошкар-Ола (igor12rus@mail.ru).

MUKHLYGIN IGOR YUREVICH – post-graduate student of Economy Cybernetics Chair, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola.

УДК 338.2+338.24.01

А.А. НАЗАРОВ, В.В. НИКИТИН

**ИМИТАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ
ДЛЯ ОЦЕНКИ МОДЕРНИЗАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА***

Ключевые слова: региональная экономика, системный анализ, имитационное моделирование.

Предложен вариант имитационной модели региональной социальной экономической системы. Дано описание концепции. Разработан набор параметров, характеризующих систему. Модельная структура системы представлена в виде системы нелинейных уравнений. Рассмотрен авторский подход к поиску модельного решения.

A.A. NAZAROV, V.V. NIKITIN

**SIMULATION MODEL FOR THE MODERNIZATION POLICY ESTIMATION
OF THE REGIONAL SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT**

Key words: regional economics, system analysis, simulation modeling.

The offered variant to simulation model of the regional social economic system. It is given description to concepts. The designed set parameter, characterizing system. The model structure of the system is presented in the manner of the nonlinear equations systems. The author's approach of searching for of the model decision is considered.

В экономических исследованиях достаточно часто применяется подход к вычислению какой-либо интегральной характеристики или отдельных показателей, определяемых на основе других социально-экономических показателей, который основывается на оперировании усредненными значениями либо экспертными оценками, т.е. отдельными числами. При этом эмпирическую зависимость (линейную или нелинейную) между исследуемыми факторами можно получить, например, на основе использования многомерных статистических методов либо экспертным путем. Для получения прогнозных значений одних показателей в получившиеся уравнения и зависимости подставляют возможные значения для других показателей. Вопрос о выборе тех или иных возможных значений остается открытым и требует дополнительного обоснования.

Данный подход оправдан стремлением человека к снижению неопределенности в анализе сложных явлений и получению обоснованных в определенной мере выводов.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 11-06-00066а).

Но, как известно, реальные социально-экономические системы являются совокупностью взаимодействующих и взаимовлияющих объектов и субъектов. Структура системы обусловлена факторными условиями взаимодействия её элементов, что в конечном итоге определяет траекторию и потенциал развития системы. Сложность всех внутренних взаимодействий в системе, а также ее открытость по отношению к внешним влияниям со стороны других систем делает недостаточной обоснованной методику прогнозной оценки состояния системы на основе оперирования отдельными значениями показателей, характеризующих систему.

В данном исследовании в качестве факторного условия учета структуры системы в оценках ее развития предлагается подход, суть которого заключается в оперировании не отдельными значениями показателей, а в рассмотрении показателей в виде законов распределения случайных величин. Преимущество данного подхода состоит в том, что нет необходимости считать «усредненную температуру по больнице» или оперировать конкретными значениями показателей, доверие к которым сравнительно мало. Закон распределения параметра должен быть задан на некотором интервале, который можно назвать доверительным. Данный интервал может быть оценен либо на основе анализа временного ряда параметра, либо экспертным путем, или совокупностью обоих способов. В итоге можно получить доверительный интервал зависимого параметра от влияющих параметров. Подобранный интервал оценивается в ходе многомерного регрессионного анализа. Однако при этом предполагается, что уравнения должны быть линейными или сводимыми к линейным. Предлагаемый подход не имеет этих ограничений.

При исследовании социально-экономических объектов, например региональной экономической системы, необходимо для начала выявить и описать модель исследуемой структуры, определить способы и вид взаимодействия элементов системы на основе обратных связей и построить систему нелинейных одновременных уравнений, описывающих математическую модель исследуемого объекта. Эта математическая модель и будет базой для применения алгоритма численного определения доверительного интервала для зависимых параметров.

В работах В.Л. Макарова, А.Р. Бахтизина и других ученых ЦЭМИ РАН [1-3] достаточно много внимания уделено построению агентоориентированных моделей экономики страны, основанных на CGE подходе, в которых агрегированными элементами выступают федеральные округа. Но, несомненно, экономическая деятельность входящих в эти модели отдельных регионов заслуживает детального рассмотрения посредством применения агентоориентированного CGE подхода. При этом идеология разновидностей моделей RUSEC Макарова и других CGE моделей может послужить основой для создания модели экономики региона.

Например, в работе [1] предлагается разбить всю экономику страны на ряд взаимодействующих элементарных составляющих, в данном случае округов, а дальше рассматривать каждый округ как совокупность действующих агрегированных агентов, в модели их 6. В работе [2] таких агентов 12, при этом рассматривается вся экономика страны в целом.

При построении модели экономики региона, основываясь на идеологии моделирования макроэкономических объектов, необходимо также учитывать некоторые особенности функционирования региона как структуры, непосредственно интегрированной в экономику страны.

К таким особенностям относится, например, то, что в региональных моделях торговля занимает более важное место, чем в моделях экономики страны в целом. Также существует некоторая специфика налогообложения на региональном уровне. На межрегиональном уровне прослеживаются более активные и при этом неустойчивые миграционные потоки; присутствует возможность безвозмездного получения финансовой помощи из федерального центра и т.д.

Данная работа основывается на работах [1-3, 5], и в ней предлагается агентоориентированная CGE модель экономики региона, в которой все макропоказатели определяются как результаты деятельности 7 экономических агентов, участвующих в модели. Ниже приводится список этих агентов.

Экономический агент № 1: сектор легальной экономики. Сюда входят все легально зарегистрированные участники экономической системы, производящие товары и услуги для конечного потребления.

Экономический агент № 2: теневой сектор экономики. Сюда входят все предприятия, существующие легально, но осуществляющие полностью либо частично теневую деятельность.

Экономический агент № 3: совокупный потребитель. В этот сектор входят все потребители произведенных конечных продуктов.

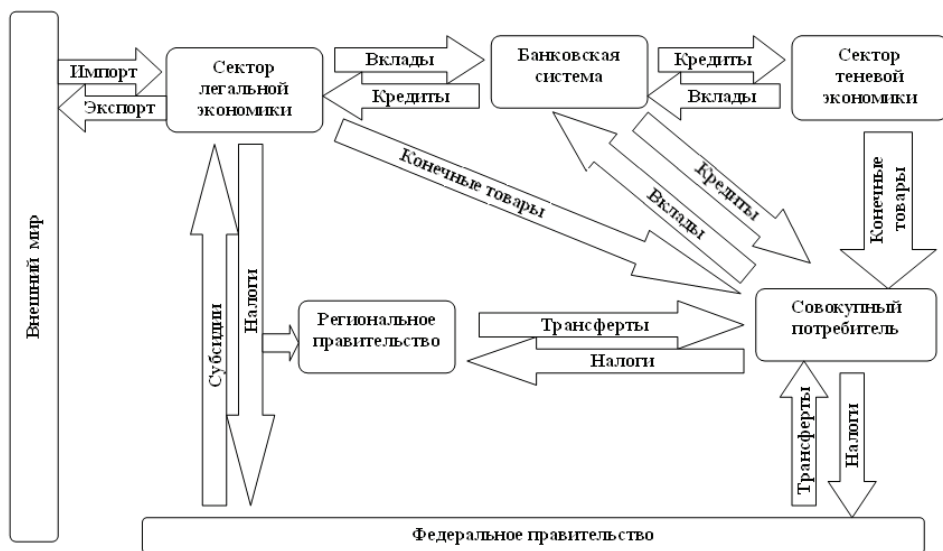
Экономический агент № 4: банковская система. В этот сектор входят центральный и коммерческие банки, выполняющие роль финансового регулятора денежных потоков в региональной экономической системе.

Экономический агент № 5: региональное правительство. Этот сектор представляет собой совокупность региональных и муниципальных правительств.

Экономический агент № 6: федеральное правительство. Этот экономический агент влияет на деятельность других агентов, устанавливая правила игры на рынке.

Экономический агент № 7: внешний мир. Этот агент представляет весь остальной мир.

На приводимом ниже рисунке представлена схема, отражающая работу модели в общем виде.

Модель экономики региона в общем виде

При этом, так как все входящие в модель переменные внутри модели подсчитать невозможно (либо из-за ограниченности модели, так как рассматривается один регион, либо из-за отсутствия достоверной статистической информации), параметры в модели будут подразделяться на эндогенные и экзогенные. К экзогенным параметрам относятся, например: доли бюджета, количество трудоспособного населения, правительственные субсидии, про-

центные ставки налогов и т.д. По семи экономическим агентам был выделен 31 параметр, представленный в таблице.

Основные переменные базовой имитационной модели

№	Имя	Тип	Описание
1	<i>Y</i>	энд.	Валовой региональный продукт (ВРП), конечный продукт
2	<i>K</i>	энд.	Основные производственные фонды (ОПФ)
3	<i>L</i>	энд.	Численность занятых
4	<i>G</i>	энд.	Государственные расходы
5	<i>X</i>	экз.	Чистый экспорт
6	<i>N</i>	энд.	Региональный доход
7	<i>P</i>	энд.	Прибыль до уплаты налогов
8	<i>PI</i>	энд.	Полученный (личный) доход
9	<i>DI</i>	энд.	Располагаемый доход
10	<i>C</i>	энд.	Потребительские расходы
11	<i>S</i>	энд.	Сбережения
12	<i>RS</i>	энд.	Социальные региональные расходы
13	<i>FS</i>	экз.	Социальные федеральные расходы (пособия, пенсии, стипендии)
14	<i>I</i>	энд.	Инвестиции (капиталовложения)
15	<i>IR</i>	энд.	Расходы на инвестиции из регионального бюджета
16	<i>IF</i>	экз.	Расходы на инвестиции из федерального бюджета
17	<i>II</i>	экз.	Иностранные инвестиции
18	<i>B</i>	энд.	Бюджет субъекта, бездефицитный
19	<i>F</i>	экз.	Трансферты из федерального бюджета в региональный
20	<i>M</i>	энд.	Трансферты в местные бюджеты
21	<i>T</i>	энд.	Общая сумма налогов, взимаемых на территории субъекта РФ
22	<i>TP</i>	энд.	Налог на прибыль
23	<i>TI</i>	энд.	Подходный налог
24	<i>TS</i>	энд.	Единый социальный налог
25	μ	экз.	Норма амортизации, коэффициент выбытия
26	<i>w</i>	энд.	Средняя заработная плата
27	<i>FOT</i>	энд.	Фонд оплаты труда
28	<i>z</i>	экз.	Коэффициент бегства капитала
29	<i>PROFICIT</i>	энд.	Профицит регионального бюджета
30	<i>F</i>	экз.	Трансферты из федерального бюджета в региональный
31	<i>OtherIncome</i>	экз.	Прочие доходы регионального бюджета

В общем случае любая модель CGE – это какая-то система взаимосвязанных нелинейных уравнений. Решением данной системы может быть либо некое общезкономическое равновесное состояние, либо отдельные значения показателей, характеризующих результаты деятельности моделируемого объекта. Как показывает практика, наиболее успешным способом решения таких систем является имитационный подход, т.е. когда на основе компьютерной модели проигрываются ряд вариантов управляющих воздействий и делаются заключения о закономерностях изменения выходных показателей в зависимости от входных. Обычно при реализации модели CGE на входе задают какие-то конкретные значения переменных, которые, вообще говоря, могут быть подсчитаны различными способами. Мы предлагаем подход, который заключается в том, чтобы входные и выходные переменные модели рассматривать как неопределенные факторы, имеющие некоторые законы распределения в определенном интервале. При этом первоначальный вид законов распределения для каждой переменной модели может быть получен, по крайней мере, тремя способами. Во-первых, по линейным и нелинейным моделям экстраполяции временных рядов для тех параметров, для которых существуют репрезентативные данные за прошлые периоды. Во-вторых, экспертным методом, когда эксперт или группа приглашенных экспертов высказывают мнения о возможном интервале изменения значений переменной. И наконец, смешанным способом,

когда для определения интервала используются статистические данные при участии экспертов. Реализация этого подхода позволит оценить не конкретные значения (доверие к которым весьма мало), а вероятностные характеристики показателей развития экономики региона, т.е. наиболее вероятную область принятия определенных значений показателем и наименее вероятные значения, которые, вообще говоря, не исключаются из рассмотрения.

Для описания экономики региона в качестве одного из приближений была выбрана следующая модель [4]:

$$\left\{ \begin{array}{l} Y_t = C_t + I_t + G_t + X_t; \\ Y_t = A \cdot K_{t-1}^{\alpha_1} \cdot L_t^{\alpha_2}; \\ \Delta K_t = \sum_{i=1}^4 h_i \cdot I_{t-1} - \mu \cdot K_{t-1}; \\ I_t = (1-z) \cdot S_t + IR_t + IF_t + II_t; \\ N_t = Y_t - \mu \cdot K_{t-1}; \\ FOT_t = w_t \cdot L_t; \\ P_t = N_t - FOT_t; \\ PI_t = N_t - TP_t - TS_t; \\ DI_t = PI_t - TI_t + FS_t + RS_t; \\ S_t = DI_t - C_t; \\ G_t = b \cdot B_t; \\ B_t = T_t + F_t; \\ B_t = M_t + G_t + RS_t + IR_t; \\ PROFICIT_t = T_t + F_t + \\ + OtherIncome_t - G_t; \\ X_t = EX_t - IM_t. \end{array} \right.$$

Все параметры, выделенные в ходе анализа и построения модели, можно рассматривать в качестве случайных величин, так как заранее неизвестно, какое конкретное значение примет тот или иной параметр в будущем. Если каждый параметр является случайной величиной, то он имеет свой закон распределения, который определяет наиболее вероятные проявления значений этого параметра. Теоретической основой вычислений в системе взаимосвязанных нелинейных уравнений, когда каждый показатель является неопределенным фактором, может служить теория суперпозиции законов распределения случайных величин, опробованная на более простой модели [6]. При этом предполагается, что параметры, которые являются случайными величинами, на каждом шаге моделирования являются локально независимыми, это достигается путем увеличения числа расчетных шагов, т.е. уменьшением расчетного периода.

Данный подход требует осуществления огромного объема вычислений, что предполагает использование высокопроизводительных ЭВМ.

Таким образом, на основе построенной модели социально-экономических процессов, протекающих в регионе, делается предположение о виде законов распределения основных социально-экономических показателей, например, на первом шаге их можно представить в виде равномерного в определенном интервале. На последующих шагах законы распределения различных показателей, участвуя одновременно в правой и левых сторонах нелинейных уравнений, уточняются. После всех вычислений на выходе имитационной модели выдается результат в виде законов распределений расчетных параметров. При этом эти законы распределения должны напоминать нормальный закон, так как при вычислениях происходила суперпозиция достаточно большого количества показателей, хотя и с разными законами распределения. На основе наиболее вероятных значений расчетных параметров появляется возможность судить об эффек-

тивности региональной экономической деятельности. Это касается также оценки успешности модернизационной политики. Если основные социально-экономические показатели деятельности региона характеризуют устойчивое улучшение, то можно говорить об эффективности модернизации. Конкретная количественная оценка степени эффективности модернизационной политики и факторов, влияющих на этот показатель с определенными весами, является отдельно разрабатываемой нами научной проблемой. При этом оперирование при вычислении неопределенными факторами позволяет оценить не только наиболее вероятные проявления параметра в будущем, но и не отбрасывать из рассмотрения наименее вероятные его значения.

Литература

1. Бахтизин А.Р. Агент-ориентированные модели экономики. М.: Экономика, 2008. 279 с.
2. Макаров В.Л., Бахтизин А.Р. Вычислимая модель «Россия: Центр – Федеральные округа»: препринт. М.: ЦЭМИ РАН, 2003. 76 с.
3. Макаров В.Л. Вычислимая модель Российской экономики (RUSEC): препринт. М.: ЦЭМИ РАН, 1999. 76 с.
4. Максимов К.М. Анализ экономической безопасности региона с использованием имитационного моделирования: дис. ... канд. экон. наук. М.: Государственный университет управления, 2002. 139 с.
5. Никитин В.В., Назаров А.А. Безопасность региональных социально-экономических систем и её оценка средствами имитационного моделирования // Вестник Чувашского университета. 2010. № 4. С. 395-400.

НАЗАРОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ – магистрант факультета дизайна и компьютерных технологий, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары, (xukvagpam@yandex.ru).

NAZAROV ALEXANDER ALEXEEVICH – master's program student of Design and Computer Technology Faculty, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

НИКИТИН ВИКТОР ВАСИЛЬЕВИЧ. См. с. 354.

УДК 005.21:330.22

О.К. ОЛЬНЕВ

ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ СИСТЕМЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ИНВЕСТИРОВАНИЕМ В НОВШЕСТВА

Ключевые слова: система стратегического управления, инновационный процесс, технологические и ресурсные составляющие, механизм рационализации.

Излагаются теоретические положения формирования и применения организационно-экономического механизма рационализации взаимодействия элементов системы стратегического управления инвестированием в создание новшеств.

O.K. OLNEV

THE ORGANIZATIONAL-ECONOMIC MECHANISM OF SYSTEM OF STRATEGIC MANAGEMENT OF INVESTMENT IN INNOVATIONS

Key words: system of strategic management, innovative process, technological and resource components, the rationalization mechanism.

Theoretical positions of formation and application of the organizational-economic mechanism of rationalization of interaction of elements of system of strategic management by investment in creation of innovations are stated.

Избрание стратегического вида управленческих воздействий на поддержание и повышение экономических, научно-технических, технологических результатов с целью достижения их планируемых значений в средне-, долгосрочном периодах связано с длительными периодами инновационного процесса, его отдельных проектов, подготовительная, процессная и эксплуатационная стадии инвестирования которых в совокупности в выделенных для

них интервалах времени создания, внедрения и использования новшества обладают высоким уровнем риска не достичь планово-расчетных значений экономического и научно-технического результатов, не окупить части или всего объема инвестиций, не получить ожидаемой прибыли.

Однако высокий уровень риска инвестиционных вложений в проекты по созданию технологических, организационных, информационных и маркетинговых новшеств в рамках функционирующей системы стратегического управления неизбежен в той части инвестирования создания новшеств, которая определяется интеллектуальным потенциалом непосредственных участников фундаментальных исследований, прикладных научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок.

При этом система стратегического управления и ее организационно-экономический механизм должны в своей целевой ориентации на достижение планируемого экономического и научно-технического (инновационного) результата устранять, нейтрализовывать и нивелировать негативные факторы внешнего и внутреннего влияния на инновационный процесс предприятия, экономического вида деятельности производственной, социальной сферы.

В качестве внешних факторов влияния на достижение планируемых результатов инновационного инвестирования выступают появление на внешних и внутренних рынках новых технологий производства, образцов техники, методов и способов организации производства, его информатизации, расширение инновационных конкурентных преимуществ субъектов хозяйствования отрасли, конкурирующих научно-исследовательских организаций.

Внутренними факторами влияния на результативность инновационного процесса, инвестирования проектов по созданию, внедрению и использованию новшеств в производстве продукции, оказании услуг выступают:

- использование в инновационной деятельности изношенной и морально устаревшей техники;
- отсутствие должного обоснования об экономической и финансовой целесообразности избираемого варианта инновационного проекта для инвестирования и достижения его экономических, научно-технических и иных результатов в средне-, долгосрочном периодах времени;
- нерациональное распределение финансовых средств по стадиям создания технологических, организационных и информационных новшеств;
- несоответствие избранных технологий и методов по созданию прикладных научных и опытно-конструкторских, технологических разработок, осуществляемых направлений фундаментальных исследований по достижению качественных параметров их теоретических потенциалов;
- вмешательство разноуровневых органов управления научно-инновационной деятельностью в процесс распределения инвестиций по этапам создания, внедрения и использования новшеств, корректировки или изменения тематической направленности научных исследований и разработок.

В практике инновационной деятельности субъектов хозяйствования, отраслевых составляющих производственной и социальной сфер управленческие воздействия на процесс инвестирования инновационных проектов нередко носят несистемный, конъюнктурный характер для оперативного управления, для обеспечения планируемых текущих экономических, научно-технических результатов, противоречащих стратегической цели в долгосрочном периоде достижению ее количественных и качественных параметров. Примером такого конъюнктурного подхода к инвестированию инновационных проектов на предприятиях и отраслевых составляющих производственных и социальных комплексов является стремление менеджмента инновационного субъекта хозяйствования к увеличению объемов инвестиций в создаваемый инновационный проект без учета реальных воз-

возможностей достичь поставленных перед исследованием экономических результатов инвестирования.

В этой связи необходимо отметить, что система стратегического управления взаимодействием своих технологических и ресурсных элементов должна обеспечивать достижение планово-расчетных экономических и научно-технических результатов в условиях существенных изменений состояний внешней и внутренней сред.

Однако функциональное назначение системы стратегического управления должно быть связано с решением организационных и научно-инновационных проблем внутреннего характера. Для осуществления такой возможности с устранением возникающих внутренних негативных факторов влияния на результаты инвестирования в инновационных проект и инновационную деятельность в целом, как нам представляется, целесообразно сочетать воздействия стратегического, текущего и перспективного управления. При этом каждый из видов управления в своем функциональном назначении и целевой ориентации решает те возникающие проблемы инновационного проектирования, которые в комплексе и определяют возможность, а также наступающую реальность достижения планируемого экономического и иного результата инновационного проекта.

В то же время важно учитывать, что в процессе функционирования системы стратегического управления необходимо целенаправленно использовать те комплексные меры в составе ее технологических и ресурсных элементов, которые могли бы на принципе их системного и концентрированного объединения рационализировать взаимодействие элементов системы стратегического управления, их влияние на качественные и количественные характеристики стратегического цели.

В качестве такого интегрирующего инструмента по рационализации выполнения каждого из технологических элементов системы стратегического управления, их взаимодействию, влиянию на экономический и научно-технический результаты проектного инвестирования в разработку, внедрение и использование новшеств в производстве и в сфере услуг, на наш взгляд, может выступать организационно-экономический механизм системы стратегического управления инвестированием в новшества, инновационным процессом в планируемых периодах их развития.

Понятие «механизм» в системе стратегического управления формированием и выполнением инновационного проекта ряд авторов в экономической литературе представляют как комплекс организационно-экономических, финансовых и иных мер, предпринимаемых для обеспечения функционирования того или иного процесса социально-экономической системы, а также системы стратегического управления [3]. В данном определении понятия «механизм», на наш взгляд, раскрыты лишь те его элементы, которые характеризуют обеспечивающие развитие процесса, системы управления комплексные действия и меры, предпринимаемые менеджментом.

Однако раскрытие данного понятия в более точной и конкретизированной форме требует установления функционального назначения понятия «механизм» как для общего его применения в осуществляемых экономических процессах, функционирующих социально-экономических системах, в управленческих воздействиях на процессы достижения поставленной цели, так и для такого конкретного объекта применения понятия «механизм», каким является система стратегического управления формированием и выполнением инновационного проекта.

Функциональное назначение механизма стратегического управления инвестированием инновационного проекта состоит в организационно-экономическом и финансовом обеспечении процесса обоснования, выбора варианта или проек-

та в целом, выполнения и использования новшества в производстве продукции, в процессе оказания услуг.

Однако функциональное назначение механизма стратегического управления этапами цикла инвестирования средств в создание и использование новшеств технологического, информационного, организационного и маркетингового характера еще не отражает состава и направленности действия мер механизма в технологических элементах системы стратегического управления и этапах создания и практического применения или реализации новшеств, их научно-технических и иных результатов.

Поэтому устоявшиеся представления о механизме как инструменте практической реализации декларируемых положений в нормативно-правовом регламентировании или в составленном индикативном плане средне-, долгосрочного развития соответствующего процесса или в целом социально-экономической системы, как нам представляется, требуют расширения и конкретизации функциональных возможностей и целевой направленности механизма обеспечения осуществляемых экономических, инвестиционных, инновационных и иных процессов.

Так, в системе стратегического управления подготовкой, обоснованием экономической и научно-технической целесообразности выбора для финансирования инновационного проекта, осуществлением процессов инвестирования и практического использования (реализации) новшества каждая из технологических и ресурсных составляющих, со своими индивидуальными функциональными назначениями и целевыми ориентациями на достижение на каждом из этапов (стадии) инвестирования инновационного проекта должна наполняться тем комплексом мер, который обеспечивает влияние технологических и ресурсных элементов системы стратегического управления на достижение экономического, научно-технического (инновационного) и иного результатов инвестирования в создаваемое технологическое, информационное, организационное новшество как на отдельных стадиях инвестирования, так и в целом в течение всего инвестиционного цикла [2].

Следует отметить, что целевая ориентация организационно-экономического механизма системы управления созданием и использованием новшества на достижение планируемого (максимально возможного) экономического, научно-технического результата, как нам представляется, включает осуществление не только конкретных действий и мер по обеспечению прямого и опосредованного влияния технологических и ресурсных элементов, но и предпринимаемых организационно-экономических, финансово-инвестиционных и иных мер вне элементного взаимодействия с целью повышения результативности всего цикла инвестирования в создаваемое и используемое новшество.

Участие организационно-экономического механизма рационализации взаимодействия технологических и ресурсных элементов системы стратегического управления инвестированием отдельных инновационных проектов и в инновационной деятельности предприятия в целом, отраслевой составляющей производственной или социальной сферы состоит в том, что:

- для каждого элемента системы стратегического управления на основе его функционального назначения и потенциальных возможностей реально влиять на экономический и иной результат инвестирования в создаваемое новшество формируется свой состав мер, обеспечивающих максимально возможное влияние на экономический и финансовый результаты инвестирования в инновационный проект;

- взаимодействие технологических и ресурсных элементов системы в своей последовательности ранжированного влияния на результативность инвестирования средств в создаваемое новшество рационализируется за счет учета особенностей каждого из элементов и его потенциальных возможностей воздействовать на конечный результат полного цикла инвестирования в инновационный проект.

Литература

1. Будагов А.С. Формирование системы управления инновационно-инвестиционным развитием регионов: концептуальные и методические положения. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, 2010.
2. Кроливецкий Э.Н. Оценка результативности научно-исследовательской деятельности хозяйствующих субъектов: препринт. СПб.: Диалог, 2009.
3. Шлёнская Е.С. Стратегическое управление социально-экономическим развитием сферы услуг: теоретические и концептуальные положения. СПб.: Диалог, 2010.

ОЛЬНЕВ ОЛЕГ КОНСТАНТИНОВИЧ – директор, ОАО «Государственная страховая компания «Югория» Санкт-Петербургский филиал, Россия, Санкт-Петербург (tossit66@mail.ru).
OLNEV OLEG KONSTANTINOVICH – director, St.-Petersburg Branch of Insurance Company «UGORIA», Russia, St. Petersburg.

УДК 330.101

С.П. САЛТАНОВА, В.В. СМЕРНОВ

ПОЗНАНИЕ СУЩНОСТИ РЫНКА ТРУДА

Ключевые слова: адаптация, безработица, государственная служба занятости, рабочая сила, рынок труда, спрос, трудовые ресурсы, частные агентства занятости.

Рассмотрены теоретические аспекты рынка труда, отражены основные положения теории занятости и безработицы, раскрыта сущность процесса организации государственной службы занятости.

S.P. SALTANOVA, V.V. SMIRNOV
KNOWLEDGE OF ESSENCE OF THE LABOUR MARKET

Key words: adaptation, unemployment, employment public service, labour, labour market, demand, manpower, private agencies of employment.

Theoretical aspects of a labour market are considered, substantive provisions of the theory of employment and unemployment are reflected, the essence of process of the organization of public service of employment is opened.

Переход от централизованной системы хозяйствования к рыночной обусловил возникновение деформации в сфере социально-трудовых отношений и обострение проблем занятости. Видоизменение социально-трудовых отношений способствовали росту социальных ожиданий общества относительно централизованного государственного регулирования рынка труда.

Важнейшим элементом формирующейся рыночной экономики стало управление занятостью, которое в органическом сочетании механизма саморегуляции и государственного регулирования создало условия для развития трудовых ресурсов и повышения экономической активности. При этом проявилась потребность во взаимодействии федеральных органов власти с региональными и муниципальными структурами, курирующими вопросы разработки и внедрения адекватной системы регулирования занятости населения.

Процесс познания сущности рынка труда несёт в себе принципиальную черту, выраженную в особенности его составляющих элементов, а именно людей, которые не только выступают носителями рабочей силы, но и наделены специфическими особенностями: психофизиологическими, социальными, культурными, религиозными, политическими и др. Эти особенности оказывают существенное влияние на мотивацию и степень трудовой активности людей и отражаются на состоянии рынка труда.

В экономической литературе существуют понятия «рынок труда», «рынок рабочей силы» и «рынок трудовых ресурсов». Все эти понятия чаще всего употребляются как синонимы. В то же время рабочая сила представляет собой потенциальную способность к труду, а труд – функционирующую способность, функционирующую рабочую силу. Поэтому понятия «рынок труда» и «рынок рабочей силы» имеют определённые отличия [2. С. 7].

Понятие «рынок рабочей силы» включает не только отношения по поводу занятых, но и отношения по поводу незанятых работников, активно ищущих работу, т.е. охватывает занятых и безработных, и прежде всего, зарегистрированных в службе занятости. Рынок рабочей силы раздвигает границы социально-трудовых отношений до масштабов экономически активного населения.

«Рынок трудовых ресурсов» охватывает трудовые ресурсы общества, т.е. в рыночные отношения вовлекается не только экономически активное население, но и близкий к нему трудовой резерв, представленный выпускниками общих, профессионально-технических, средних специальных и высших учебных заведений, а также той частью занятых в домашнем хозяйстве, неустойчивое материальное положение которой побуждает их выходить на рынок для продажи своих способностей к труду.

Рынок труда – это система социально-экономических отношений между государством, работодателями и трудящимися по поводу всего комплекса трудовых отношений, купли-продажи трудовых услуг, включающая подготовку, переподготовку, повышение квалификации и вовлечение людей в процесс производства. Термин «рынок труда» по существу означает, что в качестве товара наёмный работник предлагает владельцу рабочего места свой труд, а не рабочую силу, т.е. способность к труду. Но труд на рынке продавать нельзя, ибо в момент продажи рабочей силы он еще не существует. В действительности на рынке предлагается не труд, а рабочая сила. Труд – деятельность человека, реальный процесс между ним и средствами производства, имеющий промежуточный или конечный результат. Он характеризует отношения в сфере занятости [2. С. 7].

Рынок «трудовых ресурсов» является более общим понятием по сравнению с понятиями «рынок труда» и «рынок рабочей силы». Рынок трудовых ресурсов – это не только совокупность отношений по поводу найма и использования работников, но и определённый исторически сложившийся механизм, регулирующий определённый круг социально-трудовых отношений, способствующий установлению и соблюдению баланса интересов между трудящимися, предпринимателями и государством [2. С. 8].

В соответствии со ст. 3 ФЗ РФ «О занятости населения в Российской Федерации» – безработными признаются трудоспособные граждане, которые в рассматриваемом периоде по не зависящим от них причинам не имеют работы и заработка, зарегистрированы в органах службы занятости в целях поиска подходящей работы, ищут работу и готовы приступить к ней [6]. Важно подчеркнуть, что к безработным обычно относят не только уволенных по различным причинам, но и лиц, добровольно оставивших работу и предпринимающих попытку найти новую. При этом безработицу порождает не рынок труда сам по себе, а рыночная экономика в целом.

Существует несколько концепций, трактующих феномен безработицы. В марксистской теории она обычно связывается с процессом накопления капитала, при котором потребность в живом труде (переменном капитале) увеличивается медленнее, чем в машинах и оборудовании (постоянном капитале). В западной экономической науке господствует точка зрения, согласно которой безработица в своей основе отражает экономическую целесообразность использования ресурсов, подобно тому, как, скажем, степень загрузки производственных мощностей отражает целесообразность и эффективность использования основного капитала [5].

Из числа западных теорий безработицы, причин её возникновения и путей преодоления широкое распространение получила теория Дж.М. Кейнса. Решающей причиной безработицы, по Кейнсу, выступает недостаточный объём «эффективного спроса», составными элементами которого, с одной стороны, является спрос на товары личного потребления, а с другой – спрос на инвестиционные товары (средства производства). Главную причину недостаточности платежеспособного спроса на потребительские товары (личного потребления) Кейнс усматривал

в возрастающей склонности людей к сбережению и, соответственно, в убывающей их склонности к потреблению, а причину низкого спроса на товары производного потребления – в недостаточности стимулов к инвестициям [2. С. 109].

Монетаристы во главе с М. Фридменом выдвинули концепцию «естественной безработицы» и, соответственно, «естественного уровня безработицы», который жестко определен условиями рынка рабочей силы и не может быть изменен мерами государственной политики. К естественной безработице монетаристы относят так называемую фрикционную безработицу. Её суть состоит в том, что в процессе производства и функционирования рынка рабочей силы порой возникают какие-то трения, шероховатости, сбои, те или иные ситуации, ставящие работников в затруднительное положение и создающие временные трудности, связанные для них с невозможностью продолжать трудовую деятельность на данном предприятии в конкретных условиях. Подобные естественные ситуации приводят к увольнению работников и возникновению естественной безработицы [3, 4].

В современных условиях неразвитость практики государственной поддержки отдельных слоёв и категорий работников требует разработки и реализации целевых социальных программ в целях смягчения негативных последствий индивидуализации трудовых отношений. При этом государство должно контролировать развитие гибких форм занятости, в противном случае последует нарастание социальной нестабильности, и государство окажется перед необходимостью значительного увеличения социальных выплат или применения репрессивных мер против недовольных [1].

В современных условиях управление государственной службой занятости (ГСЗ) становится всё более сложным процессом. Характер государственного планирования политики на рынке труда меняется, приобретая стратегический характер, большее значение придаётся гибкости, конкурентоспособности, децентрализации и большей ориентированности на потребности как клиентов, так и рынка труда. С точки зрения центрального управления ГСЗ представляется лишь одним из множества потенциальных поставщиков услуг, а эффективность деятельности ГСЗ зависит от сложных партнерских и договорных отношений [7. С. 99].

ГСЗ всё чаще вовлекается в стратегическое и оперативное планирование не только для того, чтобы увязать своё внутреннее планирование с политикой государства в области экономики и занятости, но и для того, чтобы согласовать эти планы с реалиями рынка труда и требованиями других заинтересованных сторон. При этом настоятельная необходимость повысить эффективность государственного сектора привела в ряде случаев к переводу предоставления услуг ГСЗ на конкурентную основу.

Спектр основополагающих элементов стратегии управления ГСЗ должен включать: управление качеством; информационные и коммуникационные технологии; планирование учреждений и используемых средств и управление ими; внутренние связи; профессиональная подготовка и повышение квалификации персонала [7. С. 115].

Существует ряд причин, в силу которых сегодня ГСЗ гораздо больше, чем в прошлом, заинтересованы в совершенствовании методов управления. Прежде всего, услуги, которыми ведает ГСЗ, стали многообразными, и выбор услуг, которые должны оказываться, во всё большей степени определяется не правовым мандатом, а планированием, ориентированным на клиентов. Во-вторых, ГСЗ всё чаще действуют на конкурентном рынке, что требует повышения качества и надёжности, особенно при оказании услуг работодателям. В-третьих, на деятельность ГСЗ оказывают влияние внешние факторы, такие как повсеместное повышение качества управления. И последнее, но не менее важное – доступность новых информационных и коммуникационных технологий даёт действенные рычаги для преобразования рабочих процессов и обеспечения клиентам доступа к информации.

Сегодня, напротив, ГСЗ редко занимает монопольное положение. Вместо этого ей приходится действовать на рынке труда в качестве лишь одного из многих игроков, и её успех во многом зависит от того, каким образом она строит свои отношения с другими организациями. Наиболее заметная перемена произошла в отношениях ГСЗ с частными агентствами занятости (ЧАЗ).

На пороге XXI в. одним из самых насущных вопросов для ГСЗ стал характер взаимоотношений с ЧАЗ. Европейская комиссия определила три возможных типа взаимоотношений в рамках общеевропейских структур: во-первых, сотрудничество в области информации, предоставления основных услуг по подбору работников на имеющиеся вакансии, в области активного посредничества и адаптации к рынку труда; во-вторых, взаимодополняемость в отдельных сегментах рынка труда или в предоставлении отдельных видов услуг; в-третьих, конкуренция в предоставлении услуг работодателям с возможностью взимания платы за услуги ГСЗ.

ГСЗ и ЧАЗ постепенно закладывают основу для сближения и интенсификации деятельности, ориентируясь, скорее, на взаимодополняемость, сотрудничество, партнерство и взаимопомощь, чем на конкуренцию. В связи с этим обнаружено, что ГСЗ в своей новой роли предприятия по оказанию услуг является движущей силой этого процесса сотрудничества.

В современных условиях ГСЗ должна рационально и эффективно перестраивать характер своих услуг и адаптировать их к изменяющимся внешним условиям, внедряя новшества не в ущерб собственной стабильности. Примерами удачной реакции ГСЗ на изменение внешних условий могут служить адаптация услуг к потребностям растущего числа лиц, работающих неполный день, имеющих временную работу или самозанятых, а также разработка новых средств и методов с использованием информационно-коммуникационных технологий.

Для того чтобы государственная политика в области занятости была эффективной, она должна быть хорошо скоординирована и последовательно ориентирована на конкретного человека. При этом необходимо использовать интегрированный подход, который увязывал бы деятельность учреждений, ведающих пособиями по безработице, и учреждений, оказывающих помощь в поиске работы. Полная институциональная интеграция представляется в ряде отношений идеальным решением, но на практике может оказаться неосуществимой.

Литература

1. Зиновьева О.А. Необходимость проведения активной политики государства по формированию трудового потенциала телекоммуникационной отрасли. Петрозаводск, 2003. 52 с.
2. Карташов С.А., Одегов Ю.Г. Рынок труда: проблемы формирования и управления (на примере г. Москвы). М.: Финстатинформ, 1998. 694 с.
3. Одегов Ю.Г., Руденко Г.Г., Бабынина Л.С. Экономика труда: в 2 т. М.: Альфа-Пресс, 2007. Т. 1. 760 с.
4. Одегов Ю.Г., Руденко Г.Г., Бабынина Л.С. Экономика труда: в 2 т. М.: Альфа-Пресс, 2007. Т. 2. 924 с.
5. Одегов Ю.Г., Руденко Г.Г., Лунева Н.К. Рынок труда (практическая макроэкономика труда). М.: Альфа-Пресс, 2007. 900 с.
6. Система Гарант – законодательство РФ с комментариями [Электронный ресурс]: официальный сайт. Режим доступа: <http://www.garant.ru>.
7. Фан Т., Хансен Э., Прайс Д. Государственная служба занятости в условиях меняющегося рынка труда. Женева: Международное бюро труда, 2001. 228 с.

САЛТАНОВА СВЕТЛАНА ПАВЛОВНА – помощник депутата, Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации, Россия, Москва (saltanova_svetla@bk.ru).

SALTANOVA SVETLANA PAVLOVNA – assistant to the deputy, State Duma of Federal Meeting of the Russian Federation, Russia, Moscow.

СМИРНОВ ВАЛЕРИЙ ВЛАДИСЛАВОВИЧ – кандидат экономических наук, доцент кафедры отраслевой экономики, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (walera712006@mail.ru).

SMIRNOV VALERIY VLADISLAVOVICH – candidate of economics sciences, assistant professor of Industrial Economy Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 005.21:[330.22+330.341.1

Д.В. СЕЛИВАНОВ

**СТРАТЕГИЯ КАК ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ЭЛЕМЕНТ
СИСТЕМЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫМ
И ИНВЕСТИЦИОННЫМ РАЗВИТИЕМ
ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА**

Ключевые слова: инновации, высокотехнологичное производство, система стратегического управления, стратегия.

Изложен системный подход к формированию состава элементов и их взаимодействия в процессе стратегического управления долгосрочным развитием отрасли высокотехнологичного производства.

D.V. SELIVANOV

**STRATEGY AS THE TECHNOLOGICAL ELEMENT
OF SYSTEM OF STRATEGIC MANAGEMENT OF INNOVATIVE
AND INVESTMENT DEVELOPMENT OF HI-TECH MANUFACTURE**

Key words: innovations, highly technological manufacture, system of strategic management, strategy.

The system approach to formation of structure of elements and their interactions in the course of strategic management of long-term development of branch of hi-tech manufacture is stated.

Разработка и внедрение технологических, информационных, организационных и маркетинговых новшеств в текущем функционировании субъектов хозяйствования и экономических видов деятельности высокотехнологичного производства, обновление и модернизация их основного капитала направлены на расширение состава и повышение инновационности, качественных характеристик основных конкурентных преимуществ, ресурсного потенциала (основных фондов, оборотных активов, трудовых ресурсов), сохранение сложившихся тенденций и повышение темпов экономического роста в условиях существенных изменений состояния внешней среды в установленных интервалах и в неопределенном времени.

Поэтому в решении проблем соблюдения планируемого роста социальных и экономических результатов, повышения уровня инновационности, роста технического состояния материально-технических ресурсов изменение данных составляющих перспективного развития не является самоцелью, а в конечном итоге направлено на обеспечение роста объемов высокотехнологичного производства с высоким уровнем конкурентоспособности и позиционирования на занимаемых и новых рынках выпускаемой продукции, оказываемых услуг.

Целевая ориентация локальных и отраслевых составляющих высокотехнологичного производства на достижение планируемых экономических, финансовых и социальных результатов в долгосрочном периоде, в соответствии с нашими представлениями, может быть осуществлена как на основе сформированного состава обобщающей и частных стратегий инновационного и инвестиционного развития высокотехнологичного производства, так и в составе функционирующей системы стратегического управления экономическими видами деятельности, субъектами хозяйствования.

Следует отметить, что в экономической литературе системный подход к раскрытию технологического процесса стратегического управления развитием субъектов хозяйствования, отраслевых составляющих комплексов производственной и социальной сфер народнохозяйственного производства развит недостаточно и в ряде случаев носит противоречивый характер.

Так, например, авторы [1. С. 109] систему стратегического управления представляют как взаимодействие таких ее элементных составляющих, как комплексные меры по отбору и обучению персонала, методологические положения стратегического управления, адекватная структура и культура системы стратегического управления социально-экономической системой, а также руководитель (стратег-лидер) объекта управления. Целесообразность формирования указанного состава элементов системы стратегического управления долгосрочным развитием субъекта хозяйствования должна подтверждаться важностью и влиянием данных элементов на целевые установки системы стратегического управления.

Основные доводы авторов о существенности взаимодействия вышеназванных элементов системы стратегического управления состоят в том, что руководитель хозяйствующего субъекта должен быть своеобразным вдохновителем («духовным отцом») формируемой системы стратегического управления; структура субъекта хозяйствования должна соответствовать необходимому уровню эффективности функционирования системы стратегического управления; адекватность культуры деятельности предприятия планируемому к достижению экономическим результатам должна быть признана основным фактором эффективности функционирования системы стратегического управления, методология стратегического управления должна строиться на общих принципах формирования системы, а также на «наборе практических инструментов»; отбор и обучение персонала должны производиться с учетом особенности периодов социально-экономического развития.

Предлагаемый авторами [1] состав элементов системы стратегического управления, на наш взгляд, не отражает технологии стратегического управления и характеризует факторы, влияющие на его результативность. К данным факторам, которые представляются элементами системы стратегического управления, можно дополнительно отнести инновационную и инвестиционную деятельность субъекта хозяйствования экономического вида деятельности комплексного производства, расширенный для периодов долгосрочного развития состав конкурентных преимуществ, качественный уровень и величины ресурсного и организационного потенциалов.

Применение системного подхода к формированию состава элементов и их взаимодействию в процессе стратегического управления долгосрочным развитием предприятия, отраслевой составляющей производственного комплекса другие авторы считают возможным посредством определения и целевой ориентации этапов осуществления стратегического менеджмента на достижение результативности развития объекта управления [2. С. 11-12]. Каждый из таких этапов реализации стратегического управления, как анализ внешнего окружения, определение основных направлений развития социально-экономической системы, планирование (формирование) и осуществление стратегии, автор представляет, в свою очередь, в виде системы действий со своим составом элементов.

В качестве элементов основных этапов процесса стратегического управления долгосрочным развитием выступают: данные о возможностях роста рынка, изменений его конъюнктуры; наличие информационной системы, осуществляющей сбор, обработку, анализ, систематизацию, хранение информации; ориентация объектов управления на долгосрочное развитие; определение вариантов альтернативного развития; использование возможности замены или коррекции обобщающей или частных стратегий в соответствии с их уровнем противодействия влияниям негативных факторов макросреды; оцен-

ка ресурсных возможностей субъекта хозяйствования и соответствия их избираемой обобщающей стратегии, в свою очередь, обеспечивающей эффективное использование ресурсного потенциала; реализация стратегии долгосрочного развития менеджментом, обладающего высоким уровнем квалификации, профессионализма, умеющего преодолевать сопротивление определенных групп персонала организационным, экономическим и инновационным изменениям в деятельности объекта стратегического управления.

Однако этапы процесса стратегического управления локальной или отраслевой составляющей производственного (высокотехнологичного) комплекса не могут представлять собой систему стратегического управления социально-экономическим или инновационно-инвестиционным развитием, так как анализ внешней среды, планирование направлений развития и реализации обобщающей стратегии могут представлять конкретные меры и действия, включенные в формируемые этапы стратегического менеджмента, но не технологические элементы системы стратегического управления, взаимодействие которых и определяет особенность технологии стратегического управления, позволяющей достигать устанавливаемых на планово-расчетной основе ориентиры достижения экономических, финансовых и социальных результатов, эффективности производства в средне-, долгосрочном периодах времени.

Идентификация процесса стратегического управления, планирования и его системного представления предложена другими учеными-экономистами в форме модели, в основу которой положены такие основные принципы ее построения, как: процессы стратегического управления и планирования должны представлять собой этапность анализа целеполагания и выбора направления развития; установление и осуществление обобщающей (базовой) стратегии должно выполняться в соответствии со сложившейся разноразмерностью (иерархичностью) управления социально-экономической системой, стратегическое управление, планирование должны осуществляться в форме непрерывного процесса.

Этапность выполнения процесса стратегического управления, планирования, предложенная авторами [5], в определенной мере, как нам представляется, может отвечать системному подходу к формированию и реализации стратегии долгосрочного развития субъекта хозяйствования, экономического вида деятельности производственного комплекса в рамках процесса стратегического управления в том случае, если технологические элементы данного процесса соответствуют не только специфике стратегического управления и планирования, но и указанным выше принципам создания системы стратегического менеджмента, планирования долгосрочного развития их объекта. В данном случае такие технологические этапы процесса стратегического планирования, как анализ внешней и внутренней сред, формулирование миссии и цели долгосрочного развития, разработка обобщающей (базовой) стратегии, согласование формулируемых стратегий линейных и функциональных подразделений хозяйствующего субъекта с обобщающей стратегией, на наш взгляд, в существенной мере отвечают требованиям технологии построения системы стратегического управления, планирования долгосрочного развития ее объекта.

Следует отметить, что стратегия в системе стратегического управления инновационным и инвестиционным развитием экономического вида деятельности высокотехнологичного производства, выступая доминирующим технологическим элементом, представляет собой обобщенный состав направлений

и комплексных мер и действий, определяющих ресурсные возможности достигать наибольших экономических, финансовых и социальных результатов, эффективности инвестирования в технологические, организационные и информационные новшества, а также эффективности производства [3]. При этом обобщенность ориентации инновационного, инвестиционного и в целом социально-экономического развития высокотехнологичного производства находится в непосредственной зависимости от состава осуществляемых частных стратегий, а также от прямого и опосредованного влияния всех остальных технологических элементов системы стратегического управления.

Такими технологическими элементами в системе стратегического управления инновационным и инвестиционным развитием экономических видов деятельности высокотехнологичного производства, наряду с обобщающей и частными стратегиями, выступают: формулируемое на экспертно-прогнозной основе оптимистическое видение объекта стратегического управления в определенный период времени долгосрочного развития; устанавливаемая менеджментом миссия (предназначение) экономического вида деятельности, субъекта хозяйствования высокотехнологичного производства; стратегическая цель с достижением ее количественных и качественных характеристик результативности долгосрочного развития.

Формируя состав технологических элементов системы стратегического управления инновационным и инвестиционным развитием, необходимо учитывать, что данные виды деятельности и направлений долгосрочного развития экономического вида деятельности высокотехнологичного производства выступают отдельными, доминирующими факторами влияния на динамику роста экономических и финансовых результатов, эффективности производства [4].

Поэтому влияние обобщающей и частных стратегий в системе стратегического управления инновационным и инвестиционным развитием высокотехнологичного производства на экономический, финансовый и социальный результаты может учитываться как отдельно, так и во взаимосвязи со всеми остальными технологическими элементами системы.

В то же время реализация обобщающей и частных стратегий в системе стратегического управления инновационным и инвестиционным развитием может быть ориентирована как на использование возможностей потенциалов для достижения планируемых экономического, финансового и социального результатов, эффективности производства, так и на интеграцию с внешними ресурсами в целях совместного их использования в текущей деятельности и долгосрочном развитии.

Литература

1. Забелин П.В., Моисеева Н.К. Основы стратегического управления: учеб. пособие. М.: Информационно-внедренческий центр «Маркетинг», 1998.
2. Зуб А.Т. Стратегический менеджмент. М.: ТК Велби; Изд-во Проспект, 2008.
3. Кондратьева А.В. Стратегия долгосрочного развития экономических видов деятельности промышленного комплекса. СПб.: Герда, 2010.
4. Стратегический менеджмент / под ред. А.Н. Петрова. СПб.: Питер, 2008.
5. Шлёнская Е.С. Внешние и внутренние факторы экономического роста в системе управления развитием отраслевых составляющих сферы услуг. СПб.: Арт Эго, 2011.

УДК 658.56

В.Л. СЕМЕНОВ

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КАЧЕСТВА
КАК ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ*****Ключевые слова:** качество, категория, принцип, генезис, анализ, экономика.

Рассмотрен генезис качества, отражены его исторические этапы как философской и экономической категорий; проведен анализ понятия качества с учетом его специфических форм; выявлены основные элементы качества, позволившие объединить существующие определения качества в несколько групп; раскрыты основные принципы, определяющие роль качества при решении теоретических и практических задач.

V.L. SEMENOV

THEORETICAL ASPECT OF THE QUALITY AS AN ECONOMIC CATEGORY**Key words:** quality, category, principle, genesis, analysis, economics.

The genesis of the quality is examined and all its historical stages as philosophical and economic category are represented; the analysis of the term «quality» is made considering its specific forms; the general components of the quality which permit to unite all the existing quality definitions into groups are revealed; basic principles which determine the role of the quality in solution of theoretical and practical tasks are discovered.

В настоящее время важнейшим средством и необходимым условием обеспечения конкурентоспособности продукции является качество, а активизация деятельности в области управления качеством способствует формированию действенного механизма социально-экономических преобразований в стране. Развитие науки, техники и технологий предоставляет человечеству принципиально новые возможности в достижении высокого уровня качества продукции и услуг, в улучшении на этой основе материальных, социальных и культурных условий жизни человека и человечества. В связи с этим наблюдается четкая взаимосвязь между качеством и конкурентоспособностью, заключающаяся в том, что качество, являясь основным фактором конкурентоспособности, пронизывает все направления деятельности по ее обеспечению [12, 13].

Отечественный и зарубежный опыт свидетельствует о том, что обеспечение качества может происходить только на комплексной основе, позволяющей объединить в систему множество факторов, от которых зависит конечный результат деятельности конкретного предприятия. В настоящее время необходимо руководствоваться вопросами не только обеспечения качества продукции и услуг, но и процессов, персонала, различных видов деятельности, а также качества жизни. Это вызвано тем, что качество пронизывает практически все стороны мироздания и является главным фактором экономического развития, социального устройства, имеет фундаментальное значение для понимания сущности человеческого бытия, развития духовной культуры общества. Не случайно качество продукции и услуг стало индикатором высокой эффективности труда, источником национального богатства, признаком развитой экономики, а качество жизни признано международным сообществом важнейшей характеристикой уровня развития стран и народов [14, 15].

Теоретические аспекты качества. Качество – одна из сложнейших категорий, с которой человеку приходится сталкиваться в его деятельности. К понятию качества приходится обращаться при выборе предметов для удовлетворения различных потребностей; планировании производства; оценке удовлетворенности потребителей; создании новых машин, изделий, сооружений; рассмотрении произведений искусства и т.д.

* Исследование выполнено по проекту № МК-4076.2011.6 гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых.

Впервые качество как философскую категорию изучил Аристотель. По мнению Аристотеля, качествами именуется то, «благодаря чему предметы называются такими-то» [2], и можно различать четыре разновидности качества: устойчивые, преходящие, претерпеваемые и качество-очертание. Таким образом, именно качество определяет свойства предмета.

Более детально категорию качества в своих трудах изучил Кант, сопоставив его с количеством. По Канту, с одной стороны, количество представляет собой сплошную однородность синтезируемого материала. С другой стороны, Кант свойство однородности априори приписывал лишь пространству и времени, а поскольку пространство и время являются в то же время всеобщими, необходимыми условиями (формами) существования предметов (явлений), то все предметы с необходимостью подпадают и под синтезирующую функцию категории количества. Категория количества, таким образом, выполняет функцию синтеза многообразного однородного [7].

Если категория количества представляет собой синтез многообразного однородного, то категория качества, по Канту, есть «принцип... сочетания также и неоднородных частей знания в одном сознании» [7]. Как и количество, категория качества, по Канту, является прежде всего «чистой» формой мысли, априорной категорией рассудка и имеет, таким образом, всеобщий и необходимый характер. Определением времени, опосредствующим подведение явлений под категорию качества, является содержание времени. В соответствии с этим «реальность в чистом рассудочном понятии есть то, что соответствует ощущению вообще, следовательно, то, понятие чего само по себе указывает на бытие (во времени). Отрицание есть то, понятие чего представляет небытие (во времени)» [7].

Другой представитель немецкой классической философии, Гегель, эксплицируя содержание категории «качество», вводит понятие «определенности» как эмпирической презентации качества, «свойства» как проявления качества в конкретной системе взаимодействий или отношений и «границы» как феномена дифференцированности качества от других качеств. Аналогично содержание категории «количество» уточняются посредством введения понятий «величины» (пространственной протяженности и временной длительности системы) и «числа» как непустого множества [17]. Синтезом качества и количества у Гегеля выступала мера.

Гегелизируя марксистскую парадигму миропонимания, Энгельс трансформировал учение Гегеля о противоположности качества и количества и их синтезе в мере и придал данной схеме прочтение и статус закона «перехода количественных изменений в качественные и обратно». Появление и прогресс совокупности математизированных эмпирических наук, основанных на процедуре измерения количественных параметров вещей и явлений, на соотношении и сопоставлении этих параметров с качественными характеристиками элементов бытия, сохраняет и актуализирует философскую значимость категорий «качество» и «количество» [17].

Философы до начала индустриальной эпохи не могли рассматривать качество с точки зрения экономических аспектов, так как развитие общества не сопутствовало этому, однако уже в трудах Маркса и Энгельса появляются предпосылки отражения качества через призму развития производства, а значит, экономику. Как писал Маркс, «каждую полезную вещь, как, например, железо, бумагу и т.д., можно рассматривать с двух точек зрения: со стороны качества и со стороны количества. Каждая такая вещь есть совокупность многих свойств и поэтому может быть полезна различными своими сторонами. Открыть эти различные стороны, а следовательно, и многообразные, способы употребления вещей, есть дело исторического развития» [9].

Если рассматривать существующие определения качества как экономической категории, то наиболее интересными являются следующие.

У.-Э. Деминг [5] под термином качество понимает удовлетворение требований потребителя не только для соответствия его ожиданиям, но и для предвидения направления их будущих изменений. Таким образом, Деминг определил изменчивость качества, что предполагает возможность прогнозирования тех или иных его показателей.

Дж.-М. Джуран [19] под качеством понимал соответствие объекта назначению или применению. При этом Джуран объективно определял, что качество не появляется случайно, оно должно планироваться на основании анализа требований потребителей.

Известный американский специалист в области качества Ф. Кросби [8] определял качество как соответствие требованиям, которые устанавливает организация для своей продукции, и, следовательно, системой, создающей качество, является предотвращение ошибки, а не оценка сделанного.

Другой известный американский специалист в области качества А. Фейгенбаум [16] подчеркивает, что качество отнюдь не означает «самый лучший», но означает «лучший для использования потребителем и за реальную рыночную цену». Таким образом, Фейгенбаум ассоциирует качество не только техническими характеристиками объекта, но и ее ценой, определяя тем самым тотальность качества. Поэтому качество рассматривается как фактор, являющийся единственной и самой важной силой, ведущей к организационному успеху и росту компании на национальном и международном уровнях. Следовательно, по Фейгенбауму, качество – это способ управления организацией.

Известный японский специалист Г. Тагути [20] дает следующее определение: качество – это потери, ощущаемые обществом и связанные с несвоевременной поставкой и неэффективным использованием продукции. Таким образом, Тагути качество ассоциирует теми потерями, которые несет потребитель в ходе эксплуатации товара, поэтому производитель обязан при проектировании продукции в первую очередь задуматься о снижении потерь для общества.

Другой японский специалист К. Исикава [6] под качеством понимает деятельность по разработке, проектированию, производству и обслуживанию продукции, являющуюся наиболее экономичной и полезной и точно соответствующей требованиям потребителя, т.е. качество есть осознанная ценность для потребителя.

Всемирно признанный американский специалист по управлению качеством Дж. Харрингтон [18] качество определяет как удовлетворение ожиданий потребителя за цену, которую он себе может позволить, когда у него возникает потребность. Высокое качество – превышение ожиданий потребителя за более низкую цену, чем он предполагает.

По мнению известного отечественного специалиста в области качества Г.Г. Азгальдова [1], качество есть система (единство) его частных суждений-определителей, в которых отражаются основные системные принципы и закономерности формирования и развития качества.

В.Ю. Огвоздин указывает на нецелесообразность связи понятия «качество» с удовлетворением потребностей и предлагает следующее определение: «Качество – это совокупность объективно существующих свойств и характеристик продукции или услуги, характеризующих потребительскую стоимость продукции» [11].

Согласно ГОСТ 15467-79 [3], под качеством понимается совокупность свойств продукции, обуславливающих ее пригодность удовлетворять определенные потребности в соответствии с ее назначением. В данном определении проявляется в первую очередь техническая сторона качества, т.е. технический уровень продукции.

В международном стандарте ИСО 8402-94 дано следующее определение: качество – совокупность характеристик объекта, относящихся к его способности удовлетворить установленные и предполагаемые потребности [10]. По сравнению с определением, данным в ГОСТ 15467-79, объект оценки здесь значительно расширен, и кроме продукции рассматривается также деятельность или процесс, организация, система или отдельное лицо или любая комбинация из них. Следует отметить, что в данном определении есть существенный недостаток: система как пример объекта – категория слишком обширная. Под системой можно подразумевать и продукцию, и услугу, и информацию, и человека и т.д.

В стандарте ГОСТ Р ИСО 9000-2008, представляющем собой дальнейшую эволюцию международных стандартов, дано совершенно новое определение качества. Под качеством подразумевается степень соответствия совокупности присущих характеристик требованиям [4]. Таким образом, в данном определении появляется степенная характеристика качества, что предполагает, что один и тот же объект, например продукция, может по-разному удовлетворять потребности различных приобретателей, т.е. для кого-то продукция действительно будет представлять ценность, а для кого-то нет.

Следует отметить, что существуют и другие определения качества, данные учеными, специалистами, международными организациями и т.д., что указывает на продолжающую дискуссию по данной терминологии и свидетельствует, что данная проблема остается актуальной как для развития науки управления, так и для практики работ по управлению качеством на предприятиях. Все существующие определения качества можно разбить на пять основных групп.

1. Качество как отражение бытия. Данные определения рассматривают качество с позиции философии, выражающее то, что присуще всем материальным явлениям.

2. Качество как абсолютная оценка. В этом распространенном значении качество является синонимом превосходства. Согласно этому подходу, качество нельзя измерить – оно является принадлежностью товара.

3. Качество как свойство продукции. В этом значении качество является производной от какого-либо измеримого количественного параметра продукта. Качество выше, если параметр больше.

4. Качество как соответствие назначению. Согласно данной трактовке, качество представляет собой способность продукта или услуги выполнять свои функции.

5. Качество как соответствие стоимости. В этом случае качество определяется как соотношение полезности и цены продукта. С этой точки зрения, качественным является продукт, который по своим полезным свойствам соответствует продуктам конкурентов, но продается дешевле либо превосходит по своим характеристикам аналогичные товары при равной цене.

6. Качество как соответствие стандартам. Данный производственный подход определяет качество как соответствие техническим стандартам и условиям, которые включают в себя целевые и допустимые значения тех или иных параметров продукции или услуг.

Анализ существующих определений позволяет выявить следующие принципы, отражающие сущность качества как экономической категории.

Принцип дифференцированности. Качество есть совокупность отдельных свойств, которые необходимо изучать отдельно друг от друга, что в значительной степени облегчает процесс дальнейшего изучения объекта. Несомненно, пренебрежение теми или иными свойствами объекта приводит к искажению представления о носителе качества, но не самой материальной субстанции.

Принцип непрерывности. Можно выделить некоторые параметры и свойства объекта, которые могут принимать любые значения в определенном диапазоне. Например, показатели экономичности объекта, некоторые единичные показатели надежности объекта, показатели технологичности и т.д.

Принцип дискретности. Непрерывный процесс изменения качества отдельного объекта дискретен в определенные моменты времени. С другой стороны, у объекта могут быть параметры и свойства, значения которых дискретны, например показатель количества пузырьков на поверхности стекла.

Принцип достоверности. Показатель качества объекта определяет его расположение в пространстве при заданных параметрах. Например, при оценке качества продукции с использованием интегрального показателя однозначно можно оценить ее местоположение среди аналогов, эталонов.

Принцип изменчивости. Со временем некоторые показатели качества объекта становятся не главенствующими для потребителя и переходят в ранг «стандартных», т.е. в какой-то момент времени определенные показатели качества перестают нести ценность в глазах потребителя.

Принцип прогрессивной динамичности. Со временем параметры и свойства объекта начинают менять свои значения в сторону улучшения под воздействием внешней среды. Это свидетельствует о системной привязанности качества к научно-техническому прогрессу.

Принцип привязанности. Качество как экономическая категория не может существовать отдельно, само по себе, что предполагает его привязанность к какому-либо объекту и явлению материального мира. Поэтому на практике речь идет о «качестве продукции», «качестве услуг», «качестве жизни» и т.д.

Принцип иерархии. Принцип предполагает, что из-за сложного характера качества возникает необходимость его анализа на трех уровнях: рассмотрение отдельных свойств качества объекта; рассмотрение группы свойств объекта; рассмотрение всей суммы свойств объекта – качество как комплексный показатель.

Принцип прогнозирования. Некоторые значения свойств и параметров объекта подчиняются определенным закономерностям, что предполагает возможность их предсказания в будущем за счет применения определенных методов прогнозирования.

Принцип приоритетности. Объект не может быть качественным, если базовые свойства или параметры не удовлетворяют требованиям, предъявляемым к ним, несмотря на высокое качество других свойств или параметров. Например, самолет никакой ценности не несет, если по показателю надежности он не соответствует требованиям, а другие показатели являются высококачественными.

Принцип сложности. С одной стороны, чем сложнее объект, тем многообразней его параметры и свойства, тем труднее оценка качества с точки зрения времени. С другой стороны, максимальное число показателей и свойств объекта не может иметь границ, так как зависит от сложности самого объекта, от степени полноты и точности, с которой хотят получить представление о качестве.

Принцип субъективности. Один и тот же объект по-разному может быть оценен разными потребителями с точки зрения качества. Данный принцип определяет необходимость привязки объекта при оценке качества к конкретному субъекту.

Принцип генезиса. В историческом плане происходит процесс все большего усложнения смысла понятия качества объекта. Сначала при рассмотрении качества оно отождествлялось с каким-то важнейшим, доминирующим, полезным свойством. Постепенно прибавляются и другие признаки, интересующие общество или отдельного человека с точки зрения потребления, приходят к более полному пониманию качества, характеризующему уже потребительскую стои-

мость и т.д. При этом ранее существовавшие понятия не опровергаются в будущем, а включаются как составные частные случаи, верные при определенных условиях.

Принцип универсальности. Зачастую понятие качества ассоциируется с продукцией. При этом любая формулировка термина «качество продукции» имеет такое содержание и форму, которые позволяют применять ее ко всем существующим отраслям народного хозяйства, ко всем продуктам труда. Следовательно, технологии, инструментарии, основанные на повышении качества продукции, будут являться универсальными, т.е. применимыми во всех случаях.

Таким образом, обобщая вышесказанное, категорию «качество» необходимо рассматривать как научный инструмент повышения конкурентоспособности в единстве науки управления качеством и экономики.

Литература

1. Азгальдов Г.Г. Теория и практика оценки качества товаров. Основы квалиметрии. М.: Экономика, 1982. 256 с.
2. Аристотель. Метафизика. Сер. Выдающиеся мыслители / пер. с англ. А.В. Кубицкого. Ростов н/Д.: Феникс, 1999. 608 с.
3. ГОСТ 15467-79. Управление качеством продукции. Основные понятия. Термины и определения. Введ. 1979-07-01. М.: Изд-во стандартов, 2002. 21 с.
4. ГОСТ Р ИСО 9000-2008. Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь. Введ. 2008-12-18. М.: Стандартинформ, 2009. 35 с.
5. Деминг Э. Выход из кризиса: Новая парадигма управления людьми, системами и процессами: пер. с англ. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. 370 с.
6. Исигава К. Японские методы управления качеством. М.: Экономика, 1988. 199 с.
7. Кант И. Сочинения: в 6 т. Т.4. Критика практического разума. М.: Мысль, 1964. 468 с.
8. Кросби Ф.Б. Качество и я: Жизнь бизнесмена в Америке / пер. с англ. А.В. Денисова, О.В. Замятиной. М.: Стандарты и качество, 2003. 264 с.
9. Маркс К. Капитал. Т. 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://esperanto-mv.pp.ru/Marksismo/Kapital1>.
10. Международный стандарт ИСО 8402-94. Управление качеством и обеспечение качества. Словарь. – Введ. 1994-04-01. М.: Изд-во стандартов, 1994. 10 с. (Отменен стандартом ГОСТ Р ИСО 9000-2008. Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь).
11. Огвоздин В.Ю. Управление качеством. М.: Дело и сервис, 2009. 304 с.
12. Семенов В.Л. Взаимосвязь качества и конкуренции как экономических категорий // Качество и конкурентоспособность в XXI веке: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. С. 130-139.
13. Семенов В.Л. Взаимосвязь рекламы, мотивов и качества // Качество и конкурентоспособность в XXI веке: материалы IX Всерос. науч.-практ. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2010. С. 311-316.
14. Семенов В.Л. Выбор конкурентной стратегии региона // Качество и конкурентоспособность в XXI веке: материалы VII Всерос. науч.-практ. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2008. С. 215-219.
15. Семенов В.Л. Общие проблемы качественной трансформации / // Качество и конкурентоспособность в XXI веке: материалы IX Всерос. науч.-практ. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2010. С. 317-320.
16. Фейгенбаум А. Контроль качества продукции: сокр. пер. с англ. М.: Экономика, 1986. 471 с.
17. Философский словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://filosofi-online.ru/filosofskij-slovar>.
18. Харрингтон Дж. Управление качеством в американских корпорациях: сокр. пер. с англ. М.: Экономика, 1990. 272 с.
19. Juran J.M. Architect of Quality. The autobiography of Dr. Joseph M. Juran. McGraw-Hill, 2004, P. 379.
20. Taguchi G, Chowdhury S., Wu Y. Taguchi's Quality Engineering Handbook. Wiley-Interscience, 2004. P. 1696.

СЕМЕНОВ ВЛАДИСЛАВ ЛЬВОВИЧ – кандидат экономических наук, доцент кафедры управления качеством и конкурентоспособностью, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (wlad21@mail.ru).

SEMENOV VLADISLAV LYVOVICH – candidate of economics sciences, associate professor of Quality Management and Competitiveness Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 338.242

В.В. СМЕРНОВ

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОНКУРЕНЦИИ,
КОНКУРЕНТНЫХ ПРЕИМУЩЕСТВ И КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ**

Ключевые слова: дифференциация, конкурентные преимущества, конкурентоспособность, конкуренция, оптимальность, развитие, структура, теория, функциональность, экономика.

Показана потребность в систематизации теоретических аспектов конкуренции, конкурентных преимуществ и конкурентоспособности. Раскрыта причинно-следственная связь деятельности в развивающемся экономическом пространстве с явлениями конкуренции и конкурентных преимуществ объектов. Сформулированы понятия конкурентоспособности товара, фирмы (предприятия), отрасли, региона (страны).

V.V. SMIRNOV

**THEORETICAL ASPECTS OF THE COMPETITION, COMPETITIVE ADVANTAGES
AND COMPETITIVENESS**

Key words: the differentiation, competitive advantages, competitiveness, a competition, optimality, development, structure, the theory, functionality, economy.

The requirement for ordering of theoretical aspects of the competition, competitive advantages and competitiveness is shown. Activity relationship of cause and effect in developing economic space with the phenomena of a competition and competitive advantages of objects is opened. Concepts of competitiveness of the goods, firm (enterprise), branch, region (country) are formulated.

На этапе посткризисного развития мировой экономики происходят естественные качественные и количественные изменения функционального состояния социально-экономических систем, связанные с усилением процесса глобализации, асимметричностью развития и обострением конкурентной борьбы между странами (регионами). В условиях, когда рынок приобретает признание в качестве общецивилизационной ценности, сила и мощь любого государства в большей степени будут определяться его конкурентоспособностью.

Для Российской Федерации с её огромной территорией, разнообразием природных и социально-экономических условий, многонациональным населением, уникальной по своей сложности территориальной организацией государства обеспечение конкурентоспособности регионов является необходимым условием преодоления социально-экономического кризиса, упрочнения территориальной целостности страны. В то же время страны и регионы динамично развиваются в многополярной конкурентной среде. В условиях конкурентной среды обеспечение возможности для цивилизованного и динамичного развития рынка, создание высокого уровня конкурентоспособности экономики являются ключевыми элементами в числе национальных и региональных приоритетов любой страны и, следовательно, важнейшими функциями государственного регулирования.

В условиях нестабильной экономики применение рыночных методов управления сопровождается рядом негативных последствий, основным из которых является нарастание существенных различий в уровне социально-экономического развития субъектов РФ. Вследствие чего зарождается необходимость функциональной структуризации экономики региона с целью формирования оптимальной структуры регионального хозяйства. При этом следует учитывать, что экономика региона – это подсистема общеэкономической системы федеративного государства, т.е. она должна быть рационально интегрированной с другими региональными экономическими подсистемами РФ.

Решение вопроса о противоречиях и закономерностях социально-экономического развития субъектов РФ требует теоретического переосмысления концепции функционирования и развития региональных социально-экономических

систем, прежде всего с точки зрения их конкурентоспособности. В основу решения проблемы формирования условий для конкурентоспособного функционирования и развития региональных социально-экономических систем должен быть положен современный методологический механизм использования и воспроизводства конкурентных преимуществ экономики региона.

В рыночных условиях механизм обеспечения конкурентоспособности региона является ключевым инструментом реализации государственной региональной экономической и социальной политики. При этом существующий недостаток информации и знаний о возможных вариантах развития социально-экономических процессов в субъектах РФ, отсутствие эффективной системы выявления и передачи практических методов в области конкурентоспособности региона являются серьёзной проблемой для развития РФ.

Исторически сложившаяся неоднородность социально-экономического пространства России оказывает значительное влияние на условия функционирования и развития государства, структуру и эффективность экономики, стратегию и тактику институциональных преобразований, а также неоднородно конституирует условия реализации социально-экономической политики. В дореформенный период эти различия сглаживались политикой выравнивания условий жизнедеятельности населения, путём перераспределения бюджетных ресурсов, надбавочных коэффициентов, налоговых льгот и преференций, усреднения транспортных тарифов и т.п. [12. С. 127].

Нарастание межрегиональной дифференциации было вызвано последствиями рыночных реформ и, как следствие, усилением кризисных явлений в процессе функционирования и развития экономики РФ. Данное явление связано со структурными трансформациями в экономике РФ и её субъектах, обусловленными, как минимум:

1) введением механизма рыночной конкуренции, разделившего регионы по их конкурентным преимуществам. При этом проявилась различная способность к формированию рыночных отношений в регионах с разной структурой экономики и менталитетом регионального сообщества;

2) ослаблением регулирующей роли государства, сокращением государственных инвестиций в развитие экономики регионов, отменой существенных экономических и социальных субсидий;

3) неравенством различных субъектов РФ в экономическом отношении с Федеральным центром.

На условия социально-экономического функционирования и развития регионов оказали влияние и другие факторы, а именно: темпы и масштабы экономических преобразований, взаимоотношения региональной элиты с центром. При этом существенное значение приобрела исторически сложившаяся специализация региона, возможность использовать природно-ресурсный потенциал и выгоды географического положения для внешнеэкономического сотрудничества [13. С. 96].

В целом постановка задачи оценки дифференциации в социально-экономическом положении регионов приобрела актуальность лишь в условиях постсоветского развития, когда региональные и муниципальные органы власти получили возможность активно воздействовать на процесс социально-экономического развития. Сравнительно равномерная освоенность территории страны и выравнивание производственного потенциала регионов на постсоветском пространстве резко контрастируют с новой реальностью.

В России с её огромной территорией, спецификой природного и социально-экономического потенциала, культурно-конфессиональными и полити-

ческими условиями никакие реформы невозможны без учёта территориальных факторов. Однако до сих пор власти РФ уделяли им недостаточно внимания, что отчасти объясняет неудачи и затруднения в проведении реформ.

В результате отсутствия необходимого уровня понимания федеральными органами власти специфики экономического пространства РФ проявились диспропорции между производством валового регионального продукта и среднедушевым доходом населения в субъектах РФ. Следствием нарастающей дифференциации в уровне социально-экономического развития регионов РФ стали неизбежное расширение ареалов депрессивности и бедности, ослабление механизма межрегионального экономического сотрудничества и нарастание межрегиональных противоречий.

Любая сфера деятельности в развивающемся экономическом пространстве связана с явлениями конкуренции и конкурентных преимуществ объектов. Конкуренция, как внешнее воздействие на объект, существенно предопределяет изменение траектории естественного движения системы для достижения определённой цели [1].

Сложность восприятия причинно-следственных явлений конкуренции, а также отсутствие целостных теоретических положений о движущих силах конкурентной борьбы побудило учёных в области классической политической экономии в середине XVIII в. представить конкуренцию как нечто само собой разумеющееся, пронизывающее все отрасли экономики и ограничиваемое только субъективными причинами. Ярким представителем классической школы политической экономии был А. Смит, который в работе «Исследование о природе и причине богатства народов» [15] представил результаты анализа формы и содержания конкуренции в ряде научных положений [17. С. 13-14]:

- сформулировал понятие конкуренции как соперничества, повышающего цены (при сокращении предложения) и уменьшающего цены (при избытке предложения);

- сформулировал главный принцип конкуренции – принцип «невидимой руки», в соответствии с которым, «дергая» за ниточки марионеток-предпринимателей, «рука» заставляет их действовать в соответствии с неким «идеальным» планом развития экономики, безжалостно вытесняет фирмы, занятые производством ненужной рынку продукции;

- разработал теоретически очень тонкий и гибкий механизм конкуренции, который объективно уравнивает отраслевую норму прибыли, приводит к оптимальному распределению ресурсов между отраслями. Тонкость механизма конкуренции заключается в том, что при сокращении спроса на товар наибольшие трудности испытывают фирмы, выпускающие некачественную или излишне дорогую продукцию. Гибкость механизма конкуренции проявляется в его мгновенной реакции на любые изменения обстановки во внешней среде. Быстро адаптируются к среде мобильные фирмы;

- определил основные условия эффективной конкуренции, включающие наличие большого количества продавцов и покупателей, исчерпывающую информацию, мобильность используемых ресурсов, невозможность каждого продавца оказывать существенное влияние на изменение рыночной цены товара (при сохранении его качества или качества сервиса);

- разработал модель усиления и развития конкуренции, доказал, что в условиях рыночных отношений возможно максимальное удовлетворение потребностей потребителей и наилучшее использование ресурсов в масштабе общества в целом.

Впоследствии, опираясь на теоретические положения о существовании конкуренции А. Смита, научным сообществом было дано множество частных определений, применительно к определённым факторам. «Конкуренция есть стремление как можно лучше удовлетворить критериям доступа к редким благам», – считал американский экономист П. Хайне [17].

Ф. Найт определял конкуренцию как ситуацию, в которой конкурирующих единиц много и они независимы [6]. К.Р. Макконнелл и С.Л. Брю считали, что конкуренция – это наличие на рынке большого числа независимых покупателей и продавцов, возможность для покупателей и продавцов свободно выходить на рынок и покидать его [8. С. 52].

Й. Шумпетер определял конкуренцию как соперничество старого с новым, с инновациями [19]. Ф.А. фон Хайек отмечал, что конкуренция – процесс, посредством которого люди получают и передают знания. По его мнению, на рынке только благодаря конкуренции скрытое становится явным. Конкуренция ведёт к лучшему использованию способностей и знаний. Большая часть достигнутых человеческих благ получена именно путём состязания, конкуренции [21].

М. Портер в книге «Международная конкуренция» отмечал, что конкуренция – динамичный и развивающийся процесс, непрерывно меняющийся ландшафт, на котором появляются новые товары, новые пути маркетинга, новые производственные процессы и новые рыночные сегменты [10]. Г.Л. Азоев под конкуренцией понимал соперничество на каком-либо поприще между отдельными юридическими или физическими лицами (конкурентами), заинтересованными в достижении одной и той же цели [1. С. 7].

А.И. Субетто предложил следующее определение конкуренции: «Конкуренция – это соревнование в определённом смысле взаимозаменяемых сущностей на ограниченном пространстве существования, определяющее механизм эволюционного отбора», при этом: «Конкуренция стремится разрушить организмическую целостность, сдвинуть её в сторону менее связанной популяционной целостности» [16. С. 89]. А.Ю. Юданов утверждал, что рыночная конкуренция – борьба фирм за ограниченный объём платежеспособного спроса потребителей, ведущаяся ими на доступных сегментах рынка [20].

Следует отметить, что основное внимание в трудах классической школы уделялось ценовой конкуренции. Развивая идеи ценового регулирования рынка с помощью конкуренции, Д. Рикардо отмечал: «Когда говорят о предмете потребления, его меновой стоимости и о законах, регулирующих его цены, то всегда имеют в виду такой товар..., на производство которого оказывает огромное влияние конкуренция». В «Принципах политической экономии и налогообложения» Д. Рикардо построил самую безукоризненную теоретическую модель совершенной конкуренции [3. С. 15-144].

Идея совершенной конкуренции помогла понять, каким образом «естественные» цены в долгосрочном равновесии сочетаются с принципами децентрализованного управления и как последние способствуют развитию капиталистической экономики. Совершенно определено на этот счёт высказался Д.С. Милль: «Принимая во внимание то, что конкуренция является единственным регулировщиком цен, заработной платы, ренты, она сама по себе является законом, который устанавливает правила этого регулирования» [11]. Дополнил модель совершенной конкуренции, но с позиции закона стоимости, К. Маркс в «Капитале» [9. С. 329].

Конкуренция была и остается формой взаимного соперничества субъектов рыночной экономики. Конкуренция обуславливается суверенным правом каждого из субъектов деловых отношений на реализацию своего экономического

потенциала, а это неизбежно приводит к столкновению между ними, к достижению поставленных производителями целей за счёт ущемления интересов других производителей. При этом в качестве «субъектов конкуренции» могут быть любые социальные, производственные или биологические системы. Носителями конкуренции являются товар или услуга, посредством которых фирмы-соперники стремятся завоевать признание и деньги потребителя [14. С. 37].

Одной из наиболее важных составляющих конкуренции являются конкурентные преимущества. Конкурентные преимущества могут быть наследственными, конструктивными, технологическими, информационными, квалификационными, управленческими, природно-климатическими и др.

Конкурентные преимущества формируются многочисленными факторами: более эффективным производством, обладанием патентами, хорошей рекламой, грамотным менеджментом и хорошим отношением с потребителями. Конкурентное преимущество, внутреннее превосходство в отношении издержек производства позволяют добиться меньшей себестоимости, приобрести устойчивость к снижению продажной цены, навязанной рынком и конкуренцией.

На основе изложенного выше следует выделить научный и практический интерес к исследованию причинно-следственных связей, определяющих систему конкурентных преимуществ. Например, внутри производственной системы могут быть реализованы новшества путём превращения их в инновации в любой сфере деятельности.

В целом конкурентные преимущества воплощаются в товарах, изготавливаемых производственной системой и реализуемых на рынке. Реализация товара, имеющего конкурентное преимущество или произведённого в системе, обладающей внутренним конкурентным преимуществом, позволяет получить доход.

Производственная система полученный доход распределяет на внутреннее потребление либо на получение новой конкурентоспособной продукции (товара). При этом важно полученный доход направлять на приобретение эффективных и конкурентоспособных технологий, которые могут быть реализованы в конкурентные преимущества производственной системы.

Таким образом, анализ теоретической и практической проблематики экономического развития как формы реализации конкурентных преимуществ создает предпосылки к пониманию сущности конкурентоспособности. Так, Ю. Кормнов утверждает, что универсального определения конкурентоспособности нет и быть не может, а всё зависит от того, применительно к какому объекту (предмету) или субъекту оно относится [7. С. 28-36].

П.С. Завьялов отмечает, что необходимость терминологической регламентации в данной области и попытка сформулировать определение конкурентоспособности как экономической категории сводятся к дефиниции качества. При этом в процессе исследования конкурентоспособности как обобщённой экономической проблемы следует учитывать следующие факторы [5. С. 20-32]:

- необходима количественная оценка экономических объектов, являющихся носителями свойства конкурентоспособности, без чего поддержание уровня конкурентоспособности, его повышение носят субъективный характер;
- универсальное общепринятое понятие конкурентоспособности отсутствует;
- к числу основных параметров, которые определяют уровень конкурентоспособности, относятся многослойность, относительность и конкретность;
- конкурентоспособность определяется с использованием результатов сопоставлений как предприятий, так и их продуктов;

– сопоставление экономических объектов в процессе сравнительного анализа конкурентоспособности должно удовлетворять требованиям полноты и корректности.

М. Гельвановский, В. Жуковская, И. Трофимова подчеркивают, что конкурентоспособность представляет собой сложное многоуровневое понятие, анализ и оценку которого необходимо теснейшим образом увязывать с конкретным конкурентным полем и, особенно, его уровнем. В этой связи можно утверждать, что основополагающий уровень обеспечения конкурентоспособности – макроэкономический, на котором определяются основные условия функционирования всей хозяйственной системы. За ним по значимости идёт мезоуровень, формирующий перспективы развития отрасли или корпорации, охватывающий группу предприятий. На микроуровне конкурентоспособность как бы обретает свою окончательную, завершающую форму в виде соотношения цены и качества товара. Это соотношение зависит от условий, сформировавшихся на предшествующих двух уровнях и от персонала предприятия, его способности использовать как свои ресурсы, так и сравнительные национальные общехозяйственные и отраслевые преимущества [4. С. 76].

В. Андрианов предполагает, что синтетическим показателем, объединяющим конкурентоспособность товара, товаропроизводителя, отраслевую конкурентоспособность и характеризующим положение страны на мировом рынке, является показатель страновой конкурентоспособности. В самом общем виде её можно определить как способность страны в условиях свободной конкуренции производить товары и услуги, удовлетворяющие требованиям мирового рынка, реализация которых увеличивает благосостояние страны и отдельных её граждан [2. С. 33-42].

Проведя анализ различных трактовок термина «конкурентоспособность», можно выделить дифференцированные по основным факторам составные части:

1) конкурентоспособность товара – способность продукта воздействовать на потребности субъекта в сравнении с другими изделиями;

2) конкурентоспособность фирмы (предприятия) – латентная составляющая организации, формируемая с использованием ценовых и неценовых показателей производимого и/или реализуемого товара, которая позволяет конкурировать за более эффективные сегменты рынка;

3) конкурентоспособность отрасли – специфические возможности производителей однородной продукции конкурировать на рынке;

4) конкурентоспособность региона (страны) – способность административно-территориального образования наиболее эффективно использовать природно-ресурсный потенциал в рамках сложившегося регионального (национального) хозяйства.

В общем виде понятие конкурентоспособности ориентировано на раскрытие способности выполнять свои функции (предназначение, миссию) с требуемым качеством и рациональными затратами в условиях конкурентной среды. Конкурентоспособность какого-либо объекта должна рассматриваться в сопоставлении результатов хозяйственной деятельности аналогичных объектов.

Характеристика конкурентоспособности относится к оценочной показателям, следовательно необходимо наличие оценивающего субъекта, объекта оценивания, цели и критериев оценки. Субъектами оценки, как правило, выступают органы государственной власти, хозяйствующие субъекты, инвесторы и покупатели. Объектами оценки могут стать страна, регион, организация и товар. Целью и критериями оценки являются положение на рынке, темпы

роста и/или развития, способность расплачиваться за полученные заёмные средства, потребительские свойства по отношению к цене товара и т.д.

Многогранный термин «конкурентоспособность» следует рассматривать в различных аспектах в зависимости от цели и способов решения задач. При этом необходимо применять совокупность различных методов оценки конкурентоспособности, построенных на основе экспертных оценок, статистических показателей, рейтингов и т.д.

Таким образом, конкурентоспособность национальной экономики является результатом комплекса социально-экономических мероприятий по оценке и обеспечению конкурентоспособности микро- и макроэкономических моделей (предприятия, отрасли, региона, страны). Стратегия конкурентоспособности национальной экономики в наибольшей степени зависит от механизма реализации путей повышения уровня конкурентоспособности региона за счет качественного использования ресурсов, обеспечивающих наиболее эффективный экономический рост, развитие интеграционных и инвестиционных экономических отношений.

Литература

1. Азоев Г.Л. Конкуренция: анализ, стратегия и практика. М.: Центр экономики и маркетинга, 1996. 208 с.
2. Андрианов В.А. Конкурентоспособность России в мировой экономике // Экономист. 1997. № 10.
3. Всемирная история экономической мысли: от Смита и Рикардо до Маркса и Энгельса / А.В. Аникин, В.С. Афанасьев, С.З. Бубликов и др. М.: Мысль. 1988. 574 с.
4. Гельвановский М.И., Жековская В., Трофимова И. Конкурентоспособность в микро-, мезо- и макроуровневом измерениях // Российский экономический журнал. 1998. № 3.
5. Завьялов П.С. Проблемы международной конкурентоспособности товаропроизводителей // Маркетинг. 1996. № 2.
6. Иохин В.Я. Экономическая теория: введение в рынок и микроэкономический анализ: учебник для вузов. М.: Инфра-М. 1997. 512 с.
7. Кормнов Ю. Кооперация как фактор преодоления кризиса // Экономист. 1999. № 7.
8. Макконнелл К.Р., Брю С.Л. Экономикс: Принципы, проблемы и политика: в 2 т.: пер. с англ. 11-е изд. М.: Республика. 1992. Т. 2. 400 с.
9. Маркс К. Процесс производства капитала (I т. «Капитала») / К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 23. 906 с.
10. Портер М.Э. Международная конкуренция: пер. с англ. / под ред. и предисл. В.Д. Щетина. М.: Международные отношения, 1993. 896 с.
11. Робинсон Дж. Экономическая теория несовершенной конкуренции: пер. с англ. М.: Прогресс, 1986. 472 с.
12. Салжаницын А.И. Особенности состояния и развития отраслей социальной сферы в субъектах Российской Федерации // Аудит и финансовый анализ. 2001. № 2. С. 127-133.
13. Сидорова Н.И. Возможности использования налоговых инструментов для регулирования регионального развития // Проблемы прогнозирования. 2003. № 1. С. 96-107.
14. Смирнов Э.А. Разработка управленческих решений: учебник для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2000. 271 с.
15. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Соцэкгиз, 1962. 333 с.
16. Субетто А.И. Творчество, жизнь, здоровье и гармония (Этюды креативной онтологии). М.: Логос. 1992. 204 с.
17. Фатхутдинов Р.А. Конкурентоспособность: экономика, стратегия, управление. М.: ИНФРА-М, 2000. 312 с.
18. Хайне П. Экономический образ мышления: пер. с англ. М.: Дело; Catallaxy, 1993. 704 с.
19. Шумпетер Й. Теория экономического развития: пер. с нем. М.: Прогресс. 1982. 455 с.
20. Юданов А.Ю. Конкуренция: Теория и практика: учеб.-практ. пособие для вузов. М.: АКАЛИС, 1996. 272 с.
21. Hayek F.A. Individualism and Economic Order. Chicaco: Univ. of Chicago Press. 1948.

УДК 631.1.017

С.А. СУСЛОВ

ОПТИМАЛЬНЫЕ РАЗМЕРЫ ПОСЕВНЫХ ПЛОЩАДЕЙ В УСЛОВИЯХ МНОГОУКЛАДНОЙ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: оптимизация, посевная площадь, группировка, организационно-правовая форма, моделирование.

Рассмотрены вопросы эффективности ведения отраслей сельского хозяйства различных организационно-правовых форм в зависимости от размера посевных площадей. Предложена оптимальная структура их сочетания по агрозонам Нижегородской области.

S.A. SUSLOV

THE OPTIMUM SIZES OF AREAS UNDER CROPS IN THE CONDITIONS OF MULTISTRUCTURE ECONOMY

Key words: optimization, area under crops, grouping, the organizational-legal form, modeling.

Questions of efficiency of conducting branches of agriculture of various organizational-legal forms depending on the size of areas under crops are considered. The optimum structure of their combination on agrozones of the Nizhny Novgorod region is offered.

Проблема оптимальных размеров организаций заинтересовала ученых давно. Еще в начале XIX в. И. Тюнен попытался выявить влияние размеров хозяйств на эффективность производства. Позднее этому направлению посвятили работы К. Маркс, В. И. Ленин, А. В. Чаянов. В Нижегородской области в конце XX в. эту проблему изучали И.А. Алтухов, М.Е. Голышев, А.Е. Шамин и др.

Важно понимать, что оптимальные размеры землепользования не могут быть типовыми для всех землепользователей и постоянными на протяжении 10-20 лет. Со временем оптимальные размеры изменяются под влиянием научно-технического прогресса, экономического уклада в стране, уровня продовольственной безопасности, рыночных цен и прочих факторов.

Переход страны в 90-х гг. XX в. на рыночные отношения внес серьезные коррективы как по собственности организаций, так и по их размерам. Если в СССР доминирующая часть сельскохозяйственных товаропроизводителей делилась только на колхозы и совхозы, то в условиях современной экономики производители в первую очередь классифицируются по организационно-правовым формам – общества, товарищества, кооперативы, индивидуальные предприниматели. Каждая из них имеет еще более иерархичную классификацию. Вследствие этого целью научного исследования явилось нахождение наиболее оптимального сочетания организационно-правовых форм с различными размерами землепользования.

Объектом исследования выступила Нижегородская область, разделенная по рельефу и типу ландшафтов почти на две равные части (зоны): лесное низинное Заволжье (левобережье) и почти безлесное возвышенное Предволжье (правобережье). В каждой агрозоне области организационно-правовые формы имеют свои особенности: по размерам посевных площадей сельскохозяйственных культур, хозяйственной специализации, экономической эффективности ведения отраслей, специализации и другим показателям. Вследствие этого и размер группировочного признака в каждой агрозоне был различным (табл. 1).

Результаты анализа раскрыли, что эффективность сельского хозяйства в каждой организационно-правовой форме во многом зависит от размера посевных площадей. В правобережье наивысшая экономическая эффективность сельского хозяйства по показателю рентабельности производства достигается: в ООО с посевной площадью до 3000 га, в СПК – свыше 4000 га и в

АО – от 2500 до 5000 га. Прочие организации в правобережье независимо от посевных площадей работают с убытком.

Таблица 1

**Эффективности отраслей сельского хозяйства
в зависимости от организационно-правовой формы
и размера посевных площадей, в расчете на одну организацию**

Зона области	Организационно-правовая форма	Группа по посевным площадям, га	Количество организаций, шт.	Посевная площадь, га	Среднегодовое количество работников	Поголовье крупного рогатого скота, гол.	Валовой сбор зерна, т	Валовой надой молока, т	Прибыль (убыток) от реализации сельскохозяйственной продукции, млн руб.	Рентабельность (убыточность), %
Правобережье	ООО	до 3000	203	853	35	173	1154	267	0,97	7,73
		3000-6000	19	4191	145	886	6551	1366	-2,70	-5,03
		св. 6000	10	10996	271	757	15170	1106	0,81	0,77
	СПК	до 2000	106	813	30	222	890	319	-0,69	-10,56
		2000-4000	44	2752	101	918	3694	1424	-0,46	-1,76
	АО	св. 4000	6	4929	197	2037	9396	3691	4,46	6,25
		до 2500	54	1159	81	315	1959	407	4,32	11,25
	Прочие	2500-5000	20	3582	152	1091	5187	2047	5,72	16,67
св. 5000		4	6263	258	1575	11790	3178	-15,52	-15,56	
Левобережье	ООО	до 2500	13	1004	32	272	1105	334	-0,99	-12,01
		св. 2500	8	3825	202	1124	5923	2362	-2,71	-5,13
		от 1000 до 2000	55	339	13	55	134	81	0,24	9,03
	16		1425	34	265	718	438	-0,28	-4,10	
	5		2369	82	512	2449	1335	-17,75	-32,93	
	СПК	до 1300	57	565	13	59	179	72	-0,09	-3,77
		1300-2600	35	1917	60	481	545	733	0,27	2,38
	АО	св. 2600	9	3188	143	1357	2972	2358	0,72	2,22
		до 2000	12	627	355	203	725	446	43,47	15,86
	Прочие	св. 2000	3	3580	200	1664	3803	2842	-2,55	-6,00
		до 1000	4	312	14	62	80	61	-0,53	-38,18
		св. 1000	4	3085	240	1290	4117	2342	8,70	14,73

В левобережье лучшими организациями по рентабельности производства сельского хозяйства явились: ООО до 1000 га, СПК от 1300 до 2600 га, АО до 2000 га и прочие формы посевной площадью свыше 1000 га.

Исходя из этого, для повышения эффективности сельского хозяйства региона можно рекомендовать увеличение количество организаций данных организационно-правовых форм именно с выявленными размерами посевных площадей. Но если сопоставить такие показатели, как рентабельность производства и объем валового производства молока и зерна на одну организацию, прослеживается, что организации с более высоким уровнем рентабельности производят зерна и молока гораздо меньше, чем организации с меньшим уровнем рентабельности, а это приводит к ухудшению продовольственной безопасности региона, что противоречит Указу президента РФ «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации», подписанному в 2010 г.

Вследствие этого целью поставленной нами задачи явилось определение структуры организационно-правовых форм организаций с учетом размера их посевных площадей, обеспечивающей получение максимальной прибыли от реализации продукции и повышение продовольственной безопасности региона:

$$Z(\max) = \sum_{j \in J} \sum_{k \in K} \sum_{r \in R} (W_{jkr} - C_{jkr})$$

где j – индекс переменной; J – множество, включающее номера переменных по организационно-правовым формам; k – размер организационно-правовой формы; K – множество групп по размерам организационно-правовых форм; r – номер агрозоны; R – множество агрозон; W_{jkr} – выручка от реализации сельскохозяйственной продукции в расчете на j -ю организационно-правовую форму k -го размера r -й агрозоны; C_{jkr} – полная себестоимость реализованной продукции сельского хозяйства в расчете на j -ю организационно-правовую форму k -го размера r -й агрозоны.

При выполнении ограничений

1. По использованию ресурсов (земельных угодий, численности работников занятых в сельском хозяйстве, фонда оплаты труда, основных средств, материально-технической базы, денежно-материальных затрат)

$$\sum_{j \in J} A_{ijkr} X_{jkr} \leq B_{ir}, \quad (i \in M_{1r}, r \in R),$$

где A_{ijkr} – затраты единицы i -го вида ресурса в расчете на j -ю организационно-правовую форму k -го размера r -й агрозоны; X_{jkr} – переменная, обозначающая количество j -х организационно-правовых форм k -го размера r -й агрозоны; B_{ir} – объем ресурса i -го вида в r -й агрозоне; M_{1r} – множество условий по использованию ресурсов в области.

2. По численности сельскохозяйственных животных (крупный рогатый скот, коровы, свиньи, овцы)

$$\sum_{j \in J} P_{ijkr} X_{jkr} \leq B_{ir}, \quad (i \in M_{2r}, r \in R),$$

где P_{ijkr} – поголовье i -го вида сельскохозяйственных животных в j -й организационно правовой форме k -го размера r -й агрозоны; M_{2r} – множество условий по поголовью сельскохозяйственных животных в области.

3. По гарантированному производству и реализации сельскохозяйственной продукции (зерна, картофеля, молока, мяса крупного рогатого скота, мяса свиней и т.д.)

$$\sum_{j \in J} D_{ijkr} X_{jkr} \leq Q_{ir}, \quad (i \in M_{3r}, r \in R),$$

где D_{ijkr} – выход продукции i -го вида на единицу j -й организационно-правовой формы k -го размера r -й агрозоны; Q_{ir} – гарантированный объем производства (реализации) i -го вида сельскохозяйственной продукции r -й агрозоны; M_{3r} – множество условий по производству (реализации) сельскохозяйственной продукции.

4. По суммированию стоимостных показателей (выручка и полная себестоимость реализованной продукции)

$$\sum_{j \in J} V_{ijkr} = \bar{X}_{ir}, \quad (i \in M_{4r}, r \in R),$$

где V_{ijkr} – i -й стоимостной показатель j -й организационно-правовой формы k -го размера r -й агрозоны; $\bar{X}_{ir}$ – общий размер i -го стоимостного показателя r -й агрозоны; M_{4r} – множество условий по подсчету стоимостных показателей.

В процессе анализа двойственных оценок оптимизационной задачи было выявлено, что основными сдерживающими факторами дальнейшего повышения эффективности сельскохозяйственного производства являются: недостаток финансовых средств, отсутствие сельскохозяйственной техники, недостаточное количество поголовья сельскохозяйственных животных и малая численность работников, занятых в сельскохозяйственном производстве. Поэтому в оптимизационную модель были дополнительно заложены параметры реализации Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008-2012 гг.

Результаты оптимизации вскрыли, что для повышения экономической эффективности сельского хозяйства Нижегородской области и повышения продовольственной безопасности необходимы изменения в структуре организационно-правовых форм в сторону увеличения средних по размерам организаций (табл. 2).

Таблица 2

**Результаты оптимизации структуры организационно-правовых форм
сельскохозяйственных организаций по агрозонам в Нижегородской области**

Зона области	Организационно-правовая форма	Группа по площади посева, га	2009 г.		Проект оптимизации	
			шт.	%	шт.	%
Правобережье	ООО	до 3000	203	41,68	160	44,13
		от 3000 до 6000	19	3,90	24	6,65
		св. 6000	10	2,05	10	2,90
	СПК	до 2000	106	21,77	0	0,00
		от 2000 до 4000	44	9,03	49	13,65
		св. 4000	6	1,23	7	1,87
Левобережье	АО	до 2500	54	11,09	55	15,28
		от 2500 до 5000	20	4,11	39	10,91
		св. 5000	4	0,82	0	0,00
	Прочие формы	до 2500	13	2,67	0	0,00
		св. 2500	8	1,64	17	4,60
		Итого	487	100,00	362	100,00
Правобережье	ООО	до 1000	55	27,50	38	36,41
		от 1000 до 2000	16	8,00	24	22,76
		св. 2000	5	2,50	0	0,00
	СПК	до 1300	57	28,50	0	0,00
		от 1300 до 2600	35	17,50	0	0,00
		св. 2600	9	4,50	10	9,55
Левобережье	АО	до 2000	12	6,00	13	12,11
		св. 2000	3	1,50	7	6,50
		св. 2000	4	2,00	0	0,00
	Прочие формы	до 1000	4	2,00	13	12,68
		св. 1000	4	2,00	13	12,68
		Итого	200	100,00	104,97	100,00

В правобережье это ООО от 3000 до 6000 га, СПК от 2000 до 4000 га, АО от 2500 до 5000 га и прочие формы площадью свыше 2500 га; в левобережье – ООО от 1000 до 2000 га, СПК свыше 2500 га, АО свыше 2000 га и прочие свыше 1000 га. Несмотря на проектное сокращение общего числа организации, экономические результаты хозяйствования, наоборот, возрастают как по объемам производства, так и по окупаемости затрат (табл. 3).

Спроектированная модель выявила не только оптимальные размеры землепользований различных организационно-правовых форм, но и отрасли, повышение эффективности которых по агрозонам не может происходить без

их модернизации и реконструкции. В правобережье эта отрасль свиноводства, а в левобережье – зерновая. Именно объем валовой продукции данных отраслей не возрос при оптимизации и явился сдерживающим фактором дальнейшего повышения рентабельности производства сельского хозяйства в целом по агрозонам региона.

Таблица 3

Экономические результаты оптимизации организационно-правовых форм сельскохозяйственных организаций в Нижегородской области

Показатель	2009 г.	Проект оптимизации	Отклонение (+, –)
Правобережье			
Валовой сбор зерна, тыс. т	1142,03	1159,21	17,18
Валовой сбор картофеля, тыс. т	192,73	205,38	12,65
Мясо крупного рогатого скота, тыс. т	18,91	201,48	1,23
Мясо свиней, тыс. т	2,70	2,700	0,00
Валовой надой молока, тыс. т	308,70	625,25	316,55
Полная себестоимость реализованной продукции, млн руб.	10568	10529	-39
Выручка от реализации, млн руб.	10906	11054	148
Прибыль, млн руб.	338	525	187
Рентабельность, %	3,20	4,99	1,79
Левобережье			
Валовой сбор зерна, тыс. т	140,88	140,88	0,00
Валовой сбор картофеля, тыс. т	85,59	106,97	21,38
Мясо крупного рогатого скота, тыс. т	5,98	6,59	0,61
Мясо свиней, тыс. т	21,36	22,26	0,90
Валовой надой молока, тыс. т	92,57	93,45	0,88
Полная себестоимость реализованной продукции, млн руб.	5011	5152	140
Выручка от реализации, млн руб.	5489	5813	324
Прибыль, млн руб.	478	661	183
Рентабельность, %	9,53	12,83	3,29

Исследование еще раз доказало, что оптимальные размеры землепользования должны определяться для каждого конкретного объекта. Даже в условиях одной области, но в разных агрозонах, оптимальные размеры могут быть различными, так как на них оказывают влияние многие факторы – природные, экономические, технические, организационные и другие. Каждый из них действует не разрозненно, а в сочетании друг с другом и нередко в противоположном направлении: одни влияют в направлении укрупнения размеров землепользования, другие, напротив, – в сторону уменьшения этих размеров. Это усложняет иногда определение роли их в нахождении оптимальных размеров.

Литература

1. Стариков Х.Н., Суслов С.А., Вахдаева Н.Г. Повышение экономической эффективности окультуривания и использования почв в Российской Федерации. Княгинино: НГИЭИ, 2008. 176 с.
2. Суслов С.А., Шамин А.Е. Повышение экономической эффективности производства и переработки зерна. Княгинино: НГИЭИ, 2010. 192 с.
3. Фролова О.А., Шоина З.А. Повышение эффективности использования сельскохозяйственных земель в организациях Нижегородской области // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 45(180), дек. С. 42-49.

СУСЛОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и статистики, Нижегородский государственный инженерно-экономический институт, Россия, Княгинино (nccmail4@mail.ru).

SUSLOV SERGEI ALEKSANDROVICH – candidate of economics sciences, associate professor of Economics and Statistics Chair, Nizhny Novgorod State Engineering Economic Institute, Russia, Knyaginino.

УДК 336.144.2

М.Л. ТОЛСТОВА

СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЕ ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ФИНАНСОВОЙ СТРАТЕГИИ

Ключевые слова: финансовая стратегия региона, финансовая гибкость, альтернативность финансовых решений, капитализация регионального финансового развития, финансовый потенциал территории.

Предложена авторская классификация системообразующих принципов формирования и реализации финансовой стратегии региона. Обоснованы факторы внутренней и внешней среды, оказывающие влияния на эффективность реализации территориальных финансовых планов. Выявлены общие параметры реализации региональной финансовой стратегии.

M.L. TOLSTOVA

BACKBONE PRINCIPLES OF FORMATION AND REALIZATION OF REGIONAL FINANCIAL STRATEGY

Key words: financial strategy of region, financial flexibility, alternativeness of financial decisions, capitalization of regional financial development, financial potential of territory.

Author's classification of backbone principles formations and realizations of financial strategy of region is offered. Factors internal and the environment, rendering influences on efficiency realizations territorial financial plans are proved. The general parameters realizations regional financial strategy are revealed.

Современная система управления региональным социально-экономическим развитием представляет собой совокупность факторов, инструментов и ресурсов, обеспечивающих реализацию различных видов стратегий субъектов Российской Федерации в условиях постоянных процессов реформирования законодательства, а также постоянно изменяющейся внутренней и внешней среды. Вместе с тем региональные стратегии развития имеют важнейшее значение для составления перспективных планов развития субъектов РФ, которые, в свою очередь, составляют основу для эффективного планирования всех видов ресурсного обеспечения социально-экономического развития территории. В современных экономических условиях посткризисного развития вопросы стратегического управления территориальным развитием представляются нам особенно актуальными.

Среди множества стратегий регионального развития в качестве одной из системообразующих, на наш взгляд, можно выделить финансовую стратегию субъекта Российской Федерации. Важность мероприятий, связанных с финансовым обеспечением потребностей развития территории особенно актуализируется в условиях экономической нестабильности. В большинстве регионов страны в период с 2002 г. по 2010 г. прошли презентации программ и концепций регионального финансового развития, контроль за исполнением которых возлагался непосредственно на аппарат полномочных представителей президента в федеральных округах и на руководителей субъектов РФ. Однако на практике многие финансовые стратегии регионального развития носят «рамочный», формальный характер, так как не отражают всего комплекса исследуемых проблем и мероприятий, связанных с повышением эффективности функционирования региональной финансовой системы на перспективу.

Процесс разработки региональной финансовой стратегии, на наш взгляд, можно представить как формирование комплекса стратегических управленческих решений финансового характера, способствующих подготовке, анализу и реализации мероприятий перспективного финансового планирования территории.

Определение общих параметров региональной финансовой стратегии предусматривает формирование двух направлений типологической характеристики перспективного финансового планирования. В рамках первого на-

правления определяются хронологические интервалы стратегического планирования; область применения; наличие или отсутствие экспериментальных региональных площадок для реализации стратегии. Вышеуказанные параметры, на наш взгляд, важны для определения необходимости формирования перспективных финансовых планов в первом приближении. Второе направление имеет своей целью определение разработчиков и исполнителей финансовых стратегий; уровня взаимодействия региональных и федеральных структур в этом процессе. Реализация данного направления обусловлена необходимостью высокой степени координации усилий участников процесса перспективного финансового планирования на всех стадиях.

Второй этап процесса формирования региональной финансовой стратегии направлен на оценку внутренней и внешней финансовой среды. Актуальность данной процедуры обусловлена практикой разработки финансовых планов в регионах РФ в 2006-2008 гг., когда кризисные явления вынудили разработчиков планов территориального развития приостановить работу по данному направлению либо коренным образом изменить стратегические цели или переформулировать систему ключевых прогнозных показателей. К факторам внешней среды могут быть отнесены следующие: уровень финансовой устойчивости федерального бюджета; динамика его налоговых и неналоговых доходов; особенности реализации долговой политики в стране; уровень развития финансовой системы государства; инвестиционный климат и др. Особенностью формирования финансовой стратегии, на наш взгляд, является более сильное воздействие на ее эффективность внешних факторов, нежели внутренних. В условиях роста уровня дифференциации региональных финансовых систем и увеличения диспропорций их развития предоставление финансовых ресурсов из федерального бюджета региональному бюджету видится нам одним из важнейших факторов, определяющих эффективность финансовой стратегии.

К факторам внутренней среды можно отнести уровень регионального финансового потенциала, так как именно его финансовое состояние отражает степень устойчивости финансовой системы страны.

Оценку финансового потенциала, по нашему мнению, следует проводить в различных направлениях исходя из целевой направленности планируемых управленческих решений.

Определение комплексных стратегических целей регионального финансового развития является завершающим этапом формирования системы перспективного финансового планирования. Общий характер целей обусловлен необходимостью их дальнейшей детализации по элементам финансового потенциала и направлениям территориального планирования.

Одним из важнейших критериев эффективности региональной финансовой стратегии является ее рационалистичность. Рациональный план финансового развития территории характеризуется, прежде всего, реалистичностью реализации мероприятий и актуальностью решаемых проблем. Без соответствия этим условиям стратегия является невозможной в практической реализации. И если процесс диагностики и экспертизы проблем регионального финансового развития можно отнести к условно решаемым задачам органов региональной власти, то обоснование рационалистичности стратегии – является достаточно сложной задачей, так как требует применения инструментов прогнозирования и моделирования процессов регионального финансового развития.

Научная проблематика в области формирования и реализации финансовой стратегии на региональном уровне, на наш взгляд, является недостаточно разработанной, при том, что вопросы перспективного налогового планирования развития региональной экономической системы являются особенно актуальными в посткризисных финансово-экономических условиях.

В основе разработки финансовой стратегии региона лежат принципы стратегического финансового планирования, которые, на наш взгляд, обеспечивают целостность и комплексный характер среднесрочного и долгосрочного финансового планирования развития территории.

Принцип обеспечения финансовой гибкости. Развитие региональной финансовой системы сопряжено с высоким уровнем неопределенности, который обусловлен возможными изменениями внутри страны и за ее пределами. Вместе с тем нестабильность в финансовой сфере можно рассматривать лишь как детализированный фактор, так как комплексное воздействие в данном случае свойственно социально-экономическим изменениям. В связи с этим очевидна невозможность сохранения разработанной финансовой стратегии в первоначальном виде на всех стадиях ее реализации. Таким образом, гибкость финансового планирования территории видится как объективный принцип формирования системы стратегического финансового планирования субъектов РФ.

Под стратегической гибкостью, на наш взгляд, следует понимать потенциальную возможность корректировать или формулировать новые управленческие решения финансового характера в рамках реализуемой стратегии. Корректировка основных целей стратегических финансовых планов нецелесообразно, лишь в исключительных случаях может допускаться расширение перечня целевых ориентиров. Трансформация подцелей является одним из вариантов «либеральной» корректировки, но это представляется возможным лишь при высокой степени детализации приоритетных целей.

Принцип альтернативности стратегических финансовых решений. Обязательными условиями результативности финансовой стратегии региона являются осуществление процессов динамичного и постоянного исследования альтернативных вариантов, инструментов реализации региональной финансовой политики, идентификация наиболее приоритетных и актуальных из них, адаптация их к общим стратегическим целям.

Альтернативность стратегического финансового управления территориальным развитием является методом противодействия различного рода рискам неэффективности и нерезультативности мероприятий перспективного финансового планирования. Стандартная схема трехвариантного планирования финансового развития региона, включающая в себя оптимистичный, пессимистичный и условно-нейтральный варианты, на наш взгляд, является неполной. Альтернативному стратегическому учету должны подлежать все основные элементы финансовой стратегии региона.

По нашему мнению, можно выделить три основные доминанты регионального перспективного финансового планирования:

- стратегия капитализации регионального финансового развития;
- стратегия обеспечения финансовой безопасности региона;
- стратегия повышения качества управления финансовым развитием территории.

Стратегия капитализации регионального финансового развития связана, прежде всего, с повышением эффективности использования совокупного финансового потенциала региона, выявлением резервов его роста и факторов стимулирования его совершенствования.

Стратегия обеспечения финансовой безопасности региона предполагает формирование системы профилактики и противодействия рискам негативного воздействия внутренней и внешней среды. Отличительной особенностью системы является двойственная природа ее функционирования. На этапе идентификации характера влияния каких-либо изменений на состояние регионального финансового развития возможны два варианта реагирования системы безопасности: во-первых, при влиянии положительных изменений – целью яв-

ляется максимизация позитивных тенденций, во-вторых, при влиянии отрицательных изменений – полное использование внутренних резервов противодействия негативным тенденциям. Кроме того, важнейшим фактором, влияющим на состояние финансовой безопасности регионального стратегического планирования, является уровень нормативно-правового обеспечения территориального развития как на текущий момент, так и на среднесрочную перспективу.

Стратегия повышения качества управления финансовым развитием предусматривает реализацию следующих двух направлений:

- разработка и использование методологического инструментария оценки эффективности регионального стратегического финансового планирования;
- рациональное использование организационных ресурсов региональной экономической системы с целью оптимизации принимаемых управленческих решений финансового характера.

Таким образом, по нашему мнению, финансовая стратегия развития региональной экономической системы должна быть основана на рассмотренных выше принципах, которые позволяют обеспечить ее рационалистичность и эффективность.

ТОЛСТОВА МАРИЯ ЛЕОНИДОВНА – кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов, кредита и статистики, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (maryaleon@yandex.ru).

TOLSTOVA MARIYA LEONIDOVNA – candidate of economics sciences, associate professor of Finance, Credit and Statistics Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 339.187.62

Е.М. ТРИФОНОВА

ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНЦЕНТРАЦИИ НА РЫНКЕ ЛИЗИНГОВЫХ УСЛУГ

Ключевые слова: экономический лизинг, концентрация.

Проведен анализ концентрации на рынке лизинга с помощью традиционных для характеристики структуры рынка показателей концентрации, полученные результаты подтвердили существование взаимосвязи между рассмотренными показателями.

E.M. TRIFONOVA

ESTIMATION OF ECONOMIC CONCENTRATION IN THE MARKET OF LEASING SERVICES

Key words: economic leasing, concentration.

The concentration analysis in the market of leasing by means of traditional for the characteristic of structure of the market of indicators of the concentration is carried out, the received results have confirmed interrelation existence between the considered indicators.

Оценка состояния конкурентной среды позволяет выявить крупнейшие рыночно-ориентированные лизинговые компании, наиболее устойчивые и привлекательные для потенциального лизингополучателя, основные проблемы и направление развития рынка. Постановка различных целей предполагает использование разных показателей концентрации. Концентрация как экономическая категория характеризует процесс сосредоточения денежных доходов [3. С. 226].

Для анализа сложившихся тенденций и определения направлений развития рынка лизинговых услуг воспользуемся данными рейтингового агентства «Эксперт РА» за период 2006-2008 гг. В ходе анализа не рассматривались потенциальные конкуренты лизинговых компаний: банки, предоставляющие кредиты на покупку машин и оборудования, а также предприятия и организации, осуществляющие продажу машин и оборудования в кредит.

Изучение процесса концентрации доходов по группам лизинговых компаний позволяет выявить тенденции развития рынка лизинговых услуг. Основным приемом исследования является группировка доходов, основным показателем – доля доходов конкретной группы в общем объеме доходов лизинговых компаний.

На долю 10% лизинговых компаний, получивших наибольший доход в форме лизинговых платежей, в 2007 г. приходилось 53,02% от общего объема доходов лизинговых компаний, участвовавших в ранкинге рейтингового агентства Эксперт РА, что на 15,12% выше уровня 2006 г. В 2008 г. этот показатель остался практически на уровне 2007 г. На долю 10% лизинговых компаний, имеющих наименьший размер поступлений лизинговых платежей, в 2007 г. приходилось 0,44% общего объема доходов лизинговых компаний, что на 0,23% ниже уровня 2006 г. В 2008 г. наблюдается незначительный прирост в данной группе доходов. Структура распределения общего объема доходов лизинговых компаний, полученных в форме лизинговых платежей по децильным группам, приведена в следующей табл. 1.

Таблица 1

Структура доходов лизинговых компаний

Всего	Объем полученных лизинговых платежей, млн руб.			% к итогу			Прирост, %	
	2006	2007	2008	2006	2007	2008	2007/2006	2008/2007
	117 978,60	234 982,90	321 720,8	100	100	100		
Первая (наименьшие доходы)	790,80	1032,70	1952,1	0,67	0,44	0,61	–0,23	0,17
Вторая	1844,30	2369,90	3534	1,56	1,01	1,10	–0,55	0,09
Третья	2574,70	3595,70	5149,4	2,18	1,53	1,60	–0,65	0,07
Четвертая	3898,20	5566,10	7427,2	3,30	2,37	2,31	–0,94	–0,06
Пятая	5104,50	7378,80	10183,6	4,33	3,14	3,17	–1,19	0,03
Шестая	7050,60	10363,20	14764,4	5,98	4,41	4,59	–1,57	0,18
Седьмая	9217,90	15336,20	21796	7,81	6,53	6,77	–1,29	0,25
Восьмая	13531,20	22485,50	31758,9	11,47	9,57	9,87	–1,90	0,30
Девятая	29259,30	42272,20	60710,4	24,80	17,99	18,87	–6,81	0,88
Десятая (наибольшая)	44707,10	124582,60	164444,8	37,89	53,02	51,11	15,12	–1,90

Таблица 2

Средний доход по 10%-ным группам лизинговых компаний

По 10%-ным группам лизинговых компаний	Объем полученных лизинговых платежей, млн руб.			Темп роста, %	
	2006	2007	2008	2007/2006	2008/2007
Всего	117 978,60	234 982,90	321 720,8	199,17	136,91
Первая (наименьшие доходы)	790,80	1032,70	1952,1	130,59	189,03
Вторая	1844,30	2369,90	3534	128,50	149,12
Третья	2574,70	3595,70	5149,4	139,66	143,21
Четвертая	3898,20	5566,10	7427,2	142,79	133,44
Пятая	5104,50	7378,80	10 183,6	144,55	138,01
Шестая	7050,60	10 363,20	14 764,4	146,98	142,47
Седьмая	9217,90	15 336,20	21796	166,37	142,12
Восьмая	13531,20	22 485,50	31 758,9	166,18	141,24
Девятая	29 259,30	42 272,20	60 710,4	144,47	143,62
Десятая (наибольшая)	44 707,10	124 582,60	164 444,8	278,66	132,00

Таким образом, все группы имели абсолютный прирост доходов, но в структурном плане доходы десятой децильной группы в 2007 г. значительно превышали доходы в остальных группах. Говорить о снижении дифференциации доходов по группам лизинговых компаний в 2008 г. пока рано.

Полученные данные свидетельствуют о том, что в 2007 г. при общем росте средних доходов лизингодателей в доходах по децильным группам также можно отметить увеличение темпа роста, которое особенно существенно в десятой группе – компаний с наибольшим доходом. При сохранении общей тенденции роста доходов в 2008 г. наблюдается существенное сокращение доходов лизинговых компаний, входящих в десятую децильную группу. Таким образом, не удастся устойчиво проследить линейную зависимость между темпом роста средних доходов лизингодателей и группой доходности лизинговых компаний.

Сопоставим суммарные значения доходов в десятой децильной группе (наибольшие доходы) и первой децильной группе (наименьшие доходы) и определим величину дифференциации доходов, так называемый коэффициент фондов.

Таблица 3

Дифференциация доходов лизинговых компаний

	Год		
	2006	2007	2008
Коэффициент дифференциации 10/10	56,53	120,64	84,24

Превышение десятого дециля над первым, хотя и сократилось в 2008 г. по сравнению с аналогичным показателем за 2007 г., но все же остается значительным, величина дифференциации получаемых доходов существенна: доход лизинговых компаний десятой группы (с наибольшими доходами) в 84 раза превышает доход лизинговых компаний первой группы (с наименьшими доходами).

Наряду с показателем «Доля децильной группы в общем объеме доходов лизинговых компаний» целесообразно использовать специальные коэффициенты, направленные на комплексное рассмотрение концентрации: коэффициент концентрации (индекс Джини) и индекс Херфиндаля–Хиршмана.

Индекс Джини характеризует степень неравномерности распределения доходов по десяти процентным группам лизинговых компаний. Чем выше индекс Джини, тем выше неравномерность распределения рыночных долей между участниками.

Таблица 4

Коэффициент Джини

	Год		
	2006	2007	2008
Коэффициент Джини	0,7758	0,8060	0,8022

Проверим, насколько однородным является распределение применяемого признака [2. С. 620].

Таблица 5

Степень концентрации доходов среди лизинговых компаний

Показатель	Год		
	2006	2007	2008
Количество лизинговых компаний, n	98	170	140
Накопленная (кумулятивная) доля, d_{xi}^n	1,9265	1,9522	1,928654
Степень концентрации, K	0,9713	0,9830	0,9798

Показатель степени концентрации доходов лизинговых компаний составил более 90%, возможно наличие монополии на рынке лизинговых услуг.

Проведем проверку нулевой гипотезы: концентрация доходов на рынке лизинга не случайна. Проверку сделаем по формуле ошибки:

$$m_p = \frac{\sqrt{k(1-k)}}{\sqrt{n}}$$

Таблица 6

Проверка нулевой гипотезы

	Год		
	2006	2007	2008
m_p	0,01687	0,0099	0,011894
Критерий Стьюдента для нулевой гипотезы, K/m_p	57,57	99,30	82,38
t табл. (беск., 0,05)	1,96		

Таким образом, нулевая гипотеза отклоняется. Концентрацию доходов лизинговых компаний нельзя признать случайной.

В ходе анализа конкурентной среды расчет коэффициентов концентрации CR и Херфиндаля–Хиршмана (HHI) проводился по трем показателям: объем нового бизнеса, текущий портфель, объем полученных лизинговых платежей.

Таблица 7

Показатели концентрации лизингодателей

Показатель	Объем нового бизнеса			Текущий портфель			Объем полученных лизинговых платежей		
	2006	2007	2008	2006	2007	2008	2006	2007	2008
CR3	17,31	28,86	21,74	10,33	29,06	28,04	8,63	13,75	16,79
CR4	20,16	32,99	26,08	17,44	33,58	32,34	8,79	17,62	21,22
CR6	32,70	40,24	32,98	26,98	45,82	38,84	15,63	24,90	29,76
CR8	37,52	46,27	38,06	36,05	52,70	44,46	20,34	31,30	37,11
HHI	304,34	482,26	282,20	307,62	458,70	479,48	267,25	210,64	255

Динамика стандартных коэффициентов концентрации приведена на рис. 1-3.

Представленные показатели показывают, что в 2008 г. произошло снижение концентрации по объему нового бизнеса и объему текущего портфеля, причем значение CR6 и CR8 по объему текущего портфеля практически достигло уровня 2006 г. При этом значение данного коэффициента остается на достаточно низком уровне, что позволяет отнести рынок лизинга по объему нового бизнеса к разряду умеренноконцентрированных.

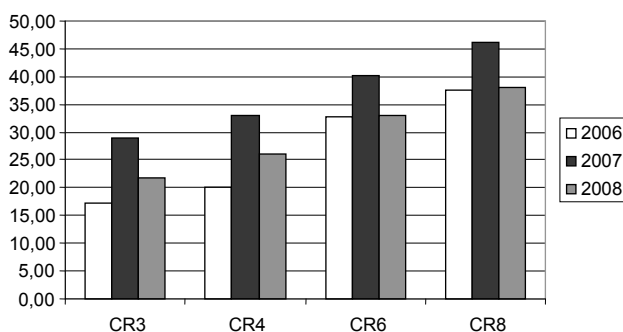

Рис. 1. Коэффициенты концентрации по объему нового бизнеса

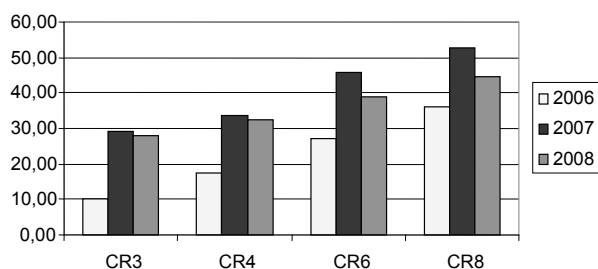

Рис. 2. Коэффициенты концентрации по объему текущего портфеля

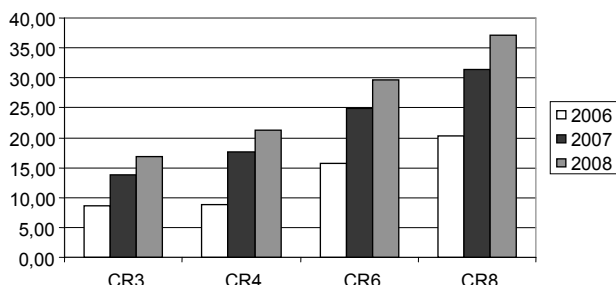

Рис. 3. Коэффициенты концентрации по объему полученных лизинговых платежей

В отличие от коэффициентов концентрации по объему нового бизнеса и по объему текущего портфеля значение коэффициента концентрации по объему полученных лизинговых платежей в анализируемом периоде растет, но при этом степень концентрации по этому показателю также остается слабой.

Таким образом, рынок лизинга можно отнести к низкоконцентрированному по показателям объема нового бизнеса и объема полученных лизинговых платежей. По текущему портфелю показатели концентрации несколько выше, но все же рынок остается умеренноконцентрированным.

Коэффициент энтропии измеряет степень экономической неопределенности на рынке, характеризуя степень деконцентрации рынка и позволяя более глубоко исследовать уровень и динамику концентрации: чем больше E , тем больше экономическая неопределенность, тем ниже уровень концентрации продавцов на рынке.

Таблица 8

Коэффициент энтропии, E (абсолютный)

Показатель	Год		
	2006	2007	2008
Коэффициент энтропии по полученным лизинговым платежам	0,62	0,17	0,33
Коэффициент энтропии по текущему портфелю	0,73	0,39	0,53
Коэффициент энтропии по объему нового бизнеса	0,69	0,42	0,35

Из приведенных выше данных видно, что в 2008 г., по сравнению с 2007 г., понижается степень экономической неопределенности по показателю «Объем нового бизнеса», следовательно, уровень концентрации лизингодателей на рынке несколько повышается. По показателям объема текущего портфеля и полученных лизинговых платежей степень экономической неопределенности в 2008 г., по сравнению с 2007 г., повышается – уровень концентрации сокращается.

Дисперсия логарифмов рыночных долей отражает распределение объемов продаж между предприятиями. Показатель дисперсии характеризует возможную рыночную власть хозяйствующих субъектов через неравенство их размеров. Чем больше дисперсия, тем более неравномерен и более концентрирован рынок, тем слабее конкуренция и сильнее рыночная власть крупных предприятий на рынке.

Однако дисперсия не отражает средних размеров предприятий. Поэтому ее применяют в качестве вспомогательного средства для оценки неравенства в размерах фирм, а не уровня концентрации.

Таблица 9

Дисперсия логарифмов рыночных долей, V

Показатель	Год		
	2006	2007	2008
Дисперсия логарифмов долей по полученным лизинговым платежам	-0,6746	-0,9227	-0,8712
Дисперсия логарифмов долей по текущему портфелю	-0,8308	-1,2026	-1,1290
Дисперсия логарифмов долей по объему нового бизнеса	-0,7520	-1,2297	-0,9103

Приведенный показатель свидетельствует, что на рынке лизинговых услуг в 2008 г., по сравнению с 2007, снизилось неравенство в размерах лизинговых компаний, рынок стал менее концентрированным, снижается власть крупных лизинговых компаний.

Полученные нами результаты, характеризующие в динамике состояние уровня концентрации на рынке лизинговых услуг, приведены ниже.

Таблица 10

Обобщающие показатели концентрации на рынке лизинговых услуг

Год	Показатель	2006	2007	2008
Число предприятий		98	170	140
CR3	Объем нового бизнеса	17,31	28,86	21,74
	Текущий портфель	10,33	29,06	28,04
	Объем полученных платежей	8,63	13,75	16,79
CR4	Объем нового бизнеса	20,16	32,99	26,08
	Текущий портфель	17,44	33,58	32,34
	Объем полученных платежей	8,79	17,62	21,22
CR6	Объем нового бизнеса	32,70	40,24	32,98
	Текущий портфель	26,98	45,82	38,84
	Объем полученных платежей	15,63	24,90	29,76
CR8	Объем нового бизнеса	37,52	46,27	38,06
	Текущий портфель	36,05	52,70	44,46
	Объем полученных платежей	20,34	31,30	37,11
HHI	Объем нового бизнеса	304,34	482,26	282,20
	Текущий портфель	307,62	458,70	479,48
	Объем полученных платежей	267,25	210,64	255
Коэффициент энтропии, E	Объем нового бизнеса	-0,69	-0,42	-0,35
	Текущий портфель	-0,73	-0,39	-0,53
	Объем полученных платежей	-0,62	-0,17	-0,33
Дисперсия логарифмов рыночных долей, V	Объем нового бизнеса	-0,7520	-1,2297	-0,9103
	Текущий портфель	-0,8308	-1,2026	-1,1290
	Объем полученных платежей	-0,6746	-0,9227	-0,8712
Коэффициент Джини, G		77,58	80,60	80,22

Таблица 11

Интерпретация полученных показателей концентрации

Параметры	Характеристика показателя
CR3 CR4 CR6 CR8	Наблюдается снижение концентрации, рынок лизинга можно отнести по объему нового бизнеса и по текущему портфелю к низкоконцентрированному. Увеличилась доля концентрации шести и восьми крупнейших компаний по объему полученных лизинговых платежей.

Окончание табл. 11

Параметры	Характеристика показателя
ННІ	Рынок низкой концентрации. Наблюдается небольшое повышение по текущему портфелю и объему полученных платежей.
Коэффициент энтропии	В 2008 г., по сравнению с 2007 г., понижается степень экономической неопределенности по показателю «Объем нового бизнеса», следовательно, уровень концентрации лизингодателей по этому показателю на рынке несколько снижается. По показателям текущего портфеля и полученных лизинговых платежей степень экономической неопределенности в 2008 г., по сравнению с 2007 г., повышается – уровень концентрации сокращается.
Дисперсия логарифмов рыночных долей	В 2008 г., по сравнению с 2007 г., снизилось неравенство в размерах лизинговых компаний, рынок стал менее концентрированным, снижается власть крупных лизинговых компаний.
Коэффициент Джини	Неравномерность распределения рыночных долей между участниками рынка остается на высоком уровне, причем концентрацию доходов лизинговых компаний нельзя признать случайной.

Исследование рынка лизинговых услуг позволило исследовать уровень и динамику концентрации. Приведенные данные свидетельствуют, что при всех различиях в расчетах и в абсолютных значениях между рассмотренными показателями существует определенная взаимосвязь в отражении уровня и динамики концентрации.

Литература

1. 50 Лекций по микроэкономике: в 2 т. / под. ред. В.М. Гальперина. СПб.: Экономическая школа, 2004. 770 с.
2. Елисеева И.И., Юзбашев М.М. Общая теория статистики. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Финансы и статистика, 2004. 656 с.
3. Литвинов В.А. Концентрация и дифференциация денежных доходов по группам населения Российской Федерации // Экономический журнал ВШЭ. 1999. № 2. С. 226-237.
4. Сигел Э. Практическая бизнес-статистика: пер. с англ. М.: Вильямс, 2008. 1056 с.

ТРИФОНОВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА – старший преподаватель кафедры экономики, Филиал Казанского государственного университета в г. Набережные Челны, Россия, Набережные Челны (telmil@mail.ru).

TRIFONOVA ELENA MIKHAYLOVNA – senior teacher of Economics Chair, Branch Kazan State University of Naberezhnye Chelny, Russia, Naberezhnye Chelny.

УДК 338

Н.В. ТУМАЛАНОВ

ВОЗДЕЙСТВИЕ ОТРАСЛЕВЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ РЫНКОВ ИННОВАЦИОННЫХ ТОВАРОВ НА КОНКУРЕНТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ*

Ключевые слова: конкурентное преимущество, инновационный товар, высокотехнологичные отрасли, жизнеобеспечивающие отрасли, межотраслевые отношения.

Рассмотрена проблема создания конкурентного преимущества в процессе внедрения и коммерциализации инновационного товара в отраслях. Охарактеризована сущность тех изменений, которые они вносят в конкурентные условия различных отраслей и отношения обмена между ними.

N.V. TUMALANOV INFLUENCE OF BRANCH FEATURES OF THE MARKETS OF THE INNOVATIVE GOODS ON COMPETITIVE RELATIONS

Key words: competitive advantage, the innovative goods, hi-tech branches, vital branches, interbranch relations, competitive relations.

The problem of creation of competitive advantage in the course of introduction and commerce of the innovative goods in branches is considered. The essence of those changes which they bring in various branches and relations between them is characterized.

Необходимость создания конкурентного преимущества на рынках инновационных товаров может вызвать недоумение. Ведь в процессе инновационной дея-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проекты 11-02-00569а; 11-12-21011а/в).

тельности создается новый товар или прежний товар с новыми качествами, или новый материал, или новый способ производства, или новая организация [9. С. 159]. И конкурентное преимущество фирмы-новатора, казалось бы, само собой подразумевается. Однако по отраслям – инновация инновации рознь. Одни отрасли легко интегрируются в инновационный процесс. Другим это удается с большим трудом или вовсе не удается. И это вносит коррективы в межотраслевые отношения обмена.

Первая причина такого положения – тип продукта, характер его производства и особенности его оценки потребителем. Очевидно, что внедрение инновации в вышеупомянутом ее понимании намного результативнее, к примеру, в производстве продукции электроники или автомобилестроения, чем в производстве зерна или картофеля.

Вторая причина – неустойчивость конкурентного преимущества, создавшегося в процессе коммерциализации инновационного продукта. Практика инновационной деятельности свидетельствует о том, что мало создать инновационный товар, недостаточно даже и его успешная коммерциализация. Надо создать устойчивое преимущество перед конкурентами-последователями.

В современных условиях, когда секрет нового способа производства, нового товара быстро становится достоянием других, чтобы удержать лидерство на рынке, необходимо создать или преимущество по низким издержкам, или в дифференциации продукта, что отражается в оценке потребителя посредством индикатора «цена – качество».

Есть и другой, самый мощный и надежный способ достижения конкурентного преимущества: стать «хозяином стандарта», взять долговременный и непреходящий контроль над стандартом. Это, однако, – удел избранных компаний, результат долговременного лидерства в отрасли, таких, например, как Microsoft со своей программой Windows.

Исследование результатов инноваций полностью подтверждает наличие этого звена, которое или позволяет новатору прочно стать лидером отрасли на многие годы, или заставляет на рынке отрасли отойти на второй план, уступив лидерство другим (таблица). И это звено в разных отраслях работает по-разному.

**Результаты конкурентной борьбы
на рынках некоторых инновационных товаров**

№ п/п	Товар	Новатор	Последователь	Лидерство на рынке товара
1	Видеомагнитофон	Ampex/Sony	Matsushita	Последователь
2	Игровая приставка	Atari	Nintendo/Sega	Последователи
3	Карманный калькулятор	Bowmar	Texas Instruments	Последователь
4	Копировальный аппарат для обычных листов бумаги	Xerox	Canon	Новатор и последователь
5	Микроволновая печь	Raytheon	Samsung	Последователь
6	Музыкальный проигрыватель MP3	Diamond Multimedia	Apple (iPod)	Последователь
7	Оптоволоконный кабель	Corning	Многие компании	Новатор
8	Офисный ПК	Xerox	IBM	Последователь
9	Плавленное стекло	Pilkington	Corning	Новатор
10	Реактивный авиалайнер	De Havilland (Comet)	Boeing 707	Последователь
11	Рентгеновский сканер	EMI	General Electric	Последователь
12	Сетевой браузер	Netscape	Microsoft	Последователь
13	Струйный принтер	IBM и Siemens	Hewlett-Packard	Последователь
14	Фотоаппарат для моментальной съемки	Polaroid	Kodak	Новатор
15	Цифровой плеер	Apple	Apple	Новатор

Из 15 видов инновационных товаров лидерами рынка лишь в пяти случаях стали новаторы, в остальных же ими стали последователи.

Чем же создаются те преимущества, которые обеспечивают лидерство в отрасли инновационного товара независимо от того, будь то лидерство новатора или лидерство имитатора? Благодаря чему достигается преимущество по издержкам, в дифференциации товара, контроль над стандартом?

Во внутренней среде – это суть ресурсы и способности фирмы: материальные, нематериальные, человеческие ресурсы и те способности, которые основаны на ключевых компетенциях фирмы. Toyota, ориентируясь на принцип «быстро и вовремя», быстрее всех разрабатывает и коммерциализирует новые модели, Kia motors пытается создать преимущество за счет дизайна, Volkswagen – посредством инжиниринга. Компания Canon успешно использует свою способность синтезировать в технологии микроэлектронику, точную оптику и точное машиностроение.

Однако даже самых мощных факторов внутренней среды не всегда бывает достаточно для сохранения конкурентного преимущества. Фирмы активно ищут возможности создания преимущества за счет факторов внешней среды.

Теория Хекшера–Олина констатирует роль ключевого фактора производства в территориальной специализации. Это положение может объяснить ситуацию с созданием конкурентного преимущества в инновационных отраслях. Исходя из этой концепции можно полагать, что каждая страна (регион) имеет ключевой для нее фактор производства из группы «труд» или «земля», или «капитал». Поскольку этот фактор изобилует в стране, то он относительно дешев. И этот ресурс предопределяет специализацию страны.

Практика подтверждает справедливость этого положения. Страны специализируются в соответствии с ней. Япония специализируется на капиталоемкой продукции, Австралия – на землеемкой, страны ЮВА – на трудоемкой. И вполне закономерно, что в условиях глобализации многие ТНК с инновационными продуктами, ориентируясь на те же тенденции, выявленные факторной теорией, при прочих относительно равных условиях создание конкурентного преимущества перенесли на плоскость входных издержек. Наибольшие результаты дает ориентация на относительно дешевый труд, потому наблюдается повальное перенесение трудоемких процессов в страны с относительно дешевой рабочей силой.

Когда вчерашние сугубо инновационные товары, производство которых освоили имитаторы, начинают производиться в странах с дешевой рабочей силой, то получают конкурентное преимущество не только ТНК чуждого для этих стран происхождения, но и местные фирмы, освоившие технологии производства инновационного товара. Этим объясняется, что производством вчерашних инновационных фармацевтических препаратов занимаются фирмы ряда стран от Словении до Индии, сборкой продукции машиностроения заняты предприятия от Ирландии до стран ЮВА и другие.

Это означает, что наступила вторая волна коммерциализации инновационного товара, плодами которой пользуются фирмы стран с дешевой рабочей силой.

На этой стадии со всей очевидностью выявляется, что для того, чтобы использовать выгоды нового рынка инновационного товара, в ряде отраслей необязательно самой фирме пройти высокзатратный путь от изобретения до коммерциализации. Можно использовать уже состоявшуюся инновацию, доступ к которой получен легальным (а нередко – и нелегальным) путем.

С другой стороны, выявляется, что общее продвижение на инновационном рынке недостаточно. Чаще всего процесс инновационного продвижения приводит к созданию конкурентного преимущества или за счет внутренних возможностей фирмы, или за счет низких входных издержек.

Чтобы сократить долгий высокозатратный процесс изобретения нового изделия, создания из него инновационного товара, многие фирмы предпочитают приобретать лицензии и входить в рынок инновационного товара. При этом неизменными условиями успеха являются, как правило, обладание ключевым ресурсом и его развитие (внутренний резерв). Таким же условием является использование относительно дешевого фактора производства (внешнее условие, позволяющее снижать входные издержки).

Фирма осваивает и внедряет инновацию в свою коммерческую деятельность ради собственного выживания в отрасли в условиях острой конкуренции. Поэтому наиболее объективная картина проявляется при рассмотрении инновационного процесса через призму деятельности фирм в отрасли.

В высокотехнологичных отраслях наиболее характерны инновационные процессы в электронике, информатике, в сфере телекоммуникаций, фарма-индустрии¹. В этих отраслях фирмы, успешно прошедшие процесс коммерциализации и закрепившиеся в отрасли, получают наибольшую долю стоимости, созданной инновацией.

Вместе с тем появляется возможность войти в рынки комплементарных товаров, которые создают инновационный продукт. Соответственно происходит перераспределение стоимости. Коммерциализация персонального компьютера и распределение его рынка между новаторами и имитаторами (Apple, MITS, Tandy, Xerox, IBM, Compaq, Toshiba) не исчерпали возможности нового рынка. Огромные по масштабу и прибыльнейшие рынки комплементарных товаров получили Microsoft – операционного программного обеспечения, Sharp – жидкокристаллических мониторов, Intel – микропроцессоров, Seagate Technology и Quantum Corp. – дисководов.

Получилось так, что рынок персональных компьютеров дал основную массу новой стоимости не производителям собственно компьютеров, включая инноваторов и имитаторов, а производителям комплементарных товаров этой отрасли. Эта особенность рынка инновационного товара позволяет занять новой отрасли огромное пространство национального рынка, а затем и рынков других стран, куда распространяется новый товар.

На межотраслевые отношения обмена экспансия инновационной отрасли и её рынка оказывает двоякое воздействие. Появление и развитие высокотехнологичного инновационного рынка неминуемо производят значительные сдвиги в межотраслевом обмене, поскольку новый товар охватывает изрядную долю совокупного спроса. Традиционные жизнеобеспечивающие и базовые отрасли сокращают свою долю в совокупном спросе, а также относительную долю стоимости в национальном продукте. В то же время происходит перелив наиболее ценных ресурсов в инновационные отрасли за счет сокращения их в отраслях жизнеобеспечивающих. Исторически так случалось много раз, начиная с промышленной революции конца XVIII – начала XIX вв. вплоть до наших дней.

Безусловно, жизнеобеспечивающие и базовые отрасли благодаря поставкам новых средств производства от инновационных отраслей, качественно лучших, чем прежние средства производства, получают возможность повышать производительность труда. Это происходило в экономической эволюции также множество раз. Самый значительный из них можно считать переход сельского хозяйства на механическую тягловую силу в первые десятилетия XX в. и современный сдвиг в аграрном производстве, связанный с биотехнологиями.

¹ Динамично протекает инновационный процесс в автомобилестроении, производстве промышленной техники и оборудования, производстве космической техники, авиастроении, судостроении и ряде других высокотехнологичных отраслей.

Инновационные товары и технологии, на первый взгляд, стабилизируют положение сельскохозяйственных производителей в межотраслевых отношениях. Однако эта стабильность – временная. Она нарушается по нескольким причинам.

Первая из них – процесс повышения общего уровня цен, который с неизбежностью продолжается в современных экономических системах теми или иными темпами. Аграрный производитель не может повышать цены, ориентируясь на конъюнктуру, как в большинстве промышленных отраслей. Спрос на товары отрасли – неэластичный, а структура рынка – близка к совершенной конкуренции. Попытка аграрной отрасли в целом увеличить объем производства и предложения обычно приводит к повальному снижению закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию.

Вторая причина – сокращение доли аграрной продукции в совокупном спросе и валовом объеме реализации. Это происходит потому, что появляются все новые и новые инновационные отрасли. Этот процесс основан на привлекательности инновационных товаров и их рынков, улучшающих, как правило, качество жизни потребителей. Но продовольствие – товар рутинный и подвинуть потребителей больше его приобретать и потреблять – невозможно.

Третья причина – биологическая сущность агропродовольствия, модернизировать которую с целью снижения издержек производства невозможно без резкого ухудшения качества. В итоге, как выразился Г. Форд, сельское хозяйство превратилось в «...небольшое дело среди других больших дел» [8. С. 395].

Очевидно, что доля сельскохозяйственной продукции в валовом выпуске национальной экономики и в дальнейшем будет сокращаться. Положение производителя на рынке среди производителей других отраслей также будет ухудшаться, в том числе и в отношениях обмена.

Наметились и компании-лидеры в каждом из названных направлений. В биотехнологиях это – Monsanto, DuPont /Pioneer, Syngenta; на рынке семян – они же и Limagrain; на рынке продукции агрохимии – Syngenta, Bayer Crop Sciences, BASF, Dow Agrosciences. Характерно, что каждая из этих групп по показателю рыночной концентрации CR-4 владеет половиной и более долей названных рынков. Последнее обстоятельство свидетельствует о том, что решение проблемы упадка аграрной отрасли и её места в отношениях обмена будет происходить, скорее всего, укрупнением структуры рынка, с одной стороны, и ухудшением качества продукции для подавляющего большинства потребителей – с другой.

Таким образом, воздействие инноваций и рынков инновационных товаров на конкурентные отношения в отраслях и между отраслями нельзя оценивать однозначно. Идет конкурентная борьба доминирующих фирм внутри инновационных отраслей. Нередко происходит смена лидеров: имитаторы вытесняют лидеров-инноваторов и занимают доминирующее положение в отрасли. Острая борьба за создание конкурентного преимущества происходит на вновь зарождающихся рынках комплементарных товаров. На рынках высокотехнологичных товаров стремительно меняются рыночные структуры, что создает новые условия конкуренции. Изменения распространяются на традиционные отрасли, в частности на аграрную. Применение биотехнологий, химии создает предпосылки для образования в секторе поставщиков и смежных отраслей крупных объединений, способных получить мощную рыночную власть.

Литература

1. Бюхер К. Возникновение народного хозяйства: пер. с нем. Петроград: Academia, 1923. 242 с.
2. Грант Р. Современный стратегический анализ. 5-е изд. СПб.: Питер, 2008. 560 с.
3. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Гелиос, 1990. 352 с.
4. Леонтьев В.В. Межотраслевая экономика: пер. с англ. М.: Экономика, 1997. 479 с.

5. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч.: в 9 т. М.: Политиздат, 1987. Т. 9, ч. 1. 475 с.
6. Сельское хозяйство на службе развития // Доклад о мировом развитии 2008. Всемирный банк. Вашингтон: пер. с англ. М.: Весь мир, 2008.
7. Тумаланов Н.В. Формирование условий межотраслевого обмена в национальной экономике. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2011. 170 с.
8. Форд Г. Моя жизнь, мои достижения. Сегодня и завтра. Минск: Харвест, 2003.
9. Шумпетер Й. Теория экономического развития: пер. с нем. М.: Прогресс, 1982. 455 с.

ТУМАЛАНОВ НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – доктор экономических наук, профессор кафедры региональной экономики и предпринимательства, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (tumalanow@mail.ru).

TUMALANOV NIKOLAY VASILYEVICH – doctor of economics sciences, professor of Regional Economics Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 338.43:330.11(470.344)

В.Г. ФЕДОРОВ

ЗАКОНЫ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ, ОРГАНИЗАЦИЙ И РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БАЛАНСА СПРОСА И ПРЕДЛОЖЕНИЯ НА ПРОДУКЦИЮ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Ключевые слова: законы земледелия, рыночной экономики, законы спроса и предложения.

Проведен анализ состояния функционирования основных законов земледелия и законов организаций. Предложен комплекс мер, направленных на улучшение использования потенциала зернового производства Чувашской Республики. Доказана целесообразность трактовки понятия закона спроса и предложения, основанного на способах применения натуральных показателей.

V.G. FEDOROV

LAWS OF FARMING, ORGANIZATIONS AND MARKET ECONOMY AND THE REGIONAL ASPECTS OF DEMAND AND SUPPLY FOR AGRICULTURAL PRODUCTS

Key words: laws of agriculture, the market economy, laws of demand and supply.

The analysis of the functioning of the basic farming laws and the laws organizations is made, package of measures aimed at improving the capacity of grain production of the Chuvash Republic is proposed in the article. Interpretations of the concept of the law of demand and supply, based on patterns of natural indicators use is justified.

Важнейшим условием стабилизации экономики народного хозяйства и улучшения состояния продовольственного баланса отдельно взятого региона и страны в целом является повышение эффективности агропромышленного комплекса и его главного звена – сельского хозяйства. Решение проблемы продовольственной независимости предполагает ведение устойчивого, высокоэффективного земледелия, так как только в растениеводстве осуществляется процесс превращения кинетической энергии солнца в потенциальную энергию органического вещества. Развитие потенциала живых организмов – растений и животных, как природных машин и незаменимых средств производства, определяется взаимодействием и взаимовлиянием системы биологических законов и таких природно-климатических факторов, как осадки, температурный режим, степень использования растениями энергии солнца, обеспеченность растений фотосинтетической активной радиацией (ФАР). По многолетним данным, на территории Чувашии сумма ФАР, приходящаяся в расчете на 1 га, составляет в среднем 1,64 (1,35–1,90) млрд ккал. В условиях производства коэффициент использования (К) ФАР посевными составляет 2,5% (теоретически возможно 3–10% использования). Калорийность единицы урожая органических соединений равна 4000 ккал на 1 кг. Имея эти величины, можно определить возможную потенциальную урожайность (ПУ) абсолютно сухой биомассы (ц/га) растений:

$$п\text{у} = \frac{2,5 \times 1,64 \text{ млрд ккал}}{100 \times 4000} = 125 \text{ ц/га},$$

где 100 – коэффициент перевода, ц/га.

При соотношении основной продукции к побочной как 1:1,3 выход зерна овса составит 43% от общей массы урожая, т.е. с 1 га можно было бы получить 53,7 ц зерна овса.

Анализ итогов хозяйственной деятельности сельхозпредприятий показывает, что урожайность зернового поля республики в относительно благоприятных 2009 и 2011 гг. составила, соответственно, по 23,1 и 24,2 ц/га. Это свидетельствует о том, что биологический потенциал районированных сортов зерновых культур даже в благоприятные по осадкам годы используется всего на 40-45% ($24 \text{ ц} \times 100 : 53 \text{ ц}$).

В полеводстве биологический процесс воспроизводства переплетается с экономическим. А в качестве незаменимого средства производства выступает земля, которая при правильном использовании постоянно улучшается. Это достигается при освоении эффективных систем ведения производства, основанных на соблюдении таких законов земледелия, как закон положительного эффекта в природном почвообразовательном процессе; закон возврата питательных веществ в почву; закон минимума (закон ограничивающих причин); закон плодосмена (принципы чередования культур во времени и пространстве); закон взаимодействия факторов роста и развития растений.

Закон положительного эффекта в природном почвообразовательном процессе, объединяя теорию фотосинтеза и минерального питания растений, отражает факторы, обеспечивающие условия для создания органического вещества и непрерывного роста плодородия почвы. Основным индикатором плодородия почвы является содержание гумуса в ней. Средневзвешенное содержание гумуса в почвах Чувашии составляет около 4,2% вместо 4,4%, которое имело место до рыночных преобразований. Наряду с нефтью и газом плодородие почвы в виде продукции зерновых культур стало предметом экспорта. Еще в первой четверти XX в. Президент США Т.Д. Рузвельт предупреждал, что «Народ, который разрушает свою почву – уничтожает сам себя».

Закон возврата утверждает, что питательные вещества, используемые растениями при создании урожая, должны возвращаться в почву с удобрениями. Так, если в 1990 г. на поля республики было вывезено 4,3 млн т органических удобрений, то в 2010 г. – всего 313 тыс. т, минеральных удобрений – соответственно, 108,8 тыс. т и 8,4 тыс. т в переводе на действующее вещество. В последние годы в земледелии Чувашии баланс питательных веществ сводился с дефицитом около 45-48% по азоту, 53-55% по фосфору и около 75-80% по калию. Устойчивое экономическое развитие возможно при соблюдении закона возврата питательных веществ в почву.

Закон соответствия растительного сообщества своему местообитанию реализуется в земледелии при чередовании сельхозкультур в севообороте как во времени, так и в пространстве. Являясь неинвестиционным биологическим фактором интенсификации земледелия, освоение севооборотов до 58% в девяти сельхозпредприятиях северо-западной Чувашии позволило получить в 2009 г. по 17,4 ц/га зерна при уровне его себестоимости 421 руб. А при освоении севооборотов до 94% в 20 хозяйствах было получено по 29 ц/га зерна. Себестоимость единицы продукции уменьшилась на 16% и составила 354 руб. Являясь противозатратным звеном механизма хозяйствования севообороты даже в условиях значительного ресурсного дефицита позволяют существенно повышать эффективность земледелия и его главной отрасли – зернового производства.

Сельскохозяйственная деятельность как производственное предпринимательство и как самоорганизующаяся экономическая система выступает как само-

стоятельная хозяйственная единица в виде конкретного предприятия. Предприятия, именуемые организациями, в целях обеспечения устойчивого развития прибегают к возможностям сочетания множества вариантов потенциала организации. Это достигается при формировании пропорциональной зависимости между переменными входа и выхода в системе аграрного производства. Категория «зависимость» трансформируется в понятие «закон организации». Применительно к организации «закон – это необходимая, существенная и устойчивая связь между элементами внутренней и внешней среды, обуславливающая их упорядоченное изменение» [1. С. 167].

Одним из важных законов организации является **закон синергии**, который проявляется в том, что совокупный эффект совместных действий выше простой суммы результатов отдельных компонентов системы. Так, комбинация двух факторов системы земледелия – химической прополки и применения минеральных удобрений – позволяет получать дополнительно, как показывают производственные результаты сельхозформирований северо-западной зоны, по 3,5-4 ц зерна с гектара.

Эффект синергии возникает также вследствие объединения (слияния) ресурсов двух предприятий, позволяющего увеличить масштаб производства агропродукции, объем продаж и снизить себестоимость и трудоемкость единицы продукции.

Опора на объективные законы, действующие в земледелии, и учет особенностей механизма функционирования законов организации применительно к производственным системам позволяют более широко использовать возможности закона развития, заключающегося в процессе непрерывного изменения, перехода из одного состояния в другое, более совершенное.

Закон развития является важнейшим условием эффективного ведения рыночного хозяйства и диктует необходимость соблюдения экономических законов, которые регулируют постоянно повторяющиеся связи и взаимосвязи в системе производственных и товарно-обменных отношений.

Основными **экономическими законами** функционирования рынка являются законы стоимости, спроса, предложения и др.

Закон стоимости выступает как регулятор общественного производства. Производство и обмен товарами осуществляются на основе закона их стоимости, величина которой измеряется общественно необходимыми затратами труда. Если производство ведется с низкими затратами труда, чем общественно необходимые, товаропроизводители при обмене товаров по стоимости получают прибыль, а те предприятия, у которых эти затраты выше общественно необходимых, несут убытки. Механизм закона стоимости действует благодаря колебанию рыночных цен.

Рыночный механизм определяется спросом и предложением. **Спрос** выступает в виде покупательной способности. Анализ спроса проводится в тесной взаимосвязи с изучением предложения и цен.

Предложение – это количество товара (услуги), которое производители готовы продать по определенной цене за определенный период. Закон предложения утверждает: чем выше цена, тем больше предложения товара.

Проблемы спроса и предложения не только имеют прямое отношение к результатам финансовой деятельности предприятий, но и затрагивают важнейшие аспекты удовлетворения потребностей народного хозяйства в сельскохозяйственной продукции и сырье и продовольственного обеспечения населения продуктами питания отечественного производства.

Вышеизложенное показывает, что понятия «спрос» и «предложение» отражают только финансовые результаты (прибыль, убыток) рыночного механизма хозяйствования. Нам представляется, что категории «спрос» и «предло-

жение» на продукцию сельского хозяйства должны находить применение в натуральном выражении (шт, кг, т) при обосновании объемов производства агропродукции применительно к потребностям и к физиологическим потребностям в расчете на душу населения (кг, шт).

Анализ показывает, что для удовлетворения всех потребностей народного хозяйства необходимо получить зерна в объеме не менее одной тонны в расчете на каждого жителя региона (страны). Конкретный критерий: требуемое производство зерна в объеме одной тонны – это **спрос общества** на продукцию зернового хозяйства.

Среднедушевое производство зерна в Чувашии за 2007 г. составило 282 кг, 2009 г. – 448, 2011 г. – 466 кг. Величина среднедушевого производства зерна является показателем **фактического объема предложения** на рынке зерна. Отсюда вытекает, что спрос отраслей экономики на продукцию зернового хозяйства в Чувашии удовлетворяется всего на 30-46%.

Считаем, что использование альтернативного варианта трактовки понятия закона спроса и предложения, основанного на способах применения натуральных показателей (т, кг и т.д.), не противоречит экономическим методам обоснования сущности этих законов, а является существенным к ним дополнением. Многообразие подходов к обоснованию экономических законов спроса и предложения позволяет более объективно определить варианты программы реализации доктрины продовольственной безопасности.

Таким образом, на основе использования объективных биологических законов действующих в земледелии, опираясь на законы организаций и законы рыночной экономики, можно обеспечить повышение производительности пахотных земель, решить положительно проблему отношений спроса и предложения на продукцию сельского хозяйства.

Литература

1. Лапыгин Ю.Н. Теория менеджмента: учеб. пособие. М.: Рид Групп, 2011. 336 с.

ФЕДОРОВ ВАЛЕНТИН ГЕРАСИМОВИЧ – доктор сельскохозяйственных наук, профессор кафедры коммерции и менеджмента, Чебоксарский кооперативный институт, Россия, Чебоксары (vrietush@ccas.ru).

FEDOROV VALENTIN GERASIMOVICH – doctor of agricultural sciences, professor of Commerce and Management Chair, Cheboksary Cooperative Institute, Russia, Cheboksary.

УДК 004.9.:У(075.8)

В.Х. ФЕДОТОВ

НЕЧЕТКОЕ УПРАВЛЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫМИ ЭКОНОМИЧЕСКИМИ СИСТЕМАМИ

Ключевые слова: нечеткая логика, мягкие вычисления, экспертные системы.

Предложена методика разработки нечеткой экспертной системы управления регионом (НЭС УР), разработан ее прототип и оценена эффективность. На основе макроэкономических показателей составлены проверяемые прогнозы, сопоставленные с фактическими данными.

V. Kh. FEDOTOV

THE FUZZY MANAGEMENT OF REGIONAL ECONOMIC SYSTEMS

Key words: fuzzy logic, soft computations, expert systems.

The offered methodic of the development fuzzy expert system for regional management (FES RM), is designed her prototype and is evaluated efficiency. On base macroeconomic factors are formed checked forecasts comparable with real data.

Макроэкономические системы характеризуются сложностью, открытостью и неопределенностью. Эффективным методом управления сложными

системами является «мягкая» экспертная система на основе нечеткой модели [1, 2, 5, 6]. Она позволяет принимать обоснованные решения при недостатке информации без привлечения дорогостоящих топ-менеджеров и снижать затраты на управление. Целями работы являются: 1) разработка нечетких правил на базе региональной статистики; 2) разработка структуры и прототипа НЭС УР; 3) оценка эффективности.

Исходными данными послужила макроэкономическая статистика [3]. В качестве обучающего множества использовалась нормализованная статистика (50 показателей) за 1995-2007 гг. Данные за 2008 г. использовались как контрольные. Показатели разделены на 3 группы – финансовые, нефинансовые и качественные (нечисловые) (табл. 1).

Таблица 1

**Социально-экономические показатели «Чувашии»
(сопоставимые, % к предыдущему году)**

Показатель	Обозн	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
ВРП (выходной)	ВРП	90,8	88,3	95,0	90,9	100,7	106,4	106,4	102,6	106,6	108,1	103,5	110,7	107,7	104,8
Финансовые															
ИПЦ (фактический)	ИПЦ	251,7	125,2	111,7	167,9	141,1	126,2	119,1	117,3	113,3	110,7	107,5	108,4	113,5	114,2
Основные фонды	Ф1	99,2	104,2	99,4	92,7	104,8	100,9	100,4	100,7	101,0	102,2	101,6	101,7	101,8	
Промышленное производство	Ф2	89,0	82,9	101,6	92,1	110,6	103,2	107,2	98,4	107,8	106,4	107,4	118,9	112,3	
Сельское хозяйство	Ф3	101,2	94,4	105,2	86,9	93,3	103,0	104,9	99,6	100,4	99,1	101,7	104,6	101,2	
Растениеводство	Ф4	111,6	106,8	108	74,6	91,1	107	108,9	93,4	107,4	99,46	99,08	98,7	98,32	
Животноводство	Ф5	94,8	83,1	102,1	100,8	95,1	98,5	100,6	105,8	95,5	101,7	102,8	103,9	105,0	
Строительно-монтажные работы	Ф6	94,0	89,0	91,0	97,0	98,0	100,3	111,8	106,1	110,6	113,3	116,0	118,7	121,4	
Жилищное строительство	Ф7	104,7	111,9	110,5	74,2	117,1	100,3	101,1	101,5	105,4	115,2	117,2	116,6	117,6	
Грузоперевозки	Ф8	77,2	63,2	87,7	93,6	100,2	94,5	102,8	102,4	106,7	95,5	117,1	94,0	118,7	
Пассажирооборот	Ф9	98,5	115,5	103,2	101,0	104,2	101,0	102,2	104,9	86,9	92,0	83,7	52,7	91,3	
Торговля розничная	Ф10	90,8	81,3	94,4	84,4	91,5	102,4	11,4	105,3	112,7	111,1	116,4	118,1	117,9	
Торговля оптовая	Ф11	100,0	99,2	98,4	97,5	96,7	95,9	94,9	108,6	96,8	99,2	99,4	99,5	99,6	
Общепит	Ф12	77,8	82,4	87	91,6	96,2	100,8	104,3	100,7	107,4	120	118,5	115,2	101,1	
Бытовые услуги	Ф13	94,3	96,5	98,7	100,9	103,1	105,3	97,9	106,8	102,6	101,3	90,8	100,4	100,4	
Платные услуги населению	Ф14	75,6	86,9	101,4	94,3	107,2	100,7	103,6	98,6	105,9	106,9	102,3	106,0	108,4	
Инвестиции в ОК	Ф15	92,0	67,0	111,0	79,6	100,4	104,6	117,3	117,8	117,9	119,7	108,5	117,7	122,2	
Сальдо финансовое	Ф16	200,0	76,9	107,1	0,0	0,0	122,0	146,0	52,4	60,7	210,0	137,1	187,2	144,9	
Внешняя торговля	Ф17	100	111,36	119,24	70,95	67,63	129,26	100,00	122,64	109,05	118,48	119,10	116,04	164,32	
В том числе: экспорт	Ф18	100	110,53	97,83	75,59	94,62	104,14	145,53	96,70	125,65	101,12	123,33	123,42	150,30	
импорт	Ф19	100	112,31	143,56	67,37	44,19	175,96	123,86	82,94	84,04	157,59	112,99	104,38	190,47	
Доходы населения реальные	Ф20	85,3	106,0	107,0	90,1	80,1	108,1	110,2	112,0	115,7	103,3	111,0	126,0	112,8	
Реальная зарплата	Ф21	65,1	107,5	108,8	90,7	78,1	111,6	117,4	120,5	114,4	112,7	113,5	117,2	123,3	
Нефинансовые															
Численность населения	Н1	99,99	99,97	99,9	100,1	99,8	99,5	99,4	99,4	99,5	99,6	99,5	99,5	99,7	
Число занятых	Н2	98,0	99,6	79,9	97,9	101,2	101,2	100,2	100,3	99,1	99,4	99,3	99,5	100,3	
Число безработных	Н3	106,6	106,2	124,6	94,7	107,0	70,4	102,0	100,9	89,4	114,5	116,6	77,9	102,1	
Число студентов	Н7	100	105,75	110,93	109,55	112,17	112,5	107,6	120,07	103,74	102,86	107,53	99,12	100,32	
В том числе: студентов суз	Н8	100	103,75	99,971	100,81	104,62	108,24	106,87	106,81	102,1	99,066	97,715	97,813	96,472	
студентов вуз	Н9	100	116,09	112,52	116,35	117,24	115,05	108,02	127,49	104,51	104,59	111,79	99,615	101,76	
Число врачей	Н10	100	107,55	100,52	101,01	101,34	99,598	100,15	100,18	100,18	101,76	100,03	101,68	99,337	
В том числе медсестер	Н11	100	100,86	101,01	99,749	99,83	98,566	95,736	101,45	99,783	99,526	100,31	99,65	97,875	
Число предприятий	Н12	100,0	108,7	110,8	102,2	97,5	103,6	108,4	103,5	106,5	110,0	25,1	99,8	91,7	
В том числе: промышленность	Н13	100,0	101,7	99,6	99,5	87,6	97,9	99,8	94,2	100,7	115,0	141,9	100,8	98,7	
сельское хозяйство	Н14	100,0	102,3	102,8	102,5	97,7	99,6	104,6	101,9	100,9	104,1	77,2	97,9	79,5	
Посещение театров	Н15	100,0	101,7	103,4	105,0	106,7	108,4	110,1	92,4	105,6	103,3	98,4	104,0	91,1	

Окончание табл. 1

Показатель	Обозн	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Посещения музеев	H16	100,0	102,6	105,2	107,9	110,5	113,1	115,7	107,6	94,9	94,7	103,4	118,5	91,3	
Издание книг	H17	100,0	103,7	107,3	111,0	114,6	118,3	121,9	86,8	99,5	78,4	111,4	108,8	113,9	
Жилищный фонд в собственности, %	H18	100,0	101,7	103,4	105,0	106,7	108,4	110,2	104,0	104,0	103,2	104,1	103,1	102,2	
Число автомобилей	H19	100,0	100,9	101,8	102,7	103,6	104,5	105,4	104,5	99,6	111,8	108,2	115,7	110,2	
Число преступлений	H20	100,0	100,1	100,3	100,4	100,6	100,7	100,9	74,1	122,7	110,9	145,3	102,1	79,8	
Миграция (+/-), чел.	H21	100,0	82,5	65,0	47,6	30,1	12,6	-4,9	-111,3	-22,0	-1707,7	-234,7	-74,5	34,8	
Качественные															
Патриотизм	K1	100,00	98,95	98,94	98,92	98,91	98,90	98,89	98,88	98,86	98,85	98,84	98,82	98,81	
Доверие системе	K2	100,00	97,50	100,00	76,92	100,00	108,33	107,69	101,43	101,41	101,39	101,37	101,35	101,33	
Доверие власти	K3	100,00	97,50	100,00	76,92	100,00	108,33	107,69	101,43	101,41	101,39	101,37	101,35	101,33	
Коррупция	K4	100,00	100,00	101,11	100,00	101,10	100,00	101,09	100,00	101,08	100,00	101,06	100,00	101,05	
Вера в будущее	K5	100,00	101,82	101,79	101,75	86,21	102,00	101,96	101,92	101,89	101,85	101,82	101,79	101,75	
Правовое поле	K6	100,00	94,12	112,50	88,89	87,50	85,71	100,00	100,00	103,33	103,23	103,13	103,03	102,94	
Безопасность жизни	K7	100,00	93,33	100,00	100,00	85,71	100,00	100,00	100,00	101,67	101,64	101,61	101,59	101,56	
Ожидания	K8	100,00	98,86	98,85	98,84	98,82	98,81	98,80	98,78	98,77	98,75	98,73	98,72	98,70	
Свобода	K9	100,00	108,33	107,69	107,14	106,67	106,25	101,18	101,16	101,15	101,14	101,12	100,00	100,00	
Другие	K10	100,00	110,00	109,09	91,67	90,91	110,00	109,09	91,67	90,91	110,00	109,09	91,67	90,91	

Примечание. Качественные показатели найдены как экспертные оценки (субъективные вероятности) ЭО=ДА/ВСЕГО, где ДА – респондентов, считающих показатель значимым; ВСЕГО – всего респондентов.

Основным выходным параметром региона выбран индекс ВРП. Статистический и трендовый анализ показали, что индекс ВРП имеет тенденцию к падению. Коэффициенты парных корреляций использованы в качестве весов контура нечеткой сети, табл. 2-3.

Таблица 2

**Веса контура нечеткой сети «Регион»
(бинарные корреляции числовых показателей)**

Показатель	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Обозначение	ВРП	ИПЦ	Φ_2	Φ_3	Φ_5	Φ_6	Φ_7	Φ_8	Φ_9	Φ_{16}
ВРП	1,00									
ИПЦ	-0,60	1,00								
Φ_2	0,89	-0,55	1,00							
Φ_3	0,54	-0,28	0,46	1,00						
Φ_5	0,58	-0,30	0,61	0,36	1,00					
Φ_6	0,86	-0,49	0,78	0,39	0,63	1,00				
Φ_7	0,40	-0,37	0,47	0,49	-0,03	0,35	1,00			
Φ_8	0,70	-0,44	0,73	0,22	0,71	0,78	0,15	1,00		
Φ_9	-0,61	0,23	-0,70	-0,39	-0,46	-0,70	-0,32	-0,36	1,00	

Таблица 3

**Веса контура нечеткой сети «Регион»
(матрица бинарных корреляций качественных показателей)**

		K ₁	K ₂	K ₃	K ₄	K ₅	K ₆	K ₇	K ₈	K ₉	K ₁₀	ВРП
Патриотизм	K ₁	1,00										
Доверие системе	K ₂	-0,04	1,00									
Доверие власти	K ₃	-0,04	1,00	1,00								
Коррупция	K ₄	-0,28	0,26	0,26	1,00							
Вера в будущее	K ₅	-0,06	0,01	0,01	-0,29	1,00						
Правовое поле	K ₆	0,00	0,25	0,25	0,35	0,43	1,00					
Безопасность	K ₇	-0,01	0,06	0,06	-0,13	0,87	0,54	1,00				
Ожидания	K ₈	1,00	-0,04	-0,04	-0,28	-0,06	-0,01	-0,01	1,00			
Свобода	K ₉	-0,16	-0,38	-0,38	-0,06	-0,28	-0,47	-0,57	-0,16	1,00		
Другие	K ₁₀	0,03	0,36	0,36	-0,04	0,32	0,12	0,11	0,03	0,25	1,00	
	ВРП	-0,52	0,58	0,58	0,24	0,08	0,20	0,35	-0,52	-0,60	-0,13	1,00

Годовых данных недостаточно для построения адекватной модели, так как их должно быть не меньше, чем параметров. С учетом мультипликативности индексов была введена интерполяция с шагом

$$h = (x_2 - x_1)^{1/p}$$

вида

$$x(t+1) = x(t) \times h,$$

где x_1 – значение на начало года; x_2 – значение на начало следующего года; p – число периодов в году (4 – квартала, 12 – месяцев, 52 – недели и т.д.); $x(t+1)$ – значение в следующем периоде; $x(t)$ – значение в предыдущем периоде. Так можно получить расширенную статистическую выборку необходимого объема, сохраняющую «характер» исходных данных. Ее объем

$$n = (n_0 - 1) \times p + 1,$$

где n_0 – объем исходной выборки. Например, объем месячной выборки будет равен 145.

НЭС УР «Чувашия». В комплекс мягких методов включены генетические алгоритмы, нейронные, нечеткие и гибридные сети. Отбор входных переменных выполнялся различными методами (генетическим, энтропийным, главных компонент). Рассмотрены два варианта модели: 1) изолированный регион и 2) система регионов.

Изолированный регион. В этом варианте регион рассматривался как закрытая система без учета внешних контактов (табл. 4).

Таблица 4

Прогноз ВРП изолированного региона при различных сценариях и сетевых архитектурах (тройки цифр обозначают архитектуру нейросети – входы, промежуточные, выходы)

Сценарий	Название	Описание	Линейная сеть		MLP-сеть		RBF-сеть		Обычная регрессия линейная	Нелинейная регрессия логарифм
			16-0-1	16-0-2	11-5-1	1-9-2	10-2-1	10-2-2		
1	Оптимистич.	+1%	128,83	128,83	106,66	108,56	94,79	94,79	128,82	107,91
2	Оптимистич.	+2%	149,85	149,85	105,86	109,28	91,41	91,41	149,82	108,12
3	Оптимистич.	+3%	170,86	170,86	105,18	109,99	91,32	91,32	170,83	108,32
4	Оптимистич.	+4%	191,88	191,88	104,61	110,69	91,32	91,32	191,84	108,52
5	Оптимистич.	+5%	212,89	212,89	104,12	111,37	91,32	91,32	212,84	108,72
6	Пессимистич.	-1%	86,80	86,80	108,66	107,09	100,58	100,58	86,81	107,49
7	Пессимистич.	-2%	65,78	65,78	109,87	106,33	92,32	92,32	65,80	107,28
8	Пессимистич.	-3%	44,77	44,77	111,23	105,56	91,34	91,34	44,80	107,07
9	Пессимистич.	-4%	23,75	23,75	112,74	104,78	91,32	91,32	23,79	106,85
10	Пессимистич.	-5%	2,739	2,739	114,38	103,99	91,32	91,32	2,78	106,63
11	Нейтральный	±0%	101,50	101,50	103,58	101,31	103,78	103,78	101,50	100,19
Среднее			107,24	107,24	107,90	106,8	93,71	93,71	107,24	107,01

Наиболее точный прогноз дают нелинейные нейросети. Найдены значения весов ее связей. Они дают еще один тип бинарных отношений, табл. 5-6. Нелинейные нейросети можно описать уравнениями нейрорегрессии. Например, для сети «10-2-2» оно может быть записано в линейной (или нелинейной) форме $ВРП_{\text{нейро}} \approx -1726,91 + 0,21\Phi_2 + 1,0\Phi_3 + 1,09\Phi_5 + 0,89\Phi_6 - 0,0005\Phi_7 - 0,30\Phi_8 - 0,02\Phi_9 - 0,004\Phi_{16} - 0,0065\Phi_{17} - 0,31\Phi_{18} - 0,03\Phi_{21} + 13,67N_1 + 4,3N_{10} - 1,45N_{11} + 0,45N_{18} - 1,73N_{19}$. С помощью таких уравнений можно проводить факторный нейроанализ эволюции региона. В целом по результатам анализа сформирована нейросеть (табл. 5).

Сети Кохонена реализуют самообучение «без учителя» на основе различных эвристик. Исходные данные не требуется делить на причины и следствия – все показатели считаются входными. Построена сеть Кохонена архитектуры

«18-3». Выделено три кластера – рост (январь 1995 г. – июнь 1999 г.), спад (июль 1999 г. – август 2003 г.) и стабильность (сентябрь 2003 г. – декабрь 2007 г.). Для тестирования классифицирующих свойств на вход сети были поданы сценарии и результаты двухцелевого RBF-прогноза, табл. 4. Они были классифицированы неплохо. Найдены веса сети Кохонена, выражающие силу связи значений признаков с кластерами, табл. 6.

Таблица 5

Сводные RBF-нейросеть «10-2-2» для модели Чувашия

№	Показатель	Тип	Пороги	Веса				Линейная нейрорегрессия		Нейрокорреляция	
				для СФ ₁	для СФ ₂	для ВРП	для ИПЦ	ВРП	ИПЦ	ВРП (+/-)	ИПЦ(+/-)
1	ВРП	Выход	0,21					-1726,9	–		
2	ИПЦ	Вход-Выход	-0,10					–	-29491,2		
3	Ф ₂	Вход		0,13	0,63			0,21	-0,65		
4	Ф ₃	Вход		0,62	0,70			1,0	0,39	+	
5	Ф ₅	Вход		0,28	0,78			1,09	6,63	+	+
6	Ф ₆	Вход		0,06	0,57			0,89	4,51		+
7	Ф ₇	Вход		0,81	0,73			≈0	0,09		
8	Ф ₈	Вход		0,14	0,67			-0,3	-0,93		
10	Ф ₁₆	Вход		0,54	0,44			≈0	0,09		
13	Ф ₂₁	Вход		0,50	0,76			≈0	0,49		
14	Н ₁	Вход		0,79	0,32			13,67	255,06	+	+
15	Н ₁₀	Вход		0,58	0,15			4,3	13,72	+	+
19	СФ ₁	Вход-Выход	0,33			-0,38	0,03	–	–		
20	СФ ₂	Вход-Выход	0,33			0,53	-0,14	–	–		

Таблица 6

Веса кластеризованной сети Кохонена «18-3» для модели Чувашии

Показатель	Кластер 1 – стабильность	Кластер 2 – спад	Кластер 3 – рост	Веса	Кластер 1 – стабильность	Кластер 2 – спад	Кластер 3 – рост
	Центр = 0,89	Центр = 0,42	Центр = 0,94				
Пороги	1,00	1,00	1,00	Пороги	1,00	1,00	1,00
ВРП	0,85	0,76	0,22	Ф16	0,79	0,41	0,26
ИПЦ	0,01	0,08	0,28	Ф17	0,59	0,47	0,28
Ф ₂	0,79	0,60	0,34	Ф18	0,63	0,54	0,26
Ф ₃	0,82	0,80	0,49	Ф21	0,87	0,85	0,48
Ф ₅	0,88	0,75	0,53	Н1	0,27	0,23	0,64
Ф ₆	0,86	0,57	0,15	Н10	0,18	0,10	0,36
Ф ₇	0,97	0,67	0,65	Н11	0,66	0,56	0,80
Ф ₈	0,75	0,69	0,38	Н18	0,32	0,63	0,36
Ф ₉	0,39	0,73	0,83	Н19	0,73	0,27	0,15

Мягкая классификация позволяет группировать показатели по критериям, значимым для государственного регулирования, и выделять приоритетные направления развития региона.

Таким образом, различные сетевые архитектуры позволяют получать дополнительные типы отношений и повышать информативность и полноту сетевых моделей сложных систем.

Четкие экспертные системы на базе продукционных моделей включают базу знаний с правилами типа ЕСЛИ ... ТО ... и машину вывода дедуктивного типа [1-5]. Нечеткая экспертная система строится на базе нечетких правил, посылок, заключений и операций. Результирующее экспертное заключение

формирует машина нечеткого вывода дедуктивно-эвристического типа (композиционное правило Заде).

База нечетких правил должна выражать все обнаруженные «причинно-следственные» отношения. Посылки правил составлялись с учетом: 1) значимой парной корреляции; 2) весов нейросетей; 3) нейрокластеризации; 4) макроэкономических законов; 5) собственных экспертных представлений (функции принадлежности); 6) общих законов природы и здравого смысла.

Основные правила формировались по корреляционному принципу, включая нейрокорреляцию (веса). Низкая, средняя и высокая корреляции обозначены, соответственно, Н, С и В. Положительные корреляции задавались группами из трех правил «прямо пропорционального» типа: 1) ЕСЛИ посылка = Н, ТО заключение = Н; 2) ЕСЛИ посылка = С, ТО заключение = С; 3) ЕСЛИ посылка = В, ТО заключение = В. Отрицательные корреляции задавались группами из трех правил «обратно пропорционального» типа: 1) ЕСЛИ посылка = Н, ТО заключение = В, 2) ЕСЛИ посылка = С, ТО заключение = С, 3) ЕСЛИ посылка = В, ТО заключение = Н, табл. 7.

Таблица 7

**База основных правил (нечетких)
для числовых показателей сводной сети Чувашия**

Правило	Ф ₂	Ф ₆	Ф ₈	Ф ₂₁	Н ₁	ИПЦ	К ₁	К ₂	К ₃	К ₉	ВРП
1					Н	Н					В
2					С	С					С
3					В	В					Н
4	Н	Н	Н	Н							Н
5	С	С	С	С							С
6	В	В	В	В							В
7							Н			Н	В
8							С			С	С
9							В			В	Н
10								Н	Н		Н
11								С	С		С
12								В	В		В

Дополнительные правила составлялись без учета формальной корреляции – на основе законов природы и общества. Использовались все показатели, не вошедшие в двухцелевую модель, табл. 8.

Таблица 8

**Дополнительные правила
на основе законов природы, общества и здравого смысла**

Правило	Ф ₁	Ф ₃	Ф ₇	Ф ₉	Ф ₁₀	Ф ₁₅	Ф ₁₆	Ф ₁₇	Ф ₂₀	Н ₂	Н ₃	Н ₇	Н ₁₀	Н ₁₂	Н ₁₅	Н ₁₇	Н ₁₈	Н ₁₉	Н ₂₀	Н ₂₁	К ₄	К ₅	К ₆	К ₇	К ₈	К ₁₀	ВРП
1	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н				Н	Н	Н	Н		Н
2	С	С	С	С	С	С	С	С	С	С	С	С	С	С	С	С	С	С				С	С	С	С		С
3	В	В	В	В	В	В	В	В	В	В	В	В	В	В	В	В	В	В				В	В	В	В		В
4											Н								Н	Н	Н					Н	В
5											С								С	С	С					С	С
6											В								В	В	В					В	Н

Прототип НЭС УР «Чувашия» реализован на базе нечеткой сети в среде Fuzzy Logic Toolbox [6]. Результаты экспертизы изолированного региона при разных объемах базы правил сведены в табл. 11.

Группа регионов. Для учета взаимного влияния регионов представим Чувашию в виде открытой региональной системы. Остальные регионы России будем считать внешней средой, табл. 9.

На основе данных за 2000-2008 гг. сформировано 6 правил для сложной модели региона, табл. 10.

Таблица 9

ВРП Приволжского округа (в постоянных ценах; к предыдущему году, %) [4]

Регион	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Чувашия	106,4	106,4	102,6	106,6	108,1	103,5	110,7	111,4	104,8	82,3
РФ – всего	110,6	106,0	105,5	107,6	107,4	107,6	108,3	108,3	105,7	92,2
Центр	114,9	103,6	107,6	108,7	107,4	109,8	109,9	108,9	107,5	
Моск. обл.	106,6	107,0	104,9	112,2	113,4	107,6	108,7	110,5	108,2	
Москва	118,9	103,0	110,0	108,8	107,2	112,5	110,7	108,3	107,7	
Приволжье	108,4	106,9	102,6	106,9	105,8	104,5	107,9	109,1	105,2	
Башкирия	105,5	108,3	102,8	109,0	106,4	106,9	108,5	109,5	107,7	
Марий Эл	97,2	104,4	99,0	109,2	108,4	101,5	112,3	107,4	105,4	
Мордва	109,6	106,6	108,8	113,1	101,1	106,0	112,2	111,0	104,2	
Татарстан	107,0	111,0	103,6	107,4	105,3	105,5	108,5	110,7	107,7	
Удмуртия	113,2	105,6	99,1	107,3	101,6	104,4	104,2	104,0	102,7	
Пермь	113,1	108,1	95,1	104,9	102,3	103,5	109,3	108,1	104,9	
Киров	107,2	99,2	99,4	102,5	105,2	100,9	105,7	104,8	103,8	
Н.Новгород	109,9	109,3	105,2	105,2	104,3	106,0	108,1	109,0	102,2	
Оренбург	109,6	101,0	105,0	112,8	110,1	105,2	107,7	109,7	102,6	
Пенза	106,2	105,3	101,9	104,8	105,7	100,7	108,0	116,2	107,7	
Самара	106,2	106,8	103,9	104,8	108,7	101,7	106,4	108,1	103,8	
Саратов	113,1	103,1	105,4	109,8	108,4	105,6	105,6	108,2	108,4	
Ульяновск	104,3	100,0	107,8	102,8	104,4	104,5	109,3	110,0	101,6	

Таблица 10

База правил (нечетких) для сложной модели региона

Правило	РФ	ЦО	МО	Москва	ПО	Башкирия	Марий Эл	Мордовия	Татария	Удмуртия	Пермь	Киров	Н.Новгород	Оренбург	Пенза	Самара	Саратов	Ульяновск	Чувашия
1				Н															В
2				С															С
3				В															Н
4	Н	Н	Н		Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н	Н
5	С	С	С		С	С	С	С	С	С	С	С	С	С	С	С	С	С	С
6	В	В	В		В	В	В	В	В	В	В	В	В	В	В	В	В	В	В

Результаты моделирования региона с учетом их взаимного влияния представлены в табл. 11.

Таблица 11

Экспертные значения (прогноз) ВРП Чувашии по нечетким моделям

Сценарий	Изолированный регион (на 2008 г.)				Группа регионов (на 2009 г.)	
	6 правил (основных)	12 правил (основных)	18 правил (в т.ч. 6 дополнительных)	гибридная модель	6 правил	гибридная модель
1	102	108	125	110	102	106
2	103	108	126	111	103	107
3	103	107	125	112	103	108
4	103	107	126	113	104	106
5	104	107	126	114	104	109
6	101	108	126	99	102	106
7	100	108	126	98	102	103
8	100	108	126	86	101	102
9	99,3	108	126	73	101	102
10	99,3	108	126	60	101	106
11	101	107	125	109	102	105
Среднее	101,42	107,64	125,73	98,64	102,3	105,45

Гибридная сеть изолированного региона. Для сравнения построена гибридная пятислойная нейронечеткая (ANFIS) сеть региона. В таких сетях экспертное заключение формируется на основе нечеткой логики, а функции принадлежности настраиваются с помощью алгоритмов обучения нейросетей). Результаты гибридного моделирования представлены в табл. 11.

Гибридная сеть группы регионов (Центр + Поволжье). Построена нейронечеткая модель для экспертизы региона как сложной системы. Из-за большой размерности, в качестве входов выбраны 8 наиболее значимых и ближайших регионов Центра и Поволжского округа – Россия, Москва, Приволжский округ, Марий Эл, Мордовия, Татария, Нижегородская, Ульяновская области (табл. 11).

Оценка эффективности. Анализ показал, что нечеткая сеть на практике эффективнее гибридной в качестве модели региона. Алгоритмы нейросетевого обучения, применяемые в гибридных сетях, не дают преимуществ при небольших объемах обучающих выборок. Увеличение размерности системы требует существенно больших вычислительных ресурсов. При небольшом числе нечетких правил (6) экспертные заключения выглядят более пессимистично. С ростом базы правил до 12 прогноз становится более оптимистичным. При числе правил от 18 и выше прогнозы становятся устойчивыми и правдоподобными. Основная проблема остается в подборе параметров функций принадлежности. Для ее эффективного решения требуется статистика достаточного объема. После этого можно получить действующий вариант экспертной системы, пригодный для практического использования. Разработанный прототип НЭС УР «Чувашия» позволяет получать «грубые» ответы на вопросы типа «Как изменится ВРП, если изменить любой входной показатель?».

Закключение. «Мягкие» методы могут и должны использоваться при управлении региональными экономическими системами. Они позволяют провести анализ сложной системы с высокой степенью детализации и учетом факторов неопределенности. Такие системы экономически эффективны по множеству причин: 1) точные («жесткие») методы моделирования менее адекватны реальной экономике; 2) сложная модель описывается без использования сложных математических структур; 3) невысокая стоимость разработки; 4) не требуется привлечения дорогостоящих экспертов; 5) высокая скорость отклика. При этом следует иметь в виду, что на достоверность результатов существенно влияют исходные гипотезы, качество региональных баз данных и экспертные качества специалистов, привлекаемых к внедрению системы.

Литература

1. Заде Л. Понятие лингвистической переменной и ее применение к принятию приближенных решений. М.: Мир, 1976.
2. Поспелов Д.А. Нечеткие множества в моделях управления и искусственного интеллекта. М.: Наука, 1986.
3. Регионы России. Социально-экономические показатели [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики: сайт. – Режим доступа: www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/publishing/catalog/statisticCollections.
4. Статистический ежегодник Чувашской Республики. Чебоксары: Госкомстат ЧР, 2000-2010.
5. Тэрано Т., Асаи К., Суэно М. Прикладные нечеткие системы. М.: Мир, 1993.
6. Штовба С.Д. Проектирование нечетких систем средствами MATLAB. М.: Горячая линия-Телеком, 2007.

ФЕДОТОВ ВЛАДИСЛАВ ХАРИТОНОВИЧ – кандидат химических наук, доцент кафедры информационных систем, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (fvh@inbox.ru).

FEDOTOV VLADISLAV KHARITONOVICH – candidate of chemical sciences, assistant professor, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (fvh@inbox.ru).

УДК 330.101

Г.С. ЦВЕТКОВА

**ДИАЛЕКТИКА ФОРМАЛИЗОВАННЫХ
И НЕФОРМАЛИЗОВАННЫХ ИНСТИТУТОВ**

Ключевые слова: формализованные и неформализованные институты, модели взаимодействия институтов, догоняющие страны.

Проведен сравнительный анализ институциональных основ развитых и догоняющих стран. Рассмотрена диалектика институтов, выделены четыре модели взаимодействия формализованных и неформализованных институтов. Показаны варианты взаимодействия институтов на примерах экономических систем развитых и догоняющих стран.

**G.S. TSVETKOVA
DIALECTIC OF FORMAL AND FORMALIZED INSTITUTIONS**

Key words: formal and formalized institutions, models of interaction between institutions and countries catching up.

A comparative analysis of the institutional foundations of the developed countries and catching up. We consider the dialectic of the institutions identified four models of interaction between formal and formalized institutions. Showing variants of interaction of institutions with examples of economic systems of developed countries and catching up.

Определяющая роль институтов в развитии экономических систем является общепризнанной. Институциональный анализ социально-экономических процессов, происходящих в отечественной экономике и мировом хозяйстве, представляет одну из самых востребованных областей исследования в экономической теории. Актуальность научного поиска в данном направлении находит понимание и на государственном уровне. В.В. Путин в отчете Правительства Российской Федерации в числе важнейших приоритетов назвал «создание благоприятных условий для экономического подъема, прежде всего, за счет совершенствования важнейших рыночных институтов, снятия необоснованных барьеров для предпринимательской деятельности» [5]. Однако вопрос: почему в экономических системах с одинаковым набором институтов эффективность развития оказывается различной, остается открытым.

Социально-экономические преобразования сопровождаются институциональными изменениями, которые выступают в виде формальных и неформальных ограничений поведения экономических агентов. Взаимодействия экономических агентов с учетом сложившихся формальных и неформальных норм образует реально существующую экономическую систему, которая в одних случаях оказывается эффективной, а в других случаях, затратной и кризисной. В качестве формальных ограничений принято рассматривать конституции, общие правила и инструкции, которые задаются в результате законотворческой, организационной и правоохранительной деятельности государства, поэтому само государство выступает как основной, базовый институт экономики.

В странах, демонстрирующих высокие стандарты уровня жизни и экономического развития, успешно функционируют такие формализованные институты, как открытая рыночная экономика; институт частной собственности; эффективная налоговая система; демократическая политическая система; независимый суд, вызывающий доверие граждан к справедливости принимаемых им решений. Эти институты имеются и в догоняющих странах, но качество реализации институциональных основ иное. Представим результаты сравнительного анализа базовых институтов двух групп (табл. 1).

Анализ показывает, что в странах, которые принято относить к группе догоняющих стран, Китай, Индия, Бразилия, Россия, базовые формализованные институты почти те же. Однако многие институты догоняющих стран имеют свои особенности, которые становятся ограничениями в их инновационном развитии

[8. С. 32]. Авторская позиция относительно неформализованных институтов догоняющих стран заключается в том, что значительная часть этих институтов (нормы и кодексы поведения, устные соглашения экономических агентов) отстают от уровня экономически развитых стран.

Таблица 1

Сравнительная характеристика институциональных основ развитых и догоняющих стран

Базовые институты	Развитие страны	Догоняющие страны
1. Частная собственность	преобладает в структуре собственности	слабая защита прав собственности
2. Сетевая экономика	соблюдение договорных обязательств – важнейшее деловое качество;	Деловая культура не исключает использование административных ресурсов
3. Открытая рыночная экономика	низкие таможенные барьеры, членство в международных экономических организациях	низкие таможенные барьеры, членство в международных экономических организациях
4. Государственная служба	низкий уровень коррупции	высокий уровень коррупции
5. Политическая система	демократическая смена власти	низкий уровень политической конкуренции
6. Налоговая система	сильное и эффективное налоговое администрирование	уклонение от налогов является достаточно распространенной практикой
7. Судебная система	независимая, вызывает доверие граждан	влияние политических институтов на судебные решения
8. Система органов охраны правопорядка	сильная	сильная
9. Информационная публичность бизнеса	публичные компании и финансовые учреждения	наличие серых схем и второй бухгалтерии в бизнесе
10. Нормы социального поведения	законопослушность граждан и бизнеса	существенный разрыв между формальными и неформальными нормами поведения

Во-первых, это объясняется тем, что различны механизмы формирования институтов. Изменения формализованных институтов происходят при активном использовании административных методов управления, что обеспечивает скорость становления данных институтов. Издание закона, приказа, постановления служит первым организационным этапом в становлении формализованного института. Для неформальных ограничений административные методы малоэффективны. Изменения в неформализованных институтах невозможно ввести в соответствии с законом, постановлением, указом с какой-то конкретной даты.

Во-вторых, большинство неформализованных институтов более медлительны, инертны во времени, например, экономическая ментальность населения. Экономическая ментальность является результирующим институтом прошлого и настоящего опыта поведения хозяйствующих субъектов. В социальной философии и современном институциональном анализе этот феномен получил название пат-зависимости (path dependency) – зависимости от предшествующего развития [7. С. 6].

Рассматривая взаимодействие формальных и неформальных институтов, будем опираться на диалектику институтов: «наблюдая факты единства и борьбы противоположностей, мы вправе определить, что это такое, ввести соответствующие обозначения и произвести какие-то обобщения наблюдаемых процессов возникновения противоположностей, их взаимоотношений, конфликтов и их разрешений» [2. С. 91].

Формальные и неформальные ограничения являются общей составляющей институциональной основы экономической системы. Общими характеристиками для всех институциональных ограничений являются:

1) наличие общественной связи между людьми, поскольку любой институт связан с социальным взаимодействием;

2) ограничение поведения одного индивида по отношению к другому. Формализованные и неформализованные институты рынка представляют некий механизм социального контроля, благодаря которому результатом является структурирование взаимодействия между экономическими субъектами;

3) существование информационной нормативной модели, в соответствии с требованиями которой происходит ограничение.

Противоположность формализованных и неформализованных институтов проявляется в их различиях. В современной экономической науке встречается два основных подхода, объясняющих различия в поведении институтов [3. С. 45]. Первый подход акцентирует внимание на последствиях, которые наступают в результате нарушения формальных правил. Это жесткие ограничения поведения экономических агентов, даже лишение свободы. В этом смысле соблюдение требований формализованных институтов является обязательным, институты формируют предпочтения самих экономических агентов. К представителям данного подхода принято относить «старых институционалистов»: Т. Веблен, Дж. Коммонс, У. Митчелл. Второй подход в качестве критерия рассматривает субъекты контроля, институты дают внешние ограничения для хозяйствующих субъектов (условия выбора, ограничения, информация). Второй подход характерен для представителей нового институционализма (Д. Норд, Р. Познер, Р. Коуз). За соблюдением требований формальных институтов следят специализированные государственные структуры (суды, полиция). Можно сказать, что формальные правила появляются с рождением главного института – государства.

Вариативность взаимодействия институтов определяется множеством факторов, поэтому само взаимодействие формализованных и неформализованных институтов как результат может иметь несколько характеристик. В рамках данной статьи мы рассматривали только две характеристики: 1) скорость изменения института 2) направление (вектор) изменений института. Опираясь на вышеизложенное, диалектику формализованных и неформализованных институтов, выделим возможные модели (варианты) взаимодействия данных институтов (рисунок).

Неформализованные институты	Формализованные институты	
	оптимальный вариант соответствия институтов	формализованные институты опережают развитие неформальных институтов
	неформализованные институты опережают развитие формализованных институтов	полное противоречие институтов, критическая конфликтная ситуация

Модели взаимодействия институтов

Далее рассмотрим представленные варианты взаимодействия институтов.

Первый – идеальное состояние развития институтов, когда неформальные правила поведения экономических агентов полностью соответствуют формальным требованиям, последние, в свою очередь, поддерживают, стимулируют данный вариант поведения агентов. Динамика развития институтов в данном случае совпадает: их векторы, скорость изменений, сила воздействия на экономических агентов равны. На наш взгляд, оптимальный вариант развития институтов, в реальной практике реализуется на небольших отрезках времени. Диалектика формализованных и неформализованных институтов гораздо сложнее. История экономических институтов особенно прошлого века, свидетельствует, что общественное развитие носит нелинейный характер.

К первому оптимальному варианту взаимодействия формальных и неформальных институтов можно отнести экономические системы, которые показывают высокую глобальную конкурентоспособность. В настоящее время среди двенадцати слагаемых конкурентоспособности стран мира в первую очередь выделяют качество институтов. Остальные факторы конкурентоспособности прямо или опосредованно также отражают эффективность функционирования институтов. Это такие факторы, как инфраструктура, макроэкономическая стабильность, здоровье и начальное образование, высшее образование и профессиональная подготовка, эффективность рынка товаров и услуг, эффективность рынка труда, развитость финансового рынка, технологический уровень, размер внутреннего рынка, конкурентоспособность компаний и инновационный потенциал.

Не отрицая определенной субъективности рейтингов глобальной конкурентоспособности стран мира (используются две трети – статистические данные и одна треть – экспертных оценок), признаем, что они демонстрируют эффективность европейских институтов. Ведущие российские ученые отмечают, что в странах с более сильной институциональной структурой даже влияние дестабилизирующей макроэкономической политики в условиях финансовых кризисов оказывается менее существенным [6. С. 9].

Именно конкурентоспособность институтов позволяет странам лидерам занимать позиции в первой половине рейтинга среди наиболее конкурентоспособных экономик мира. Догоняющие страны как видим не входят в число лидеров мировой экономики 2010-2011 гг., поскольку динамика формализованных и неформализованных институтов характеризуется другими менее эффективными моделями (табл. 2).

В числе наиболее негативных факторов, определивших невысокий рейтинг глобальной конкурентоспособности Российской Федерации, эксперты отмечают слабость государственных институтов (118-е место), низкий уровень стандартов корпоративного управления (119-е место) и недостаточные гарантии защиты прав собственности (126-е место) [1]. Напрашивается вывод: российские институты рынка существуют, но качество их функционирования серьезно уступает «нормативным параметрам», социально-экономическая система далека от оптимальной модели взаимодействия формальных и неформальных институтов.

Таблица 2

Рейтинг глобальной конкурентоспособности стран мира

Развитые страны			Догоняющие страны		
страны	оценка	рейтинг	страны	оценка	рейтинг
Швейцария,	5,63	1	Китай	4,84	27
Швеция	5,56	2	Индия	4,33	51
Сингапур	5,48	3	Бразилия	4,28	58
США	5,43	4	Россия	4,24	63
Германия	5,39	5	Латвия	4,14	70
Япония	5,37	6	Казахстан	4,12	72
Финляндия	5,37	7	Украина	3,90	89

Примечание. Табл. 2 составлена автором на основе <http://GNmarket.ru/news/state/2010/09/09>.

Две других модели взаимодействия институтов более близки отечественной экономике, они отражают наиболее распространенные модели: а) формальные институты опережают развитие неформальных институтов; б) неформальные институты опережают развитие формальных институтов. В этих двух случаях векторы развития формализованных и неформализованных институтов имеют общее направления, но скорости изменений различны. В первом случае более прогрессивными оказываются формализованные институты, они задают траекторию поведения экономических агентов. Институциональные рамки хозяйст-

венной деятельности в России в значительной степени задаются государством, поэтому Россия традиционно принадлежит к тем странам, которые больше ориентированы на государство, чем на гражданское общество. Во втором случае, неформальные ограничения лучше улавливают происходящие перемены в социально-экономическом развитии общества. Они изменяют поведение экономических агентов, которые реализуют стратегии лидеров на данном этапе развития общества. Оба варианта сопровождаются противоречиями в экономической системе и приводят к возникновению так называемых институциональных ловушек. История показывает, что страны «советского блока» не избежали негативных последствий макроэкономических реформ. С институциональными ловушками столкнулись Россия, Украина, Белоруссия, Молдова, Узбекистан, Туркменистан.

Четвертая модель – полное противоречие институтов, критическая конфликтная ситуация между формальными и неформальными институтами. И эта модель взаимодействия институтов не противоречит диалектическому методу. Известный отечественный философ А. Зиновьев считает, что частью диалектики является также то, что связано с понятиями «развитие», «эволюция», «прогресс», «деградация», «стагнация», «кризис» [2. С. 151]. Кризис взаимодействия институтов вполне возможен, когда они задают разнонаправленное, противоположное поведение экономических агентов, что не может продолжаться длительное время. Наступивший кризис институтов обязательно приводит к их модернизации или разрушению. В качестве одной из причин, объясняющих оппортунистическое поведение экономических агентов по отношению к неформальным институтам, можно назвать менее суровые на первый взгляд наказания и последствия нарушения их требований. Среди санкций за несоблюдение неформальных правил можно выделить автоматическую санкцию, чувство вины и стыда, информационную санкцию, двусторонние и многосторонние санкции роста издержек [4. С. 32].

Если формализованные институты не позволяют в полной мере реализовывать экономические интересы хозяйствующих субъектов, то включаются иные механизмы, которые принято связывать с неформальными институтами и негативными явлениями в экономической сфере (рейдерство, взятки, нелегальный бизнес, теневая экономика).

Предложенная типология взаимодействия формализованных и неформализованных институтов, с нашей точки зрения, не противоречит имеющимся классификациям институциональных систем. Рассмотренные модели взаимодействия формализованных и неформализованных институтов позволяют понять нелинейность трансформаций экономики, почему вместо рыночного процветания Россия столкнулась с экономическим спадом, резким падением жизненного уровня значительной части населения. Представленный выше сравнительный анализ институциональных основ развитых и догоняющих стран позволяет сделать следующие выводы:

- 1) диалектика формализованных и неформализованных институтов способна объяснить отставание России от лидеров мировой экономики;
- 2) результат взаимодействия формализованных и неформализованных институтов может быть представлен в нескольких вариантах, которые по-разному задают поведение экономических агентов;
- 3) институциональные ловушки являются результатом разновекторного развития формализованных и неформализованных институтов рынка.

Литература

1. Всемирный экономический форум: рейтинг глобальной конкурентоспособности стран мира 2010-2011 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gtmarket.ru/news/state/2010/09/09/2668>.
2. Зиновьев А.А. Фактор понимания. М.: Алгоритм; Эксмо, 2006. 528 с.
3. Институциональная экономика: учебник / под общ. ред. А. Олейника. М.: ИНФРА-М, 2009. 704 с.

4. Одинцова М.И. Институциональная экономика. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2009. 397 с.
5. Путин В. Не только обороняться, но и наступать [Электронный ресурс] // Стратегия России. 2009. № 4 (64), апр. Режим доступа: <http://www.fondedin.ru>.
6. Радьгин А., Энтов Р. В поисках институциональных характеристик экономического роста // Вопросы экономики. 2008. № 8. С. 4-27.
7. Сусименко Е.В. Феномен пат-зависимости в процессе институциональных изменений: автореф. дис. ... докт. филос. наук. Ростов на/Д., 2008. 57 с.
8. Ясин Е., Снеговая М. Институциональные и культурные ограничения догоняющих стран // Вопросы экономики. 2009. № 11. С. 32-49.

ЦВЕТКОВА ГАЛИНА СЕРГЕЕВНА – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и бизнеса, Марийский государственный технический университет, Россия, Йошкар-Ола (galla_200760@mail.ru).

TSVETKOVA GALINA SERGEEVNA – candidate of economics sciences, associate professor of Management and Business Chair, Mari State Technical University, Russia, Yoshkar-Ola.

УДК 338

Р.Э. ШИХАХМЕДОВ

СУЩНОСТЬ И РОЛЬ СТРАТЕГИИ В ДОСТИЖЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РЕЗУЛЬТАТА ОТРАСЛЕВОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Ключевые слова: стратегия долгосрочного развития, система управления долгосрочным развитием, социально-экономическая система, стратегия экономического роста.

В статье развиты сущностные представления об обобщающей и частных стратегиях, влияющих на достижение экономического результата, эффективности промышленного производства в долгосрочном периоде.

R.E. SHIHAMEDOV

ESSENCE AND STRATEGY ROLE IN ACHIEVEMENT OF ECONOMIC RESULT OF THE BRANCH COMPONENT OF INDUSTRIAL PRODUCTION

Key words: strategy of long-term development, a control system of long-term development, social and economic system, strategy of economic growth.

In article intrinsic representations about generalizing and the private strategy influencing achievement of economic result, efficiency of industrial production in the long-term period are developed.

Определение понятия и конкретизация сущностных представлений о стратегии как основном технологическом элементе в системе управления долгосрочным развитием экономических видов деятельности должно исходить как из критического и сравнительного анализа точек зрения ученых-экономистов, трактующих данное понятие в контексте трансформации систем стратегического планирования и управления, адекватной изменениям макросреды, так и из представления стратегии в виде индивидуальной технологической составляющей или комплексного инструментария системы стратегического управления промышленного производства на локальном и отраслевом уровнях.

Определение понятия «стратегия» рядом авторов в экономической литературе посредством таких логико-вербальных характеристик, как: целевая направленность, постановка задач для решения в рамках объекта стратегического управления и технология рационализации распределения и использования ресурсов [3]; устанавливаемые правила для рационализации деятельности социально-экономической системы, оценки и достижения ее экономических результатов в долгосрочном периоде [2]; совокупность курсов, предпринимаемых мер и действий менеджментом объекта стратегического управления в соответствии с изменениями состояния внешней и внутренней сред [3], на наш взгляд, нуждается в уточнении и конкретизации функционального назначения стратегии.

Сложившийся набор определений понятия «стратегия» является следствием существенных изменений влияния инновационных, экономических, финансовых, социальных факторов на текущее функционирование и перспективное развитие локальных, отраслевых и в целом народнохозяйственных социально-экономических систем. При этом перспективное развитие локальной или отраслевой социально-экономической системы, ранее связывающееся с экстраполяционными тенденциями, переносом экономических результатов, эффективности производства продукции, процесса оказания услуг, тесно взаимоувязывается со стратегическим управлением и планированием, выступающими доминирующими комплексными технологическими инструментариями, определяющими и реализующими целевую ориентацию социально-экономических систем на достижение экономических и финансовых результатов в условиях ожидаемой нестабильности внешней среды или наступивших последствий влияния ее негативных факторов на деятельность субъекта хозяйствования или отраслевой составляющей (экономического вида деятельности производственной или социальной сферы народного хозяйства).

Поэтому в этих условиях представление о стратегии как об устанавливаемой менеджментом цели или курса действий социально-экономической системы, объема, необходимых для текущей деятельности и перспективного развития, существенно отличается от целевых установок менеджмента перспективного планирования и управления, адекватных по количественным и качественным характеристикам тенденциям изменений экономических, финансовых результатов, эффективности производства ретроспективного периода функционирования локальной или отраслевой социально-экономической системы.

Однако реализация долгосрочных целей и задач субъекта хозяйствования, соблюдение рационального распределения ресурсов в процессе производственно-хозяйственной деятельности присущи всем видам управления.

Поэтому попытка несколько приблизить сущность стратегии к реальному взаимодействию локальной социально-экономической системы и внешней среды посредством составления и соблюдения правил, рационализирующих взаимодействие ее элементов для оценки и достижения поставленных экономических результатов в долгосрочном периоде, как нам представляется, в содержательной и логико-вербальной форме, хотя и в неполной мере, но на необходимом уровне отражения функционального назначения стратегии, соответствует достоверности его раскрытия.

Трактование и использование формулируемой стратегии долгосрочного развития социально-экономической системы как совокупности определяемых менеджментом курсов, предпринимаемых мер и действий в условиях наиболее вероятных изменений состояния макросреды экономического, финансового, инновационного характера, в соответствии с нашими представлениями, лишены технологической основы осуществления менеджментом противодействий влиянию негативных факторов внешней среды, так как предпринимаемые меры должны реализовываться в рамках устанавливаемых технологических правил и процедур стратегической ориентации предприятия, отрасли, промышленного комплекса на достижение максимально возможных экономических и финансовых результатов, эффективности производства в условиях нестабильного состояния макросреды. При этом в формулируемом трактовании понятия «стратегия» отсутствует конкретизация ее функционального назначения и технологических процедур осуществления.

Другие авторы, определяя функциональное назначение понятия «стратегия» исходя из характера предпринимательской деятельности, которой присущи азарт и риск [1], наделяют стратегию свойством осуществления необходимых

действий для достижения поставленных перед социально-экономической системой целей посредством координации и распределения её ресурсов. В общем виде обобщающая модель действий менеджмента для достижения поставленных целей может быть присуща любому виду управления, включая и стратегический менеджмент, поскольку количественные и качественные характеристики поставленной цели социально-экономической системы в долгосрочном периоде могут быть достигнуты только на основе конкретных мер и действий менеджмента. Но конкретизированный характер определения понятия «стратегия», её функционирования, назначения в текущей деятельности и перспективном развитии предприятия, отраслевой составляющей промышленного производства в данном определении, на наш взгляд, отсутствует.

Функциональное назначение стратегии социально-экономической системы промышленного комплекса состоит в реализации комплекса мер и действий менеджмента локальной или отраслевой социально-экономической системы для достижения количественных и качественных характеристик экономических, финансовых результатов и эффективности производства, поставленных менеджментом в долгосрочном периоде развития на сбалансированной основе с ресурсным потенциалом в рамках технологических процедур стратегического управления, нивелирующих и нейтрализующих влияния негативных факторов внешней среды.

В соответствии с функциональным назначением формулирование понятия «стратегия» применительно к долгосрочному развитию локальной или отраслевой социально-экономической системы промышленного производства может быть представлено в таком логико-вербальном виде, как «стратегия текущего функционирования и долгосрочного развития социально-экономической системы промышленного комплекса, представляющая собой в функциональном назначении и целевой ориентации совокупность предпринимаемых мер, действий, методов и способов по достижению максимально возможных экономических и финансовых результатов в условиях неустойчивого состояния макросреды.

Таким образом, стратегия как понятие, применяемое в деятельности локальных и отраслевых составляющих промышленного комплекса, может иметь различные элементные взаимодействия функциональной направленности и целевой ориентации, зависящие не только от складывающихся условий перспективного развития объекта стратегического управления, их трансформации на экономической, финансовой и инновационной основе, но и от понимания менеджментом их функционального назначения, например, такого функционального представления стратегии, как вид организационной проделки с тем, чтобы перехитрить конкурентные [2]. Но основой адекватности функционального определения стратегии долгосрочного развития локальной или отраслевой составляющей промышленного комплекса с реальным социально-экономическим развитием и обеспечением достижения целевых установок экономической результативности и эффективности промышленного производства могут выступать формулируемые стратегии, содержащие комплекс разрабатываемых и реализуемых экономических, финансовых, инновационных, социальных, маркетинговых и структурно-организационных мер и действий менеджмента для достижения планируемого экономического, финансового результата в условиях влияния негативных факторов макросреды в неопределенном времени.

Однако раскрытие понятия «стратегия» в процессе критического и сравнительного анализов точек зрения ведущих отечественных и зарубежных экономистов, в свою очередь, требует установления индивидуальности или технологической комплексности применения стратегии производственно-хозяйственной деятельности локальных и отраслевых составляющих промышленного комплекса.

На наш взгляд, индивидуальность характера использования стратегии в текущей деятельности и долгосрочном развитии локальных и отраслевых составляющих промышленного комплекса заключается в решении частной проблемы содействия или повышения темпов экономического роста как в период отсутствия существенных изменений состояния внешней среды, так и в условиях наступившего или ожидаемого влияния негативных факторов внешней среды. Такой, например, стратегией индивидуального применения выступает функциональная (частная) стратегия оперативного реагирования на изменения конъюнктуры рынка и в целом внешней среды, позволяющей внедрить на рынке новый вид продукции, услуги в такой короткий временной период, который в условиях опережения конкурентов по производству однородных видов продукции позволяет повысить динамику роста объемов производства, эффективности используемых ресурсов субъектов хозяйствования и отраслей промышленного комплекса. При этом индивидуальная (функциональная, частная) стратегия не может представлять общую стратегическую целевую ориентацию локальных или отраслевых составляющих промышленного комплекса на достижение максимально возможного экономического, финансового результата, эффективности производства продукции, оказания услуг, так как решает одну из задач использования потенциальной возможности поддержания или повышения темпов экономического роста.

В этой связи следует отметить, что необходимо соединение индивидуальных стратегий в комплексное единство противодействия негативным влияниям факторов макросреды и влияния по определенному для каждой из стратегий направлению на достижение экономического результата, эффективности стратегии развития локальной или отраслевой социально-экономической системы промышленного производства, учитывающей ресурсообеспеченную возможность достижения максимально возможного экономического, финансового результата, эффективности промышленного производства. Необходимо формирование стратегии обобщающей ориентации на обеспечение достижения устанавливаемого менеджментом экономического, финансового результата. Обобщающая (базовая, корпоративная) стратегия долгосрочного развития, хотя и представляет собой комплексный инструментальный противодействия влиянию негативных факторов макро-, мезо-, микросред, но не решает общей проблемы технологического увязывания элементов и процедур целевой ориентации на достижение высоких экономических и иных результатов, устанавливаемых менеджментом локальной или отраслевой составляющей промышленного комплекса в системе стратегического управления. Поэтому такие наиболее активные инструменты целевой ориентации в системе стратегического управления долгосрочным развитием социально-экономической системы, как частные и обобщающие стратегии, в свою очередь, должны быть объединены с элементным взаимодействием системы стратегического управления технологического и ресурсного характера.

Литература

1. Мескон М.Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. М.: Вильямс, 2008.
2. Стратегический менеджмент / под ред. А.Н. Петрова. СПб.: Питер, 2008.
3. Томпсон А.А., Стрикленд А.Дж. Стратегический менеджмент. Искусство разработки и реализации стратегии: учебник для вузов. М.: Банки и биржи; ЮНИТИ, 1998.

УДК 332.14:377

В.М. ЩЕРБИНА, Э.Н. КРОЛИВЕЦКИЙ

**ПЛАНОВО-РАСЧЕТНЫЕ ОБОСНОВАНИЯ
ДОЛГОСРОЧНОГО РАЗВИТИЯ
СИСТЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Ключевые слова: планирование, профессиональные учебные заведения, образовательный процесс.

Раскрываются проблемы планово-расчетного обоснования протекания образовательного процесса в долгосрочном периоде времени.

**V.M. SHCHERBINA, E.N. KROLIVETSKY
ACCORDING TO PLAN-SETTLEMENT SUBSTANTIATIONS
OF LONG-TERM DEVELOPMENT OF SYSTEM OF VOCATIONAL TRAINING**

Key words: planning, professional educational institutions, educational process.

In article problems of an according to plan-settlement substantiation of course of educational process in the long-term period of time reveal.

Роль текущего планирования деятельности и стратегического развития профессионального учебного заведения при проведении комплекса предпринимательских мер образовательного характера заключается в том, что полученные средства в первую очередь в плановом порядке направляются (а при недофинансировании средства полностью идут на цели поддержания образовательного процесса) на чистое инвестирование (вложение средств в основные фонды) или на обеспечение, развитие и совершенствование образовательного процесса, в том числе на оплату труда педагогического и обслуживающего персонала профессионального учебного заведения [1, 4].

Следует отметить также, что вложения финансовых средств в образовательный процесс профессионального учебного заведения, полученных от предпринимательских видов деятельности, налогами на прибыль не облагаются, так как в этом случае они предпринимательскими видами деятельности не считаются. Немаловажно также, что комплекс предпринимательских мер в процессе текущего, перспективного и стратегического планирования должен каждый раз в конкретной мере и в сложившихся условиях отвечать решению социальных, экономических и финансовых проблем государственного или муниципального учебного заведения. В данном случае это могут быть планово-расчетное пополнение средствами необходимых оборотных средств, увеличение размеров оплаты труда профессорско-преподавательского состава и иного персонала профессионального образовательного учреждения, обеспечение выплат стипендий обучающимся, погашение изношенной части основных фондов.

В настоящее время в системе профессионального образования не существует практики широкого применения обоснованного и в должной степени ресурсообеспеченного комплекса мер финансовой, экономической, организационной, инновационной, маркетинговой и иной направленности на текущий, среднесрочный и стратегический периоды времени развития учреждений регионального профессионального образования, позволивших бы в случае их конкретной реализации не надеяться профессиональному учебному заведению только на размер бюджетных поступлений из субъекта федерации или муниципального образования.

По крайней мере, планово-расчетные меры по достижению результативности в подготовке специалистов, рабочих и служащих квалифицированного труда должны решать социальные, экономические и финансовые задачи, связанные с весьма ответственным этапом ресурсного обеспечения образовательного процесса – этапом пополнения средств, поступивших из бюджетов

всех уровней для выплат денежных средств, стипендий обучающимся и заработной платы персоналу профессионального учебного заведения [2].

Второй этап планово-расчетного обеспечения протекания образовательного процесса в перспективном и стратегическом периодах времени, наряду с решением всех текущих проблем по оплате труда персонала системы профессионального образования, должен быть связан с решением таких важных проблем функционирования и развития профессиональных учебных заведений, как регулярная подача тепловой и электрической энергии, устойчивое водоснабжение, приобретение информационных и материально-технических составляющих обеспечения учебного процесса.

И, наконец, в качестве третьего, завершающего этапа решения задач на текущий, перспективный и стратегический периоды развития профессионального учебного заведения региона, в соответствии с представлениями автора, могут выступать предпринимательские и иные меры по дополнительной реализации образовательных и посреднических услуг, средства от которых в рациональной мере при соблюдении принципа минимизации издержек могли бы устранить возникающие проблемы своевременности и роста оплаты труда профессорско-преподавательского состава и иного персонала профессионального учебного заведения, инвестирования средств в основные фонды, особенно в их наиболее активную часть – в рабочее и обучающее оборудование, в электронно-вычислительные машины, измерительные и регулирующие приборы.

Отсутствие в настоящее время такого поэтапного перспективного планирования ресурсного обеспечения образовательного процесса, реального наполнения средствами ресурсопотребления профессионального образовательного учреждения региона, эпизодическое, подчас случайное, выполнение ряда мер предпринимательского характера приводят в планово-расчетной практике, в реальной образовательной и хозяйственной деятельности региональных учреждений профессионального образования к тому, что фактические расходы на оплату труда профессорско-преподавательского состава, иного персонала учреждений профессионального образования регионов за период с 2000 г. по 2010 г. включительно увеличились только на 3,5% [3, 5].

Так, например, сравнение отчетных данных по труду с материалами годового бухгалтерского отчета по исполнению сметы расходов по бюджету свидетельствует о том, что оплата труда преподавателей начального профессионального образования Ленинградской области за счет внебюджетных источников составила в 2001 г. около 32% от размера оплаты труда за счет регионального бюджета. В прямой зависимости от планируемого размера оплаты труда в текущей и среднесрочной перспективе развития государственных учреждений начального профессионального образования Ленинградской области находится и уровень текучести педагогических кадров. Планово-расчетные обоснования автора и полученные им прогнозные оценки свидетельствуют о том, что коэффициент текучести кадров сохраняет свои ежегодные значения в размере 30%.

Без принятия значительных организационных, экономических и финансовых мер социально-экономического развития профессиональных образовательных учреждений региона, устраняющих, локализуящих или приостанавливающих негативные тенденции их финансово-инвестиционного, социально-экономического развития в планово-расчетных обоснованиях, на наш взгляд, невозможно, исходя из реальных ресурсных возможностей профессиональных учебных заведений, добиться рационализации структуры расхода на ресурсопотребление, выражающейся в росте оплаты труда, размеров выделения средств на коммунально-эксплуатационные расходы, на обслуживание зданий, учебных помещений.

Перспективное и стратегическое планирование социально-экономического развития учреждений профессионального образования в настоящее время стал-

кивается с негативной тенденцией роста кредиторской задолженности по ряду учреждений профессионального образования.

Без кардинальных решений в области финансирования профессиональных учебных заведений региона, повышения их уровня предпринимательской деятельности, стимулирования экономического роста как за счет внешних, так и внутренних источников, ресурсных потенциалов, их подключения на стадии принятия текущих и стратегических плановых решений по локализации негативных тенденций, их устранению в части снижающейся доли пополнения и обновления основных фондов уровень изношенности наиболее активной их части, в соответствии с действующими тенденциями по учреждениям профессионального образования, будет повышаться.

Роль плановых мер воздействия в процессе рационализации образовательной, хозяйственной текущей деятельности и развития учреждений профессионального образования Ленинградской области и Санкт-Петербурга в 2002-2010 гг. заключалась в том, что планирование как функция управления выступало наиболее действенным инструментарием принятия финансово-инвестиционных, экономических, структурно-организационных, социальных, инновационных и иных мер, направленных на локализацию, устранение, нейтрализацию действующих, предупреждение возникающих влияний внешней и внутренней сред в процессе достижения региональным учреждением профессионального образования экономического, финансового, учебно-образовательного, стратегического ориентиров результативности развития.

Такого рода ориентир достигаемости конкретного результата в долгосрочном периоде времени должен ставиться в стратегических плановых обоснованиях развития профессионального образовательного учреждения, исходя из его целевого предназначения. Например, такое предназначение начального профессионального образования может быть выражено тем, что оно имеет целью подготовку работников квалифицированного труда. Кроме того, предназначение среднего профессионального образования имеет целью подготовку специалистов среднего звена, удовлетворение потребностей личности в углублении и расширении образования на базе общего, среднего общего или начального профессионального образования.

В то же время на основе принимаемых управленческих решений о реализации организационных возможностей, использовании ресурсных потенциалов, включая развитие предпринимательской активности в финансово-экономической деятельности региональных учреждений профессионального образования, интенсификации ресурсопотребления должны повышаться уровни качества и инновационности профессионального образования.

Литература

1. Кроливецкий Э.Н. Система планирования деятельности хозяйствующих субъектов в сфере услуг: препринт. СПб.: Нестор, 2001.
2. Подшибякина Е.Н. Развитие начального профессионального образования в среднесрочной перспективе. СПб.: Проф-Инфо, 2001.
3. Российский статистический ежегодник, 2010. М.: Госкомстат России, 2010.
4. Федоров Н.В. Система стратегического планирования и прогнозирования социально-экономического развития регионов Российской Федерации. СПб.: СПбГУЭФ, 2002.
5. Geuna A. The internationalisation of European universities: a return to medieval toots // *Minerva*. 1998. Vol. 36, № 3. P. 263-270.

ЩЕРБИНА ВАЛЕРИЙ МИХАЙЛОВИЧ – кандидат экономических наук, доцент, Балтийский государственный технический университет («Военмех»), Россия, Санкт-Петербург (vm@optspb.ru).

SHCHERBINA VALERIY MIKHAYLOVICH – candidate of economics sciences, associate professor, Baltic State Technical University («Voennmeh»), Russia, St. Petersburg.

КРОЛИВЕЦКИЙ ЭДУАРД НИКОЛАЕВИЧ. См. с. 418.

УДК 332.145:377

В.М. ЩЕРБИНА

**СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫМ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ ОБРАЗОВАНИЕМ**

Ключевые слова: стратегическая направленность, профессиональные учебные заведения.

Определены стратегические направления развития управления профессиональным образованием, способствующие реформированию системы управления образовательным процессом.

V.M. SHCHERBINA

**STRATEGIC DIRECTIONS OF SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT
OF MANAGEMENT OF REGIONAL VOCATIONAL TRAINING**

Key words: strategic orientation, professional educational institutions.

In article strategic directions of development of management by the vocational training, control systems promoting reforming of educational process are defined.

Стратегические направления развития управления системой профессионального образования должны учитывать не только получившую в настоящее время широкое распространение тенденцию расширения экономической и финансовой самостоятельности, учебно-методической и интеллектуально-творческой инициативы учреждений профессионального образования региона, но и структурное реформирование системы управления образовательным процессом профессиональных учебных заведений.

Поэтому с целью расширения сети действующих органов самоуправления в виде общественных советов, постоянно действующих семинаров, инспекций по контролю образовательной и хозяйственной деятельности учреждений профессионального образования в состав автономных и самоуправляющихся некоммерческих организаций для системного принятия комплексных мер следовало бы включить некоммерческую общественную организацию ассоциативного типа, основным содержанием и целевой направленностью деятельности которой выступало бы неукоснительное соблюдение ее членами – организационно-правовыми структурами (учреждениями профессионального образования) – закона «Об образовании», уставов образовательных учреждений, образовательных программ и стандартов, культурно-этических и нравственных норм в процессе реализации образовательных и иных услуг, продукции учреждений профессионального образования [1, 3].

Элементом стратегической направленности рационального развития системы учреждений профессионального образования, по нашему мнению, может выступать и непосредственно сам учебно-образовательный процесс, содержательная и структурно-организационная часть которого должна представлять единство взаимосвязи учебно-методической деятельности профессорско-преподавательского состава, педагогов, повышения их квалификации и переподготовки с требованиями установления такой оплаты труда, которая соответствовала бы их уровням квалификации.

В настоящее время основными элементами установления указанной взаимосвязи размеров оплаты труда и наличия соответствующего уровня квалификации преподавателя профессионального учебного заведения выступают его базовое образование и стаж учебно-педагогической работы.

Поэтому для более качественной оценки знаний и квалификации профессорско-преподавательского состава учреждений начального профессионального образования в действующие положения о стимулировании труда на пер-

спективный период времени необходимо внести параметры, объективно отражающие уровень квалификации преподавателя. Кроме того, указанная образовательная направленность стратегического развития системы профессионального образования должна учитывать также и те разряды профессорско-преподавательского состава, по которым до сих пор не установлены квалификационные категории [2, 5].

Стратегическая поступательность рационального развития всех видов профессионального образования, по мнению автора, в значительной степени зависит от объективизации и направленности применения мер экономического, финансового, организационного, инвестиционного, маркетингового и иного характера в рамках стратегического управления региональной системой профессионального образования. В этом случае важен учет не только образовательных, финансовых и экономических тенденций деятельности с их положительной и отрицательной результативностью социально-экономического развития системы регионального профессионального образования, но и комплекса формируемых мер различной направленности, необходимых для достижения планомерно обоснованной результативности. Это связано с тем, что принятие обоснованных управленческих решений, в соответствии с разработанными и реализуемыми стратегиями экономического, образовательного, учебно-методического, финансово-инвестиционного, структурно-организационного, маркетингового, социального, научно-инновационного характера, должно направлять профессиональные учебные заведения региона на планомерное, сбалансированное и рациональное достижение запланированных результатов развития в стратегическом периоде времени.

Эффективное развитие системы профессионального образования в долгосрочном периоде времени должно быть ориентировано как на последовательное осуществление комплекса мер различной направленности в соответствии с реализуемыми функциональными стратегиями управления учреждениями профессионального образования, так и на динамику количественного состава обучающихся с учетом региональной демографии, подготовки профессорско-преподавательского (учебно-педагогического) персонала, воспроизводства основных и оборотных фондов, ресурсных потенциалов, эффективности их использования в стратегическом, перспективном периодах времени, на постоянный анализ, мониторинг и соблюдение этапности достижения конкретной результативности образовательного, социального, финансового и экономического характера.

В этой связи следует отметить, что реализация финансовой стратегии развития системы учреждений профессионального образования должна базироваться на оптимальном варианте распределения денежных средств среди данных учреждений как из источников федерального, местного (регионального) бюджетов, так и за счет ведения предпринимательских видов деятельности – оказания дополнительных образовательных услуг, осуществления посреднической деятельности, производства и реализации конкретных видов продукции, соответствующей профилю каждого учебного заведения профессионального образования. В этом случае нормативно-правовое регулирование на федеральном и региональном уровнях должно предоставлять право профессиональному учебному заведению на добровольных началах по согласованию с органами управления профессиональным образованием определять и устанавливать коллективно-долевой статус учебно-образовательных организационно-правовых структур в форме хозяйственных обществ, товариществ, автономных и некоммерческих учреждений и организаций с доминирующим участием в уставном капитале или в учредительских взносах государственных и муниципальных средств.

Стратегическая направленность экономического развития системы учреждений профессионального образования должна, таким образом, определять оптимальную структуру привлечения средств как из федерального и местного бюджетов, так и из других (предпринимательских, спонсорских) источников покрытия текущих и капитальных затрат на осуществление образовательного процесса.

Поэтому конкретизация объемов финансирования образовательной и экономической деятельности учреждений профессионального образования, их структурная оптимизация по источникам, в соответствии с представлениями автора, должна способствовать повышению реальности многоуровневого и многоканального финансирования профессиональных образовательных учреждений.

Наряду с этим экономическое развитие региональных учреждений профессионального образования, имеющих государственную лицензию на образовательную деятельность, в долгосрочном периоде времени может быть более результативным и интенсифицированным за счет полного или частичного освобождения образовательных видов деятельности от взимания налогов и сборов, а также на основе предоставления налоговых льгот инвесторам рынка образовательных услуг, развития договорных отношений с потребителями дополнительных образовательных услуг, привлечения средств родителей обучающихся, введения платного обучения за рамками государственных образовательных стандартов.

Реализация стратегических направлений создания необходимого объема финансовых ресурсов для системы регионального профессионального образования из средств федерального, регионального и местного бюджетов, а также за счет благотворительной и спонсорской финансовой помощи, по нашему мнению, предоставит реальную возможность органам управления образовательным процессом финансировать приоритетные, социально и экономически значимые инвестиционные образовательные проекты, целевые программы, оказывать финансовую поддержку наиболее нуждающимся профессиональным образовательным учреждениям региона.

Перспективное и стратегическое социально-экономическое развитие учреждений профессионального образования в концептуальной общности решения образовательных, экономических, финансовых, инвестиционных, маркетинговых и социальных проблем может быть высокорезультативным и минимизированным по затратам на ресурсопотребление в условиях введения обучения новым профессиям, отражающих перспективные потребности государства, региона, роста качественных показателей, характеризующих уровни (результаты) профессионального обучения на каждой из его ступеней, создания учебно-методической, финансово-инвестиционной и экономической базы для непрерывного многоуровневого профессионального образования, применения методов оптимизации расходования средств на различные формы и этапы обучения на основе нормативного и персонализированного финансового и иного ресурсного обеспечения учреждений профессионального образования региона, интенсивной и регулярной подготовки педагогических кадров, повышения качества учебно-методического обеспечения [4].

Стратегическая направленность развития профессиональных учебных заведений, в полной мере обеспечивающая достижение необходимой результативности образовательного, финансового и экономического характера, должна быть в рамках нормативно-правового регламентирования выражена на федеральном уровне в законодательных актах по реформированию профессионального образования, в своем содержании и направленности отражающих разработку, внедрение и соблюдение выполнения государственных образовательных стандартов с новой профессионально-квалификационной структурой вариативного характера на профессиональном, общепрофессиональном и специальном уровнях

подготовки обучающихся, а также повышения квалификации педагогических работников, возможные изменения форм собственности учреждений профессионального образования, деление собственности образовательных учреждений на федеральную, региональную (собственность субъектов Российской Федерации), муниципальную, коллективно-долевую (собственность хозяйственного общества, товарищества), от которых зависят каналы и объемы финансирования, а также экономическое развитие.

Литература

1. Закон Российской Федерации «Об образовании» от 13 января 1996 г. СПб.: АО ГИППОКРАТ, 1996.
2. Корчагин Е.А. Научное обеспечение стандартизации профессиональной подготовки. Казань: Изд-во КГТУ, 2000.
3. Образование в России. 2008: стат. сб. / Госкомстат России. М., 2008.
4. Федоров Н.В. Российская экономика: пути ее трансформации. М.: Вуз и школа, 2002.
5. Hare P., Lugachev M. Higher education in transition to a market economy: two case studies // Europe-Asia studies. 1999. Vol. 51, № 1. P. 101-122.

ЩЕРБИНА ВАЛЕРИЙ МИХАЙЛОВИЧ. См. с. 528.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Вестник Чувашского университета» просит авторов руководствоваться нижеприведенными правилами.

1. Авторские оригиналы представляются на бумажном и электронном носителях. Авторский текстовый оригинал должен быть пронумерован и подписан авторами на титульном листе с указанием даты.

2. К статьям, направляемым в редакцию, прилагаются:

- 1) *заявление автора на имя главного редактора;*
- 2) *две внешние рецензии;*
- 3) *ходатайство научного руководителя;*
- 4) *лицензионный договор в двух экземплярах;*
- 5) *акт экспертизы (для технических специальностей).*

3. Авторы должны указать рубрику, в которой следует поместить статью.

4. **Оформление статьи:**

- 1) *классификационные индексы Универсальной десятичной классификации (УДК), Библиотечно-библиографического классификатора (ББК);*
- 2) *инициалы и фамилия авторов;*
- 3) *название статьи;*
- 4) *ключевые слова;*
- 5) *аннотация статьи;*
- 6) *название статьи, инициалы и фамилия автора на английском языке;*
- 7) *ключевые слова на английском языке;*
- 8) *аннотация на английском языке;*
- 9) *текст статьи;*
- 10) *примечательный библиографический список;*
- 11) *сведения об авторе.*

Авторские оригиналы подготавливаются с помощью компьютера в среде Microsoft Word (файлы типа doc). Формат бумаги А4, поля: справа и слева 4 см, сверху 4,5 см, снизу 5,7 см, от края до верхнего колонтитула 3 см, красная строка 0,75 см. Текст статьи набирается шрифтом Times New Roman размера 11 пт через 1 интервал.

Текст статьи представляется в двух экземплярах с приложением файла в электронном виде.

5. **Рисунки.** Количество рисунков не более 4. На рисунки должны быть ссылки. Рисунки должны быть внедрены в режиме Вставка Объект Рисунок Microsoft Word. Подрисовочные подписи выполняются шрифтом размера 9 пт.

6. **Формулы и буквенные обозначения по тексту.** Формулы набираются в редакторе формул Microsoft Equation. Шрифт для греческих букв – Symbol, для всех остальных – Times New Roman, основной размер 11 пт, крупный индекс 7 пт, мелкий 5 пт.

Латинские буквы набираются курсивом, буквы греческого алфавита и кириллицы – прямым шрифтом, обозначения матриц, векторов, операторов – прямым полужирным шрифтом.

Формулы располагаются по центру страницы. Номер формулы ставится у правого края. Нумеруются лишь те формулы, на которые имеются ссылки.

При выборе единиц физических величин рекомендуется придерживаться международной системы единиц СИ.

7. **Таблицы.** Текст в таблицах набирается шрифтом размером 9 пт, заголовок выделяется полужирным шрифтом. На таблицы должны быть ссылки.

8. **Список литературы.** Список строится по алфавиту, записи рекомендуется располагать сначала на языке издания, в которое включен список, затем на других языках. Источники набираются шрифтом Times New Roman размера 9 пт. При оформлении списка литературы необходимо руководствоваться ГОСТом 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание».

Ссылки на источники в тексте даются в квадратных скобках, например [1], [1. С. 5].

9. **Сведения об авторах** набираются полужирным шрифтом размера 10 пт **на русском и английском языках в именительном падеже** по следующей форме: *Фамилия, имя, отчество – ученая степень, должность, место работы. Страна. Город. Контактная информация (e-mail).*

10. Статьи, оформленные без соблюдения этих правил, возвращаются без рассмотрения. Возвращение рукописи автору на доработку не означает, что статья принята к печати. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлегией. Доработанный текст автор должен вернуть вместе с первоначальным экземпляром статьи, а также ответами на все замечания. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

11. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Акшиков А.Г. Некоторые черты быта земских интеллигентов Марийского края второй половины XIX века	3
Акшиков А.Г. Складывание системы оплаты труда земских учителей Уржумского уезда Вятской губернии во второй половине XIX века	8
Богомолов С.А. Концептуальные основы развития Канады в Британской империи в последней трети XIX века	12
Бурдин Е.А. Проблема влияния гидростроительства на социально-экономическую сферу Поволжья....	18
Бушуев А.С. Криминальная активность молодежи г. Набережные Челны в 1985-2005 годах	27
Вязовская Т.Н. Социальное самочувствие пенсионеров в условиях пенсионной реформы 1990-2000-х годов	31
Галкин А.Г. Альтернативы судебной реформы 1864 года в оценках «образованной публики» 1860-1900-х годов	33
Гончарова С.В. Члены коммунистической партии в системе органов управления народным хозяйством Чувашии в 1920-е годы	37
Жулин С.П. Эволюция системы страховой медицины Российской Федерации в 1998-2004 годах	40
Зеленев Ю.А., Филиппова Е.Е. Гонимый горн города Мохши (по результатам исследований 1989-1990 гг.)	44
Капранов А.В. Чебоксарский уездный исполнительный комитет в 1920-1927 годах: закономерности развития и структурные изменения	52
Капустин П.И. К вопросу о первоочередных задачах восстановления экономики Краснодарского края в 1943-1945 гг.	59
Лебедева А.А. Перестройка и формирование предпосылок для возрождения предпринимательства в России.....	62
Масюков Н.А. Приоритеты советской аграрной политики и их влияние на социокультурный облик кубанского казачества и крестьянства (1918-1943 гг.).....	65
Мясников Н.С. Современное состояние изучения археологических памятников I-VIII вв. н.э. в Чувашском Поволжье: итоги и перспективы.....	69
Напалкова И.Г. Административные реформы управления национальными окраинами Российской империи (в XIX – начале XX вв.).....	77
Петрянкина А.П. Система управления учебными заведениями Чувашского края в условиях реализации образовательной реформы 1864 года	82

Рыбалка В.И.

Государственная и кооперативная торговля в сельской местности Марийской АССР
в 40-70-е годы XX века 90

Семенова Т.В.

Святочные обряды и развлечения чувашей в современном быту 93

Сергеева Е.В.

Особенности национальной кухни низовых чувашей
(на материалах экспедиций 2008-2009 гг.) 97

Топорков В.М.

К истокам афганской политики США в годы советского военного присутствия
в Афганистане 102

Чуксина А.А.

Самоуправление на современном этапе в Чувашской Республике 111

Шигурова Т.А.

Одежда в родильном ритуале мордвы 117

Широкова Е.И.

К постановке вопроса истории делопроизводства в государственных учреждениях
и ведомствах Коми автономной области (1930-е годы) 122

Широкова М.А.

Анализ источниковой базы темы сельской интеллигенции Чувашии
в годы Великой Отечественной войны
(по фондам государственного исторического архива ЧР) 126

Ялтаев Д.А.

Фискальные функции исполнительной полиции Казанской губернии в 60-70-х годах XIX века 131

ФИЛОСОФИЯ**Курсанова О.В.**

Справедливость и право в этических взглядах И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля 137

Слесаренко З.Р.

Эмпатия как условие культуротворческой активности человека 143

Степанов А.Г.

Проблема исследовательского выбора
в системе социально-исторической эпистемологии: содержание и результаты 147

Федоров Г.С.

Моральный утилитаризм и политика 153

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ**Городнова О.Н.**

Понимание и реализация права на необходимую оборону 159

Лещенко В.Г.

Диалектика развития религиозного воздействия на осужденных
к лишению свободы в российском государстве 165

Подгрушный М.А.

О совершенствовании диспозиции статьи 291-1 УК РФ 171

СОЦИОЛОГИЯ**Карамельский Р.В.**

Проблемы измерения социального самочувствия 178

Карамельский Р.В.

Институциональный и функциональный подходы к анализу объективных
и субъективных факторов социального самочувствия студенчества 182

ПЕДАГОГИКА**Вержибок Г.В., Кириллова О.В.**

Гендерная идентификация в семье: преемственность и связь поколений 188

Гаврилова И.А., Митин С.Н. Модель формирования организационной культуры студенческого строительного отряда.....	195
Горбунов В.И. Совершенствование процессуальных сторон высшего технического образования при переходе на новые стандарты	199
Драндров Г.Л., Краснов Ю.И., Фаттахов Р.В. Обучение юных футболистов групповым тактическим действиям на основе формирования их обобщенной ориентировочной основы.....	205
Игорева Э.Н., Кириллова О.В. Проблема освоения в светской школе знаний о религии.....	212
Михайлова Э.В. Проблема преемственности дизайнерской подготовки учащихся на всех ступенях обучения в средней общеобразовательной школе	218
Сергеева О.Н. Формирование психофизической готовности будущих специалистов по организации и безопасности движения к профессиональной деятельности средствами физической культуры и спорта	225
Терехова О.П. Народные праздники и обряды и их роль в нравственно-экологическом воспитании подростающего поколения	231

ЛИНГВИСТИКА

Геворкян И.А. Современное философско-когнитивное направление в исследовании метафоры	238
Ерина Т.Н. Чувашские наименования в русской очерковой литературе.....	245
Захарова Е.А. Семантико-стилистические особенности создания художественного образа в поэзии Роберта Рождественского	249
Изосимова И.В. К проблемам эмотивного значения слова	255
Исаев Ю.Н. Этимология и мифологическое значение слова <i>уртăш</i> «можжевелик» в чувашском и в некоторых тюркских языках	257
Исаев Ю.Н. Морфемная структура слов со значением «лес» в уральских языках.....	260
Канашина Н.Н. Квантитативный компонент в семантике диминутивов в русском, немецком, марийском и чувашском языках.....	263
Карпеева О.Я., Петрова О.А. Причинно-следственные отношения в пословицах. Антропоцентрический аспект (на материале русских пословиц)	268
Корнилов Г.Е. Топонимия республик Поволжья (Башкортостан, Коми, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртия, Чувашия) – XXVI: А-анлаутные географические названия.....	271
Маклакова Е.М. Отражение многогранности внешности, поведения и характера человека в энтомологической фразеологии английского, французского и русского языков.....	274
Прокопьева О.В. Структура псевдонимов	278
Рец Н.И., Губанов А.Р. Категории «аргументация» и «принятие решений» в языках разных структур	280
Сироткина Т.А. Образ человека этнического в региональной картине мира	284
Скворцова И.В., Губанов А.Р., Губанова Г.Ф. Синкретичность как дифференциальный признак конструкций с зависимым таксисом (на материале русского и чувашского языков).....	286

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Баранова Н.С. Анекдот как форма изображения исторических событий и персоналий в произведениях Н.С. Лескова	291
Бояринова Г.Н. Типология конфликта и характера в драматургии К. Коршунова	294
Дементьева К.В. Воздействие региональной прессы на общественное мнение	299
Ермакова Г.А. Функции бинарных оппозиций в поэме П. Хузангая «Песни Тилли»	303
Иванова А.М., Фомин Э.В. О полевой структуре старочувашской книги	309
Макушева О.В. Отражение социальной психологии купечества в романах Д.И. Стахеева второй половины XIX века	312
Насибуллина Н.Ш. Мотивы гражданственности в поэзии Роберта Миннуллина	317
Сарбаш Л.Н. «Инонациональное» в творчестве П.И. Мельникова-Печерского	320
Тихонов О.Н. Этническая тематика на страницах российских и региональных СМИ	328
Ханнанова Г.М. К истории переводов поэзии Хафиза Ширази на татарский язык в начале XX века	332

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Музафарова А.Р. Актерское искусство Рината Тазетдинова	336

ЭКОНОМИКА

Алексеев М.Ю. НИОКР и инновационное развитие страны	341
Бейсенбаев А.А. Механизмы долгосрочного развития регионов Республики Казахстан	345
Бобин Д.В., Никитин В.В. Энергоэффективность региональных социально-экономических систем	349
Борзов С.В. Финансирование как начальная стадия кругооборота ресурсов, доходов и услуг в системе высшего образования	355
Воскресенская Н.В., Львова М.В. Институциональный подход в бухгалтерском учете	359
Гусева Н.М. Современные мировые тенденции развития государственного финансового контроля	362
Данилов И.П., Денисов В.И., Тарасов В.Т. Формирование экономического потенциала основных фондов региона в условиях инновационного развития	371
Данилов И.П., Никитин В.В., Краснов А.Г. Методика оценки и анализа социально-экономического потенциала региона	382
Егорова С.Б. Проблемы становления отечественной инновационной экономики	390
Ефремов Л.Г., Денисов С.Г., Петрова Г.Д. Региональная специфика и механизмы управления малым бизнесом	394
Ефремов Л.Г., Денисов С.Г., Петрова Г.Д. Региональный аспект малого бизнеса	399
Жилякова Е.В., Ларин С.Н. Новые подходы к оценке результативности научных исследований и совершенствованию механизмов финансирования инициативных исследовательских проектов	402

Иванова И.В.

Стратегический анализ как инструмент влияния на планируемые к достижению экономические результаты отраслевых составляющих..... 411

Иванова И.В., Кроливецкий Э.Н.

Стратегический анализ внешней и внутренней сред субъектов хозяйствования..... 415

Исаева М.А.

Законодательные условия формирования целевого капитала некоммерческих организаций России и США: сравнительный анализ..... 419

Кабанов А.А.

Критерий эффективности регионального производства 424

Карягин Л.А.

К вопросу о роли села в инновационном развитии России..... 428

Кроливецкий Э.Н., Селиванов Д.В.

Обобщающая и частные стратегии инновационного и инвестиционного развития высокотехнологического производства 433

Кроливецкий Э.Н., Шихамедов Р.Э.

Влияние технологических элементов системы стратегического управления на экономический, финансовый результаты отраслевых составляющих промышленного комплекса..... 437

Кузнецова Э.Г.

Источники пополнения продовольственных ресурсов страны..... 440

Максютина Е.В.

Экономическая эффективность инвестиций в человеческий капитал в современных условиях 443

Митюгина М.М.

Анализ экологических компонент качества жизни населения Чувашской Республики 448

Мухлыгин И.Ю.

Инновационные энергосберегающие технологии в сфере жилищно-коммунального хозяйства..... 454

Назаров А.А., Никитин В.В.

Имитационная модель для оценки модернизационной политики социально-экономического развития региона..... 457

Ольнев О.К.

Организационно-экономический механизм системы стратегического управления инвестированием в новшества 462

Салтанова С.П., Смирнов В.В.

Познание сущности рынка труда 466

Селиванов Д.В.

Стратегия как технологический элемент системы стратегического управления инновационным и инвестиционным развитием высокотехнологического производства..... 470

Семенов В.Л.

Теоретические аспекты качества как экономической категории..... 474

Смирнов В.В.

Теоретические аспекты конкуренции, конкурентных преимуществ и конкурентоспособности.. 480

Суслов С.А.

Оптимальные размеры посевных площадей в условиях многоукладной экономики 487

Толстова М.Л.

Системообразующие принципы формирования и реализации региональной финансовой стратегии 492

Трифонов Е.М.

Оценка экономической концентрации на рынке лизинговых услуг..... 495

Тумаланов Н.В.

Воздействие отраслевых особенностей рынков инновационных товаров на конкурентные отношения..... 501

Федоров В.Г.

Законы земледелия, организаций и рыночной экономики и региональные аспекты обеспечения баланса спроса и предложения на продукцию сельского хозяйства 506

Федотов В.Х.

Нечеткое управление региональными экономическими системами 509

Цветкова Г.С.	
Диалектика формализованных и неформализованных институтов	517
Шахмедов Р.Э.	
Сущность и роль стратегии в достижении экономического результата отраслевой составляющей промышленного производства	522
Щербина В.М., Кроливецкий Э.Н.	
Планово-расчетные обоснования долгосрочного развития системы профессионального образования	526
Щербина В.М.	
Стратегические направления социально-экономического развития управления региональным профессиональным образованием	529
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	533

ВЕСТНИК ЧУВАШСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Гуманитарные науки
№ 4 2011

Редактор ***Н.И. Завгородняя***
Технический редактор ***О.Н. Павлова***
Компьютерная верстка ***Н.Н. Ивановой***

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-35686 от 19.03.09 г.

Сдано в набор 03.10.11. Подписано в печать 20.12.11. Формат 70×100/16.
Бумага писчая. Гарнитура Arial. Печать офсетная. Усл. печ. л. 43,5. Уч.-изд. л. 50,7
Тираж 500 экз. Заказ № 790. Свободная цена.

428015, Чебоксары, Московский просп., 15
Типография Чувашского университета